АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

РЕДАКЦИЯ
П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ (ГЛАВ. РЕД.),
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН и С. А. МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 4 · 8

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ

ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

55

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 4 · 8

ОТ РЕДАКЦИИ

Исполнившееся 7 июня 1948 года столетие со дня смерти Белинского «Литературное Наследство» отмечает выпуском в свет двух специальных томов своего издания (№№ 55 и 56), посвященных великому литературному критику и революционному демократу, имя которого товарищ Сталин назвал в числе выдающихся деятелей, наиболее полно выражающих величие русской нации.

В основных своих чертах двухтомник построен по тому типу, который определился в выпущенных ранее тематических томах «Литературного Наследства» и который характеризуется сочетанием работ историко-литературного и теоретического характера с разнообразными публикациями новых архивно-документальных материалов.

Выявить с позиций марксистско-ленинского литературоведения историческую роль Белинского в прогрессивном идейном наследии русской национальной и мировой культуры и определить живое, творческое значение его великой мысли для нашей эпохи, для нашего социалистического общества и его борьбы за коммунизм — такова общая задача вступительных работ статейного раздела первого тома.

Научной разработке этой задачи в ее различных аспектах посвящены статьи: И. Сергиевского «Борьба за наследие Белинского», Д. Заславского «К вопросу о политическом завещании Белинского», А. Лаврецкого «Мировое значение критики Белинского» и Б. Бурсова «Плеханов и Белинский».

Остальные публикации статейного раздела первого тома посвящены разработке отдельных узловых проблем историко-литературного и теоретико-литературного изучения Белинского. Здесь печатаются статьи и исследования: М. Азадовского «Белинский и русская народная поэзия», П. Беркова «Белинский и классицизм», Л. Гинзбург «Белинский в борьбе с романтическим идеализмом», Б. Мейлаха «Белинский о Пушкине», Н. Мордовченко «Белинский в борьбе за натуральную школу» и Г. Фридлендера «О теоретико-литературных работах Белинского».

Документальный раздел первого тома — «Из литературного наследия Белинского» — занят в основном публикациями вновь открытых литературно-критических текстов Белинского. Здесь печатается 25 ранее не известных статей, рецензий и заметок критика (публикации К. Богаевской, В. Жирмунского, Ю. Масанова, С. Машинского, Н. Мордовченко, Э. Найдича, М. Полякова, Н. Соколова и В. Спиридонова).

Хронологически публикуемые материалы охватывают почти весь период литературной деятельности Белинского, от студенческого сочинения 1829 года до полемической статьи в «Отечественных Записках» 1846 года. Одно из этих вновь открытых произведений критика печатается по его автографической рукописи («Рассуждение о воспитании»), тексты остальных извлечены из трех повременных изданий — «Молвы», «Литературной газеты» и «Отечественных Записок», где эти тексты были напечатаны анонимно. Принадлежность их Белинскому устанавливается впервые. В сопровождающих публикацию исследовательских комментариях подтверждается авторство Белинского в отношении еще одной рецензии, хотя и вошедшей в полное собрание сочинений критика, но лишь в порядке dubia. Два заключительных сообщения раздела посвящены критической проверке принадлежности Белинскому некоторых текстов, издавна включаемых в собрание его сочинений. Результаты этой проверки заставляют исключить из сочинений критика как не принадлежащие ему три рецензии и взять под сомнение еще три рецензии. Таким образом, публи-

кации данного раздела существенно продвигают вперед решение ответственной задачи установления подлинного объема литературного наследия Белинского.

Не менее важно и принципиальное значение публикуемых текстов для расширения наших представлений о литературной деятельности Белинского. Новые материалы вскрывают прежде всего ряд не известных до сих пор моментов в литературной биографии критика (более активное, чем это представлялось до сих пор, сотрудничество в «Литературной газете» 1841 года, появление статьи Белинского в майской книжке «Отечественных Записок» в 1846 году, т. е. уже спустя долгое время после разрыва критика с Краевским и ухода из журнала, и др.). Новые тексты дают, далее, дополнительный и в ряде случаев весьма яркий материал для изучения борьбы Белинского за передовое мировоззрение, за художественный реализм и подлинно исторический метод в разработке современных ему историко-литературных проблем (статьи и рецензии о Ф. Глинке, Н. Полевом, о «Живописном обозрении», «Северной Пчеле», «Пантеоне русского и всех европейских театров», «Москвитянине» и др.). В этих не известных доселе страницах Белинского мы находим ряд новых и замечательных характеристик, отзывов и замечаний критика, относящихся к литературной деятельности ряда крупнейших писателей как русских, так и иностранных (Карамзина, Лермонтова, Даниэля Дефо, Гете и др.).

Эпистолярный раздел первого тома содержит публикацию двух неизданных писем Белинского — к М. С. Куторге и П. Н. Кудрявцеву (здесь интересен резко отрицательный отзыв критика о шеллингианстве и вообще о немецкой идеалистической философии) и трех не известных доселе писем Грановского и Станкевича, адресованных Белинскому (публикации М. Барановской, Н. Мордовченко, В. Сорокина и Н. Эфрос).

Большую исследовательскую ценность представляют материалы последней публикации первого тома — полного описания книг личной библиотеки Белинского, купленной после смерти критика И. С. Тургеневым и ныне хранящейся в музее его имени в г. Орле. Описание это, выполненное Л. Ланским, сопровождается публикацией всех маргинальных надписей и пометок Белинского, представляющих в ряде случаев (например на книге Кс. Полевого о Ломоносове) самостоятельный и выдающийся научный интерес, а также исследовательским комментарием, устанавливающим место и роль той или иной книги в литературной деятельности критика.

Первый том завершается отделом, посвященным памяти недавно скончавшегося академика П. И. Лебедева-Полянского, директора Института литературы АН СССР и главного редактора «Литературного Наследства». Кроме некролога и автобиографии, здесь печатается оставшаяся незавершенной последняя работа П. И. Лебедева-Полянского, посвященная Белинскому, а также библиография трудов покойного ученого.

Обзор материалов второго тома, редакционная работа над которым полностью еще не завершена, естественно, носит предварительный характер. Основное содержание тома образуют многообразные документальные и текстологические публикации и сопровождающие их исследовательские работы.

Второй том открывается группой статей и публикаций, относящихся к изучению знаменитого зальцбруннского письма Белинского к Гоголю от 3 (15) июля 1847 года. Более 100 лет мы не располагали точным, критически установленным текстом этого выдающегося литературно-политического документа, который был признан Лениным «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати» (подлинник письма не сохранился). Главной задачей исследования и является установление научно проверенного текста этого замечательного памятника русской революционно-демократической мысли. Организованные редакцией «Литературного Наследства» специальные архивные разыскания позволили выявить и установить 13 копий зальцбруннского письма, что сильно расширило документальную базу его изучения (до сих пор было известно лишь три и притом малоавторитетных списка). Обследование всех списков прояснило их генеалогию, позволило выделить наиболее точные и полные из них и помогло подойти к определению редакции письма, наиболее близкой к утра-

ченному оригиналу. Такая редакция одного избранного списка печатается во втором томе с приведением необходимых мотивировок и вариантов всех остальных 12 списков и в сопровождении исследовательского комментария, изучающего общественно-политическую функцию документа — ту выдающуюся роль, которую сыграл он в истории развития передовой русской мысли и русской освободительной борьбы. Здесь же, в приложениях, С. Брейтбургом публикуются неизданные маргиналии Л. Н. Толстого на полях принадлежавшего ему отдельного издания «Письма Белинского к Гоголю».

Серию биографических публикаций открывает «Переписка Белинского с родными» (публикация А. Аскарянц и Н. Мордовченко). Публикуемая переписка охватывает первые пять лет московской жизни Белинского (с 1829 по 1835 г.), начиная с того времени, когда он приехал из Чембара в Москву для поступления в университет. Всего печатается 109 писем, в числе которых 41 письмо самого Белинского и 68 писем, полученных им от отца, матери, братьев Константина и Никанора и, наконец, от членов семьи Ивановых, находившейся в родстве с Белинскими. Переписка представляет собой органический цикл, характеризующий с большой яркостью ту общественную и бытовую среду, в которой вырос и из которой поднялся к вершинам мировой культуры Белинский. Одновременно переписка является источником, многообразно обогащающим наши сведения о первом пятилетии московской жизни Белинского. Он сообщает в письмах к родным о своих бытовых условиях, университетских занятиях (списки профессоров, на лекции которых записался Белинский), о первых шагах на пути литературной деятельности и первых же столкновениях с цензурой (реакция на запрещение «Дмитрия Калинина»), о своих литературных интересах (упоминания о книгах, которые он посылал брату и первых критических оценках ряда изданий), о важных событиях своей жизни (исключение из университета, болезнь) и о многом другом.

Изучению того же биографического периода посвящен другой цикл документальных публикаций «Белинский в Московском университете» (публикация М. Полякова при участии В. Сорокина). Используемые здесь архивные первоисточники существенно дополняют внешнюю биографическую картину студенчества Белинского (официальные документы, списки профессоров, ведомости об успеваемости и т. д.), характеризуют содержание и уровень университетской науки, через которую прошел критик (частичная публикация неизданных конспектов лекций Надеждина по эстетике и Погодина по русской истории), наконец, позволяют вскрыть некоторые новые и примечательные обстоятельства идейно-политической жизни молодого Белинского, в частности, его связи со студенческими кружками и, в их числе, с так называемым «тайным польским литературным обществом». Эти же материалы позволяют поставить вопрос о подлинных причинах исключения Белинского из Московского университета.

Материалы ряда других публикаций существенно расширяют документацию изучения Белинского позднейшего периода — с середины 30-х годов и до конца его жизни. Сюда относятся воспоминания о Белинском М. Погодина 1869 г., содержащие, в частности, новые сведения об отношениях Пушкина к критику (публ. М. Полякова), более 80 писем современников о Белинском, извлеченных из архивов Герцена, Огарева, Станкевича, Неверова, Краевского и др. (публ. Л. Ланского, М. Полякова, Н. Соколова, Як. Черняка и Н. Эфрос), переписка о Белинском Пыпина с лицами, близко знавшими критика, в частности, с Анненковым, Тургеневым, Галаховым, Коршем, Де-Пуле, Кавелиным и др. (публ. Т. Ухмыловой).

Тематика статей, публикаций и сообщений других разделов второго тома затрагивает весьма широкий круг вопросов изучения Белинского. Статьи Б. Эйхенбаума «Наследие Белинского и Лев Толстой», М. Алексеева «Белинский и славянский литератор Я. П. Иордан», С. Макашина «К вопросу об известности Белинского на Западе в 40-е гг. XIX века» и Р. Карлиной «Белинский в Японии» дают некоторые новые аспекты и новый фактический материал для харак-

теристики роли и значения критика в идейной жизни его современников как в России, так и за ее пределами. Разработке этой же темы содействуют публикации новых материалов о взаимоотношении Белинского с Чаадаевым и Кольцовым.

Публикуемые И. Фирсовым, Е. Барштейн, В. Гусаровой и И. Ковалевым документы из архивных фондов Департамента полиции и цензурных учреждений сообщают новые и выразительные факты, иллюстрирующие те усилия, к которым прибегали царизм и реакция в своих стремлениях пресечь или, по крайней мере, ограничить сферу распространения «разрушительных», то-есть революционных, идей Белинского.

Особую группу образуют текстологические материалы. Наряду с научным описанием всех сохранившихся рукописей Белинского, за исключением писем (описание Р. Заборовой и Р. Маториной), здесь печатаются две текстологические работы монографического характера. Первая из них (Г. Черемина) изучает историю текста четырех статей критика о народной поэзии — «Древние Российские стихотворения», вторая (М. Полякова) — работу Белинского над рукописью «Критическая история русской литературы». Обе работы включают в себя публикацию ряда неизданных вариантов авторского текста. К этой же текстологической группе материалов примыкает критический обзор старых и новых публикаций писем Белинского (А. Осокина). Здесь, в частности, исправляются многие ошибки этих публикаций, относящиеся к тексту, датировкам, комментариям и т. д. Помещая эти материалы, редакция надеется, что они будут полезны для ведущейся сейчас работы над академическим собранием сочинений Белинского.

Завершающий раздел второго тома отведен библиографическому указателю сочинений Белинского и литературы о нем за период 1899—1948 гг. (К. Богаевской). Ряд разделов указателя («Письма к Белинскому», «Белинский в мемуарах, дневниках и переписке современников», «Белинский в художественной литературе» и «Библиография сочинений Белинского и литературы о нем») не ограничивается указанными хронологическими данными и представляет литературу по этим темам с момента первых публикаций.

В подготовке томов, посвященных Белинскому, принимали участие Л. Р. Ланский и Н. Д. Эфрос. Последней, в частности, принадлежит подбор иллюстративных материалов, осуществленный при участии М. И. Гонтаевой.

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ БЕЛИНСКОГО

Статья И. Сергиевского

В условиях классово-антагонистического общества наследие каждого большого писателя рано или поздно неминуемо становится объектом борьбы, в которой, как в некотором фокусе, отражаются противоречия различных социальных сил, действующих на исторической арене. Борьба, развернувшаяся вокруг наследия Белинского буквально на следующий день после его смерти и длившаяся на протяжении едва ли не целого столетия, была особенно напряженной и острой.

Реакционеры-крепостники очень рано разобрались в том, какого серьезного и опасного противника имеют они в лице Белинского. Полицейско-чиновничья расправа над юным автором «Дмитрия Калинина» была лишь прологом к тем постоянным и многообразным преследованиям со стороны царских властей, каким всю жизнь подвергался великий критик-демократ. Судьба, правда, берегла его от прямых жандармских репрессий, выпавших на долю великого продолжателя его дела — Чернышевского, многие годы заживо погребенного на каторге и в ссылке. Но непрочность своего гражданского существования Белинский ощущал вседневно и всечасно; дамоклов меч николаевского «правосудия» все время угрожающе висел над ним, каждую минуту готовый опуститься. Вошедший в сознательную жизнь под грубые окрики университетского начальства, он уходил из жизни, сопровождаемый злорадным хихиканьем коменданта Петропавловской крепости Скобелева: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу»[1].

Известно, каким ожесточенным нападкам всю жизнь подвергался Белинский со стороны литературной реакции, как широк был фронт его врагов и какое завидное единомыслие проявляли былые противники в своих яростных атаках против него. Перед лицом общей опасности все прежние распри были преданы забвению. Единым блоком выступали: с одной стороны шпион III Отделения собственной его величества канцелярии Булгарин и его литературный приказчик, беспринципный делец Греч, с другой стороны —«тишайший», благороднейший Плетнев и Вяземский — этот,— по словам Белинского,— «князь в аристократии и холоп в литературе». Не случайно, говоря о «прихлебателях и приживальщиках крепостников-помещиков, попах, подьячих, чиновниках из гоголевских типов», которым «было „трудно“ расстаться с крепостным правом», Ленин поставил в один ряд с ними «„интеллигентов“, ненавидящих Белинского»[2]. Отношение к Белинскому было, действительно, своего рода лакмусовой бумажкой, безошибочно определявшей истинное лицо различных «деятелей» дворянской культуры того времени.

После смерти Белинского самое имя его на долгие годы стало запретным, а за чтение его письма к Гоголю, хотя бы в интимном дружеском кругу, люди подвергались суровым карам, как за тягчайшее политическое преступление.

Но ни прямые жандармские и цензурные запреты, ни последовательная травля Белинского со стороны литературной реакции не принесли, од-

нако, ожидаемых плодов. Если при жизни Белинского крепостникам не удалось нейтрализовать, ни даже ослабить его огромное влияние на передовые слои современного русского общества, прежде всего — на молодежь, то еще менее успешными оказались их попытки после смерти Белинского вытравить память о нем из русского общественного сознания. Иван Аксаков, славянофил, т. е. представитель враждебного Белинскому стана, был вынужден признать в 1856 г.: «Много я ездил по России; имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письмà Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов... „Мы обязаны Белинскому своим спасением“,— говорят мне везде молодые, честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных... ищите таковых между последователями Белинского».[3]

Яростные атаки против наследия Белинского со стороны политической и литературной реакции не прекращались на протяжении всего столетия. Достаточно вспомнить проклятия, которые посылал ему Достоевский в «Дневнике писателя». Но в нейтрализации влияния Белинского были заинтересованы не одни только крепостники. Революционно-демократическая сущность его мировоззрения, не менее, чем для его явных противников, была чужда и неприемлема для его либеральных «друзей» и «учеников», разделявших с Белинским его вражду к царскому деспотизму и крепостническому гнету, но без всякого сочувствия относившихся к его пропаганде революционного насилия как средства преобразования действительности. До поры до времени дальше простой настороженности дело, правда, не шло. В глазах либеральных «друзей» Белинского из либерально-западнического лагеря его революционно-демократические «излишества» представлялись чем-то хотя и опасным, но извиняемым в свете объединявшей их общей борьбы против самодержавия и крепостного права.

Положение резко изменилось позднее, когда выпавшее из рук Белинского знамя освободительной борьбы было подхвачено и высоко поднято великим продолжателем его дела — Чернышевским, развившим и углубившим, в новых исторических условиях, революционно-демократические начала его мировоззрения. Именно в эту пору — в пору генерального размежевания двух исторических тенденций в жизни русского общества: либеральной и революционно-демократической — завязываются основные узлы борьбы вокруг имени Белинского.

Опыт, на который могли к тому времени опереться либералы, достаточно наглядно свидетельствовал о том, что лобовые атаки против наследия Белинского неминуемо обречены на неудачу, даже если они подкреплены всеми административными возможностями полицейского государства. Семена, посеянные Белинским, дали слишком густые и обильные всходы, чтобы можно было так просто заглушить их. Да кроме того, такие лобовые атаки слишком уж явно компрометировали самих атакующих; либералы же на то и были либералами, чтобы отступать не иначе, как под дымовой завесой звонких речей и красивых фраз. Это либеральное лицемерие неоднократно давало о себе знать и позднее: когда в конце века доморощенный кантианец Волынский выступил с циклом статей, имевших своею целью именно «развенчание» Белинского, по этому поводу в либеральной печати было произнесено немало патетических заклятий и пролито немало крокодиловых слез; то же самое повторилось еще раз, в связи с айхенвальдовским пасквилем. Ведь когда появились «Вехи», кадеты тоже весьма шумно заявляли о своем несогласии с авторами этой позорной книги.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ
Рисунок И. А. Астафьева, 1881 г.
Третьяковская галлерея, Москва

Гораздо более эффективным представлялся другой путь— путь фальсификации, подлога, который и избрали либералы. Плеханов выражал в свое время удивление, «почему большинство людей, писавших свои воспоминания» о Белинском, «обнаруживают так мало истинного понимания совершавшейся в его голове колоссальной умственной работы»[4]. Но это недопонимание было преднамеренным, представляло собою определенный тактический маневр. Если невозможно было, без политического ущерба для себя, встать на путь открытой борьбы с Белинским, надо было «обезвредить» его другим способом: политически выхолостить его наследие, вытравить из него его революционно-демократическое содержание, показать, что в нем не было, якобы, ничего, противоречащего политическим установкам русского либерализма, как сложились они ко времени «крестьянской реформы» 1861 г., и что, рисуя образ Белинского иным, Чернышевский и Добролюбов приписывали ему, по сути дела, свои собственные взгляды и настроения.

Если мы обратимся к мемуарам, статьям и отдельным суждениям о Белинском, высказанным в эти и последующие годы Анненковым, Боткиным, Дружининым, Кавелиным, Тургеневым, мы увидим, что все они, с той или иной степенью прямолинейности, были направлены к осуществлению именно этой задачи.

«„Московские ведомости“ всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только „интеллигентское настроение“»,—писал Ленин, характеризуя работу этих фальсификаторов наследия великого демократа[5].

Едва ли не откровеннее всех других действовал в данном направлении Анненков (под флагом защиты Белинского от наветов его врагов справа), решительно и безапелляционно заявляя, что ни одно из увлечений Белинского, «ни один из его приговоров, ни в печати, ни в устной беседе, не дают права узнавать в нем, как того сильно хотели его ненавистники, любителя страшных социальных переворотов, свирепого мечтателя, питающегося надеждами на крушение общества, в котором живет», что «никогда и мысленно не принимал он защиты тех разрушительных явлений, которые проходят иногда через историю и действуют в ней со слепотой стихийных сил, не имея под собой часто никаких моральных основ», что «у Белинского не было первых, элементарных качеств революционера и агитатора, каким хотели его прославить»[6].

Такая откровенность была, однако, исключением. Чаще либеральные фальсификаторы наследия Белинского проявляли значительно бо̀льшую гибкость, сторонясь сколько-нибудь категорических формулировок, хитря и маневрируя. Очень типичны в этом отношении выступления Кавелина,— «одного из отвратительнейших типов либерального хамства», по определению Ленина. Основной тон всех его выступлений о Белинском — более чем панегирический; но между обильными и многословными рассуждениями о нравственных достоинствах Белинского, об огромной роли, якобы сыгранной Белинским в его, Кавелина, жизни, в его воспоминаниях умело, как будто бы мимоходом рассыпаны замечания о «мелких» слабостях и недостатках Белинского, о его «чудовищных преувеличениях», о том, что «он в своих суждениях часто бывал неправ, увлекаясь страстью далеко за пределы истины», что «сведения его... были не очень-то густы», что «Белинский часто поступал как ребенок, как ребенок капризничал, малодушествовал и увлекался»[7]. В результате всех этих оговорок и увертываний достигалась та же цель, к которой Анненков шел напролом: читателю внушалась мысль о том, что благороднейший человек и тончайший ценитель поэтических красот Белинский, как политический деятель, не

выдерживал, собственно говоря, никакой критики. Примечательно, что полное единомыслие с дворянскими либералами проявил позднее в этом вопросе народник Михайловский.

С теми же намерениями либералы всячески подчеркивали высокий строй эстетического мышления Белинского, проникновенность и непогрешимость его эстетического вкуса и чутья. Эти высокие оценки сами по себе ни в какой мере не являлись преувеличенными или чрезмерными; но в писаниях

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА «НА ТОСТ В ПАМЯТЬ БЕЛИНСКОГО, 6 ИЮНЯ 1858 г.»

Лист первый

Институт литературы АН СССР, Ленинград

либералов они несли ту же самую функцию: показать, что именно непогрешимостью эстетического вкуса и чутья, собственно говоря, и примечателен Белинский; что же касается вопросов философского или общественно-политического порядка, то эти вопросы были для него посторонними и интерес к ним со стороны великого критика — преходящим. Такая тенденция заметно проступает в воспоминаниях Тургенева о Белинском, полемическая направленность которых против Чернышевского и Добролюбова была разгадана уже современниками. «Его политические, социальные убежде-

ния были очень сильны и определенно резки; но они оставались в сфере инстинктивных симпатий и антипатий, — писал здесь Тургенев. — Повторяю: Белинский знал, что нечего было думать применять их, проводить их в действительность; да если бы оно и стало возможным — в нем самом не было ни достаточной подготовки, ни даже потребного на то темперамента; он и это знал — и, с свойственным ему практическим пониманием своей роли, сам ограничил круг своей деятельности, сжал ее в известные пределы»[8]. Позднее Тургенев счел, правда, нужным критически пересмотреть эти строки своих воспоминаний; но когда они писались, назначение их было совершенно определенным.

В тех же либеральных кругах была выращена легенда о полной, якобы, идейной зависимости Белинского от философско-эстетической мысли Запада, о его мнимом космополитизме, — легенда, пустившая чрезвычайно прочные корни и в позднейшей буржуазной публицистике, и в академической историко-литературной науке. Известно, что во власти этой легенды в большой мере оказался даже такой выдающийся представитель русской марксистской мысли, как Плеханов.

Грубо искажали либералы реальное положение вещей, отождествляя воззрения Белинского на пути исторического развития России со своими собственными взглядами по этому вопросу. Несомненно, Белинскому ясна была вздорность реакционных иллюзий славянофилов, полагавших, что Россия сможет миновать тот путь капиталистического развития, на который вступили другие европейские страны, — в этом смысле у него были, конечно, известные точки соприкосновения с западниками. Но ему была решительно чужда присущая западникам идеализация буржуазных порядков. Путь к обновлению русской жизни он видел в развертывании революционной борьбы эксплоатируемых против эксплоататоров.

Против этих и других либеральных искажений истинного исторического облика Белинского последовательно боролись революционные демократы. Борьба эта не в малой степени осложнялась тем обстоятельством, что, по условиям времени, они очень часто лишены были возможности называть вещи своими именами. Поэтому показать колоссальную фигуру Белинского во весь ее рост ни Чернышевский, ни Добролюбов не могли: в этом была не их вина, а вина времени — «проклятой поры эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества»[9]. Но еще Ленин отмечал гениальную способность революционных демократов в обстановке жесточайшего цензурного гнета воспитывать своими статьями настоящих революционеров. Не называя подчас самого имени Белинского, прибегая по необходимости к языку намеков и иносказаний, они чрезвычайно много сделали для раскрытия истинного облика Белинского — идейного воспитателя передового русского общества, его идейного вождя в борьбе против самодержавия и крепостничества.

Чернышевский, оценивая Белинского как «значительнейшего из всех наших критиков», говорил, что вместе с тем он «был и одним из замечательнейших наших ученых»[10]. Это утверждение звучало не только как простая констатация интеллектуальной одаренности и зрелости великого революционного мыслителя. Оно содержало в себе также указание на то обстоятельство, что деятельность Белинского далеко выходила за рамки собственно-литературной проблематики. Добролюбов, шедший, как и Чернышевский, по путям, проложенным Белинским, такими словами характеризовал значение произведений своего учителя для идейного формирования молодежи того революционно-демократического круга, к которому принадлежал: «Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающего, мы мечтали об иных людях, об иной деятельности и искренно надеялись встретить когда-нибудь таких людей и востор-

женно обещали посвятить себя самих такой деятельности»[11]. Совершенно ясно, какие именно «иные люди» и «иная деятельность» имелись здесь в виду.

В стихотворении «На тост в память Белинского, 6 июня 1858 г.» Добролюбов писал:

. . . Он грозно шел на грозный бой
С самоотверженной душой
Он, под огнем врагов опасных,
Для нас дорогу пролагал
И в Лету груды самовластных
Авторитетов побросал.
. . . .
И умирая думал он,
Что путь его уже свершен,
Что молодые поколенья,
По им открытому пути
Пойдут без страха и сомненья,
Чтоб к цели наконец дойти.

Известны проникновенные строки, посвященные Белинскому Некрасовым:

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.
. . . .
Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе.

А в одном из первоначальных набросков, лишь недавно найденном и появившемся в печати, Некрасов писал о Белинском:

. . . Мыслью новой
Стремленьем к истине суровой
Дышал горячий труд его,
Он полагал в него всю душу.
Он говорил: «Я все разрушу
И не оставлю ничего»[12].

Эти строки, как и предыдущие, знаменательны не только как простая поэтическая похвала Белинскому (на похвалы ему не скупились и либералы, с тем, чтобы прикрыть ими объективное искажение его наследия), знаменательно качественное содержание некрасовской оценки Белинского, знаменательно то, какие черты деятельности Белинского выдвигает на первый план великий поэт революционной демократии, в чем прежде всего видит он заслуги Белинского перед родиной.

Салтыков-Щедрин, характеризуя идейное могущество произведений Белинского, исключительность их роли в деле развития русской демократической мысли и освободительной борьбы, с глубоким лиризмом вспоминал то время, когда «с иной, более обширной кафедры лилось к нам полное страсти слово Белинского, волнуя и утешая нас, и наполняя сердца наши скорбью и негодованием, и вместе с тем указывая цель для наших стремлений»[13]. Герцен, со своей стороны, писал: «Белинский много сделал для пропаганды. Вся учащаяся молодежь

питалась его статьями: он образовал эстетический вкус публики, придал русской мысли силу».

Анализируя литературно-эстетические воззрения Белинского, революционные демократы подчеркивали, что он «не признавал „чистого искусства“ и поставлял обязанностью искусства служение интересам жизни», что «критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе — те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием»[14].

Против попыток принизить черты национального своеобразия и самобытности в наследии Белинского протестовал еще Герцен. Он не только создал великолепный образ Белинского-трибуна, одинокой вершиной возвышающийся в мемуарной литературе о великом критике, но и осветил историческую роль Белинского, как передового революционного мыслителя, показавшего, что немецкая идеалистическая философия «была реалистична только на словах, а в основе оставалась религией земной, религией без неба, логическим монастырем, в который укрываются, чтобы погружаться в мир отвлеченностей»[15].

Чернышевский говорил о Белинском, что в его лице «русский ум показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки», что деятели его типа «конечно, ободрялись тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников, как бывало прежде... С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету. Белинский и главнейшие из его сподвижников стали людьми вполне самостоятельными в умственном отношении»[16].

В своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» товарищ Жданов указывал, что «лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным»[17]. Руководясь этими указаниями, мы можем наметить основные вехи борьбы за наследие Белинского, которую вели представители передовой русской мысли против всех попыток его обеднения и фальсификации.

Плеханов справедливо отмечал, что, «при всем своем энтузиазме в отношении к Белинскому, Чернышевский, Добролюбов и их единомышленники не были в состоянии оценить во всей ее полноте роль Белинского в истории нашей общественной мысли», поскольку «им мешала в этом случае отсталость современных им общественных отношений России»[18]. Сам он допустил, однако, в своих многочисленных и во многом ценных работах о Белинском ряд существенных ошибок, восходящих к его общим философским и политическим ошибкам и достаточно полно разъясненных в настоящее время[19].

Несомненно, заслугой Плеханова является дальнейшее развитие тезиса революционных демократов о Белинском, как выдающемся революционном мыслителе. Развивая этот тезис, противостоящий попыткам либералов свести все историческое значение Белинского к его моральному обаянию, с одной стороны, к зоркости и проникновенности его эстетических оценок — с другой, Плеханов отмечал, что «живой и сильный ум Белин-

Въ Пятницу, 26-го Ноября 1909 года

въ залѣ „des Sociétés Savantes“

8, Rue Danton, 8

Н. ЛЕНИНЪ

прочтетъ рефератъ на тему:

„Идеологія контръ-революціоннаго либерализма“.

(Успѣхъ „Вѣхъ“ и его общественное значеніе)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Съ какой философіей воюютъ „Вѣхи“ и думскія рѣчи кадета Караулова.

II. Бѣлинскій и Чернышевскій, уничтоженные „Вѣхами“.

III. За что ненавидятъ либералы „интеллигентскую“ русскую революцію и ея французскій „достаточно продолжительный“ образчикъ?

IV. „Вѣхи“ и „лѣвые“ въ Россіи. Кадеты и октябристы. „Святое дѣло“ русской буржуазіи.

V. Что выиграла демократическая революція въ Россіи, потерявъ своихъ либерально-буржуазныхъ „союзниковъ“?

VI. „Вѣхи“ и рѣчи Милюкова на предвыборныхъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Какъ критиковалъ Милюковъ на этихъ собраніяхъ нелегальную революціонную газету.

Начало въ 8½ час. веч.

Плата за входъ 5, 3, 2 и 1 фр. галлерея 50 сант.

Рабочая Типографія, 17, Rue des Fr.-Bourgeois Paris.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА НА ТЕМУ «ИДЕОЛОГИЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (УСПЕХ «ВЕХ» И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ)», ПРОЧИТАННОМ 26 НОЯБРЯ 1909 г. В ПАРИЖЕ

Раздел второй реферата озаглавлен «Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами»

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Москва

ского стремился проложить новые „стези“ не только в литературной критике. Его упорная работа была направлена также и на социально-политическую область. И его попытка найти новый путь в этой области заслуживает даже большего внимания, чем сделанное им собственно в литературе». «Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, — писал он, — но также обнаружил изумительную *проницательность в постановке, — если не в решении, — самых глубоких* и самых важных вопросов нашего общественного развития... До сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличность которых открыл Белинский, чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“»[20].

Однако не Плеханову, допустившему в своих работах о Белинском ряд серьезных ошибок, дано было в полном объеме раскрыть значение Белинского для революционной борьбы русского пролетариата, а во многом, как мы уже отмечали, он серьезно отклонился от пути, ведущего к правильному разрешению этой проблемы. Разрешена она была в трудах Ленина и шедших за ним литераторов-большевиков. Причем — разрешена в новых исторических условиях, когда стал свершившимся фактом «полнейший разрыв русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»[21], и когда от методов либеральной фальсификации наследия Белинского либералы обратились к методу прямой его дискредитации.

Насколько существенной представлялась Ленину эта сторона дела для разоблачения контрреволюционной сущности либерализма и насколько важным считал он дать отпор этим действиям либералов, видно из того, что в публичном реферате о «Вехах», прочитанном в Париже 26 ноября 1909 г., один из разделов был озаглавлен: «Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами“»[22].

Заканчивая свою статью «Памяти Герцена», Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“ — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»[23].

Ленин не упоминает здесь имени Белинского. Но в другом месте он *совершенно четко определяет место Белинского в истории освободительной* борьбы русского народа против царизма и угнетения, указывая, что Белинский «еще при крепостном праве» явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»[24].

К этой ленинской оценке Белинского приближается критик-большевик Воровский в статье, написанной в связи с 100-летием со дня рождения великого демократа. «Как по происхождению своему, так, особенно, по своим взглядам и привязанностям Белинский был костью от кости и плотью от плоти низов русского общества, — писал в этой статье Воровский. — Жить и действовать Белинскому привелось в такие времена, когда образование, знания, возможность работать на общественном поприще составляли исклю-

1911. Годъ изданія 2-й 1911.

НАШЪ ПУТЬ.

№ 18. Двухнедѣльное изданіе № 18.

С.-Петербургъ, 17 іюня

Въ этомъ номерѣ печатается фельетонъ Г. В. Плеханова о В. Г. Бѣлинскомъ.

Адресъ редакціи:
Загородный просп., д. 17, кв. 27.

Къ свѣдѣнію членовъ О-ва

По постановленію Общаго собранія отъ 8-го мая 1911 года параграфъ инструкціи „о крайней нуждѣ" уничтоженъ и замѣненъ параграфомъ о выдачѣ пособія „нуждающимся при болѣзни".

Новый параграфъ инструкціи гласитъ слѣдующее: „Больной нуждающійся членъ О-ва имѣетъ право получить пособіе на случай болѣзни не болѣе 5 руб. единовременно и не превышая 15 руб. въ годъ".

Товарищи! Три мѣсяца тому назадъ была распространена среди членовъ анкета о взаимопомощи и до настоящаго времени еще многими не возвращена. Правленіе настоящимъ извѣщаетъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ приступлено къ подсчету и разработкѣ референдума. Кто еще почему либо не успѣлъ подать своего голоса, пусть посп̀ѣшитъ это сдѣлать въ крайній двухъ-недѣльный срокъ.

Продолженіе объявленій см. стр. 16.

В. Г. Бѣлинскій.

Столѣтняя годовщина со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго.

Памяти пріятеля.

Н. НЕКРАСОВЪ.

Н. НЕКРАСОВЪ.

31 мая 1811 г.

Картина Наумова: „Бѣлинскій передъ смертью".

ФЕЛЬЕТОНЪ

Столѣтіе со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго.

I.

НОМЕР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛА МЕТАЛЛИСТОВ «НАШ ПУТЬ» ОТ 17 ИЮНЯ 1911 г., ПОСВЯЩЕННЫЙ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БЕЛИНСКОГО

Страницы первая и вторая

чительное достояние... дворянского сословия... И вот в этой-то жестокой обстановке Белинский умел сделаться одной из замечательнейших личностей России XIX века, оставаясь и по положению своему и по мировоззрению разночинцем»[25].

Правда, характеристика Белинского, развертываемая Воровским, содержит ряд неточностей. Хотя он и говорит, что Белинский был разночинцем «и по положению своему и по мировоззрению», однако преимущественное внимание уделяет фактам биографии Белинского, как «интеллигентского пролетария». Ленин, называя Белинского «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении», разумел, конечно, не только особенности его социального бытия, отличавшие его от других передовых людей его поколения, но и, прежде всего,— его философские и общественно-политические позиции, общее направление его деятельности. «...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией,— указывал Ленин.— А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что̀ это означает, пусть читатель вспомнит о та̀ких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература»[26]. В глазах Ленина Белинский был одним из тех лучших представителей передовой русской мысли прошлого, которая, «под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории...»[27].

Далее, Воровский допускает, конечно, некоторую модернизацию идейного облика великого демократа, утверждая, что «пролетарий Белинский во многом думал так, как думают теперь миллионы пролетариев в разных концах мира», говоря о «пролетарской душе Белинского», о том, что «его критика современного ему общества исходила из чисто пролетарской позиции»[28].

Классовую природу революционно-демократического мировоззрения Белинского точнее и глубже определил опять-таки Ленин. Характеризуя письмо Белинского к Гоголю, как «итог литературной деятельности» великого революционного мыслителя, он называл этот документ «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»[29].

В другом месте, разоблачая попытки кадетских публицистов из сборника «Вехи» «развенчать» Белинского, Ленин писал:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи“, есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения“... „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар...“

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар“. Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»[30].

Итак, «настроение крепостных крестьян против крепостного права»,— вот какова была социальная основа общественного мировоззрения Белинского и его борьбы против царского деспотизма и помещичьей кабалы.

Большевиками же была до конца опровергнута пущенная в оборот либеральными фальсификаторами наследия Белинского легенда об его идейной несамостоятельности, о том, что на протяжении всей жизни он якобы

только тем и занимался, что «осваивал» те или иные заимствованные с Запада философские и политические системы, с легкостью преуспевающего ученика переходя из шеллингианского «класса» в фихтеанский, из фихтеанского — в гегелианский и т. д.

Великий трибун пролетарской революции С. М. Киров, выступая в те же дни столетнего юбилея со дня рождения Белинского, назвал Белинского «Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма». «В течение своей короткой жизни он прошел все тернии от бесплодной метафизики к научному миросозерцанию. Он поднял тот яркий светильник научного миросозерцания, который освещает путь нашему поколению».

Отмечая, что западноевропейские источники сыграли свою роль в идейном формировании Белинского и что одним из таких источников была немецкая идеалистическая философия, С. М. Киров говорит далее: «Но не немецкой философии, конечно, суждено было успокоить „неистового Виссариона"... И если Фихте подсказал Белинскому отбросить окружающую его действительность, как призрак, противоречащий идеалу, а Гегель преподал свою сугубую абстракцию „все действительное разумно, и все разумное действительно" и заставил Белинского примириться с безотрадной русской реальностью, — то в том и другом случае успокоение было только временным, служило переходной ступенью от одного миросозерцания к другому. Белинский вскоре почувствовал, что признать, вслед за Гегелем, Пруссию „совершенным государством", значит отрицать процесс всякого развития, оказаться философским банкротом...». «Действительность, провозглашенная зрелым Белинским „лозунгом и последним словом современного мира", — это не „пошлая действительность" фихтеанства и не гегелевская „разумная действительность": действительность Белинского „покоится на идее социальности"»[31].

Всемирно-историческая победа, одержанная трудящимися нашей страны над эксплоататорами в октябре 1917 г., подвела итог длившейся почти столетие борьбе вокруг имени Белинского. Правда, со стороны отдельных враждебных коммунистическому мировоззрению литературных школ и групп и позднее предпринимались еще попытки дискредитировать наследие Белинского или изолировать его от советской культуры, объявив великого демократа идейным рабом дворянско-помещичьей, барской культуры. Теперь и эти попытки до конца разоблачены и разгромлены. Победивший в Великой социалистической революции советский народ, законный и полноправный преемник всего лучшего, что было создано человечеством в период его «предъистории», помнит и чтит Белинского как пламенного патриота великой Родины, как страстного и непримиримого борца против самодержавия и крепостничества, как выдающегося революционного мыслителя и публициста, как основоположника научной эстетики в России, создателя той передовой критики, которая «всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства»[32].

С высокой трибуны партийного съезда прозвучали пророческие слова Белинского: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»[33].

Полвека назад русские революционные марксисты говорили, что если бы Белинский был жив тогда, он «отдохнул бы, наконец, душою»[34], видя пробуждение пролетариата — могильщика всякой эксплоатации, наследника всех лучших достижений культуры прошлого. Мы — люди сталинской эпохи — можем сказать больше: если бы Белинский был жив сейчас, он не только «отдохнул бы, наконец, душою», но и увидел бы претворенными в жизнь все свои лучшие чаяния и помыслы.

В один из самых напряженных моментов Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, когда гитлеровские полчища рвались к сердцу нашей Родины — Москве, великий вождь народов товарищ Сталин назвал имя Белинского в ряду имен тех лучших сынов России, которые составляют нашу величайшую славу и гордость, в деятельности которых с наибольшей полнотой воплотился творческий гений народа[35]. Эта оценка достойно определяет значение Белинского для нашей эпохи, для нашей социалистической культуры, для нашей борьбы за коммунизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. Герцен, Былое и думы, М., 1947, стр. 223.
[2] В. Ленин, Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXII, стр. 162.
[3] «И. Аксаков в его письмах». Т. I, ч. III, 1892, стр. 290.
[4] Г. Плеханов. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 220.
[5] В. Ленин. Цит. изд. Т. XIV, стр. 219.
[6] П. Анненков. Литературные воспоминания. 1929, стр. 568.
[7] К. Кавелин. Собр. соч. Т. III, стр. 1090 сл.
[8] И. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— Цит. по сб. «Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников». 1928, стр. 223.
[9] В. Ленин. Цит. изд. Т. VIII, стр. 386.
[10] Н. Чернышевский. Избр. соч., 1935, стр. 427.
[11] Н. Добролюбов. Полн. собр. соч. Т. II, 1935, стр. 470.
[12] К. Чуковский. Несколько неизданных вариантов <Некрасова>.—«Литературное наследство». Т. 49—50. М. 1947, стр. 222.
[13] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. Т. III. Л., 1934, стр. 210 («Сатиры в прозе»).
[14] Н. Чернышевский. Цит. изд., стр. 395.
[15] А. Герцен. Полн. собр. соч. Т. VI, стр. 385.
[16] Н. Чернышевский. Цит. изд., стр. 393.
[17] «Правда», 1946, 21 сентября.
[18] Г. Плеханов. Сочинения. Т. XXIII, стр. 166.
[19] См. в настоящем томе статью Б. Бурсова «Плеханов и Белинский».
[20] Г. Плеханов. Цит. изд. Т. X, стр. 332; XXIII, 166—167.
[21] В. Ленин. Цит. изд., Т. XIV, стр. 217.
[22] Там же, стр. 531.
[23] В. Ленин. Цит. изд. Т. XV, стр. 468.
[24] В. Ленин. Цит. изд. Т. XVII, стр. 341.
[25] В. Воровский. Литературно-критические статьи, 1948, стр. 19.
[26] В. Ленин. Цит. изд. Т. IV, стр. 380—381.
[27] В. Ленин. Цит. изд. Т. XXV, стр. 175.
[28] В. Воровский. Цит. изд., стр. 20, 21.
[29] В. Ленин. Цит. изд. Т. XVII, стр. 341.
[30] В. Ленин. Цит. изд. Т. XIV, стр. 219.
[31] С. Киров. Великий искатель.— Цит. по перепечатке: «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 145—147.
[32] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». — «Правда», 1946, 12 сентября.
[33] XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).— Стенографический отчет, 1939, стр. 137—138.
[34] Г. Плеханов. Цит. изд. Т. X, стр. 348.
[35] И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, 1946, стр. 28.

О МИРОВОМ ЗНАЧЕНИИ КРИТИКИ БЕЛИНСКОГО

Статья А. Лаврецкого

Вопрос о мировом значении русской литературы отнюдь не сводится к проблеме непосредственного ее влияния на иностранных писателей и мыслителей.

Это лишь одна сторона вопроса и, притом, не самая главная.

Если за рубежом знают далеко не все из того, чем русская культура вправе гордиться, то это означает, что там лишены значительнейших ценностей, необходимых для духовного роста. Уже в XIX в. были области, в которых Запад, столь уверенный в своем превосходстве, не поднимался на тот уровень, на котором стояла русская мысль.

Справедливость такого утверждения обнаруживается, в частности, при изучении проблем эстетики. Здесь русская критика сделала много для правильного решения основных вопросов философии искусства и избежала ошибок критики и эстетики западноевропейской.

Исполнившееся столетие жизни гениальных идей Белинского да послужит началом разработки вопроса о мировом значении русской критики, об объективном мировом смысле ее наследия, независимо от того, успели ли за рубежами нашей страны уяснить себе этот смысл.

I

Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском особо отмечает резко национальные черты во всем облике величайшего русского критика. Среди интеллигенции его эпохи, дворянской по преимуществу, Белинский был наиболее русским, как и наиболее демократичным, что, конечно, далеко не случайно. «Его выговор, — пишет Тургенев, — манеры, телодвижения живо напоминали его происхождение: вся его повадка была чисто-русская, московская»[1].

Этот внешний облик гармонировал с его духовной природой. Она отмечена теми чертами национального своеобразия, которые вносят в мировую жизнь и культуру свою особую ноту.

Начнем с самых элементарных, бросающихся в глаза черт.

Прежде всего в Белинском отразилась чрезвычайно богатая одаренность его народа. В Белинском сочетались необыкновенно счастливо все те качества, которые необходимы великому критику в решающие периоды развития литературы: исключительно верное эстетическое чутье, сила художественного переживания, громадный литературный талант, доносящий это переживание до других, обобщающая философская мысль и поэтическая фантазия, своего рода сотворчество, которое как бы продолжает создание писателя-художника, самостоятельно развивает его образы. Уже в этом смысле Белинский — явление, которому трудно подыскать подобное. Столь же исключительны были результаты сочетания таких свойств. От огня Белинского миллионы сердец зажигались восторгом

перед литературой, первой любовью к ней. Ему Россия в громадной мере обязана тем, что литература стала в ней такой просветительной и гуманизирующей силой, как ни в одной другой стране.

Важность этих качеств еще больше уяснится, когда мы вспомним, что во времена Белинского решался вопрос: быть ли русской литературе одной из мировых литератур? От того, найдет ли она тот путь, на котором русский народ сумеет развить и проявить полностью свою художественную одаренность, и зависело решение этого вопроса. Белинский указал путь, установив, где именно и почему одерживала русская литература свои победы и где ждут ее новые удачи. Его обобщающая мысль осветила то, что было еще смутной, мало осознанной и самими художниками слова тенденцией развития литературы, хотя и составляло ее силу и залог ее будущего. С небывалым до него в русской критике блеском и, вместе с тем, с убедительнейшей простотой наш критик указал и писателю и читателю на р е а л и з м как на единственно верный путь к самобытности и мировому значению русской литературы, указал на неразрывную связь реализма с народностью.

Можно сказать a priori, что критика, сыгравшая такую роль в одной из величайших литератур мира, имеет мировое значение и в прямом смысле слова, самым своим объективным содержанием.

Другая особенность русского духа, сказавшаяся в творчестве Белинского, — это стремление к широким синтезам. Вот почему в России не могло привиться ни «чистое мышление», ни «чистое искусство».

Чтобы стать великой, любая область идеологии не должна быть у нас замкнутой, самодовлеющей. Она — орган чего-то большего, чем она сама, — голос жизни, и из нее черпает свою силу.

Таким голосом, взволнованным и волнующим, была литературная критика Белинского. Она являлась такой же «энциклопедией русской жизни», какой был, по его же знаменитому определению, «Евгений Онегин» Пушкина. И уже одно это обеспечивает Белинскому особое место в мировой критике. Запад не знал ничего подобного. Даже Лессинг, столько сделавший для Германии, при всей своей разносторонности, как литературный критик не выходил за пределы своей области, проявляя иные свои дарования в других специальных отраслях мысли. Не то Белинский. Ни один вопрос, тревоживший людей его времени, не обойден в его критике. Это — грандиозная проверка литературы, учиненная жизнью в его лице, и суд над жизнью с точки зрения великих идеалов искусства.

Снижало ли это теоретическую ценность критики Белинского? Отнюдь нет. Именно эта национальная особенность ее, это постоянное сопоставление теории и практики, их синтез, оказались, как мы постараемся уяснить, чрезвычайно плодотворными и для теории в собственном смысле.

Далее, национальной особенностью критики Белинского является и тот патриотизм, который столь отличен от отношения других народов к своему отечеству, от их национального самосознания. В чем видел Белинский назначение своего народа? Он стремился поставить его во главе цивилизованного мира, но не для того, чтобы господствовать над ним, а чтобы служить ему, служить человечеству.

Необходимым условием этого была теснейшая связь России с мировой культурой, которую Белинский мыслил шире культуры западноевропейской. Назначение свое Россия осуществит лишь тогда, когда «примет в себя элементы не только европейской, но мировой жизни, на что достаточно указывает ее историческое развитие, географическое положение и самая многосложность племен, перекаляющихся в горниле великорусской жизни... и приобщающихся к ее сущности... Мы, русские, — наследники целого мира, не только европейской жизни, но и наследники по праву.

БЕЛИНСКИЙ

Рисунок К. А. Горбунова, 1843 г.

Третьяковская галлерея, Москва

Мы не должны и не можем быть ни англичанами, ни французами, ни немцами, потому что мы должны быть русскими; но мы возьмем как свое все, что составляет исключительную сторону жизни каждого европейского народа, и возьмем ее — не как исключительную сторону, а как элемент для пополнения нашей жизни, исключительная сторона которой должна быть — многосторонность, не отвлеченная, а конкретная, имеющая свою собственную народную физиономию и народный характер» (IV, 4).

В другой статье, относящейся так же, как и цитированная, к периоду «примирения с действительностью», Белинский высказывает то же заветное свое убеждение, которому остается верен при всех испытаниях своей бурной духовной жизни: «Наши отношения к ней (западной цивилизации) должны состоять в усвоении лишь общечеловеческих завоеваний культуры... мы должны быть далеки от ослепления признавать за предмет подражания то, что относится собственно к форме... народной, а не общечеловеческой жизни» (IV, 346).

А в одной из последних своих и наиболее зрелых статей, в обзоре русской литературы за 1846 г., эта же мысль выражена еще более отчетливо:

«...пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого» (X, 400).

Таков смысл «европеизма» Белинского, который подвергался столь ложным толкованиям и со стороны друзей и со стороны врагов, «европеизма» как проявления и пламенного и мудрого патриотизма великого критика, так полно выразившего одну из своеобразнейших черт национального характера.

Белинский глубоко сознает значение «народной формы», ее широты и емкости для развития общечеловеческого содержания; он знает, что только при самобытности этой формы народ творит мировую культуру. Но ничто не может так мешать развитию этой самобытности, как самообольщение, как всякое снижение требовательности к тому, что наиболее близко и любимо. Любовь Белинского к родине такова, что он боится принести ей вред самой своей любовью. Трудно сказать, когда он больше патриот: тогда ли, когда он вдохновенно пишет о гении русского народа, прозреваемом в лице его великих сынов, в его героической истории, или когда со свойственной ему «экстремой» доходит, как в «Литературных мечтаниях», до отрицания русской литературы, имевшей уже Пушкина, который один равен целой литературе?

«У нас нет литературы: я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов», — так писал Белинский в своей первой статье, проникнутой патриотической тревогой, заботой о том, чтобы его народ достиг полной меры своего величия (I, 394).

И это при нетерпении, свойственном столь страстному, столь горячему сердцу! Недаром Достоевский назвал его «самым торопившимся человеком в России», недаром о том же писал и другой авторитетный наблюдатель — Некрасов. Так характерно было для него нетерпение увидеть свой народ во всей его славе и так велика была его стойкость против всяких националистических соблазнов! Эта особенность Белинского выражает его национальную природу больше, чем многое иное.

Критика Белинского, создававшаяся в напряженнейший момент истории русской культуры, — самая внутренне-свободная критика в мире, внутренне-свободная в своих суждениях о самом дорогом достоянии народа.

Это внутренне-свободное отношение к себе, неподкупная суровость самооценки — все это характерные свойства русского народа, его патрио-

тизма, которым проникнуто каждое слово Белинского. В этом патриотизме проявился реалистический склад русского народного ума. Недаром Белинский с особым чувством национальной гордости говорил, что «мистическая экзальтация» несвойственна его народу: «У него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности... и вот в этом-то огромность исторических судеб его в будущем». Такому народу чуждо и мистически-экзальтированное отношение к себе самому, чужда любовь взвинченная и неразумная, которая извращает национальное самосознание и изолирует от других народов, мешая понять их и сочувствовать им. «Этою высокою способностью самоотрицания случайного и произвольного в пользу необходимого, грубых форм... в пользу разумного содержания национальной жизни — этой способностью обладают только великие люди и великие народы и ею-то русское племя возвысилось над всеми славянскими племенами; в ней-то и заключается источник его настоящего могущества и будущего величия» (VIII, 139).

Патриотическая идея Белинского, его национальное самосознание органически связаны с главной особенностью этого гениального русского человека, определяющей его творческую личность и характер его философско-эстетических воззрений. Это — отношение к истине, в котором слились и национальные, и социальные, и чисто-индивидуальные черты его натуры.

Именно то, что для Белинского теория была руководством к действию, к борьбе, а не самоцелью, придавало его интересу к теоретической истине особые свойства. Его идейные кризисы были всегда мучительны, ибо вопрос для Белинского шел о судьбах жизни, в которые вмешивалась теория, о воздействии на эти судьбы. Прозвище «неистовый Виссарион», данное ему во время литературно-философских споров его оппонентами из лагеря дворянских либералов, имело особый смысл. В этом прозвище была мера социальной дистанции, отделявшей даже лучших представителей дворянской интеллигенции от великого разночинца и революционного демократа. Оно выражало совсем иное, чем у них, отношение к истине: не пассивно-созерцательное, а страстно-активное, и являлось, по сути, одним из методов борьбы с революционной непримиримостью Белинского. У таких натур стремление к истине до того поглощает все стороны их существа, что оно неотделимо от этической правды, от нравственного действия. Истина обязывает их не только к определенным теоретическим выводам, но и к определенным поступкам.

«Невозможно себе представить,— вспоминает Тургенев,— до какой степени Белинский был правдив с другими и самим собой; он чувствовал, действовал, существовал только в силу того, что он признавал за истину, в силу своих принципов... Когда я познакомился с Белинским, его мучили сомнения. Эту фразу я часто слышал и сам употреблял не однажды; но в действительности вполне она применялась к одному Белинскому. Сомнения именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его»[2].

Эти замечания Тургенева свидетельствуют о гениальной чуткости его собеседника к социальному значению теоретической истины. Ведь если теория — руководство к действию, то она становится чрезвычайно ответственным делом, как бы отвлеченна она ни была. Естественно, что Белинский переживал свои теоретические ошибки как вину, за которую карала его суровым осуждением несговорчивая совесть.

Могучее стремление к истине и ее последовательному приложению к практике придавало удивительную целостность жизни Белинского. Этой органической целостности нисколько не противоречит непрестанная внутренняя борьба, пламя которой так быстро сожгло столь исключительную личность. Наоборот, именно цельность натуры и обусловила здесь эту

непрестанную подвижность духа, эти резкие переходы от одного увлечения к другому, эту диалектику развития с ее антитезами и синтезами.

Его сомнения не были раздражением мысли праздных людей. Сомнения Белинского питала неустанная забота о переустройстве жизни народа, за которое легко и радостно отдавалась своя собственная жизнь. «Ничего не было для него важнее и выше того дела, за которое он стоял, мысли, которую он защищал и проводил... и беда тому, кто попадался ему под руку!.. тут он всем готов был жертвовать!..»[3].

Эти слова Тургенева из цитированной уже характеристики Белинского сильно напоминают его знаменитую речь о Гамлете и Дон-Кихоте, как двух основных психологических типах. Напоминают и одновременно говорят о несостоятельности сделанного там противопоставления. Можно знать гамлетовские сомнения именно вследствие той моральной активности и великой преданности идее, которых Тургенев не признавал за принцем датским.

При высокой теоретической требовательности Белинского, сомнения, перемены во взглядах, их длительная и мучительная эволюция были неизбежны в его время. Стремясь довести теорию до ее жизненных следствий, применить ее на практике, наш мыслитель не мог обойти неминуемые в его эпоху столкновения идеала с действительностью. Неминуемые по тому, что жизнь слишком отставала от норм идеала, да и сами идеалы (вернее, пути к их осуществлению) были еще, при современном ему состоянии общественной мысли, весьма несовершенны. Но и в самой смене взглядов была единая закономерность. Постоянны были основы работы этого всегда бодрствующего в своем «святом беспокойстве» духа. «Общие вечные вопросы о той и другой свободе», как превосходно заметил Гончаров, составляли содержание его кипучей внутренней жизни, не знавшей передышки. На вопросы о свободе Белинский давал ответы разные, но все более и более точные, по мере того, как расширялось и углублялось его понимание этой идеи.

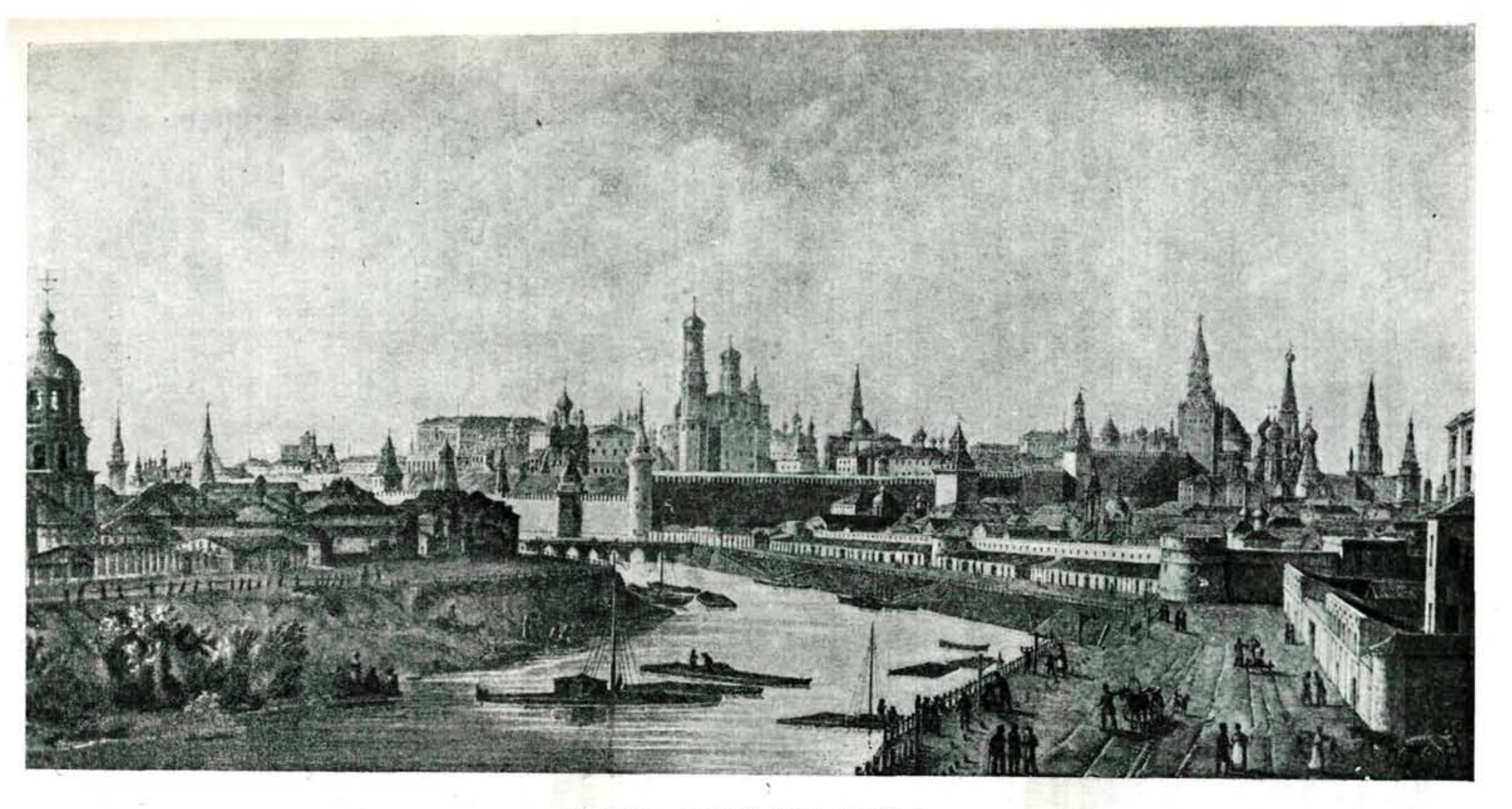
Страсть к завоеванию новых свобод для человечества или расширение плацдарма, уже отвоеванного у врагов свободы,— эта страсть придавала особую остроту его критике. Эта страсть была не только жаром, но и светом. И в ее свете выяснялось многое, что без него оставалось бы сокрытым.

«Крепостное право,— говорит тот же Гончаров, один из наиболее умных ценителей Белинского,— лежало не на одних крестьянах, и Белинскому приходилось еще оспаривать право начальников распоряжаться по своему произволу участью своих подчиненных, родителей считать детей своих вещественной собственностью и т. д. И тут же рядом объяснять тонкости и прелесть пушкинской и лермонтовской поэзии»[4].

К этому нужно прибавить: именно потому и мог Белинский так хорошо объяснять эти «тонкости», что гениально улавливал связь между поэзией и жизнью — между тем, что составляло общий закон русской жизни его времени — крепостным правом, и тем, как поэты отражали и реагировали, вольно или невольно, на него «тонкостями» своей поэзии.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, подведем некоторые предварительные итоги.

Личность Белинского, отшлифованная как бы самой природой для того, чтобы она представляла свой народ, резко отмечена чертами национального своеобразия. Эти черты: разносторонняя одаренность, стремление к широким синтезам, патриотизм, внутренне-свободный, гармонически сочетающийся с интернационализмом, стремление к истине как единству теории и практики, понимание искусства, основанное на чувстве связи его с жизнью. Попытаемся в дальнейшем показать, какая эстетика создавалась такой творческой личностью в условиях русской действительности и идейного фонда эпохи.



МОСКВА. ОБЩИЙ ВИД КРЕМЛЯ

Литография Леметра с рисунка А. Кадоля, 1825 г.

«...Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию... Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Я не могу истолковать себе тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль...» (из письма Белинского к А. П. и Е. П. Ивановым, 1829 г.)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

II

Характеризуя общее мировоззрение и эстетику Белинского, обычно вспоминали прежде всего о западных влияниях — о Шеллинге, Гегеле, Фейербахе. Действительно, связь Белинского с передовой мыслью Запада несомненна, но исследователи забывали или недостаточно учитывали другое: его оригинальную личность, его национальные особенности, а прежде всего — тот период в истории России, идеологическим отражением которого было его мышление.

Белинский подошел к западным учениям со своей собственной проблематикой. От его вопросов, от того, как он их ставил, часто изменялся смысл тех идей, которые отвечали на эти запросы. Синтетический ум по преимуществу, Белинский не мог не связывать в единую систему эти вопросы и ответы, и система эта была уже его собственным творческим деянием. При высокой теоретической требовательности и честности ума, при глубоком чувстве реальности, для Белинского были исключены всякие компромиссы с ложным, мнимым, иллюзорным. Трудно себе даже вообразить, чтобы Белинский мог закончить свое развитие подобно знаменитому немецкому мыслителю: признать воплощением абсолютной идеи в ее наиболее зрелом состоянии такую мерзость и такое убожество, как прусское государство. Белинский самостоятельно и своеобразно приходил к тем выводам, которые стали общим достоянием лишь много десятилетий спустя.

Г. В. Плеханов назвал Белинского «родоначальником русских просветителей». Но Плеханов не понял своеобразия русского просветительства: он смешивал его с разновидностями просветительства на Западе, начиная от просветительства XVIII в., кончая просветительством Фейербаха и утопических социалистов. Просветительство в России, обладая своей особой социальной природой, не может быть отождествляемо на основании тех или иных аналогичных моментов ни с одной из этих разновидностей.

Революционное просветительство в России XIX в. отличается глубокой национальной и исторической самобытностью. Оно учло опыт европейских революций: оно знало о тех разочарованиях, которые постигли «философию разума» в конце XVIII и начале XIX века, но утвердилось тем не менее в своей вере в разум. Борясь за социальное переустройство в условиях русской действительности, наши просветители оказались свободными от многих иллюзий западноевропейского просветительства XIX в., выражалось ли оно в проповеди утопистов или учении Фейербаха. Русские просветители приблизились к пониманию законов классовой борьбы в истории. Многие противоречия утопистов им уже чужды. Русское просветительство недаром является революционным, чему способствует в громадной мере его демократический характер, отражающий борьбу крестьянских масс против крепостнического режима. Оно опирается не на сознание избранных личностей, а на массы. Русские революционные просветители или революционные демократы, как называл их Ленин, — авангард русского крестьянского движения. Их революционная позиция, их чувство непримиримости социальных противоречий помогло им освоить, поскольку это было возможно для домарксовского материализма, диалектику как закон развития природы и общества, как метод их понимания. Этим русская просветительская философия отличается от фейербаховского материализма, отбросившего вместе с идеализмом и диалектику и потому запутавшегося в собственных противоречиях.

Революционное просветительство в России самостоятельно шло в том же направлении, в каком развивалась наиболее передовая мысль Запада. Правда, оно не могло, вследствие отсутствия в тогдашней России развитого капитализма и осознавшего себя как класс пролетариата, придти к тем же выводам, к каким пришла европейская революционная мысль в лице

Маркса—Энгельса. Однако оно оказалось в состоянии внести в эстетику и литературную критику такой вклад, который ныне является важнейшим наследием нашей социалистической культуры. Объясняется это особым положением, которое занимает литература в России XIX в., ее особыми задачами.

В стране, где для независимой социально-политической мысли была исключена царизмом возможность непосредственного высказывания, художественная литература и критика заменяли и парламентскую трибуну, и газетную публицистику, и ученую кафедру по социальным наукам. Многообразные функции общественной борьбы, которые на Западе выполняли разные отрасли мысли и практики, осуществлялись у нас литературой. Философско-эстетической мысли, отражавшей и обосновывавшей эту специфическую роль литературы в России, была дана исключительно редкая возможность ставить и решать во всю ширь и во всю глубину вопросы о социальной природе искусства и литературы, о ее связи с потребностями общества, о тех формах и методах, которые лучше всего способствуют выполнению ею своих задач. Отношение к литературе, как почти к единственному в то время оружию в социально-политической борьбе, обострило внимание к вопросам художественной формы не в ограниченно цеховом, а в самом жизненном смысле слова. Русская литература являлась громадным полем грандиозного эксперимента, поставленного самой историей для выяснения социальной природы литературы и ее социальных возможностей. Поэтому результаты, к которым пришла русская критика, имеют не ограниченно местное, а мировое значение.

В этой работе, проделанной русской эстетикой и критикой, Белинскому принадлежит наибольшая доля. Результаты, к которым пришел этот выдающийся творческий ум, свободны от тех антиномий, которые оказались непреодолимыми для наиболее крупных представителей западноевропейской мысли: и для Шеллинга, и для Гегеля, не говоря уже о Шлегелях, Сент-Беве и Тэне.

III

Литература, представляющая подчас всю общественную мысль народа, заменяющая многообразные исследования его жизни, является, естественно, реалистической литературой. Соответственно этому и русская эстетика, отражая объективное положение и роль литературы, была реалистической эстетикой. Последовательное проведение реалистического принципа стало эстетическим обоснованием специфической исторической роли русской литературы.

Белинский, больше чем кто-либо другой, был призван к решению этой задачи, поставленной условиями исторического развития его страны. Подходя от жизни к литературе — от жизни не избранного круга, а широких масс,— Белинский не мог не требовать от нее близости к ним, к разным сторонам их жизни.

Неудивительно, что реализмом начинает великий критик свой творческий путь, реализмом он его кончает, что придает этому пути изумительную целостность. Пережитые Белинским духовные кризисы никогда не могли заставить его хоть сколько-нибудь отступить от реалистической идеи в искусстве. С каждым кризисом мировоззрения она все более укреплялась, уточнялось ее понимание. Это и естественно: ведь и философские искания Белинского были борьбой за наиболее реалистическую, наиболее объективную истину. Если эти искания не всегда приводили к цели, к правильным результатам, то самая постановка вопросов все время углублялась, что отражалось существенно и положительно на развитии идеи реализма в критике Белинского. Можно сказать, что в течение всей своей творческой жизни Белинский создавал концепцию реализма — свое величайшее про-

изведение, хотя никогда и не изложил ее в систематической форме. Он создавал ее в своей живой практике литературного критика. И как произведения, которые пишутся всю жизнь, растут вместе с их творцами, совершенствуются с каждой новой редакцией, разрешая свои внутренние противоречия, освобождаясь от своих ошибок, — так и реалистическая концепция Белинского с каждым новым вариантом выявляла все больше и больше свою оригинальность, ассимилировала чужое или сбрасывала его с себя.

Реалистическая концепция Белинского вырабатывалась в теснейшей связи с художественным опытом русской и мировой художественной литературы, с одной стороны, и с общефилософскими, эстетическими и общественными учениями эпохи Белинского — с другой. В синтетическом уме Белинского вопросы общего мировоззрения и жизнеотношения органически связывались с проблемами литературы и эстетики в один узел, связывались так, что, идя от мировоззренческой проблематики Белинского, можно придти к оценке отдельного писателя, от интерпретации данного писателя — к общим вопросам мировоззрения.

Когда молодой Белинский полон бурных эмоций революционного протеста, полон возмущения против социальной несправедливости, но еще далек от проблемы объективного обоснования своих стремлений к общественному преобразованию, тогда он — восторженный поклонник Шиллера.

Когда Белинский сознает бесплодность «прекраснодушия», субъективных желаний и стремлений, не имеющих почвы в самой действительности, тогда он, отчаявшись в возможности найти эту почву в русской жизни своего времени, отвергает вместе с этими стремлениями своей личности и Шиллера как «полухудожника». В этот так называемый период «примирения с действительностью» подлинный поэт для него тот, кто отражает объективную действительность как неизменную, с его тогдашней точки зрения, данность. Его кумирами являются тогда Пушкин, Шекспир, Гете, Вальтер Скотт, истолкованные в консервативном духе.

Когда же в результате мучительнейшего идейного кризиса Белинский понял ошибочность консервативных выводов из глубоко правильной мысли о необходимости объективного обоснования своих революционных стремлений, когда ему стало ясным, что и революционные стремления передовой личности не случайны, а выражают силы и процессы самой действительности, тогда восстанавливаются в своих правах и Шиллер, и Грибоедов, и Жорж Санд. Созерцательное отношение к действительности, поскольку он усматривает его — правильно или неправильно — у своих любимых поэтов, у Пушкина, например, становится даже недостатком.

Все эти перемены в отношении к писателям говорят о том, что вместе с изменением мировоззрения претерпевало решительное изменение во многом и представление Белинского о подлинном реализме, о том, что следует считать «воспроизведением действительности во всей ее истине».

Эстетические идеи Белинского во всех фазах его развития определены потребностями русской жизни, русской культуры, в особенности — творчеством Пушкина, к которому затем присоединяется опыт изучения Гоголя и Лермонтова. Отсюда, из этих национальных источников, вызревала основная для эстетики Белинского идея — идея реализма. Но, обобщая опыт русской литературы и разрабатывая для нее эстетическую и политическую программу, Белинский вынужден был обращаться к эстетически-философским понятиям и учениям, созданным мировой мыслью до него. Так, первая фаза реалистической концепции Белинского прошла, как известно, под знаком идеалистической философии. Здесь были неизбежны противоречия, до поры до времени скрытые, но они не могли не выступить рано или поздно наружу и привести к новой, более последовательной реалистической концепции.

Классический идеализм с его монизмом отвергал противопоставление двух миров — высшего и низшего, но учил об идеальной природе всей действительности, возвышал ее в ранг идеи и тем самым идеалистически мистифицировал, извращал действительность. Можно было, отбросив «реализм содержания», придать абсолютное значение наиболее слабой стороне этой философии, «идеализму формы»[5], чтобы притти в конце концов к старому, правоверно-христианскому дуализму, что и сделали романтики. Белинский пошел иным путем. Даже из Шеллинга — правда, Шеллинга первого, наиболее прогрессивного его периода, он сумел извлечь рациональное зерно, акцентируя в «философии тождества»

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ С ВИДОМ НА СОБОР ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО
Литография Энгельмана с рисунка А. Кадоля, 1825 г.
Исторический музей, Москва

не идею, а действительность. И все же реалистическая эстетика, реалистическая критика не могли свободно и последовательно развиваться в рамках даже классического идеализма с его утверждением действительности. В особенности было тесно в пределах идеалистической эстетики реализму Белинского. Реализм по самому существу своему отрицает возможность существования «искусства для искусства» и так называемой «чистой формы». Последовательное реалистическое искусство, глубоко отражая самое содержание общественных отношений, тяготея поэтому к анализу и оценке социальной действительности, должно было, по учению Белинского и русских революционных демократов 60-х годов, увенчиваться тенденцией, сознательной, «партийной» точкой зрения, ибо без нее нельзя ориентироваться в этих отношениях.

Между тем идеализм в его классической форме являлся апологией так называемого «чистого искусства». Реализм, додуманный до конца, увенчанный и заостренный тенденцией, активен, даже воинственен. Идеализм в эстетике, наоборот, созерцателен и требует от искусства объективизма, отнюдь не являющегося объективностью.

Логика развития реалистической мысли великого критика неизбежно обнаруживала непригодность, несостоятельность принципов идеалистической эстетики. Даже в период своего идеализма Белинский часто могучим движением прорывает стесняющие его формы последней. Он самостоятелен уже в том, ч т о предпочитает в учениях западных мыслителей, ч е м у главным образом уделяет внимание. Он больше всего интересуется не субъектом — идеей, а ее предикатом — действием. Сама идея раскрывается ему не в созерцании ее сверхвременной «сущности», а в живой, во времени осуществляющейся практике, в историческом процессе. При таком акцентировании действенности Белинский уже в «Литературных мечтаниях» видит назначение искусства во всестороннем и объективном изображении жизни как деяния.

Именно потому не романтизм, а лишь реализм может создать полноценное искусство. Белинский отвергает всякие ограничения в изображении жизни как деяния, указывая на несостоятельность понятий абсолютно прекрасного и абсолютно безобразного, великого и низкого.

Но всесторонность искусства в ранний период развития Белинского оказалась объективистским бесстрастием. Белинский еще не мог тогда диалектически сочетать объективность искусства с его действенностью. Он противопоставляет всестороннюю объективность искусства деятельному участию художника в судьбах общества.

Критик не сознает еще, что связь художественного творчества с прогрессивным социальным движением не только не исключает объективности, но является одним из непременных ее условий.

Все эти противоречия еще более усугубились, когда гегелианство, столь своеобразно понятое Белинским, стало подводить под идею «чистого», отрешенного от общественной борьбы искусства свою солидную, хотя и громоздкую, базу. Белинский не был и тогда учеником, повторяющим слова учителя. Он не только остался верен своей основной идее — идее реализма, но еще более утвердился в ней. Проходя через призму разных философских теорий, она только приобретала соответствующую окраску. Самое гегелевское понятие «действительности» было Белинским реалистически, хотя и неверно, перетолковано: он подменил «действительное» — существующим, которое признал разумным. В существующем усматривалась им, весьма тенденциозно, только консервативная его сторона, — и задачей реалистического воспроизведения существующего являлось утверждение его разумности, смирение личности перед его необходимостью. Это — период гонений на личность, отрицания за ней права критики окружающей ее действительности. Утверждая реализм с таких позиций, Белинский наталкивался на противоречия, которые скоро и почувствовал. Если в действительности прогрессивное, «растущее» начáло не только не менее реально, чем консервативное, но в конечном счете всегда побеждает, то именно реалистическое воспроизведение жизни, объективное и всестороннее, приводит не к охранительным, а к революционным выводам. Но некоторое время Белинский упорствовал в утверждении разумности существующего. Возможно, мы имеем здесь дело с некоторой защитной реакцией, которая была необходима тогда, когда николаевская монархия казалась критику несокрушимой, а борьба с ней — бесплодной и обреченной на поражение. Ценой признания, что, собственно, бороться незачем, что все устроено прекрасно, надо только отказаться от претензий личности, судящей со своей ограниченной точки зрения, — ценой такого отказа покупалась своего рода «передышка» в борьбе с действительностью, которую Белинскому пришлось вести с первых же шагов своих на жизненном пути. В это время критик создает свою идею «катарсиса». «Катарсис», достижение которого составляет задачу искусства — в понимании Белинского той поры, это — освобождение от субъективной точки

зрения на вещи, а главное,— от вызываемого ею разлада с действительностью.

Применяя эту идею на практике, Белинский пишет статью о Гамлете, одну из самых замечательных в истории «гамлетовского вопроса». На этой статье стоит остановиться: она чрезвычайно показательна для данного периода в развитии Белинского.

Вспомним, как ставили и решали «гамлетовскую» проблему предшественники русского критика.

Гете видит в Гамлете «слабость воли при сознании долга».

«Безволие Гамлета» — следствие мысли, утверждали романтики в лице Ф. Шлегеля. Но какой мысли? К какому моменту в развитии человеческого духа можно отнести мысль Гамлета? Пусть он стремится к абсолютному, но прав ли он, не находя его в мире относительного? И если природа отвечает ему молчанием, то научился ли он спрашивать? И если его «божественные» требования не осуществимы, то «божественны» ли они в действительности?

Если ставить проблему Гамлета таким образом, то безволие его из прирожденной или приобретенной навсегда черты характера превращается в следствие одного из преходящих состояний сознания.

Именно эту новую проблематику шекспировского образа раскрыл в нем Белинский. Можно смело сказать, что в литературе о Гамлете он сказал действительно новое слово, самостоятельно применив диалектику, правда, идеалистическую, к интересующей нас здесь теме.

Интересно, что Белинский здесь больше диалектик, чем сам Гегель. В тех скупых замечаниях о Гамлете, которые мы находим в «Эстетике», Гегель разделяет гетевскую точку зрения, не сказав о Гамлете ничего нового по существу.

Трагедия Гамлета заключается, по Белинскому, в отпадении субъективного, личного сознания от объективной действительности. Белинский убежден в превосходстве объективного разума над возмутившимся против него ограниченным индивидуальным сознанием. Противопоставление себя мировому порядку, полагает Белинский, несправедливо и по существу неправильно. Однако, как диалектик, он признает неизбежность такого противопоставления: это болезнь роста; за ней должно последовать новое единство субъекта и объекта, «я» и мира, только более совершенное, чем примитивное единство не сознающего еще себя духа: ценою тщетной борьбы с объективной необходимостью субъективное сознание, достигшее зрелости, найдет путь к примирению с уже познанной действительностью. Вся трагедия Шекспира — путь к такой высшей фазе сознания, к высшему синтезу.

Рассматривая произведение Шекспира как трагедию не личной судьбы, не одной из разновидностей человеческого характера, а человеческого духа, Белинский поднялся над тем «психологизмом», которым проникнуты концепции «Гамлета», начиная с Гете и кончая авторами, писавшими много позже Белинского.

Преимущество не психологической, а философской точки зрения Белинского сказалось в более глубоком понимании самой психологии Гамлета, ее основной проблемы — проблемы воли. Белинский приходит к выводу: «Слабость воли, но только вследствие распадения, а не по его, Гамлета, природе» (III, 229).

Гамлет Белинского — лицо действительно драматическое: он внутренне движется, изменяется, переживает процесс развития; этого нельзя сказать о Гамлете Гете и его многочисленных последователей.

Однако, в этой характернейшей для периода «примирения с действительностью» статье не могли не сказаться и слабые стороны идеализма. Белинский также впадает в грех, если не психологической, то философской схе-

матизации. Живой процесс часто подменяется диалектическим развитием общих понятий. Неясен переход от распада в философском смысле — субъекта и объекта — к процессу психологическому — к распаду мысли и чувства, а отсюда мышления и воли. Глубокое объяснение «безволия» Гамлета, таким образом, не столько доказано, сколько постулировано. Нет у Белинского еще конкретно-исторического понимания художественного образа, которое составит столь сильную сторону его критики впоследствии, когда идеалистическое обоснование его реализма сменится материалистическим.

IV

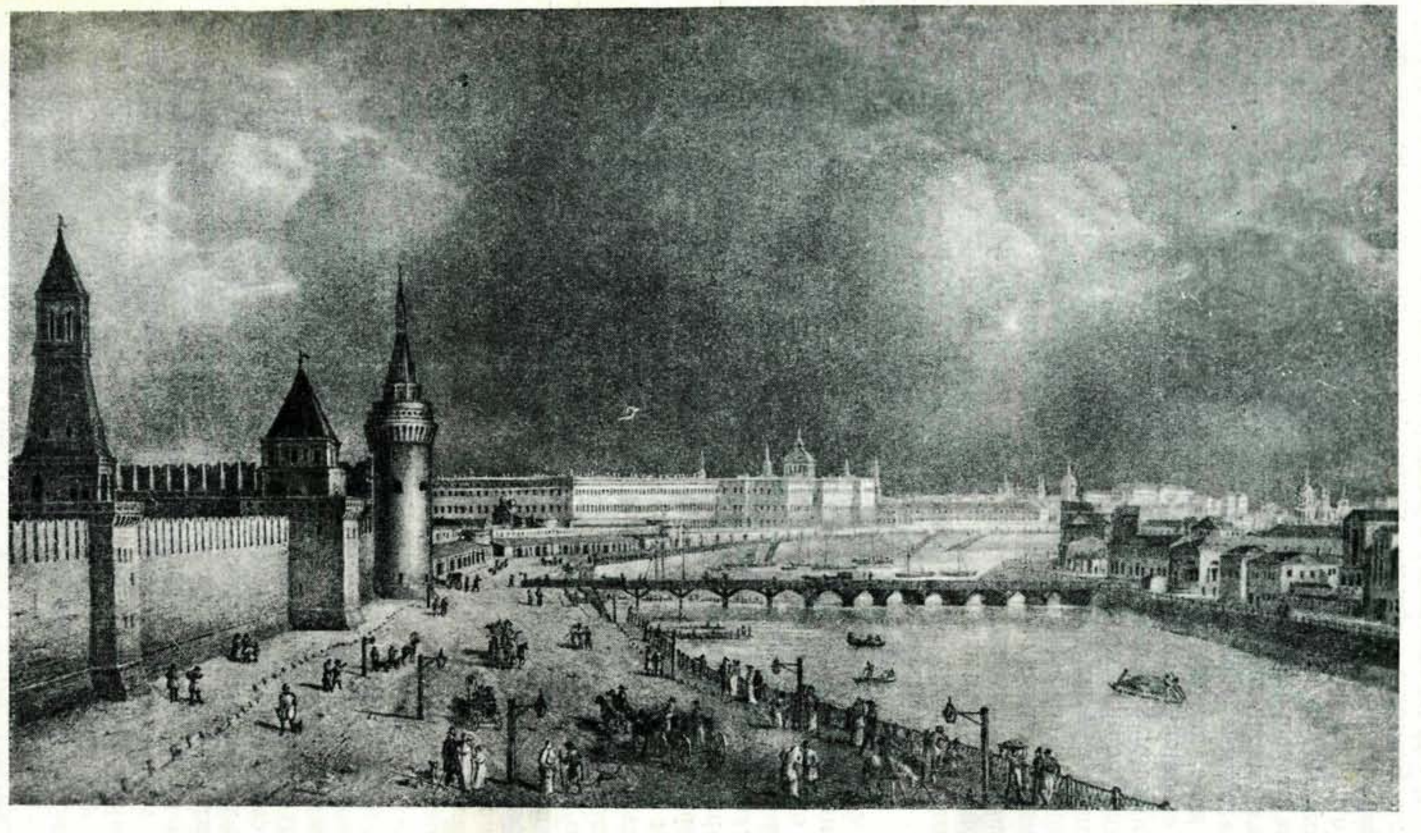
При всех недостатках, свойственных идеалистическому воззрению на искусство, реалистическая концепция Белинского имела для своего времени чрезвычайно положительное значение и в своей идеалистической оболочке.

Белинский уже в 30-х годах поставил вопрос о художественной форме на принципиально философскую высоту. Он наметил учение о содержательной форме, в котором теоретически выражена одна из существеннейших особенностей русской литературы. Самодовлеющая форма была чужда ему и в ту пору. Смысл того «воспроизведения действительности», которым для Белинского и в идеалистический его период является искусство, заключается в раскрытии «идей», т. е. общих свойств и закономерностей действительности. В этом и заключается художественная правда, в отличие от правды фактической. Созерцая «разумную действительность», поэт воспроизводит в своих образах ее сущность, воспроизводит ее как целое, которое и глубже и шире отдельного жизненного факта. Именно поэтому в подлинной, т. е. реалистической для Белинского поэзии «жизнь больше является жизнью, чем в самой действительности» (т. е. в ее обычном житейском восприятии и понимании). В поэзии жизнь дана целостно и объективно. В связи с этим и выясняется значение художественной формы. Благодаря форме искусство, получающее от действительности свое содержание, может выразить ее красоту и смысл, затемненные случайным, несущественным, характерным не для ее целого, а лишь для отдельных деталей.

В первый период своего развития Белинский еще не мог правильно формулировать и обосновать эту мысль, хотя она и руководила его критической практикой. Существо дела иногда затемнялось идеалистическим дуализмом формы и содержания. Но реалистическая мысль Белинского и тогда уже тяготела к иному пониманию отношения формы и содержания. Согласно этому пониманию, художественная форма, отражая существенные связи вещей, дает нам возможность созерцать и понимать явления действительности без того искажения их природы и взаимоотношений, которое вносит поверхностное наблюдение, восприятие глазом, не вооруженным искусством.

В противоположность идеалистической эстетике, в которой художественная форма сводится к «бескорыстной игре», значение художественной формы для великого русского критика и мыслителя заключается в том, что она способствует адэкватному познанию действительности.

Впервые в мировой эстетике проблема формы была рассмотрена с точки зрения ее значения для того художественного постижения действительности, которым является для Белинского процесс создания произведений искусства. Лишь содействуя разрешению познавательной задачи, доступной искусству, художественная форма совместно с содержанием вызывает то чувство удовлетворения, гармонии, которое мы называем чувством эстетическим. Благодаря форме мы охватываем явления жизни в их целостности и объективно—так, что наше ограниченно-житейское восприятие



МОСКВА. ВИД НА НАБЕРЕЖНУЮ, МОСКВОРЕЦКИЙ МОСТ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ

Литография Дюпрессуара с рисунка А. Кадоля, 1825 г.

«... Наконец, приблизились к Москве-реке, запруженной баркасами. ...Множество народа толпилось по обеим сторонам набережной и на Москворецком мосту. Одна сторона Кремля открылась перед нами. ...Священный Кремль, набережная Москвы, каменный мост, монументы Минина и Пожарского, воспитательный дом, Петровский театр, университет, экзерциргауз, — вот что удивляло меня...» (из письма Белинского А. П. и Е. П. Ивановым, 1829 г.)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

не подменяет или не заслоняет этой целостности отдельными случайными элементами. Благодаря форме, частности, детали жизни не заслоняют целого: форма концентрирует рассеянное, объективизирует, как бы отделяет и отдаляет от нас предметы, дает возможность рассмотреть их со всех сторон. Но, вместе с тем, она и приближает нас к предметам: она отдаляет нас от разрозненных частей предмета, с которым обычно связано узко-личное отношение к объекту, чтобы приблизить к нам целое. В своей живой диалектике форма объединяет и различает, подчиняет детали объективной идее, такой точке зрения, с которой можно обозреть целое и увидеть составляющие его части в надлежащей перспективе.

Таким образом, художественная форма выступает у Белинского и в идеалистический период его развития не как самоцель. Она выполняет определенную функцию «очищения» представлений о действительности от искажений, неизбежных при несовершенстве ее восприятия.

В ранний же период своего развития Белинский устанавливает те критерии художественности, которые являются особенно важными для литературной критики и которые Г. В. Плеханов назвал «эстетическим кодексом» Белинского. Надо, однако, сказать, что Плеханов, автор замечательных работ о Белинском, формулировал положения этого кодекса так, что оригинальность Белинского растворяется в том, что являлось общим достоянием эстетической мысли той поры. Такие критерии, как соответствие формы содержанию, единство идеи и т. п., конечно, не вносят ничего нового по сравнению с его предшественниками. Важно выяснить, как понимал Белинский эти общие положения и как применял их на практике. Мы попытаемся дать здесь обобщение художественных оценок Белинского, в которых сказалось все своеобразие русской эстетики. Общие критерии подверглись у Белинского самостоятельной переработке. Они были углублены в результате того своеобразного эстетического опыта, который дали столь восприимчивому критику творения великих русских писателей — прежде всего, Пушкина и Гоголя.

Конечно, органической связи идей Белинского с эстетикой его предшественников отрицать нельзя. Наш гениальный критик не был тем доморощенным философом, для которого не существует опыта, накопленного человеческой мыслью до него. Белинский приумножает духовные богатства человечества, пользуясь доставшимся ему наследием, а не только доходит «своим умом» до уже открытого раньше.

В вопросе об эстетических критериях Белинский исходит из «конкретной идеи», воплощенной в творчестве. Для нашего критика это такая идея, «которая в самой себе заключает и свое развитие, и свою причину, и свое оправдание». Идея — общее, но общее мыслится художником в образах, в индивидуальном, единичном. Этот тезис, признанный до Белинского, получает самостоятельное развитие в его учении о художественной типичности. Индивидуальное, единичное как бы отрицается, чтобы снова утвердить себя как типичное, которое и воспроизводит общее в индивидуально неповторимом. Тип (точнее, типы в их взаимоотношениях, образующих художественное целое) и составляет конкретное единство содержания и формы. В типе идея получает ту чувственную форму, которая свойственна искусству, а не отвлеченному мышлению.

Искусство, воспроизводящее действительность во всей ее истине, т. е. реалистическое искусство, — прежде всего искусство типизации, не исключая и лирики, от которой Белинский также требовал обобщенности чувств. Именно типизация составляет сущность художественной правды, которую, как мы знаем, Белинский всегда отличает от правды фактической.

В самой верной копии жизненного факта читатель не найдет «никакой натуральности», если не увидит в ней ничего художественно-типического.

Дело в том, что лишь типическое связывает опыт художника с собственным опытом читателя или зрителя, данным и в его жизненных впечатлениях; единичное же и случайное остается, за малыми исключениями, вне этой связи. Типическое вызывает представление о необходимости, единичное — о случайности, которая может быть любопытна, но не останавливает внимания и не внушает доверия к произведению искусства. Принцип типичности настолько существенен для Белинского, что определяет собою самые глубокие особенности содержательной формы, самую структуру художественного произведения.

Типический характер выявляется в типическом действии. Это образует такое характерное свойство формы, как ее «з а м к н у т о с т ь». Художественное произведение образует «особый, замкнутый в себе мир», исключающий все, что внутренне ему не присуще. «Замкнутость», как понятие чисто эстетическое, не покрывается «единством идеи». Последнее индифферентно к тому, что не составляет противоречащего или конкурирующего с идеей момента.

«Замкнутость» означает такую концентрацию жизни героев, которая исчерпывает ее. Признак замкнутости — в полноте характеристики типа через действие (ничего нельзя «ни прибавить, ни убавить»). Это — замкнутость типичности. Максимально характерному для персонажа и вообще типическому действию соответствует типичность детали, т. е. клеточки художественной структуры. Так, «в коротенькой, как бы слегка небрежно набросанной сцене можно видеть прошедшее, настоящее и будущее, всю историю двух женщин (речь идет о сцене из «Ревизора» Гоголя), а между тем она вся состоит из спора о платье, и вся как бы мимоходом — нечаянно вырвалась из-под пера поэта» (V, 66).

Этот пример прекрасно объясняет нам, как следует понимать, по Белинскому, содержательность формы. Форма прозрачна. Она не идеализирует действительности, не «покрывает» ее наготы. Она о т к р ы в а е т «таинственную глубину организации предмета и во внешность выводит то, что кроется в самых недоступных для зрения тканях и нервах внутренней организации» (V, 67). В единичном, в типической детали отражается целый характер (может быть, и вся идея произведения). «Замкнутость» означает, что только так связанный с целым элемент может найти место в структуре целого.

От «замкнутости» перейдем к другому, тесно связанному с ней, критерию художественности — к «н е п р о и з в о л ь н о с т и», «н е ч а я н н о с т и».

«Непроизвольность», «нечаянность», означая отсутствие «пружин» или «подставок», свидетельствуют о том, что персонажи живут независимой от автора жизнью, что творения художника объективны. Познавая «непреложные законы необходимости» и подчиняясь им, поэт создает своего рода «царство свободы» в том смысле, что в нем нет никакого внешнего, исходящего от авторских намерений «принуждения». Эта свобода творчества завоевана реализмом, сурово отвергающим все противоречащее правде жизни. В «разумной необходимости», которая является в то же время саморазвитием объекта, — секрет естественности и простоты реалистического искусства.

Белинский постоянно напоминает об этом критерии простоты — «простота есть красота истины», критерии русской эстетики, выражающем характерную черту русской литературы, в особенности творчества ее величайшего поэта — Пушкина.

Итак, типизация, или концентрация жизни в художественном образе, «замкнутость», «непроизвольность» и «простота» — вот основные, переходящие друг в друга, критерии подлинной художественности. Все они сводятся к реалистическому определению искусства как воспроизведения действительности во всей ее истине, во всей ее объективности.

Критерии художественности у Белинского — это критерии содержательной формы. В подтверждение того, что для Белинского форма содержательна, можно было бы привести много цитат. Самое определение художественности у Белинского таково, что для него художественная форма возможна лишь как форма содержательная или невозможна вовсе. Художественность — это «целость, единство, полнота, оконченность и выдержанность мысли и формы... богатство содержания при силе выражения» (X, 285—286). Художественность, в понимании нашего критика, является лишь особым качеством содержания, не всегда ему присущим. Так, «поэтическое» не совпадает с художественным. «Поэтично» все, согретое подлинным чувством, но, чтобы стать художественным, «надо, чтоб чувство было рождено идеей и выражало идею» (VIII, 475).

Произведение художественно лишь тогда, когда точность выражения соединяется в нем со стройностью, последовательностью и убедительностью концепции. Определенность образов и точность слова, разумность мотивировок, четкость композиции — эти неотъемлемые признаки художественности формы, конечно, предполагают взаимодействие формы с содержанием при решающем значении последнего. Эти свойства существуют постольку, поскольку художнику удается овладеть своим предметом.

Единство содержания и формы не означает у Белинского их тождества. Форма не всегда адэкватна содержанию. Но принцип содержательности формы, как необходимого условия ее художественности, этим нисколько не колеблется. Если форма может быть не эквивалентна содержанию, то художественная форма без эквивалентного содержания немыслима.

Таков эстетический кодекс Белинского, сложившийся в 30-х годах. Изменения и переработки его реалистической концепции углубляли смысл и совершенствовали применение этих критериев к конкретным явлениям литературы. Главным образом изменилось представление о том, при каких условиях возможны произведения искусства, удовлетворяющие этим требованиям.

V

В ранний период деятельности Белинского таким необходимым условием был объективизм художника, чистая созерцательность его творчества. Объективность искусства критик мыслил еще довольно прямолинейно, как свободу художника от всяких пристрастий, от всякой партийности, от всякой тенденции.

С переходом критика на революционные позиции, с признанием им истинности идеи отрицания существующих социально-политических отношений, перед Белинским возникли новые вопросы о сущности и назначении искусства, литературы — в особенности.

Сдвиг в мировоззрении Белинского заключался в том, что от безоговорочного подчинения личности абсолюту, отождествляемому с существующим порядком жизни, критик переходит к утверждению прав личности, к признанию разумной необходимости отрицания личностью существующего.

Но замечательно — и в этом также выражается национальная особенность русской мысли — Белинский не перешел от безоговорочного подчинения общему к индивидуализму. Индивидуализм остался ему глубоко чужд. Одновременно с идеей прав личности появляется у Белинского идея социального равенства. Белинский был одним из тех немногих мыслителей своей эпохи, кто уже в то время понимал, что социализм не отрицает, а утверждает личность. В одном письме Белинский провозглашает свой новый девиз: «Социальность, социальность — или смерть!» — провозгла-

шает не во имя абстрактного общего, а во имя личности. Он никогда не мыслил личность оторванной от общества: идея личности, в понимании Белинского,— это идея социальной ответственности за судьбу каждого человеческого индивида; это глубокое чувство личности не только в себе, но и в другом, стремление к избавлению как своего, так и другого «я» от всяческого гнета, поругания или просто ущемления.

Соответственно этому критик на место безличной идеи, воплощаемой в творчестве художника, выдвигает идею «субъективности». Как идея личности у Белинского не имеет ничего общего с индивидуализмом,

МОСКВА. ВИД КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ОТ СОБОРА ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО
Акварель А. Кадоля, 1825 г.
Исторический музей, Москва

так и принцип «субъективности» творчества не имеет ничего общего с произволом или капризом художника, с игрой своими ощущениями и эмоциями, с так называемой романтической «иронией» и т. п. «Субъективность» — это естественная и плодотворная реакция передовой личности на враждебные ей социально-политические формы, на окружающее ее общественное зло. Искусство, создаваемое такой личностью, включается в борьбу за освобождение человечества. Поэтому Белинский в последний, наиболее зрелый период своего развития требует от художника не только «субъективности» и «социальности», но и актуальности его творчества.

Выдвигая подобные требования, великий критик отдавал художника во власть таких идей, которые раньше признавались им чуждыми самой природе искусства. В период «примирения с действительностью» искусство являлось для Белинского, как мы знаем, лишь постольку объективным, поскольку было отрешено от злободневности, от действительности в ее динамике, от борьбы общественных сил, от борьбы личности против существующего жизненного уклада.

Теперь Белинский поставил вопрос так: отрицает ли «субъективность» (в указанном смысле) искусство и не совместима ли эта «субъективность» с объективностью, как существенным признаком искусства? Это — центральная проблема реалистической эстетики Белинского в 40-х годах. Проблема единства субъективного и объективного в искусстве лишь одна из сторон вопроса, основного для мировоззрения критика: вопроса о единстве общего и личного, о снятии противоречий между ними. Таким образом, основная эстетическая проблема, вставшая перед Белинским, была связана с главной проблемой его мировоззрения; больше — это был перевод последней на язык эстетики.

Сама история поэзии могла подтвердить справедливость новых взглядов Белинского. В блестящей статье «Разделение поэзии на роды и виды» Белинский дал теорию лирических жанров. Их различия определены отношением поэта к предмету творчества. Классификация их представляет восходящую шкалу, в которой та или иная степень «субъективности» в указанном смысле определяет качественные отличия того или иного вида лирики. Жанры лирики — своего рода ступени, восходя по которым в процессе исторического развития творческая личность все больше и больше проявляет свое отношение к внешнему миру и на него воздействует. Так в лирике требование «субъективности» оправдано исторически.

Оно оправдано и эстетическим сознанием современного человека. Строгая выдержанность произведений в духе эпического бесстрастия не только не обязательна, но может быть существенным дефектом с точки зрения современного сознания. Таков важный недостаток большей части романов Вальтера Скотта и Купера: в них — «решительное преобладание эпического элемента и отсутствие внутреннего, субъективного начала» (VI, 79).

Словом, Белинскому теперь ясно, что он был не прав в своем отрицании субъективного элемента в искусстве, особенно в искусстве новейшем. Весь процесс истории литературы свидетельствует о том, что литература не ограничивается страдательною ролью зеркала, «безучастно отражающего в себе природу, но вносит в свои изображения живую личную мысль, которая дает им и цель и смысл» (XII, 399).

Белинский приходит к выводу, что объективизм творчества противоречит фактам как в прошлом, так и настоящем. Но этот вывод заставляет критика задуматься над новым вопросом. Дело в том, что наиболее совершенные произведения Пушкина он считал чисто созерцательными. Хотя, полагает Белинский, от такой особенности их «и мало приобретало общество», но зато выигрывало искусство. Естественно, что Белинский, страстно любивший совершенное искусство, не мог, при свойственной ему последовательности, не ставить перед собой вопроса: является ли «субъективность» или общественная направленность искусства, которую он теперь пропагандировал, явлением положительным не только для общества, но и для искусства? Больше того, Белинского тревожит такой вопрос: не означает ли все возрастающее значение общественной целеустремленности в художественном творчестве упадка поэзии, как искусства?

В столь существенном для всей деятельности критика пункте он не мог ограничиться половинчатым результатом, на котором остановились бы другие.

Можно было, не изменяя старого представления об искусстве, признать подлинное искусство «несвоевременным», отодвинуть на задний план или даже отвергнуть его, как то, что мешает борьбе за освобождение человечества, отвлекая от нее в свой мир «прекрасной видимости».

Можно было решить вопрос компромиссно: «чистое искусство» предоставить в полное обладание гениям, а талантам — так называемую «беллетристику». Под «беллетристикой» наш критик одно время разумел литературу, посвященную злобе дня и просветительским задачам. Не отли-

чаясь высокими художественными достоинствами, она — неплохое оружие в борьбе с отрицательными сторонами действительности.

Но ни то, ни другое не удовлетворяло великого критика, всегда стремившегося к целостности и последовательности своих воззрений. Оставалось найти иное решение.

Оно могло быть основано лишь на признании того, что мощным средством к преобразованию действительности искусство является лишь в той мере, в какой остается искусством. Это означает, что общественные задачи искусства не только не исключают его художественной ценности, но требуют ее как непременного условия своего осуществления. Чтобы признать это требование выполнимым, необходимо было убедиться в том, что стремления передовой личности не только не противоречат объективности созданий художника — этому принципу, на котором основаны существеннейшие для Белинского критерии художественной ценности, — но способствуют этой объективности.

И Белинский пришел к этому убеждению.

Глубокая и гуманная личность творящего художника, выражающая себя в передовой общественной тенденции, не только не «искажает объективную действительность изображаемых поэтом предметов», но избавляет его от односторонности, мешающей видеть их в истинном свете.

«Субъективность» не имеет ничего общего с субъективизмом. Та «субъективность», которую обосновывает Белинский в современной ему русской литературе, или, что в данном случае одно и то же, общественная целеустремленность, это — «дух отрицания», свойственный самой объективной действительности. «Дух отрицания» личен, ибо только передовая личность наиболее остро чувствует разложение старого и превосходство над ним нового. В то же время «дух отрицания» представляет один из моментов объективного хода вещей, совпадает с ним. Таков смысл идеи Белинского о «субъективности» современного ему искусства. Эта идея, как мы видим, не только не противоречит объективности творчества, но диалектически углубляет ее понимание.

Подлинное искусство противоположно эгоизму всякой исключительно внутренней жизни, как бы богата она ни была. Оно диаметрально противоположно «опоэтизированному эгоизму» сторонника «искусства для искусства», уходящего от окружающей жизни в мир «чистой красоты».

Без содержания, выражающего дух и интересы времени, искусство лишилось бы общенародного и общечеловеческого значения и снизилось до прихоти ограниченной, и качественно и количественно, касты любителей. Лишь дилетант, ограниченный в понимании предмета и в средствах его изображения, а не подлинный художник — сын своего народа и гражданин своего отечества — может пойти на это. Величайшие представители поэзии нового времени столько же поэты, сколько «философы и критики в поэтической форме» (VII, 304). Искусство велико тогда, когда оно не только искусство, ибо «поэзия прежде всего есть жизнь, а потом уже искусство» (XII, 401).

Таким образом, социально-политическая тенденция входит составным элементом в эстетику Белинского. Она становится эстетической ценностью, нисколько не поступаясь своим содержанием в пользу ложно понятой красоты или, вернее, красивости. Она не нарушает, а подтверждает то основное положение его эстетики, которое он формулировал в знаменитых своих статьях о Пушкине: «поэтическая идея — это не силлогизм, не догмат, не правило, это — живая страсть, это — пафос».

Пафос, без которого нет искусства, художник той поры, когда социальный вопрос «стал во главе всех вопросов», может почерпнуть только в единении с народом, в слиянии своей творческой судьбы с его судьбою.

Итак, объективность, но не объективизм, тенденция, но не тенденциозность — вот основные линии реалистической эстетики Белинского в его наиболее зрелый период. Та и другая линии переплетаются и сливаются в одну. Вместо объективистского бесстрастия и безразличия — живая заинтересованность художника в наиболее живых, прогрессивных, а потому и объективно верных идеях, на которые работает история. Вместо тенденциозного искажения жизненных явлений — такая точка зрения, с которой они видны в истинном свете, в истинной перспективе. Этой точкой зрения, обеспечивающей наибольшую для данного времени правдивость, является наиболее передовое миропонимание и мироотношение, — своего рода итог всего предшествующего человеческого опыта. Такова сущность учения Белинского о т е н д е н ц и и. Она становится в эстетике Белинского одной из тех ценностей, которые максимально возвышают не только «душу», но и «разум» искусства, организуя и обогащая его содержание. Тенденция становится требованием и условием реализма в понимании Белинского. Не навязанная художнику извне, а органичная для него настолько, что ею проникнуто всякое его восприятие, исходящая изнутри, как свободная, т. е. желанная необходимость, передовая тенденция, т. е. наиболее правильная для своего времени, поднимает художника на высоту, с которой он может охватить и понять такие решающие по своему значению явления, такие существенные связи действительности, которые без нее остались бы ему недоступны.

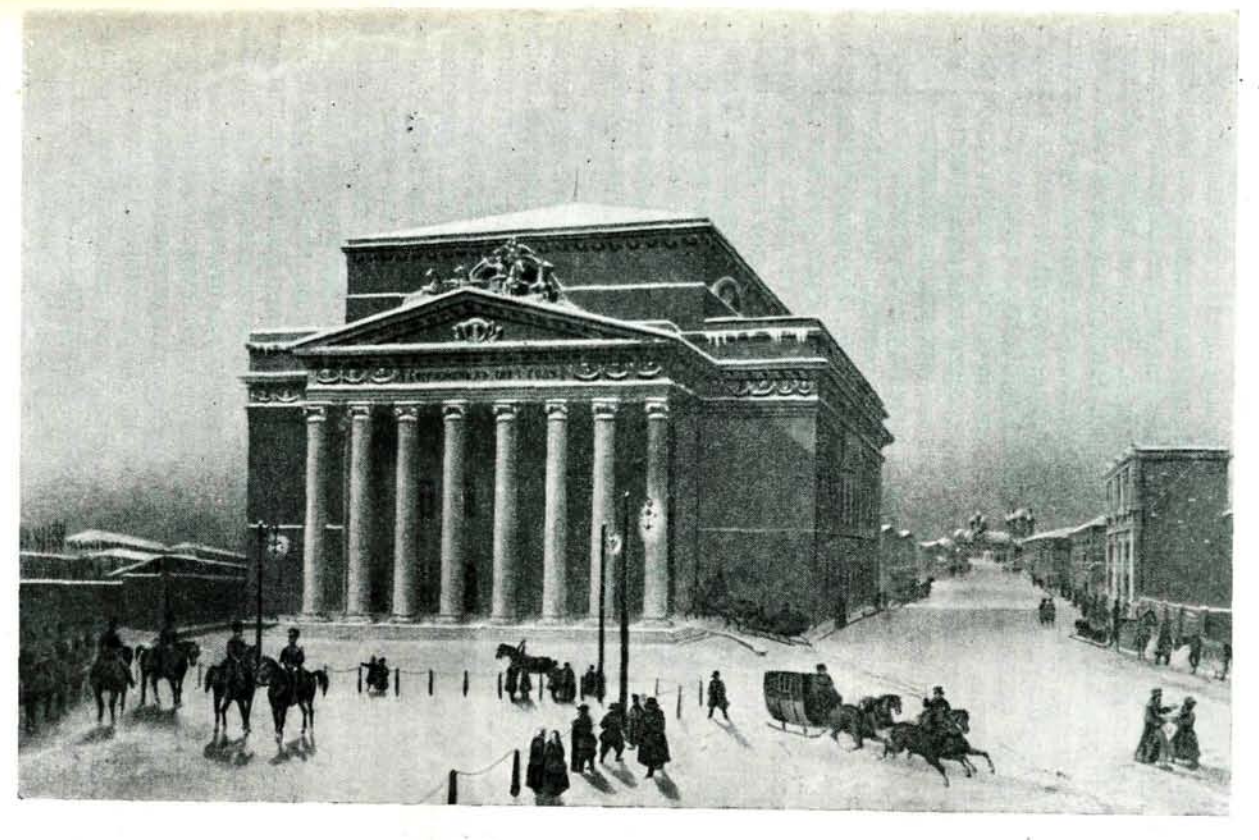
Направленная в одинаковой степени против любой безыдейности творчества, такая тенденция предотвращает и уход художника от действительности, характерный для романтизма, и потерю себя, своего художественного синтеза в массе жизненных фактов, обступающих художника. Правильная тенденция предохраняет художника от превращения в фотографа, в копировщика действительности. Отрицание объективистского безразличия было у Белинского и отрицанием культа «чистой формы» и натуралистического эмпиризма. Как романтическое, так и натуралистическое направление, которое значительно старше натурализма как школы, — и то и другое одинаково лишено такого необходимого художественного элемента, как «и д е а л ь н о е   с о д е р ж а н и е».

«Идеальным содержанием» критик называет типизированную, творчески обобщенную действительность. Чем больше в художественном произведении «идеального содержания», тем реалистичнее оно, ибо тем существеннее и глубже объективные связи вещей, которые оно отражает. Тенденция же как осознанное и целостное направление мысли художника не только не отрицает этого «идеального содержания», но указывает, где и как его искать.

VI

Если «формалистскому» и эстетскому уклону в мире искусства Белинский вменяет в вину отрыв от основного источника художественной фантазии — от жизни, то «натуралистам» всякого рода он предъявляет обвинение в том, что их дробное и раздробляющее восприятие жизни не будит фантазии. Реалистическая концепция Белинского отводит фантазии громадную роль. Фантазия восстанавливает в художественном образе целостность жизни. Для Белинского это — одна из основных сил подлинно художественного познания действительности.

Характерно, что не только против натуралистов, но и против романтиков Белинский направляет один и тот же упрек: в отсутствии фантазии. Отсутствием ее объясняется отношение к действительности как к безразличному материалу для всякого рода словесных упражнений, эффектов и трюков. Без творческой фантазии, приближающей к нам жизнь и людей, заставляющей нас чувствовать их душу живую, сочувствовать им, неизбеж-



МОСКВА. БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Литография Арну-отца с рисунка Вивьена, 1840-е гг.

«... Я был четыре раза в театре; он сооружен в 1824 г. и есть прекраснейшее и огромнейшее здание, одно из единственнейших произведений зодчества и один из первейших театров Европы...» (из письма Белинского к родителям от 9 октября 1829 г.)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

но этическое безразличие художника, которое значительно снижает силу его воздействия на читателя. Тенденция в своей художественной реализации неотделима от направляемой ею деятельности фантазии. С другой стороны, одно лишь копирование действительности не ведет к цели уже потому, что «верно списывать действительность невозможно, но можно верно воспроизводить действительность силою творческого духа», т. е. воссоздавать ее способом обобщения, концентрацией разрозненных явлений, сочетанием их в стройное целое. Отсюда огромная роль фантазии в реалистическом художественном творчестве. Верное воспроизведение действительности невозможно без фантазии. Чтобы выразить смысл явлений жизни, ее идею, факты должны пройти через творческую фантазию художника. Лишь благодаря ей достигается художественная правда. К художественной фантазии приходится прибегать именно для того, чтобы образы искусства были для нас столь же естественны, как явления действительности. С помощью фантазии искусство компенсирует непосредственную убедительность очевидного, которой никогда не достигнет копия, как бы точна она ни была. Мало того, искусству приходится с помощью фантазии изменять материал, почерпнутый из жизни, приводить его в соответствие со своими возможностями и замыслами. Учению Белинского о реализме чужд основной порок натуралистического копирования действительности: смешение «натуры действительности» с «натурой искусства».

Представление Белинского о значении и роли фантазии в художественном творчестве отличается чрезвычайной широтой и гибкостью. Так он, страстный поборник реализма в искусстве, признавал законность фантастических жанров. Наш критик утверждал, что «общечеловеческое, действительное, реальное» в большой мере и даже в некоторых случаях с большей естественностью может быть выражено в форме фантастической сказки («Русалка» Пушкина).

Фантастика для Белинского — форма, функция которой и степень художественности зависит от ее направленности. Она отвергается, когда уводит от действительности в область волшебных вымыслов; она приемлема, когда «лежит на существенном основании» самой действительности, служит жизни и раскрытию ее смысла. Это подтверждается отношением критика к такому представителю фантастического жанра, как В. Ф. Одоевский. О его фантастических повестях Белинский писал, что они проникнуты «пафосом истины» и являются пламенными филиппиками, «исполненными грозного поэтического негодования против ничтожности и мелочности положительной жизни». Их достоинство в том, что они выражают «близкое, живое соотношение к обществу», что самая фантастика здесь — средство выявления типического, форма художественного обобщения.

Белинский особенно высоко ценил фантастику, когда она сочеталась с юмором и сатирой. Благодаря юмору фантастика становилась особым видом критики действительности, представляя ее отрицательные стороны в заостренно комическом виде, уничтожая их убийственным смехом. Такой была, несомненно, фантастика Гоголя. Белинский отмечал как величайшее достоинство нераздельную «слитность действительности с фантастическим вымыслом».

С охарактеризованным представлением Белинского о роли фантазии в художественном творчестве неразрывно связано его глубокое и своеобразное понимание таких категорий, как «возможность» и «правдоподобие».

Со времен «Поэтики» Аристотеля с возможностью связывается эмпирическое правдоподобие. Когда говорят: «рассказанное художником — выдумка, но это могло быть», то полагают, что подобное «бывало» или «бывает», что, следовательно, соблюдено ограничивающее право вымысла условие, обязательное для художника. Белинский свободен от этих тради-

ционных представлений. В одной из своих статей он говорит, что «каждый из нас, какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других,— то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя. И кому не случалось встречать людей, которые немножко скупеньки... Такой человек, разумеется, не Плюшкин, но с возможностью сделаться им, если поддастся влиянию этого элемента и если, при этом, стечение враждебных обстоятельств разовьет его и даст ему перевес над всеми другими склонностями, инстинктами и влечениями» (XI, 23).

В этих замечательных словах «возможное» означает не аналогию с осуществившимися уже фактами жизни, а некоторую тенденцию, некоторую перспективу развития элементов жизни. Создавая подобные образы, литература уже не регистрирует совершившееся, не идет за жизнью, а предупреждает ее. Здесь в особенности выражается морально-руководящая, воспитательная роль литературы, тесно связанная с ее познавательной функцией. Не одно только «правдоподобное» в смысле «похожего», уже определившегося, ставшего видимым и осязаемым, должно интересовать художника-реалиста, а еще и не отлившееся в наглядную форму: художник раскрывает скрытые «возможности», «готовности» человека, то, чем человек стал бы при известных условиях, не будучи этим сейчас.

Мысль эта — далеко идущее следствие характерного для Белинского понимания художественного образа, которое свободно и от натуралистических и от романтических извращений его сущности. Художественные образы, или «идеалы», по терминологии критика, «скрываются в действительности; они — не произвольная игра фантазии, не выдумка и не мечты, и в то же время идеалы — не список с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или другого явления» (VIII, 406). Такая «возможность» делает художественный образ богаче факта настолько, насколько целое больше части. Этим художественный тип отличается от самой удачной фотографии, какой бы характерный или даже типичный факт ни был воспроизведен на ней. То целое, которое охватывается художественным познанием, не исчерпывается существующим, оно включает в себя и тенденции развития, которые при известных условиях из возможности становятся необходимостью.

Таким образом «возможность» не смешивается с поверхностно понятым «правдоподобием» как условием художественности. Белинский высоко поднимается над этим эмпирическим критерием; поэтому, оставаясь наиболее убежденным и последовательным реалистом, он решительно приемлет гиперболу, фантастику, поскольку возможное отличается от существующего. Возможность, воспроизведенная в художественном образе, и составляет, в сочетании с уже существующим, богатство его содержания, условие самого художественного обобщения. Обобщение лишь факта — отдельного, дробного момента человеческой жизни — умерщвляло бы эту жизнь, было бы по отношению к жизненному процессу мертвой схемой. Возможность же, реализованная в художественном произведении,— создает вместе с необходимостью уже существующего полное представление о предмете как целом.

В этом понимании художественного творчества не как воспроизведения и познания отдельных сторон человека, отдельных «способностей», хотя бы и «доминирующих», а как воспроизведения целого, реализующегося во времени,— одна из отличительных особенностей Белинского как критика-художника и мыслителя-эстетика. Она сказалась в разобранной только что его концепции «возможности» в художественном творчестве, столь отличной по своему внутреннему и динамическому ха-

рактеру от обычного понимания этой важной эстетической категории. Эта особенность сказалась и в его отвращении к схематизации жизни и творчества.

Реализм — воспроизведение действительности во всей ее истине. Это значит, прежде всего, что реализм отражает жизнь во всей сложности ее противоречий. Белинскому пришлось ожесточенно бороться против схематизаторов. Он выступал и против моралистических схем современного ему нравоучительного романа с его беззубой сатирой, бичующей отвлеченные пороки и восхваляющей отвлеченные добродетели; и против таких же по существу схем героизма, демонизма и т. п. в романтической литературе, сдобренных патетической фразеологией и беспочвенной фантастикой. Для Белинского ясно: художник должен концентрировать внимание на определенной черте человека, но на основе некоего целого: он не вправе забывать о целом человеке, которому эта черта принадлежит.

Гоголю, например,— отвечал он сторонникам схематизации,— «дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный». Этот человек, поставленный в определенные условия времени и места, бывает у него пошлым. Отсюда глубокая конкретность изображений у Гоголя, в которых, как и в жизни, нарушены каноны старой эстетики. «Для него добро и зло, достоинство и пошлость не раздельны, а только перемешаны, но в равных долях». И именно в этой конкретности реалистического творчества — залог его влияния на жизнь, его воспитательного значения. В олицетворениях отвлеченного порока никто себя и никого другого не узнает, и потому сатира, направленная против такого объекта во имя столь же абстрактной добродетели, бессильна и бесплодна. Но в сатире, бичующей пошлость, узнают, вернее, будут вынуждены узнать себя многие.

В Гоголе Белинскому было дорого то, что громадное уменье подчеркнуть преобладающую сторону образа —«господствующую способность»— соединяется у автора «Мертвых душ» с искусством раскрытия всех тех нитей, которые связывают образ с повседневной действительностью. Хотя сам Гоголь и называл своих героев «странными», передовые современники узнавали в гоголевских персонажах людей, с которыми встречались «на каждом шагу» (Герцен).

Творчество Гоголя — образец реализма для нашего критика потому, что не только охватывает жизнь в ее основных моментах, но охватывает синтетически, в их взаимопроникновении. «Смех сквозь слезы», комизм и трагизм («Тарас Бульба»), трагическое в пошлом, страшное в обыкновенном — вот как характеризует великий критик юмор гениального русского писателя. И поэтому у Гоголя мы встречаем не олицетворения порока и добродетели, как в старой сатире, и не характеры, которые чужды большинству его читателей, как это было у романтиков.Такие характеры не вызывают чувства ответственности за них. Нет, гоголевская сатира призывает всех к ответственности за изображаемую ею жизнь, за своих героев, ибо они отражают те или иные стороны всех.

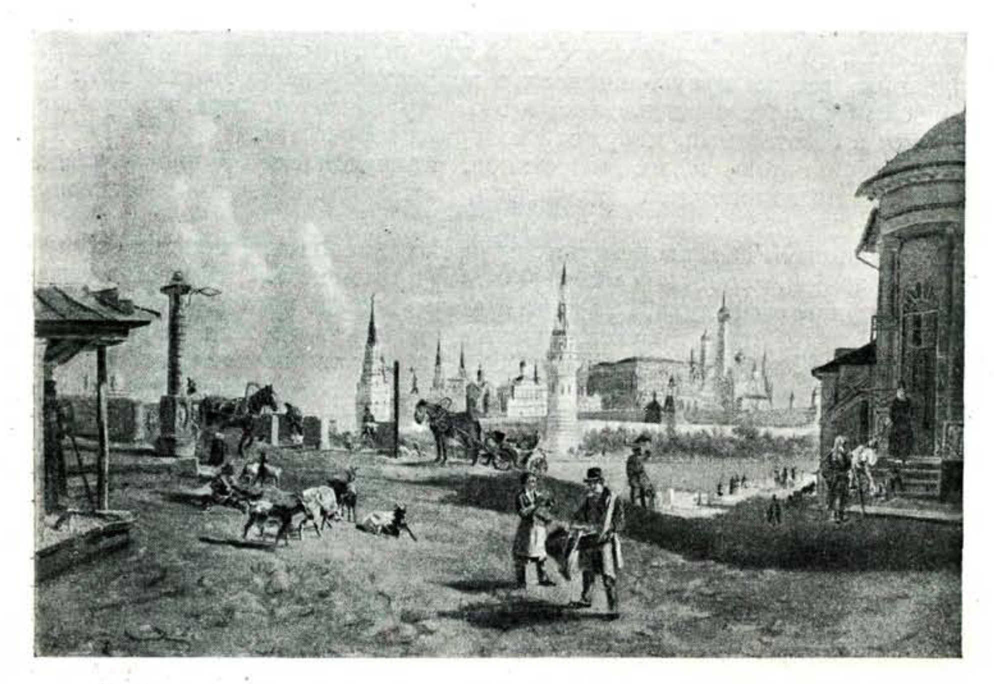
Это то «субъективное», по терминологии Белинского, проникнутое социальной заботой и тревогой реалистическое искусство, к которому стремится наш критик.

VII

Если бы западноевропейская философско-эстетическая мысль не была так оторвана от русской, как до сих пор, то русская критика, в лице Белинского, избавила бы ее от многих чрезвычайно устойчивых заблуждений и характерных для нее противоречий.

В западноевропейской критике и эстетике, поскольку они далеки от марксизма, все время враждуют и исключают друг друга момент рациональный и момент эмпирический, понятие формы и понятие содержания, созерцательность и активность, художественность и общественная тенденция, обобщенность и конкретность, «вечное» и «злободневное».

Критика и эстетика буржуазного Запада не выработали такой концепции художественного реализма, в которой все эти моменты были бы учтены и приведены к единству. Резко противостоят в ней идеализм и позитивизм, романтизм и натурализм.



МОСКВА. КРЕМЛЬ СО СТОРОНЫ БОЛЬШОГО КАМЕННОГО МОСТА
Картина маслом неизвестного художника, 1830-е гг.
Исторический музей, Москва

Шлегели, Сент Бёв, Тэн — с одной стороны, Шеллинг, Гегель — с другой — выдающиеся критики и философы-эстетики XIX века — вот те имена, с которыми прежде всего можно сопоставить славное русское имя Белинского.

Шлегели в своей эстетической концепции смешали «субъективность» творчества, бе́сспорное значение в нем творческой личности художника с доведенным до абсурда субъективизмом. Их теория «романтической иронии» превращала искусство в бесплодную игру художника со своим объектом и с самим собой. Общественная функция, социальное призвание искусства, вне которого немыслимы его величайшие творения, или остается вне поля их зрения или оспаривается.

Как критики, Шлегели шире своих теорий, но теории их романтически извращают сущность искусства. Мы не говорим уже о свойственном им и другим романтикам, особенно в поздний период их деятельности, мистическом представлении о художнике и творческом процессе. Шлегели уводили художника от жизни в «другой мир» и вместо познания действительности предоставляли ему разгадывать символы «потустороннего бытия».

Философы-идеалисты, с Гегелем во главе, смешивали объективность искусства с объективизмом, тенденцию с тенденциозностью. Это приводило их, в свою очередь, к отрицанию социальной активности искусства, к мысли о том, что общественная его тенденция, независимо от ее характера, противоречит природе искусства. Видя в искусстве идею в форме созерцания, философы-идеалисты, с одной стороны, игнорировали значение творческой личности художника, сводя ее к роли медиума или рупора абсолютной идеи, с другой стороны — придавали его творчеству созерцательный характер. Начиная с Канта, идеалисты склонялись к признанию формального момента в искусстве преобладающим за счет жизненного содержания. Если романтики всячески возвышали эмпирическое «я» художника, то классики философского идеализма, несмотря на обратную тенденцию, все же преувеличивали в искусстве роль субъекта, хотя бы и умопостигаемого, независимость его от окружающего мира, превращенного ими в безответный, инертный материал творчества.

У «натуралистов» и их теоретиков, являющихся обычно последователями позитивистской философии, мы видим нечто противоположное.

В концепции И. Тэна творческая личность художника не находит себе места, растворяясь в понятиях «расы», «среды» и «момента». Отвергая идеалистическую философию духа, Тэн, как и «тэнизм» вообще, чрезвычайно снижает значение формы, столь преувеличиваемое идеалистами, если разуметь под «формой» специфические свойства искусства. Искусство как своеобразная область культуры и всей социальной действительности лишено здесь своих граней. Отсюда уже недалеко до натуралистического отождествления творчества с его материалом, до низведения искусства — отражения жизни как целого — к отражению данного эмпирического факта, часто извращающего представление о целом. Подменяя творчество фотографией, натуралистическая концепция теряет самый свой предмет.

Если идеалистическая эстетика мыслит понятие художественного образа как единство общего и частного, образующее художественную типичность, то натуралистическая концепция свела на-нет это достижение своей предшественницы. Она продолжала питаться традицией классицизма, повторяя по-своему его схему человеческого характера. Таким повторением явилась «господствующая способность» Тэна, которая у его последователей — теоретиков и практиков натурализма — перешла в прямое и непосредственное олицетворение уже не отдельного свойства характера, а распространенного порока или недуга (наследственность).

Вопрос о сложных связях типического характера с породившим его обществом, о сложном, часто противоречивом единстве его с ним, уже у Тэна, а в особенности у его последователей, подменялся отождествлением со средой. Среда же ими понята не столько с точки зрения ее социального расчленения и борьбы противоположностей, в ней происходящей, сколько как совокупность биологических особей и природных условий.

Между идеалистическими и позитивистскими или вульгарно-материалистическими воззрениями на сущность искусства и колеблется западноевропейская критика XIX в., то становясь на одну из этих точек зрения, то пытаясь механически соединить их.

В концепции Белинского преодолены те извращения, которые характерны как для идеалистической, так и эмпирической точек зрения. Они преодолены на основе представления об искусстве, как об одной из своеобразных сторон самой общественной действительности. В таком представлении искусство выполняет определенные, ничем не заменимые функции. Вместе с тем все импонирующие качества предшественников, глубина и широта их мысли, сохранены в часто столь противоположных им идеях зрелого Белинского.

Мы видели уже, как широк реализм в учении Белинского, как далек он от всякой натуралистической узости, как включает он в искусство все богатство человеческого духа, человеческой мысли. Видели это в его воззрениях на роль фантазии и фантастики в художественном творчестве, на художественную правду, в ее отличии от правды фактической: «художественная правда», по убеждению Белинского, требует от литературы такого изображения «обыкновенной ежедневной жизни», что оно кажется чем-то необыкновенным, «выше мелочных событий житейского быта», над которыми не умеет подняться натурализм, чуждый обобщающей художественной мысли, которая связует с целым частное и его осмысливает.

Но прежде всего эти особенности эстетики Белинского выразились в его понимании роли тенденции, свободной от тенденциозности, тенденции, возведенной в эстетическую категорию, определяющей «идеальное содержание» художественного произведения — его непременный признак. Тенденция или, выражаясь языком Белинского, «субъективность», определяет пределы и характер обобщений художника, его типизации действительности.

Создание такой реалистической концепции, столь отличной от эстетики идеализма и позитивистского натурализма, объясняется, как мы уже знаем, своеобразным значением литературы в русской жизни. Реалистическая эстетика Белинского теоретически обосновывала это значение.

А так как условия, вызвавшие подобную исключительную роль литературы, чрезвычайно отчетливо проявившие ее общественную природу, продолжали существовать и после Белинского, то мысль его преемников шла в том же направлении. Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, как литературный критик, развили на основе идей Белинского систему революционно-демократического реализма — одно из своеобразнейших и значительнейших явлений мировой эстетической мысли.

VIII

Объективное мировое значение русской эстетики, основы которой были заложены Белинским, объясняется прежде всего особым историческим положением России в то время, когда эта эстетика создавалась.

Запад 30-х—40-х и более поздних годов, это — Запад победившей буржуазии, стремящейся законсервировать благоприятную ей социальную ситуацию.

Общественная мысль довольно точно отражает это стремление господствующего класса вплоть до самых отвлеченных положений эстетики. Развитие эстетической мысли как идеалистической, так и позитивистической идет там в обратном направлении от марксизма, в России — оно в основном своем течении идет в сторону марксизма.

Революционно-демократическая эстетика Белинского не подвергла ни отрицанию, ни даже сомнению возможности развития и процветания искусства в современную ей эпоху. Наоборот, сомнение в этом решительно отвергается Белинским: «Разве не в нашем веке явились Байрон, Вальтер Скотт, Купер, Томас Мур, Уордсворт, Пушкин, Гоголь, Мицкевич, Гейне, Беранже, Тегнер и другие? Разве не в нашем веке действовали Шиллер и Гете? Разве не наш век оценил и понял создания классического искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индустриальность есть только одна сторона многостороннего XIX в., и она не помешала ни дойти поэзии до своего высочайшего развития в лице поименованных нами поэтов, ни музыке, в лице ее Шекспира — Бетховена, ни философии — в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля» (V, 34).

Если в этих строках Белинский судит столь прямолинейно, даже не догадываясь, как будто, о враждебных искусству тенденциях буржуазного

общества, которые накладывают свой отпечаток даже на величайшие его создания и в конце концов приводят искусство к упадку,— то несколько позже Белинский со свойственной ему чуткостью указал на следствие этих тенденций в произведениях современного ему буржуазного Запада (см., напр., статью о «Парижских тайнах» Э. Сю). Но он не обобщает этих явлений. Россия еще не была капиталистической страной. Проза буржуазной жизни, столь неблагоприятная «для некоторых отраслей духовного производства», не имела еще здесь такого принципиального значения, как на Западе. Искусство русское переживало пору своего молодого расцвета. Творчество Пушкина явило красоту, еще не помраченную буржуазной действительностью. Его поэзия озарила восходящий путь общественного развития. Это поэзия социального подъема, выразившегося в декабризме, в дворянской революционности. Затем дело буржуазной революции в России продолжает разночинная демократическая интеллигенция, овладевшая самыми передовыми идеями своего времени и меньше всего пытавшаяся сделать революцию благонравной. Это и отразилось существенным образом на ее эстетических теориях, которые не могли не отличаться в самых своих основах от западных эстетических учений.

Последние создавались на совершенно иной социальной базе и выполняли совершенно другие исторические функции. Буржуазная эстетика на Западе, отражая противоречия капиталистического общества в своей специфической сфере и в своих специальных категориях, пытается примирить эти противоречия; эстетика русская, отражая противоречия крепостнического, а затем — помещичье-буржуазного общества в России, не только не пытается «примирить» или замаскировать социальные антагонизмы, но со всем бесстрашием обнажает их. Поэтому она, естественно, не может удовлетворяться категориями буржуазной эстетики. Логикою вещей она вынуждена заполнять их новым содержанием, или даже отказываться от них и вводить новые.

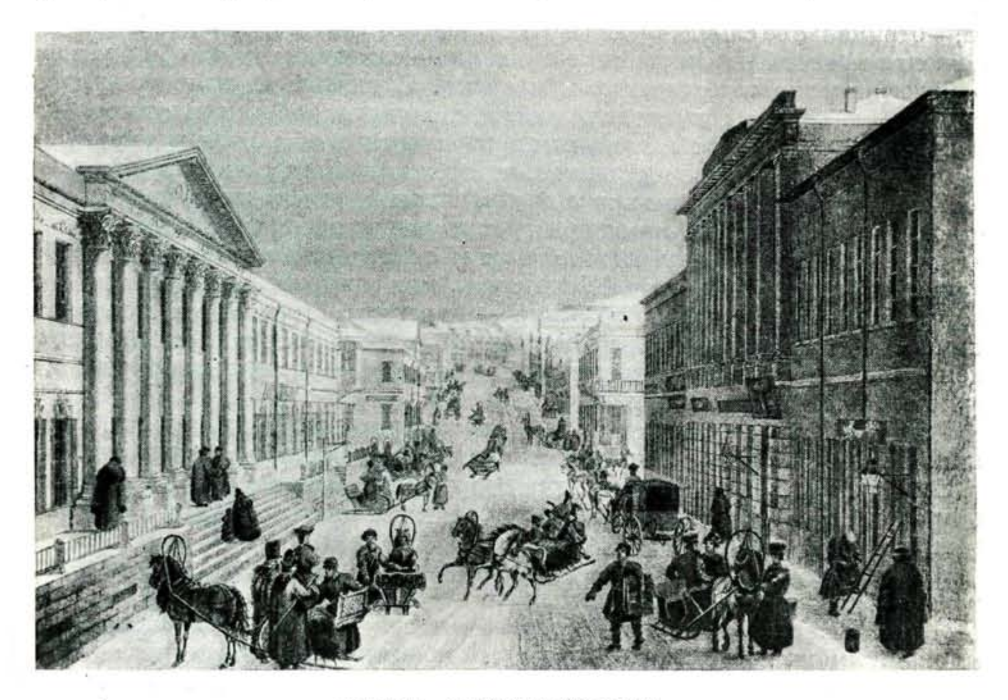
В предыдущем изложении мы уже говорили о таких новых эстетических идеях Белинского, как идея передовой тенденции, говорили о его своеобразно-глубоком понимании категории «возможности» или роли фантазии в художественном творчестве. Коснемся теперь отношения Белинского и его последователей к таким популярным категориям эстетики, как «красота», «трагическое», «юмор».

Категория «красоты»— высшая категория идеалистической эстетики. Красоте она придавала абсолютное значение в мире искусства. Затем сила фактов современного искусства и апологетические задачи вынуждают буржуазных мыслителей включить в эстетику отрицание красоты. Это мы видим, например, у гегельянца Фишера, с которым полемизирует Чернышевский в «Эстетических отношениях». Но как Фишер это делает? Путем довольно примитивных и, вместе с тем, путанных рассуждений. Апологетичные по отношению к буржуазной действительности, антиэстетичность которой была указана еще учителем Фишера — Гегелем, эти рассуждения чрезвычайно напоминают теодицею, т. е. учение о богооправдании, при помощи которого богословы и философы пытались разрешить противоречие между признанием благости божией и наличием зла в мире. В конце концов, краткий смысл длинных речей Фишера сводится к тому, что без уродливого не было бы и прекрасного, как без тьмы—света, что это — понятия соотносительные, друг друга предполагающие, а следовательно, проза буржуазного общества искусству не враждебна.

Белинскому не нужны фишеровские и т. п. построения потому, что он не придает красоте абсолютного значения с самого начала. В эстетике Белинского и его последователей мы имеем дело с революционно-демократическим реализмом, беспощадным к господствующим классам, к существующему общественному строю. Включение «безобраз-

ного» в эстетику не составляет для русских мыслителей проблемы, мнимо разрешаемой искусственной конструкцией, ибо меньше всего они считаются с требованиями отвлеченной, книжной теории. Из ее противоречий действительно нет выхода, который всегда открывает жизнь. Начиная с Белинского русская демократическая эстетика всегда отвечает на требования, предъявляемые науке действительностью — на требование всестороннего ее познания в целях ее всестороннего изменения. И это существеннейшее методологическое различие сказывается и в решении такой проблемы, как проблема красоты, противопоставленной буржуазными философами жизни и оторванной ими от жизни.

Как эстетика жизни, включающая искусство в процесс ее творческого преобразования, революционно-демократическая эстетика, основанная



МОСКВА. КУЗНЕЦКИЙ МОСТ
Литография Энгельмана с рисунка А. Кадоля, 1820-е гг.
Исторический музей, Москва

Белинским, может позволить себе открыто признать непримиримость красоты и уродства и тем не менее ввести последнее в эстетику, в мир искусства. Условием полноценности искусства, а следовательно, и красоты в искусстве, является правда, т. е. такое изображение жизни, в котором прекрасное и уродливое не мирно уживаются, а ожесточенно борются друг с другом. Торжеству красоты в действительности искусство способствует своей правдой об уродливом. Исходя не из субъективно-логического, а объективно-реального представления о красоте, как элементе жизни, революционно-демократическая эстетика может не прибегать к софизмам, чтобы оправдать включение в эстетику отрицания красоты. Белинский, а за ним Чернышевский сохраняют идею красоты, придавая ей реалистический характер объективного положительного содержания самой действительности.

«Прекрасное есть жизнь». Значит — борьба за жизнь есть борьба за прекрасное, и обратно — борьба за прекрасное есть борьба за жизнь, какой она

должна быть по нашим понятиям о ней. Революционно-демократическая эстетика, включая искусство в эту борьбу, тем самым вводит в него без всяких искусственных конструкций и уродливое как одну из противостоящих сил. Учение о тенденции, незнакомое и недоступное в своем содержании буржуазной эстетике, разрешает без всяких натяжек эту неразрешимую для последней проблему. То, что утверждается общественной тенденцией в искусстве, это — красота жизни и жизнестроительства. Уродливо то, что отрицается этой тенденцией, против чего она направлена, как стремление к прекрасному в самой жизни.

Сравнивая постановку и разрешение проблемы красоты школой Белинского и современными ей эстетическими учениями Запада, нельзя не признать за первой большей остроты эстетического чувства как такового.

То, что на поверхностный взгляд может казаться безразличием к красоте, —отрицание ее самодовлеющего абсолютного характера, подчиненное положение красоты по отношению к жизни — свидетельствует об обратном: о более строгих эстетических критериях. Сомнительно наличие красоты там, где необходима известная слепота и глухота, чтобы принять ее. Чем больше эта слепота и глухота, тем поверхностнее, тем уже представление о красоте. Чем обширнее сознание, чем больше, при прочих равных условиях, мы видим и слышим в жизни, тем сильнее развито эстетическое чувство. Столь обычное на Западе разграничение эстетики и этики, искусства и политики свидетельствует о слишком сниженных эстетических требованиях. Такой человек, как Белинский, мог презрительной улыбкой ответить на упреки в измене эстетике — упреки со стороны тех, кто не понимал всей несоизмеримости красоты книги и красоты жизни. Мог ли он ценить эстетическое чувство тех, у кого оно не ущемлялось безобразием и грязью в отношении людей друг к другу?

Тут два ощущения красоты, столь же отличные одно от другого, как «примирение с действительностью» и пафос общественного пересоздания.

Если апологетический характер буржуазной эстетики скрыт в учении о красоте сложными и отвлеченными рассуждениями, то в других ее категориях он выступает уже открыто.

Что, например, может быть более противоположно всему направлению русской эстетики, чем такое суждение Геббеля:

«Драматическое искусство должно способствовать завершению всемирно-исторического процесса, который происходит в наши дни и который стремится не низвергнуть, а глубже обосновать и, следовательно, предохранить от разгрома существующие учреждения человечества— политические, религиозные и нравственные».

Этой охранительной функции издавна служила в эстетике категория «трагической вины». Такой виной признавалось восстание против «существующих учреждений», против statu quo буржуазного общества.

Если Белинский одно время и принимал идею трагической вины, то после отказа от примирения с действительностью он отверг ее вместе с другими идеалистическими концепциями. Как литературный критик он остался чужд ей в своих наиболее значительных разборах драматических произведений. Идее «трагической вины» чужд его анализ «Гамлета». Трагедия Гамлета, как мы уже видели, для него—один из моментов диалектического развития человеческого духа. Он подвергает суровой критике концепцию пушкинского «Бориса Годунова» именно потому, что видит в ней признание трагической вины Бориса и противопоставляет ей свою концепцию трагизма исторического положения и психологических условий (отсутствие гениальности). Чернышевский окончательно разгадал охранительный характер понятия «трагической вины» и изгнал ее из эстетики.

Если мы от трагического перейдем к комическому, к юмору, то увидим ту же противоположность охранительно-апологетическому характеру

буржуазной эстетики революционного характера эстетики русской, которой созвучна на Западе только эстетика Маркса и Энгельса. Юмор в буржуазной эстетике заботливо противопоставляется сатире и в особенности — сатире социальной, которая вообще исключается из сферы искусства за свою тенденциозность. Так, для Фишера, наиболее видного немецкого эстетика конца первой половины XIX в., «все сферы человеческой деятельности, важные для сохранения капиталистического общества, принадлежат к высшему миру и не могут поэтому быть предметом комически-критического изображения (закон, государство и т. д.). А с другой стороны, все житейские беды сводятся к мелким личным неприятностям... принципиально никак не связанным с общественным строем... Фишер подходит, таким образом, к „жизни" с юмористической критикой, но эта критика ставит себе целью... возвышение общества над всякой критикой».[6]

У Белинского же юмор сливается с социальной сатирой. Объективность искусства синтезируется здесь с его революционной идейностью. Смех — великая освобождающая сила против отживших общественных порядков именно потому, что он не произволен: комическое не привносится в действительность поэтом, а раскрывается им в ней. В то же время смех освобождает, ибо сам свободен: ничто не защитит от него объективно-смешного, которое является единственным объектом, достойным высокого, художественного смеха. Реалистическая теория видит революционную действенность смеха именно в том, что он вырастает на почве действительности, «как она есть».

Эта оригинальная теория юмора была подсказана Белинскому творчеством Гоголя, она была подхвачена последователями гениального критика и противопоставлялась ими учению о комическом в буржуазной эстетике.

Напомним знаменитое письмо Щедрина, воспитанного на статьях Белинского. Оно написано в связи с буржуазно-либеральной критикой «Истории одного города», отрицавшей наличие юмора в этом произведении.

Для Суворина, рабски следовавшего в своей рецензии на гениальную сатиру Щедрина за буржуазной эстетикой, юмор низводит великое до малого и возводит малое до великого, устанавливая между ними некое «равновесие», примиряющее великое и малое, высокое и низкое, бедность и богатство, мучителя и жертву. Эту теорию Щедрин, следуя традициям Белинского, признал глумлением «горше всех глумлений».

«Представьте себе на практике эту гимнастику низведения и возвышения,— говорит сатирик, попадая не в бровь, а в глаз западных учителей Суворина,— и вы убедитесь, что тут идет уже речь не о временно-великих и временно-малых, какими вообще являются люди в истории, но о консолидировании сих величин навсегда»[7].

Не апология общественного строя, основанного на эксплоатации и угнетении человека человеком, но апология жизни и защита достоинства человека от этого строя — такова функция юмора в революционно-демократической эстетике Белинского и его школы.

Итак, русская эстетика, созданная Белинским,— единственная в мире домарксистская последовательно-реалистическая эстетика, ибо «реализм» западных эстетиков выше натурализма не поднимается, поскольку остается в пределах буржуазной идеологии. И это не случайно.

Творческая сила русской эстетической мысли заключалась прежде всего в глубокой связи ее с народом, с жизнью миллионов,— связи, которая была потеряна эстетикой Запада периода победившей буржуазии.

Потеря этой связи пагубно отразилась и на самых прогрессивных, самых демократических эстетических теориях буржуазного Запада. Может ли при таком органическом пороке, при такой оторванности от всего, чем живет, чем дышит большинство человечества,— может ли при таком от-

рицательном условии создаться сколько-нибудь удовлетворительная концепция реализма?

Так и Фейербах, как сказано в «Немецкой идеологии», «не замечает, что окружающий его чувственный мир — вовсе не непосредственно от века данная, всегда себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния» [8].

Но уже у Белинского «чувственный момент» включает в себя «чувственную деятельность», жизнь как деяние, социальную практику, «общественное состояние». Чувственный момент здесь не абстрактен и пассивен, а социально определен и активен. Эстетика Фейербаха, не говоря уже о его последователях, при всем своем бунте против идеалистических абстракций во имя конкретной чувственности остается крепко связанной с идеалистической эстетикой. И Фейербаху не чуждо представление об «эстетической видимости», как своего рода самодовлеющей основе искусства. Наших же эстетиков, начиная с Белинского, интересует не столько иллюзорность искусства, сколько то, что делает его способным вызывать иллюзию реальности: отражение действительности в искусстве.

В лице Белинского русская эстетика, действительно, сумела проложить себе путь от идеализма к материализму и стать эстетикой жизни вместо эстетики книги, сумела понять искусство и как отражение и как часть жизни, как одну из ее действующих сил. Это был целый переворот в эстетике. Многие вопросы прежних эстетических систем оказались искусственными и бесплодными; вместо них были выдвинуты новые проблемы, иные получили другую постановку и правильное решение. Мы только что видели это на примере таких трех кардинальных проблем эстетики, как проблемы красоты, трагического и юмора. К ним можно прибавить ряд других: единства формы и содержания, художественной фантазии, художественной правды и правдоподобия, возможности, типизации, критериев художественности и т. д.

Белинский и основанная им школа преодолели те противоречия, которые характерны как для идеалистической, так и ограниченно-эмпирической точки зрения. Они «сняты» в творческом синтезе, определенном прежде всего революционно-демократической точкой зрения на отношение искусства к действительности — к народной жизни. Идея досоциалистического реализма нашла в России не только самое совершенное художественное воплощение, но в эстетике Белинского и такое глубокое теоретическое обоснование, значение которого для марксистско-ленинской философии искусства трудно переоценить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. Т. XII. СПб., 1898, стр. 22.
[2] Там же, стр. 22 и 24.
[3] Там же, стр. 50.
[4] И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, стр. 209—210.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 657.
[6] Г. Лукач. Литературные теории XIX в. и марксизм. Гослитиздат, М., 1933, стр. 120.
[7] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч. Т. VIII. Гослитиздат, стр. 450.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 35.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗАВЕЩАНИИ БЕЛИНСКОГО

Статья Д. Заславского

I

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский писал: «...поездки за границу чрезвычайно полезны нам: многие из русских отправляются туда решительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная кем, и потому самому с искренним желанием сделаться русскими» (X, 399).

В этих словах выражено весьма критическое отношение к Западной Европе. Можно было бы прочитать в них некоторое сочувствие славянофилам. Но вслед за этим Белинский решительно отмежевывается от славянофилов. Он попрежнему враждебен славянофильской идее самобытности русского народа. Это не значит, однако, что он враждебен идее самобытности вообще. У него есть своя собственная идея на этот счет. Как раз ее Белинский и развивает в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Мы вернемся к этой статье, а пока обратим внимание на то, что как раз после напечатания ее Белинский стал готовиться к своей единственной поездке за границу, которую и осуществил летом 1847 г. Он побывал в Германии, проезжал через Бельгию, прожил почти два месяца в Париже. Мы не можем сказать, что Белинский уезжал за границу «решительным европейцем». Мы видели его критическое отношение к этой категории русских путешественников. Еще в меньшей степени мы можем сказать, что он вернулся «сам не зная кем... с искренним желанием сделаться русским». Он был вполне русским и перед своей поездкой. Но была ли в таком случае полезна для него поездка и что нового внесла она в общественно политическое мировоззрение Белинского?

Белинский ехал за границу не как любознательный путешественник-турист. Он и не бежал за границу, как некоторые его современники. Его погнала жестокая болезнь. Отечественные врачи не могли помочь,— оставалась обманчивая надежда на иностранных. Но и эти оказались бессильны. Белинский умер через девять месяцев после своего возвращения из Парижа.

Болезнь разрушала организм, подточенный годами тяжких лишений и перенапряженного труда. Физические силы истощались. А духовные? Временами Белинскому казалось, что ослабевает его мысль, падает его воля, гаснет страсть. Он писал Кавелину в ноябре 1847 г., вернувшись из-за границы: «...я и сам ехал за границу с тяжелым и грустным убеждением, что поприще мое кончилось, что я сделал все, что дано было мне сделать, что я измочалился, выписался, выболтался, и стал похож на выжатый и вымоченный в чаю лимон» («Письма», III, 298). Но Белинский для того и написал это свое признание, чтобы его опровергнуть. Нет, он не был убежден в том, что он «сделал все». Момент упадка веры в себя, в свои силы сменялся подъемом настроения, энергии, боевой страсти.

Белинский неохотно ехал за границу. Он боялся приступов апатии, равнодушия к чужому, западноевропейскому миру. Это и бывало с ним иногда. Боткину он сообщал, что «не даром скучал, зевал и апатически страдал за границею» («Письма», III, 266). Наблюдая его в такие минуты, Тургенев пришел к заключению, что Белинский «уже устал и охладел». Свидетельство сомнительное. Оно характеризует самого Тургенева больше, чем Белинского. Ближе к истине был Герцен. Он вспоминал о Белинском: «В последний раз я видел его в Париже осенью 1847 года; он был очень плох, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергия и ярко светилась своим догорающим огнем. В такую минуту написал он свое письмо к Гоголю» («Былое и думы», гл. XXV).

Белинский был, действительно, физически «плох» в августе—сентябре 1847 г. Не удивительно, что он боялся громко говорить вслух. Но нельзя согласиться с тем, что письмо к Гоголю могло быть делом «минуты». Это положительно неверно. Оно не было и единственным документом этого времени, отразившим высокий подъем и мысли и страсти Белинского. Все его письма, и все его статьи, написанные после возвращения из-за границы, проникнуты духом борьбы.

В конце февраля 1848 г. (по старому стилю) Белинский упрекает Боткина в том, что он исключает «нетерпимость из числа великих благородных источников силы и достоинства человеческого». О себе Белинский говорил здесь: «...останусь гордо и убежденно нетерпимым. И если сделаюсь терпимым — знай, что с той минуты я — кастрат, и что во мне умерло то прекрасное, человеческое, за которое столько хороших людей (а в числе их и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоил того» («Письма», III, 185—186).

Идейной нетерпимостью,— мы сказали-бы теперь, партийностью,— дышат все произведения Белинского — и его статьи в журнале, и его письма,— в 1847—1848 гг. Он не устал и не охладел. Напротив, смерть захватывает его на новом повороте в борьбе за будущее России. Он — в новом увлечении, в новых поисках.

Надо, таким образом, решительно отвергнуть представление о том, будто последние годы и даже месяцы жизни Белинского были временем упадка его творчества, будто только «на минуту» загоралось оно прежним пламенем. Можно утверждать с достаточным основанием, что как раз незадолго перед смертью Белинский в своей деятельности поднялся на высочайшую вершину, с которой пророчески прозрел грядущие пути русской литературы и русского народа. Анненков в своих «Воспоминаниях» рассказывает о том, как Герцен оценил письмо Белинского к Гоголю: «Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, куда, улучив минуту, Г⟨ерцен⟩ шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: „Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его“».

Отбросив в сторону всяческие измышления об упадке творческой деятельности Белинского, его усталости, о примирении с противниками и т. п., мы можем подойти к вопросу о том, какое значение имела для Белинского поездка за границу, как отразилась она в его произведениях.

II

Вернемся к статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Среди других работ его—это статья замечательнейшая. В ней есть новые мысли, представляющие огромный интерес. Они не были оценены в достаточной степени современниками, людьми 40-х годов XIX в. Но не случайно отдельные положения и фразы из этого обзора так часто приводятся в наше время. Люди 40-х годов XX в. понимают их лучше. Мало того. Именно в наши дни смысл этой статьи раскрылся во всей его волную-

щей силе. То, что было для самого Белинского смутным видением, стало реальной действительностью.

Еще раньше, в 1846 г., в статье «Мысли и заметки о русской литературе» Белинский написал столь ныне известные, часто цитируемые строки: «Россия решила судьбы современного мира, „повалив в бездну тяготевший

БЕЛИНСКИЙ

Рисунок А. Редера, 1858 г.

Как свидетельствует надпись, сделанная П. А. Ефремовым, портрет был скопирован Редером для Некрасова с оригинала, рисованного с натуры Е. А. Языковой в мае 1848 г. После смерти поэта З. Н. Некрасова подарила портрет Ефремову

Институт мировой литературы им. Горького АН СССР, Москва

над царствами кумир“, и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества... Но это показывает, что мы ни от кого не отстали, а многих и опередили в политическо-историческом значении — важной, но еще не единственной, не исключительной стороне

жизни для народа, призванного для великой роли. Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях; но в одном в нем еще нет окончательного достижения до развития всех сторон, долженствующих составлять полноту и целость жизни великого народа. В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль...» (X, 142).

Поражает сила уверенности Белинского в великом историческом призвании русского народа. Он решительно отвергал пророчества мистического характера,— в них не было тогда недостатка. Одним из источников веры в великое будущее России было для Белинского могучее развитие русской литературы. А литература была для него отражением пройденных исторических путей и предуказанием грядущих.

Размышления о грядущих путях развития России составляют важнейшую часть статьи «Русская литература в 1846 году». Литературно-критический обзор нужен Белинскому для того, чтобы поставить основной историко-философский и политический вопрос о задачах, которые призван разрешить великий русский народ. Если он должен в будущем положить на весы европейской жизни русскую мысль, то в чем она, эта мысль?

На этот вопрос Белинский отвечает так: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль,— об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания; потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...» (X, 401).

Значит ли это, по Белинскому, что его современники осуждены на пассивное выжидание; что если «рано хлопотать», то надо отказаться от активного вмешательства в исторический ход событий? Нисколько. Белинский требует в своей статье, чтобы выбор пути к великому будущему сделан был именно теперь. От того, по какому направлению пойдет все дальнейшее развитие России, зависит и то, когда и как будет сказано потомками новое слово. Белинский пишет:

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем. Мы как будто испугались за нашу жизнь, за наше значение, за наше прошедшее и будущее, и скорее хотим решить великий вопрос: Быть или не быть? Тут уже дело идет не о том, откуда пришли Варяги — с Запада или с Юга, из-за Балтийского или из-за Черного моря; а о том, проходит ли через нашу историю какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходит, какая именно; какие наши отношения к нашему прошедшему, от которого мы как будто оторваны, и к Западу, с которым мы как будто связаны» (X, 398). Кстати сказать, в связи с этой альтернативой — быть или не быть? — сказаны Белинским приведенные выше слова о пользе для русского человека поездки за границу.

Альтернатива эта в русской литературе 40-х годов прошлого века не новая: вокруг вопроса — быть или не быть?— и шли споры между славянофилами и западниками. Но Белинский на этот раз ставит вопрос по-новому. Он решительно отрицает реакционные позиции славянофилов. Он называет «маниловскими фантазиями» их стремление повернуть русскую историю вспять, к допетровским временам. Но Белинский отмечает и положительную сторону в славянофильстве: его критическое отношение к Западу.

Белинский призывает к решительному пересмотру традиционного отношения демократических кругов к Западной Европе: «...пора оставить,— говорит он,— как дурную привычку, довольствоваться словами и европейские формы и внешности принимать за европеизм. Скажем более: пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиат-

ГИ, 10 Апрѣля 1847. № 78.

От совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ Чиновника 4-го класса Каменева симъ извѣщается, что ими съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, будетъ продаваться по вольною цѣною, **ИМѢНІЕ**, состоящее въ 35 верстахъ отъ С. Петербурга, Ораніенбаумскаго уѣзда въ деревняхъ Муховицы и Заостровье, въ коихъ числится по ревизіи мужескаго пола крестьянъ 96 душъ; земли пашенной, сѣнокосной и лѣсной при первой деревнѣ 262 десятины 1.960 саженъ; а при другой 173 десятины 1.696 саженъ; и съ приморскою дачею Везенбергъ, отъ Ораніенбаума въ 7 верстахъ. съ деревяннымъ тамъ строеніемъ, лѣсомъ и сѣнокосомъ. Срокъ для торга назначается 1847 г., мая 30 дня въ 12 часовъ пополудни, въ домѣ наслѣдниковъ Каменевыхъ, Рожественской части 1-го кварт. № 19—20, гдѣ можно узнать и подробности объ этомъ имѣніи отъ самихъ наслѣдниковъ и видѣть планы. 3

ОТДАЧА ВЪ НАЕМЪ.

На Аптекарскомъ Острову на набережной Невки близь Каменно-Островскаго моста, отдается въ наемъ **ДАЧА** бывшая Г-дъ Энгельгардтовъ, а нынѣ Г. Прехтль подъ № 1.385 и 1.248, между дачами Князя Шаховскаго и Генеральши Обресковой вновь, отдѣланная для одного семейства, въ коей 20 комнатъ чистыхъ, конюшня на 10 стойловъ, 2 сарая большихъ, особая прачечная, каменная отдѣльная кухня и всѣ службы; о цѣнѣ спросить у дворника. 1.

КВАРТИРА 7 комнатъ и 1 кухня отдается за отъѣздомъ, конюшня на 3 лошади, сѣноволъ, сарай каретный, и для дровъ чуланъ 1; спросить близь Невскаго проспекта и вокзала. въ домѣ Г. Случевскаго, подъ № 223. 1.

За отъѣздомъ отдается въ наймы **КВАРТИРА** съ мебелью состоящая изъ 20 комнатъ въ двухъ этажахъ, конюшнями, сараями и со всѣми принадлежностями. 3-й Адмиралтейской части. 4-го квартала, на углу Садовой и Вознесенской улицъ въ домѣ Мусиной-Пушкиной подъ № 46 и 308. Тутъ-же продаются 7 лошадей, карета и коляска на лежа-

ОТЪѢЗЖАЮЩІЕ ЗА-ГРАНИЦУ.

I.

Анна **БАВІЕРРА** съ дочерью **МАТИЛЬДОЮ**; на площади Александринскаго Театра въ домѣ Камеля.

Константинъ Александровичъ **ШВЕБСЪ**, Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка Ротмистръ; въ г. Царскомъ Селѣ въ 3-мъ кварт. Захарьевской улицѣ въ домѣ Генерала Штегельмана.

Надежда Павловна **БѢЛЯВСКАЯ**, съ малолѣтнымъ сыномъ **ѲЕОДОРОМЪ**, при нихъ крѣпостная женщина Г. Ефремова Анна **ФАДѢЕВА**; Моск. ч. 4-го кв. въ собственномъ домѣ подъ № 19.

Николай Викентьевичъ **ДОБРОВОЛЬСКІЙ**; Моск. ч. 1-го кварт. въ Троицкомъ переулкѣ въ домѣ Кривоносовой № 9.

Валеріанъ Петровичъ **ШРЕЙДЕРЪ**, Полковникъ съ супругою **АЛЕКСАНДРОЮ** Степановною, при нихъ крѣпостная дѣвица Ирина **ВОЛКОВА** и дворовый человѣкъ Владиміръ **АЛЕКСѢЕВЪ**; на углу Невскаго проспекта и Литейной въ домѣ Жукова.

Константинъ Дмитріевичъ **ЕСАКОВЪ**, отставной Артиллеріи Капитанъ; Лит. ч. 2-го кв. въ собственномъ домѣ № 136—25.

Марья Егоровна **СИМПСОНЪ**, Великобританская подданная, съ дочерьми **ЕЛИЗАВЕТА**, **ГЕНРІЕТА** и **ДЖОРЖАЙНА** и служанка Катерина **ВАЙНИ**; въ домѣ Вице-Консула Винберга въ Соборной улицѣ въ Кронштадтѣ.

Эмилія Мартыновна **ТИБЛЕНЪ**, жена Архитектора съ малолѣтнымъ сыномъ **ЛЬВОМЪ**; на Вас. Остр. въ 8 й линіи въ домѣ Гизе № 44.

Іона Михайловичъ **КРАШЕНИННИКОВЪ**, потомственный Почетный Гражданинъ; Вас. ч. 1-го кв. въ домѣ Панкаша № 48—2

Дмитрій Ивановичъ **ЖАДИМЕРОВСКОЙ**, отставной Корнетъ; 2 й Адм. ч. 1-го кв. въ домѣ № 1.

Джоржъ **КИТСОНЪ**, Великобр. под.; въ Галерной улицѣ въ домѣ № 214—78.

Павелъ Діомидовичъ **ЕФРЕМОВЪ**, Оберъ-Гиттенфервалтеръ 8-го класса, при немъ житель города Феллина Александръ Федоровъ **КАПЛИКЪ**; Моск ч. 4-го кв въ домѣ Бѣлявской № 19.

Виссаріонъ **БѢЛИНСКІЙ**, дворянинъ; 3-й Адм. ч. 1-го кв. въ домѣ № 3.

Дѣвица Юлія **ГИЛЛИСЪ**; на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Чаплина № 15.

Іоганнъ Карлъ Августъ **ОВЕРБЕКЪ** иностранецъ; въ Зимнемъ переулкѣ въ домѣ Риглера № 4.

Альфредъ **ГАМФРЕСЪ** иностранецъ; въ Эртелевомъ переулкѣ въ домѣ Третьякова.

Жанъ Проспѣръ **МОРЕЛЬ** иностранецъ; на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Косиковскаго № 10

Максимъ **ФЕДОРОВЪ** отставной унтеръ-офицеръ; 3-й Адм. ч. 2-го кв. № 117

II.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ «САНКТПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» № 78 ОТ 10 АПРЕЛЯ 1847 г. О ПРЕДСТОЯЩЕМ ОТЪЕЗДЕ БЕЛИНСКОГО ЗА ГРАНИЦУ

Объявление было повторено в №№ 80 и 82 от 12 и 15 апреля 1847 г. той же газеты

ское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого. Европейских элементов так много вошло в русскую жизнь, в русские нравы, что нам вовсе не нужно беспрестанно обращаться к Европе, чтоб сознавать наши потребности: и на основании того, что̀ уже усвоено нами от Европы, мы достаточно можем судить о том, что̀ нам нужно» (X, 400).

По сути, Белинский на своем языке, отразившем влияние исторического идеализма, высказывает идеи, близкие нашему времени. Он проводит глубокое, принципиальное различие между уважением к подлинному европеизму, у коего общие с Россией пути исторического развития, и низкопоклонством перед внешними формами западноевропейской иностранщины. Европеизация России не была ошибкой, как это утверждают славянофилы. Европеизация вывела Россию на прогрессивный путь развития. Но Россия отнюдь не осуждена на то, чтобы всегда следовать за Западной Европой, перенимая ее зады. У великого русского народа — свои пути. Он их прокладывает в истории самостоятельно, по своему выбору. В этом и выражается, по Белинскому, национальная самобытность русского народа. Далее следуют замечательные высказывания Белинского о национальности и космополитизме. Вся его статья, программная по своему характеру, представляет борьбу на два фронта. Белинский выступает против двух «крайностей». Он говорит о своих идейных противниках: «Одни бросились в фантастическую народность; другие — в фантастический космополитизм, во имя человечества» (X, 405). Кого имеет в виду Белинский, по чьим адресам направлены его обвинения?

Первый адресат известен. С ним Белинский полемизирует давно и страстно. Это славянофилы, реакционные националисты, сторонники уваровской «казенной народности», неотделимой от православия и самодержавия.

Кто второй адресат? Это выяснится из дальнейшего. Пока же заметим, что под космополитами «во имя человечества» Белинский имел здесь в виду и тех русских «решительных европейцев», о которых он писал, что непосредственное знакомство с Западной Европой может переделать их. Именно эти «решительные европейцы» принимают за «европейское» внешние формы западноевропейской жизни и подменяют «человеческое» низкопоклонством перед иностранщиной.

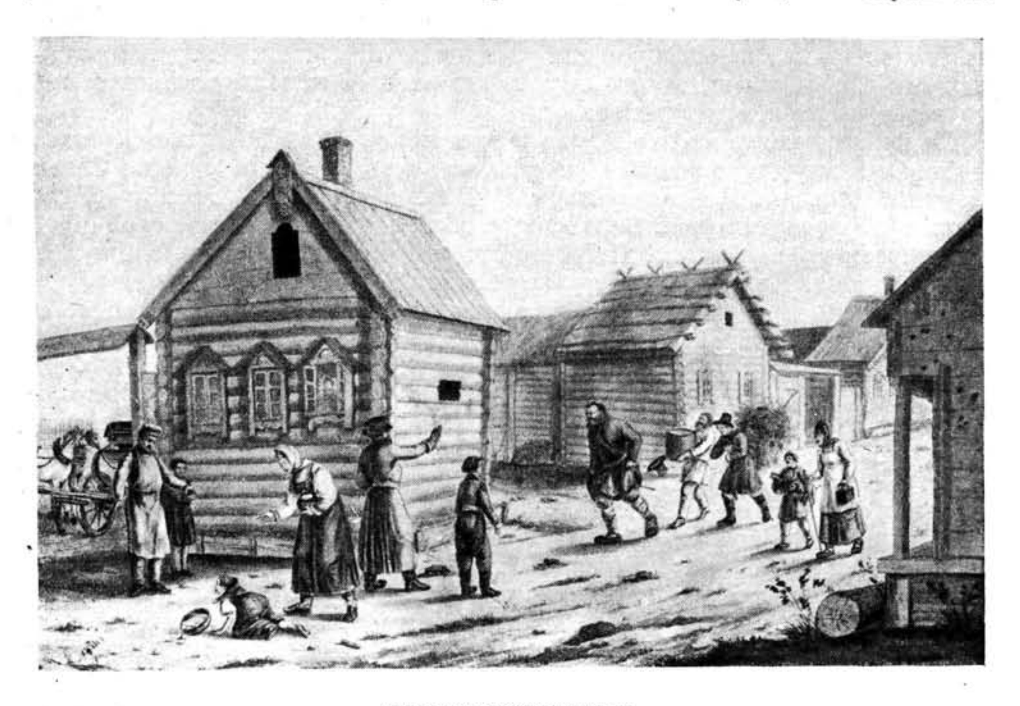
С огромной силой утверждает Белинский права национального своеобразия народов. Горячей страстью дышат его слова: «Что̀ личность в отношении к идее человека, то̀ народность в отношении к идее человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание, такой-то логики... Но к счастию, — прибавляет Белинский, — я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...» (X, 408).

Замечательные мысли Белинского закутаны в довольно густую оболочку идеалистической фразеологии. Но она меньше всего должна нас смущать. Идеи, высказанные Белинским сто лет назад о национальности и космополитизме, были совершенно правильны. Марксизм-ленинизм подвел под его высказывания твердую исторически-материалистическую базу.

Мы видим, какие мысли, какие настроения владели Белинским, когда он готовился к своей поездке за границу. Это была его первая личная встреча с тем Западом, о котором он неустанно писал всю жизнь, за который воевал с русскими реакционными писателями и публицистами. Он был

самым непримиримым, самым страстным защитником европеизации России. Но теперь, накануне поездки, он столь же страстно и нетерпимо выступил против тех из своих сторонников, которые смешивают подлинный европеизм с низкопоклонством перед иностранщиной и противопоставляют идею человечества идее национальности, как противоположные начала. Чего ожидал Белинский от Западной Европы? Он дал довольно точный ответ на этот вопрос, — конечно, в рамках царской цензуры. Он писал в той же статье:

«Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. Тó, чтó для нас, Русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все



ПРИЕЗД ПОМЕЩИЦЫ
Акварель неизвестного художника, 1850-е гг.
Исторический музей, Москва

согласны. И — чтó всего лучше — эти вопросы решены там самою жизнию, или, если теория и имела участие в их решении, то при помощи действительности. — Но это нисколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения. — Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только тò, чтò применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль дон-Кихотов, горячась из ⟨за⟩ него. Этим мы заслужили бы скорее насмешки Европейцев, нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя — вот где должны мы искать и вопросов и их решения» (X, 411—412).

Что это за «важные вопросы», которые в Западной Европе уже разрешены, а в России еще ждут своего решения и должны быть решены собственными силами русского народа? Что это за «новые великие вопросы», которые занимают ныне Европу, но являются вопросами посторонними для России? Нужно расшифровать все эти слова, сказанные так, чтобы царская цензура не могла придраться к ним. Расшифровать не трудно, но мы предпочитаем сделать это словами самого Белинского, а для этого надо последовать за ним за границу. К этому мы и переходим.

III

Белинский ехал за границу лечиться. Но не такой он был человек, чтобы, попав впервые в чужие страны, освободившись на время от гнетущего надзора николаевских жандармов, он не стал бы живо интересоваться людьми и событиями, доселе ему не известными или известными только из газет, книг и понаслышке.

Он попал прежде всего в Германию, проехал через Берлин в Дрезден, побывал в его живописных окрестностях, остановился в курорте Зальцбрунн в Силезии. Его встретили в Германии Тургенев и Анненков. Они были и его проводниками. Белинский любовался видами Саксонской Швейцарии, осматривал музеи. Известен его замечательный отзыв о Сикстинской мадонне. Но природа и музеи утомляли его.

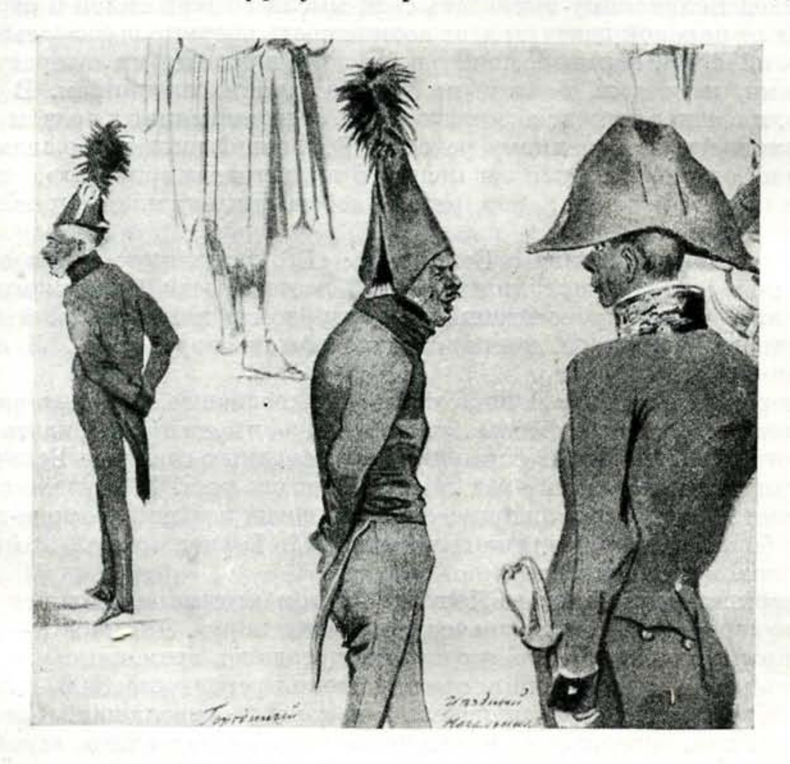
Белинский внимательно всматривался в жизнь немецкого народа, он подмечал в ней такое, что проходило мимо глаз его либеральных друзей. Это свидетельствует о том, что Белинского и в курортно-лечебной обстановке занимали важнейшие общественно-политические вопросы. Он писал Боткину из Дрездена: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии, которую Фридрих Великий считал лучшим перлом в своей короне. Только здесь я понял ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат» («Письма», III, 244). Белинский сравнивает положение немецкого рабочего с положением русского крестьянина-крепостного. Может показаться, что состояние крепостничества Белинский считает более выгодным для трудящегося человека, чем «свободный труд» в капиталистическом обществе. Но это, конечно, не так. Об этом пойдет речь ниже. Важно то, что, вырвавшись из крепостнической России на самый короткий срок в «свободную» страну, Белинский не дал себя ни на минуту в обман. Он сразу же рассмотрел самую важную сторону в жизни государства, в котором шла в это время борьба за либеральные реформы. Он и в Германии ко всем вопросам подходил прежде всего как демократ, как плебей, ставя на первое место интересы народа. Он и Сикстинскую мадонну расценил прежде всего с демократической, с плебейской точки зрения, открыв с удивительным чутьем аристократическое пренебрежение к народу и в чертах богородицы и в чертах младенца. Он и в живописных горах Саксонии, и в промышленных поселениях Силезии открыл прежде всего нищету рабочего класса, его бедность... «Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» («Письма», III, 244). Он рисует яркую картину нищеты силезского пролетариата и заключает словом: «Страшно!»

Извольте после этого говорить об «охлаждении» Белинского!

Он попал в Германию в то время, когда буржуазия начала там выступления за расширение избирательного права, за политические реформы, за конституцию, ограничивающую самовластие королей. Трудно назвать борьбой это оппозиционное движение. Достаточно было резкого окрика со стороны Фридриха-Вильгельма IV, чтобы буржуазия смиренно стала на колени и требования сменила на просьбы. Все же в Германии, всего

больше в Пруссии, назревал политический кризис, брожение чувствовалось и в печати, и в разговорах. Энгельс писал о 1847 годе в Пруссии: «Вопрос о том, кому должно принадлежать господство в Пруссии: союзу ли дворянства, бюрократии и попов с королем во главе, или же буржуазии,— поставлен теперь так остро, что он должен быть определенно разрешен в пользу одной или другой стороны» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. V, стр. 241).

Белинский был в курсе событий. Он неоднократно упоминает о «штандах», то-есть о сословиях в Пруссии: об их борьбе за власть и шла речь. Либеральная немецкая буржуазия приводила Белинского в негодование.



УЕЗДНЫЕ ЧИНОВНИКИ
Зарисовки Г. Г. Гагарина, 1830-е гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

С раздражением он говорил о немецких мещанах. К ним относятся негодующие слова Белинского в письме к Боткину: «Что за тупой, за пошлый народ немцы — святители! У них в жилах течет не кровь, а густой осадок скверного напитка, известного под именем пива, которое они лупят и наяривают без меры. Однажды за столом был у них разговор о штандах. Один и говорит: „я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс". Когда Тургенев передал мне слова этого истого немца, я чуть не заплакал, что не знаю по-немецки и не могу сказать ему: „я люблю суп, сваренный в горшке, но и тут я больше люблю горшок, чем суп". Этот же юный немец, желая похвалить одного оратора, сказал о нем: „он умеренно парит". Но всего не перескажешь об этом народе, скроенном из остатков и обрезков» («Письма», III, 243—244).

Нужна ли другая, более страстная, более непримиримая оценка немецкого буржуазного либерализма, да и либерализма вообще? За рубежом родной страны Белинский остался революционером и демократом по

всему складу своей натуры, по всему строю своего мышления. На немецком курорте, за чинным табльдотом, среди немецких бюргеров он готов броситься в сражение с тупым и самодовольным либералом, восхваляющим добродетели умеренности и аккуратности...

Но как бы ни были интересны люди и события в Германии, душа Белинского не с ними. Он приглядывается к новым для него явлениям и картинам, но все его мысли с Россией. Он и не успел по-настоящему оглянуться в Германии, а его тянет домой, на родину. Неотступно стоят перед ним те «важные вопросы», которые русский народ должен решать самостоятельно собственными силами и которые на Западе уже решены. Письмо Гоголя дает повод Белинскому высказать свои мысли со всей силой и страстью. Свобода от царской цензуры дает возможность впервые высказаться полностью, ничего не скрывая, ничего не маскируя условными литературными оборотами, намеками, понятными только единомышленникам. В Зальцбрунне, в течение трех дней, отказавшись от предписанных врачом прогулок, изменив установленному режиму, Белинский пишет свое знаменитое письмо к Гоголю, и это как раз письмо о тех «важных вопросах», которые должен решить русский народ, решить собственными силами, у себя, ища решения «вокруг себя».

Известны слова Ленина о Белинском: «Его знаменитое „Письмо к Гоголю", подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (В. И. Л е н и н. Сочинения. Т. XVII, стр. 341).

Подчеркнем в отзыве Ленина слова: «подводившее итог литературной деятельности Белинского». Мы, действительно, имеем право видеть в письме к Гоголю обобщенную формулировку основных взглядов Белинского. В этом письме Белинский пред нами во весь его рост. Высказано с огненной страстью все, к чему он пришел после многих лет литературно-политической борьбы, после пережитых сомнений. Герцен назвал это письмо «завещанием» Белинского.

Подчеркнем и другие слова Ленина — о том, что письмо Белинского сохранило «громадное, живое значение и по сию пору». Это значит — по 1914 год. Партия большевиков в это время, преодолев временные настроения упадка в рабочем движении после поражения революции 1905 г., возглавила рабочий класс России и вела его к новой революции. Свержение самодержавия, свержение помещичье-капиталистического строя было задачей рабочего класса, руководителя революции, и крестьянства, его союзника.

Белинский в своем письме к Гоголю перечислил те вопросы, которые он считал «важными» для России в 1847 г. Он писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» («Письма», III, 231).

С первого взгляда, это вопросы о реформах. Белинский обходит вопрос о формах политического правления. Он предполагает возможность проведения этих реформ царским правительством. Ведь речь идет даже не о конституции, а об исполнении законов, установленных самодержавной царской властью. О необходимости отмены крепостного права поговаривали тогда даже консервативно настроенные чиновники. Это входило в программу либеральных кругов профессуры, писательской среды, журналистики.

Но сразу же, с первого слова, письмо Белинского к Гоголю было решительно всеми воспринято как революционный манифест, призывающий по сути к ниспровержению царизма. Правительство Николая I оценило выступление Белинского как самый яркий документ революционного

движения 1848 г. За чтение письма Белинского,— только за чтение!— притом в узком кругу передовых интеллигентов того времени, петрашевцев, Достоевский был приговорен к смертной казни. Не трудно представить себе участь Белинского, если бы это письмо его, «завещание», стало известно царским жандармам до его смерти. Царское правительство не перечня реформ испугалось в этом письме, а того тона, в каком сказано было о реформах. Тон был открыто революционный, он и делал «музыку».

Била по самодержавию, по всему помещичьему строю картина крепостнической России, нарисованная гениальным пером революционера-демократа: «...она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!» («Письма», III, 231).

«Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом сне!» — добавлял Белинский, и всем тоном своим письмо его направлено было на то, чтобы пробудить Россию, согнать «апатию»... Пробуждение это все крепостники-помещики во главе с царем переводили на язык истории, как революцию, и они были правы. Без революционного переворота «важные вопросы» не могли быть решены в России. Они и не были решены до 1917 г.

Белинский ожидал, что первый шаг в направлении к реформам будет сделан правительством. Это не была либеральная иллюзия. Белинский считал, что царизм будет вынужден отменить крепостное право,— добровольно, если поймет требования момента, под напором крестьянских восстаний, если не поймет. Но формальной отменой крепостного права Белинский отнюдь не ограничивал «важных национальных вопросов». Его письмо, направленное в первую очередь против крепостников-помещиков, против продажных чиновников, било несравненно дальше. Оно формально приводило к требованию замены феодально-крепостнического строя буржуазным. А по сути Белинский и этим не ограничивался. Его слова о достоинстве человека, его гневное обличение мистицизма и церкви, требование полного раскрепощения народа выводили и за пределы упорядоченного буржуазного общества. И в этом отношении письмо Белинского сохраняло живую силу и десятки лет после того, как крепостное право формально было отменено.

Это засвидетельствовали документально русские либералы, злейшие враги революции, рабочего класса, социализма. Свою идеологическую расправу с революционной демократией писатели из печально-знаменитого сборника «Вехи» начали с Белинского, и именно с письма Белинского к Гоголю. Ленин в статье «О „Вехах"» сопоставляет два высказывания либеральных ренегатов о Белинском: «Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи", есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения" (56). „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар" (82)». (В. И. Ленин. Сочинения. Т. XIV, стр. 219).

Разоблачая веховцев, вскрывая источник их бешеного озлобления против Белинского, Ленин указывает на то, что̀ рождало силу и страсть знаменитого письма к Гоголю: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» (там же).

Дух крестьянской революции — вот что привело в смертельный испуг всю царскую бюрократию сто лет назад в письме Белинского. Важные национальные вопросы для России Белинский решал с прямотой и последовательностью революционного демократа. Либеральная половинчатость была чужда его мировоззрению, всей его натуре, его литературному стилю. Его не смутил высокий художественный авторитет Гоголя, перед которым он поклонялся. Его не остановили соображения литературного пиэтета, приятельские отношения, условные приличия. «Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить; это не в моей натуре», — так Белинский заключал свое письмо. Это — язык честного демократа и революционного борца.

Мы видели, как, находясь за границей, Белинский решал важные вопросы русской внутренней жизни. Мы видели, как относился он и к посторонним как будто для него важным вопросам германской внутренней жизни. Он и тут непримирим к либеральной половинчатости. Его слова о нищете рабочего класса, о пауперизме и пролетариате сказаны так, как мог бы сказать их только сторонник интересов трудящихся, как честный демократ. Но в Германии он видит только одну сторону в жизни пролетариата: его бедственное положение, его лишения.

Германия не привлекла к себе Белинского. Мы читали его отзыв о «немцах». Он ехал дальше, во Францию. В самом имени «Париж» была волнующая сила для русских передовых людей. Здесь зарождались революции. Отсюда проникали и в русскую глушь социалистические и коммунистические учения. Помимо этого, в Париже жили в это время Герцен, Бакунин... Белинского не могло не тянуть к ним.

Но Белинский писал Боткину перед самой поездкой в Париж: «Еду в Париж и вперед знаю, что буду там скучать. Притом же, чорт знает, что мне за счастие! В Питере, перед выездом, я только и слышал, что о шайке воров с Трипатным и Добрыниным во главе; при приезде в Париж только и буду слышать, что о воре Тесте и других ворах, конституционных министрах, только подозреваемых, но не уличенных еще вором Эмилем Жирарденом. О, tempora! О, mores! О, XIX век! О, Франция — земля позора и унижения! Ее лицо теперь — плевальница для всех европейских государств. Только ленивый не бьет по щекам ее» («Письма», III, 245).

Ниже мы прокомментируем эти слова о министрах-ворах. Отметим лишь сейчас и попутно, что за гневными словами об унижении и падении Франции не трудно открыть и горячие симпатии к французскому народу. В лирической тираде Белинского есть и презрение к правящим кругам Франции и искренняя боль за нее. Так не говорят о стране, к которой относятся безразлично.

Но действительно ли Белинский по приезде в Париж готовился слышать только о воровстве министров? Несомненно, это преувеличение в интимном письме к другу. Мы знаем, что̀ он писал столь недавно о Западе. Вспомним его слова, приведенные нами выше: «Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно...» Можно сказать, не рискуя впасть в ошибку, что среди этих великих вопросов одно из первых мест занимал вопрос о социализме и коммунизме. Повидимому, был среди этих вопросов и вопрос о государственном устройстве некоторых западноевропейских стран, в первую очередь Франции. В порядок дня был поставлен вопрос о республике. В газетах того времени видное место занимала борьба за национальное объединение Италии.

Белинский был в курсе политических споров. Это ясно из его писем. Он был хорошо знаком и с борьбой политических течений и социалистических школ во Франции. В том же письме к Боткину, непосредственно вслед за словами о французских министрах-ворах, идет любопытнейшее высказывание о Луи-Блане, который был тогда на положении виднейшего

Illustrirte Zeitung.

№ 197.] — Erscheint jeden Sonnabend. — Leipzig, den 10. April 1847. — Preis 5 Ngr. — [VIII. Band

Die Proletarier.

Einer der wesentlichsten Vorzüge der neueren Zeit vor dem viel gepriesenen Alterthum besteht jedenfalls darin, daß wir die Gesammtheit des Volkes, daß wir auch diejenigen Stände, welche in Hellas und Rom außer alle politische und rechtliche Berechnung gebracht und in das Sklaventhum herabgedrückt waren, in die Gemeinschaft der Rechte, Pflichten und Interessen des Staatswesens aufgenommen haben. Es entspricht das gleichmäßig den Forderungen des Rechts und der Humanität und hat seine geheiligten Wurzeln im Christenthum. Es verbürgt die Dauer und den Segen der Entwickelung, und wenn das Sklaventhum die furchtbare, aber unumgängliche Bedingung der antiken Größe war, so war es auch die [illegible]

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В БРЕСЛАВЛЕ 22 МАРТА 1847 г.

Гравюра в лейпцигском еженедельнике „Illustrirte Zeitung“ № 197, от 10 апреля 1847 г.

и влиятельнейшего «социалиста» во Франции. Отношение к нему у Белинского самое критическое. Он называет его презрительно «Блашкой», о книге его,— о первом томе «Истории французской революции» отзывается как о «прескучной и препошлой книге». Крупнейшую ошибку Луи Блана Белинский видит в его исторической характеристике буржуазии. Он пишет: «Буржуази у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается, и что ее успехи — ее законное приобретение. Ух, как глуп — мочи нет!» («Письма», III, 245—246).

Белинский сразу вскрыл слабейшую сторону в книге, претендовавшей на историческую научность. Эта книга только что вышла в свет. Почти одновременно с ней вышла и другая книга — о Великой французской буржуазной революции: «История Жирондистов» Ламартина. Автор был не только историком романтической школы. Он был в это время и виднейшим политическим деятелем Франции, одним из лидеров либерально-буржуазного движения.

Белинский читал в Дрездене и эту книгу. Ламартина, распускавшего тогда павлиньи перья красноречия, он называет «Ламартинишкой», а о книге его пишет: «... не знаю, почему он на одной странице говорит умные и хорошо выраженные вещи о событии, а на другой спешит наболтать глупостей, явно противоречащих уже сказанному,— потому ли что он умен только вполовину, или потому, что, надеясь когда-нибудь попасть в министры, хочет угодить всем партиям. Надоели мне эти ракалии: плачу от скуки и досады, а читаю!» («Письма», III, 246).

В изумлении останавливаешься перед гениальной прозорливостью Белинского! Ведь он по «исторической» книге Ламартина совершенно точно предсказал его будущую роль как министра Временного правительства в 1848 г. и определил самую суть либерального соглашательства.

У нас складывается довольно выразительная картина жизни Белинского в Германии. За один месяц, отбывая принудительный лечебный режим, знакомясь на прогулках с окрестностями Дрездена и Зальцбрунна, осматривая музеи, Белинский написал знаменитое письмо к Гоголю, прочитал только что вышедшие, объемистые, исторические работы Луи Блана и Ламартина. Это не мало. Присоединить к этому надо длительные беседы с Тургеневым и Анненковым, которые были для Белинского подробной информацией о той стороне современной политической жизни, которая очень мало, очень скудно отражалась в газетах и журналах Западной Европы. Никаких записей этих бесед не сохранилось, да и не было. Они были своего рода подготовкой к пребыванию Белинского в Париже. Однако кое о чем можно догадаться.

Из Германии Белинский с Анненковым поехали в Париж через Бельгию. Они пробыли один день в Брюсселе. Как ни краток этот срок, мы посвятим ему особую главу.

IV

Впечатления Белинского от Брюсселя в его письме к М. В. Белинской ограничиваются тем, что он и Анненков «были в соборе, куда попали на отпевание покойника» («Письма», III, 247). Это дает повод Белинскому к остроумным замечаниям о католических и православных попах.

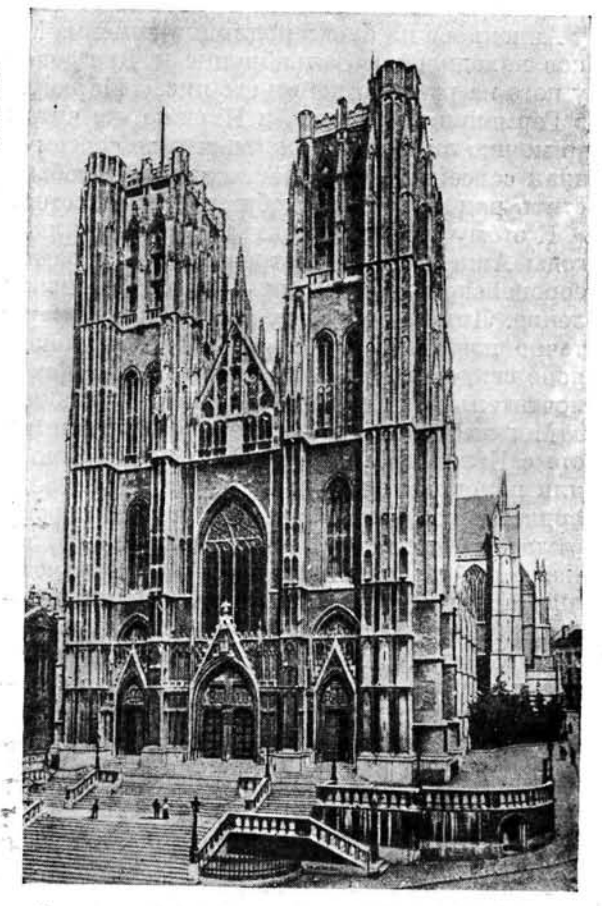
Самый большой и самый старинный собор в Брюсселе, куда и направляют посетителей все путеводители по городу, начат был постройкой в XIII в. и посвящен св. Михаилу и св. Гудуле. Но нас в настоящее время интересует совсем не эта старина. Не исключена возможность того, что Анненков, хорошо знавший Брюссель, привел Белинского к собору не для того,

БРЮССЕЛЬ. СОБОР

Фотография

«...Поутру мы пустились по железной дороге на Брюссель, куда и прибыли вечером. В Брюсселе ночевали и провели следующий день... Были в соборе...» (из письма Белинского к жене от 22 июля/3 августа 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград



чтобы знакомить его со старинной архитектурой. Площадь св. Гудулы интересна и другой своей стороной.

Она представляет хорошо сохранившийся уголок старинного, средневекового Брюсселя. Окружена она переплетом кривых узких улиц и переулков. Одна из таких улиц, выходящих на площадь, теперь занята зданием Национального банка. Сто лет назад здесь стояли небольшие, узкие домики, — среди них отель св. Гудулы. В одном из таких домиков жил Карл Маркс. Он временно занимал помещение и в отеле, — когда был арестован там жандармами и выслан затем из Бельгии.

Анненкову был хорошо знаком дом, в котором жил Маркс на площади св. Гудулы. Анненков бывал в этом доме. Там завязалось их знакомство. Памятником его осталось известное письмо Маркса Анненкову о книге Прудона «Философия нищеты».

Переписка между Анненковым и Марксом хорошо известна (мы цитируем ее ниже по изданию «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1948). Отметим лишь ее дату. Анненков обратился к Марксу 1 ноября 1846 г. Маркс ответил 28 декабря. Второе письмо Анненкова помечено 6 января 1847 г.

Таким образом, переписка о книге Прудона, представляющая значительное событие в жизни Анненкова, имела место всего за полгода до встречи его с Белинским и проезда через Брюссель. Нельзя допустить, что Анненков запамятовал о ней. Еще в меньшей мере можно допустить, что Аннен-

ков почему-либо пожелал скрыть ее от Белинского. Мы не знаем, был ли у Анненкова на руках подлинник письма Маркса в то время, когда Анненков находился в Зальцбрунне и Дрездене с Белинским, находились ли у него на руках и копии его писем Марксу. Но если Белинский ни тогда, в Германии, ни позже, в Париже, не читал непосредственно этих писем, то можно ли предположить, что он совсем не был знаком с ними, так и не знал совсем об их существовании? Чтобы предположить это, надо допустить ряд неправдоподобных случайностей.

К этому надо прибавить, что из всех людей, с какими встречался в эти годы Анненков,— а встречался он с самыми видными представителями европейской демократии,— Маркс произвел на него наибольшее впечатление. Литературный портрет Маркса, нарисованный Анненковым, достаточно известен. Это портрет революционера, сделанный либералом. Он ясно свидетельствует о том, что Анненков относился к Марксу не только почтительно, но и подобострастно — и в то же время побаивался Маркса.

Мог ли Анненков,— словоохотливейший собеседник,— проживший вместе с Белинским целый месяц в довольно скучной обстановке санатория или пансиона, не поделиться и этими своими впечатлениями от Маркса, виднейшего деятеля революционной европейской демократии? Никак не укладывается это в рамки наших представлений и о Белинском и об Анненкове. А если Анненков рассказал Белинскому хотя бы отчасти то, о чем впоследствии написал в «Воспоминаниях»,— и о том, как пришел он впервые к Марксу, как присутствовал на заседании Корреспондентского комитета и был свидетелем идейного разрыва между Марксом и Вейтлингом, как держал себя при этом Энгельс и т. д.,— то легко предположить, что Белинского на площадь св. Гудулы привело не только туристское любопытство к старинному собору.

Но Маркс в это время уже не жил на улице дю Боа Соваж, выходящей на площадь св. Гудулы. Он переехал на улицу Орлеана. Другое событие могло и должно было привлечь к себе внимание Анненкова и Белинского,— тоже связанное с именем Маркса.

Анненков знал, что Маркс пишет книгу, которая должна быть ответом на книгу Прудона. Во втором своем письме к Марксу Анненков писал: «Мне нечего повторять Вам, с каким нетерпением я жду выхода Вашего сочинения». Оно как раз и вышло в свет накануне посещения Белинским Брюсселя. «Нищета философии» была последней новинкой в витринах книжных магазинов Брюсселя. Неужели Анненков и Белинский не остановились ни разу перед этими витринами?

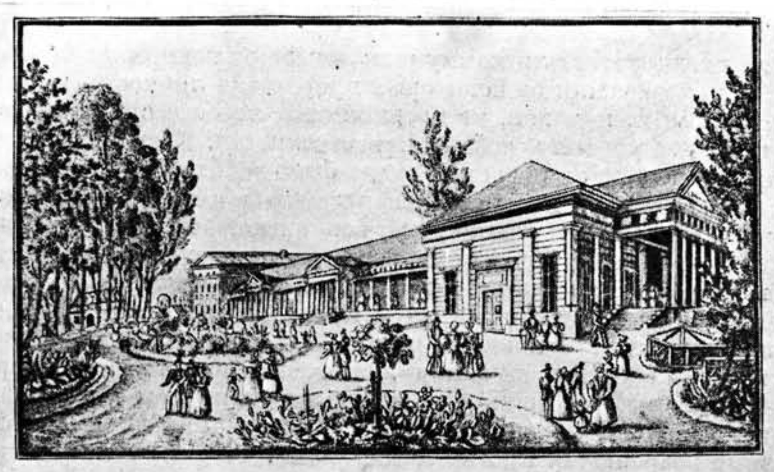
Всякие попытки ответить на этот и другие, ему подобные, вопросы были бы только догадками, более или менее вероятными. Но нет нужды догадываться о том, какое представление о Марксе внушал Белинскому Анненков, если у них шла речь о Марксе и Энгельсе, о коммунистах вообще и о немецких коммунистах в частности.

Анненков читал Маркса, писал Марксу, бывал у Маркса — и совершенно не понимал Маркса, был ему совершенно чужд.

Первое письмо к Марксу показывает, что душа Анненкова раздваивалась между Прудоном и Марксом. Анненков находил путаницу в философских взглядах Прудона, но заявлял: «...экономическая часть кажется мне поистине необычайно сильной».

Маркс, повидимому, считал, что его русский корреспондент не безнадежен. Он обстоятельно доказал, что экономическая часть в произведении Прудона столь же слаба, как и философская.

Убедил ли он Анненкова? Нисколько. Правда, этот как будто весьма любознательный писатель рассыпается в комплиментах перед Марксом. Но тут же раскрывает полностью и свою вражду к марксизму и свою натуру заурядного либерала. Он пишет Марксу: «Я все чаще задаю себе



Brunnen und Elisenhalle zu Salzbrunn.

Июня 16/28, понедельник. 1847. В прошлый вторник
получил я твое первое письмо, и, не без основания
думал, что ты будешь немедленно отвечать мне на
2-е мое письмо, посланное дня через три после первого,
— решился отвечать тебе уже на оба твои письма. По
[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 16/28 ИЮНЯ 1847 г. ИЗ ЗАЛЬЦБРУННА

На почтовой бумаге изображен курзал в Зальцбрунне

«...Мы обедаем теперь в лучшем трактире (который помещается в здании, где находится и колодезь, и которого изображение помещено на первом листе моего письма)», —писал Белинский

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

вопрос, не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом, и, наконец, не предполагает ли он весьма трудно достижимого высокого уровня всеобщей нравственности. Конечно, и в этом случае он прекрасен, но он перестает тогда быть необходимым продуктом человеческого развития. Его придется насаждать с таким же расчетом на успех, как и при всяких опытах, при всяких новшествах, принудительно вводимых в обществе. Некоторые возражения Прудона все еще засели у меня в голове, но я чувствую, как все это ничтожно...»

Картина ясная: прочитав замечательное письмо Маркса, Анненков не понял и не принял основного в нем — исторического материализма. Ему чужда была революционная диалектика исторического процесса. Научный социализм он принял за новую разновидность социализма утопического. Анненков не нашел ничего лучшего, как повторить плоские буржуазные возражения против коммунизма. Он понимал, впрочем, как будет принято Марксом его письмо и закончил его словами: «Предоставляю на полное Ваше усмотрение, давать или не давать мне объяснений по этим вопросам».

Само собой разумеется, Маркс не ответил. Дальнейшие объяснения были бесполезны. Знакомство, впрочем, продолжалось.

Таким образом, если уже в Германии Белинский и узнал о борьбе между Прудоном и Марксом, то, возможно, узнал только со слов Анненкова, в его пристрастном освещении, и самый образ Маркса предстал перед ним, преломленный сквозь либеральную призму Анненкова.

Обратим внимание — для дальнейшего, — что в письме Маркса к Анненкову выделяются, как одно из значительнейших мест в этом письме, слова Маркса об исторической роли буржуазии в европейских революциях. Маркс писал: «...г. Прудону принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций».

Вопрос о социальных революциях, о движущих силах этих революций, об исторической роли пролетариата и буржуазии, — это и был главный среди тех «великих вопросов», которые, по словам Белинского, занимают Европу, и следить за которыми, интересоваться которыми можно и должно передовому русскому человеку, но искать решения которых надо «у себя, в себе, вокруг себя», в России, не подражая слепо, не принимая этих вопросов огульно, как собственных русских, а усваивая «только то, что применимо к нашему положению».

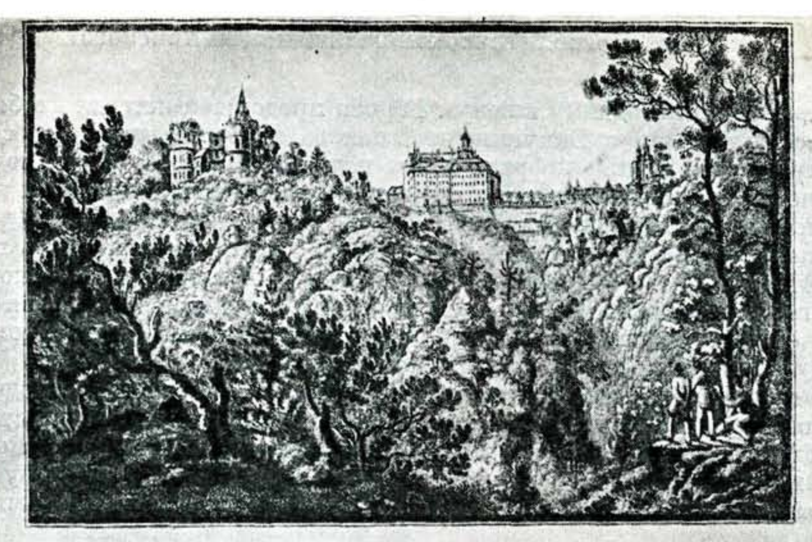
С такими мыслями и настроениями Белинский приехал в Париж.

V

Врачи направили Белинского в санаторий известного медика Тира де Мальмор в Пасси, район Парижа, в 4—5 километрах от авеню Мариньи, где жил Герцен. Лечение оставляло Белинскому достаточно времени для осмотра Парижа, посещения музеев, прогулок. Анненков бывал у него ежедневно.

Встреча со старыми друзьями, — с Бакуниным, Герценом, Сазоновым, — была радостна. Вспоминались молодые годы, кипучие беседы, страстные споры. Но обнаружились и расхождения. Бакунин и Сазонов уже давно находились за границей и полностью вошли во французскую жизнь. Герцен приехал недавно, но и его поглотили новые для него интересы напряженной политической борьбы.

Когда у Герцена, после первых дней пребывания в Париже, начались «серьезные разговоры» с Бакуниным и Сазоновым, то он обнаружил, что



Fürstenstein.

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 16/28 ИЮНЯ 1847 г. ИЗ ЗАЛЬЦБРУННА

На почтовой бумаге изображен замок Фюрстенштейн близ Зальцбрунна

«...По причине гнусной погоды мы успели сделать только две прогулки в окрестности, которые удивительны. Одну — в замок Фюрстенштейн, против которого находятся развалины средневекового рыцарского замка, как можешь сама видеть на картинке второго листа моего письма», — писал Белинский

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«мы строены не по одному ключу». Герцен продолжал жить всего больше интересами России, а Бакунина и Сазонова всего больше интересовала «всемирная революция» и французские дела. По словам Герцена, «они относились к России как-то теоретически и по памяти, придающей искусственное освещение всякой дали».

Герцен замечал это и в других русских людях, прижившихся за границей. «Меня особенно сердили тогда две меры,— пишет Герцен,— которые прилагали не только Сазонов, но и вообще русские к оценке людей. Строгость, обращенная на своих, превращалась в культ и поклонение перед французскими знаменитостями» («Былое и Думы», гл. LXI).

В частности, Сазонов относился к Белинскому с обидной снисходительностью, как к русскому провинциалу, попавшему в блестящую столицу Франции. Сазонов сожалел, что Белинский возвращается в Россию, к своим литературным делам, казавшимся Сазонову да и Бакунину столь бледными, незначительными в сравнении с тем, что делается в Западной Европе.

Герцен признается, что и он сначала поддался этим настроениям, которые в переводе на наш современный политический язык означают низкопоклонство перед иностранщиной. Но он вскоре отделался от них и даже стал перегибать палку в обратную сторону. Во всяком случае, он хорошо понимал, почему Белинского и в Париже непрестанно тянуло в Россию, почему интереснейшие события, происходившие в Париже на глазах у Белинского, не могли ни на минуту отвлечь его от мыслей о родине.

Белинского должен был раздражать космополитизм его друзей, их безразличное, скептическое отношение к судьбам России. Он писал Кавелину уже по возвращении из Парижа и, повидимому, под впечатлением парижских встреч: «...признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве» («Письма», III, 300).

Это была серьезная размолвка с прежними друзьями — с Бакуниным и Сазоновым,— к тому же не единственная размолвка. Обнаружились и другие серьезные разногласия. Источником их было различное отношение как раз к явлениям западноевропейской жизни. Глубочайший интерес к России, к судьбам русского народа ни в какой мере не мешал Белинскому внимательно присматриваться к тому, как решаются во Франции «новые великие вопросы». Напротив, именно «важные вопросы» русской жизни, тревожившие Белинского и за границей, заставляли волноваться и решением «новых великих вопросов» в Западной Европе, потому что жизнь показывала тесную связь между этими двумя категориями вопросов. Речь шла о том, что̀ именно из западноевропейского опыта приложимо к России.

Еще до приезда в Париж Белинский, как мы знаем, предвидел, что ему придется в Париже только и «слышать что о воре Тесте и других ворах, конституционных министрах». Он приготовился заранее скучать. Действительность с избытком оправдала его ожидания, но скучать не пришлось.

Тест был министром общественных работ, председателем одной из палат кассационного суда, пэром Франции. Он получил взятку в 100 тысяч франков за предоставление концессии на Гуэнанские соляные копи, причем посредником в этой сделке был другой пэр Франции, генерал Кюбьер, дважды занимавший пост военного министра. Дело получило столь скандальную огласку, что не удалось замазать его, как десятки других, подобных дел. Тест и Кюбьер были арестованы и заключены в Консьержьери. Об их деле шумела вся мировая печать. В первые же дни пребывания Белинского в Париже он мог видеть расклеенные на стенах правительственные афиши, излагавшие приговор палаты пэров. А еще через несколько дней Тест был по болезни освобожден из тюрьмы под залог в 94 тысячи

франков, помещен в санаторий Тира де Мальмор и оказался соседом Белинского. Дело Теста не было единичным. Французские газеты в августе—сентябре 1847 г. заполнены сообщениями о новых разоблаченных преступлениях виднейших сановников Франции. Раскрыто массовое хищение на почте. Проворовалось начальство крупнейшего военного госпиталя. Левая буржуазная газета «La Réforme», издававшаяся Эмилем Жирарденом, завела специальную рубрику: «скандалы». Печатались такие заметки: «Великосветская дама получила бриллиантовое колье в связи с концессией на рудники в Алжире»; «Говорят, что капиталисты подарили княгине Ливен, приятельнице Гизо, алмаз в 100 тыс. фр. за ее услуги по переводу Николаем I 50 мил. франков во Французский банк» (15 августа).

В течение нескольких дней парижские газеты неистово шумели по поводу сенсационного убийства герцогом Шуазель-Прален своей жены. Супруги принадлежали к «высшим» сферам аристократической Франции. Герцог был пэром. Убийство было совершено самым зверским способом, и убийца сначала отрицал свою вину. Нельзя было его арестовать и предать суду без разрешения палаты пэров. Власти пытались было замять дело, палата разбирала его при закрытых дверях. «La Réforme» и другие газеты были привлечены к суду за возбуждение классовой и социальной вражды. Газете «La Réforme» в особенности ставилось в вину то, что она сопоставила с убийцей-пэром двух казнокрадов-пэров и отсюда сделала вывод о разложении и преступности правящих кругов Франции. Герцог Шуазель-Прален покончил с юридической стороной дела, приняв яд в тюремной камере. Но политическая сторона на этом не прекратилась. Судебные процессы газет волновали публику. Эмиля Жирардена защищал Ледрю-Роллен. Его речь была политическим выступлением.

Повальная уголовщина правящей буржуазии превращалась в политическое явление и становилась источником политической борьбы. Это происходило на глазах Белинского. Маркс в статьях «Классовая борьба во Франции» писал об истоках революции 1848 г.: «Не участвовавшие во власти фракции французской буржуазии кричали: „разврат!“, а народ кричал: „долой крупных воров! долой убийц!“ — когда в 1847 г. на самых высоких подмостках буржуазного общества публично разыгрывались те самые сцены, которые обыкновенно толкают люмпенпролетариат в дома призрения, богадельни и желтые дома, приводят его на скамью подсудимых, на каторгу и на эшафот. Промышленная буржуазия увидела угрозу ее интересам, мелкая буржуазия была нравственно возмущена, народная фантазия негодовала» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. VIII, стр. 7).

Все это было логически-историческим следствием брошенного июльской монархией лозунга: обогащайтесь! Банкиры богатели. Но народное хозяйство переживало жестокий кризис. Рост дороговизны сопровождался обнищанием рабочего класса. Газеты того времени пестрят сообщениями о разгромах булочных голодной толпой. Рядом с рубрикой «скандалы» газета «La Réforme» завела рубрику: «банкротства».

О революции еще не говорили за полгода до революции. Но вопрос о правящей крупной буржуазии был поставлен в порядок политического дня. Белинский приехал в Париж как раз в разгар оппозиционно-буржуазного банкетного движения. Первый банкет в Париже в Шато Руж состоялся в июле. Несмотря на весьма умеренный характер речей, он наделал много шума. Движение перебросилось в провинцию. При Белинском состоялись банкеты в Мансе, Страсбурге, Бордо, Тулузе и других городах. Газеты печатали пространные отчеты, приводили некоторые речи полностью. Ораторами на этих банкетах были будущие деятели и актеры февральской революции: Одилон Барро, Гарнье Пажес, Ламартин, Ледрю-Роллен.

В основном руководила банкетами династически-оппозиционная буржуазия. Произносились тосты за короля Луи-Филиппа и за расширение

избирательных прав. Однако постепенно стали прорываться и другие нотки, в которых ничего революционного не было, но звучал более настойчивый голос недовольства, и выдвигались требования в пользу трудящихся. Буржуазия тщательно ограждала свои права на этих банкетах. Рабочие не допускались. Все же были произнесены тосты за «организацию труда»— лозунг Луи Блана, а в газетах появились «непроизнесенные речи», в которых говорилось о распространении избирательных прав на весь народ и об улучшении положения трудящихся.

Покуда выступления против финансовой аристократии исходили от самой же буржуазии, власти не проявляли особого беспокойства. Но первые же признаки того, что зашевелился и рабочий класс, вызвали тревогу и в правительстве и среди оппозиционных кругов буржуазии. Когда типографские рабочие в Париже собрались на свой ежегодный банкет, полиция разогнала их грубейшим образом. Полиция стала вмешиваться и в экономические стачки рабочих.

В газете «La Réforme» 8 августа появляется передовая статья «Работы или хлеба!» В том же номере сообщается, что в городах департамента Луары фабриканты заключили коалицию против рабочих. Газета восклицает: «Рабочие тоже граждане!» Вместе с тем появляется в этой газете 18 августа большая статья под заглавием «Единство буржуазии и рабочего класса». Автор говорит о том, что борьбу надо вести не против всей буржуазии, а против крупных хищников, спекулянтов, биржевых королей.

Завязывается полемика на банкетах между различными группами оппозиционной буржуазии. Левые группы упрекают умеренных либералов в том, что они игнорируют народ и враждебны трудящимся.

Таким образом, борьба против существующего режима начинается с борьбы внутри буржуазии. Энгельс пишет в статье «Революционные движения 1847 года»: «...во Франции приближается момент начала той борьбы внутри буржуазного класса, которая в Англии почти уже закончилась. Разница лишь в том, что во Франции, как всегда, положение имеет гораздо более резко очерченный революционный характер. Но такое решительное разделение на два лагеря является тоже прогрессом буржуазного порядка» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. V, стр. 246).

Народ тогда еще «безмолвствовал». Рабочие не выступали как самостоятельная сила, со своей программой, со своей партией. Но это не значит, что они относились безучастно к происходящим у них на глазах событиям. Здесь надо упомянуть о взволновавших весь Париж происшествиях на улице Сент Оноре.

Они оставили след в письмах Белинского. Когда он возвращался в Россию, произошла у него по пути встреча в Кельне с каким-то русским пассажиром, ехавшим тоже из Парижа. Белинский рассказывает: «Вдруг один из пассажиров говорит мне по-русски: „вы верно из Парижа выгнаны, подобно мне, за то, что смотрели на толпы в улице Saint-Honoré?“ Завязался разговор...» («Письма», III, 263).

Улица Сент Оноре находится в самом центре Парижа, тянется почти на четыре километра от авеню Ваграм до Центрального рынка, проходит отчасти параллельно Елисейским полям. Она находится вблизи Тюльери, Луврского музея. На своем протяжении она минует Вандомскую площадь, вблизи которой в это время проживал Герцен. Белинскому все эти места были хорошо знакомы. Он называет их в своих письмах.

31 августа «La Réforme» сообщает среди «Разных новостей»: «Многочисленная толпа собралась сегодня вечером на улице Сент Оноре. Приписывают причину сборища конфликту между хозяином сапожной мастерской и его рабочими из-за заработной платы. Прибыли вооруженные полицейские. Поставлено на ноги большое число солдат. Спокойствие восстановлено. У нас нет более подробных сведений».

Через два дня, 2 сентября, «La Réforme» отводит происшествию на улице Сент Оноре больше места. Газета пишет: «Как назвать то, что в течение трех дней происходит на улице Сент Оноре, в центре Парижа? Восстание? Ничуть. Сходки? И это—преувеличение. По вечерам от улицы де Кок до улицы де Л'Арбр-Сек закрываются магазины; прохожие останавливаются; появляется полиция; за ней муниципальная гвардия; задерживают и отводят в ближайшие участки несколько неосторожных любопытных; затем движение возобновляется, каждый идет своим путем. Мы сообщали, что речь идет о конфликте из-за заработной платы между хозяином и его рабочими. Но теперь сцены на улице Сент Оноре приняли совсем иной характер. В чем же дело? Полиция обнаруживает чрезвычайное усердие;

ДРЕЗДЕН. КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

Литография 1840-х гг.

«...Часов в 11 утра... мы были в Дрездене. Город старый, оригинальный. Пошли ходить... На другой день... мы ездили за город... На третий пошли в галлерею» (из письма Белинского к жене от 5 июня/24 мая 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

пешая муниципальная гвардия производит много арестов; конная галопирует и производит эффектные маневры по улицам. Чего они хотят? Восстания? Его не будет. Его хотят вызвать? Его не будет. Провокация слишком груба...»

На следующий день, 3 сентября: «На улице Сент Оноре происходят необъяснимые сцены». Картина та же. Собираются толпы, полиция их разгоняет, арестует десятки и сотни лиц. Жандармы избивают мирных прохожих. Улицы напоминают военный бивуак. Всюду патрули. «La Réforme» говорит, что картина напоминает 1830 год. Повидимому, догадывается газета, правительство хочет «варварами» (т. е. рабочими) запугать буржуазию. Орган левой буржуазии не может скрыть недовольства непрошенным выступлением толпы, в которой преобладают блузники. Она вскользь отмечает любопытную черту: национальная гвардия неохотно принимает участие в усмирении толпы, местами отказывается разгонять ее. Национальные гвардейцы говорят: «Нам не за это платят». Так продолжается до 6 сентября, когда волнения на улице Сент Оноре прекращаются сами

собой. Оффициозы правительства, как это принято в таких случаях, сваливают всю вину на «иностранцев», которые будто бы составляли пятую часть всех участников.

Иностранцев выслали,— среди них оказался и собеседник Белинского. А арестованных французов приговорили к денежному штрафу и к тюремному заключению на разные сроки.

Таковы эти происшествия на улице Сент Оноре. Нам ныне ясно, что это были первые зарницы надвигавшейся революции. Но это было совсем неясно современникам. Толпа держала себя пассивно. Она не оказывала общего сопротивления полиции и войскам, происходили лишь отдельные схватки. Буржуазия была напугана не в меньшей степени, чем правительство. Газеты ничего не сообщают о возгласах толпы, которые прозвучали бы как лозунги, как требования. Маркс пишет, что народ кричал: долой крупных воров! долой убийц! Но неизвестно, относится ли это к толпам, которые собирались в августе и сентябре на улице Сент Оноре.

Во всяком случае, все то, что происходило в Париже и во всей Франции в это время и чему непосредственным свидетелем был Белинский, давало богатую пищу для наблюдений и размышлений. Совершенно конкретно, наглядно был поставлен событиями вопрос об исторической роли буржуазии, о том, что вообще она собой представляет, об отношении ее к народу, к рабочему классу. Это был вопрос об основных, движущих силах исторического процесса, о старом и новом порядке,— о капитализме и социализме. Те «новые великие вопросы», которые стоят перед Западной Европой и о которых писал Белинский, еще находясь в России,— они встали перед ним в живой форме, в плоти и крови. Можно ли представить себе, что он не интересовался этими вопросами, не старался их осмыслить по-своему? Как мог бы он уклониться от решения этих вопросов,— в плане теоретическом,— когда именно об этом шли оживленные и страстные споры во всех передовых кружках Парижа и, уж само собой разумеется, в русском кружке друзей Белинского.

VI

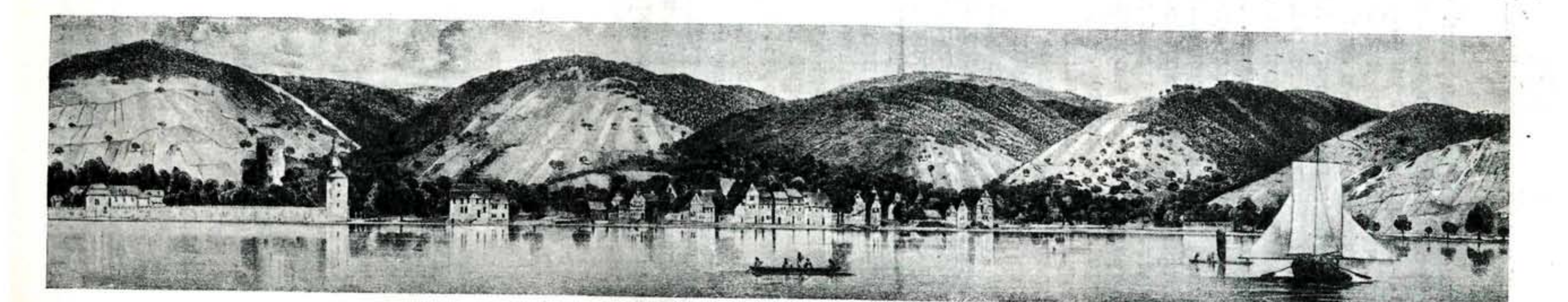
Газета «La Réforme», которую издавал Эмиль Жирарден при ближайшем участии Этьенна Араго, была тогда самой левой газетой в Париже. Направление, к которому она принадлежала, называли социал-демократическим. Оно ничего общего не имело с позднейшей социал-демократией.

В разделе «Манифеста Коммунистической партии» об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям сказано: «Во Франции, в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии, не отказываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции».

К словам «социалистическо-демократическая партия» Энгельс в 1888 г. сделал такое примечание: «Эта партия была тогда представлена в парламенте Ледрю-Ролленом, в литературе — Луи Бланом, в ежедневной печати — газетой „La Réforme“. Название — социалистическо-демократическая — означало, что эта часть демократической или республиканской партии, как и авторы этого названия, была более или менее окрашена в социалистический цвет».

Несомненно, Белинский в Париже читал «La Réforme», был, во всяком случае, с этой газетой знаком. 30—31 июля, на другой или на третий день по приезде Белинского в Париж, на последней странице «La Réforme» (сдвоенный номер) появилось такое объявление:

«Поступила в продажу в магазине А. Франка книга: Карл Маркс „Нищета философии“, ответ на „Философию нищеты“ Прудона. Цена 5 франков».



БЕРЕГА РЕЙНА

Литографии из «Панорамы Рейна» (между Майнцем и Кобленцом), издание Ф. Фогеля, 1833 г.

Сверху — правый берег, литография А. Файя с рисунка Я. Дильмана; снизу—левый берег, автолитография Я. Беккера

«...Из Майнца отправились на пароходе по Рейну. День был гнусный: осенний мелкий дождь, ветер, холод. В каюте душно, на палубе мокро, сыро и холодно. ... Все это сделало то, что я холодно смотрел на удивительные местоположения, на виноградники, на средневековые замки, как реставрированные, так и в развалинах. Вечером прибыли в Кельн...» (из письма Белинского к жене от 3 августа/22 июля 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Газета ограничилась этим объявлением. Она поместила несколько рецензий на книги, которые вышли приблизительно в то же время, что и книга Маркса. Но о ней не сказала ни слова.

Можно допустить, что историческая работа Маркса не нашла должной оценки, попросту не была понята в литературных и политических кругах Парижа. Почва не была подготовлена для глубокой теоретической работы во французском «социалистическом» движении того времени. Умами передовых рабочих владела луиблановщина. Споры в основном шли между сторонниками Луи Блана и Прудона. На того и другого распространяется в общем та характеристика, которую Маркс и Энгельс дают в «Манифесте» критически-утопическому социализму. Луи Блан и Прудон различались тем, что первый предполагал заменить капиталистический строй социалистическим в виде «национальных мастерских» при помощи государства; а второй отрицал государство и проповедывал замену существующего экономического и политического строя кооперацией ремесленников и мелких хозяйчиков при посредстве Национального кредитного банка. Оба выражали чаяния и вожделения мелкой буржуазии.

Положительной стороной в их учении была резкая критика. «Эти сочинения,— сказано в „Манифесте“,— нападают на все основы существующего общества». Луи Блан и Прудон гневно обличали буржуазию, видя в ней все пороки политического и социального режима и не проводя никаких различий между различными группами в ней.

Среди французских рабочих идеи Маркса и Энгельса не имели тогда заметного успеха. Но они успешно проникали в немецкие эмигрантские рабочие кружки в Париже. Там шли горячие споры между сторонниками и противниками Прудона. Находясь в Париже, Энгельс довольно обстоятельно информировал Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет (Маркса) об этих спорах. Наиболее упорным сторонником Прудона был Грюн, переводивший «Философию нищеты» на немецкий язык еще до ее выхода в свет. Энгельс сообщает в октябре 1846 г.: «План ассоциации Прудона обсуждался в продолжение трех вечеров. Вначале против меня была почти вся группа, а в конце только Эйзерман и три остальных грюнианца. Самое главное при этом было ⟨доказать⟩ необходимость насильственной революции и вообще показать антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского истинного социализма, который нашел новые жизненные силы в прудоновской панацее» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. XXI, стр. 48).

В этих спорах прудонизм был прямо противопоставлен коммунизму.

Победителями вышли сторонники научного коммунизма.

Дело было не только в теоретической несостоятельности прудоновской мелкобуржуазной утопии. Важнее было для данного момента враждебное отношение прудонистов ко всякому политическому и, особенно, революционному движению рабочих, их стремление притупить классовую борьбу и примирить классовые противоположности.

Были ли парижские друзья Белинского осведомлены об этих спорах между прудонистами и марксистами? Несомненно. Бакунин и Сазонов поддерживали самые тесные и приятельские отношения со всеми передовыми деятелями Парижа. Они, как и Анненков, были непосредственно знакомы с Марксом и Энгельсом. Бакунин проводил долгие часы в беседах с Прудоном. Белинский называл Бакунина «немцем», указывая тем на его старое пристрастие к немецким младогегелианцам. Но в эту пору Бакунин был увлечен Прудоном. О Марксе он отзывался критически и обвинял его в том, что он портит рабочих и делает их «резонерами».

Среди друзей Белинского в Париже обозначились расхождения как раз по тем вопросам, по которым шли споры между прудонистами и их

DEUTSCH-FRANZÖSISCHE

JAHRBÜCHER

herausgegeben

von

Arnold Ruge und Karl Marx.

1ste und 2te Lieferung.

PARIS,

IM BUREAU DER JAHRBÜCHER. } RUE VANNEAU, 22.
AU BUREAU DES ANNALES }

—

1844

— 231 —

× VOLTAIRE, SCHILLER UND GOETHE.

Die D. A. Z. vom 8ten spricht nochmals ihre Entrüstung über die unpatriotischen Dresdner Tischreden aus, und erklärt, sie hätte ja nichts gegen das Essen, aber alles Mögliche gegen das Reden dabei. Der Korrespondent beschwert sich in Einem Athem über die Schlechtigkeit, die deutsche Sprache « unklar » zu nennen, und über das Missgeschick, mit seiner deutschen Entrüstung dem Publikum das erste Mal « unklar » geblieben zu sein. Wir, die wir die Schwierigkeit, im Deutschen vollkommen klar zu sein, nicht verkennen, hoffen dennoch, auf den ersten Wurf verstanden zu werden, wenn wir die Obren des Herrn Korrespondenten, der die Dresdner Reden gehört hat, übel gebildet, sein Herz aber, das nicht gleich überlief, sehr unschlüssig finden. Er hätte gleich den Beweis liefern müssen, dass er bei aller Deutschheit wisse, was « Geist » sei. Er that es nicht, und es wäre so leicht gewesen: um es zu wissen, brauchte er nur « Voltaire » zu kennen. Alsdann hätte er es auch nicht für einen Vorwurf, sondern für einen grossen Ruhm gehalten, Voltaire's Nachfolger zu sein, denn das bedeutet nichts Geringeres, als Geist haben und sein Jahrhundert beherrschen. Voltaire verdient den Hass der Beschränktheit in ganz Europa; und dass er ihn geniesst, beweist nur seine Grösse. Göthe und Schiller haben das Jahrhundert der Aufklärung hinter sich, und sie werden nur deshalb nicht mit derselben Verfolgung beehrt, weil weder ihr Princip noch ihre Konsequenzen so schlagend hervortreten. Zudem ist kein Dichter primitiv. Er hat die alte Welt nicht zu zerstören. Sein Beruf ist es nicht, Prinzipien zu *finden*, sondern sie *auszubilden* und an die Massen zu bringen. Primitiv sind nur die Denker. Ein grosses Prinzip durchführen ist aber natürlich eben so ehrenvoll, als es aufstellen. Uebrigens ist es sehr begreiflich, dass die Fabel, Voltaire sei eigentlich ein Affe gewesen, dem Correspondenten der D. A. Z. zusagt; so braucht sogar er nicht zu verzweifeln, noch einmal ein grosser Schriftsteller zu werden.

DIE BEILAGE DER AUGSBURGER ZEITUNG VOM"

Weiss mir keiner das Meer von Theologie zu erklären?
Seekrank macht mich der Dunst, welcher die Zeitung erfüllt! —
« Schwaben nennt man das Meer, Vicare führen die Kiele:
« Jeder im Archipel sucht nach der Insel — Pfarrei. »

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАННОГО А. РУГЕ И К. МАРКСОМ СБОРНИКА «НЕМЕЦКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ЕЖЕГОДНИКИ» ИЗ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО

Титульный лист и страница 231 книги с пометками Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

противниками. К Луи Блану все относились отрицательно. Мы знаем отзыв о нем Белинского. Луи Блан был решительным врагом революционных выступлений со стороны рабочего класса и олицетворением политического компромисса. Не случайно газета «La Réforme», писавшая сочувственные рабочим статьи, так встревожилась, когда в событиях на улице Сент Оноре ей почудилось самостоятельное выступление рабочих.

Луи Блан не имел сторонников в русском передовом кружке. Весь кружок был на стороне Прудона. Об этом уже сказало нам письмо Анненкова Марксу. Однако наметились и разногласия, происходили споры. Все друзья Белинского, и сам он, были страстными спорщиками.

В центре разногласий был вопрос о буржуазии. В письме Белинского к Боткину, написанном в декабре, когда Белинский уже вернулся в Петербург, есть указание на то, как разместились спорящие стороны. Герцен нападал на буржуазию с позиций прудоновских, отрицая какие бы то ни было исторические заслуги буржуазии в прошлом, не видя ничего за ней в будущем,— словом, рассматривая буржуазию не как историческое явление, изменяющееся во времени, а как некую раз навсегда данную отрицательную категорию.

Исторический схематизм был ошибкой Герцена. Эту сторону в учении Прудона критиковал Маркс. Неизвестно, ссылались ли на Маркса спорящие; книга его только что вышла,— можно даже предположить, не рискуя впасть в грубую ошибку, что она и могла дать повод к спорам. Белинский ни разу не упоминает имени Маркса, как, впрочем, не называет и имени Прудона. Дело не в этом. На схематизм в определении буржуазии, на спорность его могли указать русские друзья Белинского совершенно самостоятельно. Белинский пишет: «Это ему тогда же заметил Сазонов, сторону которого принял Анненков против Мишеля <Бакунина>..., и Герцен согласился с ними против него» («Письма», III, 328).

Стало быть, расстановка такова: Герцен с Бакуниным против Сазонова и Анненкова. При этом Бакунин обнаружил такую способность доводить спорные положения до крайности, что Герцен вынужден был отмежеваться от своего сторонника. С кем был в этом споре Белинский? Сначала — с Бакуниным и Герценом. Впоследствии — против них. Он писал Анненкову в феврале 1848 г.: «Когда я, в спорах с вами о буржуази, называл вас консерватором, я был осел в квадрате, а вы были умный человек» («Письма», III, 338).

Конечно, мы не примем эти слова за чистую монету. Но они заставляют нас еще с большим вниманием присмотреться к тому, как по вопросу об исторической роли буржуазии, то-есть по вопросу о движущих силах исторического процесса, разошлись взгляды Белинского и его друзей. Спорам, которые завязались в Париже, не суждено было оборваться после отъезда Белинского. Они развернулись в России,— и уж не только как великие вопросы о судьбах Западной Европы, а как важнейшие вопросы о ближайших судьбах России.

VII

После пятимесячного отсутствия Белинский вернулся в Россию. Контраст между лихорадочно-политической жизнью предреволюционной Франции и политическим застоем в царской России был велик. Однако в Петербурге Белинский обнаружил признаки перемен, о которых сообщал друзьям за границу с огромным волнением и искренним увлечением. Распространялись слухи о подготавливаемой в высших правительственных сферах отмене крепостного права. Белинский подробно пишет об этом Анненкову в письме, миновавшем бдительный надзор почтовой цензуры.

Белинский рассказывает о том, что инициатива освобождения крестьян исходит будто бы от самого царя; что сановники-крепостники оказывают сильнейшее сопротивление; что идет борьба в придворных кругах... Белинский относится с доверием к слухам о том, что воля Николая I в этом отношении «решительна». Но это отнюдь не значит, что Белинский верит в добрые намерения и внезапный либерализм царя. Это не значит, что изменился взгляд Белинского на самодержавие. Нет, Белинский твердо убежден в том, что царь вынужден согласиться на важнейшую реформу из страха перед крестьянским восстанием. Он приводит,— по слухам,—слова царя: «Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли». Добровольное согласие дворянства на отказ от своих крепостных прав, говорит Белинский, это единственный способ решить вопрос мирным путем. Если этого не будет, то «он решится сам собою,

КЕЛЬН

Гравюра Ф. Фольтца, конец 1840-х — начало 1850-х гг.

«... Когда я сказал Анненкову, что решительно не намерен терять целый день, чтобы полчаса посмотреть на Кельнский собор, — с ним чуть не сделался удар...» (из письма Белинского к жене от 3 августа/22 июля 1847 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

другим образом, в 1000 раз более неприятным для русского дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение». И далее: «...когда масса спит, делайте, что хотите, все будет по вашему; но когда она проснется — не дремлите сами, а то быть худу...» («Письма», III, 316—317).

Свои, русские дела сразу захватили Белинского. Но и французские не стали чужими. Салтыков-Щедрин свидетельствует об этом времени: «Мы с неподдельным волнением следили за перипетиями драмы последних лет царствования Луи-Филиппа... Процесс министра Теста, агитация в пользу избирательной реформы, высокомерные речи Гизо..., наконец, февральские банкеты — все это и теперь так живо встает в моей памяти, как будто происходило вчера» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч. Т. XIV, стр. 162).

Политическая обстановка быстро изменялась за рубежом и обнаруживала признаки возможных перемен в России. Произошла ли перемена в са-

мом Белинском после его поездки? Оказалась ли заграничная поездка полезна для него? Что внесла она нового в его мировоззрение?

Белинский сразу по приезде окунулся в литературную жизнь. Здоровье его не улучшилось. Вскоре он слег, чтобы уж не подняться более. Но в эти последние месяцы его жизни мысль Белинского работает с прежней напряженностью и остротой. Со всей прежней силой он отстаивает позиции демократии против славянофильской реакции, против всех врагов европеизации России. Об этом свидетельствует и прямая полемика против журнала «Москвитянин» и, в особенности, замаскированная — в рецензии на книгу монаха Иакинфа «Китай в гражданском и нравственном отношении». Белинский в этой рецензии очень тонко и очень остроумно высмеивает всех сторонников социального и политического застоя, всех, кто оправдывает совершенство «самобытного» китайского уклада жизни. «Китай — страна неподвижности; вот ключ к разгадке всего, что в нем есть загадочного, странного». Белинский устанавливает как бы общий закон развития народов: «Может быть, что со временем и все части света примкнутся к общему развитию человечества, войдут в его историю, но опять-таки не иначе, как через Европу». И он заключает рецензию язвительным выпадом: «Прочтя книгу почтенного отца Иакинфа, никто не сделается х и н о ф и л о м... напротив!» (XI, 153—158).

Таким образом, Белинский стоит на прежних позициях передовой русской демократии 40-х годов прошлого столетия. И попрежнему он убежден, что в общем историческом процессе европеизации русский народ прокладывает свой собственный путь. Каков этот путь? Каковы те общественные силы, которые поведут русский народ по новому пути к высокой цели?

Белинский решительно отвергает всякие мистические представления о народе. Официальное учение о «народности» в известной формуле Уварова и славянофильские разглагольствования о «народности», противопоставляемой образованному обществу,— все это идеологическое прикрытие для реакционной политики застоя. В рецензии на книжки-сборники «Сельское чтение» Белинский разоблачает мистику в разговорах о народе. Народ это, конечно, величайшая, основная сила в государстве. В частности, «русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире» (XI, 164), но сам по себе, без руководства, он представляет силу стихийную,— способную на революционные действия, но способную и на поддержку реакции. Все дело в том, за кем идет народ, кто является его руководителем. Это возвращает нас к спору о движущих силах истории, который начался между друзьями Белинского в Париже и который теперь продолжался в России. Это — спор об исторической роли буржуазии.

Первое слово принадлежало Герцену. Он изложил свой взгляд в напечатанных в «Современнике» известных «Письмах из Avenue Marigny». Само собой разумеется, в русском подцензурном журнале Герцен не мог высказаться с той полнотой, с какой он говорил в Париже. Поневоле ему пришлось оперировать всего больше с литературными произведениями, в коих так или иначе отразилась современная французская буржуазия. Но русский передовой читатель умел читать и понимать своих публицистов.

Блестящее обличение буржуазии Герценом знакомо всем читателям Герцена, и нет нужды пересказывать его. Нам важно подчеркнуть основное положение: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности» (А. Г е р ц е н. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 133). Так говорит Герцен в первом письме и повторяет это в четвертом. Он не проводит никаких различий между крупной, средней и мелкой буржуазией. Вся в целом она является несчастьем и проклятьем Франции.

Так же смотрит на буржуазию и Бакунин. И для него буржуазия — это главный источник всех пороков капиталистического строя. Всегда буржуазия была такой, и нечего от нее ждать в будущем. Это относится к Западной Европе, а что касается России, то Белинскому Бакунин доказывал в личных беседах, что «избави-де бог Россию от буржуазии...»

Эта критика буржуазии в устах Герцена и Бакунина совпадает с критическим обличением буржуазии в произведениях Прудона и Луи Блана. Отвергая за буржуазией во всех ее разновидностях какое-либо будущее, Прудон и Луи Блан противопоставляли капиталистическому обществу свои панацеи рабочих ассоциаций, создающих исключительно на экономической почве, без всякой политической, а тем паче революционной борьбы, новый «социалистический» строй.

Соглашаясь с Прудоном в критике буржуазного строя, Герцен относился скептически к утопическим проектам мирного переустройства. Он писал: «Настоящим положением Франции все недовольны, кроме записной буржуазии и ажиотеров „во всех родах различных"; чем недовольны,— знают многие, чем поправить и как поправить — почти никто; всего менее — существующие социалисты и коммунисты, люди какого-то дальнего идеала, едва виднеющегося в будущем» (А. Герцен. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 160). Это осуждало Герцена на пессимизм в отношении Франции, на скептицизм в отношении Западной Европы вообще. Но к России выводы Герцена не имели никакого отношения, поскольку в России предполагалось отсутствие буржуазии и не предполагалось ее возникновения, как серьезной политической силы.

В русской печати трудно, даже невозможно было обсуждать вопрос, поднятый Герценом. Но его обсуждали не в печати,— при этом довольно горячо. С Герценом не соглашались. Круг спорящих был шире, чем в Париже. Мы знаем, что в Париже Белинский поддержал Герцена против Анненкова, хотя там же указал на слабые стороны в позиции Герцена,— на недостаточную определенность в его понимании слова «буржуазия».

В статье «Взгляд на русскую литературу в 1847 году» Белинский пишет: «Письма из Avenue Marigny были встречены некоторыми читателями почти с неудовольствием, хотя в большинстве нашли только одобрение. Действительно, автор невольно впал в ошибочность при суждении о состоянии современной Франции, тем, что слишком тесно понял значение слова: bourgeoisie. Он разумеет под этим словом только богатых капиталистов, и исключил из нее самую многочисленную, и поэтому самую важную массу этого сословия... Несмотря на это, в Письмах из Avenue Marigny так много живого, увлекательного, интересного, умного и верного, что нельзя не читать их с удовольствием, даже во многом не соглашаясь с автором» (XI, 144—145).

Читатели разделены на три категории: одни отнеслись к письмам Герцена только с одобрением. Другие «почти с неудовольствием». Сам Белинский дает положительный отзыв, во многом не соглашаясь с автором.

Самым крайним противником Герцена оказался Боткин. Он писал: «Вы меня браните за то, что я защищаю bourgeoisie; но, ради бога, как же не защищать ее, когда наши друзья, со слов социалистов, представляют эту буржуазию чем-то в роде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве? Я понимаю такие гиперболы в устах французского работника, но когда их говорит наш умный Герцен, то они кажутся мне не более, как забавными» (А. Герцен. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 51).

Это была ясная и последовательная защита буржуазии с позиций русского либерала. Боткин не скрыл своей вражды к социалистам. Его расхождение с прежними друзьями из кружка Белинского было уже настолько велико, что не оставалось места для общего языка.

Боткин был не единственным человеком, которому нападки Герцена на буржуазию доставляли неудовольствие. Защищать Герцена приходилось и от Кавелина. Для него, как и для Боткина, буржуазная культура казалась верхом современной цивилизации, и они не представляли себе иного общественного строя для России, чем капиталистический с умеренным парламентом. Они развивали последовательно и до конца те возражения Герцену, с которыми в Париже выступал Анненков.

В критике буржуазии, в обличении ее пороков, гнилости, продажности, низости Белинский был одного мнения с Герценом. Он был врагом буржуазии,— об этом говорят не только его полные страсти обличительные характеристики французской плутократии, но и его горячее сочувствие трудящимся. В этом отношении непосредственное знакомство с капиталистической культурой только усилило то чувство ненависти к эксплуатации человека человеком, которое сделало Белинского, по его собственному признанию, социалистом.

Но Белинский «во многом» не соглашался с Герценом.

Он не соглашался прежде всего с взглядом Герцена на буржуазию как на определенную, неизменную общественную категорию, с раз навсегда присвоенными ей качествами, не имеющую ни прошедшего, ни будущего. Мы уже приводили отзыв Белинского о Луи Блане: «Буржуази у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния...» Герцен стоял на такой же луиблановской, прудоновской точке зрения.

Белинский соглашается с Боткиным в том, что буржуазия это не случайное явление, что она вызвана историей, «что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги» («Письма», III, стр. 328). Но это ни в малейшей степени не смягчает в глазах Белинского продажности и преступности правящей во Франции буржуазии.

Белинский не соглашается с Герценом в его огульном осуждении буржуазии как некоего общественного единства, как одной общей массы. Белинский различает в буржуазии ее верхи, крупную промышленную и финансовую аристократию, средние классы и низы. Он пишет: «Итак, не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать как на чуму и холеру современной Франции» (там же).

Белинский предлагает различать в связи с конкретными историческими условиями буржуазию в борьбе за власть и буржуазию у власти. Буржуазия, которая ведет борьбу за признание своих прав, не отделяет «своих интересов от интересов народа...» (там же).

Если правящая французская буржуазия является «чумой и холерой» для своей страны, то этого нельзя сказать «о среднем классе». Ему предстоит, по мнению Белинского, сыграть значительную историческую роль в истории Франции.

Клеймя крупную буржуазию, владычество капиталистов, которое «покрыло современную Францию вечным позором», Белинский готов согласиться с тем, что вопрос о буржуазии — это вопрос сложный, что «никто пока не решил его окончательно, да и никто не решит — решит его история, этот высший суд над людьми» («Письма», III, стр. 326).

У Белинского не было еще законченной, до конца продуманной теории исторического развития, но не подлежит сомнению, что он далеко в этом отношении опередил своих друзей, застрявших на позициях, близких к Прудону. У него нет никаких либеральных иллюзий, когда он говорит о капиталистическом обществе, но он не ограничивается одним отрицанием. Он пишет: «Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над тру-

ПАРИЖ. ИТАЛЬЯНСКИЙ БУЛЬВАР

Автолитография Ф. Бенуа, 1840-е гг.

«... На другой день отправились мы по железной дороге в Париж, куда и прибыли часов в 6 вечера... Меня с первого взгляда никогда и ничто не удовлетворяло... Но Париж с первого же взгляда превзошел все мои ожидания...» (из письма Белинского к жене от 3 августа/22 июля 1847 г.)

Музей изобразительных искусств, Москва

дом» («Письма», III, 331). Эти слова знаменательны. Они указывают на то, в какой исторической перспективе вставал перед Белинским вопрос о капиталистической промышленности. Он называл ее «последним злом». Эти слова исключают возможность какого бы то ни было примирительного отношения к капитализму.

Становится более ясна та позиция, которую Белинский занимал в спорах между Герценом и Бакуниным, с одной стороны, Анненковым и Боткиным — с другой. Это не была средняя позиция. Это была своя особая позиция. Спор между Герценом и Анненковым происходил в сущности в одной плоскости: Герцен отрицал буржуазию, Анненков принимал ее. Оба находились под влиянием прудоновских взглядов. Белинский рассматривал буржуазию как историческое явление, прогрессивное при одних условиях, реакционное — при других. Белинский различал борьбу внутри класса буржуазии. Ему ясно было, что исторический характер буржуазии изменяется в зависимости от того, борется ли она за власть или обладает властью.

Для Герцена и Бакунина буржуазия была явлением, присущим только Западной Европе. По их мнению, счастье России было в том, что в ней отсутствует буржуазия как значительная общественная сила. Они сбрасывали ее со счетов истории применительно к России.

Но у Белинского было иное отношение к вопросу о буржуазии в России. Это не был для него только «чужой» вопрос. Это был «свой», национальный вопрос о ближайших путях развития русского народа. Если буржуазия играла прогрессивную роль в историческом развитии Европы, то такая же роль может и должна открыться перед ней и в России. Какие бы бедствия ни несла с собой буржуазия для народа, не могут быть они более тяжкими, чем крепостнический застой, чем гниение в условиях самодержавия, чем кладбищенский покой царства «мертвых душ». С полным убеждением в своей правоте Белинский произносит известные слова: «Мой верующий друг ⟨Бакунин⟩ доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуази. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази...» («Письма», III, 339).

Это было написано в Петербурге 15 февраля 1848 г. А приблизительно в это же время, в январе 1848 г., в «Deutsche Brüsseler Zeitung» появилась статья Энгельса, озаглавленная «Революционные движения 1847 года». Энгельс писал, между прочим, касаясь России: «В России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа. Крепостная зависимость подвергается ограничениям в России и Польше, что означает ослабление дворянства в интересах буржуазии и создание свободного крестьянского класса, в котором буржуазия всюду нуждается» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 247).

Речь идет тут, конечно, не о заимствовании и даже не о влиянии идей Маркса и Энгельса на Белинского, хотя, как известно, Белинский был знаком — еще до 1847 г. — с некоторыми работами Маркса и Энгельса. Мы не намерены вдаваться в область догадок и соблазнительных параллелей. Важнее то, что мысль Белинского развивалась в направлении, близком к теоретической деятельности основоположников марксизма; что из передовых мыслителей России той эпохи Белинский, может быть, был единственным, кто силой своего анализа мог преодолеть прудоновские модные взгляды и установить самостоятельное критическое отношение к «социалистическим» теориям своего времени. Смерть оборвала жизнь и деятельность Белинского в такое время, когда он, полный духовной энергии, вышел на новый перекресток исторических путей. Он избрал верный путь, но ему не суждено было сделать даже первый шаг на этом пути. Статья

Энгельса, предшествующая «Манифесту Коммунистической партии», показывает, на каком высоком теоретическом уровне стояла мысль Белинского.

Энгельс спокойно говорит о торжестве буржуазии, о ее попытках завоевать всю власть в Европе. «Всем известно, что мы не являемся друзьями буржуазии. Но на этот раз мы ей охотно предоставляем торжествовать... Пусть буржуазия знает наперед, что она работает лишь нам на пользу... Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. На вашу долю выпадает задача убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию... При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения. В награду за все это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, нежиться в лучах созданной вами славы. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте одного — палач стоит у порога» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 248—249).

У Белинского не было и не могло быть такой отчетливой исторической перспективы. Пролетариат как самостоятельная общественная сила не стоял перед его глазами. Он отрицал пролетариат в России. И все же в характеристике буржуазии, как исторического явления, в характеристике буржуазии, борющейся за власть и торжествующей, в характеристике буржуазии, как «последнего зла» — он вплотную подходит к историко-философским идеям Маркса и Энгельса. Он остается революционным демократом, философом просветительского толка, но в его последних статьях и письмах звучат новые ноты, и его слова о роли крупной промышленности в грядущих судьбах России звучат пророчески. Непосредственное знакомство с западноевропейской жизнью не прошло даром. Белинский собственными глазами увидел крупную буржуазию у власти и мелкую буржуазию в борьбе за власть. Он был свидетелем и участником горячих споров между сторонниками Прудона и сторонниками Маркса. Он сохранил свою критическую самостоятельность, разобрался в общественных противоречиях, установил для себя связь между новыми явлениями в западноевропейской жизни и новыми явлениями в жизни России. У себя на родине он видел первые, разгорающиеся огоньки крестьянской революции, чувствовал силу стихийного напора крестьянства на устои помещичье-дворянского крепостнического уклада, и все его симпатии были с крестьянами. В Западной Европе, в Германии и Франции, он увидел собственными глазами рабочих, пролетариев под игом капиталистического рабства, увидел нищету народа под прикрытием расцвета буржуазных верхов,— все его симпатии были с рабочими. Как и другие утопические социалисты того времени, Белинский рассматривал пролетариат прежде всего как угнетенную, страдающую массу. Мысль о рабочем классе как руководителе социалистической революции, да и самое представление о пролетарской революции, были чужды Белинскому. Но социалистическая революция не стояла еще в порядке дня. Рабочему классу предстояло первое крещение на баррикадах Парижа,— в смертельной борьбе с той самой буржуазией, которая превратилась из буржуазии, борющейся против остатков феодальной монархии, в буржуазию торжествующую.

Белинский знал цену этой буржуазии. Он понимал, как выглядит «последнее зло» во владычестве капитала над трудом, но из своей заграничной поездки он вернулся с твердым убеждением в том, что только через превращение феодально-крепостнической России в Россию буржуазную русский народ может придти к своему окончательному освобождению и от царизма и от капитализма. Как это произойдет — Белинский предостав-

лял решать потомкам, внукам и правнукам, не сомневаясь лишь в одном, что русские люди через сто лет скажут свое, новое слово миру и что русский народ окажется впереди других народов на пути всемирно-исторического развития и будет окружен уважением всех передовых народов.

Вместе с «Письмом к Гоголю» это было завещанием Белинского своим далеким потомкам. Гениальное прозрение соединялось с глубочайшей верой в русский народ, с пламенной ненавистью ко всему, что стоит препятствием на его дороге к освобождению от нищеты и от темноты. Революционный патриотизм Белинского неразлучен с его глубоким вниманием и интересом к жизни и борьбе других народов, с уважением к их национальной самостоятельности и независимости. Гуманизм Белинского был теснейшим образом связан с его историко-философскими воззрениями, признававшими общность основных законов исторического развития для всего человечества при самостоятельном выборе народами своих путей к общей цели. Революционно-демократические взгляды Белинского в равной мере были враждебны и национальной исключительности, рождающей мистику «избранных» рас и народов, и слепой подражательности, низкопоклонству перед иностранщиной.

Пророчество Белинского оправдалось. Его завещание выполняется в советской стране. Потомки, к которым он обращался,— наши современники, участники и строители Великой социалистической революции. Белинский не был марксистом, но из всех передовых русских людей 40-х годов прошлого столетия он всех ближе подошел к марксизму, и в его статьях и письмах, во всей его деятельности, в самой его личности замечательного русского человека есть черты, близкие и родственные «Манифесту Коммунистической партии»,— та же страстность и непримиримость в борьбе за освобождение трудящихся, та же глубокая, оптимистическая вера в торжество разума, науки, демократии, социализма. Его статьи перекликаются с нашим временем. Они прошли сквозь строй времен, сохранив свою живую, волнующую силу. Виссарион — это имя дорого советским людям. Оно служит символической связью между утренней порой русского революционного движения и его зрелостью.

ПЛЕХАНОВ И БЕЛИНСКИЙ*

Статья Б. Бурсова

«Плеханов много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу».

А. А. Жданов

«Всякий порядок идей развивается стройно лишь у себя дома, т. е. только там, где он является отражением местного общественного развития».

Г. В. Плеханов

I

В «Наших разногласиях» Плеханов писал: «Нас интересует в настоящее время история революционных идей... Для нашей цели необходимо подвести итог всем тем социально-политическим воззрениям, которые достались нам в наследство от предшествующих десятилетий» (Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. ОГИЗ, 1939, стр. 119).

В связи с подведением итогов социально-политическим воззрениям в России Плеханов задумал написать историю русской общественной мысли с марксистской точки зрения. Первые экскурсы в эту область были сделаны им в тех же «Наших разногласиях», отдельные главы которых посвящены Герцену, Чернышевскому, Бакунину и Ткачеву.

Понятно, что в задуманной Плехановым истории русской общественной мысли Белинский должен был занять свое определенное место. Этим и объясняется специальный интерес Плеханова к гениальному критику. В 1897 г. Плеханов напечатал две больших статьи о нем. Они, как почти и все остальные работы Плеханова того времени, полемичны по своему характеру. Впрочем, полемичной была сама задача — подвести итог развития социально-политических воззрений в России с позиций марксизма. Марксистский историк должен был вступить в борьбу с буржуазными и либерально-народническими историками.

О Белинском в те годы писали много. Основной тон этих писаний состоял в отрицании за Белинским способности к систематическому мышлению.

---

* Данная статья является извлечением из большого исследования о Плеханове. Поэтому не все вопросы, связанные с темой «Плеханов и Белинский», поставлены в ней. Такие вопросы, например, как отношение обоих мыслителей к «теории чистого искусства», или вопрос об «эстетическом кодексе» Белинского освещены в других частях работы, в связи с рассмотрением общих проблем методологии Плеханова.

Источники цитат из Плеханова указываются в тексте статьи (в скобках) со следующими сокращениями: Плеханов, Соч.— Г. В. Плеханов. Сочинения. М.— Л., 1923—1927 и «Лит. наследие»— сборники «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (римские цифры обозначают тома названных изданий, арабские — страницы).

Михайловский в статье «Прудон и Белинский» назвал Белинского «великомучеником правды» (Н. Михайловский. Соч. Т. III СПб., 1888, стр. 149). Михайловский признавал выдающийся эстетический дар Белинского, но решительно отказывался видеть в нем мыслителя. Михайловскому в этом вопросе вторил А. Волынский, заявивший в своей книге «Русские критики», что у Белинского не было «самобытного философского таланта».

Михайловский критиковал Белинского всего более как социолога. Он объявил все философские и нравственно-политические идеи Белинского «сплошным вздором», потому что они коренным образом противоречили его «формуле прогресса».

Волынский критиковал Белинского всего более как философа, не видя в нем последовательного идеалиста.

Восторженную статью о Белинском напечатал в «Русском богатстве» (1898) Венгеров. Статья его носит характерное заглавие: «Великое сердце».

Венгеров не допускает никаких резких выражений по адресу Белинского. Он только, по словам Плеханова, старается «смягчить многие „крайности" в характере и особенно во взглядах Белинского...» (Плеханов. Соч., X, 325). Венгеров утверждает, что Белинский никогда не был «социалистом» и что это наименование по недоразумению утвердилось за ним. Называя себя «социалистом», Белинский якобы хотел только указать на то, что он интересуется «социальными», т. е. общественными, вопросами. Венгеров «доказывает», что Белинский руководствовался в своей деятельности не идеями борьбы классов и политической экономии, как некоторые думают, а идеями человечества и веры в «золотой век».

Статьи Плеханова о Белинском, как мы уже сказали, полемичны по своему характеру. Марксистская история русской общественной мысли формировалась в борьбе с буржуазной и либерально-народнической историографией. Но Плеханов буквально походя опровергает своих противников. Основное содержание его статей — положительное развитие его собственных взглядов.

Статья «Белинский и разумная действительность», первая из цикла статей Плеханова о Белинском, имела своей главной задачей доказать, что великий критик был, вместе с тем, и великим мыслителем, стоявшим на уровне наиболее передовой общественной мысли своей эпохи, что он первым в России направил нашу общественную мысль в научное русло, вооружил ее новым методом.

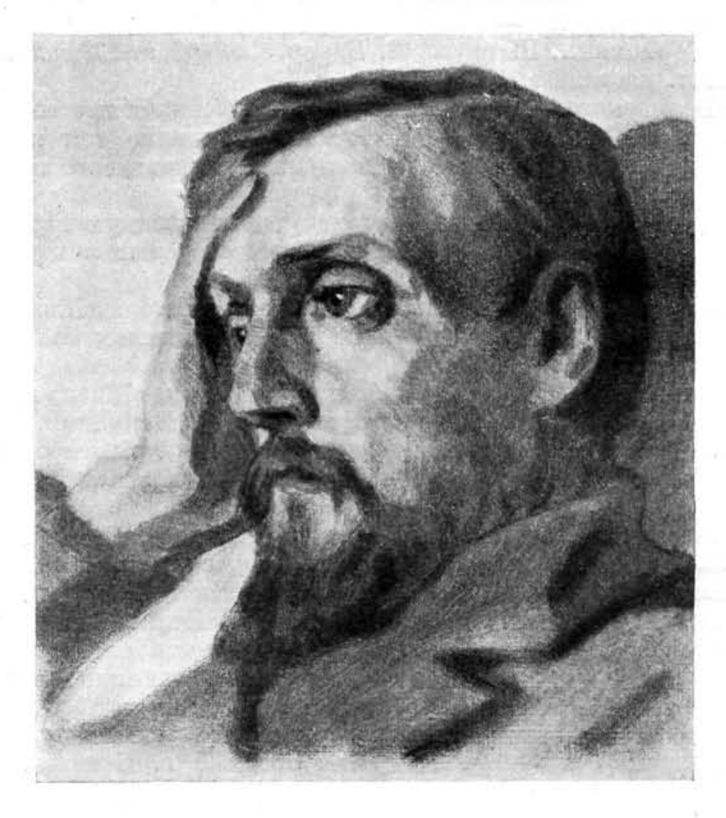
Деятельность Белинского, как одного из величайших мыслителей XIX в., рассматривается Плехановым в двух планах: в общеевропейском и в национальном, русском.

Историю умственного развития Белинского Плеханов, как известно, делит на три периода: в первом Белинский «жертвовал действительностью ради идеала», во втором — «идеалом ради действительности», а в третьем — «он стремился примирить идеал с действительностью посредством идеи развития, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из „абстрактного" в конкретный» (Плеханов. Соч., X, 242).

Белинский начал свою деятельность после поражения декабрьского восстания, которое произвело на него сильнейшее впечатление. Он был полон героических стремлений, но «сознавал себя нулем». Оптимизм был унаследован от предшествующей эпохи, а пессимизм явился следствием декабрьского разгрома. У Белинского было два выхода из того положения, в котором он оказался: «1) индифферентизм; 2) искание в науке и в философии объяснения и указания. Белинский идет по второму пути» («Лит. наследие», VI, 132).

Увлекаясь «абстрактным героизмом», Белинский заявлял себя еще наследником XVIII в., пренебрегавшего историей. Но опыт общественной борьбы в России разбивал эти увлечения, и Белинский продолжал сознавать себя «нулем». Белинский с самого начала своей литературно-политической деятельности не мог удовлетворяться абстракциями. В его лице на историческую сцену выступали новые социальные силы, которые требовали конкретных ответов на конкретные вопросы. Напомним знаменитую формулу Ленина, определяющую историческое место великого критика:

«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский»



БЕЛИНСКИЙ

Эскиз маслом И. А. Астафьева, 1879 г.

Литературный музей, Москва

(В. И. Ленин. Соч. Изд. 3-е. Т. XVII. М.—Л., стр. 341). А Плеханов писал о Белинском: он «обнаружил всю страстность и всю революционную энергию, которые были так свойственны нашим разночинцам последних десятилетий. В этом отношении он далеко оставил за собою своих друзей из образованного и гуманного дворянства». Как революционный разночинец, «он сталкивается с проклятыми вопросами» («Лит. наследие», VI, 132).

И Белинский взялся за решение этих «проклятых вопросов», обращаясь за помощью к философии. В течение своей жизни он пережил увлечение Шеллингом, Фихте, Гегелем, Фейербахом; в последние годы он с жаром читал молодого Маркса. Он с невероятной быстротой переходил от одной фи-

лософской системы к другой. «На этом основании, — пишет Плеханов, — многие вообразили, что он в самом деле не имел „философского таланта“, и на него стали посматривать сверху вниз, с некоторым снисходительным одобрением даже такие люди, которые, в смысле способности к философскому мышлению, недостойны были бы развязать ремень у ног его. Эти самодовольные господа забыли или не знали, что во времена Белинского пути к общественному счастью искала в философии почти вся мыслящая Европа» (Плеханов. Соч., X, 219—220).

Белинский также искал в философии пути к счастью и благу своей родины. Так он пришел к Гегелю. Он пришел к нему путем выяснения исторического развития России.

Белинский был захвачен философией Гегеля. «Почему? — спрашивает Плеханов. — Потому же, — отвечает он, — почему она захватывала лучшие умы в Германии... Штраусс. Б. Бауер. Фейербах. Лассаль. Энгельс. Маркс» («Лит. наследие», VI, 132).

«В лице Белинского, — пишет Плеханов, — русская общественная мысль впервые с гениальной смелостью взялась за решение той же великой задачи, которая... влекла к себе лучшие умы девятнадцатого века» (Плеханов. Соч., X, 231).

Иначе говоря, Белинский решал задачу, поставленную перед ним потребностями внутреннего развития России, но он решал ее в русле общеевропейской мысли.

Ответив на вопрос, почему Белинский пришел к Гегелю, Плеханов затем ставит и решает другой вопрос — каково было истинное отношение Белинского к философии Гегеля.

Ссылаясь на стр. 233 первого тома книги А. Пыпина «Жизнь и переписка Белинского», где приводится письмо Белинского к Бакунину, датированное 1838 г., Плеханов сделал следующую запись в своей тетради: «Белинский не признает себя учеником Гегеля в полном смысле слова» («Лит. наследие», VI, 160).

Мысль о том, что Белинский даже в пору увлечения Гегелем проявлял полную самостоятельность в своих суждениях, составляет одно из главных положений всех статей Плеханова о Белинском. Между учением Гегеля о разумной действительности и взглядами Белинского периода его примирения с русской действительностью Плеханов находит не только моменты сходства, но и моменты глубокого, принципиального различия.

Начало примирения Белинского с действительностью Плеханов относит к середине 1837 г. В письме от 7 августа 1837 г. Белинский говорит об особой исторической судьбе России, о том, что она может достигнуть своего благополучия только путем распространения просвещения и нравственного совершенствования граждан. Спасение России Белинский видит не в политике, а в науке. Плеханов утверждает, что это «совсем не гегелевский взгляд» (Плеханов, Соч., X, 222).

«Для нас, — пишет Плеханов, — важно то, что к примирению с русской действительностью Белинский пришел путем хотя бы и неверного и вообще крайне поверхностного выяснения ее исторического развития» (Плеханов. Соч., X, 222). Таким образом, не увлечение Гегелем, а стремление выяснить особенности исторического пути и исторической судьбы России временно привело Белинского к «вынужденному примирению» с действительностью. Увлечение Гегелем, следовательно, было не причиной, а следствием.

Вначале примирение Белинского с действительностью было, в сущности, условно. Оно означало только то, что Белинский отказывался от политических методов борьбы с самодержавием, будучи, однако, «очень далек от консерватизма» (Плеханов. Соч., X, 222). Белинский тогда

еще не умалчивал ни об одном из многочисленных недостатков политического и экономического строя России. Он только объяснял все недостатки молодостью ее. Из всех царей ему нравился только Петр Первый, как царь-реформатор, оторвавший Россию от ее прошедшего.

Основываясь на всем этом, Плеханов писал: «Белинский мирился не с действительностью, а с печальной судьбой своего абстрактного идеала. Еще недавно он мучился, сознавая, что этот идеал не находит никакого приложения к жизни. Теперь он отказывается от него, убедившись, что он неспособен привести ни к чему, кроме «абстрактного героизма», бесплодной вражды с действительностью. Но это не значит, что Белинский поворачивается спиною к прогрессу. Вовсе нет. Это значит только, что теперь он собирается служить ему иначе, чем собирался служить прежде» (Плеханов. Соч., X, 223).

Некоторые исследователи распространяют приведенные слова Плеханова на весь примирительный период Белинского. Это ошибка. Плеханов, как мы увидим дальше, имел в виду только начальную стадию этого периода.

Почему же Белинский разочаровался в политике? Это случилось потому, что его политические идеалы были абстрактны. История политической жизни народов и государств понималась им еще очень поверхностно. Он с болью в душе смотрел на политическую борьбу французского народа. По его мнению, она ничего хорошего не дала ему. Следовательно, и России она тоже ничего хорошего не сулила. Исторические параллели между Россией и Францией приводили его раньше «к тяжелым и почти безнадежным выводам» (Плеханов. Соч., X, 222). Теперь, поскольку России предсказывалась особая судьба, надобность в этих параллелях отпала.

Все надежды теперь возлагались на науку. Но надежды эти оказались иллюзорными. Надеяться на науку — означало оставаться на уже осужденных рационалистических позициях. Это вскоре стало ясно. Отказ от политики не дал ожидаемых результатов. Тогда Белинский оказался вынужденным пойти на полное примирение с действительностью. Пришлось сначала научиться объяснять, почему существует то или иное общественное явление, чтобы затем научиться объяснять также и то, почему оно должно прекратить свое существование.

У Плеханова речь идет всего о двух годах примирения Белинского с русской действительностью. Начало «примирения» Плеханов приурочивает к концу 1837 г., конец — к последним месяцам 1839 г. Плеханов констатирует, что явное недовольство философией Гегеля началось у Белинского еще до появления в свет его статьи об «Очерках Бородинского сражения» Глинки. Плеханов цитирует строки из письма Белинского к Боткину, относящегося к концу 1839 — началу 1840 г.: «Жизнь — в книгах, а в жизни — ничто». Несомненно, эти строки имеют антигегелевский смысл.

В одной из папок с рукописями работ Плеханова о Белинском мы нашли отрывок, содержащий следующий, еще не бывший в печати текст: «... восставая против „философского колпака“ Гегеля, а вместе с тем и против гнусной российской действительности,— гениальный критик не любил даже вспоминать об этих статьях, считая их позорной ошибкой. Гораздо снисходительнее смотрят на них благосклонные к Белинскому историки русской литературы: в их глазах они являются крупным, но вполне извинительным промахом молодого ума, до самозабвения увлеченного теорией и потому готового, без колебаний и без сожалений, приносить ей в жертву интересы практики. Но этот взгляд объясняет лишь психологическую сторону дела, да и для ее объяснения он не дает ничего нового» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

В этой заметке Плеханов, несомненно, имеет в виду статьи Белинского «Очерки Бородинского сражения», «Менцель—критик Гете» и «Горе от ума».

Именно их Белинский считал своей «позорной ошибкой». Но у Белинского была и другая оценка этих статей, особенно первой из них. Он несколько раз указывал на то, что она верна по своей идее.

Верна по идее, но ошибочна по выводам — вот отношение Белинского к этой своей статье. И Плеханов полностью соглашается с ним. А каков же смысл его полемики с «благосклонными к Белинскому историками русской литературы»? Смысл этот состоит вот в чем.

Снисходительно относясь к примирительным взглядам Белинского, сводя все дело к его личным качествам, молодости и горячности, «благосклонные» к нему историки русской литературы только запутывали вопрос, а не решали его. Они не видели большой беды в том, что Белинский пошел на «перемирие» с крепостным правом и самодержавием. По той же причине, по которой им была непонятна глубина теоретических запросов Белинского, они не поняли и подлинного смысла его «позорных ошибок».

Плеханов резко восставал против поверхностно-биографического подхода к истории умственного развития Белинского. Для него Белинский — центральная фигура эпохи.

«В своем увлечении философией Гегеля, — говорит Плеханов, — Белинский должен был начать именно с оправдания самодержавия, крепостного права и прочих, подобных им, гнусностей, так как эти гнусности, конечно, особенно сильно мучили его в предыдущую фазу его умственного развития» (Плеханов, Соч., X, 338).

Раньше Белинский смотрел на историю, как на цепь случайностей, которыми управляет и которые подчиняет себе воля человека. Этот взгляд потерпел полный крах. Теперь Белинский хотел видеть в истории одну только железную необходимость и целесообразность. Он стал доказывать разумность всех общественных явлений, но он доказывал это вовсе не потому, что убедился на практике в их благе. Он делал это в силу ограниченности своего понимания законов исторического развития. От абстрактного отрицания он вынужден был отказаться, обоснованного же отрицания он еще не сумел создать. Все усилия его уходили на то, чтобы доказать законосообразность всего существующего.

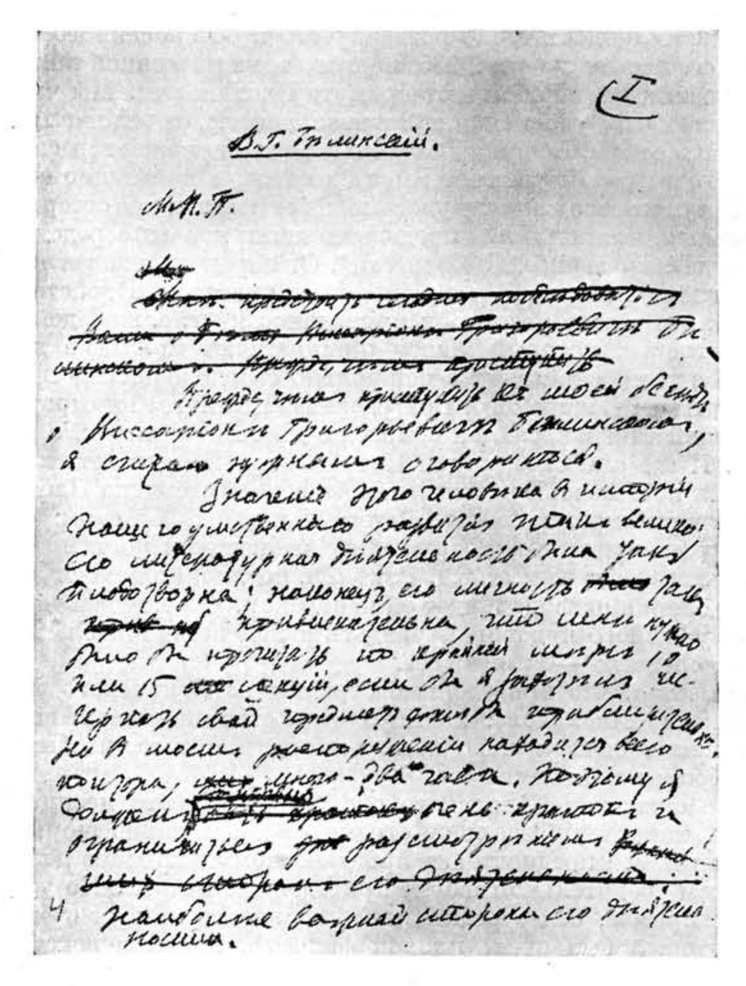
Плеханов не то, что «простил» Белинскому его «позорные ошибки» — он объяснил их. Общественное развитие России поставило перед Белинским, как первоочередную задачу, преодоление рационалистического взгляда на общественные явления. Это огромной важности и огромной трудности задача. И то, что в статьях о Бородинской годовщине Белинский положил начало ее решению, было величайшим достижением русской общественной мысли. В этих статьях «Белинский, — говорит Плеханов, — искал критерия разумности общественных явлений» (Плеханов. Соч., XXIII, 135). Утверждая, что всякое общественное учреждение вызвано к жизни определенными общественными условиями, Белинский, по словам Плеханова, «высказывал положение, совершенно верное в социологическом смысле» (Плеханов. Соч., XXIII, 135).

Но это была однобокая, ошибочная, консервативная в своей основе социология. Вина за нее ложилась не столько на самого Белинского, сколько на всю русскую и европейскую общественную мысль, которая тогда делала только первые шаги на пути выработки исторического метода изучения общественной жизни.

Так Плеханов объяснил ошибки Белинского «примирительного периода». Он связал их с общим состоянием русской и европейской общественной науки, ограниченность которой в скором времени преодолел Белинский, если не во всем, то, во всяком случае, во многом.

Плеханов не отождествлял примирительные взгляды Белинского, временно оправдывавшего самодержавие и крепостное право, с примиритель-

ными взглядами Гегеля. Для Гегеля они были итогом его развития, завершением всей его философской системы; для Белинского — только отдельным этапом в его умственной жизни. Философия Гегеля учила интересы о б щ е г о ставить выше прихотей и даже существенных интересов отдельного человека. Плеханов считал, что этот тезис сам по себе приемлем. Дело только в том, говорит Плеханов, что интересы «дорогого этой философии общего были интересами застоя». И «Белинский, — продолжает



АВТОГРАФ НАБРОСКА РЕЧИ ПЛЕХАНОВА О БЕЛИНСКОМ, 1898 г.
Лист первый рукописи
Музей Г. В. Плеханова, Ленинград

Плеханов, — почувствовал это инстинктом значительно раньше, чем сознал разумом» (П л е х а н о в. Соч., X, 234). Еще в конце 30-х годов прошлого столетия Белинский понял ограниченность философии Гегеля, ее глубочайшую противоречивость. Ему, по словам Плеханова, было ясно, что Гегель является «философским банкротом» (П л е х а н о в. Соч., X, 237). Мир с прусской действительностью был, в сущности, идеалом Гегеля. Этим, в значительной степени, и объясняется возникновение его учения о разумной действительности. Идеалом Белинского была война, а не мир с русской действительностью. Он только на время пошел на «перемирие» с нею.

Плеханов склонялся к той точке зрения, что у Белинского, по существу, не было настоящего «примирения» с действительностью. Вот что он записал в свою тетрадь при чтении книги А. Пыпина «Жизнь и переписка В. Г. Белинского» (экземпляр этой книги хранится в Доме Плеханова, с многочисленными плехановскими пометками на полях): «Из упреков, которые ему <Белинскому> делают друзья, видно, что для кружка речь шла прежде всего *о понимании* действительности, а не о примирении с нею» («Лит. наследие», VI, 160). Записывая эту мысль, которая, к сожалению, не получила достаточно развернутого и обоснованного выражения, Плеханов ссылается на стр. 235 первого тома названной книги Пыпина. Верхняя часть этой страницы отчеркнута Плехановым. Мы читаем здесь: «На обвинение, что, увлекаясь действительностью, он отложил мысль в сторону, отрекся от нее, Белинский отвечает, что он уважает мысль, но мысль конкретную, и притом уважает мысль вообще, а не именно его собственную;—„но чувство *мое* вполне уважаю, и вот почему: мое созерцание всегда было огромнее, истинные мои предощущения и мое непосредственное ощущение всегда было вернее *моей* мысли“. Он передает свой взгляд в следующем афоризме: „человек, который живет чувством в действительности, выше того, кто живет мыслью в призрачности <т. е. вне действительности>; но человек, который живет <конкретною> мыслью в действительности, выше того, кто живет в ней только своею непосредственностью“».

Все цитаты из Белинского, приведенные Пыпиным на страницах 231—234 названной книги, касаются вопроса о действительности, о новом понимании ее. И все они отчеркнуты Плехановым. Против некоторых из них он поставил nota bene. В частности, nota bene поставлена Плехановым перед следующим определением действительности Белинским: «...Действительность есть чудовище, вооруженное железными когтями и огромной пастью с железными челюстями. Рано или поздно, но пожрет она всякого, кто живет с ней в разладе и идет ей наперекор. Чтобы освободиться от нее и, вместо ужасного чудовища, увидеть в ней источник блаженства, для этого одно средство — сознать ее».

Нам думается, что приведенные отрывки из Белинского подкрепляют предположение Плеханова: не мира с действительностью искал Белинский, а, может быть, только компромисса, для того, чтобы выработать более глубокое понимание ее.

Прежнее суждение Белинского о действительности носило чисто теоретический характер. Теперь он стремится к сочетанию теории и практики, отдавая явное предпочтение практическому познанию действительности. Об этом убедительно говорят приведенные цитаты. Но у Белинского есть более прямое, более решительное заявление на этот счет: «Петр Великий, который был очень плохой философ, понимал действительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякий исторический деятель понимал ее лучше его. По моему мнению, если понимать действительность сознательно, так понимать ее, как понимал ее Гегель; но много ли *так* понимают ее? — пятьдесят человек в целом свете; так неужели же все остальные — не люди?» (А. *Пыпин*. Жизнь и переписка Белинского. Т. I. СПб., 1876, стр. 235).

Белинский, как видим, отнюдь не отказывался от философского суждения о действительности. Но все-таки активное отношение исторического деятеля к действительности ему ближе.

Плеханов ошибается, думая, что Белинский утрачивал в это время интерес к теоретическим вопросам и готов был «удовольствоваться инстинктивным сознанием разумности окружающей его жизни» (*Плеханов*. Соч., X, 225). Такая тенденция тоже была у Белинского, но она имела второстепенное значение. Не в ней было дело. Дело, главным образом, состояло в том, что Белинский начинал осознавать односторонность теоретиче-

ского познания мира. В этом направлении, безусловно, и шла работа Белинского над созданием новых понятий о действительности.

«Диалектический идеализм, — пишет Плеханов в статье „Белинский и разумная действительность", — правильно поставил великую задачу общественной науки девятнадцатого века: изучение общественного развития как законосообразного процесса, — но он не решил ее, хотя, правда, в значительной степени подготовил ее решение» (Плеханов. Соч., X, 243).

Это значит, — пока Белинский оставался идеалистом, последователем Гегеля в области философии, он не мог ответить себе на те вопросы, которые волновали и мучили его. Он только поставил эти вопросы. Поэтому разрыв с Гегелем был неизбежен. При таком объяснении философской эволюции Белинского — а Плеханов именно так объясняет ее — следующий этап в умственном развитии гениального критика опять-таки выглядит как дальнейший шаг в движении вперед русской общественной науки. Белинский потому порвал с Гегелем, что он не удовлетворился гегелевским объяснением исторического развития общества. В лице Белинского русская общественная мысль переросла уровень философии истории Гегеля.

Белинского не устраивало не только учение Гегеля о разумной действительности, — хотя это учение было первопричиной разрыва, — его не устраивала вся гегелевская философия, в том числе и его диалектика, ибо она была идеалистической. Вот что, по этому поводу, читаем в замечательной по своей глубине черновой записи Плеханова: «Отношение Белинского к Гегелю. Отрицатели спрашивают себя: но ведь действительность не вечна, и получают утешение. Нет, не только это: они получают возможность работать. Элементы развития в философии Гегеля... Объективизм Гегеля. Разница между мировым разумом и индивидуальным разумом. Нет соответствия между личными идеалами и мировым разумом. Гегель отвечал: ваши идеалы не имеют смысла. Наш субъективный разум не может быть мерилом общественного развития. Вся философия Гегеля была направлена на то, чтобы усмирять личность» («Лит. наследие», VI, 178). Из этой записи, как из ряда других документов, видно, что Плеханов имел в виду три пункта, по которым Белинский в корне разошелся с Гегелем.

Во-первых, Белинский требовал от философии не утешения, — «действительность не вечна», — а точного указания, как и куда приложить свои усилия.

Во-вторых, Белинский считал, что всякое движение общества вперед должно осуществлять личные идеалы людей. Иначе оно бессмысленно. Философия Гегеля не считалась с личными идеалами, поскольку, с ее точки зрения, абсолютный разум в своем развитии имеет свою собственную цель, и людские воли и желания — тут непричем.

И, наконец, в-третьих, философия Гегеля лишала субъективный, человеческий разум права судить об исторических событиях и их смысле, поскольку не он является творцом их. При таком взгляде на историю все события приобретают одинаковый смысл, как необходимые, а следовательно, и разумные.

Белинский не мог не восстать против этого. Он обвинял философию Гегеля в том, что, при своем безразличии к историческим явлениям, она была способна оправдать любые кровавые преступления против человечества. Он считал, что философия должна указать те средства, «с помощью которых разум восторжествует над слепой случайностью» (X, 237). Философия Гегеля не в состоянии была это сделать.

Так ставил и решал Плеханов вопрос об отношении Белинского к философии Гегеля. Он рассматривал этот факт не как эпизод в жизни

Белинского, а как важнейший период в истории русской общественной мысли.

К сожалению, последующие этапы философской эволюции Белинского не получили такой полной и подробной характеристики у Плеханова. Весьма отрывочно говорит он об отношении Белинского к Фейербаху. Неоднократные указания Плеханова на то, что, порвав с Гегелем, Белинский стал верным и последовательным учеником Фейербаха, навязчивы, мало обоснованы и, безусловно, односторонни. Плеханов сам почувствовал это и однажды попытался исправить положение. В работе о Чернышевском он счел необходимым написать следующие строки: «... У Белинского очень сильна была диалектическая закваска,— сильнее, чем у самого Фейербаха...» (Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910, стр. 240).

Вообще у Плеханова было противоречивое отношение ко взглядам Белинского последнего периода его деятельности. Этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже. Здесь мы остановимся только на той тенденции в работах Плеханова,— по нашему мнению основной их тенденции,— согласно которой Белинский в последние годы своей жизни двинул далеко вперед русскую общественную науку вообще и эстетику в частности.

Порвав с Гегелем, Белинский с еще большим упорством стал работать над тем, чтобы создать «идею отрицания» теперь уже на материалистической основе. Путь, на который вступал Белинский, был тот же самый, по которому шли на Западе Маркс и Энгельс. «Мысль его,— пишет Плеханов о Белинском,— плодотворно работала в том самом направлении, в котором двигалась самая передовая мысль самых передовых стран Запада. Недаром он с увлечением читал „Deutsch-Französische Jahrbücher“, издававшиеся в Париже Арнольдом Руге и Карлом Марксом» («Лит. наследие», VI, 145).

Белинскому не удалось до конца выработать идею отрицания путем развития применительно к русской действительности. Помехой этому были неразвитые отношения русской общественной жизни. Белинский не встречал в окружающей действительности «ни одного объективного начала, способного привести в своем развитии к отрицанию „гнусной действительности“» (Плеханов. Соч., XXIII, 141). Поэтому он нередко апеллировал к отвлеченному понятию о человеческой личности, покидая точку зрения диалектика и становясь на точку зрения просветителя. Он переоценивал роль интеллигенции в общественном развитии и недооценивал самодеятельность народных масс. Это была ошибка. Но «эту ошибку долго после него повторяли люди, выросшие при новых экономических условиях, которые, казалось бы, давали им возможность отнестись к самодеятельности пролетариата с несравненно бо́льшим доверием. Эта ошибка была замечена только русскими марксистами» («Лит. наследие», VI, 145).

Белинского Плеханов называет предшественником русских марксистов, которые выступили на историческую арену почти полвека спустя после его смерти.

Тут мы должны коснуться вкратце плехановской концепции развития русской общественной мысли. Плеханов, как и Ленин, считал, что русская общественная мысль домарксистского периода достигла своего высшего предела в работах Белинского, Чернышевского и Добролюбова. После них начался спад. Вот почему они, а не народники, деятельность которых относится к более позднему периоду, являются непосредственными предшественниками русских марксистов.

Белинского, Чернышевского и Добролюбова, в силу сказанного, отличают чрезвычайно глубокие теоретические запросы. В этом смысле

ИЗДАНИЕ РЕЧИ ПЛЕХАНОВА О БЕЛИНСКОМ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ПО СЛУЧАЮ 50-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ КРИТИКА

Титульный лист

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г. ПЛЕХАНОВЪ

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

(Рѣчь, произнесенная весною 1898 г. по случаю 50-лѣтія со дня смерти Бѣлинскаго на русскихъ собраніяхъ въ Женевѣ, Цюрихѣ и Бернѣ.)

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ"
1899

они резко выделяются на фоне остальной прогрессивной общественной мысли в России.

Как человек громадных духовных запросов, Белинский не был вполне понят даже передовыми своими современниками, в том числе и ближайшими своими друзьями. Плеханов не исключает в этом смысле и самого Герцена. Но относительно Герцена Плеханов далеко не во всем прав. Конечно, Белинский был более последовательным демократом. В связи с этим у него, конечно, была более острая потребность выработать идею отрицания путем развития. Однако вряд ли это обстоятельство могло явиться препятствием к тому, чтобы Герцен мог понимать теоретические запросы Белинского. Он, конечно, понимал их и, как теперь доказано, оказал весьма благотворное влияние на самого Белинского.

Герцен и, в особенности, Тургенев, как думал Плеханов, послужили источником для всякого рода историко-литературных легенд, в неверном, искаженном свете рисовавших Белинского. Тургенев говорил, что эпоха поставила перед Белинским задачу выйти за пределы эстетики, но эта задача, хотя и отчасти, была решена не им, а Валерьяном Майковым.

Основываясь на подобных высказываниях Тургенева, некоторые историки литературы тратили массу усилий на то, чтобы выдвинуть на первый план как центральную фигуру эпохи В. Майкова и заслонить им Белинского. Многое делал в этом направлении К. Арсеньев, а затем А. Скабичевский. Они утверждали, во-первых, что многие критические принципы Белинского принадлежат вовсе не ему, а заимствованы им у Майкова; во-вторых, они заявляли, что эстетические воззрения Майкова имели под собой твердую научную почву, тогда как литературная критика Белинского нередко была беспочвенна.

Плеханов разбил эту легенду в своей известной статье «Виссарион Белинский и Валериан Майков». Он великолепно показал, что в самом противопоставлении Майкова Белинскому было своеобразное знамение времени.

Сопоставляя взгляды Белинского со взглядами Майкова, Плеханов находит громадную разницу между ними. Если Белинский был предшественником русских марксистов, то Майков готовил почву для субъективных социологов. У него «можно найти несколько формул, довольно близких к формуле прогресса Михайловского» (Плеханов, Соч., XXIII, 259). Плеханов удивляется, почему на одну из формул Майкова — «Жизненность, то-есть гармоническое развитие всех человеческих потребностей и соответствующих им способностей» — почему на эту формулу «до сих пор не обратил внимания наш глубокомысленный индивидуалист г. Иванов-Разумник» (Плеханов. Соч., XXIII, 259).

Скабичевский утверждал, что Майков более глубокий мыслитель, нежели Белинский. И это соответствующим образом характеризовало самого Скабичевского. Он «сам был одним из представителей эпохи, последовавшей за удалением с литературной сцены Добролюбова и Чернышевского и характеризующейся понижением уровня передовой общественной мысли» (там же).

В архиве Плеханова сохранились две большие тетради с выписками и материалами для статьи «Виссарион Белинский и Валериан Майков». Эти выписки и замечания на них Плеханова являются ценнейшими документами, показывающими, как непримирим и последователен был Плеханов в своей борьбе со всякого рода сознательными и бессознательными искажениями великой исторической роли Белинского.

Вот две выписки из статьи А. В—на «Валериан Майков», напечатанной в «Вестнике Европы» за февраль 1892 г., с замечаниями на них Плеханова.* «В тех же 40-х годах в новом поколении, которого особливым выражением являлся Майков, к старому движению (*в области мысли.— Г. П.*) присоединяется новая черта — особый интерес к явлениям социального характера...» В конце выписки вопрос Плеханова: «*А Герцен и его кружок в 30 гг.?*»

Другая выписка: «Читая Майкова, не трудно убедиться, что в этих именно социалистических или социологических интересах заключается корень его взглядов на вопросы русской литературы и здесь его главная разница или точнее дальнейший шаг (*!!? — Г. П.*) сравнительно с кругом предшествующего поколения. Это последнее выходило из гегелевской философии. В. Майков с самого начала относится к немецкой философии и к самому Гегелю критически, даже отрицательно; выше немецкой метафизики стоит для него общественная наука (*утопическая. — Г. П.*), которую он уже тогда тесно связывал с антропологией...

...Различие состояло в том, что, например, для Белинского общественные вопросы этого рода стали позднейшей, более или менее случайной и до конца недостаточно разработанной добавкой к его старому кругу идей (*но в этом «старом» круге основа была именно социологическая; ср. статью о «Бородинской годовщине».— Г. П.*), когда для нового поколения это был основной исходный пункт, при том не отвлеченный, а реальный... В философии В. Майков, отвергая Гегеля, склонялся к «положительной философии Конта...» В конце выписки слова Плеханова: «*Тут-то и был камень преткновения*».

---

* Замечания Плеханова как внутри текста выписок, так и в конце их даются нами *курсивом*. Все выписки приводятся по подлинникам, хранящимся в архиве Дома Плеханова в Ленинграде.

Приведем еще одну выписку из статьи К. Арсеньева «Валериан Майков» («Вестник Европы», 1886, апрель): «Рядом с психологией в критике Майкова играет большую роль история и социология». *«Какая же социология?* — спрашивает Плеханов.— *Преимущественно — Конта. Это шаг назад в сравнении с Гегелем»*.

Полемизируя с апологетами Валерьяна Майкова, Плеханов развертывал одно из основных положений своей концепции развития русской общественной мысли. Во всех своих многочисленных работах, посвященных этой теме, он доказывал, что основополагающим предшественником русской подлинно научной социологии является Белинский и — никто другой. С исчерпывающей ясностью это положение сформулировано Плехановым в его речи о Белинском, произнесенной весной 1898 г. Белинскому, говорит здесь Плеханов, надо было показать, что тот общественный порядок, который тяготил его самого и его единомышленников, «не мог быть вечен, что он имеет лишь временное, преходящее значение и что последующее историческое движение непременно должно его смести с лица русской земли, как смело оно, скажем, порядки удельно-вечевого периода. Сделать это, значило выработать цельную и стройную философию русской истории» (П л е х а н о в. Соч., X, 339).

По Плеханову, если Белинский и не создал ее, т. е. «цельную и стройную философию русской истории», то заложил прочные основания для создания ее. Отсюда плехановское определение: «Белинский — предшественник русского марксизма» («Лит. наследие», VI, 135).

Этими словами Плеханов достаточно точно определяет историческое место и историческую роль Белинского. Но есть другая сторона вопроса. Интересы каких социальных слоев выражал Белинский? О знаменитом письме Белинского к Гоголю Плеханов говорит, что оно полно «страстного революционного протеста» (П л е х а н о в, Соч., XXIII, 199). Но от имени каких социальных слоев ведется этот протест? Плеханов думал, что от имени разночинцев. Вот тут-то и лежит камень преткновения. Великий смысл борьбы Ленина против «веховщины» состоит в доказательстве того, что революционная интеллигенция (а следовательно, и разночинцы) всегда была неразрывно связана с народными массами, что идейные искания этой интеллигенции отражали настроения, интересы и идеалы народных масс. На это важнейшее обстоятельство, указанное Лениным, Плеханов не обратил внимания.

В сущности, из плехановских работ напрашивается такой вывод: в основе философских взглядов Белинского лежит его восприятие русской действительности. Что касается философских систем западноевропейских философов, к которым поочередно обращался Белинский, каждая из них была лишь формой, с помощью которой гениальный критик пытался придать стройность и законченность своим взглядам. Поэтому ни одна из них не могла встать стеной между Белинским и русской действительностью. Последнюю изучал он не только через посредство философии, но непосредственно, практически, причем практическое знание жизни он ценил куда больше, нежели теоретическое. И как только практическое знание вступало в явный разлад с «философской системой», Белинский немедленно отказывался от последней. Он так однажды выразился: «Я мыслю (сколько в силах), но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стукается о факты — я велю ее мальчику вымести вместе с сором».

Но как раз область практического изучения русской действительности Белинским Плеханов ставил не очень высоко. Он считал такое изучение эмпиризмом. И это отразилось на его анализе философской эволюции Белинского. Порою этот анализ принимает абстрактный характер. Плеханов нередко сам подчиняется и подчиняет Белинского логике той философской системы, сторонником которой заявляет себя Белинский.

Отсюда глубокие логические противоречия в работах Плеханова о Белинском. С одной стороны, в них доказывается то, что Белинский был вполне и до конца самостоятельным мыслителем, а с другой — утверждается, что он последовательно состоял «верным учеником» таких философов, как Фихте, Гегель и Фейербах. Отмеченное противоречие коренится в том, что историческая роль Белинского рассматривается Плехановым ограниченно, исключительно с точки зрения теоретических нужд русской общественной мысли. Практика же общественной, классовой борьбы, ненависть крестьян к своим угнетателям, питавшая революционный пафос Белинского, не учтены Плехановым. В этом, в частности, и сказался меньшевизм в его исторических взглядах и методологии вообще.

II

В начале своей статьи «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов приводит небольшой отрывок из воспоминаний И. Панаева. Смысл этого отрывка сводится к тому, что будто знакомство Белинского с философией Гегеля губительно отразилось на его литературно-критической деятельности.

К Панаеву присоединился Пыпин, к Пыпину — Полевой. Полевой писал в своей «Истории русской литературы»: «Этот период деятельности Белинского, с 1838 по 1841 г., представляет самые печальные и менее всего плодотворные годы его литературного поприща... Требуя, чтобы поэзия, бесстрастно созерцая жизнь, существовала сама для себя и ни о чем более не заботилась, как о художественности своих форм, объявивши, что истинная поэзия есть поэзия формы, поэзия же содержания, какие бы высокие идеи в себе ни заключала, есть ублюдок поэзии и красноречия,— Белинский выключил из области поэзии и все те произведения, в которых он видел увлечение со стороны поэтов живыми вопросами общественной жизни.

Детально разбирая статьи Белинского «примирительного периода», Плеханов убедительнейшим образом доказал две вещи: во-первых, что «примирившийся с действительностью Белинский» презрительно относился к субъективному методу в литературной критике и «твердо верил в возможность найти для нее объективную основу»; во-вторых, что Белинский в период увлечения гегелевой философией был, как всегда, очень далек от того, чтобы поклоняться «поэзии формы» и отрицательно относиться к «поэзии содержания».

Эстетические взгляды Белинского конца 30-х годов Плеханов подвергает серьезной критике. Белинский этих лет «нередко злоупотреблял... логическими построениями и пренебрегал фактами» (Плеханов. Соч., X, 264). Он требовал от критиков, чтобы они искали в искусстве общее, а не частное, вечное, а не временное, необходимое, а не случайное. Он забывал о том, что, отворачиваясь от временного, критика должна была отвернуться от всего исторического. Он говорил о том, что творения Шекспира никак не связаны с его жизнью, и нет никакой нужды изучать его жизнь. То же самое было сказано им относительно греческой поэзии. Для понимания ее необходимо знать только то, в чем состоит «значение греческого народа в абсолютной жизни человечества».

Отмечая сильный элемент антиисторизма в эстетических взглядах Белинского 30-х годов, Плеханов, вместе с тем, настойчиво подчеркивал следующую мысль: Белинский уже в то время закладывал основы научной эстетики в России.

Плеханов утверждал, что все законы эстетического кодекса Белинского «указаны им еще в статьях, относящихся к примирительному

~~DOCTEUR~~
~~Mme R. BOGRADE PLEKHANOFF~~
~~Rue de Candolle, 6~~
~~Consultations de 1 à 3 h.~~
~~Dimanche et Jeudi exceptés~~
~~Téléphone 807~~

[II] 07 A 8 105

Понедельник, 21 апр. 1903.

Дорогая Л. И., простите, что не сразу отвечаю: мне хотелось пересмотреть книгу Пыпина о Белинском, а ее не было у меня под рукой. Теперь я ее пересмотрел и снова пришел к [illegible] убеждению, что после того, как Белинский вышел из периода увлечения Гегелем-консерватором, он, после непродолжительных колебаний, сделался, по-видимому, к 1844 году, атеистом и [illegible] подсмеивался над современными ему

2) французскими социалистами за их пристрастие к религии. Луи Блана он за его фривольное отношение к Вольтеру [illegible] [illegible]. К Жоржу [illegible] он относился совершенно отрицательно. [illegible]

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА К Л. И. АКСЕЛЬРОД (ОРТОДОКС) ОТ 21 АПРЕЛЯ 1903 г. О ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ БЕЛИНСКОГО

Музей Г. В. Плеханова, Ленинград

периоду его деятельности. Впоследствии он только пояснял и иллюстрировал их новыми примерами» (Плеханов. Соч., X, 276).

Одним из основных законов эстетического кодекса Белинского Плеханов считал то требование к искусству, согласно которому оно обязано изображать жизнь не прикрашивая ее и не искажая. На этом требовании Белинский, по словам Плеханова, настаивал «с одинаковой энергией во все периоды своей литературной деятельности» (Плеханов. Соч., X, 276). Отсюда такое заключение: в противоположность философским позициям Белинского, которые часто менялись, его эстетический кодекс, в существе своем, оставался неизменным. Это будто бы давало возможность Белинскому изменять оценки тех или иных произведений или тех или иных писателей с идейной точки зрения и оставлять неизменными свои оценки этих произведений или этих писателей с эстетической точки зрения.

Плеханов сопоставляет высказывания Белинского «примирительного периода» о Грибоедове, Шиллере и Лермонтове с высказываниями великого критика об этих же писателях в более поздний период его развития, и вот его заключения по этому поводу: «Белинский говорит здесь <в статье «Русская литература 1841 г.».— *Б. Б.*> об идее Грибоедова совсем не то, что говорил прежде. В этом отношении разница колоссальная. Но она не касается оценки художественных достоинств «Горя от ума». Оценка этих достоинств ничем не отличается от той, какая была сделана в примирительный период» (Плеханов. Соч., X, 272). А вот резюме Плеханова по поводу оценки Белинским Шиллера: «На драмы Шиллера, как на таковые, Белинский всегда смотрел одними и теми же глазами. Изменялось только его отношение к свойственному этим драмам субъективному элементу. В эпоху своего „примирения" с действительностью Белинский сводил роль субъекта к созерцанию объективного разума этой действительности; все, что выходило за пределы этой созерцательной роли, осуждалось им, как промах незрелого субъективного „мнения". А в эпоху своего восстания против действительности он не мог не сочувствовать тем „личностям", которые, подобно ему, боролись с рутиной. В третьем периоде своей жизни он сочувствовал тому, что резко осуждалось им во втором ее периоде и что нередко вдохновляло его в первом ее периоде. Но на литературные его суждения эти перемены влияли мало, а если и влияли, то разве лишь в смысле углубления этих суждений» (Плеханов. Соч., XXIII, 155).

И, наконец, приведем мнение Плеханова относительно различных оценок Лермонтова, которые мы находим в статьях Белинского. В примирительный период Белинский, по мнению Плеханова, плохо понял идейное содержание произведений Лермонтова. Впоследствии он устранил этот промах. Общественное значение творчества Лермонтова было понято им в полной мере, «но на художественную его сторону он продолжал смотреть так же, как смотрел и прежде» (Плеханов. Соч., X, 275).

Смысл всех этих сопоставлений и умозаключений Плеханова ясен: в суждениях Белинского о произведениях искусства не было полного совпадения между идейными и эстетическими оценками.

Внешние основания для такого вывода, безусловно, можно найти в статьях Белинского. Белинский является автором теории о двух актах критики, которую затем с таким усердием пропагандировал Плеханов. Да и в тех оценках Грибоедова и Шиллера, которые цитирует Плеханов, действительно нет полного совпадения между идейной и эстетической точкой зрения Белинского на этих писателей.

В чем же, однако, Плеханов видит причину устойчивости эстетических оценок Белинского?

Вот тут-то и обнаруживается слабость плехановских позиций. В первоначальной редакции статьи «Литературные взгляды В. Г. Белинского»

мы находим следующий ответ на интересующий нас вопрос: «Белинский уже с самого начала своей писательской деятельности заимствовал свои литературные взгляды именно у немецких идеалистов. Это обстоятельство придает развитию этих взглядов замечательное единство» («Лит. наследие», VI, 110). Значит, устойчивость эстетических взглядов Белинского Плеханов объясняет тем, что они были заимствованы у немецких идеалистов. Неудовлетворительность такого объяснения очевидна. Философские взгляды Белинского также «с самого начала его писательской деятельности» внешне были довольно близки к немецкой идеалистической философии, и, тем не менее, это не помешало ему пережить громадную философскую эволюцию. Кроме того, не кто иной, как сам Плеханов, не один раз указывал, что Белинский еще в 1839 г. резко восстал против эстетики Гегеля, обнаружив, тем самым, замечательную силу и самостоятельность своей мысли. Остается, по сути дела, одно: признать, что постоянство эстетических позиций Белинского было одним из проявлений его замечательного критического дара. Плеханов иногда склонялся и к такой точке зрения, но это — опасная точка зрения: став на нее, можно незаметно оказаться в одном лагере с теми, кто не хотел признавать в Белинском великого мыслителя.

Вопрос поставлен так: почему в различные периоды своей деятельности, различно решая проблему идеала и действительности, Белинский всегда с одинаковой настойчивостью требовал от искусства верного изображения действительности?

В работах Плеханова нет ответа на этот вопрос. Попытаемся, не выходя за рамки нашей темы, сами ответить на него.

Возьмем «Горе от ума» и те оценки, которые давал этой комедии Белинский в разные периоды своей литературной деятельности. В статье о «Горе от ума», относящейся к «примирительному» периоду, Белинский утверждал, что сама идея комедии порочна: противоречие между отдельной личностью и обществом не может составить содержания истинно-художественного произведения, так как «общество всегда правее и выше частного человека, и частная индивидуальность только до той степени и действительность, а не призрак, до какой она выражает собою общество» (V, 84).

В своей первой оценке «Горя от ума» Белинский исходил из учения о разумной действительности. С позиций этого учения он категорически осуждал идею грибоедовской комедии, ибо это была идея не примирения с действительностью, а отрицания ее.

В своих последующих оценках комедии Грибоедова Белинский сам исходил из идеи отрицания, которую он разрабатывал в своих статьях. Грибоедовский пафос отрицания был ему теперь близок и родственен.

Если ограничиться таким внешним сопоставлением оценок «Горя от ума», относящихся к двум различным периодам литературной деятельности Белинского, то, действительно, можно притти к тому выводу, к которому пришел Плеханов. Но тот же Плеханов заметил, хотя и не до конца понял, внутреннюю противоречивость статей Белинского о «Горе от ума». В статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов отметил, что Белинский, нападая на комедию Грибоедова за отсутствие «в ней художественной цельности» (Плеханов. Соч., X, 270), восхищался ее частностями. То же самое, но в более решительной форме, говорит Плеханов в одной черновой записи, сделанной при чтении Белинского: «Как видите, — пишет Плеханов, — приговор Белинского заключает в себе не одно порицание. Комедия Грибоедова не нравится ему, как целое, но она восхищает его своими частностями. Восторженное отношение к этим частностям проходит через всю статью» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Какие же частности Белинский имеет в виду, восхищаясь комедией Грибоедова? Плеханов относит их к частностям художественного порядка.

Говоря о том, что между двумя оценками «Горя от ума», данными Белинским в различные периоды его деятельности, «разница колоссальная», Плеханов спешил прибавить, что «она не касается художественных достоинств» «Горя от ума». На художественные достоинства этой комедии Белинский будто бы не менял своего взгляда. Стало быть, в «примирительный» период Белинский мог восхищаться только художественной стороной «Горя от ума», не признавая ее идейного содержания.

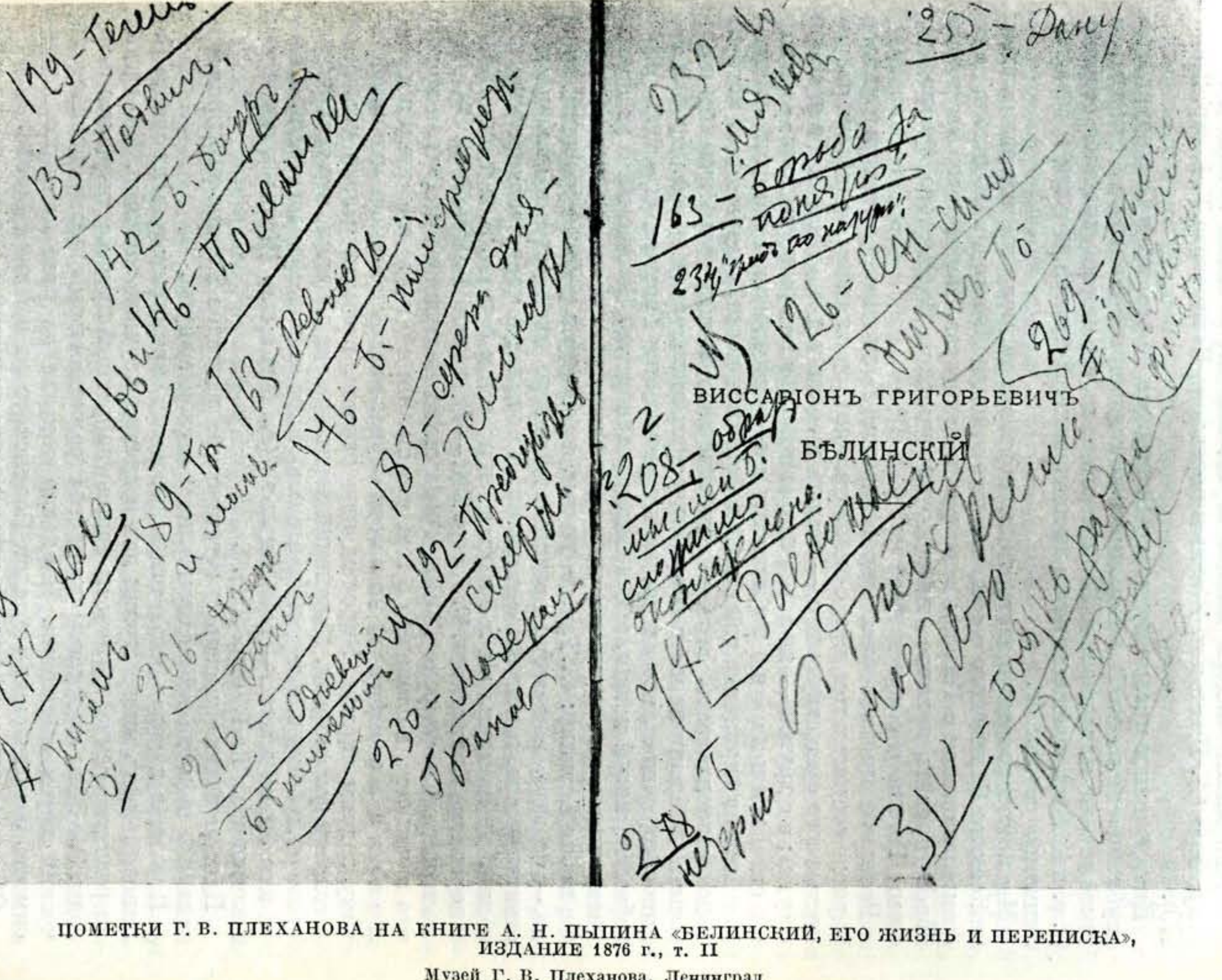
Если встать на такую точку зрения, то Белинский предстанет перед нашими глазами в качестве холодного эстета, каким он никогда не был и не мог быть. Это — ошибочная точка зрения, и Плеханов первый восстал бы против нее. В любом художественном произведении Белинский, прежде всего, отыскивал живую мысль автора, и в «Горе от ума» его восхищала изумительная жизненность и правдивость этого произведения. Белинский только одного Чацкого не мог признать. «...Все прочие лица,— писал он,— живы и действительны» (V, 86).

Тут мы подошли к самому корню вопроса. Корень вопроса состоит в том, что Плеханов подменил одно понятие другим: понятие «правдивости» он подменил понятием «художественности», а затем противопоставил эту последнюю «идейности». На этой подмене и построена вся теория Плеханова об устойчивости эстетических оценок Белинского. Но эта теория несостоятельна: «правдивость» и «художественность» — понятия отнюдь не тождественные. Плеханов верно указал на противоречивость критических оценок Белинского примирительного периода. Но он ошибочно сформулировал смысл этой противоречивости. Белинский никогда в своей критической практике не противопоставлял «идейность» «художественности» или наоборот.

Комедия Грибоедова, в основном, верна действительности, но идея ее не соответствует учению о том, что «все действительное разумно». Вот истинное противоречие статьи Белинского о «Горе от ума», но это совсем не то противоречие, на которое указывает Плеханов.

Плеханов любил говорить о самостоятельности Белинского как мыслителя. Он очень много сделал для того, чтобы доказать это. Ему было хорошо известно письмо Белинского к Бакунину, датированное октябрем 1838 г. В своей статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов приводит цитату из этого письма: «Когда дело идет об искусстве и особенно о его непосредственном понимании,— говорится в письме Белинского,— я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел... Понимаю мистическое уважение ученика к своему учителю, но не почитаю себя обязанным, не будучи учеником в полном смысле этого слова, играть роль Сеида. Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать... что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны» (Плеханов. Соч. X, 266).

В черновых заметках, сделанных Плехановым при чтении сочинений Белинского, имеется такая запись: «Менцель навсегда остался в глазах Белинского „идиотом“»; о консерватизме Белинского до сих пор рассуждали более Менцели. Замечательно, что еще до появления «Бориса Годунова» начинается восстание Белинского против правых гегельянцев (стр. 278. Пыпин). Это показывает замечательную самостоятельность его мысли. Восстание, естественно, началось с эстетики, потому что ею больше всего занимался Белинский («Лит. наследие», VI, 146). На стр. 277—279 первого тома книги Пыпина приводится письмо Белинского к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г. В этом письме, говоря о том, что 2-я часть «Фауста» — «не поэзия, а сухая и мертвая символистика и аллегорика», Белинский подкрепляет свою суровую оценку поэмы Гете ссылкой на статью Фридриха Фишера, представителя левого направления гегельянцев. Белинский с



ПОМЕТКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА КНИГЕ А. Н. ПЫПИНА «БЕЛИНСКИЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА», ИЗДАНИЕ 1876 г., т. II

Музей Г. В. Плеханова, Ленинград

явным торжеством пишет, что от Фишера достается «первому поколению гегелистов, которые... ослепленные ярким светом гегелевой философии, пустились сгоряча все подводить под нее, и во 2-й ч. „Фауста" особенно мнили видеть полное осуществление системы Гегеля в сфере искусства» (А. Пыпин. Жизнь и переписка Белинского. Т. I, стр. 278—279).

Цитированное письмо написано Белинским до отъезда в Петербург и до опубликования статей о Бородинской годовщине. Нельзя не отметить и такой детали, как указание Белинского на то, что он еще «прошлою осенью» (т. е. в 1838 г.), «узнавши нечто из содержания 2-й части „Фауста"», безапелляционно осудил ее.

Мы можем констатировать, таким образом, наличие прямых высказываний самого Белинского о том, что уже в конце 30-х годов он далеко не во всем соглашался с Гегелем в вопросах искусства. Более того, мы можем констатировать наличие прямого выступления Белинского против «системы Гегеля в сфере искусства».

Реальное противоречие мировоззрения Белинского примирительного периода состоит в том, что, с одной стороны, он стремился доказать разумность всего существующего,— отсюда и нападки на идею «Горя от ума»; а с другой — не хотел закрывать глаз на правду жизни,— отсюда восхищение частностями грибоедовской комедии, направленными на отрицание той самой действительности, «разумность» которой надо было доказать. Это было противоречие между теоретическим пониманием действительности и практическим отношением к ней. Друзья Белинского, считая, что он чрезмерно увлекается Гегелем, упрекали его в забвении живой жизни, в излишнем резонерстве. Белинский с раздражением отвечал на эти упреки, ни в какой мере не считая их заслуженными. Он писал Боткину: «...Так, да не так, я резонер и рефлектировщик, правда,— но зато, как скоро представали передо мной дивные явления действительности, в искусстве и жизни, я посылал к чорту свою рефлексию, и никогда не менял человека на книгу» (А. Пыпин. Жизнь и переписка Белинского. Т. I, стр. 231.— Выделено Белинским). Это письмо написано в феврале 1840 г. Тогда отход Белинского от Гегеля только что начинался, и слова его о том, что он «никогда не менял человека на книгу», ни в коем случае нельзя понимать как самокритику задним числом. Впрочем, еще раньше, в самый разгар увлечения гегелевой философией, Белинский неоднократно заявлял, что беспристрастное и глубокое знание действительности он ставит превыше всего. «Знать ее как бы ни знать!»— восклицал он (А. Пыпин. Жизнь и переписка Белинского. Т. I, стр. 231).

Плехановская концепция эстетических взглядов Белинского примирительного периода имеет свои плюсы и свои минусы.

Плеханов доказал, что в так называемый «примирительный период» Белинский очень много сделал для создания научной эстетики. Его взгляд на развитие искусства как на законосообразный процесс углубился в эти годы. Это было следствием упорного стремления преодолеть рационалистический метод мышления. Плеханов показал на ряде примеров независимость эстетических взглядов Белинского от эстетики Гегеля.

Объясняя же устойчивость эстетических принципов Белинского их зависимостью от немецкой идеалистической эстетики, Плеханов зачеркивал громадной принципиальной важности факт борьбы Белинского против нее. Это тем более странно, что сам же Плеханов первый по-настоящему обратил внимание на этот факт.

Самая большая ошибка Плеханова состоит в том, что он подменил понятие «правдивости» понятием «художественности». Этой подменой Плеханов оторвал литературные взгляды Белинского периода «примирения»

от практики жизни. А сила их как раз состояла в прочной связи с нею. Отмеченная ошибка Плеханова коренится в явной недооценке им практического отношения Белинского к русской действительности.

Подменив понятие «правдивости» понятием «художественности», Плеханов противопоставил эстетические взгляды Белинского его философским взглядам. Он забыл, при этом, свое собственное утверждение, что *между ними существовала прямая внутренняя связь и живое взаимодействие*. Эта связь яснее всего видна в суждениях Белинского о тех писателях, творчество которых имело для него, главным образом, теоретический интерес и не было непосредственно связано с его практическим отношением к русской действительности. Так было с Шиллером. Плеханов утверждал, что на драмы Шиллера, как на литературные произведения, Белинский всегда «смотрел одними и теми же глазами». Это в корне неверно. И то, что это неверно, видно из рассуждений самого же Плеханова и тех цитат, которые он приводит из Белинского. Сначала, говорит Плеханов, Белинский восхищался драмами Шиллера «*и всецело находился под их влиянием*» (X, 272). «Смирившись» перед действительностью, он так стал отзываться о Шиллере: «Шиллер хотел в своих драмах осуществить вечные истины и осуществил свои личные и ограниченные убеждения, от которых потом сам отказался. Так как он в них задал себе задачу и назначил цель вне искусства, то из них и вышли поэтические недоноски и уроды, явления соответственно ничтожные в области искусства». Из приведенной цитаты видно, что в «примирительный период» Белинский полностью отрицал Шиллера и с идейной, и с эстетической точки зрения. Плеханов убежден, что *Белинский никогда не признавал литературных достоинств за драмами Шиллера*. Между тем, Белинский называл их, в некоторые периоды своего развития, «великими созданиями». Плеханов и здесь подменил одно понятие другим. Белинский, действительно, восторгаясь Шиллером, оговаривался, что драмы Шиллера не до́лжно смешивать с настоящей драмой нового мира. Плеханов делает такое заключение из этих слов: «Это значит, что они плохи как драмы и хороши как лирические произведения» (П л е х а н о в. Соч. XXIII, 155). Пусть так, но это совсем не значит что Белинский начисто отрицал всякие литературные достоинства за драмами Шиллера.

Таким образом, между эстетическими и философскими взглядами Белинского периода его «примирения» с русской действительностью существовала и прямая связь, и несомненное противоречие. И то, и другое было отмечено Плехановым, но только в разрозненных суждениях. Общие же его формулировки не охватывали всей этой сложности, ибо они упирались в неверное понимание практического отношения Белинского к русской действительности.

В плехановском анализе литературных взглядов Белинского «примирительного» периода мы можем воспользоваться только частностями. В целом этот анализ оказался значительно менее удачен, нежели анализ философских взглядов Белинского. В своих непосредственных литературно-критических статьях Белинский был несравненно ближе к живой действительности, чем в работах более общего, теоретического характера.

Область практики была всегда менее доступна для анализа Плеханова.

III

«...*Становится смешно*,— писал Плеханов,—когда вспоминаешь теперь, что в последние годы жизни Белинского некоторые друзья его начинали опасаться, что он уже исписался. А он не только не исписался тогда, но едва успел сделать первые шаги по тому великому пути, который был открыт для него гениальной проницательностью его мысли. Преждевре-

менная смерть безжалостно убила в нем богатейшие теоретические возможности» («Лит. наследие», VI, 144).

По мнению Плеханова Белинский в конце своего жизненного пути вплотную подошел к историческому материализму. Более того, он стал применять некоторые основные положения исторического материализма в своей критике. Но все же ему не суждено было стать провозвестником нового мировоззрения в России. Иногда Плеханов склонен был объяснять это преждевременной смертью Белинского. Возражая Пыпину, считавшему, что умственное развитие Белинского в последние годы его жизни было отмечено влиянием Конта, Плеханов писал, что, проживи Белинский еще несколько лет, он «сделался бы ревностным адептом... диалектического материализма». Если, рассуждал Плеханов, Белинский ничего не имел против взглядов Маркса «в 1845 году, то почему восстал бы он против них впоследствии, когда они развились и получили прочное обоснование?» (X,240).

Плеханов не один раз выдвигал подобное предположение. Однако он всякий раз оговаривался, что предполагаемая возможность еще не есть действительность. Доказывая, что Белинский мог бы стать «ревностным адептом диалектического материализма», Плеханов исходил из своего взгляда на Белинского как на *предшественника русских марксистов*. Марксистом же Белинский не мог стать: взгляды Маркса к тому времени еще не получили своего окончательного выражения. Господствующей философской системой была материалистическая философия Фейербаха. Порвав с Гегелем, Белинский становится последователем Фейербаха, но никогда не разделяет его взглядов до конца. В вопросах истории общественного развития,— а это были основные вопросы для Белинского,— Фейербах был идеалистом еще в большей степени, чем сам Гегель. Естественно, что Белинский никогда не принимал Фейербаха полностью.

Идею отрицания путем развития Белинскому приходилось решать самостоятельно. Вскоре после разрыва с Гегелем он становится социалистом по своим политическим убеждениям. Это был период господства утопического социализма. И подобно тому как в области философии Белинского не могли устроить ни Гегель, ни Фейербах, так и в области политики его не могли удовлетворить утопические социалисты. Он подверг их очень резкой критике в своих письмах второй половины 40-х годов. Плеханов писал: «Его раздражение против утопического социализма, стоявшего на почве *абстрактного* отрицания существующего порядка вещей, вырастало тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти *конкретную, действительную* почву для своего отрицания *действительности*» (*Плеханов*. Соч. X, 344).

Критикуя социалистов-утопистов, Белинский высказывал совершенно правильные мысли относительно исторической роли капитализма и буржуазии. Историческая роль пролетариата не была понята им, тем не менее его взгляд на народ был неизмеримо более прогрессивен, нежели взгляд социалистов-утопистов. Последние воспринимали народ рационалистически. Они идеализировали народ, не замечая в нем отрицательных сторон, от которых он должен был отказаться, которые должен был преодолеть. Взгляд Белинского на народ отличается трезвостью. Белинский видел и его достоинства и его недостатки.

«Отрицая утопический социализм,— пишет Плеханов,—мысль Белинского работала в том же самом направлении, в каком уже начала тогда работать *революционная мысль Запада*. Философия Гегеля сменилась философией Фейербаха. Философия Фейербаха уступила место революционному научному социализму Маркса и Энгельса. Этот социализм был ответом на все теоретические запросы Белинского» (*Плеханов*. Соч., X, 347—348).

1848.

СОВРЕМЕННИКЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПОМЕТКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА ЧАСТИ XI «СОЧИНЕНИЙ» В. Г. БЕЛИНСКОГО, ИЗДАНИЕ 3-е, 1884 г.

Музей Г. В. Плеханова, Ленинград

В отличие от социалистов-утопистов, в отличие от Гегеля и Фейербаха, Белинский вплотную подошел к пониманию классовой борьбы, как основной силы исторического движения. Недостаточная развитость общественных отношений в русской жизни той эпохи помешала Белинскому полностью и до конца разработать классовый принцип анализа социальных явлений. Тем не менее, в отношении Западной Европы Белинский определенно высказывал мысль, что источником движения ее вперед является взаимная борьба классов. Что касается России, источник ее развития Белинский нередко усматривал в особенностях русского народа, русской личности.

Плеханов говорит, что Белинский оставался диалектиком, поскольку «дело касалось общественного развития Западной Европы», и становился просветителем «в тех случаях, когда у него заходила речь о развитии России» (Плеханов. Соч., XXIII, 208).

Вот почему у Плеханова была и другая гипотеза относительно возможного развития Белинского, если бы его не сразила ранняя смерть. Плеханов думал, что если бы Белинский дожил до второй половины 50-х годов, он мог бы стать вожаком «тогдашних просветителей».

К просветительству у Плеханова было двойственное отношение. Он считал, что просветительство принесло большую пользу общественному развитию России в практическо-политическом отношении. Плеханов так пишет об этом в своей статье «Литературные взгляды Белинского»: «В борьбе против отжившего свой век порядка такой отвлеченный, а потому односторонний, взгляд на вещи иногда даже очень полезен» (Плеханов. Соч., X, 290). Более решительное высказывание на этот счет мы находим в конце указанной статьи. Отметив, что Белинский порою отклонялся от диалектики к просветительству, Плеханов так закончил свою статью: «Такие отклонения, неизбежные при наших тогдашних исторических условиях и по-своему очень полезные (разрядка наша. — *Б. Б.*) для нашего общественного развития, сделали из него родоначальника русских просветителей». (Плеханов. Соч., X, 304).

Если в практическо-политическом отношении просветительство сказывалось положительно на общественном развитии России, то в теоретическом плане оно не всегда способствовало научному объяснению общественных явлений, препятствуя «всестороннему изучению предмета». Благодаря просветительству «литературная критика превращается в публицистику» (Плеханов. Соч., X, 290).

Плеханов и здесь остался верен себе. Он разделил деятельность Белинского на две части: практическо-политическую и теоретическую. Как практик-просветитель Белинский делал большое и важное дело; как теоретик-просветитель он тянул русскую общественную мысль назад от тех великих завоеваний, которые были достигнуты им самим.

Иначе решал вопрос о просветительстве Ленин. Он не отделял теории от практики. Он называл просветителей предшественниками русских марксистов, так как содержание их идеалов и пожеланий соответствовало «интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом» (В. И. Ленин. Соч. Изд. 4-е. Т. II. М.—Л., стр. 493).

Это различие между Лениным и Плехановым в подходе к наследию носит глубоко принципиальный характер.

Ленин обращал свое главное внимание на ту сторону наследия, которая нужна была рабочему классу для его непосредственной революционной борьбы, для завоевания власти. Говоря о близости просветителей к русским марксистам, Ленин отмечал исторический оптимизм и тех и других и соответствие их идеалов интересам широких народных масс.

Плеханов искал у просветителей только то, что нужно было для теоретического обоснования революции, но как раз этот вопрос у них

был слабо разработан. Они не раскрыли и не могли раскрыть в своих трудах всю глубину противоречий капиталистического общества. Они сильны были своим историческим оптимизмом, своими идеалами, а не теоретическим обоснованием их. Сделав упор на теоретической стороне вопроса, Плеханов явно недооценил просветительство. Поэтому и деятельность Белинского как основоположника русского просветительства получила весьма одностороннюю оценку в работах Плеханова. Для нас важно, однако, отметить здесь, что, несмотря на все оговорки и на явные и крупные ошибки Плеханова в этом вопросе, он считал просветительство выдающимся революционным фактором в общественном развитии России.

Перейдем теперь к плехановской характеристике литературных взглядов Белинского последних лет его жизни.

В новом своем периоде — периоде революционно-демократического самоопределения — Белинский пересмотрел свой взгляд на задачи литературной критики. Раньше он говорил, что в произведениях поэта критика обязана найти общее и необходимое, а до временного и случайного ей нет никакого дела. Теперь он считает незаконным противопоставление общего и необходимого случайному и временному. Общее развивается во времени, придавая временным явлениям их смысл и содержание. Перемена во взгляде Белинского очевидна. Она обусловлена «введением в него диалектического элемента» (Плеханов. Соч., X, 267) и связанного с ним исторического метода оценок.

С позиций новых своих воззрений Белинский ведет непримиримую борьбу с «чистым искусством». Он требует от поэта, чтобы тот был гражданином своей страны, сыном своего времени. Только в этом случае поэт сможет уловить и выразить в своей поэзии дух эпохи.

С позиций новых своих воззрений Белинский уточняет и исправляет некоторые свои прежние оценки европейских и русских поэтов. Раньше он называл Корнеля и Расина поэтическими уродами, думая, что их погубил принцип трех единств, которому они якобы слепо подчинились. Теперь он увидел, что в трагедиях Корнеля и Расина, несмотря на всю их условность и неправдоподобие, была выражена определенная историческая истина.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением новых воззрений Белинского Плеханов считал его статьи о Пушкине. Идеи творчества Пушкина Белинский приурочивал «к развитию русских общественных отношений, к исторической роли и смене наших сословий» (Плеханов. Соч., X, 302). Это, действительно, было целым переворотом в литературной критике как русской, так и европейской. Плеханов сопоставляет Белинского с буржуазным историком искусства Микиельсом, выпустившим в 1844 г. книжку о фламандской живописи. Микиельс, этот предшественник Тэна, поставил в своей книжке вопрос о зависимости искусства от общественной жизни и о соответствии определенным фазам общественного развития определенных форм искусства. Белинский в своих работах ставил тот же вопрос, но он ставил его неизмеримо более конкретно и давал ему неизмеримо более правильное, материалистическое решение.

Микиельс не имел еще понятия о классах и классовой борьбе. Белинский «уже понимал важное значение этого обстоятельства, хотя еще не совсем уяснил его себе» (Плеханов. Соч., X, 303). Историзм Белинского поэтому был конкретным, со значительной долей материалистических элементов. Он впервые начал «применять некоторые основные положения исторического материализма к изучению истории литературы» («Лит. наследие», VI, 143).

Белинский материалистически объяснял формулу: «Поэт — гражданин своей страны, сын своего времени». Он утверждал, что только тот

поэт может стать истинно великим, который целиком отдаст себя своей эпохе, злобе дня, не боясь растратить свой талант на «мелочи жизни».

Однако Белинский, по определению Плеханова, был не только диалектиком, но и просветителем. В анализе литературных явлений он непоследовательно применял выработанный им исторический и классовый принцип.

Онегин, Ленский, Татьяна рассматриваются критиком, как представители передового дворянства того времени. Тут у Плеханова нет никаких расхождений с Белинским. Но свои характеристики героев Пушкина Белинский не во всем согласует с их классовой природой.

Плеханов пишет: «Белинский, несомненно, идеализирует Онегина (он не вполне исторически смотрит на него, а отчасти и публицистически)». Такой же упрек, но в более решительной форме, делает Плеханов Белинскому за анализ характера Татьяны. В своих записях Плеханов отмечает те страницы статей Белинского о Пушкине, где речь идет о характере воспитания русской девушки, в которой видели не человека, а невесту. Белинский с возмущением пишет об этом. Плеханов делает такое замечание по поводу этого возмущения: «Проповедь просветителя». Отмечены Плехановым и те страницы, где Белинский нападает на Татьяну за то, что она подчинилась мнению света и его житейским правилам. Плеханов одним словом характеризует эти нападки Белинского: «Просветитель». «Принцип класса, — пишет Плеханов, подразумевая известную формулировку Белинского, — для Пушкина вечная истина. Но ведь и для Татьяны тоже» («Лит. наследие», VI, 114). Значит, все черты ее характера надо было выводить из ее дворянского происхождения.

Противоречие между просветителем и диалектиком устанавливает Плеханов и в общей оценке Белинским Пушкина, как национального и народного поэта. Приводим цитату из тех же самых черновых набросков: «Национальный ли поэт Пушкин? Белинский отвечает на этот вопрос очень сбивчиво: см. субстанцию и проч. А в действительности очень национальный: и русский, и помещичий в лучшем смысле». Тут же Плеханов ставит вопрос о народности Пушкина и ее понимании Белинским. «Народность Пушкина: Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика. Сколько поэзии в стихотворении: Зима, что делать нам в деревне? Но это поэзия помещичьего быта» («Лит. наследие», VI, 114 и 115).

Вопрос о народности Пушкина — это вопрос об исторической роли великого поэта и о его значении для грядущих поколений.

Для Белинского Пушкин народен, потому что он выразил самосознание нашего народа в известную эпоху его жизни.

Для Плеханова Пушкин народен лишь постольку, поскольку класс, к которому поэт принадлежал, дворянство, представлял собою часть русского народа.

В статьях Белинского о Пушкине есть, конечно, противоречия. В частности, Белинский не «согласовывает» свои определения Пушкина, как поэта типично дворянского, с одной стороны, и как народного и национального поэта, с другой. Плеханов не мог не заметить этого противоречия, но, заметив, не сумел преодолеть его. Он просто растворил национальное начало в классовом и тем самым страшно сузил и до бесконечности обеднил поэзию Пушкина.

Ошибка Плеханова в его рассуждениях о народности Пушкина и об исторической роли и значении его поэзии однородна с той ошибкой, которую он допускал в отношении к просветителям. Ленин судил о просветителях, руководствуясь теорией отражения. Он исходил из реального содержания их идеалов. Для Плеханова эти идеалы имели второстепенную цену. Его, главным образом, интересовало то, какими путями шли

просветители к своим идеалам. Методология Плеханова, тесно связанная с его меньшевистскими позициями, в известном смысле противоположна методологии Ленина. Ленин обращал главное внимание на результаты, Плеханов — на процесс, которым они достигнуты. В применении к искусству плехановский метод анализа общественных явлений сосредоточивал внимание исследователя не на объективном содержании творчества того или иного художника, а на субъективных намерениях его.

Принижая практику в сравнении с теорией, Плеханов никогда, однако, не отрицал значение практики. Иногда Плеханов пытался поставить между ними — между теорией и практикой — некий знак равенства.

В одной из своих статей, сопоставляя диалектику Белинского с его просветительством, Плеханов писал: «Я вовсе не разбираю, что лучше: я... отвергаю... категорию должного. Все хорошо на своем месте. Но я нахожу, что одно совсем не похоже на другое и может быть смешано с ним только при отсутствии ясности в понятиях. И я прибавлю: если просветительский взгляд Белинского на задачи искусства получил у нас широкое распространение в эпоху 60-х годов, то великая научная задача, поставленная им эстетике, еще далеко не решена теперь в своем полном объеме и может получить решение только в более или менее отдаленном будущем» (П л е х а н о в. Соч., XXIII, 219).

Хоть Плеханов и говорит, что он отвергает категорию должного, симпатии его явно на стороне Белинского-диалектика. Тем не менее он отдавал должное и Белинскому-просветителю. Вот это-то и важно для нашего дальнейшего изложения.

Белинский как диалектик вырабатывал идею отрицания путем развития; Белинский как просветитель осуществлял само отрицание «гнусной российской действительности». По Плеханову, Белинский-просветитель решал революционную задачу, он был революционером. Плеханов сожалеет только о том, что просветительский взгляд Белинского мало способствовал разработке научной эстетики. Вместе с тем, Плеханов устанавливает, что Белинский как критик, опираясь на свои просветительские принципы, предъявлял революционные требования к литературе.

Именно как просветитель Белинский выступил теоретиком натуральной школы. Вопрос этот в законченных и опубликованных работах Плеханова чрезвычайно слабо освещен. Нам приходится, поэтому, обращаться главным образом к архивным материалам.

Среди бумаг, исписанных рукою Плеханова и хранящихся в его архиве, имеется набросок, содержащий такую запись: «...Белинскому не удалось дать своей критике научную основу, искомую им... Вернувшись к отрицанию, он стал требовать от художника служения отрицательной идее, т. е. идее борьбы с невыносимой российск<ой действительностью>» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Проводя на практике идею отрицания, Белинский ставил определенные к р и т и ч е с к и е задачи перед писателями. Так создалось целое направление в русской литературе. Возглавляли его Белинский и Гоголь. Имена их Плеханов ставил рядом. В другой своей заметке, также еще не появлявшейся в печати, он писал: «К концу 40-х годов Гоголь и Белинский разошлись совершенно в противоположные стороны. Гоголь издал свою „Переписку с друзьями", где он явился апологетом тех самых порядков, которые беспощадно осмеивались в его художественных произведениях. Белинский ответил на это своим знаменитым „письмом", в котором он является почти революционером. Дальше этого разногласие идти не могло, но дело их литературного отрицания было, вообще говоря, уже сделано, и потому, несмотря на это расхождение, имена их остаются тесно связанными в истории русской литературы» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Идея отрицания у Белинского, породившая «оппозиционное направление» в русской литературе, была высоко гуманистичной идеей. Одной из основных причин восстания Белинского против Гегеля было то, что его идеалистическая философия принципиально антигуманистична. Вспомним еще раз чрезвычайно глубокое замечание Плеханова, сделанное в связи с анализом отношения Белинского к Гегелю: «Вся философия Гегеля была направлена на то, чтобы усмирять личность». Гегель, как это показал Плеханов в своих работах о Белинском, не признавал за индивидуальным, конечным, человеческим разумом права судить о законах истории. В статье «Белинский и разумная действительность» Плеханов цитирует из письма Белинского такие строки, «адресованные» Гегелю:

«Благодарю покорно, Егор Федорович, кланяюсь Вашему философскому колпаку; но, со всем подобающим Вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лествицы развития, я и там попросил бы Вас отдать мне отчет... во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови...» (Плеханов. Соч., X, 235).

Во имя любви к человеку Белинский развивал идею отрицания в теории и осуществлял ее на практике. Идея отрицания Белинского явилась теоретическим основанием для создания натуральной школы.

В тетрадях с материалами Плеханова к работе «Виссарион Белинский и Валериан Майков» мы находим несколько выписок из статьи Майкова о Кольцове, напечатанной в 49-м томе «Отечественных записок» за 1846 г. Мы приводим здесь три рядом стоящие выписки:

«По новейшим эстетическим принципам, воображению художника дается полная свобода воспроизводить всякую действительность, между тем как классицизм и романтизм ограничивали мир искусства, первый какой-то чрезвычайно деликатной атмосферой приятного..., последний — не менее тесным миром необыкновенного, эксцентрического...»

«Грязь, оставаясь грязью под кистью копииста, превращается на картине талантливого художника в такую же поэзию, как и всякая другая действительность, — из этого следует также, что возможность наслаждения изящным произведением, в котором много такого, что нынче называют грязным, а в старину называли подлым, зависит от филантропического развития читателей...»

«В стихах Кольцова „Человек так слит с крестьянином, что... нельзя не почувствовать самой нежной любви к кафтану и лаптям“».

После этой выписки Плеханов написал: «*У Белинского та же мысль принимает революционный, а не филантропический характер. См. в его письме к Кавелину о натуральной школе*» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Обратимся к этому письму. Оно помещено во втором томе книги А. Пыпина «Жизнь и переписка В. Г. Белинского». Приведем из него одну выписку, — то место, которое отчеркнуто рукою Плеханова и которое он, безусловно, имел в виду, делая свое замечание по поводу рассуждений В. Майкова о натуральной школе и о стихах Кольцова. Вот это место: «Что хорошие люди есть везде, об этом и говорить нечего; что их на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (т. е. истинно хороших людей, а не мелодраматических героев), и что, наконец, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудных, странных, непонятных исключений, — все это для меня аксиома, как дважды два четыре. Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не впадая в идеализацию, в реторику и мелодраму, т. е. не может представлять их художе-

ственно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, что их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с той общественной средою, в которой они живут. Мало того: хороший человек на Руси может быть иногда героем добра, в полном смысле слова, но это не мешает ему быть с других сторон гоголевским лицом; честен и правдив, готов за правду на пытку, на колесо, но невежда, колотит жену, варвар с детьми и т. д.» (А. Пыпин. Жизнь и переписка В. Г. Белинского. Т. II, стр. 318. — Цитата дана по экземпляру книги, принадлежавшему лично Г. В. Плеханову).

Вопрос об отношении искусства к народу являлся едва ли не основным вопросом для революционной эстетики Белинского. Валерьян Майков в этом вопросе, со своей «нежной любовью к кафтану и лаптям», оказывался в общем русле социалистов-утопистов и славянофилов. Белинский противостоял им своим революционным отношением к народу. И его нередко обвиняли в том, что он не любил русский народ. Обвинение это шло из разных лагерей: из лагеря западников и из лагеря славянофилов. «Даже А. Н. Пыпин, — говорит Плеханов, — составил себе... неправильное представление о том, как относился Белинский к народу» (Плеханов. Соч., XXIII, 220). У Белинского есть несколько резких выражений по адресу «русских мужиков». И эти выражения смущали Пыпина. Он не мог найти для них смягчающих обстоятельств. Пыпин, говорит Плеханов, не заметил того, что резкие выражения Белинского направлены были лишь против тех черт русского народного характера, в которых были повинны угнетатели народа, а не сам народ. Идея отрицания путем развития, направленная против дурных сторон действительности, позволяла Белинскому трезво оценивать народ, с одинаковым вниманием отмечать как положительные, так и отрицательные черты его характера. Только при этом условии можно было увидеть в народе воплощение той силы, которая была бы способна осуществить на деле идею отрицания. Величие Белинского в том и состоит, что все надежды свои на лучшее будущее он связывал с народом. Но твердо веря в богатырские силы русского народа, Белинский считал, что кто-то, — может быть русская интеллигенция, — должен двинуть их в нужном направлении. В этом сказалась историческая ограниченность деятельности Белинского. И эта ограниченность была преодолена до конца только русскими марксистами.

Свой анализ взглядов Белинского на русский народ и его историю Плеханов заключает следующими выразительными словами: «На него клеветали, когда говорили, что он с презрением смотрел на русский народ. Он утверждал, что „из памятников русской народной поэзии можно доказать великий и могучий дух народа“ и что „вся наша народная поэзия есть новое свидетельство бесконечной силы духа“» (Плеханов. Соч., XXIII, 188).

Мы не ставили перед собой цель исчерпать все вопросы, поднятые и решенные Плехановым в его замечательных статьях о Белинском. Мы стремились к тому, чтобы выявить и изложить основную тенденцию этих работ, рисующих Белинского как одного из величайших мыслителей XIX в., как основоположника научной философии русской истории и научной эстетики, как предшественника русских марксистов.

Глубочайшая самостоятельность Белинского как философа, социолога и литературного критика — вот основополагающая идея статей Плеханова о Белинском, и в этом их величайшая ценность. Мы убеждены в том, что эти статьи, после гениальных замечаний Ленина и Сталина о Белинском, являются самыми значительными и научно самыми плодотворными среди огромнейшего количества работ о великом критике. И критическое

освоение их может принести очень большую пользу делу изучения литературной деятельности Белинского.

В заключение нельзя не сказать о той горячей любви к великому критику, которой проникнуты все статьи Плеханова, о той непримиримости, которую проявлял Плеханов в борьбе со всеми теми, кто сознательно или бессознательно искажал моральный облик Белинского и исторический смысл его литературной деятельности.

В статье «О Белинском» Плеханов приводит выписку из статьи Ивана Киреевского, в которой «Отечественные записки» как литературная трибуна Белинского сопоставляются с «Маяком», журналом мракобеса Бурачка. Смысл этого сопоставления состоит в том, что тогда как «Маяк», по словам Киреевского, вполне критически относился к культуре Западной Европы, «Отечественные записки» якобы стремились только к тому, чтобы «выражать собою самую модную мысль, самое новое чувство из литературы западной».

Приведя это сопоставление, Плеханов пишет: «Ехидство заключается здесь в том, что, по словам И. Киреевского, „Отечественные записки“, т. е. опять-таки Белинский, стремятся лишь подхватить и высказать самую модную на Западе мысль. Кто знает искренность и глубину мысли Белинского, тому понятно, что возражать на это не стоит» (Плеханов. Соч., XXIII, 187).

БЕЛИНСКИЙ И РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Статья М. Азадовского

I

Вопрос об отношении Белинского к народной поэзии до сих пор еще не выяснен с достаточной четкостью. В литературе господствуют противоречивые и чаще всего совершенно неверные мнения, основанные на одностороннем и порою поверхностном знакомстве с материалом. Утверждают, что Белинский не понимал народной поэзии, что он не умел ценить ее, что он относился к ней с высокомерным презрением и т. д. Накопилось немало объяснений этого якобы «высокомерного» и «презрительного» отношения Белинского к фольклору. Идейно-политические противники Белинского утверждали, что вся система взглядов Белинского на народную поэзию и народную культуру в целом объясняется его «оторванностью от народа», «отчужденностью от русской жизни» и «отвлеченно-абстрактным отношением к действительности». Так характеризовались, например, позиции Белинского по отношению к фольклору в довольно известной в свое время книжке Бураковского[1]. Буслаев видел в концепции Белинского проявление отвлеченного эстетизма и связанного с ним «аристократического пренебрежения к народу»; это же обвинение повторяет за Буслаевым и Бураковский: «Для Белинского в народной поэзии не существовало никаких других интересов, кроме эстетических или художественных»[2]. В качестве представителя эстетического, а стало быть не исторического взгляда на фольклор рассматривают Белинского и авторы ряда общих курсов и пособий, например, А. С. Архангельский[3]. С другой стороны, в воззрениях Белинского на народную поэзию видели результат ошибок, проистекавших, главным образом, от недостаточности его специальной осведомленности в этих вопросах. Первый, как будто, высказал это соображение в печати тот же Бураковский; позже его повторил, правда, в очень осторожной и смягченной форме, Пыпин (впоследствии он изменил свое суждение), и, наконец, более подробно эту точку зрения развил Венгеров в своем комментарии к статьям Белинского о народной поэзии (VI, 620—630). Были и другие объяснения, сводившие всю систему взглядов Белинского в данном вопросе исключительно к полемическим преувеличениям, вызванным его борьбой со славянофилами. Эта точка зрения была высказана еще в 70-е годы в анонимной рецензии «Отечественных записок» на упомянутую книжку Бураковского[4] и позже стала довольно распространенной; наибольшую популярность получила она в недавнее время. Это объяснение первоначально считал правильным и Венгеров (в первых своих статьях о Белинском), но позже он радикально изменил свой взгляд, и источник «ошибок» Белинского видел исключительно в отсутствии у критика соответствующих познаний. Наконец, он склонен был видеть в оценках и высказываниях Белинского о народной поэзии проявления некоей «культурной гордыни». Что

касается борьбы со славянофилами, то Венгеров снимает этот момент чисто хронологическими соображениями, считая, что в 1841 г., когда были закончены статьи Белинского о народной поэзии, «распадение на западников и славянофилов только внутренне подготовлялось и еще не приняло никаких определенных форм и, во всяком случае, никакими полемическими увлечениями осложнено не было». Позже мы еще вернемся к этому утверждению Венгерова; здесь же предварительно заметим только то, что Венгеров был, безусловно, неправ, категорически отрицая, в данном случае, какое бы то ни было значение борьбы со славянофилами. Но несомненно и другое: одной этой проблемой ни в малейшей степени не исчерпывается общее принципиальное и теоретическое значение статей великого критика о народной поэзии.

Очень часто встречаются суждения, усматривающие источник «недооценки» Белинским народной поэзии в его «гегельянстве», в частности, в учении Гегеля о разделении поэзии на «естественную» и «художественную». Так смотрел на дело, например, Пыпин. Но если бы действительно Белинский не придавал никакого значения народной поэзии и низко расценивал ее художественные достоинства, то и тогда такое отношение никак не могло бы быть выведено из суждений Гегеля. Гегель никогда не отрицал художественного значения народной поэзии; формулируемое им различие «естественной» и «художественной» поэзии устанавливает только определенные исторические стадии в развитии поэзии: «художественная» поэзия, как более развитая форма, выше народной поэзии, отражающей бедные содержанием исторические периоды жизни. Отсюда различный характер эстетического впечатления, производимого той и другой поэзией. Необходимо добавить, что такие апологеты народной поэзии из правого лагеря, как Катков или К. Аксаков, во многом исходили как раз из гегельянских позиций.

Сам Белинский решительно протестовал против упреков в пренебрежительном или равнодушном отношении к народному творчеству. «С пословицами знаком, — писал он о себе в 1841 г. в ответ на критические выпады «Москвитянина», — сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, знает чуть не наизусть; читывал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии» (X, 168).

Об отношении Белинского к народной поэзии писал и М. Филиппов, один из ранних представителей «легального марксизма», автор ряда работ по истории русской философии. Филиппов считает совершенно ошибочным «обычное мнение» будто Белинский «пренебрегал народным творчеством и будто он вообще не принимал русской литературы до Петра» [5].

В противоположность всем писавшим до него на эту тему, автор утверждает, что статьи Белинского о русской народной поэзии обнаруживают глубочайшее понимание как эстетического, так и исторического ее значения. Но дальше этого Филиппов не пошел. Он не поставил вопроса об идейной сущности высказываний Белинского о народной поэзии. Впрочем, с тех позиций, на которых стоял автор, ему и не удалось бы решить этот вопрос. Он не сумел понять подлинной сущности мировоззрения Белинского и его значения как мыслителя-революционера и основоположника революционно-демократической критики.

Бегло, но весьма содержательно, коснулся вопроса об отношении Белинского к народной поэзии Плеханов. Он убедительно доказал несостоятельность утверждений Пыпина о том, что Белинский оставил без внимания народную поэзию, недооценивал ее значения и ее художественного и историко-культурного интереса. Замечания Белинского об относительной бедности содержания русской народной поэзии Плеханов рассматривает в органической связи с революционно-демократическим

мировоззрением Белинского. «Он полагал,— пишет Плеханов,— что содержание народной поэзии определяется содержанием народной жизни. Там, где бедна содержанием народная поэзия, бедна им и народная жизнь[6]. Условие же благоприятного и разумного развития общественной жизни, обогащающего ее содержание, Белинский видел в развитии социальной борьбы. Действенные революционные выводы напрашиваются отсюда сами собою[7]. Таким образом, Плеханов подчеркивает революционную сущность высказываний Белинского о народной поэзии.

В настоящее время в ряде работ советских ученых и критиков сделаны попытки сесторонне осмыслить вопрос об отношении Белинского к

БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

народной поэзии в связи с его общеполитическими позициями и общественными воззрениями. Наиболее подробно эта тема разработана в статье А. П. Скафтымова «Белинский и устное народное творчество»[8], где отмечен политический, «боевой» характер высказываний Белинского о фольклоре. Однако, вслед за Пыпиным, автор преувеличивает значение для Белинского гегелевского тезиса о «естественной» и «художественной» поэзии. А. П. Скафтымов подчеркивает различное восприятие этого тезиса Белинским в разные эпохи: в 40-е годы критик интерпретирует его с позиций боевого демократизма, но все же именно данный тезис Гегеля — по утверждению А. П. Скафтымова — неизменно лежит в основе всех суждений Белинского о народной поэзии и обусловливает и все его частные высказывания и оценки. Автор забывает при этом, что взгляды

Белинского на народную поэзию сложились еще до ознакомления критика с учением Гегеля и что высказывания Белинского о фольклоре не ограничиваются только его так называемым «гегельянским периодом», но встречаются на всем протяжении его литературной деятельности от «Литературных мечтаний» до «Письма к Гоголю» включительно.

В этой связи представляется особенно важным подчеркнуть поразительное единство и цельность суждений Белинского о народном творчестве: их основные положения и основная идейная направленность, по существу, остаются неизменными. Менялись оттенки, частности и детали,— но в целом взгляд Белинского на русскую народную поэзию, на ее историческое значение и место в литературе оставался неизменным.

Основные положения фольклористической концепции Белинского уже целиком намечены в «Литературных мечтаниях». В этом гениальном проспекте будущей деятельности Белинского поставлены или намечены многие вопросы, над которыми размышлял в течение всей своей жизни Белинский и которые оказались, вместе с тем, в центре всей русской литературы и русской критической мысли. Замечательно, что ряд знаменитых «обзоров» Белинского повторяет по существу формулировки и тезисы «Литературных мечтаний», давая им каждый раз более глубокую трактовку. Особенно отчетливо это проявляется в суждениях Белинского именно о русской народной поэзии.

«Литературные мечтания» написаны и появились в пору расцвета фольклорной темы в литературе и высокого подъема научно-фольклористических интересов. Первое пятилетие 30-х годов — один из знаменательнейших периодов в истории русской науки о фольклоре и в истории русского художественного фольклоризма. Напомним основные факты: в эти годы написаны и вышли в свет сказки Пушкина и Жуковского, «Конек-горбунок» Ершова, сказки Языкова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, сказки Даля («Русские сказки казака Луганского. Первый пяток», 1832), повести Вельтмана, первые песни Кольцова. Одновременно, с большим блеском, развертывается собирательская деятельность Киреевского, выходит второе издание сборника Максимовича, расцветает собирательство на Украине (харьковский кружок Срезневского), появляются статьи и книги Венелина, Бодянского, статьи о народной поэзии и рецензии в «Московском телеграфе», «Телескопе» и «Молве», на страницах которой была напечатана и «Элегия в прозе» Белинского.

Этому увлечению народной поэзией Белинский и сам отдал дань своим стихотворением «Русская быль» (1831), сюжет которого он заимствовал из русских балладных песен [9]. В 1833 г. Белинский перевел для «Телескопа» (1833, № 7) статью Эд. Кине «О богемской эпопее», посвященную краледворской и зеленогорской рукописям (I, 179—184), и в том же году большой очерк Фердинанда Дени «О поэзии и философии путешествий» (I, 209—230), где, между прочим, упоминается и Гердер («сей великий поэт-философ, угадавший сколько умом, столько еще более чувством великие законы человечества»). «Литературные мечтания» появились тогда, когда в статьях «Московского телеграфа» и «Телескопа» уже достаточно широко был поставлен вопрос о значении памятников народной поэзии.

В «Литературных мечтаниях» Белинский затрагивает почти все основные проблемы, поднятые современной ему фольклористической мыслью. Он говорит об историческом значении фольклора, о его исключительной роли в смысле понимания характера народа, его самобытности и традициях, переходящих от поколения к поколению, и т. д. «В чем же состоит эта самобытность каждого народа?» — спрашивает Белинский и тут же отвечает: «В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в о б ы ч а я х». И далее: «Невоз-

можно представить себе народа без религиозных понятий, облеченных в формы богослужения; невозможно представить себе народа, не имеющего одного общего для всех сословий языка; но еще менее возможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев (I, 324). Эти обычаи,— продолжает Белинский,— состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны; в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и понятиях народа...» (I, 324).

С особой силой подчеркивает Белинский мысль об органической, неотъемлемой и неотделимой связи народа и его фольклора и о значении традиции в жизни народа. «Все эти обычаи укрепляются давностию, освящаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению, как наследие потомков от предков. Они составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица, мечта небывалая и несбыточная» (т а м ж е). Другими словами, без изучения народных преданий и обычаев нельзя понять ни современного состояния народа, ни его исторического прошлого,— а отсюда следовал ясный вывод о необходимости интенсивного и всестороннего изучения народной словесности и народной обрядности. В «Литературных мечтаниях» Белинский еще ничего не говорит о значении собирания и издания памятников народной словесности, но он касается непосредственно этой темы в ряде последующих статей: в рецензии на «Конек-горбунок» Ершова (II, 71), на книгу Венелина (II, 397—401) и наиболее четко и категорически в рецензии 1838 г. на сборники Ваненко и Бронницына: «...какой благодарности заслуживают те скромные, бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения» (III, 448). Очень характерна также рецензия 1835 г. на книгу И. Нефедьева о волжских калмыках (II, 68—70).

В статьях второй половины 30-х годов Белинский очень часто возвращается к положениям, высказанным им в «Литературных мечтаниях», каждый раз уточняя и углубляя их смысл. Таковы, например, его определения характера поэзии первобытных народов в статьях о Баратынском (II, 243—244), о Гоголе (III, 191) и особенно в упомянутых рецензиях на книгу Венелина и на сборники Ваненко и Бронницына, где он говорит о народной поэзии, как о зеркале народа, как о выражении народного сознания (III, 447), как об истинном и живом проявлении духа, характера и всей жизни народа (II, 398). Сама по себе эта мысль была не нова. Она уже неоднократно высказывалась и раньше. Но Белинский — и в этом была его заслуга — делает ее центральным моментом своих суждений о путях и судьбах русской литературы. Принимая мысль о фольклоре как начальном моменте духовной жизни народа и его литературного развития, он возводит ее в один из важнейших принципов своего историко-литературного анализа. Весь исторический путь русской литературы рассматривается им с точки зрения развития идеи народности,— народность же, как ясно из предыдущего, немыслимо понять без обращения к памятникам фольклора. Народность он определяет как «отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни» (I, 384). Каждое из этих понятий: «народная физиономия», «народный дух», «народная жизнь»— ведет, как к первоисточнику, к явлениям фольклора и народным традициям.

Попытку рассматривать народную поэзию как исходный пункт литературного развития делал и Пушкин, но Белинский не мог ничего знать об этих, оставшихся незавершенными опытах Пушкина, ибо они стали известны только после смерти не только Пушкина, но и Белинского. И тогда же на сходство высказываний Пушкина и Белинского в понимании народности и ее роли в литературе обратил внимание Чернышевский.

Белинский разделяет и общее восторженное отношение к русской народной поэзии: он говорит о «прекрасных песнях», «полных глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого» (I, 329), о «благородной и грациозной» народной пляске (I, 327) о «неподдельной наивности» и «лукавом простодушии» русских сказок (II, 71) и т. д. В рецензии на «Конька-горбунка» он прямо заявляет, что в русских сказках в тысячу раз больше поэзии, нежели в «Бедной Лизе», «Боярской дочери» и «Марфе-посаднице», и подчеркивает, что данное суждение не является его оригинальным высказыванием, а представляет собой «аксиому» (там же).

Понимание фольклора неразрывно связано у Белинского с его трактовкой исторического пути русской литературы и ее сущности. Вопрос о направлении и дальнейшем пути русской литературы занимает центральное место в «Литературных мечтаниях». В качестве основной предпосылки для его решения Белинский подвергает рассмотрению взаимоотношения литературы с обществом и народом. Он исходит из «бесспорного»,— как он утверждает,— понимания литературы как выражения народного духа и народного самосознания. Это определение представляется ему важнее и существеннее другого, также весьма распространенного в это время, рассматривающего литературу как выражение общества. Первое имеет,— утверждает Белинский,— всеобщее значение, второе — лишь частное и применимо только для некоторых стран и народов. Созданное французами, оно, по мнению Белинского, пригодно лишь для них, ибо только во Франции народ и общество составляют единое целое. Во Франции «общество есть высочайшее проявление их народного духа, их народной жизни» (I, 317). Но Франция составляет единственное исключение; в других же странах «литература есть выражение не общества, но народа» (I, 318)[10].

Так, например, по Белинскому, обстоит дело в Германии, так же — хотя «и не вследствие тех же причин»— и у других народов; всюду литература «непременно должна быть выражением — символом внутренней жизни народа» (там же).

Отсюда и основной эстетический и историко-литературный критерий. У Белинского он приобретает следующую формулировку: отвечает ли наша литература своему основному назначению — является ли она «выражением общества или выражением духа народного?» (I, 323). Иначе этот вопрос можно поставить так: сумела ли наша литература воплотить в истории своего развития идею народности, ибо никакой писатель «не может быть оригинальным и самостоятельным, не будучи народным» (I, 336, выделено Белинским). За этим неизбежно вставал и следующий вопрос: о связи русской литературы с народными корнями, т. е. с фольклором.

Ответом на последний вопрос служит история русской культуры; по утверждению Белинского, она свидетельствует о расхождении путей народа и общества. В художественной литературе допушкинского периода это выразилось в отходе от народных истоков, от того, что составляет сущность народной жизни, в состав которой Белинский включает и совокупность народных традиций.

Белинский утверждал, что все деятели первого ее периода: и Кантемир, и Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков — лишены чувства народности; все они выступают лишь представителями общества и совершенно чужды народу. Отчетливее всего это сказалось в творчестве центральной фигуры первого периода русской литературы — Ломоносова. По мнению Белинского, Ломоносов «закрыл глаза для родного», оставив «без внимания» народные песни и сказки. «Он как будто и не слыхал о них» (I, 333); в его сочинениях нет хотя бы даже «слабых следов влияния летописей и вообще народных преданий земли русской» (там же).

СЕЛО БЕЛЫНЬ—ТЕПЕРЬ ПАЧЕЛМСКОГО РАЙОНА, ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В Белыни жил дед и родился отец Белинского. От названия села происходит фамилия Белинских

Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

ГОРОД ЧЕМБАР – ТЕПЕРЬ БЕЛИНСКИЙ, ГДЕ ПРОШЛИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ КРИТИКА

Здание бывшего уездного училища

Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

Трудно выразить более отчетливо свою мысль, чем сделал в данном случае Белинский. Здесь совершенно ясно его основное положение о необходимости органической связи литературы с народными истоками и вместе с тем здесь выражено понимание фольклора как отправного момента литературного развития.

Историческую ошибку Ломоносова повторил, по мнению критика, и Карамзин, которого Белинский упрекает в пренебрежении к языку простолюдинов и в сознательном отказе от «родных источников» (I, 347), что и помешало ему выполнить до конца свою миссию. В этом же ряду стоят для Белинского и Фонвизин, явившийся только односторонним выразителем «господствующего образа мыслей образованных людей» (I, 341), и Жуковский, трагедия которого, по формулировке Белинского, заключалась в том, что он был всецело «заключен в себе» (I, 352), т. е. был оторван от народной стихии.

Этим писателям Белинский противопоставляет Державина, Крылова, отчасти Дмитриева, Грибоедова и некоторых других писателей, отличительным свойством которых была, по его мнению, народность; с наибольшей силой она проявилась в посланиях и сатирах Державина. На примере Державина Белинский раскрывает и сущность отражения народности в литературе. Она состоит «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (I, 339—340. Разрядка наша.—*М. А.*) Печатью народности ознаменовано творчество Крылова (I, 351, 383). Отдельные моменты соприкосновения с народной стихией критик находит у Дмитриева, в песнях Мерзлякова, в некоторых ранних повестях Погодина. Наконец, высшей точкой литературного развития и самым совершенным выражением идеи народности явилось творчество Пушкина в его первый период, т. е. до 1830 г. К принципиальному значению этого ограничения мы еще вернемся.

II

Венгеров, сопроводивший публикацию «Литературных мечтаний» обширнейшим комментарием (часто, впрочем, принимающим характер «толкований»), неоднократно отмечал связь этой статьи с высказываниями и писаниями других деятелей 20—30-х годов. В частности, он указывал, что все основные положения «Литературных мечтаний»: об исторической миссии каждого народа, о народности как принципе литературного развития, определение народности как «образа мыслей и чувствований, свойственных тому или другому народу», о необходимости связи литературы с народными истоками и т. п. — уже были высказаны в печати до Белинского, и ни одно из них не может претендовать на оригинальность. Почти к каждому из основных тезисов статьи Белинского Венгеров указывает параллельные высказывания и формулировки в статьях Полевого, Надеждина, Станкевича и др. Нужно добавить, что и сам Белинский неоднократно по поводу тех или иных суждений подчеркивал их обычность, принятость, общераспространенность и т. п.

Это заставило Венгерова поставить вопрос об оригинальности и значении «Литературных мечтаний». По мнению Венгерова, новизна их состоит лишь в том, что «десятки отдельных верных мыслей соединены здесь в одно органическое и прекрасное целое» (I, 450), что они высказаны с необычайным воодушевлением и со страстью, благодаря чему «сами по себе не новые» мысли Белинского «врезались в общее сознание» и «приурочены большою публикой» именно к нему. «Заслуга „Литературных мечтаний“ перед историей критической мысли в том и заключается, что их воодушевление сделало медленно устанавливавшиеся новые взгляды на русскую литера-

туру и ее главных деятелей всеобщим достоянием» (т а м ж е). Совершенно новых и оригинальных суждений Венгеров почти не находит в этой статье Белинского; он отмечает лишь, как совершенно новую, его оценку Марлинского.

Против такой оценки первого критического выступления Белинского следует решительно возразить. «Литературные мечтания» — не завершение определенного периода в истории русской критической мысли, но совершенно новая страница и в истории русской критики и в истории русского фольклоризма. Здесь впервые весь путь русской литературы осмысливался с точки зрения развития и воплощения в ней идеи народности, как идеи народного самосознания. Отдельные разрозненные высказывания и суждения предшественников Белинского приобрели в концепции Белинского цельность и принципиальное единство, вследствие чего они получили и новый смысл и значение. Фольклор до Белинского рассматривался как средство оживления литературы, как укрепление в ней национальных начал, как противопоставление различным иноземным влияниям, как средство обновления и обогащения языка. Вместе с тем обращение к фольклору как литературному источнику связывалось в той или иной степени с его идеализацией; наконец, он сплошь и рядом объявлялся единственным источником и критерием народности.

Для Белинского проблема фольклора в литературе выступает в ином плане. Связь литературы и фольклора для него — историческая категория, свидетельство органического и закономерного развития литературы, а не эстетическая норма или догма. Обращение к фольклору необходимо, поскольку без этого нельзя постичь дух народа, нельзя осмыслить его формирование и дальнейшее развитие. Но сама по себе эта «народная стихия», как явление определенного периода в развитии народа, должна быть преодолена и поднята в более высокую сферу. Белинский никогда не забывает о причинах возникновения народной поэзии и факторах, способствующих ее жизненности и устойчивости. Он признает прелесть народных песен, восхищается их художественными достоинствами, но общий фон народной жизни, обусловивший их возникновение и бытование, неизменно представляется ему «грубым» и «полудиким» (I, 329). Говоря о народной поэзии, он никогда не забывает, что она — создание младенческого периода в жизни народов (особенно характерна в этом отношении статья о стихотворениях Баратынского), понятие народной традиции для него неотделимо от признания «дремоты мысли» и «ее ограниченности» (I, 326). В этом плане он рассматривает и русскую жизнь в допетровскую эпоху. Она представляется ему «самобытной» и «характерной», но «односторонней и изолированной». Поэтому всякое чрезмерное подчеркивание этой стороны в литературе ведет неизбежно к уклонению от нормального, органического ее роста, ибо развитие литературы должно состоять в слиянии народной стихии с идеалами развития общества, в слиянии жизни народной и жизни общества. Воплощение этой задачи Белинский видел в творчестве Пушкина, которое отражало в русской форме, в национальном претворении все «современное ему человечество» (I, 363). Путь литературы — от фольклора к высшим формам и его преодолению, — иначе это будет отклонением от нормального развития и роста литературы. Таким отклонением и явился, по мнению Белинского, последний период русской литературы (п р о з а и ч е с к и - н а р о д н ы й, по его формулировке), наиболее характерными проявлениями которого служат прозаические сказки Даля, подражания народным сказкам в творчестве Пушкина и Ершова и другие аналогичные явления.

Белинский категорически отверг «Сказки» Пушкина, объявив их «плодом ложного стремления к народности». Эту оценку он несколько раз повторяет в «Литературных мечтаниях» и неоднократно возвращается к ней

в других своих статьях — в статьях 1836, 1838, 1841, 1843, 1844, 1846 гг., т. е. почти на всем протяжении своей литературной деятельности. Упорство, с которым Белинский возвращался к этой мысли, настойчивость и постоянство этих высказываний свидетельствуют об исключительно принципиальном и важном для него значении этой оценки. «Сказки» Пушкина он рассматривает как показательное свидетельство наступившего в творчестве поэта перелома и считает их моментом, определившим конец «пушкинского периода» в литературе. Отношение к сказкам Пушкина, в сущности, и явилось основанием для того, чтобы усматривать в «Литературных мечтаниях» проявление отрицательного отношения Белинского к народной поэзии. Однако из предыдущего изложения видно, что для такого суждения нет оснований; к тому же, в этой же статье Белинский одновременно дает высокую оценку «Вечерам на хуторе близ Диканьки», называя их «прекрасными сказками». Отсюда ясно, что отрицательному суждению Белинского о сказках Пушкина надо найти другое объяснение.

Может показаться, что есть противоречие между оценкой «Сказок» Пушкина и оценкой Ломоносова или Карамзина, которых Белинский упрекал в пренебрежении к народным источникам. Однако — это кажущееся противоречие: Белинский различает народность внутреннюю, органическую и народность внешнюю. Примером первой служит для критика Державин или Крылов; примером второй — Пушкин в его «Сказках». Народность выражается, — учит Белинский, — не в темах, взятых из древней истории или современной простонародной жизни, не в подделках под тон летописей или народных песен, не в подражании языку простолюдинов (I, 384), но, как он говорил, характеризуя Державина, — в особом национальном «сгибе ума», в «русском образе взгляда на вещи». Народным нельзя стать по желанию или по заказу. Нарочитой (по Белинскому) народности «Сказок» Пушкина или «Конька-горбунка» Ершова он противопоставляет органическую и естественную народность Крылова, который «нимало не думал о том, чтоб быть народным», но «он был народен, потому что не мог не быть народным; был народен бессознательно», он даже «едва ли знал цену этой народности, которую усвоил созданиям своим без всякого труда и усилия» (I, 383).

Сущность проблемы создания национальной литературы для Белинского — в строгом учете различных элементов, которые ее составляют. Ее нельзя создать, обращаясь к чужеземным источникам, игнорируя собственные народные элементы, но ее нельзя построить и путем искусственного гипертрофирования этих последних. Таково основное положение «Литературных мечтаний». Оно отчетливо разъясняется в одной из позднейших статей критика. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский, снова возвращаясь к центральной теме «Литературных мечтаний», спрашивает: «Что было бы, если б Ломоносов основал новую русскую литературу на народном начале?», т. е. на материалах народной поэзии и древнерусской литературы. И отвечает, что ничего бы не вышло. «Однообразные формы нашей бедной народной поэзии были достаточны для выражения ограниченного содержания племенной, естественной, непосредственной, полупатриархальной жизни старой Руси; но новое содержание не шло к ним, не улегалось в них; для него необходимы были и новые формы» (X, 395); другими словами, было необходимо органическое сращение, — и только тогда наша литература могла подвинуться «от абстрактного начала мертвой подражательности» — «к живому началу самобытности» (там же).

В этом позднейшем пояснении отчетливо раскрывается сущность воззрений Белинского на фольклор и его место в литературе и истории. В «Литературных мечтаниях» Белинский против стремления отождествлять фольклор» и «народность», в чем он ошибочно заподозрил Пушкина.

1

Глава II.

Общiй взглядъ на народную поэзiю и ея значенiе. Русская народная поэзiя 1).

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ украшенное подражанiе природы было [illegible] основнымъ [illegible] и главнымъ положенiемъ поэтическаго кодекса [illegible] прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ удостоиться поэтъ нашего времени, самый громкiй титулъ, какимъ только могутъ теперь почтить его современники или потомки, [illegible] заключается въ волшебныхъ [illegible]. Выраженiя: народная поэзiя, народныя произведенiя, часто употребляются теперь вмѣсто словъ: превосходное, великое, геніальное произведенiе. Волшебное слово, таинственный символъ, священный iероглифъ какой-то глубокознаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — народность какъ будто замѣнила теперь собою и творчество, и вдохновенiе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, [illegible]. Въ одномъ этомъ и эстетику и критику, [illegible] сдѣлалась теперь высшимъ критерiумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенiя и прочности всякой поэтической славы. [illegible] Всѣ требуютъ отъ поэзiи прежде всего народности, а потомъ уже здраваго смысла; но [illegible] что такое эта народность [illegible] Это понятiе [illegible] Въ крайней мѣрѣ, слово народность также точно требуетъ своего опредѣленiя, какъ и всякое другое слово, которое заключаетъ въ себѣ какую-нибудь мысль. Слово же народность именно есть одно изъ тѣхъ словъ, которыя потому только и —

[illegible]

1) Это позднѣйшее [illegible]

АВТОГРАФ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА НАРОДНУЮ ПОЭЗИЮ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ», 1840-е гг.

Лист первый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

АВТОГРАФ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА НАРОДНУЮ ПОЭЗИЮ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ», 1840-е гг.

Лист первый, оборот

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В таком отождествлении он видел идеализацию отсталости народной жизни в целом и отход от просветительских тенденций своего времени,— поэтому литературу, культивировавшую эти «простонародные начала», он рассматривает как «псевдонародную». Белинский принимает в данном случае господствовавшее в литературе 30-х годов противопоставление простонародности и народности. Такое противопоставление решительно делалось еще любомудрами [11]. Аналогичным образом трактовал в эти годы основные проблемы народности и роль в ней простонародных элементов Станкевич; он также не признавал художественного значения «Сказок» Пушкина и совершенно отрицательно отнесся к «Коньку-горбунку» Ершова. Станкевич шел даже гораздо далее Белинского. Он считал «Сказки» Пушкина «ложным родом» поэзии, изобретенным Пушкиным в момент, «когда начал угасать поэтический огонь в душе его» [12].

В 1837 г. Станкевич посетил славянские земли, был в Праге, где познакомился с Шафариком, Челаковским и другими деятелями национального движения. После посещения Шафарика он записывает в своем дневнике: «Чего хлопочут люди о народности? Надобно стремиться к человеческому, с в о е будет поневоле. Во всяком искреннем непроизвольном акте невольно отличается с в о е и чем ближе это с в о е к общему, тем лучше... Кто имеет свой характер, тот отпечатывает его во всех своих действиях; создавать характер, воспитать себя можно только человеческими началами; выдумывать или сочинять характер народа из его старых обычаев, старых действий — значит хотеть продолжить для него время детства; давайте ему общее и смотрите, что он с п о с о б н е е принять, чего нет и недостает ему. Вот эту народность угадайте, а поддерживать старое натяжками, квасным патриотизмом,— это никуда не годится» [13].

На первый взгляд может показаться, что у Белинского и Станкевича общее с любомудрами пренебрежение к простонародности,— но это только чисто внешнее сходство. Любомудры под простонародным понимали демократические элементы народности. Белинский же в и д е л в п р о с т о н а р о д н о м т е э л е м е н т ы н а р о д н о й ж и з н и, к о т о р ы е м е ш а л и д е м о к р а т и ч е с к и м с л о я м н а р о д а п о д н я т ь с я н а б о л е е в ы с о к у ю с т у п е н ь к у л ь т у р н о г о р а з в и т и я. Позиция Белинского в этом вопросе типично-просветительская и подлинно-демократическая [14].

В историко-литературной науке наблюдались тенденции рассматривать «Литературные мечтания» как проявление своеобразного аристократического настроения, чуждого подлинному демократизму. Не приходится доказывать, что такой взгляд чудовищно извращает весь облик Белинского. «Литературные мечтания» — это просветительская статья, ее пафос в стремлении к уничтожению разрыва между низшими и образованными кругами общества.

Позиция Белинского в данном вопросе приближается к позиции Энгельса в его статье о немецких народных книгах (1839) [15]. И Энгельс и Белинский противопоставляют архаике и внешнему пониманию народности подлинные творческие начала, которые таятся в глубинных недрах народа.

Общая оценка эстетического значения народной поэзии, которая в «Литературных мечтаниях» дана как бы мимоходом и не развита подробно, неоднократно повторяется в последующих статьях Белинского,— порою в весьма категорической форме. В рецензии 1839 г. на «Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета», возражая Морошкину, который отмечал «недостаток развития» у русского народа воображения и эстетического чувства, Белинский писал: «Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность — воображение, эта память чувственных предметов и образов, но и высшая, творческая способность — фантазия и глубокое эстетическое чувство,— это доказывают

русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно-могучие, всегда выражающие широкий размет богатырской души» (IV, 319). Годом позже, в знаменитой статье о сочинениях Марлинского, Белинский, безоговорочно заявляя об исключительном богатстве «нашей народной или непосредственной поэзии», писал: «Не говоря уже о песнях, — один сборник народных рапсодий, известный под именем „Древних стихотворений, собранных Киршею Даниловым“, есть живое свидетельство обильной творческой производительности, которою одарена наша народная фантазия» (V, 130—131). В таком же тоне, хотя и мельком, упоминает он о «наивных и могущественных в своей целомудренной простоте» народных песнях, легендах и сказках в обзоре «Русская литература 1840 года» (V, 471). Наконец, в написанной вслед за этим «Обзором» рецензии на второе издание «Деяний Петра Великого» Голикова он дает обобщающую художественную характеристику русской народной поэзии в целом, выводя все ее особенности из свойств «духа народного». Несколько позже, в третьей статье о народной поэзии, Белинский провозглашает тезис о соответствии поэзии народа с его историею: «Поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историею; в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа, и потому его история может объясняться поэзиею, а поэзия — историей» (VI, 357). В рецензии на книгу Голикова это положение раскрыто на конкретном материале. Основными свойствами русского народного духа и его поэзии являются для Белинского «величие и могущество». Об этом, говорит он, свидетельствует и ряд великих исторических событий — быстрая централизация московского царства, поражение Мамая в Куликовской битве, свержение татарского ига, завоевание Казани, возрождение России при Петре; и обилие замечательных исторических деятелей — Александр Невский, Калита, Дмитрий Донской, Иоанн III и Иоанн IV, Годунов, Шеин, Скопин-Шуйский, князь Пожарский, мещанин Минин, святители Алексей, Филипп и Гермоген, келарь Авраамий Палицын и др.; и памятники фольклора — «произведения народной поэзии, запечатленной богатством фантазии, силою выражения, бесконечностью чувства, то бешено-веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля...» (XII, 274). Та же мысль проводится Белинским в рецензии на маленький сборничек былин и исторических песен Суханова. Здесь говорится: «...это книга драгоценная, истинная сокровищница богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если все родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце» (V, 434). Завершением и как бы окончательной сводкой всех этих отдельных, — часто попутных, брошенных мимоходом, — замечаний и суждений являются четыре статьи 1841 г., представляющие собою по внешней форме обширные рецензии на основные фольклористические сборники того времени, а по существу — целостный очерк русской народной поэзии.

III

В 1840—1841 гг. внимание Белинского неоднократно обращалось к вопросам фольклора. В 1840 г. вышел в свет упомянутый сборник Суханова, в этом же году появилось новое (третье) издание «Сказаний русского народа» Сахарова; в последующем году — его же «Русские народные сказки». Белинский отозвался на каждое из этих изданий (V, 433—434 и VI, 202—207), всякий раз обещая вернуться к этой теме более подробно и указывая на давний свой замысел написать специальную статью о сборнике

Кирши Данилова. Реализацией этого замысла и явился цикл статей 1841 г.[16]

Для правильного понимания статей Белинского о народной поэзии 1841 г. следует помнить об исключительном значении данного периода в идейном развитии критика — периода его революционно-демократического самоопределения. Центральной проблемой всех статей Белинского становится теперь борьба с крепостнической действительностью и всеми ее проявлениями в литературе. В первую очередь он обрушивается на реакционный романтизм, за которым отчетливо различал консервативные и реставраторские тенденции. Основная тема «Литературных мечтаний» — вопрос о связи народной культуры с культурным достоянием всего человечества получает теперь новое и более углубленное решение; лейтмотивом всех статей Белинского в этот период является борьба за народные интересы. В этом плане вопрос о значении и сущности народной поэзии приобретал для него огромное и первостепенное значение.

Статьи о русской народной поэзии, написанные в 1841 г., представляют собою первый в истории русской литературы и науки о фольклоре обобщающий очерк. Белинский затрагивает здесь серию важнейших вопросов, связанных с проблемами фольклора: вопрос о народности, о задачах изучения народной поэзии, о смысле ее, о методах собирания и публикации произведений народной поэзии, об историческом значении ее, о взаимоотношении художественной и народной поэзии. В этих же статьях Белинский дает характеристику отдельных жанров, отдельных сюжетов и образов русской народной поэзии.

Как и в «Литературных мечтаниях» и в ряде последующих статей, Белинский в статьях 1841 г. с большим воодушевлением и восторгом говорит о художественном обаянии народной поэзии. Он пишет о «величайшей поэтической силе» русских песен, о «глубоком и размашистом чувстве», об изящной иронии, таящихся в них. Он называет Киршу Данилова подлинным поэтом, «какой только возможен был на Руси до века Екатерины II».

Аналогичные суждения и оценки повторяются и в других статьях 40-х годов. Особенно следует выделить небольшую рецензию на сборник вологодских и олонецких песен Ф. Студитского (VI, 353), где, повторяя требования, высказанные еще в 1835—1838 гг. (в рецензиях на книгу Венелина и на сборники Ваненко и Бронницына), Белинский пишет о необходимости интенсивного и тщательного собирания памятников народной поэзии. Он настаивает на точности записи и особенно ставит в заслугу Студитскому тщательное сохранение им народных отличий.

В эти же годы Белинский неоднократно высказывается и о народно-поэтических элементах в художественной литературе. Он неизменно подчеркивает важность внесения этих элементов в литературу, но, как и в «Литературных мечтаниях», требует не слепого преклонения перед народной поэзией, а творческого ее переосмысления. С наибольшей ясностью основные точки зрения Белинского вскрываются в статьях о стихотворениях Лермонтова, где он дает мастерский анализ «Песни о купце Калашникове» (VI, 23—36).

Белинский стремится установить реалистическое понимание народности, противопоставляя ее романтическим концепциям, за которыми он видит архаизирующие и реставраторские тенденции. Он объявляет конец романтизму. «„Романтизм“, — пишет он, — давно уже уволен вчистую, давно на покое, хоть и избитый, измученный, израненный — не столько своими врагами, сколько поборниками... „Романтизм“ в своем начале шел об руку с „народностию“, часто был принимаем за одно с нею; но — увы! — его уж нет, этого прекрасного молодого человека, столь энергического и пламенного, хотя немного и с растрепанными чувствами; его уж нет, — а „народность“ все еще скитается каким-то бледным призраком, словно заколдо-

ванная тень, и, кажется, еще долго ей страдать и мучиться, долго играть роль невидимки, какого-то таинственного незнакомца, о котором все говорят, на которого все ссылаются, но которого едва ли кто видел, едва ли кто знает...» (VI, 296).

Как и в «Литературных мечтаниях», Белинский противопоставляет подлинную народность — псевдонародности, которую он называет «сермяжной народностью». Он подробно останавливается на различных проявлениях этой внешней и узко-ограниченной этнографической народности. Например, в «Бедной Лизе» и «Марьиной роще» народность состояла в одних именах; они «столько же выражали содержание русской жизни, сколько французская трагедия выражала содержание греческой и римской». «Такова же и забытая драма Хомякова „Ермак“, в которой „русского духа слыхом не слыхать, видом не видать“».

Еще меньше народности, по мнению Белинского, в русском историческом романе того времени, где вся народность состоит в том, что действующие лица называются Иванами и Петрами и титулуются по отчеству. Он делает подробный обзор явлений русской литературы с точки зрения народности, говорит об Измайлове, Погодине, о романах Загоскина и т. д. «Мы уважаем „Юрия Милославского“... — пишет он, — но решительно не понимаем в его других романах прелести ярмарочных сцен и языка героев этих сцен». Он пишет, что никак не может восхищаться многими произведениями Основьяненко «за то только, что в них мужики говорят чистым мужицким языком, и никак не выходят из ограниченной сферы своих понятий. Напротив, нам приятнее было бы в подобных произведениях встречать таких мужиков, которые, благодаря своей натуре или случайным обстоятельствам, несколько возвышаются над ограниченною сферою мужицкой жизни»(VI,307). «Предпочитать же мужиков потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невежественны, предпочитать их образованным классам общества — странное и смешное заблуждение!» (VI, 306).

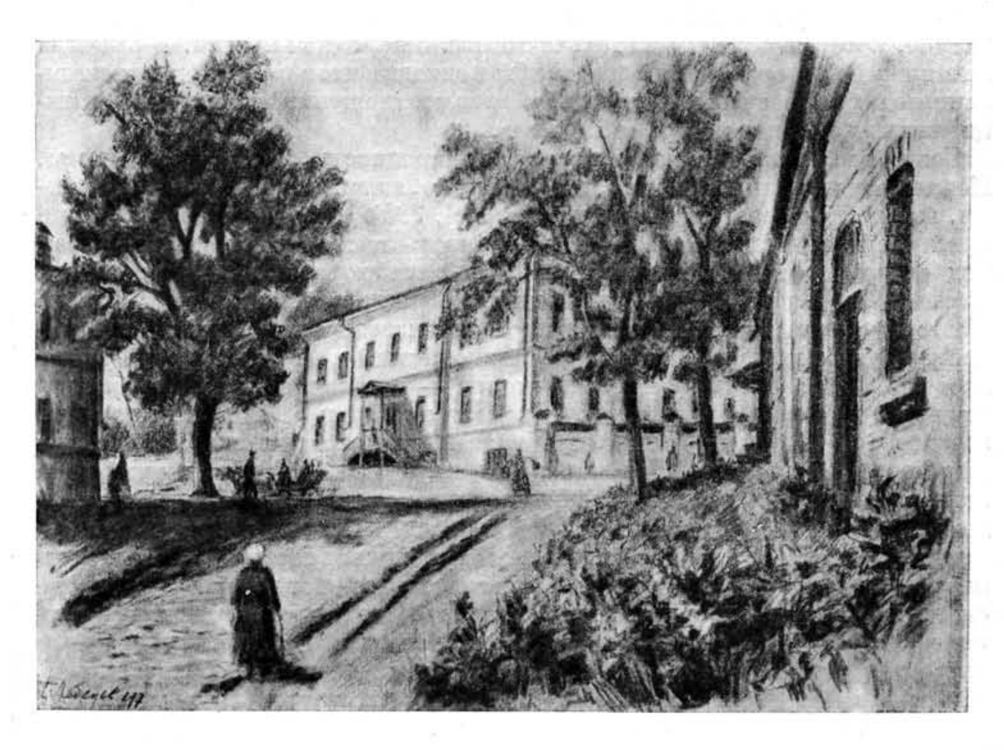
Особенно важна в этом плане оценка произведений Погодина, на что указал уже М. Филиппов. Белинский в свое время одобрил «Черную немочь» Погодина, так как увидел в ней изображение борьбы молодого купеческого сына, охваченного «святою жаждою знания», с грязной действительностью. Но когда тот же Погодин стал писать повести, где народность выражалась лишь в плоских шутках на простонародном жаргоне, то Белинский сказал, что это «верх романтизма», который «хуже всякого классицизма» [17]. М. Филиппов считал, что в этой оценке сказалось влияние Гегеля на Белинского. Однако в ней нет ничего существенно нового по сравнению с высказываниями Белинского в «Литературных мечтаниях», — и в данном случае можно говорить лишь о дальнейшем уточнении и углублении собственной точки зрения Белинского, чему, конечно, могло способствовать и знакомство с эстетикой Гегеля.

Филиппов имеет в виду, ближайшим образом, те страницы Гегеля, где он говорит о принципе отображения в искусстве действительности. Задача, — утверждает Гегель, — не в том, чтобы только точно отобразить действительность, но чтобы преобразить ее и поднять над уровнем обыденщины. «Почему голландская живопись есть истинное искусство, несмотря на изображение ею уличных и кабацких сцен? Потому, что у великих голландских мастеров такие сцены всегда одухотворены мыслью. Изобразить просто, как мужик пьет водку в кабаке, не есть еще искусство. Но когда мы видим картину бесшабашного веселья, удальства и беспечности или когда нам изображают нищего, который в своем рубище смотрит на мир более беззаботно, чем иной принц, то в таких изображениях мы видим уже до некоторой степени „победу духа“».

В учении Гегеля о «естественной» и «художественной поэзии Белинский мог усматривать близкий ему самому протест против романтической идеа-

лизации первобытной поэзии и против идеализирующего противопоставления «простых» и «безыскусственных» форм народного творчества высшим созданиям человеческого духа. Гегелевская диалектика могла помочь Белинскому теоретически осмыслить и углубить то понимание народности и «простонародных элементов» в литературе, к которому пришел сам критик. Но там, где у Гегеля общая и теоретическая схема, у Белинского — конкретное, общественное и политическое содержание [18].

«Противоположная сторона „народности“ есть „общее“, в смысле „общечеловеческого“. Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества...»,



ЗДАНИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, В КОТОРОЙ УЧИЛСЯ БЕЛИНСКИЙ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

и далее: «Без народного характера, без национальной физиономии, государство — не живое органическое тело, а механический препарат. Но с другой стороны, и национального духа недостаточно, чтоб народ мог считать себя существенным и действительным в общности мироздания... Чтобы народ был действительно-историческим явлением, его народность необходимо должна быть только формою, проявлением идеи человечества, а не самою идеею. Все особное и единичное, всякая индивидуальность действительно существует только о б щ и м, которое есть его содержание, и которого она только выражение и форма. Индивидуальность — призрак без общего; общее, в свою очередь, призрак без особного, индивидуального проявления. И потому люди, которые требуют в литературе одной „народности“, требуют какого-то призрачного и пустого „ничего“; с другой стороны, люди, которые требуют в литературе совершенного отсутствия народности, думая тем сделать литературу всем равно доступною и общею, т. е. человеческою, также требуют какого-то призрачного и пустого „ни-

чего". Первые хлопочут о форме без содержания; вторые—о содержании без формы» (VI, 308. Разрядка наша. — *М. А.*). Окончательный вывод критика таков: «Очевидно, что только та литература истинно-народная, которая, в то же время, есть литература общечеловеческая, которая, в то же время, и народна. Одно без другого существовать не должно и не может» (там же).

В том же году, когда были написаны статьи о народной поэзии, Белинский написал большую рецензию на сочинение Голикова «Деяния Петра Великого» [19], в которой ставил частично те же проблемы, что и в названных статьях. В некотором отношении эта рецензия может рассматриваться как более ранняя редакция формулировок мыслей об истинно-народной литературе, которые развиты в статьях 1841 г. о народной поэзии. В рецензии на книгу Голикова Белинский как бы подводит итог всем своим высказываниям по вопросу о народности, о взаимоотношении «народного» и «национального», «народа» и «общества».

Белинский разграничивает понятия: «народность» и «национальность». Первое относится ко второму, как «видовое, низшее понятие — к родовому, высшему, более общему понятию» (XII, 260). Другими словами, Белинский разумеет под «нацией»— «совокупность всех сословий государства», под «народом» же — лишь «низший слой государства». «Народ» еще не составляет «нации» в целом, но в понятие «нация» включается и «народ». Поэтому «песня Кирши Данилова есть произведение народное; стихотворение Пушкина есть произведение национальное» (там же); первая— доступна всем слоям общества, второе — только его образованнейшей части и «недоступно разумению народа, в тесном и собственном значении этого слова». Таким образом, основное противопоставление «Литературных мечтаний»: литература как выражение «духа народного» и литература как выражение общества — раскрывается в социально-исторических определениях. Вместе с тем, более точный смысл получает и понятие «народность», сопоставленное с понятием «национальность». «Народность», по Белинскому, есть понятие статическое, «национальность»— динамическое. Это разграничение становится основой его понимания русского исторического процесса. «Народность предполагает что-то неподвижное, раз навсегда установившееся, не идущее вперед, показывает собою только то, что есть в народе налицо в настоящем его положении. Национальность, напротив, заключает в себе не только то, что было и есть, но что будет или может быть. В своем развитии национальность сближает самые противоположные явления, которых, повидимому, нельзя было ни предвидеть, ни предсказать. Народность есть первый момент национальности, первое ее проявление» (XII, 263). «Но из сего отнюдь не следует,—добавляет Белинский,— чтобы там, где есть народность, не было национальности: напротив, общество есть всегда нация, еще и будучи только народом, но нация в возможности, а не в действительности, как младенец есть взрослый человек в возможности, а не в действительности: ибо национальность и субстанция народа есть одно и то же, а всякая субстанция, еще и не получивши своего определения, носит в себе его возможность» (там же). Это и определяет сущность исторического развития России: до Петра она была «только народом»—«и стала нациею вследствие движения, данного ей ее преобразователем» (там же).

Национальность, таким образом, есть «совокупность всех духовных сил народа», и его история —«плод национальности народа». Этим определяется и роль простонародных элементов. «...Национальность состоит,—заявляет Белинский,— не в лаптях, не в армяках, не в сарафанах, не в сивухе, не в бородах, не в курных и нечистых избах, не в безграмотности и невежестве, не в лихоимстве в судах, не в лени ума. Это не признаки даже и народности, а скорее наросты на ней...» (XII, 266).

Белинский здесь использовал частично формулу Гоголя и забыл оговорить это. Видимо, заметив допущенный им промах, он вскоре вновь повторяет эту формулировку, точно указывая на этот раз ее источник. В обзоре русской литературы за 1841 г. он пишет: «Я не знаю лучшей и определеннейшей характеристики национальности в поэзии, как ту, которую сделал Гоголь в этих коротких словах, врезавшихся в моей памяти: „Истинная национальность состоит не в описании сарафана, а в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа; когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами“» (VII, 34). Данное определение, по существу, очень близко тому, которое Белинский устанавливал в «Литературных мечтаниях», говоря о народной стихии у Державина.

Белинский еще раз вернулся к этому вопросу в статье «Русская литература в 1846 году», в которой писал, имея в виду славянофилов: «...одни смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародье, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе...» (X, 403). Возражая далее тем, кто утверждал, будто бы Петр уничтожил русскую народность, Белинский заявляет: «Это мнение тех, которые народность видят в обычаях и предрассудках, не понимая, что в них действительно отражается народность, но что они одни отнюдь еще не составляют народности. Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала, значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм» (X, 405).

Необходимо отметить большую близость формулировок Белинского к тому определению народности, которое давал Пушкин, боровшийся с узким и ограниченным пониманием национального и настаивавший на сочетании национального с общечеловеческим. Близость Белинского и Пушкина в вопросе о сущности народности была совершенно ясна Чернышевскому. В рецензии 1854 г. на «Песни разных народов» Берга он приводит в пример правильного решения проблемы народности определение Белинского, а несколько позже, в рецензии на анненковское издание Пушкина, где была впервые опубликована заметка Пушкина о народности, он писал по поводу последней: «Скольким людям, толкующим ныне о народности, нужно посоветовать вникнуть в смысл заметки Пушкина, набросанной двадцать пять лет тому назад, при самом начале этих толков»[20].

IV

Таким образом, центральным в концепции народности у Белинского становится вопрос о национальной физиономии народа, что тесно связано с основными проблемами, занимающими Белинского в начале 40-х годов о путях исторического развития России и судьбах русского народа. Это интерес и обусловил обращение Белинского к народной поэзии в 1841 г., и, конечно, статьи критика о ней носят в значительной степени и полемический характер. Поэтому-то сугубо неправ Венгеров, когда снимает этот момент, ссылаясь на хронологические даты. Действительно, в 1841 г. не произошло еще окончательного размежевания славянофилов и «западников», но славянофильские взгляды проявились не только с этого года, — они начали формироваться гораздо раньше и были, конечно, прекрасно известны Белинскому, хотя бы из устных высказываний славянофилов. Наконец, в не меньшей степени, статьи Белинского о народной поэзии являются полемикой и с представителями идеологии официальной народ-

ности. Что касается позднейших высказываний критика, в статьях 1844—1846 гг., то их полемический характер уже совершенно бесспорен.

Анализ Белинского направлен на то, чтобы вскрыть в народной жизни как ее отрицательные элементы, привнесенные в нее веками крепостнического рабства, так и те противостоящие силы, которые свидетельствуют о неустанной борьбе народа с темными сторонами своего быта. Он различает пассивное и активное начала в жизни русского народа, и в сущности его статья о народной поэзии — это страстная защита подлинных интересов народа, которого идеологи реакции хотели бы законсервировать, употребляя щедринское выражение, «властью темных преданий, завещанных историей».

Белинский дает подробнейший обзор всех сюжетов русских былин, анализирует исторические и лирические песни, стремясь разобраться в каждом виде народной поэзии и каждом сюжете с точки зрения тех противоречий, которые создавала в народной жизни русская историческая действительность. В этом плане раскрывались в его критике и отдельные «нехудожественные» места тех или иных памятников. Он отмечает, например, ряд недостатков в «Слове о полку Игореве»,— «но эти недостатки,— утверждает он,— заключаются не в слабости таланта певца, но в скудости материалов, какие могла доставить ему народная жизнь» (VI, 375). Таким образом, то, что критики Белинского называли проявлением отвлеченного эстетизма, в действительности являлось исторической критикой, т. е. критикой, исходящей из анализа конкретной исторической действительности.

Белинский, пожалуй, первый с такой отчетливостью понял и сумел показать, что за образами былинных богатырей скрываются определенные общественные отношения [21]. Примером может служить его анализ новгородских былин.

Новгородские былины Белинский рассматривал как самые выдающиеся по своему поэтическому достоинству и общественному значению; он считал, что вся остальная русская «сказочная поэзия» (Белинский имеет в виду здесь не сказки в собственном смысле, а богатырские сказки, т. е. былины; в данном случае, он применяет терминологию Сахарова) бедна по сравнению с ними и что в них открывается новый и особый мир, служивший источником форм и самого духа русской жизни, а следовательно, и русской поэзии; он утверждал даже, что эти былины—«ключ к объяснению всей народной русской поэзии, равно как и к объяснению характера быта русского» (VI, 425).

Былину о Василии Буслаеве Белинский понимал как «мифическое выражение исторического значения и гражданственности Новгорода»; это — «апофеоза Новгорода, столь же поэтическая, удалая, размашистая, сильная, могучая и столь же неопределенная, дикая, безобразная, как и он сам» (VI, 446). Лучшим местом в былине он считал встречу Василия со старцем Пилигримищем, в котором усматривал своеобразный поэтический символ новгородской государственности и поэтическое возвеличение («апофеозу») Новгорода. «Старец держит на могучих плечах колокол в триста пуд; он холодно и спокойно, как голос уверенного в себе государственного достоинства, останавливает рьяность Буслаева» (VI,448). Былину о Василии Буслаеве как бы дополняет былина о Садко. Если первая была, по мнению Белинского, апофеозом новгородской государственности, то былина о Садко, которую он считал «одним из перлов русской народной поэзии», есть поэтический апофеоз «Новгорода, как торговой общины» [22].

Он так характеризует Садко: «Это уже не богатырь, даже не силач и не удалец, в смысле забияки и человека, который никому и ничему не дает спуску, который, подобно Васиньке Буслаевичу, не верует ни в сон ни в чох, а верует в свой червленый вяз; это и не боярин, не дворянин: нет,

вгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. Живучи Буслай состарился, состарился и переставился; после его веку долгаго оставалося его житье-бытье и все имение дворянское; оставалася матера вдова, Амелфа Тимофеевна, и оставалося чадо милое молодой сынъ Василий Буслаевичъ. Будетъ Василью семи годовъ, отдавала матушка родимая учить его во грамоте, — а грамота ему въ наукъ пошла; усаживала перомъ его ~~ем~~ писать, — письмо Василью въ наукъ пошло; отдавала петью учить церковному, — петье Василью въ наукъ пошло. А и нетъ у насъ такова певца, ~~супротивъ~~ во славномъ Нове-городе, супротивъ Василья Буслаева. Поводился ведь Васька Буслаевичъ со пьяницами, со безумницами, съ ~~удалыми~~ веселыми удалыми добрыми молодцами, до пьяна ужь сталъ напиватися, — а и ходя въ городе уродуетъ: которого возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ; которого заденетъ за ногу, то изъ ..... ногу выломитъ; которого хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ. Пошла то жалоба великая: а и мужики новгородские, посадские, богатые, приносили жалобу великую матерой вдове Амелфе Тимофеевне на того на Василья Буслаева. А и мать то стала его журить, бранить, журить, бранить, его на умъ учить, — журьба Васе не взлюбилася; пошелъ онъ Васька въ высокъ теремъ, садился на ременчатъ стулъ, писалъ ерлыки скорописчаты — отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочетъ пить и есть изъ готоваго, валися къ Ваське на широкий дворъ — пей и ешь готовое и носи платье разноцветное». А въ ту пору поставилъ Васька чанъ середи двора, наливалъ чанъ полонъ ~~полонъ~~ зелена вина, опущалъ ~~онъ~~ онъ чару въ полтора ведра. Во славномъ было во Нове-городе, грамотны люди были,

АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

это сила, удаль и богатырство денежное, это аристократия богатства, приобретенного торговлею,— это купец, это апофеоза купеческого сословия» (VI, 453).

Вообще же русские былины в целом, по мнению Белинского, наиболее полно отразили основные противоречия русской жизни: с одной стороны, великие народные силы; с другой — быт, не дававший им простора и выхода. Возникновение былин Белинский относил к татарскому периоду [23] и усматривал в них сохранившиеся следы сознания и нравственных критериев, сложившихся именно в этой обстановке,— отсюда, по его мнению, и характерные для былин внешне уродливые проявления героизма и удачи, идеалы дикой силы, идеалы «железного кулака и чугунного черепа»; отсюда же неприглядные формы взаимоотношений с женщиной —«оскорбительные» и «возмутительные» для чувства (VI, 391), как, например, в былине о Дунае или о Добрыне и Маринке; отсюда же, наконец, и слабость художественной концепции, неспособность прояснить действительность одухотворяющей мысли, которая могла бы вырваться из «ограниченной сферы народного быта».

Но вместе с тем Белинский отмечает и другие черты. Он показывает, как на этом однообразном фоне появляются порой иные проблески, свидетельствующие о великих возможностях, таящихся в народе. Героизм выражается в былинах в форме грубой физической силы, торжествующей над всеми препятствиями, но сам по себе героизм уже есть «первый момент пробуждающегося народного сознания жизни». Пусть он еще не принял высших форм и остановился еще только на элементарных формах этого сознания, но в нем уже таится элемент начала духовности, «которой не доставало только исторической жизни, идеального развития, чтоб возвыситься до мысли и возрасти до определенных образов, до полных и прозрачных идеалов» (VI, 423). К числу этих моментов, свидетельствующих о будущем развитии, Белинский относил и проявление в былинах отваги и удали, этого «широкого размета души», которому море по колено, для которого и радость и горе равно торжество, «которое на огне не горит, в воде не тонет», народного сарказма и иронии над собственной и чужою удалью, способности «не торопясь... воспользоваться удачею и так же точно поплатиться счастием и жизнию» — и, наконец, проявление несокрушимой мощи и крепости духа, которые являлись в глазах Белинского «исключительным достоинством русской натуры».

Окончательный итог критика после сделанного им обзора был следующий: «Несмотря на всю скудость и однообразие содержания наших народных поэм, нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы заключающейся в них жизни, хотя эта жизнь и выражается повидимому только в материальной силе...» В грезах народной фантазии отражаются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства. И хотя «исполинская сила» как будто кажется только материальной, в действительности она сложнее и глубже: она соединена с отвагой, удальством и молодечеством, а в этом уже можно видеть «начало духовности», ибо последние свойства «принадлежат не одной физической силе, а и характеру и вообще нравственной стороне человека». «Одни эти качества — отвага, удаль и молодечество — еще далеко не составляют человека,— говорит Белинский,—но они—великое поручительство в том, что одаренная ими личность может быть по преимуществу человеком, если усвоит себе и разовьет в себе духовное содержание» (VI, 463). Былины дают исчерпывающий образ русского народа. «Русь, в своих народных поэмах, является только телом, но телом огромным, великим, кипящим избытком исполинских физических сил, жаждущим приять в себя великий дух, и вполне способным и достойным заключить его в себе» (*там же*).

Далее Белинский рассматривает исторические и лирические песни. Исторические песни,— по его мнению, крайне малочисленные,— он расценивает гораздо ниже былин и считает, что они «совершенно ничтожны и по содержанию, и по форме, и по историческому значению» (VI, 465).

Столь ошибочная оценка исторических песен объясняется прежде всего недостаточностью материала, каким владел Белинский. Белинский знал, как он и сам отмечает, не более десятка исторических песен,— естественно, что он мог вывести заключение, что поздняя историческая жизнь народа не отражена в народных песнях. К тому же, в изданиях того времени в число исторических песен не включались ни песни о Степане Разине, ни песни о Петре; первые относились к разряду или казачьих или разбойничьих, вторые обычно входили в число солдатских. Между тем, отсутствие среди исторических песен сюжетов о Петре, главным образом, и вызвало суждение Белинского об их неисторичности. Но он прекрасно понял историческое и общественное значение казацкого и солдатского циклов и настаивал на необходимости включать в разряд исторических песни о Ермаке и о Разине, как это и было принято позже составителями всех сборников и исследователями народной поэзии.

«Донские казачьи песни,—пишет Белинский,— можно причислить к циклу исторических,— и они в самом деле более заслуживают названия исторических, чем собственно так называемые исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое и привольное. Они и числом несравненно больше исторических песен; в них и исторической действительности больше, чем в последних, в них и поэзия размашистее и удалее» (VI, 470—471).

В солдатских песнях Белинский отмечает проявления яркого сочувствия к образу Петра: «великий преобразователь России прежде всех других своих подданных встретил к себе сочувствие в храбрых солдатах созданного им войска» (VI, 472). С историческими же песнями он сближает и так называемые «удалые» (т. е., по старой терминологии, разбойничьи) песни. Он дает им также самую высокую оценку: «здесь опять господствующий элемент—удальство и молодечество, а сверх того и ироническая веселость, как одна из характеристических черт народа русского» (VI, 475). И в данном случае можно подчеркнуть совпадение со взглядами Пушкина, доходящее чуть ли не до текстуальной близости. Пушкин также говорил об иронической насмешливости, как одной из характернейших черт и русских сказок и русского народа. В статье о Крылове он писал: «Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Повышенный интерес Белинского к казачьим и разбойничьим песням сближает его отношение к народной поэзии с аналогичным отношением декабристов [24]. Это, разумеется, не случайно. По определению Ленина, Белинский является «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» [25]. Он является предшественником Добролюбова и Чернышевского и соединительным звеном между ними и первым поколением революционеров — еще из дворянской среды, т. е. декабристов. Естественно, что у Белинского мы неоднократно встречаем проявление тех же тенденций в отношении к народной поэзии, которые были характерны для декабристов. В этом плане понятно и его совпадение с Пушкиным в понимании народности. Белинский, как и декабристы, как Пушкин, как ранее Радищев, прежде всего искал в народной поэзии элементов протеста, элементов, свидетельствующих о народном достоинстве и наличии в народе сил для своего освобождения. Поэтому-то Белинский, сурово осудивший «сказки» Пушкина, с глубочайшим восторгом приветствовал «Песнь о купце Калашникове» Лермонтова, в которой, по

его мнению, поэт показал себя подлинным и истинным певцом народности. Поэма Лермонтова, по определению Белинского,— «создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное». Лермонтов в ней, уверяет Белинский, выразил подлинное ощущение народности лучше, чем сами безымянные творцы народных произведений. Они были слишком связаны «с веющим в них духом народности; они не могли от нее отделиться, она заслоняла в них саму же себя»; Лермонтов же творчески преодолел ее влияние, он подошел к ней не как раб, но как властелин, он показал «свое родство с нею, а не тождество», и потому сумел поднять ее в более высокие сферы духа. «Он показал этим только богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества; показал, что и прошедшее его родины так же присуще его натуре, как и ее настоящее» (VI, 35). По этой же причине из всех пушкинских сказок Белинский выше всего ценил балладу «Жених», видя в ней проявление тех же чувств протеста против быта и отказа от безусловного ему подчинения.

В последнем разделе своей статьи Белинский говорит о собственно лирической поэзии, в которую он включает не только семейные песни, но, как это принято и теперь, и балладные песни типа песен о Дмитрии и Домне.

Характеристика лирических песен, которую дает Белинский, принадлежит к числу лучших страниц, посвященных им народной поэзии, и, быть может, к одним из самых проникновенных по своему взволнованному пафосу во всей фольклористической литературе. В отличие от эпической поэзии, в которой преобладают мотивы удальства, отваги, молодечества, в народной лирике преобладает заунывность, тоска, грусть сильной и мощной души; нередки в ней также мотивы отчаяния и ожесточения. Причины этого Белинский видит в особенностях исторического развития России, а также в ее климате и географическом положении. «Междуусобия и темное владычество татар, которые приучили русского крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь, и все свое скудное достояние — чужою собственностию, ежеминутно готовою отойти во владение первого, кто, с железом в руке, вздумает объявить на нее свое право... Далее кровавое самовластительство Грозного, смуты междуцарствия,— все это так гармонировало и с суровою зимою, и с свинцовым небом холодной весны и печальной осени, и с бесконечностью ровных и однообразных степей. Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым его пóтом, то пустое, незасеянное или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою боярина...» (VI, 476). Особенно подчеркивает Белинский суровость семейного быта древней Руси, являющегося «первым и непосредственным источником народной поэзии». При таких условиях вполне понятно, что в наших песнях преобладают грустные тона.

Белинский здесь в н е ш н е совпадает со славянофилами, в частности с Бодянским, который сходным образом объяснял причины «заунывности» русских песен. Некоторые выражения и формулировки Белинского прямо напоминают соответственные высказывания Бодянского. В рецензии на сборник Коллара («Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии...») Бодянский писал, характеризуя песню «северных руссов»: «Разве вы забыли место жительства, этот хладный, нестерпимо тяжелый, нерадостный, печальный, скупой Север, с его вечно насупленными бровями, вечно кислым лицом, с его мрачными, дебристыми лесами, пасмурным небом, и в праздник и в будни белым саваном, с его бедною, пустынною, чахлою природою, с его необозримыми песками, топями и болотами, лениво тянущимися на несколько сот верст, с его всеобщею обычною скудостию? Разве вы забыли курные избы его обитателей, их бесцветное настоящее,

прочитали что дурьевки скорописчатъ, по- 3
слали въ Казань на мировой дворъ, хо-
тому часу, зелену вину. Въ началѣ
былъ Костя Новоторженинъ: Василий
тутъ его опробовалъ — сталъ его бить по буйной
головѣ червленымъ вязомъ во двенадцать
пудъ; стоитъ тутъ Костя не
шевельнится, и кудри на буйной
головѣ кудри не тряхнутся. И
назвалъ Васька его Костю своимъ
братомъ названымъ — паче брата
родимаго. А и мало время поза-
мешкавши, пришли Лука и Моисей
дѣти боярскіе, а Василий молодой
с ними радошенъ и веселешенекъ. При-
шли тутъ мужики Залешена (?) —
и не смели Васьки похвалиться хо-
ромъ. Еще тутъ пришло семь братовъ
Сбродовичи — собиралися, сходилися
тридцать молодцовъ безъ единаго —
онъ самъ Василий тридцатый былъ.
Какой придетъ — убьютъ его, убьютъ то-
го, за ворота бросятъ. Послышалъ
Васинька: у мужиковъ новогородскихъ
канунъ варенъ, пива ячныя; пошелъ
Василий со дружиною, пришелъ во
братчину въ Никольщину. «Не малу
мы тебѣ свыть (?) платимъ: за всякаго
брата по пяти рублевъ». [А и тотъ-
то староста церковный принималъ
ихъ во братчину въ Никольщину; а и
зачали они тутъ канунъ вареной пить,
а и то-то пива ячныя.

(Васька и его молодцы бро-
саются на чужихъ хобахъ, — и все-
же возвращаются въ Никольщину добро-
вольно.)

А и будетъ день къ вечеру; отъ малаго до
стараго, начали ужъ ребята боротися,

[А за себя Василий даетъ пятьдесятъ рублевъ.

АВТОГРАФ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ, 1841 г.

Лист третий

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

их нищенский быт, их сидячее, отшельническое, сжатое крепко на-крепко морозами житье, для коих лучинушка да корец квасу с ломтем черствого хлеба, да луковка — рай земной? Вы забыли этот горемычный, бесприветный, чуждый всякой людскости Север — царство зимы, вьюг, мятелей и буранов»[26] и т. д.

Но Белинский придавал этим факторам иной смысл и иную трактовку. Там, где Бодянский видел некую гармонию, Белинский усматривал трагедию; Бодянский в идиллических очертаниях изображал старый семейный быт древней Руси, являющийся «главнейшим источником народной поэзии»,— Белинский же, со своих позиций революционного просветительства, видел в нем явление, которое «трудно понять» и которому «трудно поверить». Бодянский считал, что народ отказался от участия в политической жизни, предоставив все государям; сам же народ «не был действователем»,— Белинский категорически снимает всякого рода утверждения о пассивности русского народа, о его отказе от участия в политической жизни; он признает только, что активная сторона народного характера, определившая главную черту русского народного эпоса, не нашла отражения в народной лирике: «Русская эпическая поэзия как будто совсем обошла и миновала семейный быт, посвятив себя преимущественно идее народности в общественном значении»,— лирическая же поэзия вся целиком посвящена семейному быту и «вся выходит из него». Отсюда и их различный характер.

Но тут же Белинский дает совершенно иную интерпретацию мотивов тоски и грусти в русской народной поэзии, решительно расходясь в этом отношении и с Бодянским и другими авторами, писавшими о народной песне. Страницы, посвященные Белинским анализу сущности и значения мотива грусти в русской лирике, поражают своей проникновенностью, глубиной и силой страстного чувства: здесь сказались и глубочайшая вера Белинского в русский народ и его будущее, и его восхищение перед волнующей и пленительной русской народной песнью. «...Грусть русской души,—пишет Белинский,—имеет особенный характер: русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем, не упивается ее муками с полным сосредоточением всех духовных сил своих. Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой. Все, что могло бы обессилить и уничтожить всякий другой народ, все это только закалило русский народ,— и то, что́ сказал Пушкин о России в ее отношении к ее борьбе с Карлом XII, можно применить к Руси в отношении ко всей ее истории:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Белинский придавал исключительное значение мотиву грусти в народной поэзии. В статье 1841 г. о народной поэзии он говорит о нем только вскользь и ограничивается лишь краткой характеристикой «русской грусти» в связи с общим характером русских лирических песен, но в статье о «Деяниях Петра Великого» Голикова он более подробно развивает свою мысль. Он объявляет мотив грусти общим для всей русской поэзии: и народной и художественной,— и считает, что именно в нем выражается то общее, что «связывает простонародную поэзию с поэзией национальной» (VI, 185; XII, 265). Сильнее всего это проявилось в поэзии Пушкина.

Пушкин, — утверждает Белинский,— национален не в своих «сказках», где он выступает только подражателем, но там, где ему удается воплотить в своих стихах грустный тон русских песен. Таким образом, грустный тон нашей народной поэзии возвышает ее над уровнем узко-народного, т. е.

простонародного, и переводит ее в сферу общенациональную. Народная поэзия принадлежит к тем же «субстанциональным свойствам русского народа», как и другие черты его характера: бодрость, смелость, находчивость, переимчивость, молодечество, удальство, разгул. А эти черты характерны не только для человека древней Руси, но и для современного человека. Современный русский образованный человек родной брат тому, «который некогда, приложив руку к уху, певал богатырским голосом на весь божий мир: „Высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота океан-море?“» и т. д. (XII, 265).

Таким образом, статья 1841 г. о народной поэзии, которая так часто представлялась и представляется отрицанием художественного значения русской народной поэзии, проявлением неуважения к духовному богатству народа и выражением некоей культурной гордыни, в действительности оказывается одной из самых пламенных и страстных в русской литературе деклараций, свидетельствующих о преклонении Белинского перед великими силами народа и его поэзией. Не впадая в преувеличение, можно смело сказать, что ни до, ни после Белинского в русской литературе не было такой проникновенной статьи о русском народном творчестве в целом, исполненной такого пафоса и такого чуткого внимания к ее красоте и силе поэтического чувства [27].

V

В статьях о народной поэзии 1841 г. и в рецензии (того же года) на книгу Голикова конкретно раскрываются эстетические критерии, с которыми подходил к народной поэзии Белинский. Они вытекают из его общего понимания народности. «Только та литература истинно-народная, которая в то же время есть литература общечеловеческая, которая в то же время и народна. Одно без другого существовать не должно и не может» (VI, 308). Белинский неизменно подчеркивает ограниченность возможностей народной поэзии. Русские песни, созданные народом, он считал ниже песен Кольцова, а былины и исторические песни уступающими по красоте и силе «Песне про купца Калашникова». Это потому, что красота и сила народных песен отражают только отдельные «элементы народного духа и поэзии», тогда как для совершенного произведения нужна единая, обобщающая идея, которая и создает «цельность, единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы» (X, 285—286). Эту идею может внести только поэт. Поэтому так велик Лермонтов, поэтому «Жених» Пушкина выше народных баллад, которые лежат в его основе. Этим же определяется и значение Кольцова: он слил свою жизнь с жизнью народа, охватил все ее стороны, впитал в себя весь народный быт и народные формы его изображения, но, вместе с тем, он поднялся над ним и сумел перенести его в «высшую сферу». В произведениях Кольцова народная поэзия «уже перешла через себя и коснулась высших сфер жизни и мысли».

Наиболее четкое выражение мыслей Белинского по этому вопросу мы находим в его позднейшей статье «Мысли и заметки о русской литературе» (1846). Определяя общеисторическое и общенациональное значение великого поэта и выясняя соотношение личного таланта и исторической обстановки, он писал: «Содержание дает поэту жизнь его народа, следовательно достоинство, глубина, объем и значение этого содержания зависят прямо и непосредственно не от самого поэта и не от его таланта, а от исторического значения жизни его народа» (X, 142). В этой формуле ключ и к основной концепции Белинского о сущности народной поэзии. Ее сравнительная бедность по отношению к творчеству великих писателей находит объяснение, по Белинскому, в относительной скудости идейного содержания народной жизни: народная поэзия связана и ограничена бытом.

В статьях 1841 г. Белинский подытожил и свел в единую систему все свои мысли и суждения о русской народной поэзии и народной поэзии вообще. В статьях последующих лет он касается этой темы только вскользь по различным поводам, оставаясь неизменно на тех же позициях. Из статей этого периода, затрагивающих, в той или иной степени, эти проблемы, следует назвать: статьи о стихотворениях Кольцова (1843 и 1846); рецензии (1844) на книгу Евлампиоса «Амарантос», на диссертацию Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» и на брошюру Н. Полевого «Старинная сказка об Иванушке-дурачке»; обзоры «Русская литература в 1844 году» (1845), «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (1847), «Мысли и заметки о русской литературе» (1846); рецензию на «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» (1847), заметку о книжке «Повести для детей» (1847), рецензию на книгу М. Эмана «Главные черты из древней финской эпопеи Калевалы» (1847), рецензию на четвертую книжку «Сельского чтения», издаваемого В. Одоевским (1843), пятую (1844), восьмую (1844) и одиннадцатую (1846), статьи о Пушкине, рецензию на «Историю Малороссии» Маркевича (1847), несколько рецензий разных лет о сказках 1001 ночи и некоторые другие.

Эти позднейшие статьи наиболее часто привлекались в качестве «ярких примеров» отрицательного отношения Белинского к народной поэзии,— в особенности такие статьи, как рецензия на книгу Костомарова, суждение о Калевале и т. п. И в самом деле, из этих статей можно привести не малое количество цитат, которые, на первый взгляд, как будто, оправдывают такого рода выводы. Однако в действительности вопрос гораздо сложнее, и более внимательный анализ выяснит полное единство статей 1843—1847 гг. со статьями 1841 г. Все это говорит о недопустимости выводов на основании отдельных, изолированных цитат, в отрыве от целостного контекста и всей системы мыслей Белинского, выраженных не в одной, но в ряде статей на близкие темы. Пожалуй, наиболее резким тоном по отношению к народной поэзии отличается рецензия 1844 г. на книгу «Амарантос, или розы возрожденной Эллады» Георгия Евлампиоса. В ней Белинский, кратко формулируя основные этапы развития литературы, писал: «Псевдоклассики... жестоко ошибались, забывая, что всякий возраст имеет свою поэзию и что у народа, как и у частного лица, есть свое время младенчества, юности и возмужалости; сверх того, они не знали, что в детском лепете народной поэзии хранится таинство народного духа, народной жизни и отражается первобытная народная физиономия. Псевдоромантизм, возникший в начале XIX века, убил французский псевдоклассицизм. Тогда все европейские литературы, по закону диалектического развития мысли, перешли в противоположную крайность: народные песни и сказки сделались предметом безусловного уважения и начали возбуждать неосновательный восторг... В то же время все бросились собирать свои народные песни и переводить чужие. Все это было очень полезно во многих отношениях; но, тем не менее, крайность была смешна. Слава богу, теперь это народное беснование уже прошло: теперь им одержимы только люди недалекие, которым суждено вечно повторять чужие зады и не замечать смены старого новым...» и т. д. (VIII, 454—455. Разрядка наша.— *М. А.*). Здесь Белинский как будто высказывается уже против необходимости дальнейшего собирания фольклора. Однако в написанной, примерно, на месяц позже рецензии об «Иванушке-дурачке» Полевого он вновь подчеркивал полезность и важность собирания народных песен и сказок. «Все согласились в том,— пишет он в этой рецензии,— что в народной речи есть своя свежесть, энергия, живописность, а в народных песнях и даже сказках—своя жизнь и поэзия, и что не только не должно их презирать, но еще и должно их собирать, как живые факты истории языка, характера народа» (VIII, 534).

В этой же статье (об «Иванушке-дурачке» Полевого) Белинский раскрывает и причины страстности своего тона в высказываниях на данную тему. Это — ответ на интенсивную деятельность реакционного фронта. Та широкая мобилизация фольклорных материалов, которую проводили «Москвитянин» и, особенно, «Маяк», не могла не вызвать серьезнейшего

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ КОЛЬЦОВА «ЖАЛОБА», ПОСВЯЩЕННОГО БЕЛИНСКОМУ

В печати это стихотворение 1840 г. известно под названием «Расчет с жизнью»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

беспокойства со стороны Белинского. Он видел, что народная поэзия становится одним из сильнейших орудий в руках реакции, и считал совершенно необходимым дать решительный отпор таким тенденциям в литературе и науке. Отрицательное отношение Белинского к диссертации Костомарова, несомненно, вызвано прежде всего восторженными отзывами о нем реакционных журналистов; к тому же, в данном труде Костомарова

звучали и нотки монархических тенденций. Совершенно правильно уловил Белинский и реакционный характер вычурной книжки «Амарантос, или розы возрожденной Эллады». Примыкая внешне к филэллинистическому направлению в русской и мировой литературе, книга Евлампиоса, однако, являлась в значительной степени ревизией позиций ранних авторов (Фориэль, Лемерсье и др.). В ней были совершенно вытравлены политические мотивы, и сам автор упрекал Фориэля за включение в его сборник боевых политических песен. Резкость же рецензии на перевод книги М. Эмана (XI, 57—62) вызвана, бесспорно, чрезмерно панегирическим тоном автора и его превознесением «Калевалы» над поэмами Гомера.

Усиление реакционных тенденций в постановке и трактовке проблем народной поэзии заставило Белинского еще раз вернуться к проблеме народной поэзии и народности, что и было им выполнено в рецензии на четвертую книжку «Сельского чтения» — рецензии, принадлежащей, вообще, к числу важнейших памятников в литературном наследии великого критика. В ней Белинский дает отпор, с одной стороны, славянофильским концепциям, а с другой — тем «космополитам» из либерального лагеря, которые в своей критике славянофильства приходили, в конечном счете, к отрицанию самой идеи народности, как, например, Валерьян Майков, или народной культуры в целом, как В. Боткин.

Рецензия 1847 г. на «Сельское чтение» — ответ тем и другим. Полемизируя с концепцией единого народного духа и подчеркивая наличие общественных противоречий, вне которых немыслимо постигнуть сущность народной жизни, Белинский указывает — в противоположность «мистическим философам», т. е. славянофилам — на невозможность какой-то единой всеобъемлющей формулы народности: «...стихия народной жизни, то, что̀ называется народностию, национальностию, никогда не может быть выговорена несколькими словами» (XI, 161).

Подобно славянофилам, Белинский также признает, что низшие классы в государстве, т. е. собственно н а р о д, — в противоположность средним и высшим сословиям, «которые составляют о б щ е с т в о», — являются «хранителем сущности, духа народной жизни»; это для него — «истина несомненная» (XI, 160). Но он требует строгого учета всех, имеющихся в народной жизни, противоречий. По своей сущности, народ всегда представляет силу «охранительную», «консервативную». В этом причина противодействия народа движению прогресса, но вместе с тем в этом же свойстве народа условие прочности принятых народом «результатов исторического развития», ибо народная жизнь «никогда не примет ничего несвойственного и, стало быть, вредного ей» (т а м ж е, 161).

Вопрос о роли и значении народных масс как фактора исторического развития стал во второй половине 40-х годов одной из кардинальнейших проблем общественной мысли. В своих лекциях и статьях Грановский неоднократно останавливался на вопросе об организующей роли великих людей — подробнее всего в статье, посвященной книге французского ученого Ф. Мишеля «История проклятых пород во Франции и Испании» (L'histoire de races maudites de la France et de l'Espagne. Paris, 1847). Основной тезис Грановского заключался в утверждении, что «массы коснеют под тяжестью исторических и естественных определений» и только отдельная личность «силою мысли» может от них освободиться. В этом разложении масс мыслью и заключается, по Грановскому, прогресс истории [28].

Статья Белинского о «Сельском чтении» в значительной степени является ответом Грановскому. Грановский, в сущности, отрицал творческую роль народных масс в историческом развитии. Белинский стремится установить подлинное соотношение основных исторических сил. Признавая огромную роль за передовыми деятелями, принадлежащими к образованной верхушке

общества, Белинский подчеркивает необходимость их органической связи с народом. «Личность вне народа есть призрак» и «народ вне личности есть тоже призрак». «Одно условливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы». Из этого положения вытекает для Белинского и программа общественной деятельности. Он с негодованием отвергает суждения реакционеров, которые «презирают народ, видя в нем только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений,— говорит он,— это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе» (XI, 162). Вместе с тем Белинский отметает и всякого рода либеральные разглагольствования (вроде суждений Боткина и его единомышленников): «жестоко ошибаются и те, кто, искренно любя народ и сочувствуя ему, все же утверждает, что народ совершенно необразован и что у него вовсе нечему учиться». Но самую крупную ошибку совершают люди, думающие, что «народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов и что он может от них только портиться нравственно». Это относится уже всецело к славянофилам. «Нет, господа мистические философы,— восклицает Белинский,— нуждается да еще как! Народ — вечно ребенок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителен, человек и зверь» (там же). Белинский рассматривает народ, как силу непосредственную; это сила «великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слепая в ее торжественных проявлениях» (XI, 163). Народ нуждается в просвещении, в усвоении культуры, «как ребенок нуждается в перенимании от взрослых». Важно только, чтоб при этом руководстве «не забыть народа» и не навязывать ему того, что противоречит его историческому развитию и органическому росту.

Белинский завершает свои суждения о народной поэзии признанием закономерности исторического развития народа, утверждением необходимости считаться с результатами этого развития и признанием значения народной культуры. Это определяет, в конечном счете, и его понимание народной поэзии, в которой он всегда видел выражение основной сущности народной культуры и народной жизни.

Эти утверждения (об историческом развитии народа, о народной культуре, о взаимоотношениях народных масс и образованных классов и т. д.) приобретают особое значение и особую направленность, если учесть, что они сделаны в период «Письма к Гоголю». Это обстоятельство позволяет осмыслить и то, что Белинский не мог сказать в журнальной статье по цензурным соображениям. Из «Письма к Гоголю» ясно, в чем видел Белинский сущность и смысл дальнейшего исторического развития народа, как он понимал сущность «уроков» народу со стороны образованных классов и что противоречило в его глазах историческому развитию и органическому росту народа.

Но Белинский еще не мог подняться до четких формулировок позднейших революционных демократов, которые видели в народных массах основной фактор исторического процесса. Сознание трагических противоречий народной жизни и того, что революционные продолжатели и последователи Белинского называли крестьянской пассивностью, заставляло Белинского с наибольшей силой подчеркивать отсталые стороны народной жизни и народной культуры. Отсюда и те характерные для раннего революционного просветительства оговорки и даже порой некоторые противоречия во взглядах на народную поэзию.

Таким образом, во взглядах Белинского на фольклор есть и свои сильные, и свои слабые стороны. Ошибки его легко вскрываются и объясняются при историческом подходе к науке о фольклоре. Не замалчивая этих оши-

бок и преодолевая их, мы берем и осваиваем в наследии Белинского то великое и ценное, что внес он в дело изучения русской народной словесности. Он видел в ней проявление различных сторон народной жизни со всеми ее социальными и нравственными противоречиями. Он поставил вопрос о необходимости дифференцированного отношения к народному творчеству и тем самым нанес решительный удар по односторонним интерпретациям, которые шли из рядов славянофильской и реакционной критики. Особенно стремился он разрушить установленную славянофилами легенду о смирении, как главнейшей особенности русского характера, отраженной в фольклоре. В печати он мог только очень осторожно, намеками указывать на этот момент. Так, например, когда Шевырев в одной из своих статей подчеркнул наличие в творчестве Кольцова «наклонности к философско-религиозной думе», связывая это с чертой, которая «таится в простонародьи русском», Белинский сумел кое-как протащить сквозь цензурные рогатки возражение, которое, конечно, не раскрывало до конца его подлинных мыслей. В статье «Литературные и журнальные заметки. Несколько слов Москвитянину» он писал: «Неправда: где доказательства этого элемента в нашем простонародии? Уж не в народной ли русской поэзии, где его нет ни следа, ни признака?» (VIII, 285). Но с предельной ясностью он высказался по этому поводу в «Письме к Гоголю»: «По вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать». И далее: «Русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем»[29].

Мысли Белинского о народной поэзии подверглись, как было указано, грубому искажению у его прямых идейно-политических противников и у тех представителей буржуазного либерализма, которые выдавали себя за последователей великого критика. На его авторитет и суждения пытались опереться, в частности, и представители тех «космополитических» течений в общественной мысли, которые отрицали народную культуру и не верили в творческие силы народа. В этой путанице и фальши, созданной реакционной и либерально-буржуазной критикой вокруг имени Белинского, источник тех ложных представлений о его взглядах на фольклор, которые так долго господствовали и в академической науке. Правильную интерпретацию и дальнейшее развитие воззрения Белинского на народную поэзию впервые получили у вождей революционной демократии 60-х годов — Чернышевского и Добролюбова, а тем самым они оказали и огромное творческое воздействие на дальнейшее развитие науки о фольклоре.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. Бураковский. Русская народная поэзия и Белинский. СПб., 1871.

[2] Там же, стр. 24.

[3] А. С. Архангельский. Введение в историю русской словесности. Казань, 1915, стр. 212 и сл. О «литературном доктринерстве» Белинского в вопросах народной поэзии писал также Н. Трубицын в книге: «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века». СПб., 1912, стр. 437—442 и мн. др.

[4] «Отеч. зап.», 1871, № 7.

[5] М. Филиппов. Гегель и Белинский об искусстве.— Сб. «Памяти В. Г. Белинского», М., 1900, стр. 105.

[6] Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIII, М.—Л., стр. 180.

[7] Там же, стр. 183—189.

[8] «Литературный критик», 1936, № 7.

[9] Стихотворение «Русская быль», первое печатное произведение Белинского, появилось в маленьком журнальчике «Листок» (1831, № 40—41). Ср. «Полное собр. соч.

Белинского», т. I, стр. 146—147. Венгеров сопроводил текст обширным комментарием, в котором доказывал, что «Русская быль» не имеет ничего общего с русской народной поэзией. Это совершенно неверно. Сюжет «Русской были» соответствует ряду народных баллад. См. «Русская баллада». Предисл., ред. и прим. В. И. Чернышева.— «Библиотека поэта», Л., 1936.

[10] Это выделение Франции удачно объяснено П. И. Лебедевым-Полянским в его книге «В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность» М.—Л., 1945: «Это исключение для Франции критик сделал потому, что перед ним ярко и живо вставали картины французской революции, картины движения масс, уничтожения феодализма, картины избавления народа от рабства. Критик понимал, что французская революция 1789 года, хотя и была буржуазной, но несла народу, правда не полное, но определенное освобождение» (назв. соч., стр. 127).

[11] См. нашу статью «Фольклоризм Лермонтова».— «Лит. наследство», т. 43—44, стр. 231—233.

[12] «Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840». М., 1914, стр. 276.

[13] Там же, стр. 754.

[14] Более подробно см. в названной выше статье «Фольклоризм Лермонтова». Воззрения любомудров на «народность» и «простонародность» своеобразно отразились у Венелина. В книжке «Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности» (М., 1834) Венелин нарочито указывает, что «слово народный не следует смешивать со словом простонародный» (стр. 32), разъясняя это на примере происхождения песни: «песня всегда зарождалась в самой благородной части народа, т. е. в той, где было более жизни и чувствований» (там же). Белинскому чуждо такое противопоставление.

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 26—34.

[16] К статье о сборнике Кирши Данилова Белинский приступил, как можно думать, еще в конце 30-х годов. Основанием для такой гипотезы служит для нас незаконченная статья «Общий взгляд на народную поэзию и ее значение» (VI, 548—552). Этот набросок был сперва опубликован Кетчером («Сочинения Белинского», изд. К. Солдатенкова, т. XII), рассматривавшим его как «позднейшую переделку» первой статьи 1841 г. Венгеров отверг это предположение и считал данный отрывок началом какой-то «написанной совершенно заново» статьи (VI, 635). Однако и он считал эту статью более поздней, относящейся к периоду 1841—1848 гг. Но более вероятно считать этот набросок ранней редакцией первого очерка из цикла статей 1841 г. о народной поэзии. По характеру же своему, по терминологии, по выражению основных положений он примыкает к кругу статей 30-х годов. Очевидно, замысел дать специальный очерк о сущности народной поэзии и определение понятия «народность» возник у Белинского вслед за появлением «Литературных мечтаний», однако по каким-то причинам он оставил этот замысел, и позже, вновь вернувшись к этой теме, использовал первые строки прежнего наброска. Возможно, что эта статья — есть первый набросок статьи о сборнике Кирши Данилова, о которой он неоднократно упоминал в старых статьях 1839—1840 гг.

[17] «Памяти Белинского...», стр. 105.

[18] Очень четко выражены мысли Белинского по этому вопросу в статье «Ничто о ничем»: писатель может описать «всю отвратительность низших слоев народа, кабака, площади, избы, словом черни, но никогда не уловит жизни народа, не постигнет его поэзии...» (II, 357).

[19] Опубликовано в виде двух статей в «Отеч. зап.», 1841, № 4 и 5; в «Полном собр. соч.» под ред. С. А. Венгерова они помещены в т. VI (стр. 118—143 и 179—198); обе эти статьи были совершенно искалечены «цензурным синедрионом» (по выражению Белинского), особенно пострадала вторая («Отеч. зап.», 1841, № 5), которая являлась наиболее важной для Белинского, так как именно в ней он высказал ряд принципиальных соображений о сущности русской культуры и роли реформ Петра. Как сообщал в письме к Боткину Белинский, «ее напечатана только треть, и смысл весь выключен». В VI томе «Полн. собр. соч.» С. А. Венгеров воспроизвел текст по журнальной публикации. Но в т. XII того же издания данная статья напечатана вторично (В. С. Спиридоновым) по рукописи, обнаруженной Н. О. Лернером в архиве Юргенсона (см. т. XII, стр. 256—291). Все цитаты из этой статьи нами приводятся по т. XII «Полн. собр. соч.». Подробное описание рукописи Белинского см. во втором томе настоящего издания.

[20] Н. Г. Чернышевский. Сочинения. Т. I. СПб., 1918, стр. 252.

[21] Впервые обратил внимание на эту сторону статьи Белинского М. Филиппов.

[22] В ряду новгородских былин Белинский рассматривает и сахаровскую былину об «Анкудине», которая является, как было выяснено последующей критикой, грубой подделкой; в этой былине Белинский также усматривал выражение поэтической и глубокой мысли. Особенно тронуло критика «последнее слово изгнанника», в котором тот благословляет «неправую, но все же милую родину». Сахаровский сборник тогда только что вышел, и Белинский, конечно, не мог еще сомневаться в подлинности включенных в него текстов. На «былину» об Анкудине он ссылается (не называя источника) и в рецензии на книгу Голикова, рассматривая ее, как своеобразную поэтизацию старины (XII, 288).

[23] Белинский отчетливо представлял, между прочим, и процесс дальнейшего бытования в народе былин. «Начались они <былины>, вероятно, во времена татарщины, если не раньше... Потом, каждый век и каждый певун <во время Белинского еще не было термина «сказитель»> или сказочник изменял их по своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то переиначивая старые. Но сильнейшему изменению они подверглись, вероятно, во времена единодержавия в России» (VI, 382). И в другом месте, говоря о многочисленных анахронизмах и несообразностях, встречающихся в былинах, он замечает: «Это служит новым доказательством нашей мысли, что эти поэмы или сложены были во время татарщины, если не после ее (а от старины воспользовались только мифическими, смутными преданиями и именами), или что они были переиначены во время или после татарщины» (там же, 392).

[24] См. нашу статью «Декабристская фольклористика» — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1948, № 1.

[25] В. И. Ленин. Соч. Изд. 3-е. Т. XVII, стр. 341.

[26] И. Бодянский. О словацких песнях. Статья 2-я; «Московский наблюдатель», 1835, ч. IV. Критика, стр. 581.—Белинский очень сочувственно отметил эту рецензию как заключающую в себе «много дельных и чрезвычайно любопытных фактов касательно своего предмета» (II, 501; в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя"»). Белинскому, несомненно, импонировала и та характеристика народной песни, которую давал Бодянский. «Песня — выражение духа народного; журнал, в котором народ записывал все, что сколько-нибудь относилось к нему, сколько-нибудь его занимало, шевелило, трогало» (И. Бодянский. Назв. соч., стр. 578).

[27] Что же касается отдельных частностей, приводившихся некоторыми исследователями и критиками в качестве бесспорных примеров отрицательного отношения Белинского к народной поэзии, вроде знаменитого выражения, что «одно небольшое стихотворение истинного художника выше всех произведений народной поэзии вместе взятых» (VI, 310) или «народная поэзия только для охотников» (XI, 61) и т. п.,— то, конечно, их приходится рассматривать только как гиперболическое и полемическое подчеркивание и заострение основной мысли. Это — полемический ответ на противоположные утверждения: о превосходстве народных песен и сказок над всеми произведениями художественного творчества. Такой тезис выдвигали еще романтики, например Як. Гримм, для которого «любая народная мифология» была выше всех произведений Гете; такого типа суждения были весьма распространены; очень часто они являлись выражением борьбы против всего прогрессивного в литературе, как это было одно время и у нас, когда под знаком «подлинной народности» велась борьба с Пушкиным и Лермонтовым. Относящиеся сюда факты подобраны в той же статье А. П. Скафтымова (назв. соч., стр. 150). Такого рода суждения и резкие приговоры Белинского были ответом на наступление «сермяжной народности», выражение которой он видел в статьях «Маяка», в подражаниях народным сказкам Полевого и тому подобных фактах.

На неправильность буквального понимания подобных заявлений Белинского указывал и М. Н. Сперанский (М. Н. Сперанский. История русской литературы XIX в. Записки слушателей. М., 1914, стр. 251). Сперанский возражал и против причисления Белинского к отрицателям народной поэзии: «он не открещивается от нее, а только указывает ей надлежащее место в литературном обиходе современности» (там же).

[28] Т. Н. Грановский. Историческая литература во Франции и Германии в 1847 г.— Сочинения. Т. II. М., 1866, стр. 192—200.

[29] В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С предисл. С. А. Венгерова. Библиотека «Светоча», под ред. С. А. Венгерова, № 5, изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 14.

Здесь же Белинский попутно называет еще один большой раздел русского фольклора, о котором, по вполне понятным причинам, он не смог даже слегка упомянуть в печати, а именно: сказки о попах. «Неужели же, в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника» (там же, стр. 14). Прямым отзвуком этому замечанию Белинского представляются нам известные строки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные
И всякую хулу?

Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?

и т. д.

БЕЛИНСКИЙ И КЛАССИЦИЗМ

Статья П. Беркова

В критической и историко-литературной деятельности Белинского классицизм принадлежал к числу тем, которых ему особенно часто приходилось касаться. Говорит ли он о романтизме — неизбежно возникает у него речь о направлении, которому романтизм противостоит и с которым борется, т. е. о классицизме. Обосновывает ли Белинский принципы «натуральной школы» — в поле его зрения обязательно входит классицизм как то течение, серьезно считаться с которым, при всей его одряхлелости и неактуальности, все же необходимо. Развивает ли Белинский свой взгляд на истинное искусство, подлинную поэзию — по контрасту он характеризует риторическое направление в жизни и поэзии, т. е. опять-таки касается классицизма. Наконец, обращаясь к оценке русской и европейской литературы XVIII в. (западной, точнее, французской, также и XVII в.), анализируя творчество отдельных писателей этого периода, Белинский все время помнит, хотя не всегда называет при этом, классицизм. Таким образом, можно без преувеличения сказать, что классицизм является понятием, неизменно присутствовавшим в эстетической системе Белинского и заставлявшим его достаточно много времени уделять изучению этого литературного направления и размышлениям о нем. Но замечательно, вместе с тем, что специальной статьи классицизму Белинский не посвятил и вообще нигде окончательно своей точки зрения на классицизм не изложил. В результате этого можно лишь по отдельным его замечаниям, по ряду более или менее подробных высказываний попытаться представить «классицизм» в понимании Белинского и определить отношение великого критика к этому литературному явлению.

Когда Белинский начинал свою литературную деятельность, классицизм являлся для него в известной мере еще живым элементом литературной современности. Именно на классицизм, на «авторитеты» XVIII в. пытались опереться теоретики-«староверы» в своей борьбе с реализмом в русской литературе. В первую половину деятельности Белинского классицизм еще не мог быть для него материалом исторического изучения, а являлся объектом острой и злободневной борьбы. Отсюда резкость и непримиримость многих суждений Белинского о классицизме и о писателях XVIII в. Утверждая значение пушкинского творчества, а затем и гоголевского направления для русской литературы, Белинский стремился не столько исторически объяснить классицизм, сколько окончательно его ниспровергнуть как отжившее литературное течение. Отсюда неизменно боевой полемический тон Белинского по отношению к классицизму и к литературному наследию XVIII в. вообще. Только к середине 40-х годов, когда преобразовательная роль Пушкина для русской литературы стала неоспоримым фактом, когда можно было говорить о победе и гоголевского направления, Белинский стал подходить к классицизму и его представителям уже с исторической точки зрения.

В литературе о Белинском с давних пор сложилось убеждение, что великий критик относился к классицизму вообще резко отрицательно, за-

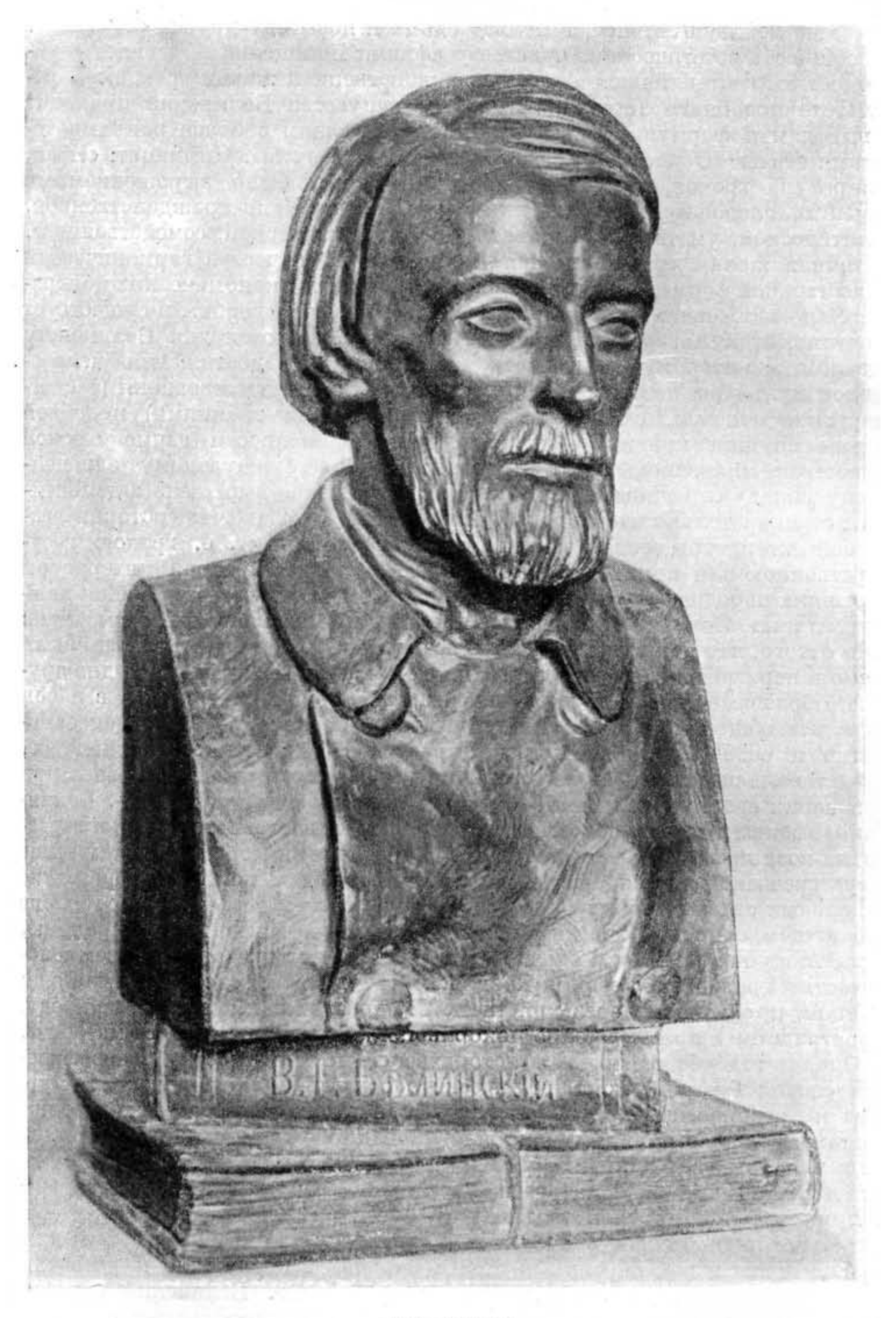
клеймив его кличкой «ложноклассицизм» или «псевдоклассицизм», и что раз навсегда сложившееся у Белинского мнение об этом течении в дальнейшем не изменилось. Анализ фактического материала не подтверждает этого мнения. Как и ряд других литературно-эстетических понятий, понятие «классицизм» прошло у Белинского ряд ступеней — от полного и резкого отрицания этого направления до признания его неизбежным и закономерным моментом в истории литературы.

Однако правильно понять и истолковать трактовку Белинским классицизма как литературного явления XVII—XIX вв. можно только уяснив его отношение к античности, к миру классической древности.

I

В сознании Белинского с самого начала его критической деятельности и до ее конца присутствовала остававшаяся внешне почти неизменной, но на самом деле значительно развивавшаяся и углублявшаяся, высокая оценка античной культуры, античной литературы.

Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский несколько раз апеллирует к «этому вечному старцу Гомеру», который «был естествен в своих творениях», который «ревностно изучал природу и жизнь» и «сосредоточил в лице своем всю современную мудрость». Более развернутую характеристику греческой поэзии дает Белинский в статье «О русской повести и повестях Гоголя». Здесь для него грек — воплощение первобытного человечества, «во всей полноте кипящих сил, во всем разгаре свежего, живого чувства и юного, цветущего воображения». В греческой поэзии нельзя, по мнению Белинского, искать личного начала, «человека с его свободною волею, его страстями, чувствами и мыслями, страданиями и радостями, желаниями и лишениями»; нельзя искать по той причине, что грек «еще не сознал своей индивидуальности, ибо его Я исчезало в Я его народа, идея которого трепещет и дышит в его поэтических созданиях» (II, 190). Этот элемент «народности», «публичности» греческой культуры Белинский настойчиво подчеркивает и в последующие периоды своей деятельности. В статье «Общее значение сло́ва литература» Белинский подробно характеризует эллинское искусство, которое, — пишет он, — по понятию греков, «было представлением, в грандиозных образах, явлений идеальной жизни — род религиозно-государственного представления, героем которого была национальная жизнь» (VI, 522). Эта полнота народной жизни, выраженной в искусстве, являлась, по мнению Белинского, сутью и нервом греческого гения. «Причиною такого в высшей степени прекрасного и человеческого зрелища, единственного, какое когда-либо представляла собою народная жизнь, был национальный дух древней Эллады — первобытной родины изящной гуманности». Античное общество представляется Белинскому в крайне идеализованном виде, в соответствии с тогдашним состоянием социальной и экономической истории древнего мира. Он признает, что в Афинах не было равенства состояний и даже равенства просвещения, но в то же время он с удовлетворением говорит о том, что будто в тех же Афинах «не было и черни, невежественной, грязной, покрытой лохмотьями, помышляющей только о материальном удовлетворении грубых потребностей тела, чуждой всякого чувства человеческого достоинства». Совершенно ясно чувствуется, что эта идеальная утопия древних Афин возникла у Белинского как антитеза современной русской и европейской, вообще городской, капиталистической действительности с ее резкими социальными, экономическими и культурно-бытовыми противоречиями. Критик верит, что «масса афинского народонаселения состояла не из черни, а из народа», что «образование греков было общественное, а потому и всеобщее, народ-



БЕЛИНСКИЙ

Бюст работы Н. Н. Ге, бронза, 1871 г.

Третьяковская галлерея, Москва

ное, а не исключительное, в пользу одних и невыгоду других сословий». Всеобщность эстетического чувства у афинян Белинский объясняет «публичностью, составлявшей основу гражданственной жизни греков». В результате подобного анализа греческого искусства Белинский приходит к выводам и формулировкам, почти совпадающим с более ранними тезисами статьи «О русской повести и повестях Гоголя». Он пишет: «Итак, литература греков, в полном значении слова, была выражением их сознания, следовательно, всей их жизни: религиозной, гражданственной, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной». Античная жизнь представляется Белинскому в качестве гармонической общественной формы, где нет резких социальных и экономических контрастов, где нет «бича» капиталистического общества, «черни», и существует счастливый, культурный «народ». Афины не являются для Белинского идеалом, к которому следует стремиться, покинув достижения человеческой культуры нового времени, но самый факт существования (в соответствии, конечно, с тогдашними историческими знаниями) подобной формы служил критику доказательством возможности гармонической общественной жизни, столь противоположной буржуазному европейскому укладу середины XIX в. Эта мысль отчетливо выражена в дальнейших строках только что цитированной статьи. Указав, что «история греческой литературы тесно и неразрывно связана с их <т. е. греков> государственною или политическою историею, тогда как история литературы новейших народов есть только история одной стороны существования каждого из них», Белинский объясняет причины констатированного им факта: «Это оттого, что как в древнем мире все стихии общественной жизни были тесно и неразрывно связаны друг с другом и, взаимно проникая одна другую, образовывали собою прекрасное и живое единое целое, так в новом мире все общественные стихии действуют разъединенно и каждая самобытно и особно». Диалектически оправдывая современное «распадение, представляющее собою столь печальное и грустное зрелище, особенно при сравнении его с светлым и прекрасным миром греческой жизни», Белинский высказывает глубокую веру в то, что в итоге исторического развития возникает общество «новое, целое и единое, которое будет тем выше мира греческой жизни, чем разъединеннее было в новом мире развитие отдельных стихий общественности». Критик с глубоким чувством говорит о будущем, социалистическом (намек на это виден в ссылке на «Францию, эту Элладу нового мира») обществе: «придет же время, когда в новом человечестве воскреснет древняя Греция, лучше и прекраснее, чем была она: Греция, прошедшая через христианство, победившая климаты, природу, пространство и время, вполне покорившая духу своему царство материи».

Однако эта убежденность в исторической необходимости и неизбежности «новой Греции», социалистического общества, лишенного структурных и органических противоречий, устранившего эксплоатацию «черни», ликвидировавшего систему привилегированного образования «в пользу одних и невыгоду других сословий», — убежденность во всем этом не ослабила у Белинского интереса к «древней Греции» и к ее литературе: «... из древних народов только у греков и римлян была своя литература, которой высокое значение не утратилось до сих пор, но, как драгоценное наследие, перешло к новым народам и послужило к развитию их общественной, ученой и литературной жизни». Белинский считает, что и греческая и римская литературы, «отслуживши» грекам и римлянам, продолжают и сейчас свое полезное дело.

Поэтому он неоднократно — в разных статьях и по разным поводам — обращается к этой же теме и обосновывает ее с разных сторон. «Греки, — пишет Белинский в рецензии на „Римские элегии“ Гете в переводе А. Струговщикова, — явились полными и единственными представителями че-

ловечества... Превосходство греков над всеми другими народами древности состоит в том, что у них все с в о е, все народное, частное, семейное, домашнее, было ознаменовано печатию необходимости и разумности, отличалось характером общечеловеческим. Удивительно ли, после этого, что... все образованные народы считают Грецию как бы своим общим отечеством?» По мнению Белинского, «как ни противоположна наша жизнь греческой, мы все понимаем в истории Греции так же ясно, как и в истории своего отечества»; критик считает, что «для нас, при небольшом изучении, грек понятен, будто наш современник» (VI, 243—244).

Все эти высказывания Белинского (а их легко умножить, стоит привлечь такие статьи, как «Деяния Петра Великого, соч. Голикова», «Русская литература в 1841 году», «Сочинения Державина, статья вторая» и пр.) завершаются оценкой значения античности для нового европейского общества и призывом изучать классическую культуру. «Изучение классической древности в новейшей Европе, — пишет критик в рецензии на „Сочинения Платона, перев. проф. Карповым“, — положено краеугольным камнем публичного воспитания юношества, — и в этом видна глубокая мудрость... Изучение классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелетние оковы с ума человеческого, способствовало освобождению от инквизиции и тому подобных человеколюбивых и кротких мер к спасению душ. Законодательство римское заменило в новейшей Европе феодальную тиранию правом, на разуме основанным. Древняя Греция и Рим — страны духа, впервые освободившегося от деспотического владычества природы, представитель которого Азия. Там, на этой классической почве, развились семена гуманности, гражданской доблести, мышления и творчества; там начало всякой разумной общественности, там все ее первообразы и идеалы. Правда, там общество, освободив человека от природы, слишком покорило его себе. Зато средние века уж слишком освободили его от общества и впали в другую крайность. Теперь настает время примирения этих двух крайностей, во имя с р е д н и х в е к о в и д р е в н е г о м и р а; следовательно, Греция и Рим и теперь еще живут и действуют в нас, к нашему благу и нашему преуспеянию в осуществлении на деле и д е а л ь н о й истины, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина — ложь» (VII, 392—393).

Для внимательного читателя начала 1840-х годов такие выражения, как «начало всякой разумной общественности», как «семена гуманности, гражданской доблести, мышления и творчества», легко расшифровывались подстановками понятий: «демократия», «республика», «общественная активность» и т. д. Еще отчетливее и даже с меньшей осторожностью по отношению к цензуре высказывает Белинский свое восхищение республиканским героизмом Рима в рецензии на «Стихотворения Аполлона Майкова». Для него история Рима это — «страстное самозабвение в идее государственности, в идее политического величия своего отечества, пафос к гражданской свободе, к ненарушимости и неприкосновенности прав сословий и каждого гражданина отдельно, гражданская доблесть, в цветущие времена великой республики, и гордая, стоистическая борьба с роком, увлекавшим к падению великую отчизну великих граждан» (VII, 95). Прав С. А. Венгеров, утверждая в примечании к только что цитированному месту, что именно здесь «источник любви Белинского к древности» (VII, 562). И не менее прав тот же исследователь, выдвигая в другом месте своих комментариев тезис: «чем больше Белинский уклонялся влево, тем любовь его к Риму и Греции все росла и в изучении древности он все более и более видел средство привить русскому юношеству гражданские доблести Периклов, Катонов и Демосфенов» (VII, 557).

Далее С. А. Венгеров правильно замечает, что «в печати эта подкладка восторженного отношения Белинского к древности не могла, конечно,

выразиться особенно ярко и только в частной переписке он дает себе полную волю». В качестве иллюстрации этого положения комментатор привел отрывок из письма Белинского к В. П. Боткину от 27 июня 1841 г., но цитировал это письмо по цензурованной в 1876 г. монографии А. Н. Пыпина о Белинском, где это письмо приведено не полностью. В «Письмах» Белинского (II, 246—247) интересующий нас отрывок дан без купюр. Сообщив Боткину, что купил по его совету «Плутарха» Дестуниса и прочел, Белинский пишет, что «книга эта свела» его «с ума», что «из всех героев древности трое привлекли всю» его «любовь, обожание, энтузиазм — Тимолеон и Гракхи». Далее он объясняет причину такого отношения именно к этим античным героям: «Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести. Принимаясь за Плутарха, я думал, что греки заслонят от меня римлян — вышло не так. Я бесновался от Перикла и Алкивиада, но Тимолеон и Фокион (эти греко-римляне) закрыли для меня своею суровою колоссальностию прекрасные и грациозные образы представителей афинян. Но в римских биографиях душа моя плавала в океане. Я понял через Плутарха многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество. Без них средние века ничего не сделали бы. Я понял и французскую революцию, и ее римскую помпу, над которою прежде смеялся. Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом. Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость личности, неприкосновенность личного достоинства. Да, греческий и латинский языки должны быть краеугольным камнем всякого образования, фундаментом школ».

Если знать эту «подкладку», как называет Венгеров отношение Белинского к античности, тогда станет понятно и не привлекающее обычно внимания высказывание Белинского в седьмой статье о Пушкине, что «настоящий герой римский — это даже не Юлий Цезарь, а разве братья Гракхи». С начала 40-х годов античность ассоциировалась у Белинского с республиканской борьбой за свободу, революционной демократичностью и суровой героической доблестью.

Только в свете отношений Белинского к демократической, республиканской античности, только на фоне его трактовки античной литературы как выражения «общечеловеческой идеи» становится понятной неприязнь великого критика к французскому и русскому классицизму, его борьба с этим течением и лишь постепенное признание «исторической» закономерности и необходимости классицизма.

II

Как известно, в середине 1840-х годов Белинский решительно отказывался от ряда положений своей старой статьи о «Горе от ума» Грибоедова. Отказ этот касался «примирительных» идей статьи; высказывания же Белинского по частным вопросам, разбросанные в этой статье, сохраняют свое значение. В частности, именно в этой статье Белинский особенно четко сформулировал свое отношение к античному искусству. Здесь мы читаем: «Всемирную историю искусства, т. е. искусства не какого-нибудь народа, а целого человечества, разделяют на два великие периода, обозначая их именами классического и романтического. Собственно-классическое искусство существовало только у греков — этого народа, который своею жизнию отпировал праздник древнего мира» (V, 25).

Изъ библіотеки Виссар. Григор.
Бѣлинскаго

—

Даръ Императорской публичной
Библіотеки отъ Ив. Серг. Тургенева.

Октябрь 1874 года

ИЛІАДА

ГОМЕРА

ВЪ СТИХАХЪ,

ПЕРЕВЕДЕННАЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

Н. ГНѢДИЧЕМЪ,

Членомъ Императорской Россійской Академіи, Членомъ-Корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, Членомъ Обществъ Любителей Словесности С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и проч. [illegible]

Затемъ [illegible] Эпиграфъ греческій и [illegible] самимъ [illegible] шрифтомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1829.

КОРРЕКТУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР «ИЛИАДЫ» ГОМЕРА В ПЕРЕВОДЕ ГНЕДИЧА, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БЕЛИНСКОМУ

Был подарен Публичной библиотеке И. С. Тургеневым, который, после смерти Белинского, приобрел его книги

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Эта мысль, часто в невысказанном, подразумеваемом виде, присутствует у Белинского всегда, когда в статьях его заходит речь о новейшем классицизме.

О западноевропейском, точнее французском, классицизме Белинский специально не писал ни разу; все его суждения об этом литературном направлении обычно были связаны с обращением к русскому классицизму, либо высказывались в связи с характеристикой французского романтизма, «неистовой школы».

Как и в вопросе о существе античной литературы, так и в отношении к европейскому классицизму «Литературные мечтания» представляют раннюю стадию воззрений Белинского на эту проблему. Основная черта классицизма для Белинского состоит в его неестественности. Это он подчеркивает разными способами. Для него французская классическая критика — своего рода инквизиция. «Волею или неволею, гг. инквизиторы завербовали в свой календарь и древних, а в их числе и вечного старца Гомера (вместе с Виргилием), Тасса, Ариоста, Мильтона, кои (за исключением, может быть, вставочного), не виноваты в классицизме ни душою, ни телом, ибо были естественны в своих творениях». Под «вставочным» Белинский разумеет помещенного в скобки Виргилия, которого еще долгое время будет считать первым «ложноклассиком», «поддельным Гомером римским». И если в Виргилии Белинский до известной степени («может быть») готов видеть классика в новом смысле, то остальным перечисленным авторам — Гомеру, Тассо, Ариосту, Мильтону — он решительно отказывает в классицизме, так как в своих произведениях они были естественны. Что первый признак и первый порок классицизма Белинский видит в это время в отсутствии простоты и оригинальности, явствует из оценки, данной им в тех же «Литературных мечтаниях» романтизму, который он характеризует как реакцию на предшествующее литературное направление. По мнению критика, «романтизм был не иное что, как возвращение к естественности, а следственно — самобытности и народности в искусстве».

Эта мысль о неестественности французского классицизма еще очень долго будет встречаться у Белинского. Он готов несколько позднее признать, что «трагедии Корнеля, Расина и Вольтера могут еще иметь какое-нибудь значение и какую-нибудь цену, как отголосок современных идей, как отражение современного общества», но тут же прибавляет: «хотя и в неестественной форме», и продолжает в совсем уничтожающем смысле: «но как подражания трагедиям Софокла и Эврипида, как изображения греческих характеров и греческой жизни,— они смешны, нелепы, карикатурны, лишены даже всякого призрака здравого смысла, не только поэзии» (VI, 248—249).

Белинский в связи с этим настойчиво подчеркивает несамостоятельность и подражательность даже лучших произведений французского классицизма, в частности трагедии. Он не верит, в особенности в ранний период своей деятельности, в искренность благородных чувств французских трагиков, считает их творчество сплошным подражанием. «Мнимое благородство и возвышенность французской классической трагедии,— пишет он в статье „О русской повести и повестях Гоголя“, — было не что иное, как мещанство во дворянстве, лакей во фраке барина, ворона в павлиньих перьях, обезьянское передразнивание греков, ибо оно не согласовалось с жизнию» (II, 192). Даже много позднее, в середине 1840-х годов, Белинский продолжал подчеркивать искусственный, подражательный характер французского классицизма. Он отмечал эту сторону классицизма даже тогда, когда изменил общую свою оценку этого течения. В статье «Николай Алексеевич Полевой» (1846) Белинский, например, писал: «Новейший классицизм был не чем иным, как усилием подделы-

ваться под формы древних литератур, греческой и латинской, произведения которой были признаны классическими, то-есть образцовыми, такими, которые могли читаться в училищах, в классах, как непогрешительные образцы, достойные подражания. Потом дошли до убеждения, что писать хорошо можно не иначе, как рабски подражая древним. Разумеется, подражать древним можно было только в форме, а не в духе, но и это не могло не вредить добровольным подражателям, потому что это значило новый дух заковывать в старые и чуждые ему формы. Так и было во Франции» (X, 323).

Белинский не только констатировал эту подражательность, но и давал ей резкую и не всегда объективную оценку. В цитированной статье «О русской повести и повестях Гоголя» Белинский приводит едкую, злую характеристику литературы тех народов, «у которых поэзия развилась не из жизни, а явилась вследствие подражательности: она всегда бывает пародиею на свой образец; ее величие, благородство и идеальность похожи на паяца в мишурной порфире и бумажной короне, важно расхаживающего над входом в балаган». Французская классическая поэзия, преимущественно драматическая, входит, по мнению Белинского, в число таких литератур (II, 192). Не удивительно поэтому утверждение Белинского в той же статье, что достоинство искусства было унижено, поругано французскими классиками (II, 194).

В научной литературе в объяснении отрицательного отношения Белинского к французскому классицизму установилось мнение, впервые высказанное, кажется, С. Венгеровым в комментариях к редактированному им собранию сочинений критика (V, 542), а затем развитое Ю. Веселовским («Этюды по русской и иностранной литературе». Т. I. М., 1913, стр. 111—115), что неприязнь критика к классицизму связана с общей будто бы его неприязнью ко всему французскому, проистекавшей якобы из его «немецких» симпатий.

Оперируя цитатами из статей и писем Белинского для подтверждения своей точки зрения, авторы названных работ упускают из виду одну едва ли не важнейшую сторону вопроса. В то время, как античную литературу, преимущественно греческую, Белинский бесконечно высоко ценил за ее народность, за ее национальность, за то, что в ней общечеловеческая идея выражена в глубоко-национальной форме, французский классицизм он воспринимал, — в особенности в первый период своей деятельности, — как явление не народное, не национальное, а только как отражение жизни аристократической верхушки, придворной знати.

В обзоре «Русская литература в 1840 году» Белинский, давая общую оценку французской поэзии, высказал несколько любопытных замечаний и по интересующему нас вопросу. «Что̀ такое Корнель и Расин, — спрашивает критик, — как не поэты придворного этикета, придворной утонченности жизни? И что̀ герои и героини их так называемых трагедий, эти пудренные греки и римляне, эти гречанки и римлянки, с фижмами и мушками, как не представители выродившейся рыцарственности, любезные кавалеры и дамы блестящего двора Людовика XIV?.. Отцвела французская монархия, с своими маркизами, контами и виконтами, с своими париками и фижмами — и гениальные трагедии пленяют только людей, чуждых эстетического вкуса» (V, 473).

Почти в то же время в рецензии, принявшей форму большой статьи и посвященной «Древним российским стихотворениям» Кирши Данилова и аналогичным фольклорным сборникам, Белинский, касаясь проявления народности в литературе, между прочим характеризует и французский классицизм: «Французский классицизм принял за идеал поэтической деятельности не дух человечества, развивающийся в исто-

рии, а этикет двора французского и нравы светского французского общества от времен Людовика XIV» (VI, 303). Этого взгляда Белинский придерживался и позднее.

Во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» Белинский, говоря о французах XVII—XVIII вв., замечает, что они «понимали искусство как выражение жизни не народа, а общества, и притом только высшего, дворского, и приличие считали главным и первым условием поэзии. Оттого у них греческие и римские герои ходили в париках и говорили героиням: madame!» (XI, 85—86). Чтобы правильно оценить эту мысль критика, надо помнить, что́ в понимании Белинского значило в этот период «общество» и в особенности «французское общество XVIII в.». Незадолго до написания «Взгляда на русскую литературу 1847 года» Белинский в предшествующем годовом литературном обзоре остановился на вопросе о взаимоотношении между «большинством» и «меньшинством» в пределах каждого народа. Он считает, что «меньшинство всегда выражает собою большинство, в хорошем или дурном смысле. Еще страннее, — продолжает он, — приписать большинству народа только дурные качества, а меньшинству одни хорошие. Хороша была бы французская нация, если бы о ней стали судить по развратному дворянству времен Людовика XV! Этот пример указывает, что меньшинство скорее может выражать собою более дурные, нежели хорошие стороны национальности народа, потому что оно живет искусственною жизнию, когда противополагает себя большинству, как что-то отдельное от него и чуждое ему» (X, 410).

Таким образом, характеризуя французский классицизм как явление не народное, а аристократическое, «дворское», Белинский решительно противопоставляет его античному, точнее греческому, искусству, народному и демократическому. Этим в известной степени и объясняется неприятие великим критиком французского классицизма и его крупнейших представителей. Ему претило то обстоятельство, что «поэты и теоретики нового классицизма исключили из поэзии простолюдинов и мещан и дали в ней место только вельможам, придворным и героям благородного происхождения» (VI, 298); его раздражали в классицизме «помпа, риторическая шумиха и вычурная парадность» (III, 415).

Впрочем, здесь следует внести одно уточнение. Выше было приведено суждение Белинского о том, что «меньшинство всегда выражает собою большинство, в хорошем или дурном смысле». Выходит, таким образом, что, по мнению Белинского, и «дворское» французское общество XVII—XVIII вв., хотя и в ограниченной мере, выражает собою французскую нацию. Действительно, Белинский так и считал. Поэтому он, отрицая народность и демократичность и подчеркивая сословность и аристократичность французского классицизма, почти с самого начала своей критической деятельности настаивал на отражении в классицизме национального характера французов. В особенности настойчиво стал он проводить эту мысль с начала 1840-х годов. Можно сказать, что буквально ни одно высказывание Белинского о французском классицизме с этого времени не обходится без упоминания о сохранении французскими писателями верности своему национальному духу. Показательна в этом отношении часть статьи Белинского «Древние российские стихотворения Кирши Данилова», в которой он излагает ход развития европейских литератур в новое время: «Французы, гордые новым просвещением, основанным на изучении древности, отверглись от преданий средних веков и всех романтических элементов, столь родственных их национальному духу, как и вообще духу всей новейшей Европы, возмечтали создать себе литературу, основанную на подражании греческой, которой они нисколько не понимали (потому что не понимали никакой истинной поэ-

ПѢСНЬ II. 41

Такъ ихъ собранiе все взволновалося; съ крикомъ ужаснымъ
Бросились всѣ къ кораблямъ; подъ стопами ихъ прахъ подымаясь
Облакомъ въ воздухѣ сталъ; вопiютъ, убѣждаютъ другъ друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищаютъ; уже до небесъ подымался крики
Жаждущихъ въ домы; уже кораблей вырывали подпоры.

Такъ бы, судьбѣ вопреки, возвращенiе въ домы свершилось
Рати Ахейской; но Гера тогда провѣщала къ Аѳинѣ:

„Какъ, необорная дщерь воздымателя облаковъ Зевса!
„Ты со срамомъ обратно, въ любезную землю отчизны
„Рать Аргивянъ побѣжитъ по хребтамъ безпредѣльнаго моря?
„Или на славу Прiаму, на радость гордымъ Троянамъ
„Бросятъ Елену Аргивскую, ради которой подъ Троей
„Столько Данаевъ погибло, далеко отъ родины милой?
„Мчися стремительно къ воинству мѣдноорудныхъ Данаевъ!
„Сладкою рѣчью твоей убѣждай ты каждаго мужа
„Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ.

Такъ изрекла; покорилась Герѣ Аѳина:
Бурно помчалась, съ вершины Олимпа высокаго бросясь;
Быстро достигла широкихъ судовъ Аргивянъ мѣднобронныхъ.
Тамъ обрѣла Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу:
Думенъ стоялъ и одинъ добропалубнаго чернаго судна
Онъ не касался: печаль въ немъ и сердце и душу пронзила.
Ставъ близъ него, прорекла свѣтлоокая дщерь Эгiоха:

Часть I. 6

368 ИЛIАДА

Такъ опустили въ могилу, глубокую и заложивши,
Сверху огромными тѣсными камнями плотно устлали;
Послѣ курганъ насыпали; а около стражи сидѣли,
Смотря, дабы не ударила рать мѣднолатныхъ Данаевъ.
Скоро насыпавъ могилу, они разошлись; напослѣдокъ
Всѣ собралися вновь и блистательный пиръ пировали
Въ домѣ великомъ Прiама, любезнаго Зевсу владыки.

Такъ погребали они конеборнаго Гектора тѣло.

Конец и богу слава, а вам спасибо.

Переводчика! Переводчика!!!

ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БЕЛИНСКОМУ КОРРЕКТУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР «ИЛИАДЫ» ГОМЕРА, В ПЕРЕВОДЕ ГНЕДИЧА

На левой странице правка и пометы Гнедича; на правой (последней в книге) надпись рукою Гнедича: «Конец и богу слава, а вам спасибо» и рукою Белинского: «Переводчика! Переводчика!!!»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

зии), и латинской, которая более соответствовала их практическому, социальному духу. Ars poetica Горация родила l'Art poétique Буало, которое и сделалось с того времени кодексом, алькораном их эстетики. Но, думая подражать грекам в трагедии, французы и тут, на зло себе, оставались французами: их трагедия столько же походила на драматические поэмы Софокла и Эврипида, сколько придворные Людовика XIV походили на Агамемнонов и Клитемнестр героической Греции. Чтобы сделать подражание как можно ближе к подлиннику, они не только навязали греческим и римским героям и героиням любезность и любезничанье, сантиментальность и надутость своих маркизов и маркиз, но даже и одели их в огромные парики, шитые кафтаны и робы с фижмами, и на лица налепили множество мушек. В подражении латинской поэзии французам удалось лучше: если сантиментальные эклоги их идилликов — г-жи Дезульер, Флориана и других уже чересчур были пошлы даже в сравнении с эклогами Виргилия, — зато l'Art poétique и сатиры Буало едва ли были ниже Ars poetica и сатир Горация, а вольтерова «Генриада» решительно ничем не уступает виргилиевой «Энеиде»... Даже в рабской подражательности непонятым образцам древних литератур французы оставались верны себе, были национальны в духе, будучи подражателями в словах и внешних формах» (VI, 295—296).

Сформулированные в этом отрывке мысли не были случайны у Белинского. Он возвращается к ним в разное время и по разному поводу. Он не устает повторять их и в отношении всей французской литературы эпохи классицизма, и при оценке отдельных жанров, чаще всего трагедии, реже — эпической поэмы, и при характеристике отдельных авторов. «Французы оставались в высшей степени национальными, из всех сил подражая грекам и римлянам», — пишет Белинский в 1846 г. в «Мыслях и заметках о русской литературе» (X, 139). В том же году в статье о Н. А. Полевом критик замечает, что «французские писатели, подражая древним, на зло самим себе и без собственного ведома, оставались верными своему национальному духу» (X, 323). И снова обращается Белинский к этой теме во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». «Французская литература, — читаем здесь, — долгое время рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила их заимствованиями, — и все-таки оставалась национально-французскою» (X, 410).

Но в чем же видел Белинский отличительные черты национального характера французской литературы? Что заставляло его переносить оценку придворной, — «дворской», как он говорил, — литературы классицизма на в с ю французскую литературу? Произведения и письма Белинского дают обширный материал для ответа на эти вопросы. Прежде всего видно, что Белинский отмечал во французской литературе различных периодов некоторые общие черты, которые он склонен был признавать в качестве национальных. Так, в одной из статей 1838 г., в рецензии на «Краткую историю Франции до французской революции» Мишле, Белинский пишет: «Четыре главные момента были в истории французского искусства и литературы вообще: век стихов Ронсара и сантиментально-аллегорических романов девицы Скюдери; потом блестящий век Людовика XIV; далее XVIII век; за ним — век идеальности и неистовости. И что же? — Несмотря на внешнее различие этих четырех периодов литературы, они тесно соединены внутренним единством, отличаются общностию основной идеи, которую можно определить так: н а д у т о с т ь и п р и т о р н о с т ь в и д е а л ь н о с т и и и с к р е н н о с т ь в н е в е р и и, к а к в ы р а ж е н и е к о н е ч н о г о р а с с у д к а, к о т о р ы й с о с т а в л я е т с у щ н о с т ь ф р а н ц у з о в и к о т о р ы м о н и т о р ж е с т в е н н о п р е в о з н о с я т с я, в е л и ч а я е г о з д р а в ы м с м ы с л о м (b o n s e n s)» (III, 410).

Пройдет несколько лет, и, сохраняя в некоторых частях эту характеристику, Белинский, как будет показано ниже, выскажет более объективную оценку отдельных черт французского национального духа.

В другом месте той же статьи Белинский снова анализирует национальный характер французов. Приведя отзыв Мишле о голландцах, на которых, по словам Белинского, французский историк сердится «за то, что они много дел совершили без всякого величия», наш критик иронически восклицает: «Важное обвинение — в нем высказался француз! Величие в великих делах у французов состоит в помпе, реторической шумихе и вычурной парадности — характеристическая черта их народности, из которой прямо вытекли трагедии Корнеля и Расина! Рисоваться — это страсть французов, великих и малых» (III, 415).

Как известно, в начале 1840-х годов Белинский решительно изменил мнение о французах, «этом энергическом, благородном народе, льющем кровь свою за священнейшие права человечества», «великом народе», как он характеризовал столь антипатичных ему еще недавно французов в письмах к В. П. Боткину. Меняется и отношение Белинского также к отдельным французским писателям. К Жорж Санд, например, он начинает питать самое глубокое уважение и симпатию. Начинает Белинский с этого времени признавать значение отдельных французских писателей из числа тех, которых некогда называл он «поэтическими уродами» (V, 30). В трагедии Корнеля, Расина и Вольтера Белинский видит «отголосок современных идей», «отражение современного общества», прибавляя при этом «хотя и в неестественной форме» (VI, 249). Продолжая отрицать «форму» произведений великих французских трагиков XVII—XVIII вв., Белинский в последние годы своей жизни пришел к весьма высокой оценке творчества некоторых из них. В «Мыслях и заметках о русской литературе» (1846) есть небольшая глава, специально посвященная пересмотру вопроса о значении французской литературы. Здесь Белинский проводит мысль о том, что неверно французскую литературу оценивать с одной, чисто теоретической точки зрения, «не прибегая к живому историческому созерцанию». «Французская литература... — пишет Белинский, — вся вышла из общественной и исторической жизни и тесно слита с нею. Поэтому о французской литературе нельзя судить по готовой теории, не впавши в односторонность и не доходя до ложных выводов. Трагедии Корнеля, правда, очень уродливы по их классической форме, и теоретики имеют полное право нападать на эту китайскую форму, которой поддался величавый и могущественный гений Корнеля, вследствие насильственного влияния Ришелье, который и в литературе хотел быть первым министром. Но, — прибавляет Белинский, — теоретики жестоко ошиблись бы, если бы за уродливою псевдоклассическою формою корнелевских трагедий проглядели страшную внутреннюю силу их пафоса» (разрядка всюду наша. — *П. Б.*).

Стесняемый строжайшими цензурными требованиями, Белинский не все мог ясно высказать. Поэтому иногда важные для него мысли он проводил в недосказанной форме, представляя более или менее вдумчивому читателю самому догадываться о тайном смысле фразы. К числу таких завуалированных идей Белинского относится мысль о том, что французская революция непосредственно связана с классической литературой. Выражена эта точка зрения фразою, следующей непосредственно за цитированной выше; звучит она так: «Французы нашего времени говорят, что Мирабо обязан Корнелю лучшими вдохновениями своих речей» (X, 152—153). Та же мысль, но в иной форме, в другой связи, была высказана Белинским в том же 1846 г. в брошюре «Николай Алексеевич Полевой». Ценивший раньше романтизм весьма высоко, Белинский в названной ра-

11*

боте подвергает пересмотру прежнюю точку зрения и приходит к выводу о реакционности романтизма, в особенности немецкого и французского. О последнем он пишет с явным неодобрением: «Романтизм во Франции сперва был реакциею революционному рационализму и явился в ней с Шатобрианом, этим рыцарем Реставрации» (X, 322).

В другом месте Белинский несколько подробнее характеризует происхождение французского романтизма: «Во Франции он был вызван сперва как противодействие идеям переворота, потом как нравственная поддержка реставрации. Обстоятельства его вызвали, и вместе с обстоятельствами он исчез» (IX, 94).

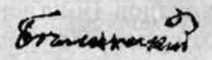
Таким образом, Белинский к концу своей жизни пришел к заключению, что французские классики, несмотря на стеснительные, «нехудожественные» формы своих трагедий, имели большое историческое значение в идеологической подготовке французской революции. Именно «страшная внутренняя сила пафоса» Корнеля, «содержание» его произведений существенно, а не ошибочно выбранная форма. «Язык этих писателей <Рабле и Паскаля>, и особенно Рабле, устарел, но с о д е р ж а н и е их сочинений всегда будет иметь свой живой интерес, потому что оно тесно связано с смыслом и значением целой исторической эпохи. Это доказывает ту истину, что только с о д е р ж а н и е, а не язык, не слог может спасти от забвения писателя, несмотря на изменение языка, нравов и понятий в обществе. Тут даже и талант, как бы он ни был велик, не составляет всего», — пишет Белинский в «Мыслях и заметках о русской литературе» (X, 144).

Приняв за критерий оценки исторического значения писателя его связь с исторической жизнью народа, Белинский естественно приходит к признанию законности того интереса и уважения, которым пользуются французские классики XVII в. у современных французов. Вслед за приведенной выше фразой о вдохновляющей роли Корнеля в деятельности Мирабо как революционного оратора, Белинский пишет: «После этого удивляйтесь французам, что они забывают скоро свои романтические трагедии à la Шекспир и до сих пор читают и всегда будут читать старого Корнеля. Каждый из знаменитых их писателей, — продолжает критик, — неразрывно связан с эпохою, в которую он жил, и имеет право на место не в одной истории французской литературы, но и в истории Франции. Здесь все мысли о творчестве имеют уже несколько другое значение, нежели какое имеют они в немецкой литературе: они должны разделить свою власть и силу с мыслями об обществе и его историческом ходе». Перечитывая последние предложения, невольно поддаешься впечатлению, что перед нами опять-таки одна из завуалированных идей Белинского. Зная, что история Франции завершилась революцией 1789 г. и что в 1830 г. была новая революция (статья «Мысли и заметки о русской литературе» была написана в 1846 г., то-есть до революции 1848 г.), мы понимаем, что Белинский хотел этими, внешне спокойными и безобидными, с цензурной точки зрения, фразами натолкнуть читателя на мысль о связи Корнеля с последующими революционными переворотами в истории Франции.

Как бы то ни было, к 1846 — 1847 гг. Белинский от прежнего безоговорочного отрицания значения французского классицизма переходит к исторической оценке этого литературного явления. Здесь уместно напомнить, что в статье о «Горе от ума» Белинский признал правомерность термина «псевдоклассицизм».

Определив классическое искусство как полное и гармоническое уравновешение идеи с формою, а романтическое — как перевес идеи над формою, и заметив при этом, что под первым разумеется поэзия греков и в известном смысле римлян, а под вторым — искусство средневековья и отчасти творчество некоторых новейших поэтов, например, Шиллера,

Белинский говорит следующее: «Очевидно, что классицизм, как его понимали французы и как он перешел от них к нам, был псевдоклассицизм, столько же походивший на греческий, сколько маркизы XVIII века походили на богов, царей и героев древней Греции». Далее Белинский упрекает французских писателей-классиков в неспособности проникнуть в сущность светлого мира античности и в замене всего этого усвоением чисто внешних форм. «Возвышенную простоту греков, их поэтический язык, выходивший из пластического лиризма их жизни, французы думали заменить натянутою декламациею и реторическою шумихою. Они сами себя назвали классиками, и им все поверили! Так как основанием этого псевдоклассицизма была внешность и формальность, то понятно,



QUINTUS

HORATIUS

FLACCUS.

QUINTUS

HORATIUS

FLACCUS

AD USUM SCHOLARUM.

EDITIO STEREOTYPA HERHAN.

A PARIS,

CHEZ M^me DABO-BUTSCHERT,

A LA LIBRAIRIE STÉRÉOTYPE, RUE DU POT-DE-FER, N° 14.

1828.

ЭКЗЕМПЛЯР СОЧИНЕНИЙ ГОРАЦИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БЕЛИНСКОМУ

На шмуцтитуле автограф критика

Библиотека при Московском университете им. М. В. Ломоносова

отчего французская теория изящного была так проста и определенна: ничего нет легче, как судить о вещах по внешним признакам» (V, 30—31).

С. А. Венгеров в комментарии к соответствующим местам цитированной статьи сообщает любопытные данные о судьбе закрепленного Белинским термина в практике самого критика, а отчасти и в дальнейшей критической и научной литературе (V, 542—544). Для наших целей эти детали несущественны. Гораздо важнее указать, что к концу своей жизни Белинский, наряду с термином «псевдоклассицизм», стал пользоваться и обычным обозначением «классицизм». Так, в упоминавшейся выше характеристике романтизма (из брошюры «Николай Алексеевич Полевой») встречаются следующие места: «В Англии романтизм был освобождением от влияния французского классицизма, принятого школою Попе, Адиссона и Драйдена...» «Потом французский романтизм превратился в простой,

чисто-литературный вопрос о свободе поэтических форм, до уродливости сжатых и искаженных прежним классицизмом» (X, 322).

Это новое словоупотребление находилось в тесной связи с упомянутым выше историческим отношением Белинского к классицизму. Так, он видит в творчестве Виктора Гюго «величайшую нелепость» в следующем: «...вместо того, чтобы отрицать в прежней псевдоклассической школе одни ее крайности, он ⟨Гюго⟩ почел за нужное итти ей наперекор даже и в том, что составляло ее истинное и высокое достоинство, что делало ее глубоко национальною: чувство меры и постоянное присутствие того, что французы называют bon sens» (X, 322—323). Таким образом, завершилась цепь развития воззрений Белинского на французский классицизм: от признания Корнеля, Расина, Вольтера и других — «поэтическими уродами» до характеристики «истинного и высокого достоинства» классицизма в «чувстве меры» и здравом смысле.

Однако это знаменательное развитие взглядов Белинского на французский классицизм не означало его отказа от суровой художественной оценки произведений классиков. До сих пор мы анализировали отношение Белинского к французскому классицизму в плане историко-литературном. Сейчас следует отметить, что неприятие классицизма критиком шло и по линии чисто-теоретической, на основе эстетических принципов. Главный упрек, который Белинский постоянно бросал классицизму, был направлен против того, что являлось краеугольным камнем эстетики классиков, учения об искусстве как подражании «украшенной природе». С этим тезисом классической эстетики Белинский, естественно, не мог примириться.

Чуть ли не с первых лет своей критической деятельности выступает Белинский против этого прославленного догмата классицизма. В статье о «Стихотворениях Владимира Бенедиктова» (1835) Белинский, выражая сомнение в существовании выработанной уже «теории изящного», отрицает незыблемость и общеобязательность прежних эстетических кодексов и даже отдельных принципов: «Давно ли „украшенное подражание природе“ было краеугольным камнем эстетического уложения? Давно ли эта формула равнялась в своей глубокости, истине и непреложности первому пункту магометанского учения: „Нет бога, кроме бога, — и Муггамед пророк его“? Давно ли три знаменитые единства почитались фундаментом, без которого поэма или драма была бы храминою, построенною на песке? Давно ли Корнель, Расин, Мольер, Буало, Лафонтен, Вольтер, давно ли эта чета талантов почиталась лучезарным созвездием поэтической славы, блистающим немерцающим светом для веков? Давно ли Буало, Батте и Лагарп почитались верховными жрецами критики, непогрешительными законодателями изящного, вещими оракулами, изрекавшими непреложные приговоры?.. А что теперь?.. „Украшенное подражание природе“ и знаменитое „триединство“ причислено к числу вековых заблуждений человечества, неудачных попыток ума; ученые и светские боги французского Парнасса были помрачены и навсегда заслонены пьяным дикарем Шекспиром, а оракулы критики поступили в архив решенных и забытых дел» (II, 274—275).

При каждом удобном случае нападает в дальнейшем Белинский на «украшенное подражание природе». Он отмечает теоретическую несостоятельность этого тезиса и на примерах показывает, к чему приводит последовательное ее применение. Особенно показательно в этом смысле относящееся уже к 1841 г. высказывание Белинского по данному вопросу.

«Основание псевдоклассической французской теории, — писал Белинский в статье о „Древних российских стихотворениях“ Кирши Данилова, — заключалось в понятии, что искусство есть подражание природе, но что

природа должна являться в искусстве украшенною и облагороженною. Вследствие такого взгляда, из искусства были изгнаны естественность и свобода, а следовательно, истина и жизнь, которые уступили место чудовищной искусственности, принужденности, лжи и мертвенности. Форма перестала быть явлением духа, но сделалась, так сказать, футляром отвлеченных представлений, ошибочно принимавшихся за идеи. Солдаты заговорили одним языком с полководцами, слуги — с господами; пастушки оделись в фижмы и испестрили свои лица мушками; книксены, минуэтная выступка, театральные позы и надутая декламация сделались вывескою и необходимым условием „украшенной и облагороженной природы"» (VI, 298).

Несмотря на это резкое отрицание принципа «украшенной природы», Белинский в то же время не мог не видеть некоторой правды в знаменитом тезисе классиков. И с обычной для него прямотой он в том же 1841 г. высказал в статье «Стихотворения Михаила Лермонтова» верную мысль по этому поводу. Излагая свои воззрения на природу типического изображения в искусстве, Белинский коснулся и вопроса об «украшенной природе», раскрыв лежащий в ее основе правильный, но доведенный до утрировки принцип. «Как, повидимому, ни нелепа мысль французских эстетиков прошлого века, что искусство должно украшать природу,— пишет Белинский,— но в ней есть своя часть истины; только они не поняли себя и, по рассудочному противоречию, отрицая простое списывание с природы, приняли подражание природе, хотя и украшенной. И если их подражания были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше их ушли и эти quasi-романтические описывания с натуры, в которых красуются мужицкие побранки и поговорки во всей их неопрятной естественности» (VI, 13). Развивая далее свой взгляд на «естественность», освещенную разумной мыслью и разумной целью, и на изображение, лишенное руководящей высокой идеи, Белинский больше уже не останавливается на «части истины» в суждениях классиков об «украшенной природе». Но и из приведенной выше цитаты видно, что Белинский правильно понял побуждения, руководившие французскими теоретиками, когда они отказывались воспроизводить «грубую природу». В этом Белинский усмотрел здоровое зерно, отказ от натуралистичности, от простого копирования природы.

Весьма показательно, что, строя свою эстетическую систему, формулируя важнейшие ее положения, великий критик с большим и серьезным вниманием отнесся к теории, к которой он в это время был решительно враждебен и сумел подойти объективно к некоторым ее положительным сторонам. Поэтому следует отметить, что именно вслед за цитированным отрывком Белинский в ходе дальнейшего изложения формулировал существеннейший тезис своего эстетического кодекса: «Не все то действительно, что есть в действительности, а для художника должна существовать только разумная действительность. Но и в отношении к ней он — не раб ее, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в нее свои идеалы и по ним преображает ее» (VI, 13).

Можно предположить, что, когда в следующем, 1842 году Белинский в статье по поводу «Речи о критике» Никитенко снова возвращается к вопросу об отношении искусства к изображаемой природе и высказывает некоторые соображения об историческом развитии эстетических принципов, он имеет в виду опять-таки классицизм, хотя и не упоминает его наименования. Особенно показательно в этом отношении следующее место. Выдвинув тезис, что «произведения искусства, часто самые совершеннейшие, заключают в себе какую-то примесь временного и случайного, что теряет свое достоинство в глазах потомства», Белинский развивает свою мысль далее в следующем виде: «...преходящее в созданиях искусства

есть ошибка не творящего духа художника, а времени, в которое он действовал. То, что мы отвергаем в таких произведениях, отвергаем не как ошибку искусства, но как утратившее свою силу начало, бывшее некогда истинным; следовательно, отвергаем форму не за форму, а за содержание» VII, 301—302).

Может быть, высказанное выше предположение, что цитированное только что мнение Белинского имеет в виду классицизм, неправильно, но что оно применимо к классицизму, сомнений нет. В самом деле, в чем не уставал Белинский упрекать французский классицизм? В том, что из античного искусства классики заимствовали «внешность», «форму», а не «идею». Свое, национальное, французское содержание классики подгоняли под чуждую, заимствованную форму, и поэтому теряло свое значение и это содержание. На ряде примеров Белинский показывает, как это происходило. «Эпическая поэзия, по понятию псевдоклассиков, должна была „воспевать" какое-нибудь великое событие в жизни человечества или в жизни народа, — и в какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событие, оно должно быть наряжено в багряницу или тогу, лишиться местного колорита, приводиться в движение сверхъестественными силами, выражаться напыщенно и бесцветно, — чего необходимо требует всякая подделка под чужую форму и тем более под чужую жизнь. Вот происхождение р и т о р и ч е с к о й поэзии. Основание ее — отложение от жизни, отпадение от действительности; характер — ложь и общие места» (XI, 196).

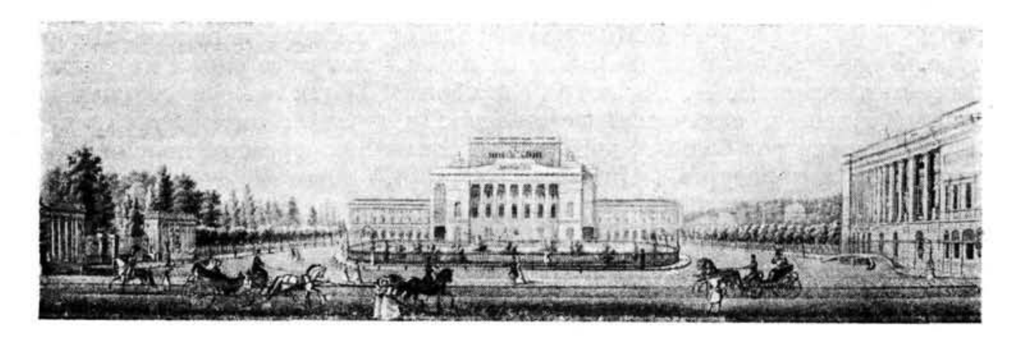
Итак, ошибка классиков заключалась в том, что они «приняли факт за идею» (XI, 196), что они думали постичь античное искусство через усвоение или восприятие его формы. «Однако ж, как форма есть творение явившегося в ней духа, — говорит Белинский в другом месте, — то, отправляясь от формы, никогда нельзя постичь заключенного в ней духа; наоборот, только отправляясь от духа, можно постичь и самый дух и выразившую его форму» (XI, 227—228). Следовательно, классики совершили ошибку, имевшую важные последствия для развития французского и европейского искусства, но ошибка эта отнюдь не была результатом индивидуальных заблуждений отдельных великих писателей. «Критика всегда соответственна тем явлениям, о которых судит: поэтому она есть сознание действительности. Так, например, что такое Буало, Батте, Лагарп? Отчетливое сознание того, что непосредственно (как явление, как действительность) выразилось в произведениях Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здесь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло из одного и общего духа времени. То и другое — равно сознание эпохи; но критика есть сознание философское, а искусство — сознание непосредственное» (VII, 298).

Приведенные выше разнообразные высказывания Белинского о французском классицизме свидетельствуют о том, как много и настойчиво размышлял великий критик об этом значительном явлении в истории мирового искусства, в сколь разнообразных аспектах, в сколь различных связях думал он и говорил об этом литературном течении. Поэтому совершенно неубедительным, даже пошлым представляется утверждение Ю. Веселовского о том, что «одною из причин враждебного отношения <к классицизму>, несомненно, было н е д о с т а т о ч н о е з н а к о м с т в о знаменитого критика с теми произведениями, которые он задался целью развенчать и дискредитировать в конец» («Этюды по русской и иностранной литературе». Т. I. М., 1913, стр. 109). Свой высокомерный «тезис» Ю. Веселовский пытается подкрепить соображением о том, что цитаты из произведений Корнеля, Расина и Вольтера у Белинского редки и случайны. Насколько неубедителен подобный довод, говорить излишне;

да и, в конце концов, можно сколько угодно цитировать и как угодно ссылаться на тех или иных писателей, не понимая ни каждого из них в отдельности, ни того направления, к которому все они принадлежали; означает ли это «знание» материала? Собранные и проанализированные выше данные показывают, что Белинский превосходно понимал классицизм и тонко в нем разбирался. Без хорошего знания конкретного материала, без предварительной, серьезной, упорной и длительной работы над этим материалом подобные суждения невозможны. Невозможны даже для таких гениальных людей, как Белинский.

III

Борьба романтиков и классиков во Франции часто служила предметом суждений или простых упоминаний Белинского. К концу жизни Белинский пришел к выводу, что борьба эта представляла «чисто литературный вопрос о свободе поэтических форм» (X, 322). Этим именно и объяснял



АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР В ПЕТЕРБУРГЕ

Литография с рисунка В. С. Садовникова, 1830-е гг.

«... Кто хочет видеть Петербург... как великолепный и прекрасный город, столицу России и один из важнейших в мире портовых городов, тому достаточно... взглянуть на Александрынский Театр, который с его прелестным сквэром впереди, садом и арсеналом Аничкова Дворца с одной стороны и Императорскою Публичною Библиотекой с другой, составляет одно из замечательнейших украшений Невского проспекта...». «...Репертуар Александрынского Театра... и самый Александрынский Театр получил определенный характер, в каком мы его теперь видим, только в недавнее время. До 1834 года он представлял собою зрелище бесплодной борьбы классицизма с романтизмом...» (из статьи Белинского «Александрынский Театр», 1845 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Белинский и резкости борьбы, и своеобразие «неистовой» школы. «Свобода формы выиграна и утверждена, — пишет Белинский в статье „Николай Алексеевич Полевой“, — и теперь никто не держится там условных и стеснительных форм псевдоклассицизма, но за это никого уже не называют там „романтиком“» (X, 323).

Таким образом, Белинский считал вопрос этот решенным и конченным; почему же, однако, он довольно все-таки часто обращался к этому предмету? Почему, как мы видели, вопросу о классицизме уделял критик столько серьезного внимания, столько сарказма, столько пафоса, столько серьезных и все более и более объективных суждений? Объяснить все это одним только «историко-литературным» или «теоретическим» интересом нельзя. Если бы это было так, тогда бы Белинский, несомненно, посвятил классицизму одну или несколько специальных работ. Но, как уже сказано в начале этой статьи, почти все замечания и суждения Белинского о классицизме связаны с критическими анализами русского романтизма, с обоснованием принципов русской «натуральной школы», с обзорами развития русской литературы. Иными словами, почти все

высказывания Белинского о французской литературе периода классицизма, о самом французском классицизме и об отдельных французских классиках вызваны интересами русской литературной действительности, русской литературной борьбы. В большинстве своем суждения Белинского по этим вопросам связаны были с тем, что в спорах за прогрессивное, народное искусство он вынужден был разбивать — оружием иронии, сарказма, острой полемики, научной аргументации — доводы своих литературных врагов. А противники Белинского, — «староверы и верхогляды», как называл он их, — обращались как к высшему доказательству именно к французской литературе XVII—XVIII вв., к французским классикам, к классическому искусству вообще. И именно отсюда, оттого, что эта апелляция к французскому классицизму затрагивала кровные интересы русской литературы, касалась ее роста, ее передового развития, ее народности, и вытекала первоначально ненависть Белинского к классицизму, а затем более сдержанное, но все же неблагожелательное отношение к последнему. Конечно, ко всему этому присоединялись и чисто эстетические основания, художественные воззрения Белинского играли при этом существенную роль, но ведь и они, в свою очередь, продиктованы были безграничной любовью к родному народу, к родной литературе. Замечательны в этом смысле слова Белинского в одном из последних его писем к В. П. Боткину (5 ноября 1847 г.): «...всякое сколько-нибудь живое и замечательное явление в русской литературе радует меня в тысячу раз больше, нежели действительно огромное явление в европейской литературе» («Письма», III, 270).

И поэтому абсолютно неправ Ю. Веселовский, объясняя отрицательное отношение Белинского к классицизму недостаточной осведомленностью критика в истории французской литературы XVII—XVIII вв., с одной стороны, и неприязнью его «ко всему французскому», с другой. Только условиями русской литературной борьбы было продиктовано отношение Белинского к французскому классицизму. Впрочем, не только к французскому, но и к русскому.

Как и о французском классицизме, высказывания Белинского о русском классицизме нигде не были собраны воедино, даже в тех многочисленных случаях, когда ему приходилось давать общие обзоры исторического развития русской литературы. Тем не менее, из этих разрозненных и попутных замечаний можно составить себе относительно полное представление о том, как понимал Белинский историю и литературное значение классицизма на русской почве.

С самого начала, с «Литературных мечтаний» и до конца своей критической деятельности Белинский не переставал считать, что «в России классицизм был ни больше, ни меньше, как слабый отголосок европейского эха» (I, 360). И именно слабость, наносность этого течения была причиной того, что оно не оказало отрицательного влияния на русскую литературу, что противостоявшие ему черты самобытности неизменно брали верх, что тяготение к жизненной правде оказывалось сильнее, нежели заимствованные, искусственные формы. Эта мысль проходит через все этапы философского развития Белинского, через все фазы постепенно складывающейся его историко-литературной концепции. Меняются философские обоснования этих воззрений, вкладывается более углубленное и уточненное содержание в отдельные элементы этой целостной идеи, но сама она в общем остается неизменной. «Русская литература началась так же, как и русская цивилизация, — подражанием, слепым усвоением форм, — пишет Белинский в 1842 г. в статье по поводу „Речи о критике“ Никитенко. — Подобно цивилизации, ее движение и развитие состояли в стремлении к самобытности и национальности, и каждый успех ее был шагом к этой цели» (VII, 358). В первой статье о «Сочинениях Александра Пуш-

кина», сравнивая русскую литературу с «пересадным растением», Белинский снова повторяет ту же мысль: «Ее <русской литературы> история, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сих пор), состоит в постоянном стремлении отрешиться от результатов искусственной пересадки, взять корни в новой почве и укрепиться ее питательными соками» (XI, 194). Поэзию, «перенесенную на Русь», Белинский называет *реторической*; основание ее видит в «отложении от жизни», в «отпадении от действительности», «ложь и общие места» составляют, по мнению критика, ее характер (XI, 196). И несмотря на то, что влиянию этой реторической — Белинский почему-то избегает названия «классической» — поэзии подпадают многие русские писатели XVIII в., критик с большой настойчивостью подчеркивает даже у этих самых писателей черты пробивающейся самостоятельности, черты русской действительности. Так, он отмечает, что Кантемир, «несмотря на подражание латинским сатирикам и Буало, умел остаться оригинальным, потому что был верен натуре и писал с нее» (XI, 84). Хотя Ломоносов придал нашей литературе «книжное, реторическое направление», он «нисколько не был ритором по его натуре: для этого он был слишком велик; но его сделали ритором не от него зависевшие обстоятельства». Он сделался «ритором поневоле» (X, 393). О Сумарокове Белинский еще раньше, в 1842 г., отзывается достаточно объективно. Белинский называет Сумарокова «истинным критиком своего времени», замечает, что «часто у него попадаются мысли хотя не глубокие, но здравые и тем более полезные для общества его времени», наконец, что «не изучив его, нельзя понимать и его эпохи» (VII, 384, 385). «Фонвизин, — по мнению Белинского, — первый даровитый комик в русской литературе, писатель, которого теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но которого читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература, как-будто даже преждевременно, сделала огромный шаг к сближению с действительностию: его сочинения — живая летопись той эпохи» (X, 392). Наконец, о Державине, как о поэте, в творчестве которого русская жизнь, русская действительность, русская природа получили наиболее полное отражение в допушкинскую пору, Белинский говорил неоднократно и охотно. Важно при этом отметить одно любопытное сопоставление Державина с Ломоносовым, проведенное Белинским во «Взгляде на русскую литературу 1846 года»: «...Кроме огромной разницы в поэтическом гении, Державин уже имел перед Ломоносовым большое преимущество и со стороны содержания для своей поэзии, хотя он был человеком без образования, не только без учености. Поэтому поэзия Державина далеко разнообразнее, живее, человечнее со стороны содержания, нежели поэзия Ломоносова. Причина этого не в том только, что Ломоносов был больше превосходный стихотворец, нежели поэт, тогда как Державин от природы получил поэтический гений, но и в сравнительном успехе общества времен Екатерины Великой перед обществом времен императриц Анны и Елизаветы» (X, 392).

Мы пересмотрели важнейшие отзывы Белинского о крупнейших представителях русского классицизма и видим, что всех их объединяет, несмотря на разновременность их происхождения, одинаковое понимание роли русской общественной жизни как фактора, способствующего развитию живого содержания литературных произведений, как фактора, парализующего или, по меньшей мере, ослабляющего вредное влияние «реторической поэзии» классицизма. И Белинского в последние годы его жизни не только не отпугивает, как в начале его критической деятельности, вторжение «общественности» и «дидактизма» в литературу; напротив, заслугу великих русских писателей XVIII в. он видит именно в том, что они дали место этим началам в художественной

практике: «Дидактическое направление, — пишет он в статье по поводу „Речи о критике“ Никитенко, — в поэзии самобытной есть признак антипоэтического характера народа; но в поэзии подражательной, бывшей плодом реформы, нововведением, какова была, в своем начале, поэзия русская, дидактическое направление есть признак жизненности, социальности и полезно как для общества, так и для самого искусства, ибо общество потому только и принялось за нее, что увидело в ней поучение, действительно полезное для него» (VII, 384).

Следовательно, Белинский видит в истории классицизма на русской почве, в том этапе, который падает на XVIII в., знакомую нам борьбу национального, общественного содержания с чуждой, заимствованной, стеснительной формой. Борьба эта протекает не внутри самой литературы, а в результате «успехов общества» (X, 392). Отвечая потребностям общественной жизни, литература в лице лучших писателей стремится освободиться от мешающих ее развитию закостенелых форм и педантических «правил» и все больше и определеннее тяготеет к жизненной правде, к тому, что Белинский называл «натуральностью». Таким образом, мы приходим к той знаменитой характеристике русского историко-литературного процесса, которую великий критик дает в своем последнем годовом литературном обозрении, во «Взгляде на русскую литературу 1847 года»: «Литература наша была плодом сознательной мысли, явилась как нововведение, началась подражательностию. Но она не остановилась на этом, а постоянно стремилась к самобытности, народности, из реторической стремилась сделаться естественною, натуральною. Это стремление, ознаменованное заметными и постоянными успехами, и составляет смысл и душу истории нашей литературы» (XI, 89).

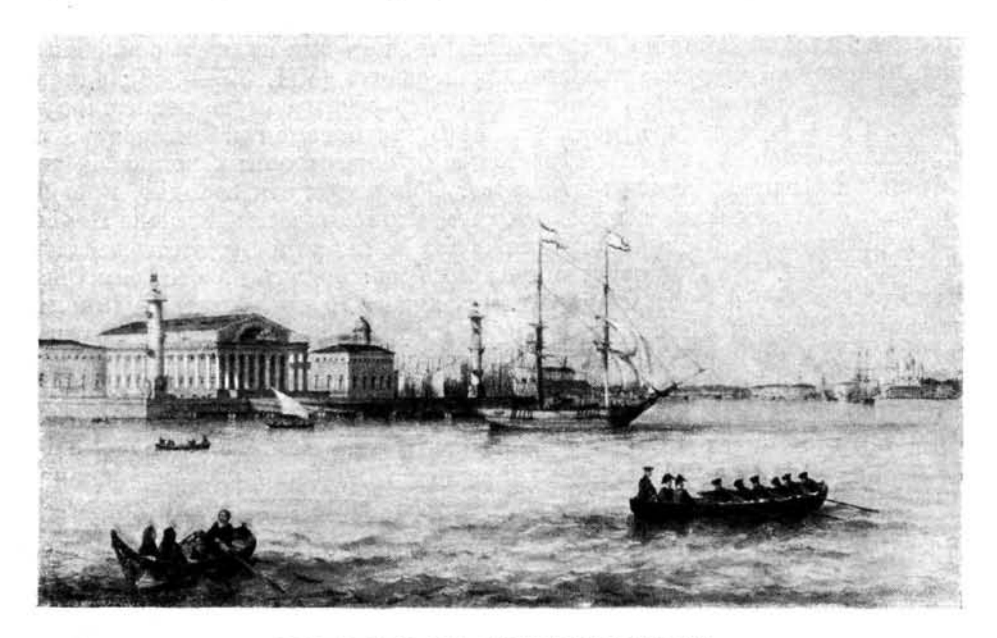
Можно было бы предположить, что в формулировке этой мысли Белинским руководило вполне понятное желание обосновать законность и историческую неизбежность реализма, который он называл «натуральной школой», ссылкой на весь исторический ход развития русской литературы, ссылкой на национальные традиции. Дело было, однако, не только в этом. Белинский нисколько не преувеличивал значение «дидактизма» и «социальности» как тенденций, противостоявших «реторическому направлению» в литературе XVIII в. Это были положительные, прогрессивные тенденции литературного развития.

Но в классицизме XVIII в. Белинский видел не только положительные черты получившие дальнейшее развитие. Он видел также и мертвящие формы, как заимствованные у французских классиков, так и появившиеся на нашей собственной почве. Он видел в русском классицизме не только то, что роднило его с классицизмом французским, но и то, что его отличало от последнего к собственной невыгоде.

Белинский обратил на это внимание уже в самом начале своей деятельности. В статье о «Стихотворениях Константина Батюшкова» (1835) он останавливается на «резком отличии» русского классицизма от французского: «...как французские классики старались щеголять звонкими и гладкими, хотя и надутыми стихами и вычурно обточенными фразами, так наши классики старались отличаться варварским языком, истинною амальгамою славянщины и искаженного русского языка, обрубали слова для меры, выламывали дубовые фразы и называли это пиитическою вольностию, которой во всех эстетиках посвящалась особая глава» (II, 86). Почти в тех же словах повторяет это обвинение Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года». Обращаясь к писателям, придерживающимся принципов «старых пиитик», Белинский иронически советует им: «Только в языке держитесь домашних литературных привычек, потому что французы никогда не любили щеголять обветшалыми, неупотребляемыми в разговоре словами. Это замашка чисто русская;

у нас даже первоклассные таланты любят брега, младость, перси, очи, выю, стопы, чело, главу, глас и тому подобные принадлежности так называемого „высшего слога“» (XI, 91).

В приведенном только что отрывке обращает на себя внимание одна частность, имеющая, однако, существеннейшее значение. В отличие от сравнительной характеристики французского и русского классицизма, данного в статье 1835 г., где речь шла о классицизме прошлом, в последней цитате Белинский подчеркивает современность отмечаемого им явления. Оно, как результат влияния классицизма, продолжается, с ним дóлжно бороться, как бороться надо и с прочим — отрицательным — наследием классицизма. Здесь мы подошли к весьма важному пункту в трактовке Белинским классицизма. На первых порах классицизм был полезен, более того, был необходим, — «тогда спасение наше зависело не от



ПЕТЕРБУРГ. НЕВА У ЗДАНИЯ БИРЖИ
Литография И. Перро, 1840-е гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

народности, а от европеизма; ради нашего спасения необходимо было не задушить, не истребить (дело или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, так сказать, задержать на время (suspendre) ее ход и развитие, чтобы привить к ее почве новые элементы». Вначале, как и всё искусственно перенесенное, «эти элементы относились к нашим родным как масло к воде», и «у нас, естественно, все было реторикою — и нравы и их выражение — литература. Но тут было живое начало органического срощения, через процесс усвоивания (assimilation), и потому литература от абстрактного начала мертвой подражательности двигалась все к живому началу самобытности» (X, 395).

Однако этому положительному процессу чем дальше, тем сильнее стали противодействовать определенные литературные и общественные силы XVIII и начала XIX в., которые сознательно удерживали и поддерживали устарелые, переставшие отвечать новым общественным потребностям формы классицизма. «Староверы», слепые поклонники классицизма XVIII в., которым Белинский посвящает язвительнейшие строки в обозре-

нии «Русская литература в 1844 году» (IX, 82), «на Руси еще не вывелись». Эти поздние классики «больше всего боялись иметь какое-нибудь свое собственное мнение и больше всего старались думать и говорить, как думали и говорили прежде их и как думали и говорили в их время все» (IX, 90). Впрочем, от последних Белинский отличает «приверженцев старины, которые отстаивают старое против нового по привязанности к школе, к принципам, в которых воспитывались» (XII, 4). Критик, несмотря на то, что «в людях этого разряда много смешного и жалкого», готов признать, что в них «много и достойного любви и уважения». Тем не менее, все эти категории «так называемых классиков» являются силой, с которой, во имя роста и развития литературы, надо не только считаться, но и самым решительным образом бороться.

Пускай «смешно и жалко видеть бесплодные усилия старичков прошлого века восстановить славу корифеев их юности на счет славы новых талантов»; пускай «смешно и жалко видеть, как они силятся соблазнить новое поколение умершею поэзиею прошедшего» (VII, 367—368); однако есть факты, более опасные, с которыми надо вести самую решительную борьбу. Это — «новый псевдоклассицизм», требования к литературе не изображать «низкое», не касаться больших общественных вопросов, так как они якобы представляют «грязное». Обвинения эти исходят, правда, не от «так называемых классиков», а от тех, кто «ссылается на имена Карамзина и Дмитриева, избиравших для своих сочинений предметы высокие и благородные». Суть, однако, остается та же: боязнь нового, самостоятельного, смелого и честного движения вперед. Когда в статье «Николай Алексеевич Полевой» Белинский рисует состояние литературы к моменту выступления издателя «Московского телеграфа», он говорит, что «всякое независимое, самобытное мнение, всякий свежий голос, все, что не отзывалось рутиною, преданием, авторитетом, общим местом, ходячею фразою,— все это считалось ересью, дерзостью, чуть не буйством» (X, 320). Можно не сомневаться, что эта характеристика была сделана великим критиком не без оглядки на его собственную эпоху, на эпоху жесточайшей борьбы за гоголевское направление.

Белинский отдавал дань уважения русскому романтизму, в особенности романтической критике, за их борьбу с классицизмом, за борьбу с косностью, за борьбу с рутиной. Но великий критик видел в борьбе классиков и романтиков и нечто иное. «Тогда вопрос был многосложен, и спорящие стороны не понимали ни себя, ни друг друга. Как ни бросались в философию, что ни твердили о внешнем и внутреннем, о форме и идее, но главным вопросом все-таки оставалось освобождение от условных правил, без нужды стеснявших вдохновение и отделявших искусство от естественности, самобытности и народности». Далее Белинский, имея в виду прогрессивный смысл борьбы классиков и романтиков в России, пишет: «Вопрос стоил споров, дело стоило битвы. Теперь на этом поле все тихо и мертво, забыты и побежденные и победители; но плоды победы остались, и литература навсегда освободилась от условных и стеснительных правил, связывавших вдохновение и стоявших непреодолимою плотиною для самобытности и народности» (X, 324).

Неоднократно обращаясь к «борьбе романтизма с классицизмом», Белинский, верный своему пониманию классицизма как античного искусства, а романтизма как искусства католического европейского средневековья, под внешней оболочкой борьбы русских классиков и русских романтиков видит более глубокий процесс: «Если сказать по правде,— писал Белинский в рецензии на „Сочинения князя В. Ф. Одоевского",— тут не было ни классицизма, ни романтизма, а была только борьба умственного движения с умственным застоем». Критик отмечает, что «борьба, какая бы она ни была, редко носит имя того дела, за которое она возникла,

и это имя, равно как и значение этого дела, почти всегда уясняются уже тогда, когда борьба кончится» (IX, 1).

Итак, несмотря на то, что наш романтизм был «мнимым романтизмом», что он недалеко ушел от оспариваемого им «псевдоклассицизма», Белинский признавал его на определенном этапе исторически полезным явлением, помня, в то же время, что этот же самый романтизм становится позднее такою же «плотиною» для реализма, для «натуральной школы». Но диалектическое понимание литературного процесса Белинский проявлял не только в отношении романтизма, но и классицизма. Выше было отмечено, что внесение классицизма в русскую литературу вместе с петровской реформой Белинский рассматривал как факт положительный.

Еще более определенно и с большей диалектической перспективой критик касается того же вопроса в статье «Николай Алексеевич Полевой». Признав, что Пушкину принадлежит лучшая оценка Ломоносова как поэтически мыслившего и чувствовавшего, но не владевшего поэтическим даром человека, Белинский приводит эту известную характеристику Ломоносова и останавливается на пушкинском замечании: «Влияние Ломоносова на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается». Белинский видит в этих словах «взгляд удивительно верный, но односторонний», «это и так и не так в одно и то же время». Белинский считает, что «в новой школе, которую сами враги ее почтили именем „натуральной", нет уже ни малейших следов ломоносовского влияния, следовательно, оно уже прошло. Даже в старой школе видно устарелое влияние Карамзина, но уже не Ломоносова. Если влияние последнего и было вредно, все же оно не было злом неизлечимым. С другой стороны, если и нельзя не согласиться, что влияние Ломоносова на русскую литературу было вредное, то из этого еще отнюдь не следует, чтобы оно не было необходимо. А что необходимо, то уже полезно, хотя бы с другой стороны и было вредно» (X, 312).

Таким образом, в ломоносовском влиянии, в классицизме («Теория Ломоносова опиралась на древних, как понимали их тогда в Европе». — XI, 85) Белинский видел необходимый и, следовательно, на определенном этапе полезный момент в истории русской литературы. В чем состояла «теория» Ломоносова, Белинский поясняет несколько выше: «В лице Ломоносова она <русская поэзия> обнаружила стремление к идеалу, поняла себя, как оракула жизни высшей, выспренней, как глашатая всего высокого и великого». Плохого здесь, конечно, нет ничего; напротив, все это можно только приветствовать. Отрицательный момент в направлении Ломоносова, как, впрочем, и в направлении Кантемира, «в лице которого русская поэзия обнаружила стремление к действительности, к жизни, как она есть, основала свою силу на верности натуре», заключался в том, что «оба эти направления вышли не из жизни, а из теории, из книги, из школы» (XI, 85).

Тем не менее, «оба эти направления были законны», так как оба были нужны для развития русского общества, русской литературы. Классицизм был необходимым моментом в этом сложном и важном процессе.

Задача настоящей статьи заключалась в выяснении того, как сложно и диалектично было представление Белинского о французском и русском классицизме, как далеко это представление от той прямолинейной схемы, которой с давних пор пользуются наши историки литературы и историки критики и которая сводится к простому отрицанию Белинским значения классицизма.

Разумеется, далеко не все суждения Белинского о классицизме представляют для нас ценность: многие его приговоры и оценки утратили свою силу, поскольку они вызваны были борьбой с реакционерами в литературе и запоздалыми защитниками авторитетов XVIII в. в 30—40-х годах. При всем том, Белинский явился не только ниспровергателем классицизма, но он сумел подойти к нему и с исторической точки зрения. Тем самым Белинский внес серьезный вклад в разработку вопроса о классицизме.

Он показал внутреннюю и внешнюю логику развития классицизма на русской почве, показал, что без понимания истории классицизма нельзя понять истории русской литературы XVIII в., вообще истории русской литературы, а, не поняв ее, нельзя писать историю русской литературы.

БЕЛИНСКИЙ О ПУШКИНЕ

Статья Б. Мейлаха

Глубоко потрясенный вестью о гибели Пушкина, Белинский писал Краевскому 4 февраля 1837 г.:

«Бедный Пушкин! Вот чем кончилось его поприще! Смерть Ленского в „Онегине" была пророчеством... Как не хотелось верить, что он ранен смертельно, но „Пчела" уверила всех. Один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. Худо понимали его при жизни, поймут ли теперь?» («Письма», I, 70).

Из этих строк можно заключить, что причину гибели Пушкина Белинский знал тогда в ее официальной версии, т. е. как финал драмы ревности (отсюда аналогия между Пушкиным и Ленским). Белинский, как известно, жил тогда в Москве и не был осведомлен об истинных обстоятельствах гибели поэта. И в других откликах Белинского на это трагическое событие обычно усматривается известное восприятие официальной версии, которая вскоре была закреплена опубликованием высочайшего приказа о высылке Дантеса из России за то, что он «дерзким поступком с женой камер-юнкера Пушкина вынудил последнего написать обидное письмо отцу и ему, и он за это вызвал Пушкина на дуэль» («Северная пчела», 1837, № 8, 31 марта). Касаться общественно-политической стороны этой трагедии и даже самой личности поэта, в связи с его смертью, современная печать не могла. Полному искажению реальной картины последних дней Пушкина способствовало письмо Жуковского С. Л. Пушкину, создавшее легенду о примирении поэта с Николаем I. Об этом документе Белинский в 1838 г. писал в «Литературной хронике».

Подлинная история гибели Пушкина, роль светских и придворных кругов в подготовке дуэли — все это было выяснено в науке много десятилетий спустя. Не мог знать Белинский и тех фактов биографии Пушкина 30-х годов, которые свидетельствуют о гораздо большей близости поэта новому поколению, чем полагал великий критик. Не были известны тогда и факты, характеризующие все более нараставшую враждебность Пушкина к николаевской действительности. Все это надо учитывать, говоря о тех оценках Белинским Пушкина, которые теперь опровергаются фактами (как, например, замечание Белинского в зальцбруннском письме к Гоголю о падении популярности Пушкина вследствие того, что поэт надел камер-юнкерскую ливрею).

Для современников Пушкина личность его была во многом загадочной, исполненной непримиримых противоречий. Белинский сам осознавал эту загадочность и неясность пушкинского облика как препятствие для характеристики поэта. В 1840 г. Белинский, имея в виду всю сложность постижения Пушкина, пишет Аксакову: «Пушкин всего поглотил меня», но признается: «чем более узнаю <его>, тем более не надеюсь узнать» («Письма», I, 24). А в первой статье о Пушкине (1843) Белинский с присущей ему откровенностью писал: «Чуждые ложного стыда — не побоимся сказать, что одною из главных причин, почему не могли мы ранее выполнить своего обещания нашим читателям, касательно разбора сочи-

нений Пушкина, было сознание неясности и неопределенности собственного нашего понятия о значении этого поэта!»

Ко времени работы над статьями о Пушкине (1843—1846) многие вопросы мировоззрения поэта стали для Белинского яснее. С исключительной, для своего времени, глубиной Белинский раскрыл в этих знаменитых статьях значение Пушкина как великого национального гения, родоначальника новой русской литературы, охарактеризовал особенности его реализма, показал непреходящую роль пушкинского творчества для передовой России.

Изучение высказываний Белинского о творчестве Пушкина показывает, что переломным моментом в его оценках поэта явился 1837 год. Эволюция мировоззрения самого Белинского, а также демонстрация всенародного гнева в связи с убийством Пушкина, которая нашла свое выражение в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта», обусловили коренные изменения во взглядах критика на Пушкина. В письме к М. А. Бакунину от 16 августа 1837 г. Белинский писал: «Пушкин предстал мне в новом свете, как будто я его прочел в первый раз» («Письма», I, 126). В письме к нему же от 1 ноября 1837 г. Белинский сообщает: «Скоро примусь за статью о Пушкине. Это должно быть лучшею моею критическою статьею» (т а м ж е, 138). В других письмах 1837—1841 гг. Белинский неоднократно высказывает свое восхищение гением Пушкина, отвергает сопоставления его с Шиллером и Гете, утверждая при этом превосходство Пушкина над ними, называет Пушкина «русским Атлантом». Восприятие Белинским пушкинского творчества достигает, судя по письмам, исключительной остроты и напряжения. В 1839 г. он пишет Панаеву: «Пушкин меня с ума сводит. Какой великий гений, какая поэтическая натура» (т а м ж е, 335). А в письме к К. С. Аксакову в 1840 г. с необычайной силой подчеркивает значение поэта для современности: «Пушкин... выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни...»; в раны Пушкина, продолжает он, «мы можем влагать персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать ее <русскую жизнь>» («Письма», II, 137). По-новому осмысляет Белинский и судьбу Пушкина: «...Пушкин жил в нищенстве и погиб жертвой подлости,— пишет он Боткину в декабре 1840 г.,— а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою помощию д о н о с о в и живут припеваючи» («Письма», II, 187). В статьях и заметках, печатавшихся в эти годы, Белинский неоднократно упоминает о «страдальческой кончине», «безвременном конце», «недоконченной жизни» Пушкина. Он встает на защиту поэта, опровергая клеветнические измышления Булгарина и Греча, выступая против тех, кто стремился «поколебать треножник, на котором горит пламя поэзии великого национального поэта» (слова Белинского в статье 1838 г. о IX, X и XI томах сочинений Пушкина).

Белинский отходит, хотя и не без внутренней борьбы, от своих прежних мнений о том, что «„Борис Годунов“ был последним великим подвигом» Пушкина, что пушкинский период оказался кратковременным и что творчество поэта не отвечает требованиям времени («Литературные мечтания»). Пушкин постепенно осознается Белинским как наиболее полный выразитель своей эпохи, как поэт глубоко идейный и как воспитатель народа. Правда, Белинский и в позднейших статьях, например 1844 г., допускает утверждения о том, что Пушкин не «гордый, неукротимый дух», а «созерцательная личность», что он не «поэтический трибун» и «в тридцать лет распрощался с тревогами своей кипучей юности не только в стихах, но и на деле». Эти высказывания можно объяснить, с одной стороны, теми задачами борьбы за новый тип революционного поэта-демократа, которые стояли перед Белинским, а с другой — незнакомством его с теми фактами биографии Пушкина, которые стали достоянием рус-

ского общества лишь много лет спустя. Но характерно все же, что в заключение цикла своих статей о Пушкине Белинский вносит серьезный корректив в приведенную выше оценку личности поэта: «Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характере сильном и мощном, в нем было много детски-кроткого, мягкого и нежного».

Полное раскрытие темы «Белинский и Пушкин» требует монографического исследования большого объема. Здесь мы хотим лишь указать на сложность этой темы и актуальность ее как для понимания роли пушкинского творчества в развитии самого Белинского, так и для раскрытия зачастую еще не расшифрованных или не комментированных оценок поэта великим критиком. В связи с этим мы хотим остановиться на интереснейшей попытке Белинского провести через цензуру свою оценку гибели Пушкина, попытку, неучтенную ни в пушкиниане, ни в обзорах на тему «Пушкин и Белинский».

В 1841 г. в «Отечественных записках» (т. XV, № 3) была напечатана статья Белинского «Собрание стихотворений Ивана Козлова». В начале статьи содержится следующее рассуждение о русской литературе и понесенных ею утратах:

«Двадцатые года текущего века ознаменовались сильным движением в нашей литературе: явился Пушкин с дружиною молодых, замечательных талантов,— и вот мы, вскормленные и взлелеянные их звуками, не прошли, может быть, еще и половины дороги своей жизни, а уже нет и Пушкина, нет и многих из его сподвижников! Итак, мы детьми встретили новый и самый цветущий период нашей литературы, и юношами проводили его до могилы... А сколько утрат понесла наша литература в лице

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

ПЕРВЫЙ ТОМ ЖУРНАЛА ПУШКИНА «СОВРЕМЕННИК»

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

ее представителей, похищенных смертию, большею частию безвременною! Четвертое десятилетие текущего века было особенно траурною годиною для нашей литературы: Мерзляков, Гнедич, Дельвиг, Пушкин, Полежаев, Марлинский, Дмитриев, Давыдов умерли в продолжении каких-нибудь десяти лет. За исключением Дмитриева, умершего в полноте лет, вполне совершившего свое призвание, другие умерли, еще не сделав всего, что можно было ожидать от их дарований, как напр. Мерзляков и Гнедич; Марлинский умер рано для своих многочисленных почитателей, но в самую пору, чтоб не видеть падения своей славы; остальные слишком рано умерли и для себя и для публики... И между ними, *он*, который один мог составить эпоху во всякой литературе; *он*, еще только вполне созревший для великих созданий, хотя уже и много создавший великого и бессмертного... Увы!

Скольких бодрых жизнь поблекла!
Скольких низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

. . . .

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг пожал:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева!

. . . .

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвесть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!»

(VI, 144—145)

На этом интересующий нас отрывок заканчивается (далее Белинский переходит к характеристике Козлова). Автора цитированных стихов Белинский не указал. Это были искусно смонтированные и исключительно удачно примененные к случаю строфы из стихотворения Жуковского «Торжество победителей» (из Шиллера).

Кто же был тот писатель, которого Белинский многозначительно, но анонимно выделил курсивным «*он*»? С. А. Венгеров в примечаниях к VI тому сочинений Белинского коротко, без всяких мотивировок и комментариев заявляет: «Конечно, Пушкин» (VI, 575). На первый взгляд это указание кажется сомнительным, ибо Белинский в той же статье, несколько выше, говоря о безвременных утратах русской литературы, упоминает имя Пушкина без всяких иносказаний. И все же несомненно, что слова о писателе, который «один мог составить эпоху во всякой литературе», «еще только вполне созревший для великих созданий, хотя уже и много создавший великого и бессмертного»,— могли относиться или к Пушкину или к Лермонтову. Но статья писалась до смерти Лермонтова (цензурное разрешение номера «Отечественных записок» — 28 февраля 1841 г.); следовательно, цитированный отрывок должен быть отнесен к Пушкину.

До сих пор в литературе не поднимался вопрос о смысле этого отрывка, да и сам он остался как бы вне поля зрения исследователей. Между тем он имеет принципиальное значение. В иносказательной форме, Белинский, тонко используя строфы из стихотворения Жуковского «Торжество победителей», выразил (в подцензурной печати!) негодование и возмущение по поводу убийства Пушкина — «великого Патрокла», свое вос-

ПЯТЫЙ ТОМ ЖУРНАЛА ПУШКИНА «СОВРЕМЕННИК», ИЗДАННЫЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЭТА
Экземпляр из библиотеки Белинского
Музей И. С. Тургенева, Орел

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА.

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1837.

хищение героической личностью поэта, одержавшего моральную победу над врагом («Жизнь твою не враг пожал»), и, наконец, свою уверенность в нетленности славы поэта. Можно с полной уверенностью сказать, что так о Пушкине в подцензурной печати было сказано впервые. При этом следует подчеркнуть, что в той же статье Белинский писал, что Пушкин «с дружиною молодых замечательных талантов» воспитал новое поколение (говоря «мы, вскормленные и взлелеянные их звуками»,— Белинский, следовательно, имел в виду и себя). Все это знаменовало собою полный перелом в тех оценках Белинским Пушкина, которые были известны читателям не только по статье «Литературные мечтания», но и по более поздним высказываниям критика (выше мы коснулись, по необходимости бегло, подготовки этого перелома во взглядах Белинского). Следовательно, трудно переоценить суждение о Пушкине, высказанное в цитированной выше статье о Козлове, тем более, что в такой категорической форме оно осталось у Белинского единственным.

Для того, чтобы в полной мере раскрыть особенности этой оценки Белинским Пушкина, необходимо напомнить об особенностях истолкования критиком стихотворения, образами которого он воспользовался.

В балладе Шиллера «Торжество победителей» (переведенной Жуковским в 1828 г.) Белинскому были дороги мотивы гражданской доблести и героического бесстрашия. Именно в этом аспекте Белинский характеризовал стихотворение позже, во второй статье о Пушкине. «Эта пьеса,— писал критик,— есть апофеоза всей жизни, всего духа Греции: эта пьеса — вместе и поэтическая тризна и победная песнь в честь отечества богов и героев». Детальный разбор этого стихотворения Белинским раскрывает для нас весь путь ассоциаций, которые связывали в его сознании

историю гибели Пушкина с поэтическим повествованием о битве героических греков с троянцами. Стихотворение «Торжество победителей» давало широкий простор для всякого рода «применений», ибо, по словам Белинского, «каждый из героев... высказывается каким-нибудь суждением, примененным к обстоятельству». Перечисление этих высказываний Белинский начинает так:

«Хитроумный Одиссей замечает, что не всякий насладится миром, возвращенный в свой дом, и, пощаженный богом войны, часто падает жертвою вероломства жены». Здесь имеются в виду следующие строки стихотворения:

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;

. . . .

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны;
Постоянный мир им страшен.

Такова первая ассоциация, связывавшая в сознании Белинского это стихотворение с историей гибели Пушкина (нужно иметь в виду, конечно, не фактическую историю гибели, а ту версию о драме ревности, которую вначале воспринял и Белинский). Продолжая далее свой разбор «Торжества победителей», Белинский отмечает как «особенно замечательные» слова Аякса, сына Оилея, и, в частности, цитирует строки:

Скольких бодрых жизнь поблекла!
Скольких низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Цитирует Белинский здесь и последнее четверостишие из стихов, относящихся к гибели второго Аякса, сына Теламона, храбрейшего из греков после Ахилла:

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.
 Мир тебе во тьме Эрева!
 Жизнь твою не враг пожал:
 Ты своею силой пал,
 Жертва гибельного гнева!

И, наконец, отметим слова Белинского о величайшем из героев, сражавшихся под Троей, Ахилле:

«Воспоминание об Ахилле дышит всею полнотою греческого созерцания героизма.

О Ахилл! О мой родитель!
(Возгласил Неоптолем)

Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем,
Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем славны именами
И сокрытые в пыли!
Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвесть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!» *

Вернемся теперь к тем строфам «Торжества победителей», которые были применены Белинским непосредственно к Пушкину. Белинский выбрал

УГОЛ НЕВСКОГО И НАБЕРЕЖНОЙ ФОНТАНКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисунок неизвестного художника, 1840-е гг.

«...Гоголь... спрашивает меня, как мне понравился Петербург. Невский проспект — чудо, так что перенес бы его, да Неву, да несколько человек в Москву» (из письма Белинского к В. П. Боткину от 22 ноября 1839 г.)

Исторический музей, Москва

из стихотворения и соединил через многоточия именно те строфы, которые могли быть применены к Пушкину без всяких натяжек. В результате, три строфы, имеющие в «Торжестве победителей» разные мотивировки (первая говорит о Патрокле, следующая — о втором Аяксе и третья — об Ахилле), будучи соединены Белинским, составили как бы самостоятельное стихотворение, отнесенное к гибели Пушкина (см. выше). Слова из первой строфы «Жив презрительный Терсит!» в примененном Белинским контексте давали читателям повод для очень определенных заключений по отношению к врагам поэта.

Как оценка героической жизни Пушкина звучал стих из второй строфы: «Жизнь твою не враг пожал...» Значение такой оценки было тем более

* Курсив Белинского.—*Б. М.*

важно, что вскоре после смерти Пушкина реакционные круги всячески стремились развенчать поэта и окружить имя Дантеса романтическим ореолом. И, наконец, как признание вечности славы поэта воспринималась третья строфа: «Слава дней твоих нетленна...» (оказавшаяся созвучной опубликованному вскоре стихотворению Пушкина «Памятник»).

Соотнесенность мотивов стихотворения «Торжество победителей» с историей гибели Пушкина прочно закрепилась в сознании Белинского. Через пять лет после статьи о сочинениях Козлова, в одиннадцатой статье о Пушкине (1846), Белинский повторил свою аналогию.

Таково содержание этой оценки Белинским героической личности и трагической судьбы Пушкина, оценки, которая должна занять свое место в своде суждений великого критика о великом поэте.

Следует отметить, что использование Белинским образов античной мифологии для характеристики героизма личности Пушкина явилось прямым продолжением декабристской традиции в трактовке античности. Сходство в интерпретации здесь несомненно: достаточно вспомнить античные мотивы и образы в политической лирике декабристов. Но имеется и прямое доказательство этой объективной исторической связи. В 1837 г. ссыльный декабрист Кюхельбекер написал стихотворение «19 октября» (вписано в дневник), посвященное лицейской годовщине, в котором вспоминает героический образ Ахилла и говорит о гибели Пушкина в таких же скорбных интонациях, какие звучали затем у Белинского:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушенных сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина, меж вами нет.
Не принесет он новых песен вам,
И с них не затрепещут перси ваши...

〈Впервые посмертно: «Отеч. зап.», 1861, т. CXXXIX, стр. 40〉

Так сошлись в своей скорби о гибели Пушкина представители двух поколений революционного движения.

БЕЛИНСКИЙ В БОРЬБЕ С РОМАНТИЧЕСКИМ ИДЕАЛИЗМОМ

Статья Л. Гинзбург

I

Еще со времен Радищева политическое, революционно-просветительское начало русской общественности противостояло началу мистическому, религиозно-философскому (масонская традиция 1780-х годов)[1].

В дальнейшем, в зависимости от соотношения классовых сил, от напряженности политической борьбы, антагонизм двух этих начал то стушевывался, то выступал со всей отчетливостью.

В эпоху декабризма иррационалистически-идеалистическое направление ощущалось как ненациональное и как антиреволюционное. Именно так декабристская молодежь воспринимала, например, Жуковского.

Идеология любомудров — это переход от декабризма к идеализму 30-х годов, и в ней начала умозрительно-философское и политическое (декабристская традиция, особенно сильная у Веневитинова) находились в сложном и противоречивом взаимодействии, как бы в состоянии взаимного отталкивания. Эта особенность ее определена тем, что любомудры были взращены декабристской эпохой.

Другое дело 30-е годы. В 30-х годах дворянское революционное движение, потерпевшее непоправимое поражение, приняло кружковые формы. Движение революционных демократов находилось еще в стадии зарождения. Этот промежуточный период в истории русской общественности,— быть может, единственный, когда иррационалистический идеализм временно уживался с революционностью.

Политическая реакция и общественная депрессия, порожденные катастрофой 14 декабря, создали предпосылки для развития романтического идеализма 30-х годов. Но русский последекабристский романтизм — в отличие от западного — не был реакцией на революцию (отрицанием революции); он, напротив того, был ответом на гнет подавившего дворянскую революцию разнуздавшегося самовластия. В этом особенность русского романтического идеализма и об этой особенности следует твердо помнить.

Для того, чтобы дворянская интеллигенция стала носительницей охранительных идей, недостаточно оказалось испуга самодержавия перед гвардейскими офицерами, вышедшими на Сенатскую площадь; понадобился еще испуг образованного дворянства перед растущей демократией, как отражение испуга всего помещичьего класса перед углублявшимся движением крестьянского стихийно-революционного протеста против крепостнического рабства. Это случилось уже в 40-х годах, в эпоху обострения классовых противоречий, и нашло свое выражение в доктрине славянофилов. В 30-х же годах для дворянской интеллигенции характерен вынужденный отказ от политической активности, но отнюдь еще не характерно доброхотство в поддержке охранительных начал.

Романтический идеализм 30-х годов также был своего рода протестом (пассивным) против самодержавного, крепостнического, бюрократиче-

ского строя, тогда как славянофильский романтизм 40-х годов становился постепенно активной формой протеста против требований буржуазно-демократических. Русские романтики последекабристской поры отказались от политического действия (многие из них заплатили за это моральной депрессией), но они никогда не давали согласия на режим Николая I.

Равно чуждые казенной идеологии, одни из них мечтали (правда, это были еще туманные мечты) о социальной справедливости и свободе, другие — о «божественной гармонии». Мысль одних была направлена как бы мимо идей революции (но не против этих идей); мысль других непосредственно встретилась с непрерывающейся революционной традицией русской общественности.

На протяжении XVIII—XIX вв. русское освободительное движение, отражая все обострявшиеся противоречия основных классовых сил в стране, неоднократно пересматривало свои идейно-политические лозунги и меняло свои организационные формы. Но борьба за осуществление общего, основного и остававшегося неизменным требования освободительного движения — ликвидации крепостничества, — то вспыхивая, то затухая, не прекращалась полностью никогда.

Для 30-х годов характерно подспудное прозябание революционной мысли. Последекабрьская эпоха ознаменована не только правительственным гнетом, но и реакционным поворотом дворянской массы, вынужденной искать опоры в сильной власти. В то же время бытие николаевского дворянства охвачено глубокими противоречиями, которые в низах помещичьего класса питают неосознанное недовольство, а на культурных его верхах — различные виды противоказенной идеологии.

В русском обществе 30-х годов еще существуют остатки старой декабристской интеллигенции. Опустошенная, сломленная, но все еще упорно фрондирующая, она поклоняется своим уцелевшим кумирам — Ермолову, Чаадаеву, Михаилу Орлову. Молодая дворянская интеллигенция романтического толка также враждебна или, по меньшей мере, чужда официальной чиновничьей России. И наконец, на культурное поприще постепенно выходит разночинная молодежь, несущая с собой новые демократические запросы. Ранних представителей русской разночинной интеллигенции мы находим в московских университетских и полууниверситетских кружках — братьев Критских, Сунгурова, в кружке Уткина, Соколовского и др., разгром которого в 1834 г. повлек за собой арест Огарева, Герцена и их друзей. На этой сложной основе возникают разные формы выражения политического недовольства и разные соотношения «политического» начала с «философским».

В наиболее демократических студенческих кружках 30-х годов преобладали, конечно, политические интересы, первоначально, впрочем, без сознательной отчужденности от идеалистической философии. В этой связи не следует забывать, что мир современного естествознания, в который жадно устремлялась молодежь 30-х годов, открывал этой молодежи представитель романтической натурфилософии Павлов.

В кружке Станкевича господствовало философское направление, но, первоначально, без принципиальной враждебности по отношению к идее политического протеста (враждебность эта возникла только в последний гегельянский период кружка), и уж во всяком случае без всякого сочувствия существующему режиму.

Наконец, в кружке Герцена — Огарева мы находим своеобразное равновесие противоречивых идеологических начал (с одной стороны, идеалистическое умозрение, с другой стороны — вопросы социально-политической практики), начал, между которыми скоро, на рубеже 40-х годов, возникнет непримиримая борьба. Но в 30-х годах романтическая философия еще уживалась с мечтами о социальной революции[2].

Кружок был, несомненно, средоточием политических устремлений. Притом идеологи его (Герцен, Огарев, Сазонов) стояли на такой высоте умственного развития, что им невозможно было обойти вопрос о философском обосновании ценностей. А современность 30-х годов настойчиво подсказывала им обоснование романтически-идеалистическое. Из сочетания романтического идеализма с проблематикой социальной справедливости и политической свободы возник ранний русский утопический социализм — утопический социализм Герцена и Огарева, отнюдь не чуждавшийся (в отличие от западного утопизма) идеи политической борьбы.

Сосуществование революционно-социалистических устремлений с идеализмом оказалось, однако, недолговечным.

В 40-х годах углубление классовых противоречий до крайности заострило борьбу идей. Белинский и Герцен провозглашают сочетание трех элементов — революционности, социализма и реализма, и провозглашают его очень рано — уже в 1842—1843 гг., прежде чем до этого сочетания дошла передовая мысль Западной Европы.

В развитии русского общественного сознания это поворотный момент огромного исторического значения. Начиная с этого момента, русская революционная мысль больше не мирится с идеализмом. Резкое размежевание двух идеологических начал оказалось неизбежным. Недаром славянофилы осознают себя и идеологически складываются в тот самый исторический момент, когда Белинский и Герцен начинают утверждать неразрывную связь между интересом к социальной действительности и реалистическим методом ее рассмотрения.

Славянофилами начинается новый этап русского романтического идеализма. В эпоху обостряющейся классовой борьбы и для них стало ясно, что всякое общественное учение, претендующее на жизнеспособность, не может уже пребывать в области «чистого умозрения», но должно дать ответ на ряд политических и социальных вопросов, выдвигавшихся всем ходом исторического развития страны.

Ответ славянофилов получился охранительный. Они отнюдь не отрицали постулируемую Белинским и Герценом связь между реализмом и революционным решением социально-политических вопросов; они признали эту связь и соответственно осудили оба ее элемента.

Запоздалый романтический идеализм впервые стал реакцией на революцию и оказался на службе у охранительных сил. Для левых славянофилов, привыкших к своей оппозиционной роли, новое положение оказалось неожиданным, нежелательным и практически бесполезным, ибо не избавляло их от полицейских преследований и цензурной травли. Но такова была объективная функция охранителей дворянской культуры против революционного и реалистического начала, сформулированного в начале 40-х годов Герценом и Белинским.

В этом процессе идеологического размежевания романтизм или антиромантизм из факта литературного или философского становится мерилом идейной, моральной и политической позиции.

Славянофилы, с их помещичьим классовым сознанием, задерживаются на позициях романтического идеализма. Попытка младших славянофилов — Конст. Аксакова и особенно Самарина — совместить религиозное сознание с культом научного знания и логической мысли — окончилась, естественно, неудачей. После бесплодной борьбы Самарин подчинился авторитету Хомякова, употреблявшего весь свой громадный дар диалектика и логиста для доказательства иллюзорности рационального познания.

В «Замечательном десятилетии» Анненков писал: «...Герцен и Грановский разошлись по вопросам, возникшим в конце концов на почве той самой западной цивилизации, явлениями которой они так занимались.

Толчок к новому подразделению партии дали уже идеи социализма и связанный с ними переворот в способе относиться к метафизическим представлениям»[3].

Здесь речь идет о распадении «западнической партии» на либералов и демократов-революционеров и о переходе этих последних на позиции материалистической или тяготеющей к материализму философии. Анненков сам отнюдь не сочувствовал этому кругу идей, но он понимал, что в 40-х годах назрела потребность согласовать социально-политическую программу с философской основой мировоззрения, установить философскую связь между социальной революцией и реализмом.

На путь преодоления романтического идеализма вступают Белинский, Герцен, Огарев, Петрашевский, отчасти Бакунин и Боткин. Бакунину, однако, это преодоление по существу не удалось (к этому мне придется еще вернуться). Огарев свои идейные достижения начала 40-х годов вносит в русское общественное движение несколько позднее. Боткин и на новых антиромантических позициях остался вечным дилетантом, и притом он шел не к революционному материализму, а к буржуазному позитивизму. Борьбе против романтизма за новое миропонимание положили начало Белинский и Герцен.

II

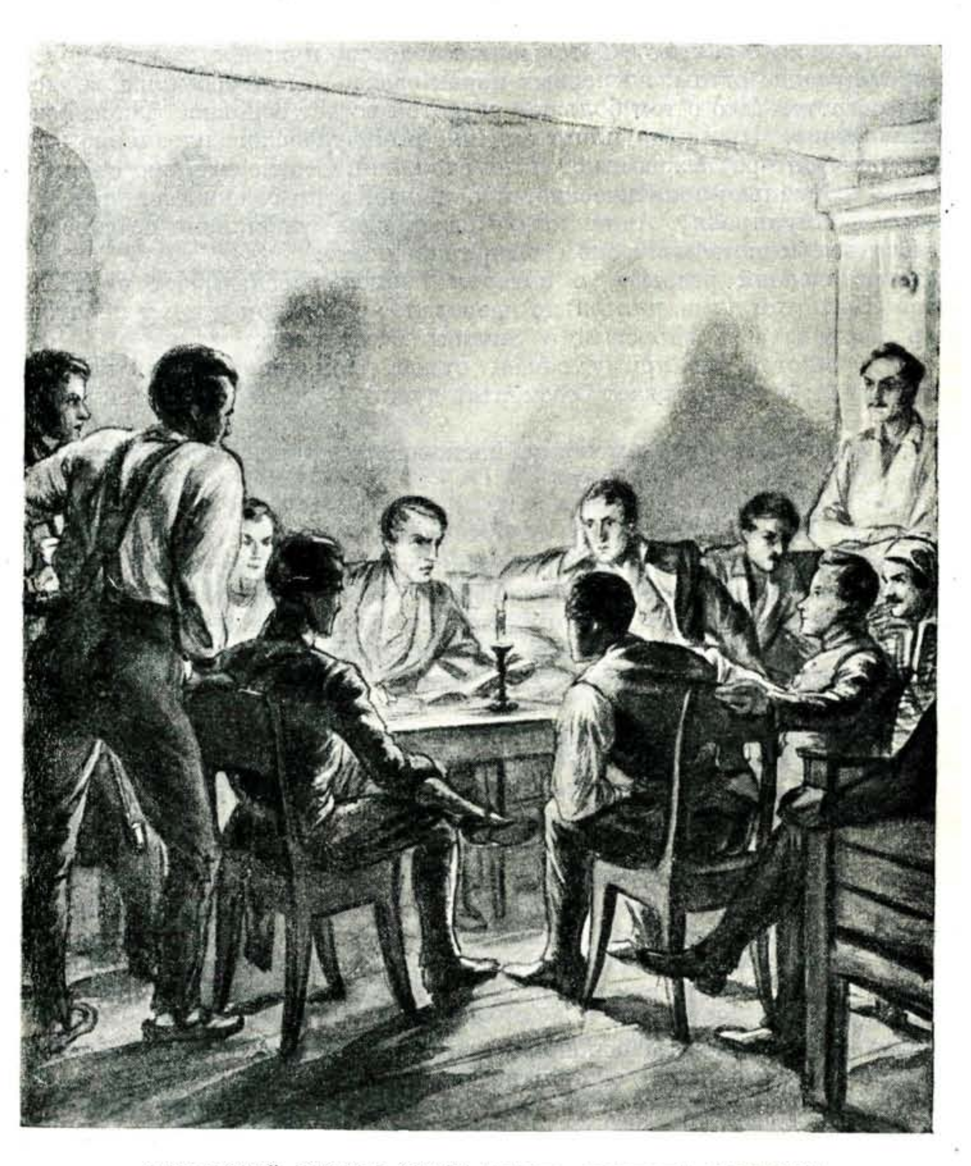
В чем же исторический смысл этой борьбы, со всей ее страстностью и беспощадностью? Другими словами, что такое тот романтизм, против которого на рубеже 40-х годов неутомимо боролась передовая русская мысль?

Это не романтизм Пушкина, ибо Белинский 40-х годов уже решительно выключает Пушкина из романтизма; не романтизм Жуковского, поскольку от типологического понимания романтизма (вечное начало человеческого духа) Белинский в это время приходит уже к историческому и романтизм в прошлом, в частности Жуковского, оценивает положительно. По той же причине речь идет и не о западном романтизме конца XVIII — начала XIX в. и меньше всего — о современном французском романтизме, в котором левые западники ценили реалистические тенденции и социальный пафос.

Романтизм, с которым борются Белинский и Герцен, — это свой романтизм, русский, современный, лично пережитый, и еще до конца не изжитый; это романтический идеализм 30-х годов[4].

7 ноября 1842 г. Белинский писал Николаю Бакунину: «...С некоторого времени во мне произошел сильный переворот; я давно уже отрешился от романтизма, мистицизма и всех „измов"; но это было только отрицание, и ничто новое не заменяло разрушенного старого, а я не могу жить без верований, жарких и фантастических... Теперь я опять иной. И странно: мы, я и Мишель <М. А. Бакунин>, искали бога по разным путям — и сошлись в одном храме. Я знаю, что он разошелся с Вердером, знаю, что он принадлежит к левой стороне гегелианизма, знаком с R. <очевидно, с А. Руге> и понимает жалкого, заживо умершего романтика Шеллинга... Дорога, на которую он вышел теперь, должна привести его ко всяческому возрождению, ибо только романтизм позволяет человеку прекрасно чувствовать, возвышенно рассуждать и дурно поступать» («Письма», II, 317).

Здесь очевидно, насколько для Белинского понятие романтизма перерастает всяческие литературные отношения. Романтизм противопоставляется не классицизму (только такого рода сопоставления были понятны для русских романтиков и антиромантиков 20-х годов) или «реальному искусству», а, в первую очередь, левому гегельянству и социализму.



БЕЛИНСКИЙ ЧИТАЕТ СВОЮ ДРАМУ «ДМИТРИЙ КАЛИНИН»
Акварель В. А. Милашевского, 1938 г.
Институт мировой литературы им. Горького АН СССР, Москва

Вот почему к началу 40-х годов вопросы политические, социальные, моральные, эстетические, гносеологические тесно сплелись между собой; и каждый из них в отдельности, и все они вместе имели свое романтическое и свое антиромантическое решение.

Но вот что замечательно: расхождения во взглядах на социализм или на политическую тактику, которые впоследствии привели бывших друзей во враждующие станы, на первых порах еще не были осознаны во всей своей остроте. Зато с тем большей остротой встает основное философское противоречие. Принятие или отрицание романтического идеализма — вот на чем вначале размежевываются направления. Соотносительно с этим решались социально-политические, моральные, эстетические вопросы. Напомню формулировку Анненкова о связи идеи социализма со способом «относиться к метафизическим представлениям».

«Теоретический разрыв», о котором Герцен рассказывает в XXXII главе «Былого и дум», длительно назревал, но поводом к нему послужил спор Герцена с Грановским о личном бессмертии.

«...Я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тела и духа; с ней исчезает бессмертие души», — сказал Грановский Герцену и Огареву.

Эта фраза была началом конца московского дружеского кружка.

III

Белинский вел идеологическую борьбу как литературный критик, притом как критик, часто вынужденный разбирать текущую третьестепенную литературу. Вот почему основной философский объект антиромантических выступлений Белинского не всегда прямо назван, но он всегда присутствует и может быть раскрыт в любом, казалось бы, самом частном замечании критика.

Антиромантические высказывания Белинского находятся в тесной связи с той схемой развития русской литературы, — в сущности русской культуры, — которую Белинский строит в 40-х годах и которая и сейчас не утратила свою жизнеспособность.

Русская литература, — утверждает Белинский, — «...постоянно стремилась к самобытности, народности, из риторической стремилась сделаться естественною, натуральною. Это стремление, ознаменованное заметными и постоянными успехами, и составляет смысл и душу истории нашей литературы... Ни в одном русском писателе это стремление не достигло такого успеха, как в Гоголе» («Взгляд на русскую литературу 1847 года» — XI, 89).

Здесь сформулирована основная, ведущая мысль зрелого Белинского; мысль о е́динстве нача̀л самобытности, народности и реализма; мысль о глубоко национальном характере русской «натуральной школы».

Отсюда оценка романтизма, в которую Белинский, освобождаясь (хотя и не до конца) от свойственных эпохе типологических определений, решительно вносит исторический элемент. Русский романтизм Белинский считал явлением наносным, ненациональным, но исторически необходимым в качестве ступени развития русского культурного сознания, и он не отказался от своей высокой оценки Жуковского.

Жуковский «...ввел к нам романтизм, без элементов которого, в наше время, не возможна никакая поэзия. Пушкин, при первом своем появлении, был оглашен романтиком. Поборники новизны называли его так в похвалу, староверы — в порицание; но ни те, ни другие не подозревали в Жуковском представителя истинного романтизма. Причина очевидна: романтизм полагали в форме, а не в содержании. Правда, романтическое содержание не может укладываться в определенные по самому

объему и соразмерные формы древней поэзии... Но не в этом сущность романтизма. Романтизм — это мир внутреннего человека, мир души и сердца, мир ощущений и верований, мир порываний к бесконечному, мир таинственных видений и созерцаний, мир небесных идеалов...» («Русская литература в 1841 году» — VII, 26).

Эти строки написаны в 1842 г., когда процесс преодоления романтизма для Белинского еще не был завершен. Но Белинский и в дальнейшем остается верен основным чертам намеченной здесь концепции. Для него романтизм — это романтический идеализм и спиритуализм, из сферы которого он решительно выключает Пушкина. Этот «средневековый романтизм» имел свое историческое право на существование, но в качестве явления современности он — вредный пережиток. Антиромантический пафос Белинского возрастает по мере того, как в Гоголе и в гоголевском направлении он открывает принцип современного искусства.

В статьях 40-х годов Белинский протестует именно против романтизма в современности, объединяя в этом понятии явления довольно разнородные, но, в конечном счете, сводимые к нескольким основным и соотнесенным между собой моментам.

Для Белинского современные романтики — это, во-первых, славянофилы, сознательно задержавшиеся на позициях философского идеализма 20—30-х годов и развившие это воззрение в сторону церковной догматики и мистического национализма. Во-вторых, это люди его круга, устремившиеся к постижению конкретной действительности и остановившиеся на полдороге (например, Грановский и его друзья). В этой связи Белинский с особенной яростью обрушивается на собственное прошлое и на пережитки романтизма в собственном сознании.

И, наконец, Белинский враждует с мещанским, вульгарным романтизмом, неутомимо разоблачая и его корифеев (Сенковского, Кукольника, Бенедиктова и т. д.) и всю его массовую продукцию, начиная с 30-х годов наводнявшую книжный рынок. Об этой продукции Белинский, в качестве профессионального критика, вынужден был писать очень много. Но писал он об этом не только по обязанности. Полемический пафос, острота теоретической мысли, которые Белинский вкладывает нередко в рассмотрение заведомой макулатуры, свидетельствуют о том, что за этой макулатурой стояли для Белинского большие теоретические вопросы, что он видел в вульгарном романтизме искаженное, убогое отражение романтического идеализма и понимал существующую между ними связь.

Статья Белинского «Русская литература в 1845 году» в значительной своей части посвящена вопросу о пережитках романтического сознания.

«Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропание стишков и идеальное обожание неземной девы — вот родовые признаки... „романтиков" жизни. Первый разряд их состоит больше из людей чувствующих, нежели умствующих. Их призвание — страдать, и они горды своим призванием... Для чего все это? — Для того, что толпа любит есть, пить, веселиться, смеяться, а они во что бы то ни стало хотят быть выше толпы. Им приятно уверять себя, что в них клокочут неистовые страсти, что их юная грудь разбита несчастием... и на долю им осталось одно горькое разочарование... Они предпочитают любовь непонятую, неразделенную любви счастливой, и желают встречи или с жестокою девою, или с изменницей... Разлад с действительностью — болезнь этих людей» (X, 99). Построенный здесь образ — это детище вульгарного романтизма, лирический герой Бенедиктова. Но в то же время это сатирически обобщенное отражение романтического идеалиста 30-х годов, с его культом «избранной личности» и «великой любви».

ния, заслуживает презрение. Всякая поэзия, которой корни не в современной действительности, всякая поэзия, которая не бросает света на действительность, объясняя ее, — есть дело от безделья, невинное, но пустое препровождение времени, игра в куклы и бирюльки, занятие пустых людей...» (IX, 353).

Характерно, что присяжных поэтов славянофильского круга 40-х годов — Языкова и Хомякова — Белинский склонен рассматривать в одном ряду с представителями вульгарного романтизма, отнюдь не славянофилами, — Марлинским, Кукольником, Бенедиктовым, Тимофеевым и т. д., относя и тех и других к риторической традиции русской литературы, выделяя в них родственные черты, присущие всей «ложно-величавой школе».

В статье «Русская литература в 1844 году» Белинский подробно разбирает только что вышедшие сборники Языкова и Хомякова. Оба они рассматриваются как поэты определенной идеологической группировки. В поэзии Языкова Белинский вскрывает риторику ложной народности и стилизованного удальства; в поэзии Хомякова — уже прямо славянофильскую общественно-политическую риторику, принципиально не отличающуюся от риторики Марлинского или Бенедиктова[6].

У обеих «риторик» — единый источник: дуалистический разрыв с действительностью, приводящий к примирению с самыми гнусными ее сторонами, к реакционности.

IV

Последнее слово Белинского о романтическом идеализме сказано во второй части «Взгляда на русскую литературу 1847 года». Проблема романтизма поставлена знаменитой сравнительной характеристикой романов Герцена и Гончарова; точнее — характеристикой двух персонажей: Бельтова и Александра Адуева. Бельтов — романтик-интеллигент, тип, уловленный Герценом в кругу идеалистов 30-х годов и столь хорошо знакомый Белинскому. Адуев — это романтический тип, с высот спустившийся в провинциальную дворянско-мещанскую толщу. Замысел Гончарова был, разумеется, шире. Он хотел нанести удар вообще современному романтизму, но не сумел определить идеологический центр. Вместо романтизма он осмеял провинциальные потуги на романтизм.

В статье «Русская литература в 1851 году» Ап. Григорьев очень верно писал: «Стремление к идеалу не признает своего питомца в Александре Адуеве, и ирония пропала здесь задаром»[7].

Адуев — уже не идеолог, но, так сказать, эмпирический, бытовой романтик, «чувствующий, а не умствующий» — по классификации Белинского. Явление, с точки зрения Белинского, не менее вредное и опасное, потому что для Белинского 40-х годов, как и для Герцена, корень пережиточного романтизма — мечтательная бездейственность, губительный отказ от активного отношения к жизни («мечтательная бездейственность» роднит между собой столь непохожих Бельтова и Адуева).

«Скажем несколько слов об этой не новой, но все еще интересной породе, к которой принадлежит этот романтический зверок...» — пишет Белинский.

Вслед за тем следует подробная характеристика бытовых романтиков, перечисление всего того, что «они называют жить высшею жизнию, не доступною для презренной толпы, парить горѣ, тогда как презренная толпа пресмыкается долу».

Эта характеристика явно повернута против «ложно-величавого» человека, человека вульгарного романтизма. Но в ней есть и скрытая полемическая направленность. В Александре Адуеве Белинский одновременно клеймит и бенедиктовщину и нечто для него гораздо более важ-

ное — культуру романтического идеализма, через которую он прошел сам и которую решительно преодолел.

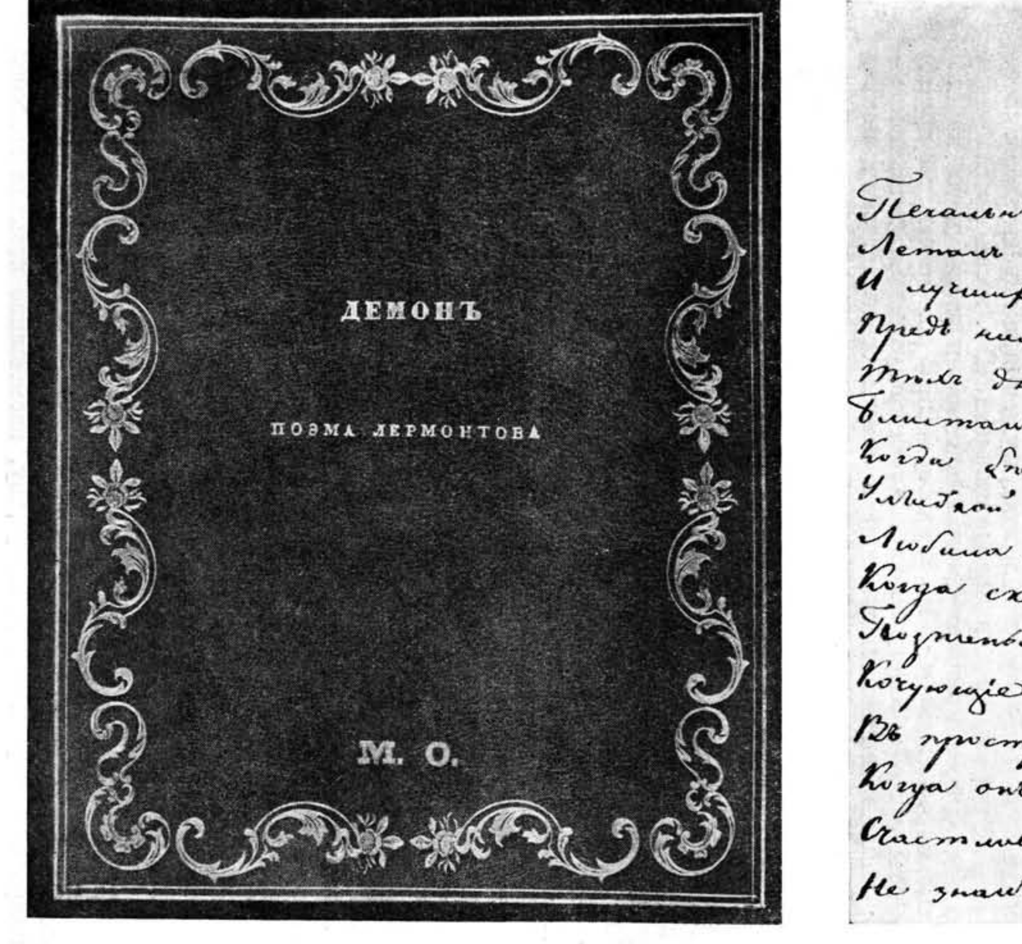
«Они долго бывают помешаны на трех заветных идеях: это — слава, дружба и любовь. Все остальное для них не существует; это, по их мнению, достояние презренной толпы».

Слава, дружба, любовь — этими идеями в высшей степени злоупотребляла «ложно-величавая школа» и все те адуевы, провинциальные и столичные, которых она вскормила. Но дело не только в них. Вспомним переписку участников кружка Станкевича, переписку Герцена, Огарева. Слава, дружба, любовь, конфликт между личностью и толпой — это решающие темы для духовной жизни интеллигентов 30-х годов. Конечно, для Герцена, Огарева и их окружения идея с л а в ы неотделима от политического действия. Сюда же примыкает и идея дружбы (клятва на Воробьевых горах). Даже романтическое презрение к «толпе» переосмысляется политически. «Толпа» — это, разумеется, не народ; это торжествующая и косная сила, носительница социального зла, несправедливости и насилия. Революционный романтизм преображал традиционные идеалистические мотивы. Но в своей борьбе с пережитками романтического идеализма Белинский, понятно, устремляет внимание не на то, чтó отделяло русские романтические кружки 30-х годов от общеромантической традиции, но на то, чтó объединяло их с общеромантическим культом «славы, дружбы, любви».

Белинский переходит к характеристике романтической дружбы, и образ романтика раздваивается в его анализе: уездный недоросль Адуев уступает место «идеалисту 30-х годов». «Они дружатся по программе, заранее составленной, где с точностью определены сущность, права и обязанности дружбы: они только не заключают контрактов со своими друзьями. Им дружба нужна, чтоб удивить мир и показать ему, как великие натуры в дружбе отличаются от обыкновенных людей, от толпы. Их тянет к дружбе... потребность иметь при себе человека, которому бы они беспрестанно могли говорить о драгоценной своей особе. Выражаясь их высоким слогом, для них друг есть драгоценный сосуд для излияния самых святых и заветных чувств, мыслей, надежд, мечтаний и т. д.; тогда как в самом-то деле в их глазах друг есть лохань, куда они выливают помои своего самолюбия. Зато они и не знают дружбы, потому что друзья их скоро оказываются неблагодарными, вероломными, извергами, и они еще сильнее злобствуют на людей, которые не умели и не хотели понять и оценить их...»

Все это сказано по поводу Александра Адуева, но очевидно, что не только об Александре Адуеве здесь речь: эти строки имеют еще других скрытых адресатов: в них как-то преломились воспоминания о дружбе, которая процветала в идеалистических кружках 30-х годов и через все соблазны и мытарства которой прошел сам Белинский. Скорее всего Белинский писал эти строки, вспоминая мучительную и сложную эпопею своей дружбы с Михаилом Бакуниным.

Необыкновенная история этих отношений развертывается перед нами в ряде писем 1837—1840 гг. Среди них особое место занимает огромное письмо к Бакунину, начатое 12 октября 1838 г. В нем Белинский, перед окончательным разрывом, подводит итоги своей дружбе с Бакуниным и до мельчайших извивов прослеживает ее катастрофическое течение: «...твое прекраснодушие, страсть к авторитету и прозелитизму, словом, все твои пошлые стороны, не исключая и чудовищного самолюбия, в моих глазах имеют один источник с твоими человеческими сторонами... С обеих сторон — отчаянная субъективность, и много диссонансов производила враждебная противоположность наших субъективностей. Сила, дикая мощь, беспокойное, тревожное и глубокое движение духа, бес-



Демонъ.

Часть 1.

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Леталъ надъ грѣшною землей,
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой, —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ;
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующiе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни страха, ни сомненья,

СПИСОК ПОЭМЫ ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН», СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ БЕЛИНСКИМ ДЛЯ СВОЕЙ НЕВЕСТЫ, М. В. ОРЛОВОЙ, 1842 г.

Переплет и первая страница списка

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

престанное стремление в даль, без удовлетворения настоящим моментом, даже ненависть и к настоящему моменту, и к себе самому в настоящем моменте, порывание к общему от частных явлений, — вот твоя характеристика...» («Письма», I, 303). Характеристика, чрезвычайно близкая к тому образу человека «романтической породы», который через девять лет Белинский построит с помощью гончаровского Адуева; человека, составленного из эгоизма, самолюбия, деспотизма и бесплодной мечтательности[8]. Разница в том, что в 1838 г. Белинский воспринимал еще этот характер (несмотря на его «пошлые и грязные стороны») как высокий и титанический; в 1847 г. он преследует тот же характер в его упрощенном обывательском варианте. В первом случае психологическая взвинченность оправдывалась работой мысли, подлинностью душевных страданий. Во втором случае перед нами лишь пустая оболочка, уродливый образец формы без содержания.

Осенью 1839 г. в письме к Станкевичу Белинский подробно рассказывает сложнейшую историю своих отношений с Бакуниным, Боткиным, Клюшниковым, Катковым («Письма», I, 337—377). Это огромное письмо — обличительный документ безобразных крайностей романтического индивидуализма, и невозможно не вспомнить его, читая в статье 1848 г. о людях, для которых «друг есть лохань, куда они выливают помои своего самолюбия». Этой же теме посвящено письмо 1840 г. к самому Бакунину, как бы подводящее итоги эмоциональной жизни дружеского кружка; и это письмо очень похоже на характеристику романтической дружбы в статье 1848-го года: «Основа нашей связи была духовная родственность — правда; но не вмешивалось ли сюда и обмена безделья, лени, похвал, т. е. взаимопохваления, и т. п.? По крайней мере, я очень хорошо помню, что с тобою мы разъехались с того самого времени, как начали стряхивать с себя твой гнетущий авторитет и осмелились, в свою очередь, и говорить тебе правду, и учить тебя... Я от души рад, что нет уже этого кружка, в котором много было прекрасного, но мало прочного; в котором несколько человек взаимно делали счастие друг друга и взаимно мучили друг друга... Вот и я с Боткиным переругался и теперь благодарю судьбу за эту жестокую ссору. До нее я на Боткина смотрел, как на абстрактное совершенство, но она показала мне, что и он человек, и в нем много дурного. Я на это рассердился, как будто владел монополией иметь много дурного. Я ощутил к Боткину жесточайшую ненависть, какой ни к кому не питал, к какой даже и не подозревал себя быть способным... Мы наделали друг другу пакостей — это была дань духу нашего кружка; пакостнейшая из этих пакостей была та, что в тайны семейной ссоры мы посвятили чужих людей. Но что ж? Все это послужило только к тому, чтобы доказать нам, что мы не просто приятели, а нечто побольше, и что связь наша только более скрепилась от того, от чего все связи разрываются» («Письма», II, 84).

К моменту отъезда Бакунина за границу его отношения с Белинским были окончательно испорчены. Приведенный выше (см. стр. 188) отрывок из письма к Николаю Бакунину свидетельствует о том, что Белинский заочно примирился с «Мишелем», узнав о его сближении с левыми гегельянцами. Впрочем, переписка между ними не возобновлялась. Личная встреча произошла в августе — сентябре 1847 г. в Париже. Эта встреча, очевидно, произвела на Белинского тягостное впечатление. Он убедился, что с Бакуниным ему не по пути. Для Белинского Бакунин, несмотря на новую социально-политическую программу, попрежнему романтик-иррационалист, человек, страдающий «разрывом с действительностью». В письмах к Анненкову и к Боткину конца 1847 г. Белинский неоднократно возвращается к Бакунину, насмешливо называя его «мой верующий друг».

В письме к Анненкову (декабрь 1847 г.) Белинский объяснил, что́ именно он понимает под верой «верующего друга». «Я эту веру определяю так: вера есть поблажка праздным фантазиям или способность все видеть не так, как оно есть на деле, а как нам хочется и нужно, чтобы оно было. Страшная глупость эта вера! Вещь, конечно, невинная, но тем более пошлая» («Письма», III, 320).

В письме к Боткину, написанном примерно в то же время, Белинский рассказывает о спорах, разгоревшихся в Париже вокруг герценовских «Писем из Avenue Marigny»: «Вот, с точки зрения этой неопределенности и сбивчивости в слове буржуази, письма Герцена sont attaquables. Это ему тогда же заметил Сазонов, сторону которого принял Анненков против Мишеля (этого немца, который родился мистиком, идеалистом, романтиком, и умрет им, ибо отказаться от философии еще не значит переменить свою натуру), и Герцен согласился с ними против него» («Письма», III, 328).

Наконец, в последнем своем письме к Анненкову Белинский зачисляет Бакунина вместе со славянофилами в категорию «мистиков, пиетистов и фантазеров» («Письма», III, 339)[9].

Белинский с большой чуткостью уловил в Бакунине своеобразное сочетание революционности, готовности к политическому действию с квиетизмом (для Герцена квиетизм — характернейшая черта славянофилов), с каким-то мистическим фатализмом; сочетания эти роковым образом сказались и на дальнейшей деятельности Бакунина.

Письмо к Анненкову, в котором Белинский называет Бакунина «мистиком» и «пиетистом», написано 15 февраля 1848 г. Примерно в это самое время писалась вторая часть «Взгляда на русскую литературу 1847 года» (цензурное разрешение номера «Современника» с этой статьей дано 30 марта).

Парижская встреча с Бакуниным обновила в Белинском пафос борьбы с пережитками романтического идеализма 30-х годов. Борьбу эту он, впрочем, не прерывал с того самого момента, как на рубеже 40-х годов начал ее вести против себя самого.

Личный, автобиографический подтекст ощущается и тогда, когда от характеристики романтической дружбы Белинский в своей статье переходит к характеристике романтической любви.

«Прежде всего разделяют любовь на материальную или чувственную, и платоническую или идеальную, презирают первую и восторгаются второю. Действительно, есть люди столь грубые, что могут предаваться только животным наслаждениям любви, не хлопоча даже о красоте и молодости; но даже и эта любовь, как ни груба она, все же лучше платонической, потому что естественнее ее: последняя хороша только для хранителей восточных гаремов... Человек — не зверь и не ангел; он должен любить не животно и не платонически, а человечески... Всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы только она была в сердце, а не в голове. Но романтики особенно падки к головной любви. Сперва они сочиняют программу любви, потом ищут достойной себя женщины, а за неимением таковой любят пока какую-нибудь... Им любовь нужна не для счастья, не для наслаждения, а для оправдания на деле своей высокой теории любви... Главная их забота являться в любви великими, и ни в чем не унизиться до сходства с обыкновенными людьми».

Далее — непосредственный переход к взаимоотношениям молодого Адуева и Наденьки; и опять возникает впечатление, что для Белинского гончаровский Адуев — только точка приложения мучительно изжитого опыта — и личного и, в особенности, группового.

Любовная переписка идеалистов 30-х годов проникнута дуалистически-романтическим пониманием любви (любовь небесная и любовь земная).

Ограничусь здесь отрывком из письма Герцена 1836 г., потому что знаменитая переписка Герцена с невестой является предельным, наиболее полным выражением романтических устремлений русской молодежи 30-х годов: «Да, я уверен в этом, я знаю твою душу, она выше земной любви, а любовь небесная, святая не требует никаких условий внешних. Знаешь ли ты, что я доселе не могу думать, не отвернувшись, от мысли о браке? Ты моя жена! Что за унижение: моя святая, мой идеал, моя небесная, существо, слитое со мною симпатией неба, этот ангел — моя жена! Да, в этих словах насмешка. Ты будто для меня женщина, будто моя любовь, твоя любовь имеет какую-нибудь земную цель!»[10].

Герцен, разумеется, до конца не выдерживает эту спиритуалистическую концепцию любви. В письмах 1838 г. речь уже идет и об «африканской крови» и о «земном огне» страсти и проч. Но принцип различения любви земной и небесной остается в силе [11].

Любовь платоническая и титаническая, головная и программная становится предметом вражды Белинского в 1840—1841 гг., в эпоху, когда он, приобщаясь к действительности, разделывался и с прежней «прекраснодушной» теорией любви и с воплотившим эту теорию чувством к Александре Александровне Бакуниной.

В письмах Белинского 1838 г. идеал платонической любви еще незыблем! «Нет, никакую женщину в мире не страшно любить, кроме ее ‹А. А. Бакуниной.—*Л. Г.*›. Всякая женщина, как бы ни была она высока, есть женщина: в ней и небеса, и земля, и ад, а это — чистый, светлый херувим бога живого; это небо, далекое, глубокое, беспредельное небо, без малейшего облачка, одна лазурь, осиянная солнцем!» («Письма», I, 190).

То же в более позднем письме: «Да — есть, есть упоение, вместе горькое и сладкое, грустное и радостное, есть безграничный Wollust узнать, что, не имея значения любимого человека, мы т е м б о л ь ш е е против прежнего имеем значение просто человека. Такое к нам отношение трепетно, свято боготворимого нами предмета особенно важно для нас и для того, чтобы, пережив эпоху испытания, успокоивши и уровнявши порывы мучительной страсти, мы могли бы, как магометанин к Мекке, обращать на этот боготворимый предмет взоры нашего духа с грустным, но сладостным чувством, и в святилище своего духа носить его образ светлый, без потемнения, всегда достойным обожания, во всем лучезарном, поэтическом блеске его святого значения...»

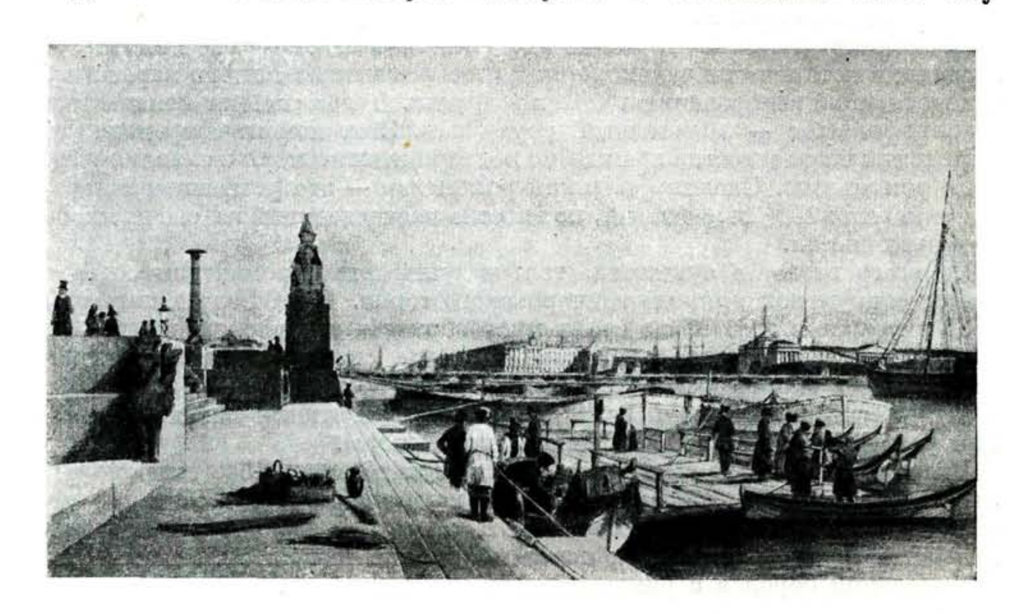
Вскоре эту платоническую любовь Белинский определит как любовь «головную» и «программную». В феврале 1840 г. он пишет Боткину: «...Когда я наклепал на себя чувство к Александре Александровне — для меня не было жесточайшей обиды со стороны Мишеля и твоей, как сомнения в действительности моего чувства» («Письма», II, 63).

«Недействительную», фантастическую любовь Белинский отнюдь не считает порождением своей личной психики. Для него это явление типовое, характерное для всего круга идеалистов-романтиков. В 1841 г. Белинский следующим образом анализирует отношения Боткина с той же А. А. Бакуниной: «По моему мнению, вы оба не любите друг друга; но в вас лежит (или лежала) сильная возможность полюбить друг друга. Тебя сгубило то же, что и ее — ф а н т а з м. В этом отношении вся разница между вами — ты мужчина, а она девушка. Ты имел о любви самые экстатические и мистические понятия. Это лежало в самой твоей натуре, по преимуществу религиозно-созерцательной; Марбах и Беттина (от которых ты с ума сходил) развили это направление до чудовищности» («Письма», II, 222).

В этом письме Белинский еще называет идеальную любовь «самым роскошным цветом жизни», но признает, что она возможна и действительна

только «как момент, как вспышка, как утро, как весна жизни». Но чем дальше, тем суровее расправляется Белинский, во имя действительности, с мечтательным направлением, тем самым и с мечтательной любовью, расплывающейся «в пустоте мистических призраков и аксаковского идеализма» (Письмо к В. П. Боткину от 10 декабря 1840 г. — «Письма», II, 180—181). Без сомнения, в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» звучат отголоски пережитого опыта.

Гончаровский Адуев раздвоился: в него одновременно вмещается и бытовой вульгарный романтизм 30-х годов и «высокий» идеализм кружка Станкевича. Но это еще не все. Заканчивая характеристику Адуева, Белинский возражает против превращения героя в преуспевающего чиновника, усматривает в этом художественную ошибку Гончарова. За этим следует неожиданный поворот: «...Лучше и естественнее было ему



ПЕТЕРБУРГ. ВИД НЕВЫ У АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Литография И. Перро, 1840-е гг.

«...7 ноября я буду уже на новой квартире: на Васильевском острове, во второй линии, против Академии Художеств...» (из письма Белинского к В. П. Боткину от 31 октября 1840 г.)

Исторический музей, Москва

сделать его мистиком, фанатиком, сектантом; но всего лучше и естественнее было бы ему сделать его, например, славянофилом. Тут Адуев остался бы верным своей натуре, продолжал бы старую свою жизнь, и между тем думал бы, что он и бог знает как ушел вперед, тогда как в сущности он только бы перенес старые знамена своих мечтаний на новую почву. Прежде он мечтал о славе, о дружбе, о любви, а тут стал бы мечтать о народах и племенах, о том, что на долю славян досталась любовь, а на долю тевтонов — вражда... Тогда бы герой был вполне с о в р е м е н н ы м ‹разрядка моя. — *Л. Г.*› романтиком, и никому бы не вошло в голову, что люди такого закала теперь уже не существуют...» (XI, 135).

Здесь уже Белинский нисколько не скрывает, что речь идет вовсе не об Александре Адуеве, который в роли преуспевающего чиновника все же гораздо уместнее, нежели в роли «фанатика и сектанта». Гончаровский Адуев — оружие, которым Белинский сражается с романтическим идеализмом, притом с несколькими его разновидностями.

В марте 1847 г. Белинский писал Боткину по поводу «Обыкновенной истории» Гончарова: «А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!» («Письма», III, 199). Но самые страшные удары нанес, конечно, не Гончаров, а Белинский. Во всяком случае, его удары поражали объекты, расположенные далеко за пределами той провинциальной сферы, которой удовольствовался Гончаров.

Последняя статья Белинского целит не только в вульгарный романтизм, не только в идеализм 30-х годов, но еще и в славянофильство, в 40-х годах упорствующее на своих идеалистических позициях. Славянофильство (современный романтизм) — третья ипостась Адуева.

Все три воплощения тесно связаны между собой, потому что все три порождены «разрывом с действительностью». Романтизму в прошлом, романтизму на своем месте Белинский обычно отдает должное даже в полемическом пылу. Романтический идеализм 30-х годов — для Белинского последний исторически закономерный этап романтизма, лично пережитый и подлежащий искоренению в себе и в других. Далее следует ненавистное славянофильство — современный романтизм. Этот момент современности Белинский часто и всегда враждебно подчеркивает, говоря о славянофильском романтизме. Славянофильский романтизм — это романтизм исторически незаконный, запоздалый, но злостно настаивающий на своей якобы своевременности.

Из всего этого, в сущности, только вульгарный романтизм соответствует социальной природе гончаровского героя. Если Белинскому удалось вместить в этот образ столь многообразное содержание, то именно потому, что вульгарный романтизм, по сути своей, — эклектичен. Это упрощенное, механическое отражение разных явлений — байронизма, академического идеализма, славянофильства, преломившихся в сознании реакционного мещанства николаевской поры.

Вторая часть статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 года» появилась в апреле 1848 г. 26 мая 1848 г. Белинский умер. Эта статья — последнее слово, сказанное Белинским о романтическом идеализме, итог долгой и трудной борьбы за новое понимание жизни.

Белинский боролся с романтическим идеализмом одновременно в сферах — философской, эстетической, политической, моральной. И в любой сфере для Белинского основное зло современного романтизма — это «разлад с действительностью», «мечтательная бездейственность».

«Разлад с действительностью» превращает искусство в риторику. И такое искусство, вместо истинного познания вещей («натуральная школа»), дает их иллюзорное искажение.

Теоретический «разлад с действительностью» ведет к политической реакции. Романтический идеализм постепенно утрачивает присущий ему элемент пассивного, и потому с самого начала недостаточного, протеста, и, наконец, учением славянофилов становится на страже устоев помещичьего государства. Или же этот протест расплывается в призрачности социальных фантазий и утопий.

В своей полемике Белинский вплотную подошел к проблеме соотношения теории и практики, поставленной также Герценом в его статьях «Дилетантизм в науке», и с особой отчетливостью в последней статье этого цикла — «Буддизм в науке». Идея деяния, «одействотворения» увенчивает всю систему герценовского реализма. С отказом от идеалистического спиритуализма, от трансцендентности все жизненные ценности, все теоретические критерии переносятся в пределы объективной действительности, доступной чувствам и разуму. Эта действительность — единственное и высшее достояние человека. Отсюда необходимость активного к ней отношения, необходимость работы над этой действитель-

ностью, с тем, чтобы из источника социальных страданий превратить ее в источник неисчерпаемых благ.

«„Деяние есть живое единство теории и практики", сказал слишком за две тысячи лет величайший мыслитель древнего мира <Аристотель>. В деянии разум и сердце поглотились одействотворением, исполнили в мире событий находившееся в возможности... В разумном, нравственно-свободном и страстно-энергическом деянии человек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий. В таком деянии человек вечен во временности, бесконечен в конечности, представитель рода и самого себя, живой и сознательный орган своей эпохи» («Буддизм в науке»)[12].

За пределами деяния остаются люди бездействия — запоздалые романтики и оторванные от жизни «буддисты». Жизнеспособная же современная мысль, переходя в своем развитии пределы логической отвлеченности, одействотворяется любовью, которую Герцен, в сущности, отождествляет с творчеством.

«Мы реалисты, нам надобно, чтоб любовь становилась действием»[13]. И, разумеется, социальным действием. Всякое деяние социально, потому что во всяком деянии личность необходимо отдает себя внеположному ей объективному миру.

Герцен, противопоставляющий деяние «буддизму», одушевлен той же реалистической мыслью единства теории и практики, что и Белинский, ополчившийся против «разлада с действительностью». Герценовский «дилетант-романтик» очень близок к человеку «романтической породы» Белинского. Это, в сущности, один и тот же персонаж — спиритуалист и человек бездействия, для которого от теории к практике нет перехода.

Все это еще раз свидетельствует о глубоком единстве идейного развития Белинского и Герцена 40-х годов. Мысли Белинского и мысли Герцена именно в своей соотнесенности, в своем взаимодействии приобретают окончательную ясность и всеобъемлющую полноту.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впрочем, масоны новиковской группы отнюдь не чуждались политики и просветительства.

[2] В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский сформулировал соотношение между кружком Станкевича и кружком Герцена—Огарева: «Много было пунктов, в которых два эти направления могли сталкиваться враждебно; но под видимою противоположностью таилось существенное тождество стремлений, несогласных между собою только в том, что было у каждого из них односторонностью, недостатком, но одинаково ставивших себе целью деятельность, плодотворную для развития русского общества, одинаково считавших единственным средством для достижения этой цели оживление нашей литературы и возбуждение нашей мыслительной деятельности, одинаково имевших свой идеал в будущем, а не в прошедшем, относившихся между собою, как теория и практика, которые должны служить взаимным дополнением» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. II, П., 1918, стр. 195).

[3] П. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928.— Разрядка моя.— *Л. Г.*

[4] Отношению Белинского к романтизму посвящена гл. III в книге: П. И. Лебедев-Полянский. В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность. М.— Л., 1945.

Вопрос о борьбе Белинского с романтизмом, как с типом сознания, поставлен в кн.: А. Лаврецкий. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1941, стр. 58 и др.

[5] Об этом подробнее в моих работах: «Пушкин и Бенедиктов». — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР». № 2. М.—Л., 1936, стр. 148—182; «Бенедиктов» — в кн.: В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., Библиотека поэта, 1939, стр. V—XXXVIII.

[6] Приведя славянофильское стихотворение Хомякова «К иностранке», Белинский замечает: «Не будем говорить о том, что в этом стихотворении нет ни одного поэтического выражения, ни одного поэтического оборота, которые встречаются даже в сти-

хотворениях г. Бенедиктова, риторизм которых не чужд какой-то поэтической струйки...» (IX, 114).

В статье 1842 г. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» Белинский был снисходительнее к Хомякову и соглашался поставить его на одну доску с Бенедиктовым: «...Должно заметить, что поэты, подобные Марлинскому и г. г. Бенедиктову, Хомякову, очень полезны для эстетического развития общества. Эстетическое чувство развивается чрез сравнение и требует образцов даже уклонения искусства от настоящего пути, образцов ложного вкуса и, разумеется, образцов отличных» (VII, 499—500).

[7] Ап. Григорьев. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. В. Спиридонова. Т. I. П., 1918, стр. 127.

[8] «...Сердце их, беспрестанно насилуемое в его инстинктах и стремлениях их волею, под управлением фантазии, скоро скудеет любовью, и они делаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замечая, а напротив того, будучи добросовестно убеждены, что они самые любящие и самоотверженные люди».

[9] Замечательно, что характеристика Белинского соответствовала внутреннему самоопределению Бакунина той эпохи. В декабре 1847 г. Бакунин писал Анненкову: «Вся жизнь моя определялась до сих пор почти невольными изгибами, независимо от моих собственных предположений; куда она меня поведет — бог знает! Чувствую только, что возвратиться назад я не могу и что никогда не изменю своим убеждениям. В этом вся моя сила и все мое достоинство; в этом также вся действительность и вся истина моей жизни; в этом моя вера и мой долг, а до остального мне дела нет; будет, как будет.

...Во всем этом много мистицизма — скажете вы, — да кто же не мистик? Может ли быть капля жизни без мистицизма? Жизнь только там, где есть строгий, безграничный и потому и несколько неопределенный мистический горизонт; право, мы все почти ничего не знаем, живем в живой сфере, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шаг наш может их вызвать наружу без нашего ведома и часто даже независимо от нашей воли» («П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 621—622).

[10] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. I. П., 1915, стр. 327.

[11] Иногда в письмах Герцена к невесте мотив великой любви переплетается с мотивом славы (который Белинский также упоминает в числе необходимых атрибутов романтического воззрения):

«Один элемент моей души требует поэзии, гармонии, т. е. тебя и больше ничего не требует, и голос его сладок, чист, и душа становится вдвое лучше, когда один этот голос раздается в ней, и ему хотел бы я отдать победу, пусть бы он царил... Но рядом с этим голосом — другой, от которого... не могу отделаться, и который силен; это — голос, сходный с звуком труб и литавр; в нем одна поэзия славы, как в том одна поэзия любви; он требует власти, силы, обширный круг действия... малейший успех, это проклятое чувство «я оценен» будит его, опять раздаются литавры и пламенная фантазия чертит вдали воздушные замки» (А. И. Герцен. Назв. соч. Т. I, стр. 454—455).

[12] А. И. Герцен. Назв. соч. Т. III, стр. 218.

[13] Там же, стр. 168.

БЕЛИНСКИЙ В БОРЬБЕ ЗА НАТУРАЛЬНУЮ ШКОЛУ

Статья Н. Мордовченко

Белинский впервые употребил название «натуральная школа» в мартовской книжке «Отечественных записок» 1846 г., в статье о «Петербургском сборнике» Некрасова. Характеризуя «естественность поэзии Гоголя, ее страшную верность действительности», Белинский писал: «Если и теперь еще существуют литераторы, которые естественность считают великим недостатком в поэзии, а неестественность великим ее достоинством, и новую школу поэзии думают унизить эпитетом „натуральной",— то понятно, как должно было большинство публики встретить основателя новой школы» (X, 196). В следующей, апрельской, книжке «Отечественных записок» 1846 г., рецензируя «Воспоминания» Ф. Булгарина, Белинский не только принял бранный эпитет, но и наполнил его положительным содержанием. Белинский заявил, что литературную школу, основанную Гоголем, «Булгарин очень основательно прозвал *новою натуральною школою*, в отличие от *старой реторической* или *не натуральной*, т. е. *искусственной*, другими словами — *ложной школы*. Этим он прекрасно оценил новую школу и в то же время отдал справедливость старой; — новой школе ничего не остается, как благодарить его за удачно приданный ей эпитет» (X, 337).

Если для Булгарина слово «натуральная» было синонимом антиэстетического, грязного и низменного, то Белинский превратил это слово в положительное понятие и сделал его боевым лозунгом передовой демократической литературы.

В своих критических работах 1846—1847 гг. Белинский формулировал и разъяснял эстетическую программу натуральной школы, защищал ее от нападений врагов.

В статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» В. Майков констатировал, что именно в этом году «за современною школою литературы утвердилось самым прочным и самым оригинальным образом лестное для нее название *натуральной*. Факт этот должен быть тем приятнее для писателей, принадлежащих к этой школе, что название это дано ей газетой, нападающею на современную русскую литературу, образовавшуюся под влиянием Гоголя»[1].

В истории возникновения самого названия «натуральная школа» необходимо сделать одно уточнение. Дело в том, что Булгарин в «Северной пчеле» уверял читателей, будто он назвал новую литературную школу «натуральной» в связи с появлением в свет «Петербургских углов» Некрасова, напечатанных в первой части «Физиологии Петербурга». Это, однако, неверно. Действительно, Булгарин с ожесточением встретил «Петербургские углы» и в течение 1845 г. на страницах «Северной пчелы» неоднократно нападал на «Физиологию Петербурга». При всем том, название «натуральная школа» Булгарин впервые употребил в фельетоне «Се-

верной пчелы» от 26 января 1846 г. (№ 22), написанном в связи с появлением «Петербургского сборника». «Из разбора „Физиологии Петербурга“ читатели наши знают, — писал Булгарин, — что г. Некрасов принадлежит к новой, т. е. натуральной литературной школе, утверждающей, что дóлжно изображать природу без покрова. Мы, напротив, держимся правила, изложенного в книге „Поездка в Ревель“: „Природа только тогда хороша, когда ее вымоют и причешут...“». В этом заявлении Булгарина характерно все — и презрение к новой литературной школе, и демагогическое использование книги декабриста Бестужева-Марлинского, именем которого Булгарин пытался укрепить свои позиции. Очень скоро Булгарину пришлось убедиться, что бранный эпитет, пущенный им в оборот, приобрел положительный смысл и стал лозунгом той самой школы, которую он преследовал. Тогда Булгарину не оставалось ничего другого, как объявить, что он только «в шутку» назвал новую литературную школу «натуральной» и что шутку нельзя принимать «за серьезную вещь и призрак за существенность».

Театральный рецензент «Северной пчелы» Рафаил Зотов в одном из своих фельетонов высказал следующее недоумение: «Прежде всего мы попросили умного человека, имеющего достаточный авторитет в литературном мире, определить нам ясно и верно: что такое эта новая натуральная школа и какой именно переворот она намерена совершить в современном направлении писателей и читателей. Все называют Гоголя и Лермонтова основателями этой школы, но в чем именно заключаются ее теоретические правила и сущность, никто еще не потрудился изложить приверженцам старой школы»[2]. Булгарин снисходительно ответил Р. Зотову через несколько дней: «Наш почтенный сотрудник принял шутку за серьезную вещь и призрак — за существенность. Никто не изложит, никто не растолкует правил натуральной школы, потому что она не существует! По поводу выхода в свет статьи под заглавием „Петербургские углы“, в которой автор изобразил все, что только кроется за углами противуизящного и отвратительного, хотя бы и существующего в натуре, в подражание пестрым картинкам такого же достоинства, находящимся в „Мертвых душах“ Гоголя, „Северная пчела“ в шутку назвала это направление натуральною школою, чтобы каким-нибудь приличным и благородным выражением обозначить стремление подражателей г. Гоголя к отыскиванию в натуре противуизящного, в том убеждении, что только то хорошо, что верно списано с натуры. Вот вам и полное объяснение того стремления или направления, которое „Северная пчела“ назвала натуральною школою».

Отвечая Р. Зотову, Булгарин счел нужным оговориться, указав на ошибку, которую, по его мнению, сделал фельетонист «Северной пчелы». «Наш почтенный сотрудник,— писал Булгарин,— ошибочно поставил Лермонтова рядом с Гоголем, назвав их основателями натуральной, т. е. противуизящной школы! „Герой нашего времени“ и все пиитические произведения Лермонтова настолько выше „Мертвых душ“, „Тараса Бульбы“ и всех сказок и росказней г. Гоголя, насколько Евгений Сю, Виктор Гюго, Александр Дюма и Пушкин выше автора „Петербургских углов“, автора „Бедных людей“, автора сказки в стихах „Помещик“ (в „Петербургском сборнике“) и других молодых писателей, не почитающих литературы высоким искусством...»[3].

Из этих разъяснений Булгарина можно видеть, как понимал «натуральную школу» один из ее злейших врагов. Из разъяснений Булгарина можно заключить также и об успехах новой школы, которых она достигла к концу 1846 г. Решительно отводя от «натуральной школы» Лермонтова, Бул-

гарин считал Гоголя основателем школы и указывал на имена Некрасова, Достоевского и Тургенева, справедливо связав характер их творчества с гоголевскими традициями и с направлением «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника». Хотя название «натуральная школа» и появилось лишь в начале 1846 г., зарождение новой школы следует отнести все же к предшествующему 1845 г., когда вышли в свет две части

БЕЛИНСКИЙ
Гравюра Ф. И. Иордана, 1859 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Физиологии Петербурга» под редакцией Некрасова. Так полагал это и Белинский. В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он отметил, что литература в этом году «шла по прежнему пути, которого нельзя назвать ни новым, потому что он успел уже обозначиться, ни старым, потому что слишком недавно открылся для литературы,— именно немного раньше того времени, когда в первый раз было кем-то выговорено слово: „натуральная школа“» (XI, 82).

I

После выхода из печати первого тома «Мертвых душ» и тех ожесточенных споров, которые вызвала гоголевская поэма, Белинский наблюдал все возрастающее влияние Гоголя на русских писателей. К середине 40-х годов, когда революционно-демократические взгляды Белинского окончательно сформировались, вопрос о значении критики в литературном развитии приобрел для него смысл вопроса о путях и возможностях руководства литературой. Объективно-революционное значение творения Гоголя было несомненно и бесспорно для Белинского, и в своей рецензии на первый том «Мертвых душ» он намекнул на это, поскольку позволяли условия подцензурной печати. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что творчество Гоголя служит делу освободительной борьбы, Белинский видел также и то, что Гоголь сознательно не ставил перед собой такой цели. В полемике с К. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Белинский отметил «удивительную силу непосредственного творчества» у Гоголя, но в то же время и подчеркнул, что эта сила «много вредит Гоголю. Она, так сказать, отводит ему глаза от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность, и заставляет его преимущественно устремлять внимание на факты и довольствоваться объективным их изображением» (VII, 441—442).

Проблема соотношения стихийности и сознательности в художественном творчестве является одной из центральных проблем в критической деятельности Белинского 40-х годов. Окончательно отвергнув, как реакционное и ложное, мнение о губительности сознательной мысли для искусства, Белинский вплотную подошел к задаче внесения сознательности в литературу. Белинский знал, что только развитием и укреплением сознательности можно было прочно связать литературу с делом освободительной борьбы.

В 40-е годы Белинский выступает перед нами не только как гениальный представитель революционной мысли, не только как замечательный теоретик искусства и критик, но и как организатор литературы. Задачу внесения сознательности в литературу Белинский ставил и решал, исходя из созданного им учения о гении и таланте, составлявшего неотъемлемую часть всей системы его революционно-демократических взглядов.

Белинский представлял себе гения как «всеобщую личность», т. е. такую личность, которая выражает прогрессивные тенденции истории и интересы народа. В статье о «Парижских тайнах» Э. Сю, где Белинский выступал с защитой народа как хранителя «национального огня» и подлинного творца истории,— он дал и свое понимание гения. «Назначение гения — проводить новую свежую струю в поток жизни человечества и народов» (VIII, 485). Гений может быть великим историческим деятелем. Таков был Петр I в представлении Белинского. Но гений может быть и великим художником — народным поэтом, назначение которого заключается в том, чтобы, не отделяясь от народа, указывать ему будущее. Такими великими художниками и народными поэтами были для Белинского Пушкин, Лермонтов, Гоголь. В цитированной статье о «Парижских тайнах» Белинский писал, что «брошенная гением идея принималась бы слишком медленно, если б не подхватывали ее на лету таланты и дарования, роль и назначение которых — быть посредниками между гениями и толпою» (там же). Так намечалось учение Белинского о гении и таланте, разработанное им в десятой статье пушкинского цикла (о «Борисе Годунове»), в статье «Мысли и заметки о русской литературе» и, наконец, особенно ярко и полно в статье «О жизни и стихотворениях Кольцова».

Если гений по самой своей сущности отражает прогрессивные тенденции исторического развития, если он выражает интересы народа, хотя

бы народ и не сознавал еще этих интересов, — назначение таланта иное. Он не создает своих идей, а только подхватывает и развивает идеи гения, он популяризирует их и делает всеобщим достоянием. Следовательно, направление в деятельности талантов не только может, но и должно быть предуказано. Поэтому сознательная мысль может только развивать и укреплять таланты. Одна сила непосредственного творчества вредит и самому гению, но еще больший вред она принесет таланту, если будет оторвана от сознательной мысли.

Учение о гении и таланте было источником тех теоретических предпосылок, на основе которых Белинский построил целостную программу в области литературы, ориентируясь на «обыкновенные таланты» и на развитие «беллетристики». Такой программой явилась статья Белинского, опубликованная в качестве введения к сборнику «Физиология Петербурга». Этой статье суждено было сыграть роль подлинного манифеста натуральной школы.

Коснувшись состояния русской литературы, Белинский прежде всего констатировал то положение, что у нас «гениальные действователи», такие, как Пушкин, Лермонтов и Гоголь, «не окружены огромною и блестящею свитою талантов, которые были бы посредниками между ними и публикою, усвоив их идеи и идя по проложенной ими дороге» (XII, 479).

Белинский обрушивался в своей статье на «так называемые „исторические" романы» и «так называемые „нравоописательные" романы», потому что в них не было взгляда на вещи, не было идей, не было знания русского общества. По мысли Белинского, «обыкновенный талант или скоро переходит в бездарность, или вовсе не замечается даже в первую пору его деятельности, если он не подкрепляется умом, сведениями, образованием, более или менее оригинальным и верным взглядом на вещи...» И Белинский звал писателей к изучению действительности, к воспитанию «верного взгляда на вещи», предостерегая от мелочной сатиры и школьного критиканства. Но изучение русской действительности, с точки зрения Белинского, неотделимо было от сознательной критики сложившихся общественных отношений. Поэтому он и настаивал на том, чтобы устремлять внимание «на дикие понятия, на ревущие противоречия между европейскою внешностию и азиатскою сущностию» (XII, 477).

Белинский писал, что для беллетристических произведений Россия представляет неисчерпаемое богатство материалов: «Великороссия, Малороссия, Белоруссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь, — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и, особенно, по смеси чисто-русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему!» (XII, 478). И тем не менее, многие литературные издания, ставившие себе целью знакомить читателей «с русским обществом, а, следовательно, и с самими собою», не имели успеха. «Какая причина всех этих неуспехов? — спрашивал Белинский. — Причина не одна, их много, но главная из них — отсутствие верного взгляда на общество, которое все эти издания взялись изображать... Это тем удивительнее, что литераторы, принимавшие участие в этих изданиях, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притом верную точку зрения на общество в произведениях тех немногих русских поэтов, которые умели постигнуть тайну русской действительности». «Верную точку зрения на общество» «обыкновенные таланты» могли найти у «гениальных действователей» — Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Все дело, следовательно, состояло лишь в том, чтобы усвоить их идеи и итти по проложенной ими дороге. Подобного рода задачу и стремились осуществить участники «Физиологии Петербурга», которые, как заявлял Белинский, были «совершенно чужды всяких притязаний на поэ-

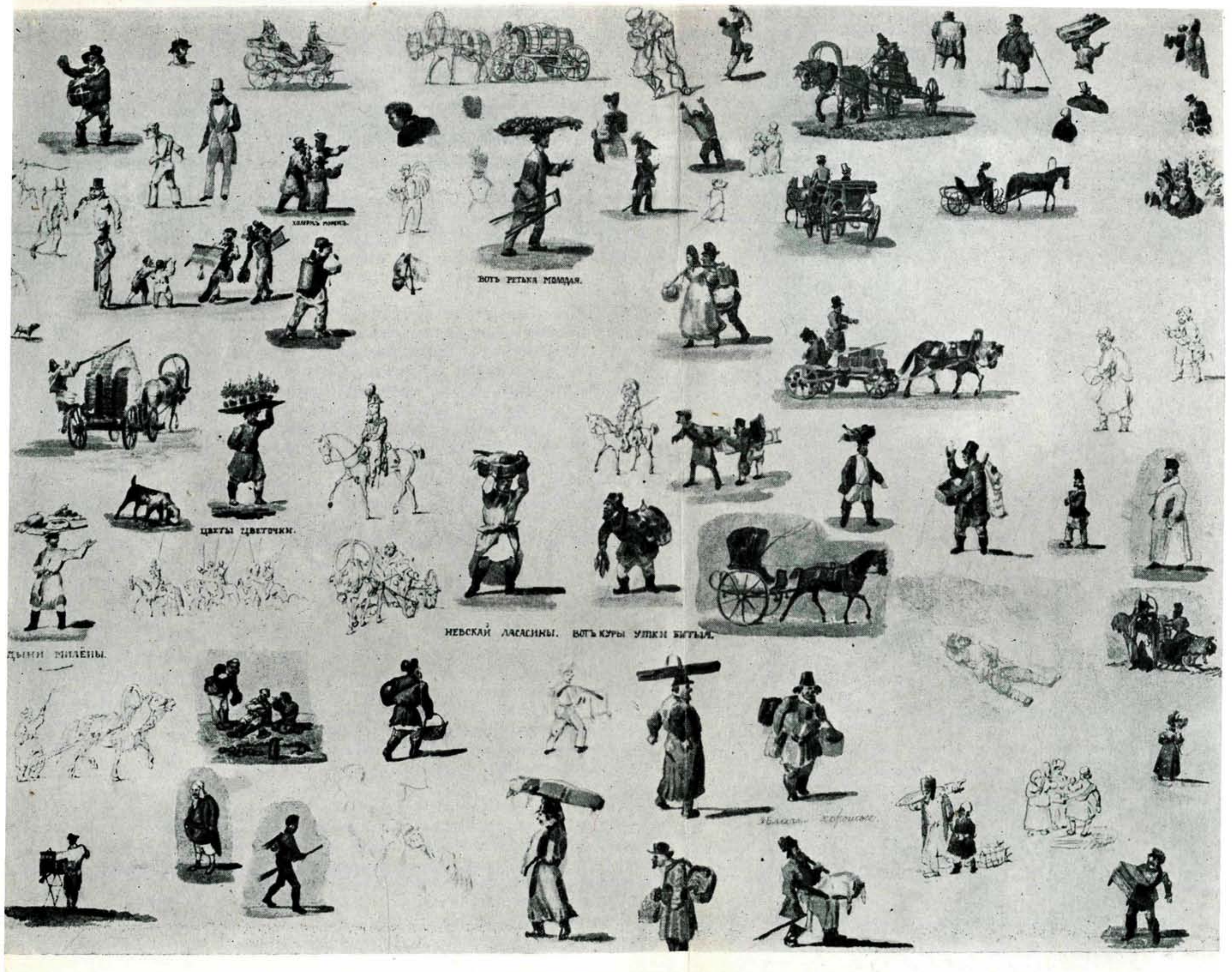
тический или художественный талант». «Все самолюбие составителей этой книги, — писал Белинский, — ограничивается надеждою, что читатели найдут, может быть, в некоторых, если не во всех, из наших очерков петербургской жизни более или менее меткую наблюдательность, и более или менее верный взгляд на предмет, который взялись они изображать».

Вероятно по тактическим соображениям, Белинский не оговаривал в своей статье, что участники «Физиологии Петербурга» продолжали гоголевские традиции и шли по пути, открытому Гоголем. Тем не менее такой вывод напрашивался сам собою, — Белинский указывал на «многие сочинения Гоголя», в которых «нравственная физиономия Петербурга воспроизведена со всею художественною полнотою и глубокостию...»

Издание «Физиологии Петербурга» явилось для читающей публики неопровержимым свидетельством того, что толки о новой литературной школе вполне реальны и что такая школа действительно существует. Обсуждая «Физиологию Петербурга», журналисты и критики полным голосом заговорили о гоголевской школе, заговорил о новой школе и сам Белинский. Как раз в то время, когда шли споры о «Физиологии Петербурга», Белинский писал в «Отечественных записках»: «„Мертвые души“, заслонившие собою все написанное до них даже самим Гоголем, окончательно решили литературный вопрос нашей эпохи, упрочив торжество новой школы» (IX, 282). И еще: «С Гоголя начинается новый период русской литературы, которая, в лице этого гениального писателя, обратилась преимущественно к изображению русского общества» (IX, 482).

«Физиология Петербурга» вышла под редакцией Некрасова, и поэтому вместе с Белинским Некрасов нес ответственность за направление сборника. «Северная пчела» и обрушилась прежде всего на Некрасова, напала на него за «Петербургские углы» и ему же приписала авторство анонимного вступления к сборнику.[4] Резко отрицательной оценкой встретила «Физиологию Петербурга» и славянофильская критика в лице К. Аксакова. Недавний противник Белинского в полемике о «Мертвых душах», К. Аксаков прекрасно знал, что подлинным идейным вдохновителем «Физиологии Петербурга» был Белинский. Поэтому свою рецензию на первую часть сборника К. Аксаков посвятил исключительно критику и преимущественно его вступительной статье. Стремление Белинского к внесению сознательности в литературу, его забота о росте «обыкновенных талантов» и о развитии беллетристики — все это в глазах К. Аксакова было святотатственным покушением на свободу художественного творчества, самая сущность которого представлялась ему неразлучной со стихией иррационального и бессознательного.

Приводя выдержку из вступительной статьи Белинского, К. Аксаков писал: «„Бедна литература, не блистающая именами гениальными, но небогата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые“, говорит то же вступление. Между тем и другим должны быть произведения средние, не вполне бездарные, но вместе с тем и отнюдь не гениальные, одним словом, посредственные. Нет ни одной литературы в мире, которая в ряду многочисленных произведений не нашла бы многих и очень многих посредственных; но об этом мало говорят современники, забывают потомки; а строгая наука вовсе не признает их жалкого существования. Может быть, в подобном умолчании и можно видеть умышленную скромность: если есть уже недостатки, то нечего скрывать их. Допустим это, но странно, если вдруг начнут упрекать литературу в том, что в ней нет места посредственности и мало произведений посредственных; странно, если писатели нарочно сгласятся совокупными силами действовать для размножения подобного рода сочинений и прямо выскажут свою цель!»



ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Акварель и перо В. С. Садовникова, 1840-е гг.

Музей истории и развития Ленинграда

Истолковав литературную программу Белинского как линию на «размножение» посредственных произведений, К. Аксаков продолжал далее: «Посредственные писатели нужны только для того, чтобы могли быть предпринимаемы и поддерживаемы литературные спекуляции. Автор совершенно прав, нельзя писателю даровитому сказать: пиши то или другое — по заказу, пиши в том направлении, которое должно иметь предполагаемое издание; здесь нет места личному убеждению, как бы высоко оно ни было, нет места свободно-художественной деятельности писателя; писатель в этом случае невольник, раб чуждой воли, наемным трудом он должен служить литературе. Спекулянт-книгопродавец мог бы еще подумать подобным образом об писателе, но вряд ли бы решился он высказать подобную мысль. Что ж думать, когда ее высказывают сами писатели? „Физиология Петербурга" выполняет эту мысль автора вступления, которая, определяя ее литературный характер, облегчает труд критики. Ей остается только сказать: „Физ. Петербурга" вполне согласна с требованиями ее издателей — она вполне посредственна...»[5].

В числе печатных откликов на «Физиологию Петербурга» рецензию К. Аксакова следует выделить потому, что она носила наиболее принципиально враждебный характер, и неслучайно, что на нее Белинский реагировал особенно остро и гневно. Достаточно сказать, что на протяжении 1845 г. Белинский в своих работах вспоминал эту рецензию четыре раза: он разъяснял свои взгляды и опровергал мнения К. Аксакова, никогда, впрочем, не называя его по имени.

В отзыве на вторую часть «Физиологии Петербурга» Белинский, имея в виду «Москвитянин», в котором была напечатана рецензия К. Аксакова, отметил, что этот журнал «выдумал, будто бы в предисловии сказано, что у нас все таланты, а нет посредственности, и что „Физиология Петербурга" решилась сделаться сборником посредственных статей. Из этого видно, что бедный журнал нездоров и страдает расстройством печени» (IX, 471). Рецензия К. Аксакова не была им подписана, но Белинский по слогу рецензии узнал, что автором ее был автор ругательной статьи о поэме Тургенева «Разговор» и той «брошюрки» о «Мертвых душах», по поводу которой Белинскому пришлось спорить с К. Аксаковым еще в 1842 г.

Вскоре же, в отзыве на книгу Н. Полевого «Столетие России с 1745 по 1845 гг.» Белинский, вспомнив рецензию К. Аксакова, остановился на мысли о соотношении искусства и беллетристики. Белинский подчеркнул, что «один из очевидных признаков бедности русской литературы состоит в том, что у нас почти нет беллетристики и больше гениев, нежели талантов (что бы ни говорили и как бы ни издевались над этою мыслию невежды, умеющие придираться только к словам, но не понимающие мыслей!)». Для убеждения читателя в правильности своей точки зрения Белинский ссылался на историю русской литературы XVIII в. и пушкинской эпохи (X, 35—36).

«Что бы ни говорили о нас остроумные противники наши, но мы не перестанем повторять, что в русской литературе больше гениев, нежели талантов, больше художников, нежели беллетристов», — писал Белинский в отзыве на романы Дюма. В том же отзыве Белинский выдвинул тезис, что «беллетристика есть мерка богатства всякой литературы», указывая на показательный в этом смысле пример французской литературы. «Искусство писать до того развилось во Франции, что как будто сделалось второю природою французов. Оттого во Франции есть чтò читать, да и вся Европа читает французских писателей, все европейские литературы живут переводами с французского» (X, 83).

В статье «Мысли и заметки о русской литературе» Белинский вновь заявил, что «у нас больше художественных, нежели бел-

летрических произведений, больше гениев, нежели талантов». Белинский назвал эту свою мысль «самобытной и оригинальной мыслью» и еще раз остановился на ее обосновании, приводя факты из истории русской литературы (X, 149).

В полемике с К. Аксаковым Белинский защищал выдвинутую им программу новой школы, но, одновременно, ему пришлось вести борьбу и за самого Гоголя, за направление, которое он дал литературе. Булгарин в «Северной пчеле» продолжал давно начатое им глумление над Гоголем, а после издания «Физиологии Петербурга» он распространил это глумление и на новую школу.

В первом же отклике на «Физиологию Петербурга» Булгарин обратил особенное внимание на «Петербургские углы» Некрасова и обвинил эту вещь в «грязности». Из состава всех участников сборника Булгарин сочувственно выделил лишь Казака Луганского (В. Даля), но и по поводу его очерка недоуменно восклицал: «„Петербургский дворник“ В. Луганского, описание ежедневных занятий и образа жизни дворника Григория! Думал ли Григорий дожить до такой чести! Это, так сказать, очерки или эскиз наружной жизни дворника, и какую это имеет цену в нравственном и философическом отношениях, мы этого не постигаем»[6]. Булгарину вторил сотрудник «Северной пчелы» Л. Брант, который издевался над «Петербургскими углами», сожалел, что очерк Казака Луганского попал в сборник, изданный Некрасовым, а статью Белинского «Петербург и Москва» называл «бездарной и малограмотной». Глумлению и осмеянию со стороны Л. Бранта подверглось также стихотворение Некрасова «Чиновник»[7].

Вот что, например, писал Л. Брант по поводу «Петербургских углов»: «Писатель с дарованием, с умом и сердцем, сойдя воображением в это убогое жилище, в этот мрачный нищенский угол, мог бы нарисовать картину грустную, возбуждающую участие, сострадание. Г. Некрасов, питомец новейшей школы, образованной г. Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные... Не спорим, что они существуют, как неизбежные исключения в низшем слое человеческого общества; но дóлжно ли рисовать подробно их жалкую жизнь, и особенно рисовать так, как рисует г. Некрасов, поставляющий, повидимому, торжество искусства в картинах грязных и отвратительных...»

Преследуя Некрасова, преследуя гоголевскую школу, «Северная пчела» от времени до времени пыталась противопоставлять Гоголю то одного, то другого писателя, руководствуясь групповыми и внелитературными соображениями. Так, о Казаке Луганском «Северная пчела» сочувственно отзывалась потому, что он не принадлежал к лагерю «Отечественных записок», печатался в разных изданиях, в том числе и в «Северной пчеле». Своего бывшего сотрудника Буткова, издавшего в 1845 г. первую книжку «Петербургских вершин», Булгарин демонстративно противопоставил Гоголю, уверяя читателей, что «Гоголь смешит карикатурами и, сидя на высоте, пишет картины грязью; г. Бутков сидит внизу, но рисует с натуры и светлыми красками»[8]. Подобного рода беспринципные тактические маневры получили сокрушительный отпор со стороны Белинского. Принадлежность писателя к той или иной журнальной группе в глазах Белинского не имела решающего значения при оценке сущности и направлении его творчества. Казака Луганского, например, вопреки ожиданиям «Северной пчелы» и нисколько не смущаясь ее сочувствием к этому писателю, Белинский хвалил и ставил высоко. В статье «Русская литература в 1845 году» Белинский заявил, что «после Гоголя» Казак Луганский «решительно первый талант в русской литературе». Белинский хвалил Луганского за создание особенного рода поэзии — «физио-

логического» — и в этом роде считал его истинным поэтом, «потому что ‹он› умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле—воспроизведения действительности во всей ее истине» (X, 115—116).

Интересно отметить, что положительный отзыв «Северной пчелы» о первой книжке «Петербургских вершин» Буткова был явно рассчитан на то,

БУЛГАРИН И ГРЕЧ
Карикатура неизвестного художника, 1834 г.
Институт мировой литературы им. Горького АН СССР, Москва

что эта книжка в «Отечественных записках» будет разругана. Однако Белинский отлично понял маневр Булгарина и в своей рецензии на «Петербургские вершины» он не только разоблачил его, но и показал масштаб дарования Буткова, отметив, между прочим, влияние на него Гоголя. «Большая часть недостатков его книги, самых важных, происходит от свойства его таланта,— замечал Белинский о Буткове.— Это, во-первых, талант более описывающий, нежели изображающий предметы, талант чисто-сатирический и нисколько не юмористический. В нем недо-

стает ни глубины, ни силы, ни творчества. Но, тем не менее, в авторе видны ум, наблюдательность и, местами, остроумие и много комизма. Он умеет заметить смешную сторону предмета и схватить ее. Этого мало: у него не только виден ум, но и сердце, умеющее сострадать ближнему, кто бы и каков бы ни был этот ближний, лишь бы только был несчастен» (X, 76).

Обвинения, выдвинутые Л. Брантом, будто Гоголь и созданная им школа «стыдятся чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные», потребовали от Белинского специальных пояснений. «Что эта школа стыдится ч у в с т в и т е л ь н о г о — правда, — утверждал Белинский, — потому что ч у в с т в и т е л ь н о е и сантиментальное теперь то̀ же, что̀ пошлое, и его любит только школа, которая мы не знаем кем основана, но которая порождает нелепые и вздорные произведения... Но чтоб основанная Гоголем школа стыдилась патетического, это решительно ложь. Где больше патетического, как не в сочинениях Гоголя: „Тарас Бульба“, „Старосветские помещики“, „Невский проспект“ и „Шинель“?» (X, 94). Что касается до клеветнических обвинений гоголевской школы в «грязности», на эти обвинения, в совершенном согласии с установками Белинского, ответил анонимный рецензент «Физиологии Петербурга» в «Русском инвалиде». Хотя Булгарин рецензентом и не был назван, но его слова по адресу Булгарина звучали убийственно: «По какому-то странному противоречию, люди, повидимому не слишком щекотливые на счет нравственности в своих делах и поступках, в то же время требуют строгой благопристойности от литературы... Значит, мы заботимся не о нравственности, а только о приличии... Нам всем, более или менее, малодушно хочется в произведениях литературы видеть свет, жизнь и людей лучше и красивее, нежели каковы они на самом деле: точно слабая мать избалованных детей усиливается уверить себя, что они порядочные люди»[9]. В пору борьбы с Булгариным по поводу «Физиологии Петербурга» Белинский с замечательной ясностью сформулировал основополагающий для эстетики руководимой им школы тезис о необходимости включения в литературу в качестве равноправной темы человека низших социальных слоев. Когда «Северная пчела» «изъявила свое неудовольствие, что дворник Григорий дождался чести видеть себя предметом литературного изображения», Белинский ответил, что «никакой истинный аристократ не презирает в искусстве и литературе изображения людей низших сословий и вообще так называемой низкой природы... Уж нечего и говорить о том, что люди низших сословий прежде всего — люди же, а не животные, наши братья по природе и о Христе, — и презрение к ним, особенно изъявляемое печатно, очень неуместно...» Так Белинский боролся за расширение границ литературы, так ратовал он за демократическое понимание человека. Вот почему Белинский и звал писателей изображать и изучать не «исключительных» героев, а обыкновенных людей. Вот почему «Чиновника» Некрасова он противопоставил всем героям Марлинского и заявил, что «эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 года» (IX, 473—474).

В изображении и показе обыкновенного человека Белинский видел не только развенчание и разоблачение всякого рода идеализации существующих общественных отношений, но и более глубокую сторону. Обыкновенные люди противостояли для него «всем возможным Наполеонам» и героям «наглой силы»; именно обыкновенных людей считал Белинский подлинными строителями жизни и творцами истории. «Человек сильный, могущественный, огромный — еще не всегда в то же время и великий человек, — писал Белинский в рецензии на стихотворения П. Штавера.— Нет спора, что, как воитель, Наполеон не имеет себе соперников в истории человечества; но в глазах истинно-мудрых, простой, скромный, небле-

стящий Вашингтон в тысячу раз более всех возможных Наполеонов имеет право на имя великого человека...» Предостерегая поэтов от увлечения «одним огромным — оно часто только чудовищно, а не велико», Белинский видел «благороднейшую миссию поэта» в том, что «ему принадлежит по праву оправдание благородной человеческой природы, так же, как ему же принадлежит по праву преследование ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека...» (IX, 434, 432).

Так борьба за новую школу была для Белинского вместе с тем и борьбой за переустройство общества, за социалистические идеалы. «Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей!» (IX, 432). Эти слова Белинского могли бы быть взяты девизом поэтов и писателей натуральной школы.

II

Сборник «Физиология Петербурга» явился одним из значительнейших явлений русской литературы 1845 г. В критическом обзоре за этот год Белинский имел возможность констатировать победу гоголевского направления и несомненные успехи новой литературной школы. «Если бы нас спросили, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, — писал Белинский, — мы отвечали бы: в том именно, за что̀ нападает на нее близорукая посредственность или низкая зависть, — в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой „толпе“, исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне-национальною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сделать ее выражением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом» (X, 106).

Когда писались эти строки, Белинский знал не только литературные явления истекшего года, но он знал еще о предстоящем выходе в свет «Петербургского сборника» под редакцией Некрасова и внутренне учитывал, конечно, центральную вещь сборника — «Бедных людей» Достоевского. В той же первой (январской) книжке «Отечественных записок» 1846 г., где был напечатан критический обзор Белинского, в рецензии на роман Жорж Санд «Мельник» сообщалось, что наступающий год «должен сильно возбудить внимание публики одним новым литературным именем, которому, кажется, суждено играть в нашей литературе одну из таких ролей, какие даются слишком немногим. Что̀ это за имя, чье оно, чем занимательно, — обо всем этом мы пока умолчим, тем более, что все это сама публика узнает на-днях» (X, 123). В январе 1846 г. «Петербургский сборник» вышел в свет и сразу же был атакован «Северной пчелой».

Извещая о выходе сборника, Булгарин подчеркнул преемственность его с «Физиологией Петербурга» и в целях унижения новой литературной школы впервые презрительно назвал ее «натуральной» («Северная пчела», 1846, № 22, 26 янв.). В тот же день издевательская рецензия на «Петербургский сборник» появилась в «Иллюстрации». Рецензент глумился над статьей Белинского «Мысли и заметки о русской литературе», а по поводу «Бедных людей» замечал, что роман «не имеет никакой формы и весь основан на подробностях утомительно однообразных, наводит такую скуку, какой нам еще испытывать не удавалось». Рецензент сравнивал «Бедных людей» с «Петербургскими вершинами» Буткова и отдавал преимущество последним[10]. Вслед за рецензентом «Иллюстрации» о «Петербургском сборнике» отозвался Л. Брант в «Северной пчеле». Коснувшись «Бедных людей», он уверял читателей, что Достоевский «увлекся пустыми теориями „принципиальных“ критиков, сбивающих с толку

молодое возникающее поколение» («Северная пчела», 1846, № 25, 30 января); самый роман объявлялся «скучным», а «главная причина его недостатков» усматривалась в том, что Достоевский «в тоне своего рассказа хотел соединить юмор Гоголя с наивным простодушием покойного Основьяненки (Квитки)».

«Петербургский сборник» едва только успел дойти до читателя, как появилась в свет вторая (февральская) книжка «Отечественных записок», в которой был напечатан «Двойник» Достоевского. В той же книжке журнала Белинский поместил заметку о «Петербургском сборнике», где говорил о Достоевском как о «совершенно неизвестном и новом» имени, «которому, как кажется, суждено играть значительную роль в нашей литературе». «Бедных людей», «Двойника», по мнению Белинского, было «слишком достаточно для убеждения... что такими произведениями обыкновенные таланты не начинают своего поприща» (X, 173). Все в той же книжке «Отечественных записок» Белинский поместил полемическую заметку о рецензенте «Петербургского сборника» в «Северной пчеле» («Новый критикан»), которую начал извещением о последней новости — «явлении нового необыкновенного таланта». Белинский писал, что Достоевский «рекомендуется публике „Бедными людьми“ и „Двойником“ — произведениями, которыми для многих было бы славно и блистательно даже и закончить свое литературное поприще; но так начать, — это, в добрый час молвить! что-то уж слишком необыкновенное...» (X, 193).

Приведенные отзывы Белинского о Достоевском стали известны читающей публике одновременно с самими романами, еще до обсуждения их в критике. При этом Белинский, говоря о Достоевском, еще не дифференцировал своего отношения к «Бедным людям» и к «Двойнику», хотя «Двойник», как это выяснилось вскоре же, заключал в себе совершенно неприемлемые для Белинского тенденции. Та рекомендация новому литературному имени, которую дал Белинский на страницах «Отечественных записок», явилась поводом для заключения, сделанного в «Северной пчеле», что Достоевский — «рассказчик не без таланта, но безнадежно увлеченный пустыми и жалкими теориями партии» (№ 48, 1 марта).

С критическим разбором «Бедных людей» и «Двойника» Белинский выступил в третьей (мартовской) книжке «Отечественных записок», т. е. тогда, когда петербургские газеты уже успели высказать свое суждение о Достоевском, но когда еще не появлялось отзывов о нем московской (славянофильской) критики. В своей статье Белинский советовал Достоевскому перепечатать мнения критиков о «Бедных людях» при издании своих сочинений, «как это сделал Пушкин, приложивший ко второму или третьему изданию „Руслана и Людмилы“ все критики и рецензии, в которых бранили эту поэму» (X, 219).

Выше уже отмечено, что самым первым откликом на «Петербургский сборник» было презрительное упоминание Булгарина о натуральной школе. Затем последовали бранные отзывы «Иллюстрации» и «Северной пчелы». Но «Петербургский сборник» имел успех в читательских кругах, и о нем продолжали говорить. Появились анонимные рецензии на сборник в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции», издававшихся В. Межевичем (1846, № 33, 9 февраля) и в «Русском инвалиде» (1846, № 34, 10 февраля).

Вот как сформулировал свое впечатление от «Бедных людей» рецензент «Русского инвалида»: «Вы кончите роман, и в душе вашей остается тяжкое, невыразимо-скорбное ощущение, — такое, какое наводит на вас предсмертная песня Дездемоны...» «Нам кажется, — писал рецензент далее, — что г-ну Достоевскому, для полного успеха, надобно составить свою публику, и, судя по первому его опыту, он приобретет ее, и весьма многочисленную, как приобрели ее Гоголь и Лермонтов. Едва успел он

выйдти на литературную сцену и уже встретил с одной стороны восторженных поклонников, с другой запальчивых порицателей, а это самое лучшее доказательство его талантливости». Рецензент «Русского инвалида» не ограничивался одними похвалами Достоевскому, но отмечал в авторе «Бедных людей» и недостаток, «немаловажный, но весьма свойственный молодому писателю, еще недостигшему искусства художнически обделывать свои произведения: это излишнее многословие, неуменье

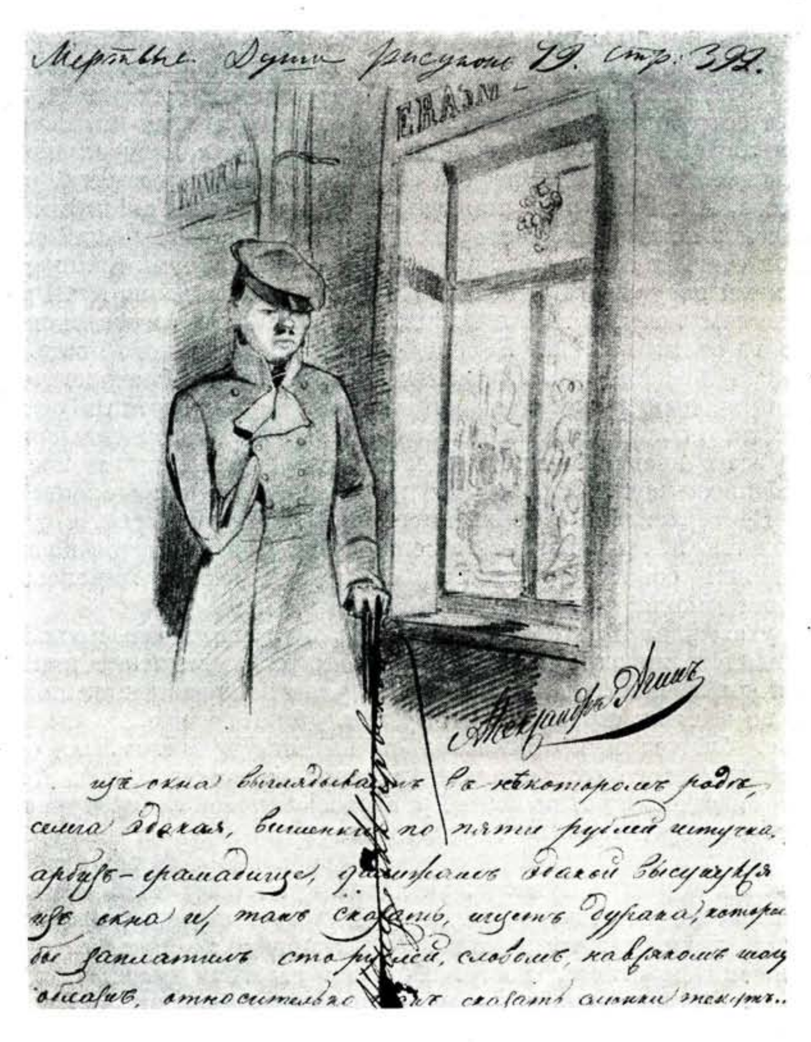


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «МЕРТВЫМ ДУШАМ» ГОГОЛЯ

Рисунок А. Агина с цензорскими пометами, 1847 г.

Исторический музей, Москва

кстати остановиться, и роман его много выиграл бы, если б хоть немного был короче. При всем том многие страницы превосходны...»

Сравнительно с рецензией «Русского инвалида» более глубокий и принципиальный характер имела рецензия на «Петербургский сборник» в «Ведомостях С.-П.-Бургской городской полиции». Эта рецензия, вместе с рецензией «Русского инвалида» осмеянная в «Северной пчеле» и приписанная Булгариным В. Межевичу, на самом деле, как это удалось сейчас установить, принадлежала перу Ап. Григорьева[11] и через два месяца

была развернута им в обширную статью о «Петербургском сборнике», напечатанную в «Финском вестнике» (1846, т. IX, отд. V). Если в названной статье Ап. Григорьев уже имел возможность, говоря о Достоевском, подвести итоги суждениям Белинского и Шевырева, то в своей краткой рецензии он предварял не только критику «Москвитянина», но и статью Белинского о «Петербургском сборнике». Весьма возможно, что Белинский и не подозревал в анонимном рецензенте «Ведомостей С.-П.-Бургской городской полиции» автора вскоре же вышедшей книжки стихотворений, которую ему пришлось рецензировать. Не подозревал Белинский, конечно, и того, что один из сотрудников Межевича был уже автором ответственных критических статей в «Финском вестнике», что он будет сотрудником «Московского городского листка» и займет видное место в литературно-общественной борьбе вокруг натуральной школы.

В рецензии на «Петербургский сборник», оценивая первый роман Достоевского, Ап. Григорьев наметил основные пункты своей литературно-эстетической концепции, которую он развивал в последующих своих критических статьях и которая шла вразрез с установками Белинского и его программой натуральной школы. Коренное расхождение Ап. Григорьева с Белинским заключалось в понимании сущности гоголевского творчества. В то время как для Белинского миссия истинного поэта, а следовательно, и миссия Гоголя, состояла в «оправдании благородной человеческой природы», в «преследовании ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека»,— для Ап. Григорьева Гоголь был прежде всего носителем христианского «озарения». Поэтому изображение обыкновенных людей и раскрытие противоречий действительности сливалось у Григорьева не с целями преобразования общества, а с идеалами всепрощения и христианской любви. Григорьев, несмотря на некоторые расхождения со славянофилами, в основах своего мировоззрения и своего понимания искусства был близок к ним.

Как утверждал Григорьев, «у Гоголя, в лучших его произведениях, вы не найдете ни одного лица поэтического, вы видите только степени падения человечности, но вам понятно, что эти степени падения вызваны поэтом во всем их страшном безобразии, для того, чтобы сильнее, божественнее, благодатнее отпечатлелось на них христианское озарение».

Признание этого «озарения» движущим нервом гоголевского творчества предопределило отношение Григорьева к новой литературной школе, которая, как представлялось ему, «взяла у главы только его односторонности». Отсюда сделанное Григорьевым сравнение «Бедных людей» и «Петербургских вершин» Буткова, как двух крайностей школы. По мнению Григорьева, гоголевское «озарение» у Достоевского превратилось в культ отдельной личности, тогда как Бутков пошел по пути сатирического изображения действительности. В своей газетной рецензии Григорьев писал: «г. Достоевский, человек с большим талантом, смешал личности с минутами их озарения, с минутами возвращения им образа божия, и, уединивши их, так сказать, в особый мир, анализировал их до того, что сам поклонился им; автор „Петербургских вершин“, г. Бутков, проникся только безотрадностью мелочных явлений и стал изображать их синтетически. Другие писатели школы взяли только форму учителя, нисколько не вникнув в глубину содержания. Только г. г. Достоевский и Бутков приняли дух его, первый усвоил себе самостоятельно, второй рабски пошел по следам творца „Шинели“. И г. Достоевскому суждено, кажется, судя по огромным размерам его таланта, довести школу до крайних граней, до nec plus ultra, — быть, так сказать, примиряющим звеном между Гоголем и Лермонтовым...»

Следует отметить, что имя Лермонтова при оценке «Бедных людей» Григорьев вспомнил далеко не случайно. Вопреки Белинскому, включав-

шему Лермонтова в орбиту новейшего гоголевского периода литературы, Григорьев, наряду с гоголевским направлением, различал еще и другое — лермонтовское, сущность которого он видел в фатализме, в «сознании всесильной воли рока, простирающегося до сознания бесплодности и невозможности борьбы». И в авторе «Бедных людей» Григорьев почувствовал предвестие примирения этих двух направлений — гоголевского и лермонтовского.

Анализ литературно-эстетической концепции Григорьева в ее общественно-исторической обусловленности должен быть предметом особого рассмотрения. Но и не углубляясь в этот анализ, мы должны будем признать, что у автора «Бедных людей» Григорьев зорко уловил поворот от гоголевского изображения материальной и духовной среды, формирующей человека, к изображению самого человека в его внутренней жизни. Это перемещение центра тяжести от социальных проблем к психологическим, не оправданное в свете христианского «озарения» и потому осужденное Григорьевым, согласовалось в то же время с демократическими настроениями и социалистическими чаяниями. Вот почему первый роман Достоевского так восторженно был принят Белинским, связавшим, как мы видели, программу натуральной школы с борьбой за социалистические идеалы. Вместе с тем Белинский никогда не подвергал ревизии завоеванное и утвержденное Гоголем социальное понимание человека. Более того. Белинский критиковал и отбрасывал выдвинутые Григорьевым спиритуалистические элементы, которые были в гоголевском творчестве. Мы знаем, что развитие социалистических умонастроений Белинского шло по линии все возрастающей критики идеализма и утопизма, все большего и большего приближения к материалистическим позициям. И в этом причина тех колебаний по отношению к Достоевскому, которые заметны уже в статье Белинского о «Петербургском сборнике» и которые, в конце концов, привели его к расхождению с Достоевским и к разрыву с ним.

Ап. Григорьев очень тонко уловил, что в отзыве Белинского о Достоевском, особенно по поводу «Двойника», «проглядывает более умеренности, нежели сколько можно было ожидать, судя по предшествовавшим фактам». Действительно, в статье Белинского горячие его похвалы новому писателю сопровождались теперь некоторыми сомнениями и оговорками.

Белинский отнес Достоевского не к тем «обыкновенным талантам», на которых он ориентировался, защищая натуральную школу, а к числу талантов «необыкновенных». С этой точки зрения вопрос о соотношении Достоевского с Гоголем ставился и решался особенным образом: не могло быть и речи о какой-либо подражательности. И все же в Достоевском Белинский справедливо увидел наследника Гоголя, многим обязанного своему учителю. Так, «сын, живя своею собственною жизнию и мыслию, тем не менее все-таки обязан своим существованием отцу»,— говорил Белинский и дальше добавлял: «ка̀к бы ни великолепно и ни роскошно развился впоследствии талант г. Достоевского, Гоголь навсегда останется Коломбом той неизмерной и неистощимой области творчества, в которой должен подвизаться г. Достоевский» (X, 203).

Известные колебания Белинского по отношению к Достоевскому сказались прежде всего в определении своеобразия писательской индивидуальности автора «Бедных людей» и «Двойника». Не сомневаясь в «яркой самостоятельности» Достоевского, Белинский, тем не менее, отказался от всяких прогнозов последующего пути писателя. Он утверждал лишь, что «много, в продолжение поприща <Достоевского>, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы» (X, 218).

В «Бедных людях» Белинский был восхищен «трагическим элементом», глубоко проникавшим весь роман. Потрясающая правда о человеке,

страдающем от своей социальной приниженности, отвечала социалистическим умонастроениям Белинского и гуманизму натуральной школы. Процитировав «страшную» сцену Девушкина с «его превосходительством», Белинский писал, что «всякое человеческое сердце, для которого в мире ничего нет выше и священнее человека, кто бы он ни был, всякое человеческое сердце судорожно и болезненно сожмется от этой — повторяем — страшной, глубоко-патетической сцены... И сколько потрясающего душу действия заключается в выражении его благодарности, смешанной с чувством сознания своего падения и с чувством того самоунижения, которое бедность и ограниченность ума часто считают за добродетель!...» (X, 213). Белинский в общем не изменил высокой оценки «Бедных людей»; впоследствии, уже после разрыва с Достоевским, он считал силу и оригинальность его в «глубоком понимании и художественном, в полном смысле слова, воспроизведении трагической стороны жизни» (XI, 153).

Но вот по поводу «Двойника» Белинский заговорил уже не только о силе писательского таланта, но и его «молодости и неопытности».

Самую мысль представить историю человека, помешавшегося на амбиции, вывести в качестве героя романа сумасшедшего — эту мысль Белинский счел «смелой и выполненной автором с удивительным мастерством». Вместе с тем, Белинский вынужден был признать «основание» в общем голосе петербургских читателей, что «Двойник» «несносно-растянут» и оттого «ужасно скучен». Все сказанное Белинским о «Двойнике» определенно свидетельствовало о колебаниях Белинского, о неясности для него в данный момент дальнейших творческих путей Достоевского. Однако вскоре же, как мы увидим ниже, отношение Белинского к Достоевскому определилось вполне.

Одновременно с появлением статьи Белинского и позже «Петербургский сборник» продолжал обсуждаться в критике. С разбором сборника в «Библиотеке для чтения» выступил А. Никитенко, в «Москвитянине» — Шевырев, в «Финском вестнике» — Ап. Григорьев [12] и т. д. Важнейшей темой всех статей о «Петербургском сборнике» продолжали оставаться «Бедные люди» и «Двойник» Достоевского. Имя нового писателя, естественно, связывалось с натуральной школой, а обсуждение романов Достоевского противниками школы было использовано для ее обличения и дискредитации. В этом смысле особенно характерна позиция Шевырева, который в своей статье подчеркнул «резкие признаки жалкого упадка» современной литературы в художественном отношении. «Всегда, когда искусство человеческое теряет дар божий, а следовательно и душу,— писал Шевырев,— всегда оно с отчаяния пускается в беллетристику, которой так жаждет г. Белинский и с жеманною скукой размалевывает окружающую его действительность» [13]. Шевырев намечал три наиболее губительных с его точки зрения тенденции современной литературы: тенденцию филантропическую, тенденцию социабельную и тенденцию цивилизирующую, что означало на его языке гуманизм, «соединение литераторов в партии» и, наконец, «западничество».

Шевырев доказывал, что первый роман Достоевского, несмотря на некоторые его достоинства, все же испорчен филантропической тенденцией. «К чему же создавать какое-то особенное филантропическое искусство, когда всякое искусство, изящное само по себе, непременно содержит в себе сочувствие и любовь к человечеству? Заботьтесь об одном только, чтоб произведение ваше было прекрасно: добро от него будет. Если же вы, отчаиваясь за его красоту, метите им на одну филантропию, — тогда вы, вредя изящному, вредите и доброму, а самую любовь к ближнему подвергаете вкусу моды вместе с вашим произведением, которое, не имея непреходящих достоинств истинно прекрасного, живет только временною потребностию»[14]. Итак, гума-

нистическое направление новой литературной школы, ее установка на сознательную мысль, за что так ратовал Белинский,— все это объявлялось Шевыревым противоречащим основным законам искусства. Антидемократизм и реакционность позиции Шевырева, которого вполне поддержал К. Аксаков в своей рецензии на «Петербургский сборник» [15], не подлежат никакому сомнению. Что касается до «Двойника», то этот

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «МЕРТВЫМ ДУШАМ» ГОГОЛЯ

Рисунок А. Агина, перечеркнутый цензором и не допущенный к печати, 1847 г.

Исторический музей, Москва

роман Шевырев, опять-таки поддержанный Аксаковым, счел «грехом против художественной совести», возложив всю вину на направление, которое защищал в литературе Белинский.

К автору «Двойника» Шевырев обращался со словами упрека и предостережения: «...но беда таланту, если он свою художественную совесть привяжет к срочным листам журнала, и типографские станки будут из него вытягивать повести. Тогда рождаться могут одни кошмары, а не поэтические создания» [16].

Ап. Григорьев в статье о «Петербургском сборнике», указав на мнения о Достоевском Белинского и Шевырева, не согласившись ни с тем, ни с другим, развил и обосновал тезисы своей краткой рецензии. Мысль о возможном примирении в авторе «Бедных людей» двух направлений — лермонтовского и гоголевского — Григорьев теперь снял и сформулировал свое осуждение первого романа Достоевского более решительно. Ап. Григорьев отметил, что в «Бедных людях» «по местам мелькает даже иногда ложная сентиментальность и апотеоза мещанских добродетелей». Повторив противопоставление Достоевского Буткову, как двух крайностей новой литературной школы, с его точки зрения, Григорьев утверждал теперь, что, может быть, Достоевскому и «суждено довести до nec plus ultra гоголевскую школу, т. е. гоголевскую форму и манеру, но не дух того, кто так энергически, так сурово-грустно говорит, что „пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку“». О «Двойнике» Ап. Григорьев высказался с прямолинейной резкостью, как о «сочинении патологическом, терапевтическом, но нисколько не литературном: это история сумасшествия, разанализированного, правда, до крайности, но тем не менее отвратительного, как труп...» И Григорьев готов был предположить, что, «если автор пойдет дальше по этому пути, то ему суждено играть в нашей литературе ту роль, какую Гофман играет в немецкой... грустно будет, если назначение Достоевского есть назначение талантливого, но уродливого Гофмана...» [17].

Справедливые и глубокие критические замечания Григорьева по поводу романов Достоевского связаны были, однако, с той концепцией гоголевского творчества, которая утверждала Гоголя не как поэта отрицания, а напротив, как поэта всепрощения и любви.

Явление в литературе «Бедных людей» и «Двойника» поставило перед критикой и общественной мыслью не только вопрос о развитии натуральной школы, но и вопрос о сущности гоголевского творчества. К вопросу о Гоголе, казалось бы уже решенному, необходимо было возвращаться снова и снова. Это делал прежде всего сам Белинский, который в статье о «Петербургском сборнике» рассмотрение романов Достоевского предварил рядом принципиальных суждений не только о Гоголе, но и о Пушкине. Если поэзию Пушкина Белинский характеризовал как «поэзию, избирающую своим предметом положительно-прекрасные явления жизни» (X, 197), художественную силу Гоголя он видел в юморе. Именно посредством юмора, доказывал Белинский, Гоголь «служит всему высокому и прекрасному, даже не упоминая о них, но только верно воспроизводя явления жизни, по их сущности противоположные высокому и прекрасному, — другими словами: путем отрицания достигая той же самой цели, только иногда еще вернее, которой достигает и поэт, избравший предметом своих творений исключительно идеальную сторону жизни» (X, 199).

Концепция Гоголя как великого поэта отрицания была диаметрально противоположна той, которую развивал Ап. Григорьев. Ставя перед собой вопрос о том, «в чем же именно состоит тайна искусства Гоголя, следовательно тайна его гения и неизбежного успеха», Григорьев отвечал: «Не в живом ли и теплом сочувствии к избранному им миру, не в любви ли, которой свойственно отожествляться с своим предметом? Мысль, знаем, столько же не новая, сколько бесспорно истинная; но видим, к сожалению, что она понята нашими критиками слишком частно и не отчетливо в применении». В истолковании гоголевского творчества Белинским Григорьев видел даже определенную недооценку автора «Мертвых душ». Конечно, Белинского имел в виду Григорьев, когда он писал о Гоголе: «Его гениальность, его искусство, состоящие в любовном, глубоко человеческом отожествлении с уродливыми, неопрятными образами

той части человечества, которая стонет под гнетом неразвитости и отвержения, бессилия и невежества, ставят поэта на более высокую ступень настоящих интересов и на более почетное историческое место, нежели предполагают самые жаркие его поборники в современной русской критике» [18]. В другой своей статье, разбирая роман А. Вельтмана «Новый Емеля или превращения», Григорьев вступал уже в открытую полемику с Белинским. «Честь поэту,— писал он о Вельтмане,— который один из слишком немногих усердно ратует за элемент непризнанный, оклеветанный, за тот элемент, который так возвышенно вдохновил уже величайшего из наших поэтов в лирических местах его „Мертвых душ", в тех именно местах, которые не признаны нашими западными критиками, которые им кажутся даже квасным патриотизмом, но которые, в сущности, суть не что иное, как пророческие прозрения в будущность этого непосредственного и не вышедшего еще из своей самородной непосредственности элемента»[19]. Защита Григорьевым «непосредственного элемента» русской народности являлась, в сущности, защитой крепостнического патриархализма, народной забитости и вековой отсталости. Утверждая величие Гоголя в его связях с этим «самородным непосредственным элементом», Ап. Григорьев с логической неизбежностью должен был дойти до защиты «Выбранных мест из переписки с друзьями». Действительно, так оно и случилось. Как мы увидим далее, Ап. Григорьев явился едва ли не самым бескорыстным апологетом реакционной книги Гоголя.

На статью Шевырева о «Петербургском сборнике», точно так же как на выступления Ап. Григорьева, Белинский не отвечал. Ни с одним из критиков романов Достоевского он не вступил в спор. Статья Белинского о «Петербургском сборнике» явилась одной из последних его больших работ в «Отечественных записках». Самой последней работой Белинского в этом журнале была одиннадцатая статья о Пушкине, доставленная в редакцию еще в апреле, но напечатанная в октябрьской книжке 1846 г. Белинский прекратил сотрудничество в «Отечественных записках» с апреля 1846 г., хотя в майской книжке и появились еще две его рецензии (см. об этом на стр. 400—401 наст. изд.). Напечатание же статьи Белинского в октябрьской книжке связано было с попыткой Краевского спекулировать сотрудничеством критика. Редактор-издатель «Отечественных записок» хотел заверить читателей, что направление журнала остается прежним, несмотря на то, что группа писателей во главе с Белинским переходила во вновь организуемый «Современник» Некрасова и Панаева.

Как бы то ни было, но с апреля и до конца 1846 г. у Белинского уже не было журнальной трибуны. А между тем, борьба вокруг натуральной школы за это время не только не прекращалась, но, напротив, вступила в очень острую и напряженную фазу.

Летом 1846 г. Гоголь прервал трехлетнее молчание статьей, напечатанной в «Московских ведомостях», в «Современнике» Плетнева и в «Москвитянине». Это была статья об «Одиссее, переводимой Жуковским», свидетельствовавшая о резком переломе в мировоззрении Гоголя. Великий русский писатель, глава новой литературной школы, призывал вернуться к патриархальности Гомера, приветствуя появление Одиссеи «именно в нынешнее время... когда сквозь нелепые крики и опрометчивые проповедывания новых, еще темно услышанных идей, слышно какое-то всеобщее стремление к какой-то желанной середине». Самая мысль Гоголя о «желанной середине» между реакцией и прогрессом объективно вела к отрицанию всякого прогресса. Это был призыв к застою. В октябре 1846 г. вышло второе издание «Мертвых душ» с авторским предисловием, написанным в тонах покаяния и самоуничижения. Тогда же в литературных кругах стало известно о подготовленной Гоголем новой книге «Вы-

бранные места из переписки с друзьями», которая в январе 1847 г. и вышла в свет. Это был страшный удар для передовой общественной мысли, для русской литературы, для всего освободительного движения.

Предвестием «Выбранных мест» была уже статья Гоголя об Одиссее, которая на почитателей Гоголя произвела исключительно тяжелое впечатление и которая настраивала на самые тревожные предположения, вскоре оправдавшиеся.

Несколько месяцев спустя после появления статьи об Одиссее, в рецензии на второе издание «Мертвых душ» Белинский писал: «...статья Гоголя о переводе Одиссеи Жуковским до того исполнена парадоксов, высказанных с превыспренними претензиями на пророческий тон, что один бездарный писатель нашел себя в состоянии написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную в опровержении парадоксов статьи Гоголя. Это опечалило всех друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всех врагов его» (X, 428—429). То была статья барона Розена, появившаяся 14 августа 1846 г. в «Северной пчеле» (№ 181) под издевательским заглавием «Новая поэма Н. В. Гоголя».

Реакционный и бездарный писатель высмеивал парадоксы Гоголя и его пророческий тон, обвинял Гоголя в филологической безграмотности, называя все его рассуждения об Одиссее «широковещательной пошлостью» и злорадствовал над «беспорядочными, головокружительными рецензиями» Белинского.

Почти одновременно с появлением статьи Гоголя об Одиссее вышел в свет «Московский литературный и ученый сборник» со статьей Хомякова «Мнение русских об иностранцах» [20].

В названной статье Хомяков развивал свои излюбленные мысли о «тесной рассудочности, мертвой и мертвящей», которая господствовала в духовной жизни Западной Европы. С точки зрения Хомякова, эта рассудочность была закономерным последствием «сильных и коренных реформ, или переворотов, особенно таких реформ, которые совершены быстро и насильственно». «Какая-то мелкость и скудость духовной жизни» в Европе, по мнению Хомякова, была особенно ясна на примере Франции, не раз пережившей революционные потрясения. «Революция, — писал Хомяков, — была не что иное, как голое отрицание, дающее отрицательную свободу, но не вносящее никакого нового содержания». Касаясь социалистического движения в Западной Европе, Хомяков приходил к выводу, что это движение исторически неизбежно (в этом его относительная правота), но вместе с тем оно и ложно, поскольку в нем проявлялась все та же односторонность понятий, «завещанных прежнею историею западных народов». Хомяков был убежден, что свое спасение Западная Европа может найти только на путях осуществления нравственно-религиозных идеалов. Все рассуждения Хомякова клонились к тому, чтобы противопоставить мертвящей европейской рассудочности нравственную чистоту и душевную целостность, причем эти последние качества объявлялись исключительной принадлежностью русского национального характера. Так утверждался принцип, открывавший дорогу национальной нетерпимости.

Статья Хомякова содержала в себе также нападки на литературных последователей Гоголя и на Белинского. Не называя Белинского по имени, Хомяков критиковал десятую его статью о Пушкине (о «Борисе Годунове»), стремясь опровергнуть взгляд Белинского на роль гения в исторической жизни народа. Выше уже шла речь о том, что учение Белинского о гении и таланте занимало важнейшее место в системе его литературно-критических взглядов. Учение о гении и таланте, занявшее такое важное место в литературной программе Белинского, оказало значительное влияние и на его отношение к истории России. И вот Хомяков тезису Белин-

ПЕТЕРБУРГСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ

Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

НѢКОТОРЫЯ СТАТЬИ ИЛЛЮСТРИРОВАНЫ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.	Н. А. НЕКРАСОВЪ.
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.	А. В. НИКИТЕНКО.
ИСКАНДЕРЪ.	КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.
А. И. КРОНЕБЕРГЪ.	И. И. ПАНАЕВЪ.
А. Н. МАЙКОВЪ.	ГР. В. А. СОЛЛОГУБЪ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1846.

— 170 —

На головѣ его курчавой
Торчитъ ермолка; песъ лягавой,

Угрюмый старецъ, подъ столомъ
Сидитъ и жмурится. Кругомъ
Все тихо.... Сохнетъ воздухъ.... жгучій
Почуя жаръ, перепела
Кричатъ.... ползетъ обозъ скрыпучій
По длинной улицѣ села...

ИЗДАННЫЙ НЕКРАСОВЫМ «ПЕТЕРБУРГСКИЙ СБОРНИК». В РЕЦЕНЗИИ НА НЕГО БЕЛИНСКИЙ ВПЕРВЫЕ УПОТРЕБИЛ НАЗВАНИЕ «НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА»

Титульный лист и страница сборника с иллюстрацией А. Агина к рассказу в стихах И. С. Тургенева «Помещик»

«...К „Помещику" приложены прекрасные картинки, рисованные г. Агиным...» (из рецензии Белинского на «Петербургский сборник», 1846 г.)

ского о Борисе Годунове, как государственном деятеле, лишенном гениальности, противопоставил свой славянофильский тезис о том, что «нет народа, который бы требовал постоянной гениальности в своих правителях». И дальше, в противовес Белинскому, Хомяков развивал славянофильский взгляд на единение царя с народом, ссылаясь на историю воцарения Михаила Романова. Опять-таки не называя Белинского, Хомяков нападал в своей статье на отзыв Белинского о русских сказках и песнях в связи с оценкой Белинским пушкинского «Жениха» и песни о купце Калашникове Лермонтова (в восьмой статье пушкинского цикла).

Когда вышел из печати «Московский литературный и ученый сборник» со статьей Хомякова, Белинский вместе со Щепкиным путешествовал по югу России. С «Московским сборником» ему удалось ознакомиться в Харькове, а из Одессы 4 июля 1846 г. он с возмущением писал о статье Хомякова в письме к Герцену («Письма», III, 137).

Статья Гоголя об Одиссее и статья Хомякова — одновременные и идеологически родственные явления, хотя и независимые друг от друга. Обе статьи знаменовали собой углубление и обострение общественных противоречий; обе они свидетельствовали о подготовке объединения реакционных сил, о предстоящем наступлении реакции на силы демократии и прогресса. В тот исторический момент, когда в лагерь реакции отходил писатель, чье имя многие годы было знаменем демократической России, в тот момент должно было произойти размежевание и внутри демократического лагеря. Вот почему Белинский с конца 1846 г. борется за объединение передовой литературы в одном журнале, в «Современнике»; вот почему, стремясь к объединению, он вступает в споры со своими же союзниками, последователями и учениками. Таков прежде всего знаменитый спор Белинского с Вал. Майковым, определивший содержание и направление программной статьи Белинского в «Современнике» — «Взгляд на русскую литературу 1846 г.». Этот спор имеет самое ближайшее отношение и к судьбам натуральной школы.

III

В. Майков принимал активное участие в подготовке знаменитого «Карманного словаря иностранных слов», некоторое время он связан был с кругом петрашевцев, а затем примыкал к кружку В. А. Милютина, к которому принадлежал и молодой Салтыков. Сотрудником «Отечественных записок» по критическому отделу Майков стал с мая 1846 г., заступив место Белинского. В. Майков продолжил борьбу со славянофилами, которую в «Отечественных записках» вел Белинский. В. Майков же оказался преемником Белинского и в борьбе за натуральную школу, притом в исключительно напряженной обстановке, которая сложилась во второй половине 1846 г., накануне организации «Современника» Некрасова и Панаева.

Важнейшие литературно-критические работы В. Майкова относятся к тому времени, когда у Белинского не было журнальной трибуны. Впрочем, Майков сотрудничал в «Отечественных записках» и после организации «Современника» — всю первую половину 1847 г., до самой смерти. Как справедливо отметил Плеханов, В. Майков «умер, не успев выйти из своего периода философских исканий». Но направление его исканий было существенно иным, сравнительно с направлением исканий Белинского. Воспитанный на изучении истории, социологии и политической экономии, Майков пришел к социалистическим умонастроениям и политически-радикальным выводам, но вместе с тем он оказался вовлеченным в сферу идей позитивизма. Отсюда его требование положительности, как «разумного признания действительности», отсюда его мысли о гармоническом соединении анализа и синтеза, умозрения с опытом и т. д. Майков

отправлялся в своих построениях от идеального понятия личности, как «свободно разумного существа, созданного по образу и подобию бога»[21]. «Величайший переворот в жизни человечества произведен был самим богом в образе человека, — писал Майков в статье о Кольцове. — Христос, со стороны своего человеческого существа, являет собою совершеннейший образец того, что называем мы величием личности». Идеальное понятие личности, естественно, приводило к отказу от общественно-исторического подхода. Майков и отрицал социальное понимание личности. «Человек, в котором, как в зеркале, отражается картина внешних обстоятельств его жизни, вся панорама фактов его возникновения и развития, это ли свободно разумное существо, созданное по образу и подобию бога?..» — спрашивал Майков. Понятие человека, вмещающего в себе всю «чистоту и полноту богоподобия», с неизбежностью вело также к отрицанию национальности, потому что «человек, которого можно назвать типом какой бы то ни было нации, никак не может быть не только великим, но даже и необыкновенным». Отрицая национальность, Майков решительно разошелся с славянофильской доктриной, ибо с его точки зрения «цивилизация и особенность (то-есть отступление от идеала) — два понятия диаметрально противоположные, взаимно исключающие друг друга»[22]. В статье «„Краткое начертание истории русской литературы“ В. Аскоченского», критикуя славянофилов, В. Майков писал, что «истинная цивилизация всего на все одна, как одна на свете истина, одно добро; следовательно, чем меньше особенностей в цивилизации народа, тем он цивилизованнее, если только не считать особенностью то, что в нем могут быть развиты такие стороны, которые у других народов остаются в неразвитии...»

Идеальное понятие цивилизации, не мирившееся с славянофильской доктриной, согласовалось с «европеизмом», защитником которого был Майков. Он считал, что «единственный для России путь к развитию» это — «усвоение европейской цивилизации»[23]. Система общественных взглядов Майкова завершилась у него представлением об истории, которая, как полагал он, творилась боговдохновенным героизмом избранных натур.

Из всех этих общетеоретических положений делались вполне определенные и ясные выводы в области литературы. Майков заявлял себя сторонником Гоголя и его школы, но полагал, что деятельность этой школы «бессознательна и смутна, потому что сам Гоголь только увенчан, а не объяснен критикой»[24]. По мнению Майкова, Гоголь был «величайшим поэтом-аналитиком, давшим надолго нашей литературе направление критическое». Однако «эпоха критики должна быть в то же время и эпохою утопии (принимая это слово в его первоначальном, разумном значении): иначе человечество утратило бы всю энергию живых стремлений и осталось бы без ответа на призывы бытия»[25]. Следовательно, гоголевское критическое направление односторонне и должно быть дополнено положительным утверждением идеалов: критика и утопия должны быть неразрывны друг с другом. Майков считал, что произведения Кольцова «положительно выразили собою тот идеал, на который остальные поэты наши указывают путем отрицания».

Примечательна сравнительная характеристика, которую Майков дал Гоголю и Достоевскому. «И Гоголь, и г. Достоевский изображают действительное общество, — писал он в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году». — Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума». В. Майков восхищался психологическими чертами необыкновенной тонкости и глубины в «Бедных людях», а «Двойнику» он дал сле-

дующую восторженную оценку: «В „Двойнике“ манера г. Достоевского и любовь его к психологическому анализу выразились во всей полноте и оригинальности. В этом произведении он так глубоко проник в человеческую душу, так бестрепетно и страстно вгляделся в сокровенную машинацию человеческих чувств, мыслей и дел, что впечатление, производимое чтением „Двойника“, можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химический состав материи... „Двойник“ развертывает перед вами анатомию души, гибнущей от сознания разрозненности частных интересов в благоустроенном обществе...» [26].

Отзывы Майкова о Достоевском подводят нас к корню его расхождений с Белинским. Поворот от социальных проблем к психологическим, от изображения общественной среды к изображению самого человека — вот как мыслилась Майковым перспектива развития натуральной школы. Призывая писателей заниматься «основательным изучением экономических наук», и в этом смысле не уходя от социальной проблематики, Майков в то же время оправдывал антисоциальную и патологическую фантастику «Двойника». Белинский же стремился укрепить и обосновать общественно-историческое понимание человека: психологические проблемы рассматривались им как производные от социальных и не противопоставлялись друг другу. Когда Белинский колебался в оценке романов Достоевского, он уже предчувствовал те неприемлемые для себя тенденции, которые нашли оправдание и теоретическую защиту у Майкова. Несмотря на родство социалистических и демократических умонастроений, Майков и Белинский неизбежно должны были разойтись, поскольку идеология Майкова не только не совпадала и не сливалась с идеологией революционно-демократической и материалистической, но, напротив, во многом противостояла ей.

Признавая могучую силу критики Белинского в «отрицании ложных эстетических начал литературы и обращении к новым, диаметрально противоположным», особенно ценя критику Белинского за то, что она «служила до сих пор энергическим выражением симпатии к новой школе искусства»,— Майков в то же время находил у Белинского существенные недостатки: бездоказательность и диктаторский тон. «Выражать симпатию и анализировать ее,— писал Майков,— две вещи разные и по сущности и по результатам... Выражать свое мнение публично и не подкрепить его доводами, которые сам находишь убедительными, уже значит выразить свое неуважение к свободе мнений и претензию на диктаторство».

Майков резко выступил против статьи Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова», опубликованной в качестве вступительной статьи в издании «Стихотворений» Кольцова (СПб., 1846). В этой статье с особенной яркостью и полнотой Белинским было развернуто его учение о гении и таланте. Исходя из критерия гениальности, которая заключалась для Белинского во «всеобщности идей и идеалов», т. е. в народности, Белинский отнес Кольцова к «гениальным талантам». Это определение, найденное Белинским, резюмировало его понимание поэзии Кольцова и имело глубокое содержание. Белинский доказывал, что по силе своей одаренности Кольцов поднимался до гениальности, и в то же время он не обладал гением, потому что не мог охватить русской действительности так разносторонне, как Пушкин, Лермонтов и Гоголь. Сфера Кольцова — это русская народная песня, поднятая на высшую ступень развития,— это поэзия русского крестьянского быта. «Поэзию этого быта нашел он <Кольцов> в самом этом быте, а не в реторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей... И потому, в его песни смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченные бороды, и старые онучи — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии...» (X, 284). Поэзия

Кольцова, утверждал Белинский, отразила противоречия русской народной жизни и запечатлела лучшие черты своего народа — громадную духовную силу его, которая сказывается и в страдании и в радости, силу, которую ничто и никогда не сломит, силу, которая чужда ложным утешениям.

Все эти суждения о Кольцове, как поэте национальном по преимуществу, вызвали критику и опровержение со стороны Майкова. В двух обширных статьях, посвященных разбору стихотворений Кольцова, Майков протестовал против формулы «гениальный талант» и стремился

В. Н. МАЙКОВ
Литография 1840-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

показать, в противовес Белинскому, что Кольцов, как подлинный и большой поэт, выражает не национальные особенности, а общечеловеческие идеалы. Отрицание социального понимания личности и отрицание национальности — таковы основные пункты, которые определяли возражения Майкова Белинскому. Преимущественно на этих пунктах остановился и Белинский, вступив в полемику с Майковым в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Для Белинского было важно размежеваться с Майковым прежде всего потому, что вопрос о личности и национальности, как определяющем ее развитие начале, имел первостепенное значение в системе славянофильских взглядов. А ведь Майков выступал противником славянофилов,

причем в полемике с ними он ссылался на традиции «Отечественных записок», которые были созданы Белинским. Показывая несостоятельность утопических убеждений Майкова, Белинский имел в то же время возможность вскрыть реакционный характер славянофильской трактовки проблемы народности и национальности.

Ни разу не назвав Майкова по имени, Белинский обрушился на него, как на «гуманического космополита» и сурово осудил его абсолютный способ суждения. «Идея истины и добра признавались всеми народами, во все века;— писал Белинский,— но что̀ непреложная истина, что̀ добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век. Поэтому, безусловный, или абсолютный способ суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный; теперь он называется абстрактным, или отвлечённым. Ничего нет легче, как определить, чем должен быть человек в нравственном отношении, но ничего нет труднее, как показать, почему вот этот человек сделался тем, что̀ он есть, а не сделался тем, чем бы ему, по теории нравственной философии, следовало быть» (X, 403).

Абстрактному или отвлеченному способу суждения у Майкова Белинский противополагал другой способ — материалистический. «Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Современная наука не удовольствовалась и этим: химическим анализом хочет она проникнуть в таинственную лабораторию природы, а наблюдением над эмбрионом (зародышем) проследить физический процесс нравственного развития» (X, 406). Опираясь на материалистические предпосылки, Белинский утверждал общественно-историческую обусловленность личности, а отсюда следовал вывод, что невозможно «разделить народное и человеческое на два... враждебные одно другому начала». Белинский писал: «Что̀ л и ч н о с т ь в отношении к и д е е человека, то н а р о д н о с т ь в отношении к и д е е человечества. Другими словами, народности суть личности человечества. Без национальностей, человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения» (X, 408). Так Белинский ставил и решал проблему личности и национальности.

По определению Белинского, Майков бросился в «фантастический космополитизм во имя человечества», и это было крайностью, которая подлежала опровержению. Точно так же нужно было бороться и с другой крайностью — «фантастической народностью» славянофилов. Последние или смешивали с народностью старинные обычаи или указывали «на смирение, как на выражение русской национальности».

Принцип «кротости и смирения», из которого исходили и Хомяков и Ю. Самарин, Белинский в одном из своих писем назвал «неблагопристойным принципом», потому что он вел к национальной исключительности, к отрицанию прогресса.

В противоположность славянофилам, полное проявление и осуществление русской самобытности Белинский видел не в каких-либо ее исключительных свойствах, не позади, а впереди, не в прошлом, а в будущем. «Как и у славянофилов,— писал Белинский,— у нас есть свой идеал нравов, во имя которого мы желали бы их исправления; но наш идеал не в прошедшем, а в будущем, на основании настоящего. Вперед итти можно, назад — нельзя, и что бы ни привлекало нас в прошедшем, оно прошло безвозвратно» (X, 422). Как материалист и революционный демократ, Белинский звал к «исправлению нравов» не во имя мечтательного и невозможного «обращения к прошедшему, а во имя возможного развития будущего из настоящего» (X, 422).

Четкое и ясное самоопределение Белинского в вопросе о национальном развитии имело огромное значение для судеб натуральной школы.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский дал очерк исторического подготовления новой школы, связав ее с прошлым русской литературы и показав движение литературы «от абстрактного начала мертвой подражательности к живому началу самобытности». Белинский был очень далек от мысли канонизировать кого-либо из писателей новой школы. Прогресс литературы он видел «не в талантах, не в их числе», а «в их направлении, их манере писать» (X, 396). Прогресс литературы для Белинского заключался в том, что литература стала, наконец, органом общественного самосознания.

Если В. Майков считал гоголевское критическое направление односторонним и призывал критику дополнить утопией,— Белинский, напротив, всю силу новой литературной школы в данный исторический момент полагал именно в ее критическом «отрицательном» направлении. «Но если бы... преобладающее отрицательное направление и было одностороннею крайностью,— писал Белинский,— и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям, или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их реторически» (X, 397).

Во второй половине 40-х годов за «положительные идеалы в литературе» ратовал не только В. Майков, но и славянофилы, хотя и с других позиций. Даже сам Гоголь в конце своего пути обратился к «положительным идеалам», создав свою реакционную утопию в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Объективный смысл и значение борьбы Белинского за «отрицательное направление» открывается нам в свете ленинской характеристики русских просветителей. В статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин сопоставляет «просветителей» с народниками, а затем — тех и других с марксистами. Ленин указывает на то, что просветители ограничивались «отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития...» [27]. Тем самым они делали дело громадной исторической важности. Народников не удовлетворяло наследие просветителей. «...Народники,— говорит там же Ленин,— всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще...» В мировоззрении народников преобладали положительные идеалы. Но эти идеалы были ложными, противоречащими действительному положению вещей; вот почему не народники, а просветители оказались предшественниками русских марксистов. Отрицанием современной им действительности русские просветители выражали истинные потребности своего времени.

Литературно-критические выступления Майкова и вообще вся идеологическая ситуация конца 1846 г. бросали новый свет на содержание и направление творчества Достоевского. Совершенно естественно поэтому, что в программной статье «Современника» Белинский должен был сформулировать свое отношение к Достоевскому иначе, чем это было годом раньше. Многое, казавшееся неясным тогда, раскрывалось теперь во всей отчетливости.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что, обращаясь к произведениям Достоевского в своей статье, Белинский отнес их к произведениям «беллетристической прозы». Это было уже определенное снижение в оценке Достоевского. Гораздо более сдержанно Белинский отозвался теперь даже о «Бедных людях», а в «Двойнике» он констатировал «чудовищные недостатки» и решительно осудил фантастический колорит романа. Белинский никогда не отрицал законности фантастики и фантастических жанров, но в «Двойнике» фантастика носила антисоциальный и патологический характер. В этом смысле Белинский со всей резкостью

и утверждал по поводу «Двойника», что «фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находиться в заведывании врачей, а не поэтов». По поводу новой повести Достоевского «Господин Прохарчин» Белинский высказался совсем отрицательно. Он писал об этой повести: «В ней сверкают искры таланта, но в такой густой темноте, что их свет ничего не дает рассмотреть читателю... Не вдохновение, не свободное и наивное творчество породило эту странную повесть, а что-то в роде... как бы это сказать? — не то умничанья, не то претензии... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, более похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествие, нежели на поэтическое создание» (X, 420). Свои критические замечания Белинский заканчивал характерной оговоркой о том, что «мы не в праве требовать от произведения г. Достоевского совершенства произведений Гоголя; но тем не менее думаем, что большому таланту весьма полезно пользоваться примером еще большего» (X, 420—421).

Продолжавшийся отход автора «Бедных людей» от гоголевских традиций настраивал Белинского отнюдь не в пользу Достоевского. Годом спустя, когда появилась «Хозяйка», Белинский окончательно разочаровался в Достоевском. «Что́ это такое, — спрашивал Белинский, — злоупотребление, или бедность таланта, который хочет подняться не по силам, и потому боится итти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги?» Повесть «Хозяйка» свидетельствовала об окончательном разрыве Достоевского с гоголевскими традициями и натуральной школой. Белинский прекрасно понял это, отметив, что «автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности» (XI, 142).

Когда вышла из печати «Хозяйка», уже не было в живых В. Майкова, критика наиболее близкого Достоевскому идеологически. Но и по отношению к «Хозяйке» оставалось справедливым определение Майкова, что «Достоевский — поэт по преимуществу психологический» и что в этом главное его отличие от Гоголя — «поэта по преимуществу социального». Для Белинского же гоголевское социальное или, другими словами, «отрицательное» направление являлось таким громадным завоеванием, измена которому, с его точки зрения, неизбежно вела к губительным последствиям.

Защищать и отстаивать гоголевское направление особенно было важно потому, что сам Гоголь отрекся от своего искусства, открыто солидаризировался с теми, кто бранил его сочинения, и объявлял несогласие с теми, кто защищал и хвалил его, кто провозгласил его главой новой литературной школы. В статье, посвященной разбору «Выбранных мест из переписки с друзьями», проникнутый величайшим гневом и негодованием, Белинский отвечал: «Когда некоторые хвалили сочинения Гоголя, они не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях... Так точно и теперь мы не пойдем к нему спрашивать его, как теперь прикажет он нам думать о его прежних сочинениях и о его „Выбранных местах из переписки с друзьями“... Какая нам нужда, что он не признает достоинства своих сочинений, если их признало общество? Это факты, которых действительности не в состоянии опровергнуть он сам...» (X, 453).

Появление «Выбранных мест из переписки с друзьями» не только не ослабило борьбы Белинского за гоголевское направление, но, напротив, усилило и обострило эту борьбу. Установку на внесение сознательности в литературу, как непременное условие ее связи с освободительным движением, в новых исторических обстоятельствах Белинский стал защищать

въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературу, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ «Двойникъ» могъ заинтересовать только немногихъ дилетантовъ искусства, для которыхъ [illegible] литературныя произведенія составляютъ предметъ не одного наслажденія, но и изученія. Публика же состоитъ не изъ дилетантовъ, а изъ обыкновенныхъ читателей, которые читаютъ только то, что имъ непосредственно нравится, [illegible] не разбирая, почему имъ это нравится, и тотчасъ разлюбляетъ книгу, какъ скоро начинаетъ она ихъ утомлять, тоже не давая себѣ отчета, почему она имъ не по вкусу. Произведеніе, которое нравится знатокамъ и не нравится большинству, можетъ имѣть свои [illegible] достоинства; но истинно хорошее произведеніе есть то, которое нравится обѣимъ сторонамъ, или по крайней мѣрѣ, [illegible] нравится первымъ, читается и второю: [illegible] богатые [illegible] не нравится, да не отвергнутъ его [illegible] всего.... 58

Въ десятой книжкѣ «Отеч. Записокъ» появилось третье произведеніе г. Достоевскаго, [illegible] повѣсть: «Господинъ Прохарчинъ», которая [illegible] и почитателей таланта г. Достоевскаго привела въ неприятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ [illegible] искры [illegible] таланта, но онѣ сверкаютъ въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю... [illegible], [illegible] не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то вроде... какъ бы это сказать? — не то умничанья, не то претензіи... [illegible] вычурною, манерною, [illegible] непонятною, [illegible] какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, а не поэтическое созданіе? Въ искусствѣ не должно быть ничего темнаго и непонятнаго; его произведенія тѣмъ и выше такъ называемыхъ «истинныхъ происшествій», что поэтъ освѣщаетъ факеломъ своей фантазіи все [illegible] сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя пружины ихъ дѣйствій, схватываетъ въ разнообразныхъ

АВТОГРАФ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1846 г.»

Лист рукописи с отзывом о «Двойнике» и «Господине Прохарчине» Достоевского. Зачеркнутая вставка на полях и отдельные исправления в тексте сделаны Некрасовым

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

частнаго имъ событія все случайное, представляя читателю вмѣсто одно необходимое, какъ неизбѣжный результатъ достаточной причины. Мы не говоримъ уже о странной замашкѣ автора ~~повторять~~ ~~[illegible]~~ часто повторять ~~[illegible]~~ какое нибудь особенно удавшееся ему выраженіе (какъ напр.: Прохарчинъ мудрецъ!) и тѣмъ ослаблять силу его впечатлѣнія; это уже недостатокъ второстепенный и, ~~но~~ главное, ~~[illegible]~~ поправимое. ~~У Досто~~ ~~[illegible]~~ Заключимъ [illegible] словомъ, что у [illegible] [illegible] такихъ [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible] Мы не въ правѣ требовать отъ г. Достоевскаго ~~[illegible]~~ совершенства произведеній Гоголя; но ~~[illegible]~~ тѣмъ не менѣе думаемъ, что ~~[illegible]~~ большому таланту весьма полезно пользоваться ~~[illegible]~~ примѣромъ еще большаго.

[Вставка на полях: [illegible]]

59

~~[illegible]~~

Къ замѣчательнымъ произведеніямъ легкой литературы прошлаго года принадлежатъ помѣщенныя въ Отеч. Запискахъ повѣсти: Небывалое въ быломъ, или ~~[illegible]~~ былое въ небываломъ, Луганскаго, и Деревня, г. Григоровича. ~~[illegible]~~ Оба эти произведенія имѣютъ между собою то общее ~~[illegible]~~ свойство, что они ~~[illegible]~~ интересны не какъ повѣсти, а какъ мастерскіе физіологическіе очерки бытовой стороны жизни. ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ Мы не скажемъ, чтобы собственно повѣсть Луганскаго не имѣла интереса; мы хотимъ только сказать, что оно гораздо интереснѣе ~~[illegible]~~ своими отступленіями и аксессуарами, нежели своею ~~[illegible]~~ романическою завязкою. ~~[illegible]~~ Такъ, напримѣръ, превосходная картина избы съ разбитыми окнами и [illegible] малороссійскаго хутора, лучше всей повѣсти, хотя всѣ эпизоды въ ней только эпизоды и нисколько внутренно не связаны съ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ [illegible] съ содержаніемъ. ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ Вообще, въ повѣстяхъ Луганскаго всего интереснѣе подробности, и ~~[illegible]~~ Небывалое въ быломъ или былое въ небываломъ въ особенности богато интересными частностями,

АВТОГРАФ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1846 г.»

Лист рукописи с продолжением отзыва о «Господине Прохарчине» Достоевского и «Деревне» Григоровича. Вставка на полях и отдельные исправления текста сделаны Некрасовым

еще более решительно и страстно. Он обрушивался против так называемых «беспристрастных» людей, т. е. равнодушных, или, как он именовал их, «индифферентов».

К такого рода «индифферентам» Белинский отнес поэта и переводчика Э. Губера, выступившего в «Санктпетербургских ведомостях» со статьей «Русская литература в 1846 году». Губер писал о славянофилах и о натуральной школе, о «новой критике», которая, расхвалив Достоевского, якобы повинна была в его неудачах и т. д. Губер вполне одобрял стремление литературы сблизиться с жизнью, самый факт развития натуральной школы он считал положительным явлением. «Там, где во Франции родился социальный роман, а в Германии политическая песня, у нас появилась литература чиновников»,— сочувственно отмечал Губер. При всем том, «молодая литература» далеко не удовлетворяла Губера. Он утверждал, что «недостаток этой молодой литературы состоит не в том, что она пишет о чиновниках, а в том, что она ничего другого не пишет, не в том, что она выставляет грязные стороны жизни, а в том, что она еще не возвысилась ни до одной из чистых ее сторон»[28]. Губер придерживался того взгляда, что гармония, тишина и примирение являются условиями процветания искусства. По определению Белинского, Губер смотрел «на этот предмет глазами отживающих теперь свой век немецких эстетик». С Губером Белинскому пришлось вступить в полемику потому, что в его лице он нашел типичного представителя так называемых «беспристрастных» людей, не способных последовательно бороться за свои убеждения. В своих «Современных заметках» Белинский подверг мнения Губера спокойному, но достаточно суровому разбору. Говоря о «Санктпетербургских ведомостях» и о Губере, Белинский обличал в то же время и «Северную пчелу», которая систематически преследовала его как вдохновителя натуральной школы. «Я думаю, что наши московские друзья будут бранить меня за похвалы „С.-Петербургским Ведомостям“,— писал Белинский Боткину 6 февраля 1847 г., разумея спокойный и умеренный тон своей статьи.— Статья эта писана мною не для „С.-Петербургских Ведомостей“: это удар рикошетом по „Пчеле“» («Письма», III, 166—167).

Задумав нанести этот удар, Белинский повторил многое из того, что он писал раньше в защиту натуральной школы. Вместе с тем, в «Современных заметках» Белинский восстал против «беспристрастия» в общественно-литературной борьбе, против всякого рода попыток сглаживания ее противоречий и примирения «крайностей». Эта позиция Белинского обусловливалась напряженным и ответственным моментом, который наступил после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя.

IV

Как и следовало ожидать, с ликованием встретили новую книгу Гоголя враги писателя и враги натуральной школы. Булгарин тотчас же по выходе книги поспешил объявить в «Северной пчеле»: «До сих пор, по сознанию г. Гоголя... он описывал одни пошлости и рисовал одни карикатуры, не извлекая чувств из сердца человеческого, за что и произведен был в Гомеры, а последним сочинением он доказал, что у него есть и сердце, и чувство, и что он дурными советами увлечен был на грязную дорогу, прозванную нами натуральною школою. Отныне начинается новая жизнь для г. Гоголя, и мы вполне надеемся от него чего-нибудь истинно-прекрасного... Мы всегда говорили, что г. Гоголь, как умный человек, не мог никогда одобрять того, что провозглашала о нем партия, и он подтвердил это собственным сознанием. Честно и благородно!» Далее, Булгарин писал о том, что Гоголь, прибыв в Петербург

в 1829 г., познакомился «едва ли не с первыми нами» и «если б не увлекся духом партии, то верно послушался бы наших советов, пошел бы в литературе чистым и светлым путем, проложенным Карамзиным и Жуковским, и теперь, с своим оригинальным талантом, стоял бы весьма высоко!»[29].

Принципиальное обсуждение «Выбранных мест» началось с гневной рецензии Белинского во второй книжке «Современника», где, между прочим, напечатаны были и его «Современные заметки» с оценкой литературно-общественной позиции Губера. Вслед за Белинским, с критическим разбором «Выбранных мест» в «Санктпетербургских ведомостях» выступил и Губер. Весьма вероятно, что советы, преподанные Белинским, а также позиция, занятая Белинским по отношению к книге Гоголя, оказали благотворное влияние на Губера. «Прочти в 35 № (14 февраля) „Санктпетербургских Ведомостей“ статью Губера о книге Гоголя: это замечательное и отрадное явление»,— писал Белинский Боткину 17 февраля 1847 г. («Письма», III, 176). И в другом письме тому же Боткину 28 февраля 1847 г. Белинский писал: «Мне очень нравится статья Губера (читал ли ты ее?) именно потому, что она писана прямо, без лисьих верчений хвостом. Мне кажется, что она — моя, украдена у меня и только немножко ослаблена» («Письма», III, 185).

В оценке «Выбранных мест» Губер уже не был «индифферентом», не принадлежащим ни к какой литературной партии. Хотел он того, или не хотел, он оказался сторонником Белинского. По отношению к реакционной книге Гоголя не могло быть никакой середины. Всякого рода попытки занять «беспристрастную» позицию были обречены на провал. Пытаться оправдывать книгу Гоголя — это значило отрицать прогресс и оправдывать реакцию. Но так случилось с Ап. Григорьевым, который своей статьей о «Выбранных местах» окончательно противопоставил себя прогрессивно-демократическому лагерю.

В 1847 г. Ап. Григорьев сотрудничал в «Московском городском листке» и печатал здесь критические обзоры и рецензии. Григорьев сочувствовал некоторым писателям натуральной школы, но по отношению ко всей школе он развивал свои прежние взгляды, неразрывно связанные с его концепцией Гоголя как поэта всепрощения и любви. Григорьев приветствовал появление на страницах обновленного «Современника» романа Герцена «Кто виноват?», повести Панаева «Родственники» и повести Нестроева (П. Н. Кудрявцева) «Без рассвета». «Все три произведения,— писал Григорьев,—чада одной мысли; все они, выражаясь словом автора „Кто виноват?“,—grübelein в извивах и изгибах личности, этого единственного предмета созерцания нашего роющегося только доселе века; этого предмета, который служит исходною точкою двух, повидимому различных, школ — школы Лермонтова, школы трагизма, и школы юмористической, школы Гоголя. Личность, повторяем опять — вот и предмет и вместе путь разрешения тяжелых вопросов нашего века; все остальные стремления только формы, только оболочки»[30]. С большим сочувствием встретил Григорьев не только повести Тургенева «Бреттер» и «Каратаев», но и «Деревню» Григоровича, а также стихотворения Некрасова «Дорога», «Тройка», «Охота»: «„Деревня“ Григоровича и песни Некрасова ярко освещают такие страшные драмы, от которых судорожно сжимается сердце... Да, в каждой русской душе таятся страшные песни Некрасова о кабаке, о дороге, об огороднике...»[31]. Особенное восхищение вызвала у Григорьева «Обыкновенная история» Гончарова. Он объявил эту вещь «может быть лучшим произведением русской литературы со времени появления „Мертвых душ“, произведением по простоте языка достойным стать после повестей Пушкина и почти на ряду с „Героем нашего времени“ Лермонтова, а по анализу и меткому

взгляду на малейшие предметы, вышедшей непосредственно из направления Гоголя»[32].

Приведенные отзывы и оценки Григорьева о писателях натуральной школы давали основание причислить Григорьева к защитникам школы. Это и сделал Булгарин в «Северной пчеле», назвав «Московский городской листок», где печатался Григорьев, «ультра-натуралистом натуральной школы, поклонником высокого пиитического таланта г. Некрасова». Булгарин обрушился на Григорьева за его похвальные отзывы о Некрасове и, особенно, за его оценку первого романа Гончарова. Отождествив критическую позицию Ап. Григорьева с позицией Белинского, Булгарин писал: «После господина Гоголя, приводившего в отчаяние спекуляторов своим молчанием, выдвинули из толпы другого молодого человека, господина Достоевского, и назвали его гением, равным Гоголю, не для пользы Достоевского, а для того только, чтоб обратить внимание публики на тот журнал, где печатались сказки г. Достоевского. Попытка не удалась. Теперь ударили в барабан о третьем гении, господине Гончарове, напечатавшем в „Современнике" повесть „Обыкновенная история". В муравейнике больше крика об этой повести, чем было крика в Европе при появлении первой поэмы Байрона и первого романа Вальтер-Скотта»[33].

Нужно заметить, что до появления обзоров Григорьева с похвальными отзывами о писателях «Современника», между «Современником» и «Северной пчелой» не было полемики. Белинский, возглавивший критический отдел журнала, в программной статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» прокламировал новую тактическую линию по отношению к своим противникам. Белинский заявил, что «Современник» отказывается от вражды и будет «иметь дело только с книгами и мнениями, а не с авторами и лицами» (X, 402, 469). Причиной такого поворота в тактике Белинского, несомненно, была острота обстановки, сложившейся к концу 1846 г. в связи с ожидаемым появлением в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». Ближайшим же поводом, определившим новую тактику Белинского, явилось то, что Краевский в «Отечественных записках», из-за соображений журнальной конкуренции, еще до выхода первой книжки «Современника» объявил, будто новый журнал вступил в союз с «Северной пчелой» [34]. Инсинуация Краевского не требовала, конечно, опровержений, и Белинский только намекнул на эту инсинуацию в рецензии на третью часть «Воспоминаний» Ф. Булгарина (X, 469). Однако от резких обличений Булгарина, по тактическим соображениям, он отказался. Но вот теперь, когда Григорьев стал печатать свои обзоры в «Московском Городском Листке», а Булгарин отождествил направление «Листка» с направлением «Современника» и натуральной школы, «перемирие» было нарушено.

Булгарин ждал только удобного случая, чтобы напасть на «Современник», и такой случай представился. Булгарин, конечно, прекрасно знал, что Григорьев отнюдь не был апологетом натуральной школы и единомышленником Белинского. Булгарину было известно, что в статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Григорьев критиковал натуральную школу и пытался отделить от нее Гоголя.

Григорьев писал: «Партия, складывавшая для Гоголя пьедестал из бренных остатков всей прошедшей литературы, до тех пор только поклонялась своему кумиру, пока не видела или, лучше сказать, могла еще не видеть слишком яркого различия его образа мышления от ее образа мышления». Григорьев утверждал, что в своей новой книге Гоголь «определяет сам себя как аналитика человеческой пошлости, но не как оправдателя ее, чем бы хотела может быть видеть его так называемая натуральная школа, не совсем понявшая своего учителя». Приступая к разбору «Выбранных мест», Григорьев ставил своей задачей доказать,

что поэт даже и не думал изменять своей прежней деятельности, что последняя книга только поясняет эту же самую деятельность» [35]. Направление натуральной школы, якобы не понявшей своего учителя, Григорьев объединял с направлением творчества Достоевского. По мнению Григорьева, натуральная школа «увидела в Гоголе только оправдателя и восстановителя всякой мелочной личности, всякого микроскопического существования,— она пошла дальше в этом оправдании и вдалась, с одной стороны, в сантиментальное поклонение добродетелям Макара Алексеевича Девушкина и Варвары Алексеевны (в романе «Бедные люди»), забывши слово Гоголя, что опошлел образ добродетельного человека; с другой стороны, до того углубилась в созерцание личности, что дала гражданство всякой претензии в патологической истории о Голядкине-старшем, где человек является уже вполне рабом, для которого нет исхода из его рабства...»[36] В оценке «Бедных людей» и «Двойника» Григорьев был глубоко прав, но он заблуждался, отождествив направление творчества Достоевского с направлением натуральной школы. Такой взгляд был противоположен взгляду Белинского. Равным образом, обоснованная Григорьевым концепция гоголевского творчества как поэзии любви и всепрощения была диаметрально противоположна революционно-демократическому пониманию Гоголя как поэта отрицания.

Григорьев не ограничился апологией «Выбранных мест» и осуждением натуральной школы, но выступил и против Белинского. Григорьев порицал «Современник», руководимый Белинским, за то, что «слишком резко выдается в нем дух партии». Отправляясь от суровой оценки, которую дал Белинский общественной позиции А. Дюма, а также от некоторых других суждений Белинского, в частности по поводу «Выбранных мест», Григорьев так формулировал свое мнение о журнале: «Что за болезненная раздражительность ко всему, что выходит из пределов повседневной толкотни, что за странное отвращение от внутреннего мира души... что за односторонность, отрицающая все, кроме интересов минуты, уничтожающая разом и целые системы, как мистицизм и высокие создания искусства, односторонность, которая вторую часть Фауста — эту исповедь величайшего ума нашего века, еще недавно, года за два, признала с высоты своего величия за величайшую нелепость?..» Григорьев с сожалением констатировал, что «резкость односторонности отражается не только на литературных суждениях „Современника“, но даже на изящных произведениях». В качестве примера приводилось стихотворение Некрасова «Нравственный человек», в котором, по мнению Григорьева, «все изящество принесено на жертву иронии, и оттого ирония груба, потеряла силу» [37].

Критические обзоры Ап. Григорьева в «Московском городском листке» были подписаны инициалами А. Г., но Белинский, конечно, без труда узнал, что это был автор книжки стихотворений, изданной в 1846 г., и автор тогда же появившегося перевода софокловой «Антигоны» («Библиотека для чтения», 1846, № 8). Ап. Григорьев был молодым поэтом, подражавшим Лермонтову, и, по заключению Белинского, не осознавшим еще значения и характера своего таланта (X, 299). Работу Григорьева как переводчика, Белинский признал неудовлетворительной, содержащей бесчисленные промахи и ошибки, а в предисловии к переводу он нашел крайнюю претенциозность (X, 416). Облик молодого поэта, переводчика и критика, выяснился Белинскому до конца, когда тот выступил с апологией «Выбранных мест из переписки с друзьями», с порицанием натуральной школы и с упреками по адресу «Современника» за «резкую односторонность» суждений.

После того как Григорьев попытался защитить Ал. Дюма от Белинского, Белинский напечатал рецензию на романы Дюма, которую посвятил

К. Д. КАВЕЛИН
Рисунок неизвестного художника, 1849 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

преимущественно обозревателю «Московского городского листка», восторгавшемуся французским писателем. «Не то, чтоб выходка газетки стоила возражения, — писал Белинский, — но ее рыцарское негодование привело нас в сильное раздумье вообще насчет нашего так называемого европеизма. В самом деле, есть о чем подумать! Мы еще до сих пор не отстали от простодушной привычки повергаться во прах перед всякою знаменитостию, лишь бы она была европейская... Нам особенно нравится манера рецензента газетки — ничего не доказывая, говорить и восклицать: ну, можно ли так думать, так писать? — А отчего же н а м не можно, если в а м можно? Почему в а ш е мнение непременно истинно, а н а ш е ложно? — Если вы находите чье-нибудь мнение ложным, возражайте против него, но не отнимайте ни у кого права ошибаться, не говорите: „Смотрите, пожалуйста, что пишут, можно ли это, да как это!" Удивление не доказательство» (XIII, 209—210). Белинский заканчивал отповедь Григорьеву ядовитыми намеками не только на его перевод «Антигоны» с претенциозным предисловием, но также на его апологетическое отношение к реакционной книге Гоголя. «Вы удивляетесь, что есть люди, которые нападают на целые системы, например, м и с т и ц и з м а. То ли еще бывает у людей: есть смельчаки, которые нападают даже на системы невежества, обскурантизма, темных фраз о ясных предметах и высокопарного велеречия о простых вещах, претензии на байронизм и другие качества, которые люди иногда любят приписывать себе, не имея их, а все от охоты казаться необыкновенными натурами...» (т а м ж е).

Вместе с рецензией на романы А. Дюма в майской книжке «Современника» за 1847 г. были опубликованы «Современные заметки» Белинского, где давался сокрушительный отпор Булгарину в связи с его последними

выступлениями против натуральной школы. Поводом для этих выступлений, как уже сказано, явились обзоры Ап. Григорьева в «Московском городском листке».

Белинский не только разоблачал реакционность булгаринских литературных взглядов, но и вскрывал клеветнический характер недавних выпадов «Северной пчелы» против натуральной школы. Попутно Белинскому пришлось решительно отвести все те положительные отзывы о писателях натуральной школы, которые давал Григорьев. Его похвалы стихотворениям Некрасова и, особенно, «Обыкновенной истории» Гончарова Белинский признал нелепыми и смешными: «...ни натуральная школа, ни гг. Гончаров и Некрасов в этом не виноваты нисколько», заявлял Белинский. Он соглашался с тем, что статья Григорьева по поводу «Обыкновенной истории», на которую напал Булгарин, «действительно отличается качествами, от которых очень далеки ум и такт, свойственные людям зрелого возраста». Приведя выдержку из разбора «Обыкновенной истории», Белинский резюмировал свое мнение о статье Григорьева следующим образом: «Дело ясно говорит само за себя: в этих надутых фразах, в этой великолепной шумихе звонких слов, в этих общих риторических местах не видно даже юношеского энтузиазма, который бы давал им смысл и до некоторой степени оправдывал их, а видна только претензия на философское глубокомыслие, проникнутое лирическим пафосом. Но изо всего этого нисколько не следует, чтобы натуральная школа должна была отвечать за всякую печатную болтовню, за всякий печатный вздор» (XIII, 223).

Так, в борьбе с Булгариным, Белинский отмежевывался от Ап. Григорьева. Подлинной причиной уничтожающих отзывов о Григорьеве явились не столько враждебные Белинскому эстетические воззрения молодого критика, восходившие к началам романтизма, сколько общественная позиция Григорьева, взявшего под защиту «Выбранные места из переписки с друзьями». Именно поэтому Белинский был так беспощаден к Григорьеву.

«Современные заметки» были последней статьей Белинского в «Современнике», написанной перед отъездом за границу. 5 мая 1847 г. Белинский выехал из Петербурга и пробыл за границей почти полгода, прекратив на это время работу в журнале.

Белинский уезжал под впечатлением только что появившейся в «Санктпетербургских ведомостях» (№№ 90 и 91, 24 и 25 апреля) статьи П. А. Вяземского «Языков — Гоголь», на которую ответить в печати он не мог по цензурным причинам, даже если бы успел это сделать. В зальцбруннском письме к Гоголю Белинский назвал Вяземского «князем в аристократии и холопом в литературе», а его статью — «чистым доносом» на почитателей Гоголя. Статья, действительно, была «доносом» и в первую очередь, конечно, на Белинского, потому что Вяземский открыто заговорил о политическом направлении натуральной школы и сопоставил ее развитие с развитием французской литературы. «Французское общество потрясено было ужасными переворотами, оно прошло сквозь огонь и кровь,— писал Вяземский. — В литературе его неминуемо должны отзываться волнение и брожение, заброшенные в нее событиями и действительностью». Вяземский объявлял ложным направление натуральной школы потому, что в России якобы не было и не могло быть никаких предпосылок для революции. «На нас, благодаря бога, провидение не наслало свои жестокие уроки. Отчего же нашей литературе быть лихорадочной и судорожной?» Вяземский приветствовал «Выбранные места», так как на Гоголе будто бы «лежала обязанность не двусмысленно, не сомнительно, а гласно и так сказать торжественно разорвать с частью своего прошедшего; то-есть, не столько своего собственного прошедшего, сколько того, кото-

рое ему придали, с одной стороны, безусловные и чрезмерные поклонники, а с другой — многочисленные и часто неудачные подражатели». Конечно, Белинского имел в виду Вяземский, когда он писал в статье: «Его ‹Гоголя› хотели поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить в нем какое-то черное литературное знамя. Таким образом с больных голов на здоровую складывали все несообразности, все нелепости, провозглашаемые некоторыми журналами... Все эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за ним с своими хвалебными восклицаниями и праздничными факелами, именно и озарили в глазах его опасность и ложность избранного им пути. С благородною решимостью и откровенностью он тут же круто своротил с торжественного пути своего и спиною обратился к своим поклонникам. Теперь, оторопев, они не знают за что и приняться...»

Вяземский, однако, глубоко заблуждался. Дворянско-крепостническая реакция, которая нашла в нем одного из своих глашатаев, преждевременно возвещала о победе. Силы демократии и прогресса выросли настолько, что всякого рода попытки оправдать книгу, защищавшую крепостничество и самодержавие, обречены были на провал. И книга Гоголя «позорно провалилась сквозь землю», как об этом писал Белинский в знаменитом зальцбруннском письме, которое, по словам Ленина, выразило «настроение крепостных крестьян против крепостного права» и которое стало историческим памятником русской революционно-демократической мысли.

Констатируя провал «Выбранных мест из переписки с друзьями», Белинский предупреждал Гоголя: «И публика тут права:— писал он,— она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского „самодержавия, православия и народности“, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность» («Письма», III, 236).

В зальцбруннском письме Белинский с огромной силой выразил свои революционные взгляды и заклеймил крепостничество, самодержавие и церковь. Спасение России он видел «не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности». Белинский требовал для народа «прав и законов, сообразных не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью». Эти требования были обращены и к русским писателям; эти требования определяли направление той литературной школы, за которую Белинский продолжал борьбу до самой смерти.

V

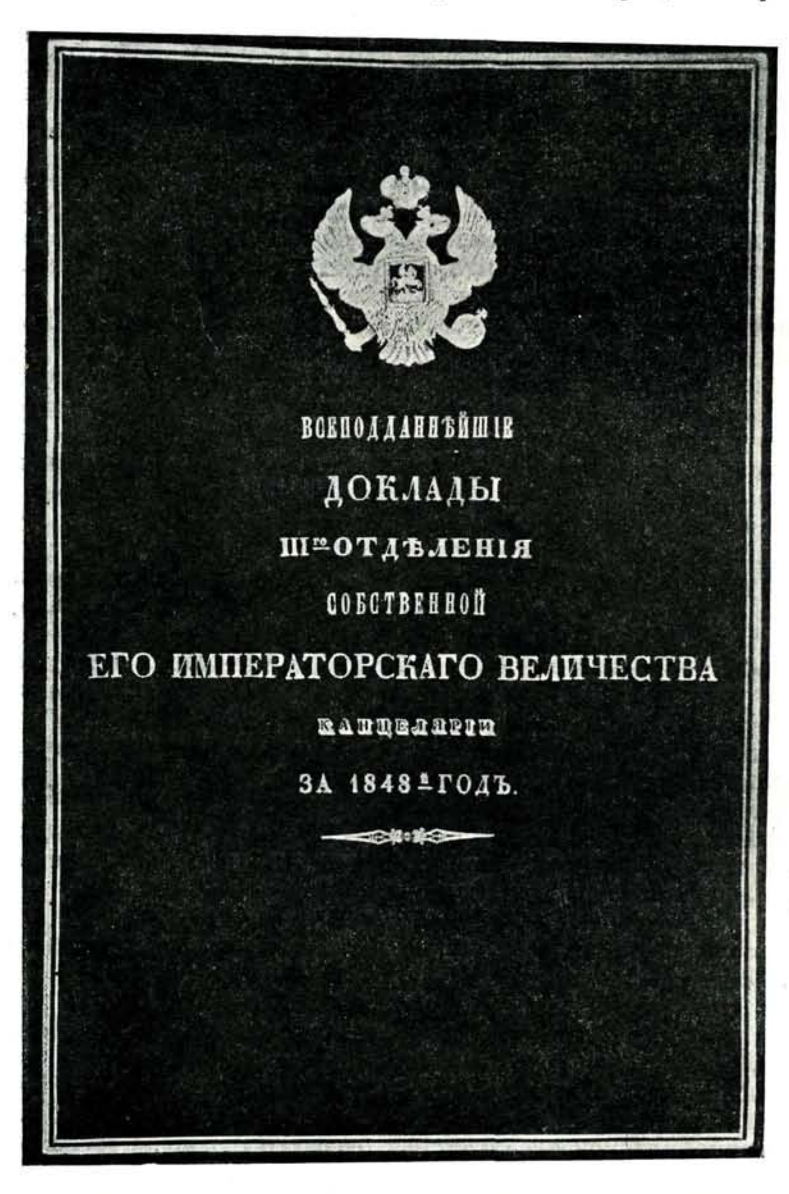
По возвращении из-за границы в конце сентября 1847 г. Белинский ревностно принялся за журнальную работу. После выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» вопрос о натуральной школе приобрел политическую остроту, и поэтому борьба за нее крайне затруднялась цензурными условиями. Само собой разумеется, что для врагов натуральной школы это обстоятельство оказалось выигрышным моментом. Общественно-политическое направление школы не постеснялся раскрыть Вяземский в своей статье, а вслед за ним славянофилы встали на путь ее политической дискредитации. Так, несомненна определенная преемственность между статьей Вяземского и обширной статьей Ю. Самарина, подписанной буквами М. З. К. и появившейся во второй части «Москвитянина» 1847 г. под заглавием «О мнениях „Современника“ исторических и литературных».

Самарин подвергал критическому разбору три программных статьи, напечатанные в первом номере «Современника»: статью Кавелина «Взгляд на юридический быт древней Руси», статью официального редактора журнала Никитенко «О современном направлении русской литературы» и статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Анализируя статью Кавелина и пытаясь показать несостоятельность кавелинской исторической концепции, Самарин стремился представить общинное начало в качестве единственно правильного основания русского быта, которым он якобы превосходит Западную Европу. Славянофильская система исторических взглядов, развернутая в статье Самарина, неотделима была от его литературно-эстетических воззрений, проникнутых, как и у других славянофилов, враждебностью к натуральной школе. Самарин устанавливал противоречие между статьями Никитенко и Белинского и давал бой новому журналу не только по общеисторическим вопросам, но также по вопросу о Гоголе и натуральной школе. Критик «Москвитянина», разумеется, не преминул воспользоваться тем обстоятельством, что Никитенко был официальным редактором «Современника», ответственным за журнал перед цензурой, и что между его взглядами и взглядами Белинского было существенное, принципиальное различие.

В самом деле, если Белинский выступал страстным защитником натуральной школы, то Никитенко, признавая ее правомерность, подчеркивал в то же время односторонность отрицательного взгляда на действительность. Если Белинский утверждал, что «привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни»,— то Никитенко упрекал «наших нравописателей-юмористов» в том, что они, «выставляя перед читателями одну нелепую сторону помещика, чиновника, забывают вовсе другую, где нравственный и общественный их характер должен быть понят и изучен с одной точки зрения, спокойно, без ярости и озлобления». «Им беспрестанно мерещатся Ноздревы, Собакевичи, Чичиковы,— писал Никитенко.— Ежели есть у нас и Ноздревы, и Собакевичи, и Чичиковы, то рядом с ними есть помещики, чиновники, выражающие нравами своими прекрасные наследственные качества своего народа с принятыми и усвоенными ими понятиями мира образованного...» Своей критикой натуральной школы Никитенко не только умалял ее значение, но он утверждал, в сущности, то же, что говорили ее враги, обвинявшие натуральную школу в искажении общей картины русской действительности.

Естественно, что Самарин сочувственно отозвался о литературных мнениях Никитенко и противопоставил им мнения Белинского. В противоположность Белинскому, не устававшему подчеркивать преемственную связь натуральной школы с направлением гоголевского творчества, Самарин полагал, что материал натуральной школе «дан Гоголем, или лучше взят у него», но содержание гоголевских произведений для писателей этой школы осталось совершенно недоступным. По мнению Самарина, у Гоголя «под изображением действительности, поразительно истинным, скрывалась душевная скорбная исповедь. От этого произошла односторонность содержания его последних произведений, которых, однако, нельзя назвать односторонними, именно потому, что вместе с содержанием художник передает свою мысль, свое побуждение». Под «мыслью и побуждением» Самарин разумел гоголевский гуманизм, истолковываемый им в том реакционном духе, который придал своему гуманизму сам Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Самарин утверждал, что Гоголю «нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать

присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение»[38]. Таким образом, идейный смысл гоголевского творчества, с точки зрения Самарина, заключался не в осуждении и отрицании крепостни-



КНИГА «ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ДОКЛАДОВ» III ОТДЕЛЕНИЯ ЗА 1848 г.

Книга включает доклад шефа жандармов А. Ф. Орлова от 23 февраля 1848 г. о журналах «Современник» и «Отечественные Записки», в котором Орлов обращает внимание царя на «вредное» направление этих органов

Центральный Исторический архив, Москва

ческой действительности, а в проповеди внутреннего совершенствования и «очищения» человека. Совершенно очевидно, что, подходя с этих позиций к произведениям натуральной школы, Самарин должен был отвергнуть как идейное, так и художественное их значение.

По мнению Самарина, писатели натуральной школы клевещут на действительность и дают в своих произведениях карикатуры вместо правдивого изображения жизни. Тенденциозность натуральной школы Самарин квалифицировал как ложную и вредную, полагая, что писатели этой школы некритически подражают французской литературе, где «карикатура и клевета на действительность понимается как исправительное средство». Самарин с горечью писал о том, что во Франции «участие к искусству охладело; теперь новое произведение обращает на себя внимание и оценивается не по художественному его достоинству, а по тому, насколько оно подвергает <обсуждению> тот или другой общественный вопрос, и чего можно ожидать от предлагаемого разрешения: пользы или вреда». Тенденциозность натуральной школы, заимствованная по мнению Самарина из французской литературы, с его точки зрения, привела к тому, что у писателей создались условные схемы, трафареты, мешавшие проявлению творческой фантазии. «Быт чиновничий, кажется, уже почти исчерпан, — писал Самарин. — Теперь в моде быт провинциальный, деревенский и городской. Лица, в нем действующие, с точки зрения наших нравописателей, подводятся под два разряда: бьющих и ругающих, битых и ругаемых. Побои и брань составляют как бы общую основу, на которой бледными красками набрасывается слегка пышный узор любовной интриги». Критик-славянофил с возмущением относился к социальному характеру натуральной школы, поставившей вслед за Гоголем на место любовной интриги изображение общественных и классовых противоречий.

Последнее обвинение, предъявленное Самариным к писателям натуральной школы, заключалось в том, что они якобы с пренебрежением относились к простому народу. «Замечательно, что французские писатели, — заявлял Самарин, —...обличают общество, часто клевещут на него, но почти всегда щадят простой народ и заступаются за него... Они полагают, что творческое начало в народе, что жизнь общественная обновляется приливом сил в нем заключенных, что преобразования в учреждениях тогда только возможны, когда требование их, более или менее ясно сознанное, идет от народа... Но должно сознаться, что в этом отношении натуральная школа худо понимает свой образец. На ней лежит тяжелый упрек. Она не обнаружила никакого сочувствия к народу, она так же легкомысленно клевещет на него, как и на общество»[39].

Самарин, как и другие славянофилы, рисовал себе идеал народного характера совершенно иначе, чем это мыслилось писателями натуральной школы. Если для Белинского и его друзей особенно дороги были те черты народного характера, которые выражали любовь к свободе и стремление к независимости, для славянофилов были дороги черты смирения и покорности, а также всякого рода пережитки патриархальных отношений. Трезвая и зачастую жестокая правда, раскрывавшаяся в произведениях натуральной школы о городской бедноте и деревенской жизни, шла в разрез с славянофильской идеализацией русского народа. Особенное внимание натуральной школы к отрицательным сторонам народного быта и квалифицировалось славянофилами, как клевета на простой народ и презрение к нему. Итак, основные обвинения натуральной школы и ее защитников сводились Самариным к тому, что, во-первых, он обнаружил противоречие в оценке этой школы в статьях Белинского и Никитенко в одном и том же номере «Современника»; во-вторых, он отрицал внутреннюю идейную связь натуральной школы с Гоголем и устанавливал зависимость этой школы от французской литературы; в-третьих, он усматривал в произведениях натуральной школы дурную тенденциозность и, как следствие этого, слабость произведений в художественном отношении; наконец, в-четвертых, он обвинял молодых писателей в клевете на действительность и в презрении к простому народу.

Все эти обвинения продолжали и развивали тезисы статьи Вяземского, а также критику натуральной школы, с которой выступала «Северная пчела». Особенность статьи Самарина заключалась лишь в том, что он собрал и объединил возможные обвинения против натуральной школы и пытался обосновать их принципиально. Самарин был прав, конечно, когда он указывал, что содержание произведений натуральной школы беднее и слабее содержания произведений Гоголя; прав был Самарин и в том, что некоторые произведения натуральной школы действительно были несовершенны в художественном отношении. Но эти справедливые указания никак не ослабляли антидемократического реакционного направления всей статьи.

Белинский был чрезвычайно возмущен выступлением критика «Москвитянина». «Самарин тиснул в „Москвитянине" статью (весьма пошлую и подлую) о „Современнике"; мне надо было ответить ему», — сообщал Белинский Анненкову 20 ноября 1847 г., а через два дня в письме к Кавелину Белинский прямо заявлял, что в его глазах «Самарин не лучше Булгарина по его отношению к натуральной школе». В письме к тому же Кавелину от 7 декабря 1847 г. Белинский соглашался, что «Самарин человек умный» и что его «нельзя никак назвать бездарным человеком», но в то же время Белинский был убежден, что «от его статьи несет мерзостью» («Письма», III, 292—293, 299, 304).

Столь резкая оценка статьи была вызвана не тем, что Самарин принадлежал к лагерю идейных противников Белинского, но прежде всего тем, что статья «Москвитянина» против натуральной школы, подобно статье Вяземского, носила характер доноса и привлекала внимание правительства к направлению школы. Сопоставлять развитие натуральной школы с развитием французской литературы, утверждать, что натуральная школа отказалась «от спокойного созерцания жизни» и «приняла в себя, как основное двигательное начало, одушевление страсти» — это значило раскрывать действительную связь натуральной школы с передовой общественной и революционной мыслью. Это значило обнажать связь направления натуральной школы с задачами освободительной борьбы.

Когда Кавелин в не дошедшем до нас письме к Белинскому высказал некоторые свои сомнения по поводу ответной статьи Белинского, указав, очевидно, на резкое отличие позиции Гоголя, как автора «Выбранных мест», от направления натуральной школы, критиковавшей общественные порядки в России, Белинский вынужден был разъяснить ему особенности своей статьи. «Насчет Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы, — писал Белинский Кавелину 22 ноября 1847 г., — я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. — Вы, юный друг мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, д л я к о г о и д л я ч е г о она писана. Дело в том, что писана она не для вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы, в защиту от их фискальных обвинений. Поэтому я счел за нужное сделать уступки, на которые внутренне и не думал соглашаться, и кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями касательно этого предмета. Напр., все, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему, совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того, чтобы отводить их от нее. А они и так нашли на след и только ждут, чтобы мы проговорились. Вы, юный друг мой, хороший ученый, но плохой политик...» («Письма», III, 299).

В другом письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г. Белинский писал, что «между Гоголем и натуральною школою целая бездна; но все-таки она идет от него, он отец ее, он не только дал ей форму, но и указал на содержание. Последним она воспользовалась не лучше его (куда ей в этом

бороться с ним), а только сознательнее» («Письма», III, 312). Следовательно, Белинский не только считал, что Гоголь, как писатель, неизмеримо выше своих молодых последователей, но он полагал также, что писатели натуральной школы «сознательнее», нежели автор «Ревизора» и «Мертвых душ», подходят к критике общественных порядков в России. Однако этой стороны дела Белинский не мог коснуться в своем ответе Самарину, дабы не «наводить волков на овчарню», и поэтому он «счел за нужное сделать уступки, на которые внутренне и не думал соглашаться».

Свою ответную статью Самарину Белинский начал с того, что связал его критику натуральной школы с общей концепцией славянофилов. Продолжая свою давнюю полемику с славянофилами, Белинский указывал на мракобесный «Маяк», в котором, по его мнению, тенденции славянофильства, приводившие в конечном счете к защите крепостничества, были представлены в наиболее чистом виде. Предъявленные Самариным обвинения в том, что мнения редактора «Современника» и сотрудников журнала не согласуются друг с другом, Белинский нейтрализовал указанием на противоречия, которые возникали по разным вопросам в статьях, помещавшихся в органах славянофилов — «Москвитянине» и «Московском сборнике». Обвинения же по адресу натуральной школы в клевете на действительность, которую Самарин видел в отрицательном направлении школы, Белинский опровергал, исходя из мысли, что выбор писателями того или иного сюжета зависит от времени и от исторических условий литературного развития и что односторонность сюжета отнюдь не исключает всесторонности его разработки. Упреки в тенденциозности писателей натуральной школы Белинский возвращал своему противнику, показывая, что его забота о «чистом искусстве» тоже насквозь тенденциозна, поскольку никто не в праве навязывать художнику то или иное направление и предписывать ему определенные сюжеты. Борьбу с «чистым искусством», которое пытался защищать Самарин, Белинский соединял с требованием подлинной свободы художественного творчества, свободы от всякого внешнего принуждения.

«Вот то-то и есть, — писал Белинский, — хлопочут о чистом искусстве, и первые не понимают его; нападают на искусство, служащее посторонним целям, и первые требуют, чтобы оно служило посторонним целям, т. е. оправдывало бы теории и системы нравственные и социальные. Творчество, по своей сущности, требует безусловной свободы в выборе предметов не только от критиков, но и от самого художника. Ни ему никто не в праве задавать сюжетов, ни он не в праве направлять себя в этом отношении. Он может иметь определенное направление, но оно у него только тогда может быть истинно, когда, без усилия, свободно, сходится с его талантом, его натурою, инстинктами и стремлением» (XI, 25).

Белинский показывал явную непоследовательность славянофилов, которые отрицали натуральную школу и в то же время превозносили гений Гоголя. Разбирая статью Самарина, Белинский нашел в ней не только непонимание новой школы, но и «превратное понимание искусства и Гоголя». Белинский опровергал всякого рода попытки представить Гоголя в качестве писателя, изображавшего только пошлые стороны жизни. Существенную и важнейшую особенность гоголевского творчества Белинский видел в «слиянии серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного». «Если в „Тарасе Бульбе“ Гоголь умел в трагическом открыть комическое, то в „Старосветских помещиках“ и „Шинели“ он умел уже не в комизме, а в положительной пошлости жизни найти трагическое. Вот где, нам кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя. Это — не один дар выставлять ярко пошлость жизни, а еще более — дар выставлять явления жизни во всей полноте их реаль-

О журналахъ „Современникъ" и „Отечественныя записки"

[illegible]

Собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:
«Необходимо составить особой комитетъ, чтобъ разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому =

20

Ваше Императорское Величество, вручивъ мнѣ записку Министра Народнаго Просвѣщенія, о лицахъ, избранныхъ на 1848 годъ въ Инспекторы частныхъ учебныхъ заведеній въ С. Петербургѣ и Москвѣ, Высочайше изволили повелѣть мнѣ узнать объ образѣ мыслей упомянутыхъ лицъ.

По сдѣланнымъ справкамъ оказалось, что назначенные въ Инспекторы: въ С. Петербургѣ Правитель канцеляріи Попечителя учебнаго Округа Дель,

«ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД» А. Ф. ОРЛОВА ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1848 г. О ЖУРНАЛАХ «СОВРЕМЕННИК» и «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Лист 1-й. Слева карандашом резолюция Николая I, предписывающая учреждение особого комитета для надзора за цензурой и печатью под председательством кн. Меншикова. Внизу рукой Дубельта повторение резолюции

Центральный Исторический архив, Москва

= „программы Комитету донести
„мнѣ съ доказательствами
„что найдетъ какія упущенія
„цензуры и ея начальства,
„то есть Министерства
„народнаго просвѣщенія;
„и которые журналы и въ
„чемъ вышли изъ своей про-
„граммы."

„Комитету состоять подъ
„предсѣдательствомъ Генерал-
„адъютанта Князя Меншикова,
„изъ Дѣйствительнаго тайнаго
„совѣтника Бутурлина, Ст. Сек.
„Секретаря барона Корфа,
„Генераль-адъютанта графа
„Строгонова 1го, Генерал-Лей-
„тенанта Дубельта и
„Статс-Секретаря Дегая."

„Увѣдомить о семъ Ко-
„слѣдуетъ и Генераль-адъю-
„танта графа Левашова,
„а занятія Комитета
„начать немедля."

26го февраля 1848.

Г. Л. Дубельтъ

профессоры Куторга, Никитенко и Сомовъ, и въ Москвѣ профессоры Фишеръ и Люке — суть люди благонамѣренные и достойные довѣрія.

Но при этомъ случаѣ представляя вниманію другой предметъ: журналы „Современникъ" и „Отечественныя Записки," изъ которыхъ первый издается упомянутымъ Профессоромъ Никитенкой, а второй Краевскимъ. Журналы сіи считаются у насъ лучшими; имѣютъ передъ другими обширнѣйшій кругъ читателей и сходны между собою въ духѣ и направленіи. Послѣднее происходитъ между прочимъ отъ того, что въ

«ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД» А. Ф. ОРЛОВА ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1848 г. О ЖУРНАЛАХ «СОВРЕМЕННИК» и «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Лист 1-й (оборот). Слева повторение рукой Дубельта резолюции Николая I

Центральный Исторический архив, Москва

ности и их истинности» (XI, 22). Белинский писал далее, что герои Гоголя — не просто пошлые люди, а типические представители современного общества. Гоголю «дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный». Такие гоголевские герои, как Хлестаков, Манилов, Собакевич, Коробочка — все они вовсе не внушают читателю понятия о их прирожденной порочности. «Манилов пошл до крайности, сладок до приторности, пуст и ограничен, но он не злой человек; его обманывают его люди, пользуясь его добродушием; он скорее их жертва, нежели они его жертвы». По мысли Белинского, все гоголевские герои являются в той или иной степени «жертвами» общественной среды. И величие Гоголя, с точки зрения Белинского, состояло в том, что он раскрывал связи человека со средой и показывал влияние этой среды, уродующей и извращающей человека.

Отражая нападения Самарина, Белинский опроверг утверждение своего противника, будто натуральная школа, изображавшая отрицательные типы, клевещет на действительность. Однако Белинский по цензурным условиям все же не мог в своей статье ответить на вопрос — почему же писатели натуральной школы ограничиваются изображением отрицательных типов и не рисуют положительных. Разъяснение этого важнейшего вопроса Белинский дал в цитированном письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г. «Что хорошие люди есть везде, — писал Белинский, — об этом и говорить нечего, что их на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (т. е. истинно хороших людей, а не мелодраматических героев), и что, наконец, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудных, странных, непонятных исключений, — все это для меня аксиома, как $2 \times 2 = 4$. Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не входя в идеализацию, реторику и мелодраму... по той простой причине, что их не пропустит тогда цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут. Мало того: хороший человек на Руси может быть иногда героем добра в полном смысле слова, но это не мешает ему быть с других сторон гоголевским лицом: честен и правдив, готов за правду на пытку, на колесо, но невежда, колотит жену, варвар с детьми и т. д. Это потому, что все хорошее в нем есть дар природы, есть чисто человеческое, которым он нисколько не обязан ни воспитанию, ни преданию — словом, среде, в которой родился, живет и должен умереть...» («Письма», III, 310—311).

Следовательно, невозможность изображения положительных типов Белинский видел не только в цензурных условиях, но и в самом состоянии тогдашнего общества, которое уродовало человека и искажало в нем все человеческое. Совершенствование и улучшение человека могло быть достигнуто только преобразованием античеловеческой общественной среды, т. е. борьбой с тем строем, который поддерживал ее существование. Самая высокая и благородная задача литературы, по мысли Белинского, состояла в том, чтобы обличать отрицательные стороны жизни, критиковать общественные порядки и тем самым содействовать освободительной борьбе. В этом полагал Белинский силу и народность гоголевского творчества, а также тайну того успеха, который все больше и больше приобретала натуральная школа. Несмотря на яростные атаки охранителей и славянофилов, несмотря на переход самого Гоголя в лагерь реакции, преемственность между автором «Мертвых душ» и писателями натуральной школы оставалась неопровержимым фактом. Если Гоголь не смог подняться до правильного осознания общественно-исторического значения своего искусства, то писатели натуральной школы, продолжив его работу, повели уже сознательную борьбу с общественным злом и неправдой. Но

развитием и укреплением этой сознательности, установлением общественных задач художественного творчества натуральная школа всецело была обязана Белинскому.

VI

Последняя программная работа Белинского в «Современнике» — «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — заключала в себе две статьи, напечатанные в первой (январской) и четвертой (апрельской) книжках журнала за 1848 г.

Первая статья появилась незадолго до начала цензурно-полицейского террора в связи с революционными событиями во Франции. Известия об этих событиях пришли в Россию 22 февраля, т. е. через полтора с небольшим месяца после выхода в свет январской книжки «Современника». Следует учитывать тот факт, что в подцензурной печати Белинский в последний раз мог касаться только тех вопросов, которые он уже ставил и обсуждал в своей статье. Смертельно больной, он завершал борьбу за натуральную школу, показывая историческое происхождение школы и разъясняя ее эстетическую программу.

Вторая статья Белинского печаталась в очень тяжелых цензурных условиях, наступивших после учреждения особого комитета для надзора над цензурой и печатью под председательством кн. Меншикова. Самое название «натуральная школа» в новых условиях стало запретным, а о тех вопросах, которые затрагивал Белинский всего лишь два месяца назад, не могло быть в печати и речи. И тем не менее, критический обзор наиболее замечательных литературных явлений 1847 г., составивший содержание второй статьи, Белинский сумел связать с руководящим для натуральной школы положением о значении сознательной мысли в искусстве.

В первой своей статье, подводя итоги борьбы за натуральную школу, Белинский определил ее значение, как единственно подлинного и далеко идущего русла русской литературы. Белинский утверждал, что «натуральная школа стоит теперь на первом плане русской литературы» и что «школы, неприязненные натуральной, не в состоянии представить ни одного сколько-нибудь замечательного произведения» (XI, 83). Правомерность натуральной школы, служившей делу просвещения и прогресса, могла быть не только оправдана интересами современности, но и объяснена исторически. Белинский и показывал, что натуральная школа была подготовлена всем предшествующим развитием русской литературы.

Отражая обвинения врагов натуральной школы, Белинский давно боролся за Гоголя, как за великого поэта отрицания, и доказывал, что изображение современной действительности необходимо должно быть отрицательным. Правоту своих взглядов Белинский подтвердил теперь историческими аргументами. Отрицательное необходимо связано с комическим, сатирическим, а известно ведь, что история нашей литературы началась с сатиры: «первый светский писатель был сатирик Кантемир». Так протягивалась нить между литературными явлениями, разделенными целым столетием,— между Кантемиром и Гоголем.

«В баснях Хемницера и в комедиях Фонвизина отозвалось направление, представителем которого, по времени, был Кантемир. Сатира у них уже реже переходит в преувеличение и карикатуру, становится более натуральною, по мере того, как становится более поэтическою. В баснях Крылова сатира делается вполне художественною; натурализм становится отличительною характеристическою чертою его поэзии. Это был первый великий натуралист в нашей поэзии. Зато он первый и подвергся упрекам за изображения «низкой природы», особенно за басню «Свинья». Посмотрите, как натуральны его животные: это настоящие люди, с резко очерчен-

ными характерами, и притом люди русские, а не другие какие-нибудь. А его басни, в которых действующие лица — русские мужички? Не есть ли это верх натуральности?» (XI, 85).

По мысли Белинского, развитие сатирического, комического направления, вершиной которого явился Гоголь, состояло в постепенном преодолении карикатурности и комизма, в возрастающем и все более глубоком охвате явлений действительности [40]. Отсюда и тезис Белинского о Крылове, как о «первом великом натуралисте в нашей поэзии».

Сатирическое кантемировское направление в русской литературе развивалось параллельно с направлением «реторическим» — ломоносовским; вначале оно даже уступало ему первенство, но потом оба эти направления, сливавшиеся у Державина, объединились, наконец, в творчестве Пушкина. «...В „Евгении Онегине" идеалы еще более уступили место действительности или, по крайней мере, то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тем и другим, что поэма эта должна по справедливости считаться произведением, положившим начало поэзии нашего времени. Тут же натуральность является не как сатира, не как комизм, а как верное воспроизведение действительности, со всем ее добром и злом, со всеми ее житейскими дрязгами» (XI, 86). Так поэзия действительности, основоположником которой был Пушкин, закономерно включала в себя и изображение отрицательного и низкого.

Сила Пушкина состояла, однако, в показе не отрицательных, а, напротив, «положительно-прекрасных явлений жизни», как об этом еще раньше писал Белинский. Иное дело Гоголь с его пафосом отрицания. «Он <Гоголь> ничего не смягчает, не украшает, вследствие любви к идеалам или каких-нибудь заранее принятых идей, или привычных пристрастий, как, например, Пушкин в „Онегине" идеализировал помещицкий быт. Конечно, преобладающий характер его сочинений — отрицание; всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтическим, должно делаться во имя идеала,— и этот идеал у Гоголя также не свой, т. е. не туземный, как и у всех других русских поэтов, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературе этот идеал» (XI, 89).

В подходе к проблеме идеала Белинский оставался верен себе до конца. Он полагал, что у нас «общественная жизнь еще не сложилась» и что поэтому идеал еще не мог быть отражением уже определившихся человеческих отношений. Решительно отвергая возможность воплощения идеала в конкретные типы, поскольку такой взгляд открывал бы путь для примирения с существующей действительностью, Белинский требовал, чтобы идеал раскрывался в соотношении типов, как определенная тенденция художника. Опять-таки по поводу сочинений Гоголя Белинский писал, что «тут все дело в *типах*, а *идеал* тут понимается не как украшение (следовательно, ложь), а как отношения, в которые становит друг другу автор созданные типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением» (XI, 89).

Великий писатель, по Белинскому, сам являлся носителем идеала, носителем будущей действительности. От низменного и отрицательного к положительному и прекрасному в его конкретных формах литература могла перейти лишь на последующих стадиях общественного развития. В настоящем же — раскрытие и обличение отрицательного составляло главную задачу, стоявшую перед натуральной школой. Сила и жизненность натуральной школы заключалась в том, что, пойдя от Гоголя, она расширила и углубила гуманистические и демократические тенденции его творчества. Предметом изображения для писателей натуральной школы стали не только помещики и чиновники, как это было у Гоголя, но обыкновенные люди разных общественных слоев, в том числе и крестьяне.

«Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек?» (XI, 95) — спрашивал Белинский и с несокрушимой последовательностью развивал выдвинутое им еще в полемике вокруг «Физиологии Петербурга» демократическое понимание человека. О противниках натуральной школы Белинский отзывался как о читателях, «которые по чувству аристократизма не любят встречаться даже в книгах с людьми низших классов, не любят нищеты и грязи, по их противоположности с роскошными салонами и кабинетами». Голос революционного демократа и защитника народных интересов слышится в саркастических словах Белинского, обращенных к противникам натуральной школы: «Так, милый, добрый сибарит, для твоего спокойствия и книги должны лгать, и бедный забывать свое горе, голодный свой голод, стоны страдания должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетит, не нарушился твой сон...» (XI, 93).

Если историческая миссия литературы состояла в ее связи с основным вопросом времени — вопросом социальным, если «поэт должен выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое дает колорит и смысл всей его эпохе»,— тогда мысль о так называемом «чистом», независимом от жизни искусстве, естественно, должна быть признана реакционной и ложной.

Разбирая возможные доводы защитников «чистого» искусства, Белинский уже не ставил вопроса, занимавшего его с начала 40-х годов о совместимости художественного творчества с общественной тенденцией. Этот вопрос давно был решен для него положительно и окончательно. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев. Это значит даже убивать его...» (XI, 104).

Белинский не забывал подчеркивать специфические средства искусства, которые не могли быть заменены средствами науки: наука «д о к а з ы в а е т», искусство «п о к а з ы в а е т» и «оба у б е ж д а ю т». Однако важнейшим условием искусства наряду с художественностью должна быть общественная тенденция. Только искусство, проникнутое этой тенденцией, с точки зрения Белинского, может выполнить свое истинное назначение.

Вопрос о роли тенденции в искусстве Белинский ставил и решал с исключительным тактом и глубиной. Это был ведь все тот же издавна волновавший его вопрос о соотношении стихийности и сознательности, имевший решающее значение в развитии натуральной школы. К этому вопросу необходимо было возвращаться в новой обстановке, когда перед глазами был пример Гоголя, который оставался великим до тех пор, пока не осознавал своего искусства и который «споткнулся, да еще как», став на путь рассуждений и философии (XI, 100). Белинский знал и других больших поэтов, которые, «увлекаясь решением общественных вопросов», создавали слабые в художественном отношении вещи, «нисколько не соответствующие их таланту». Таковы были, например, некоторые произведения Жорж-Занд, в которых роман «смешался со сказкою, натуральное заслонилось неестественным, поэзия смешалась с реторикою» (XI, 101).

Вряд ли справедливо и верно, когда упрекают Белинского в том, что он до самого своего конца будто бы «не мог изжить недооценку сознательного творческого процесса», что и «на высшей ступени своего развития определяющим началом литературы» он якобы признавал «тенденцию смутную, инстинктивную, а не сознательную»[41]. Именно за сознательную тенденцию, за необходимость внесения в литературу передовых общественных

Въ собственноручной резолюціи Государь Императоръ изволилъ написать въ составъ членовъ Комитета Ген. Адъ. Графа Строгонова 1-го по ошибкѣ, ибо ему угодно было назначить Ген. Ад. Строгонова 2-го, что онъ высочайше повелѣлъ мнѣ исправить въ изложеніи.

29-го февраля 1848 г.

Графъ Орловъ

„Современникъ" участвуютъ литераторы Иванъ Панаевъ, Некрасовъ и Бѣлинскій, которые до 1847 года участвовали въ „Отечественныхъ Запискахъ".

Общій духъ этихъ двухъ журналовъ состоитъ въ томъ, что они изображаютъ природу и людей, какъ они есть, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній, называя себя по этому писателями натуральной школы, и съ презрѣніемъ отзываются о всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ литераторахъ, которые описывали и описываютъ предметы болѣе идеальные, нежели существующіе въ природѣ.

«ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД» А. Ф. ОРЛОВА ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1848 г. О ЖУРНАЛАХ «СОВРЕМЕННИК» и «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Лист 2-й с характеристикой «натуральной школы»

Центральный Исторический архив, Москва

знаменитыхъ писателяхъ нашихъ
и вообще о предметахъ, къ которымъ
благомыслящіе люди питаютъ ува-
женіе, и чтобы журналы „Совре-
менникъ" и „Отечественныя за-
писки," особенно статьи Бѣлинска-
го, были, прежде отпечатанія,
подвергаемы наистрожайшему
просмотру Цензоровъ.

Всеподданнѣйше докладывая
о семъ Вашему Император-
скому Величеству, осмѣлива-
юсь испрашивать, не соизволи-
те ли разрѣшить мнѣ сообщить
вышеизложенныя соображенія
и мнѣніе мое Министру На-
роднаго Просвѣщенія ——

Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ

Генералъ лейтенантъ [illegible]

„23" Февраля 1848 года.

«ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД» А. Ф. ОРЛОВА ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1848 г. О ЖУРНАЛАХ «СОВРЕМЕННИК» и «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Лист последний с предложением установить «наистрожайший» предварительный просмотр всех помещаемых в «Современнике» и «Отечественных Записках» статей, в особенности же статей Белинского

Центральный Исторический архив, Москва

ных взглядов боролся Белинский. Вместе с тем, он же предостерегал от навязывания писателю «направления», от искусственного, не органического, усвоения общественной тенденции. Борьба за передовое мировоззрение, за сознательную мысль в литературе для Белинского была вместе с тем и борьбой за подлинную свободу художественного творчества. Вот почему Белинский так же восставал против искусства дидактического, холодного и мертвого, как восставал он против «чистого» искусства. «Идея вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности. Как ни списывайте с натуры, как ни сдобривайте ваших списков готовыми идеями и благонамеренными „тенденциями", но если у вас нет поэтического таланта,— списки ваши никому не напомнят своих оригиналов, а идеи и направления останутся общими риторическими местами» (XI, 105—106). Из этих слов Белинского видно, насколько неосновательны и ложны были обвинения, предъявлявшиеся ему противниками натуральной школы, будто он, ниспровергая истинное искусство, проповедует искусство дидактическое и поучительное. Эстетические принципы натуральной школы в такой же мере не имели ничего общего с дидактическим искусством, в какой они были чужды и враждебны «чистому» искусству.

Как уже отмечено выше, Белинский в последний раз имел возможность развернуть в печати свое обоснование натуральной школы. Деятельность Белинского давно уже привлекала внимание органов полицейского надзора, а после революционных событий во Франции внимание к нему особенно усилилось. 27 февраля 1848 г. шеф жандармов гр. А. Ф. Орлов представил «всеподданнейшую записку» об «особенном характере новой нашей журналистики», причем Белинскому и натуральной школе отводилось в записке центральное место. «Участвуя прежде в московских журналах, потом в „Отечеств. Записках", а ныне в „Современнике", Белинский,— доносил Орлов,— всегда отличался от других критиков грубым тоном и резкостью своих суждений. Он не признает никаких достоинств ни в Ломоносове, ни в Державине, ни в Карамзине, ни в Жуковском, ни во всех прочих литераторах, восхищается произведениями одного Гоголя, которого писатели натуральной школы считают своим главою, и одобряют только тех писателей, которые подражают Гоголю. Белинский столь громко и столь настоятельно провозглашал свои мнения, что ныне почти все молодые писатели наши считают за ничто всякую старую знаменитость в нашей литературе». Далее писателям натуральной школы ставилось в вину, что «они хвалят только те сочинения, в которых описываются пьяницы, развратники, порочные и отвратительные люди, и сами пишут в этом же роде», а отсюда «в народе, сверх уничтожения чистого вкуса, могут усилиться дурные привычки и даже дурные мысли». В конце концов, гр. Орлов предлагал «усилить строгость цензурного устава», а «Отечественные записки» и «Современник», особенно статьи Белинского, подвергать наистрожайшему просмотру цензоров[42].

Белинский всю жизнь страдал от цензуры, которая резала и калечила его статьи, но он все же не предвидел, конечно, до каких пределов могло дойти преследование печатного слова. После революционных событий во Франции, объектом гонений со стороны цензуры оказалась вся натуральная школа.

Во второй статье своего «Взгляда на русскую литературу 1847 года» Белинский не только лишился возможности продолжить борьбу за натуральную школу, но он не мог упоминать даже самое ее название. При всем том, весь его обзор был посвящен произведениям именно этой школы. Белинский разбирал романы Искандера (Герцена) и Гончарова, повести и

рассказы Тургенева, Григоровича, Даля, Дружинина и других. Большую часть статьи он посвятил сравнительному разбору романа Искандера «Кто виноват?» и «Обыкновенной истории» Гончарова. Особенность этого замечательного разбора состояла в том, что Белинский на конкретном материале как бы иллюстрировал тезисы своей предшествующей статьи о значении и роли «вполне осознанной и развитой мысли» в художественном творчестве. Если вся сила Искандера была в сознательной мысли, одушевляющей его роман,— Гончаров, напротив, представлял собою тип писателя, не осознающего своего искусства. Своеобразием дарований каждого из них Белинский объяснял достоинства и недостатки обоих романов.

Характеризуя Искандера, Белинский писал: «Главная сила его не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанной и развитой. Могущество этой мысли — главная сила его таланта; художественная манера схватывать верно явления действительности — второстепенная вспомогательная сила его таланта» (XI, 111). Достоинства «Кто виноват?» заключались в мысли,— в том пафосе гуманности, которым был проникнут роман. Но с образами Круциферской и Бельтова Искандер не справился, а вся история их трагической любви, по оценке Белинского, «рассказана умно, очень умно, даже ловко, но зато уж нисколько не художественно». Белинский добавлял при этом, что «мысль спасла и вынесла автора: умом он верно понял положение своих героев, но передал его только как умный человек, хорошо понявший дело, но не как поэт». Обратил внимание Белинский еще и на то, что во второй части романа характер Бельтова произвольно изменен автором: «...это уже не Бельтов, а что-то вроде Печорина» (XI, 114—115).

Белинский отмечал и некоторые другие недостатки в романе, но все эти недостатки, равно как и достоинства романа, объяснялись своеобразием дарования Искандера: автор был больше философом, «и только немножко поэтом» (XI, 119).

Совершенную противоположность с Искандером составлял Гончаров. «Все нынешние писатели имеют нечто кроме таланта,— писал Белинский,— и это-то нечто важнее самого таланта и составляет его силу; у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта: он больше, чем кто-нибудь теперь поэт-художник» (XI, 119). В письме к В. П. Боткину 17 марта 1847 г. Белинский выразился еще точнее: «У Гончарова нет и признаков труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный рассказ». И здесь же Белинский добавлял о том, какую пользу принесет «Обыкновенная история» обществу: «Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сантиментальности, провинциализму» («Письма», III, 199)[43].

Разбирая «Обыкновенную историю», Белинский показывал не только ее достоинства, но и недостатки, обусловленные, по его мнению, стремлением автора стать на чуждую ему почву. «Придуманная автором развязка романа портит впечатление всего этого прекрасного произведения, потому что она неестественна и ложна. В эпилоге хороши только Петр Иванович и Лизавета Александровна до самого конца; в отношении же к герою романа, эпилог хоть не читать...» Белинский объяснял «странную ошибку» Гончарова тем, что он «увлекся желанием попробовать свои силы на чуждой ему почве — на почве сознательной мысли — и перестал быть поэтом». Сравнивая Искандера с Гончаровым, Белинский заключал, что Искандер «и в сфере чуждой для его таланта действительности умел выпутаться из своего положения силою мысли; автор „Обыкновенной истории“ впал в важную ошибку именно оттого, что оставил на минуту руководство непосредственного таланта» (XI, 135).

Так в конкретной критической практике Белинский осуществлял свое требование общественной тенденции и сознательной мысли. Мы видим, что это требование отнюдь не являлось для Белинского догмой: оно связано было с точным учетом своеобразия писательских дарований, оно росло из глубокого понимания диалектики художественного творчества.

Существует мнение, что Белинский «не определил в достаточной степени ни объема, ни истинного характера таланта Тургенева, несмотря на то, что внимательно следил за развитием его литературной деятельности»[44]. С таким мнением никак невозможно согласиться.

Основная мысль итоговой характеристики, которую дал Белинский Тургеневу, заключается в том, что, начиная с ранних стихотворений и поэм, Тургенев искал своего пути в литературе и нашел его, наконец, в «Записках охотника». В «Хоре и Калиныче», по определению Белинского, талант Тургенева «обозначился вполне». Белинский отметил, что в этой «маленькой пьеске» «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил» (XI, 138). Признав «Хоря и Калиныча» «лучшим из всех рассказов охотника», Белинский вслед за ним поставил «Бурмистра», а после него «Однодворца Овсянникова» и «Контору». Нужно вспомнить, что все эти вещи писались Тургеневым в период его близости с Белинским, а «Бурмистр» и «Контора», в ряду других очерков из «Записок охотника», содержали в себе наиболее резкие выпады против крепостничества. Показательно, что дата и место написания «Бурмистра» (Зальцбрунн в Силезии, июль 1847 г.) совпадают с датой и местом написания знаменитого письма Белинского к Гоголю (15 июля 1847 г.): именно в этом очерке особенно ясно влияние Белинского[45].

Известно, что к некоторым очеркам Тургенева, таким, как «Малиновая вода», «Лебедянь», «Уездный лекарь», Белинский остался холоден; сочувственнее он отозвался об очерках «Татьяна Борисовна и ее племянник» («Богатая вещь—фигура Татьяны Борисовны»), «Бирюк» и «Смерть», а также о повести «Петр Петрович Каратаев», назвав эту повесть «мастерским физиологическим очерком», в котором «талант автора выказался с такою же полнотою, как и в лучших из рассказов охотника» (XI, 138).

«Найти свою дорогу, узнать свое место,— писал Белинский Тургеневу 19 февраля 1847 г.,— в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою. Если не ошибаюсь, ваше призвание — наблюдать действительные явления и передавать их, пропуская через фантазию; но не опираться только на фантазию». И Белинский выражал уверенность, что не только «Хорь и Калиныч», но и «Русак» (первоначальное название рассказа «Петр Петрович Каратаев») обещают в Тургеневе «замечательного писателя в будущем». В печатном отзыве о Тургеневе Белинский развил свою мысль об особенностях его писательского дарования, которую он высказал в письме. «Главная характеристическая черта его <Тургенева> таланта заключается в том,— писал Белинский,— что ему едва ли бы удалось создать верно такой характер, подобного которому он не встретил в действительности. Он всегда должен держаться почвы действительности. Для такого рода искусства ему даны от природы богатые средства: дар наблюдательности, способность верно и быстро понять и оценить всякое явление, инстинктом разгадать его причины и следствия и таким образом догадкою и соображением дополнить необходимый ему запас сведений, когда расспросы мало объясняют» (XI, 137—138).

Белинский прекрасно знал о том, что Тургенев внимательно следил за народными рассказами и очерками Даля, и он справедливо отметил несомненное родство с этими очерками «Записок охотника». От Белинского не укрылось «необыкновенное мастерство Тургенева изображать

картины русской природы»; эту сторону дарования автора «Записок охотника» Белинский также проницательно подчеркнул, указав, что «его картины всегда верны, вы всегда узнаете в них нашу родную, русскую природу» (XI, 138).

Много аналогий с талантом Даля Белинский нашел и у Григоровича, который «посвятил свой талант исключительно изображению низших классов народа» и который также «постоянно держался на почве хорошо известной и изученной им действительности». Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском рассказывает, что когда появилась «Деревня» Григоровича, Белинский «не только нашел ее весьма замечательной, но немедленно определил ее значение и предсказал то движение, тот поворот, которые вскоре потом произошли в нашей словесности»[46].

О «Деревне» Белинский высказался очень сочувственно еще в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Именно на эту повесть обрушился потом Ю. Самарин в «Москвитянине», Белинскому же в полемике с ним пришлось энергично отстаивать право писателя изображать дикость и зверство в семейных отношениях русской деревни.

По цензурным условиям Белинский не мог охарактеризовать общественные тенденции произведений Григоровича, как не мог он ничего сказать об антикрепостническом содержании тургеневского «Бурмистра». По поводу новой повести Григоровича «Антон Горемыка» Белинскому пришлось ограничиться в статье общими и неопределенными словами («это повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные»); только в письме к Боткину в декабре 1847 г. Белинский точно сформулировал свое впечатление от этой «удивительной» повести. «Ни одна русская повесть,— писал он,— не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков» («Письма», III, 324—325).

Когда мы рассматриваем взаимоотношения Белинского с писателями натуральной школы, следует, конечно, иметь в виду, что писатели, составлявшие эту школу, не только по степени своего дарования, но также и в идеологическом отношении были чрезвычайно различны. Далеко не все эти писатели могли усвоить те требования, которые предъявлял им Белинский. Так, Достоевский, выступив в своем первом романе как представитель гуманистического направления новой школы, вскоре принципиально и резко разошелся с Белинским. Не могли полностью осуществить заветов Белинского и такие писатели, как Тургенев и Гончаров.

Сам Белинский отдавал себе отчет в том, что могли быть писатели, не способные осознать цели своего творчества; могли быть иные,— осознававшие его неправильно и ложно; наконец могли быть такие, своеобразие которых состояло в органическом слиянии искусства и передовой сознательной мысли. К их числу относился прежде всего Некрасов. Из всех писателей натуральной школы Некрасов наиболее последовательно осуществлял требования Белинского. Недаром в письме к Кавелину 7 декабря 1847 г. Белинский писал о Некрасове: «его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своем замечательном таланте, внес в них и мысль сознательную и лучшую часть самого себя» («Письма», III, 306)[47].

Следуя заветам Белинского, Некрасов создал поэзию, в которой не только сошлись все основные нити предшествующего ее развития, начиная от Пушкина, но которая ознаменовала собой новую эпоху в истории русской литературы. Вместе с тем, через Некрасова была осуществлена преемственность между Белинским и революционными демократами 60-х годов — Чернышевским и Добролюбовым.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вал. Майков. Критические опыты. СПб., 1891, стр. 329.

[2] «Северная пчела», 1846, № 262, 19 ноября.

[3] Там же, № 265, 23 ноября.— Диалог Булгарина с Зотовым процитирован (не совсем точно) в статье: И. И. Иоффе. «Мертвые души» и русский реализм.— «Ученые записки Ленинградского гос. университета». Вып. 87. Серия гуман. наук. Саратов, 1943, стр. 186—187.

[4] «Северная пчела», 1845, № 79, 7 апреля; ср. №№ 234, 235 и 236 от 17, 18 и 19 октября.

[5] «Москвитянин», 1845, №№ 5 и 6 (май — июнь), Смесь, стр. 91—96. Рецензия — без подписи, но о принадлежности ее К. С. Аксакову достаточно прозрачно писал Белинский.

[6] «Северная пчела», 1845, № 79, 7 апреля.

[7] Там же, №№ 234, 235 и 236 от 17, 18 и 19 октября.

[8] Там же, № 243, 27 октября.

[9] «Русский инвалид», 1845, № 89, 25 апреля, стр. 353—355.

[10] «Иллюстрация», 1846, т. II, № 4, 26 января, стр. 59.

[11] Рецензия Ап. Григорьева до сих пор оставалась не известной биографам критика; ср. Полн. собр. соч. и писем Ап. Григорьева. Под ред. В. С. Спиридонова. Т. I. П., 1918 (биографическая статья В. С. Спиридонова). Не учтена рецензия Ап. Григорьева и в специальной литературе по Достоевскому. Текст рецензии с детальным обоснованием принадлежности ее Ап. Григорьеву см. в моей статье по этому поводу в сборнике (Л., 1948) в честь проф. В. А. Десницкого (к 70-летию его рождения).

[12] «Библиотека для чтения», 1846, т. 75, март — апрель, «Критика», статья первая и вторая, стр. 13—36 и 37—54; «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 163—191 и № 3, стр. 176—188; «Финский вестник», 1846, т. IX, отд. V, стр. 21—34. Ср. В. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Л., 1929. (Статьи о «Бедных людях» и «Двойнике».)

[13] «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 185—186.

[14] Там же, стр. 172.

[15] «Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.», М., 1847, Отдел критики, стр. 25—44 (за подписью «Имрек»).

[16] «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 173—174.

[17] «Финский вестник», 1846, т. IX, отд. V, стр. 29—30.— О существовании печатных суждений Ап. Григорьева по поводу «Бедных людей» и «Двойника» совершенно не подозревает В. Я. Кирпотин — см. его кн.: «Молодой Достоевский». М., 1947, стр. 248.

[18] «Финский вестник», 1846, т. VII, отд. V, стр. 7—8 (рецензия на первую книжку «Петербургских вершин» Я. Буткова).

[19] Там же, 1846, т. VIII, отд. V, стр. 19.

[20] «Московский литературный и ученый сборник на 1846 г.», М., 1846, стр. 145—198.

[21] Пользуюсь характеристикой В. Майкова, сделанной в работе покойного В. Л. Комаровича «Юность Достоевского».— «Былое», 1924, № 23, стр. 20—23.

[22] Вал. Майков. Критические опыты. СПб., 1891, стр. 62—68.

[23] Там же, стр. 389.

[24] Там же, стр. 5.

[25] Там же, стр. 114—115.

[26] Там же, стр. 325—327 («Нечто о русской литературе в 1846 году»).

[27] В. И. Ленин. Сочинения, 3-ье, изд., т. II, стр. 331.

[28] «Санктпетербургские ведомости», 1847, № 4, 5 января.

[29] «Северная пчела», 1847, № 8, 11 января.

[30] «Обозрение журнальных явлений за январь и февраль».— «Московский городской листок», 1847, № 51, 4 марта.

[31] Там же, № 52, 5 марта.

[32] «Обозрение журналов за март 1847 г.» — «Московский городской листок», 1847, № 66, 28 марта.

[33] «Северная пчела», 1847, № 81, 12 апреля; ср. фельетон в № 69, 29 марта.

[34] В. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50 гг., Л., 1934, стр. 73.

[35] «Гоголь и его последняя книга».— «Московский городской листок», 1847, № 56, 10 марта.

[36] Там же, 1847, № 62, 17 марта. Ср. три письма Ап. Григорьева Гоголю конца 1848 г.— «А. А. Григорьев. Материалы для биографии». Под ред. Вл. Княжнина. П., 1917, стр. 110—119.

[37] «Обозрение журналов за март 1847 г.» — «Московский городской листок», 1847, № 68, 31 марта.— Резко отрицательная оценка Ал. Дюма, по поводу которой возражал Григорьев, дана была Белинским в его статье о романе Евг. Сю «Тереза Дюнойе» (X, 477—478). В своем отзыве Белинский коснулся не только творчества Дюма, но и отрицательно квалифицировал его поведение на судебном процессе, который шел в Париже в течение января и февраля 1847 г. и нашумел на всю Европу. На обвинения в нарушении договоров с издателями А. Дюма с необыкновенной развязностью

отвечал на суде, что все сорок членов Французской Академии вместе не написали бы столько, сколько написал он. «О, великий господин Александр Дюма, о, достойный герой, о, любимое балованное дитя нашего века! — писал Белинский, — что-то еще наплетешь и напутаешь ты нам в своем романе, когда, вдохновленный штрафами, которые принужден будешь заплатить по приговору суда, или — чего, вероятно, с тобою не будет — воспользовавшись уединением тюрьмы (которой бы ты, право, стоил!), — примешься ты вновь продолжать интересные похождения своего интересного и достойного галер героя?..» (X, 478). Именно эти строки Белинского с возмущением цитировал А. Григорьев в своем обзоре.

[38] «Москвитянин», 1847, № 2, стр. 193—194.

[39] Там же, стр. 194—195, 197, 201.

[40] См. замечания по этому поводу в названной выше (прим. 3) статье И. И. Иоффе, стр. 189.

[41] А. Лаврецкий. Белинский, Чернышевский и Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1941, стр. 70—71.

[42] Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е. СПб., стр. 175—177.

[43] О влиянии идей Белинского на художественное творчество Гончарова см. в статье: Н. К. Пиксанов. Белинский в борьбе за Гончарова.—«Ученые записки Ленинградского гос. университета». Вып. 11. Серия филол. наук. Л., 1941, стр. 57—87.

[44] См. комментарии В. С. Спиридонова к «Избранным философским сочинениям» Белинского (М., 1941, стр. 534).

[45] Ю. Г. Оксман. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. 1. Одесса, 1921, стр. 6. — Ср. статью: Н. Л. Бродский. Белинский и Тургенев.— Сб. «Венок Белинскому». Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 120—129.

[46] «Белинский в воспоминаниях современников». Собрал М. К. Клеман. Л., 1929, стр. 220.

[47] Сводку данных о взаимоотношениях Некрасова и Белинского см. в кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и его современники. М., 1930, стр. 44—98.

БЕЛИНСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ

Статья Г. Фридлендера

I

Разработка проблем эстетики и теории литературы занимает важное место в наследии Белинского. Создатель классической русской литературной критики, Белинский был одновременно творцом русской революционно-демократической эстетики. Последняя является новым этапом в развитии мировой эстетической мысли по сравнению с эстетикой буржуазного Просвещения XVIII в., литературной теорией романтиков и буржуазных реалистов начала XIX в. на Западе. Теория реализма и учение об общественном назначении искусства, разработанные Белинским, вошли в тот золотой фонд русской демократической и социалистической культуры, который тесно связан с великими историческими традициями ленинизма.

Белинский выступил со своими первыми литературно-критическими статьями в начале 30-х годов XIX в. В это время на Западе господствующее положение в области философии искусства занимала немецкая идеалистическая эстетика. Общее историческое значение эстетических взглядов Белинского и русских революционных демократов 40—60-х годов XIX в. заключается в том, что созданное ими учение указало выход из того порочного круга, в который неизбежно уводила искусство и литературу идеалистическая эстетика. Разработанное Белинским и русскими революционными демократами учение о реализме явилось теоретическим источником мощного развития русской реалистической литературы и искусства XIX в.

Вершиной немецкой идеалистической эстетики была «Эстетика» Гегеля, которая свидетельствовала о глубоком внутреннем кризисе идеалистической философии. Этот кризис нашел свое выражение и в учении Гегеля о неизбежной гибели искусства и поэзии в условиях буржуазного мира. Искусство и поэзия, с точки зрения Гегеля, достигают своего высшего расцвета на ранних ступенях развития человеческой культуры, во времена античности и позднего средневековья. В эпоху же более высокой исторической зрелости человечества торжество «мирового духа» неизбежно приводит к разрушению чувственной полноты жизни, а значит — к гибели искусства и поэзии, превращающихся в своеобразный пережиток прошлого. Учение Гегеля об упадке искусства обнаружило бесперспективность идеалистической эстетики, ее неспособность осмыслить противоречия развития буржуазного искусства и литературы и указать исторически обоснованный выход из них.

Эстетические взгляды Белинского противоположны тому пессимистическому выводу о судьбе искусства и литературы, к которому пришла идеалистическая эстетика в лице Гегеля.

Полемизируя в 1840 г., в статье о «Горе от ума», с Полевым и романтиками вообще, писавшими о прозаическом характере современной жизни,

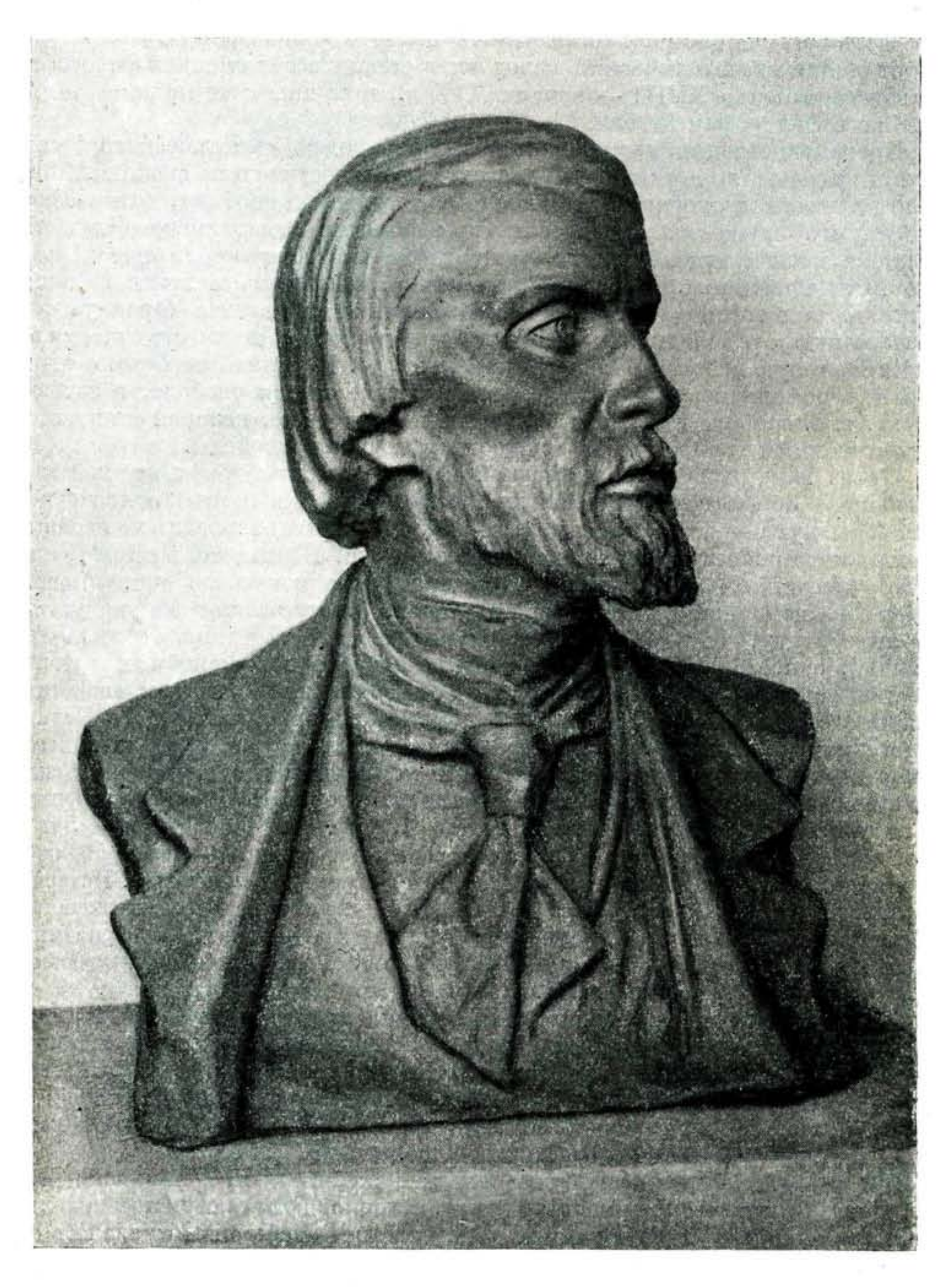
Белинский косвенно критикует и основную идею «Эстетики» Гегеля. «Есть люди,— пишет Белинский,— которые от всей души убеждены, что поэзия есть мечта, а не действительность, и что в наш век, как положительный и индюстриальный, поэзия невозможна. Образцовое невежество! Нелепость первой величины! Что такое мечта? призрак, форма без содержания, порождение расстроенного воображения, праздной головы, колобродствующего сердца, и такая мечтательность нашла своих поэтов в Ламартинах и свои поэтические произведения в идеально-чувствительных романах вроде «Абадонны», но разве Ламартин поэт, а не мечта,— и разве «Абадонна» поэтическое произведение, а не мечта!.. И что за жалкая, что за устарелая мысль о положительности и индюстриальности нашего века, будто бы враждебных искусству? Разве не в нашем веке явились Байрон, Вальтер-Скотт, Купер, Томас Мур, Уордсворт, Пушкин, Гоголь, Мицкевич, Гейне, Беранже, Эленшлейгер, Тегнер и др.? Разве не в нашем веке действовали Шиллер и Гете? Разве не наш век оценил и понял создания классического искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индюстриальность есть только одна сторона многостороннего XIX века, и она не помешала ни дойти поэзии до своего высочайшего развития в лице поименованных нами поэтов, ни музыке, в лице ее Шекспира — Бетховена, ни философии, в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля» (V, 34).

Приведенные слова Белинского прекрасно выражают принципиальную противоположность между Белинским и Гегелем. Если эстетические взгляды Гегеля выразили трагическое предощущение заката буржуазного искусства, то эстетика Белинского отражала зарю исторического будущего. Гегелю исторические возможности расцвета искусства казались исчерпанными вместе с исчезновением эпической героики, мифа, с крушением патриархальных общественных форм и окончательным упрочением буржуазного общества. Для Белинского же центральные проблемы эстетики — это не проблемы прошлого, а проблемы настоящего и будущего искусства и литературы. В то время как Гегель видел свою задачу в ретроспективном подведении итогов развития искусства прошедших эпох, Белинский, напротив, прокладывал пути искусству новой исторической полосы.

II

Несмотря на то, что молодой Белинский еще стоит на позиции идеализма, его отношение к действительности, к истории и общественной борьбе носит совершенно иной характер, чем у представителей немецкой философии и эстетики. Уже в своих первых статьях Белинский является не только философом-идеалистом, но, вместе с тем, и просветителем-демократом, горячо верящим в идеалы свободы и общественного прогресса и стремящимся лично способствовать их утверждению в русской общественной жизни. Эта демократически-просветительная струя в мировоззрении молодого Белинского (восходящая к традициям русского освободительного движения, к традициям Радищева и декабристов) окрашивает всю систему его философских и эстетических взглядов.

Немецкая идеалистическая философия и эстетика конца XVIII — начала XIX в. возникла как выражение аристократической реакции на Французскую буржуазную революцию и идеи революционного Просвещения XVIII в. С точки зрения немецких мыслителей (впервые сформулированной Шиллером в его «Письмах об эстетическом воспитании», 1795 г.), Французская буржуазная революция показала невозможность осуществления идеалов свободы путем практического революционного



БЕЛИНСКИЙ

Бюст работы В. Н. Домогацкого, гипс, 1939 г.

Музей изобразительных искусств, Ашхабад

переустройства общества. Поэтому осуществление идеалов свободы должно быть отныне перенесено из области практики в область теории, из области революционной борьбы — в область философии и искусства. Этот общий идеалистический вывод лег в основу всей немецкой философии и эстетики конца XVIII — начала XIX в., получив свое крайнее выражение в философии Гегеля.

Противопоставляя революционной борьбе идею «эстетического воспитания» в качестве истинного пути, ведущего к достижению свободы, Шиллер не отвергал окончательно идеала общественной свободы, хотя и переносил его осуществление в область бесконечно отдаленного будущего. Однако последующее развитие немецкой философии пошло еще дальше по пути идеализма. Немецкие романтики, Шеллинг, а вслед за ними Гегель, подвергают идеалистической критике не только Французскую революцию и революционные методы борьбы вообще, но вместе с тем и всю материальную действительность, как таковую. Истинная свобода, с точки зрения романтиков и Гегеля, это не материальная свобода, а свобода духа, т. е. свобода в области искусства и философии, которая и является единственным возможным и осуществимым видом свободы.

Отказ немецкой идеалистической философии от борьбы за действительную общественную свободу, замена ее поисками отвлеченной свободы духа — были как нельзя более далеки от главных идейных мотивов мировоззрения молодого Белинского. Белинский в «Литературных мечтаниях» рассматривает литературу и искусство как высший цвет полноценной национальной жизни. Этот взгляд на искусство и литературу, еще близкий к романтической эстетике, отнюдь не связан, однако, у Белинского с высокомерным отношением к исторической жизни и практическим нуждам общества, как к низшим, «неистинным» сторонам жизни. В философском мировоззрении молодого Белинского центральное место занимает идея «деятельности», идея активного, творческого участия личности в борьбе моральных и общественных сил, двигающих вперед историю человечества (к которой Белинский относится с энтузиазмом будущего революционного борца). «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действования нет жизни», — гласит излюбленная формула Белинского периода «Литературных мечтаний»*. История человечества (как и жизнь отдельного человека) рассматривается Белинским в духе исторического оптимизма — как неисчерпаемый по своим возможностям великий процесс вечной борьбы и непрерывного «улучшения» (т. е. прогресса).

Но и в следующий период 1837—1840 гг., в эпоху «примирения с действительностью», когда созерцательно-идеалистические моменты в мировоззрении Белинского достигают своего наивысшего развития, критик занимает по отношению к общественному развитию, к истории и всей материальной практике совсем иную позицию, чем Гегель и немецкая идеалистическая философия вообще.

И в период «примирения» историческая жизнь не представляется Белинскому, в противоположность Гегелю, исчерпавшей все свои потенциальные возможности, требующей от человечества, чтобы оно отказалось от дальнейшего прогресса и искало отныне будущее для себя лишь в области отвлеченной мысли. Вера в «разумность» истории и ее законов для Белинского, как для демократа-просветителя, — в отличие от Гегеля, — совпадала с верой в неисчерпаемость этих возможностей, с верой в историческое будущее России и в конечное осуществление идеалов разума и

* Значение этой особенности взглядов молодого Белинского было уже отмечено А. Лаврецким в его книге: «Белинский, Чернышевский и Добролюбов в борьбе за реализм» (М., 1941, стр. 5—6).

свободы не только в области «духа», но и в реальной социальной действительности.

Глубокая связь с народом способствовала созреванию революционной мысли Белинского и его разрыву с идеализмом в области философии и эстетики. В 40-е годы Белинский выдвигает на первое место не искусство и абстрактную мысль, а общественную деятельность и революционную борьбу за освобождение народных масс от угнетения и эксплоатации.

Революционно-демократическое самоопределение Белинского привело его к диаметрально-противоположному, по сравнению с идеалистической эстетикой, взгляду на роль литературы и искусства в общественной жизни. Как гениально показал Белинский, идеалистическая эстетика, возвышая искусство над жизнью, на деле этим принижает значение искусства, отнимая у него право служить общественному прогрессу и революционному развитию человечества. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам,— писал Белинский,— значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев» (XI, 104).

Лишь поднимаясь над горизонтом идеалистической эстетики, связывая себя с жизнью, с передовыми общественными идеалами и борьбой народа, искусство и литература,— доказывал Белинский,— могут получить в современном обществе значение одного из великих факторов развития народа и человечества на их путях к свободе и материальному счастью. Принимая живое и непосредственное участие в борьбе против дворянско-крепостнических и капиталистических общественных условий, задерживающих развитие народов и обрекающих их на угнетение и эксплоатацию, искусство и литература находят для себя, уже в пределах самого крепостнического и буржуазного общества, исторический выход. Искусство, литература поднимаются тогда над узким идейным и моральным горизонтом дворянско-буржуазного общества и его культуры и завоевывают для себя действительно великую роль в общественной жизни.

III

Исторический оптимизм молодого Белинского, его глубокая вера демократа-просветителя в неисчерпаемые возможности исторического развития способствовали тому, что уже в своих ранних статьях он смог подойти к вопросам современного искусства иначе, чем подходила к ним идеалистическая эстетика.

Немецкая эстетика выдвинула два различных, противоположных друг другу, взгляда на развитие искусства в условиях современного общества. Одним из центральных мотивов эстетики и литературной теории раннего немецкого романтизма был тезис об историческом своеобразии искусства нового времени по сравнению с искусством античного мира. Развивая взгляды, высказанные впервые Гердером, а также Шиллером в его рассуждении «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795), немецкие романтики широко популяризировали идею различия между «классическим» искусством древнего мира и искусством нового времени (которое они отождествляли с «романтическим искусством», объединяя под этим названием искусство средневековья с искусством буржуазного общества). В отличие от классического искусства, основным принципом которого была пластическая красота образа, соответствие идеи и формы, «романтическое» искусство, в понимании теоретиков романтизма, нарушает идеал классической красоты и гармонии, допуская в искусстве преобладание натуралистически-характерного, более глубокие противоречия и дис-

сонансы, а также более свободное субъективное отношение художника к жизни.

Учение романтиков о своеобразии «романтического» искусства содержало в себе скрытые зачатки реалистической эстетики, которые сводились к признанию того, что искусство в новую эпоху не совпадает с прекрасным, но включает в себя еще характерное, а порою даже безобразное и уродливое. Однако идеалистический характер мировоззрения романтиков помешал развитию этих реалистических зачатков. Свое развитие они получили не у самих романтиков, но лишь у следующего поколения художников — буржуазных реалистов 30—40-х годов XIX в. Популяризируя идею об исторической неизбежности для современного искусства отхода от идеала и приближения к характерному и обыденному, сами романтики — особенно в Германии — довели до крайности в своем творчестве идеалистический разрыв между жизнью и искусством. При помощи субъективного чувства и воображения, идеалистической фантастики или стилизации в духе народной поэзии они стремились в своей художественной практике возродить в новой форме «идеальный» характер искусства прошлых эпох, игнорируя условия буржуазной действительности.

Противоположный романтикам взгляд на современное искусство получил свое выражение в «Эстетике» Гегеля. Как и для теоретиков романтизма, для Гегеля учение об историческом и эстетическом различии между античным — «классическим» — и новейшим — «романтическим» — искусством (к которым он присоединяет в качестве третьей великой исторической формы в развитии художественного творчества восточную — «символическую» — форму искусства) имело основополагающее значение при построении всей системы его эстетики. Но развитие этого учения у Гегеля отражает общее противоречие всей его философии. Проводя при анализе «романтического» искусства более строго, по сравнению с романтиками, историческую точку зрения, Гегель в то же время доводит все противоречия идеалистической эстетики до их крайнего выражения.

Романтики, выдвигая идею о различии между «классическим» и «романтическим» искусством, стремились эстетически оправдать своеобразие средневекового и буржуазного искусства. Тем самым они защищали право художника нового времени на отход от пластического античного идеала красоты. Иное мы видим в «Эстетике» Гегеля. Признавая историческую закономерность уклонения средневекового и буржуазного искусства от «классического» художественного идеала, Гегель отдает решительное предпочтение античному искусству. Между развитием искусства и развитием «мирового духа», с точки зрения Гегеля, существует глубокое, непримиримое противоречие. Искусство требует для своего нормального развития гармонии между природой и обществом, а в самом обществе — сочетания свободы и самостоятельности отдельного члена общества с нерушимой крепостью законов общественного поведения и общественной нравственности; искусство требует равномерного развития тела и духа, моральных и физических свойств. Но это счастливое сочетание — с идеалистической точки зрения гегелевской «Эстетики» и «Философии истории» — возможно лишь на ранней ступени общественного развития и в будущем уже неповторимо. «Классическое» античное искусство было лучшим выражением этого счастливого сочетания, лишь один раз возможного в истории. Вся дальнейшая история человечества является историей углубляющейся противоположности между обществом и природой, свободой и общественной необходимостью, телом и духом, «материей» и «разумом», а следовательно, и постепенным разрушением тех исторических предпосылок, которые необходимы для высокого расцвета искусства, уже не возможного (и не нужного, с точки зрения Гегеля) в будущем.

УГОЛ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА У АНИЧКОВА МОСТА. ЗДЕСЬ, В ДОМЕ ЛОПАТИНА (первый дом налево, за мостом), ЖИЛ В 1842—1846 гг. БЕЛИНСКИЙ

Литография Шмидта с рисунка Конради, конец 1840-х — начало 1850-х гг.

«...Адресуй ко мне прямо на квартиру в дом Лопатина на Невском проспекте у Аничкова моста...» (из письма Белинского к Д. П. Иванову от 6—7 ноября 1842 г.)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В соответствии с этой консервативной исторической концепцией, отражающей неверие Гегеля в силы общественного развития, его отношение к «романтическому» искусству средних веков и к буржуазному искусству является глубоко двойственным. На ранних ступенях развития искусства нового времени — в средние века и в эпоху Возрождения — утрата в жизни и в искусстве античного идеала целостной пластической красоты компенсировалась, с эстетической точки зрения, по мнению Гегеля, развитием живописного восприятия внешнего мира, ростом драматизма в изображении человеческого характера и отношений между людьми, углублением во внутреннюю, духовную жизнь человека и другими художественными завоеваниями, отразившими усложнение общественной жизни народов нового времени по сравнению с жизнью античных городов-государств. Но в своем дальнейшем развитии в буржуазную эпоху «романтическая» форма искусства, с точки зрения Гегеля, постепенно идет к своему внутреннему разложению и упадку. Выражением этого разложения и упадка искусства (которые представлялись Гегелю необходимыми и исторически-оправданными в силу чувственной природы искусства, мешающей безраздельному торжеству абстрактного рассудка и философского мышления) является колебание буржуазного искусства конца XVIII и начала XIX в. между разнузданным романтическим субъективизмом и натуралистическим копированием буржуазного быта, абстрактным идеализмом и плоским — лишенным творческой глубины и мысли — формальным реализмом изображения (Hegel. Werke (Glockner). Bd. XIII. Aesthetik, Bd. 2, S. 219—228).

Гегель не считал при этом, что искусство в буржуазном обществе должно полностью исчезнуть. Буржуазное общество, с точки зрения Гегеля, создает свою, специфическую форму «свободного» искусства. Но «свободное» искусство буржуазного общества уже не является и не может быть полноценным художественным творчеством, каким было искусство более ранних эпох. В буржуазном мире искусство перестает быть формой мировоззрения, оно неизбежно теряет свою связь с глубокими, высшими жизненными интересами и стремлениями человечества и становится делом субъективной художественной виртуозности. Его высшими проявлениями могут явиться теперь лишь артистическое мастерство в передаче внешних сторон жизни или прихотливые капризы субъективной художественной фантазии.

Учение Гегеля о разложении «романтической формы искусства», об упадке искусства и поэзии в буржуазную эпоху явилось идеалистическим отражением тех реальных исторических противоречий, которые порождает в области искусства развитие капитализма. Но, как всякое отражение противоречий реальной жизни в идеалистической философии и эстетике, учение Гегеля об упадке искусства дает глубоко-извращенное изображение исторических противоречий буржуазного искусства. Рассматривая противоречия, порождаемые капитализмом в области искусства, как выражение фатально-неизбежного упадка искусства, осужденного на смерть самой историей, Гегель отвергает тем самым всякую борьбу с буржуазными общественными порядками, осуждает реализм и революционно-демократическое искусство XIX в. и отказывает им в праве на историческое будущее.

В борьбе со взглядами романтиков и Гегеля Белинский разработал и утвердил в русской эстетике и критике теорию реализма в искусстве, развив ее в духе идей революционно-демократического реализма — реализма нового исторического типа.

Уже в «Литературных мечтаниях» и в статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) Белинский высказал глубоко-оригинальный творческий взгляд на вопросы развития современной литературы и искусства.

В отличие от романтиков, Белинский уже в своих первых статьях защищает в современном искусстве именно его реалистические тенденции, требуя от искусства и литературы не «идеала», а «истины» (II, 195)*. Он утверждает, что современное искусство не может при помощи субъективного чувства и воображения или романтической стилизации вернуться к прежним, уже отжившим художественным идеалам. В то же самое время — в отличие от Гегеля — Белинский не видит в реалистическом направлении современной литературы и искусства симптома упадка и разложения искусства. Напротив, в сближении литературы с жизнью, в победе реалистического идеала единства «поэзии» и «истины» Белинский с самого начала своей деятельности усматривает путь, ведущий к новому прогрессивному периоду в развитии русской и мировой литературы и искусства.

В «Литературных мечтаниях» Белинский формулирует свой художественный идеал в духе реалистической эстетики. Рассматривая искусство как изображение «идеи всеобщей жизни природы» (I, 318), Белинский вкладывает в этот тезис, унаследованный от идеалистической эстетики, оригинальное реалистическое содержание. Идеалом Белинского является не Шиллер, показавший в своих драмах «одно прекрасное жизни», но Шекспир, который «постиг и ад, и землю, и небо», «взял равную дань и с добра и с зла» (I, 321). «Чем выше гений поэта,— пишет Белинский,— тем глубже и обширнее обнимает он природу и тем с большим успехом представляет нам ее в ее высшей связи и жизни».

Этот реалистический художественный идеал, выдвинутый в «Литературных мечтаниях», получает более глубокое решение в статье «О русской повести и повестях Гоголя». Вступительная теоретическая часть этой статьи посвящена Белинским специально обоснованию исторического различия между античной и средневековой — «идеальной» — поэзией и «реальной» поэзией современного мира.

У «младенчествующих» народов, на ранних ступенях развития культуры,— пишет здесь Белинский,— поэзия выступает «в раздоре с действительностью», в оболочке мифологически-религиозной фантастики (II, 189). Последняя преобразует солнце в «торжественную колесницу Феба» или представляет небо и землю, поддерживаемыми спиной Атланта. «Для грека не было законов природы, не было свободной воли человеческой», все явления физического и нравственного мира он объяснял «влиянием высших таинственных сил». «И вот почему все, входящее в круг обыкновенной жизни, все, объясняющееся простою причиною, почитал он недостойным поэзии, унижением искусства, словом, низкою природою — выражение так глупо понятое, так нелепо принятое французами XVIII столетия» (II, 190).

«Идеальный» характер греческой и средневековой поэзии, еще не знавшей обыденного и прозаического, был связан исторически со слабым развитием человеческой индивидуальности, которая в эти эпохи еще терялась в общенародной жизни и сознание которой еще не отделилось от общенародного религиозно-мифологического мировоззрения. Для грека,— пишет Белинский,—«не существовало человека с его свободною волею, его страстями, чувствами и мыслями, страданиями и радостями, желаниями и лишениями, ибо он еще не сознал своей индивидуальности, ибо его Я исчезало в Я его народа, идея которого трепещет и дышит в его поэтических созданиях» (там же). В соответствии с этим идеальный центр античной поэмы и драмы составляет не человеческая индивидуальность, но

* Реалистический идеал в эстетике молодого Белинского был отчасти подготовлен взглядами Надеждина на современное искусство как на торжество «действительности», в противовес античному классицизму и средневековому романтизму (эти взгляды Надеждина выражены в его диссертации о романтической поэзии и в его статьях в «Телескопе»).

народ в лице своих идеальных представителей — царей, богов и героев, а место их действия — не «в домашнем кругу», в сфере частной жизни, но «на площади, на поле брани, во храме, в судилище» (II, 191).

Со времени эпохи Возрождения в истории человечества произошел перелом. «Младенчество Древнего мира кончилось; вера в богов и чудесное умерла; дух героизма исчез; настал век жизни действительной, и тщетно поэзия становилась на подмостки: в ней уже не было этого высокого простодушия, этого простого, благородного, спокойного и гигантского величия, причина которых заключалась прежде в гармонии искусства с жизнию, в поэтической истине... Родилась идея человека, существа индивидуального, отдельного от народа, любопытного без отношений, в самом себе...» (II, 193).

С переломом в исторической жизни и мировоззрении, выражающемся, с одной стороны, в разложении религиозно-мифологической системы образов, с другой стороны — в выдвижении в качестве идеального центра общественной жизни свободной индивидуальности, Белинский связывает поворот в новейшем искусстве от господства «идеальной» к господству «реальной» поэзии. «В XVI веке совершилась окончательная реформа в искусстве: Сервантес убил своим несравненным Дон-Кихотом ложно-идеальное направление поэзии, а Шекспир навсегда помирил и сочетал ее с действительною жизнию... Он был яркою зарею и торжественным рассветом эры нового истинного искусства». «Поэты новейшего времени», в лице Пушкина и Гоголя — в России, Гете, Шиллера, Вальтер-Скотта — на Западе, осуществили в своем творчестве еще более тесное сближение поэзии с жизнью (II, 193—194).

«Истинной и настоящей» поэзией нашего времени, — доказывает Белинский, — может быть только «реальная поэзия» — поэзия иного исторического типа, чем «идеальная поэзия» древнего мира. Причиной этого совершившегося изменения самого типа «поэзии» является более сложный характер современной общественной жизни по сравнению с жизнью древнего мира, наличие нерешенных вопросов и болезненных противоречий, та большая роль, которую в самой жизни современного мира играет р е а л и с т и ч е с к а я, прозаическая жизненная стихия.

«Для нас жизнь уже не веселое пиршество, не празднественное ликование, — пишет Белинский, противопоставляя современное искусство искусству древнего мира, — но поприще труда, борьбы, лишений и страданий» (II, 195). «Век поэзии идеальной оканчивается младенческим и юношеским возрастом народа, и тогда искусство должно или переменить свой характер, или умереть» (II, 192). Основой античной поэзии была «гармония искусства с жизнию»; «поэтическая истина»; современный поэт, живущий в эпоху «труда» и «борьбы», должен воспроизводить жизнь «во всей ее наготе и истине, оставаясь верен всем подробностям, краскам и оттенкам ее действительности» (II, 193, 189). «Удивительно ли, что отличительный характер новейших произведений вообще состоит в беспощадной откровенности, что в них жизнь является как бы на позор, во всей наготе, во всем ее ужасающем безобразии и во всей ее торжественной красоте, что в них как будто вскрывают ее анатомическим ножом? Мы т р е б у е м н е и д е а л а ж и з н и, н о с а м о й ж и з н и, к а к о н а е с т ь. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать, ибо думаем, что в поэтическом представлении она равно прекрасна в том и другом случае, и потому именно, что истинна, и что где истина, там и поэзия» (II, 195; разрядка наша — *Г. Ф.*).

Данное в статье «О русской повести и повестях Гоголя» историческое обоснование реализма, как программы для современного передового искусства, легло в основу всей последующей литературно-критической деятельности Белинского. Главные положения начертанной здесь впервые

ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ ПОВЕСТЕЙ ГОГОЛЯ, 1845 г. (В ПЕРЕВОДЕ ЛУИ ВИАРДО)

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей им. И. С. Тургенева, Орел

NICOLAS GOGOL

NOUVELLES RUSSES

PUBLIÉE

Par LOUIS VIARDOT

Tarass Boulba.
Les Mémoires d'un Fou.
La Calèche.
Un Ménage d'autrefois.
Le Roi des Gnomes.

PARIS
PAULIN, ÉDITEUR
RUE RICHELIEU, 60
1845

программы реалистического искусства проходят почти через все последующие крупные работы Белинского вплоть до его последних обзоров русской литературы 1846 и 1847 гг., где эта программа получила свою окончательную формулировку в связи с новым материалистическим этапом в развитии мировоззрения Белинского. Не прослеживая пока дальнейшего развития идеи реализма в эстетике Белинского, важно подчеркнуть другое: как сказано выше, раскрывая глубокую историческую закономерность перехода от «идеальной» поэзии древнего мира к «реальной» поэзии, Белинский — с самого начала своей деятельности, в противоположность Гегелю — видит в этой эволюции искусства не шаг, ведущий к его упадку, а, наоборот, восходящее, прогрессивное историческое движение.

В этом смысле особенно показательна та оценка греческого искусства, которую Белинский дает в статье о «Горе от ума» (1840). Вступительная теоретическая часть этой статьи, написанная в духе идеалистической эстетики и посвященная вопросу о классическом и романтическом искусстве, несмотря на наличие в ней многих оригинальных моментов, в общем еще очень близка к диссертации Надеждина, а также к «Эстетике» Гегеля. Тем важнее отметить, что в своей оценке греческого искусства и его места в общей эволюции художественного творчества Белинский значительно разошелся с гегелевской эстетикой. Рассматривая греческое искусство как выражение идеала пластической красоты, тождества идеи и формы и говоря, что «в этом смысле» «греческое искусство только одно и есть истинное искусство, искусство как искусство, и сле-

довательно, высшее и совершеннейшее искусство», Белинский в то же время заявлял: «...и в этом-то заключается для нас и его достоинство и его недостаток: содержание его для нас неудовлетворительно, а возвыситься до его формы мы не можем, не отдав форме предпочтения перед идеею» (V, 30; разрядка наша. — *Г. Ф.*).

Следовательно, Белинский уже в период своего идеализма усматривает в греческом искусстве — в противовес Гегелю — не только величайшие достоинства (пластическую чистоту и идеальность художественной формы), но и важный художественный недостаток по сравнению с современным искусством — бедность реалистического содержания. Критик намечает совершенно иную оценку современного искусства и перспектив его будущего развития по сравнению с «Эстетикой» Гегеля. Уступая искусству древнего мира в красоте формы, современное реалистическое искусство превосходит его широтой охвата жизни, нравственной энергией и глубиной мысли, силой своего влияния на общественную жизнь. Таков взгляд на реализм современного искусства, свойственный уже молодому Белинскому, хотя пробивающийся нередко в его ранних статьях сквозь туманную завесу идеалистической эстетики с ее учением о «непосредственном», «бессознательном» творчестве.

Взгляды Белинского на соотношение античного и современного искусства, намеченные в статье о «Горе от ума», получили дальнейшее развитие в ряде его статей 1841—1842 гг.: «Римские элегии», «Стихотворения Аполлона Майкова», «Речь о критике» и др. В этих статьях Белинский близко подошел к взглядам Маркса на искусство древнего мира. «Искусство греков, — писал Белинский в статье о «Римских элегиях», — высочайшее искусство, норма и первообраз всякого искусства» (VI, 249). Однако возврат к общественным условиям греческого мира и его художественным идеалам невозможен для современного человечества. «Закон развития человечества таков, что все пережитое человечеством, не возвращаясь назад, тем не менее и не исчезает без следов в пучине времени. Исчезнувшее в действительности живет в сознании. Так старец с умилением и восторгом вспоминает не только о летах своего зрелого мужества, но и о пылкой юности, и о светлом безмятежном младенчестве, и потому сам не перестает сочувствовать ни мужу, ни юноше, ни младенцу. Человеку нельзя на всю жизнь оставаться младенцем, но он должен перейти через все возрасты — от колыбели до могилы. Последующий возраст выше предшествующего; однако из этого не следует, чтоб предшествующий, будучи ступенью и средством, не был в то же время и сам себе целью, а следовательно, не заключал в себе разумности и поэзии» (VI, 247).

Подобно Марксу, Белинский видит в античности эпоху «детства» человеческого общества. В то же время, как и у Маркса (и в отличие от Гегеля), взгляд на античное общество как на эпоху человеческого «детства», к которому нет и не может быть возврата, лишен у Белинского всякого трагического или элегического оттенка. Белинский глубоко верит в будущее, в прогрессивный характер общего хода развития человечества, несмотря на все исторические противоречия и диссонансы. Современная эпоха представляется ему, в духе исторического оптимизма, не эпохой «старости» человечества, как Гегелю, а эпохой его высочайшей мужественной зрелости. С этим связано то обстоятельство, что Белинский, видя в греческом искусстве (подобно Марксу) «норму и прообраз» всякого искусства, в противоположность идеалистической эстетике, мог сочетать и сочетал эту высокую оценку искусства древнего мира с защитой и пропагандой современного реалистического искусства. В последнем же он усматривал не симптом упадка и разложения, а выражение великого и прогрессивного исторического движения современности.

Разумеется, взгляды Маркса и Белинского на судьбы искусства далеко не во всем совпадают. Защита исторического прогресса искусства сочетается у Маркса с учением о враждебности капитализма искусству и о социалистической революции как единственном способе устранения препятствий, мешающих в классовом обществе свободному развитию культуры и искусства. Во взглядах же Белинского можно встретить лишь отдельные, необобщенные замечания о разных литературных явлениях, свидетельствовавших о том, насколько капиталистические отношения неблагоприятны для искусства. Центральное место в его учении занимает борьба с дворянской монархией и крепостничеством и их реакционным влиянием в области культуры и искусства.

Свою окончательную форму теория реализма Белинского получила в статьях 1847—1848 гг. в связи с его борьбой за «натуральную школу». Белинский подвел здесь итоги своей многолетней борьбе за реалистическую эстетику. «Искусство в наше время обогнало теорию,— писал Белинский по адресу идеалистической эстетики в своей последней статье „Взгляд на русскую литературу 1847 года".— Старые теории потеряли весь свой кредит; даже люди, воспитанные на них, следуют не им, а какой-то странной смеси старых понятий с новыми» (XI, 90).

Критикуя идеалистическую эстетику, Белинский заново пересматривает в материалистическом духе свое понимание греческого искусства. Если в начале своей деятельности Белинский видел в искусстве древнего мира только выражение идеала красоты, то теперь он усматривает уже в самом античном искусстве наличие иного, исторического содержания.

«Всего естественнее,— писал Белинский,— искать так называемого чистого искусства у греков. Действительно, красота, составляющая существенный элемент искусства, была едва ли не преобладающим элементом жизни этого народа. Оттого искусство его ближе всякого искусства к идеалу так называемого чистого искусства. Но тем не менее красота в нем была больше существенною формою всякого содержания, нежели самим содержанием. Содержание же ему давали и религия, и гражданская жизнь, но только всегда под очевидным преобладанием красоты» (XI, 103).

Итак, даже в искусстве древнего мира красота была не единственным, а лишь относительно-преобладающим началом. Но если в античном искусстве она все же оставалась необходимой формой изображения жизни, то современная жизнь слишком широка, разнообразна и сложна по своему содержанию, чтобы современный художник мог ограничиться в своем творчестве идеалом красоты, если он хочет, чтобы его искусство имело жизненное, реальное значение. В современной исторической действительности на центральное место выдвинулись другие насущные и важные стороны общественной жизни. Говоря об этих центральных вопросах современности, Белинский, как революционный демократ, имел в виду, прежде всего, положение широких масс народа и вопрос об их праве на материальное счастье и благосостояние. Поэтому и в современном искусстве не красота, а социальные вопросы жизни во всей их исторической широте и реалистической сложности приобрели преобладающее значение.

«Мы видели, что и греческое искусство только ближе всякого другого к идеалу так называемого чистого искусства, но не осуществляет его вполне; что же касается до новейшего искусства, оно всегда было далеко от этого идеала, а в настоящее время еще больше отдалилось от него; но это-то и составляет его силу. Собственно художественный интерес не мог не уступить место другим важнейшим для человечества интересам, и искусство благородно взялось служить им в качестве их органа. Но от этого оно нисколько не перестало быть искусством, а только получило новый характер» (VI, 104).

Как уже установлено советским литературоведением, выход современного искусства за пределы эстетики прекрасного в узком смысле слова, служение искусства и поэзии интересам общественно-исторической жизни, — не означают, по Белинскому, упадка искусства. Напротив, выход за пределы прекрасного в идеалистическом смысле слова нельзя не признать необходимым и прогрессивным явлением с точки зрения развития самого искусства. Только опираясь на богатство реального содержания и живую связь с интересами общественной жизни и общественной борьбы, искусство и поэзия могут в современную эпоху обеспечить себе высокую роль в жизни человечества, сохранить широту и богатство мысли, величие и правду, составляющие необходимые качества настоящего искусства. Без широты и свободы общественного, исторического содержания искусство и поэзия неизбежно сами обрекают себя на вырождение и гибель.

IV

Мы уже говорили, что в статье «О русской повести и повестях Гоголя» Белинский сформулировал как главную особенность литературы XIX в. смену «идеальной» поэзии — поэзией «реальной». Необходимым следствием этой смены Белинский считал выдвижение на первое место прозаических повествовательных жанров — романа и повести, отодвинувших стихотворные жанры.

Вспоминая в начале названной статьи о разнообразии поэтических жанров в русской литературе 20-х годов, Белинский писал по поводу первых лет следующего десятилетия: «Теперь совсем не то: теперь вся наша литература превратилась в роман и повесть. Ода, эпическая поэма, баллада, басня, даже так называемая, или, лучше сказать, так называвшаяся, романтическая поэма, поэма Пушкинская, бывало наводнявшая и потоплявшая нашу литературу,— все это теперь не больше как воспоминание о каком-то веселом, но давно минувшем времени. Роман все убил, все поглотил, а повесть, пришедшая вместе с ним, изгладила даже и следы всего этого, и сам роман с почтением посторонился и дал ей дорогу впереди себя» (II, 188). Теоретическое обоснование значения и места повествовательных жанров в современной литературе Белинский продолжил в написанной шесть лет спустя статье «Разделение поэзии на роды и виды», составляющей часть задуманного, но не осуществленного им до конца «Теоретического и критического курса русской литературы».

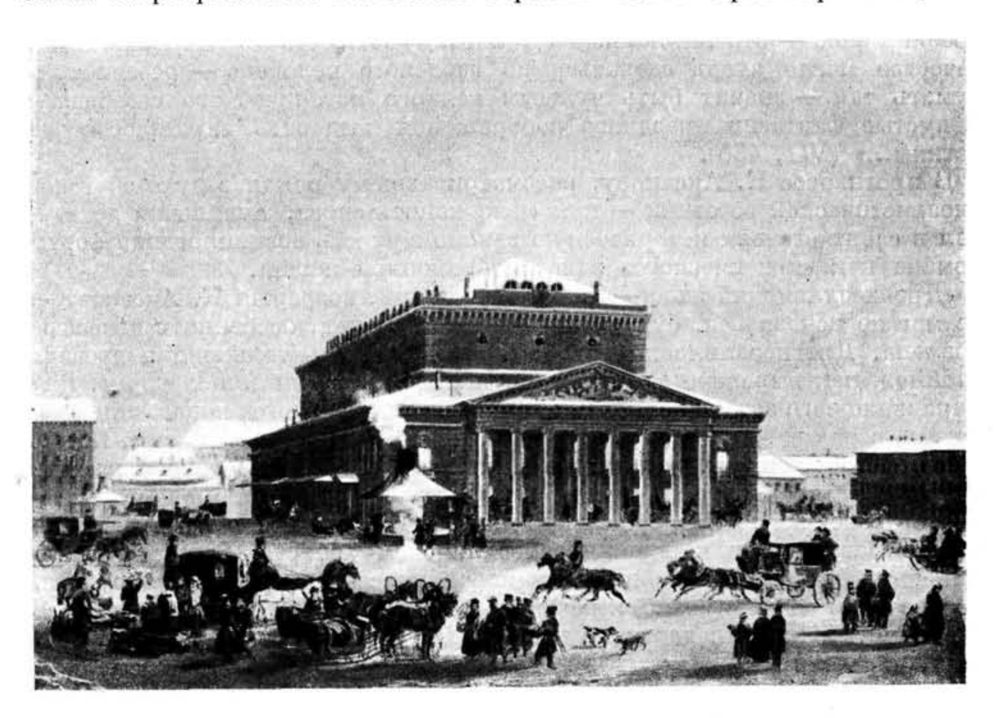
В этой замечательной статье Белинский ставил своей задачей противопоставить догматическому учению классицизма о поэтических родах и жанрах их историческую теорию. Развитие поэтических родов, в понимании Белинского, отражает историческое развитие общества и изменение человеческого сознания.

Историческая точка зрения позволила Белинскому дать в названной статье глубокий анализ эволюции отдельных поэтических родов и жанров. Но, как всегда, исторический анализ не является для Белинского самодовлеющей задачей. Он служит ему одновременно и средством для теоретической защиты поэтических форм современного искусства.

Высказывая свои взгляды на исторические условия возникновения древнего эпоса, Белинский очень близко подходит к позициям Маркса в этом вопросе. «Эпос,— пишет Белинский,— есть первый зрелый плод в сфере поэзии только что пробудившегося сознания народа. Эпопея может явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь еще не распалась на две противоположные стороны — поэзию и прозу, когда его история есть еще только предание, когда его понятия о мире суть еще религиозные представления, когда его сила, мощь и свежая деятельность проявляются только в героических подвигах» (VI, 87).

«Эпопея нашего времени,— говорит далее Белинский,— есть роман. В романе — все родовые и существенные признаки эпоса, с тою только разницею, что в романе господствуют иные элементы и иной колорит. Здесь уже не мифические размеры героической жизни, не колоссальные фигуры героев, здесь не действуют боги, но здесь идеализируются и подводятся под общий тип явления обыкновенной прозаической жизни» (VI, 92).

Роман для Белинского не является жанром, отражающим разложение эпической поэзии, распад классического идеала в искусстве. Напротив. Смена патриархальной эпической героики более противоречивой, но



БОЛЬШОЙ ТЕАТР В ПЕТЕРБУРГЕ

Литография Нури с рисунка Дица, 1840-е гг.

«Я видел „Роберта". Постановка—чудо...» «Посмейся надо мною: иногда умираю от жажды слышать музыку... Хочу зарядить ходить в оперу...» (из писем Белинского к В. П. Боткину от 9 февраля и 11 декабря 1840 г.)

Исторический музей, Москва

и более богатой, сложной и содержательной стихией современной общественной действительности означает для литературы весьма существенный шаг вперед с точки зрения расширения и углубления ее содержания.

«Сфера романа,— пишет Белинский, указывая на это историческое преимущество формы романа,— несравненно обширнее сферы эпической поэмы. Роман, как показывает самое его название, возник из новейшей цивилизации европейских народов, в эпоху человечества, когда все гражданские, общественные, семейные и вообще человеческие отношения сделались бесконечно многосложны и драматичны, жизнь разбежалась в глубину и ширину в бесконечном множестве элементов... На стороне романа еще и то великое преимущество, что его содержанием может служить и частная жизнь, которая никаким образом не могла служить содержанием греческой эпопеи...» (VI, 93).

Основные идеи, высказанные в «Разделении поэзии на роды и виды» в связи с обоснованием исторического значения романа как специфической для современности формы эпоса, Белинский повторил в 1842 г., в полемике с К. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Гоголя.

К. Аксаков объявил «Мертвые души» возрождением гомеровского эпоса, усматривая главнейшие черты творчества Гоголя не в его критическом пафосе, а в якобы присущих автору «Мертвых душ» эпической объективности, «спокойствии» и «полноте» миросозерцания. Белинский в своих статьях, направленных против К. Аксакова, доказывал принципиальную невозможность возрождения героического эпоса в условиях дворянского и буржуазного мира: «...думать, чтоб в наше время возможен древний эпос — это так же нелепо, как и думать, что в наше время человечество могло вновь сделаться из взрослого человека — ребенком, а думать так — значит быть чуждым всякого исторического созерцания и пустые фантазии праздного воображения выдавать за философские истины...» (VII, 430).

В противовес К. Аксакову, рассматривавшему роман в духе эпигонов идеалистической эстетики — как «искажение» эпоса, Белинский доказывал в своих статьях историческую закономерность возникновения формы романа как «критического» эпоса современной жизни.

«Древнеэллинский эпос,— писал Белинский, возражая К. Аксакову,— не мог не исказиться, будучи перенесен на Запад, особенно в новейшие времена. Древнеэллинский эпос мог существовать только для древних эллинов, как выражение и х жизни, и х содержания в и х форме. Для мира же нового его нечего было и воскрешать, ибо у мира нового есть своя жизнь, свое содержание и своя форма, следовательно, и свой эпос. И эпос нового мира явился преимущественно в р о м а н е, которого главное отличие от древнеэллинского эпоса, кроме христианских и других элементов новейшего мира, составляет еще и п р о з а ж и з н и, вошедшая в его содержание и чуждая древнеэллинскому эпосу. И потому роман отнюдь не есть искажение древнего эпоса, но есть эпос новейшего мира, исторически возникнувший и развившийся из самой жизни и сделавшийся зеркалом, как „Илиада“ и „Одиссея“ были зеркалом древней жизни» (VII, 428—429).

Итог своей длительной борьбе в защиту романа и повести, как жанров, наиболее ярко раскрывающих особенности реализма, Белинский подвел в своих статьях 1847—1848 гг. В статье о «Терезе Дюнойе» Э. Сю (1847) Белинский изложил сжато основные вехи исторического развития романа. Свой очерк он заключил теоретической характеристикой центральной задачи современного реалистического романа, определив ее как задачу «художественного анализа современного общества». «Не нужно особенно пристально вглядываться вообще в романы нашего времени, сколько-нибудь запечатленные истинным художественным достоинством,— писал Белинский,— чтобы увидеть, что их характер по преимуществу социяльный... Содержание романа — художественный анализ современного общества, раскрытие тех невидимых основ его, которые от него же самого скрыты привычкою и бессознательностию. Задача современного романа — воспроизведение действительности во всей ее нагой истине. И потому очень естественно, что роман завладел, исключительно перед всеми другими родами литературы, всеобщим вниманием. В нем общество видит свое зеркало и, через него, знакомится с самим собою, совершает великий акт самосознания» (X, 473—474).

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», возвращаясь к мыслям, впервые высказанным им на заре его литературной деятельности, Белинский почти в тех же словах сформулировал основные положения своих теоретических взглядов на роман и повесть.

«Роман и повесть,— писал здесь Белинский,— стали теперь во главе всех других родов поэзии. В них заключилась вся изящная литература, так что всякое другое произведение кажется при них чем-то исключительным и случайным. Причины этого — в самой сущности романа и повести, как рода поэзии. В них лучше, удобнее, нежели в каком-нибудь другом роде поэзии, вымысел сливается с действительностию, художественное изобретение смешивается с простым, лишь бы верным, списыванием с натуры. Роман и повесть, даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейского быта, могут быть представителями крайних пределов искусства, высшего творчества... Это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии; в нем талант чувствует себя безгранично свободным. В нем соединяются все другие роды поэзии — и лирика, как излияние чувств автора по поводу описываемого им события, и драматизм, как более яркий и рельефный способ заставлять высказываться данные характеры. Отступления, рассуждения, дидактика, нетерпимые в других родах поэзии, в романе и повести могут иметь законное место. Роман и повесть дают полный простор писателю в отношении преобладающего свойства его таланта, характера, вкуса, направления и т. д. Вот почему в последнее время так много романистов и повествователей» (XI, 109).

V

Теория реалистического романа и повести, так же как историческое обоснование их главенствующего положения в современной литературе, составляют одну из важнейших составных частей литературно-теоретических взглядов Белинского. Значительное место в них занимает также теория реалистической драмы, которую Белинский считал — наряду с романом и повестью — важнейшим жанром современной литературы.

«Есть еще третий род поэзии,— писал Белинский еще в 1835 г., в статье „О русской повести“,— который должен бы, в наше время, разделять владычество с романом и повестью: это — д р а м а, хотя ее успехи и заслонены успехами романа и повести» (II, 189).

Белинский выдвигал драму — вслед за романом и повестью — на первый план современной литературы как художественную форму, родственную по своему объективному характеру эпическим жанрам и поэтому могущую наряду с ними служить выражением «реальной» поэзии, поэзии прозаической общественной жизни. Одновременно Белинский указывал, в той же статье, на относительно бо̀льшую благоприятность условий для развития романа и повести по сравнению с драмой.

«Не знаю, почему,— писал он,— в наше время драма не оказывает таких больших успехов, как роман и повесть?..» И тут же, отвечая на поставленный вопрос, Белинский указывал, как на преимущество романа перед драмой с точки зрения потребностей современного искусства,— на бо̀льшую широту и гибкость формы романа. Последняя допускает — по характеристике Белинского — бо̀льшую свободу в сочетании поэтических и прозаических жизненных элементов и способна дать более многостороннюю и целостную картину общественной жизни.

«Может быть, роман удобнее для поэтического представления жизни. И в самом деле, его объем, его рамы до бесконечности неопределенны. Он менее горд, менее прихотлив, нежели драма, ибо, пленяя не столько частями и отрывками, сколько целым, допускает в себя и такие подробности, такие мелочи, которые при всей своей кажущейся ничтожности, если на них смотреть отдельно, имеют глубокий смысл и бездну поэзии в связи с целым, в общности сочинения; тогда как тесные рамки драмы, прямо или косвенно, больше или меньше, но всегда покоряющейся сценическим условиям, требуют особенной быстроты и живости в ходе дей-

ствия и не могут допускать в себя больших подробностей, ибо драма, преимущественно пред всеми родами поэзии, представляет жизнь человеческую в ее высшем и торжественнейшем проявлении. И так форма и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни, и вот, мне кажется, тайна его необыкновенного успеха, его безусловного владычества» (II, 198—199).

В отличие от романа и повести, специфическую сущность драмы, как рода поэзии, Белинский видел в том, что в драме на первое место выдвигается значение действия. По сравнению с романом и повестью (и с эпическим родом вообще) драма по своей природе предназначена к изображению действия, внешней, а также внутренней борьбы в их предельном, наиболее напряженном выражении. Поэтому центральную роль в драме играет коллизия — столкновение двух противоположных моральных или исторических сил.

«Драматизм, как поэтический элемент жизни,— неоднократно указывал Белинский,— заключается в столкновении и сшибке (коллизии) противоположно и враждебно направленных друг против друга идей, которые проявляются как страсть, как пафос» (XII, 148).

В «Разделении поэзии», указывая на бо̀льшую интенсивность действия в драме, Белинский отмечал в последней и бо̀льшую простоту построения и концентрацию действия по сравнению с эпосом.

«Драма,— писал Белинский, подчеркивая основное различие между эпосом и драмой,— не допускает в себя эпических изображений местности, происшествий, состояний, лиц, которые все сами должны быть перед нашим созерцанием. Требования самой народности в драме гораздо слабее, чем в эпопее: в „Гамлете“ мы видим Европу, и по духу и натуре лиц, Европу Северную, но не Данию, и притом в бог знает какую эпоху. Драма не допускает в себя никаких лирических излияний; лица должны высказывать себя в действии: это уже не ощущения и созерцания — это характеры. То, что̀ обыкновенно называется в драме лирическими местами, есть только энергия раздраженного характера, его п а ф о с, невольно окрыляющий речь особенным полетом; или тайная, сокровенная дума действующего лица, о которой нужно нам знать и которую поэт заставляет его д у м а т ь в с л у х. Действие драмы должно быть сосредоточено на одном интересе и быть чуждо побочных интересов. В романе, иное лицо может иметь место не столько по действительному участию в событии, сколько по оригинальному характеру; в драме не должно быть ни одного лица, которое не было бы необходимо в механизме ее хода и развития. Простота, немногосложность и единство действия (в смысле единства основной идеи) должно быть одним из главнейших условий драмы; в ней все должно быть направлено к одной цели, к одному намерению. Интерес драмы должен быть сосредоточен на главном лице, в судьбе которого выражается ее основная мысль» (VI, 104—105).

В конечном счете, различие между эпосом и драмой выражается для Белинского представлением о существенно ином принципе, определяющем отношение между героем и внешним миром. Эпос дает широкую картину внешнего мира и изображает поступки отдельных людей с точки зрения их общественной обусловленности и их взаимодействия со всей сложной цепью внешних, объективных условий. Напротив, драма дает изображение действия в моменты его высшего, предельного развития; поэтому условия, при которых совершаются поступки центрального героя, в ней получают значение, главным образом, как ряд сменяющих друг друга моментов, заставляющих героя самостоятельно определять свои действия. Таким образом, в драме центральный интерес переносится на свободную волю героя и его с а м о с т о я т е л ь н о е решение. «Несмотря на то,

что в драме, как в эпопее, есть *событие*, драма и эпопея диаметрально противоположны друг другу, по своей сущности. В эпопее господствует *событие*, в драме — *человек*. Герой эпоса — *происшествие*; герой драмы — *личность человеческая*... *Человек* есть герой драмы, и не *событие* владычествует в ней над *человеком*, но *человек* владычествует над *событием*, по свободной воле давая ему ту или другую развязку, тот или другой конец» (VI, 71). «Власть события становит героя драмы на распутии и приводит его в необходимость избрать один из двух совершенно противоположных друг другу путей для выхода из борьбы с самим собою; но решение в выборе пути зависит от героя драмы, а не от события» (VI, 74).

Если драма вообще призвана изображать жизненные действия в их наибольшей интенсивности и предназначена поэтому по своей природе для изображения решающих, переломных моментов личной и общественной жизни, то в трагедии находят свое выражение по преимуществу великие узловые проблемы социально-исторической борьбы. Поэтому драма и, в особенности, трагедия рассматриваются Белинским как вершина поэзии вообще. «Драматическая поэзия, — пишет Белинский, — есть высшая ступень развития поэзии и венец искусства, а трагедия есть высшая ступень и венец драматической поэзии» (VI, 108).

Так как содержанием трагедии являются великие нравственные и исторические проблемы общественной жизни в их непосредственном выражении, — то персонажами, наиболее соответствующими природе и задачам

ГАМЛЕТЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. Шекспира.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. В.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1828 ГОДА.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ГАМЛЕТА» В ПЕРЕВОДЕ М. ВРОНЧЕНКО, ИЗДАНИЕ 1828 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографом критика

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

трагедии, являются фигуры крупных исторических деятелей и вообще «героев, олицетворяющих собою субстанциональные силы, которыми держится нравственный мир... Только человек высшей природы может быть героем или жертвою трагедии: так бывает в самой действительности» (VI, 106—107).

Следует отметить, что цитируемое высказывание Белинского о героях трагедии еще отражает по своей форме влияние идеалистической философии истории и эстетики. Позднее Белинский смотрел на взаимоотношения исторических героев и рядовых участников исторического процесса гораздо более реалистически.

Выдвигая в качестве героев наиболее соответствующих природе трагедии лиц, являющихся носителями крупных движущих тенденций общественной жизни и исторической борьбы, Белинский критикует традиционное разделение трагедии на историческую и неисторическую с вытекающим из него ограничением круга трагических персонажей официальными героями истории. Не существует никакой принципиальной разницы,— доказывает Белинский,— являются ли герои трагедии официальными героями истории или вымышленными лицами,— при том условии, что эти последние выступают в качестве носителей крупных исторических и моральных тенденций, имеющих большое жизненное значение. «Разделение трагедии на историческую и неисторическую не имеет никакой существенной разницы... король Ричард II, мавр Отелло, аристократический юноша Ромео, афинский гражданин Тимон, имеют совершенно равное право занимать в ней первые места, потому что все они — равно герои» (VI, 108—109).

Белинский возражает также против абстрактной, ложной идеализации жизни в духе классицизма и защищает свободную, реалистическую концепцию трагедии, не исключающей изображения реальной жизненной обстановки и характеров, среди которых развертывается центральный трагический конфликт: «Поэзия и проза ходят об руку в жизни человеческой, а предмет трагедии есть жизнь во всей многосложности ее элементов. Правда, она сосредоточивает в себе только высшие, поэтические моменты жизни, но это относится только к герою, или героям трагедии, а не к остальным лицам, между которыми могут быть и злодеи, и добродетельные, и глупцы, и шуты, так как вся жизнь человеческая состоит в столкновении и взаимном воздействии друг на друга героев, злодеев, обыкновенных характеров, ничтожных людей и глупцов» (VI, 108).

Взгляды Белинского на трагедию испытали в своем развитии значительные изменения в связи с эволюцией критика от идеализма к материализму.

То же самое относится и к его концепции реалистической комедии. Первый — сжатый — очерк этой концепции дан уже в «Литературных мечтаниях» в связи с характеристикой «Горя от ума».

«К о м е д и я, по моему мнению,— писал здесь Белинский,— есть такая же драма, как и то, что обыкновенно называется т р а г е д и е ю; ее предмет есть представление жизни в противоречии с идеею жизни; ее элемент есть не то невинное остроумие, которое добродушно издевается над всем из одного желания позубоскалить; нет: ее элемент есть этот желчный г у м о р, это грозное негодование, которое не улыбается шутливо, а хохочет яростно, которое преследует ничтожество и эгоизм не эпиграммами, а сарказмами» (I, 372—373).

Эта концепция общественно-реалистической, обличительной комедии в следующий период идейного развития Белинского получает, однако, идеалистическую окраску. Продолжая защищать идеал серьезного и глубокого реалистического юмора, Белинский в своих статьях 1838—1840 гг.—

в духе идеалистической эстетики — резко разграничивает «объективное» и «субъективное» в искусстве, защищая идеал полной и абсолютной объективности и отрицая всякое непосредственное проявление субъективного чувства и сознательной протестующей мысли художника. Противоречия этой идеалистической концепции искусства отражаются в статье 1840 г. о «Горе от ума»: защищая здесь «Ревизора» Гоголя от реакционной критики, Белинский в то же время подходит к оценке «Горя от ума» с точки зрения абстрактных критериев идеалистической эстетики. Белинский не сумел оценить поэтому страстного обличительного духа комедии Грибоедова, критикуя ее за субъективность и дидактизм. Свое отношение в этой статье 1840 г. к комедии Грибоедова, в которой он не сумел увидеть и оценить страстного протеста против «гнусной расейской действительности» дворянско-крепостнической эпохи, Белинский беспощадно осудил в своем известном письме к Боткину от 10—11 декабря 1840 г.

Новую реалистическую концепцию обличительной комедии (являющуюся во многом возвращением к концепции, намеченной в «Литературных мечтаниях») Белинский дал в уже цитированной статье «Разделение поэзии на роды и виды».

Теорию комедии Белинский строил, опираясь, прежде всего, на анализ «Ревизора». В пьесе Гоголя он видел практическое осуществление нового, более высокого типа «художественной» реалистической комедии по сравнению с «дидактическими» комедиями XVII—XVIII вв. В отличие от «дидактической» комедии, в которой условная комическая интрига сочетается с открыто выраженным и подчеркнутым более или менее отвлеченным моральным «уроком», «художественная» комедия в духе Гоголя стремится вскрыть объективное внутреннее «противоречие явлений жизни с сущностью и назначением жизни».

Если комедии XVII—XVIII вв. осмеивали с моральной точки зрения отвлеченные «общечеловеческие» пороки, воплощенные в собирательных образах «скупого», «лицемера» и т. д., то «художественная» комедия в духе Гоголя изображает отдельных людей, как типических представителей общества. Критика у Гоголя направлена объективно не против отдельных лиц и отвлеченных пороков, но против всего политического и общественного строя дворянско-крепостнической России и порождаемых им общественных понятий и нравов. Уродство поступков и психологии его героев отражает уродство окружающего их и воспитавшего их общества.

Комическое освещение не привносится здесь автором со стороны в качестве отвлеченной, субъективной тенденции, но вытекает непосредственно из самой ситуации, развитие которой неизбежно приводит к моральному разоблачению героев, их психологии и изображаемого жизненного уклада.

Внешняя «объективность» «художественной» комедии предполагает, однако (как показывает теперь Белинский в противовес своему взгляду в период «примирения», нашедшему отражение в статье о «Горе от ума»), ее глубокую внутреннюю субъективность в смысле того, что в основе ее должен лежать глубокий и светлый гуманистический идеал, который и дает силу и страсть пафосу общественного отрицания и критики.

«В основании истинно-художественной комедии,— пишет Белинский,— лежит глубочайший юмор. Личности поэта в ней не видно только по наружности; но его субъективное созерцание жизни, как arrière-pensée, непосредственно присутствует в ней, и из-за животных, искаженных лиц, выведенных в комедии, мерещатся вам другие лица, прекрасные и человеческие, и смех ваш отзывается не веселостью, а горечью и болезненностию...» (VI, 112).

VI

«Чем отличается лиризм нашего времени от лиризма древних?»— спрашивал Белинский в статье «О русской повести и повестях Гоголя», переходя после анализа романа и драмы к анализу современной лирики, и отвечал: «У них, как я уже сказал, это было безотчетное излияние восторга, происходившего от полноты и избытка внутренней жизни, пробуждавшегося при сознании своего бытия и воззрения на внешний мир и выражавшегося в молитве и песне...Для нас наша жизнь, сознание нашего бытия есть более задача, которую мы ищем решить, нежели дар, которым бы мы спешили пользоваться... Лирический поэт нашего времени более грустит и жалуется, нежели восхищается и радуется, более спрашивает и исследует, нежели безотчетно восклицает. Его песня — жалоба, его ода — вопрос... Мысль — вот предмет его вдохновения...» (II, 195—196).

Эта замечательная характеристика лирической поэзии XIX в. находится, как нетрудно видеть, в теснейшей связи с развиваемой Белинским теорией реалистического искусства. Подобно тому как, анализируя историю повествовательных жанров, Белинский исходил из идеи различия между «реальной» поэзией современного мира и «идеальной» поэзией прошлого, так в основу своего учения о лирической поэзии Белинский кладет аналогичную идею различия между современной лирикой и лирикой древних народов.

Современная лирика — по характеристике молодого Белинского — является лирикой нового исторического типа по сравнению с античной и средневековой лирикой. В то время как доминирующим настроением, лежавшим в основе античной лирики, было чувство радостной «полноты и избытка внутренней жизни», пафос современной лирики составляют «мысль», «вопрос», т. е. выражение неудовлетворенности поэта современной жизнью, напряженных поисков ответа на ее запросы, выражение сознательного, субъективного отношения к действительности.

Идеал современной лирики, намеченный Белинским в 1835 г. в статье «О русской повести и повестях Гоголя», не мог получить своего дальнейшего развития и углубления в статьях периода «примирения с действительностью»: он противоречил идеалистическому характеру взглядов Белинского этого периода. Рассматривая в своих статьях 1838—1840 гг. объективную действительность — в духе идеалистической философии — как непосредственное осуществление идеалов разума, Белинский должен был логически притти к отрицанию страстного, субъективного отношения к жизни в искусстве, а следовательно, и к отрицанию лирики, выражающей чувства субъективного недовольства и протеста против существующего порядка жизни. Свое крайнее выражение идеалистическая точка зрения на современную лирику, как на гармоническое созерцание и поэтическое прославление «разумной действительности», получила в статье Белинского о Менцеле (1840).

После отказа Белинского в 1840—1841 гг. от «примирения с действительностью» у нашего критика оформляется новая, революционная концепция современной лирики, значительно развивающая и углубляющая идеи ранних его статей. Ее разработке несомненно способствовало творчество Лермонтова, ряд лучших стихотворений которого появляется в печати в это же время. Концепция революционной лирики развернута Белинским в статьях 1841 г. о стихотворениях Лермонтова и «Разделении поэзии на роды и виды», а также в статьях 1842 г. о Майкове, Полежаеве и Баратынском.

Белинский защищает в этих статьях идеал лирической поэзии, отражающей историческое сознание современного общества, его прогрессивные стремления, борьбу передовой демократической и социалистической

мысли с реакционными силами, задерживающими историческое развитие. Современная лирическая поэзия должна — по мысли Белинского — служить общей задаче прогрессивного искусства современности, назначение которого критик видит теперь в «осуществлении в изящных образах современного сознания, современной думы о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия» (VII, 306). Белинский горячо приветствует Лермонтова как поэта, пафос которого заключается «в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности» (VIII, 200).

Белинский защищает право современной лирики — как и всего современного искусства — на неограниченную свободу и широту жизненного содержания. «Все о б щ е е, все субстанциальное, всякая идея, всякая мысль...— пишет он в статье «Разделение поэзии на роды и виды»,— могут составить содержание лирического произведения... Все, что занимает, волнует, радует, печалит, услаждает, мучит, успокоивает, тревожит, словом, все, что̀ составляет содержание духовной жизни субъекта, все, что̀ входит в него, возникает в нем,— все это приемлется лирикою, как законное ее достояние» (VI, 98).

«Преобладание внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных,— писал Белинский в статье о стихотворениях Лермонтова,— есть признак ограниченности таланта. У них субъективность означает выражение личности, которая всегда ограниченна, если является отдельно от общего... В таланте великом избыток внутреннего, субъективного элемента есть признак гуманности. Не бойтесь этого направления: оно не обманет вас, не введет вас в заблуждение. Великий поэт, говоря о самом себе, о своем *я*, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою и видит в нем не только п о э т а, но и ч е л о в е к а, брата своего по человечеству. Признавая его существом несравненно высшим себя, всякий в то же время сознает свое родство с ним» (VI, 38—39).

В тесной связи с положительной оценкой «субъективного», активно-протестующего начала в поэзии, стоит та — новая для Белинского — общая оценка лирической стихии в литературе, которую дает Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды», написанной и опубликованной непосредственно вслед за статьей о Лермонтове. Исходя из высокой оценки субъективного, лирического начала в искусстве, Белинский усматривает теперь в лирике не только отдельный поэтический род, но одновременно и общую внутреннюю стихию поэзии, ее «душу», присутствие которой должно ощущаться во всех поэтических родах.

«Лирика,— пишет Белинский,— есть жизнь и душа всякой поэзии; лирика есть поэзия по преимуществу, есть поэзия поэзии... Посему лиризм, существуя сам по себе, как отдельный род поэзии, входит во все другие, как стихия, живит их, как огонь прометеев живит все создания Зевеса... Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно-равнодушны к своему содержанию; точно так же, как они становятся медленны, неподвижны и бедны действием, как скоро лиризм делается преобладающим элементом их» (VI, 69).

Эстетика Белинского признает необходимость «лирического элемента» в романе и драме, а также синтеза эпоса и драмы в современном романе. Современное искусство,— доказывает Белинский,— не может довольствоваться ролью спокойного и бесстрастного зеркального отображения жизни. Оно должно провести через изображаемую картину современной общественной жизни гневную и протестующую мысль, страстное стремление к передовому общественному идеалу. Поэтому в новейшем искусстве «эпическое произведение не только ничего не теряет из своего достоинства, когда в него входит драматический элемент, но еще много выигры-

вает от этого» (VI, 76). Задача воплощения передовых идеалов современного реалистического искусства требует от художника, чтобы он ставил в центр своих произведений наиболее напряженные, драматические моменты современной жизни и вносил в их изображение протестующее и зовущее к действию лирическое начало, «ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовно-личную самостию, ту субъективность, которая не допускает его с апатическим равнодушием быть чуждым миру, им рисуемому, но заставляет его проводить через свою душу живу явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живу...» (VII, 253—254).

VII

Идея реализма в эстетике Белинского была неразрывно связана с идеей народности литературы и искусства. В борьбе за народность литературы уже с первых шагов деятельности великого критика проявились его творческая самостоятельность, глубина и демократизм его общественной мысли.

Идея необходимой связи искусства и литературы с национальной жизнью, с народностью, возникла на Западе в конце XVIII и начале XIX в., в качестве одной из форм протеста против абстрактного неисторического характера литературной теории классицизма. Но между постановкой проблемы народности литературы и искусства на Западе и ее постановкой у русских революционных демократов XIX в., начиная с Белинского, существует огромное различие. Гердер и его ученики в Германии периода «бури и натиска», а также западноевропейские романтики начала XIX в. в своих представлениях о народности исходили из идеализации исторического прошлого европейских народов. Национальность в их глазах воплощалась в народной старине с ее патриархальными нравами и обычаями, в героических образах народного эпоса и национальной истории, в анонимных памятниках средневекового искусства и художественного ремесла. Романтическое увлечение национальным прошлым, древней или средневековой культурой, стремление восстановить развитие старых форм культуры и искусства европейских народов, прерванное последующей эпохой,—составляют одну из характерных особенностей всех буржуазно-демократических и национально-освободительных движений XIX в. на Западе после французской буржуазной революции. Оно проявилось в одинаковой степени — хотя и в весьма различных формах — в начале XIX в. и в Германии в период немецкого романтизма, и во Франции 20—30-х годов, и в Испании, и в Греции в период греческого восстания.

Отождествляя народность искусства и литературы с их близостью к национальной старине, к символам и традициям народного прошлого, романтическая эстетика и критика нередко в ходе своего развития вырождались в реакционную защиту провинциализма и национальной замкнутости, в слепую вражду к общественному прогрессу. Романтики толкали искусство и литературу на путь художественной стилизации. Они видели путь, ведущий к созданию национальной поэзии, в искусственном возрождении мировоззрения и стиля искусства прошлых эпох. У реакционных романтиков (и у славянофилов в России) защита национальной традиции превращалась в свою прямую противоположность. Она вела к утрате живой связи с действительностью, к борьбе против подлинно-национального демократического искусства.

Идея народности у русских революционных демократов XIX в. имеет совершенно иной смысл. Белинский и Герцен, Чернышевский и Добро-

любов были великими патриотами, глубоко и искренне гордившимися историей России и ее культурными и художественными ценностями. Но, в отличие от западноевропейских романтиков, Белинский и другие представители русской революционной демократии XIX в. остались навсегда чуждыми идеализации прошлых, исторически-отживших форм русской общественной жизни и культуры и не связывали с ними своего идеала народности. Они искали его не в прошлом своего народа, а в его будущем. Воплощением народности для Белинского, в первую очередь, являлись не исторические традиций прошлого, но жизнь и интересы народа в настоящую эпоху и его передовые, революционные стремления. Залог великого исторического будущего демократической России Белинский видит в способности русской культуры к прогрессу, в ее постоянном стремлении к высшим ступеням и идеалам общественного развития.

Итог своим взглядам на проблему народности Белинский подвел в полемике со славянофилами в своей гениальной статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Пророчески предвосхищая в этой статье великое будущее демократической России, Белинский указывал как на историческое преимущество России перед буржуазными странами Запада,— на то, что последние уже выработали высший «цвет и плод» своей национальной жизни, для России же эпоха осуществления всего масштаба ее великих исторических возможностей еще находится впереди. «В этом отношении Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвет и плод» (X, 400). В России лишь следующая историческая эпоха, эпоха «внуков» и «правнуков» поколения Белинского осуществит — по гениальному предвидению великого критика — полную меру тех возможностей, которые заложены в русской культуре, и покажет историческое значение русской народности во всем его объеме. «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении... Мы сложились в крепкое и могучее государство, и, как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль,— об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...» (X, 401). В этих замечательных словах Белинского заключена сущность взглядов великого критика на настоящее и будущее России и отражается вся гениальность его прогноза.

Революционно-демократический общественный идеал Белинского не имеет ничего общего ни со славянофильской идеализацией средневековья, ни с либерально-дворянским (или буржуазным) европеизмом, с его слепым преклонением перед буржуазным Западом и высокомерно-презрительным отношением к особенностям и традициям русской национальной культуры. Белинский требует революционной критики не только крепостнических устоев России, но и всего того «европейского», в чем нет «человеческого». Реальная правда в воспроизведении действительной народной жизни, *единство народности и реализма* как принцип художественного изображения — таково принципиально новое содержание, которое вкладывает Белинский в свое понимание народности. «*Наша народность*,—говорит Белинский в «Литературных мечтаниях» об этом первом, принципиальном условии подлинной демократической народности литературы,— *состоит в верности изображения картин русской жизни*» (I, 386).

В этих словах Белинский наметил совершенно иную перспективу для национального литературного развития, чем теоретики романтической народности. Путь к народности литературы Белинский видел, прежде всего, в сближении ее с современной общественной жизнью народа, с его интересами и революционными стремлениями. Народность искусства и литературы для Белинского неразлучна с правдой, с глубоким пониманием действительности, с внимательным отношением к потребностям и интересам народных масс, со служением искусства народу. Лишь реалистически воспроизводя народную жизнь во всей ее действительной исторической сложности, проникаясь ее внутренним духом, ее живыми потребностями и стремлениями, литература и искусство могут, с точки зрения Белинского, получить реальный, а не призрачный «отпечаток народной физиономии», «тип народного духа и народной жизни».

Так на место романтического идеала народности, опирающегося на идеализацию старых, традиционных общественных и культурных ценностей, созданных европейскими народами в прошлом, Белинский выдвигает иное понятие народности (ставшее классическим для русской литературы XIX в.). Оно объединяет идеал реалистической правды в понимании и изображении народной жизни, интересов и потребностей народа с активным стремлением, путем неустанной пропаганды и самокритики, способствовать повышению уровня национальной жизни и ее передового общественного содержания.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛИНСКОГО

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЕ ТЕКСТЫ БЕЛИНСКОГО

Публикации К. Богаевской, В. Жирмунского, Ю. Масанова, С. Машинского, Э. Найдича, М. Полякова, Н. Соколова и В. Спиридонова

Сочинения Белинского до сих пор не имеют издания действительно полного по составу и удовлетворительного по правильности и авторитетности текстов. Мы до сих пор не располагаем, например, точным, критически установленным текстом «Письма Белинского к Гоголю» — литературно-политического документа, названного Лениным «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати» в России.

Первое собрание сочинений Белинского, так называемое «солдатенковское», появилось в 1859—1862 гг., т. е. более чем через десятилетие со дня смерти критика. Раньше оно и не могло появиться. В обстановке крайней реакции и жандармского террора последних лет царствования Николая I имя Белинского не только вызывало ненависть со стороны правительственных и консервативных кругов и трусливую осторожность со стороны либеральных «друзей» критика, но и официально находилось под запретом. В эти годы, особенно во время «дела петрашевцев», когда былая связь с Белинским могла явиться поводом для серьезной политической компрометации, было уничтожено много рукописей критика — его писем и произведений. Это была плохая «подготовка» к первому изданию собрания его сочинений, ставшему возможным лишь после смерти Николая I, в новых исторических условиях — мощного демократического подъема и революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х годов.

Главное участие в подготовке и редактировании первого издания сочинений Белинского приняли близко стоявшие к его литературной деятельности Н. Х. Кетчер и А. Д. Галахов. Корпус сочинений Белинского был установлен ими отчасти по памяти, отчасти по сохранившимся рукописям, отчасти, наконец, по так называемым «галаховским реестрам», т. е. записям книг, которые Галахов отбирал (в Москве) для рецензирования в изданиях Краевского и распределял среди авторов.

Цензурные условия эпохи и полная неразработанность литературного наследия Белинского в ту пору исключали, разумеется, для «солдатенковского» издания принцип хотя бы относительной полноты собрания. Что касается вопросов собственно подготовки текстов, то и здесь указанные причины, к которым следует добавить также примитивность текстологических требований эпохи, в полной мере сохраняли свое отрицательное действие. Кетчеру удалось устранить из первопечатных журнальных публикаций ряд цензурных искажений, а также снять кое-где редакторскую правку Краевского. Следы этой текстологической работы Кетчера сохранились, например, в рукописи рецензии Белинского на книгу Николая Полевого «Русская история для первоначального чтения» (ЦГАДА). Но, с другой стороны, Кетчер счел возможным опустить в статьях Белинского некоторые общие рассуждения и цитаты и вовсе не ввел в собрание свыше 400 рецензий «по незначительности» их содержания (оговорив это, впрочем, в особых списках, приложенных к каждому тому).

Первым опытом полного собрания сочинений Белинского явилось монументальное одиннадцатитомное издание 1900—1917 гг. под редакцией С. А. Венгерова. Материалы этого издания намного превзошли те, которыми располагало первое «солдатенковское» собрание. Однако и «венгеровское» издание не только не дало действительно

полного собрания сочинений Белинского, но и оказалось не свободным от ошибок включения многих чужих, не принадлежащих критику текстов (историю издания и краткую оценку его см. в предисловии к XII тому, вышедшему уже под редакцией В. С. Спиридонова).

Новые и неограниченные возможности для подлинно научной разработки литературного наследия Белинского открылись лишь в советское время. Одной из ответственнейших проблем этой разработки была и остается проблема установления подлинного объема наследия великого критика, в частности, определение его авторства в отношении анонимных журнальных статей и рецензий, рукописи которых не сохранились или до сих пор не обнаружены. Известно, что критические статьи и рецензии Белинского печатались при его жизни без подписи. Единичны случаи, когда они появлялись за его полным именем, инициалами или сокращенной фамилией, число же сохранившихся рукописей критика — относительно невелико. В этих условиях задача установления полного объема всего напечатанного Белинским может быть решена лишь на основе специального обследования литературно-критических текстов тех журналов и изданий, в которых сотрудничал критик.

За истекшее тридцатилетие усилиями советских литературоведов и в первую очередь В. С. Спиридонова была произведена фундаментальная работа по выявлению новых журнальных текстов Белинского. О масштабах и результатах ее выразительно свидетельствует содержание редактированных В. С. Спиридоновым двух дополнительных томов к «венгеровскому» изданию — XII и XIII. В них напечатано с т о д е в я т н а д ц а т ь литературно-критических текстов Белинского — статей, рецензий, заметок и театральных обзоров,— остававшихся ранее неизвестными и не входивших в собрание сочинений критика.

Выдающийся научный вклад В. С. Спиридонова, предшествующая работа С. А. Венгерова и достижения ряда других исследователей создали необходимые предпосылки для того, чтобы требование полноты оказалось главным принципом, легшим в основу уже осуществляемого ныне Институтом литературы АН СССР (Пушкинским Домом) академического собрания сочинений Белинского — первого действительно полного собрания всех его текстов, проверенных и очищенных от наслоившихся ошибок и цензурных искажений.

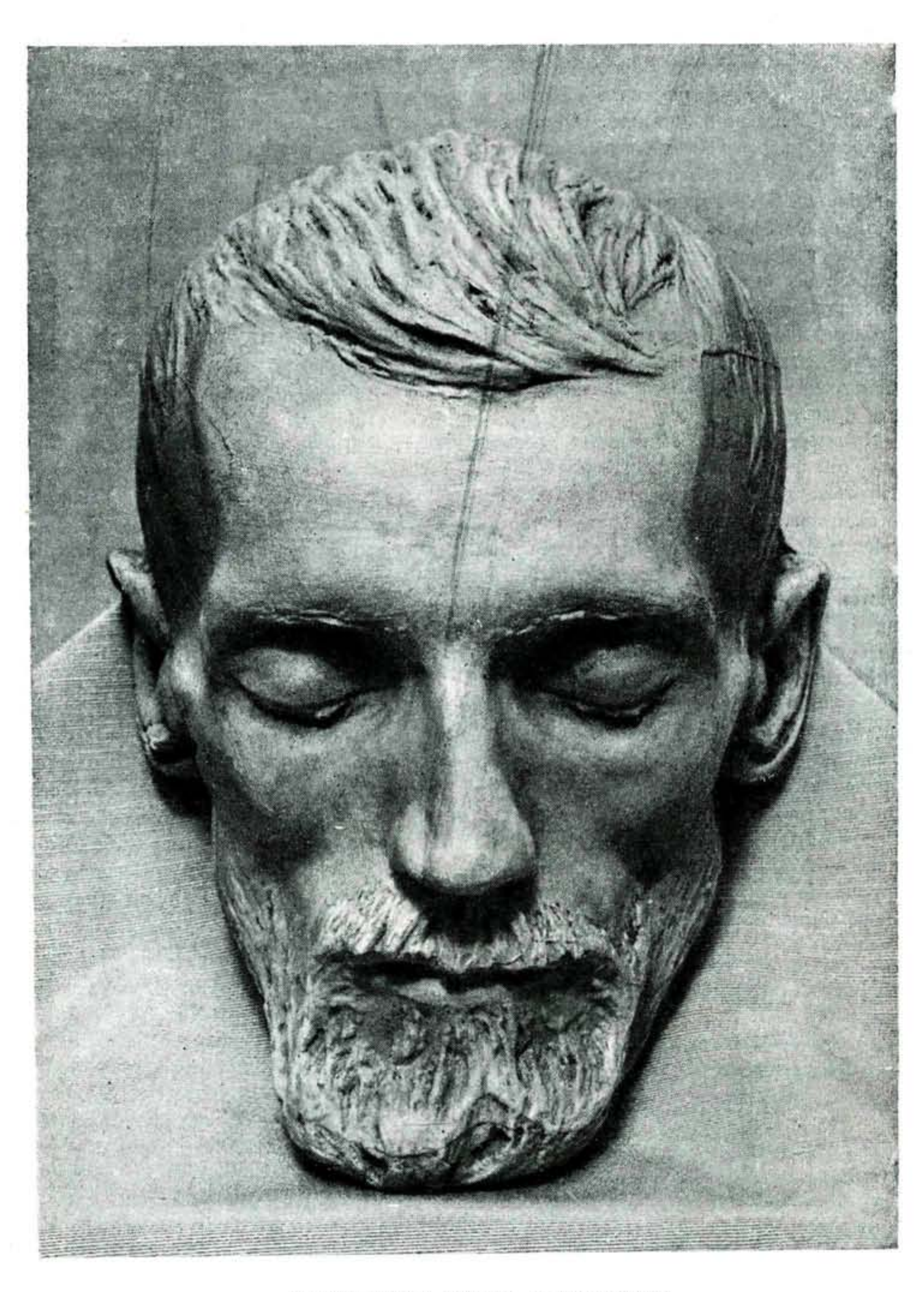
Очевидно, однако, что достигнутые советским литературоведением результаты в области, о которой идет речь, далеко еще не исчерпывают в с е г о «неоткрытого Белинского». Дальнейшее углубленное изучение журналов эпохи, а также вовлечение в круг исследования новых архивных материалов, так же как и не учитывавшихся до сих пор, ранее опубликованных документальных данных, позволят, без сомнения, открыть еще много неизвестных страниц великого критика. Доказательством этому служит, в частности, и настоящая публикация.

Ниже мы печатаем 25 новых статей, рецензий и заметок Белинского, из которых лишь одно произведение (студенческое сочинение «Рассуждение ⟨о воспитании⟩») печатается по автографической рукописи, а остальные 24 извлечены из различных повременных изданий, где эти тексты были напечатаны анонимно и принадлежность которых критику устанавливается здесь впервые. Сверх того, в комментарии к публикации № 19 подтверждается авторство Белинского в отношении еще одной рецензии, хотя и вошедшей в «венгеровское» издание (VII, 266—268), но лишь в порядке dubia.

Два заключительных сообщения настоящего раздела посвящены критической проверке принадлежности Белинскому некоторых текстов, давно входящих в собрание его сочинений. Общие результаты этой проверки заставляют и с к л ю ч и т ь из сочинений критика, как не принадлежащие ему, три рецензии и в з я т ь п о д с о м н е н и е (перевести в отдел dubia) еще три рецензии.

Очевидно, таким образом, что материалы, вводимые в исследовательский оборот настоящей публикацией, представляют известное достижение на пути решения ответственной задачи установления полного объема литературно-критического наследия Белинского.

Конкретная характеристика публикуемых текстов, охватывающих весь период литературной деятельности Белинского от 1829 до 1846 гг., оценка их принципиаль-



ПОСМЕРТНАЯ МАСКА БЕЛИНСКОГО
Гипс работы Гринмана, 1848 г.
Исторический музей, Москва

ного значения для расширения наших представлений о великом критике, даются, отчасти, в сопровождающих публикацию комментариях, хотя основная задача этих последних — атрибуционная.

Новые материалы устанавливают, прежде всего, ряд неизвестных до сих пор фактов в литературной биографии критика (более активное, чем это представлялось до сих пор, сотрудничество в «Литературной газете» 1841 г., появление статьи Белинского в майской книжке «Отеч. записок» в 1846 г., т. е. уже спустя долгое время после разрыва критика с Краевским и ухода из журнала, и др.). Новые тексты дают, далее, дополнительный и в ряде случаев весьма яркий материал для изучения борьбы Белинского за передовое мировоззрение, за художественный реализм и подлинно-исторический метод в разработке современных ему историко-литературных проблем (статьи и рецензии о Ф. Глинке, Н. Полевом, «Живописном обозрении», «Северной пчеле», «Пантеоне русского и всех европейских театров», «Москвитянине» и др.). В этих неизвестных доселе страницах Белинского мы находим, наконец, новые и замечательные характеристики, отзывы и замечания критика, относящиеся к литературной деятельности ряда крупнейших писателей как русских, так и иностранных (отзывы о Карамзине, Лермонтове, Даниэле Дефо, Гете и др.).

Принадлежность Белинскому публикуемых статей и рецензий из «Молвы», «Литературной газеты» и «Отечественных записок» устанавливается как при помощи вновь открытых документально-архивных свидетельств (№ 8), так и методом обычного в таких случаях текстологического анализа и изучения атрибутируемых текстов по существу. Отсутствие прямых объективных доказательств авторства того или иного писателя прошлого в отношении приписываемых ему позднейшими исследователями текстов неизбежно оставляет известную и, так сказать, принципиальную долю сомнения в бесспорности таких атрибуций. Все же редакция «Литературного наследства» считает, что представляемые ниже атрибуции являются в достаточной мере обоснованными и поэтому убедительными.

Публикуя результаты отдельных исследовательских разысканий в области установления анонимных статей Белинского, редакция «Литературного наследства» дает тем самым возможность широкого научного обсуждения этих результатов. Исследователи творчества Белинского получают возможность рассмотреть убедительность представленных доказательств, быть может, дополнить или, наоборот, оспорить их кое в чем. Предварительная публикация вновь открытых 25 статей, рецензий и заметок Белинского — необходимый этап, предшествующий ответственному акту окончательного включения этих текстов в академическое, т. е. самое полное и наиболее авторитетное собрание сочинений критика.

Редакция

НЕИЗДАННАЯ РУКОПИСЬ СТУДЕНЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ БЕЛИНСКОГО

РАССУЖДЕНИЕ

П. Л. ДОБРОЕ ВОСПИТАНИЕ ВСЕГО НУЖНЕЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Рассматривая человека со стороны нравственной, мы видим, что он родится не разумным, но только способным быть разумным, и чтоб быть таковым, ему нужен продолжительный опыт. По свойству своей бессмертной души он одарен способностями, по сложению своего тела он имеет страсти. Способности человека от обстоятельств могут или развертываться и усовершенствоваться, или заглушаться и тупеть. Страсти человека делятся на благородные и низкие. Первые из них, направленные к доброй цели, управляемые рассудком, делают человека благороднейшим и отличнейшим от существ обыкновенных [и низких], коим неизвестны чувствования душ возвышенных. Они служат ему побуждением и орудием к произведению великих действий. Впрочем, и самые благородные страсти, ежели они имеют ложное направление, если кипящее их стремление не обуздывается силою рассудка — суть не что иное как фанатизм и следствия их так же вредны, так же пагубны [как] и следствия * страстей низких.

Мы выше сказали, что человек имеет только способность и средства быть разумным. Младенец — сей новый житель мира — ни о чем не имеет понятия: он выходит из рук природы совершенно ничего незнающим, неимеющим идей и едва чувствующим собственное свое бытие и то только со стороны физической. Чтобы сделаться существом разумным, он должен вполне удовлетворять этой сильной страсти любопытства, этой неутомимой жажде познаний, которые вложены в него самою природою; должен изощрять, образовывать свои способности.

По сему от хода обстоятельств человек может умом своим или уподобиться ангелам и возвышаться мыслями подобно орлу быстропарящему — или быть подобным бессловесным животным и пресмыкаться в прахе, подобно червю презренному.

Человек, чтобы достигнуть возможного совершенства, должен** просветить свою душу науками и возвысить оную теми благородными, возвышенными впечатлениями, которые доставляются Изящными Искусствами. Чтобы дать страстям доброе направление, образовать сердце, просветить ум, нужно хорошее воспитание.*** Впрочем, человеку для достижения возможного совершенства сего еще мало; он должен знать свои отношения к ближним, различные обязанности в рас-

* *Первоначально:* как и действия

** *Первоначально:* Чтобы человеку достигнуть возможного совершенства, он должен

*** *Первоначально:* Чтобы дать страстям его благородное направление и образовать сердце, нужно доброе воспитание.

суждении оных. Он должен знать общие обычаи своего отечества и частные условия общества, среди которого находится. Кто живет в оном, кто имеет с людьми сношения, в груди кого горит чистое, святое пламя любви к подобным себе, тот и сам желает, чтобы его любили. Часто случается, что и самый просвещенный и даже добродетельный человек, не знающий сих * условий света, не имеющий сей утонченности в обращении, которые отличают человека истинно-воспитанного от других, при всей своей любви к людям нередко отвращает их от себя; часто самые добрые его поступки принимаются за худые, и желание сделать добро — за намерение причинить зло. Всё это может произойти от недостатка воспитания. Впрочем под словом воспитание я разумею не одно пустое знание светских приличий; нет: просвещение ума, образование сердца и соединенная с оными утонченность обращения — вот что составляет истинно доброе воспитание. Отнимите хотя одно из этих трех условий его,** и здание оного разрушится.

Счастливы те молодые люди, которые имеют случай под руководством опытных, ученых, добродетельных и образованных наставников усовершенствовывать себя и предуготовить *** к опасному, хотя и весьма непродолжительному пути по трудной дороге жизни. Но стократ счастливее, если они, чувствуя пользу доброго воспитания, своим стремлением к усовершенствованию, своею ревностию приближиться к предположенной цели, облегчают труды своих наставников. Какие неоцененные блага доставляет человеку доброе воспитание как нравственное, так и физическое! Какие выгоды доставляет оно ему в общежитии! Сравните человека грубого, необразованного с человеком воспитанным. Первый при самой доброте своего сердца, раздражая своею грубою, неуместною откровенностию самолюбие людей, отвращает их от себя и возбуждает их к себе ненависть. Второй же, не оскорбляя их самолюбия, дает им смелые уроки и при всем том невольно привлекает**** к себе любовь их. Нравственному воспитанию человек обязан тем просвещением, тем образованием, тем благородством в поступках, тою утонченностию в обращении, тою нежностию, тою добротою, которые отличают его от людей невежественных, ослепленных предрассудками, от людей грубых, необразованных.***** Физическое воспитание должно быть соединено с нравственным. Оно доставляет крепость телу, дает ему ловкость, гибкость, приятность в движениях, предохраняет человека от болезней и делает здоровым до самой смерти.****** Древние Персы ******* нравственное воспитание детей своих всегда соединяли с физическим.

Словом: воспитание есть первое благо человека, первая необходимость: от него зависит судьба всей его жизни. От воспитания он может сделаться добродетельным Сократом или [злобным и] развращенным Нероном. [Рассмотрим причины сего положения].

Первые впечатления всегда живо и сильно поражают душу младенца: они долго сохраняются в ней и действуют на всю нравственную жизнь его.

---

* *Первоначально:* сам

** *Первоначально:* а. условий воспитания. б. условий оного

*** *Первоначально:* приготовить

**** *Первоначально:* привлекает невольно

***** *Первоначально:* Нравственному воспитанию человек обязан тому просвещению, тому образованию, тому благородству в поступках, той утонченности в обращении, той нежности, той доброте, которые отличают его от людей, погруженных в тьму невежества и ослепленных гибельными предрассудками, от людей грубых, необразованных

****** *Первоначально:* предохраняет человека от болезней и продолжает <?> здравие его до самой смерти.

******* *Подчеркнуто на полях карандашом и написано неизвестной рукой:* Греки?

Разсужденіе.

П. 1. Доброе воспитаніе всего нужнѣе для молодыхъ людей.

Разсматривая человѣка со стороны нравственной, мы видимъ, что онъ родится не разумнымъ, но только способнымъ быть разумнымъ, и чтобъ быть таковымъ, ему нуженъ продолжительный опытъ. По свойству своей безсмертной души онъ одаренъ способностями, по сложенію своего тѣла онъ имѣетъ страсти. Способности человѣка отъ обстоятельствъ могутъ или развертываться и усовершенствоваться, или заглушаться и глохнуть. Страсти человѣка дѣлятся на благородныя и низкія. Первыя изъ нихъ, направленныя къ доброй цѣли, управляемыя разсудкомъ, дѣлаютъ человѣка благороднѣйшимъ и отличнѣйшимъ отъ существъ обыкновенныхъ, [illegible], коимъ неизвѣстны чувствованія душъ возвышенныхъ. Онѣ служатъ ему побужденіемъ и

[illegible] эти робкіе бѣдные, эти подлые, низкіе рабы своихъ [illegible] деспотовъ, предъ которыми они [illegible] съ праха? Каждому Персіянину съ самыхъ юныхъ лѣтъ внушаемы были чувства рабства и униженія, которыя превращаютъ въ самую природу и составляютъ отличительный характеръ Персовъ. 2

И такъ, доброе воспитаніе въ частности есть первое благо всякаго молодаго человѣка, основаніе всѣхъ его добродѣтелей, источникъ его щастія; въ общности же оно есть подпора всѣхъ политическихъ обществъ, источникъ народнаго благосостоянія, и по тому доброе воспитаніе всего нужнѣе для всякаго молодаго человѣка.

Виссаріонъ Бѣлинскій.

1829 года, декабря 12 дня.

АВТОГРАФ СТУДЕНЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ БЕЛИНСКОГО «РАССУЖДЕНИЕ ‹О ВОСПИТАНИИ›», 1829 г.
Листы первый и последний
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Счастлив он, ежели первые впечатления его были благородны, если первый очарователь его была святая добродетель; но горе, горе ему, ежели гнусные, отвратительные картины порока первые пленили его неопытную душу, его младое сердце! [Всегдашние] несчастия, от развращения и порока происходящие, будут преследовать его до самой смерти; ненависть и презрение будут спутниками его жизни. Доброе воспитание! [только] ты одно, предохраняя юную душу младенца от вредных впечатлений, пленяя ее высокими образцами добродетели, можешь сделать его истинно счастливым. Ты одно можешь удалить от взоров его картины подлые, низкие и очаровать оные картинами благородными, изящными: словом, одно ты производишь людей добродетельными и делаешь их счастливыми.

Воспитание юношества имеет большое влияние на судьбу целых политических обществ. Оно или образует истинных верных сынов Отечества, или производит бесполезных членов [ни к чему негодных]. История народов то доказывает. Могли ли древние Греки не победить Персов, когда каждый Грек с самого своего младенчества питался высокими и благородными впечатлениями, когда с самых юных дней дыханием его была — свобода; душою — любовь к родине; мыслию — слава; когда душа его была возвышена выше сферы чувства обыкновенных? Могли ли им противостоять * эти раболепные Персы, эти подлые, низкие рабы своих жестоких деспотов, пред которыми они пресмыкались в прахе? Каждому Персиянину с самых юных лет внушаемы были чувства рабства и унижения, которые превращались в самую природу и составляли отличительный характер Персов.

Итак доброе воспитание в частности есть первое благо всякого молодого человека, основание всех его добродетелей, источник его щастия; в общности же оно есть подпора всех политических обществ, источник народного благосостояния, и потому доброе воспитание всего нужнее для [всякого] молодого человека.

Виссарион Белинский

1829 года. Декабря 12 дня.

Эпопея есть стихотворное повествование, где в лице главного героя и в границах единого происшествия обнаруживаются в одно время свойства, нравы и слава целого народа.

Драматическая Поэзия есть постоянное обращение ума человеческого на борение страстей с рассудком.

〈Автограф. ИЛИ АН СССР. Архив редакции «Русской старины»〉.

В 1875 г. в редакцию «Русской старины» вместе с 42 письмами Белинского к родителям и братьям (за 1829—1834 гг.), полученными от кн. Н. Н. Енгалычева, поступила рукопись студенческого сочинения Белинского — его «Рассуждение» о воспитании.

Редакция «Русской старины», не считая нужным полностью опубликовать все имеющиеся в ее распоряжении материалы, дала лишь подробное изложение писем Белинского с довольно обширными извлечениями из них и с краткими разъяснениями. Еще хуже поступила редакция «Русской старины» с «Рассуждением» о воспитании. «Рассуждение» оказалось не только не напечатанным полностью, но не было опубликовано даже точное его заглавие, не отмечена была и точная дата его написания. Все данные, касающиеся «Рассуждения», ограничивались следующими строками:

«Имеющееся у нас в подлиннике, руки Белинского, „Рассуждение" о воспитании написано в первый год университетской жизни. Здесь, в общих и риторических выражениях, высказываются мысли о необходимости и пользе воспитания, о том, что оно облагораживает человека, делает его хорошим членом общества, полезным гражданином и проч. Вот два-три отрывка, по которым можно судить и о всем характере рас-

---

* *Первоначально:* сопротивляться

суждения: „От воспитания человек может сделаться или добродетельным Сократом или развращенным Нероном...". „...От хода обстоятельств (направляемых воспитанием) человек может умом своим уподобиться ангелам и возвышаться мыслию, подобно орлу быстропарящему, или быть подобным бессловесным животным и пресмыкаться в прахе подобно червю презренному...". „Счастливы те молодые люди, которые имеют случай под руководством опытных, ученых, добродетельных и образованных наставников. усовершенствовать себя и предуготовить к опасному, хотя и непродолжительному пути по трудной дороге жизни..."» («Русская старина», 1876, кн. 1, стр. 64).

БЕЛИНСКИЙ
Автолитография И. А. Астафьева, 1881 г.
Исторический музей, Москва

А. Н. Пыпин, подготовляя свою известную книгу «Белинский, его жизнь и переписка», не обращался к подлинникам писем и др. материалов, относящихся к Белинскому, которые находились в ред. «Русской старины» (см. во 2 изд. назв. книги, стр. 34).

С. А. Венгеров, приступая с 1900 г. к изданию «Полного собрания сочинений» Белинского, уже не имел возможности воспользоваться подлинником «Рассуждения» о воспитании, так как в редакции «Русской старины» его не нашлось. В первом томе «Полного собрания сочинений» Белинского С. А. Венгеров ограничился поэтому перепечаткой приведенной выше выдержки из публикации «Русской старины», сопроводив ее таким замечанием: «К сожалению, самого подлинника „Рассуждения" в архиве „Русской старины" теперь уже нет, и мы лишены возможности им воспользоваться» (I, 4).

Подлинник «Рассуждения» оказался в неразобранной части архива «Русской старины», хранящегося в Рукописном отделе Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Ныне с опубликованием «Рассуждения» должны быть пересмотрены и уточнены все те соображения, которые были высказаны по поводу этой работы в научной и критической литературе. Так, например, один из современных критиков и исследователей Белинского утверждал, что «против морального рабства, против духовной ограниченности Белинский выступил и ранее „Дмитрия Калинина" в своем „Рассуждении о воспитании" (1829)». Судя по трем фразам, приведенным в «Русской старине», тот же автор заключал, что «рассуждение было направлено против реакционной, крепостнической воспитательной системы. Как истый просветитель, Белинский возлагает надежды на воспитание. Черты эти характерны и для „Дмитрия Калинина"» (Г. Бровман. Драмы Белинского.— «Театр», 1941, № 1, стр. 90). Приведенные утверждения нуждаются в ограничении, поскольку самый текст «Рассуждения» Белинского дает все основания предполагать, что это студенческая работа.

«Рассуждение» датировано 12 декабря 1829 г., т. е. оно написано через три месяца после вступления Белинского в число студентов Московского университета.

Позднее рукопись своего «Рассуждения» Белинский отдал брату Конст. Гр., который в письме к Белинскому из Чембара от 28 января 1832 г. восхищался «Рассуждением» (см. публикацию этого письма во втором томе наст. изд.).

Можно предполагать, что «Рассуждение» о воспитании было написано Белинским в качестве учебной работы по курсу словесности и, вероятно, представлено профессору П. В. Победоносцеву, который вел этот курс. О характере студенческих занятий у Петра Васильевича Победоносцева (1771—1843) нам известно следующее: «В преподавании русской словесности Победоносцев следовал конспекту, изданному от Университета в 1827 г. Он читал риторику и главное внимание обращал на практические занятия, на чистоту речи и на строгое соблюдение правил грамматики. В переводах с латинского и французского языков, которыми также занимал студентов, тщательно избегал всякого иностранного оборота речи...» («Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета». Ч. II. М., 1875, стр. 229).

Поскольку в подлиннике «Рассуждения» ряд поправок вызван преимущественно заботой о чистоте речи и стремлением к соблюдению правил грамматики, постольку учебный характер «Рассуждения» не подлежит, кажется, сомнению. Некоторые из поправок подлинника сделаны посторонней рукой, возможно, рукой самого профессора.

В подзаголовке «Рассуждения» обозначено: «П. Л. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей». Две заглавных буквы, поставленные в начале фразы, к сожалению, расшифровать не удалось.

Если даже и считать, что тема «Рассуждения» была подсказана Белинскому его профессором, все же особенности разработки этой темы остаются необыкновенно примечательными для идейного облика Белинского в его молодые годы. Тема воспитания свидетельствует об интересе Белинского в пору его молодости к просветительным традициям XVIII в. Именно эти традиции выступают у Белинского в его первом, но уже самостоятельном литературном опыте—в «Дмитрии Калинине» Как ни преувеличено приведенное выше утверждение, что «Рассуждение» о воспитании «направлено против реакционной, крепостнической воспитательной системы» (для такого заключения текст «Рассуждения» не дает достаточных оснований), все же остается несомненной связь «Рассуждения» с последующим «Дмитрием Калининым». Тему воспитания, поставленную в «Рассуждении», Белинский через несколько лет объединит с протестом против крепостнической системы и против рабства во всех его формах.

Отметим в заключение, что об учебном характере «Рассуждения» говорит еще и то, что вслед за его текстом, датой и подписью Белинский выписал из какого-то учебного руководства определения «эпопеи» и «драматической поэзии».

Рукопись «Рассуждения» о воспитании написана чернилами, очень отчетливым почерком на 6 листах бумаги в четвертку, заполненных с обеих сторон. Все зачеркнутые места в тексте, а также и все поправки отмечены нами в подстрочных примечаниях.

Н. Мордовченко

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛИНСКОГО

В «МОЛВЕ», «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» И «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

⟨1⟩

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

(О «ГРАММАТИКЕ» г. КАЛАЙДОВИЧА)

Наконец «Грамматика» г. Калайдовича, столь давно обещанная, столь долго ожиданная, вышла, хотя и не вполне еще. Мы получили только первую часть ее, которая в старые времена называлась этимологией. Говорим, в старые времена, ибо «Грамматика» г. Калайдовича является с резкими притязаниями на *новость*. Почтенный автор изменил многое не только в систематическом расположении науки, но и в самой номенклатуре, освященной столькими веками древности. Сии нововведения, по намерению своему, не имеют ничего предосудительного; напротив, делают честь автору как выражения самомыслительности, без которой нельзя сделать вперед ни одного шагу, невозможно и думать об усовершенствовании, об успехе. Особенно грамматика, загрязшая неподвижно в старой колее в продолжение веков, имеет нужду в изменениях, сообразно с настоящею степенью умственного образования, с нынешними понятиями об архитектонике знания и методологии преподавания. Пора избавить нам грамматику, эту первую, насущную необходимость умственного образования, от тех ржавых пут, которыми оковали ее в старинных школах, от той варварской коры, по которой бродит ощупью, не видя ни зги, слепая рутина. Достигают ли сей цели нововведения г. Калайдовича, это вопрос, на который мы не хотим отвечать слегка из уважения к трудам почтенного автора. Надеемся не замедлить подробным, отчетливым разбором сей тяжкой, неблагодарной и вместе важной работы. Но предупреждаем заранее, что и критика и публика, столь давно подстрекаемые, едва ли найдут себя вполне удовлетворенными. Чем нетерпеливее было ожидание, тем взыскательнее будут требования.

⟨«Молва», 1834, ч. VIII, № 46, стлб. 305—306⟩.

Печатаемая здесь заметка о «Грамматике» И. Ф. Калайдовича (1796—1853) анонимна. Мы приписываем ее Белинскому. Основания для этого: автор заметки — большой знаток по части грамматики. Таковым был Белинский с гимназических лет. В 1834 г., когда вышла в свет «Грамматика» Калайдовича, он уже начал писать собственную грамматику. Из уважения к «почтенному» Калайдовичу автор не хочет говорить «слегка» о его труде. Он надеется «не замедлить подробным, отчетливым разбором сей тяжкой, неблагодарной и вместе важной работы». Но он предупреждает «заранее, что и критика и публика, столь давно подстрекаемые, едва ли найдут себя вполне удовлетворенными. Чем нетерпеливее было ожидание, тем взыскательнее будут требования». Всё это мог сказать только Белинский, который, действительно, «не замедлил подробным,

отчетливым разбором» «Грамматики» Калайдовича. Этот разбор был помещен в двух следующих номерах «Молвы» (1834, № 47, стлб. 322—330 и № 48, стлб. 341—353). В своей статье, как и было обещано в заметке, Белинский предъявил большие требования к труду Калайдовича и нашел его неудовлетворительным (II, 28—42). Печатаемая заметка была как бы введением к пространной рецензии Белинского. Авторство критика тут бесспорно.

В. Спиридонов

⟨2⟩

ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «ТЕЛЕСКОПА» И «МОЛВЫ»

По случаю отъезда издателя «Телескопа» и «Молвы» за границу и других не зависящих ни от него, ни от редакции обстоятельств, выход книжек обоих журналов был на некоторое время прекращен. Так как теперь все затруднения отстранены, и издатель сделал, с своей стороны, все нужные распоряжения, дабы редакция, коей он вверил, с разрешения начальства, издание своего журнала на время своего отсутствия, имеющего продолжиться около года; ⟨sic!⟩ то, с сего времени, все №№ будут следовать друг за другом в непрерывном порядке. Редакция употребит все зависящие от нее средства и все свои усилия, чтобы гг. подписчики были в самом скорейшем времени удовлетворены выдачею отставших книжек и получали в свое время следующие. Посему, в уважение изложенных ею причин, гг. подписчики извинят ее в том, что несколько №№ «Молвы» они получат в двух №№, хотя и с полным числом листов, но не с полным числом картинок мод, которые, сверх того, уже стары. По выходе следующей тетради, заключающей в себе несколько манкированных №№, выдача «Молвы» будет производиться в прежнем порядке и *непременно* по субботам по утру, сообразно с программою.

Редакция находится на Петровке, в Рахмановом переулке, в доме князя Касаткина-Ростовского, в № 22.

⟨«Молва», 1835, ч. IX, № 24—26, стлб. 469—470⟩.

С 8 июня и до конца 1835 г. Н. И. Надеждин, редактор и издатель «Телескопа» и «Молвы», находился за границей. Точная дата его возвращения не установлена, но известно, что уже 26 декабря он был в Москве. В отсутствии Н. И. Надеждина всеми делами его журналов ведал Белинский, который, несомненно, и был автором публикуемого нами анонимного «Извещения», появившегося на страницах «Молвы» летом 1835 г.

Перед своим отъездом за границу Н. И. Надеждин сообщил Московскому цензурному комитету об учреждении им в Москве на период своего отсутствия «временной редакции», «управление делами коей поручил живущему там дворянину Белинскому».

«Правящий должность» председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастов направил по этому поводу в Петербург следующее донесение:

10 июня ⟨1835 г.⟩
№ 270

В Главное Управление Ценсуры

Издатель журналов Телескоп и Молва донес Комитету, что он для пользования расстроенного его здоровья находится принужденным отправиться на несколько времени к минеральным водам в чужие краи; так как долг его пред публикой обязывает его окончить издание его журналов на которые собрано уже подписей, то он распорядился, чтобы оные и в отсутствии его выходили в свое время, на каковой конец оставляется им здесь временная редакция, в коей производство дел поручено им живущему в Москве дворянину Белинскому, к которому он и просил Комитет обращаться в случае... каковых либо приказаний. При сем не излишним считаем присовокупить, что о таковом распоряжении он имел лично докладывать г. Министру Народного Про-

свещения и что в проезд его через С.-Петербург долгом поставит и письменно довести о сем до сведения его высокопревосходительства».

<Отпуск донесения. — Московский областной исторический архив. Печатается впервые>.

Через два дня, а именно 12 июня 1835 г., Голохвастов вновь обратился в Главное управление цензуры с запросом: «Может ли Комитет принимать на свое рассмотрение и одобрять к печатанию корректурные листы, которые будут присылаться из временной редакции, в коей производство дел поручено живущему в Москве дворянину Белинскому? К чему долгом почитает присовокупить, что впредь до получения по предмету сему разрешения Московский цензурный комитет остановил одобрением к печатанию

МОЛВА,
ГАЗЕТА
МОДЪ И НОВОСТЕЙ,
ИЗДАВАЕМАЯ
ПРИ
ТЕЛЕСКОПѢ.
ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1834.

МОЛВА.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Наконецъ Грамматика Г. Калайдовича, столь давно обѣщанная, столь долго ожиданная, вышла, хотя и не вполнѣ еще. Мы получили только первую часть ея, которая въ старыя времена называлась *Этимологіей*. Говоримъ, въ старыя времена: ибо Грамматика Г. Калайдовича является съ рѣзкими притязаніями на *новость*. Почтенный авторъ измѣнилъ многое, не только въ систематическомъ расположеніи науки, но и въ самой номенклатурѣ, освященной столькими вѣками древности. Сіи нововведенія, по намѣренію своему, не имѣютъ ничего предосудительнаго, напротивъ дѣлаютъ честь автору, какъ выраженія самомыслительности, безъ которой не льзя сдѣлать впередъ ни одного шагу, не возможно и думать объ усовершенствованіи, объ успѣхѣ. Особенно Грамматика, загрязшая неподвижно въ старой колеѣ въ продолженіе вѣковъ, имѣетъ нужду въ измѣненіяхъ, сообразно съ настоящею степенью умственнаго образованія, съ нынѣшними понятіями объ архитектоникѣ

1834. N 46.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЧАСТИ VIII «МОЛВЫ» НА 1834 г. И СТРАНИЦА В № 46 ЭТОЙ ГАЗЕТЫ С НЕИЗВЕСТНОЙ РАНЕЕ ЗАМЕТКОЙ БЕЛИНСКОГО О «ГРАММАТИКЕ» КАЛАЙДОВИЧА

статей, назначаемых к помещению в журналах „Телескоп" и „Молва"». — Главное управление цензуры 18 июля 1835 г. сообщило Московскому цензурному комитету об удовлетворении ходатайства Н. И. Надеждина и указало, что «не следовало останавливать своевременный выход в свет номеров „Телескопа" и „Молвы"» («Летопись жизни и деятельности Белинского». Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 33—35).

Эти цензурные придирки и были «не зависящими от редакции обстоятельствами», которые почти на два месяца задержали выход книжек «Телескопа» и «Молвы».

Принадлежность публикуемого нами текста Белинскому устанавливается также и тем, что указанный в конце «извещения» адрес редакции «Молвы» являлся, вместе с тем, адресом Белинского. В доме кн. Касаткина-Ростовского по Рахмановскому переулку Белинский жил с 1835 по 1837 г. Надеждин же жил на Арбате.

В. Спиридонов

‹3›

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», ИЗДАВАЕМОЕ г. СЕМЕНОМ

«Живописное обозрение» г. Семена — новость уже довольно старая или, по крайней мере, уже всем известная. Изо всех русских журналов, которых, впрочем, не слишком много, «Молва» говорит о ней после всех: что делать? Это произошло не от ее воли, а от обстоятельств, ибо для нее, крылатой вестовщицы, приятнейшая обязанность состоит в том, чтобы извещать публику обо всем новом. Но бедняжке приходится быть совсем без дела, ибо политические новости не ее дело, а новостей литературных у нас так мало, или, лучше сказать, наши литературные новости так однообразны, что всегда надо говорить одно и то же, а это скучно и для журнала и для читателей. Но это обстоятельство, с одной стороны, затруднительное для журнала, с другой — очень выгодно для него, ибо ему можно говорить, как о новости, о том, что уже в самом деле отнюдь не ново и даже старо. У нас не трудно спешить за временем; ног не отобьешь, особливо гонясь за литературою. Мы еще не дожили до того времени, когда *вчера* становится *давно*, *нынче* забывается прежде *завтра*. Но, между тем, в этот небольшой промежуток, в который «Молва» отдыхала от своих, впрочем, очень не тяжких, трудов, случилось много такого, что подлежит ее ведению и с чего она не взяла обычной следующей ей дани: говорю о Петровском парке, новом летнем театре, в особенности о выставке, весенних и летних гуляньях и, наконец, о «Живописном обозрении». «Молва» постарается как-нибудь мимоходом, à propos, сказать слова два о первых двух новостях, а теперь хочет остановиться на последней. Есть и еще одна... Это — первый том знаменитого «Энциклопедического словаря», над которым судьба сыграла жестокую шутку, или, лучше сказать, который сыграл над публикою жестокую шутку, оправдав на себе мудрое изречение нашего великого баснописца:

Наделала синица славы,
А моря не зажгла!

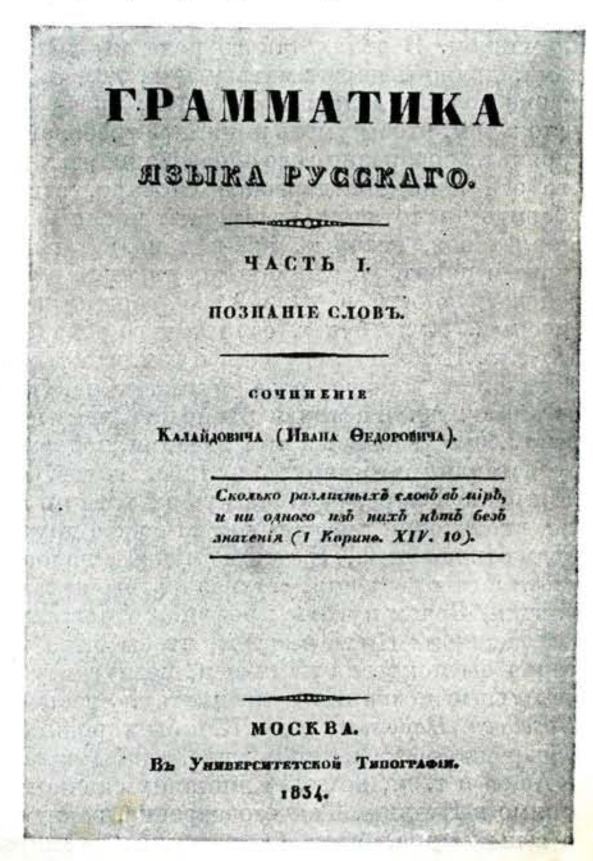
Ну да об этом после, когда-нибудь... может быть, даже и очень скоро... и очень много... Есть, наконец, и еще новинка, впрочем, тоже не совсем новая: это «Московский наблюдатель»— явление в высочайшей степени странное и непостижимое, так что иногда как будто comme il faut, а иногда смотришь и глазам не веришь... но и об этом тоже речь впереди...

Наш век есть век удобств, век улучшений во всех родах, век полной и совершенной победы человека над природой; сердце замирает от восторга при мысли о том, что уже есть, и еще более о том, что будет. Даже неподвижный, вечно спящий Восток, по выражению *Эдгара Кине*, начинает помавать своею главою и отряхивать с вежд своих глубокий сон: тут его преддверие, прекрасная освобожденная Греция, а за нею он сам, в лице *Истамбула* и *Александрии*, оставляющий свой фанатизм, жадным ухом прислушивающийся, забыв древнюю, вековую, священную вражду свою к урокам неверного *Франкистана*... а там, еще далее, в колыбели человечества, европейские университеты, и в них поклонники Магадэвы, изучающие письмена священного языка своих предков под руководством западных мудрецов!.. О, какой дивный и длинный путь уже пройден, сколько сделано великого на этом пути! Сокращены расстояния, уничтожена отдаленность, ученый Парижа, через неизмеримый океан, подает руку ученому Бостона или Филадельфии; книгопродавец Лондона доставляет средства книгопродавцу Москвы сообщать своим соотечественникам успехи

его отечества!.. Нет, вопреки *Карамзину*, *оптимизм* должен быть душою истории!..

И в самом деле, что должно составлять цель существования каждого человека, каждого народа, всего человечества, как не просвещение? А когда это стремление к просвещению было так сильно, так обще, так дружно, как не в наше время? Как бы в отличие от древности, в которой знание было уделом не многих, уделом особой касты, тщательно скрывавшей этот благоуханный цвет от глаз профанов и оставлявшей прочую часть народа пресмыкаться в невежестве, характер нашего времени состоит во всеобщности просвещения, в его доступности для всех и каждого... Теперь это уже не какой-нибудь частный интерес, теперь это общее, человеческое дело. Его успехам служит всё — торговля и ремесло, расчет и бескорыстие, война и мир...

К числу средств, для распространения света познаний по всем классам общества, принадлежат дешевые издания разных книг и повременных изданий. Их содержание, характер и тон приноравливаются к понятиям того класса людей, для которого они издаются. Особенное внимание обращено на самые низшие слои общества. Чтобы заставить читать бедного и невежественного человека, надо дать ему книгу дешевую и толковитую, надо уметь говорить с ним *его* языком как о высоких, так и об обыкновенных предметах; надо, наконец, сообщить ему понятия, хотя легкие, хотя поверхностные, обо всех предметах ведения человеческого, ибо теперь всё жаждет знания *универсального*: универсальность в просвещении есть лозунг нашего времени. С этою целию в Европе начали издаваться сочинения, заключающие в себе систему какого-нибудь отдельного знания, изложенную как можно проще и доступнее для непосвященных


ГРАММАТИКА
ЯЗЫКА РУССКАГО.

ЧАСТЬ I.

ПОЗНАНІЕ СЛОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ
Калайдовича (Ивана Өедоровича).

Сколько различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія (1 Корин. XIV. 10).

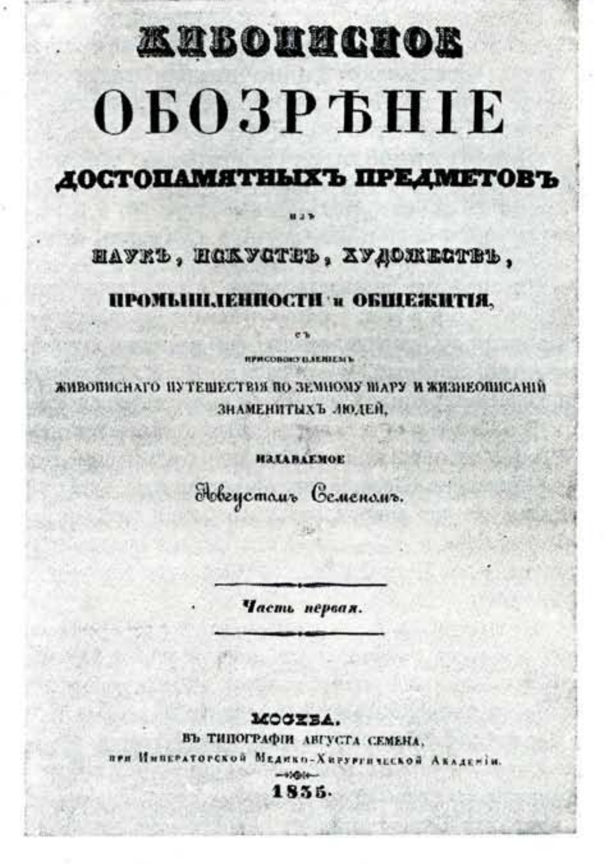
МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА» КАЛАЙДОВИЧА

«Грамматике» посвящена неизвестная ранее заметка Белинского в «Молве» № 46 за 1834 г.

в таинства науки. Это делается таким образом: какой-нибудь богатый книгопродавец заказывает такого рода сочинение известному ученому, печатает его в числе многих тысяч экземпляров и распускает по самой дешевой цене, приобретая самые дорогие выгоды, ибо непомерное множество покупателей доставляет ему больше барыша, нежели сколько мог бы он получить от своей книги, напечатав ее в меньшем числе экземпляров и пустив по бо̀льшей цене. Потом стали издаваться журналы для такого же употребления; сперва они были робки, не так опрятны, но необыкновенный успех дебюта сделал их и смелее и опрятнее. Чтобы еще более заманить внимание покупщиков, эти журналы стали издаваться с рисунками, изображающими трактуемые предметы, к чему особенно подало повод изобретение *политипажного* способа гравирования, сделанное английским художником Нейтом. Из таких журналов наиболее известны: в Англии: *The Penny Magazine, The Penny Cyclopedia* и др.; в Германии: *Pfenning's Magazine, Welt und Zeit*; во Франции: *Magazine pittoresque, Magazine universel, Musée de Famille* и пр. Их содержание энциклопедическое, т. е. *обо всем*; некоторые по алфавитной системе, как энциклопедические словари, иные по материям, так что каждый том представляет систему какого-нибудь знания, но бо̀льшая часть без всякого порядка и связи.

Наконец и у нас пробудилось это движение, явились эти усилия сделать доступным для всех [и] каждого просвещение. Дай бог — в добрый час молвить, в худой помолчать! Наше отечество представляет для благородной и деятельной души тысячи способов делать добро и трудиться для общего блага. И это тем отраднее, что само правительство всегда готово содействовать своею помощию всякому благонамеренному и полезному предприятию, а общество, жаждущее просвещения, готово поддержать его своим вниманием. В делах такого рода мы должны соображаться с иностранцами, должны перенимать у них, должны подражать им; но это подражание должно делаться с толком, иначе оно будет обезьянством. Главное дело в том, чтобы уметь понимать требования нашего отечества и удовлетворять их сообразно с его образованием и характером. Легко может статься, что эти энциклопедические словари, эти обозрения вместо того, чтоб убавить число невежд, умножат число педантов, всезнаек, верхоглядов, шарлатанов, которые, кое-как нахватавшись всего без толку, обо всем судят и рядят. Нет никакого сомнения в том, что у нас вообще недостает основательности в учении, всё вершки да вершки, а это становится несносным. Худо будет, если такого рода предприятия еще более усугубят это зло. Надобно подумать о том, чтобы предупредить его. Не лучше ли в изданиях такого рода принять какую-нибудь систему, разумеется, не алфавитную, которая равно ни к чему не ведет, а располагать таким образом, чтобы каждый том издания, подобного «Живописному обозрению», представлял что-нибудь полное, целое, систематическое?.. Нельзя ли, по крайней мере, располагать их хотя по аналогии, по сходству материи, так чтобы один предмет вел за собою другой, имеющий к нему какое-нибудь отношение?.. В таком случае в голове читателя, по прочтении тома, части или отделения, оставалась бы целая, нераздельная, живая галерея картин? Зачем пугать профанов строгостию системы или наукообразным изложением? Но не мешает, чтобы была тайная, невидимая система, которая бы помогала памяти и, не пугая ученостию, доставляла бы основательные познания о предметах. Здесь не мешало бы вспомнить метод *Базедова, Перольта* и др. Как бы хорошо было, если бы кто-нибудь издал обозрение света в таком виде, чтобы читатель путешествовал из Европы в Азию и т. д., не делая никаких скачков и не перепрыгивая из Швеции прямо в Италию. Такое обозрение, заключая в себе *современные* понятия о вещах мира, было бы истинным всемирным путешественником, любо-


ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ
ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ
изъ
НАУКЪ, ИСКУСТВЪ, ХУДОЖЕСТВЪ,
ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ОБЩЕЖИТІЯ,
съ
присовокупленіемъ
ЖИВОПИСНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ И ЖИЗНЕОПИСАНІЙ
ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ,
издаваемое
Августомъ Семеномъ.

Часть первая.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1835.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» НА 1835 г.
«Журналу посвящена неизвестная ранее статья Белинского в «Молве» №№ 24—26 за 1835 г.

пытною и полезною книгою, ибо дало бы средства прежде всего узнать то, что всего необходимее, т. е. землю со всеми ее чудесами, и было бы чем-то целым и систематическим.

Но это всё желания и предположения, о которых всякий вправе думать и говорить как угодно; я этим отнюдь не имею цели уронить в общественном мнении предприятия г. *Семена*, которому отдаю полную справедливость и желаю всякого успеха. Кроме недостатка системы, которая, по моему мнению, необходима*, во всем прочем к его «Живописному обозрению» не к чему придраться. Выбор предметов, ясность и удовлетворительность статей, отличающихся верностию фактов и современностию взгляда, красота рисунков, опрятность, можно сказать, роскошь и дешевизна издания — дают ему полное право на признательность публики и успех предприятия. Его «Живописное обозрение» в наружных достоинствах нимало не уступает иностранным изданиям сего рода. Это делает честь его старанию и усердию. Это явление тем приятнее, что у нас, в Москве, оно еще *первое*. Заметим кстати, что все такого рода предприятия у нас затеваются иностранцами; нашим доморощенным *Лавока* некогда заниматься такими делами**: одни из них скупают и издают рукописи литераторов Толкуна и Смоленского рынка — гг. *Орлова*, *Кузмичева*, *Глхрва*, *Сигова* и пр.; другие... ну, да бог с ними!..

* Впрочем, может, эта систематичность невозможна по причине рисунков, ибо стальные доски вырезываются Нейтом в Англии а к г. *Семену* присылаются гартовые гравюры, вылитые на этих досках.

** Справедливость требует сделать исключение в пользу г. Смирдина; жаль только, что его благонамеренность и усердие не всегда достигают своей цели.

Поставляя для себя приятнейшею обязанностию способствовать, по возможности, всякому благонамеренному предприятию, мы с особенным удовольствием сообщаем нашим читателям и известие об издании г. Семена и наше о нем мнение. Но, чтобы сделать наше известие полнее, выписываем слова самого почтенного издателя.

<Далее приводится обширный текст проспекта-объявления издателя «Живописного обозрения» Семена о своем издании>.

<«Молва», 1835, ч. IX, №№ 24—26, стб. 455—468>.

Главнейшие доказательства принадлежности статьи Белинскому:

Во-первых, автор ставит и разрешает в этой статье серьезные принципиальные вопросы, определяющие физиономию журнала. Это мог сделать скорее всего Белинский, который, в отсутствии Н. И. Надеждина, находившегося с июня по декабрь 1835 г. за границей, стоял во главе «Телескопа» и «Молвы».

Во-вторых, автор статьи ссылается на «обстоятельства», которые помешали «Молве» своевременно поговорить о «Живописном обозрении». В этом же номере «Молвы» помещено «Извещение от редакции „Телескопа“ и „Молвы“», где также делается ссылка на «не зависящие от редакции обстоятельства», которые задержали выход «Телескопа» и «Молвы» почти на два месяца. Ясно, что обе эти ссылки сделаны одним лицом, т. е. Белинским, который был автором «Извещения» (см. предыдущую публикацию).

В-третьих, в статье читаем: «Но, между тем, в этот небольшой промежуток... случилось много такого, что подлежит ее <„Молвы“> ведению и с чего она не взяла обычной следующей ей дани: говорю о Петровском парке, новом летнем театре, в особенности о выставке, весенних и летних гуляньях и, наконец, о „Живописном обозрении“. „Молва“ постарается как-нибудь мимоходом, à propos, сказать слова два о первых двух новостях, а теперь хочет остановиться на последней». Всё это могло сказать лицо, стоявшее во главе «Телескопа» и «Молвы», а таковым лицом, в отсутствии Н. И. Надеждина, был Белинский.

В-четвертых, и далее читаем в статье: «Есть и еще одна <новость>... Это — первый том знаменитого „Энциклопедического словаря“, над которым судьба сыграла жестокую шутку, или, лучше сказать, который сыграл над публикою жестокую шутку... Ну, да об этом после, когда-нибудь... может быть, даже и очень скоро... и очень много...»

Такие обещания мог давать только или редактор или главный критик «Телескопа» и «Молвы», а тем и другим, в отсутствии Н. И. Надеждина, был Белинский.

В-пятых, автор статьи продолжает: «Есть, наконец, и еще новинка, впрочем, тоже не совсем новая: это „Московский наблюдатель“— явление в высочайшей степени странное и непостижимое, так что иногда как будто comme il faut, а иногда смотришь и глазам не веришь... но и об этом тоже речь впереди...».— И тут явно чувствуется Белинский, который потом часто иронически называл «Московский наблюдатель» журналом «светским» («comme il faut») и который, в отсутствии Н. И. Надеждина, один только мог обещать потом поговорить об этом журнале. И данное здесь обещание Белинский выполнил, поместив через семь месяцев на страницах «Телескопа» большую статью под заглавием: «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“».

В-шестых, в статье анонима упоминается имя Лавока. В статьях и рецензиях Белинского мы часто встречаем это имя, и везде, как и в этой статье, этому французскому книгопродавцу критик противопоставляет русских издателей-лубочников, именуя их: «наши доморощенные Лавока», «наши Лавока», «наши досужие Лавока» (ср. II, 48 и 110; III, 50; IV, 103; VIII, 347; XIII, 416 и 433).

В-седьмых, в статье анонима поименованы писатели «Толкуна и Смоленского рынка»: Орлов, Кузмичев, Глхрв <И. Глухарев>, Сигов и пр. Именно эта группа писателей-лубочников весьма часто фигурирует в статьях и рецензиях Белинского (ср. II, 48, 110, 253, 297 и 301; IV, 65; VI, 160, 210; VII, 233).

В-восьмых, аноним статьи пишет: «К числу средств, для распространения света познаний по всем классам общества, принадлежат дешевые издания разных книг и повременных изданий. Их содержание, характер и тон приноравливаются к понятиям того класса людей, для которого они издаются. Особенное внимание обращено на самые низшие слои общества. Чтобы заставить читать бедного и невежественного человека, надо дать ему книгу дешевую и толковитую, надо уметь говорить с ним *его* языком как о высоких, так и об обыкновенных предметах».— И здесь определенно чувствуется Белинский, который много и горячо писал о просвещении простого народа путем хорошей и доступной для понимания последнего книги, яро боролся с лубочными изданиями, распространявшимися среди народа, и разъяснял, какого «содержания, характера и тона» должны быть книги, предназначавшиеся для народа (ср. IV, 301; VIII, 109—111; XII, 375—376, 391, 423—428 и 442—443).

В-девятых, в статье анонима имеются слова: «à propos» и «опрятно». Это любимые словечки Белинского, которыми пестрят его статьи и рецензии.

В-десятых, в пользу авторства Белинского говорит и необычное правописание в статье: «этѣ усилия» и «этѣ обозрения». Так писал Белинский.

Можно было бы увеличить число признаков авторства Белинского, но полагаем, что и приведенных достаточно, чтобы не сомневаться в принадлежности ему настоящей статьи.— Авторство Белинского, независимо от нас, устанавливает и Ф. М. Головенченко.

В. Спиридонов

‹4›

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА «ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА» ШЕКСПИРА›

Представляя публике перевод «Венецианского купца», которого до сих пор не имела еще русская литература и который сделан одним из первоклассных литераторов наших, Н. Ф. Павловым, нужным считаем заметить, что, сколько мы знаем, подобного перевода Шекспира у нас еще не было, и убеждены, что этот перевод может служить образцом того, как должно переводить у нас великого поэта. Вот на чем основаны наши убеждения. Во-первых, этот перевод сделан *точно* с английского, при пособии всех известнейших комментаторов Шекспира. Во-вторых, «Венецианский купец» переведен прозою, а по нашему мнению, проза — единственная форма, в которой Шекспир должен быть передаваем русским читателям, если хотим познакомить их как можно ближе с его творениями: в стихах самый добросовестный переводчик иногда по необходимости прибавит к словам Шекспира несколько своего духа — и тем, разумеется, увлечет читателя из того обаяния, в котором Шекспир неослабно держит вас от начала до конца своей драмы; попробуйте же хоть на минуту ослабить это обаяние — и перевод ваш не достигнет своей цели, он испортит подлинник. В-третьих: обороты Шекспира иногда неестественны, выисканы; иногда мысль у него, так сказать, насилует язык, а между тем выражение всегда оригинально, сильно, полно поэзии; это насилие, даже самый порядок слов в переводе г. Павлова сохранены вполне, по крайней мере, сколько позволял русский язык, и при всем том такая точность ни мало не вредит изяществу, чистоте и правильности русской речи. Конечно, в переводе «Венецианского купца» могут быть найдены фразы, которые легко было бы сделать красивее, глаже, лучше и, без сомнения, переводчик *сумел* бы сделать эти учительские поправки, когда уже теперь всякий, даже бесталанный писака, пишет гладким до плоскости слогом; но он *не хотел* этого, не хотел не потому, чтобы ленился — перевод его сделан уже давно, сверялся и пере-

сматривался несколько раз, — но потому что хотел передать русским читателям дух и силу шекспирова творения вполне, без малейшего изменения, без малейшей прикрасы, и в этом оправдает его всякий, кто хоть немного может постигать изящное в глубоких, исполинских созданиях британского поэта.

О достоинстве самой драмы, здесь помещаемой, надобно или говорить много, или ничего не говорить; на сей раз избираем последнее, в полной уверенности, что образованный читатель и без наших указаний отыщет все красоты этого чудного творения, а отыскать их так легко в этом близком, верном, в полной мере изящном переводе г. Павлова. Ред.

⟨«Отеч. зап.», 1839, т. V, № 9, отд. I, стр. 257—259⟩.

Шекспир принадлежал к числу тех мировых писателей, которые не только привлекали пристальное внимание Белинского, но и являлись предметом его постоянных критических и теоретических раздумий. Уже в «Литературных мечтаниях» имя Шекспира неотделимо для Белинского и от его страстной влюбленности в театр, и от его теоретических исканий. Он внимательно изучает произведения великого драматурга по французскому прозаическому переводу под ред. Гизо и Пишо (см. в наст. томе работу Л. Ланского «Библиотека Белинского»). Переводы Шекспира на русский язык («Гамлет», «Виндзорские кумушки» и др.) подвергаются в рецензиях критика тщательному изучению и тонкой оценке.

«Венецианский купец» переведен прозою Н. Ф. Павловым и поставлен на московской сцене впервые в 1835 г. (рецензия в «Молве», 1835, № 4, 61—67). Собиранием материалов для «Отечественных записок» в Москве занимался Белинский. Естественно, что Белинский, близко знавший Павлова, находившийся с ним в деловых и дружеских отношениях, мог быть посредником между ним и Краевским. И естественно было бы, чтобы именно Белинский сопроводил примечанием перевод Павлова. На это указывает прежде всего теоретический характер примечания. Проблемы теории перевода особенно интересовали Белинского в 1839 г. и как раз в связи с Шекспиром. «Но в литературе нашей, — писал Белинский в 1838 г. — и уже давно: вопрос — как должно переводить Шекспира?» (III, 337). Теоретическое рассмотрение проблем перевода Шекспира мы находим и в рецензии критика на русское издание «Виндзорских кумушек» (IV, 83—92).

Наконец, в статье о «Горе от ума», которая писалась как раз в августе — октябре 1839 г., Белинский специально касается этих же занимавших его проблем перевода Шекспира. Он пишет здесь, что драма сочетает эпический и лирический элементы, и поэтому «лирические выходки и излияния в монологах до того лирические, что они непременно должны быть писаны стихами и, переданные в переводе прозою, теряют свой поэтический букет и переходят в надутую прозу, чему доказательством могут служить лучшие места шекспировых драм, переведенных прозою» (Собр. соч. в трех томах. Т. I. 1948, стр. 476).

Казалось бы, это рассуждение решительно противоречит содержанию публикуемого нами текста. Однако не кто иной как сам Белинский устраняет это мнимое, при всей его внешней очевидности, противоречие и, вместе с тем, прямо указывает, что примечание к переводу «Венецианского купца» принадлежит ему. Он делает это в подстрочной сноске к цитированному месту статьи о «Горе от ума». Текст сноски гласит: «Да не покажется читателю противоречием этой мысли то, что сказали мы, помещая в „Отечественных Записках" перевод „Венецианского купца" (1839, том V, книжка 9, отд. III). Мы убеждены в том, что для совершеннейшего перевода шекспировых драм стихами надобно и переводчику быть Шекспиром; иначе перевод его будет хоть сколько-нибудь неверен — неверен по идее или форме, и всегда будет более или менее субъективен. Шекспир для чтения может и должен быть переводим прозою. Если кому удастся перевести, как должно, шекспирову драму стихами, это будет подвиг, которого одного достаточно для целей жизни» (I, 467).

Это разъяснение Белинского является исчерпывающим доказательством принадлежности ему анонимного редакционного примечания к публикации перевода «Венецианского купца» в «Отечественных записках» 1839 г.

Отметим попутно, что, вероятно, под воздействием взглядов Белинского на проблему перевода Шекспира для чтения, находился Н. Х. Кетчер, когда задумывал свой полный прозаический перевод на русский язык произведений английского драматурга.

М. Поляков

‹5›

ПАНТЕОН РУССКОГО И ВСЕХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕАТРОВ

ЧАСТЬ II. РЕДАКТОР: Ф. А. КОНИ.

Издание: Книгопродавца В. А. Полякова. С. П. бург. В тип. А. Плюшара. 1840. В 8-ю д. л., в две колонны. 55 и 67 стр.

Четвертая книжка «Пантеона» дарит нас драмою Александра Дюма «Карл VII, Король французский» — подарок недорогой, неблестящий, но... за неимением лучшего, спасибо и за это. Современное состояние русской литературы приучило нас быть не слишком взыскательными. Г. А. Дюма бывает очень несносен с своими дикими претензиями на гениальность и на соперничество с Шекспиром, с которым у него общего столько же, сколько у петуха с орлом: тот и другой — птицы; но,

ОБЛОЖКА IV-Й КНИЖКИ ЖУРНАЛА «ПАНТЕОН РУССКОГО И ВСЕХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕАТРОВ»

Этой книжке посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных записках» № 6 за 1840 г.

кроме того, он добрый малый и талантливый беллетрист. Самую нелепую сказку умеет он рассказать вам так, что, несмотря на бессмысленность ее содержания, натянутость положений и гаэрство эффектов, вы прочтете ее до конца. Он мастер так же слепить и драму, особенно историческую, где содержание и характеры подает сама история, и слепить так, что ее можно и прочесть от нечего делать, и посмотреть на сцене даже с удовольствием, если ее хорошо играют. Такова его пятиактная драма в стихах «Карл VII, Король французский».

Карл Савуази, граф Сеньёле, давно женат на Беранжере, которую очень любит и которая еще больше его любит. Она женщина примерная, муж ее уважает и высоко ценит; но вот беда: она бесплодна, а мужу ее страсть хочется иметь наследника, который продолжал бы род графов Сеньёле. Графа нет дома. Он, под видом богомолья, отправился для исполнения политических поручений короля, и действие начинается тем, что он возвращается в дом свой, в одежде пилигрима, не узнанный никем из своих служителей, кроме Якуба. Этот Якуб — мухаммеданин, что видно из того, что он беспрестанно клянется Мухаммедом. Граф, будучи в Сирии, спас его от смерти, перевязав его рану и утолив его жажду водою; потом привез его во Францию и надел на него ошейник раба, но обращался с ним кротко. Слуги его не любят и беспрестанно оскорбляют, и он отвечает им длинными монологами, великолепными фразами и угрожает кинжалом. Один из них, Раймонд, пользуется почти дружбою графа и особенно не любит Якуба, который, в свою очередь, видит в нем своего смертельного врага, потому что Раймонд нанес ему в Сирии ту рану, от которой он, без помощи графа, непременно бы умер. Очевидно, что в лице Якуба Дюма субъективно изобразил свой идеал человека-героя, т. е. человека с пламенными страстями, сильною волею и глубокою душою. Разумеется, субъективность г. Александра Дюма сделала из Якуба болтуна, резонера и человека зверски-смелого и кровожадного. Этот Якуб рассказывает случай, как он, будучи ребенком, подстерег следы львицы, полз за нею целый день по степи, нашел ее в пещере, начал с нею драться и, разумеется, победил ее, не заплатив за победу не только жизнию или здоровьем, но ни одним волосом. Как дитя могло сладить с львицею, как Якуб дрался с нею — на шпагах или на пистолетах — об этом г. Александр Дюма не говорит ни слова, и мы должны ему верить на слово, ибо Якуб — великий человек, как все герои повестей и драм г. Александра Дюма, по мнению которого всякий великий человек непременно должен один-на-один выходить на льва, тигра, слона, удава и побеждать его, как поросенка. Таков уже образ мыслей г-на Александра Дюма. Раймонд обижает Якуба; Якуб говорит подлинные монологи, каждый — с добрую версту, и, наконец, закалывает Раймонда. Входит граф, сбрасывает с себя одежду пилигрима, плачет о смерти Раймонда, клянется убить своею рукою его убийцу и спрашивает — кто убийца? Якуб говорит — я! Узнавши, что его подвигло на убийство мщение за рану, граф раздумывает собственноручно убивать Якуба и хочет его судить. Вдруг докладывают о прибытии короля в зáмок. Граф велит принять его без почестей и хочет, чтобы он, в качестве простого человека, был свидетелем феодального суда. Входит Карл VII с Агнессою Сорель. Граф предлагает Якубу прощение, если он скажет ему, что у него нет больше врагов. Якуб отвечает, что есть у него еще один смертельный враг и что это сам он, но что он его не убьет, помня его благодеяние. Граф велит его казнить, но король спасает Якуба, объявив его своим оруженосцем. Граф напоминает королю о феодальных правах, а король графу — о королевских правах, и дело улаживается. Надо сказать, что Якуб любит Беранжеру и готов по одному ее мановению и сам зарезаться и все человечество перерезать. Страшный человек, бог с ним! Беранжера видит, что граф не заметил ее присутствия,

и скоро узнает от капеллана, что уже получена от папы ее разводная с мужем, что она сейчас должна удалиться из замка, в который сейчас должна вступить Изабелла Нарбон, чтобы венчаться с графом. Беранжера видится с графом, умоляет его подождать разводом, пока она умолит бога даровать ей сына. Граф отвечает, что не время ждать в годину междоусобной войны и кровопролитных войн, и дает ей ясно знать, что ей ничего не остается, как сейчас же выехать из замка. Беранжера одевает в свое платье служанку, которую и выводит из замка вместо нее. Еще и прежде Беранжера знала о страсти к себе Якуба, поддерживала ее, не подавая ему никакой надежды, но теперь она подает ему явные надежды. Между тем, граф убеждает Карла VII быть королем не именем только, но и самым делом. Карл отшучивается и не хочет слышать о своем государстве, которое терзают англичане и его собственные вассалы. Тогда граф нападает на любовницу короля, прекрасную Агнессу Сорель, грозит ей проклятием отечества и возбуждает в ней стремление действовать на короля во благо отечеству. Агнесса действует успешно: король просыпается от своего ленивого усыпления в одну минуту, надевает шлем и латы, берет меч и, вместо охоты, отправляется на войну. Граф принимает невесту и ведет ее к алтарю, а Беранжера между тем обольщает Якуба надеждами на взаимность и успевает согласить его на убиение графа. В то время, как граф возвращается из церкви с новобрачною, принимая поздравления от своих вассалов, и входит с нею в спальню, Якуб поражает его кинжалом, а Беранжера, услышав стон мужа своего, принимает яд. Следует эффектная сцена в неистовом роде... Мы забыли сказать, что граф, чтобы отнять у Якуба всякую причину ненависти против себя, дал ему формальную отпускную. Якуб бросается к Беранжере, чтоб бежать с нею, и видит, что она умирает, объявив себя мужу его убийцею. Тогда Якуб показывает служителям свою вольную, клянется Мухаммедом, называет их псами негодными, говорит им, что он свободен и сейчас отправляется в пустыни. Тем и кончается штука. Почему Якуба не поразила смерть Беранжеры, показавшая ему, что графиня его не любит и обманула, употребив его орудием своего мщения мужу; почему ненавидевшие его слуги графа не воспользовались таким удобным случаем убить его, — об этом справьтесь у талантливого автора, а мы не знаем.

Разумеется, в этой драме нет ничего и похожего на характеры, а все образы без лиц, особенно Якуб, который представляет собою воплощенную фразу, преогромно-вздутую наподобие мыльного пузыря. Впрочем, надо сказать правду: Карл VII очерчен недурно и хоть несколько походит на более или менее удачно-обрисованный характер.

Перевод «Карла VII» очень хорош. Правда, в нем встречаются и такие стихи, как, например:

Жезл—*тьяра* (т. е. тиара) все, как надо...
Преклоните и пр.

Словно орел, ты свил себе гнездо

Когда, ваше величество, найдете

В первом непростительная *пиитическая вольность* доброго старого времени; в двух последних нет меры. Кроме того, речи простолюдинов уж слишком местами обрусены, как напр.:

Ты поросенок! Я-те дам лук трогать...
Смотри, брат, я ведь за вихор, как раз.

Но эти маленькие недостатки выкупаются многими хорошими местами, как вот следующие:

...Не вспомните ль из песней вы одну,
Которую в вечерний час, бывало,
Перед шатром, на нильских берегах,
При наших дружеских пирах,
Нам черноокая красавица певала.
Вы помните ее воздушный стан,
Взор огненный, пленительные речи,
И локон смоляной, и мраморные плечи,
И песни дивные — отраду мусульман!
Вы помните восторги огневые,
Как под прозрачной пеленой,
Кружась, она взор манит за собой,
И мой отец цехины золотые
Ей сыплет щедрою рукой!
Нет, милая Агнесса — счастье, радость —
Возможность быть с тобою целый день,
Тонуть в лазури глаз твоих небесных,
Усталую главу склонять к твоей груди.
И смешивать с твоим свое дыханье,
И в сладостном восторге трепетать,
И заглушать роскошным поцелуем
Твоей любви стыдливый легкий шопот!

Стихи, право, очень недурны, а таких много в целой драме. Желаем, чтобы г. Межевич не ограничился одним этим опытом и принялся бы за французские драматические произведения, передавая их нам хоть прозою, хоть стихами — это все равно для нас. Наша современная литература так бедна, что почти нечего читать; а наш репертуар еще беднее — кроме водевилей, не на что и посмотреть. И потому как бы хорошо было, если бы искусная рука, переводя французские драмы, не слишком церемонилась с ними, а переделывала и выправляла бы, сообразно с здравым смыслом и эстетическим вкусом. Что-нибудь — лучше ничего. Где же взять художественных произведений!

За драмою Дюма следует в 4-й книжке «Пантеона» двухактный водевиль «Жозеф, парижский мальчик (Le Gamin de Paris)», очень недурно переведенный г. Федоровым. Прочтя его, мы еще более убедились, что водевили и пишутся и переводятся для сцены, а не для чтения.

За водевилем следуют стихи гг. Алексеева, Ивельева, П. Федорова, А. Марлинского и кн. Кропоткина. Между ними есть стихотворение г. Вельтмана.

За стихотворениями следует «Оборотень, рассказ шестидесятилетнего гусара», соч. Александровой-Дуровой. Хотя «Пантеон» и уверяет нас, что этот рассказ может быть и драмой и водевилем, но мы ему, на этот раз, решительно не верим — по трем причинам: во-первых, из чего можно сделать драму, из того нельзя сделать водевиля, и наоборот; во-вторых, содержание этой повести не совсем правдоподобно, хотя она рассказана и увлекательно; в-третьих, задачи для драм и водевилей всегда остаются без выполнения, и «Пантеон» гораздо бы лучше сделал, если бы вместо стихотворений и рассказов явился публике с тремя драматическими пьесами.

<«Отеч. зап.», 1840, т. X, № 6, отд. VI, стр. 83—86>.

В Полное собрание сочинений Белинского под редакцией С. А. Венгерова вошли отзывы критика об одиннадцати номерах журнала «Репертуар» и десяти номерах «Пантеона» за 1840 г. (см. V, 160—167—№ 448; 231—245—№ 458; 276—277—№ 468; 277—281—

№ 469; 285—288—№ 473; 377—380—№ 479; 402—406—№ 490; 453—459—№ 501; 514—518—№ 507. С полным основанием предполагая, что и остальные номера этих журналов за 1840 год в «Отечественных записках» рецензировал Белинский, В. С. Спиридонов включил рецензии на 12-й номер «Репертуара» и 12-й номер «Пантеона» (напечатанные в «Отечественных записках» 1841 г., № 2) в XII том Полного собрания сочинений Белинского (253—254). Таким образом, в Полное собрание сочинений критика вошли рецензии на все номера журнала «Пантеон» 1840 г., за исключением рецензии на четвертый номер. Последняя оставалась до настоящего времени не разысканной. Комментируя публикацию отзывов о 12-х книжках «Репертуара» и «Пантеона», В. С. Спиридонов отметил, что «отзыва о четвертом номере последнего журнала не имеется в „Отеч. записках"» (XII, 529.—Разрядка наша.— *Ю. М.*).

В действительности, отзыв о четвертом номере «Пантеона» за 1840 г. существует и напечатан в «Библиографической хронике» «Отечественных записок» 1840 г., № 6, стр. 83—86, вслед за рецензией Белинского на книгу А. Славина (Протопопова) «Жизнь Вильяма Шекспира» и на 5-й номер «Репертуара» 1840 г.

Несомненно, что этот отзыв принадлежит Белинскому, так как трудно предположить, чтобы именно 4-й номер «Пантеона» рецензировал кто-либо другой, в то время как все остальные номера журнала рецензировались Белинским.

Анализ рецензии также убеждает нас в том, что автором ее является Белинский. Мы находим в ней обычную у Белинского жалобу на «бедность» русской литературы и, в частности, драматического репертуара («Наша современная литература так бедна, что почти нечего читать; а наш репертуар еще беднее — кроме водевилей, не на что и посмотреть»— ср. VI, 158, 429; VII, 346 и др.); встречаемся с излюбленной Белинским мыслью, что пьесы «и пишутся и переводятся для сцены, а не для чтения», что их «нельзя читать» (ср. II, 455; V, 161, 219, 406; VII, 131; VIII, 120 и др.); обнаруживаем весьма характерные для Белинского выражения: «образы без лиц» (ср. V, 438; VI, 73 и 490; VII, 107, 152 и др.), «сообразно с здравым смыслом и эстетическим чувством» (ср. VI, 430).

Рецензируя предыдущий 3-й номер журнала, Белинский писал: «Из всего этого видно, что в „Пантеоне" есть чего и почитать, есть над чем и подумать, есть чем и позабавиться и развлечься. С нетерпением ожидаем следующей книжки <т. е. 4-го номера.— Разрядка наша.— *Ю. М.*>, в надежде, что и в ней будет о чем поговорить нам с читателями. А то, право, ведь и поговорить-то почти не о чем: плохие самодельные романы да „Репертуар" г. Песоцкого — о чем тут будешь говорить?..» (V, 281).

Намерение «поговорить с читателями» о 4-й книжке «Пантеона» было исполнено Белинским в публикуемой нами рецензии, принадлежность которой критику мы считаем доказанной.

Ю. Масанов

<6>

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: ИОАНН ЦИМИСХИЙ. БЫЛЬ X ВЕКА

СОЧ. Н. ПОЛЕВОГО.

Москва, 1841. Две части. С эпиграфом <из второй части>:

> В вечной борьбе, которую жизнь естественная должна выдерживать против жизни неестественной, в битве между умеренностию и излишеством, являются опасные мгновения и тогда-то настает время показать нашу добродетель, нашу доблесть.
> Симплиций Киликийский, Epictetae philosophiae monumenta.

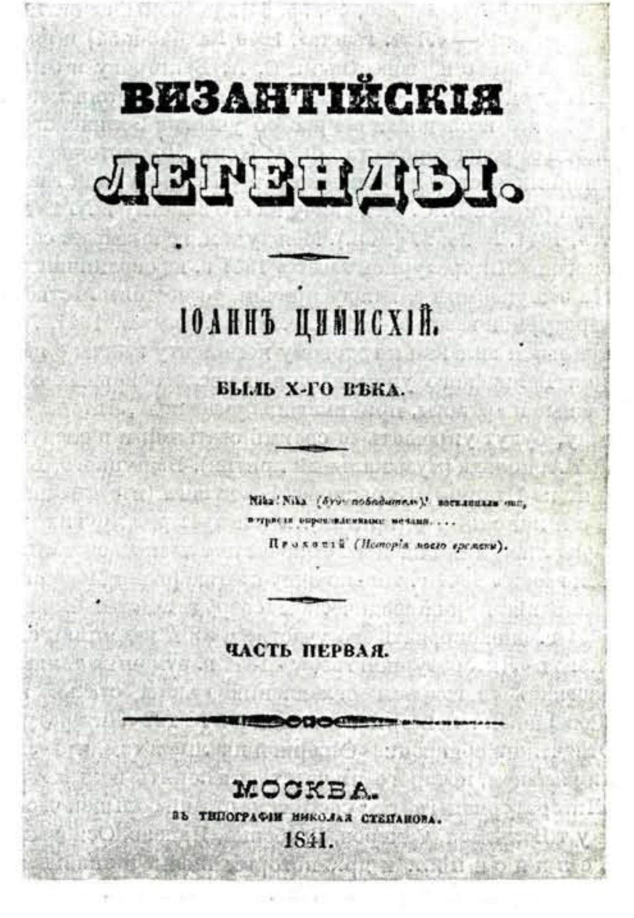
Во всякой литературе бывают особенного рода неутомимые деятели, которые пользуются часто большою известностию, слывут за людей даровитых, но которые, в самом-то деле не будучи людьми бездарными, более способные и ловкие, нежели талантливые люди. Они берутся за все и, относительно, во всем успевают и во всем обнаруживают ту степень уменья и ловкости, которую толпа охотно признает за талант и даже гений. Словно

чутьем знают они, когда надо писать стихи, когда драмы, водевили и либретто для опер, когда рассуждать о санскритском языке, политической экономии и даже о философии, — предметах, сбивчиво и темно известных им, даже и по слухам. Разумеется, успехи их основываются на причинах чисто внешних, как-то: на том, что их произведения по плечу близорукой толпе, на бедности литературы, лености истинных талантов и пр. Легкие и многочисленные сочинения таких «готовых гениев» расходятся во множестве, читаются с жадностью и потом скоро забываются, сменяемые подобными же, только новыми эфемерами. Имена таких писателей пользуются при жизни громкою известностию, — но по смерти тотчас же исчезают, уступая место другим, подобным же знаменитостям. Бывают для этих господ минуты критические, случаи роковые: они иногда выписываются, повторяют одно и то же, видят при жизни опасных себе соперников в людях одинакового с ними разбора. Но ловкость и тут не оставляет их: они иногда замолкают, выжидая благоприятного времени, и если, на их счастье, истинные таланты почему бы то ни было перестают действовать, а соперников нет, — они принимаются за старое — и старое сходит у них за новое. При упадке литературы или временном ее затмении, когда не выходит ничего нового и примечательного,—все бывает хорошо и благосклонно принимается публикою, которой надо же что-нибудь читать и которая, за неимением изящного, бывает благодарна и за посредственное.

Все сказанное нами нисколько не может относиться к почтеннейшему Н. А. Полевому. Он пользуется громкою известностию в русской литературе, и его известность основана на истинной заслуге. Издатель замечательного у нас журнала, он составил им эпоху в нашей литературе и имел на нее сильное влияние. В этом случае великая заслуга его неоспорима, и его успехи нельзя отнести ни к каким внешним причинам: то и другое основывалось на уме, таланте и деятельности. Что же до поэтических произведений г. Полевого,— их успех основан более всего на успехе «Московского Телеграфа», равно как и успех подписки на его неоконченную «Историю русского народа». Впрочем, его романы и повести и сами по себе не без достоинств как произведения легкой беллетристики. С 1837 года г. Полевой заметил, что настало время театра и драматической литературы: переделка «Гамлета» Шекспира, исправление «Мнимого больного» Мольера и множество драм и водевилей были плодом этой сметливости. В этих произведениях и работах его было много достоинств, но только отрицательных; г. Полевой имел полное право сказать многим нашим драматургам, которые ему же указали путь: «Оно, положим, плохо, да сделайте-ко лучше, а главное — поделайте-ко больше». Драматургам нашим пришлось бы ответить на этот грозный вопрос скромным молчанием; — а победа и без того была на стороне г. Полевого. Но вот уже почтеннейший Николай Алексеевич перестал пожинать лавры Мельпомены и Талии и, видя, что Пушкина нет, и «Арапа Петра Великого» кончить некому, Гоголь не пишет, Лажечников молчит, гг. Загоскин, Булгарин и Греч больше романов не пишут, а Вельтман редко является в свет, и что только гг. Зотов и Воскресенский изредка радуют российскую публику своими произведениями, — решился приняться за старое. Сказано — сделано. И вот напечатан вторым изданием «Аббадонна» — и притом без конца, который, вероятно, скоро будет напечатан первым изданием; теперь вышли «Византийские легенды». Они были написаны давно уже — еще в то время, когда г. Полевой занимался романами и вообще вещами, которые труднее писать, чем бенефисные пиески или драмы, вроде «Уголино». Хорошо сделать во время хороший запас: благодаря ему никогда не выпишетесь и в удобное время и в добрый час, при общем молчании, будете оживлять заснувшую литературу.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ «ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ» Н. А. ПОЛЕВОГО

Этой книге посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Литературной газете» № 40 за 1841 г.



ВИЗАНТІЙСКІЯ
ЛЕГЕНДЫ.

ІОАННЪ ЦИМИСХІЙ.

БЫЛЬ X-ГО ВѢКА.

Nika! Nika (будь победителем)! [illegible]

[illegible]

Прокопій (Исторія моего времени).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1841.

Итак, «Византийские легенды» — новость, написанная давно: их ожидали под именем «Синих и Зеленых», но почтенный автор, желая придать своему произведению сколько можно более характер новости, выпустил их под новым названием. Тем не менее, его «Византийские легенды» — явление очень приятное. Так как основной предмет их содержания — история, а не вымысел (который непременно требует от автора фантазии и таланта поэтического), то они читаются легко и с большим интересом. Картина Византийской империи изображена г. Полевым с замечательным успехом. Слог жив и прост и только моментами впадает в декламацию, напыщенность и реторику. Мы уверены, что все прочтут «Византийские легенды» с удовольствием, чего мы от души желаем нашему почтенному драматургу—историку—романисту.

<«Лит. газета», 1841, № 40, 15 апр., стр. 158—159>.

«Литературная газета», преобразованная в 1840 г. из «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду», в 1840—1841 гг. тесно примыкала по своему направлению к «Отечественным запискам». В 1840 г. ее редактором-издателем был Краевский, а среди сотрудников — в основном те же лица, которые писали в «Отечественных записках». Оба издания, по выражению Белинского, были «проникнуты одним духом, замечательны одним характером» («Лит. газета», 1840, № 1, 3 янв., рец. на альманах «Утренняя заря»).

Работая в «Отечественных записках» Краевского, Белинский принимал живое участие и в «Литературной газете» 1840 г. Ему принадлежит большинство помещенных здесь отзывов о пьесах, игранных на сцене Александринского театра (напр., «Лит. га-

зета», 1840, №№ 4, 8, 10, 45, 55, 61), две большие статьи полемического характера («Журналистика».— «Лит. газета», 1840, №№ 43 и 54) и ряд отзывов о новых книгах (последние остались не известными С. А. Венгерову и были собраны В. С. Спиридоновым в XIII томе Полного собрания сочинений Белинского).

Менее исследован вопрос об участии Белинского в «Литературной газете» 1841 г., когда ее редактором стал Ф. А. Кони. До настоящего времени была известна лишь одна анонимная статья Белинского в «Литературной газете» этого года, являющаяся ответом критика В. С. Межевичу на его заметку в № 1 «Репертуара» за 1841 г. («Лит. газета», 1841, № 24, 27 февр.). Между тем, не вызывает сомнений, что сотрудничество Белинского в «Литературной газете» 1841 г. не ограничилось публикацией одной этой статьи. На это указывает, между прочим, то обстоятельство, что в «Программе» издания «Литературной газеты» на 1842 г. («Лит. газета», 1841, № 116, 14 окт., стр. 463—464 и специальная вклейка к годовому комплекту газеты с цензурной пометкой 16 дек. 1841 г.) имя Белинского упоминается в числе основных сотрудников: «Русские литераторы ученые и артисты, принимавшие участие в „Литературной газете" и в „Пантеоне" в 1841 году, будут украшать ее своими статьями и в следующем году. Мы можем назвать из них Арнольда (музыкальный критик), Башуцкого, Бобылева, М. Бибикова (корреспондент из Италии), Бурьянова, Брейтинга (известный певец), Бонавентуру (псевдоним), Белинского (критик)...» (следует ряд других имен.— Разрядка наша.— *Ю. М.*). Вряд ли имя Белинского было бы помещено в этом списке, если бы он дал в «Литературной газете» 1841 г. только одну статью (ответ Межевичу), и вряд ли редакция имела бы основание при эпизодическом сотрудничестве Белинского в «Литературной газете» 1841 г. анонсировать его участие в этом издании в следующем 1842 г. Участие Белинского в «Литературной газете» 1841 г. отмечено также Ф. А. Кони в его статье «Журналистика» (в годовом оглавлении газеты статья имеет подзаголовок «Прощание с „Северной пчелой"»), напечатанной в № 122 «Литературной газеты» от 28 октября 1841 г. Отвечая на обвинение «Северной пчелы» в том, что «Литературная газета» «пишется таким языком, которого ни читать, ни понять нельзя», Кони пишет: «Что это за известие? „Литературная газета" состоит из статей большей части русских литераторов; в ней пишут Вельтман, Сахаров, Гребенка, Панаев, Основьяненко..., Кольцов..., Некрасов..., Белинский... и др., которых имена и знание языка известны русской публике с самой лучшей стороны» («Лит. газета», 1841, № 122, 28 окт., стр. 487. Разрядка наша.— *Ю. М.*). Следует принять во внимание, что это пишется спустя восемь месяцев после появления статьи Белинского о Межевиче. Доказательства принадлежности Белинскому публикуемой нами анонимной рецензии на «Византийские легенды» Н. А. Полевого («Лит. газета», 1841, № 40, 15 апр.) таковы.

Исследователями неоднократно отмечалась своеобразная манера Белинского, любившего повторять, иногда дословно, мысли, высказанные им раньше, а в новых статьях цитировать отдельные места из своих сочинений, уже появившихся в печати (см., напр., V, 555, прим. 91). В рецензии на «Византийские легенды» Полевого мы находим почти дословное повторение мыслей, в свое время уже высказанных Белинским в его статье о переводе Н. А. Полевым «Гамлета» Шекспира — «Гамлет, принц датский» («Моск. наблюдатель», 1838, т. XII, кн. 1; см. III, 336—349). В этой статье Белинский писал, имея в виду Полевого: «Иногда в литературе являются особенного рода деятели: ⟨они⟩ имеют бесконечное влияние на свое время и не производят ничего, что бы пережило даже их самих. Обыкновенно такие люди отличаются деятельностью многостороннею и разнообразною; ни в чем не обнаруживают решительного гения или даже и сильного таланта и ко всему показывают большую способность; не принадлежат ни к какому предмету знания или деятельности исключительно и берутся за все и во всем успевают...» и т. д. (III, 339.— Разрядка наша.— *Ю. М.*). Рецензия на книгу Полевого «Византийские легенды» начинается с видоизмененного повторения приведенных выше слов: «Во всякой литературе бывают особенного рода неутомимые деятели, которые пользуются часто большою известностию, слывут за людей даровитых, но которые на самом-то деле, не будучи людьми бездарными, более способные и ловкие, нежели талантливые люди.

Они берутся за все и, относительно, во всем успевают и во всем обнаруживают ту степень уменья и ловкости, которую толпа охотно признает за талант и даже гений...» (Разрядка наша.— *Ю. М.*)

В своих рецензиях Белинский охотно и часто начинал статью обобщающей характеристикой автора рецензируемой книги как определенного типа литературного деятеля, или обобщающей характеристикой типа данного сочинения, а затем делал оговорку, что все сказанное не относится к тому конкретному лицу, книга которого им рецензируется. Напомним, например, характерный в этом отношении отзыв Белинского о сочинении Л. Бранта «Аристократка» (VIII, 105—109). Этот же прием использован и в рецензии на «Византийские легенды» Н. А. Полевого.

Основной заслугой Н. А. Полевого в русской литературе здесь признается издание им «Московского телеграфа»: «Издатель замечательного у нас журнала, он составил им эпоху в нашей литературе и имел на нее сильное влияние». Это мысль Белинского. Он неоднократно подчеркивал большое значение Полевого как журналиста и издателя «Московского телеграфа».

О Полевом как писателе, о его романах и повестях в рецензии сказано, что они «и сами по себе не без достоинств как произведения легкой беллетристики». Такую именно оценку творчеству Полевого давал Белинский, всегда указывавший, что сочинения Полевого относятся к беллетристике (в том известном понимании, какое вкладывал критик в это понятие), а не к области истинно-художественных произведений.

В отзыве на «Византийские легенды» говорится о переводе Полевым «Гамлета» *как о «переделке», о переводе «Мнимого больного» как об «исправлении», о том, что* «Гоголь не пишет, Лажечников молчит... Вельтман редко является в свет и что только гг. Зотов и Воскресенский изредка радуют российскую публику своими произведениями». Все это неоднократно повторялось Белинским в его рецензиях и статьях 1840—1841 гг.

Напомним, наконец, что критика сочинений Полевого в «Отечественных записках» и «Литературной газете» 1840—1841 гг. была «монополией» Белинского: Белинский рецензировал все новые сочинения Полевого, давал отзывы о постановках его пьес, об отдельных его журнальных статьях, вел полемику с Полевым и т. д., и естественно, что он не мог не отозваться на вышедшие отдельной книгой «Византийские легенды».

Все собранные факты дают право считать доказанной принадлежность Белинскому рецензии на «Византийские легенды» Полевого.

Ю. Масанов

<7>

МОСКВЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ

Ф. ГЛИНКИ

Москва. В типографии Н. Степанова. В 4-ю д. л. 2 стр.

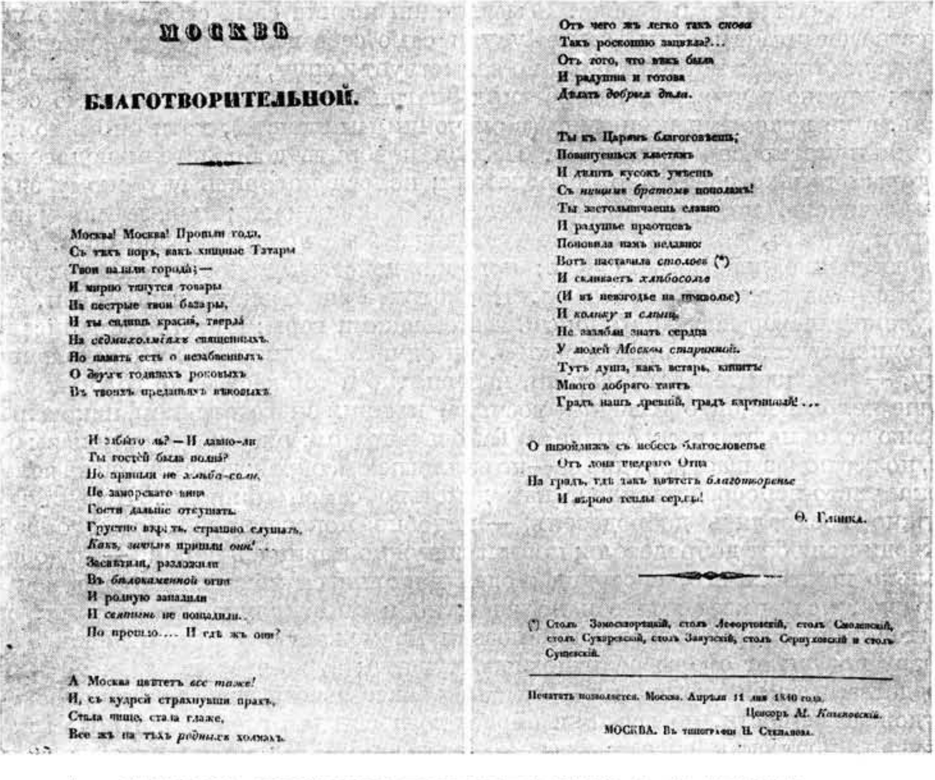
Странное дело, как иногда малые причины рождают великие следствия, а великие причины иногда не производят никаких следствий! Иная книга и велика (т. е. форматом и числом страниц), а сказать о ней нечего; иная всего две странички, как вот это стихотворение г. Ф. Глинки «К Москве Благотворительной», а о нем, кажется, сколько ни говори, все не наговоришься вдоволь. И страннее всего, что по поводу этого стихотворения решительно нечего сказать о поэзии, потому что оно, т. е. это стихотворение, относится не столько к области поэзии, сколько к другой, более почтенной сфере жизни, именно к «нравственности»; вот почему о нем, т. е. о стихотворении г. Ф. Глинки, можно написать хоть целую книгу.

Г. Глинка почетное лицо в нашей литературе, — то, что называется известностию, славою, авторитетом. К этому особенно способствовало его долговременное и усердное служение музам. Начиная с двадцатых годов текущего столетия, вы не найдете ни одного журнала, ни одного

альманаха, в котором бы не встретилось имя г. Глинки. Много сочинений, в стихах и прозе, разбросано г. Глинкою по всем, без исключения, периодическим изданиям. Те и другие совершенно равного достоинства: проза всегда гладка, стихи часто гладки, а иногда в них даже мелькали искорки чувства и поэзии. Но особенность их заключается в том, что общий их недостаток составляет вместе и их общее достоинство: все они монотонны, все на один лад, все поют у г. Глинки, и проза поет, как стихи (на один голос *о чем-то, где-то, когда-то, куда-то*); но это, повторяем, и составляет их высокое достоинство, ибо постоянное убеждение в одних и тех же (и притом высоких) истинах, хотя и высказываемых всегда одними и теми же словами и фразами, — такое постоянное убеждение, неизменяющееся, недвижущееся ни вперед, ни назад, всегда почтенно. Итак, г. Глинка стяжал себе двойную славу, сперва как поэт, потом как поэт нравственный. Но первая слава продолжалась недолго: со времени появления Пушкина тайна версификации была разгадана, и поэтов на Руси явилось столько, что Ф. Н. Глинка совершенно потерялся в их густой толпе. Однакож, он резко выдвигался вперед из этой многочисленной дружины тем, что неизменно пел одно и то же, пел одними и теми же словами. Наконец, и это начало надоедать; на стихи Ф. Н. Глинки начали появляться нападки, и вот уже давно для русских журналов и альманахов имя Ф. Н. Глинки получило цену мимо его стихов. В этом отношении к Ф. Н. Глинке можно применить слова пушкинского «Современника» о г. Грече: «Г. Греч давно уже сделался почетным и необходимым редактором всякого предпринимаемого периодического издания; так обыкновенно почтенного пожилого человека приглашают в посаженые отцы на все свадьбы» (*Современник* 1836, т. I, стр. 195). Этим бы, кажется, и суждено было продолжиться и кончиться мирному литературному поприщу Ф. Н. Глинки: его стихов никто бы не читал, но все бы печатали: он воспевал бы себе, в особых брошюрках, благотворительные обеды и другие торжественные случаи, и вообще, с честию для сёбя и пользою для поэзии, никого не обижая, ни в ком не возбуждая зависти, продолжал бы, вместе с другим почтенным ветераном нашей литературы, князем Шаликовым, быть присяжным, неизменным поэтом «Москвы благотворительной и хлебосольной», — как вдруг, к удивлению всего читающего мира, ему вздумалось изменить своему призванию и пуститься — страшно сказать! — в полемику... Верный оффициальности, он тиснул в оффициальной газете нечто в роде буллы, гремящей анафемою против каких-то журналов, будто-бы открыто, без маски, проповедующих безнравственность. Мы сначала подумали, что почтенный певец «Москвы благотворительной» намекает на какие-нибудь иностранные журналы, не почитая даже возможным предполагать существование подобных изданий на святой Руси; «Отеч. Записки» так, вскользь, упомянули о странной и неуместной выходке благонамеренного поэта «Москвы хлебосольной», кстати посмеявшись над тем, что некоторые моралисты, не понимающие поэзии, называют нравственностию в поэзии. Известно, какую сильную, благородную и приличную выходку навлекли на себя «Отеч. Записки» со стороны единственного теперь московского журнала. В этой же книжке «Отеч. Записок» читатели найдут и скромный ответ на удалую выходку москвича. Итак, об этом нечего больше говорить — до новой выходки того же журнала; но мы почитаем здесь кстати сказать не много, но определительно о том, как понимают «Отеч. Записки» нравственность и ее отношения к поэзии, чтоб однажды навсегда отстранить от себя благонамеренные возражения и жалобы «нравственных» журналов.

По нашему мнению, сказать о ком-нибудь, что он не уважает нравственности — все равно, что назвать его дурным человеком. Без глубокого нравственного чувства, человек не может иметь ни любви, ни чести, —

ничего, чем человек есть человек. Если безнравственность человека происходит от пустоты и ничтожности его натуры, — он только презренен и жалок; если же безнравственность соединяется в нем с умом и силою воли, — он презренен и ненавистен, он ядовитое чудовище, он лютый зверь, страшнее всех зверей, ибо зол по натуре, развратен сознательно и богат средствами делать все зло, какое хочет. В философском отношении сфера нравственности — сфера абсолютная, следовательно, родственная поэзии, ибо все абсолютное однородно, односущно, истекает из одного общего начала, которое есть — бог. Но тем не менее, обе эти сферы совершенно особны, и смешивать одну с другою в понятии отнюдь не должно.



МОСКВѢ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ.

Москва! Москва! Прошли годы,
Съ тѣхъ поръ, какъ хищные Татары
Твои палили города; —
И мирно тянутся товары
На пестрые твои базары,
И ты сидишь красна, тверда
На *седмихолміяхъ* священныхъ.
Но память есть о незабвенныхъ
О *двухъ* годинахъ роковыхъ
Въ твоихъ преданьяхъ вѣковыхъ.

И забыто ль? — И давно-ли
Ты гостей была полна?
Но пришли не *хлѣба-соли*,
Не заморскаго вина
Гости дальніе откушать.
Грустно вѣрить, страшно слушать,
Какъ, зачѣмъ пришли *они*!...
Засвѣтили, разложили
Въ *бѣлокаменной* огни
И родную запалили
И *святынь* не пощадили..
Но прошло.... И гдѣ жъ они?

А Москва цвѣтетъ *все таже!*
И, съ кудрей стряхнувши прахъ,
Стала чище, стала глаже,
Все жъ на тѣхъ *родныхъ* холмахъ.

Отъ чего жъ легко такъ *снова*
Такъ роскошно зацвѣла?...
Отъ того, что вѣкъ была
И радушна и готова
Дѣлать добрыя дѣла.

Ты къ Царямъ благоговѣешь;
Повинуешься властямъ
И дѣлить кусокъ умѣешь
Съ *нищимъ братомъ* пополамъ!
Ты застольничаешь славно
И радушье праотцевъ
Поновила намъ недавно:
Вотъ настачила *столовъ* (*)
И скликаетъ *хлѣбосолье*
(И въ невзгодье на приволье)
И *кольку* и *слѣпца*,
Не зазнобя знать сердца
У людей *Москвы старинной*.
Тутъ душа, какъ встарь, кипитъ:
Много добраго таитъ
Градъ нашъ древній, градъ картинный!...

О низойди жъ съ небесъ благословенье
Отъ лона щедраго Отца
На градъ, гдѣ такъ цвѣтетъ *благотворенье*
И вѣрою теплы сердца!

Ѳ. Глинка.

(*) Столъ Замоскворѣцкій, столъ Лефортовскій, столъ Смоленскій, столъ Сухаревскій, столъ Яузскій, столъ Серпуховскій и столъ Сущевскій.

Печатать позволяется. Москва. Апрѣля 11 дня 1840 года.
Цензоръ *М. Каченовскій.*
МОСКВА. Въ типографіи Н. Степанова.

ЛИСТОВКА «МОСКВЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ» Ф. Н. ГЛИНКИ

Этому изданию посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных Записках» № 7 за 1841 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Что такое благо, как не истина в действии, не истина воли? — и однакож наш ум отличает друг от друга истину и благо, как два понятия родственные, но в то же время и совершенно особенные.—Цель знания истина, и потому знание облагороживает человека; но великий ученый совсем не одно и то же, что добродетельный человек в практическом значении этого слова: оба они родственны друг другу, оба служители одного бога; но великий ученый, будучи великим ученым, может все-таки не совершить ни одного подвига добродетели во всю жизнь свою, незапятнанную ни одним дурным поступком: а великий подвигоположник добродетели может не уметь определить сознательною мыслию ни одного своего подвига. Разум без чувства есть ложь, так же как и неразумное чувство есть только чувственность; следовательно, разум и чувство родственны, односущны;

но тождественны ли они? не суть ли это два совершенно особенные понятия? В таком точно отношении находится нравственность к поэзии и поэзия к нравственности: они родственны, но не тождественны. Лучшим и яснейшим доказательством сказанному может служить то, что не всякий нравственный человек—непременно и поэт. Поэзия, в высшем значении своем, не только не может быть безнравственною, но не может не быть нравственною; всякое художественное произведение непременно нравственно, хотя бы оно и вовсе не имело в виду нравственности, — тогда как мнимохудожественное произведение, даже и направленное к нравственной цели, уже не нравственно в высшем значении этого слова, хотя и не безнравственно. Истина везде и во всем одна и та же; но в проявлении своем она различна и особна. В мышлении истина сама себе цель; но искусство достигает истины только будучи само себе целию и не делая своею целию истины, от которой оно само заимствует и силу, и величие, и святость свою; так же точно, как в действиях благой воли только благо само себе цель, а не красота и не истина (в значении мышления), хотя оно в то же время и прекрасно и истинно. Нельзя поверить добродетели человека, который только говорит о добродетели; нельзя поверить глубокому знанию ученого, который только ведет себя порядочно; нельзя поверить таланту поэта, который только рассуждает в стихах. Поэзия есть воспроизведение действительности: подобно действительности, она говорит фактами, явлениями, образами. Посмотрите на бесконечный океан, на глубокий шатер неба, на опоясанные облаками горы: на них не написано ни одной буквы о величии божием, ни одного предписания о поклонении ему, — а между тем, как громко, как внятно и торжественно говорят они душе человеческой о величии господа, и каким благоговением, какою любовию исполняют к нему сердце?.. Такова и поэзия: она ничего не доказывает, но все показывает; орудие ее—не силлогизм, а образ; действие ее на человека чисто-непосредственное, как действие самой природы. Поэзии ненужно восхвалять добродетель, — надобно показать ее святой образ, и люди полюбят добродетель; поэзии ненужно порицать порок, — надобно только показать его, и сердца людей наполнятся ненавистию к пороку. Правда, поэт имеет право и поучать; но в таком случае, во-первых, он выходит из сферы безусловной поэзии на межевую черту, отделяющую сферу поэзии от сферы религиозного чувства; а, во-вторых, он и поучает средствами самой же поэзии — мыслию более отрешенною от безусловной художественности, но все-таки óбразною и всегда огненною. Притом же, поучая, поэт, так сказать, только временно выходит из своей сферы; оставив ее совершенно, он может приобрести себе не меньшее достоинство провозвестника высоких истин, но поэтом уже перестает быть. И потому нет ничего несправедливее и нелепее, как требовать от него поучения, когда он не расположен поучать, или заставлять его всю жизнь петь одно и то же.

Но всегда ли под «нравственностию» люди разумеют то, что в самом деле есть «нравственность»? и не облекают ли они часто в это громкое слово своих личных и ложных понятий? Где критериум для истинной нравственности?.. Чтоб решить этот вопрос, надо написать больше, нежели сколько дозволяет нам время и место, — яснее и удовлетворительнее, нежели сколько мы можем сделать теперь. И потому скажем только, что необходимый признак, обусловливающий собою нравственность литературного (о художественном мы уже не говорим по причине, выше изложенной) произведения, есть непременно — пламенное одушевление, сообщающееся душе читателя, глубокое и сильное чувство, проявляющееся в живой образности, в огненном слове, в оригинальной и всегда новой мысли даже при старом предмете сочинения. Скажите же, после этого, могу ли я назвать нравственным произведение апатическое, мертвое, бездар-

ное, набитое общими мыслями, взятыми напрокат из любой азбуки? Человек дó поту бьется, чтоб уверить меня, что должно любить ближнего, никому не завидовать, помогать бедным и пр.: я не сомневаюсь, я верю, что все это — святые истины; но в то же время я зеваю, я чувствую скуку, а не любовь к ближнему, ибо проклинаю ближайшего ко мне из всех их, т. е. сочинителя. Правила истинны, а книга дурна, — и я никогда не назову ее нравственною. Неужели грех смеяться над такою нравственностью? А «Отеч. Записки» смеялись и всегда будут смеяться только над такою нравственностью. — Но что сказать о тех произведениях, в которых пошлая, узенькая мораль общежития выдается за чистейшие основания нравственности?.. Например, иной не шутя уверяет, что должно

ДОМ ВАРГИНА НА УГЛУ ТВЕРСКОЙ ПЛОЩАДИ И ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ В МОСКВЕ,
В КОТОРОМ ЖИЛ В 1834 г. БЕЛИНСКИЙ

Угловой дом справа на переднем плане. Квартира Белинского выходила на Тверскую

Литография Арну-отца, 1840-е гг.

«Живу я теперь на Тверской улице почти против дома генерал-губернатора, в мезонине, который составляет собою 3-й этаж огромного дома Варгина» (из письма Белинского к матери от 25 мая 1834 г.)

Исторический музей, Москва

быть почтительным ко всем и каждому, т. е. и к честному и к негодяю, потому что не знаешь, от кого можешь получить пользу. Вы смеетесь, читатели, а ведь это так, к несчастию: не в одних нравственных книгах такого рода, но и в действительности, кáк часто отец называет безнравственною дочь свою за то, что она не хочет выйти замуж за старого, богатого сластолюбца; сына — за то, что тот совестится уверять в своем почтении другое лицо, которое он имеет право считать подлецом! как часто, говорю я, *нравственные* старики восклицают к безнравственной молодежи, которая, например, не хочет брать взяток и казнокрадствовать:

Вот то-то все вы гордецы!
Смотрели бы как делали отцы,
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя — и прочее...

Хороша нравственность! А сколько есть людей, которые от всего сердца убеждены, что это чистейшая нравственность?.. Неужели же не должно нападать на *такую* нравственность со всею энергиею благородного негодования, со всею желчью сарказма, со всею полнотою презрения?..

Что́, наконец, сказать о той нравственности, которая есть только маска, прикрывающая спекуляцию?.. Но довольно... или, говоря словами Милонова, известного сатирика доброго старого времени:

Но, муза, замолчим, покорствовать умея,
До первого глупца, иль первого злодея!..

〈«Отеч. зап.», 1841, т. XVII, № 7, отд. VI, стр. 3—7〉

С 1841 г. начал издаваться «Москвитянин», первый номер которого открылся декларативной статьей С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы». Статья эта, определявшая направление нового журнала, достаточно известна как программное выступление официозного апологета «православия, самодержавия и народности». В числе сотрудников «Москвитянина», вполне разделявших его направление, был и Ф. Н. Глинка (1786—1880), поэт и публицист, в прошлом один из видных деятелей правого крыла декабристского движения (член «Союза благоденствия»). Вскоре же после выхода первого номера «Москвитянина» на страницах «Московских ведомостей» (1841, № 16) Глинка напечатал хвалебную статью о новом журнале, причем его направление резко противопоставил защите «безнравственности» в поэзии и «безверия» в философии. Хотя об «Отечественных записках» в статье Глинки и не было никаких прямых упоминаний, но, несомненно, что он имел в виду журнал Краевского, где Белинский в своих статьях систематически пропагандировал мысль о родственности эстетического чувства с нравственным и обосновывал автономию чувства от всякой принудительной опеки. Белинский утверждал, что «вопрос о нравственности поэтического произведения должен быть вопросом вторым и вытекать из ответа на вопрос — действительно ли оно художественно» (IV, 470). Исходя из этого положения, Белинский дал свой замечательный разбор «Героя нашего времени», в котором встал на защиту Печорина от проповедников лицемерной морали (подробнее см. Н. И. Мордовченко. «Лермонтов и русская критика 40-х годов».— «Лит. наследство», № 43—44, стр. 768—770). Белинский систематически преследовал в поэзии то, что он называл «моралью и моральничаньем». Враги Белинского квалифицировали это как проповедь «безнравственности» и «безверия». В указанной выше статье о «Москвитянине» Глинка писал: «Едва ли не дожили мы уже до того, что мнение, которое передавалось шопотом, произносится вслух. Смелее приподымая маску, уже начинают проповедывать, что поэзия должна быть без нравоучения, философия— без веры. Посмотрим, куда прийдем мы с поэзиею безнравственною, с философиею безверною»!

Выпады Глинки против «Отечественных записок», конечно, сразу же были поняты и не остались без ответа. В рецензии на брошюрку А. Орлова «Малолеток» в четвертом номере «Отечественных записок» 1841 г. автор этой рецензии А. Д. Галахов упоминал, между прочим, имя Глинки в качестве защитника нравственности в поэзии. Глинке были посвящены следующие иронические строки: «Да, нравственность есть поэзия, поэзия есть нравственность. Нравственный поэт наш, Ф. Н. Глинка, того же мнения. В одном из нумеров весьма нравственной газеты «Московские ведомости» он поместил очень нравственную статью о тождестве нравственности и поэзии, привязав это нравственное суждение к самой нравственной цели: похвале журнала, в котором он участвует. Нам остается восхищаться нравственною статьею Ф. Н. Глинки, упрекать себя за прежние заблуждения и душевно пожалеть, что Иван Федорович Шпонька, такой прекрасный нравственный человек, никогда не брал пера в руки — вероятно из застенчивости...» (VI, 594—595).

В лагере «Москвитянина» рецензия на «Малолеток» была воспринята как оскорбление Глинки и вызвала бурю возмущения (см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VI, стр. 81). С анонимной статьей, под заглавием «К Отечественным запискам», в шестом номере «Москвитянина» 1841 г. выступил Шевырев. Недвусмыслен-

но имея в виду Белинского, Шевырев называл его «журнальным писакой», который «осмеливается» в своем журнале «праздновать шабаш поэзии и нравственности и, забыв все приличия, извергает насмешки и клевету на писателя, огражденного от подобных оскорблений мнением литературным и общественным». В редакции «Москвитянина», видимо, и не подозревали, что рецензия на «Малолеток» была написана не Белинским, а Галаховым. Дело было, однако, не в том, кому принадлежала рецензия, а в существе вопроса, вокруг которого развернулась борьба и который имел для Белинского принципиальное значение — философско-эстетическое и политическое. И в том, и в другом отношении направление «Москвитянина» было реакционным. Поэтому-то Белинский и включился в борьбу: в седьмом номере «Отечественных записок» 1841 г. он выступил с исключительно резкой и боевой статьей «Шестая книжка Москвитянина и Ф. Н. Глинка» и здесь же он напечатал свою рецензию на листовку Глинки «Москве благотворительной» («Отеч. зап.», 1841, т. XVII, № 7, отд. VI, стр. 3—7), до сих пор неизвестную и не вошедшую ни в одно из изданий собрания сочинений Белинского.

Принадлежность Белинскому настоящей рецензии документально устанавливается публикуемым во втором томе настоящего издания письмом А. Д. Галахова к А.А. Краевскому от 10 июля 1841 г. Относительно помещенных в седьмом номере «Отечественных записок» статей и рецензий Белинского. Галахов пишет здесь следующее: «Отзыв о Загоскине в критике „Ста литераторов“ многим не понравился. Вы напрасно так резко отозвались. О Шишкове прекрасно ⟨в той же рецензии Белинского⟩, за что, равно за разбор книжки „Москве благотворительной“, заочно, я и Кудрявцев, кланяемся Белинскому».

Рецензия на листовку Глинки как бы подводила итог многочисленным суждениям Белинского на протяжении ряда лет по вопросу о соотношении нравственности и поэзии: это был один из важнейших вопросов его эстетической концепции.

Н. Соколов

⟨8⟩

ЖУРНАЛИСТИКА

⟨О ЖУРНАЛЕ «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»⟩

В нашей журналистике мало движения, потому что в ней мало жизни. Под жизнью и движением мы разумеем *развивающуюся мысль*. Но как не каждый человек, особо взятый, *живет*, т. е. *мыслит*, но большая часть людей заживо покоится непробудным сном смерти, т. е. ест, пьет, покупает, продает, но не мыслит, — так точно и большая часть наших журналов движется только потому, что, начиная год первым № книжки или листка, оканчивает его — кто 12-м, кто 52-м, кто 300-м. При этом регулярном движении, у наших журналов есть еще и другое: одни отстают выходом, другие умирают скоропостижно, третьи тихо кончаются естественною смертию, а на месте их появляются другие. С 1834 года в нашей журналистике безусловно владычествовала «Библиотека для Чтения». Она пережила «Телескоп» и «Молву», своих ожесточенных врагов, которые давно уже томились смертною агониею и оживились было на минуту ненавистию к новому и толстому журналу. «Современник» поддерживался только именем своего основателя и, в 1837 году, его посмертными творениями, которые печатались в нем. В 1835 году в Москве явился новый непримиримый враг «Б. для Ч.» — «Московский Наблюдатель»; но, поддерживаемая умом, дарованием и ловкостию своего издателя, «Б. для Ч.» сделала вид, что даже и не заметила этого нового врага. На другой же год своего существования, «Московский Наблюдатель» начал *засыпать*, говоря рыболовным термином. В 1838 году он вздумал было ожить, из желтого цвета — эмблемы головной боли, облекся в зеленый цвет — эмблему надежды; но хотя его надежды и были велики, однако, покоряясь воле

судьбы неумолимой, он скончался вмале. Между тем, владычество «Б. для Ч.» было давно уже утверждено на прочных основаниях. Успех ее был чудовищный и, разумеется, заслуженный, если только успех всегда может служить оправданием делу. Впрочем, почему же бы и не так? Что ни говорите о Тамерланах, Чингис-Ханах и Атиллах, но они — великие люди: при жизни их никто не смел сомневаться в этом, а когда они умерли, все трепетали тени их и, таким образом, привыкли видеть в них великих людей. И в самом деле, теперь, когда уже «Б. для Ч.» совершила полный свой цикл, когда ее конец уже граничит с началом и кольцо — символ вечности — готово сомкнуться, т. е. голова готова уцепиться за хвост, — теперь смешно было бы не видеть и не признавать в «Б. для Ч.» журнала, замечательного по многим достоинствам, а в ее издателе — человека с умом, талантом и журнальною ловкостию. Одна оригинальность есть уже доказательство неоспоримого достоинства; посредственность всегда ползет по проторенным тропинкам и никогда не дерзает пролагать новой дороги, хотя бы это было только в орфографии и касалось заменения больших букв маленькими в прилагательных, от собственных имен происходящих, каковы: *французский* суп, *вяземские* пряники и т. п., и отменения странного обычая кланяться известным званиям большими буквами, как в словах: *майор, генерал, князь* и т. п. Г. Сенковский первый понял, какой формы для журнала требует русская публика — и смело начал выдавать двенадцать больших книг, вместо 24 тощих; для скорости издания ввел нумерацию по отделениям и с тех пор эта форма осталась господствующею до сих пор. В первом году «Б. для Ч.» публика видела в ней произведения Пушкина, Жуковского, кн. Одоевского и других уважаемых ею писателей; журнальная ловкость издателя не замедлила возвестить о появлении новых гениев — гг. Кукольника и Тимофеева. До нового все охотники, а кто в чем-нибудь успел и говорит смело и уверительно, тому все верят, и потому «Б. для Ч.» явилась полною представительницею русской литературы: в ней должны были кончить свое поприще старые литераторы, в ней должны были продолжать давно уже и с блеском начатое поприще литераторы еще в полноте сил своих, и в ней же должны были начать свое поприще возникающие таланты. Много умных статей в отделе «Наук и Художеств», забавная перечень книг, разнообразная и живая смесь, — все это делало «Б. для Ч.» в глазах публики чудом чудным и дивом дивным. Самая критика ее показалась на первых порах необыкновенно оригинальною и глубокомысленною, ибо состояла из одних выписок из разбираемой книги и похвал, вроде следующих: *не дурно, хорошо, очень хорошо, прекрасно, превосходно, великий Гете, великий Кукольник — становлюсь перед вами на коленки.* Наконец, самое отсутствие мысли в «Б. для Ч.» для многих казалось достоинством. Но тут была и другая причина: постоянное гонение идеи, нападки на умозрение, на систему, на убеждение, на веру в возможность знания, в непреложность истины, словом, гонение на разум, в пользу произвола понятий и неразумности, — все это есть своего рода убеждения, система, мысль, словом — *доктрина,* какая бы ни была ее причина и цель,— и все это гораздо лучше, нежели решительное отсутствие всякого взгляда, всякого воззрения на все, кроме личной выгоды и карманной пользы. Но вот проходит год — имена с обертки «Б. для Ч.» исчезают; настоящие литературные знаменитости публично отрекаются от всякого участия в этом журнале; старые журналы громко вопиют против него. Но «Б. для Ч.» уже ничего не боится; она себе на уме: лишившись содействия *настоящих* знаменитостей, она обратилась к *будущим,* зная, что от ее собственной воли зависит наделать их, сколько угодно. Притом же, дело было уже сделано — около 5 000 подписчиков приобретены, соперников не являлось, ум и ловкость издателя были те же, система его — та же:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

ВѢСТНИКЪ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, НОВОСТЕЙ, ТЕАТРОВЪ И МОДЪ.

№ 77.

12-е іюля. СУББОТА. 1841 года.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

— 507 —

ЖУРНАЛИСТИКА.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» № 77 ЗА 1841 г.

Здесь напечатана неизвестная ранее рецензия Белинского на журнал «Библиотека для чтения»

попрежнему он нападал на полемику, почитая ее несовместною с достоинством «Б. для Ч.»; и попрежнему нападал на кого хотел и отвечал кому хотел в «Литературной Летописи» (вся тонкость политики издателя заключалась в том, чтобы нападать и защищаться мимоходом, при разборе разных книжонок, а не в особых статьях под названием *рекритик* и *антикритик*); попрежнему критики его состояли из выписок из разбираемой книги и из общих мест собственного изобретения; попрежнему в отделе словесности были плохие стихотворения, а оригинальные повести по-новому стали плохи, переводные же всегда были, по крайней мере, занимательны, а иногда и действительно хороши; в отделении наук попрежнему встречались дельные и занимательные ученые статьи; «Литературная Летопись» попрежнему была нередко плосковата, иногда остроумна и всегда уморительно-забавна, а смесь разнообразна и интересна; выход книжек попрежнему был точен и неукоснителен. И потому все шло как нельзя лучше; публика и пригляделась и привыкла к «Б. для Ч.», как привыкает она к одному и тому же актеру, и рукоплещет ему, если не по настоящим его заслугам, то по воспоминанию о прошедших; как привыкает она к одному и тому же магазину и неохотно меняет его на новый и лучший. Привычка — вторая натура! Однакоже под луною всему бывает конец — не избежать его не только земному шару, но и «Б. для Ч.». Надо заметить, что ход этого журнала с самого начала был под гору, а не в гору, следственно, ход более быстрый и блестящий, чем прочный и долговременный: с каждым годом подписчики «Б. для Ч.» хоть десятками, да убавлялись, а не прибавлялись; но как число ее подписчиков с первого же раза было необыкновенно велико, то убыль несколько лет была для нее незаметна, т. е. пока десятки не превратились в сотни, а сотни не стали угрожать соединением в тысячи. 1839 год был эпохою кризиса для «Б. для Ч.». Она как-то видимо поблекла, как будто утомилась. Остроты ее приелись публике и набили ей оскомину: одно и то же присказчило. В «Б. для Ч.» стали являться какие-то странно и дико написанные, длинные и непонятные статьи о художествах. Наконец, «Б. для Ч.» начала запаздывать и отстала от других журналов целою книжкою. Все это не могло не действовать на публику, глаза которой были уже обращены на другой журнал, в котором она предвидела более существенную и выгодную для нее замену «Б. для Ч.». Теперь дело «Б. для Ч.» кончено; она — вопрос решенный. Повидимому, ее издатель как будто утратил свой журнальный такт, которым он был одарен так богато: в «Б. для Ч.» нынешнего года мы с удивлением увидели «Витторию Аккоромбону», давно уже прочитанную русскою публикою в «Отечественных Записках»; увидели какой-то роман, который, без всякой связи, уже несколько месяцев испытывает терпение публики; увидели, в целых двух книгах, какие-то странные рассуждения о версификации и Гомере, рассуждения, доказывающие, что тот и другой предмет совершенно выходят из сферы знакомых и доступных для автора предметов... «Литературная Летопись» давно уже еле дышит и ее «раздирательные» остроты давно уже не выходят из пределов двух или трех страничек... А жаль, все-таки жаль: что ни говорите, а «Б. для Ч.» была замечательным явлением в нашей журналистике, и с ее кончиною публика лишится журнала, который в свое время был очень хорош...

В начале настоящего года наша журналистика как-будто оживилась и зашевелилась. Явились «Русский Вестник» и «Москвитянин»; «Сын Отечества» перешел под новую редакцию <О. И. Сенковского> и подвергся преобразованию. Из этих трех новинок самая лучшая — последняя. В «Сыне Отечества» попадаются интересные литературные статьи; политические всегда интересны, потому что всегда написаны умно и живо; смесь часто бывает остроумна. Издание «Сына Отечества» изящное, напо-

минающее собою «Revue de Paris». Как жаль, что этот журнал почти не читается русскою публикою, — так что его издатель принужден перепечатывать из него свои статьи в «Б. для Ч.», отчего они, впрочем, не делаются известнее неблагодарной публике. «Русский Вестник» успел заинтересовать некоторую часть публики одним из тех ловких объявлений, на которые так искусна «С. Пчела», о чем бы ни шло дело — о новом ли романе которого-нибудь из ее издателей, о новом ли журнале, в котором участвует один из ее издателей, или о новой кондитерской, новой табачной лавке. Программа доставила бы значительный успех антрепренерам «Русского Вестника», если бы они имели осторожность помедлить выдачею первой книжки; но книжка явилась рано — и мы, право, не знаем, издается ли еще «Р. В.» ... Теперь нам следует сказать несколько слов о «Москвитянине», что мы и сделаем в одном из следующих нумеров.

⟨«Лит. газета», 1841, № 77, 12 июля, стр. 307—308⟩.

Из статей, напечатанных в «Литературной газете» 1841 г., обращает на себя внимание анонимная статья в № 77, под рубрикой «Журналистика». Статья эта, в основном, посвящена характеристике журнала О. И. Сенковского «Библиотека для чтения».

Можно было бы предположить, что из всех известных сотрудников «Литературной газеты» 1841 г. эта статья могла бы быть написана Ф. А. Кони, Некрасовым или Белинским. Но редактор «Литературной газеты», водевилист Ф. А. Кони, и в своей критической деятельности держался, главным образом, театральной сферы: в «Литературной газете» он писал обычно обзоры и отзывы о театральных постановках. Правда, он принимал участие и в критическом отделе газеты, и, в частности, в № 122 «Литературной газеты» 1841 г., в отделе «Журналистика» им напечатана полемическая статья, направленная против «Северной пчелы», в ответ на ее нападки на «Литературную газету». Но в данном случае Кони выступал как редактор «Литературной газеты», и эта статья подписана его полным именем. Отметим, кстати, что свои статьи и рецензии в «Литературной газете» Ф. А. Кони, как правило, подписывал полным именем или инициалами Ф. К. (ср., напр., рецензии в «Лит. газете» 1841 г., №№ 17, 18, 111 и 118). К этому надо прибавить, что в момент появления статьи о «Библиотеке для чтения» (18 июля 1841 г.) Ф. А. Кони в Петербурге не было (см. В. Евгеньев-Максимов. Некрасов и его современники. Л., 1930, стр. 18). Таким образом, авторство Ф. А. Кони в данном случае исключается. Мало вероятно и авторство Некрасова. Некрасов в 1841 г. только начинал свою критическую деятельность, и хотя он дал в «Литературной газете» 1841 г. несколько отзывов о новых книгах, тем не менее, его участие в этом издании было значительно шире представлено беллетристикой, фельетоном и театральной критикой.

И, наоборот, есть основание считать, что статья о «Библиотеке для чтения» в «Литературной газете» 1841 г. написана Белинским. Большая часть статей, шедших в «Литературной газете» под общим заглавием «Журналистика», написана в 1840 г., Белинским (ему же принадлежит анонимная статья в этом отделе «Лит. газеты» 1841 г., № 24— ответ Межевичу). В своих ежегодных обзорах русской литературы и во многих статьях и рецензиях в «Отечественных записках» критик неоднократно останавливался на оценке современных журналов, в том числе и «Библиотеки для чтения». О «Библиотеке для чтения» Белинский много писал и до 1841 г., в частности в период своего сотрудничества в «Молве» и «Телескопе» (см., напр., II, 346—347; III, 29—31, 485—491 и др.). Оба эти издания вообще часто выступали против журнала Сенковского, что имеет в виду Белинский в том месте комментируемой нами статьи, где говорится, что «Телескоп» и «Молва» «давно уже томились смертною агониею и оживились было на минуту ненавистью к новому и толстому журналу», т. е. к «Библиотеке для чтения». Таковы внешние данные.

Анализируя содержание статьи № 77 «Литературной газеты» 1841 г., мы находим ряд признаков, подтверждающих авторство Белинского.

В начале статьи автор ее отмечает, что «в нашей журналистике мало движения, потому что в ней мало жизни». И далее поясняет: «Под жизнью и движением мы разумеем *развивающуюся мысль*. Но как не каждый человек, особо взятый, *живет*, т. е. *мыслит*, но большая часть людей заживо покоится непробудным сном смерти, т. е. ест, пьет, покупает, продает, но не мыслит,— так точно и большая часть наших журналов движется только потому, что, начиная год первым № книжки или листка, оканчивает его— кто 12-м, кто 52-м, кто 300-м».

Именно в этом же 1841 г., к которому относится статья «Литературной газеты», Белинский писал: «Каждый народ живет своей жизнию, а как жить не значит только родиться, есть, пить и умирать, но и мыслить, знать — то, следовательно, каждый народ живет и своим сознанием» (VI, 531); или: «Да, жить не значит столько-то лет есть и пить, биться из чинов и денег, а в свободное время бить хлопушкою мух, зевать и играть в карты: такая жизнь хуже всякой смерти... Жить — значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть» (VI, 8).

Автор анонимной статьи, характеризуя направление «Библиотеки для чтения», отмечает «постоянное гонение идеи, нападки на умозрение, на систему, на убеждение, на веру в возможность знания, в непреложность истины, словом, гонение на разум, в пользу произвола понятий и неразумности...» Подобную же оценку «Библиотеке для чтения» мы находим у Белинского. Еще в статье «Русские журналы» («Моск. наблюдатель», 1839, ч. II, № 3) Белинский писал: «Направление этой „критики“ <т. е. критики «Библиотеки для чтения».— *Ю. М.*>, как и всего журнала, — вражда против умозрения, против мысли...» (IV, 216). Почти то же самое повторено Белинским в статье «Русская литература в 1840 году»: «Он <т. е. журнал «Б-ка для чтения».— *Ю. М.*> вдруг провозгласил, что прогресс человечества — вздор; что, следовательно, история — тоже вздор; что разум — просто надувает человечество; что знание невозможно, наука и учение — ни к чему не ведут...» (IV, 482).

Автор статьи в «Литературной газете», развивая мысль о направлении «Библиотеки для чтения», вместе с тем находит, что «все это есть своего рода убеждения, система, мысль, словом — *доктрина*, какая бы ни была ее причина и цель,— и все это гораздо лучше, нежели решительное отсутствие всякого взгляда, всякого воззрения на все, кроме личной выгоды и карманной пользы». (Разрядка наша.— *Ю. М.*). Это вполне совпадает с высказываниями Белинского, который считал, что «самый ошибочный взгляд лучше отсутствия всякого взгляда» (VI, 330.— Разрядка наша.— *Ю. М.*).

Напомним также, что по поводу направления «Библиотеки для чтения» Белинский в свое время писал: «Нам не нравится направление Б. для Ч., но нам нравится, что в ней есть направление — качество, принадлежащее не всем нашим журналам; мы не разделяем мнений Б. для Ч. и даже не любим их, но мы любим ее за то, что у ней есть мнения, которые есть не у всех наших журналов» (IV, 213).

О критике «Библиотеки для чтения» автор статьи в «Литературной газете» пишет: «Самая критика ее показалась на первых порах необыкновенно оригинальною и глубокомысленною, ибо состояла из одних выписок из разбираемой книги и похвал, вроде следующих: *не дурно, хорошо, очень хорошо, прекрасно, превосходно, великий Гете, великий Кукольник — становлюсь перед вами на коленки*». В цитированной уже выше статье «Русские журналы» Белинский писал: «„Критика“ в „Библиотеке“ обыкновенно состоит из выписок из рассматриваемых сочинений, выписок, к которым приделано несколько мнений, ни на чем, кроме произвола редактора, не основанных и ничем, кроме его острот и шуток, не подкрепленных» (IV, 216). Известный эпизод с Кукольником, которого Сенковский поставил наравне с Байроном, Шекспиром и Гете, был, как известно, «излюбленным» у Белинского, например: «...Этот журнал <«Б-ка для чтения».— *Ю. М.*> поставил на одну доску великого Гете с господином Кукольником, упал перед обоими на колени и, закрыв глаза, в восторге начал кричать: „Великий Гете! Великий Кукольник!“» (V, 482).

В статье «Литературной газеты» далее говорится, что «в первом году „Б. для Ч.“ публика видела в ней произведения Пушкина, Жуковского, кн. Одоевского и других уважаемых ею писателей... Но вот проходит год — имена с обертки „Б. для Ч.“ исче-

МОСКВА. ИВАНОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ В КРЕМЛЕ

Литография Бишбуа с рисунка О. Монферрана, 1836 г. Фигуры сделаны В. Адамом

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

зают; настоящие литературные знаменитости публично отрекаются от всякого участия в этом журнале...» Но, несмотря на это, «публика и пригляделась и привыкла к „Б. для Ч."... и потому все шло как нельзя лучше». Это обстоятельство отмечено Белинским в статье «Русская литература в 1840 году»: «Несмотря на то, что с обертки этого журнала на другой же год его существования слетели все блестящие имена, заманившие публику, несмотря на то, что все литературные знаменитости печатно отказались от участия в издании,— публика российская продолжала восхищаться им около пяти лет...» (V, 482).

В изучаемой нами статье читаем: «...лишившись содействия *настоящих* знаменитостей, она <«Б-ка для чтения»> обратилась к *будущим*, зная, что от ее собственной воли зависит наделать их, сколько угодно».

Это же утверждение находим в другой статье Белинского: «...Между этими знаменитостями многие были сделаны на скорую руку, ради предстоящей потребности, многие незнаменитости были произведены в знаменитости, произведены самим этим журналом...» (II, 349).

В «Литературной газете» говорится, что «1839 год был эпохою кризиса для „Б. для Ч.". Она как-то видимо поблекла, как будто утомилась... В „Б. для Ч." стали являться какие-то странно и дико написанные, длинные и непонятные статьи о художествах...*; в „Б. для Ч." нынешнего года мы с удивлением увидели „Витторию Аккоромбону", давно уже прочитанную русскою публикою в „Отечественных Записках"; увидели какой-то роман <„Эвелина де Вальероль". — *Ю. М.*>, который, без всякой связи, уже несколько месяцев испытывает терпение публики; увидели в целых двух книгах какие-то странные рассуждения о версификации и Гомере, рассуждения, доказывающие, что тот и другой предмет совершенно выходят из сферы знакомых и доступных для автора предметов». То же самое пишет Белинский в статье «Русская литература в 1841 году»: «„Б. для Ч." с 1839 года как будто пошатнулась — начала опаздывать, чего с нею прежде не бывало; начала печатать статьи об искусстве, которых смысл доселе остается тайною для публики и здравого смысла. В девяти книжках тянулся роман г. Кукольника „Эвелина де Вальероль"; получая следующую книжку, публика забывала, что прочла в предшествовавшей... В пятой книжке вдруг появился экстракт из романа Тика „Виттория Аккоромбона", вполне переведенного и напечатанного в третьей и четвертой книжках „Отечественных Записок..." Четвертая книжка ее вдруг, ни с того, ни с сего, пустилась рассуждать о Гомере, гекзаметре, о том, как должно переводить Гомера...» (VII, 48—49).

В статье «Литературной газеты» автор пишет: «посредственность всегда ползет по проторенным тропинкам и никогда не дерзает пролагать новой дороги, хотя бы это было только в орфографии и касалось заменения больших букв маленькими в прилагательных, от собственных имен происходящих, каковы: *французский* суп, *вяземские* пряники и т. п., и отменения странного обычая кланяться известным званиям большими буквами, как в словах: *майор*, *генерал*, *князь* и т. п.». Известно, что против «больших букв» настойчиво боролся Белинский. Уместно привести хотя бы следующие цитаты из его рецензий: «Теперь некоторые „светские" журналы горою стоят и отчаянно отстаивают подъячизм в языке и не хуже какого-нибудь Сумарокова кланяются большими буквами не только князьям и графам, но и литераторам, и гениям, и поэзии, и читателям» (III, 28); «Не понимаем, вследствие какого (т. е. человеческого или другого какого) смысла некоторые люди (большею частию старинного образования, учившиеся по академической грамматике) употребляют большие буквы в словах: „французский", „немецкий" и т. п. За что такая честь французскому супу или немецкой колбасе?..» (X, 249—250).

---

* Имеется в виду анонимная статья «Выставка русских художественных произведений в С. Петербурге и Риме в 1839 г.» («Б-ка для чтения», 1839, т. XXXVIII). Цитируя эту статью в заметке о романе П. П. Каменского «Искатель сильных ощущений», Белинский писал: «Неужели и такие фразы можно принять за характеристику художественных созданий, а не за злую сатиру на искусство и критику искусства?» («Лит. газета», 1840, № 5, 17 янв.; ср. V, 15—21).

Авторство Белинского подтверждается и совпадающими оценками «Литературной летописи» и других отделов журнала «Библиотеки для чтения» в анонимной заметке и в известных статьях и рецензиях Белинского; и одинаковыми фразеологическими оборотами, например: «раздирательные» остроты — об остротах Сенковского в «Литературной летописи» «Библиотеки для чтения» (ср. V, 482); «На другой же год своего существования, „Московский наблюдатель" начал *засыпать*, говоря рыболовным термином» (ср.: «Драма заснула, говоря рыболовным термином...», VI, 436 и др.); «В 1838 году он

ОБЛОЖКА И ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ВЫПУСКА «ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО», ИЗДАННОЙ Ф. И. ЭЛЬСНЕРОМ

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Отечественных записках» № 1 за 1841 г. и №№ 1, 3, 4 за 1842 г.

⟨«Московский наблюдатель»⟩ вздумал было ожить, из желтого цвета... облекся в з е л е н ы й ц в е т...» (ср.: «... вдруг весною 1838 г. ⟨«Московский наблюдатель»⟩ вздумал ожить,— и вот поюнел и п о з е л е н е л...», V, 239).

Все приведенные данные не оставляют сомнения в том, что статья о «Библиотеке для чтения» в «Литературной газете» 1841 г. написана Белинским.

Ю. М а с а н о в

⟨9⟩

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Издание Ф. И. Эльснера Санктпетербург, 1841. В тип. Карла Крайя. В 8-ю д. л. Выпуск I 32 стр.

Если эта первая тетрадь «Истории Петра Великого», соч. г. Ламбина, с 500-ми рисунками служит образчиком исторических идей и исторического таланта составителя, равно как и дарований рисовальщиков, — то все

издание рекомендует себя не совсем хорошо. Во введении, на 30 страничках, автор обозрел историю России, политическое и нравственное состояние ее до Петра Великого. Обзор этот — голая реторика в духе г. Кайданова. Между прочим, в этом кратком очерке, где с трудом можно было бы показать общеисторическое развитие России, г. Ламбин нашел место повторить все сказки о происхождении Руси и баснословном ее периоде: он говорит о Рюрике, называет Олега *воинственным,* говорит о набеге его на Константинополь; *мудрая* Ольга устрояет у него *государственный* порядок и смягчает полудикие нравы племен славянских; Святослава называет он «первообразом норманского рыцаря», тогда как по известию Льва Диакона, собственными глазами смотревшего на Святослава при свидании его с Иоанном Цимисхием, это был «первообраз азиатского витязя», и пр. Если позволено судить по начинаниям г. Ламбина, то можно быть уверену, что «История» его будет весьма плохою компиляциею, составленною без всякой мысли. Нигде так ясно не выразилась бы мысль автора, как в общем очерке истории России до Петра; читатель по одному этому очерку мог бы уже видеть, чего ожидать от последующих тетрадей, — и теперь полное право имеет не ожидать ничего. Впрочем, подобное издание при недостаточном тексте могло бы еще щегольнуть картинками, но и картинки решительно плохи и по композиции, и по выполнению.

〈«Отеч. зап.», 1841, т. XIX, № 12, отд. VI, стр. 57〉.

〈10〉

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Издание Ф. И. Эльснера. Выпуск II. 33—64 стр.

Второй выпуск «Истории Петра Великого», соч. г. Ламбина, приобретшей себе незавидную известность, не уступает первому, а последующие, вероятно, превзойдут и первый и второй, по пословице: «чем дальше в лес, тем больше дров». Всякий взглянувший на суздальские политипажи этого издания, гравированные однакоже в *Лондоне* (вероятно, в гостинице «Лондон», что на углу Гороховой улицы и Исаакиевской площади), всякий, взглянувший на них, согласится, что не было на Руси предприятия более оскорбительного для чтения, для эстетического чувства и здравого смысла. Конечно, всякий по-своему может изъявлять усердие к памяти величайшего из царей земных, о котором память вдвойне священна для сердца русского; Екатерина Великая не только не была оскорблена плохими портретами своей особы, издававшимися для простого народа, но еще изъявила свое удовольствие, что ее народ любит изображение своей монархини, не умея, в простоте своей, судить о верности его с подлинником. Но эта жалкая и безобразная компиляция и спекуляция издается не для мужиков, а для людей образованных, которые видели и знают как издаются такие вещи в Европе, которые недавно раскупили «Историю Наполеона» ради рисунков Ораса Верне. Мы уже не говорим о том, что у нас есть академия художеств, есть даровитые художники, следственно, есть все средства выполнить подобное предприятие не только *прилично,* но и изящно...

Вглядитесь же, бога ради, в эти *лубочные пятна,* где нет ни рисунка, ни отделки, ни исторической верности, ни изобретения, ни смысла — что это такое? Неужели эта фигура, красующаяся на 40-й странице, тотчас

после смерти царя Алексея, *описанной* (стр. 39) *в лицах*, неужели, спрашиваем мы, это прекрасная Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, мать Петра Великого, оставшаяся после смерти супруга в полном развитии красоты своей?.. Вглядитесь в политипаж 41-й страницы: комната, на стене ландкарта, в стороне черная доска для ученических упражнений, задом к ней сидит на креслах гембсовской работы (по форме) какой-то человек с книгою; возле него стоит другой человек с закинутыми назад руками, а за ним следует пушка на лафете; подле пушки трое детей, из которых у одного на голове что-то вроде огромной трехугольной шляпы, закрывающей до половины его лицо. Вы ищете объяснения этого «кунштика» в тексте и находите там, что царевич Петр с самых юных лет любил воинские упражнения, которыми каждый день тешился с своими сверстниками, детьми придворных царицы, матери своей. Как же — ищете вы — зашла такая огромная пушка в учебную комнату? На это получите объяснение у Голикова, в первом томе, на странице 139: там сказано, что царевич тешился с детьми на дворе, что родитель его «видя толикую к военным действиям в нем наклонность, собрал нескольких дворянских единолетних с ним детей и, сделав *приличное их возрасту оружие*, велел их обучать военным выметкам». Текст г. Ламбина есть не что иное, как отрывки или переделка, — и притом нескладная, апатичная, бездушная, одушевленного и живого, хотя и простодушного, почти безграмотного рассказа Голикова. Но об этом после; обратимся опять к суздальским «кунштикам». На стр. 44-й, изображающей сцену жалобы царевича Петра на дерзость боярина Ивана Языкова, царь Федор Алексеевич представлен в короне, которая чуть не вдвое длиннее всего лица и головы его, а юный Петр в костюме, в котором ходят в наше время благородные дети от трех до семи лет. На стр. 53-й царевна Софья представлена в бальном костюме дамы нашего времени. Мы не говорим, что ни в одной из этих фигур на этих политипажах нет ничего типического, характеристического, нет жизни, выражения; мы говорим только, что они непохожи ни на какие фигуры. Это просто расштрихованные плохим карандашом каракули.

Текст «великолепной» истории, как мы уже и заметили выше, есть не что иное, как плохая перефразировка Голикова, часто прикрашиваемая реторическими фразами. Так, напр., где Голиков рассказывает просто — «было», там г. Ламбин, или г. Эльснер, или оба они общими силами прибавляют «одно современное сказание уверяет», не указывая на источник, откуда взято ими «современное сказание». Чтоб показать нашим читателям *как* г. сочинитель «великолепной» истории перефразировывает Голикова, делаем, для сравнения, выписку из того и другого:

Г. Ламбин.

Одно современное сказание уверяет, что еще в младенчестве сказался воинственный дух царевича; когда в третье его тезоименитство один купец, между прочими подарками, поднес ему маленькую саблю, царевич так был восхищен этим подарком, что, не обращая внимания на прочие игрушки, с жадностью схватил саблю, расцеловал купца (реторика!) и побежал к царю, прося, чтоб он наградил (почему же не прося наградить?) купца и его самого препоясал саблею. Царь исполнил желание сына: купца пожаловал гостем и, по прочтении духовником молитвы, сам препоясал его тою саблею, *как бы посвятив в витязи*. С того времени сабля была любимою игрушкою отрока и неразлучным спутником его повсюду; нередко он и засыпал с нею. *Такая черта* (?) *ребенка, прибавляет сказание* (?!..), была предметом многих разговоров (?) и все удивлялись, говаривали (почему же не просто — говорили?), *что̀ отроча сие будет, когда возмужает?*

Голиков.

С самых первых младенческих лет Петра 1 примечена в нем главнейшая склонность к военным действиям: ибо когда в третье его тезоименитство поднес ему один купец маленькую саблю, то царевич на все прочие дары взирал равнодушно, а саблю с такою принял радостью, что велел купцу тому себя приподнять, поцеловал его, сказал, что он будет его помнить; а царя, родителя своего, просил пожаловать его, а себя опоясать тою саблею. Царь, в удовольствие его, купца пожаловал гостем, и саблею тою, по прочтении духовником молитвы, его опоясал. Обрадованный царевич приказал сыскать купца того, сам ему объявил милость царскую, а саблю не могли уже с него снять, да нередко и засыпал он с нею. Великий родитель его, видя толикую к военным действиям в нем склонность, собрал несколько дворянских единолетних с ним детей и, сделав приличное их возрасту оружие, велел их обучать военным выметкам; что толико обрадовало царевича, что он, целуя руки его, пролил из благодарности слезы, и с того времени лучшее было его веселие, в чертогах и на дворе, с теми детьми упражняться в военных учениях. Таковая великая склонность в столь малолетнем отроке была предметом всех разговоров, и удивляючися тому говаривали: *«что̀ отроча сие будет, когда возмужает?»*

Голиков — единственный источник г. Ламбина, и г. Ламбин следует за Голиковым, подобно тени, забавно передразнивая его. Впрочем, в конце второго выпуска есть ссылка на какое-то сочинение г. Масальского, которого г. Ламбину не заблагорассудилось поименовать, хотя бы в выноске, как это требует всякое историческое сочинение. Не зная или не помня никакого исторического труда г. Масальского, мы вправе думать, что выписка сделана «великолепным» историком либо из забытого теперь публикою посредственного романа г. Масальского «Стрельцы», либо из забытой теперь публикой плохой повести его «Бородолюбие...» Весьма приличный источник для истории г. Ламбина, который, в первом выпуске, ведь цитировал же стихи из «Ильи Муромца», да еще исправленные и переделанные его пиитическим пером!..

Говорят, что один «известный и опытный» литератор и сочинитель взялся выправлять слог г. Ламбина, движимый *бескорыстною* любовию к русской истории... Не знаем, как далеко простирается *действительное* участие оного сочинителя в компиляции г. Ламбина и спекуляции г. Эльснера, но это бескорыстие невольно приводит нам на память стих из одной старинной и известной всем поэмы:

Из чести лишь одной я в доме сем служу...

А между тем, говорят, приготовлялась к печати «История Петра Великого» с картинками Брюллова, т. е. *Карла Брюллова,* нашего гениального художника и, может быть, первого живописца в Европе нашего времени...

Одно только можно сказать в пользу «великолепной» истории: она печатается на хорошей бумаге и хорошим шрифтом; но и тут не без греха: печать изуродована безобразною пестротою заглавных букв, без всякой надобности, вопреки правилам орфографии, употребляемым везде, даже в названии месяцев...

Нет, мы уверены, что русская публика не поддержит своим участием предприятия, которое должно оскорблять ее национальное чувство... Говорят — о ужас! — г. Эльснер хочет издать свою жалкую компиляцию на иностранных языках: что подумает Европа о наших литераторах и историках, что подумает она о состоянии искусств в России — отечестве Брюллова, творца так хорошо известного ей «Последнего дня Помпеи»?..

<«Отеч. зап.», 1842, т. XX, № 1, стр. 33—36>.

‹11›

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Вып. III. 32 стр.

Об этом издании нового говорить нечего: оно продолжает быть все тем же и таким же, чем и каким было вначале, по тексту и картинкам. Когда оно переменится к лучшему в том или другом или в обоих этих отношениях, мы не замедлим поговорить о подобной чудной метаморфозе; но как это чудо еще не совершилось, то мы пока скажем о том, что случилось уже.

В № 34 «Сев. Пчелы» прочли мы странную рекритику на *дельную* статью г. Полевого об издании г. Эльснера.

Г. Полевой сказал несколько горьких истин об историческом *таланте* г. Ламбина и изяществе рисунков; отзыв его показался слишком холодным г. Булгарину и он *грянул* в 34 № «Сев. Пчелы» следующею декларациею:

«Нам весьма неприятно, что мы должны разногласить с *почтенным* Н. А. Полевым, которого литературные труды и заслуги мы вполне уважаем. При всех своих познаниях и при всей своей благонамеренности Н. А. Полевой доказал критикою («Русский Вестник», № 10, 1841, стр. 158—188) на первую тетрадь истории г. Ламбина истину древнего правила, что никто не может быть судиею в собственном деле. Н. А. Полевой,

ДѢЯНІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
МУДРАГО
ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ
РОССІИ,
СОБРАННЫЯ
Изъ достовѣрныхъ источниковъ
и расположенныя по годамъ.
ЧАСТЬ I.
МОСКВА,
въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,
1788.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ И. И. ГОЛИКОВА «ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО», ЧАСТЬ I, 1788 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

как известно, печатает теперь большую историю Петра Великого, и во время его занятий ему предложили составить Краткую историю для политипажного издания. Любя искренно свой предмет, Н. А. Полевой согласился на предложение и написал уже более половины Краткой истории, как вдруг вышла в свет первая тетрадь г. Ламбина, и труд Н. А. Полевого остался под спудом! Событие это, хотя иными словами (?), рассказано самим Н. А. Полевым на стр. 161—163 критики. Мы нисколько не сомневаемся, что никакое расчетливое побуждение не руководило пером критика, но, зная сердце человеческое, нельзя не согласиться, что критик не мог оставаться хладнокровным в этом деле. Н. А. Полевой утешался надеждою, что жизнеописание его любимого героя будет издано со всевозможною роскошью и затмит политипажное издание жизни Наполеона, и вдруг все надежды рушились! Спрашиваем всех психологов (зачем же не просто — честных людей?): может ли нам нравиться предмет, разрушивший наши любимые надежды? — Надобно быть более, нежели стоиком, чтоб отвечать утвердительно! А в этом случае почтенный Н. А. Полевой высказал мало стоицизма. Он разгневался, и проч.»

Вот язык истинной дружбы! Так должны писать истинные литераторы!..

<«Отеч. зап.», 1842, т. XXI, № 3, отд. VI, стр. 28>.

<12>

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Выпуск IV (Цена каждого вып. 60 к. сер.; за пересылку доставляется 1 р. 50 к.)

Предприятие г. Эльснера так довольно собою и бескорыстным заступничеством одного знаменитого сочинителя, что и не думает изменяться к лучшему. Это обстоятельство и нас делает постоянным в наших отзывах о плохой компиляции г. Ламбина, о суздальских картинках и о предприятии благонамеренного г. Эльснера. Вглядитесь в картинку на 93-й странице: юного Петра представляет безобразная куколка, стоймя надетая, а не посаженная на коня; кругом псовые охотники с лукошками на головах и в руках; с правой стороны вы видите толстого мужика верхом на лошади — он держит сосворенных собак; задом к нему зрится другая мужицкая фигура на лошади же: лукошко на голове фигуры № 2 приросло своею верхушкою к обнаженной голове фигуры № 1, а слетевшее с фигуры № 1 лукошко приросло к спине фигуры № 2. Целое этой картинки неотразимо прекрасно! Для остроумного и забавного пера содержание картинок на 107 и 108 страницах могло бы подать повод к большой критической статье: это неисчерпаемая бездна смешного! Что именно хорошо, — так это ревильйоновские виньетки, ни с того, ни с сего щедрою рукою рассыпанные по бездарному изданию.

Теперь о тексте. Неподражаемое перо г. Ламбина очаровательно в историческом повествовании: без всяких усилий, но с большим успехом, совпадает оно то с тацитовским слогом г. Кайданова, то с чувствительным тоном «Ильи Муромца», то с эпическою высокопарностию «Марфы Посадницы»... Об идеях и взглядах г. Ламбина нечего и говорить; г. Ламбин берет их целиком и готовыми из богатого, в этом отношении, источника — «Деяний» Голикова, которые он с таким чудовищным успехом перефразировывает.

<«Отеч. зап.», 1842, т. XXI, № 4, отд. VI, стр. 60—61>.

Известно, как высоко ценил Белинский деятельность и историческое значение Петра I. «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззвавшее нас к жизни, вдувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России»,— писал Белинский в 1841 г. (VI, 119). Белинский посвятил Петру I свои известные статьи, написанные по поводу издания трудов И. И. Голикова, В. Бергмана и Е. Аладьина и не законченные критиком по цензурным условиям. Имя Петра I часто встречается и в других статьях и рецензиях Белинского. Неоднократно Белинский подчеркивал отсутствие в русской исторической литературе обобщающих работ о Петре I, недостаточную разработку и критическую оценку уже имеющихся материалов о его «жизни и деяниях». Вполне естественно поэтому, что Белинский с большим вниманием относился ко всякой вновь появлявшейся книге о своем любимом историческом деятеле.

В 1841 г. в Петербурге начала выходить отдельными выпусками книга историка, библиотекаря Академии наук Н. П. Ламбина (ум. в 1882 г.) «История Петра Великого». Издание всего труда закончилось в 1843 г.

В «Отечественных записках» 1841—1842 гг. появилось четыре рецензии на отдельные выпуски этой книги: в № 12 1841 г.—на 1-й выпуск, в № 1 1842 г.—на 2-й выпуск, в № 3 1842 г.—на 3-й выпуск и в № 4 1842 г.—на 4-й выпуск. Общая оценка работы Н. П. Ламбина, как «компиляции» и «спекуляции», данная в этих рецензиях, аналогична такой же оценке этой «Истории Петра Великого» у Белинского. В статье «Русская литература в 1842 году» Белинский, упоминая книгу Ламбина, писал: «Успех изданной г. Семененко-Коморовским „Истории Наполеона“ с политипажами картин Ораса Верне породил компиляцию г. Ламбина с чудовищными политипажами работы плохих рисовальщиков» (VIII, 25).

В другой статье Белинского «Литературные и журнальные заметки (Русская журналистика и капустные кочерыжки)», напечатанной в № 10 «Отечественных записок» 1842 г., по поводу книги Ламбина говорится, что «мнение о внутреннем и внешнем безобразии компиляции г. Ламбина и спекуляции г. Эльснера установилось тотчас же по выходе первых тетрадей этого чудовищного издания» (VII, 402).

Во всех четырех анонимных рецензиях текст «Истории» Ламбина называется «компиляцией», составленной по работе И. И. Голикова о Петре Великом. Так, например, в рецензии на 2-й выпуск автор пишет: «Текст г. Ламбина есть не что иное, как отрывки или переделка,— и притом нескладная, апатичная, бездушная, одушевленного и живого, хотя и простодушного, почти безграмотного рассказа Голикова... Голиков — единственный источник г. Ламбина, и г. Ламбин следует за Голиковым, подобно тени, забавно передразнивая его». Автор рецензии приводит далее для сравнения обширные цитаты из работ Голикова и Ламбина. В рецензии на 4-й выпуск читаем: «Неподражаемое перо г. Ламбина очаровательно в историческом повествовании: без всяких усилий, но с большим успехом, совпадает оно то с тацитовским слогом г. Кайданова, то с чувствительным тоном „Ильи Муромца“, то с эпическою высокопарностию „Марфы Посадницы“... Об идеях и взглядах г. Ламбина нечего и говорить: г. Ламбин берет их целиком и готовыми из богатого, в этом отношении, источника — „Деяний“ Голикова, которые он с таким чудовищным успехом перефразировывает».

Все эти сравнения книги Ламбина с трудом Голикова и проведение текстовых параллелей мог сделать лишь знаток «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова. Таким знатоком, несомненно, был Белинский, в свое время работавший над корректурой 2-го издания книги Голикова у Н. А. Полевого (см.: К с е н о ф о н т П о л е в о й. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого.— В кн.: Николай Полевой. Ред. Вл. Орлова. Л., 1934, стр. 350—351), неоднократно отмечавший работу Голикова в своих рецензиях и, конечно, использовавший ее для своих неоконченных статей о Петре Великом, написанных в том же 1841 г., когда начала выходить и книга Ламбина. Отмечая в первой статье о Петре Великом работу Голикова, Белинский оценивает ее как «бескорыстный и простодушный труд», достойный «величайшего уважения»: «*Тридцать томов* остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рас-

сказе нередко заметно одушевление, достойное предмета его возбудившего; в основе лежит бессознательное, но тем не менее верное созерцание идеи, выраженной явлением Петра Великого... Итак, труд Голикова есть почти *все*, что сделано нашею литературою для истории Петра Великого» (VI, 120.— Курсив Белинского.— *Ю. М.*).

В отзыве о 1-м выпуске книги Ламбина рецензент пишет: «Нигде так ясно не выразилась бы мысль автора, как в общем очерке истории России до Петра; читатель по одному этому очерку мог бы уже видеть, чего ожидать от последующих тетрадей, — и теперь полное право имеет не ожидать ничего». Мы знаем, что Белинский относился отрицательно к подробным историческим исследованиям «о начале Руси», которыми были заняты многие «записные наши исторические критики».«Им как будто и нужды нет,— писал Белинский,— что решение этого вопроса не делает ни яснее, ни занимательнее баснословного периода нашей истории... А между тем, этот первый и бесплодный период русской истории поглощает или, по крайней мере, поглощал всю деятельность большей части наших ученых исследователей, которые и знать не хотят того, что имена Рюриков, Олегов, Игорей и подобных им героев наводят скуку и грусть на мыслящую часть публики и что русская история начинается с возвышения Москвы и централизации около нее удельных княжеств...» (VI, 120—121). С этой точки зрения 1-й выпуск книги Ламбина ни в какой мере не мог удовлетворить Белинского, так как Ламбин лишь «нашѐл место повторить все сказки о происхождении Руси и баснословном ее периоде» (см. текст рецензии на 1-й выпуск книги Ламбина).

Это сходство проявляется и в ряде мелких особенностей, которые свидетельствуют о том, что все четыре рецензии на отдельные выпуски книги Ламбина написаны Белинским. Так, например, в рецензии на 2-й выпуск автор пишет: «Одно только можно сказать в пользу „великолепной" истории: она печатается на хорошей бумаге и хорошим шрифтом; но и тут не без греха: печать изуродована безобразною пестротою заглавных букв, без всякой надобности, вопреки правилам орфографии, употребляемым везде, даже в названии месяцев...». Общеизвестно, что именно Белинский постоянно боролся с чрезмерным употреблением прописных букв и не пропускал случая отмечать в своих рецензиях устарелое употребление их «где надо и не надо» (см. II, 266—267; III, 28; VI, 293; VII, 217; IX, 390; X, 13; XII, 249—250, 371, 416 и др.). В этой же рецензии упоминается «посредственный» роман Масальского «Стрельцы» и «забытая публикой плохая повесть его „Бородолюбие"». Всего скорее эти упоминания мог сделать Белинский как критик-профессионал, хорошо знавший русскую литературу и в ее «посредственных» образцах.

Рецензия на 3-й выпуск книги Ламбина служит автору лишь поводом для информации читателей о полемической статье Булгарина, в ответ на отрицательный отзыв Полевого о работе Ламбина. Белинский всегда останавливался на «журнальных стычках» Полевого и Булгарина. Полемику, связанную с отрицательной характеристикой Полевым «Истории Петра Великого» Ламбина и «заступничеством» Булгарина, Белинский отмечает далее в «Литературных и журнальных заметках» в № 10 «Отечественных записок» 1842 г. (VII, 402), рассматривая ее как «пролог к знаменитой войне из-за кочерыжек».

Говоря об иллюстрациях к книге Ламбина, автор рецензий постоянно называет их «суздальскими». Это характерное словцо Белинского, определяющее их плохое качество и безвкусицу (ср. II, 331; V, 487; VI, 157, 238; VII, 226, 285 и мн. др.).

Наконец, во всех рецензиях на книгу Ламбина встречаются и другие характерные для стиля Белинского слова и выражения, например: «не было на Руси предприятия более оскорбительного для зрения, для эстетического чувства и здравого смысла» (ср. VI, 430), «баснословный период» русской истории (ср. VI, 121; VII, 20), «рисовальщики» и т. д., а также выделение отдельных слов курсивом, которое часто встречается у Белинского, на что в свое время обратил внимание еще С. А. Венгеров.

Не останавливаясь на ряде общих признаков, которые также говорят в пользу авторства Белинского (его интерес к иллюстрированным изданиям, рецензирование обычно петербургских изданий и проч.), отметим еще одно обстоятельство. В № 11 «Отечественных записок» за 1843 г. была опубликована еще одна рецензия на книгу Ламбина после завершения всего издания. В этой рецензии кратко повторена общая оценка ра-

боты Ламбина, вытекающая из рецензий на отдельные выпуски. Автор этой рецензии пишет об «Истории» Ламбина следующее: «Говорить о ней много нечего. Текст — жалкая компиляция, дурно составленная из книги Голикова; картинки—цвет и краса лубочной суздальской рисовки и гравировки». В. С. Спиридоновым эта рецензия включена в XII том Полного собрания сочинений Белинского (XII, 547).

Все приведенные факты положительно решают вопрос о Белинском, как авторе рецензий на отдельные выпуски «Истории Петра Великого» Н. П. Ламбина, опубликованные в «Отечественных записках» 1841—1842 гг.

Ю. Масанов

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» КАРАМЗИНА, ИЗДАНИЯ И. ЭЙНЕРЛИНГА

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Отечественных Записках» №№ 2 и 12 за 1842 г.

‹13›

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Издатель разных учебных руководств г. Эйнерлинг предпринял новое издание Истории государства Российского, Карамзина. Он хочет напечатать все 12 томов с полными «Примечаниями», — компактно, в два столбца, четким шрифтом, в большом формате, так, чтоб все 12 томов уместились только в три тома. Предприятие весьма полезное; давно была пора подумать о нем! Компактные издания в Европе размножаются с каждым днем все более и более. Теперь вы можете иметь всех знаменитых писателей, от Геродота и Гомера до Виктора Гюго и г. Ламартина включительно, за самую умеренную цену. Громада сочинений Вольтера, стоившая прежде около 500 рублей, теперь уместилась в 12 компактных томах и стоит с небольшим 100 рублей. Гиббон, Тьери, Робертсон, Декарт, Бэкон, Цицерон, Сенека, Тацит, Бюффон, Мальбранш и проч. и проч., издаваемые под общим названием «Panthéon Littéraire» и прода-

ваемые отдельно, доступны теперь для самого небогатого человека, потому что цены этих книг уменьшены впятеро против прежних цен. В этом-то и заключается выгода компактных изданий: тут сберегается бумага и меньше платится за печатание. У нас, до сих пор, издан был компактно только Фон-Визин (в 1838 году, в Москве), и это издание достигло своей цели: оно стоило не более 5 руб. асс., втрое или вчетверо дешевле прежних. Г. Эйнерлинг назначает компактному изданию «Истории» Карамзина цену — 50 рублей ассигнациями; следственно, только вдвое дешевле против того, что стоило второе полное издание этого творения, напечатанное на иждивении Слениных, и двадцатью рублями дороже издания, сделанного два раза Смирдиным. Не наше дело входить в расчеты издательские; но как мы в отношении к издателям книг составляем также часть публики, то не можем не заметить, что цена, назначенная г-м Эйнерлингом за новое издание «Истории» Карамзина, довольно-высока. Если б он за полные «Примечания», с которыми намеревается напечатать «Историю», прибавил немного, например, рублей пять, к цене, по которой Смирдин продавал свое издание, то, верно, нашел бы больше подписчиков, и в России разошлось бы еще несколько тысяч экземпляров знаменитого творения. Конечно, «Примечания» составляют весьма важную, едва ли не важнейшую часть труда Карамзина в ученом отношении, — но это для ученых; большинство же публики, которое имел в виду Смирдин, издав «Историю» Карамзина с сокращенными примечаниями и которое раскупило уже теперь до 10 000 экземпляров этой книги, едва ли нуждается в полных «Примечаниях», довольствуясь текстом, так увлекательно написанным, и указаниями, которые находились в примечаниях сокращенных. Притом же, если двенадцать томов просторной печати и с широкими полями Смирдин продавал по 30 руб. асс., то как продавать компактные три тома по 50 руб. асс.?.. Будет ли это выгодно для самого издателя?.. Но, повторяем: это не наше дело; мы же, с своей стороны, желаем от всего сердца, чтоб предположения наши сбылись и чтоб предприятие г-на Эйнерлинга имело такой успех, какого он надеется. Всякий лишний экземпляр такого творения, как «История государства Российского», проданный в публику, есть успех в народном образовании. В программе издания г. Эйнерлинг говорит, что он имеет в виду, между прочим, и учащееся юношество; но для учащегося юношества при «Истории» Карамзина необходим и «Ключ» к ней, составленный П. М. Строевым по изданию Слениных. Даже оба издания, сделанные Смирдиным, были неудобны именно потому, что к ним не приходился этот «Ключ», и г. Эйнерлинг, нам кажется, для пользы собственного предприятия должен бы был приобресть право напечатать этот «Ключ» так же компактно, как намеревается напечатать и всю «Историю»: тогда, по крайней мере, хоть немного оправдалась бы увеличенная цена, которую он назначил. Но, к сожалению, он ничего не говорит в программе своей об этом необходимом пособии для употребления «Истории государства Российского».— Первый том издания г-на Эйнерлинга выйдет не позже марта; второй — спустя шесть месяцев позже; третий и последний — к январю 1843 года. По отпечатании первого тома — сказано в программе — цена книги для неподписавшихся *возвысится* (?!). За пересылку каждого тома прилагается весовых четыре фунта.

В конце прошлого месяца, когда уже оканчивалась печатанием эта книжка нашего журнала, мы получили *Стихотворения Аполлона Майкова* — нового замечательного таланта, с которым уже отчасти знакомы читатели «Отечественных Записок». В будущем месяце мы поговорим об этом отрадном явлении.— Роман г. Кукольника, *Эвелина де Вальероль*, напеча-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА «РЕПЕРТУАР РУССКОГО И ПАНТЕОН ВСЕХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕАТРОВ»

Журнал упоминается в неизвестной ранее рецензии Белинского в «Отечественных Записках» № 2 за 1842 г.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКАГО
И
ПАНТЕОНЪ
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ,
НА 1842 ГОДЪ.
ИЗДАНИЕ
И. Песоцкаго.
I.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1842.

танный в девяти книжках «Библиотеки для Чтения» прошлого года, издан теперь отдельно в четырех весьма красивых томиках. Мы уже сказали отчасти свое мнение об этом произведении в отделе Критики первой книжки нынешнего года (стр. 45). Нам не удалось еще видеть первого выпуска *Сочинений Гете*, на-днях вышедшего, и поэтому ничего не можем сказать об этом предприятии.

«Литературная Газета» в нынешнем году сделалась гораздо полнее и разнообразнее. Перемена формата много послужила ей в пользу. Выходя один раз в неделю тетрадями, заключающими в себе 20 и иногда 24 страницы, напечатанные в два столбца убористым шрифтом, и заключая в каждом нумере своем от 40 до 50 страниц обыкновенной печати, она ежемесячно представляет статей на целый том в 160—200 страниц обыкновенного журнального формата. В первых четырех нумерах ее напечатаны статьи Лажечникова, Основьяненки, Гребенки, Подолинского и других; постоянно печатаются разборы новых театральных пьес, через несколько дней после представления их на сцене, смесь пестрая, разнообразная и современная; библиография полная, следящая за всеми новыми русскими книгами, тотчас по появлении их в книжных лавках; разборы книг большею частию отличаются основательностию и правдою. Так, напр., в 4-м нумере замечателен разбор «Репертуара Русского и Пантеона всех Европейских театров на 1842 год» — этого забавного издания, чего-то вроде литературной двуутробки, тощей и бледной... Да, позвольте! Где же недоданные в о с е м ь книжек «Пантеона» за 1841 год, и двена-

дцатая книжка «Репертуара» за тот же год?.. Не понимаем, как у людей достает духу, не оканчивая одного издания, начинать другое под тем же названием! Неужели тут есть какой-нибудь расчет книгопродавческий? Избави бог!.. Как бы то ни было, только недоданные книжки «Репертуара» и «Пантеона» не выходили еще, а уж «Репертуар» и «Пантеон» кинулись в объятия друг друга и торжественно слились в одно целое; но это целое только кажущееся: целого тут нет, есть только часть, т. е. остался прежний «Репертуар» во всей красе своей — издание пустое, бесцветное и весьма жалкое: европейских театров, т. е. европейской драмы тут и слыхом не слыхать; все своя, доморощенная дребедень.

<«Отеч. зап.», 1842, т. XX, № 2, отд. VI, стр. 87—88>.

Заметки о литературных новостях под общим заглавием «Библиографические и журнальные известия» печатались в нескольких книжках «Отечественных записок» 1842 г. Часть их, безусловно, написана Белинским и в свое время была включена В. С. Спиридоновым в XII том Полного собрания сочинений критика (см., напр., XII, 294, 368—369, 375 и др.).

«Библиографические и журнальные известия», помещенные в «Отечественных записках» 1842 г., № 2, отд. VI, стр. 87—88, состоят из четырех частей: 1) известия о новом издании «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, 2) информации о выходе стихотворений Аполлона Майкова, романа Кукольника «Эвелина де Вальероль» и сочинений Гете, 3) известия о приостановке издания А. Н. Струговщиковым «Художественной газеты» и 4) отзыва о «Литературной газете» и «Репертуаре русского и Пантеоне всех европейских театров».

В извещении о предпринятом издателем Эйнерлингом новом издании «Истории государства Российского» Карамзина автор останавливается на характеристике «компактных» изданий, отмечая их преимущества. Известно, что целесообразность этого типа изданий, в особенности по отношению к сочинениям известных русских писателей, неоднократно подчеркивал Белинский. Об этом он писал в рецензии на «компактное» издание сочинений Фонвизина (III, 420—421), которое, кстати говоря, упоминается и в тексте настоящего известия, а также в отзывах о собраниях сочинений Ломоносова (V, 431), Державина (X, 12) и др. В «Библиографических и журнальных известиях» особенно отмечается вопрос о цене нового издания «Истории государства Российского», причем автор приходит к выводу, что цена его «довольно высока». Это же отмечено в статье Белинского «Русская литература в 1842 году»: «Пятое издание (компактное, в 4-х томах) „Истории государства Российского", предпринятое Эйнерлингом, было бы истинным подвигом со стороны издателя, если б дешевизна издания соответствовала его красоте, изяществу, удобству и полноте» (VIII, 27). Говоря о «Примечаниях» Карамзина к «Истории государства Российского», автор «Библиографических и журнальных известий» пишет: «Конечно, „Примечания" составляют весьма важную, едва ли не важнейшую часть труда Карамзина в ученом отношении». Подобную же оценку «Примечаний» находим у Белинского: «... его примечания к „Истории государства Российского" едва ли еще не драгоценнее самого текста» (VII, 19). Наконец, автор «Библиографических и журнальных известий», основываясь на программе издания «Истории» Карамзина, разосланной Эйнерлингом, выражает сожаление, что это издание не будет содержать «Ключа» к труду Карамзина, составленного П. М. Строевым по изданию Слениных («Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина». Соч. Павла Строева. 2 ч. М., 1836). На это место «Библиографических и журнальных известий» Белинский ссылается в своей рецензии на первую книгу «Истории» Карамзина в издании Эйнерлинга, помещенной в «Отечественных записках» 1842 г., № 7: «Мы говорили уже о намерении г. Эйнерлинга издать все 12 томов „Истории государства Российского" Карамзина в трех компактных книгах — намерении полезном в высшей степени. Мы жалели только, основываясь на программе, разосланной г. Эйнерлингом при газетах, что издание его не будет вполне удовлетворительно, не заключая в себе

ни «Ключа» к творению Карамзина, ни других приложений» (VII, 266.— Разрядка наша.— *Ю. М.*). Приведенные данные позволяют с полным основанием считать Белинского автором первой части «Библиографических и журнальных известий».

В следующей части «Библиографических и журнальных известий» читаем: «... Мы получили *Стихотворения Аполлона Майкова* — нового замечательного таланта, с которым уже отчасти знакомы читатели „Отечественных записок". В будущем месяце мы поговорим об этом отрадном явлении». Известно, что именно Белинский первый привлек внимание читателей к дарованию А. Н. Майкова (ср. С. А. Венгеров.— V, 562). Он отметил его литературный дебют, рецензируя «Одесский альманах» на 1840 г. (V, 228), а в отзыве на «Римские элегии» Гете в переводе А. Н. Струговщикова вновь подчеркнул даровитость молодого поэта. Наконец, обещание «поговорить», вообще характерное для Белинского, в данном случае является отсылкой к его известной статье «Стихотворения Аполлона Майкова», появившейся, как и указывалось в «Библиографических и журнальных известиях» в следующем месяце — в 3-й книжке «Отечественных записок» 1842 г. (VII, 81—102).

По поводу только что вышедшего отдельным изданием романа Н. В. Кукольника «Эвелина де Вальероль» автор «Библиографических и журнальных известий» пишет: «Мы сказали уже отчасти свое мнение об этом произведении в отделе Критики первой книжки нынешнего года (стр. 45)». Оценка романа Кукольника в отделе Критики дана Белинским в его статье «Русская литература в 1841 году» (VII, 55). Наконец, указание на только что вышедший первый выпуск Сочинений Гете связывается с рецензией на это издание, появившейся в следующей книжке «Отечественных записок» (1842, т. XXI, Библиографическая хроника, стр. 16—17). Принадлежность этой анонимной рецензии Белинскому устанавливается В. М. Жирмунским в нижеследующей публикации настоящего тома. Не представляет сомнения, что и эта краткая информация о новых книгах в «Библиографических и журнальных известиях» написана Белинским.

Возможно, что Белинским написана и третья часть «Библиографических и журнальных известий», содержащая информацию о приостановке А. Н. Струговщиковым издания «Художественной газеты». Однако для категорического утверждения этого мы не располагаем достаточным количеством объективных данных, а поэтому эта часть «Библиографических и журнальных известий» в настоящую публикацию не включена.

Заключительная часть «Библиографических и журнальных известий» посвящена характеристике «Литературной газеты» и объединившихся с 1842 г. журналов «Репертуар» и «Пантеон». Характеристика «Литературной газеты» полностью совпадает с высказываниями Белинского об этом издании в его ежегодных обзорах русской литературы. «Пантеон» и «Репертуар» постоянно пользуются вниманием Белинского: все отзывы об этих журналах на страницах «Отечественных записок» 1840 г. принадлежат Белинскому, причем преимущество он отдавал «Пантеону», в котором печатались переводные пьесы, в том числе пьесы Шекспира, в то время как «Репертуар» заполнялся водевилями «домашней работы». Откликаясь на извещение об объединении «Репертуара» и «Пантеона», Белинский в рецензии на 1-й выпуск «Сказки за сказкой» писал в 1841 г.: «...На-днях извещено было о сочетании „Репертуара" с „Пантеоном", из которых каждый теперь может сказать другому:

Не боюся я насмешек —
Мы сдвоились меж собой:
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под одною скорлупой» (VI, 350).

И далее: «Теперь это издание примет один общий характер, или — выражаясь точнее — будет тот же „Репертуар", что и прежде был... Но при всем этом, не можем не сделать вопроса: могут ли соединенные „Репертуар" и „Пантеон" на 1842 год, может ли эта двойчатка вознаградить своим достоинством подписчиков „Пантеона" на 1841 год за неизданные восемь книжек?..» (VI, 351). Рецензируя №№ 1—4 «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров» за 1842 г., Белинский пишет: «Соединение **двух** названа-

ний на заглавном листке о д н о г о и з д а н и я — не новость на Руси: так „Сын Отечества" и „Северный Архив" долго играли, во взаимных объятиях, роль двуутробки; обнявшиеся „Репертуар" и „Пантеон" — вторая, если не ошибемся, двойчатка в русской литературе...» (VII, 130).

Все приведенные цитаты вполне совпадают с оценкой, данной «Репертуару и Пантеону» в «Библиографических и журнальных известиях»: «Теперь это издание... будет тот же „Репертуар"» (см. цитату из рец. на «Сказку за сказкой»); «... остался прежний „Репертуар" во всей красе своей...» («Библиографические и журнальные известия»), «литературная двуутробка» и др. Это позволяет утверждать, что и эта часть «Библиографических и журнальных известий» написана Белинским.

Ю. М а с а н о в

〈14〉

СОЧИНЕНИЯ ГЕТЕ

ВЫПУСК 1.

Санктпетербург. В тип. Ильи Глазунова и К°. 1842.
В 8-ю д. л. 82, 27, 23 и 14 стр. (Цена 1 р. сер.; весовых за 2 фунта)

Немного в мире поэтов написали столько великого и бессмертного, как Гете, и ни один из мировых поэтов не написал столько разного балласту и разных пустяков, как Гете. О причинах этого явления здесь не место и не время распространяться; впрочем, мы думаем, причина эта заключается в том, что Гете был столько же *Немец*, сколько и *Германец*, тогда как Шиллер, напр., был только *Германец* — прямой потомок *Арминиев*, и нисколько не родня *Иванам Ивановичам* и *Адамам Адамовичам*... Неизвестные господа́, взявшиеся переводить всего Гете, начали именно с тех его произведений, которые, любя его славу и гений, должно б было перевести после всего. «Брат и сестра»— сладенькое произведеньице во вкусе XVIII века. «Клавиго» уже известен по хорошему переводу г. Струговщикова. «Добрые женщины» (рассказ)— что-то такое, под чем если подписать имя какого-нибудь обыкновенного немецкого писателя, то никто и читать не станет, и что́, даже при имени Гете, трудно дочесть до конца. «Простое подражение природе, Манера, Стиль» и «О Лаокооне» — очень интересные, хоть и небольшие статьи. Статейки, означенные общим именем «Мелкие статьи»,— незначительны. Неизвестные переводчики, переводя Гете, словно издают журнал: первый выпуск у них разделен на отделения — впереди всего драмы, потом повести; далее, ученые статьи, а наконец — смесь; каждое отделение имеет особую нумерацию, так что, по окончании всего перевода, подписчик будет лишен возможности переплести его в одну книгу. По известию о содержании второго выпуска видно, что штука эта будет повторяться с каждым выпуском. Но это бы еще ничего, лишь бы хорошо переводили; особенно худо то, что встречаются фразы, подобные следующим: «Я никогда не встречал человека, более высокомерного, *нежели как* я сам»; «Еслибы даже возложили на меня венец — я подумал бы, что разумеется само собою (??!!...), и именно поэтому я был такой же человек, как все другие люди» и пр.

Не понимаем, с какой стати и по какому праву гг. переводчики разбивают автобиографию Гете на клочки и отрывки, которые нисколько не интересны, тогда как эта автобиография чрезвычайно интересна. Вообще, видно, что это предприятие придумано наскоро и нисколько не обдуманно, что у трудящихся нет ни плана, ни цели, что каждый из них — кто во что̀ горазд... А между тем, господам-переводчикам не мешало бы подумать о том, что́ они делают: ведь если они порядочно переведут только про-

МОГИЛА БЕЛИНСКОГО
Автолитография В. Ф. Тимма
«Русский Художественный Листок» № 29, 1862 г.

заические сочинения Гете, и тогда дело их будет почтенно и заслужит благодарность. Зачем шалить там, где речь идет о важном предмете, не о пустяках каких-нибудь? Пусть бы принялись они за Гете посерьезнее, да начали переводить прежде всего те из его произведений, которые могут поднять, а не уронить его на святой Руси. Чего бы лучше начать с «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwandschaften» или, если уж с драм, так с «Геца фон-Берлихингена», изуродованного на Руси дрянным переводом, в котором действующие лица драмы Гете выражаются языком московских брадатых торговцев и извощиков?..

<«Отеч. зап.», 1842, т. XXI, № 3, отд. VI, стр. 16—17>.

<15>

СОЧИНЕНИЯ ГЕТЕ

ВЫПУСК 2

Спб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1842

В 8-ю д. л. 133 стр.

Еще при самом объявлении о выходе этого прозаического перевода сочинений Гете, ходили слухи, что он затеян обществом молодых людей. Мысль подобного *смелого* предприятия уже сама по себе оправдывала слухи, а первый выпуск вполне утвердил их достоверность. Наконец, по случаю второго выпуска, в одной газете было объявлено имя г. Бочарова как одного из главных переводчиков и участников предприятия. Г. Бочаров недавно издал книжку довольно-плохих стихотворений — обстоятельство, которое, вместе с молодостью переводчиков Гете, не могло не иметь влияния на перевод. В самом деле, безусловное уважение к авторитетам — весьма похвальная черта в юношах, еще неуспевших развиться до самостоятельного и самобытного суждения о важных предметах; но, в то же время, смешно и жалко видеть, когда юноши, из своего слепого уважения к авторитетам, силятся сделать какой-то авторитет для людей, которые уже давно пережили свою школьную эпоху и приобрели себе право смотреть на вещи глазами размышляющего ума, а не безотчетного удивления к громким именам. Забавно читать ученические выходки против литераторов, которые достигли столь высокой точки воззрения на Гете, что думают о нем, как о поэте, написавшем много пустяков, считают его пьесу «Заклад» ничтожною вещью, и т. п. Не знаем, право, кто такие эти дерзкие литераторы; но что́ касается до нас — повторим, не в обиду юным прелагателям сочинений Гете, что великий и гениальный Гете действительно написал много пустяков, в сравнении с которыми даже и сочинения какого-нибудь Клаурена могут показаться чем-то порядочным; пьесы «Брат и Сестра», «Заклад» и «Стелла» именно принадлежат к самым пустым и вздорным произведениям великого германского поэта. Царь внутреннего мира души, поэт по преимуществу субъективный и лирический, Гете вполне выразил собою созерцательную, аскетическую сторону национального духа Германии, а вместе с нею необходимо должен был вполне выразить и все крайности этой стороны. Чуждый всякого исторического движения, всяких исторических интересов, обожатель душевного комфорта до бесстрастия ко всему, что́ могло смущать его спокойствие — даже к горю своего ближнего. Немец вполне, которому везде хорошо и который со всем в ладу, Гете невыносимо велик в большей части своих лирических произведений, в своем «Фаусте»— этой *лирической* поэме в драматической форме, в своем «Прометее», в котором он сам является похитителем небес-

ного огня, в своей «Коринфской Невесте» и множестве других преимущественно лирических произведений; но Гете слаб в драме (за исключением первого и превосходного опыта «Гец фон-Берлихинген») вообще сладок, приторен во многих из своих драм. Он любил делать героями своих драм характеры слабые, ничтожные, изнеженные, женоподобные, каковы: Франц Вейслинген (в «Геце»), *Клавиго, Фернандо* и проч. В лице Эгмонта он осуществил свой идеал «изящной личности», а этот идеал есть не что иное, как идеал «изящного эгоизма», которому, кроме самого себя, все трын-трава... Это чисто-субъективное, антиисторическое направление необходимо должно было, переходя в крайность, доводить Гете до сочинения таких ничтожных, жалких, приторных, сантиментальных пьес, каковы — повторяем смело — «Брат и Сестра», «Клавиго», «Добрые Женщины», «Заклад», «Стелла» и т. п. И как жаль, что юные переводчики начали передавать русской публике Гете именно с его плохих и пустых произведений! Пока переводчики дойдут до истинно великих его созданий, наша публика — чего доброго! — решит, что Гете был плохой писака, и предприятие, само по себе полезное и похвальное, пропадет таким образом в самом начале своем. Второй выпуск «Сочинений Гете» еще более наполнен пустяками, чем первый: за исключением статьи о Шекспире, в которой есть несколько глубоких замечаний, все остальное — балласт... В третьем выпуске переводчики сулят нам «Вертера», который уже известен русской публике по прекрасному переводу Рожалина. Господа! давайте скорее «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwandschaften», «Геца фон-Берлихингена», «Эгмонта», «Восточный Диван» и т. п.

Забавны следующие строки в приложенной ко второму выпуску декларации к публике от переводчиков: «О стихотворениях (разумеется, таких, которые не могут быть переведены прозою) мы пока не говорим ничего (*жаль!*); *от публики зависит дать нам возможность представить ей стихотворения Гете, переданные известнейшими из русских поэтов*». Другими словами: мы наймем известнейших русских поэтов переводить стихами стихотворения Гете!.. Sic! Да где же эти известнейшие поэты русские? И зачем нам ваши стихотворные переводы? Вы обещали перевести всего Гете прозою — так и давайте же нам ваш прозаический перевод всего, что́ написал Гете, разумеется, *сперва* лучшее, а *потом* уже слабейшее. Переводы в прозе необходимы, ибо если они много теряют со стороны поэтического выражения, зато много выигрывают со стороны верности.

<«Отеч. зап.», 1842, т. XXII, № 6, отд. VI, стр. 33—35>.

Общественные и литературные взгляды Белинского как революционного демократа окончательно формируются в начале 40-х годов. Борьба против немецкого философского и поэтического идеализма — существенный этап этого процесса, о котором свидетельствуют с конца 1840 г. письма Белинского к Боткину, а затем и его печатные статьи 1841—1843 гг.

«Философскому филистерству» Гегеля (выражение Белинского), его оправданию «разумной действительности», в том числе и реакционнейшей действительности прусского государства, Белинский, вместе с Герценом, противопоставляет революционную диалектику исторического процесса, «идею отрицания как исторического права, без которого история человечества превратилась бы в стоячее болото» («Письма», т. II, стр. 213 и 186). Немецкий философский и поэтический идеализм раскрывается для Белинского как порождение немецкого национального характера, воспитанного политическим убожеством отсталой и провинциальной Германии. Отсюда, с одной стороны, отрыв немецкой литературы от общественно-политической борьбы, ее уход во внутренний мир поэтической души, ее равнодушие к «социальности», ее «аскетический» характер, т. е. (согласно словоупотреблению Белинского) равнодушие писателя к практическому осуществлению его общественных идеалов, с другой стороны — мещанский консерватизм и филистерство этих идеалов.

Немецкая литература, пишет Белинский, «возникла и выросла на почве отвлечения, аскетизма, антиобщественности; она изображает не общество, а отдельные личности, которых вся жизнь и вся повесть жизни состоит в переливах внутренних ощущений, фантастических и фантазерских грез, и которых все блаженство заключается не в стремлении к идеалу действительной жизни и достижению его, а в том, чтобы любоваться собственной внутренней глубокостью и пустою праздною жизнью ощущения вместо действия» (VII, 436).

Наиболее полная и принципиальная характеристика немецкой философской и поэтической идеологии и немецкого «национального характера», по сравнению с французским и английским, дана Белинским, с этой точки зрения, в статье 1843 г. о Державине (VIII, 132—174). Источником нáциональной жизни Германии Белинский считает «идеализм». Цель жизни немца — в знании, а знание для него заключено в идее. Только в знании и соприкасается немец с миром и жизнью; он равнодушен к осуществлению идеи в жизни; отсюда его «нравственный аскетизм». Для немца знать и жить — две совершенно разные вещи. Поэтому немец легко становится филистером и живет в ладу со всякой действительностью. «Отсюда и аскетический характер поэзии немцев: мирообъемлющая по идеям, воплощенным в ней, она призывает к миру с действительностью, какова бы ни была эта действительность; она настраивает человека к одинокой, созерцательной жизни внутри самого себя, делает его властелином в сфере мысли и машиною в сфере действительности». Разработкой внутреннего мира души человека немцы «оказали человечеству великую услугу». «Но уже аскетическая поэзия немцев исчерпала все свое содержание и совершила полный круг свой: теперь жаждет она иных элементов, иных мотивов» (VIII, 135 сл.).

С этой точки зрения, особенную актуальность приобретает для Белинского проблема творчества Гете. Сторонниками немецкого философско-поэтического идеализма Гете был объявлен «величайшим поэтом современности», «всеобъемлющим гением», глашатаем (по выражению молодого Бакунина) «примирения с действительностью, во всех отношениях и во всех сферах жизни» (М. Б а к у н и н. Собр. соч. Т. II, стр. 166—178— предисловие к напечатанному в «Московском наблюдателе» 1838 г. переводу «Гимназических речей» Гоголя), Белинский и сам в недавнем прошлом отдал дань этому увлечению в известной статье «Менцель, критик Гете» (1840). Но теперь поэзия Гете становится для Белинского наиболее ярким выражением классической «немецкой идеологии»: эстетической созерцательности и объективизма, эгоистической замкнутости в сфере личного переживания, «аскетического» равнодушия к страданиям человечества, к вопросам общественной борьбы. Выступая против односторонней и некритической идеализации Гете, Белинский расчищает пути для искусства реалистического и общественного, для критики общественной жизни средствами искусства, критики, подсказанной партийностью писателя, или, говоря словами самого Белинского,— «могучим субъективным убеждением, имеющим свое начало в преобладающей думе эпохи» (VII, 298), «глубокой, всеобъемлющей и гуманной субъективностью, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем» (VII, 253—254). «Что такое искусство нашего времени?»— спрашивает Белинский и отвечает: «Суждение, анализ общества, следовательно — критика» (VII, 298). От искусства требуется прежде всего «разумное содержание, имеющее исторический смысл, как выражение современного сознания» (VII, 304). В полемике с Никитенко, представителем реакционной идеалистической эстетики, Белинский заявляет: «Изящество и красота — не всё в искусстве. Мы сами были некогда жаркими последователями идеи красоты как не только единого и самостоятельного элемента, но и единой цели искусства... Наш век особенно враждебен такому направлению искусства. Он решительно отрицает искусство для искусства, красоту для красоты» (VII, 304).

Большое впечатление произвела на Белинского, по его собственному признанию, посвященная Гете повесть Герцена «Еще из записок одного молодого человека». Именно по инициативе Белинского (как сообщает Герцен в предисловии к «Былому и думам») повесть эта была напечатана, не без прямого участия критика, в августовском номере «Отечественных записок» за 1841 г. (А. И. Г е р ц е н. Полн. собр. соч., Т. II. СПб., стр. 437—467; отзывы Белинского см. стр. 496). Повесть была написана

Герценом еще в Вятке и называлась тогда «Первая встреча» (т а м ж е, т. I, стр. 286—300). Весьма вероятно, что Белинский был знаком с ней уже в пору своего столкновения с Герценом в 1839—1840 гг. и отчасти имел ее в виду, когда писал свою статью против Менцеля. Герцен показывает политическое филистерство Гете в свете грандиозных событий французской революции, его сервилизм как придворного поэта и «веймарского дипломата», его эгоистическую замкнутость в сфере личных переживаний. Но вместе с тем Герцен четко формулирует двойственность и противоречивость духовного облика великого немецкого поэта. «Гете понял ничтожество своего века, но не мог стать выше его»,— заявлял он в первой редакции повести. «Я сам уже сказал, что готов преклонить колена перед творцом „Фауста", так же как готов раззнакомиться

ЗДАНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ У ПОЛИЦЕЙСКОГО МОСТА НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ. ЗДЕСЬ ПОМЕЩАЛАСЬ В 1839 г. РЕДАКЦИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Литография Шютца, 1830-е гг.

Музей истории и развития Ленинграда

с тайным советником Гете, который пишет комедии в день лейпцигской битвы и не занимается биографией человечества, беспрерывно занимаясь своей биографией» (т а м ж е, стр. 297—298).

Точка зрения Герцена (как и самого Белинского) на Гете очень близко подходит к взгляду, несколько позже (1846 г.) сформулированному молодым Энгельсом в известной рецензии на книгу Карла Грюна «О Гете с человеческой точки зрения» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения. Т. V, стр. 142—143). Подобно Энгельсу, Белинский и Герцен отчетливо видели в Гете противоречие между «гениальным поэтом» и «немецким филистером», «опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником» и усматривали в этом противоречии типичное явление классической «немецкой идеологии», обусловленное политическим «убожеством» Германии. Белинский также не развенчивает Гете, он только борется против его неумеренных апологетов. «Колоссальный» гений Гете проявляется, по мнению Белинского, в идейной насыщенности лучших его произведений, в которых он заплатил дань «духу века». «Его „Вертер" есть не что иное, как вопль эпохи; в его „Фаусте" заключены все нравственные во-

просы, какие только могут возникнуть в груди внутреннего человека нашего времени; его „Прометей" дышит преобладающим духом века; многие из его мелких лирических пьес суть не что иное как выражение философских идей» (VII, 304). С другой стороны, «филистерство» Гете проявляется в его равнодушии к вопросам общественной жизни, в «спокойном довольстве действительностью», в «отсутствии исторических и общественных элементов» (VI, 38), в личном и поэтическом «эгоизме» и, наконец, в особенности — в тех слабых и неудачных произведениях, в которых нашли отражение эти отрицательные стороны его художественного гения. Эти мысли, упорно занимавшие Белинского в 1841—1843 гг., высказываются им попутно во всех статьях, написанных в эти годы — в полемике с Никитенкой или Константином Аксаковым, в рецензиях на сборник Кирши Данилова или на «Стихотворения» Баратынского и наиболее подробно, как уже было сказано, в статье о «Сочинениях» Державина.

В связи с повышенным интересом к проблеме творчества Гете Белинский в эти годы внимательно читал все новые русские переводы его произведений, а следовательно, можно заранее думать, что почти все рецензии «Отечественных записок» на эти переводы принадлежат его перу. В. С. Спиридонов устанавливает авторство Белинского для следующих рецензий: 1. «Литературная газета», 1840, № 42: «Римские элегии» (краткий вариант большой статьи из «Отечественных записок» 1841 г., посвященный переводу А. Струговщикова).— 2. «Отечественные записки», 1841, т. XIV, № 2, отд. 6, рец. № 30: «Клавиго».—3. «Отечественные записки», 1844, т. XXV, № 8, отд. 6, рец. № 265: «Избранные сочинения Гете» (повторение издания Бочарова).—4. «Литературная газета», 1844, № 30: «Избранные сочинения Гете». К этому списку мы имеем возможность прибавить еще три новые рецензии Белинского. Две из них о русском издании «Сочинений» Гете 1842 г. публикуются в настоящем сообщении; третья,— относящаяся к 1843 г.,— о «Германе и Доротее» печатается ниже.

Принадлежность Белинскому двух анонимных рецензий на «Сочинения» Гете («Отеч. зап.», 1842, тт. XXI и XXII, отд. 56) доказывается самым содержанием высказанных в них взглядов. Уже известные нам по одновременным письмам и статьям Белинского эти его взгляды на литературное наследие немецкого поэта развиты в комментируемых рецензиях в более общей и принципиальной форме. Исходя из мысли о противоречивости творчества Гете, автор рецензий выступает с критикой его слабых сторон, которые нашли апологета в переводчике: его лирического субъективизма, «аскетической» созерцательности, «антиисторического направления», чуждого современной общественной борьбе, наконец — его личного эгоизма. Именно для Белинского особенно характерна та смелая, категорическая и авторитетная форма, в которой высказаны в рецензиях эти новые для своего времени взгляды. Характерно и словоупотребление: «аскетический», «чуждый всякого исторического движения, всяких исторических интересов». В письмах и статьях Белинского того времени мы находим почти текстуальные повторения отрицательных оценок в упомянутых рецензиях произведений Гете. Ср. о «Клавиго» — в письме Боткину (март 1842 г.): «без воли, без силы, прекрасная душа» («Письма», т. II, стр. 282); о пьесах «Стелла» и «Брат и сестра» (с которыми Белинский мог познакомиться только в рецензируемом издании)— в уже упомянутой статье о Державине (1843): «Что может быть приторнее и пошлее „Стеллы", „Брата и сестры", „Германа и Доротеи"?— а Гете был великий гений!» (VIII, 138); об «эгоизме» Гете в связи с эгоизмом Эгмонта — в особенности в письме к сестрам Бакуниным, романтическим почитательницам немецкого поэта (8 марта 1843 г.): «Опаснее бывает эгоизм, когда он добродушно сам считает себя самоотвержением, внутреннею жизнию. Вникните в характер Эгмонта, и вы увидите, что это лицо играет святыми чувствами, как предметом возвышенного духовного наслаждения, но они, эти святые чувства, вне его и не присущи его натуре». «Для Эгмонта патриотизм не более как вкусное блюдо на пиру жизни, а не религиозное чувство». «Вот он — идеализированный, опоэтизированный холодный эгоизм внутренней жизни, который дорожит только собою, своими ощущениями, не думая о тех, кто возбудил их в нем...» («Письма», II, 350).

С другой стороны, именно позициям Белинского вполне соответствует во второй рецензии высокая оценка «Фауста» и в особенности — «Прометея» (ср. VI, 343—345 и «Письма», II, 189). Замечание, что «Фауст»—это «лирическая поэма в драматической

форме», текстуально повторено в статье о «Герое нашего времени» (1840): «Фауст есть лирическое произведение в драматической форме» (V, 296).

Не менее характерно для Белинского в эти годы противопоставление «филистерству» и «эгоизму» Гете высокого гражданского духа Шиллера, этого «поэта гуманности». Шиллер — «великая душа, закаленная в огне древней гражданственности», «Тиберий Гракх нашего века» («Письма», II, 350 и 246—247). Именно в этом смысле он назван в анонимной статье «потомком Арминиев» (т. е. Арминия — освободителя древних германцев).

Первое собрание сочинений Гете, послужившее поводом для двух анонимных рецензий, принадлежность которых Белинскому мы считаем совершенно бесспорной, имело только 3 выпуска, вышедшие в свет в 1842—1843 гг., и осталось незаконченным. Оно было построено по типу периодического издания, выходящего по подписке, с разбивкой по отделам и проходящей через все номера пагинацией каждого отдела.

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ
Литография И. Перро, 1840-е гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Выпуск 1. I. Драматические произведения: 1. Брат и сестра, комедия. 2. Клавиго, трагедия.— II. Повествовательная проза: 3. Добрые женщины, рассказ.— III. Ученые статьи: 4. Простое подражание природе, манера, стиль. 5. О Лаокооне. — IV. Мелкие статьи: 6. Значение индивидуальности. 7. Из моей жизни, отрывки. 8. Коцебу. 9. Из писем к консулу Шенборну в Алжир. 10. Свидание с Иффландом.— V. Примечания и объяснения переводчика.

Выпуск 2. I. Драматические произведения: 1. Заклад, комедия. 2. Стелла, трагедия.— II. Повествовательная проза: 3. Новелла.— III. Ученые статьи: 4. Об эпической и драматической поэзии. 5. Шекспир. 6. Правила для актеров.— IV. Мелкие статьи. Отрывки об Италии (7—10).— V. Примечания и объяснения.

Выпуск 3, вышедший в 1843 г., тремя тетрадями, составлен по измененному плану и содержит только начало перевода «Вильгельма Мейстера».

Об инициаторах этого предприятия в печатном «предуведомлении», разосланном в конце 1841 г., сообщалось довольно глухо: «Желание передать русской публике бессмертные произведения великого писателя Германии побудило несколько молодых

людей соединить труды и средства для достижения этой цели. Они обещают публике только труд и усердие и надеются оправдать ее доверие добросовестным исполнением принимаемых на себя обязанностей».

Белинский, как и другие рецензенты (см. «Северная пчела», 1842, № 172, стр. 686; «Дагерротип», 1842, тетр. VII, стр. 32), называет главным или единственным переводчиком И. Бочарова, выпустившего в том же 1842 г. сборник посредственных лирических стихотворений. Рецензия «Северной пчелы» называет Бочарова «переводчиком» и «вместе издателем своего перевода». «Мы знаем, что Бочаров — образованный молодой человек, только что вступающий на литературное поприще. Мы знаем также, что он занимается своим переводом con amore, переводит Гете для него самого; для того чтобы перевести писателя, которого любит всем сердцем, которого изучает с юношеским жаром. Других видов, других расчетов переводчик не имеет; он готов даже жертвовать своими выгодами, чтобы осуществить мысль, с которою вполне сроднился, которую лелеет в душе своей». Бочаров был, повидимому, энтузиастом и дилетантом, и его издание, явившееся плодом юношеского увлечения, очень быстро потерпело крушение вследствие своего дилетантского характера. Бочаров хорошо знал Гете и немецкую литературу о нем, которую он в изобилии цитирует в своих примечаниях: литературу биографов, комментаторов и апологетов, которые тогда уже, слепо поклоняясь великому поэту, восхваляли (говоря словами Энгельса) «всякое ф и л и с т е р с т в о Гете как ч е л о в е ч е с к о е» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения. Т. XXI, стр. 63). Для некритического энтузиазма Бочарова, типичного для поклонников немецкого философско-поэтического идеализма, все произведения Гете представлялись одинаково значительными. Он, повидимому, вполне сознательно, выбрал для первых выпусков своего издания произведения, совершенно не известные русскому читателю и в большинстве случаев незначительные, присоединив к ним теоретические высказывания Гете по вопросам искусства (наиболее ценное в этом издании) и автобиографические мелочи. Он пишет в тоне восторженно апологетическом: «Гете так всеобъемлющ, так разнообразен...». «Добрые женщины»,— по его мнению,— гениальная безделка, написанная с тем же знанием человеческого сердца, которым отмечаются все произведения Гете. «Стелла» для него — одно из «чудно увлекательных произведений Гете».

Отвечая на первую рецензию «Отечественных записок», Бочаров, в примечаниях ко второму выпуску, берет Гете под защиту от тех критиков, «которые думают, что Гете написал м н о г о п у с т я к о в». «Литераторы, д о с т и г ш и е с т о л ь в ы с о к о й т о ч к и в о з з р е н и я н а Г е т е, могут писать и говорить, что им угодно: к счастью России, есть люди, которые, отдавая полную дань уважения гениальному писателю Германии, ценят в с ё, что появилось из-под его пера, находя и в самых маленьких его произведениях или глубокое знание человеческого сердца, или новую мысль, или новый взгляд, находя в них х а р а к т е р и с т и ч е с к и е черты самого Гете, важные для всякого, кто хочет д о с т а т о ч н о изучить его».

В специальном послесловии к этому выпуску, озаглавленном: «Несколько слов о переводе сочинений Гете», Бочаров еще раз полемически формулирует программу своего издания: «И „Вильгельм Мейстер" и „Гец фон-Берлихинген" будут помещены в свое время, вместе с другими п у с т я к а м и гениального писателя Германии, великого и в малом, который и при жизни имел бессильных врагов, поверхностных порицателей и безотчетных поносителей» (Бочаров имеет в виду таких критиков Гете, как Менцель, Берне и др.).

Появление первого русского «Собрания сочинений» Гете и в особенности неудачный выбор произведений дали Белинскому повод высказать в печати свою новую критическую точку зрения на творчество немецкого поэта, лишь попутно намеченную в предшествующих статьях о русской литературе. В первой рецензии критические позиции Белинского намечены лишь в общей, тезисной форме. Апологетический ответ Бочарова заставил Белинского во второй рецензии развить свою мысль и выразить в более резкой и полемической форме свое осуждение «слепому уважению к авторитетам» и некритическому преклонению перед «великим германским поэтом», столь характерному для идеалистического направления литературной мысли конца 30-х годов.

В. Ж и р м у н с к и й

〈16〉

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ОПИСАННЫЕ ИМ САМИМ, СОЧ. Д. ДЕФО

Новый перевод с английского, П. А. Корсакова

Издание, украшенное 200 рисунками Гранвиля. Санктпетербург. В тип. Фишера. 1842 160 стр. В. 8-ю д. л.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

(Цена каждого выпуска 1 р. сер., с перес. 1 р.50 к. сер., всего сочинения 5 р., с перес. 6 р. сер).

РОБИНЗОН КРУЗЕ. РОМАН ДЛЯ ДЕТЕЙ. СОЧИНЕНИЕ КАМПЕ.

Перевод с немецкого

С картинками, рисованными г. Тиммом и вырезанными на дереве бароном Нетельгорстом. Часть вторая. Санктпетербург. 1842. В тип. С.-Петербургской Городской полиции. В 12-ю д. л. 259 стр.

Кому известно прекрасное французское издание «Робинзона Крузе» соч. Дефо, тот поймет, что̀ такое и русское издание этой книги. Г. Корсаков задумал благое дело. Перевод его хорош, а издание, хоть и не французское, но очень опрятное и красивое, одно из лучших русских изданий в этом роде. Цена, по изданию, невысокая,— и нам несравненно выше кажется издание «Робинзона» Кампе, ибо оно на серенькой бумажке, чересчур скромненько напечатано, и всего на-все с тремя политипажами. Впрочем, скромный переводчик Кампе уже объявил, что эти два издания не повредят друг другу, ибо де одно для богатых, другое для бедных. Стало быть, последнее стоит копеек сорок серебром?— Нет: *два рубля серебром*!.. Странно!

〈«Отеч. зап.», 1842, т. XXIII, № 8, отд. VI, стр. 59—60〉.

〈17〉

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ОПИСАННЫЕ ИМ САМИМ. СОЧ. Д. ДЕФО

Новый перевод с английского П. А. Корсакова

ВЫПУСК ВТОРОЙ

161—320 стр.

(Цена каждого выпуска 1 р. сер., с перес. 1 р. 50 к. сер., все сочинение 5 р., с перес. 6 р. сер.)

Перевод «Робинсона Крузо» соч. Дефо безостановочно подвигается вперед: в предыдущей книжке «Отечественных записок» говорили мы о первом выпуске, теперь является второй. Повторяем: это книга чрезвычайно полезная для детей по содержанию и духу своему, а прекрасное издание и 200 превосходных политипажей всего лучше могут приохотить детей к чтению. Русский перевод весьма хорош, как этого и должно было ожидать от такого опытного литератора, как г. Корсаков. Цена книги очень дешева, если взять в расчет изящество издания и необходимые для него значительные издержки. Разумеется, для бедных такие роскошные издания не по силам; но еще дороже для них плохая компиляция Кампе, напечатанная на серой бумаге, с двумя политипажами, и стоящая *два рубля серебром*.

〈«Отеч. зап.», 1842, т. XXIV, № 9, отд. VI, стр. 22〉.

〈18〉

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

〈О «РОБИНЗОНЕ КРУЗО» Д. ДЕФО〉

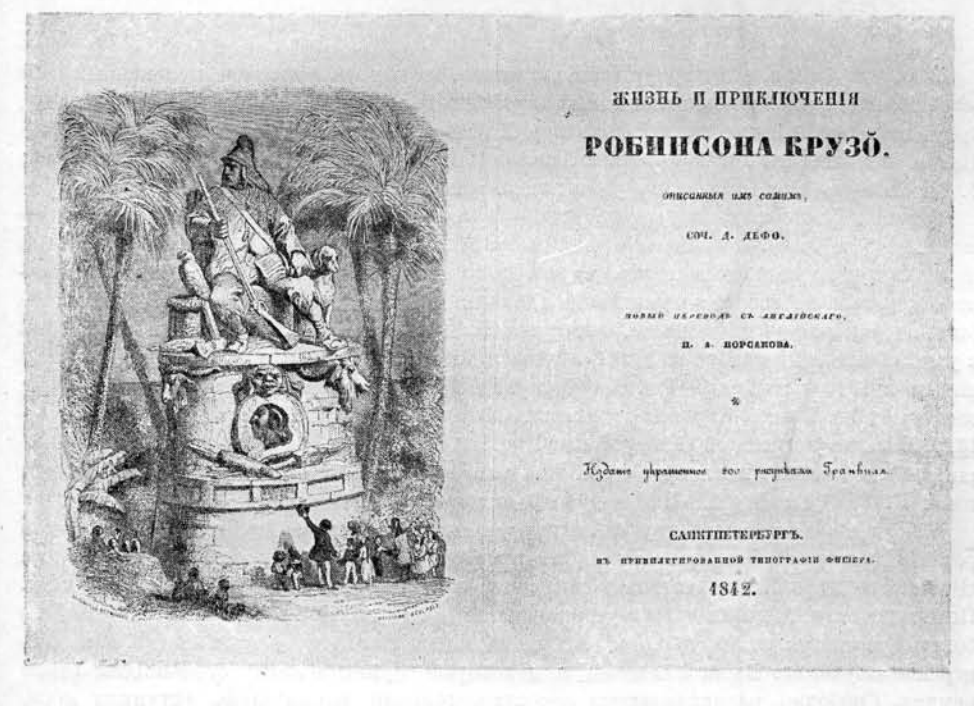
В 254 № «Северной Пчелы» напечатана статья: «Беспристрастие Отечественных Записок». Судя по этому великолепному названию статьи, можно подумать, что дело идет о смерти и жизни «Отеч. Записок», что беспристрастие их опровергается самими сильными доводами; а из содержания статьи оказывается, что против беспристрастия «Отеч. Записок» самим врагам их нечего сказать... Дело идет о переводе «Робинзона Крузе» Кампе, который, по уверению переводчика, имел огромный успех, но о котором «Отеч. Записки» сперва отозвались, *с высоты своего критического величия*, милостиво, а потом, забрав справки и узнав, что переводчик Кампе *имел честь в течение нескольких лет быть постоянным сотрудником Сев. Пчелы*, отозвались о нем немилостиво... Благодарим неизвестного переводчика Кампе за его высокое мнение об «Отеч. Записках» (видно, что ему и малейшего пятна не хочется видеть в них), но да успокоится он в своей похвальной ревности к чести нашего журнала: в нашем отзыве о его «Робинзоне» нет никакого противоречия. Правда, в первый раз мы сказали: «Новый перевод книги Кампе не лишний в нашей литературе, так бедной сколько-нибудь сносными сочинениями для детей; тем более не лишний, что он сделан порядочно, со смыслом и издан опрятно»; но к этому прибавили: «Что касается до картинок,— в первой части этого новоизданного и новопереведенного «Робинзона» их *только одна*, представляющая 〈по〉грудное изображение Робинзона с бородою и в каком-то колпаке; остальные шесть не что иное, как виньетки, и притом *весьма посредственные*». В другой раз, говоря о «Робинзоне» Дефо, издаваемом г. Корсаковым, мы заметили, что цена этого перевода, по изданию, не высока, и нам несравненно выше кажется цена издания «Робинзона» Кампе, ибо оно на серенькой бумажке, чересчур скромненько напечатано и всего-навсего с тремя политипажами. В третий раз мы назвали «Робинзона» Кампе плохою компиляциею, напечатанною на серой бумаге, с двумя политипажами. Переводчик Кампе видит страшное противоречие в трех наших отзывах о его книжонке, смалчивая про себя истинную причину этого мнимого противоречия. Дело в том, что в первый раз мы отозвались о его «Робинзоне», не сравнивая его с «Робинзоном» г. Корсакова, которого еще не было. И действительно, книжонка напечатана довольно опрятно, хоть и на серенькой бумаге; но, в сравнении с изданием г. Корсакова, она жалка и неопрятна, а между тем, по цене дороже книги г. Корсакова: последняя, великолепно и роскошно изданная, с 200-ми превосходными политипажами, по объему в пять раз больше первой, сто́ит *пять* рублей серебром; а первая *с двумя* политипажами (виноваты: во втором нашем отзыве мы почли виньетку за особый политипаж), в двух крохотных частицах, напечатанных на серенькой бумаге, сто́ит *два* рубля серебром. Все вещи оцениваются сравнительно одна с другой: если б переводчик Кампе за свою книжонку назначил *сорок копеек серебром*,— она была бы, *по цене*, прекрасно издана. А то, объявив, как о каком-то гражданском подвиге, что он издание свое назначает *для бедных людей*, пустил его по цене, чувствительной и не для бедных... Вот о чем мы говорили; но переводчик Кампе об этом именно и умолчал... Справок о сочинителях и переводчиках разбираемых нами книг мы никогда не забираем: это для нас и не нужно и не интересно, да и невозможно: кто успеет следить за этими ежедневными перебеганиями литературщиков из журнала в журнал, за этими вчерашними хвалебными гимнами новым госпо-

дам сочинителям, сегодняшними нападками на новых же господ, а завтрашними похвалами опять им же?.. Нет, мы не любим заглядывать на задний двор российской словесности, и не справляемся, кто нынче хулит, например, «Северную Пчелу», в которой вчера участвовал сам, или кто хвалит «Пчелу», недавно бранив ее...

〈«Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VIII, стр. 110—111〉.

Приход Белинского в «Отечественные записки» превратил этот журнал, как известно, в один из самых боевых органов прогрессивной критики и публицистики.

Руководящее участие Белинского в издании Краевского ознаменовалось, в частности, резким обострением полемики «Отечественных записок» со всем реакционно-охранительным лагерем петербургской и московской журналистики: с «Библиотекой



ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

РОБИНСОНА КРУЗÖ.

описанныя имъ самимъ,

соч. Д. Дефо.

новый переводъ съ англійскаго,

П. А. Корсакова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ привилегированной типографіи Фишера.

1842.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РОМАНА «РОБИНЗОН КРУЗО» ДЕФО В ПЕРЕВОДЕ П. А. КОРСАКОВА

Этому изданию посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных Записках» № 9 за 1842 г.

для чтения» и «Сыном отечества», с только что созданным «Москвитянином» и «Северной пчелой». Полемика велась по самым разнообразным вопросам современной литературы и эстетики. «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за „понятия“— дело святое, и горе тому, кто не боролся»,— писал Белинский Боткину в конце 1842 г. («Письма», II, 322—323).

1842 год был одним из самых напряженных периодов в истории идейной борьбы Белинского. Это был год «Педанта» и знаменитых статей о «Мертвых душах», статей о Майкове, Баратынском, Полежаеве. В этих работах Белинский впервые отчетливо формулировал свои новые эстетические «понятия» и критерии в искусстве.

Через все эти работы проходит чрезвычайно ожесточенная полемика Белинского с Булгариным, Шевыревым, К. Аксаковым и с теми органами печати, в которых они сотрудничали. «Чувствую теперь вполне и живо,— писал Белинский Боткину в том же 1842 г.,—что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — полемика» (т а м ж е, 289).

Особенно острой и напряженной была борьба Белинского с «Северной пчелой». Пожалуй, ни один из органов печати не упоминается в статьях Белинского этого периода так часто, как газета Булгарина и Греча.

Политическая физиономия этого издания хорошо известна. В условиях 30-х и особенно 40-х годов это был один из активнейших центров идеологической реакции и главный орган «охранительного направления», субсидировавшийся III Отделением. Вот почему с каждым новым годом, по мере того как Белинский все более утверждался на позициях материализма и социализма, его борьба с «Северной пчелой» приобретала все более ожесточенные формы.

Один из эпизодов этой борьбы, относящийся к богатому событиями 1842 г., раскрывают три обнаруженные нами заметки Белинского.

* * *

В апреле 1842 г. в Петербурге вышла книга, на короткое время привлекшая к себе всеобщее внимание. Это был анонимный перевод немецкой переделки «Робинзона Крузе», принадлежавшей педагогу и литератору XVIII в. Иоахиму Генриху Кампе: «Rodinson der Jüngere zur angenehmen und nützlichen Unterhaltung für Kinder, von J. H. Campe», Hamburg, 1779 (был ряд переизданий).

В самом факте выхода русского издания книги Кампе ничего, собственно, примечательного не было. «Робинзон младший» принадлежал к числу наиболее популярных переделок-имитаций знаменитого романа. Достаточно указать, что за сто лет книга Кампе выдержала в Европе, в переводе на различные языки, до 200 изданий. В 1792 г. она была издана и на русском языке, в переводе Ф. Печерина: «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей». 2 части. М., 1792. Второе издание этого перевода вышло в 1819 г.: «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей, сочиненный г. Кампе. Перевод с немецкого. В четырех частях. Издание второе. Москва, 1819. В Университетской типографии». Укажем, что экземпляр этого издания (переплетенный в две книги) имелся и сохранился в личной библиотеке Белинского (см. в наст. томе: Л. Р. Ланский. «Библиотека Белинского»).

Как и в большинстве других литературных переделок знаменитого английского романа для детей, замысел оригинала претерпел у Кампе серьезные изменения. «Робинзон» Дефо был значительно сокращен, изменен, и, что самое важное, обеднен. Поверхностная дидактическая установка автора-педагога превратила сложный и богатый мыслями роман Дефо в рассудочно-назидательное и сентиментально-резонерское поучение. Были изменены и некоторые существенные особенности стиля романа. Свободно развивающаяся повествовательная форма Дефо уступила место скучным, нравоучительным диалогам отца-учителя с его учениками:

«— Батюшка, не расскажете ли вы нам снова чего-нибудь?—спросил Готлиб в один прекрасный вечер.

— С охотою,— отвечал отец».

Такова краткая экспозиция романа. Затем, в течение многих вечеров отец рассказывает своим детям и ученикам историю Робинзона, приправляя ее собственными морально-дидактическими сентенциями.

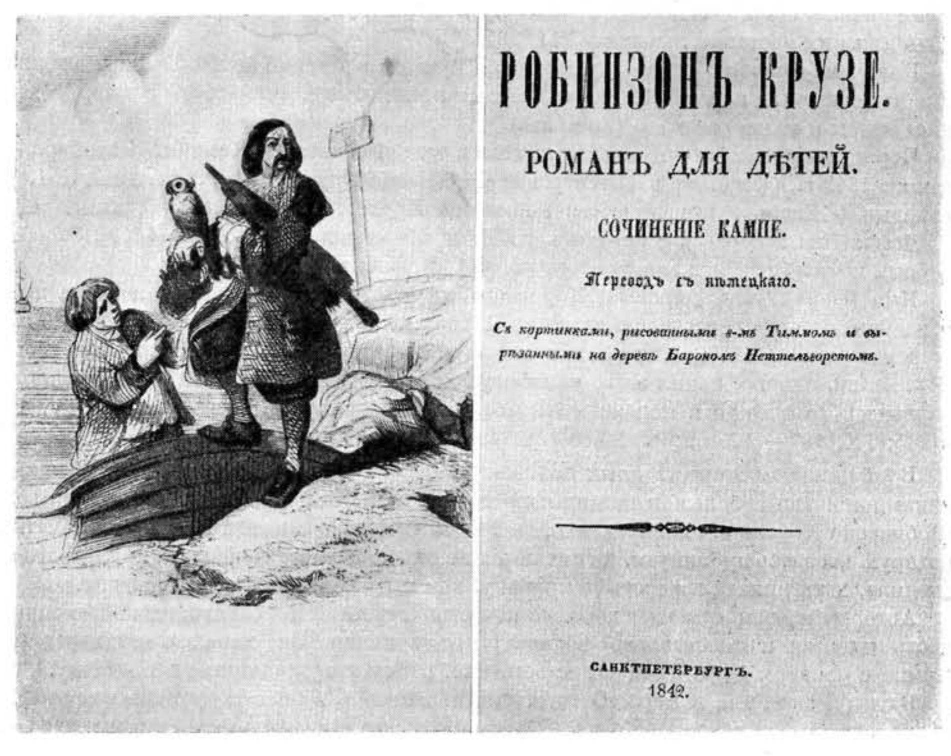
Тем не менее книга Кампе приобрела широкую популярность. Она вызвала, в свою очередь, особенно в Германии, ряд переделок, подражаний и продолжений». В 1811 г. в России вышел перевод одного из таких изданий: «Робинзонова колония, Продолжение Кампева Робинзона. Книга занимательная для детей» (пер. с нем. И... Л..., М., 1811). Спустя три года эта книга была переиздана, но уже под другим названием: «Приятная и полезная книга для детей или повествование о населении Робинзонова острова в Южной Америке, представленное в нравоучительных разговорах отца с детьми, служащее продолжением Нового Робинзона, сочинения Кампе» СПб., 1814).

А в 1842 г. в Петербурге вышел новый перевод самого сочинения Кампе: «Робинзон Крузе. Роман для детей. Сочинение Кампе». Ч. 1. СПб., 1842.

Белинский, всегда интересовавшийся детской литературой, откликавшийся почти на все новинки в этой области, естественно, не мог пройти мимо нового перевода «Робинзона», который, как сказано, он знал и имел в 1-м издании. Книга представляла для критика тем больший интерес, что он еще недавно хотел сам «составить историю Робинзона Крузо» для детей («Письма», II, 228).

В 6-м номере «Отечественных записок» за 1842 г. Белинский откликнулся на «Робинзона» Кампе рецензией, вошедшей в венгеровское издание его Полного собрания сочинений (VII, 237).

Белинский подчеркивает в своем отзыве бесспорное преимущество «Робинзона» Дефо перед подражанием Кампе, которое состоит «большею частью из пиэтистических и



ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СОЧИНЕНИЯ И. Г. КАМПЕ— «РОБИНЗОН КРУЗО» (ПЕРЕРАБОТКА РОМАНА ДЛЯ ДЕТЕЙ), 1842 г.

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Отечественных Записках» №№ 8 и 12 за 1842 г.

резонерских разговоров отца, рассказывающего детям историю Робинзона». Решительно оспаривая защищаемую русским переводчиком целесообразность (не только педагогическую, но и художественную) тех изменений, которые произвел Кампе в романе, Белинский обращает внимание на следующее обстоятельство.

У Дефо Робинзон запасается некоторыми инструментами с обломков корабля. Кампе эта деталь показалась недостаточно педагогичной, и он изменил ее. У него Робинзон остается на острове с пустыми руками. Из ничего он должен был сделать все. Белинский указывает на сомнительную педагогическую целесообразность подобных сюжетных перестроек. Белинский был противником нарочитого введения дидактики в переработки для детей произведений классической литературы. Он, например, горячо рекомендует детям «Дон-Кихота», «не искаженного, не переделанного» (X, 128). Хорошая детская повесть должна, по мнению критика, отличаться «художественностью истинного создания», а не «пошлою нравственностью» («Письма», I, 102).

Хорошо известна борьба Белинского в 30-е годы с булгаринской формулой «поучать забавляя» (такое определение задач писателя Булгарин дал в предисловии к своему

роману «Мазепа»). Белинский отвергал поверхностное, дидактическое морализирование не только в его грубом «полицейско»-булгаринском виде, но и в любой его форме, в том числе в художественных произведениях, предназначенных для детей.

Белинский был любителем и знатоком детской книги. Известна, например, его страсть к приключенческим романам. Он с живым интересом следил за всеми новинками детской литературы и даже мечтал сам когда-нибудь написать книгу для детей. Не случайно поэтому он так остро реагировал на малейшую фальшь в детской книге; понятна и позиция, занятая им в отношении «Робинзона» Кампе.

Итак, в единственно известном до сих пор отзыве Белинского на эту книгу общая оценка ее отрицательна. Назойливые резонерские разговоры в романе Кампе, по мнению критика, скорее «способны произвести в детях скуку и отвращение к морали, чем быть для них наставительными» (VII, 237).

Впрочем, в связи с остро ощущавшейся нуждой в детской книге, Белинский склонен был считать и перевод Кампе «не лишним», тем более, «что он сделан порядочно, со смыслом и издан опрятно» (там же).

Через несколько месяцев после выхода в свет «Робинзона» Кампе в Петербурге, в том же 1842 г., был издан новый перевод «Робинзона Крузо» Дефо, сделанный П. Корсаковым («Жизнь и приключения Робинсона Крузо, описанные им самим». Соч. Д. Дефо. Новый перевод с английского П. А. Корсакова. Ч. 1. СПб., 1842). Это был первый полный перевод знаменитого романа на русский язык.

Имя Петра Александровича Корсакова, посредственного писателя, цензора и переводчика, достаточно хорошо известно. В сочинениях и письмах Белинского это имя встречается нередко. Скептически относясь к художественным талантам Корсакова, Белинский, однако, ценил этого человека как опытного переводчика с английского и голландского языков и положительно отзывался о некоторых его статьях (IV, 121 и 265; IX, 137—147 и др.).

В 8-й книжке «Отечественных записок» за 1842 г. в отделе «Библиографическая хроника» появилась небольшая анонимная рецензия на 1-й выпуск корсаковского перевода «Робинзона Крузо» и, одновременно, на 2-ю часть перевода книги Кампе. Эта заметка, которую мы здесь публикуем, до сих пор ни в одно собрание сочинений Белинского не входила, хотя принадлежность ее критику, как мы увидим ниже,— бесспорна.

Автор рецензии отмечает хорошее качество перевода Корсакова, внешнюю опрятность издания и относительно невысокую цену книги. Он сопоставляет переделку Кампе с романом Дефо и отдает, естественно, все свое предпочтение последнему.

В следующем, 9-м, номере «Отечественных записок», в связи с выходом второго выпуска перевода «Робинзона Крузо» Корсакова, была помещена новая рецензия, тоже, вне всякого сомнения, принадлежавшая перу Белинского.

Эта анонимная рецензия начинается характерной для Белинского ссылкой на его предыдущий отзыв: «Перевод „Робинзона Крузо“ соч. Дефо безостановочно продвигается вперед; в предыдущей книжке „Отечественных записок“ говорили мы о первом выпуске, теперь является второй. Повторяем: это книга чрезвычайно полезная для детей по содержанию и духу своему...» («Отеч. зап.», 1842, т. XXIV, № 9, отд. VI, стр. 22).

Действительно, основные положения этой заметки почти буквально повторяют мысли, изложенные в предшествующей рецензии. В частности, автор снова отмечает хорошее качество перевода Корсакова, добротность внешнего оформления и относительно невысокую цену издания. В этой связи рецензент опять упоминает о «плохой компиляции» книги Кампе, «напечатанной на серой бумаге с двумя политипажами и сто́ящей два рубля серебром».

Несколько недель спустя после этого отзыва «Северная пчела» обрушилась на «Отечественные записки» негодующей заметкой, саркастически озаглавленной: «Беспристрастие „Отечественных записок“». Заметка была подписана: «переводчик „Робинсона“ Кампе». Ее автором был В. Межевич (в 1846 г. он выпустил второе издание перевода «Робинзона» Кампе и обозначил на титульном листе свое имя в качестве переводчика).

В обычном для булгаринской газеты тоне «Отечественные записки» обвинялись в непоследовательности, в забвении принципов добросовестной и беспристрастной кри-

тики, в путаной и противоречивой оценке «Робинзона» Кампе. Первый якобы благоприятный отзыв «Отечественных записок» о появившемся переводе книги Кампе автор заметки и он же переводчик книги объясняет тем, что редакция журнала еще не подозревала, кто автор русского перевода. Но, дескать, узнав впоследствии, что он сотрудник «Северной пчелы», резко изменила свое мнение:

«...видно, „Отечественные записки",—писал автор заметки,—соображают свои приговоры с теми отношениями, в каких они находятся с издателями, автором или переводчиком. При выпуске в свет первого отзыва своего „Отечественные записки", вероятно, не успели еще *забрать справок* о переводчике Робинсона; при выпуске второго уже они имели подозрение, а при выпуске третьего совершенно убедились, что переводчик имел честь, в течение нескольких лет, быть постоянным сотрудником „Северной пчелы"» («Сев. пчела», № 254, 12 ноября 1842 г.).

Из контекста заметки явствует, что «Северная пчела» подозревала в авторе всех трех рецензий в «Отечественных записках» одно лицо. Больше того, некоторые выражения которые допускает в полемике газета, не оставляют никакого сомнения в том, что автором всех трех заметок она считала никого другого, как именно Белинского. Характерно, например, что «переводчик „Робинсона" Кампе» цитирует одно место из «Отечественных записок» и в сноске иронически воспроизводит любимое и общеизвестное тогда уже выражение Белинского: «Выписываем с дипломатической точностью» (ср., напр., VII, 226 и 513; XII, 368 и др.).

Выступление «Северной пчелы», как и следовало ожидать, не было оставлено без ответа.

В 12-й книжке «Отечественных записок» за тот же 1842 г., в отделе «Смеси», были напечатаны «Литературные и журнальные заметки». Подборка состоит из семи небольших заметок. Шесть посвящены литературным темам, и лишь одна—специально историческому вопросу. Из первых шести заметок пять давно уже вошли в собрание сочинений Белинского — первоначально в издание Солдатенкова (ч. 6-я), а затем — Венгерова (VII). И только одна заметка из этих шести осталась невключенной ни в то, ни в другое издание сочинений критика. Между тем, она, бесспорно, принадлежит Белинскому и имеет непосредственное отношение к интересующему нас эпизоду.

Автор заметки открыто берет здесь под свою защиту три напечатанные ранее рецензии, в «Отечественных записках». Он отвергает обвинение «Северной пчелы» в непоследовательности и противоречиях, якобы обнаруженных газетой в этих рецензиях. Он разъясняет: когда писалась первая рецензия о переводе романа Кампе, корсаковского издания еще не было, и поэтому «Робинзон» Кампе мог удовлетворить известную потребность в детской книжке. Однако в сравнении с изданием Корсакова книга Кампе — «плохая компиляция», «жалка и неопрятна». «Все вещи,— добавляет автор заметки,— оцениваются сравнительно одна с другой...» («Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VIII, стр. 110).

Итак, во-первых, здесь совершенно точно повторяются аргументы, изложенные в предшествующих двух рецензиях, в отношении которых мы доказываем авторство Белинского. Достаточно внимательно прочитать все три заметки, чтобы убедиться в их принадлежности одному и тому же автору.

Во-вторых, последняя заметка («Отеч. зап.», № 12) не только общими своими выводами, но и в ряде случаев текстуально совпадает с той первой рецензией о Кампе, автором которой давно уже признан Белинский и которая вошла в венгеровское издание его сочинений.

Наконец, принадлежность этой заметки Белинскому подтверждается еще одним обстоятельством. Анонимный автор заметки пишет в ней: «Дело в том, что в первый раз мы отозвались о его „Робинзоне", не сравнивая его с „Робинзоном" г. Корсакова, которого еще не было. И действительно, книжонка напечатана довольно опрятно, хоть и на серенькой бумаге; но, в сравнении с изданием г. Корсакова, она жалка и неопрятна, а между тем, по цене дороже книги г.Корсакова. Последняя, великолепно и роскошно изданная, с 200-ми превосходными политипажами, по объему в пять раз больше первой, сто́ит *пять* рублей серебром; а первая с *двумя* политипажами (виноваты: во втором на-

шем отзыве мы почли виньетку за особый политипаж), в двух крохотных частицах, напечатанных на серенькой бумаге, стóит *два* рубля серебром» («Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VIII, стр. 110).

Эти слова почти текстуально совпадают с соответствующим местом в рецензии Белинского на книжку В. М. «Колосья», напечатанной в предшествующем, 11-м, номере «Отечественных записок» и вошедшей в венгеровское издание. Мы читаем тут: «...сюда не должно отнести полезную книгу Дефо, издаваемую г. Корсаковым, книгу, в которой и роскошь издания полезна, ибо эта книга издается для детей. „Робинзон Крузо" Дефо, выходящий в шести ливрезонах, по отношению к красивости издания гораздо легче для покупки, нежели плохая книжонка Кампе, посредственно переведенная и на дурной серой бумаге изданная с двумя картинками, а между тем стóящая д в а р у б л я серебром... „Робинзон", издаваемый г. Корсаковым, дороже целыми тремя рублями, но зато он по объему впятеро больше „Робинзона" Кампе, и в нем не две, а д в е с т и картинок, да, вдобавок, он и издан великолепно, роскошно» (VII, 458—459).

Автором книжки «Колосья», скрывшимся за инициалами В. М., был все тот же В. С. Межевич — переводчик «Робинзона» Кампе. И то и другое было, конечно, известно Белинскому. Разве случайно в рецензии о «Колосьях» он вспомнил книгу Кампе? Ведь никакой видимой связи между этими книжками не было!

За Межевичем была прочно закреплена репутация перебежчика. Он постоянно бросался от одного журнала к другому. Некогда, в период «Телескопа» и «Молвы», он был дружен с Белинским. Вскоре они разошлись. Межевич сотрудничал в «Отечественных записках». Затем сблизился с Булгариным, перешел в «Северную пчелу» и стал поносить журнал, к которому недавно был близок.

Именно Межевича имел в виду Белинский в рецензии о «Колосьях», когда писал: «...часто случается видеть, как иные сотрудники перебегают из одного журнала в другой, ссорятся с новыми своими патронами, перед которыми вчера еще печатно ползали и изгибались, потом мирятся с ними, потом снова перебраниваются...» (VII, 459).

Сравним это место с концом анонимной заметки («Отеч. зап.», № 12), которую мы приписываем Белинскому: «...кто успеет следить за этими ежедневными перебеганиями литературщиков из журнала в журнал, за этими вчерашними хвалебными гимнами новым господам сочинителям, сегодняшними нападками на новых же господ и завтрашними похвалами опять им же...».

Приведем, наконец, еще одну характеристику Межевича у Белинского: «Иной сказал бы, что не хорошо, недобросовестно перебегать из журнала в журнал, так сказать, от одного хозяина к другому и продавать свое мнение...» (XIII, 73).

Близость всех трех текстов, из которых два уже известны как принадлежащие Белинскому, настолько очевидна, что можно было бы ограничиться лишь одним этим сопоставлением для доказательства принадлежности анонимной заметки в 12-м номере «Отечественных записок» 1842 г. перу критика.

Приведем, однако, и другие аргументы. Стилистическая манера, в которой написана интересующая нас заметка, со своей стороны убедительно подтверждает авторство Белинского. Мы встречаем в ней ряд очень характерных для Белинского выражений. Ограничимся одним, но выразительным примером. Ср.: «Нет, мы не любим заглядывать на з а д н и й д в о р российской словесности» (заметка) и «...вы увольте нас от тяжкой обязанности разрывать грязь, которою завален з а д н и й д в о р нашей литературы» (IV, 301).

Авторство Белинского подтверждается далее рассмотрением заключительного эпизода полемики критика с «Северной пчелой». В эту полемику неожиданно включился еще один орган — «Сын отечества». В 12-й книжке журнала за тот же 1842 г. появился запоздалый отклик на корсаковский перевод «Робинзона». Но Корсаков был лишь поводом к выступлению. Истинная причина была другая — пресловутый перевод В. Межевичем книги Кампе и нападки Белинского на это издание.

Автор анонимной заметки в «Сыне отечества» пишет: «С этим переводом случилось довольно замечательное и чудное приключение». Затем он напоминает, что «все известные» журналы воздали должное переводчику, как «вдруг один толстый журнал

⟨«Отеч. зап.»⟩ проведал, что переводчик, не объявивший своего имени, не кто иной как сотрудник тонкого журнала ⟨«Северная пчела»⟩, с которым толстый журнал ведет семилетнюю войну и, по всем признакам, по окончании войны семилетней, намеревается начать тридцатилетнюю» («Сын отечества», 1842, № 12, отд. VI, стр. 80).

«Сын отечества», конечно, солидаризируется с «Северной пчелой» и повторяет ее версию о непоследовательности «Отечественных записок».

Нет никакого сомнения, что и для «Сына отечества» не было секретом, что автором всех заметок в «Отечественных записках» о переводе кампевского «Робинзона» было одно и то же лицо — Белинский.

Об этом же, наконец, свидетельствует и еще одно обстоятельство. Рядом с отзывом о Кампе в «Сыне отечества» помещена другая заметка — о романе И. Калашникова «Дочь купца Жолобова», подвергнутом Белинским в 11-й книжке «Отечественных записок» резкой критике (VII, 452—453). «Сын отечества» снова обрушивается на «Отечественные записки» за эту, якобы необоснованную критику. Заявив, что роман И. Калашникова «читают все с удовольствием», анонимный автор язвительно восклицает далее, прибегая к риторическому вопросу: почему «многие глубокие, философские и исторические статьи возбуждают скуку страшную и даже тоску?.. Почему же чистые „перлы создания“ многим кажутся чистою, высокопарною бестолковщиной?» («Сын отечества», 1842, № 12, отд. VI, стр. 85).

В этих словах содержится уже откровенный выпад против Белинского. Как известно, именно в таких выражениях обычно третировала статьи великого критика реакционная журналистика.

Белинский не отозвался на выпад «Сына отечества». Своим ответом «Северной пчеле» он уже исчерпал предмет полемики и не счел нужным вновь возвращаться к ней. Изученный нами эпизод из истории борьбы Белинского с «Северной пчелой» дал возможность установить принадлежность критику трех ранее не известных заметок его, опубликованных выше.

С. Машинский

⟨19⟩

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

СОЧИНЕНИЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Издание пятое, в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов, с полными примечаниями, украшенное портретом автора, гравированным на стали в Лондоне. Издание И. Эйнерлинга. Книга II (томы V, VI, VII и VIII). Санктпетербург. В тип. Э. Праца. 1842. В 8-ю д. л. 242, 228, 142 и 188 стр. текста, 178, 104, 68 и 82 стр. примечаний. (Цена за все сочинение 50 р асс.; за каждую книгу отдельно 5 р. сер.; весов. каждой книги за 4 фунта)

Прекрасное издание г-на Эйнерлинга продолжается безостановочно и снискивает себе более и более похвалы в публике. Теперь вышла вторая книга, вмещающая в себе пятый, шестой, седьмой и восьмой томы «Истории Государства Российского» со всеми относящимися к ним примечаниями и дополнениями, сделанными после историографом. Остается издать еще последние четыре тома с «Перечнем происшествий до вступления на престол дома Романовых», «Статьею о древней и новой России» и «Азбучным указателем», который вновь переделывается для этого издания г-м Строевым, и тогда предприятие г-на Эйнерлинга вполне будет кончено. Удобство компактного печатания нигде так ясно не обнаруживалось, как в этом издании. Книга, заключающая в себе полные четыре тома «Истории» со всеми «Примечаниями» в переплете, будет не толще каждого из прежних 12-ти томов той же «Истории», а между тем шрифт, которым напечатана книга, весьма удобен для чтения. Душевно желаем, чтоб кто-нибудь, побужденный успешным примером г. Эйнерлинга, пред-

принял подобные же издания всех сочинений Ломоносова, Державина, Жуковского и даже литературных произведений Карамзина. О компактном издании Пушкина мы и думать не смеем: вероятно, долго еще его не дождемся.

<«Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VI, стр. 46>.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина пользовалась особыми симпатиями Белинского. В статье «Русская литература в 1841 году» Белинский писал: «Ум цепенеет перед огромностью подвига, совершенного Карамзиным; он писал историю, он же и разрабатывал решительно нетронутые материалы для нее... До сих пор ни одна попытка написать историю России не только не помрачила великого творения Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при нем...» (VII, 19 и 20).

В 1842 г. издателем И. Эйнерлингом было предпринято 5-е («компактное») издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в трех книгах, вышедшее в течение 1842—1843 гг. В «Отечественных записках» появились три рецензии на это издание: в № 7 1842 г.— на первую книгу, в № 12 1842 г.—на вторую книгу и в № 7 1843 г.— на три книги (четвертая книга в издании Эйнерлинга являлась приложением и содержала «Ключ» к «Истории Карамзина», составленный Строевым). Последняя рецензия вошла еще в солдатенковское издание собрания сочинений Белинского; рецензия на первую книгу отмечена в составленных Галаховым для издания Солдатенкова списках отзывов Белинского, опущенных в этом издании «по незначительности», а рецензия на вторую книгу выпала из поля зрения Галахова. С. А. Венгеров перепечатал в Полном собрании сочинений Белинского (VII, 266—268 и VIII, 257—261) рецензии из «Отечественных записок» 1842 г., № 7 и 1843 г., № 7 (т. е. рецензии на первую книгу и на все издание), причем в отношении отзыва о первой книге «Истории государства Российского», отмеченного в галаховских списках, сделал оговорку, что он не убежден в принадлежности его Белинскому, так как находит «странный для Белинского слог: „следственно", „творение" и т. д.» (см. VII, 599, прим. 169). Для нас несомненно, что в данном случае С. А. Венгеров проявил излишнюю сомнительность. В слоге этого отзыва нет ничего «странного» для Белинского. Правда, слово «следственно» употреблялось Белинским сравнительно редко (чаще «следовательно»), но полностью оно не исключено из лексикона критика и встречается в его текстах вместе с такими словами, как «посему», «отселе» и др. Так, например, в рецензии на «Сказку за сказкой» (СПб., 1841) читаем: «Из этого можно заключить, что у нас так много хороших нувеллистов, а с л е д с т в е н н о, и хороших повестей...» и т. д. (VI, 351); или: «Мужицкая жизнь сама по себе мало интересна для образованного человека; с л е д с т в е н н о, нужно много таланта, чтобы идеализировать ее до поэзии» и т. д. (рецензия на «Листовку», СПб., 1841—VI, 201.— Разрядка наша.— *Ю. М.*). Встречается слово «следственно» и в других статьях и рецензиях Белинского (см., напр., VI, 162, 191; VII, 224, 229 и др.; XII, 377, 397 и др.). Что касается слова «творение», то оно не сходит со страниц сочинений Белинского и употребляется критиком значительно чаще, чем слова: «сочинение» или «произведение». Например: «никакое колоссальное т в о р е н и е искусства» (VII, 30); «верность натуре в т в о р е н и я х Гоголя» (VII, 43); «но те т в о р е н и я Пушкина» (VII, 45); «является т в о р е н и е чисто русское» (VII, 253) и т. д. (разрядка наша.— *Ю. М.*). «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина Белинский почти везде и чаще всего называет именно «т в о р е н и е м», например: «с этой-то стороны еще никто и не взглянул на великое т в о р е н и е Карамзина» (VII, 19); «и потому его „История государства Российского" есть т в о р е н и е зрелое» (V, 128) и т. д. (см. также VII, 19; X, 316, и др.— Разрядка наша.— *Ю. М.*). Мы считаем, таким образом, что сомнения С. А. Венгерова в данном случае неосновательны и свидетельство Галахова об авторстве Белинского соответствует действительности.

Остается решить вопрос об авторе рецензии на вторую книгу «Истории государства Российского», помещенную в № 12 «Отечественных записок» 1842 г. Эта рецензия, как и рецензия на первую книгу, о которой мы говорили выше, не дает какой-либо конкретной оценки работы Карамзина по существу, а отмечает лишь внешние достоинства компактного» издания Эйнерлинга: наличие «исправлений» и «замечаний», сделанных

историографом, наличие приложений («Перечень происшествий до вступления дома Романовых на российский престол» и статья Карамзина «О древней и новой России») и «Азбучного указателя». Все эти положительные стороны издания были отмечены Белинским в рецензии на первую книгу «Истории». Далее, в отзыве о первой книге Белинский, между прочим, писал: «Вышедшая ныне первая книга издана превосходно. Четкий и красивый шрифт, удобный и чрезвычайно вместительный формат, чистая бумага и прекрасно гравированный портрет историографа,— ставят ее наряду с лучшими европейскими книгами этого рода. Все это издание может почесться образцовым, как по обдуманности и полноте его, так и по наружному изяществу. Мы советовали бы нашим издателям поучиться у г. Эйнерлинга печатать творения тех писателей, которые имеют важное значение в русской литературе. А то, поглядите, как изданы у нас Ломоносов, Державин,— смотреть совестно...» (см. VII, 267—268).

Эта же мысль получает развитие в отзыве о второй книге: «Душевно желаем, чтобы кто-нибудь, побужденный успешным примером г. Эйнерлинга, предпринял подобные же издания всех сочинений Ломоносова, Державина, Жуковского и даже литературных произведений Карамзина. О компактном издании Пушкина мы и думать не смеем: вероятно, долго еще его не дождемся».

Если учесть особый интерес Белинского к настоящему изданию «Истории» Карамзина (кроме рецензий в «Отеч. зап.» 1842 г., № 7 и 1843 г., № 7, ему посвящена значительная часть «Библиографических и журнальных известий» в № 2 «Отеч. зап.» 1842 г., которые публикуются в настоящем томе «Литературного наследства»; это же издание критик упоминает и в своей статье «Русская литература в 1842 году»), а также то обстоятельство, что продолжающиеся издания Белинский, как правило, рецензировал единолично, то все приведенные данные, в своей совокупности, дают полное основание считать его автором рецензии и на вторую книгу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Ю. Масанов

〈20〉

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

ПОЭМА В IX ПЕСНЯХ ВЕЛИКОГО ГЕРМАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГЕТЕ

Перевел Ф. Арефьев

Москва. В тип. С. Селивановского. 1842. В 12-ю д. л. 155 стр.

Г. Арефьев очень остроумно придумал сказать на заглавном листке своего перевода, что это произведение «великого» писателя: без этой предусмотрительной черты характера почтенного переводчика никто бы не признал в авторе «Германа и Доротеи» великого поэта. Но теперь — другое дело: многие испугаются сколько имени Гете, столько и титула «великого», и, пожалуй, будут восхищаться «Германом и Доротеею», как действительно превосходным творением. Чтó касается до нас, мы не из числа робких, и нас мудрено запугать фразою, кáк бы она ни была громозвучна. И потому, считая Гете действительно «великим германским поэтом», мы, тем не менее, не усомнимся сказать прямо и просто, что его «Герман и Доротея»— прежалкое произведение в пухло-водяно-сантиментальном вкусе пастушеской эпопеи Геснера и Битобе... Трудно вообразить себе что-нибудь приторнее и надутее этой поэмы, которая писана гекзаметрами и в которой действующими лицами — трактирщик с женою и сыном, сосед-аптекарь и деревенский пастор!.. Не угодно ли, например, полюбоваться, кáк нежный и почтительный сын хвалится любовью и уважением к своему дражайшему родителю: «Когда однажды, при выходе почтенного родителя моего из церкви, товарищи мои осмелились над ним насмехаться, избрав предлогом к тому его красный колпак и цветной шла-

фор, пожертвованный им сегодня в пользу несчастных, о, тогда, вне себя, я бросился на дерзких и осыпал их моими ударами; с воплем и *разбитыми носами* искали они в бегстве спасение от бешенства моего...» Ка́к это должно быть хорошо в гекзаметрах!..

Перевод довольно плох, т. е. достоин поэмы; издание серенькое; опечаток очень много, и так как они заключаются все в букве *ѣ* и *е*, то их легко можно принять за доказательство безграмотности — корректора, разумеется...

⟨«Отеч. зап.», 1843, т. XXVI, № 1, отд. VI, стр. 12—13⟩.

Принадлежность Белинскому публикуемой нами анонимной рецензии на «Германа и Доротею» Гете в переводе Ф. А. Арефьева (Москва, 1842) не вызывает сомнений. По своей резко отрицательной оценке этого произведения рецензия вполне совпадает с другими одновременными высказываниями Белинского. «Недавно прочел я его „Германа и Доротею"— какая отвратительная пошлость!»— пишет Белинский сестрам Бакуниным 8 марта 1843 г. («Письма», II, 351). Можно думать, что этот отзыв написан под впечатлением недавнего чтения перевода Арефьева и что именно в этом переводе Белинский и познакомился впервые с поэмой Гете. В статье о Державине, напечатанной в том же году (1843), «Герман и Доротея» упоминается как произведение «приторное и пошлое», недостойное «великого гения Гете»,— рядом с «Братом и сестрой» и «Стеллой», одновременно опубликованными Бочаровым (VIII, 138).

Перевод Арефьева предназначался для читателя из мещанских кругов. В предисловии переводчик выражает надежду, что «этот труд увеличит число полезных и приятных книг, издаваемых у нас с некоторого времени для среднего и низшего класса читающей публики». Неуклюжая проза Арефьева усугубляет мещанский характер, присущий идиллии Гете. Напыщенное и рекламное заглавие перевода и на этот раз подсказало Белинскому суровую отповедь некритическому низкопоклонству перед «великим германским писателем Гете».

Обиженный переводчик отвечал рецензенту «Отечественных записок» на страницах «Москвитянина» (1843, ч. I, стр. 631: «Ответ г. Арефьева»). Ссылаясь на высказывание самого Гете, он выдвигает основной принцип старой романтической эстетики — право поэта на «полную свободу в выборе предметов для его рассказа». «Если рецензенту не нравится содержание поэмы потому только, что в ней действующими лицами „трактирщик с женою и сыном, сосед-аптекарь и деревенский пастор",— то в этом-то собственно и заключается тайна Гетева искусства, который, избрав их героями своей поэмы и на хлопотах о женитьбе Германа — этой, повидимому, ничтожной канве — основав рассказ свой, умел украсить его необыкновенною силою красноречия и связать с важнейшими интересами современного мира».

Таким образом, анонимная рецензия Белинского послужила поводом для одного из первых полемических столкновений между «Отечественными записками» и «Москвитянином».

Известно, что русская революционно-демократическая критика еще раз в лице Чернышевского на том же примере «Германа и Доротеи» вернулась к принципиальной теме, выдвинутой Белинским в связи с критикой Гете.

В статье «Об искренности в критике» (1854) Чернышевский призывает критику к беспощадной борьбе против таких художественных произведений, которые, при всех своих художественных достоинствах, могут быть в общественном отношении вредными, не считаясь при этом с некритически понятым авторитетом великих имен. Развивая попутное замечание Белинского, Чернышевский считает «Германа и Доротею» произведением сентиментальным и «приторным», хотя и «превосходным в художественном отношении», а «приторное идеальничанье»— «очень вредною для немцев болезнью». «Очень хорошо поступили бы вы, если б, бывши немецким критиком шестьдесят лет назад, излили всю желчь негодования на эту вредную поэму, отказались бы на время слушаться мягких внушений вашего глубокого уважения к имени того, кто был славою немецкого народа, не побоялись бы упреков в запальчивости, в опрометчивости, в неуважении к великому имени, и холодно и коротко сказав, что поэма написана хо-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПОЭМЫ ГЕТЕ «ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ» В ПЕРЕВОДЕ Ф. АРЕФЬЕВА

Этому изданию посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных Записках» № 1 за 1843 г.

ГЕРМАНЪ и ДОРОТЕЯ

ПОЭМА

ВЪ IX ПѢСНЯХЪ

ВЕЛИКАГО ГЕРМАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ

ГЕТЕ.

ПЕРЕВЕЛЪ

Ѳ. Арефьевъ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1842.

рошо (на это найдутся и сотни перьев кроме вашего), как можно резче напали бы на вредную сентиментальность и пустоту ее содержания, постарались бы, насколько сил ваших достанет, доказать, что поэма Гете жалка по содержанию, по направлению» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. I. 1906, стр. 154).

В. Жирмунский

⟨21⟩

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ИЗМАИЛ-БЕЯ» ЛЕРМОНТОВА›

В то время как второе (полное) издание стихотворений Лермонтова вышло в свет, я случайно и неожиданно получил целую поэму Лермонтова, еще не известную публике. Это одно из первых, одно из самых ранних, можно сказать детских произведений покойного поэта, и, конечно, он никогда не напечатал бы его при своей жизни. В «Измаиле-Бее» всё не зрело — и план целого и отделка подробностей; многие места слабы и растянуты, многие стихи даже поражают неточностью и прозаичностью выражения; но, несмотря на то, концепция поэмы, тон ее выражения, многие отдельные места, многие отдельно взятые стихи носят на себе отпечаток мощного и глубокого духа поэта, и вообще все это произведение может служить фактом поэзии, духа и характера Лермонтова. Тут

читатели встретят, в герое поэмы, тот же колоссальный, типический образ, который, с ранних лет, был избранным, любимым идеалом и являлся потом во всех произведениях поэта, в котором Россия безвременно утратила, может быть, своего Байрона. Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено как общее достояние современного общества и потомства,— и мы уверены, что, помещая «Измаила-Бея» в нашем журнале, делаем истинный подарок образованной части русской публики, хотя по причинам, от нас не зависящим, мы и не могли напечатать вполне всю поэму.

Ред⟨акция⟩

⟨«Отеч. зап.», 1843, т. XXVII, № 3, отд. I, стр. 1—2⟩.

Несмотря на то, что примечание написано от лица редактора «Отечественных записок», т. е. Краевского, несомненно, что оно принадлежит Белинскому. Об этом свидетельствует совпадение целого ряда мыслей и выражений в примечании с мыслями и фразеологическими оборотами в рецензиях и письмах Белинского.

В письме к Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский называет «Демон» «детским, незрелым и колоссальным созданием» («Письма», II, 284). Ср. в примеч. «Одно из самых ранних, можно сказать детских произведений... все незрело... тот же колоссальный, типический образ...».

Знаменитые слова Белинского о Лермонтове «глубокий и могучий дух!» («Письма», II, 108) повторены в примечании: «...стихи носят на себе отпечаток мощного и глубокого духа поэта...». В рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова» Белинский сообщает о том, что «Измаил-Бей» будет напечатан в одной из следующих книжек журнала и в связи с этим замечает, что «все написанное им ⟨Лермонтовым⟩ интересно и должно быть обнародовано, как свидетельство характера, духа и таланта необыкновенного человека» («Отеч. зап.», 1843, т. XXVI, № 1, отд. VI, стр. 1—2). Ср. в примеч.: «... и вообще все это произведение может служить фактом поэзии, духа и характера Лермонтова».

В рецензии на «Героя нашего времени» Белинский сообщает, что в IV части стихотворений Лермонтова почитатели таланта поэта «будут иметь всё, до последней строки, что было им написано и теперь открыто» («Отеч. зап.», 1844, т. XXXII, № 2, отд. VI, стр. 52—53). Ср. в примечании: «Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено как общее достояние современного общества и потомства...».

В «Библиографических и журнальных известиях» Белинский пишет: «...Находить сродство в духе Лермонтова с духом Байрона... и, при условии полного развития Лермонтова, провидеть в нем не такое же точно (что не возможно), но соответственное Байрону явление,— это, по нашему мнению, нисколько не смешно, тем более, что близко к истине» («Отеч. зап.», 1843, т. XXVII, № 4, отд. VI, стр. 73—77). Ср. в примечании: «...Россия безвременно утратила, может быть, своего Байрона».

Таким образом, авторство Белинского в примечании к первой публикации «Измаила-Бея» Лермонтова представляется несомненным.

Э. Найдич

⟨22⟩

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Русский Инвалид, значительно увеличивший свой формат в начале нынешнего года и сделавшийся полною политическою и литературною газетою с ежедневным фёльетоном,— еще более расширился в своем объеме с половины года, т. е. с 1-го июля. Этого превращения, разумеется, не заметили наши газеты, старающиеся подсматривать в других только мелкие обмолвки и опечатки и не без умысла молчащие об улучшениях в чужих журналах, но мы сочли бы за грех не сказать об этом нашим читате-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ,

НА 1845 ГОДЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus susurrantem veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXVII.

С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1845.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИЗМАИЛЪ-БЭЙ

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Т. XXVII. — Отд. I.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ XXVII ТОМА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» И СТРАНИЦА ТОГО ЖЕ ЖУРНАЛА С ПРИМЕЧАНИЕМ БЕЛИНСКОГО К ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ИЗМАИЛА-БЕЯ» ЛЕРМОНТОВА

лям.—Да, «Русский инвалид» обращает теперь на себя внимание образованнейшей части русской публики, которая находит в нем почти всё, что ей нужно: самые свежие новости о заграничных политических происшествиях, полную и современную хронику всех достопримечательных событий в отечестве; постановления правительства по всем отраслям государственной жизни; известия о замечательнейших явлениях русской и иностранной литературы, русского и иностранного театров, о движении наук в Европе; уведомления об открытиях и усовершенствованиях по разным частям человеческой деятельности, и наконец мелкие статьи легкого и, нередко, забавного содержания;— словом, в этом обширном издании есть всё, что составляет жизнь ежедневной газеты, уважающей себя и своих читателей; нет одного только: брани, сплетен и проч. Своевременность помещения фёльетонных статей в «Инвалиде» доказывается и тем еще, что смесь некоторых ежемесячных русских журналов составляется почти из тех же самых статей, которые уже были в нем напечатаны. Разница в том только, что эти статьи в журналах печатаются месяцем позже. Для примера, читатели «Инвалида» могут сравнить смесь *июльской* книжки «Библиотеки для чтения» с фёльетонами «Инвалида» за *июнь* месяц,— сходство разительное!— Расширив свой формат с 1-го июля, эта газета дает теперь ежедневно *целым столбцом* больше, нежели сколько давала с 1-го января нынешнего года, так что теперь «Русский инвалид» есть *самая большая,* самая обширная из всех русских ежедневных газет. И такое увеличение объема сделано было без всякого предуведомления со стороны редакции, без малейшей надбавки подписной цены! А, между тем, давая по одному лишнему столбцу ежедневно, «Инвалид» даст в год 300 лишних столбцов, или *25 полных нумеров ли иних,* которые составляют, так сказать, лишний месяц в году! Другие давным давно прокричали бы о таком усовершенствовании своего издания, предпослали бы ему несколько зазывных статей, да и после долго бы еще не замолкли. Но редакция «Инвалида», как видно, богатая средствами и материалами для своего издания, скромно делится ими с своими подписчиками, нисколько тем не хвастаясь и не требуя от них за то ничего лишнего.— Душевно желаем, чтоб она и в будущем году продолжала свое издание с такою же добросовестною деятельностию. Давно слышали мы желание публики видеть русскую политическую и литературную газету, соответствующую своей важной цели. Теперь публика имеет такую газету и должна обратить на нее полное свое внимание.

Сочинения *Зенеиды Р—вой* (Елены Андреевны Ган) уже совсем отпечатаны в четырех частях и поступят в продажу в первых числах следующего месяца. Мы уже имеем экземпляр этой прекрасной книги — истинного подарка для читателей в нынешнее бесплодное для русской литературы время, и поговорим о «Сочинениях Зенеиды Р—вой» подробно в следующей книжке нашего журнала.

⟨«Отеч. зап.», 1843, т. XXIX, № 8, отд. VI, стр. 80—81⟩.

В своем отзыве о «Русском инвалиде», данном в настоящих «Известиях», анонимный автор, в несколько расширенном виде, повторяет отзыв Белинского об этой газете в «Библиографических и журнальных известиях», напечатанных за полгода перед тем в «Отеч. записках» (1843, т. XXVI, № 2, отд. VI, стр. 90—92). В этом легко убедиться, сопоставив эти два отзыва.

В первых «Известиях» Белинский писал: «С увеличением своего формата и расширением программы эта газета совершенно переродилась. В каждом ее нумере есть ф ё л ь е т о н, рассуждающий с публикою о замечательнейших явлениях современной русской литературы, об интереснейших новостях русского и заграничного мира» (VIII, 120—121). То же утверждает анонимный автор вторых «Известий»: «„Русский ин-

валид", значительно увеличивший свой формат в начале нынешнего года и сделавшийся полною политическою и литературною газетою с ежедневным фёльетоном,— еще более расширился в своем объеме с половины года... „Русский инвалид" обращает теперь на себя внимание образованнейшей части русской публики, которая находит в нём почти всё, что ей нужно: самые свежие новости о заграничных политических происшествиях... известия о замечательнейших явлениях русской и иностранной литературы».

В первых «Известиях» Белинский говорил: «Можно сказать без преувеличения, что в „Инвалиде" русская публика имеет теперь газету, во всех отношениях соответствующую требованиям от изданий такого рода» (VIII, 121).— Во вторых «Известиях» анонимный автор пишет: «Давно слышали мы желание публики видеть русскую политическую газету, соответствующую своей важной цели. Теперь публика имеет такую газету».

В первых «Известиях» мы читаем: «В „Инвалиде" читатели находят всё, что можно встретить во многих только газетах; не находят в нем разве одного — полемики, сплетен, несообразных с достоинством газеты официальной» (VIII, 121).— Во вторых «Известиях» анонимный автор утверждает: «В этом обширном издании есть всё, что составляет жизнь ежедневной газеты, уважающей себя и своих читателей; нет одного только: брани, сплетен и пр.».

В первых «Известиях» Белинский писал: «Пожелаем, чтоб преобразованная в нынешнем году газета, поддерживая в себе этот характер, т. е. соединяя благородство тона и направления с занимательностью и разнообразием содержания, вывела, наконец, русскую публику из бедственной необходимости довольствоваться жалкими листками печатной бумаги...» (VIII, 121).— Во вторых «Известиях» анонимный автор говорит: «Душевно желаем, чтоб она и в будущем году продолжала свое издание с такою же добросовестною деятельностью».

Очевидно, что автор обоих отзывов о «Русском инвалиде» одно лицо, т. е. Белинский.

Следующая за отзывом о «Русском инвалиде» заметка с извещением о выходе в свет сочинений Зенеиды Р—вой (Е. А. Ган) и обещанием поговорить о них подробно в следующей книжке «Отечественных записок» также, несомненно, принадлежит Белинскому, который один из всех сотрудников «Отечественных записок» обычно давал обещание поговорить подробно в отделе «Критики» о тех или иных литературных явлениях. Обещание, данное в этой заметке, Белинский выполнил, поместив в 10-й книжке «Отечественных записок» за 1843 год большую статью о сочинениях Зенеиды Р—вой.

В. Спиридонов

〈23〉

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ИЛИ ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПРОЗЕ И СТИХАХ

С ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМ ПРАВИЛ РИТОРИКИ И ПИИТИКИ И ОБОЗРЕНИЕ (?) ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗДАННАЯ Н. ГРЕЧЕМ

Издание третье исправленное и дополненное. Четыре части. Санктпетербург В типографии К. Жернакова. 1844. В 8-ю д. л. 360, 316, 387 и 334 стр

Всё в мире движется; рушатся старые системы, почитавшиеся непреложными, и рождаются новые; движется земля вокруг солнца, имеет, как недавно доказано, свое движение самое солнце; наконец, даже история г. Кайданова, в последние годы жизни ее автора, являлась в свет не иначе, как «исправленною» и «дополненною». Не движутся только «Английский милорд Георг», «Приключение Мирамонда», грамматика и арифметика Меморского и, наконец, грамматика и все учебники русского языка г-на Греча. Сюда должно отнести и «Учебную книгу русской словес-

ности», несмотря на то, что на первой странице третьего издания всех частей четко напечатано: «издание третье исправленное и дополненное»... исправленное и дополненное! чем — дополненное? выписками или *избранными местами* из печатных книг?.. как исправленное?.. А вот как. Начнем с первой страницы. Вникните, пожалуйста; дело идет о риторике.

«§ 1. Человек, употребляя дар слова, может иметь одну из следующих целей: 1) сообщить другим свои мысли, 2) управлять их волею и деяниями и 3) действовать на их чувство и воображение.

§ 2. Проза, проистекая из разума, говорит о мире действительном, об истинах, относящихся к пользе житейской и нравственной. Поэзия, рождаясь в воображении и чувствах, действует на душу вымыслами, облеченными в изящную форму. Прозаик, стараясь постигнуть действительную природу, описывает ее. Поэт творит свой мир идеальный, и действительный мир изображает украшенным игрою фантазии.

§ 3. Правила писать прозою заключаются в *риторике*. В пиитике излагаются правила поэзии и стихотворства».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ ПРАВИЛА РИТОРИКИ

§ 4. Риторика заключает в себе правила излагать изустно или на письме мысли свои, сообразно с предположенною целию. Цель сия, как видно из § 1, может быть двоякая, теоретическая и практическая: в первом случае имеет намерение действовать только на ум человека, в последнем и на *волю* его. От сего происходит разделение прозы на *низшую* и на *высшую*. Первая служит только для сообщения другим наших мыслей; последняя, называемая иначе красноречием, составляет переход от собственной прозы к поэзии, ибо употребляет для достижения цели своей все средства, действуя на мысли, волю и воображение; и пр. и пр.

Глава первая

О ПРЕДМЕТЕ ИЛИ СОДЕРЖАНИИ СОЧИНЕНИЯ

I. Об изобретении или выборе

§ 6. Предмет сочинения избирается самим пишущим или предлагается ему другим: в обоих случаях, для приискания приличных к изображению его материалов, потребно *собственное размышление.*

§ 7. Для успешного размышления о предмете полезно наблюдать следующие правила: 1) представить в уме своем предмет, о котором идет дело, сколь можно яснее и очевиднее. 2) Заниматься сим предметом исключительно, и обдумывать оный с терпением, всячески преодолевая слабость или упрямство своих способностей. Впрочем, должно предаваться влечению мыслей своих с некоторою смелостию и не пугаться при первой неудаче. 3) Приготовиться к размышлению чтением, но с осторожностью, чтобы *рабски* не повторять чужих мыслей...»

В «Учебной книге» г. Греча есть, как мы будем иметь честь доказать, и не такие вещи, но мы на первый раз выписали именно эти, не отличающиеся ничем, кроме необыкновенной пустоты, строки, потому... потому что один знакомый наш тоже пишет риторику, и мы желали бы знать ваше мнение о ней сравнительно с риторикою г. Греча, для чего и приводим начало из сочинения нашего знакомого:

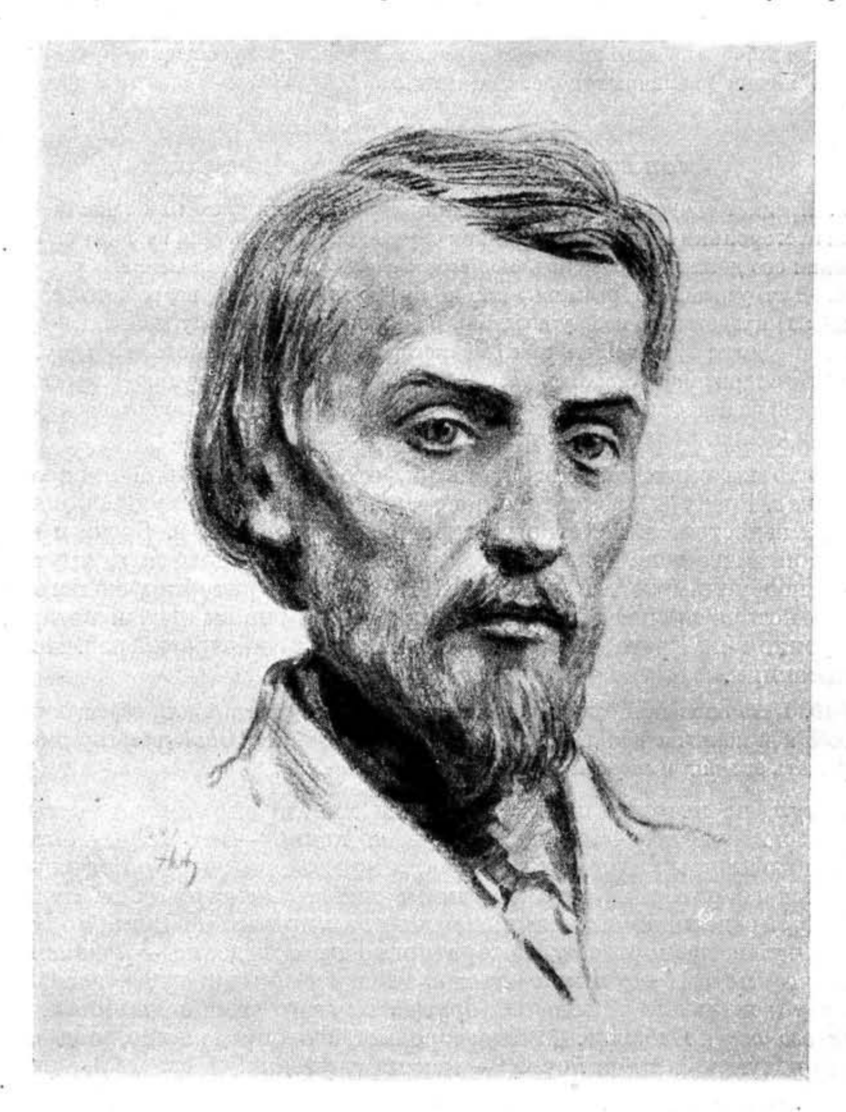
«КРАТКИЕ ПРАВИЛА РИТОРИКИ И ПИИТИКИ

Вступление

§ 1. Человек, как высшее существо на земном шаре, снабжен даром слова, который он может употреблять для различных целей, а именно: 1-е, он может сообщать другим, подобным себе тварям, свои мысли; если же своих не имеет, то чужие; а если не имеет и сих последних, то, 2-е, может управлять умами, волею и поведением или поступками

других; если не может сего, то, 3-е, действовать на их воображение или чувство; а если уже и сего не может, то, 4-е, может употреблять оный дар на что и как ему заблагорассудится. В первых двух случаях язык его есть не иное что, как *проза*, а в последних *поэзия*.

§ 2. *Проза*, выходя или изливаясь из разума, говорит о мире прозаическом, существенном, насущном, полезном как в гражданском, так и в семейном быту и в различ-



БЕЛИНСКИЙ
Автолитография Н. Авакумова, 1941 г.
Литературный музей, Москва

ных обстоятельствах жизни; *поэзия* же, рождаясь в воображении, изображает мир пиитический, т. е. небывалый, несуществующий, не приносящий никакой пользы и облеченный в изящные формы. Из сего следует, что *прозаик*, стараясь понять действительный мир, описывает его так, чтоб можно было извлечь всевозможные из того выгоды; *поэт* же творит или делает миры на свой собственный счет, и оттого часто ходит без сапог.

§ 3. Правила о *прозе* заключаются в риторике, а о *поэзии* — в пиитике.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РИТОРИКА

Общие правила

§ 4. Цель *риторики*, как показано в § 1, есть двоякая: или сообщать другим мысли, или, когда их нет, действовать на волю человека. Из сего очевидно, что *проза* разделяется на *низкую* и *высокую*. *Низкая* проза служит только для сообщения другим мыслей; высокая, называемая иначе *красноречием*, служит для убеждения других и достижения в жизни различных полезных целей.

Глава первая

ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ ПРЕДМЕТА СОЧИНЕНИЯ

§ 5. Предмет сочинения избирается или самим сочинителем или заказывается ему другим посторонним лицом; но, во всяком случае, сочинитель для изложения и распространения его должен употребить *свой собственный ум и размышление*.

§ 6. Для успешного размышления о предмете полезно употреблять следующие правила: 1) представить себе умственно, какую пользу и выгоду может доставить избранный предмет; 2) не забыть ничего такого, что может возвысить его цену, и обдумывать это с терпением, стараясь всячески преодолевать все могущие встретиться препятствия; 3) за недостатком своих средств, можно прибегнуть к заимствованию их, посредством чтения, из других писателей; но делать сие осторожно».

Ну, что вы скажете? Нам кажется, что знакомый наш нисколько не уступает г. Гречу, и, сверх того, на стороне его риторики удобопонятность, которой недостает в некоторых параграфах риторики г. Греча и которая в учебной книге дело не последнее: чего доброго — дети не поймут иногда самого необходимого и понятного!.. Но забудем риторику нашего знакомого, о которой успеем еще поговорить, когда она выйдет, и возвратимся к риторике г-на Греча, которая выходит в свет уже третий раз. Вот глава об описаниях.

«§ 13. *Цель* описания есть изображение предстоящей вещи для сообщения другим ясного о ней понятия или для отличения ее от подобных. Описывать предмет значит изображать его вид и *сношения с другими предметами*».

О, стул, на котором я сижу!.. Скажи мне, не имеешь ли ты *сношений* вот с этою кушеткою, и если имеешь, то какие?— я поспешу описать их по всем правилам риторики г. Греча, и приложить здесь в подтверждение слов нашего риторика, что *предметы имеют между собою сношения*... А самое определение описания, как оно вам нравится? Ведь по нем выходит, что и паспорт есть литературное произведение — *сочинение описательное*, потому что в нем описываются нос, брови, губы, глаза известного «субъекта» для «*сообщения другим ясного о нем понятия и для отличения его от подобных*». Многостороннейшее определение, под которым можно разуметь и *всё* и *ничего* — как кому угодно!

«§ 57. *Цель* (!) каждого сочинения состоит в том, *чтоб оно было понимаемо читателями* (!!?..)»

Удивительно полно и верно!.. Итак, при сочинении всех книг, которыми доныне г. Греч подарил русскую литературу, он добивался только, чтоб сочиняемое им было понимаемо читателями... Понятно теперь, почему все его «Черные женщины», «Поездки в Германию», «Письма с дороги» и другие романы и путешествия так чужды всякого содержания, всякого интереса, всякой цели и так пусты и бледны. Он, повторяем, старается только о том, чтоб они были понятны читателям, чему научает и юношество в своей «Учебной книге»— и старания его, как вы знаете, увенчались полным успехом: читатели так хорошо поняли с первого раза его

сочинения, что перечитывать их не сочли нужным. Скажем г. Гречу, что быть понятным не есть *цель* сочинения и необходимое его *качество*; цели же бывают различные, смотря по тому, каков сочинитель.— Далее говорится, что для того, чтоб сочинение было понятно, «нужно, чтоб оно было написано *правильно, ясно, определенно, в порядке,* и *свежо* и притом *приятно*». На это скажем, что в разбираемом нами сочинении г. Греча нет ни одного из этих качеств, исключая разве правильности (грамматической), и между тем оно нам понятно, чрезвычайно понятно!

Говоря о чистоте языка, г. Греч называет слова: *треснуть, сварганить, бахвалить* и некоторые другие — *низкими* и *подлыми*... За что такая немилость?.. Не довольно ли было бы назвать их *тривиальными,* а эпитеты «низкие» и «подлые» оставить как вовсе не идущие к делу? И чем же эти бедные слова хуже слов — *льстить, подличать, изгибаться, пресмыкаться* и тому подобных? Всё это, по нашему мнению, гораздо *ниже,* чем *треснуть, сварганить* и пр.

«*Провинциальные* слова суть те, которые употребляются только в некоторых областях России, например, *понос,* попутный ветер».

Переходим к «характеру слога».—«*Проза,* или язык, служащий для изображения предметов существующих, истинных, бывает: *философическая, историческая* и *риторическая*». Положим, так.—«Характер *философической* прозы есть: связность, рассудительность, определенность, спокойствие; *исторической*: ясность, сообразность с предметом, простота, краткость; *риторической*: пылкость, возвышенность»... Из этого определения следует, что в *философической* прозе не нужны ни *ясность,* ни *сообразность с предметом,* ни *краткость,* а в *исторической* — ни *связность,* ни *рассудительность,* ни *определенность,* ни *спокойствие*; что же касается до прозы *риторической,* то попробуйте, милые юноши, вы, которые будете учиться по этому прекрасному курсу, попробуйте нагородить дичи, в которой была бы *пылкость* и *возвышенность,* и смело подавайте вашему учителю,— это будет... проза *риторическая*! Не ваша вина, если тут не будет ни связи, ни последовательности, ни рассудительности, ни бледнейшего смысла, —не ваша вина; от вас требуют только *пылкости* и *возвышенности*!

«Характер слога *делового* (говорит г. Греч) составляет ясность, определенность, краткость, твердость; *письмовного* — естественность, приличие предмету, легкость и живость».— Из этого определения познания учащегося юношества обогатятся сведениями, что в *письмовном* слоге не нужно ни *ясности,* ни *определенности,* ни *краткости,* а в *деловом* — ни *естественности,* ни *приличия предмету,* и т. под.

«§ 97. Вообще слог разделяется на *низкий, средний* и *высокий*: 1) В низком слоге употребляются выражения простые, общепонятные, не требующие в читателях большого образования, и действующие вообще на всякого здравомыслящего человека, не воспламеняя притом его воображения. 2) Средний слог занимает воображение, но не в превосходной степени. Выражение и обороты в нем гораздо живее; в нем говорит не один холодный рассудок, но и чувство. 3) Высокий слог сильно действует на воображение, представляет смелые и разительные картины, отвергает обыкновенные обороты, употребляет новые и смелые выражения и пр.»

Каковы определения?.. О, юноши, в какое вы поставлены странное положение!.. Здравый смысл говорит вам, что всякий слог, кроме никуда негодного и бессмысленного, может действовать и на чувство, и на воображение,— а печатная книга учит вас, что это свойства только *среднего* слога; вам кажется, что обязанность всякого слога быть понятным каждому здравомыслящему человеку, а печатная книга говорит вам, что на здравомыслящего человека может действовать только *низкий* слог!.. Вообще, говоря об определениях г. Греча, мы должны повторить одно и то же.

Сочинитель берет признаки предмета вообще и делит их между частностями этого предмета, варьируя иногда однозначащими словами, в тщетных усилиях прикрыть пустоту и бестолковость своих определений; от этого у него беспрестанно выходят правила, вроде следующего: «Род человеческий разделяется на мужчин и женщин. Отличительные свойства мужчин суть: *нос, губы, глаза, уши*; отличительные свойства женщин суть: *ноги, руки, органы слуха и зрения*».

«§ 99. Всякое сочинение пишется для того, чтоб оно было *произнесено* или *прочитано*».

Ради бога, найдите мне что-нибудь во всей подлунной, что могло бы сравниться с пустотою этого определения! Я буду искренно благодарен. И к чему ведут такие определения, повторяющиеся, как видно из наших доказательств, ежеминутно? Чему научатся из них дети, которым пришлось бы учиться по таким определениям? Не тому ли же, чему научился бы сапожный подмастерье, если б хозяин, вместо указаний, как шить сапоги, повторял ему беспрестанно: «*всякие сапоги шьются для того, чтобы они были изношены*»?

«§ 101. Письменное изображение мыслей, составляющих одно связное целое, имеющее целию изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека, — называется *прозаическим сочинением*».

«Онегин» Пушкина, говоря словами г. Греча, есть *письменное изображение мыслей, составляющих одно связное целое, имеющее целию изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека*; стало быть, и «Онегин» есть *прозаическое* сочинение?.. Нет!.. «Онегин»— произведение поэтическое, и не потому только, что писан стихами, но и потому, что это *письменное изображение мыслей* в высшей степени художественно...

Теперь о письмах.

«§ 108. В письме, как и во всяком другом сочинении, *должно* быть одно господствующее чувство, которым определяется главный *тон* его. В сем случае *более должно обращать внимания на расположение души того, к кому пишем, нежели следовать собственному*, ибо нередко может случиться, что предмет, приносящий нам удовольствие, возбуждает чувство совершенно противное».

И умно и удобоисполнимо! Пиша письмо к кому бы то ни было, я должен писать не то, что у меня на душе, а то, что придется по расположению души того, к кому пишу... Положим и так, только каким же образом узнаю я расположение души того, кто находится от меня за тысячу верст, и как буду избегать предметов, противных ему, когда их не знаю?.. Вот мне теперь почему-то особенно нравятся яблоки, а почтенному читателю, может быть, в эту же минуту, при одной мысли о них, делается тошно... Буду ли я виноват, написав ему о яблоках?.. О, без сомнения! Иначе что же бы такое была глава о письмах г. Греча, что бы такое была вся его «Учебная книга русской словесности»?..

«Общие правила при сочинении писем суть: 1) помнить, к *кому* и о *чем* пишешь...»—Общие правила при употреблении пищи суть: помнить, что пищу должно класть в *рот*, жевать *зубами*, а не *ногами*, и *проглатывать*. «Предметы, важные для того, к кому пишем, помещать в начале, а касающиеся до нас самих — впоследствии»... «*Примечание*. В русском языке форма обращения в письмах есть следующая: к высшим нас: *милостивейший государь, милостивейшая государыня*; к равным: *милостивый государь*; к низшим: *милостивый государь мой*».

У меня были два приятеля: Иван Иваныч и Иван Никифорыч (не тот Иван Иваныч, у которого была славная бекеша, и не тот Иван Никифорыч, который любил лежать в натуре, а другие); сорок лет прожили

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «УЧЕБНОЙ КНИГИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ» Н. ГРЕЧА (ИЗДАНИЕ 3-е)

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Литературной газете» №№ 49 и 50 за 1844 г.

УЧЕБНАЯ КНИГА
РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ
или
ИЗБРАННЫЯ МѢСТА
изъ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
въ
ПРОЗѢ и СТИХАХЪ,
съ присовокупленiемъ
правилъ
РИТОРИКИ И ПIИТИКИ,
и
ОБОЗРѢНIЕ ИСТОРIИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
изданная
Николаемъ Гречемъ.

Изданiе третiе, исправленное и пополненное.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
1844.

они душа в душу; на сорок первом году Иван Иваныч написал к своему другу приглашение выпить рюмку водки, которое начиналось так: «милостивый государь мой, Иван Никифорыч». Прочитав эту записку, Иван Никифорыч заболел и был близок к смерти: «*Мой*, повторял он в бреду горячки, *мой*! Да чем я хуже его? разве я ниже его чином? Разве я не такой же дворянин... дворецкий его, что ли я? однодворец какой-нибудь, а?» Еще не успев совершенно оправиться от болезни, Иван Никифорович полетел в город и подал просьбу на злейшего врага и поносителя своего, Ивана Иваныча. Друзья сделались свирепейшими врагами... и всё отчего?.. Оттого, что Иван Иваныч не читал «Учебной книги русской словесности» г. Греча и не знал, что равный к равному должен писать просто: *милостивый государь*... Преклонись же, юношество, перед книгою г. Греча и заучи это золотое правило хорошенько! Оно спасет тебя от многих зол, которые отравляли жизнь отцов твоих...

«§ 114. По содержанию своему, которое изменяется до бесконечности, письма бывают: 1) *деловые*, относящиеся к главе о деловых бумагах. 2) Сочиняемые по требованию *благопристойности*, как-то: *посвятительные*, *поздравительные*, *соболезновательные*, *благодарственные* и т. д.»

Что делает бездарный и навязчивый человек, являющийся с какой-нибудь наполненной лестью бессмыслицей по прихожим богатых с просьбою посвятить им свою рукопись?.. Ничего более, как он стремится исполнить долг *благопристойности*: написать, во что бы то ни стало, *посвятительное* письмо к своей книге... Так как в таких «письмах обыкновенно нет сильного или *искреннего* чувства, то сочинение их затруднительнее

прочих»,— говорит г. Греч, и вслед за тем принимается учить, ка́к писать такие письма. Трикраты счастливо ты, грядущее на смену нам поколение! Мы не имели такого учителя, и если довольно сильны в сочинении писем, где нет ни искреннего чувства, ни истины, ни... словом, в сочинении писем поздравительных, посвятительных, соболезновательных, благодарственных, просительных... и всяких других,— то мы до всего этого должны были доходить собственным умом. Теперь всё это приведено в систему, и ты, грядущее поколение, можешь даже отпустить в бессрочный отпуск и *ум,* и *сердце,* потому что ум и сердце, по словам г. Греча (см. § 114), нужны только в письмах *дружеских,*— а где же в нашем веке друзья?..

Вот еще несколько правил, которые, по мнению г-на Греча, необходимо соблюдать при сочинении писем. Мы не будем делать на них замечаний: работа так легка и приятна, что читатели потрудятся сделать их сами:

«§ 116. В *заключении* письма полагаются уверения в нашем почтении, дружестве и проч. Заключение сие может быть в связи с окончанием содержания письма. Можно придать сему заключению особенные обороты, но всячески должно убегать натяжки и принужденности.

Примечание. И в заключении, как в приступе, наблюдаются введенные обычаем формы. В письмах к знатным особам пишут: *Светлейший Князь* или *Сиятельнейший Граф* (а если эта знатная особа не *князь* и не *граф*?), *Вашей Светлости* (*Сиятельства*) *всепокорнейший слуга,* и т. д. К высшим пишут: *имею честь пребыть с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию, с истинным высокопочитанием* и т. д., смотря по нашему к ним отношению; к равным: *с истинным почтением и преданностию*; к низшим просто: *пребываю с почтением* и т. д. Впрочем, и сии формы изменяются до бесконечности».

Затем на 130 страницах приводятся *примеры* (чего?— не сказано и добраться нельзя, потому что тут есть и письма, и драматические сцены, и отрывки из повестей и романов), нахватанные у разных хороших и плохих авторов, а потом две странички, на которых толкуется, что при описании чего-нибудь «надлежит избирать предметы отличные, проходить молчанием маловажные, *которые могли бы повредить изяществу картины*». Галиматья, которой не советую тебе верить, любезное юношество! Если ты будешь описывать только *предметы отличные,* выпуская всё, что может *повредить изяществу картины,* то никогда не дашь понятия о целом; другими словами — описание твое никуда не будет годно. Не верь также, будто «характеры *совершенно... обыкновенные* не могут быть занимательны». Ничего не может быть обыкновеннее Акакия Акакиевича, Ивана Иваныча и Ивана Никифорыча и всех героев «Ревизора» и «Горя от ума», а между тем неужели эти характеры незанимательны?..

В этом почти и заключается глава об описаниях. За нею опять следуют *примеры* (и опять неизвестно — чего) на 80 страницах, а за примерами — глава, под названием: «Сочинения исторические».

«§ 141. История есть повествование об истинных явлениях и делах физического и нравственного мира».

Вы, милостивый государь и читатель (не смею прибавить *мой*), имеете обыкновение лечиться от бессонницы русскими книгами и журналами, за которые исправно высылаете деньги книгопродавцам; я имею обыкновение держать спину дугой и конфузиться, когда со мной встретится господин благонамеренной и значительной наружности, а вот этот молодой человек каждый день наведывается в покривившийся деревянный домик с дымно-серыми занавесками,— все это явления и истинные и не находящиеся вне явлений физического и нравственного мира,— принадлежат ли они к истории?..— Нет, любезное юношество! не принадлежат они ни к какой

истории, и не отыщешь ты их даже в истории г. Кайданова, ни в «Истории русского народа» г. Полевого (в последней, может быть, потому, что она не кончена). Далее, в главе под названием «Сочинения исторические» сказано: «На русском языке есть хорошие переводы *учебных книг* всеобщей истории и некоторые другие удачные опыты (например: Всеобщая история г. Кайданова)»... Вот что называется — попасть ловко! Удачный опыт!.. Чего же больше? Зачем писать еще?.. Вольно было г. Смарагдову тратить напрасно время. Кстати заметим, что о труде г. Смарагдова в этом *исправленном* и *пополненном* издании не сказано ни словечка, как будто его и не существует!..

За главой об «Сочинениях исторических» тянутся, по обыкновению, *примеры*, которыми первая часть и оканчивается. Таким образом, в этой первой части, состоящей из 360 стр., «примеры» занимают 296 стр., а правила 64 стр., — мы разочли с дипломатическою точностию...

Вторая часть уже прямо начинается «примерами», которые тянутся непрерывно до 84 стр.; но о ней и о двух остальных поговорим в следующем нумере.

<«Лит. газета», 1844, № 49, 14 декабря, стр. 831—834>.

* * *

Во второй части, состоящей из 339 страниц, собственно г. Гречем сочинено только 19 страниц; остальные 320 замещены примерами, набранными с такою же ловкостью и осмотрительностью, как и в первой. На 19-ти страницах, сочиненных г. Гречем, рассказываются правила, ка́к писать рассуждения, речи, деловые бумаги, рецензии, — правила столь же достолюбезные и глубокие, как и все те, которых образчики привели мы в первой статье. Особенно замечательна глава о деловых бумагах. Вся она состоит из доказательств, что министры между собою должны переписываться *высоким* слогом; важнейшие и средние присутственные места — *средним*, а *низкий* слог употребляется «в низших присутственных местах и в военных канцеляриях!»

В третьей части дело идет о поэтах, поэзии, поэтических гениях. Не хотите ли знать, что́ такое поэтический гений?

«*Гением поэтическим* называем обладание в высшей степени теми умственными способностями, которыми достигается цель поэзии». — Каково определение гения? Какие же это способности, которыми достигается цель поэзии? и какая это цель? — Ничего неизвестно! Далее: «от гения строго отличается *талант*: гений создает новые поэтические творения; талант обладает сею способностью в меньшем размере, и не столько творит сам, сколько счастливо и искусно подражает существующим уже творениям». — Решительно чудеса! Талант *строго* отличается от гения: в чем же строгость? В том, что гений создает *новые* творения, а талант *обладает этою способностью в меньшем размере*. Прошу покорно рассчитать с математической строгостью расстояние гения от таланта! Это всё равно, что сказать: гений есть нечто великое, а талант то же самое, только поменьше. Гений творит сам, доходит «собственным умом», как говорит Гоголь, а талант *счастливо* подражает ему. Что значит *счастливо* подражать? Ловко брать у другого и — прятать концы? — Хотите ли знать, какие минуты называются *поэтическим вдохновением*? «Те, в которые душа поэта воспламеняется и действует, в которые гений его творит» (!!!). Это напоминает нам две замечательные вывески двух цирюльников-соперников, существующие в городе Херсоне; на одной написано: *Здесь животъ цырульныкъ Ицко: он кров отъ вораетъ и другыя дела делаетъ*; а на другой — *Сдесь цирюлнекъ Хайло, который действуетъ в разныхъ случаяхъ*. Когда душа поэта воспламеняется, она, по уверению г. Греча, тоже

действует и, конечно, в разных случаях... Это он называет *поэтическим вдохновением* и прибавляет, что без него «поэт не произведет ничего значительного». «Низшая степень поэтического вдохновения *может назваться* расположением к поэзии». Еще чудо! Если поэтическим вдохновением называются те *минуты*, в которые душа поэта воспламеняется (т. е. горит, пылает), то низшею степенью этого вдохновения естественно должно назвать то время, в которое душа приготовляется к воспламенению, но еще не горит, т. е. когда наложат в нее дров, но еще не зажгут... Удивительно хорошо, а главное — понятно и облегчительно для юношества! Ему не нужно долго думать над определениями!— Что такое вдохновение?—«Вдохновение есть то, когда душа поэта поет».— Прекрасно! А что̀ делает в это время его гений?—«Гений его в это время пляшет».— Превосходно! А что называется расположением к поэзии?—«Расположением к поэзии называется всё то, что ниже вдохновения» и т. д. Из этого видно, что, пожалуй, можно о каждой науке, не учась ей, написать огромные книги. Раз мне снилось, что я должен держать экзамен из астрономии, которой никогда не учился. Дело было *нужное* и спешное. Сначала я недоумевал: ка̀к держать экзамен, когда я ничего, решительно ничего не знаю. Но потом пришли другие мысли: я думал: все ж-таки я знаю, что астрономия толкует о небесных телах, что на небе есть звезды, луна, солнце; что земля обращается вокруг солнца и проч. и проч. Я много знаю! С этими мыслями я пошел на экзамен, и удивил всех своими познаниями. Проснувшись, я смеялся нелепости сна, не подозревая в простоте души своей, что такие чудеса могут случиться и наяву!..

Но далее. Что такое *триолет*? «Триолет есть игрушка в стихотворстве; он состоит из осьми стихов, равной меры и на две рифмы; четвертый стих есть повторение первого, а седьмой и осьмой повторение первого и второго. Предметом его бывает изображение нежной или острой мысли... Размер его предоставляется на произвол автора». А что такое *рондо*? «Рондо требует соблюдения особенной наружной формы. В сем стихотворении должны быть две рифмы, и начальное слово каждого куплета должно повторяться в окончании оного. *Рондо* состоит обыкновенно из трех или четырех куплетов. В русской поэзии сии стихотворения встречаются редко». Это самые драгоценные сведения, которые можно почерпнуть изо всей третьей части, рассуждающей о *пиитике*. Из примеров особенно приятен следующий:

Ты в мрачном октябре родилась — не весною —
Чтоб сетующий мир утешен был тобою.
Карамзин

Четвертая часть начинается рассуждением о поэзии драматической.

«§ 149. Драматическая поэзия отличается от эпической тем, что не повествует о совершившемся происшествии, а представляет оное совершающимся пред нашими глазами, и что поэт не говорит сам, а заставляет говорить *вымышленные* (!?...) лица...»

Почему же непременно *вымышленные*?

«§ 162. *Трагедия* есть драматическое представление героического и трагического действия».

«§ 164. Герой трагедии падает под ударами судьбы. *Характер его должен быть не самый добродетельный и не самый порочный*, волнуемый страстию, которая вводит его в заблуждение и проступок, а потом подвергает справедливому возмездию».

«§ 165. Лица трагедии должны благородством и величием соответствовать важности действия, и потому обыкновенно действуют в ней цари и вельможи. Между тем, это не необходимо: страсти те же у всех людей, судьба равно карает все звания: только люди низкого звания *не могут участвовать в делах важных и великих, не могут возбудить большого сочувствия в зрителях*».

А Минин — разве он не был человеком низкого звания и разве не участвовал в делах *важных* и *великих*? а Меньшиков? а Сусанин?

Заметим, что г. Греч не первый преподает такие литературные правила!.. В доброе старое время, к остаткам которого принадлежит г. Греч, иначе и не рассуждали, и один из тогдашних критиков серьезно нападал на Пушкина за то, что герой одной из его поэмы *какой-то* армянин!

«§ 166. *Страсть*, представляемая в наших трагедиях, есть обыкновенно любовь, ибо высшая степень ее в отчаянии и в борении с препятствиями весьма выгодна для представления на театре; но трагик может пользоваться и другими страстями: так, например, греки представляли в трагедиях своих *все сильные страсти*!..»

УЛИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Литография с рисунка В. Ф. Тимма 1844 г. из «Croquis russes», издание Дациаро

«...г. Тимм бесспорно лучший рисовальщик в России, но в его карандаше ничего нет русского...» (из рецензии Белинского на «Петербургский сборник» 1846 г.)

Исторический музей, Москва

Все сильные страсти! Удивительно определенно, а главное — многосторонне: известное дело — каких не бывает сильных страстей!..

«§ 170. Первые правильные трагедии писал на русском языке *Сумароков*. Преемником его был *Княжнин*, а первый из писателей русских в сем роде есть *Озеров*. В новые времена удачно писали в сем роде *Кукольник, Хомяков, Ободовский*»...

Что это? верить ли глазам?.. А г. Полевой?.. Неужели нет г. Полевого?.. Да как же это?.. да почему?.. Неужели, по мнению г. Греча, г. Полевой не замечательный драматург? Не может быть! И потом, зачем бы тут Кукольник, Хомяков, Ободовский... Ободовский — драматург не столько сочиняющий, сколько *заимствующий*, и не столько заимствующий, сколько переводящий... И, упомянув о нем, не упомянуть о г. Полевом!!! Чему приписать такое странное обстоятельство?.. Забыт, очевидно забыт!.. И вот слава мира сего!

«§ 179. Героем драмы бывает обыкновенно человек, живущий в обществе и борющийся с коварством и злобою людей, отличающийся кроткими семейственными и гражданскими добродетелями, мужеством и терпением в перенесении бедствий и наконец побеждающий препятствия силою праводушия и невинности».

Как будто герой драмы не может быть сам коварен, злобен, и тот не годится в герои драмы, кто не отличается кроткими семейственными и гражданскими добродетелями?.. Что за охота делать определения там, где их никто не просит от сочинителя, особенно при той ловкости, с какой г. Греч делает определения?

Но перестанем следить за г. Гречем и перейдем прямо к тому, что называет он «Обозрением истории русской литературы». Здесь особенно замечательны краткие оценки русских писателей — живых и умерших. Мы выпишем некоторые из этих характеристик, дозволяя себе делать, где покажется нужным, свои замечания.

«*Гнедич* оказал великую услугу словесности русской переводом Гомеровой *Илиады,* в размере подлинника».

«*Пнин*—сочинитель прекрасных нравственных од и других мелких стихотворений».— Ломоносов тоже сочинитель прекрасных нравственных од и других мелких стихотворений: чем же отличается от него Пнин?

«*Сумароков* (Панкратий) написал несколько комических повестей в стихах».

«*Макаров,* хороший прозаик, острый критик, способствовал к водворению чистого вкуса и приятного слога в нашей литературе».

«*Гуринский,* молодой писатель с большим талантом, переводчик Виргилия, умер слишком рано для упрочения своей славы».

«*Милонов,* даровитый поэт, написал несколько сатир, посланий, элегий и т. п., отличающихся чувством, остроумием и прекрасным слогом».

«*Пушкин* (Василий Львович)— сочинитель басен, посланий и т. п. стихотворений, отличающихся легкостию и приятностию слога».

«*Ильин* — автор двух *прекрасных* драм: *Лиза* или *Торжество благодарности* и *Великодушие* или *Рекрутский набор*; он обязан своим успехом близкому изображению сельских нравов и естественному разговорному слогу. Хороши также драмы *Иванова*».

«*Перовский,* под вымышленным именем *Антония Погорельского,* написал прекрасный роман: *Монастырка*».

«*Ушаков* написал несколько умных романов и повестей».— Лажечников также написал несколько умных романов и повестей: какое же различие между им и Ушаковым?..

«*Козлов,* поэт-слепец, сочинил повесть *Наталья Долгорукая* и несколько превосходных лирических стихотворений».— Пушкин также *сочинил* повесть *Евгений Онегин* и несколько превосходных лирических стихотворений: кто же из них выше и как отличить их друг от друга?

«Повести *Марлинского* заслуживают внимание свежестью картин, оригинальностью взглядов и живостью слога, не всегда умеренного чистым вкусом».— О чьих повестях нельзя сказать того же самого?

«*Беницкий,* рано похищенный смертию, оставил несколько повестей, отличающихся наблюдательностию, сатирическим духом и прекрасным слогом».— Это же самое можно сказать и о графе Соллогубе: написал-де несколько повестей, отличающихся наблюдательностью, сатирическим духом и прекрасным слогом, и о многих других: читатели как о Беницком, так и о всех других останутся в прежнем неведении...

«*Бунина,* хорошая писательница русская, оставила прекрасные стихотворения дидактические и лирические».— Преплохая бумагомарательница, не написавшая на своем веку ни одного путного стихотворения.

«*Барон Дельвиг* писал песни простонародные и другие лирические стихотворения, с чувством и простотою, слогом приятным и легким».— Кто уже теперь не кричит громко, что простонародные песни Дельвига не больше, как подделка под русские народные песни, а для «Учебной книги» г. Греча они еще попрежнему — самородное золото!..

«*Баратынский* известен небольшими романтическими поэмами и стихотворениями лирическими, в которых выражается *нежное чувство* изящными стихами»... *Нежное чувство*?.. Итак, Баратынский — поэт нежного чувства?.. А мы, признаемся, считали его поэтом мысли, преимущественно перед многими русскими поэтами. Как же мы ошибались!.. Вот точно так же ошибаемся мы, должно быть, и в князе Шаликове, почитая его поэтом *нежного чувства*: вероятно, он-то и есть поэт мысли, поэт думы пытливой и глубокой, беспрестанно силившейся высказаться и ни на минуту не покидавшей поэта!

«*Грибоедов,* автор единственной русской комедии: *Горе от ума,* отличающейся оригинальностию характеров, блестками ума и наблюдательности и прекрасными стихами, затверженными на память во всей России».— И только!

«*Лермонтов,* молодой писатель с необыкновенными дарованиями, в прозе написал роман: *Герой нашего времени,* и в стихах несколько превосходных лирических пьес. Ранняя смерть прекратила жизнь его, много обещавшую отечественной словесности»... «*Буринский* (как сказано выше у г. Греча), молодой писатель с *большим* талантом, переводчик «Виргилия», умер слишком рано для упрочения своей славы»... Какое же различие между Лермонтовым и Буринским? Один писатель с *необыкновенным,* другой с *большим* талантом; один написал роман и несколько лирических стихотворений, другой переводил «Виргилия»; оба умерли слишком рано для упрочения своей славы,— какое же, повторяем, между ними различие? Никакого, решительно никакого! И Буринский и Лермонтов — писатели совершенно одинакового достоинства и одинаковой важности для литературы! К ним принадлежит также «*Веневитинов,* лирический поэт с *редкими* дарованиями; умер в *цвете лет,* не успев вполне употребить их в пользу литературы». Разница только в том, что Веневитинов был не с *необыкновенным,* как Лермонтов, и не с *большим,* как Буринский, талантом, а с *редкими* дарованиями, и еще в том, что он умер «*не успев вполне употребить своих способностей в пользу литературы*», тогда как Буринский умер «*слишком рано для упрочения своей славы*», а Лермонтову «*смерть прекратила жизнь, много обещавшую отечественной словесности*»...

«*Квитка,* под именем *Грицко Основьяненки,* писал забавные малороссийские романы». Лажечников, скажем мы, под своим собственным именем, писал русские исторические романы... Да что же из этого? к чему это ведет? что определяет? кого характеризует?..

«*Кольцов,* даровитый сын природы, написал несколько прекрасных лирических стихотворений»... Вы, конечно, не станете спорить со мной, если я назову Шиллера также даровитым сыном природы и скажу, что он написал несколько прекрасных лирических драм... Какое же различие между Шиллером и Кольцовым? или оба они равны?..

«*Батюшков* писал прекрасные стихотворения в роде лирическом и повествовательном. Он не имеет мечтательности романтиков, умерен в порывах своих, строг в расположении и исполнении, богат чувствованиями и мыслями и отличается слогом правильным, твердым и благородным». О ком из сколько-нибудь замечательных писателей нельзя сказать всего этого? Перечтите, пожалуйста, внимательно эту характеристику. Есть ли тут хоть одно слово, которое не относилось бы столько же к Жуковскому, к Лермонтову, к Пушкину, к кому вам угодно, сколько и к Батюш-

кову. Можно ли неопределеннее отозваться об одном из замечательнейших наших писателей?

«*Князь Шаховской* обогатил русскую сцену и литературу многими сочинениями и переводами в драматическом роде».— Сумароков, а в позднейшее время г. Ободовский также обогатили русскую сцену и литературу многими сочинениями и переводами в драматическом роде. Какая же между ними разница?

«*Хомяков*, писатель с умом, вкусом, образованием и талантом, написал две трагедии: *Ермак* и *Дмитрий Самозванец*. Но был несравненно счастливее в своих лирических стихотворениях».— Что такое был *несравненно счастливее*? Что такое писатель *с умом*? разве бывают еще писатели с *глупостью*?.. Конечно, бывают, но не о них речь.

«*Языков* — поэт лирический, владеющий стихом с необыкновенным искусством».— Вместо *Языкова* поставьте фамилию любого поэта, пишущего гладкие стихи, и выйдет то же самое. Куда же годится эта характеристика Языкова, если только общее место, брошенное без мысли и наудачу, можно назвать характеристикой!

«*Хмельницкий — талантливый* драматический писатель, отличающийся *особенною чистотою, естественностию и легкостию слога как в стихах*, так и в прозе».— Во-первых, если г. Хмельницкий и талантливый писатель, то в этом нужно поверить г. Гречу на слово, потому что из сочинений г. Хмельницкого скорее можно вывесть заключение совершенно противное. Пьесы такого достоинства, какие писал г. Хмельницкий, теперь наводняют сцену Александринского театра, и над этими пьесами все смеются, а называть за них талантливыми их авторов никому не приходит и в голову. Во-вторых, с чего взял г. Греч, что г. Хмельницкий отличается особенною чистотою, естественностию и легкостию слога как в стихах (заметьте — как *в стихах*), так и в прозе?.. Такую похвалу можно сделать только Грибоедову, ибо из всех русских комедий только «Горе от ума» написана стихами, отличающимися особенною чистотою, естественностию и легкостию. Что ж касается до стихов г. Хмельницкого, то вот каковы эти стихи:

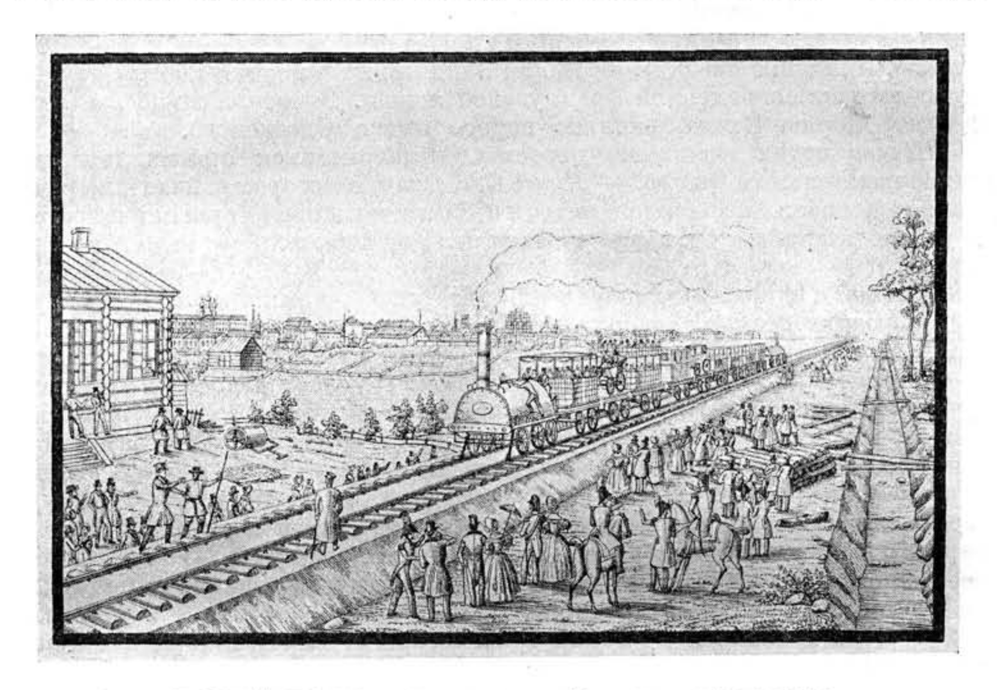
Судя *по всем вещам* я твердо убежден,
Что я к чему-нибудь великому рожден!
Не помню где... читал я анекдот прекрасной
Что кто-то из *морских* в час бури *преужасной*
Пристал к земле дотоль незнаемой никем.
Он поселился там, и кончилося тем,
Что вскоре жители решились меж собою
Республики своей избрать его главою.

В этих стихах, которых язык тяжел и книжен, остроумие натянуто и аляповато, трудно увидеть что-нибудь, кроме претензий на легкость, естественность и остроумие, и каким образом удалось г. Гречу отыскать тут достоинства, равные стиху Грибоедова,— мудрено догадаться!

«*Булгарин* первый отважился написать русский роман (*Иван Выжигин*), имел в том успех совершенный и проложил дорогу всем новым романистам. Небольшие повести Булгарина, картины нравов и легкие статьи сатирические дают ему почетное место в литературе».— Еще в 1799 году вышел в Петербурге роман, в двух частях, заключающих в себе слишком 360 стр., под следующим заглавием: «*Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества», повесть, написанная И. Измайловым. Цена 1 руб. 50 коп. В Санктпетербурге. В привилегированной типографии Вильковского, 1799 года*». Кто возьмет на себя труд прочесть этот роман, тот увидит, что «Выжигин» не только не был на Руси первым романом,

но даже и романом сколько-нибудь оригинальным, потому что форма «Выжигина», манера остроумия, нападки на сутяжничество, воспитание и т. под.,— всё это с рабскою точностию скопировано с «Евгения», и так как оригинал всегда бывает лучше подражания, то и не удивительно, что «Евгения» и теперь еще можно пробежать с любопытством, тогда как при одной мысли о «Выжигине» самые крепкие читатели засыпают на двадцать четыре часа сряду. Что касается до почетного места, на которое, по мнению г. Греча, дают г. Булгарину право его сочинения, то об этом г. Греч волен думать, что ему угодно.

«*Загоскин* сочинил несколько хороших комедий в прозе и в стихах: *Благородный театр, Добрый малый, Недовольные* и т. под.»— Шекспир



ПЕРВЫЙ ПОЕЗД ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Литография 1837 г.

«...Ехать в карете для меня пытка... Приехавши в Царское, мы с Клыковым вздумали высадиться из дилижанса, чтобы приехать в Питер по железной дороге...» (из письма Белинского к М. В. Орловой от 3 сентября 1843 г.)

«Великое дело железная дорога: широкий путь для цивилизации, просвещения и образованности» (из статьи Белинского «Петербургская литература» 1845 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

сочинил несколько хороших трагедий в стихах и прозе, — есть ли какое-нибудь различие между г. Загоскиным и Шекспиром или нет никакого?

«*Лажечников — счастливый* романист: его *Последний Новик* и *Ледяной дом* по справедливости обратили на себя внимание отечественной публики». — Что такое *счастливый* романист? и чт̀о хотел этим сказать г. Греч? То ли, что романы г. Лажечникова плохи, но обязаны своим успехом какому-то особенному счастию?.. Но в таком случае зачем уже было говорить, что его романы *по справедливости* заслужили внимание публики?.. Нет, г. Греч, по своему обыкновению, не хотел ничего сказать!

«*Вельтман* написал несколько прекрасных романов, отличающихся умом и наблюдательностию». — Вальтер Скотт написал также несколько романов, отличающихся умом и наблюдательностию: определяет ли эта фраза сколько-нибудь того или другого?

«*Гоголь,* талант необыкновенный и самостоятельный, пишет комедии (*Ревизор, Женихи* (!) — вероятно *Женитьба*?), романы (*Мертвые души*), повести (*Рассказы Пасичника*) и т. п., в которых видны редкий дар наблюдения и *юмор, иногда слишком комический*». — Что такое *юмор, иногда слишком комический*?

«*Граф Соллогуб* принадлежит к числу *самых счастливых* повествователей...» Что такое самый счастливый повествователь? И почему Лажечников только *счастливый* романист, а граф Соллогуб *самый счастливый* повествователь?.. Или в этом только их различие?

«*Бенедиктов,* лирический поэт с необыкновенным дарованием, занимает одно из самых почетных мест в нашей литературе». — Удивительно верно и определенно!

«*Князь Одоевский* пишет хорошим слогом повести светские и фантастические, и детские сказки». — Жорж Занд пишет хорошим слогом романы и повести из современной французской жизни. Второе столько же определяет Жоржа Занда, сколько первое князя Одоевского.

«*Павлов* издал несколько повестей, отличающихся оригинальностию и наблюдательным *духом*». — *Князь Одоевский,* о котором сейчас шла речь, также написал несколько повестей, отличающихся оригинальностию и наблюдательным духом, — чем же эти два писателя разнятся один от другого?

«*Полевой* (Николай) написал (?) *Историю русского народа, Русскую историю для детей, Историю Петра Великого* и *Историю Суворова...*» Если бы г. Греч хоть на миг захотел отступить от своей неопределенности в определениях, ему следовало бы сказать: Полевой *не дописал* «Истории русского народа», ибо известно, что «История» эта стала на половине и вот уже сколько лет не двигается вперед ни на шаг. «Сверх того принес он (Полевой) отечественной словесности существенную пользу своими критическими трудами в разных журналах. Романы его: *Клятва при гробе господнем, Синие и зеленые,* повести, драмы и водевили дают ему право на почетное место в нашей нынешней литературе». — Именно так, особенно драмы и водевили, да правда — кстати уж и критические труды и романы... Одно другого стòит!

«*Погодин* занимался с успехом критическим разбором материалов к разным периодам русской истории и преимущественно отстаивал славу и *самое существование Нестора,* которые старался поколебать *Каченовский*». — Почему бы уж кстати не упомянуть здесь и о дорожных записках г. Погодина, назвав его при сем удобном случае счастливым туристом? Оно было бы полнее!

«Из писателей, приведенных выше, успешно занимались русскою историею: Булгарин, написавший (здесь опять при большей осмотрительности следовало бы сказать — *недописавший*) *Россию в историческом, статистическом* и литературном *отношении*: *Пушкин,* сочинивший *Историю Пугачевского бунта*». — Кàк здесь кстати рядом имена этих двух историков!

На этом и остановимся. Чтò это такое? Слова, слова, слова!.. Предоставляем судить читателю, чтò может быть более пусто, неопределенно, беспорядочно этого набора слов, величающего себя великолепным титлом: «Учебной книги русской словесности»?..

〈«Лит. газета», 1844, № 50, 21 ноября, стр. 855—859〉.

В статье об «Опыте истории русской литературы» А. Никитенко Белинский писал: «Многие из наших читателей изъявили нам свое удивление, что мы решились на серьезный и дельный разбор нового издания «Учебной книги русской словесности», вместо того, чтоб посмешить публику забавною рецензиею на эту поистине забавную книгу. Мы очень рады случаю объясниться на этот счет с читателями. Во-первых, мы хотели

быть полезны многочисленному классу учащих и учащихся «русской словесности», для которой в русском языке нет ни одного сколько-нибудь сносного руководства. Во-вторых, сочинителя этой невероятной книги мы хотели лишить всякой возможности утешить себя мыслью, что наша статья — брань без доказательств и что она внушена нам завистью и недоброжелательством к автору такого превосходного учебника... Без этих причин, которые, конечно, гораздо важнее для нас, чем для наших читателей,— мы никак не решились бы с важностью доказывать, что книга, в которой всё — противоречие, никуда не годится. Поступив так, мы за один раз вырвали зло с корнем, — жалкого учебника теперь как не бывало» (IX, 406—407).

Белинский «объясняется» здесь с читателями не от своего только имени, а от лица «Отечественных записок» в целом. Об «Учебной книге русской словесности» Н. Греча написана не одна, как говорит критик, а три большие статьи, из которых одна была напечатана в «Литературной газете» за 1844 г. (№ 49 и 50), а остальные две — в «Отечественных записках» за 1845 г. (т. XXXIX, № 4, отд. V, стр. 21—52; т. XL, № 5, отд. V, стр. 1—28). Автор первой статьи в «Отечественных записках»— П. Н. Кудрявцев, а второй— А. Д. Галахов (архив А. Д. Галахова). Статья же в «Литературной газете», на наш взгляд, принадлежит Белинскому. Это мы основываем на следующих признаках.

В о - п е р в ы х, «Отечественные записки» и «Литературная газета», которая в 1840, 1844 и 1845 гг. была подголоском «Отечественных записок», в лице своих основных работников, решили покончить с «Учебной книгой русской словесности» Н. Греча. Этому вопросу посвящены были три статьи. Авторы двух статей — П. Н. Кудрявцев и А. Д. Галахов. Мало вероятно, чтобы Белинский остался в стороне от этой борьбы, тем более, что он не раз уже писал о данной книге Н. Греча (II, 37 и 184; III, 475—476; IX, 31, 175 и 406—407). Естественно поэтому предположить, что он является автором третьей статьи, помещенной в «Литературной газете».

В о - в т о р ы х, анонимный автор берет из «Учебной книги» Н. Греча один параграф за другим и путем тщательного и кропотливого анализа показывает их бессмысленность и пустозвонство. Явно следуя за анонимным автором, этот прием применили в своих статьях П. Н. Кудрявцев и А. Д. Галахов. Это — излюбленный прием Белинского, который он обычно применял, когда хотел высмеять и развенчать какой-нибудь дутый авторитет. Таковы его отзывы о стихотворениях В. Г. Бенедиктова и Н. М. Языкова, об учебнике истории И. К. Кайданова и др. (II, 274—290 и 110—115; IX, 98—109).

В - т р е т ь и х, в текст Н. Греча, приводимый в статье, анонимный автор то и дело вставляет в скобках вопросительные и восклицательные знаки и свои иронические замечания. Это — характерная манера Белинского, с которой мы встречаемся во многих его статьях и рецензиях.

В - ч е т в е р т ы х, в настоящей статье анонимный автор пишет: «Греч называет слова: *треснуть*, *сварганить*, *бахвалить* и некоторые другие *низкими* и *подлыми*... За что такая немилость?.. И чем же эти бедные слова хуже слов — *льстить*, *подличать*, *изгибаться*, *пресмыкаться* и тому подобных?» Все последние эпитеты явно направлены по адресу самого Греча, и тут определенно чувствуется Белинский, который непрестанно в своих письмах награждал Греча подобными и более резкими эпитетами. Между прочим, в письме к В. П. Боткину от 16 апреля 1840 г. он писал: «Все выходки в „Литературной газете“ против Греча производят сильный эффект — он рвет волосы и неистовствует» («Письма», II, 103—104). Несомненно на подобный эффект и здесь рассчитывал Белинский, адресуя приведенные эпитеты Н. И. Гречу.

В - п я т ы х, анонимный автор, отметив, что Греч ничего не сказал в своем труде о Полевом как драматурге, зло иронизирует в своей статье по адресу последнего: «Что это? верить ли глазам?.. А г. Полевой?.. Неужели нет г. Полевого?.. Да как же это?.. да почему?.. Неужели, по мнению г. Греча, г. Полевой не замечательный драматург? Не может быть!.. Не упомянуть о г. Полевом!!! Чему приписать такое странное обстоятельство?.. Забыт, очевидно, забыт!.. И вот слава мира сего!»— И тут явно чувствуется Белинский, который, сколько известно, один из всех сотрудников «Отечественных записок» и «Литературной газеты» нещадно преследовал Полевого с 1838 г. почти до самой смерти последнего.

В - шестых, Греч в своей «Учебной книге» признал Баратынского «поэтом нежного чувства». Анонимный автор рецензии по этому поводу иронически заметил: «Нежное чувство?.. Итак, Баратынский — поэт нежного чувства?.. А мы, признаемся, считали его поэтом мысли, преимущественно перед многими русскими поэтами. Как же мы ошибались!..» Известно, что «поэтом мысли» Баратынского считал Белинский, который, между прочим, почти одновременно с настоящей рецензией в обзоре «Русская литература в 1844 году» писал: «Призвание Баратынского было на рубеже двух сфер: он *мыслил стихами*, если можно так выразиться, не будучи, собственно, ни поэтом в смысле художника, ни сухим мыслителем. Стихотворения его не были ни стихотворным резонерством, ни художественными созданиями. *Дума* всегда преобладала в них над непосредственностью творчества» (IX, 96).

В - седьмых, Греч в своей «Учебной книге» писал о Булгарине: «Булгарин первый отважился написать русский роман („Иван Выжигин"), имел в том успех совершенный и проложил дорогу всем новым романистам». Против этого анонимный автор возражает в своей статье: «Еще в 1799 году вышел в Петербурге роман, в двух частях, заключающих в себе слишком 360 стр., под следующим заглавием: „Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества"... Кто возьмет на себя труд прочесть этот роман, тот увидит, что „Выжигин" не только не был на Руси первым романом, но даже и романом сколько-нибудь оригинальным, потому что форма „Выжигина", манера остроумия, нападки на сутяжничество, воспитание и т. под.— всё это с рабскою точностию скопировано с „Евгения", и так как оригинал всегда бывает лучше подражания, то и не удивительно, что „Евгения" и теперь еще можно пробежать с любопытством, тогда как при одной мысли о „Выжигине" самые крепкие читатели засыпают на двадцать четыре часа сряду».

Тот же отзыв о романе Булгарина «Иван Выжигин» мы находим в трех статьях Белинского, из которых две написаны до настоящей рецензии и одна после нее (VIII, 130 и 372—373; X, 70—71). В статье «Русская литература в 1843 году», написанной приблизительно за год до комментируемой статьи, мы читаем: «В 1829 году г. Ф. Булгарин издал своего „Выжигина"... Публике того времени показался новостью роман с русским именем. Она забыла, что какой-то А. Измайлов, в этом отношении, предупредил г. Ф. Булгарина целыми тридцатью годами, ибо в его романе „Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества", изданном в 1799 году, действие происходит в России, герой романа называется Евгением... Фамилия Евгения — Негодяев, фамилии прочих действующих лиц романа — Лицемеркина, Ветров, Тысячников, Бездельников, Простаков, Миловзоров, Воров, Подлянков, Развратин и пр. Вероятно, эти остроумно придуманные г. А. Измайловым русские фамилии и подали г. Ф. Булгарину счастливую мысль назвать героев своего романа Вороватиными, Ножовыми и пр... „Выжигин", изобретательностью, манерою, ярким изображением характеров, движением сердца человеческого и нравственно-сатирическим направлением живо напоминающий собою г. А. Измайлова, далеко превзошел его в правильности языка, хотя и уступил ему в живости рассказа» (VIII, 372—373).

В - восьмых, Греч в своей «Учебной книге» заявил, что Полевой написал «Историю русского народа». По этому поводу анонимный автор делает следующее замечание в своей статье: «Если бы г. Греч хоть на миг захотел отступить от своей неопределенности в определениях, ему следовало бы сказать: Полевой *не дописал* „Истории русского народа", ибо известно, что „История" эта стала на половине и вот уже сколько лет не двигается вперед ни на шаг». Тут явно чувствуется Белинский, который в 30-х и 40-х годах не менее тринадцати раз напоминал Полевому, что тот «не дописал» своей «Истории русского народа» (IV, 227; V, 112 и 139; VI, 154 и 330; VII, 20, 146 и 510; VIII, 99 и 299; X, 21; XIII, 24 и 25).

Можно было бы увеличить число доказательств, но думаем, что и приведенных достаточно для бесспорного признания принадлежности этой большой рецензии Белинскому.

В. Спиридонов

⟨24⟩

ОТВЕТ НА ОТВЕТ Г-НА Д., ПОМЕЩЕННЫЙ В 3-М № «МОСКВИТЯНИНА» 1846 года

Беда, коль . . . . .
. . . .[1]

Г. Д., автор ответа на статью нашу: «Голос в защиту от Голоса в защиту Русского Языка» (Отеч. Зап. 1846, № 2), начинает его указанием одной французской ошибки в статье нашей,[2] как будто несправедливость или

БЕЛИНСКИЙ
Пастель П. М. Боклевского, 1870-е гг.
Литературный музей, Москва

справедливость этого указания говорит что-нибудь в пользу его мнения, или в опровержение нашего. Если мы действительно ошиблись — что̀ ж он от этого выиграет? Он ничего бы не выиграл, если б мы вовсе не знали французской орфографии, потому что дело идет о русском языке, а не о правописании французских слов. На месте г. Д., мы поступили бы иначе: мы не прилагали бы усилий в его ошибках против русской орфографии видеть незнание русской орфографии, русского языка и т. д. Мы сказали бы ему: милостивый государь! вы два раза написали *англинский* вместо

английский, один раз *истинне* вместо *истине*, сплошъ вместо сплошь, Отечественны*е* Записки вм. Отечественны*я* Записки; но мы не заключаем отсюда, что вам неизвестно различие между именем существительным исти*на* и прилагательным усеченного окончания исти*нна*, что вы не умеете производить прилагательного от слова *Англия*, что вы не знаете, наконец, употребления букв ъ и ь после *ш*, в разных частях речи, и пр. Несмотря на такие промахи, мы истолковали бы их снисходительнее вашего: на наши глаза, англ*ин*ский, исти*нн*а, сплошъ... были бы временным забвением коренных правил орфографии, или сознательным, на почтении основанном возвращением к орфографии древних рукописей наших. Мы сказали бы самим себе: что̀ ж? можно делать орфографические ошибки — и судить здраво о русском языке, точно так же, как можно судить неправильно о языке, соблюдая правила орфографии. Теперь статьи г. Д. дают нам право выразить третье положение: можно делать орфографические ошибки и в то же время не иметь здравых понятий о языке.

Консеквентность[3] в ошибках орфографических гораздо извинительнее неконсеквентности в литературных мнениях. Г. Д. выражает свое сочувствие к тому времени, «когда было довольно трудно быть рецензентом или критиком, когда для этого требовался авторитет, основанный на собственных ученых или литературных трудах»[4],— и между тем сам, не писав прежде ничего и не имея никакого литературного авторитета (как сам он говорит о себе), напечатал четыре критические статьи, из которых две последние хотя и плохи, однако все-таки принадлежат к критическому роду... с юридическим оттенком.[5] Он же, г. Д., выражает особенное свое несочувствие к нашей Критике и Библиографической Хронике, в которых статьи никем не подписываются[6],— а между тем сам под своими статьями ставит букву Д, как будто подобная подпись что-нибудь значит![7]

За неконсеквентностью литературных мнений следует у г. Д. настойчивость в мнениях ложных, странных и даже удивительно смешных, если принять в соображение то время, в которое они высказаны. Как! при чтении статьи смотреть на имя автора? толковать о том, подписана она или нет? Да кому ж это нужно, и для чего это нужно? Разве достоинство сочинения становится яснее, когда мы видим, что автора зовут Карпом или Сидором, Д. или Г.? Хорош тот читатель, которому, для оценки литературного произведения, необходимо взглянуть на рукоприкладство! Не для таких ли читателей печатаются все вообще статьи, которые подписываются иногда полными, иногда сокращенными именами?.. Смотрите на то, что̀ в статье, а не на то, что̀ под статьею; отделяйте дело от предметов, не принадлежащих к делу. Ведь мы живем в половине XIX столетия...

Авторитет писателя есть также дело, не принадлежащее к достоинству критической статьи. Статья может быть хороша, хоть ее автор не был до того времени известен в литературе, и наоборот: статья может быть посредственна, даже плоха, хотя автор ее пользуется уже авторитетом, основанным на многих ученых или литературных трудах. Критика есть особенный род литературной деятельности: для нее нужен свой талант, как нужен он оратору, поэту, математику. Аристарх не был поэтом, но прославился своим разбором Гомера; а поэт Жуковский не может назваться критиком, хотя и написал разборы басень Крылова и сатир Кантемира. По странному мнению автора, выходит, что вы не можете говорить об «Истории» Карамзина, если не написали «Истории Государства Российского», должны молчать о «Географии» Арсеньева, потому что не издали ни одного географического руководства, кланяться архитектору, выстроившему кривой дом: ведь вы никогда не строили домов! Какие понятия об искусстве, науке, критике! Неужели тот, кто любит предавать

себя тиснению, делает больше того, кто занимается своим предметом в тиши кабинета, не требуя огласки своим занятиям? Для суждений о литературе нужно знание литературы; а разве тот, кто печатал свои сочинения, непременно знает больше того, кто не только не печатал своих сочинений, но даже и не сочинял ничего?.. Значило бы, по литературным мнениям, отступать к поколению *времен очаковских и покоренья Крыма...* Не составлять же табели о литературных рангах, для определения, каким количеством собственных сочинений (NB напечатанных) покупается право говорить о чужих трудах?.. К счастию нашему, теперь невозможны ни литературные Молчалины, которые так скромны, что не понимают, ка́к можно *сметь свое суждение иметь*, ни литературные кадии, столько гордые и самовластные, что желали бы зашить всем рот, а сами стали бы кричать во все горло.

Но верх оригинальных понятий о достоинстве литературной деятельности обнаружил г. Д. своим объяснением по тому случаю, что мы назвали его *сотрудником* «Москвитянина». Любопытно выслушать, ка́к он заботливо оправдывается в этом, взведенном на него *грехе*:

«Обыкновенно сотрудниками и рецензентами журналов называют тех, которые, на каких бы то ни было условиях, имеют постоянное участие в редакции. В Москвитянине в первой раз была помещена одна моя статья в 1842 году, другая — ответ на критику и рецензии в 1844, а третья в исходе 1845 года. Если такие редкие вклады могут присвоить мне название сотрудника, то не должно ли оно принадлежать и знаменитым духовным ораторам нашим, хотя не часто, но и не один раз дозволившим печатать в Москвитянине произведения их красноречия, точно так, как их предшественники дозволяли печатать свои проповеди в Московских и Санктпетербургских Ведомостях, Сыне Отечества и Вестнике Европы, не называясь однакож сотрудниками этих светских газет и журналов?» (Москв., 1846, № 3, стр. 233).

Г. Д. недоволен тем, что мы отказались от всякого с ним спора касательно Фон-Визина, Грибоедова и Гоголя, имея на то свое, весьма достаточное основание. Он требует непременно доказательств... Нам кажется, такой отказ был с нашей стороны делом особенной деликатности, заслуживающей благодарность. Каждое доказательство послужило бы еще к бо̀льшему для него неудовольствию. В эстетике, поэзии, истории литературы, есть многие положения, о которых никто уже не спорит, которые всеми давно признаны; и если какой-нибудь новичок в литературе удивляется давно известному, для всех несомненному, то, разумеется, спорить с ним бесполезно. Не странно ли, в самом деле, читать такое рассуждение г. Д. в «Москвитянине»:

«Фон-Визин мог сказать, что он изобразил русское общество своего времени, потому что, выставив на позор уродов своей эпохи, Простаковых, Скотининых, он дал зрителю или читателю отдохнуть на характерах Стародума, Софьи, Милонова (читай: *Милона*), Правдина и даже Цыфиркина, которого представил смешным, но не гнусным. Грибоедов и Гоголь показали нам одни карикатуры. Если они хотели составить нравственно-патологическую коллекцию уродов, то вполне успели. Если же это изображение нынешнего русского общества, то любопытно, в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя,— а их довольно много,—рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру?» (Москв., 1845, № 11).

Всякий и без наших доказательств видит, что автор этих слов не понимает как следует принадлежностей поэтического произведения. Хороша поэзия, которую он хвалит! Хороша и похвала, которую он адресует современному обществу Фон-Визина. В поэзии все роды хороши, кроме скучного; в обществе, многие роды людей не хороши, и люди скучные за-

нимают между ними не последнее место. Избавьте нас от общества, где пребывают холодные, бесцветные резонёры и резонёрки! Избавьте нас также и от литературных произведений, в которых, вместо лиц, действуют отвлеченные понятия, окрещенные именами Стародума, Милона, Софьи! Общие, родовые качества людей не составляют еще характера: для этого действующее лицо должно иметь, сверх общих, свои собственные, ему только принадлежащие черты, быть лицом живым, образом определенным, действовать, а не резонировать. Забавен вопрос, предлагаемый г-м Д.: «в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру?» Это напоминает суждение одного критика, который доказывал, что «Евгений Онегин» — дрянь, потому-де, что никто не захочет познакомиться с таким человеком, как Евгений Онегин!! Вследствие этого и Мазепа, в «Полтаве» Пушкина, изображен дурно, потому, что вы не захотите протянуть ему руку. Вот какие еще понятия ходят по некоторым журналам нашим! Г. Д., видимо, смешивает нравственное значение человека с поэтическим его представлением.

Переходим к главному предмету статьи — русскому языку. В рецензии на книжку г-на Васильева: ***Грамматические Разыскания,*** мы выразили мнение свое следующими положениями: русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий и способен к воспроизведению эллинской речи; но тот же русский язык еще не развился, не установился: грамматика его не обработана, он беден для выражения предметов науки, общественности, всего отвлеченного, цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже для выражения ежедневных житейских отношений. Тут же замечено было о превосходстве французского языка для легкой литературы, для писем, для разговора в обществе и для выражения глубоко-рациональных понятий, выработанных древнею цивилизациею и перешедших к ново-европейским языкам от латинского. Потом еще прибавили мы, что, при настоящем положении русского языка, грамматическая свобода неизбежна.

Мнение наше так ясно и справедливо, что не могло ожидать возражений и сомнений со стороны людей, занимающихся русским языком. Случилось не так. Г. Д. увидел в словах наших оскорбление отечественной речи и начал доказывать, что она установилась, развита и богата для выражения всех предметов науки и жизни.

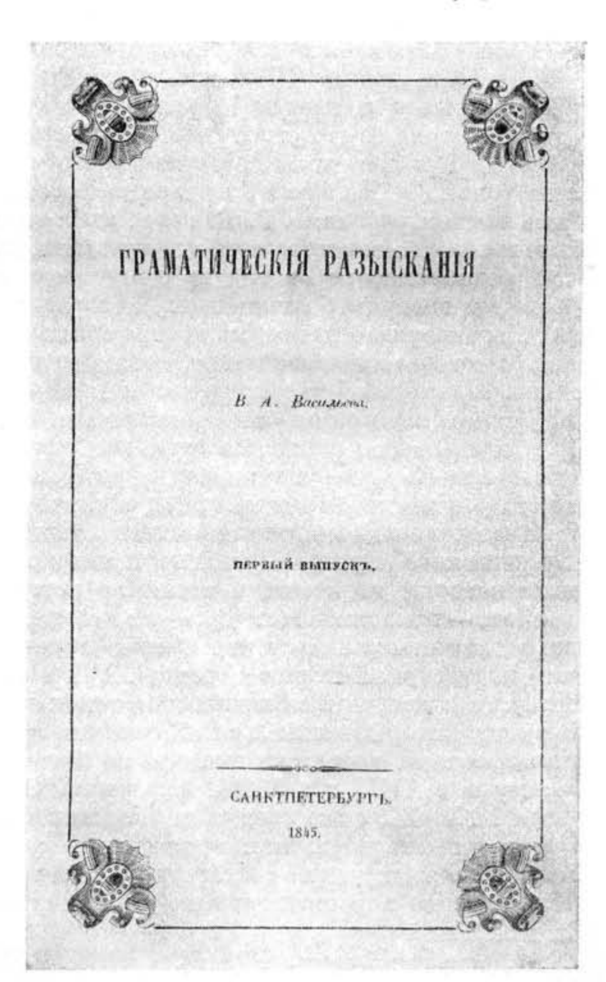
Что касается до первой половины нашего мнения, т. е. до неустановившегося языка житейских отношений, мы имеем полное право оставить без внимания запросы г. Д., имея за себя авторитет Пушкина, который сказал:

Доселе[8] гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Что касается до второй главной половины нашего мнения, т. е. до неустановления нашего языка, обязанного выражать предметы цивилизации вообще, науки и общественного быта в особенности, то она еще менее подлежит сомнению. Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрестанно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь. Следовательно, под установлением языка должно разуметь способность его выражать понятия науки и жизни, находящиеся в *современном* обороте. Если этой способности нет — значит: язык еще не установился, не развился; он еще не богат достаточно. Если эта способность существует — значит: язык установился, развился, богат уже достаточно. Язык идет вместе с жизнию народа. Язык тогда равняется в богатстве с другими языками, когда развитие жизни народа стоит на одина-

ковой степени с развитием жизни прочих народов: тó ли мы видим теперь? и как доказать, что мы тó видим? Возьмем, наприм., наш философский язык. Успехи его зависят от успехов философии; иначе: без развития философии невозможно развитие философского языка. Где же у нас философия? Самые обыкновенные слова: ум, разум, рассудок, мысль... не имеют до сих пор определенного смысла. Один ставит «ум» выше «разума»; другой, руководствуясь пословицей: «ум за разум зашел», возвышает «разум» над «умом»; третий и то и другое употребляет без различия в одном и том же сочинении, в одном и том же параграфе, в одном и том же периоде. Взгляните в наши руководства в логике — науке, более других еще нам известной: вы должны будете некоторые термины логики г. Новицкого[9] переводить на другие термины логики Бахмана,[10] как градусы реомюрова термометра переводим мы на градусы термометра фаренгейтова или цельсиева. Попробуйте передать на русский язык страницу немецкой философской книги: не помогут вам никакие словари, если они есть, никакие древние рукописи, если вы их читали. Что ж, после этого, могло бы не понравиться в нашем мнении? Оно — мнение общее, а не исключительно наше. Профессоры то же говорят с своих кафедр.

Язык тогда установился, когда грамматика представила все его действительно существующие формы, а словарь хранит в себе всё лексикологическое его достояние; когда предметы мира внешнего и внутреннего,



ОБЛОЖКА КНИГИ «ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ» В. А. ВАСИЛЬЕВА

Книга послужила поводом для полемики Белинского с Д. П. Голохвастовым

науки и жизни во всех ее сферах находят у него готовые выражения, из собственной ли его сущности почерпнутые, или взятые от других народов, пришлые. В нашем языке нет еще этого: следовательно, он не установился. При таком состоянии, грамматическая свобода действительно неизбежна; она есть признак движения, развития, жизни языка, не прикованного к заранее поставленным искусственным правилам. Время, то-есть народ, живущий во времени, пожнет пшеницу и сожжет плевелы. Из борьбы мнений является всякая истина, следовательно, и филологическая. Тому, кто искренно дорожит совершенствованием своего языка, странно подумать, что родной язык остановится на сочинениях такого-то писателя, хотя бы этот писатель был Карамзин. Повторяем без запинки: «нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский». Заметьте: *если* — и не давайте безусловного значения словам нашим. Жуковский и Пушкин сделали уже большой шаг вперед: первый придал до него бывшей прозе поэтический колорит, и таким образом освободил ее от оков ораторства, искусственности, лежащих на речи Карамзина; другой представил образцы истинно-естественной, свободной прозы, влив в нее стихию народной речи. Язык русский вообще дороже русского языка одного какого-нибудь писателя; успехи его в будущем выше прошедшего или проходящего его состояния. Из двух предметов: русский язык, совершенно установившийся в сочинениях Карамзина,—и русский язык,имеющий возможность совершенствоваться более и более, — выбор очевиден: нам и даром не нужно карамзинского языка.

Мнения господина Д. иногда чрезвычайно оригинальны. Мы сказали: «Если Крылов и обязан Карамзину чистотою своего языка, то все же язык Крылова во сто раз выше языка Карамзина, по той простой причине, что язык Крылова до nec plus ultra* язык русский, тогда как язык Кара́мзина только в „Истории Государства Российского" обнаружил стремление быть языком русским». Г. Д. возражает: «нет цифр для определения сравнительного достоинства там, где предметы (*история* и *басня*), по совершенной разнородности своей, не допускают возможности сравнения». Но разве мы говорим о сочинениях, которые пишутся на каком-нибудь языке? Мы говорим о языке, на котором пишутся разные сочинения, говорим о его существенных свойствах, гении, духе, одинаковом для всех сочинителей. Понятие об установлении языка равно прилагается и к истории, и к басням, и к поэзии, и к красноречию. Как позволено сказать, что язык Карамзина выше языка Нестора, так равно позволено сказать, что язык «Истории» Карамзина выше языка од Ломоносова, а язык Крылова выше во сто раз языка Карамзина. Род сочинений — дело постороннее; главное дело сущность языка, установившегося или неустановившегося. «История Пугачевского Бунта» Пушкина превосходит «Песнь о Полку Игореве», хотя история не песня, а песня не история.

«Нет, — продолжает г. Д., — не состареется этот язык (язык Карамзина), согретый пламенною любовью к отечеству (,) и тогда, когда мы будем читать полную Историю России, XVII и XVIII столетий, более положительную и ясную в политическом отношении, но лишенную поэзии тех времен, которые описывал Карамзин».[11] — Господин Д., как должно догадываться, хотел сказать, что не состареется *пламенная любовь к отечеству и в XVII и в XVIII столетии*. Он мог бы, пожалуй, прибавить сюда XIX, XX и все следующие столетия, в которые любовь к отечеству будет существовать, как врожденная наклонность души человеческой: но как же языку-то не состареться? Это что-то непонятно, да и сам автор, вероятно, не хорошо понимает, что̀ он сказал. Ужели язык Нестора но-

* До крайних пределов (лат.).

вый, потому что во многих местах летописи видна любовь летописца к своему отечеству? Да мы не смеем назвать *новым* и язык Ломоносова, хотя его похвальное слово Петру I[12] согрето любовью и благодарностью к великому Преобразователю России. Опять странная смесь двух разнородных предметов чувств и языка! Чувства остаются, хотя могут принимать иное направление; язык стареется. Без сомнения, кто не побоится говорить с своею возлюбленною фразами прежних стихотворцев, несмотря на то, что они согреты огнем страсти?

Господин Д. особенно остановился на французском слове *charité*. Мы сказали, что его можно перевести словом *милосердие*, а будет не то: схвачено понятие, но потеряны некоторые оттенки его. «Жалок тот народ, не совсем полудикий, — замечает г-н Д., — который живет и не имеет в своем языке слова, для выражения вполне значения, заключающегося в слове *charité*». И вслед за этим приводит тексты из апостола Павла, в которых слово *charité* переведено словом *любовь*[13]. Но мы должны еще раз заметить, что наше слово *любовь* имеет обширнейшее и, следовательно, менее определенное значение. Скажите: «я питаю к ней *любовь*», — и каждый растолкует ваши предложения не совсем определенным образом. Чтоб вполне определить его, вам необходимо прибавить к слову *любовь* прилагательное: какую именно любовь? Притом не мешает знать, что переводом Священного Писания на разные языки невозможно доказывать богатства, развития, установления этих языков. Многие миссионеры плохо понимают язык дикарей-идолопоклонников и успешно проповедуют им Евангелие. У нас, во время действий Библейского Общества, Новый Завет переведен на языки диких и кочевых народов, населяющих Россию: следует ли отсюда заключать о богатстве этих языков? Так же не следует, как не следует заключать о филологической бедности тех народов, у которых есть перевод Священного Писания или нет его. Христианство и филология — две разнородные сферы. Короче, мы снова обращаемся к г. Д. с теми словами, которые он уже читал в первом ответе нашем. Пусть прочтет их в другой раз и приймет к сведению, как очень справедливое замечание: «Царство веры не от мира сего. Церковь, для ее действования, не нуждается в обыкновенных средствах. Для ее *вечных, непреходящих* и *неизменных* истин всякий человеческий язык был, есть и будет достаточен и богат. Проповедь требует больше любви и убеждения от проповедника, нежели богатого развития от языка, на котором говорит проповедник. Первые апостолы были рыбари, которые, в простоте сердечного убеждения, прозрев духовно, увидели больше мудрых мира, и сделались *ловцами человеков*».[14]

Наконец, господин Д. недоволен также и тем, что мы ничего не сказали о новых словах и оборотах, которые он выписал из сочинений преосвященнейшего Филарета, тогда как нам надлежало бы, по его мнению, сказать, согласны ли мы с ним насчет этих слов и оборотов («Москвитянин», 1846, нумер 3). Опять упрек вместо благодарности! Опять не оценено деликатное наше молчание, происшедшее оттого, что мы щадили автора «Голоса». Теперь, когда деликатность наша истолкована превратно, мы нарушаем молчание и говорим открыто: мы молчали потому, что не хотели назвать господина Д. незнающим того предмета, о котором он взялся толковать. Объяснимся. В XI нумере «Москвитянина», 1845 г., Д. говорит:

«*Новые* слова, введенные Преосвященнейшим Филаретом в русский язык, также носят на себе отпечаток гениальной неологии, которая есть следствие не прихоти, не суетного желания блеснуть, если не оригинальностью мысли, то новизною выражения. Они очевидно порождены потребностию вдохновения, которое при ясном умопредставлении не находит в языке соответствующего ему слова»

Эти новые слова суть: *благобытие, отсвет, телесность, детоводитель, самочиние, незапинаемый, приражаясь, привергать, праволучный, одуховить, источный, самовладыка.* Да будет же известно г-ну Д., что из *двенадцати* выписанных им слов *восемь* так же не новы, как самые творения первого духовного витии нашего образцовы и по содержанию, и по выражению. Для того все ново, кто не знает старого. Г. Д. может приискать свои новые слова в Русском Словаре г. Соколова. Представляем подробную выписку этих *новых слов*:

Благобытие — благосостояние, благопребывание, счастливая, блаженная жизнь (см. Минея Месяч. Генв. 12). Вот и другие слова, в которые входит благо: *благоволение, благовоние, благовремение, благоверие, благогласие, благозаконие,* и пр. и пр.

Отсвет — свет, отраженный каким-нибудь светлым телом; например, «в граненых алмазах отсвет бывает сильнее». Слово это давно употребляется и в естественных науках и в поэтических произведениях.

Телесность — сущность тела.

Детоводитель — пестун, наставник, учитель детский, пекущийся о воспитании, или руководитель к просвещению детей. В Житии св. Великомученицы Варвары (отрывок из которого помещен и в Славянской хрестоматии, Пенинского) сказано: «Отец ее приставиши ей добрые *детоводительницы* рабыни». Если есть *детоводительницы,* могут быть и *детоводители.*

Д., с претензиями на знание старины, не изучал Четиих Миней, собранных св. Димитрием.

Самочиние — самоуправление. «Новогородцы колебляхуся своим непристойным *самочинием*». (Степ. Кн. I, 301). Есть и глагол *самочинствовать.*

Незапинаемый — страдат. причастие наст. врем. от глагола *запинать,* с присоединением наречия *не.* У нас есть: запинать, запинание, запинатель, запинательный, запинаться, запинка. Неужели каждое слово, к которому прибавлено наречие *не,* принадлежит к неологизмам?

Приражаясь — деепричастие наст. от глагола *приражаться* — ударяться, прикасаться со стремлением, напряжением сил к чему-нибудь. А *приражаться* — от гл. приражать, ударять. «Близ же сущу усердием, и руце часто *приражающе* к персем» (Соборн. лист II).

Привергать — прибрасывать, прикидывать что к чему или к кому (*привергнуть, приверженец, приверження, приверженность, приверженный, привергнутый,* и проч.)...[15]

В первой статье своей г. Д. не признал существования французских слов «indifferentisme» и «obscurantisme»[16], которые находятся даже в «Словаре» Татищева[17]; а теперь назвал новыми словами те, которые находятся даже в «Словаре» П. Соколова (1834). Много новых слов найдет он, если будет считать *новым* каждое слово, которое *ему* попадется в первый раз. Не потому ли назвал он *самочиние, детоводитель, благобытие,* и проч. неологизмами, что они не употребляются в разговоре? Не потому ли, что их нет в книгах, написанных обыкновенным русским языком? <Во вся>ком случае мы известим его, что это значило* бы не знать ни языка, ни слога духовных ораторов наших. Духовное красноречие употребляет, на ряду с словами и оборотами чисто-русскими, слова и обороты церковно-славянские или древне-русские, придавая помощию их особенную красоту и силу своим произведениям. И если мы читаем в проповеди: «*яко, благосердый, самочиние*» и проч., то не можем заключить, что эти слова новые, потому что не употребляются в разговорной речи. Слова эти, не употребляемые в разговоре, встре-

* В «Отеч. зап.» здесь вкралась типографская ошибка, искажающая смысл.

ГОЛОСЪ

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА.

МОСКВА.

1848.

„Наскучивши нелѣпыми и дерзкими нападками Отечественныхъ Записокъ на Русской Языкъ, мнѣ также родной какъ и всякому Русскому, я рѣшился сказать нѣсколько словъ въ защиту его. Изъ этого родилась статья Москвитянина, названная: Голосъ въ защиту Русскаго Языка и пр. — Отечественныя записки отвѣчали на нее съ какимъ-то бранчивымъ остервененіемъ и вызвали меня на отвѣтъ."

Изъ письма Дмитрія Павловича Голохвастова

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК СТАТЬИ Д. П. ГОЛОХВАСТОВА «ГОЛОС В ЗАЩИТУ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Этой статье посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных записках» № 5 за 1846 г.

На шмуцтитуле надпись, раскрывающая авторство Голохвастова, укрывшегося за криптонимом «Д.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

чаются в Священном Писании или в древних книгах наших: кáк же их назвать новыми в том сочинении, которое, по особенным своим свойствам, допускает язык церковно-славянский и древне-русский?

Вопрос о том, есть ли новые слова у наших современных писателей, или нет, — в настоящем случае лишний. Каждый из нас знает, что русский язык чрезвычайно способен к составлению новых слов. Вопрос в том, установился он или нет. Чтобы решить его, надобно изучить хорошенько исторический ход языка, посмотреть на современное его положение, сличить с другими европейскими языками, узнать, имеет ли он в обороте достаточное число слов, для выражения предметов природы, наук, искусств, гражданского быта, всех плодов и успехов цивилизации. А если вы берете в руки перо, не справляясь даже с учебниками и словарями и желая фантазии свои выдать за важные приобретения науки, тогда — извините — статьи ваши будут заключать в себе поверхностные, неустановившиеся мнения об установлении языка.

«Москвитянин» и «Северная Пчела» попрежнему деятельно занимались «Отечественными Записками», — так деятельно, что третья книжка «Москвитянина», появившаяся, как водится, позже обещанного срока, почти наполовину наполнена или выписками из «Отеч. Записок», или беспрерывными обращениями к нашему журналу; а «Северная Пчела», о чем бы ни заговорила, непременно и ежедневно сведет речь на «Отеч. Записки». Упомянув же об «Отеч. Записках», она тотчас начинает говорить, что в них открывается порча для языка, литературы, нравов, жизни частной и общественной, и проч. Уж не оттого ли это, что «Отечественные Записки» имеют теперь подписчиков более, нежели какой-либо русский журнал имел когда-либо? Бедная! «Отеч. Записки» сделались ее idée fixe...

Но «Москвитянин», совершенно разделяя образ мыслей «Северной Пчелы», отличается от нее еще страстию наполнять свои книжки выписками из «Отечественных Записок». Особенно неподражаем в этом искусстве господин Д. Мы уже отдали должную справедливость этому таланту господина Д. в ответе своем на его «Голос в защиту русского языка» (О. З., том XLIV, Критика, стр. 56), сказав, что «наполнив бóльшую часть своей статьи выписками из Слов и Речей высокопреосвященного митрополита Филарета, он имеет полное право сказать, что в его статье есть много мест, исполненных высокого красноречия, хотя и принадлежащих не его, а чужому перу». Теперь мы представили вам разбор его ответа на наш «Голос в защиту от Голоса». Но мы не сказали еще, что из 40 страниц, занятых этим *Ответом*, по крайней мере тридцать г. Д. наполнил выписками из «Отеч. Записок». И чтò же? вместо того, чтоб на остальных десяти страницах поблагодарить «Отеч. Записки» за доставление ему материала почти на два печатные листа, г-н Д. их же хулит, выбирая для того не совсем мягкие слова.

⟨«Отеч. зап.», 1846, т. XLVI, № 5, отд. VIII, стр. 44—52⟩.

[1] Усеченная (возможно не самим Белинским, а редакцией «Отеч. [Записок») цитата из крыловской басни «Щука и кот»:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.

[2] Голохвастов упрекает Белинского в неверном написании французского слова absolu с буквой t на конце («Москвитянин», 1846, № 3, стр. 212—213).

[3] Частое употребление Белинским этого необычного для языка эпохи слова (от французского conséquent — последовательный) было подмечено журнальными противниками критика и использовано в полемике с ним. Так, например, Л. В. Брант (под псевдонимом — Я. Я. Я.) писал в рецензии на «Юмористические рассказы нашего времени» Абракадабры: «Критика сама убита бездарностию новейших гениев наших, ко-

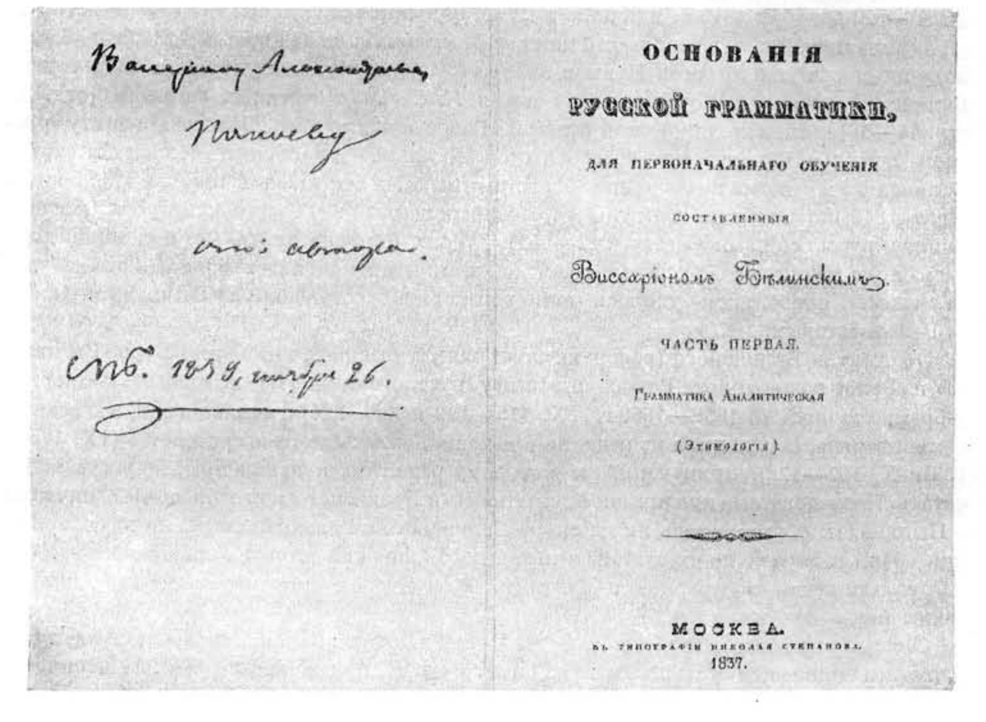
торых, по уверению одного заговорившегося *мыслителя-полемиста*, у нас больше, нежели обыкновенных талантов, и в числе которых стоит сам он с печатью *консеквентности* на челе» («Северная пчела», 1846, № 84, 17 апр.).

[4] «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 49.

[5] Голохвастов до полемики с Белинским (две статьи) напечатал всего две статьи (за той же подписью — Д): «Замечания об осаде Троицкой лавры и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий» («Москвитянин», 1842, № 6, стр. 267—324 и № 7, стр. 124—206) и «Ответ на рецензии и критику „Замечаний" об осаде Троицкой лавры» (т а м ж е, 1844, № 6, стр. 275—369 и № 7, стр. 65—166).

[6] «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 48.

[7] В неизданном письме к М. П. Погодину от 3 июня 1842 г. по поводу своих «Замечаний об осаде Троицкой лавры» Голохвастов пишет: «Разумеется я не подпишу своего имени под статьею, а просто Д. по той же причине, почему если Вы вздумаете записать Вашу пристяжную на скачку, я Вам посоветую не записывать ее от Вашего имени» (Рукоп. отд. Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина. Фонд М. П. Погодина. Картон 8, № 57—1).



Валериану Александровичу Панаеву от автора.

СПб. 1839, ноября 26.

ОСНОВАНІЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ

СОСТАВЛЕННЫЯ

Виссаріономъ Бѣлинскимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Грамматика Аналитическая

(Этимологія).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

«ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» БЕЛИНСКОГО С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА В. А. ПАНАЕВУ, 26 ноября 1839 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

[8] Неточная цитата: у Пушкина —«доныне».— «Евгений Онегин», гл. III, строфа XXVI.

[9] «Краткое руководство к логике» О. М. Новицкого. Киев, 1844.— Белинским написана рецензия на эту книгу (IX, стр. 209).

[10] «Система логики» немецкого философа Бахмана (1828).

[11] «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 72.

[12] «Слово похвальное блаженные и вечнодостойные памяти гос. Петру Великому... апреля 26 дня 1755 года».

[13] «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 64—68.

[14] «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка"» (X, стр. 172).

[15] Эти слова взяты Белинским из «Общего церковно-славяно-российского словаря... составленного П... С... ‹Соколовым›» (СПб., 1834. Ч. I, стб. 94—97, 725, 875. Ч. II, стб. 289, 803—804, 858, 1514).

[16] «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 60.

[17] «Всеобщий французско-русский словарь» В. Н. Татищева. М., 1839.— Белинский написал на него рецензию (IV, 256).

I

В самых последних числах апреля 1845 г. в Петербурге вышла в свет небольшая книжка «Грамматические разыскания В. А. Васильева. 1) О букве ё. 2) Об образовании имен уменьшительных рода мужеского и женского». (Объявление о поступлении книги в продажу появилось в «Северной пчеле», 1845, № 94, 28 апр.). Книжка обратила на себя внимание Белинского, пристально интересовавшегося вопросами русского языка, и он написал на нее пространную рецензию («Отеч. зап.», 1845, № 8, отд. VI, стр. 51—61), послужившую поводом для нападок на него из лагеря славянофилов. В ноябрьской книжке «Москвитянина» (стр. 47—134) появилась статья Д. П. Голохвастова, за подписью: Д (криптоним раскрыт М. Погодиным в некрологе Голохвастова.— «Москвитянин», 1850, № 2. Смесь, стр. 64), направленная против этой рецензии, под громким названием «Голос в защиту русского языка».

Ноябрьская книжка «Москвитянина» вышла с обычным для этого журнала запозданием — 20 декабря 1845 г. и попала в Петербург в начале января 1846 г. (см. X, 160: «В одиннадцатой, т. е. в *ноябрьской* книжке *Москвитянина* за прошлый 1845 год, благополучно достигшей берегов Невы в *январе* благополучно наступившего 1846 года»). Белинский тотчас же отозвался на нее в № 2 «Отечественных записок» (отд. V, стр. 44—56) резкой полемической статьей «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“». Голохвастов, со своей стороны, также не обошел молчанием статьи Белинского и ответил на нее с еще бо̀льшим пылом в мартовской книжке «Москвитянина» 1846 г. («Ответ на статью Отечественных записок: „Голос в защиту от Голоса в защиту русского языка“», стр. 212—251). До сих пор считалось, что полемика двух названных журналов о русском языке на этом и прекратилась. Однако это не так. Последнее слово, как удалось нам установить, осталось за Белинским, а не за Голохвастовым.

Обе статьи Белинского (рецензия на «Грамматические разыскания В. А. Васильева» и «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“») вошли в его первое собрание сочинений 1859—1860 гг. (X, 113—132 и 305—329) и механически, без всяких комментариев, переходили из издания в издание, вплоть до «венгеровского» (IX, 475—488 и X, 157—172), примечаний к которому редактор, к сожалению, не успел напечатать. Исследователи критической деятельности Белинского и его биографы, начиная с Пыпина, не остановились ни на споре Белинского с Голохвастовым, ни на содержании обеих интереснейших статей, в которых Белинский выразил свою точку зрения на русский язык, его прошлое и будущее. В мемуарах современников этот эпизод также нигде не отразился.

Совершенно вне поля зрения исследователей и библиографов осталась комментируемая нами анонимная статья «Ответ на Ответ г-на Д., помещенный в 3-м № „Москвитянина“ 1846 года», появившаяся в № 5 «Отечественных записок» 1846 г. Между тем статья эта является п р я м ы м и н е п о с р е д с т в е н н ы м п р о д о л ж е н и е м полемики Белинского с Голохвастовым и по своему содержанию и стилю бесспорно может принадлежать только Белинскому. Да и кто другой из сотрудников «Отечественных записок» мог быть автором названной статьи, кроме самого Белинского, если даже допустить на минуту такую маловероятную возможность? Герцен в этот период, как известно, не писал критических статей. Всё внимание его было направлено на естественные науки, философию и собственное художественное творчество. Нигде, ни в письмах его того времени, ни в позднейших воспоминаниях, не промелькнуло ни намека на занятия им грамматикой. Эта тема совершенно не входила в круг его интересов.

Единственно реальным кандидатом на авторство этой статьи, кроме Белинского, мог быть А. Д. Галахов, присяжный критик «Отечественных записок», подражавший ему и также интересовавшийся вопросами русского языка и грамматики. По устному сообщению В. С. Спиридонова редакции «Литературного наследства», он видел списки Галахова и помнит, что статья «Ответ на Ответ г-на Д.» была помечена там, как принадлежащая ему, Галахову. Следует, таким образом, рассмотреть, что же представляют собой так называемые галаховские «реестры», местонахождение которых ныне неизвестно исследователям, и насколько они достоверны.

Свои «реестры» Галахов вел в Москве, указывая в них распределение книг, взятых для рецензирования в «Отечественных записках» Белинским, Катковым, Кудрявцевым и им самим. Казалось бы, существовал, а может быть и поныне где-то существует, совершенно бесспорный документ для определения авторов анонимных рецензий в «Отечественных записках». Но, к сожалению, это не так. Имеется обстоятельство, существенно снижающее достоверность «реестров». Оно заключается в том, что «реестры» Галахова являлись предварительной записью авторов, собиравшихся писать о той или иной книге. На самом же деле неоднократно получалось иначе, и действительное авторство рецензентов иногда не совпадало с записями в «реестрах». Предоставим по этому поводу слово самому автору «реестров»: «Два раза в месяц,— сообщает Галахов в своих воспоминаниях,— отправлялся я... ⟨в Московский цензурный комитет⟩ за литературным фуражом, т. е. забирал все книги, доставленные туда из типографий в течение предыдущих недель. После того я распределял полученное, по взаимному соглашению, между мною и сотоварищами. Обстоятельно, в особых тетрадях, вел я список всех книг, перебывавших в наших руках, с обозначением времени, когда они взяты, и лиц, к кому поступали на рассмотрение. Тетради эти, с 1839 по 1863 год, хранятся у меня в целости» («Мое сотрудничество в журналах».— «Исторический вестник», 1886, № 11, стр. 316).

С. А. Венгеров, пользовавшийся «реестрами» с большой осторожностью, писал о них: «Благодаря любезности Н. М. Лисовского мы получили возможность ознакомиться с подлинными реестрами... Сначала мы чрезвычайно обрадовались этой возможности получить в свое распоряжение такой источник самых прямых и непосредственных указаний. Но ближайшее изучение реестров значительно нас разочаровало, показав, что это только предварительная запись книг, разобранных Белинским, Катковым и Галаховым для рецензирования. Правда, в большинстве случаев друзья и писали о тех книгах, которые оставляли за собою. Но бывали и перемены, и о книге, записанной за одним рецензентом, давал отчет другой» (Полн. собр. соч. Белинского. Т. IV. СПб., 1901, стр. 536).

В. С. Спиридонов в предисловии к редактированному им XII тому того же издания сочинений Белинского (Л., 1926, стр. VII) сам одобрял эту осторожность Венгерова. Следовательно, даже имея в руках галаховские «реестры», мы должны были бы отнестись к ним с недоверием, вызванным авторитетнейшими исследователями текстов Белинского.

Если запись Галахова о своем авторстве «Ответа на Ответ г-ну Д.» действительно существовала или существует, то о чем она может свидетельствовать? Только о том, что, зная о твердо решенном уходе Белинского из «Отечественных записок», Галахов собирался отвечать на статью «Москвитянина», как представитель редакции журнала Краевского. Но мог ли это допустить лично задетый Голохвастовым Белинский — «самый страстный полемист в русской литературе», по удачному определению С. А. Венгерова? Нам кажется это предположение психологически совершенно неприемлемым. Так же неестественно было бы умолчание Галахова в своих воспоминаниях, опубликованных значительно позже смерти Голохвастова (в 1886 г.) о таком любопытном факте, как окончание им полемики вместо Белинского.

Но главные доводы, на которых мы основываем свои доказательства принадлежности Белинскому статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», опираются на изучение этой статьи по существу ее содержания. Во-первых, такой детальный и точный ответ на все пункты обвинений, выдвинутых Голохвастовым, построенный на строго последовательном развитии и утверждении положений предыдущих статей, написанных Белинским, мог дать только автор последних. Во-вторых, весь ход мыслей, стиль, тон, манера, фразеологические обороты речи в комментируемой статье не вызывают ни малейшего сомнения в авторстве Белинского, особенно если их сопоставить со всей полемикой.

Считая невозможным, да и ненужным приводить здесь исчерпывающие параллели всех элементов стиля и языка статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», совпадающих, по нашему мнению, со стилем и языком Белинского, ограничимся для сравнения несколькими цитатами из первых двух статей (обозначая их «статья первая» и «статья вторая») и сопоставляемого с ними комментируемого текста («статья третья»).

«Не всякий тот критик, кто пишет критики, так же, как не всякий тот поэт, кто пишет стихи. Критик — тот, чьи мнения имеют вес и принимаются публикою, кто, следовательно, имеет большее или меньшее влияние на развитие и направление вкуса в обществе... Чтоб быть хорошим критиком, вовсе не нужно быть поэтом, так же как для того, чтоб быть хорошим поэтом, вовсе не нужно быть критиком. Винкельман не был скульптором и не представил ни одной статуи «если не в образец, то в оправдание своих мнений»,— и тем не менее он — Винкельман, а не *Москвитянин*. Что Карамзин, будучи хорошим для своего времени критиком, был вместе и таким же поэтом и писателем,— это делает ему двойную честь и славу; но нет ни малейшей нужды делать из этого примера общее правило» (Статья вторая.— X, 164).

«Авторитет писателя есть также дело, не принадлежащее к достоинству критической статьи. Статья может быть хороша, хоть ее автор не был до того времени известен в литературе, и наоборот: статья может быть посредственна, даже плоха, хотя автор ее пользуется уже авторитетом, основанным на многих ученых или литературных трудах. Критика есть особенный род литературной деятельности: для нее нужен свой талант, как нужен он оратору, поэту, математику. Аристарх не был поэтом, но прославился своим разбором Гомера, а поэт Жуковский не может назваться критиком, хотя и написал разборы басен Крылова и сатир Кантемира» (Статья третья).

Разве это не развитие одной и той же мысли?

«В нашей статье было сказано, что русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий, в доказательство чего указано было на то, что в русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов. Выше мимоходом было замечено, что русский язык способен к воспроизведению изящной эллинской речи» (Статья вторая.— X, 166).

«Переходим к главному предмету статьи — русскому языку. В рецензии на книжку г-на Васильева: *Грамматические Разыскания*, мы выразили мнение свое следующими положениями: русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий и способен к воспроизведению эллинской речи» (Статья третья).

«Каждый вновь появляющийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства для выражения новой сферы созерцания... В этом отношении, благодаря Лермонтову, русский язык далеко подвинулся вперед после Пушкина, и таким образом он не перестанет подвигаться вперед до тех пор, пока не перестанут на Руси являться великие писатели. Но за то, как еще беден русский язык для выражения предметов науки, общественности,— словом, всего отвлеченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных житейских отношений!» (Статья первая.— IX, 478).

«Но тот же русский язык еще не развился, не установился: грамматика его не обработана, он беден для выражения предметов науки, общественности, всего отвлеченного, цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже для выражения ежедневных житейских отношений... Что касается до второй, главной половины нашего мнения, т. е. до неустановления нашего языка, обязанного выражать предметы цивилизации вообще, науки и общественного быта в особенности, то она еще менее подлежит сомнению. Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрестанно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь. Следовательно, под установлением языка должно разуметь способность его выражать понятия науки и жизни, находящиеся в *современном* обороте. Если этой способности нет — значит: язык еще не установился, не развился; он еще не богат достаточно. Если эта способность существует — значит: язык установился, развился, богат уже достаточно» (Статья третья).

«Как один из замечательнейших моментов развития русского языка, мы принимаем карамзинский язык с любовию, уважением, благодарностью и даже, если хотите, с удивлением; но нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский... Сфера языка Крылова сама по себе доволь-

МОСКВА. ЗДАНИЕ МАНЕЖА («ЭКЗЕРЦИРГАУЗА»)
Литография 1830-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

но ограничена, и потому не в ней русский язык мог достичь своего установления, и не на басне остановиться. Ему надо было итти, и он пошел вперед, содействием Жуковского, Батюшкова, Гнедича, самого Карамзина, который, в своей *Истории Государства Российского*, говорил совсем другою манерою, нежели прежде, — правда, манерою еще более искусственною, но зато и более полезною для успеха русского языка» (Статья первая.— IX, 476).

«Тому, кто искренно дорожит совершенствованием своего языка, странно подумать, что родной язык остановится на сочинениях такого-то писателя, хотя бы этот писатель был Карамзин. Повторяем без запинки: „нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский". Заметьте: *если* — и не давайте безусловного значения словам нашим. Жуковский и Пушкин сделали уже большой шаг вперед: первый придал до него бывшей прозе поэтический колорит, и таким образом освободил ее от оков ораторства, искусственности, лежащих на речи Карамзина; другой представил образцы истинно естественной, свободной прозы, влив в нее стихию народной речи. Язык русский вообще дороже русского языка одного какого-нибудь писателя; успехи его в будущем выше прошедшего или проходящего его состояния. Из двух предметов: русский язык, совершенно установившийся в сочинениях Карамзина, и русский язык, имеющий возможность совершенствоваться более и более,— выбор очевиден: нам и даром не нужно карамзинского языка» (Статья третья).

Таких примеров-параллелей можно привести много. Кроме того, высказывания Белинского в последней статье о Карамзине, Жуковском, Крылове и Пушкине находятся в полном, часто текстуально близком, соответствии с его известными высказываниями об этих писателях. Отводя авторство Белинского от третьей статьи, логически следовало бы заподозрить принадлежность ему и двух первых статей, но это невозможно.

Единственным спорным моментом в нашей аттрибуции является публикация этой статьи в «Отечественных записках» в мае 1846 г., тогда как до сих пор считалось, что с 1 апреля 1846 г. никаких статей Белинского там не было напечатано (кроме 11-й статьи о Пушкине, задержанной Краевским и увидевшей свет в октябрьской книжке). Факт разрыва Белинского с Краевским и уход его из «Отечественных записок» с 1 апреля 1846 г. не подлежит, разумеется, сомнению. В письме к Герцену от 2 января 1846 г. Белинский пишет: «Я твердо решился оставить „Отечественные записки" и их благородного, бескорыстного владельца... Чтобы отделаться от этого стервеца, мне нужно иметь хоть 1000 руб. серебром, потому что я забрал у Краевского до 1 числа апреля и должен буду до этого времени работать, не получая денег, но зарабатывая уже полученные» («Письма», III, 88, 90). В письме от 14 января к Герцену же Белинский повторяет: «Я твердо решился не брать у Краевского ни копейки» (там же, 94). В письме к Герцену от 19 февраля он подробно описывает свой разговор с Краевским об уходе из «Отечественных записок» (там же, 101). И, наконец, в заявлении Белинского, Панаева и Некрасова «По поводу „Нелитературного объяснения"» Краевского, датированном 12 ноября 1846 г., написано: «Г. Белинский принимал в „Отечественных записках" самое деятельное участие в продолжении почти семи лет; отделы критики и библиографии этого журнала преимущественно наполнялись его трудами, начиная с восьмой книжки 1839 года и до четвертой нынешнего, когда он решительно отказался от всякого участия в журнале г. Краевского». Далее говорится, что 11-я статья о Пушкине, напечатанная в октябрьской книжке, была доставлена в редакцию еще в *апреле* («Северная пчела», 1846, № 266, 25 ноября).

Номер 3-й «Москвитянина» со статьей Голохвастова вышел в свет 29 марта 1846 г. (см. «Московские ведомости», 1846, № 38, 28 марта), следовательно, в Петербург он попал не раньше 5 апреля. Естественно, что Белинский отозвался на него, как и в первый раз, немедленно, и доставил свой ответ в редакцию «Отечественных записок» не позже середины апреля, может быть одновременно с 11-й статьей о Пушкине. Остается ответить на вопрос, почему Краевский в «Библиографических и журнальных известиях» («Отечественные записки», 1846, № 12, Библиографическая хроника, стр. 118—119) и Белинский в заявлении по поводу «Нелитературного объяснения» утверждали, что,

кроме 11-й статьи о Пушкине, ничего из произведений Белинского после 1 апреля 1846 г. *не появлялось в «Отечественных записках»? Совершенно ясно,* что Краевский не мог назвать «Ответ на Ответ г-на Д.» статьей Белинского по той же причине, по которой, по его собственным словам, он не назвал 11-й статьи о Пушкине: «потому что статья не была подписана г. Белинским» (там же, стр. 118). Он, как редактор журнала, не имел права открывать инкогнито своего сотрудника, хотя бы и бывшего. Сам же Белинский сознательно этого не сделал, так как вся полемика прошла анонимно, и у него не было никаких оснований раскрывать свое авторство.

В этом же № 5 «Отечественных записок» была напечатана и другая анонимная статья Белинского о «Воспоминаниях Ф. В. Булгарина». Она претерпела ряд посмертных мытарств, так как авторство Белинского неоднократно то принималось, то отвергалось исследователями его критической деятельности. Но этот факт участия Белинского в майской книжке «Отечественных записок» ни в коей степени не меняет всего хода нашей аргументации, так как статья о Булгарине была дана в редакцию Н. А. Некрасовым, как его собственная статья (см. В. Спиридонов. «Кто же был автор второй статьи о „Воспоминаниях Фаддея Булгарина“: Белинский или Некрасов?» — Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. Покровского. Факультет языка и литературы. Вып. 1, Л., 1938, стр. 78—85).

II

«Грамматические разыскания» Васильева послужили Белинскому лишь поводом высказать свои мысли о русской грамматике и языке. Непосредственно Васильеву и его труду посвящена только пятая часть рецензии. На книжку Васильева появились в печати еще три коротких и совершенно неинтересных анонимных отзыва («Библиотека для чтения», 1845, № 5—6, отд. VI, стр. 12; «Современник», 1845, № 9, стр. 310—311; «Москвитянин», 1846, № 1, стр. 243—244). Ни в одном из них мы не находим ни отклика на анонимную рецензию Белинского, ни простого упоминания о ней. Единственный человек, выступивший против анонимной статьи Белинского, был Д. П. Голохвастов. Ни «Разыскания» Васильева, ни правила писания буквы ё его не интересовали. Это был повод для политической полемики. Нападая на Белинского с обвинениями в недостаточном патриотизме и неуважении к допетровской Руси, Голохвастов выступал трибуном славянофильского реакционного органа «Москвитянина» против ненавистного ему прогрессивного духа «Отечественных записок». Голохвастов не был «партийным» славянофилом и человеком близким к славянофильскому кругу. Он был типичным представителем николаевской бюрократии, охранителем-идеологом пресловутой «официальной народности». Член богатой и аристократической семьи, двоюродный брат Герцена, Голохвастов ярко обрисован в «Былом и думах» (ч. III, гл. XXII и ч. IV, гл. XXXI), как гордость и «оратор семьи» («l'orateur de la famille»), «большой педант и формалист» (Полн. собр. соч. и писем Герцена. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919, стр. 162). «Я впоследствии не раз встречал эти натуры, эти „гладенькие“ умы, эти светло понимающие — на известном пространстве и в известную глубину — головы. Они умно рассуждают, не отступая от данных; они еще умнее поступают, не сходя с торной дороги; они — настоящие современники своего времени, своего общества. Всё, что они говорят,— истинно, но они могли бы говорить что-нибудь другое; всё, что они делают хорошо, но они могли бы делать что-нибудь иное. Они обыкновенно нравственны, но вам нечистая сила шепчет на ухо: «Да могут ли они быть безнравственны?»... Всё у этих господ исправно, чинно, на месте; они правильно любят добродетель и бегут порока; всё у них не лишено известной прелести серенького летнего дня, без дождя и солнца, а чего-то нет... а без того и всё остальное не в честь» (Ч. IV, гл. XXXI. — Цит. изд. Т. XIII, стр. 169).

Голохвастов в ноябре 1831 г. был назначен помощником попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына. У него, по мнению Герцена, было всё нужное для этой роли, с точки зрения высшего начальства того времени: «образование, хорошая фамилия, богатство, агрономия и не только отсутствие „завиральных идей“, но и во-

обще всяких происшествий в жизни. Голохвастов не имел ни одной любовной интриги, ни одной дуэли, не играл отроду в карты, ни разу не напивался допьяна, но часто по воскресеньям ездил к обедне, и не просто к обедне, а к обедне в домовую церковь кн. Голицына» (Ч. IV, гл. XXXI.— Цит. изд. Т. XIII, стр. 174).

Гончаров в своих воспоминаниях пишет о том, как на университет «легла какая-то тень» в виде Голохвастова, державшая себя «осанисто и гордо», «с надменным и внушительно-строгим без надобности взглядом». Человек этот был прислан явно для того, чтобы «подтянуть университет» (И. А. Гончаров. Полн. собр. соч. Т. XII. СПб., 1899, стр. 39—41). Современник Белинского, в 1830 г. учившийся в университете, П. Вистенгоф, вспоминает о Голохвастове и гр. Панине: «Как один, так и другой, необузданные деспоты, видели в каждом студенте как бы своего личного врага, считая нас всех опасною толпою, как для них самих, так и для целого общества. Они всё добивались что-то сломить, искоренить, дать всем внушительную острастку. Голохвастов был язвительного, надменного характера. Он злорадствовал всякому случайному, незначительному студенческому промаху и, раздув его до maximum'а, находил для себя особого рода наслаждение наложить на него свою кару» («Из моих воспоминаний».— «Исторический вестник», 1884, № 5, стр. 335).

Сам Белинский в письме к родителям 20 апреля 1833 г. очень резко выражается по адресу Голохвастова за его «грубое» и «подлое» обращение со студентами и пишет, что он «ругается как извощик» («Письма», I, 48—49). В письме к матери 21 мая 1833 г. Белинский рассказывает историю своего исключения из университета и обвиняет Голохвастова в том, что ему не разрешили держать особый экзамен после длительной болезни (там же, 50—51). Любопытно, что Чернышевский в письме к А. С. Зеленому от 26 сентября 1856 г., кратко излагая биографию Белинского, упоминает об исключении его из университета Голохвастовым, сообщившим во все университеты, чтобы Белинского никуда не принимали («Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым». М.— Л., 1925, стр. 121).

В 1847 г. Голохвастов был назначен вместо гр. С. Г. Строганова попечителем Московского учебного округа. Блестящая характеристика его в этой роли сделана С. М. Соловьевым: «Это был человек знающий, умный, честный и любивший честность в других, но ум этого человека отличался особенным складом, именно удивительною форменностью... у Голохвастова всё внимание было обращено на формы мышления; в разговоре своем он хлопотал только об одном, чтобы мысли являлись в законной форме и чтоб эта форменность как можно яснее обнаружилась... Он ненавидел университет, считая его учреждением опасным для существующего порядка вещей, и не скрывал этих мнений своих» («Записки С. М. Соловьева». Пг., «Прометей», б. г., стр. 40). По поводу назначения Голохвастова Белинский писал Анненкову в начале декабря 1847 г.: «Строганов был уволен. На место его утвержден скотина Голохвастов. То и другое — большое несчастие для московского университета» («Письма», III, 318).

С таким человеком столкнулся Белинский в полемике 1846 г. Если судить по тому, что в частной переписке с друзьями и единомышленниками Белинский и Голохвастов, касаясь своей полемики, ограничивались всегда только наименованиями журналов и ни разу не обмолвились именем противника, можно, как будто, сделать вывод, что они полемизировали анонимно, оставаясь неизвестными друг другу. Однако правильнее будет, вероятно, противоположное предположение.

III

Главная мысль, положенная Белинским в основу рецензии на книгу Васильева, сводится к тому, что русская грамматика еще «не обработана» и не может быть обработана на данной стадии развития русского языка, несмотря на огромные успехи, достигнутые в этом развитии за последнее столетие. «Русский язык еще не установился,— и дай бог, чтоб он еще как можно долее не установился, потому что чем дольше будет он установляться, тем лучше и богаче установится он» (IX, 476). Давая обзор развития русского языка от Ломоносова до Пушкина, Белинский пишет: «И всё это сделалось в какие-нибудь *девяносто* лет, считая от первой оды Ломоносова — *На взятие Хотина*,

написанной правильным тоническим размером, навсегда утвердившимся в русской поэзии (1739), до *Полтавы* Пушкина (1829)!.. Какая же могла тут явиться грамматика? Ведь грамматика есть абстракция языка, существующего в созданиях литературы, а литература изменялась с каждым годом? При таких условиях, какую ни напишите грамматику,— *она успеет отстать от языка литературы, пока вы будете печатать ее*» (там же, 477).

Подробно останавливаться на содержании рецензии на книгу Васильева нет необходимости, так как Белинский в начале «Ответа на Ответ г-на Д.» сам сделал краткое изложение своих основных положений. Кроме того, он дал в рецензии обзор всех русских грамматик, очень положительно отозвался о «Филологических наблюдениях над составом русского языка» Г. П. Павского, представил Васильева последователем

В СТАРОЙ ПЕНЗЕ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.
Собрание художника, Пенза

Павского и, сделав ряд небольших замечаний на его книгу, противопоставил ее брошюре К. М. Кодинского «Упрощение русской грамматики», вскоре им уничтоженной («Отечественные записки», 1845, № 12).

В своей статье «Голос в защиту русского языка» Голохвастов мимоходом обвиняет современных рецензентов в необоснованном самомнении и пишет: «Рецензент может быть автором одних рецензий, и те писать языком небрежным, неправильным. Для него нет законов, он сам закон для всех. *Неумолимый, как fatum древних, он изрекает свои* приговоры без разысканий и без доказательств, на основании своего собственного произвола. Он уверен в своей непогрешительности — довольно этого для него, должно быть довольно и для читателей» («Москвитянин», 1845, № 11, стр. 50).

Он упрекает Белинского в унижении им русского языка перед французским, невнимании к духовному красноречию и языку «законов и правосудия» и дает такую общую оценку рецензии Белинского: «Рецензия, ничем собственно не отличаясь от дру-

гих рецензий, замечательна тем, что автор ее, не стесняясь никаким систематическим порядком и последовательностию в изложении своих мнений, не обременяя легкую прозу свою ни доводами, ни доказательствами, нападает на русский язык в *рассыпную*, отчего и следовать за ним довольно трудно» (т а м ж е, стр. 50). Далее Голохвастов выражает обиду на якобы небрежный отзыв Белинского о «мужицком слоге», протестует против введения критиком иностранных слов в русский язык и приводит в виде примера духовного красноречия длиннейшие цитаты из речей митрополита Филарета.

Ответная статья Белинского «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка"» была написана между 5 и 20 января 1846 г. В этой статье Белинский настаивает на том, что русский язык еще не установился, не находя в этом утверждении ничего унизительного для национального самолюбия. Он уличает, вместе с тем, полемиста «Москвитянина» в отсутствии единства мнения и отвечает на все пункты обвинения, предъявленные Голохвастовым. Статья написана, как все полемические статьи Белинского, в очень резком тоне, остро и с личными выпадами по отношению к противнику. Голохвастов был явно задет ответом Белинского. В письме к неустановленному лицу он возмущался: «Наскучивши нелепыми и дерзкими нападками Отечественных записок на русский язык, мне так же родной как и всякому русскому, я решился сказать несколько слов в защиту его. Из этого родилась статья Москвитянина, названная: Г о л о с в з а щ и т у р у с с к о г о я з ы к а и пр.—Отечественные записки отвечали на нее с каким-то странным остервенением и вызвали меня на О т в е т».* К своему «Ответу на статью Отечественных записок: „Голос в защиту от Голоса в защиту русского языка"» Голохвастов взял эпиграфом стихи из «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова, посвященные П. И. Кутузову, грызущему зубами бюст Карамзина:

Но напрасно ⟨мрамор⟩ гложет;
Только время тратит в том.
Он вредить ему не может,
Ни зубами, ни пером.

Голохвастов, повторяя все свои прежние доводы, старается задеть Белинского «личностями» и намеками на его профессию журналиста. Между прочим, он обвиняет «Отечественные записки» в неуважении к другим журналам, приводя большое количество цитат из их отзывов о «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле», «Москвитянине» и др. Любопытно отметить, что, желая унизить своего неизвестного противника, Голохвастов противопоставляет его «неумелому» перу мастерство автора анонимной статьи о «Тарантасе» В. А. Соллогуба, принадлежащей самому же Белинскому («Отеч. зап.», 1845, № 6).

По поводу исправлений, внесенных Голохвастовым в свою статью, между ним и Погодиным возник конфликт. Погодин хотел перенести статью Голохвастова в 4-й номер «Москвитянина», чтобы не задерживать выхода 3-го номера. Голохвастов настаивал на помещении статьи в 3-м номере, угрожая в противном случае выпустить ее отдельной брошюрой. 22 марта 1846 г. он писал Погодину: «Отстреливаясь от О. З., я не думал, что и от Вас получу неудовольствие и упреки. Так как обруганная статья есть статья Вашего журнала, я думал, что могу надеяться на какие-нибудь знаки участия и к статье и к автору. Всё дело в том, что 3 № Москвитянина от этого мог бы выйти двумя или тремя днями позже.— Напротив того, Вы хотите меня заставить поместить мою статью в 4 №, и даже хотите отнять у меня свободу напечатать ее особой брошюрой. Или я в самом деле, как намекают О. З., н а е м н и к, который ратует и з д е н е г, литературный к а л е к а и пр., или я могу располагать своим трудом по своей воле, особенно когда эта воля основанием имеет необходимость не сделать этот труд просто посмешищем. Вы этого не хотите видеть. Надобно, чтоб этот труд был очень ничтожен в Ваших глазах, чтоб Вы не хотели почтить его таким небольшим снисхождением. Согласитесь,

* Этот текст написан неизвестной рукой на экземпляре оттиска статьи Голохвастова «Голос в защиту русского языка», 1845 г., хранящегося в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр Г 22/34). Под текстом подпись: «Из письма Дмитрия Павловича Голохвастова». Историю этой книги нам не удалось установить. Она поступила в библиотеку неизвестно откуда.

что это для меня не может быть ни лестно, ни приятно... Я уверен, что О. З. опять обругают меня; если, сверх того, вместо спасиба, ругнет и Москвит <янин>, то я не испугаюсь» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VIII. СПб., 1894, стр. 301—302).

Оба журнальных лагеря внимательно следили за ходом полемики: «Увидишь, какой эффект произведет на славянофилов статья во 2 № „Отечественных записок": „Голос в защиту от голоса Москвитянина"»,—писал Белинский Герцену 6 февраля 1846 г. («Письма», III, 100). «Статья Голохвастова прекрасна, умна и губительна. Я бы Сапожника в сторону *—середина всего лучше, а особливо сравнение мнений Отечественных Записок о других журналах и о самих себе. Это мастерски»,—восхищался С. П. Шевырев в письме к Погодину (Н. Барсуков. Цит. изд., стр. 302). «Я уверен, что О. З. опять обругают меня»,— предупреждал Голохвастов Погодина, как мы видели выше. Предчувствие не обмануло его. Несмотря на свое нежелание иметь дело с Краевским, Белинский не мог не реагировать на вызов Голохвастова. Свое последнее слово он, естественно, поместил в том же журнале, где он начал и провел всю полемику. В своей статье «Ответ на Ответ г-на Д.» Белинский настойчиво и твердо повторил все свои прежние высказывания о русском языке и значении для его развития Карамзина, Жуковского, Пушкина и Крылова. Голохвастов не захотел продолжать полемики, но за него вступился постоянный сотрудник «Москвитянина» А. Е. Студитский (выступивший за подписью: А. С.), охарактеризованный Белинским вместе с Л. В. Брантом, в письме к К. Д. Кавелину 7 декабря 1847 г. одним словом: «дураки» («Письма», III, 306).

После краткого и очень резкого отзыва об анонимной рецензии Белинского на воспоминания Булгарина, Студитский излагает содержание «Ответа на Ответ г-на Д.», пытаясь высмеять «непоследовательность» мнений его автора и неточность его ответов на обвинения противника («Русские литературные журналы. За май 1846 года. Отечественные записки №№ 5 и 6».—«Москвитянин», 1846, № 6, стр. 203—209). Ответа Студитского Белинский, вероятно, не читал, так как во время выхода № 6 «Москвитянина» он находился на юге (в Одессе и Николаеве). На этом эпизоде завершилась история полемики Белинского с Голохвастовым.

IV

Через всю критическую деятельность Белинского прошла линия глубокого и страстного интереса к вопросам изучения русского языка и русской грамматики и оценка их значения в общем процессе развития русской культуры.

Первое известное нам высказывание Белинского о русском языке встречается еще в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» (I, 349—350). Первым отзывом его о русской грамматике была написанная в том же 1834 г. рецензия на грамматику И. Ф. Калайдовича («Молва», № 47—48). Он дает в ней строгий и уничтожающий разбор труда Калайдовича, сопоставляя его с положительными явлениями в этой области — грамматиками Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Вновь упоминает Белинский грамматику Калайдовича, в противовес грамматике Востокова, в рецензии на «Путевые записки Вадима» («Молва», 1835, № 10). В 1835 г. Белинский печатает уже четыре разбора грамматик, в том числе и грамматики Н. И. Греча. В 1837 г. выходят, давно задуманные им, «Основания русской грамматики для первоначального обучения», высоко оцененные современниками: О. И. Сенковским, К. С. Аксаковым, А. Д. Галаховым и позднейшим специалистом по русскому языку—С. К. Буличем (См. Полн. собр. соч. Белинского. Т. III, стр. 514). За период с 1838 г. по 1847 г. Белинским написано пятнадцать специальных рецензий на всевозможные грамматики и словари, не считая постоянных высказываний его о русском языке в критических статьях этого времени.

* Имеется в виду сравнение Голохвастова с доктором Францна, который чуть не повесил парагвайского сапожника за то, что тот не умел починить седло. Это сравнение было сделано в статье Белинского (X, 165) и опровергалось Голохвастовым («Москвитянин», 1846, № 3, стр. 232).

Признание высоких достижений писателей XVIII в.— Ломоносова, Державина и, в особенности, Карамзина в области развития русского языка своего времени и указание на архаичность элементов этого языка для эпохи 1830—1840-х годов — является одной из любимых мыслей Белинского. Он постоянно повторяет ее, начиная с «Литературных мечтаний» и кончая статьей 1847 г. «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Высказывания Белинского о русской грамматике в рецензии на «Грамматические разыскания» Васильева перекликаются с его высказываниями в отзыве о «Русской грамматике» А. Х. Востокова 1844 г. («Отечественные записки», 1844, № 8). Отзыв этот не вошел в Полное собрание сочинений Белинского и впервые опубликован, как принадлежащий ему, В. С. Спиридоновым, доказавшим авторство Белинского именно путем сопоставления рецензии на грамматику Востокова с рецензией на книгу Васильева («Октябрь», 1936, № 6, стр. 179 — 181, прим. В. С. Спиридонова — стр. 188—189).

Неизвестная статья Белинского «Ответ на Ответ г-на Д.» — последняя, завершающая статья этого цикла, подводящая итоги высказываниям Белинского по вопросу русского языка и грамматики. Тема эта, только поставленная советскими лингвистами*, еще ждет своего исследователя.

К. Богаевская

* См. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 334—340; Е. Н. Петрова. Белинский по вопросу о преподавании русского языка в школе.— «Русский язык в школе», 1940, № 6; Н. В. Трунев. Вопросы грамматики в освещении Белинского.— «Ученые записки Омского пед. института». Вып. I. 1941. Он же. Белинский о преподавании русского языка. — «Русский язык в школе», 1947, № 1.

О НЕКОТОРЫХ ТЕКСТАХ, ВХОДЯЩИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО

I. МНИМЫЕ РЕЦЕНЗИИ БЕЛИНСКОГО В «СОВРЕМЕННИКЕ»

Сообщение В. Кулешова

В собрании сочинений Белинского изд. Солдатенкова и Щепкина (XI) и в изд. Венгерова напечатана сводная рецензия на книги: «Полное собрание сочинений И. Крылова с биографиею его, писанною П. А. Плетневым» и «Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинение академика Михаила Лобанова». Никаких сомнений в отношении авторства Белинского эта рецензия из № 2 «Современника» 1847 г. (отд. III, стр. 124—134) до сих пор ни у кого не вызывала. Тем не менее ее придется исключить из собрания сочинений критика, так как мы нашли прямое свидетельство, что она написана не Белинским, а А. В. Никитенко. Это свидетельство находится в «Переписке Я. К. Грота с П. А. Плетневым» (т. III, СПб., 1886, стр. 18).

14 февраля 1847 г. Грот писал Плетневу из Гельсингфорса в Петербург: «Во 2-й книжке „Современника" заняли меня особенно: 1) Критика. О тебе очень благосклонно отзываются, а равно и об Александре Осиповне». Упоминаемая Гротом «Александра Осиповна»— это Ишимова, детская писательница, издававшая детский журнал «Звездочка». Она была хорошей знакомой Плетнева и Грота.

Через неделю с лишним Плетнев, обычно хорошо знавший закулисную сторону петербургской журналистики, к тому же совсем недавно сдавший «Современник» в аренду Некрасову и Панаеву и по привычке еще не терявший журнал из виду, писал в ответном письме к Гроту (22 февраля 1847 г.): «То, что во 2-й кн. „Современника" сказано обо мне и Александре Осиповне, писал Никитенко» (цит. соч., стр. 20. Разрядка наша.— *В. К.*).

А. В. Никитенко (1804—1872) был «официальным» редактором «Современника» и иногда помещал в журнале свои статьи и рецензии. Так, например, в № 1 «Современника» за тот же 1847 г. он выступил с «программной» статьей «О современном направлении русской литературы» (отд. II, стр. 53—74). В № 7 была помещена большая его рецензия на «Курс теории словесности» Михаила Чистякова. Обе статьи подписаны его именем. Но, видимо, Никитенко помещал значительное количество мелких рецензий и заметок, которые, по заведенному в журнале порядку, шли без подписи. Так, например, без подписи была помещена в № 3 за 1847 г. его заметка, живописующая в псевдонародном духе «Похождения мужичка в Питере» (отд. IV, стр. 21—27). Никитенко выступил с анонимной рецензией и на издание сочинений Крылова, вышедшее со вступительной статьей Плетнева. Что речь в письме Плетнева идет именно об этой рецензии, подтверждается тем, что в отделе критики № 2 «Современника» больше нигде не говорится о плетневской биографии Крылова. В переписке Грота с Плетневым, как мы видели, два раза упоминается Александра Осиповна Ишимова. В указанной рецензии о ней, правда, нет ни слова, но в отделе IV («Смесь», стр. 198—200) того же № 2 помещена небольшая анонимная рецензия на детские книжки, начинающаяся словами: «Известно, как мы бедны детскою литературою». В этой рецензии восхваляется «истинно-полезное издание» Ишимовой «Звездочка». Поскольку во 2 № больше нигде не говорится об Ишимовой, то, несомненно, именно эту заметку имели в виду Грот и Плетнев.

На чем, однако, основывается категорическое утверждение Плетнева, что автором интересующей нас рецензии был Никитенко? Оказывается — на заявлении самого Никитенко. Сразу же после цитированных слов в письме Плетнева следует: «Но Белинский и Некрасов так были этим раздосадованы, особенно отзывом об Александре Осиповне, противоречащим говоренному о ней прежде в „Отечественных записках", что чуть не разошлась эта компания по углам. По крайней мере, так это передал мне Никитенко, который, впрочем, как я заметил, и лгать очень любит» (цит. соч., стр. 20). Подозрение Плетнева насчет лживости Никитенко касается, как это очевидно, не сообщения о принадлежности ему обеих рецензий, а переданного им известия о чуть было не произошедшем расколе в редакции «Современника» из-за этих рецензий. Но в сильно преувеличенном сообщении Никитенко было зерно истины. Обратимся к его «Дневнику». Вот что он записал 4 февраля 1847 г., т. е. за две недели с лишним до письма Плетнева к Гроту и, несомненно, до своего разговора с Плетневым: «Я начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от редакции „Современника". Скоро, но что же делать. Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями, которых, в свою очередь, может тяготить мое влияние. Они, вероятно, рассчитывали найти во мне слепое орудие и хотели самостоятельно действовать под прикрытием моего имени. Я не могу на это согласиться» (А. В. Никитенко. Дневник... Т. III. СПб., 1893, стр. 483). Как явствует из дальнейшего, было даже созвано специальное совещание «сторон» на квартире у Никитенко, на котором кое-как все же удалось уладить возникший конфликт (см. запись от 7 февраля). Из всего этого становится ясным, что одной из причин крайне напряженного положения в редакции «Современника» в феврале 1847 г. были хвалебные отзывы Никитенко о Плетневе и Ишимовой. Плетнев писал Гроту со слов самого Никитенко, что «Белинский и Некрасов... были этим раздосадованы...» Главным их доводом было то, что Никитенко отклоняется от основной линии журнала. Совершенно очевидно, что рассмотренный нами конфликт из-за анонимной рецензии в № 2 «Современника» за 1847 г., с похвалами Плетневу и Ишимовой, устраняет всякую возможность попрежнему видеть в авторе этой рецензии Белинского.

Но если рецензия принадлежит Никитенко,— а мы это считаем доказанным,— то под удар попадает и другая, приписываемая Белинскому анонимная рецензия, напечатанная в № 12 «Современника» за 1847 г. (отд. III, стр. 233—234): «Басни И. А. Крылова. В XI книгах. С биографией, писанною П. А. Плетневым, изд. второе». Эту рецензию приписал критику В. С. Спиридонов, включив ее с соответствующей аргументацией в свою публикацию «Неизвестные статьи и рецензии Белинского» в № 7 «Красной нови» за 1936 г. Но вся аргументация В.С. Спиридонова строится на сопоставлении и сходстве изученного им текста с предыдущей рецензией. Очевидно, что теперь мы должны переключить всю эту аргументацию на Никитенко. И действительно, рецензия эта, так же как и предыдущая, принадлежит ему. В первой из них Никитенко писал: «Одним из лучших украшений издания сочинений Крылова нельзя не признать приложенной к ним статьи „Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова", мастерски написанной г. Плетневым. Это — критика-биография, в которой с большим искусством Крылов охарактеризован как баснописец и человек» (X, стр. 456—457). Во второй рецензии автор пишет: «В начале нынешнего года они ⟨Юнгмайстер и Веймер.— *В. К.*⟩ издали великолепно все сочинения Крылова в трех частях, присовокупив к ним умную, мастерски написанную г. Плетневым биографию незабвенного баснописца. Теперь они выпустили в свет отдельное издание одних его басен, приложив к нему биографию Крылова, написанную опять г. Плетневым» (XIII, 229). Все эти похвалы Плетневу естественны в устах Никитенко — профессора Петербургского университета, ректором которого в то время был Плетнев, и были бы странны, если бы исходили от Белинского.

Первая рецензия заканчивалась словами: «Говорить о баснях Крылова нет никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о них что-нибудь новое. Общее мнение давно уже выговорилось о Крылове, как баснописце» (X, 462). Вторая рецензия прямо начинается с утверждения: «О баснях Крылова все сказано, и нового сказать нечего. Их достоинство определено и критикою и обществом» (XIII, 229). Все это свидетельствует, что и вторая рецензия принадлежит не Белинскому, а Никитенко.

II. ПО ПОВОДУ ТРЕХ РЕЦЕНЗИЙ БЕЛИНСКОГО В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Сообщение Л. Ланского

Изучая маргиналии Белинского на принадлежавших ему книгах (см. в наст. томе нашу работу «Библиотека Белинского»), мы обратили внимание на некоторые своеобразные пометки в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г.

Как известно, все рецензии отдела «Современная библиографическая хроника» в «Отечественных записках» имели последовательную нумерацию, переходившую из книжки в книжку в течение всего года.

В упомянутом нами VI томе «Отечественных записок» за 1839 г. красными чернилами подчеркнуты №№ следующих рецензий: 324 («Как любят женщины»); 327 («Необыкновенный случай» и «Второй музыкальный альбом»); 328 («Предпоследнее странствование Семилассо по Свету»); 329 («Народный русский песенник»); 335 («Рассуждение о Лаже»); 359 («Шапка юродивого, или Трилистник»); 361 («В день заложения Храма Спасителя в Москве»); 362 («Гробница на Востоке»); 363 («Вдовец и его Сын»); 364 («Кум-Сват»); 368 («Недоросль»); 374 («Деяния Петра»); 376 («Основания русской стилистики»); 382 («Лекарство от задумчивости и бессонницы...»).*

Пометки подобного рода не могли быть случайными. Изучаемый экземпляр «Отечественных записок» принадлежал лично Белинскому, чрезвычайно бережно обращавшемуся с книгами и почти никогда не делавшему чернильных пометок, тем более — без причины. Пометки, как правило, делались Белинским простым черным карандашом и часто стирались им, по миновании надобности.

Первым долгом мы сочли необходимым выяснить, чьи именно рецензии были выделены указанным образом. Оказалось, что все отмеченные рецензии принадлежат Белинскому и вошли в IV том Полного собрания его сочинений («венгеровского»).

Чем объяснить, что рецензии Белинского кем-то специально выделены в журнале? Кто был настолько осведомлен, что мог безошибочно отметить среди десятков анонимных заметок рецензии, написанные именно Белинским,— и сделать это в принадлежавшем критику экземпляре? Повидимому, сам Белинский или же редактор-издатель журнала — А. А. Краевский. Изучая библиотеку Белинского, мы убедились, что сам он не отмечал какими-либо значками свои статьи в принадлежавших ему книжках журналов, в которых сотрудничал. Остается предположить, что все рецензии нового сотрудника «Отечественных записок» были отмечены Краевским с целью, имевшей, вероятно, какое-нибудь отношение к денежным расчетам.

Какой исследовательский интерес представляют эти пометки, поскольку все выделенные ими рецензии уже вошли в собрание сочинений критика? Прежде всего, они подтверждают авторство Белинского для всех четырнадцати отзывов, в том числе и рецензии на «Рассуждение о Лаже», принадлежность которой критику возбуждала сомнения. Затем, и это главное, они дают возможность заподозрить, что Белинский не был автором трех приписывавшихся ему рецензий.

Констатирование того факта, что все отмеченные в этом экземпляре VI тома «Отечественных записок» за 1839 г. рецензии входят в собрание сочинений Белинского, естественно, возбудило вопрос: не оказались ли включенными в собрание сочинений критика также и рецензии, не отмеченные в его экземпляре? Оказалось, что в IV томе такие рецензии имеются.

Обратимся к анализу их содержания, чтобы разрешить возникшее сомнение. Первой по порядку является рецензия на «Способ к распространению шелководства» Я. Юдицкого. Некомпетентность Белинского в вопросах шелководства, конечно, не может сама по себе являться поводом для сомнений в его авторстве. Критику приходилось давать отзывы на книги самого разнообразного и специального содержания. Этот аргумент тем менее был бы применим к данному случаю: автор рецен-

* № рецензии 318 («Очерки Бородинского сражения») подчеркнут ногтем.

зии не касается содержания книги по существу, а рассматривает ее только с точки зрения грамотности.

Наши сомнения в принадлежности рецензии Белинскому находят дополнительное обоснование в двух следующих обстоятельствах. Первое из них отметил еще Венгеров. В рецензии есть фраза: «Это похоже на человека, который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, и не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе». К приведенным словам Венгеров, у которого, однако, не возникло, в этой связи, сомнения в принадлежности рецензии Белинскому, сделал следующее примечание: «Даже о том, как надо сидеть в „порядочном" обществе, заботится теперь Белинский! Вспомните, как досталось за светские заботы Вяземскому». Венгеров имеет тут в виду рецензию на 2-ю книжку «Современника» (III, 60). Действительно, Белинский резко осуждает и высмеивает в этом отзыве «светские» притязания Вяземского. «Милостивые государи,— иронически восклицает критик, — умейте садиться в кресла, будьте в гостиной, как у себя дома — все это прекрасно, все это делает вам большую честь; видя, с каким искусством садитесь вы в кресла, с какою свободою любезничаете в гостиной, мы готовы рукоплескать вам: но какое отношение имеет все это к литературе? Ужели умение садиться в кресла и свободно говорить в гостиной есть патент на талант литературный или поэтический...» и т. д. Разумеется, забота о манерах для «порядочного общества», сказавшаяся в первой цитате, плохо согласуется с подлинными взглядами на этот счет «великого плебея» Белинского,— взглядами, столь ярко выраженными в упомянутой нами статье о 2-й книжке «Современника».

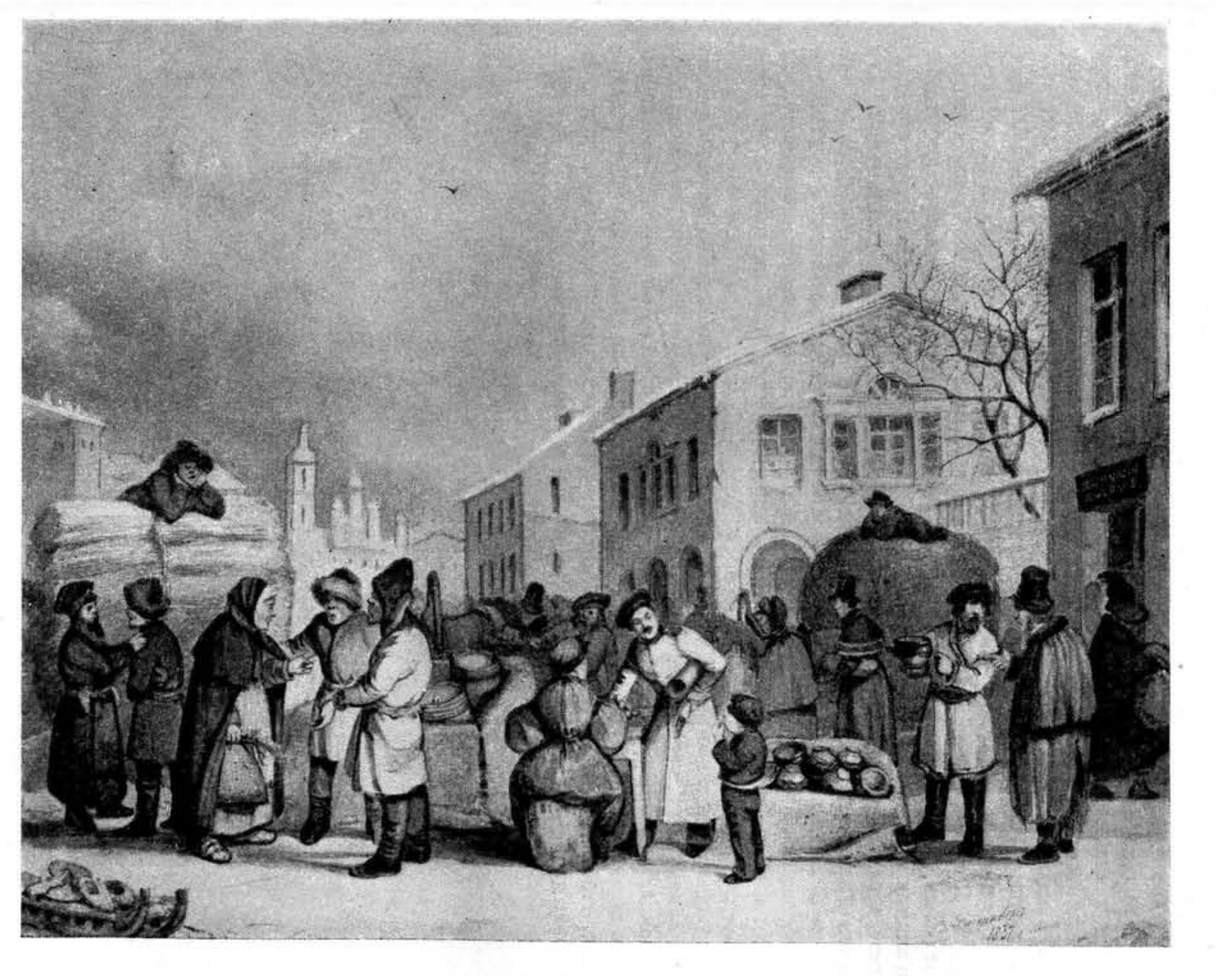
Укажем на второе противоречие. В рецензии на «Способ к распространению шелководства» читаем: «Французы лучше других поняли эту практическую истину. Правила языка их приведены почти в математическую точность; знание своего языка и умение правильно и свободно выражаться на нем и словесно и письменно у них одно из первых условий образования, точно так же, как светскость, хороший тон. Поэтому если француз пишет нехорошо — это не от неумения, а от претензий на выспренность или от сбивчивости в понятиях. Хорошее везде хорошо, и подражать хорошему очень похвально. Жаль, что у нас в литературе перестали в этом подражать французам...» Возникает вопрос: можно ли приписать Белинскому периода его «французоедства» эту апологию французам и французскому языку и призыв подражать им? Ведь незадолго до того (в примечании к статье «Гамлет принц Датский») Белинский утверждал нечто совсем противоположное: «Французский язык, этот бедный, жалкий язык, имеет необыкновенную способность опошливать все, что не водевиль или не громкие фразы,— две крайности, составляющие жизнь француза» (III, 342).

Таковы сомнения, возникающие по поводу первой рецензии.

Обратимся ко второй рецензии: «Собрание рецептов парижских больниц... соч. Ф. С. Ратье».

Перепечатав из «Отечественных записок» всю статью о Ратье, Венгеров в примечании к ней указывает, что в издание Солдатенкова текст рецензии вошел не полностью, без второй его половины, и замечает: «Странно, что Белинский взялся писать о такой крайне специальной книжке. Однако сомневаться в том, что рецензия действительно принадлежит Белинскому, никак нельзя, ввиду того, что она на этот раз не только указана в галаховских рукописных списках, но и на свежей памяти и Галахова, и Каткова, и Кетчера внесена в солдатенковское издание. Может быть, Кетчер, врач по профессии, давал Белинскому нужные указания?»

Не менее странно, заметим мы от себя, что Венгерову осталось неизвестным письмо Краевского к Панаеву, которое последний цитирует в своих известных воспоминаниях о Белинском. Это письмо имеет прямое отношение к рецензии на «Рецепты парижских больниц» и содержит в себе полное разрешение вопроса: «Виссариону Григорьичу низкий поклон и благодарение за статьи его. В статье о „Бородинской годовщине" Никитенко выкинул два места. Прочее все осталось так, как было, кроме отзыва о Жуковском, который я посмягчил. Статья о книге доктора Ратье также изменена мною, потому что один из здешних дельных врачей доставил мне о ней статью: ведь мы с Виссарионом Григорьевичем в этом деле профаны, надо верить



СЕННОЙ РЫНОК В ПЕТЕРБУРГЕ
Акварель В. И. Штернберга, 1837 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

тому, кто лучше знает...» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, СПб, 1876, стр. 255).

Таким образом, выясняется, что рецензия на книгу Ратье первоначально была написана Белинским, но потом «изменена» Краевским,— точнее — совмещена со статьей какого-то «дельного врача». Становится понятным, почему Кетчер, безусловно посвященный в эти обстоятельства, ввел в редактировавшееся им собрание сочинений Белинского только начало рецензии, имеющее в себе, надо заметить, все характерные признаки авторства Белинского, которых лишена остальная, опущенная им часть текста. Понятно также, почему Краевский не отметил в посланном Белинскому экземпляре «Отечественных записок» эту рецензию как принадлежащую критику: был напечатан текст, в основном, другого автора.

Последняя рецензия, оставшаяся не отмеченной среди других рецензий в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г., это отзыв о переводе на французский язык поэмы «Чернец» Козлова: «Le moine, histoire kiovienne». Венгеров замечает в примечании: «Этот отзыв уже свидетельствует не просто о знании <Белинским> французского языка, но о знании тонком и чутье языка» (IV, 542). Наблюдение верное. Но именно справедливость его и заставляет усомниться в том, что разбор французской книжки был поручен Галаховым Белинскому: из всех трех московских рецензентов «Отеч. записок» Белинский, безусловно, слабее всех знал французский язык. С другой стороны обращает на себя внимание отсутствие в рецензии каких-либо выпадов против французов и французского языка, столь характерных для Белинского этой поры (см. выше).

Мы поделились в настоящей заметке некоторыми соображениями, возникшими по поводу обнаруженных нами пометок в принадлежавшем лично Белинскому экземпляре VI тома «Отечественных записок» за 1839 год. Не претендуя на какую-либо категоричность в выводах, мы, тем не менее, думаем, что привели достаточно убедительные доводы, чтобы поставить под серьезное сомнение авторство Белинского для трех рецензий, давно уже входящих в собрание сочинений критика.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ В. Г. БЕЛИНСКОГО С Т. Н. ГРАНОВСКИМ, П. Н. КУДРЯВЦЕВЫМ, М. С. КУТОРГОЙ И Н. В. СТАНКЕВИЧЕМ

Публикации М. Барановской, Н. Мордовченко, В. Сорокина и Н. Эфрос

Письма Белинского впервые были объединены с максимальной для своего времени полнотою (свыше трехсот) в трехтомнике, вышедшем в свет в 1914 г. под редакцией и с примечаниями Е. А. Ляцкого.

В основу этого издания положен был фонд писем великого критика, собранных (в оригиналах и в очень тщательных копиях) А. Н. Пыпиным в процессе его работ над книгою «Белинский, его жизнь и переписка» (1876). Не проводя специальных архивных разысканий, Е. А. Ляцкий дополнил коллекцию Пыпина всеми публикациями писем Белинского в журналах, газетах и в основных историко-литературных изданиях с 1855 по 1914 гг. Весь этот круг печатных источников был обследован настолько внимательно, что пропусков в трехтомнике почти не оказалось. Больше того, те немногие публикации писем Белинского, отсутствие которых в трехтомнике мы считаем сейчас пробелом, самим Ляцким не учитывались, возможно, по принципиальным соображениям. Так, например, письма Белинского к С. Т. Аксакову от 10 марта и 22 октября 1838 г., опубликованные В. Е. Якушкиным («Русская старина», 1900, кн. V, стр. 417 и 422), Е. А. Ляцкий, видимо, рассматривал не как письма обычного типа, а как официальные документы. Так, несколько строк из письма Белинского к Н. М. Сатину о Лермонтове, которые сам Н. М. Сатин цитировал в своих воспоминаниях (сб. «Почин», М., 1895, стр. 240), Е. А. Ляцкий мог считать не точной цитатой, а позднейшей мемориальной записью.

За тридцать пять лет, отделяющих нас от издания Е. А. Ляцкого, в научный оборот вошло очень мало неизвестных ранее писем Белинского (всего 10). В этом отношении не оправдались надежды исследователей и на архивы, открывшиеся после Октябрьской революции.

Политическая репутация Белинского, с одной стороны, и самый характер его корреспонденции — с другой, обусловили, видимо, уничтожение писем критика их получателями еще при жизни самого отправителя или сразу же после его смерти, в условиях цензурно-полицейского террора между революцией 1848 г. и Крымской войной.

Не случайно мы совершенно не располагаем письмами Белинского к его ближайшим друзьям за время становления кружка Станкевича, за годы работы критика в «Телескопе» и в «Молве».

Письма эти были полностью уничтожены еще осенью 1836 г., в пору привлечения Белинского к дознанию об обстоятельствах появления в журнале Надеждина знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева.

«Думаю, что безошибочно могу указать, что бумаги Надеждина (редактора «Телескопа») находятся в руках некоего Билинского, его сотрудника по журналу, который и заменял его во время его отсутствия и который, вероятно, и есть его самое доверен-

ное лицо»,— писал 27 октября 1836 г. министр народного просвещения и начальник Главного управления цензуры С. С. Уваров начальнику III Отделения и шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. После доклада об этом императору Николаю, Бенкендорф сделал на письме Уварова отметку: «Государь приказал, дабы к⟨нязь⟩ Голицын немедля велел бы схватить все бумаги В. Билинского, обыскав бдительно и узнав, не спрячены ли у кого-либо другого, за что впоследствии времени Билинский строго бы отвечал» (цитируем по подлиннику из архива Пушкинского дома; ср. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 416).

Белинский и его друзья во-время были предупреждены об этом Я. М. Неверовым, работавшим в аппарате С. С. Уварова («Переписка Станкевича». М., 1914, стр. 621; «Русская мысль», 1911, кн. VI, стр. 43), чем и объясняется, кстати сказать, тот факт, что при задержании Белинского 15 ноября в его бумагах уже «ничего сумнительного не оказалось».

Прошло двенадцать лет. Вызов Белинского 20 февраля 1848 г. в III Отделение прозвучал и для него самого и для его друзей предостережением гораздо более грозным, чем паника в общественно-литературных кругах в момент ликвидации «Телескопа».

«Стоит только вспомнить начало 1848 года и репрессивные меры, принятые у нас вслед за февральской революцией в Париже,— отмечал в своих воспоминаниях Н. Н. Тютчев,— чтобы понять, какое впечатление должно было произвести неожиданное и загадочное появление жандарма в квартире Белинского» («Письма», III, 450).

Этот переполох имел в виду Некрасов, рассказывая в своем письме к Н. Х. Кетчеру о том, как «беспощадно, но весьма основательно» Белинский «жег перед смертью своею все, что казалось ему делом молодости и вертопрашества» («Записки Отдела рукописей Всес. библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940, стр. 11). Новая «чистка» обусловила гибель важнейших фондов переписки Белинского петербургской поры. А все то, что могло уцелеть после этих двух пересмотров бумаг и писем великого критика, его корреспондентам пришлось спешно уничтожить в 1849 г., когда на процессе петрашевцев неожиданно всплыло, как основной документ обвинения, зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, когда стало известно, что за распространение этого письма выносились смертные приговоры, что за недонесение о нем угрожали каторжные работы.

Полностью уничтожены были, вероятно именно в это время, письма Белинского к Грановскому, Галахову, Коршу, Огареву, Некрасову, Кронебергу, Н. Н. Тютчеву, А. А. Комарову, М. А. Языкову, большая часть писем к Герцену (они хранились в Москве), Кетчеру, Кавелину, Кудрявцеву, Панаеву, Щепкину.

Политически компрометировал, с точки зрения органов государственной охраны, уже самый факт знакомства с Белинским, даже в пору его молодости. Не случайно, когда в бумагах Н. М. Сатина, арестованного в феврале 1850 г., обнаружены были два старых письма Белинского, ему предложен был на следствии специальный «вопросный пункт»: «Объясните подробно, по какому случаю вы были знакомы со столь безнравственным человеком, каким был Белинский, который во всю жизнь свою действовал и рассуждал вопреки правительству, вере и совести» («Красная новь», 1936, кн. VII, стр. 231).

Всем сказанным достаточно объясняются более чем скромные результаты, которые были получены в итоге организованных редакцией «Литературного наследства» специальных поисков неизданных эпистолярных материалов, относящихся к Белинскому, несмотря на то, что поиски эти велись во всех основных архивохранилищах страны.

В настоящем томе публикуются письма Белинского к М. С. Куторге (1) и П. Н. Кудрявцеву (1) и письма к Белинскому Н. В. Станкевича (1), Т. Н. Грановского (1) и совместное письмо Т. Н. Грановского и Н. В. Станкевича (1).

Во втором томе настоящего издания печатаются обширная переписка Белинского с родными и выборочная публикация 80 писем современников о Белинском.

Редакция

СПб. 1846, марта 26. Драгоценнейший Петр Николаевич. Тысячекратно благодарю вас за дружескую готовность снабдить меня самою повестью, спешу уведомить вас, что мой альманах стоит особо, а что, след., если вы пошлете повесть, то [illegible] вашего безымянца о том, что опоздаете. Если же не пошла, то вышлите поскорее. Всякий раз, как я узнаю что-нибудь о вас, то и знайте, что обо мне вы кое-что узнаете через Анненкова. Что вы, как вы? Да хранит вас судьба от скорпионов [illegible] шеллингианизма, пиэтистицизма — а главное, что лучше всего, надеюсь, что вы здоровы и бодры телом и духом. Затем, не имея ничего более писать, желаю вам всего хорошего. Жена моя, ее сестра вам усердно кланяются, а за мою дочь, по причине ее малолетства и бессловесности, кланяюсь вам я, равно как и за себя. Ваш В. Б.

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К П. Н. КУДРЯВЦЕВУ ОТ 26 МАРТА 1846 г.
Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

Н. В. СТАНКЕВИЧ — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

‹Москва, середина апреля 1837 г.›

Любезный Белинский! Я хотел писать к Мише. Начал, вставил немецкие фразы: но все это будет подозрительно. Напиши лучше ты ему, сделай милость, несколько строк. Иван сей час отнесет на почту,— но не выкидай из головы, что письмо твое может попасть в чужие руки. Вот [тема] главное: 1. если он не выехал и ему нужны деньги (может он в дороге), то ты нашел их — пусть скорей напишет. [Если] 2. Что меня доктор гонит в деревню, требовал сначала, чтобы я выехал на святой, сердится и говорит, что я должен выехать из Москвы не позже как в последних днях святой или на Фоминой, если не хочу еще заболеть. Что [я впрочем] [если ты не ошибся, то я говорил, что] я е щ е р а з б у д у в Москве [для паспорта и публикации] проездом, но [теперь жду] все-таки не хочу уехать, не видав его; хочу услышать от него про их семейство, поговорить и пр. Что он должен здесь быть [не позже] на Святой, ибо мне неизбежно выехать в воскресенье на Фоминой, но если Варв‹ара› Алекс‹андровна› и Саша не поправились, делать нечего — увижусь с ним позже. [Пусть‹?› говорит, что я буду в Москве].

Твой С‹т а н к е в и ч› [не забудь о публикации]

Приписка сверху: Как дела твои?

Автограф (черновой). ГИМ. Ф. 351 (Письма Н. В. Станкевича к разным лицам) № 55, л. 190.

Публикуемая по черновику записка Н. В. Станкевича к Белинскому, без даты, несомненно, связана с пребыванием М. А. Бакунина (М и ш и) в Прямухине весной 1837 г. Это устанавливается сопоставлением записки с письмами Станкевича того же периода, в которых, как и здесь, говорится о болезни, перенесенной Станкевичем великим постом 1837 г., о предполагаемой поездке его в деревню на Фоминой неделе и в дальнейшем для лечения — за границу (ср. письма к Л. А. Бакуниной от 15 марта 1837 г. и к Я. М. Неверову от 25 марта и 5 апреля 1837 г.— «Переписка Н. В. Станкевича.

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ Н. В. СТАНКЕВИЧА К БЕЛИНСКОМУ ОТ СЕРЕДИНЫ АПРЕЛЯ 1837 г.

Исторический музей, Москва

Н. В. СТАНКЕВИЧ
Рисунок неизвестного художника, 1837 г.
Исторический музей, Москва

1830—1840» М., 1914, стр. 521, 373, 378). Выехав в Прямухино 1 апреля 1837 г., Бакунин уже 17-го того же месяца вернулся в Москву (см. письмо Станкевича к Я.М. Неверову от 1 апреля 1837 г.— цит. соч., стр. 376, и письмо Бакунина к сестрам от 24 апреля 1837 г. в издании: М. А. Бакунин. Собр. сочинений и писем. Т. I, М., 1934, стр. 523). Таким образом, записка датируется серединой апреля 1837 г.

Содержание документа вполне объясняется обстоятельствами, вызвавшими указанное посещение Бакуниным Прямухина. По словам Белинского, Бакунин ездил туда «вследствие самой святой потребности своей души» («Письма», I, 117), т. е. для «борьбы за освобождение сестры Вареньки» (Варвары Александровны, в замужестве Дьяковой) из-под власти мужа. История этой борьбы подробно описана в известной книге А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина» (М., 1915). Бакунин, со свойственной ему страстностью, добивался, вопреки воле родителей, развода сестры, чем и навлек на себя их гнев. В Прямухине создалась крайне напряженная обстановка. Ею и вызвано опасение Станкевича, как бы письмо Белинского, адресованное Бакунину, не попало в «чужие руки»— подразумевается, вероятно, в руки его отца, А. М. Бакунина.

Что касается Станкевича, то он, будучи, как известно, женихом другой сестры Бакунина — Л. А. Бакуниной, в свою очередь, возбудил недовольство стариков Бакуниных, затягивая официальное оформление своего жениховства. К описываемому моменту отношения особенно обострились. Высказанная же Станкевичем готовность оказать В. А. Дьяковой денежную помощь и облегчить ей уход от мужа, должна была еще усилить раздражение родителей. Эти обстоятельства, очевидно, и удержали Станкевича от посылки письма в Прямухино и заставили его просить о том Белинского («напиши лучше ты ему»). Чтобы скрыть свою роль в деле, Станкевич внушает Белинскому необходимость конспирации. «Если... ему <Бакунину> нужны деньги, то ты нашел их». Исполнил ли Белинский его просьбу, не установлено. Позднее, в письме от 16 августа 1837 г., укоряя Бакунина за легкомыслие в денежных вопросах, Белинский вспоминал: «Уезжая в Прямухино... ты бросаешься то к тому, то к другому, чтобы достать нужную для поездки сумму. Приезжаешь также на заем...» («Письма», I, 117).

Упоминаемые Станкевичем лица: Иван, вероятно, его брат Иван Владимирович, Варвара Александровна — В. А. Дьякова, Саша — маленький сын Дьяковой.

Подчеркнутая в тексте фраза: «Я еще раз буду в Москве» означает — перед отъездом за границу. Станкевич думал, что маршрут его должен лежать через Москву (ср. письмо к Я. М. Неверову от 1 апреля 1837 г.— «Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840», М., 1914, стр. 376).

Вычеркнутые слова: «для паспорта и публикации» — имеют в виду получение заграничного паспорта и помещение обязательного в те годы, при выезде за рубеж, объявления об этом в печати.

Письма Станкевича к Белинскому сохранились не полностью. До сих пор в печати были известны лишь 12 из этих писем.

Н. Эфрос

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ и Н. В. СТАНКЕВИЧ — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

1 ноября / 20 октября ⟨18⟩38 ⟨г.⟩ Берлин

Рукою Т. Н. Грановского:

Вчера получили мы письмо твое, любезный Белинский. О впечатлении, которое произвела на Станкевича печальная весть, говорить нечего. Ты можешь это понять и без рассказов. Благодаря бога, он теперь здоров, довольно спокоен духом и потому перенес удар гораздо лучше, нежели я ожидал. Несколько месяцев тому назад это известие, вероятно, убило бы его.

Ее смерть была для всех нас страшною неожиданностью. О такой развязке никто не думал, а между тем, другая едва ли была возможна. Один из двух должен был очистить своею смертию жизнь другого. Разумеется, что это не утешение.

Насчет Станкевича не беспокойтесь: он спокоен и не пишет сам потому, что занят письмами к отцу и Вульферту. Мне поручил он просить тебя не лениться: уведомь его обо всем, что теперь делается в Прямухине. Что ее сестры, родители, Мишель? Не скупись на подробности. Для Станкевича все это очень важно и положение дел в Прямухине его очень тревожит. Отчего Мишель не написал ему до сих пор ни полстроки? Где он теперь?

Признаюсь, у меня камень свалился с сердца, когда я прочел в письме твоем, «что тайна осталась для нее тайною». Если бы не это, то потеря была бы несравненно ужаснее — и я не знаю что бы было тогда с Станкевичем. Теперь он плачет только о ее смерти. Вчера я попросил его показать мне ее последнее письмо к нему. Он вынул его из ящика; в письме — засохшие цветы, присланные ею. Я также заплакал, хотя вообще не богат на слезы. —

Вчера по утру приехал сюда Вердер; его теплое, чисто человеческое участие в скорби Станкевича благодетельно действует на него. Он лучше нас понимает жизнь. Говорит, что он предвидел подобный конец: «потому что из писем ее ему веял дух другой жизни». Это правда. Припоминая все, что он прежде говорил нам, я вижу, что он давно имел это предчувствие, хотя и не хотел его ясно высказать.

Пиши же. Твои письма всегда доставляли большое удовольствие Станкевичу; теперь они для него нужны. Пиши обо всем — о себе, о Наблюдателе, об общих приятелях. Кстати, о Наблюдателе — не хочешь ли взять меня в сотрудники?

Может быть что-нибудь пришлю, а в июле будущего года приеду сам в Москву. Кланяйся Ивану Владимировичу, Клюшникову.

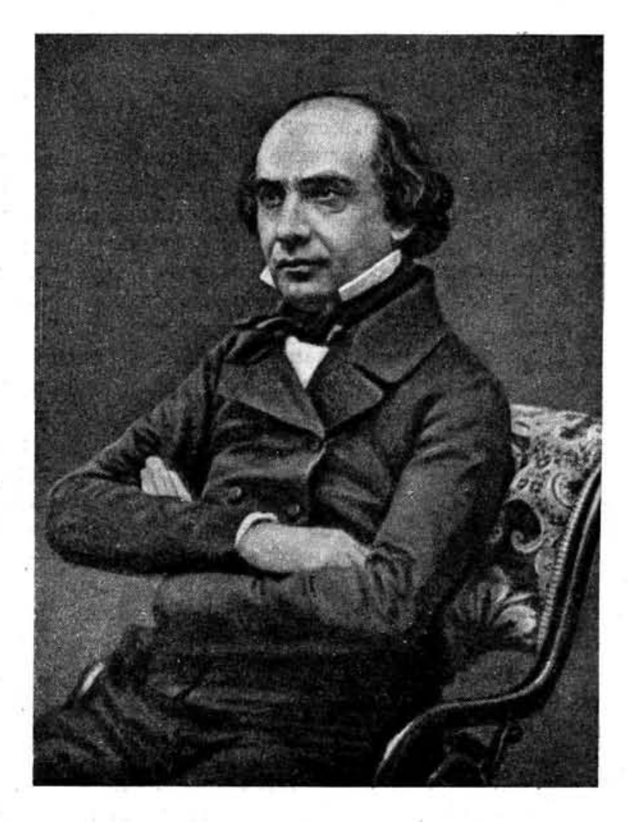
От всей души преданный тебе

Грановский

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Фотография Бергнера 1850 г. с дагерротипа конца 1840-х гг.

Собрание М. Ю. Барановской, Москва



Разберешь ли мое писание? Пишу железным пером у Станкевича. Так как он держит письменный прибор только для посетителей, то все это в страшном беспорядке.

Он припишет сам несколько слов.

Рукою Н. В. Станкевича:

Благодарю, друг Виссарион, благодарю! Твое письмо, несмотря на известие, которое оно сообщает, было для меня спасительно. Ты собрал в нем все, что могло утешить меня. — Вы слишком много за меня боялись: смерть ее [для меня] наполнила меня грустью, но не отчаянием. Она оживила во мне ее образ, сделавшийся страшным сном. Я представляю себе все обстоятельства, все, что сопровождало ее в жизни, и мысль, что она не существует, заставляет меня плакать. — Я не снимаю вины с себя, хоть слова: «тайна осталась тайною», сняли половину горя с души. Наш добрый друг Вердер говорит мне: «если разум оправдает вас, сердце не может расстаться с сознанием вины — иначе в нем нет любви» и я сознаю ее. Этот период жизни отрезан, вечное воспоминание будет лежать над другим — дай бог, чтобы в нем было что-нибудь кроме воспоминания. Я пишу к отцу и Карлу. Грановский писал тебе, что̀ мне нужно. Пиши смело о состоянии семейства, о Мише, о Бееровых, сегодня мне некогда.

Твой друг Станкевич

Автограф. ГИМ. Фонд 345, № 1, лл. 1—2 об. Первая половина письма, написанная Т. Н. Грановским, печатается впервые; вторая, принадлежащая Н. В. Станкевичу, опубликована в издании: «Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840», М., 1914, стр. 417—418. Дата письма — рукою Н. В. Станкевича.

Публикуемое письмо написано в Берлине во время пребывания там Т. Н. Грановского и Н. В. Станкевича и касается истории отношения Белинского к роману Станкевича с Л. А. Бакуниной.

Н. В. Станкевич в начале 1837 г. сделал предложение сестре М. А. Бакунина, своего близкого друга и деятельного члена кружка. Трудный роман Станкевича, полный сомнений «в истинности чувства», длился в течение трех лет. Уже после того как Бакунина стала официальной невестой Станкевича, его вновь охватили сомнения в его чувстве. Мучительный разлад совпал с обострением его болезни. Врач Станкевича, И. Е. Дядьковский, настоял на немедленном отъезде больного в Карлсбад. Станкевич, воспользовавшись действительно тяжелой болезнью, поспешил уехать «...или, вернее, бежать от предмета своей любви за границу, формально не разрывая своих отношений, не простившись, не повидавшись перед разлукой, потому что при личном свидании он не мог бы скрыть того, что происходило в его сердце» (А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, стр. 303 и 309).

Путешествуя по городам Европы, Станкевич переписывался с Бакуниной, скрывая от нее истинное положение вещей. Белинский очень любил Бакунину. Отношение к ней Станкевича глубоко возмущало Белинского, не находившего оправдания своему другу: «Как — быть виною несчастья целой жизни совершеннейшего и прекраснейшего божьего создания,— писал он М. А. Бакунину.— Посулить ему рай на земле, осуществить его святейшие мечты о жизни и потом сказать: я обманулся в своем чувстве, прощайте. Этого мало: не сметь даже и этого сказать, но играть роль лжеца, обманщика, уверять в... боже мой!..» («Письма», I, 109—110).

Бакунина умерла 6 августа 1838 г. За несколько недель до ее смерти Станкевич писал Грановскому: «... нет, брак не по любви есть лицемерство. Пожертвование прекрасно, но оно должно быть истинно. Сколько святости, прекрасного, душевного развития имеет Любинька Бакунина. Я вправе спрашивать себя: почему ты ее не любишь? Не есть ли это следствие твоей испорченности? Трудно отвечать на такой вопрос; но от этого не больше любви в моем сердце, и я остаюсь при прежнем решении, закрывая глаза перед следствиями» («Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840». М., 1914, стр. 453—454: письмо из Ахена от 25 июля 1838 г.).

Белинский, узнав о смерти Бакуниной, написал ее брату: «У меня были утраты в жизни и много могил представляется моему воображению в часы грустного раздумья, но истинную, действительную потерю я перенес только одну — она общая с тобою и со всем твоим семейством» (там же, стр. 216).

Белинский первый сообщил Станкевичу о смерти Любови Александровны. Она умерла, продолжая считать себя невестой Станкевича. Белинский писал: «...В первый раз письмо к тебе для меня тяжелый долг. Я бы и не стал совсем писать, но вижу, что кроме меня этого сделать некому. Приготовься услышать печальную весть: ее больше нет: она умерла... спокойно и тихо. Катастрофы не было: тайна осталась для нее тайною...» (там же, стр. 257—258).

Публикуемое письмо Грановского с припискою Станкевича и является ответом на цитируемое письмо Белинского от октября 1838 г. В письме упомянуты:

Карл — Карл Антонович Вульферт, муж старшей сестры Н. В. Станкевича.

Сестры Бакунины — Варвара Александровна, в замужестве Дьякова, Татьяна Александровна и Александра Александровна, в замужестве Вульферт.

Вердер — Karl Werder (1808—1893), немецкий философ-гегельянец и поэт с 1834 г.— профессор Берлинского университета. Был хорошо известен в кругах московской интеллигенции 40-х годов. Грановский и Станкевич, а также И. С. Тургенев были его слушателями и личными друзьями.

Наблюдатель — журнал «Московский наблюдатель», неофициальным редактором которого в 1838—1839 гг. был Белинский.

Иван Владимирович — младший брат Н. В. Станкевича.

Клюшников — несомненно Петр Петрович Клюшников, врач, брат Ивана Петровича, известного члена кружка Станкевича. Сообщая Станкевичу о смерти Л. Бакуниной, Белинский писал: «За месяц до смерти Петр Клюшников лечил ее. Он говорит, что для спасения ее опоздали пригласить его целым годом» («Письма», I, 258). Самая поездка П. П. Клюшникова в Прямухино для лечения Л. Бакуниной была предпринята по просьбе Белинского («Письма», I, 201).

М. Барановская

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО к М. С. КУТОРГЕ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1840 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

В. Г. БЕЛИНСКИЙ — М. С. КУТОРГЕ

‹Петербург 30 декабря 1840 г.›

Любезнейший Михаил Семенович, виноват перед вами — без вины виноват, как говорит многознаменательная русская поговорка. Я Кр‹аевско›му все сказал, как следует, и он оставил у себя ваш адрес; я думал, что он уже и переговорил с вами, — как вдруг получил вашу записку третьего дня. Опять к нему, — и он просит и умоляет вас повидаться с ним на другой день нового года, потому что теперь он занят до того, что не находит времени пообедать: в 2 недели должен он приготовить книжку журнала, которая едва успевала печататься в четыре недели. На другой день нового года, по утру, книжка выйдет, и вечером А. А. ‹Краевский› свободен, и это будет первый вечер, после целого месяца, в который он свободен.

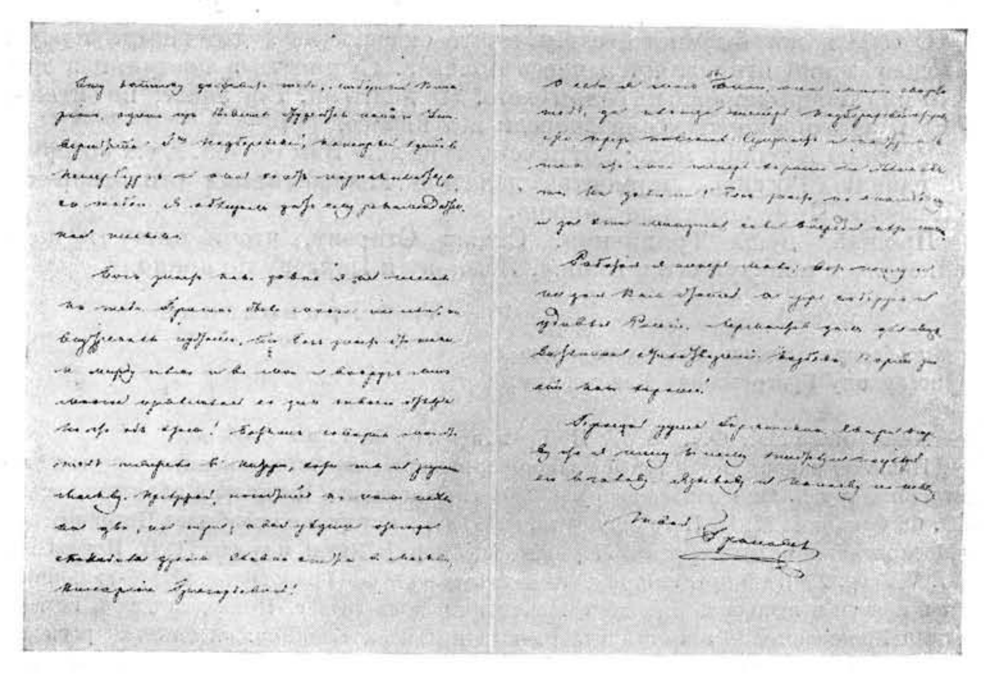
Ваш покорный слуга В. Белинский

СПб., 1840, декабря 30.

Автограф. ИЛИ АН СССР. Ф. 357 (собрание В. И. Яковлева), оп. 2, № 21.

Михаил Семенович Куторга (1809—1886) — профессор Петербургского университета по кафедре всеобщей истории с 1835 по 1869 г. Непосредственный преемник Гоголя по кафедре, М. С. Куторга был выдающимся ученым, специалистом преимущественно по древней и средней истории. Впоследствии одним из университетских слушателей М. С. Куторги был Чернышевский. С конца 30-х годов М. С. Куторга изредка

М. С. КУТОРГА
Фотография 1860-х гг.
Литературный музей, Москва



АВТОГРАФ ПИСЬМА Т. Н. ГРАНОВСКОГО К БЕЛИНСКОМУ ОТ МАЯ 1841 г.
Исторический музей, Москва

печатал свои работы в литературных журналах. Так, известны его «Исторические воспоминания путешественника. Версаль» («Отеч. зап.», 1839, т. VI, № 10) и «Исторические очерки Людовика XIV» («Современник», 1843, т. XXIX). Последнюю работу Белинский в своем обзоре «Русская литература в 1843 году» назвал «лучшей ученой статьею „Современника“, равно как и одной из лучших учено-беллетристических статей во всей прошлогодней журналистике» («Отеч. зап.», 1844, т. XXXII, № 1; ср. Полн. собр. соч. Белинского, т. VIII, стр. 414). Можно предполагать, что переговоры с редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским, которых М. С. Куторга добивался через посредство Белинского и о которых идет речь в публикуемой записке, касались, очевидно, намерения М. С. Куторги напечатать в «Отечественных записках» какую-либо из своих статей. Однако никаких работ М. С. Куторги после 1839 г. на страницах «Отечественных записок» не появлялось, а письма М. С. Куторги к А. А. Краевскому, которые могли бы осветить историю их отношений, до нас не дошли.

В кругу корреспондентов Белинского имя М. С. Куторги до сих пор не было известно.

Н. Мордовченко

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

<Москва, май 1841 г.>

Эту записку доставит тебе, любезный Виссарион, один из бывших студентов нашего Университета г-н Подберезский, который едет в Петербург и очень хочет познакомиться с тобою. Я обещал дать ему рекомендательное письмо.

Бог знает как давно я не писал к тебе. Причин было много: то лень, то внутренняя пустота, то бог знает что такое. А между тем и во мне и вокруг меня многое изменилось со дня твоего отъезда. Но что об этом! Боткин говорил мне, что тебе тяжело в Питере, хотя ты и ругаешь Москву. Приезжай погостить к нам недели на две, на три; авось уедешь отсюда спокойнее духом. Славно спится в Москве, Виссарион Григорьевич!

О себе я мог бы много, очень много сказать тебе, да некогда теперь. Подберезский отправляется через полчаса. Сущность и поступки в том, что мне теперь хорошо на белом свете. На долго ли? Бог знает; но спасибо ему и за эти минуты, если впереди нет ничего.

Работаю я теперь мало; вот почему и не даю Вам статей. А уж соберусь и удивлю Россию. Лермонтов дал для Москвитянина стихотворение «Казбек». Чорт знает как хорошо.

Прощай, душа Тряпичкин. Скажи Огареву, что я пишу к нему эпистолу и поцелуй его в голову. Языкову и Панаеву по поклону.

Твой Грановский

На обороте письма: Его благородию Виссариону Григорьевичу Белинскому.

Автограф. ГИМ. Ф. 345 (Т. Н. Грановского). № 1, лл. 5—6 об.

Письмо Грановского не датировано в оригинале, но установление его даты не составляет труда. Оно написано в мае 1841 г. Основанием датировки является письмо Ю. Ф. Самарина М. П. Погодину от мая 1841 г., в котором он сообщает Погодину для «Москвитянина» стихотворение Лермонтова «Спор» («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. VI, стр. 236). «Спор», или, как его называет в письме Грановский, «Казбек» появился в печати в июньской книжке «Москвитянина» за 1841 г. Приведем здесь, кстати, отзыв Белинского об этом стихотворении в письме к Боткину: «...Сколько роскоши в „Споре Казбека с Эльбрусом", хотя в целом мне и не нравится эта пьеса и хотя в ней есть стиха четыре плохих» («Письма», II, 252).

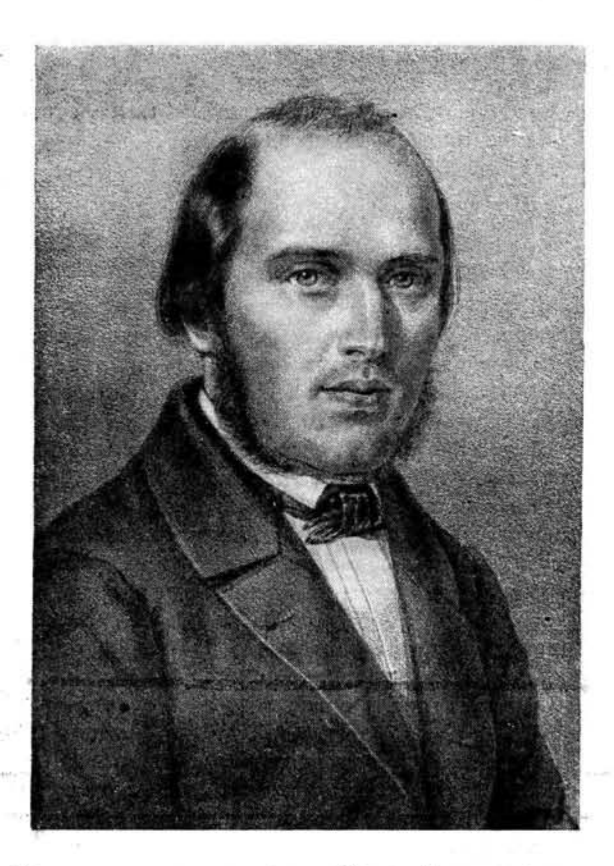
Отношение Грановского к Белинскому многократно освещалось в биографических и историко-литературных работах, хотя и далеко не всегда объективно. Подобно большинству выдающихся современников, Белинский в полной мере испытал на себе силу огромной личной обаятельности Грановского и признавал значительность роли, сыгранной его знаменитыми лекциями в пропаганде либеральных идей в русском обществе. Но это не мешало Белинскому со всей отчетливостью понимать, что в идейно-политическом отношении он и Грановский находились к началу 40-х годов в двух противостоящих друг другу общественных лагерях. Личные отношения сохранялись и попрежнему носили дружеский характер, но менее всего означали идейное единомыслие. Так, еще 29 сентября 1839 г. Белинский писал Н. В. Станкевичу: «Приезд Грановского и письмо твое наполнили меня тобою... Грановский есть первый и единственный человек, которого я полюбил от всей души, несмотря на то, что сферы нашей действительности, наши убеждения (самые кровные)— диаметрально противоположны; так что белое для него черно для меня, и наоборот» («Письма», III, 337—338).

В первое время после переезда из Москвы Петербург производил на Белинского гнетущее впечатление. Грановский сообщал об этом Станкевичу 18 февраля 1840 г.: «... от Белинского вчера пришло письмо грустное и тяжелое. Ему не хорошо в Петербурге» («Т. Н. Грановский и его переписка». Т. II. М., 1897, стр. 383). Еще позднее, в начале 1841 г., В. П. Боткин вновь подтвердил отрицательное отношение Белинского к Петербургу, когда приехал в Москву в начале 1841 г. Но позднее Белинский не только примирился с Петербургом, но стал убежденным петербуржцем и не раз посмеивался над Москвой.

Приехав в мае 1848 г. в Петербург, Грановский 23 мая навестил Белинского. Об этом свидании он писал жене: «Был у Белинского. Он при последнем издыхании. Жена его сказала мне, что накануне моего приезда он был целый день в бреду и все говорил со мною. Он лежит в забытьи, но узнал меня, протянул мне руку, пожал мою и сказал: „Прощай, брат Грановский, умираю". Страшно и больно». («Переписка Т. Н. Грановского». Изд. 1-е. Т. II. М., 1897, стр. 273).

На другой день после смерти Белинского Грановский писал: «Белинский умер вчера. Сейчас отправляюсь к Тютчеву, где сговоримся, как похоронить его и что на первый случай сделать для его семейства. Он не оставил по себе ни гроша, буквально. Горько

П. Н. КУДРЯВЦЕВ
Литография 1850-х гг.
с рисунка Ф. Г. Торопова
Исторический музей, Москва



и страшно подумать об этой участи. Мы дали свои деньги на погребение. Скажи московским друзьям, чтобы и они готовили деньги. Вдове и детям Белинского нельзя просить подаяния» (там же, стр. 274).

Память о Белинском Грановский сохранял до конца своей жизни. По свидетельству А. В. Станкевича, содержащемуся в его рукописных, неизданных мемуарах, «Грановский радовался всякому, хоть и робкому воспоминанию о Белинском, всему, что в последнее время, хотя косвенно, напоминало в наших журналах об имени, которое хотели истребить в нашей литературе. Мысль о забвении замечательного лица была прискорбна душе Грановского» (Рукописный отд. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

О Подберевском, с которым Грановский переслал свое письмо Белинскому, ничего более не известно, кроме того, что его звали Василием Степановичем и что он окончил Московский университет по юридическому факультету в 1840 г. (Архив Московского университета в Моск. обл. архивн. управлении).

М. Барановская

В. Г. БЕЛИНСКИЙ — П. Н. КУДРЯВЦЕВУ

СПб. 1846, марта 26.

Дражайший Петр Николаевич. Тысячекратно благодарю вас за дружескую готовность снабдить меня вашею повестью. Спешу уведомить вас, что мой альманах выйдет осенью, и что след‹овательно›, если вы послали повесть, то [не беспокойтесь] вам нечего беспокоиться о том, что опоздаете. Если же не послали, то вышлите поскорее. Желал бы я узнать что-нибудь о вас, тем более, что обо мне вы кое-что знаете через Анненкова. Что вы, как вы? Да хранит вас судьба от сифилитического влияния шеллингианизма, пиэтистицизма [и неметчи‹ны?›], это пуще всего. Надеюсь,

что вы здоровы и обретаетесь в духе. Затем, не имея ничего более писать, желаю вам всего хорошего. Жена моя, ее сестра вам усердно кланяются, а за мою дочь, по причине ее малолетства и безграмотности, кланяюсь вам я, равно как и за себя.

Ваш В. Б‹елинский›

Автограф. Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова, Собрание П. Н. Кудрявцева.

Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858) — профессор Московского университета, ученик и приятель Т. Н. Грановского, в течение длительного времени являлся сотрудником тех изданий, в которых непосредственное участие принимал Белинский. Его литературная деятельность началась в 1836 г. в «Телескопе» (редактировавшемся в эту пору Белинским). Здесь напечатана его первая повесть «Катенька Пылаева». У Белинского в «Московском наблюдателе» он печатает и последующие повести («Две страсти», «Одни сутки из жизни холостяка»). Белинский высоко ценил талант Кудрявцева и видел в нем «глубокую и художественную натуру». В период деятельности Белинского в «Московском наблюдателе» повести Кудрявцева представлялись критику осуществлением принципа художественности и объективизма. В 40-х годах Белинский изменил свое отношение к ним. Он видит в повестях Кудрявцева отсутствие «всякого живого начала» («Письма», II, 270; III, 118). К марту 1845 г. Кудрявцев выехал за границу, где и пробыл до середины 1847 г. В эту пору Белинский ведет с ним оживленную переписку, из которой до сих пор были известны только 4 письма Белинского. Автографы этих писем в начале 900-х годов переданы были племянником Кудрявцева П. Копосовым в фундаментальную библиотеку Московского университета. Среди этих писем находится и публикуемое неизданное письмо Белинского к Кудрявцеву, относящееся ко времени пребывания последнего за границей. В этом письме идет речь об участии Кудрявцева в известном альманахе Белинского «Левиафан». Кудрявцев предназначал для альманаха повесть «Без рассвета». Вместе с другими материалами альманаха Белинский передал эту повесть в «Современник», где она и напечатана («Современник», 1847, кн. 1).

В этом письме особенно замечательно желание Белинского уберечь Кудрявцева от пагубного влияния шеллингианства и вообще немецкой идеалистической философии. Кудрявцев слушал лекции Шеллинга в Берлине, и Белинский считал необходимым в каждом письме напоминать, что это немецкий Шевырев, переживший самого себя («Письма», III, 119).

В. Сорокин

БИБЛИОТЕКА БЕЛИНСКОГО

БИБЛИОТЕКА БЕЛИНСКОГО

Предисловие и публикация Л. Ланского *

> Умножай свою библиотеку,—но не для того только, чтобы иметь много книг, но чтобы просвещать свой разум, образовывать сердце, чтобы творческими произведениями великих гениев возвышать свою душу...
>
> Из письма В. Г. Белинского к А. П. Иванову от 20 декабря 1829 г. («Письма» I, 7).

Библиотека Белинского, хранящаяся в музее И. С. Тургенева, в Орле, дошла до нас далеко не в полном объеме. Значительная и, возможно, самая важная часть ее утрачена. Как известно, вскоре после смерти Белинского, друзья покойного, желая помочь его семье, оставшейся без всяких средств к существованию, попытались разыграть в лотерею его книги. Однако III Отделение наложило veto на этот проект, усмотрев в нем попытку общественной демонстрации в память того, кто в глазах руководителей политической полиции самодержавия оказался слишком поздно разоблаченным «государственным преступником», вторым Рылеевым (см. Н. Н. Тютчев, Мое знакомство с В. Г. Белинским. — В кн.: «Письма Белинского». Т. III, 1914, стр. 451).

Возможно, что в этот момент острой нужды вдова критика, М. В. Белинская, оказалась вынужденной продать некоторые книги.

Осенью 1848 г. М. В. Белинская переехала на постоянное жительство в Москву. Библиотека осталась в Петербурге, — вероятно на попечении друзей покойного критика — Н. Н. Тютчева и М. А. Языкова. В 1852 г., во время ссылки И. С. Тургенева на родину за напечатание статьи о Гоголе, Н. Н. Тютчев был приглашен писателем управлять его имением и жил в Спасском-Лутовинове до 1853 г. Можно думать, что именно в это время Тургенев и приобрел библиотеку Белинского и что покупка была предпринята им по совету Н. Н. Тютчева, продолжавшего искать путей для оказания материальной поддержки семье Белинского. **

Во всяком случае, в 1853 г. библиотека Белинского составляла уже собственность Тургенева, хотя продолжала оставаться в Петербурге. В письме к П. В. Анненкову от 25 мая 1853 г. Тургенев пишет: «Даю Вам полное право распоряжаться по благоусмотрению Вашему купленною мною библиотекой, находящейся у Языкова» (ЦГЛА, Ф. 7, № 30. — Неизд.). Летом или ранней осенью 1854 г. библиотека была перевезена в орловское имение Тургенева. Она уже была

---

* Настоящая публикация продолжает изучение библиотеки Белинского, предпринятое редакцией «Литературного наследства» еще в 1934—1935 гг. Первые предварительные итоги этого изучения были тогда же изложены на страницах нашего издания в кратком суммирующем сообщении ныне покойного А. М. Путинцева (см. «Лит. наследство», М., 1935, № 19—21, стр. 603—616). Сейчас мы печатаем полное и научно комментированное описание библиотеки Белинского, которое выполнил Л. Р. Ланский. В консультации и библиографическом редактировании настоящей работы принял участие Н. С. Ашукин.— Ред.

** О денежных расчетах Тургенева с М. В. Белинской, затянувшихся до 1858 г., см. в книге: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. Academia, 1930, стр. 53, 57—58, 61, 67, 68, 82 и в сб. «Документы по истории литературы и общественности», вып. 2, М.—П., 1923, стр. 54—55. См. также И. А. Щепкин, Воспоминания об И. С. Тургеневе и селе Спасском. — «Исторический вестник», 1898, ч. LXXIII, стр. 914.

там, когда 22 сентября 1854 г. Тургенев вместе с Некрасовым приехал в Спасское-Лутовиново. Ознакомившись с библиотекой в первые же дни по приезде, Тургенев обнаруживает, что она дошла до него не полностью. 1 октября 1854 г. он пишет Анненкову: «Представьте, Библиотеку Б<елинского>, которую я нашел здесь, кто-то бессовестно ограбил: нет ни Гоголя, ни Пушкина, ни самых интересных годов «Современника» и «Отеч. записок» и т. д. и т. д. Это ужасно досадно. Помнится, я у Вас видал каталог этой библиотеки — пришлите мне его, пожалуйста, как можно скорее — он мне очень нужен» («Былое», 1925, № 1/19, стр. 83). Через неделю, 8 октября, он напоминает о своей просьбе через Некрасова: «Не забудь напомнить Анненкову о каталоге — и также не оставляй меня известиями» («Тургенев и круг „Современника"», Academia, MCMXXX, стр. 117). А еще через неделю, 15 октября, не получая ответа, он вновь обращается к Анненкову: «У Вас ли каталог библиотеки Белинского — выслали ли Вы его ко мне, как я Вас просил через Некрасова? Если нет, вышлите его, бога для, немедля» (ЦГЛА, Ф. 7, № 30.— Неизд.).

В письме от 11 октября 1854 г. Анненков отвечает Тургеневу на его первый запрос: «...На счет библиотеки жалобы, кажется, преувеличены. Помните у меня возле печки, на этажерке — связанные веревочкой книжки? Это все ваши, о которых, по привычке глаза, я совсем забыл. Тут много «Современника» и много №№ «Отечес<твенных> записок» (старых), которые и дополнят вашу коллекцию. По приезде сюда, так же легко, спросив у Языкова, найдете, кто взял Гоголя и Пушкина, а в этих я уж неповинен. Реестр точно у меня был, возился в Москву и, вероятно, остался у меня в деревне, куда с этой же почтой пишу об отыскании его в бумагах. Таким образом, все у вас восстановится» (ИЛИ АН СССР.— Неизд.). Некрасов, в свою очередь, сообщил Тургеневу 16 октября 1854 г.: «Видел нашего доброго <Анненкова.— *Л. Л.*>: каталог у него был, да кто-то взял и проч., т. е. каталога нет» (Н е к р а с о в, Собр. соч., V, М., 1930, стр. 193).

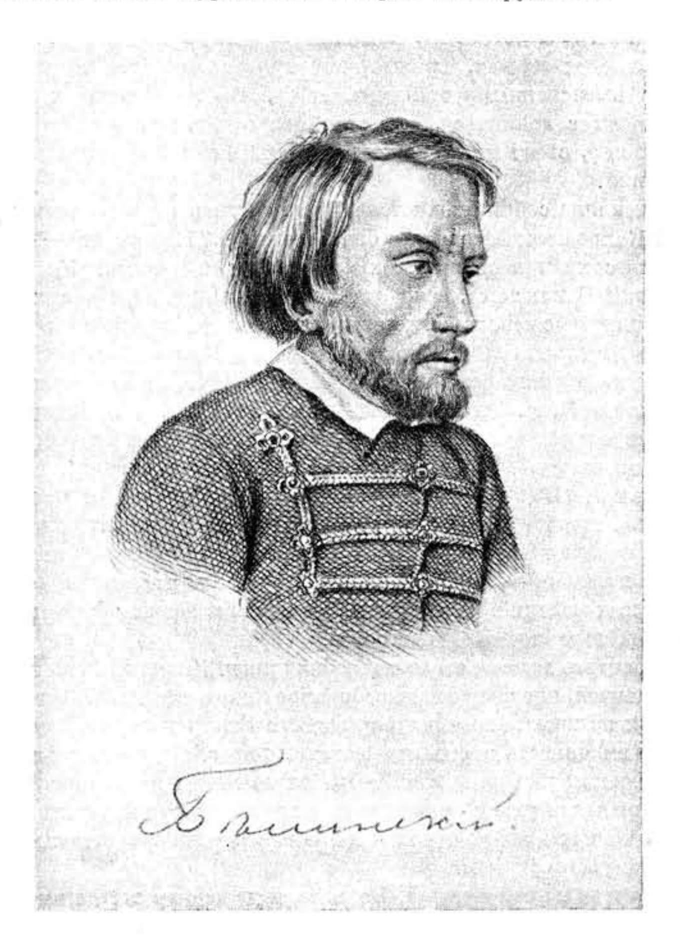
Однако, сверх ожидания, каталог, о котором] Тургенев так энергично запрашивал Анненкова, каким-то образом нашелся среди его собственных бумаг, о чем он и поспешил объявить своему корреспонденту 18 октября 1854 г.: «Пишу к Вам сегодня, любезный Анненков, собственно для того, чтобы известить Вас, что каталог известной Вам библиотеки нашелся, к великому моему изумлению — у меня в бумагах, а потому извините за причиненное беспокойство. Что Вы мне говорите о связках и т. д. также очень приятно.— За все спасибо...» В постскриптуме Тургенев приписал: «Мне пришла вот какая мысль в голову: пришлите мне, пожалуйста, с тяжелой почтой те книги из библиотеки, которые у Вас, а Гоголь и Пушкин пусть остаются пока у Языкова, если они у него» (ЦГЛА, Ф. 7, № 30.— Неизд.). Еще одно упоминание о библиотеке Белинского в переписке Тургенева и Анненкова находим в письме от 1 ноября 1854 г. Тургенев сообщает здесь своему корреспонденту, что среди книг Белинского «нашлось» дорогое и отличное издание «Жизни птиц» Бюффона с прекрасными рисунками (см. примечание к № 172 нашего описания). Это сообщение, наряду с предшествующими, свидетельствует, что Тургенев после приобретения библиотеки Белинского внимательно знакомился с нею.

Приведенные выдержки из писем Тургенева и Анненкова позволяют установить, что библиотека Белинского в момент ее покупки была уже в некоторой степени расчленена.

В дальнейшем библиотека Белинского продолжала редеть. Живя по большей части за границей и бывая в своем имении только короткими наездами, сам Тургенев не мог следить за сохранностью книг, и это неизбежно приводило к ее распылению. Особенно же библиотека должна была пострадать после смерти Тургенева. Опись всех книг его библиотеки в Спасском-Лутовинове, включавшей в себя и книги Белинского, была сделана только в 1885 г. Ближайшее тридцатилетие принесло новые и значительные потери. В 1918 г., при передаче библиотеки в ведение Тургеневского музея, была установлена утрата примерно 800 книг, или 296 названий, числившихся по описи 1885 г. (данные А. М. Путинцева). Нет со-

мнения, что среди этих утраченных книг немалый процент приходился на экземпляры, принадлежавшие когда-то великому критику.*

В настоящее время в библиотеке Белинского отсутствует ряд изданий, несомненно имевшихся в ней прежде: нет ни одного тома сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова и других высоко ценившихся Белинским писателей; нет большинства книг, в разное время рецензировавшихся Белинским; нет и сколько-нибудь полных комплектов журналов, в которых он сотрудничал.



БЕЛИНСКИЙ
Гравюра И. П. Пожалостина, 1878 г.
Музей изобразительных искусств, Москва

Многие книги, входившие в библиотеку Белинского, сохранили, как показывает ее изучение, вполне объективные опознавательные признаки. Не имея собственного ex-libris'а, Белинский часто снабжал титульные листы книг своей автографической подписью. На корешках многих изданий, отдававшихся в переплет самим Белинским, были вытиснены его инициалы. Наконец, книги с дарственными надписями Белинскому от авторов должны были занимать значительное место в его библиотеке. Между тем, ни в букинистической торговле, ни в крупнейших библиотеках, куда, в конце концов, естественным образом, стекаются все наиболее примечательные

* В 1941 году, при приближении немецко-фашистских войск к г. Орлу, библиотека Белинского, вместе со всеми другими экспонатами музея И. С. Тургенева, была своевременно эвакуирована в тыл страны и полностью спасена.

издания, книги с указанными признаками их принадлежности к библиотеке Белинского почти не обнаруживаются *. Отчасти это может быть объяснено тем обстоятельством, что в условиях свирепствовавшей реакции и полицейского террора последних лет царствования Николая I самое имя Белинского находилось под строжайшим запретом Книги с собственноручными надписями критика могли политически компрометировать их новых владельцев. В связи с этим некоторые книги, попавшие в чужие руки непосредственно после смерти критика, могли быть тогда же обезличены, а то и вовсе уничтожены. Весьма возможно также, что и сама М. В. Белинская, из вполне понятной щепетильности, уничтожала автографические надписи на титульных листах, прежде чем продать ту или иную книгу. Что касается книг с вытисненными инициалами «В. Б.» на корешках переплетов, то они частично могли сохраниться, и вполне вероятно, что некоторые из них, не узнанные до сих пор, стоят на полках государственных и общественных библиотек и частных собраний.

Что же представляла собой библиотека Белинского в полном своем виде к концу жизни критика? Какое количество книг она содержала? Какого рода были эти книги? Об этом у нас не сохранилось никаких определенных данных. Упомянутый выше каталог библиотеки Белинского, если он вообще сохранился, до сих пор не обнаружен. Судя по ряду косвенных свидетельств, мы можем заключить, что библиотека Белинского была довольно велика. По словам вдовы Белинского, большие шкафы с книгами занимали всю стену его кабинета («Былое», 1917, № 4/26: письмо М. В. Белинской к художнику И. А. Астафьеву от 24 декабря 1873 г., в публикации С. А. Венгерова «Последние дни Белинского»). Сам Белинский сообщает в одном письме 1847 г., что при переезде на новую квартиру одна лишь укладка книг заняла у него около пяти дней («Письма», III, 266). Эстетический вкус Белинского и профессиональная проницательность литературного критика и журналиста, умеющего с первого взгляда определять достоинства книги, а главное—значение, которое имели книги в его литературной работе и жизни,— все это почти исключало возможность приобретения и хранения случайных изданий. Библиотека Белинского, таким образом, должна была представлять собой стройное и единое целое.

Белинский с раннего детства страстно любил книги. Но эта любовь не имела ничего общего с библиоманией, превращающей собирание книг в самоцель. Приведенные нами в эпиграфе строки из письма восемнадцатилетнего Белинского показывают глубокую идейную целеустремленность в его отношении к книге. Исключительное по своей быстроте и интенсивности интеллектуальное развитие молодого Белинского и большая эрудиция, проявившаяся уже с первых шагов его литературной деятельности, лучше всяких документальных данных определяют объем и разносторонность читательских интересов критика уже в юности.

Стесненный материальной нуждой, Белинский далеко не всегда имел средства для приобретения нужных ему изданий. Переезд в Москву открыл перед ним возможности более широкого общения с книгой. В первый же день по приезде он отправляется в книжные лавки. Посещение лавки Глазунова производит на него сильнейшее впечатление, которое он передает в письме-отчете своим чембарским друзьям («Письма», I, 16—17). Вскоре он знакомится с другой отраслью книжной торговли и ее колоритными представителями—букинистами. Выискивание среди книжного хлама, на толкучке, ценных и интересных изданий увлекает его. Ему кажется, что книги очень дешевы в Москве, что средства его неисчерпаемы. Объясняя отцу, почему им была так быстро израсходована довольно большая сумма, врученная ему на первое обзаведение, он замечает, что «много истратил денег на книги» («Письма», I, 3). Работа в «Молве»,

* В качестве редкого исключения укажем на книгу с автографической надписью Белинского, хранящуюся ныне в Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (см. № 113а нашего описания). На ней печать «Гурзуфской библиотеки Ялтинского попечительства о народной трезвости». Книга поступила в Библиотеку им. В. И. Ленина в 1924 г. Каким образом она попала в Гурзуфскую библиотеку и не было ли там еще и других книг Белинского — пока остается неизвестным.

«Телескопе» и «Московском наблюдателе» еще более увеличила потребность Белинского в книге. Журналисту, рецензенту, критику, — утверждает, исходя из собственного опыта Белинский,— «необходимо иметь не только замечательнейших, но и всех сколько-нибудь известных писателей, не исключая из их числа ни Тредьяковского, ни Сумарокова, необходимо иметь их для справок, указаний, ссылок, выписок».

Переезд Белинского в Петербург и работа в «Отечественных записках» и потом в «Современнике» немало содействовали увеличению его библиотеки. По свидетельст-

И. С. ТУРГЕНЕВ
Рисунок К. А. Горбунова, 1846 г.
Третьяковская галлерея, Москва

ву И. И. Панаева, «библиотеку свою, состоявшую большею частью из русских книг, он умножал с каждым годом и в последнее время, когда уже свободно читал по-французски, начал приобретать и французские книги» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском. Т. I, СПб, 1876, стр. 401—402).

Белинский был требователен не только к содержанию, но и к внешнему оформлению книги. Почти в каждом своем критическом отзыве он не забывает дать рецензируемому изданию оценку и с его внешней, как мы сказали бы теперь,— полиграфической стороны. Безобразные изделия «серобумажной торговли» вызывают в нем отвращение, и он не скупится на сарказмы по их адресу. Зато о каждом удачном произведении русского типографского искусства, о каждой хорошо изданной русской книге он отзывается с живым восторгом. Особенно неравнодушен был Белинский к хорошим гравюрам. Он собирал их и, вероятно, обладал ценной и во многих отношениях примечатель-

ной коллекцией. К сожалению, ее постигла судьба многих книг Белинского, повидимому, перекочевавших в лавки букинистов, чтобы затем бесследно исчезнуть.

Постоянный интерес проявлял Белинский к старинным русским изданиям: «Как бы ни нелепа была книга,—писал он в заметке «Русская литературная старина»,—как бы ни глуп был журнал, но если они принадлежат к сфере идей и мыслей, уже не существующих, если их оживляют интересы, к которым мы уже холодны,— то эта книга и этот журнал получают в наших глазах такое достоинство, какого они, может быть, не имели в глазах современников: они делаются для нас живыми летописями прошедшего, говорящею могилою умерших надежд, интересов, задушевных мнений, мыслей» (III, 24). Задумав писать историю русской литературы и журналистики, Белинский начинает собирать старые журналы и газеты. «Всякая книга, напечатанная у Г а р и, Л ю б и я и П о п о в а, гуттенберговскими буквами, в кожаном переплете, порыжелом от времени, возбуждает все мое любопытство; вот почему, увидевши где-нибудь разрозненные номера „Покоющегося Трудолюбца", „Аглаи", „Лицея", „Северного Вестника", „Духа Журналов", „Благонамеренного" и многих других почивших журналов, я читаю их с какою-то жадностью и даже упоением» (т а м ж е). Примечательно, что почти все названные Белинским журналы сохранились в дошедшей до нас части его библиотеки.

Белинский приобретал также иностранные книги—сочинения социалистов-утопистов, мемуары деятелей французской революции, романы Жорж Санд, радикальные французские журналы, а также иллюстрированные издания, которые в таком изобилии начали появляться в 40-х годах в Париже. Все эти увлечения критика оставили заметный след в сохранившейся части его библиотеки.

Книги, которые читал Белинский, становились для него как бы живыми собеседниками — друзьями или врагами, с которыми он восторженно соглашался или неистово спорил: они никогда не оставляли его равнодушным. Читательскими впечатлениями Белинского заполнены страницы его статей и писем, о них мы находим отклики в воспоминаниях современников. Столь сильная и непосредственная реакция, возникавшая в процессе чтения, отразилась также и на полях самих книг, в маргинальных записях, несмотря на нелюбовь Белинского к пометкам, «пачкавшим» книгу.

Изучение сохранившихся маргиналий Белинского оказалось, как увидим ниже, ключом к решению некоторых существенных текстологических вопросов. Но, разумеется, мы далеко не исчерпали всех возможных выводов из такого изучения.

Как уже было сказано, первая опись библиотеки Тургенева была составлена лишь в 1885 г. В эту опись вошли и книги Белинского, но без какого-либо выделения, поскольку они были обезличены, полностью слившись с библиотекой Тургенева. Исправление этой ошибки было предпринято в 1920-х годах директором Тургеневского музея М. Португаловым совместно с руководимой им группой студентов. Они попытались определить, кому принадлежала каждая книга, и составили раздельные описи библиотеки Белинского и Тургенева.

Работа эта не была доведена до конца, и ее, по предложению редакции «Литературного наследства», продолжил в начале 1930-х годов покойный А. М. Путинцев, напечатавший в № 19—21 «Литературного наследства» (1935 г.), в порядке предварительного сообщения, статью, посвященную суммарной характеристике библиотеки Белинского. Им же начато было составление полного описания сохранившейся части библиотеки, однако смерть помешала исследователю завершить эту работу. Ознакомление с оставшимися после А. М. Путинцева рукописями (хранятся в ЦГЛА) показало, что предпринятое им полное описание библиотеки не было доведено до состояния, дающего возможность опубликования его труда. В этой связи редакция «Литературного наследства» поручила автору настоящих строк произвести заново всю работу по выявлению книг, принадлежавших Белинскому, и составлению их подробного описания.

Работа эта была осуществлена нами весной 1948 г. путем изучения de visu всех книг библиотеки, хранящейся в Тургеневском музее в Орле, причем несколько книг, опи-

санных А. М. Путинцевым, не были обнаружены, и описание их дается по рукописи его работы, что каждый раз оговаривается в комментарии.*

Книги, ошибочно приписанные А. М. Путинцевым библиотеке Белинского, естественно, в наше описание не вошли. Вместе с тем, в него включаются отдельные книги, ранее принадлежавшие Белинскому, но в разное время отслоившиеся из его библиотеки и находящиеся не в орловском музее И. С. Тургенева, а в других библиотечных хранилищах. Таковы книги из Государственного литературного музея (Москва) — №№ 88 и 174; научной библиотеки Московского университета им. М. В. Ломоносова—№ 188; Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)—№ 113а; Государственной исторической библиотеки (Москва)—№ 118; Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) — № 24; Пензенской областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова—№ 56а. Включаем мы также в описание часть XXXIV журнала «Телескоп» за 1836 г. с автографической подписью Белинского. Местонахождение этого экземпляра, экспонировавшегося на выставке Общества любителей российской словесности в Москве (1898 г.) и отмеченного в каталоге выставки, в настоящее время неизвестно (см. № 164 на стр. 546).

Наконец, в описание введена небольшая группа книг латинских авторов, обнаруженная недавно в личной библиотеке профессора Московского университета П. Я. Петрова (1814—1875). Все эти книги прежде принадлежали Белинскому и были подарены им Петрову, с которым в студенческие годы его связывала близкая дружба. На некоторых книгах имеются автографические подписи Белинского, а также записи Петрова, удостоверяющие, что книги были подарены ему Белинским (см. №№ 175, 176, 181, 187, 191).**

* * *

Сообщаем основные принципы, положенные в основу нашей работы по выделению книг, принадлежавших Белинскому.

В описание библиотеки Белинского, в первую очередь, естественно, включены книги, снабженные его автографическими подписями, встречающимися на титульных листах, а иногда на шмуцтитулах. Подписи сделаны Белинским чернилами, крупным почерком, без росчерка и даты и почти всегда внизу страницы. Эти подписи, имеющие характер ex-libris'а, встречаются на книгах самого разнообразного содержания. Установить какую-либо закономерность в наличии или отсутствии подписи на книгах не удается.

Затем в описание введены книги с адресованными Белинскому дарственными надписями разных лиц. Число таких книг невелико в сохранившейся части библиотеки — всего четыре. Назовем их: 1) «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого с чрезвычайно любопытной надписью переводчика; 2) Полное собрание сочинений Руссо, на французском языке, подаренное Белинскому Герценом в 1846 г.; 3) «Исторический сборник» К. К. Герца и 4) магистерская диссертация К. Д. Кавелина, бывшего ученика Белинского. Отметим здесь также имеющую большой биографический интерес книгу, полученную Белинским-гимназистом в «награду за благонравие и успехи из Логики и Русского языка, Истории и Географии»—«Руководство к механике» 1790 г. издания. Книга недавно приобретена Литературным музеем у внучки Д. П. Иванова, родственника Белинского.

Третьим признаком для включения книг в описание являлись инициалы Белинского, вытисненные на корешках переплетов многих книг. Внутри некоторых изданий, перед титульным листом, сохранились (подклеенные или просто вложенные) листки бумаги с собственноручными записями Белинского — какой текст следует выносить на корешок. Повидимому, Белинский давал переплетчику и другие указания, вследствие

---

* Изучение библиотеки Белинского не может считаться законченным до тех пор, пока не будет детально исследована и описана библиотека И. С. Тургенева, в составе которой находились книги Белинского почти сто лет. В проектируемом издании тургеневского тома «Литературного наследства» редакция намерена посвятить библиотеке Тургенева специальную работу. Возможно, что тогда придется внести некоторые поправки и в публикуемое здесь описание библиотеки Белинского. — Ред.

** Хранятся в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова.

чего многие книги, принадлежавшие критику, имеют характерные переплеты, отличающиеся от книг из библиотеки Тургенева своею изящною простотой. В нескольких случаях данный признак явился, за отсутствием других, единственным основанием для включения книги в описание.

Маргиналии Белинского, конечно, также являлись решающим аргументом при определении владельца книги. Белинский был не особенно щедр на длинные записи в книгах. В этом отношении чрезвычайно интересным исключением является книга Ксенофонта Полевого «Ломоносов», в которой имеются многочисленные полемические надписи, представляющие значительный исследовательский интерес. То же можно сказать и о пометках Белинского на сочинениях А. С. Шишкова. На других книгах пометки более лаконичны. Чаще всего это отчеркивания карандашом, значок *NB*, подчеркивание отдельных строк и выражений, обративших на себя внимание Белинского или предназначенных для цитирования. В некоторых книгах, как, например, в «Сочинениях Шишкова», «Стихотворениях Аполлона Майкова» и др., помимо пометок на полях, имеется ряд кратких эмоциональных надписей, вроде: «Вздор!», «Хорошо!» или междометия: «Ай-ай!». В книге Ап. Майкова можно проследить даже особую, «телеграфную» систему пометок, облегчавшую Белинскому возможность быстрого использования впечатлений от предварительного чтения при работе над статьей об этой книге. Изучение незначительных, на первый взгляд, пометок приводило порою к интересным результатам. Несколько черточек под номерами рецензий в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г. дали возможность подвергнуть сомнению принадлежность Белинскому трех рецензий, входящих в собрание его сочинений (см. наше сообщение в наст. томе, стр. 409). Пометки на книге К. К. Герца «Исторический сборник» окончательно подтверждают авторство Белинского для двух анонимных рецензий, помещенных во II томе «Современника» за 1847 г. (XIII, 202, 203). Корректурная правка, сделанная Белинским в XXX томе «Отечественных записок», позволяет устранить из второй статьи «Сочинения Александра Пушкина» несколько грубых искажений текста, переходивших из издания в издание. Помимо широко известных пометок Белинского на журнале, издававшемся молодым Марксом,—«Deutsch-Französische Jahrbücher», нами обнаружены и новые пометки,— в частности на опубликованном там письме Бакунина к Руге.

Во многих случаях мы не могли взять на себя ответственность категорически утверждать,что те или иные пометки сделаны безусловно рукою Белинского.* Специальная графологическая экспертиза была недоступна как по условиям, в которых производилась работа, так и по чрезвычайной ограниченности времени. К тому же не следует забывать, что пометки на книгах делаются по большей части небрежно, иногда в совершенно необычных условиях — лежа, в экипаже и т. д., и почерк их временами так отличается от почерка обыкновенных рукописей, что способен поставить втупик самого опытного графолога. Поэтому, желая разграничить надписи, сделанные бесспорно рукой самого Белинского, от надписей, возбуждающих какое-либо сомнение, мы печатаем первые *курсивом*, а вторые — обыкновенным прямым шрифтом.

Следует отметить исключительно бережное отношение Белинского к книгам. Оно бросается в глаза даже теперь, спустя сто лет после смерти критика. Книги Белинского в большинстве своем прекрасно переплетены, чисты; на них нет ни жирных пятен, ни клякс, ни загнутых углов. Некоторые книги, постоянно читавшиеся Белинским, имеют настолько свежий вид, как будто только что сошли с книжного прилавка. Исключением являются лишь подержанные книги, купленные Белинским у букинистов; на них часто встречаются пятна, кляксы, нелепые надписи прежних владельцев и всякого рода безобразящие книгу рисунки.

Бережное отношение Белинского к книге сказалось и на характере его пометок. Большинство из них сделано тонким черным карандашом и предельно лаконично. Внимательное изучение некоторых страниц показало, что Белинский часто с т и р а л сделанные им пометки. Иногда нам удавалось прочесть стертые не до конца надписи, по большей же части они уже не поддаются прочтению.

---

* Особенно это относится к подчеркиваниям и отчеркиваниям в тексте, а также к разного рода значкам.

С. Спасское

Пятница, 15-го Окт. 54

Что это Вы молчите, любезнейший? — Прошу Вас ответить на следующие мои вопросы

1.) У Вас ли каталог библиотеки Белинского — и вписали ли Вы его ко мне, как я Вас просил через Некрасова? Если нет, вышлите его, Бога для, немедля

2.) Были ли Вы у Кн. Мещерской и как она Вам показалась — и покупали ли Вы [illegible] Н-го двора?

3.) Видели ли Вы Тургеневых и его дочь Анна Александровна?

4.) Какое впечатление произвело Отрочество?

5.) Какия последния военные известия?

6.) Верно ли разрешили к печатанию Пушкина и что Вы вообще подготовляете?

[illegible], есть у Вас о чём писать, была бы охота. — А о [illegible] через Некрасова. Теперь, принимаюсь работать — [illegible] здесь, то меньше скуки. — Здоровье [illegible]

погода стоит хорошая. —

Напишите мне, по старому, письмецо с начинкой — что Вы знаете как. Этого было что [illegible] — а я Вам за это буду душевно благодарен.

Прощайте, милейший, и будьте здоровы

Ваш

Ив. Тургенев

P.S. Еще вопрос: женился ли Мухортов?

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К П. В. АННЕНКОВУ ОТ 15 ОКТЯБРЯ 1854 г.

Тургенев запрашивает о каталоге библиотеки Белинского

Центральный литературный архив, Москва

Важным признаком для определения книг, принадлежавших Белинскому, мы сочли наличие на них росписей прежних владельцев. По этим росписям, если они не имели ничего общего с именами предков, родных и близких Тургенева, мы устанавливали факт приобретения их Белинским у букиниста.

Тургеневы покупали книги по большей части в книжных магазинах, а чаще всего выписывали их целыми партиями из Петербурга, Москвы, а также из-за границы. Подержанные и внешне непривлекательные книги навряд ли приобретались Тургеневыми. Купленные оптом новые книги Тургеневы отдавали в переплет своим крепостным переплетчикам или же так и оставляли неразрезанными на нижних, неостекленных полках шкафов. В большинстве случаев мы выводим из библиотеки Белинского приписывавшиеся ему совершенно неразрезанные книги, столь характерные для библиотеки Тургеневых. Белинский не принадлежал к числу читателей, приобретающих книги вслепую, чтобы бесполезно загромождать ими свой кабинет. Покупая книгу, Белинский заранее знал, чего от нее может ждать, и если и бросал ее, не читая, то, по крайней мере, разрезал и просматривал ее.

Среди книг, повидимому приобретенных Белинским у букиниста, нельзя не выделить двухтомного многоязычного словаря И. Соца с автографическими надписями их прежнего владельца—великого русского архитектора В. И. Баженова (см. № 101).

Печатаемое ниже полное и комментированное описание библиотеки Белинского избавляет нас от необходимости давать здесь подробную характеристику ее содержания. Читателю самому бросится в глаза преобладающее место, занятое в библиотеке периодическими изданиями конца XVIII и начала XIX в., книгами о Петре I, справочниками и различными работами по истории. Один лишь перечень авторов книг по истории древнего мира, встречающихся в библиотеке Белинского (Гиббон, Иосиф Флавий, Квинт Курций, Плутарх, Геродот, Саллюстий, Тацит, Юлий Цезарь, Марк Юстин), достаточно многозначителен и дает представление о широте интересов и эрудиции критика. Что же касается немногочисленных иностранных изданий, в них заметно преобладают книги по истории Французской революции 1789 г., сочинения социалистов-утопистов и вообще книги с явно выраженным радикальным или антиклерикальным характером.

Груды разрозненных не переплетенных журналов начала XIX века, находящихся среди книг Белинского, не имеют на себе почти никаких следов чтения. По всей вероятности, они были приобретены критиком для работы над давно задуманной им историей русской журналистики. Сведения о непереплетенных журналах, недавно обнаруженных в музее И. С. Тургенева, сообщены нам научным сотрудником музея И. С. Тургенева в Орле — И. Азбукиной.

Описание библиотеки разбито на четыре группы: 1) книги на русском языке; 2) журналы на русском языке; 3) книги на иностранных языках и 4) журналы на иностранных языках. Титульный лист каждой книги передается полностью, с соблюдением всех его особенностей, опускается только адрес типографии. Фамилия автора остается там, где она обозначена в тексте титульного листа, но для удобства пользования описанием, она, кроме того, вынесена в начало и выделена разрядкой. Псевдонимы, если они известны, раскрываются. В этом случае фамилия автора, вынесенная вперед, берется в прямые скобки. Все остальные библиографические данные (число страниц, иллюстраций, внешний вид книги) приводятся вслед за титулом, что составляет второй элемент описания. В него входят и все сведения о надписях и разного рода пометках на книгах. Как указано, надписи, сделанные рукою самого Белинского, всюду выделены *курсивом.* Местонахождение книг, хранящихся вне Государственного музея И. С. Тургенева в Орле, указано в подстрочных примечаниях. Книги, введенные в описание на основании документальных, атрибутивных признаков, выделяются знаком * перед текстом. Каждое описание книги заключается комментарием.

Автор выражает глубокую признательность Н. С. Ашукину за помощь, оказанную им при определении принадлежности книг к библиотеке Белинского и за постоянную библиографическую консультацию этой работы, а также М. Г. Ашукиной-Зенгер и сотрудникам Отдела редкой книги Государственной исторической библиотеки (Москва) Е. С. Редченко, Л. М. Козловой и А. В. Маргаритовой, содействовавшим уточнению ряда библиографических данных.

ОПИСАНИЕ КНИГ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО

1. КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Аглая.

Книжка I. 1794.

Les Esprits bien faits qui ne peuvent lire mon coeur, liront au moins mon livre.

Боннет

Книжка II. 1795.

Je veux que la mort me trouve plantant mes choux; mais nonchallant d'elle, et encore plus de mon jardin imparfait.

Montaigne

Издание второе. Москва, в Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.

Книжка I—2 ненум.+142+1 ненум. стр.; книжка II—191+1 ненум. стр.

Обе книжки в одном переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «А. Р». Пометок нет.

Судя по инициалам прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста. В своей заметке «Русская литературная старина» (III,24), перечисляя старинные русские журналы, которые он читает «с какою-то жадностью и даже упоением», Белинский упоминает и об «Аглае» — альманахе, издававшемся Карамзиным. Близкое знакомство Белинского с обеими книжками «Аглаи» подтверждается и статьей «Иван Андреевич Крылов» (XII, 505—506), где Белинский опровергает мнение, будто первые басни Крылова были напечатаны в «Аглае».

2. Аделунг, Иоанн-Христофор. Полный Немецко-Российский Лексикон из большого грамматикально-критического Словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания Немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом Ученых Людей в Санктпетербурге. 1798. Печатан в Императорской Типографии у Ивана Вейтбрехта.

Часть II (буквы M—Z) — 2 ненум. + 1060 + 4 ненум. стр.; часть I утрачена.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На переднем форзаце запись незнакомым почерком: «Ev. St. In Brest in April 1810 aus Petersburg von Otto erhalten».

Повидимому, книга была куплена Белинским у букиниста.

Белинский несколько раз принимался за изучение немецкого языка, однако у него нехватало терпения заниматься им систематически. Желая прочесть немецкого писателя в оригинале, он обращался к словарю и переводил слово за словом. Так читал, например, Белинский «Вильгельма Мейстера» Гёте: «Нынче разобрал кое-как главу из Вильгельма Мейстера. Чудо, прелесть! Мне начинает нравиться приискивать в словаре слова и посредством немногих данных и собственных соображений доискиваться до их таинственного значения» (Письмо к В. П. Боткину от 12 августа 1838 г.—«Венок Белинскому», стр. 52).

3. Анакреон. Стихотворения Анакреона Теосского, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым. Издание второе, вновь исправленное, с присовокуплением филологических примечаний, переводов и подражаний, писанных как древними, так и новейшими отличнейшими иностранными Поэтами, а из Русских — Ломоносовым и Державиным. Печатано в Типографии Императорской Российской Академии, 1829.

‹Шмуцтитул:› Греческие классики, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

3 ненум. + VIII + 146 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Среди книг Белинского сохранилось немало сочинений греческих классиков. Отсутствие других, более полноценных переводов заставляло Белинского пользоваться трудами академика И. И. Мартынова (1771—1833), издавшего с 1823 по 1829 г. 26 томов переводов греческих классиков с параллельными греческим и русским текстами. В статье «Пиитические опыты Елисаветы Кульман» (V, 526) Белинский с пренебрежением говорит о переводах греческих классиков «работы Мартынова», которые «передают только буквальный смысл подлинника».

4. [Аполлос, Байбаков, архимандрит.] Прàвила пиитические, о стихотворении Российском и Латинском со многими против прежнего прибавлениями. С приобщением Пиитико-Исторического Словаря, в коем содержатся баснословных богов, мест, времен, цветов, дерев и проч. имена, с их краткою историею и нравоучением. Также Овидиянские превращения. И при конце отборные Пуб. Виргилия Марона стихи. В пользу юношества обучающегося Поэзии. В Московской Славено-Греко-Латинской Академии и для всех Российского Стихотворения Любителей. Издание третие. В Москве. В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1785 года.

4 ненум. + 175 стр.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. Между страницами вшито много чистых листов. В конце книги — на 46 чистых страницах записаны незнакомым почерком образцы стихотворных размеров и жанров. Книга испещрена многочисленными надписями прежних владельцев. На заднем форзаце запись: «Timotheus Karpow. Сия книга моя. Кто ее украдет, того бог накажет».

Судя по надписям прежних владельцев, книга была куплена Белинским у букиниста.

По «Правилам пиитическим» Аполлоса в течение десятков лет проходилась «словесность» в духовных учебных заведениях России. Белинский относился иронически к Аполлосу и его творению, не упуская возможности подшутить над «глубокомысленными рассуждениями» архимандрита (см. «Литературные мечтания», I, 364, 368).

* 5. Байрон, Джордж. Манфред, драматическая поэма в трех действиях. Сочинение Лорда Байрона. Перевел с английского М. В. Санктпетербург, в Типографии Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1828 года.

5 ненум. + 64 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». На шмуцтитуле автографическая подпись: *В. Белинский.*

Пометки:

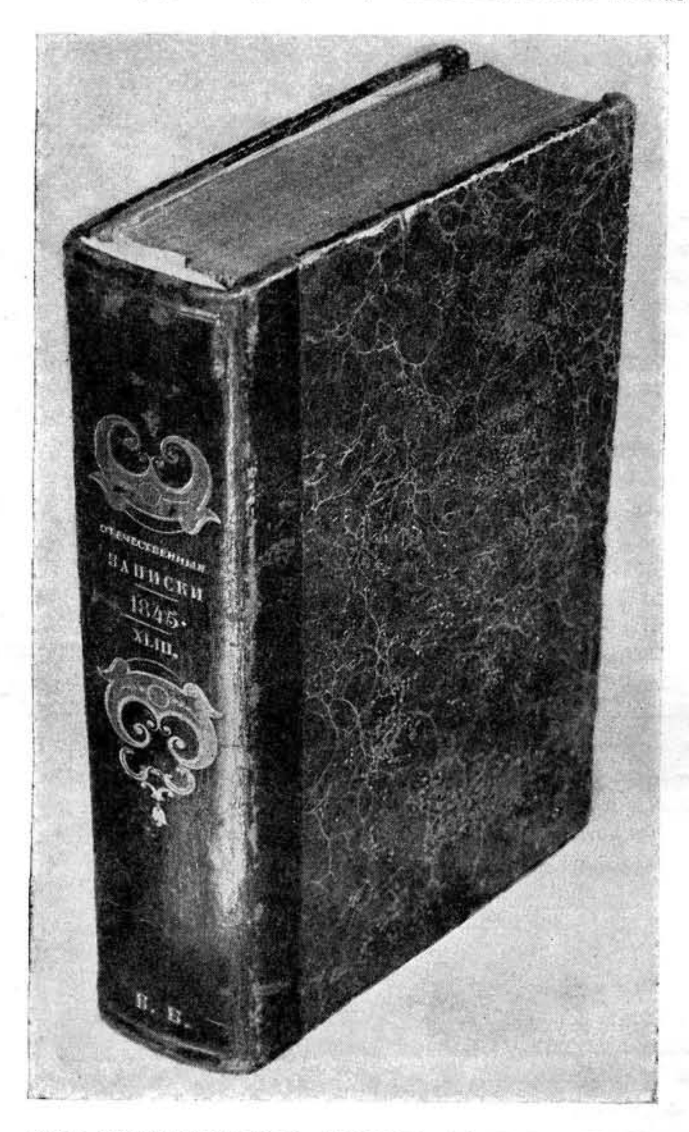
Стр. 1. Заключено в скобки:

...Познанья древо
Не древо жизни. Мудрствованья света,
Науки, Философию, чудес
Источники — я все познал, и власть
Все покорить себе, в душе имею;
Но тщетно. Делал людям я добро,
И даже в них добро не раз нашел.

Стр. 12. Заключено в скобки:

Обманутый наукою волшебства,
Принесшей мне мученье, не отраду,
Я потерял надежду на бесплотных.

Переводчик книги— М. В. Врончепко (В. С. Карцев и М. Н. Мазаев. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891, стр. 80). Белинский высоко ценил переводы Врончепко, в частности — перевод «Манфреда» (VIII, 121). В статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) Белинский, относя «Манфреда» Байрона



ТОМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» ИЗ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО

На корешке книги инициалы Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

вместе с «Фаустом» Гёте к одному роду лирических драм, писал: «Это поэтические апофеозы распавшейся натуры внутреннего человека, чрез рефлексию стремящейся к утраченной полноте жизни. Вопросы субъективного, созерцательного духа, вопросы о тайнах бытия и вечности, о судьбе личного человека и его отношениях к самому себе и общему, составляют сущность обоих этих великих произведений» (VI, 85).

6. [Бантыш-Каменский Д. Н.] Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора

Петра Великого с портретами их. Москва. В Типографии Н. С. Всеволожского. 1812.

Часть I — фронтиспис (портрет Петра Первого)+290+ 1 ненум. стр.+ 12 гравюр. В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. Часть II утрачена.

Раскрытие авторства Д. Н. Бантыша-Каменского — см. Сопиков, № 3620.

Книги о Петре I и его эпохе занимают весьма значительное место в библиотеке Белинского.

7. Баратынский Е. А. Стихотворения Евгения Баратынского. Москва. В Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургическ. Академии. 1835.

Часть I — портрет Баратынского + 240 + IV + 1 ненум. стр.; часть II — 2 ненум. + 183 + 1 ненум. стр.

Без переплетов. Сохранность хорошая. На стр.35 части I, в стихотворении «Когда б избрать возможно было мне...» в последней строке: «Чем Д.... понравиться могу я»— инициал «Д» карандашом переделан на «Х».

Сразу же по выходе этой книги, Белинский дал в «Молве» краткое сообщение о ней (II, 97), перечислив входящие в нее произведения. Вслед за тем он посвятил ей большую статью: «О стихотворениях г. Баратынского», которую напечатал в «Молве», 1835, № 38 (II, 241—249). Вполне вероятно, что именно этим экземпляром пользовался он при работе над статьей.

8. Беляев О. П. Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных Его изделий и прочих достопамятных вещей, лично Великому сему Монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской Императорской Кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. Издано трудами и иждивением Надзирателя Императорския Кунст-камеры Осипа Беляева. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1793 года.

Часть I — 5 ненум. + 170 стр.; часть II — 2 ненум. + 154 + 4 ненум. стр.

Обе части в одном переплете. Книга потрепана. На внутренней стороне переплета запись: «Читал сию книгу Иван Захаров Графи:<ни> Ирины Воронцовой дворовой человек 1840 года мая 25-го числа Санктпетербурге». На титульном листе: «Катерины Домогацкой». Множество детских каракуль и мазни в тексте.

Судя по надписям прежних владельцев, книга была куплена Белинским у букиниста.

См. примеч. к № 6.

*9. [Богданович И. Ф.] Душенька, Древняя повесть, в вольных стихах. Третие издание, вновь исправленное. Москва, в Университетской Типографии у Ридигера и Клаудия. 1799.

1 ненум. + IV + 1 ненум. + 160 стр.

В переплете. Сохранность хорошая.

Пометки:

Стр. 10. Отчеркнуто:

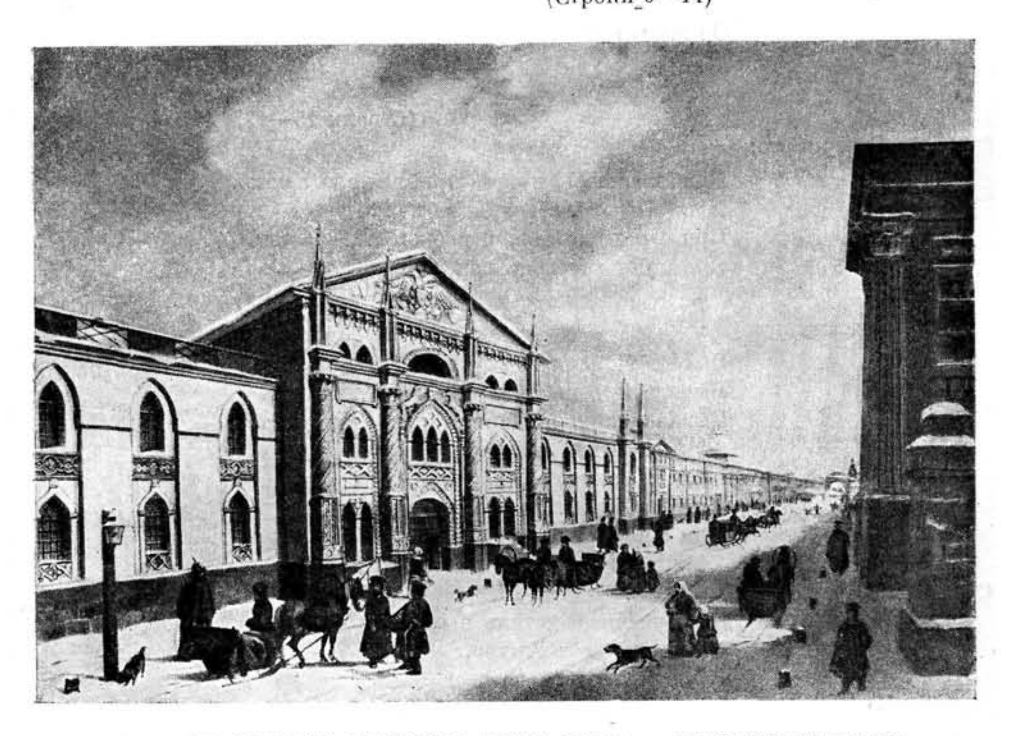
Во славу Душеньке, у нас от тех времен
Поставлено оно народом в лексиконе,
Между приятнейших имен,
И утвердила то Любовь в своем законе.
(Строки 5—8)

Стр. 15. Отчеркнуто:

Услышав те слова, Амуры ужаснулись,
Весельи ахнули, и Смехи содрогнулись.
(Строки 16—17)

Стр. 49. Отчеркнуто:

Впоследок хор певиц, протяжистым
манером,
С приличным некаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон
Толико медленно, толико слуху внятно,
И их сложение пленяло толь приятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомнить их могла,
И скоро затвердила...
(Строки 6—14)



НИКОЛЬСКАЯ УЛИЦА В МОСКВЕ. В 1820—1840-х гг. ЗДЕСЬ ПОМЕЩАЛИСЬ ИЗВЕСТНЫЕ КНИЖНЫЕ ЛАВКИ ГЛАЗУНОВА, БАЗУНОВА и др.

Литография Дица, 1840-е гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«...Я сажусь за дело, перевожу с немецкого или делаю что-нибудь другое — и что же? я дрожу от холода, руки мои не в состоянии держать перо, животная сторона моя громко дает о себе знать. Я бросаю перо и иду—куда-нибудь, иногда в лавку Глазунова...» (из письма Белинского М. А. Бакунину от 1 ноября 1837 г.)

Стр. 61. Отчеркнуто:

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша:
По образу ль какой Царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша,
Во всех ты чудо света.
(Строки 9—12)

Во всех является прекрасным Божеством,
И только ты одна прекраснее портрета.
(Строки 13—14)

Стр. 73. Отчеркнуто:

Царевна там взяла читать еще стихи,
Но их читаючи, как будто за грехи,

Узнала в первый раз уполненную скуку
И, бросив их под стол, притом ушибла руку.

(Строки 18—21)

Стр. 90. Отчеркнуто:

Прекрасна Душенька употребила тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь дают покой мужьям.

(Строки 7—12)

Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.

(Строки 15—17)

Стр. 94. Отчеркнуто:

Приближилась, по том приближила лампаду,
По том, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несмелом,
Держа огонь над самым телом...

(Строки 7—10)

Стр. 96. Отчеркнуто:

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою Госпожою;
Бывало в прошлы дни, под кровом у небес,
Когда б лишь капля слез
Из глаз ее сверкнула,
Или бы Душенька о чем-нибудь вздохнула,
Или б поморщилась, иль только бы взглянула

(Строки 2—8)

Стр. 102. Отчеркнуто:

Но Душенька дотоль в раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила по том как дура...

(Строки 12—15)

Стр. 119. Отчеркнуто:

Узнав себя безвредну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах,
Восколебались тихи воды,
Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вкруг
Ладья у рыболова,
И все то сталось вдруг
От Душенькина слова.

(Строки 2—10)

Стр. 121. Отчеркнуто:

«Я Душенька... люблю Амура...»
По том заплакала, как дура,
По том, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся Натура.

(Строки 4—8)

Стр. 124. Отчеркнуто:

Но с времени, когда Амура полюбила,
По мысли никого в Богах сыскать не мнила.

(Строки 10—11)

Стр. 131. Отчеркнуто:

Стоял Богинин храм меж множества столпов.
Сей храм со всех сторон являл два разных входа.

(Строки 10—11)

Стр. 136. Отчеркнуто двойной чертой:

Венера в сарафане!..
Пришла сюда пешком!..
Во храм вошла тишком!..
Конечно с пастушком!..
И весь народ в обмане.

(Строки 1—5)

Стр. 140. Отчеркнуто:

Под плечи два кувшина,
Пошла без дальна чина,
Пошла на все труды,
Искать такой воды.

(Строки 6—9)

Стр. 151. Отчеркнуто:

Но Душенька сей вид
Себе имея в стыд,
То шею, то лицо платочком закрывала.

(Строки 11—13)

Стр. 157. Отчеркнуто:

Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула! Закрылась от стыда.

(Строки 17—18)

Стр. 160. Отчеркнуто:

Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура

(Строки 17—18: конец поэмы)

На втором листе заднего форзаца рукой Белинского следующая не совсем разборчивая карандашная запись, расшифровка которой была бы не лишена интереса:

Бе Ше⟨вырев?⟩ Бенк⟨ендорф?⟩
М⟨?⟩ Ш Ор⟨лов?⟩
е ⟨?⟩ Ки⟨?⟩
6 Ти⟨мофеев?⟩
М Кет⟨чер?⟩
Х Руд
С Льв
П Руд
И Каче⟨новский?⟩
Ч Глу⟨?⟩
Ч Ке..⟨?⟩
Си
13 12

Белинский несколько раз подвергал обстоятельному разбору поэму Богдановича, объясняя, почему эта «сказка, написанная тяжелыми стихами, с усеченными прилага-

тельными, натянутыми ударениями, часто с полубогатыми и бедными рифмами, сказка, лишенная всякой поэзии, совершенно чуждая игривости, грации, остроумия» (VI, 169; XI, 205—207) — имела такой необыкновенный успех у современников. Пометки на книге, состоящие, главным образом, из отчеркиваний, очевидно, предназначались для какой-нибудь статьи о Богдановиче: однако они так и остались неиспользованными.

*** 10. Богданович И. Ф. Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича. Собраны и изданы Платоном Бекетовым, Почетным Членом Императорского Московского Университета и Императорского Общества Испытателей Природы, Председателем Общества Истории и Древностей Российских и Действительным Членом Общества любителей Российской Словесности при том же Университете. Издание второе. Москва, в Университетской Типографии. 1818—1819.**

Часть I — портрет Богдановича + 1 ненум. + 256 + 1 ненум. стр.; часть II — 206 + V стр.; часть III — 346 + IV стр.; часть IV — 294 + III стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. На титульных листах частей I, III и IV автографические подписи: *В. Белинский.* На титульном листе II части Белинский расписался, то ли по рассеянности, то ли иронически: *В. Блаженство* (первое произведение в этом томе — поэма «Сугубое блаженство»). В части I на стр. 141 отчеркнута горизонтальной черточкой строка 27: «Вокруг пустыню, гору, лес». В части III на переднем форзаце полузачеркнутая карандашная запись: «Сия книга принадлежит...»

Имя Богдановича часто встречается в различных статьях Белинского. В первой статье «Сочинения Александра Пушкина», давая подробный разбор творчества Богдановича, Белинский ссылается именно на это, второе издание (XI, 206).

11. Веневитинов Д. В. Сочинения Д. В. Веневитинова. Стихотворения. В двух частях. Москва. В Типографии Семена Селивановского. 1829—1831.

Часть I—2 ненум. + VI + II + 1 ненум. + 129 стр.; часть II — XVI + 120 стр. В переплете (обе части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

Упоминания Белинского о Веневитинове довольно многочисленны. Характеризуя поэта как прекрасный талант, обещавший богатое развитие, Белинский писал: «Веневитинов умер во цвете лет. оставив книжечку стихов и книжечку прозы; в той и другой видны прекрасные надежды, какие подавал этот юноша на свое будущее, та и другая юношески прекрасны; но ничего определенного не представляет ни та, ни другая. Короче: это прекрасная надежда, разрушенная смертию» (IX, 95).

12. Виргилий, Марон. Виргилиевы Георгики. Перевод А. Р. Москва, в Типографии Августа Семена, 1821.

XXXIX + 1 ненум. + 181 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На стр. 15 отчеркнуты волнистой чертой строки 15—20:

Неповоротливый из края в край каток
Вращая, уровняй для нив созревших ток,
И вяжущим его напой раствором мела,
Чтоб рухлая земли поверхность отвердела;
Или в расселинах и травы порастут
И жадный рой червей найдет себе приют.

А. Р.— псевдоним С. Е. Раича (И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов..., т. I. М., 1941, стр. 34).

Резко отрицательное отношение Белинского к творчеству Виргилия, которого он называл «поддельным Гомером» (VIII, 135), общеизвестно. Несомненно, однако, что это отношение не было голословным и ему предшествовало внимательное изучение сочинений латинского классика.

О другой книге Виргилия, «Буколиках», Белинский отозвался, что она «очень недурно переведена Раичем» (VII, 516).

13. Волчков С. С. Новой лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. Часть перьвая с литеры *A* по литеру *G*. Печатан в Санктпетербурге при *Императорской Академии Наук* [1755 г.].

1062 стр.

На форзацах множество различных записей, росчерков, рисунков. Среди них запись: «Сей лексикон принадлежит лейб-гвардии Преображенского полку подпрапорщик Николай Ермолов». Тем же почерком на заднем форзаце:

«Приношение старому Ликсикону:

О! старый ликсикон!
Натуры долг ты исполняешь
И молодые книги поправляешь».

<Титул второй части:>
Нового Вояжирова Лексикона на французском, немецком, латинском и российском языках, часть вторая с литеры *G* до конца Алфавита. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук. 1764 года.

1 ненум. + 1282 стр.

Судя по надписям прежних владельцев, книга куплена Белинским у букиниста.
В библиотеке Белинского сохранилось значительное количество разноязычных, толковых и энциклопедических словарей, служивших ему для справочных целей. Здесь уместно будет отметить исключительно бережное отноше-

ШМУЦТИТУЛ И ОБЛОЖКА «ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА» К. К. ГЕРЦА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ СОСТАВИТЕЛЯ БЕЛИНСКОМУ

Музей И. С. Тургенева, Орел

ние Белинского к многочисленным своим справочникам и словарям, которыми он пользовался постоянно, не позволяя себе никаких отчеркиваний, записей и знаков на полях.

14. Востоков А. Х. Стихотворения Александра Востокова. В трех книгах. Издание исправленное и умноженное. Санктпетербург. В Типографии Императорской Российской Академии, 1821 года.

Фронтиспис + 7 ненум. + 263 стр. + 3 гравюры.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «А. Е.». Пометок нет.

Судя по инициалам прежнего владельца, книга куплена Белинским у букиниста. Относясь с большим уважением к Востокову как автору «лучшей русской грамматики», Белинский был совершенно иного мнения о Востокове-поэте. «Стихотворения Востокова только до появления Жуковского и Батюшкова могли считаться образцами легкой поэзии и образцами стихотворного языка»,— пишет он в третьей статье «Сочинения Александра Пушкина» (XI, 312—313).

15. Гагарин С. П. Всеобщий географический и статистический словарь. Состав[ил] кн. С. П. Гагарин. Москва, в типографии А. Семена, 1843.

Часть I—3 ненум. + 558 стр.; часть II — 3 ненум. + 596 стр.; часть III — 3 ненум. + 645 стр.

Без переплетов. Встречаются неразрезанные страницы. Пометок нет.

Популярный справочник С. П. Гагарина мог служить ценным пособием для Белинского в его повседневной работе. Наличие неразрезанных страниц можно объяснить выборочным чтением словаря.

16. Геродот. История Иродотова, переведенная с Греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями Переводчика, Часть V и последняя, Содержащая в себе книгу 9, Исследование жизни Омира и Географию Иродота, почерпнутую из Малт-Брюна, с картою Географии Иродотовой, им же составленною. Санктпетербург. В Типографии Иос. Иоаннесова. 1828.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

265 стр.

Без переплета. Титульный лист оторван. Пометок нет.

В статье «Общее значение слова литература» (VI, 526) Белинский включает сочинения Геродота в число тех творений, которые, будучи «учеными по содержанию, в то же время суть изящные произведения, по искусству их концепции и изложения». Среди книг Белинского сохранилась только пятая часть Истории Геродота («Иродота»— в транскрипции переводчика — академика И. И. Мартынова).

* 17. Герц К. К. Исторический сборник, составленный К. Герцом. Книжка первая. Санктпетербург. В типографии Военно-Учебных Заведений. 1847.

7 ненум. + 171 + 1 ненум. стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. На шмуцтитуле чернилами: «Виссариону Григорьевичу Белинскому от Издателя».

Пометки:

Стр. 13. Волнистой чертой подчеркнуто слово «Ордонанций».

Стр. 52. Отмечено косой черточкой начало статьи «Робертсон, Юм и Гиббон».

Стр. 57. Отчеркнуты три последние строки: «Софисты нашего времени, сколь они ни ловки и оборотливы, всегда вносят в историю полику <sic!> какой-либо партии и философии известной системы».

Стр. 114. Отчеркнуты на полях строки 11—19: «Если наши журналисты отозвались о сочинении проф. Лоренса в немногих словах — эту немногословность легко

извинить тем, что их редакции недостает иногда специальных сведений, которые составляют необходимое условие при обсуждении ученого труда. Люди, занимающиеся критикой изящно-литературных произведений,— не всегда ученые судьи. Не таковы ученые».

В оглавлении подчеркнута чернилами фамилия профессора Штура.

Составитель «Исторического сборника» Карл Карлович Герц (1820—1883) был лично знаком с Белинским («Письма», III, 86 и 88; Малеин. Карл Карлович Герц. СПб. 1912, стр. 16). В течение 1845—1846 гг. Герц напечатал в «Современнике» (и частично в «Отеч. записках») ряд статей, переводов и компиляций из иностранных исторических сочинений. Эти работы он включил в состав «Исторического сборника», вышедшего в свет в начале 1847 г. (цензурное разрешение 18 ноября 1846 г.). Хотя статьи Герца были знакомы Белинскому по первоначальным публикациям, он, тем не менее, вновь перечел их и в сборнике. Об этом свидетельствуют приведенные выше пометки, являющиеся, между прочим, документальным доказательством авторства Белинского для двух анонимных рецензий во втором томе «Современника» за 1847 г. (см. XIII, 202, 203, 318, 463, 464). По словам биографа Герца — А. Малеина (цит. изд.), автор «Исторического сборника» был так сильно задет этими рецензиями, что надолго отказался от научно-публицистической деятельности.

18. **Гёте, Иоганн-Вольфганг.** Клавиго, драма в пяти действиях. Сочинение Гёте, перевод А. Струговщикова <1841>.

<На обложке:> Библиотека литературно-художественных статей. II книжка.

3 ненум. + 60 стр.

Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Белинский резко-отрицательно отнесся к «Клавиго» Гёте, равно как и к другим его пьесам, делая исключение только для «Гетца фон-Берлихингена». «Клавиго» он называл «жалким созданием» (VIII, 122). Беглые упоминания о «Клавиго» см. Соч., VI, 113, VII, 60 и XIII, 100. Следует добавить, что Белинский сам признавался в несколько предубежденном отношении к «Клавиго» (см. письмо к В. П. Боткину от 12 августа 1838 г.— «Венок Белинскому», стр. 52).

19. **Гёте, Иоганн-Вольфганг.** Римские элегии, сочинение Гёте. <1840>.

<Библиотека литературно-художественных статей. I книжка.>

4 ненум. + 60 стр.

Книга представляет собой 8 несброшированных листов. Титульного листа и обложки нет. Предисловие переводчика (А. Струговщикова) не разрезано. Пометок нет.

Перевод «Римских элегий» Гёте был восторженно встречен Белинским: «Римские элегии Гёте, переведенные г. Струговщиковым, составляют одно из драгоценнейших приобретений не только в итоге месячного, но и годового бюджета нашей бедной литературы» (V, 229). Подробный разбор «Римских элегий» дан Белинским в № 8 «Отеч. зап.» за 1841 г. (VI, 241—272). О «Римских элегиях» см. также XIII, 51—52.

Судя по тому, что эта книга сохранилась в библиотеке Белинского в несброшированном виде, можно предполагать, что она была доставлена критику самим переводчиком еще до выхода в свет.

* 20. **Гиббон, Эдуард.** *История упадка и разрушения Римской* Империи. Сочинение Гиббона, сокращенное Г. Адамом. Перевод с Французского с примечаниями Русского переводчика, Москва, в Типографии Решетникова, 1824.

VIII+264+XIII стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.* Пометок нет.

В рецензии на «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений» С. Смарагдова (1844) Белинский упоминает об этом издании Гиббона (XII, 297).

21. [Гизель, Иннокентий.] Синопсис или краткое описание от различных летописцев о начале Славенского Народа, о первых Киевских Князех, и о житии Святого Благоверного и Великого Князя Владимира, Всея России первейшего самодержца, и о Его Наследниках даже до Благочестивейшего Государя Царя и Великого Князя Федора Алексиевича, Самодержца Всероссийского, девятым тиснением изданное в пользу любителям Истории. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1810.

Автор книги — архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель (ум. в 1683 г.). «Синопсис» (первое издание вышло в 1674 г.) является одним из ранних трудов по русской историографии.

Белинский делает ссылку на «Синопсис» в рецензии на альманах «Утренняя заря» (1839), объясняя происхождение названия Крещатик в Киеве(IV, 89).

22. [Голиков И. И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные Из достоверных источников и расположенные по годам. Москва, В Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1788—1789.

Часть I — 368 + 2 стр.; часть III — 2 ненум. + 395 + 2 ненум. + 20 стр.; часть IV — 2 ненум. + 408 + XVIII + 1 ненум. стр.; часть V — 418 + XVII + 2 ненум. стр.; часть VI — 435 + XI + 1 ненум. стр ; часть VII — XI + 464 + 2 стр.; часть VIII — 2 ненум. + IX + 448 + 1 ненум. стр.; часть IX — 2 ненум. + IX + 499 + + 4 ненум. стр.; часть X — 2 ненум. + XVIII + 2 ненум. стр.; часть XII — 2 ненум.+ +XIX + 489 стр.

Дополнения к Деяниям Петра Великого, мудрого преобразителя России, 1794—1797.

Часть XII — 372 + 3 ненум. стр.; часть XIV — 404 стр.; часть XVIII — XXII + + 582 стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Белинский прекрасно знал и ценил труд Голикова. Приветствуя новое издание «Деяний», вышедшее в 1837—1840 гг., Белинский писал: «Из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова. Прекрасное, отрадное явление в русской жизни этот Голиков!..» (VI, 120). Позднее, в 1844 г., Белинский высказался о необходимости выпустить компактное издание «Деяний Петра Великого» Голикова, «потому что новое издание их неполно и дорого... а старое издание и уродливо, и редко» (IX,47).

23. [Голиков И. И.] Историческое изображение жизни и всех дел славного Женевца, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта, Первого любимца Петра Великого, Первого Российского Генерал-Адмирала, Первого из иностранных Его Министра и в советах Его Президента, Полковника выборного своего имяни полку, Генерала выборных же пехотных войск, Наместника Великого Нова-Города, чрезвычайного и полномочного Посла при многих Европейских Дворах, и Сослужебника Его, подобно же посвятившего себя службе Отечества нашего, Знаменитого шотландца войск Его же Величества Генерала Аншефа Патрика Гордона, Известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона. Москва. 1800. В Университетской Типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия.

1 ненум. + 307 + 3 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Характерный переплет дает основание включить труд Голикова в число книг, принадлежавших критику. См. примеч. к № 6.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ИСТОРИИ УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГИББОНА

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью критика

Музей И. С. Тургенева, Орел

ИСТОРІЯ
УПАДКА
И
РАЗРУШЕНІЯ
РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Сочиненіе Гиббона,
сокращенное Г. Адамомъ.

Переводъ съ Французскаго
съ примѣчаніями Русскаго переводчика.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи Рѣшетникова
1824.

В. Бѣлинскій

* 24[1]. Гомер. Илиада Гомера, переведенная с греческого Н. Гнедичем, Членом Императорской Российской Академии, Членом-Корреспондентом Императорской Академии Наук, Членом Обществ Любителей Словесности С. Петербургского, Московского, Казанского и проч. Санктпетербург. Печатано в Типографии Императорской Российской Академии. 1829.

Часть I — 7 ненум. + XV + 1 ненум. + 354 + 2 ненум. стр.; часть II — 2 ненум. + + 362 + 2 ненум. Стр. 1—16 отсутствуют.

Корректурный экземпляр 1-го издания «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича с многочисленными правками Н. И. Гнедича, А. И. Красовского и М. Е. Лобанова. На титульном листе, после слов: «Членом-Корреспондентом Императорской Академии Наук» корректурная вставка: «Почетным Членом Императорского Виленского Университета». После слов: «Московского, Казанского» вписано: «За этим поместить эпиграф Греческий и Русский самым мелким шрифтом». На экземплярах, вышедших из печати, помещен греческий эпиграф из Диона Хрисостома с переводом его на русский язык: «Гомер каждому, и юноше и мужу и старцу, столько дает, сколько кто может взять».

На 362-й, последней, странице корректурного экземпляра сделана следующая надпись рукою Н. Гнедича: «Конец и богу слава, а вам спасибо!» Вслед за тем — рукою Белинского (?) приписано: «Переводчика! переводчика!!!»

На внутренней стороне переплета В. В. Стасовым написано: «Из библиотеки Висар. Григорь. Белинского. Дар Императорской Публичной Библиотеке от Ив. Серг.

[1] Книга хранится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в Ленинграде. Дается в описании Р. Заборовой.

Тургенева. Октябрь 1874 года». Дар Тургенева зарегистрирован в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1874 г. СПб., 1875, стр. 106. См. воспроизведение титульного листа и отдельных страниц книги на стр. 157 и 161 наст. тома.

Не совсем ясно, каким образом корректурный экземпляр этой книги мог попасть к Белинскому. Повидимому, он был куплен у букиниста или же получен непосредственно из архива типографии.

В рецензии на второе издание «Илиады» в переводе Гнедича Белинский писал: «Конечно, никакой перевод не заменит подлинника, и тем более такого, как «Илиада», где все — изящные образы, выраженные на языке по преимуществу художественном, по преимуществу созданном для изящных образов; но если цель перевода есть дать по возможности близкое понятие о подлиннике, то Гнедич блистательно достиг этой цели, и его труд есть великий подвиг, делающий честь целой нации» (V, 14).

25. Гомер. Одиссея или Странствования Улисса. Героическое творение Гомера. Издание второе, вновь исправленное, Санктпетербург, в Типографии В. Плавильщикова, 1815 года.

Часть I — 3 ненум. + 176 + 2 ненум. стр.; часть II — 1 ненум. + 187 + 1 ненум. стр.

В цельном кожаном переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «С. J. С.». Пометок нет.

Судя по инициалам прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста.

26. Гомер. Одиссея, переведенная с Греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Часть первая. Санктпетербург. В Типографии Департамента Народного Просвещения. 1826.
<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

4 ненум. + XX + 333 стр.

Без переплета. В двух экземплярах. Во втором экземпляре разрезана только первая песнь. Пометок нет.

Об отношении Белинского к переводам И. И. Мартынова см. примеч. к № 3.

* 27. Гомер. Омирова Илиада, переведенная с Греческого языка Иваном Мартыновым. С примечаниями переводчика. Санктпетербург. В Типографии Департамента Народного Просвещения. 1823—1825.
<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

Часть I—XXII + 448 стр.; часть IV — 404 + 4 стр.; части II и III утрачены.

Без переплетов. На глухой обложке почерком Белинского: «*Илиада*». Пометок нет.

Об отношении Белинского к переводам И. И. Мартынова см. примеч. к № 3.

27а. Грек, Максим — см. № 62.

28. [Дмитрий Феодози.] Житие и славные дела Петра Великого, Самодержца Всероссийского, с приложением краткой географической и политической истории о Российском государстве, Первее на Славенском языке изданное в Венеции, и ныне вновь с пополнением и поправлением как самой истории, так и с преложением некоторых Славено-сербских слов на Российской, с гравированными планами баталий и взятых крепостей, и на все великие действия медалями напечатано.

Том вторый. Печатано иждивением купцов: Санктпетербургского Сергея Копнина и Иркуцкого Ивана Байбородина. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук. 1774 года.

1 ненум. + 332 + 4 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Автором этой книги по традиции считался Д. Феодози (см. Сопиков В. С. «Опыт Российской библиографии» под ред. В. П. Рогожина, ч. III, № 4071). Однако в первом венецианском издании (1772 г.) подробно изложена история создания книги и обозначено имя ее подлинного автора — Захария Орфелина. Феодози был лишь типографом, издавшим книгу. Белинский упоминает о Феодозии в статье «Записки русских людей. События времен Петра Великого» (XII, 325).

29. Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей Российских, до Истории, Географии и Генеалогии Российския касающихся; Изданная Николаем Новиковым, Членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете. Издание второе, Вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. Москва. В Типографии Компании Типографической, 1788—1791.

Часть I — XVI + 446 стр.; часть II — VI + 446 стр.; часть III — XI + 476 стр.; часть IV — 2 ненум. + 564 стр.; часть V — 2 ненум. + 432 стр.; часть VI — V + + 506 стр.; часть VII — 2 ненум. + 489 стр.; часть VIII — 2 ненум. + 475 стр.; часть IX — 494 + 1 стр.; часть X — 470 стр.; часть XI — 4 ненум. + 448 стр.; часть XII — 5 ненум. + 363 + 7 стр.; часть XIII — 2 + 459 стр.; часть XIV—4 ненум. + + 496 стр.; часть XVI — VIII + 434 стр.; часть XVII — 2 ненум. + 455 стр.; часть XVIII — 2 ненум. + 436 стр.; часть XX — 442 стр. Часть XV утрачена.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Упоминание о «Древней российской вивлиофике» встречается в письме Белинского к А. П. и Е. П. Ивановым от 13 января 1831 г.: «Скажите брату, чтобы он постарался при первом случае прислать ко мне... «Российскую Вивлиотеку». Именно на второе издание ссылается Белинский в статье «Записки русских людей. События времени Петра Великого» (XII, 317) по поводу стихотворной пьесы «Плач и утешение», помещенной в XIV части «Вивлиофики».

* 30. [Евгений Болховитинов.] Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Издание второе, исправленное и умноженное, с присовокуплением трех Списков Писателей: Азбучного, Хронологического и Перечневого. Санктпетербург, в типографии Ивана Глазунова и его иждивением. 1827 года.

Том I — 3 ненум. + 343 + 1 ненум. стр.; том II — 3 ненум. + 333 + 3 ненум. + + LXXVI стр.

Оба тома в одном переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

Белинский нигде не упоминает о словаре митрополита Евгения. Тем не менее, следы пользования этим известным справочным изданием встречаются в сочинениях Белинского довольно часто.

* 31. Екатерина II. Были и небылицы и гражданское начальное учение. Сочинение Екатерины II. Издано с предисловием С. Глинкою. Москва, в Типографии Семена Селивановского, 1832.

10 ненум. + 10 + 279 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

Не имея возможности, по цензурным условиям, высказать свое мнение о «творчестве» коронованной сочинительницы, Белинский полностью игнорирует ее творения Однако положительную роль, сыгранную Екатериной II в распространении просвеще-

ния, Белинский отмечает неоднократно: «...наша великая императрица... Екатерина II заботилась о создании литературы и публики, заставила читать двор, от которого мало-помалу охота к чтению перешла, через высшее дворянство, к среднему, от него к чиновническому люду, а теперь уже начинает переходить и к купечеству» (XII, 280).

32. Жуковский В. А. Переводы в прозе В. Жуковского. Иждивением Издателя. Москва, в Университетской Типографии. 1816—1817.

Часть II — 3 ненум. + 272 стр.; часть III — 3 ненум. + 249 стр.; часть V — 4 ненум. + 266 + 1 ненум. стр. Части I и IV утрачены.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Во второй статье «Сочинения Александра Пушкина» Белинский заметил, что «выбор переводных статей в прозе у Жуковского... отличается совершенно карамзинским духом, несмотря на то, что многие статьи переведены с немецкого» (XI, 225).

33. Жуковский В. А. Переводы в прозе В. Жуковского. Издание второе. Санктпетербург. В типографии Ивана Глазунова и его иждивением. 1827.

Том I — 2 ненум. + 330 + 1 ненум. стр.; том II — 2 ненум. + 411 + 1 ненум. стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

См. примеч. к № 32.

34. Жуковский В. А. Сочинения в прозе В. Жуковского. Повести. Рассуждения. Разборы сочинений. Письма из путешествий. Издание второе, пересмотренное и умноженное. Санктпетербург, в Типографии Ивана Глазунова и его иждивением. 1826.

3 ненум. + 253 + 1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Белинский неоднократно отмечал, что в прозаических сочинениях Жуковский всецело находился под влиянием своего учителя—Карамзина, «и если, в отношении к стилистике, ученик подвинулся дальше учителя, то взгляд на предметы, склад ума, характер слога и языка — все это чисто карамзинское. Чтоб убедиться в этом, стоит только прочесть критические разборы Жуковского сатир Кантемира и басен Крылова; статьи его: «Марьина Роща», «Три сестры», «Кто истинно добрый и счастливый человек», «Писатель в обществе» и проч.» (XI, 225).

Все перечисленные Белинским статьи Жуковского находятся как раз в этом томе.

35. Жуковский В. А. Стихотворения В. Жуковского. Том первый.— Орлеанская дева.— Лирические стихотворения.— Романсы и песни. Издание третие, исправленное и умноженное. Санктпетербург. В Типографии Департамента Народного Просвещения. 1824.

4 ненум. + 400 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

В статье «Стихотворения В. Жуковского» Белинский писал: «Кто не желал бы иметь у себя собрания сочинений Жуковского? скажем более: кто из образованных людей не обязан иметь их?» (IX, 48). В этой же статье он дает библиографическую справку об изданиях сочинений Жуковского.

36. Загоскин М. Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. Соч. М. Загоскина. Москва, в Типографии И. Степанова, при Императорском Театре, 1831.

Часть I — 191 стр.; часть II — 216 стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Книга, судя по ее внешнему виду, принадлежала Белинскому. Упоминания Белинского о Загоскине весьма часты; из всех произведений его он ценил только «Юрия Милославского»; «Рославлева» же Белинский считал слабым произведением (VIII, 373).

37. Измайлов А. Е. Евгений или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества. Повесть, написанная А. Измайловым. В Санктпетербурге, в привиллегированной Типографии Вильковского, 1799 года.

Часть I — 6 ненум. + 143 стр.; часть II — 4 ненум. + 224 стр.

Обе части в одном переплете. Книга сильно зачитана. На переднем форзаце незнакомым почерком надпись: «Из библиотеки Рудинского». Пометок нет.

БЕЛИНСКИЙ И НЕКРАСОВ

Карикатура, предназначавшаяся для «Иллюстрированного Альманаха» Некрасова, но отвергнутая им и не попавшая в книгу

Рисунок Н. А. Степанова, 1848 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Судя по надписи прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста. Белинский в своих статьях дважды упоминает об этом романе. В своем обзоре «Русская литература в 1843 г.» (VIII, 372—373) он дает подробную справку о романе «какого-то Измайлова»— «Евгений или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества», изданном в 1799 г., и, сравнивая его с «Выжигиным» Булгарина, иронически замечает, что «Выжигин», «изобретательностию, манерою, ярким изображением характеров, движением сердца человеческого и нравственно-сатирическим направлением живо напоминавший собою «Евгения» г. А. Измайлова, далеко превзошел

его в правильности языка, хотя и уступил ему в живости рассказа». Такое же сопоставление находим в рецензии на «Учебную книгу...» Н. Греча, принадлежность которой Белинскому устанавливается, в настоящем томе, В. С. Спиридоновым (см. стр. 367).

38. Иллюстрированный Альманах. Изданный И. Панаевым и Н. Некрасовым. Санктпетербург. В типографии Эдуарда Праца. 1848.

4 ненум. + 136 стр. + 7 литографированных рисунков на отдельных листах (карикатуры Н. А. Степанова) перед текстом, в числе их, под названием «Типографские превращения», один, изображающий В. Г. Белинского, стоящего с гранками в руках. Под рисунком подпись: «Своей собственной статьи не узнаю в печати».

В переплете. Имеет следы зачитанности. Пометок нет.

Альманах, изданный бесплатным приложением к журналу «Современник», несмотря на полученное 26 февраля 1848 г. цензурное разрешение, в свет не вышел. Реакционные мероприятия правительства, вызванные революционными событиями в Западной Европе, привели редакцию «Современника» к убеждению, что выход альманаха при усилившихся строгостях цензуры может иметь неприятные последствия. Поэтому было решено снова отдать его на рассмотрение цензуры. Вторичное рассмотрение состоялось 20 октября 1848 г. в заседании Главного управления цензуры; альманах был запрещен.

23 ноября И. И. Панаев, вызванный в цензурный комитет, дал следующее обязательство: «Вследствие объявленного мне предписания г. министра народного просвещения от 6 ноября за № 1489 о запрещении выпуска в свет представленного мною для журнала „Современник" иллюстрированного „Альманаха", обязываюсь я отныне не выпускать в свет ни одного печатного экземпляра этого „Альманаха" в таком виде, в каком он существует теперь; при этом, однакоже, считаю я нужным заметить, что не принимаю на себя ответственности за несколько экземпляров, которые даны были мною тогда, когда книга эта только отпечаталась с разрешения цензора Очкина» (В. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934, стр. 249 — 253).

В числе лиц, получивших альманах тотчас же по выходе его из печати, конечно, был и Белинский. «Иллюстрированный альманах» представляет библиографическую редкость (см. «Невский альманах», вып. 2, П., 1917, стр. 48). Следы зачитанности экземпляр, принадлежавший Белинскому, получил, надо думать, после смерти критика.

* 39. Иосиф Флавий. Иосифа Флавиа Древности Иудейские. С Латинского на Российский язык преложенные придворным священником Михаилом Самуйловым. Часть I (третьим тиснением, 1795 г.), часть II (1-е изд., 1781 г.), часть III (третьим тиснением, 1795 г.). В Санктпетербурге, При Императорской Академии Наук.

Часть I — 15 ненум. + 403 стр.; часть II — 2 ненум. + 421 стр.; часть III — 2 ненум. + 465 + 10 ненум. стр.

В переплетах. На титульных листах всех томов автографическая подпись: *В. Белинский.* Пометок нет.

Упоминаний о Иосифе Флавии в сочинениях Белинского не встречается.

* 40. Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о Губерниях.— Рассуждение, писанное для получения степени Магистра Гражданского Законодательства, Кандидатом Прав Константином Кавелиным. Москва. В Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1844.

2 ненум. + III + 1 ненум. + 186 + III стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Книга разрезана только до 49 страницы. На сохранившемся обрывке глухой обложки надпись незнакомым почерком: «У Аничкина Моста, Д. Лопатина № 47-й. Виссариону Григорьевичу Белинскому».

На обороте (почерком К. Кавелина): «Виссариону Григорьевичу Белинскому от К. Кавелина на память. <Москва 1847<?> г. 7 февраля>». Последние слова на обрывке обложки не сохранились. Приводим их по рукописи А. М. Путинцева.

В «Обзоре русской литературы за 1844 год» (IX, 133) среди книг, особенно замечательных важностью содержания, Белинский отмечает и диссертацию К. Д. Кавелина. Других упоминаний об этой работе Кавелина в сочинениях Белинского нет.

*** 41. Каллимах. Гимны Каллимаха Киринейского. Перевел с Греческого языка и составил примечания на оные Иван Мартынов. Санктпетербург. В типографии Иос. Иоаннесова, 1823.**

<Шмуцтитул:> Греческие классики, Переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

Часть I — 3 ненум. + 245 + 11 ненум. стр.; часть II — 3 ненум. + XIII + 272 + + 11 ненум. стр.

Без переплетов. На глухих обложках почерком Белинского: *«Гимны Каллимаха»*. *Вся первая часть не разрезана. Последние страницы второй части изорваны.*

В сочинениях Белинского встречается только одно упоминание о древнегреческом поэте Каллимахе (ок. 310— ок. 225): «Гимны Каллимаха... носят на себе характер эпический, допускают в себе повествования, и вообще являются в виде лирических поэм довольно большого объема» («Разделение поэзии на роды и виды»,—VI, 100).

Об отношении Белинского к переводам И. И. Мартынова см. примеч. к № 3.

42. Камашев И. О различных мнениях об изящном. Рассуждение на степень магистра Кандидата Ивана Среднего-Камашева. Москва, В Университетской Типографии, 1829.

57 + 1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Интерес Белинского к вопросам эстетики не мог не сказаться на составе его библиотеки. Имя Камашева, автора ряда статей, печатавшихся в «Вестнике Европы», было, конечно, хорошо известно Белинскому. Ср. ниже № 87а.

*** 43. Кампе, Иоахим-Генрих. Новой Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей, сочиненный Г. Кампе. Перевод с Немецкого. В четырех Частях. Издание второе. Москва, 1819. В Университетской Типографии.**

Часть I — 142 стр.; часть II — 140 стр.; часть III — 139 стр.; часть IV — 139 стр.

По две части в одном переплете. На титульных листах частей I и III автографические подписи: *В. Белинский.* На книге имеется несколько надписей прежних владельцев: «Ив. Добрынин», «Подарена в 1839 году Воспитанником 3-й Петербургской гимназии Иваном Н. Корниковым» и др.

Пометки:

Часть I. Стр. 41. Подчеркнуты слова: «Орканы» и «Сильные ветры».

Стр. 56. Отчеркнуто: «Отец. Итак, поелику Бог любит столько всех своих человеков, и притом столько Премудр, что Один знает о том, что всегда нам полезно: то не уже ли Он не к лучшему всегда с нами делает?»

Стр. 58. Отчеркнуто: «...для чего Небесный Отец ваш попустил тому случиться! Скажите тогда сами себе: „Бог гораздо лучше меня знает, что мне полезно; и потому охотно буду сносить все, что Он на меня ниспосылает“».

Стр. 66. Отчеркнуто: «Лизанька. О! Ты и этого не знаешь? Прилив значит то, когда вода...»

Часть II. Стр. 65. Отчеркнуты строки 10—26 — о божественном провидении.

Судя по надписям прежних владельцев, книга была куплена Белинским у букиниста.

Характеризуя сентиментально-нравоучительную книжку немецкого писателя для детей Иоахима-Генриха Кампе (1746—1818), Белинский отмечает, что она несравненно хуже «Робинзона» Дефо. Она «состоит, большею частию, из пиэтистических и резонерских разговоров отца, рассказывающего детям историю Робинзона. Эти разговоры для детей более способны произвести в детях скуку и отвращение к морали, чем быть для них наставительными» (VII, 237). Несмотря на этот отрицательный отзыв, Белинский счел новое издание книги Кампе, вышедшее в 1842 г., не лишним из-за чрезвычайной бедности русской литературы хорошими книгами для детей. Как видно из письма Белинского к Краевскому от 1841 г. («Письма», II, 228), Белинский предполагал сам составить «Историю Робинзона Крузо» для детей, однако это намерение осталось неисполненным. Ср. вновь обнаруженные отзывы Белинского об издании книги Кампе 1842 г., публикуемые С. Машинским в настоящем томе, стр. 352.

*** 44. Кантемир А. Д. Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1762 года.**

1 ненум. + 14 + 16 ненум. + 176 стр.
В переплете. Сохранность хорошая.
Пометки:
Стр. 23. Сатира II. Отчеркнуты стихи 135—139.
Стр. 32. Подчеркнут стих 275. Там же отчеркнуты стихи 288—292.
Стр. 35. Подчеркнут и отмечен NB стих 331.
Стр. 37. Отчеркнуты стихи 371—376:

Адам дворян не родил, но одному сыну
Жребий был копать сад, пасть другому скотину;
Ной в ковчеге с собою спас всё себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных.
От них мы произошли, один поранее
Оставя дудку, соху; другой попозднее.

Стр. 39. Сатира III. В 8-й строке подстрочного примечания (правая колонка) подчеркнуто слово «издан».
Стр. 45. Отчеркнуты и отмечены NB стихи 97—104:

О, когда б дворяне так наши свои знали
Дела, как чужие он! не столько б их крали
Дворецкой с прикащиком, и жирнее б жили,
И должников за собой толпы б не водили;
Когда же Менандр новизн наберет нескудно,
Не давно то влитое ново вино в судно
Кипит, бродит. Обруч рвет, доски расширяет
И выбив втулку быстро устьем вытекает.

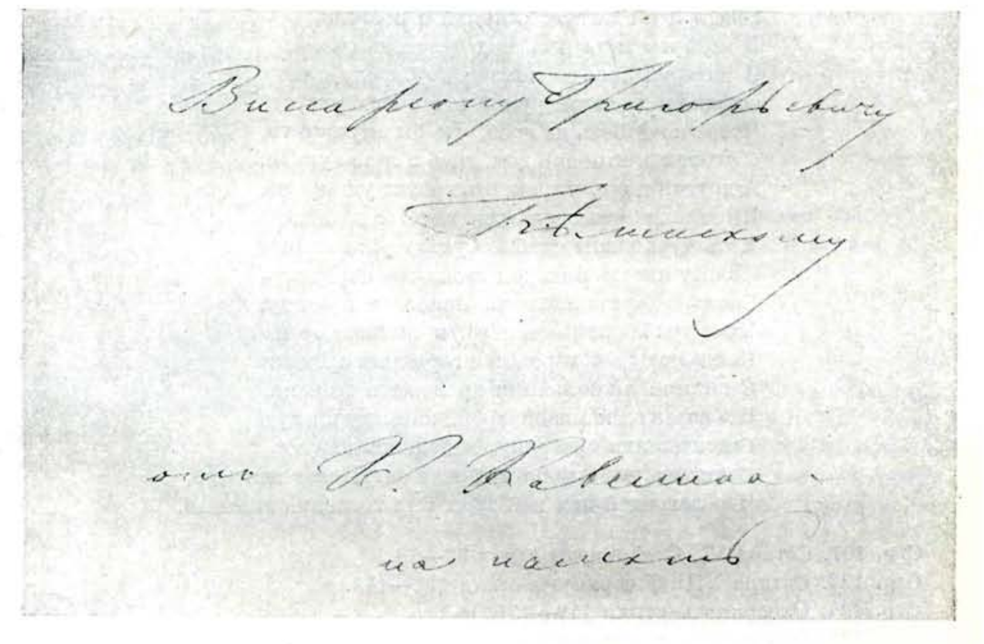
Стр. 48. Отчеркнуты стихи 165—174:

Молебны петь, и свечи класть склонен без меры,
И превосходство сто раз выхваляет веры
Тех, кои церковную славу расширили,
И великолепен храм богу соружили;
Души де их подлинно будут наслаждаться
Вечных благ. Слово к чему, можешь догадаться;

О доходах говорить церковных склоняет;
Кто дал, чем жиреет он, того похваляет,
Другое всяко не столь дело годно богу;
Тем одним легку сыскать можем в рай дорогу.

Стр. 49. Отчеркнуты стихи 178—184:

Бутылки Венгерского с нуждой запить стало.
Жалки ему в похотях погибшие люди,
Но из подлобья пялит глаз на круглы груди,


Виссариону Григорьевичу
Белинскому
от К. Кавелина
на память

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. Д. КАВЕЛИНА БЕЛИНСКОМУ НА КНИГЕ «ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА РУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА»
Музей И. С. Тургенева, Орел

И жене бы я своей заказал с ним знаться.
Завсегда советует гнева удаляться,
И досады забывать; но ищет в прах стерти
Тайна недруга; не дает покою по смерти.

Стр. 56. Отчеркнуты стихи 303—305:

И мнит, что тем способом любим всем бывает
В урыннике, в столчаке твоем он признает
Дух доброй, и без стыда подтверждать то станет.

Стр. 62. Сатира IV. Отчеркнут и отмечен NB стих 64.
Стр. 66. Отчеркнуты и отмечены NB стихи 140—150.
Стр. 71. В 9-й строке подстрочного примечания подчеркнуто слово «издал».
Стр. 79. Сатира V. Отчеркнуты стихи 178—181:

Сами мерски: другие весь стыд забывая,
Телу полну власть дают пред стыдливым полом,

И тщатся нахалливой рукой, что подолом
Скрыл обычай, обнажить, что и удается.

Стр. 83. Отчеркнуты и отмечены *NB* стихи 263—264:

Сего дня один из тех дней свет Николаю,
Для чего весь город пьян от края до краю.

Стр. 85. Подчеркнут стих 314.
Стр. 88. Отчеркнуты стихи 381—382.
Стр. 98. Отчеркнуты стихи 619—632.
Стр. 100. Отчеркнуты стихи 645—662:

Видел я столетнего старика в постели,
В котором лета весь вид человека съели,
И на труп больше похож; на бороду плюет
Однакож дряхлой рукой и в очках рисует,
Что такое? Веть не гроб, что бы ему кстати,
С огородом пышной дом, гдеб в лето гуляти,
А другой видя, что смерть грозит уж косою,
Ни мысля, что сделаться имеет с душою,
Хоть чуть видят слабые бумагу уж взгляды
Начнет писать похорон своих все обряды,
Сколько Архипастырей, попов, и причету,
Пред гробом церьковного, и сколько по щету
Пойдет за гробом родни с горькими слезами,
С какими и сколькими провожать свечами,
Где зарыть, и какой гроб, лампаду златую
Свесить, или сребряну, и надпись какую
Сочинить, чтоб всякому давал знать слог внятный,
Что лежащей под ней прах был господин знатный.

Стр. 107. Сатира VI. Отчеркнуты стихи 33—48.
Стр. 123. Сатира VII. Отчеркнуты стихи 139—148.
Стр. 124. Отчеркнуты стихи 149—151.
Стр. 126. Отчеркнуты и отмечены *NB* стихи 189—191.
Стр. 127. Отчеркнуты и отмечены *NB* стихи 213—216.

Многочисленные пометки Белинского на «Сатирах» Кантемира относятся ко времени его работы над статьей «Кантемир» из задуманной им серии: «Портретная галлерея русских писателей». Отрицая вначале поэтическое призвание и значение Кантемира (см. «Литературные мечтания», I, 330), Белинский позднее изменил свой взгляд и подошел к сатирику с позиций исторического осмысления его деятельности: «Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе... Сатиры Кантемира нельзя читать без некоторого напряжения, тем более нельзя их читать много и долго. Но, несмотря на то, в них столько оригинальности, столько ума и остроумия, такие яркие и верные картины тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение...» (IX, 183, 201).

Сличение стихов, отмеченных Белинским в книге Кантемира, с текстом статьи «Кантемир» (IX, 182—202) показывает, что бо́льшая часть их вошла в качестве цитат в статью, где подвергается подробному разбору сатира за сатирой. Мы не приводим здесь строки, вошедшие в текст статьи, ограничиваясь лишь указанием на их нумерацию. Строки же, отчеркнутые Белинским, но не использованные в статье, мы перепечатываем полностью. Рассмотрение их дает возможность предположить, что причины воздержания Белинского от намеченных цитат имели цензурный характер. Ср. строки о равенстве сословий (II сатира, стихи 371—376), о лицемерии священников (III сати-

ра, стихи 165—174 и 178—184) и т. д. В той же статье Белинский следующим образом описывает это издание «Сатир» Кантемира: «Сатиры Кантемира изданы гораздо после его смерти (в 1762 году), но с его собственноручного списка, посланного им, из Парижа, к императрице Елизавете Петровне, с посвящением ей. Они снабжены многочисленными подробными примечаниями в выносках, кем писанными — неизвестно, но, кажется, не самим Кантемиром. При каждой сатире говорится: издана в такое-то время; но, кажется, здесь слово издана значит ни больше ни меньше, как написана, и при жизни Кантемира, кажется, ни одна сатира его не была напечатана» (IX, 199—200).

Эта цитата объясняет, между прочим, почему Белинским дважды подчеркнуто в тексте подстрочных примечаний слово «издать».

45. [Капнист В. В.] Ябеда, комедия в пяти действиях. С дозволения Санктпетербургской Ценсуры. В Санктпетербурге, 1798. Печатано в Императорской Типографии. Иждивением Г. Крутицкого.

5 ненум.+ 138 стр.
В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Это издание — библиографическая редкость: оно было запрещено цензурой, и 1211 экземпляров его было уничтожено (И. М. Остроглазов. Книжные редкости.—«Русский архив», 1892, XII, 432).

Вот как объясняет Белинский приобретение «Ябеды»: «Необходимость искать и собирать несколько книг, чтоб иметь полное собрание сочинений одного автора, тоже стоит потери денег. Купив собрание стихотворений Капниста, надо еще купить его знаменитую в свое время комедию „Ябеда"» (IX, 44). Считая «Ябеду» комедией, «замечательной более по цели, нежели по исполнению», Белинский говорит: «О „Ябеде" его довольно сказать, что это произведение было благородным порывом негодования против одной из возмутительнейших сторон современной ему действительности, и что, за это, долго пользовалось оно огромною славою, несмотря на все свое поэтическое и даже литературное ничтожество» (VII, 7).

46. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Издание третие. Иждивением книгопродавца Смирдина. Санктпетербург. В Типографии Плюшара. 1830—1831.
‹На обороте титульного листа:› «Печатано по Высочайшему Повелению».

Том II — 3 ненум.+ 367 + 1 ненум.+ 120 стр.; том III — 3 ненум.+ 329 + 1 ненум.+ 79 стр.; том IV — 2 ненум.+ 346 + 1 ненум.+ 84 стр.; том VI — 3 ненум.+ + 433 + 1 ненум.+ 75 стр.; том IX — 4 ненум.+ 544 + 1 ненум.+ 92 + 4 ненум. стр.; том XI — 3 ненум.+ 356 + 1 ненум.+ 52 стр.; том XII — 382 + 1 ненум.+ + 64 + 2 ненум. стр.+ 9 таблиц. Томы I, V, VII, VIII, X утрачены.
В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Об известном труде Карамзина Белинский писал:
«История Государства Российского есть не что иное, как начало, первый основный камень здания исторического изучения, исторических трудов в России» (XI, 219). «Главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит совсем не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России» (VIII, 257).

См. в наст. томе вновь открытые рецензии Белинского на «Историю...» Карамзина (стр. 359).

В рецензии на третью книгу издания Эйнерлинга он писал: «Карамзин открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю, и что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо» (VIII, 257—258).

47. [Карамзин Н. М.] Мои безделки. Часть I.

Of old, those met rewards, who could excell,
And such were prais'd who but endeavour'd well.
The triumphs were to gen'rals only due,
Crowns were reserv'd to grace the soldiers too.
Pope, Essay of Criticism

Издание второе. Москва, В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия. 1797.

Часть II.

J'aime encore les vers, je le dis et sans honte.
Saurin.

Часть I—314 + 1 ненум. стр.; часть II—302 стр.

На переднем форзаце: «Сия книга принадлежит Василию Кислову».

В переплете. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Надпись прежнего владельца заставляет предполагать, что книга была куплена Белинским у букиниста.

Белинскому принадлежит заслуга определения роли Карамзина в истории русской литературы. Чрезвычайно высоко оценивая Карамзина, реформатора языка и литературных жанров, и видя в нем важного деятеля русского просвещения, Белинский, в противоположность многочисленным панегиристам Карамзина, трезво определил недостатки его как художника. Но и здесь он подчеркивает прогрессивное значение Карамзина: «Карамзин первый на Руси начал писать повести, которые заинтересовали общество... Чуждые творчества, они все не чужды таланта, ума, одушевления, чувства,— и в них, как в зеркале, верно отражается жизнь сердца, как ее понимали, как она существовала для людей того времени» (XI, 217). Сборник сочинений Карамзина «Мои безделки» несколько раз упоминается Белинским (IX, 348; XI, 207).

48. [Катифор, Антоний.] Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных книг во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Итальянском, а потом и на Греческом; с коего на Российский язык перевел Статский советник Стефан Писарев. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1772 г.

Фронтиспис (портрет Петра I) + 12 ненум. + 511 + 2 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На стр. 431, на полях у строк 1—13 написано от руки: «богато».

См. примеч. к № 6.

49. [Катифор, Антоний.] Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества. Перевод с Греческого. Издание Второе. Москва. В Университетской Типографии у Н. Новикова. 1788 г.

1 ненум. + 556 + 2 ненум. стр.

(Перевод С. Писарева. См. В. П. Семенников. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографич. Компании. П., 1924, № 737.)

В переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе надпись: «Из книг Никанора......». Фамилия владельца книги срезана при переплетении. На последней странице та же надпись, так же срезанная.

Судя по надписи прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста. Можно предположить также, без особенно убедительных, впрочем, оснований, что книга принадлежала брату критика — Никанору Григорьевичу Белинскому.

См. примеч. к № 6.

50. Квинт Курций Руф. Квинта Курция История о Александре Великом Царе Македонском, с дополнением Фрейнсгейма и с при-

мечаниями. Переведена с Латинского языка вторично, Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. В Санктпетербурге, Четвертым тиснением, при Императорской Академии Наук; 1800—1801 года.

Том I — 406 стр.; том II — 1 ненум. + 451 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

В рецензии на «Руководство к всеобщей Истории» Ф. Лоренца Белинский отмечает эту книгу как занимательную для детей (XII, 339).

* 51. [Квитко-Основьяненко Г. Ф.] Дворянские выборы, часть вторая, или Выбор исправника. Комедия в четырех действиях, в прозе, Москва, в типографии Н. Степанова, при Императорском Театре, 1830 г.

196 стр.

В переплете. Книгой пользовались как промокательной бумагой, вследствие чего на многих страницах сохранились отпечатки каких-то надписей. На корешке инициалы: «В. Б.».

Во всех своих статьях Белинский отзывается о Квитко-Основьяненко неизменно положительно, называя его писателем «почтенным и талантливым». В рецензии на «Молодик» (XII, 422) он упоминает о «Дворянских выборах», как об одном из первых сочинений Основьяненко. В другом месте (X, 152) Белинский, отмечая влияние «Бригадира» и «Недоросля» Фонвизина на «Дворянские выборы», называет их произведением, «имеющим свои недостатки, но и не без достоинств».

* 52. Клуге и Велланский Д. М. Животный магнетизм, Представленный в историческом, практическом и феоретическом содержании. Первые две части переведены из немецкого сочинения профессора Клуге, а третию сочинил Данило Велланский, Доктор Медицины и Хирургии,

САТИРЫ
и
ДРУГІЯ СТИХОТВОРЧЕСКІЯ
СОЧИНЕНІЯ
КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА,
съ историческими примѣчаніями
и
съ краткимъ описаніемъ
его жизни.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1762 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «САТИР» КАНТЕМИРА
Экземпляр из библиотеки Белинского
Музей И. С. Тургенева, Орел

Профессор Физиологии и Пафологии в Императорской Медико-хирургической Академии, Коллежский Советник и Ордена Святого Владим. 4 степени Кавалер. Санктпетербург, в Типографии Императорского Воспитательного Дома 1818 года.

4 ненум. + VIII + 404 + 12 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «D. P.». На переднем форзаце и на 3-й ненумерованной странице автографические подписи: *В. Белинский.* На стр. VIII, 149, 152, 221, 226, 227, 233, 238, 251, 264, 266, 282, 310, 355, 397 — в текст чернилами внесены исправления опечаток.

Возможно, что именно эту книгу «навязал» Белинскому В. Ф. Одоевский. «С Белинским, — вспоминал И. И. Панаев, — не терпевшим и преследовавшим все мистическое, он ⟨Одоевский⟩ серьезно толкует о неразгаданном, таинственном мире духов, о видениях и насильно навязывает ему какую-то книгу о магнетизме, уверяя его, что он непременно должен прочесть ее» (см. И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Ч. I. СПб., 1876, стр. 122). Переводчик Клуге — профессор Даниил Михайлович Велланский (1774—1847) — впоследствии ярый последователь Шеллинга.

52а. Книгге, Адольф. Об обращении с людьми, Сочинение Г. Книгге. С Немецкого перевел Яков Ланген. Санктпетербург. В Медицинской Типографии 1810 года.

Часть III — 228 стр. Части I и II утрачены.

Без переплета. Потрепана. Пометок нет.

В заметке «Беспристрастное суждение „Московского Наблюдателя“ о „Сыне Отечества“» Белинский упоминает о «добром немце, бароне Книгге, написавшем целую теорию обращения с людьми» (XIII, 27). В свое время эта книга барона Адольфа фон-Книгге (1752—1796) пользовалась большой известностью и вышла в десятках изданий, являясь своеобразным «сводом законов житейской мудрости».

* 53. Княжнин Я. Б. Сочинения Якова Княжнина. Издание третие. В Санктпетербурге. В Типографии Ивана Глазунова, 1817—1818.

Том I — фронтиспис + 203 стр. + 1 гравюра; том II — 210 стр.; том IV — 2 ненум. + 300 стр.; том V — 2 ненум. + 193 + 4 ненум. стр.

По два тома в одном переплете. Сохранность хорошая. Том III утрачен.

На титульных листах тт. I и IV автографические подписи: *В. Белинский.* Пометок нет.

Белинский неоднократно отмечает значительную роль, сыгранную Княжниным в истории русской литературы. «У него не было самостоятельного таланта, но как он был человек умный, образованный, знавший иностранные языки и хорошо владевший русским, — то и пользовался с успехом богатою трапезою французского театра, лепя свои трагедии и комедии из отрывков французских драматургов, которые переводил слово в слово... Трагедия его — сколок с французской, и потому не удивительно, что теперь он забыт театром совершенно, и его не играют и не читают; но в истории русской литературы он никогда не будет забыт» (XI, 214).

* 54. Костров Е. И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах Кострова. В Санктпетербурге. Печатано в Императорской Типографии. 1802 года.

Часть I — фронтиспис + 2 ненум. + 238 стр.; часть II — фронтиспис + 2 ненум. + + 177 стр.

Обе части в одном переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе I части автографическая подпись: *В. Белинский.* Пометок нет.

Белинский не высоко ценил Кострова, и все упоминания о нем одинаково пренебрежительны и полны иронии. См., например, его характеристику в первой статье «Сочинения Александра Пушкина»: «Костров прославил себя переводом шести песен „Илиа-

ды* шестистопным ямбом. Перевод жесток и дебел, Гомера в нем нет и признаков; но он так хорошо соответствовал тогдашним понятиям о поэзии и Гомере, что современники не могли не признать в Кострове огромного таланта» (XI, 203).

*** 55. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Кошихина. В Санктпетербурге, в типографии Эдуарда Праца. 1840.**

XVI + 1 ненум + 160 стр.

Без переплета. Обложка оторвана. На титульном листе автографическая подпись *В. Белинский.* Край подписи оборван. Последняя страница наполовину оторвана. Книга частично не разрезана.

Отзыв Белинского об этом издании книги Котошихина (Кошихина) с обширными выдержками из нее помещен в «Отечественных записках», 1840, кн. 4 (VI, 118 и след.).

56. Кронеберг И. Я. Брошюрки. Издаваемые Иваном Кронебергом. Харьков. В Университетской Типографии (№№ I—VII). 1830—1831.

№ I. Исторический взгляд на Эстетику.

2 ненум. + 36 стр.

На переднем форзаце крупным почерком написан перечень брошюрок, составивших том.

Пометки:

Стр. 7. Отчеркнуты строки 9—10: «Горациево послание к Пизонам ложно называется „Ars Poëtica"».

Стр 8. Отчеркнуты строки 3—5: «После Рафаеля, когда, оставив природу, занимались исключительно изучением антика, живопись пала». Начиная с первого абзаца на стр. 9 до первого абзаца на стр. 13 текст (о Шекспире) заключен в скобки.

Стр. 9. В строке 20 зачеркнуто слово «сим».

Стр. 18. В строке 11 подчеркнуто: «Thomas Sibilet».

№ II. Отрывки.

48 стр.

Стр. 25. Отчеркнуты строки 3—10 и 13—20 — о романсах.

Стр. 27. Отчеркнуты строки 4—7 — о романсах.

Стр. 28. Отчеркнуты строки 10—18 — о романсах.

Стр. 29. Отчеркнуты строки 8—13 — о заслугах Бюргера.

Стр. 31. Отчеркнуты строки 10—11: «Гете совершенно объективен; «Шиллер редко свободен от субъективности».

Стр. 40. Отчеркнуты чернилами строки 14—16: «Он ‹принц Валлийский› намерен, говорит он сам, обращением с развратными людьми и необузданною жизнью возбудить в народе дурное о себе мнение и невыгодные ожидания...» и строки 19—21: «Мир действительно в расколе: раскаяние воссело на престол в трагическом виде...»

№ III. Залив Неаполитанский.

56 стр.

Пометок нет.

№ IV. Макбет.

83 стр.

Статья не окончена. На стр. 83 напечатано: «Продолжение впредь».

Пометок нет.

№ V. О переселении творений искусства из завоеванных земель в Рим.

67 + 1 ненум. стр.

Стр. 28. Отчеркнуты строки 12—14: «Испания, Галлия и Африка не были столь богаты, как Сицилия, Греция и Азия».

№ VI. Материялы для истории Эстетики.

82 стр.

Пометки:

Стр. 5. Отмечена крестиком строка 9: «Кроме Опыта науки Изящного, изд. г. Галичем».

Стр. 6. В строке 17 подчеркнуто слово «шелегов».

Стр. 9. Отчеркнуты строки 18 — 21: «Aesthetica est scientia cognitionis sensitivae. Aesthetices finis est perfectio cognitionis sensitivae. Haec autem est pulchritudo».

Стр. 10. Отчеркнуты строки 7—10: «В сем смысле Баумгартен назвал науку Изящного Эстетикою (αισθητικα sc. επιςημη), поелику изящное познается только чувственно, т. е. посредством чувств (αισησις).

Стр. 11. Отчеркнуты строки 4—5 и 6—14 — о Баумгартене.

Стр. 14. Отчеркнуты строки 10—17 — о сочинении Батте: «Les beaux arts réduits à un même principe».

Стр. 15. Отчеркнуты строки 1—5: «Теория его <Батте> разделяется на две части: в первой части он определяет сущность искусств из сущности гения, оные производящего; во второй он определяет начало подражания по сущности и законам вкуса».

Стр. 23. Подчеркнуто: в строке 11— слово «Монфокона»; в строке 13 слова — «Аббата Гори», и отчеркнуты синим карандашом строки 1—22—о Винкельманне.

Стр. 26. Отчеркнуты строки 1—2: «Винкельманн принадлежал последующему веку, а не тому, в котором он жил». Там же отчеркнуты строки 8—17: «Особенное влияние имели Критики чрез издание нескольких Журналов Изящной Словесности и других; и Древняя классическая Литература, изучение коей начинали сочетать с изучением предметов древнего искусства. Восшествие Ганноверских Князей на престол Великобританский и любовь Фридриха Великого к Французской Литературе сблизили Германию с Англией и Францией, и Немцы начали обогащаться сокровищами Английской и Французской Литератур». Там же отчеркнуты строки 22—23 и на стр. 27 строки 1—17 — о критике изящных искусств в Германии.

Стр. 27. Отчеркнуты строки 18—24 о сочинении Мендельсона —«Hauptgrundsaetze der schoenen Künste und Wissenschaften». У строки 18 знак ×.

Стр. 30. Отчеркнуты строки 23—24: «...стихотворение есть чувственно-совершенная речь».

Стр. 31. Отчеркнуты строки 12—16: «Спрашивается: сколько Эстетика Мендельсоном двинута вперед? После Баумгартена ни на шаг. Все его рассуждение есть амальгама Вольфа, Баумгартена и Батте, вопреки всем его лимитациям».

Стр. 32. Отчеркнуты строки 2—7 — об определении эстетики Сульцером.

Стр. 35. Отчеркнуты строки 9—13: «Все тогдашнего времени писатели Эстетики теорий Искусств основывали свои рассуждения, более или менее, на тех же правилах, как Мендельсон и Сульцер».

Стр. 43. Отчеркнуты строки 13—16: «Из сего следует, что все суждения вкуса суть не объективные, а субъективные или Эстетические; поелику основание оных в субъекте». Там же отчеркнуты стр. 17—18: «По сему суждения вкуса не допускают никаких доказательств» и строки 20—24: «следовательно и не может быть Философии Вкуса, т. е. Философии, излагающей правила,под которые следовало бы только подводить понятия, чтобы вывесть заключение, изящен ли предмет понятия».

Стр. 45. Отчеркнуты строки 13—17 — об определении изящного Кантом.

Стр. 51. Отчеркнуты и отмечены знаком × строки 12—14: «В одно время с Кантовой Kritik der Urtheilskraft явилась и Гейденрейхова Эстетика».

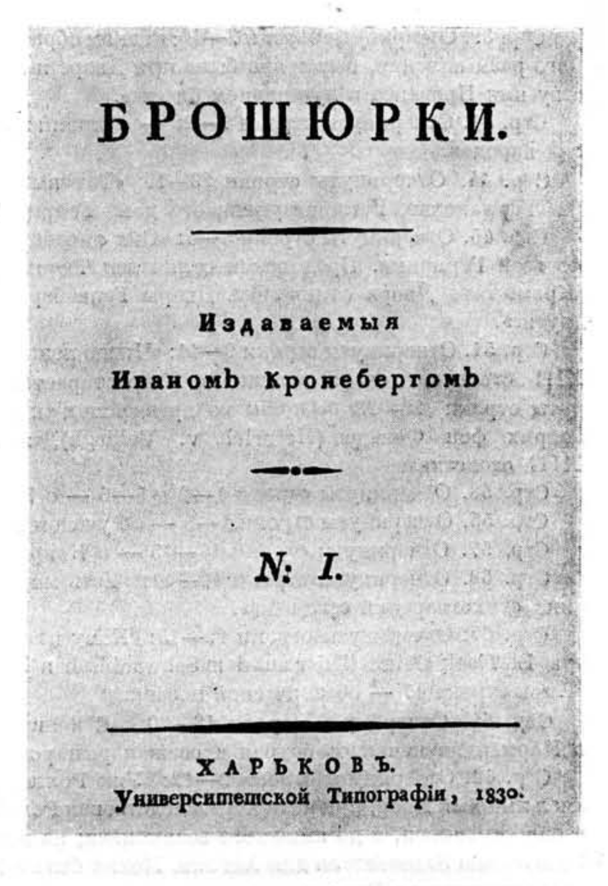
Стр. 53. Отчеркнуты строки 6—15: «Человек, как существо разумное, имеет необходимое побуждение расширять свои познания и распространять их между сочеловеками; как существо способное чувствовать, он имеет побуждение изображать и сообщать свои чувствования».

Стр. 59. Отчеркнуты строки 1—3: «Напротив вся субъективность поэта должна исчезнуть в предмете его Поэзии». Там же, у строки 21 знак × (о Шиллере).

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «БРОШЮРКИ» № 1 ИВАНА КРОНЕБЕРГА

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел


БРОШЮРКИ.

Издаваемыя

Иваномъ Кронебергомъ

N: I.

ХАРЬКОВЪ.
Университетской Типографiи, 1830.

Стр. 66. Отчеркнуты строки 5—18 — об отношении человека к внешнему миру.

Стр. 67. Отчеркнуты строки 12—15: «И так, изящное или красота есть форма, потому что мы ее созерцаем, но вместе и жизнь, потому что мы ее ощущаем».

№ VII. Отрывки.

98 стр.

Пометки:

Стр. 12. Отчеркнуты на полях строки 1—4: «Когда мы бодрствуем, говорит где-то Аристотель, то мы имеем мир общий; во сне же всякой имеет свой особенный мир». Там же отчеркнуты строки 16—23 и на стр. 13 — строки 1—2: «Идея Философии есть таинственное предание; Философия вообще задача знания. Она неопределенная наука наук, мистицизм побуждения знания вообще, как бы дух наук, следовательно, непредставляема, разве только в подобии или приложении, в совершенном изложении частной науки. А как все науки между собою связаны, то Философия никогда не усовершится. Только в полной системе всех наук Философия будет видна».

Стр. 15. Отчеркнуты строки 8—11: «Органическое творение есть в природе развивающаяся мысль творческой природы; творение искусства есть оцепеневшая идея творческой силы Поэзии...»

Стр. 16. Отчеркнуты строки 2—14—об отношении поэзии к искусству.

Стр. 19. Отчеркнуты строки 15—17: «Намерение философствовать есть воззвание к действительному *я*, чтобы оно опомнилось, пробудилось и было духом».

Стр. 37. Отчеркнуты строки 21—22—о рыцарской поэзии Германцев.

Стр. 38. Отчеркнуты строки 1—2, 7—12, 15—17, 20—22 — о рыцарской поэзии Германцев.

Стр. 39. Отчеркнуты строки 7—10: «Таким образом, Поэзия, дитя веселости и свободного размышления, взлелеяна была при Дворе и в кругу рыцарей, и передала потомству имя Прованса в лучезарном блеске».

Стр. 41. Отчеркнуты строки 9—20 — о влиянии прованской поэзии на поэзию других народов.

Стр. 44. Отчеркнуты строки 13—15: «Таковым песнопением занимались государи Германские, Гогенштауфенского дома Генрих VI, Фридрих II и Конрад IV».

Стр. 45. Отчеркнуты строки 3—4: «Она <швабская поэзия> скоро распространилась по всей Германии. Пред всеми отличался Тюрингенский Двор...» и строки 14—15: «Кроме сего Двора отличались Дворы Геннебергский, Австрийский, Стирийский и другие».

Стр. 51. Отчеркнуты строки 9—11: «Число поэтов Швабского века, то есть до исхода XIII столетия, очень велико; оно простирается до трех сот...». Там же отчеркнуты строки 20—23: «Одним из древнейших поэтов Швабского века почитается Генрих фон Фельдек (Heinrich v. Veldegk), живший еще в первом десятилетии XIII столетия».

Стр. 53. Отчеркнуты строки 1—2 и 5—6 — о Вольфраме фон Эшенбахе.

Стр. 55. Отчеркнуты строки 1—5 — об ученом XIII в. Клингсоре.

Стр. 57. Отчеркнуты строки 14—15 — о Конраде Вирцбургском.

Стр. 58. Отчеркнуты строки 10—11: «Есть много рукописных собраний Лирических стихотворений сего века».

Стр. 60. Отчеркнуты строки 12—15: «Кому не доступны оригиналы, тому рекомендую L. Tieck «Minnelieder aus dem Schwaebischen Zeitalter neu bearbeitet». Berl. 1803. 8...» и строка 17 — об эпической поэзии.

Стр. 61. Отчеркнуты строки 18—20: «С появлением Норманна Ролло (в г. 911) в Нормандии началась бодрая и свежая рыцарская жизнь».

Стр. 62. Отчеркнуты строки 2—12: «Уже Роллов преемник Вильгельм (917) имел пышный Двор, при котором господствовал Романо-валлонский язык, образовался, распространился, и до книжного возвысился; на котором писаны были (1007) законы Вильгельма Завоевателя для Англии. Может быть с Юга, где свирепствовало кровавое преследование за Веру и мщение духовных, переселились рыцари и благородные на Север, отчизну военной славы и рыцарской жизни, принесли с собою искусства и возбудили к оным любовь».

Стр. 63. Отчеркнуты строки 8—15: «Древнейшее стихотворение сего рода, нам известное, есть Книга Бриттонов (1155?), собрание пиитических саг о древнейших Английских королях; ибо рыцарские книги читали еще до исхода XII столетия. Около того же времени сочинен Роман о Рыцаре Льва; а Трувер Гассе прославлял в Рауле поселение Ролла и его товарищей в Нормандии».

Там же отчеркнуты строки 19—21: «Первый круг, обильнейший и любимейший, имеет свой корень в Англии и распространяется во все страны света».

Стр. 64. Отчеркнуты строки 4—10: «Средину сего круга занимает Артус или Артур, Царь Зюдвельский, смело и упорно сопротивлявшийся Англо-Саксонской власти, с высокосердыми своими и верными сподвижниками, сидящими за таинственным круглым столом...».

Стр. 65. Отчеркнуты строки 7—12: «Под священным Граалом (Sang real, sanguis realis) разумеют блюдо, сделанное из драгоценного камня, из которого вкушал Спаситель с учениками своими при установлении тайной вечери и в которое Иосиф Аримафейский собрал кровь, текшую из ран распятого».

Стр. 66. Отчеркнуты строки 8—10: «Первый, поднявшийся на высоты сего дивного мира, был Chrétien de Troyes; рано (уже 1190?) обработали саги о Тристане». Там же отчеркнуты строки 18—20: «Третий и младший круг объемлет Карла Великого и его рыцарей Роланда, Феррага, Ожера и др.».

Стр. 67. Отчеркнуты строки 2—6: «Содержание почерпнуто из Италианских исторических преданий, довольно поздно (около 1200) распространилось и проистекло отчасти из Латинской биографии Карла, приписываемой Турпину, Архиепископу Реймско-

му, и в Барцеллоне в Арабо-Испанском вкусе возобновленной, украшено волшебствами феями и исполинами...»

Стр. 75. Отчеркнуты строки 11—12: «Много ныне занимаются в Германии сими древними памятниками языка и искусства...»

Стр. 77. Отчеркнуты строки 2—5: «Исторический фундамент сего круга век Аттилы, столь обильный великими явлениями и переворотами, относившимися ко всем Германским племенам...» Там же отчеркнуты строки 22—24: «Он ⟨Аттила⟩ и век его сделались средоточием круга Эпических саг, который воображение народа наполняло воспоминаниями дивных происшествий...»

Стр. 78. Отчеркнуты строки 14—24: «Сколь глубоко сей круг саг пустил корни и сколь далеко распространился, явствует из указаний историков среднего века, Иорнандеса и Павла Диакона; еще в начале 16-го столетия Авентин нашел у Баварцев множество фрагментов оного; а в Швейцарии оные саги еще долее жили. В Данию и Норвегию они ранее перешли, частью чрез торговлю, частью чрез союз с Германским Императорским Двором в 13-м столетии, и смешались с мифами Эдды и древними северными сагами».

Стр. 85. Отчеркнуты строки 18—19: «Творец Нибелунгов из всех певцов Швабского периода величайший».

Стр. 90. Отчеркнуты строки 7—11: «И апологом занимались. В отыскании и распространении предметов ученые и народ имели равное участие; в руках первых находились собрания басень, доставшихся из времен павшего Римского вкуса...»

Стр. 91. Отчеркнуты строки 22—24: «Древнейшие дидактические стихотворения Швабского времени суть правила жизни, в коих Тироль, Царь Шотландский...»

Стр. 94. Отчеркнуты строки 18—20: «Он враждует против пороков духовенства, против рыцарских упражнений и похождений; язык не столько приятен...»

Стр. 96. Отчеркнуты строки 8—13: «Они и рыцарские торжества, особенно в городах, процветавших под покровительством Гогенштауфенских Императоров в благоденствии, свободе и гражданской образованности, научили народ находить отраду и наслаждение в искусстве и принимать в оном живейшее участие».

Приведенные пометки, по всей вероятности, сделанные Белинским, говорят о внимательном изучении «брошюрок» И. Я. Кронеберга (1788—1838). Глубокое уважение к незаурядному ученому, с которым Белинский находился в переписке, особенно ярко выражено в некрологе Кронеберга, помещенном Белинским в «Московском наблюдателе» (1839, II): «Глубокая мысль, оригинальность и мужественная самобытность взгляда — плод глубокой души, богатой опытами жизни, и огромной классической учености: вот чем ознаменованы все труды Кронеберга. Юношество, стремящееся к мысли и знанию, в брошюрках и разных статьях Кронеберга, всегда найдет для себя о чем подумать, чему поучиться». Здесь же Белинский приводит подробную библиографию сочинений Кронеберга (IV, 111—115). См. также высказывание Белинского об И. Я. Кронеберге — XIII, 39—40.

* 56а[1]. Купер, Джемс-Фенимор. Путеводитель в пустыне, или Озеро-море. Роман Джемса Фенимора Купера, Автора «Последнего из Могикан», «Пионер», «Степей» и пр. Перевод с английского.

«Здесь сердце может дать полезный урок голове — и наука будет мудрее без книг».

Коупер

Санктпетербург. В Гутенберговой типографии. 1841.

Часть I — II + 222 стр.; часть II — 208 стр. (конец оторван).

Без переплета. Значительно повреждена сыростью. Пометок нет. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.*

---

[1] Книга хранится в Пензенской областной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. В «Каталоге выставки, устроенной обществом Любителей российской словесности, в память Виссариона Григорьевича Белинского, 8—11 апреля 1898 года», стр. 26, под № 146 фигурирует книга «Путеводитель в пустыне» Купера, 1841, оттиск из «Отечественных записок» 1840 г. Экземпляр с надписью В. Г. Белинского. Собственность А. А. Астапова. Повидимому, экспонировался именно этот экземпляр.

Купера Белинский ценил чрезвычайно высоко и находил возможным сравнивать его даже с Шекспиром (V, 483). «Купер — писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же гениальный, как и шотландский романист <Вальтер Скотт.— *Л. Л.*>. Принадлежа к немногому числу перворазрядных великих художников, он создал такие лица и такие характеры, которые навеки останутся художественными типами...» (рецензия на «Браво или Венецианский бандит» Купера, IV, 247—248).

На выход русского перевода романа «Путеводитель в пустыне» (именно на описываемое издание) Белинский отозвался специальной рецензией (V, 512—514), в которой писал: «Едва ли между всеми известными романами можно указать на творение, которое отличалось бы такою глубиною идеи, смелостию замысла, полнотою жизни и зрелостию гения!». Подробную характеристику этого романа см. также в статье «Разделение поэзии на роды и виды» (VI, 81—82). После известного свидания с Лермонтовым в Ордонанс-гаузе Белинский, между прочим, писал В. П. Боткину 16 апреля 1840 г.: «Я был без памяти рад, когда он <Лермонтов> сказал мне, что Купер выше Вальтер-Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целости» («Письма», II, 108).

Мнение о Купере как о гениальном писателе было общим среди его современников.

57. Куторга М. С. Колена и сословия Аттические. Сочинение Михаила Куторги, Магистра Философии. С.-Петербург. Печатано в типографии Карла Крайя. 1838.

2 ненум. + 101 стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Эта книга является докторской диссертацией М. С. Куторги (1809—1886). Упоминаний о ней в произведениях Белинского не встречается.

Письмо Белинского к М. С. Куторге см. в наст. томе, стр. 424.

58. Куторга М. С. Политическое устройство Германцев до шестого столетия. Сочинение Михаила Куторги, Магистра философии. Санктпетербург, печатано в Типографии Х. Гинце, 1837.

4 ненум. + 115 стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Немногочисленные упоминания Белинского о трудах Михаила Семеновича Куторги всегда благожелательны (см., VIII, 119, 414; XIII, 151). См. также примеч. к № 57).

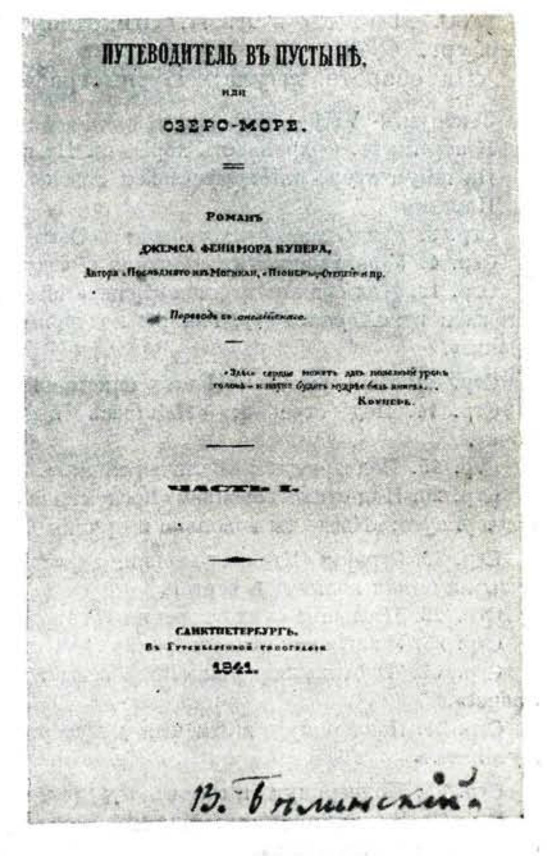
58а. Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайлы Васильевича Ломоносова. Издание новое исправленное, с присовокуплением обстоятельного описания сочинителевой жизни, взятые из Московского и Академического издания. В Санктпетербурге, с Указного дозволения печатано в типографии Шнора, 1803 года.

Часть I — фронтиспис + 2 ненум. + LXXV + 308 стр.; часть II — 2 ненум. + + 466 стр.; часть III — 2 ненум. + 584 стр. + 11 таблиц.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

В «Литературных мечтаниях» Белинский писал: «С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим» (I, 331). «Стихотворения Ломоносова — носят на себе отпечаток гения. Правда, у него и в них ум преобладает над чувством, но это происходило не от чего иного, как от того, что жажда к знанию поглощала все существо его, была его господствующею страстью» (там же, 334).

Находя, что поэзия Ломоносова во многих отношениях устарела, Белинский замечал: Ломоносову удивляются «как ученому, и еще больше, как в высшей


ПУТЕВОДИТЕЛЬ ВЪ ПУСТЫНѢ,

или

ОЗЕРО-МОРЕ.

Романъ

ДЖЕМСА ФЕНИМОРА КУПЕРА,

Переводъ съ англійскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

В. Бѣлинскій.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РОМАНА Ф. КУПЕРА «ПУТЕВОДИТЕЛЬ В ПУСТЫНЕ»

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью критика

Библиотека им. М. Ю. Лермонтова, Пенза

степени интересной и поэтической личности, как великому человеку. В самом деле, в трудах и жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях...» (V, 430—431). В первой статье «Сочинения Александра Пушкина» Белинский высоко оценил историческое значение поэзии Ломоносова: «Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси» (XI, 196). Характеристики Ломоносова в сочинениях Белинского весьма многочисленны.

* 59. Лонгин, Дионисий-Кассий. О Высоком, творение Дионисия Лонгина. Перевод Ивана Мартынова, с Греческого языка, с примечаниями Переводчика. Издание второе, вновь исправленное и дополненное примечаниями. Санктпетербург, в типографии Иос. Иоаннесова, 1826.

‹Шмуцтитул:› Греческие классики, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

3 ненум. + IV + 295 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». На переднем форзаце почерком Белинского написано: «*Лонгин*». На оборотной стороне переднего форзаца отпечаток трех слов, написанных карандашом. Прочтено в зеркале: «К преступному тоже».

В сочинениях Белинского не встречается упоминаний об авторе книги «О высоком». Однако то обстоятельство, что из «мартыновской» серии греческих классиков только книга Лонгина и сочинения Анакреона отданы Белинским в переплет, может в некоторой мере служить свидетельством его внимания к ней.

Об отношении Белинского к переводам И. И. Мартынова см. примеч. к № 3.

* 60. Майков А. Н. Стихотворения Аполлона Майкова. Санктпетербург. 1842.

‹На обороте титула:› В типографии Эдуарда Праца.

3 ненум. + VIII + 240 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.».

На шмуцтитуле автографическая подпись: *В. Белинский.*

Пометки:

Стр. 3. У заглавия стихотворения «Октава»— знак V.

Стр. 4. У заглавия стихотворения «Раздумье»— знак V.

Стр. 12. Над стихотворением «Венера Медицейская» почти совсем стертая надпись Белинского: «*Хорошо*» ‹?›. Там же подчеркнуто и отмечено *NB*: «Змеистых локонов разлив».

Стр. 13. Подчеркнуто: «И взор неистовой вакханки».

Стр. 14. Под строкой: «Являлась пышная Киприда» — горизонтальная черточка.

Стр. 15. Подчеркнуто: «Величья храмы».

Стр. 20. Над стихотворением «Воспоминание» полустертое слово: «*Хорошо*». Там же подчеркнуто: «Когда ты невольно в пучины былого окунешься думой».

Стр. 22. Строки: «Кто сеет горькими слезами, Тот жатву радости сберет» — отчеркнуты на полях волнистой чертой.

Стр. 23. Название стихотворения «Гезиод» подчеркнуто.

Стр. 25. У заглавия стихотворения «Монастырь»— знак ×.

Стр. 33. В стихотворении «Воробьевы горы» подчеркнуто: «Кровель море разливное».

Стр. 34. Подчеркнуто и отмечено *NB* (стерто): «И до-полюсные воды У моих восплещут пят...»

Стр. 35. Подчеркнуто и отмечено *NB* (стерто): «Кралась пламени змея».

Стр. 40. В стихотворении: «Два Моря» подчеркнуто и отмечено *NB* (стерто): «В венце брегов на яблоке земли».

Стр. 42. Подчеркнуто и отмечено *NB*: «По нем воздев шелом среброкосматый, Станица волн не ратует во век».

Стр. 54. В стихотворении «В. А. С ...у» подчеркнуто и отмечено *NB*: «лучей разливы На влаги жаждущие нивы».

Стр. 61. В стихотворении «Пери и Азраил» отчеркнуто на полях и отмечено *NB*: «Везде, где человек ни ступит, На серебро ль полярных льдов Иль огнь тропических песков».

Стр. 63. У заглавия стихотворения «Искусство»— знак V.

Стр. 64. У заглавия стихотворения «Иафет»— знак ×. Там же подчеркнуто и отмечено *NB*: «Обновленный В купели моря...» Там же отчеркнуто на полях и отмечено *NB*: «Возвел,— на эти вековые Европы гордые врата».

Стр. 72. Корректурным знаком исправлено слово «похорится» на «похоронится».

Стр. 74. Стихотворение «Муза, богиня Олимпа» отмечено на полях знаком V.

Стр. 76. Стихотворение «Долин Эвфратовых» отмечено на полях косой черточкой.

Стр. 77. У заглавия стихотворения «Вакханка»— знак V.

Стр. 81. В стихотворении «Горный ключ» подчеркнуто и отмечено *NB*: «Вы, нити резвые земли?».

Стр. 83. Стихотворение «Два гроба» отмечено знаком × у заглавия. Там же отмечено вертикальной чертой:

Стал грозным сторожем под образом Петра.
Леса пробуждены д е р ж а в н о ю секирой,
В пловучих городах летают по морям.

Слово «д е р ж а в н о ю» подчеркнуто и на полях отмечено *NB*.

Стр. 84. Отчеркнуто на полях:

Взманив к себе на грудь увенчанного змия,
В объятиях его замучила Россия,
И гробом стала. Там, над гробом сим святым...»

Стр. 85. Отчеркнуто на полях и отмечено N3: «В обломках сих гробов мы славой упились».

Стр. 87. У заглавия стихотворения «Истинное благо» — знак ×.

Стр. 88. У заглавия стихотворения «Измена» — косая черточка.

Стр. 91. У заглавия стихотворения «Дориде» — косая черточка.

Стр. 94. У заглавия стихотворения «Безветрие» — косая черточка.

Стр. 97. У заглавия стихотворения «Мысль поэта» — косая черточка.

Стр. 102. В стихотворении «Призвание» отчеркнуто на полях волнистой чертой:

Блажен, кто понял с колыбели
Свое призванье в жизни сей,
И смело шел между зыбей
К пределу избранныя цели;
Кто к ней всегда руководим
Единой мыслью неизменной,
Как Генуэзец, вдохновенный
Гранитным всадником своим!

Стр. 110. Стихотворение «Жизнь без тревог...» отмечено знаком V.

Стр. 113. В стихотворении «В. Г. Бенедиктову» отчеркнуто на полях и отмечено N3:

Вот, из моря величаво
На златые облака
Выйдет витязь светлоглавый,
И багряная река
Вдоль по морю кровью хлынет.

Стр. 114. Отчеркнуто на полях:

Сталь упругая звенит;
Там у брега опочило,
Нежась, зеркало зыбей,
Реют белые ветрила.

Стр. 115. Отчеркнуто на полях:

Как свирель и как гроза,
И с цветка безмолвно канет
Серебристая слеза.

Стр. 119. Стихотворение «Зачем, средь общего волнения и шума...» отмечено знаком V.

Стр. 125. У заглавия стихотворения «Певцу» — косая черта.

Стр. 129. У заглавия стихотворения «Плющ» — знак ×.

Стр. 130. Перпендикулярно строкам:

Прекрасны звук речей нескромных,
Свиданья тайные в тени;
Но мне милей на листьях темных
Слеза прощальная любви:
Прияв на зелень молодую,

Ее как жемчуг я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всем забытое люблю! —

надпись Белинского: «*Хорошо*».

Стр. 131. У заглавия стихотворения «Прощание с деревней» — косая черта.

Стр. 137. У заглавия стихотворения «Мысль» — косая черта.

Стр. 138. У заглавия стихотворения «Кто он?» — косая черта.

Стр. 145. У заглавия стихотворения «Заря» — косая черта.

Стр. 147. В стихотворении «Из Горация, ода V» подчеркнуто: «подобно женщине».— На левом поле рядом — знак ×. На правом — стерто какое-то слово.

Стр. 149. У заглавия стихотворения «Мститель» — знак ×.

Стр. 152. Подчеркнуто и отмечено NB: «Над-утесного гнезда».

Стр. 154. У заглавия стихотворения «Ангел и демон» — косая черта.

Стр. 157. У заглавия стихотворения «Кладбище»— знак ×.

Стр. 163. В стихотворении «Италия» подчеркнуто и отмечено NB: «На за-альпийские языцы».

Стр. 169. У заглавия стихотворения «Горы» — горизонтальная черта.

Обилие пометок Белинского на «Стихотворениях Аполлона Майкова» делает эту книгу весьма интересной для исследователя. Изучение их позволяет определить некоторые характерные особенности работы Белинского над рецензируемой книгой. Сличение текста статьи Белинского «Стихотворения Аполлона Майкова» («Отеч. зап.», 1842, III.—VII, 81—102) с описанными маргиналиями дает новый материал для суждений об оценке Белинским поэта и некоторым образом дополняет самую статью.

Система пометок в книге имеет свою закономерность. Так, стихотворения, которым Белинский в своей статье дал наивысшую оценку, отмечены в заглавии знаком V. Стихотворения же неудачные имеют в заглавии знак ×. Черточкой в заглавии отмечены стихотворения хорошие и «не без достоинств». Отдельные неудачные стихи и строфы подчеркнуты. Особенно удачные места и целые стихотворения Белинский выделил словом «хорошо». Некоторые отмеченные стихотворения в статье не цитировались и не упоминались по причинам, видимо, чисто композиционного характера.

Как известно, Белинский с большим сочувствием встретил появление книги А. Майкова. Подвергнув ее глубокому и благожелательному разбору, критик попутно отметил отдельные неудачные стихи и выражения, имевшие налет «бенедиктовщины» или же просто неточные и безвкусные. Майков учел замечания Белинского и внес в следующие издания соответствующие изменения.

* 61. Макаров П. И. Сочинения и переводы Петра Макарова. Издание второе. Москва. В Университетской типографии. 1817.

Том первой, часть I. Повести.

2 ненум. + XVI + 131 стр.

Том первой, часть II. Критика.

86 + 1 ненум. стр.

Том второй, часть III. Смесь.

92 стр.

Том второй, часть IV.

93 + 1 ненум. стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. На титульных листах автографическая подпись: *В. Белинский*. На корешках инициалы: «А. Ф.».

Пометки:

Часть I. Отмечено карандашом на полях горизонтальной чертой: стр. XV, строки 3 и 9; стр. 4, строка 4; стр. 31, строка 18; стр. 32, строки 2 и 21; стр. 34, строка 4; стр. 39, строка 26; стр. 51, строка 6; стр. 52, строка 14; стр. 67, строка 10; стр. 69,

СТИХОТВОРЕНІЯ

АПОЛЛОНА МАЙКОВА.

В. Бѣлинскій

— 113 —

Пара стульевъ колченогихъ,
Книгъ вязанка на полу,
Но приволье, но прохлада,
Но весенній оиміамъ,
Томный говоръ водопада,
И гулянья по ночамъ.

Вотъ, изъ моря величаво
На златые облака
Выйдетъ витязь свѣтоглавый,
И багряная рѣка
Вдоль по морю кровью хлынетъ;
Ночь отъ водъ и отъ бреговъ,
Встрепенувшись, отодвинетъ
Свой таинственный покровъ....
Сладко первый лучъ авроры
Свѣжей грудью принимать,
И безтрепетные взоры
Въ очи солнцу устремлять!
Но когда багрянымъ шаромъ
Въ небеса оно взойдетъ,
И лучей палящимъ жаромъ
Воздухъ утренній нальетъ,
Стихнутъ воды, отягченный
Чуть дрожитъ на вѣткѣ плодъ,

3

ШМУЦТИТУЛ И СТРАНИЦА «СТИХОТВОРЕНИЙ» Ап. МАЙКОВА, 1842 г.
Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью и пометками критика
Музей И. С. Тургенева, Орел

строки 3, 8, 23; стр. 71, строка 5; стр. 72, строка 1; стр. 91, строки 10 и 19; стр. 92, строка 11; стр. 93, строка 9; стр. 96, строка 4; стр. 97, строка 11; стр. 102, строка 16; стр. 103, строка 18; стр. 104, строки 5 и 12.

Часть II: стр. 13, строки 7, 14, 22.

Часть IV: стр. 7, строка 9; стр. 11, строки 18 и 20; стр. 12, строка 8; стр. 16, NB у строк 5—6; на стр. 55 крестиком отмечены 2 нижних строки.

Белинский ценил П. И. Макарова (1765—1804) как одного из замечательных писателей своего времени, человека умного, образованного, хорошего переводчика и умелого журналиста (VI, 212). Отмечая заслуги Макарова как критика, Белинский считает наиболее значительными его статьи о «Сочинениях и переводах Ивана Дмитриева» и «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (IX, 403).

62. Максим Грек. Беседование Максима Грека о пользе грамматики; С Присовокуплением: 1) Сословия имен по аз веди, с толкованием славенским; 2) Толкования Грамматического двум Молитвам: Царю Небесный и Отче наш. Печатано в Москве 1782 года.

2 ненум. + 79 стр.

Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет. На обложке детским почерком надпись: «Киза».

Живой и постоянный интерес Белинского к работам в области языкознания известен. О Максиме Греке Белинский отзывается в статье «Новогодник» как о человеке, памятном «своею бескорыстною любовию к просвещению» (IV, 225).

63. Максимович М. А. История древней русской словесности. Сочинение Михаила Максимовича. Книга первая. Киев. В Университетской Типографии. 1839.

6 ненум. + 226 + 1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

О книге профессора М. А. Максимовича, бывшего сотрудника «Телескопа», Белинский бегло упоминает в «Обзоре русской литературы за 1840 год» (V, 467) и в рецензии на «Опыт истории русской литературы» А. В. Никитенко. В последней рецензии он пишет: «Еще в 1839 году г. Максимович издал первую часть своей „Истории древней русской словесности“: когда выйдет вторая часть, и выйдет ли она когда-нибудь,— нам неизвестно, и потому эта попытка <создания Истории русской литературы.— *Л. Л.*> доселе остается попыткою, не перешедшею в дело» (IX, 402).

64. Мальгин Т. С. Зерцало Российских государей, изображающее от Рождества Христова с 862 по 1794 г. высокое их родословие, союзы, потомство, время жизни, царствования и кончины, место погребения, и вкратце деяния с достопамятными происшествиями. По достоверным Российским бытописаниям, в удовольствие любителей отечественной истории, наипаче же в пользу и удобнейшее руководство к познанию оной юношеству, сочинил и третьим изданием вновь рассмотренным, исправленным и дополненным издал Императорской Российской Академии член Коллежский Ассессор Тимофей Мальгин. В царственном граде Святого Петра, При Императорской Академии Наук, иждивением трудившегося. 1794 года.

14 ненум. + 632 + 1 ненум. стр.

В переплете. На переднем форзаце надпись: «Сия принадлежит книга Гасподину Мичману Алексею Ивановичу Растопчину». Пометок нет.

Судя по надписи прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста.

65. Манштейн Хр.-Герм. Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 год. Сочиненные Г. Манштейном, бывшим в Российско-Императорской и Пруско-Королевской службах.

Перевод. Издание М. Матушкина. Москва. В Типографии С. Селивановского. 1810.

Часть I — 2 ненум. + XXV + 84 стр.; часть II — 2 ненум. + 168 стр.; часть III — 2 ненум. + 142 стр.; часть IV — 2 ненум. + 155 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На переднем форзаце надпись неизвестным почерком: «Из книг Василия Крюкова. Подарена Алексеем Александровичем Некрасовым». Пометок нет.

Книга, повидимому, была куплена Белинским у букиниста.

Имя Манштейна, а также его «Записки» в статьях Белинского не упоминаются.

66. Мармонтель. Творения Мармонтеля, историографа Франции, Непременного Секретаря Французской Академии, найденные по смерти сочинителя и напечатанные с собственной его рукописи. Памятные записки. Перевод с французского. Санктпетербург. В Медицинской Типографии. 1820—1821 гг.

Часть I — 2 ненум. + 269 стр.; часть II — 2 ненум. + 227 стр.; часть III — 3 ненум. + 241 стр.; часть IV — 2 ненум. + 198 стр.

По две части в одном переплете. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «Я. Б.». Пометок нет.

Судя по инициалам прежнего владельца, книга была приобретена Белинским у букиниста.

Беглые замечания в сочинениях Белинского о Мармонтеле всегда пренебрежительны.

* 67. Мейнерс. Главное начертание теории и истории изящных наук. Мейнерса, Профессора Философии в Геттингене. Переведено с Немецкого Павлом Сохацким, Профессором древней Литературы при Императорском Московском Университете. Москва, 1803 г. В Университетской Типографии Гария и Компании.

2 ненум. + XII + 1 ненум. + 344 + 1 ненум. стр.

В потрепанном переплете. Сохранность удовлетворительная. На переднем форзаце сделанные неизвестным почерком надписи: «Арсению Федорову» (зачеркнуто) и «1811 года Августа 12 дня». На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.*

Повидимому, книга была приобретена Белинским у букиниста и приведенные выше надписи принадлежат первому владельцу книги.

68. Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности в двух частях. Издано Профессором А. Мерзляковым. Москва, в Университетской Типографии, 1822.

328 стр.

В переплете. Сохранность хорошая.

Пометки:

Стр. 8. Отчеркнуты строки 1—3 — о различии между словесными и образовательными искусствами.

Стр. 9. Отчеркнуты строки 11—15 — о действии искусств на зрение и слух.

Стр. 73. Отчеркнуты строки 4—9 — о просодии.

Стр. 75. Отчеркнуты строки 17—20 — о стихотворных размерах.

Стр. 76. Отчеркнуты строки 5—12 — о стихотворных размерах.

Стр. 77. Отчеркнуты строки 11—20, 22—26 и 29—30 — о числе стоп в стихе, о видах стиха.

Стр. 78. Отчеркнуты строки 1—6 — о цезуре.

Стр. 123. В параграф 3-й над строкой 20 вписано тонким наклонным почерком: «Форма сего стихотворения» и далее отчеркнуты 3 строки — о видах пастушеских стихотворений.

Стр. 124. Отчеркнуты строки 1—2, 4—7 и 9—18 — о видах пастушеских стихотворений.

Стр. 125. Отчеркнуты строки 13—18 и 21—23 — о действующих лицах эклоги.

Текст, начиная со строки 24 на стр. 125 по слово «блестящий» во 2-й строке 127-й страницы взят в скобки — о действующих лицах эклоги и о том, какой должна быть пастушеская поэзия.

Давая резко отрицательную характеристику Мерзлякову как поэту и переводчику, Белинский сочувственно относится к Мерзлякову—эстетику и критику: «...на Мерзлякова можно смотреть как на умного представителя литературных понятий целой эпохи. В ошибках его виновато его время; достоинства его принадлежат ему самому. Вот почему его теоретические и критические статьи и теперь приятно читать, хоть и нисколько не соглашаешься с ними» (XI, 327).

* 69. Мерзляков А. Ф. Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова. 1825—1826.

Часть I — 4 ненум. + XLI + 232 стр.; часть II — 7 ненум. + 259 + 2 ненум. стр. Обе части в одном переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.».

В статье «Русская литература в 1841 году» Белинский следующим образом определяет творчество Мерзлякова: «В поэзии Мерзлякова есть чувство, но нет мысли. Теория его—французско-классическая; следовательно, об ней можно и не говорить. Переводы его из древних не изящны; в них не веет жизнию эллинского духа. Мерзляков смотрел на древних сквозь лагарповские очки. Он переводил идиллии г-жи Дезульер и ужасными виршами пересказал на книжном русском языке времен Хераскова „Освобожденный Иерусалим“ Тасса» (VII, 40). Не менее резко характеризует Белинский Мерзлякова в третьей статье «Сочинения Александра Пушкина»: «Оды его — образец надутости, прозаичности выражения, длинноты и скуки... Мерзляков не владел стихом: язык его жосток и прозаичен» (XI, 326). Далее Белинский делает ссылку именно на это издание «Подражаний и переводов» Мерзлякова.

70. Михайлов И. Храм славы, воздвигнутый победоносным Российским ополчением Самодержцу своему Царю Иоанну Васильевичу Второму, или подробное описание всех сражений, бывших между Россиянами и Казанцами, как под собственным предводительством Царя Иоанна Васильевича, так и Его военачальников; и присоединения Казанского и Астраханского царств к Российской державе, со включением многих любопытнейших происшествий, случившихся в продолжение битв; взятое из разных летописцев Подпоручиком Иваном Михайловым. С дозволения Московской цензуры. Москва. В Губернской типографии у А. Решетникова. 1800.

Стр. 193 + 2 ненум.

В переплете. На переднем форзаце ярлычок: «Из лавки Инихова и Базунова».

Судя по переплету, характерному для многих книг Белинского, книга принадлежала критику.

* 71. Мольер. Комедии из театра господина Мольера, Переведенные Иваном Кропотовым. Том первый. Печатано при Императорском Московском Университете. [1757].

Состав сборника: 1) «Скупой»; 2) «Тартюф, или Лицемер»; 3) «Школа мужей»; 4) «Школа жен».

126 + 1 ненум. + 112 + 62 + 92 стр.

В цельном кожаном переплете. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*. На форзаце надписи прежних владельцев — Николая Виноградова и Эртеля. Пометок нет.

Судя по надписям прежних владельцев, книга была куплена Белинским у букиниста.

Взгляд Белинского на Мольера особенно полно выражен в рецензии «Критика на школу женщин» (VII, 342 и сл.) и «Мыслях и заметках о русской литературе» (X, 153—154).

Имя Ивана Кропотова (1724—1769) — драматического писателя и переводчика французских и немецких пьес хотя и не встречается на страницах сочинений Белинского, но, несомненно, было ему известно.

72. Нарежный В. Т. Романы и повести сочинения Василия Нарежного. Издание второе. Санктпетербург, в Типографии Александра Смирдина, 1836.

Часть III — 3 ненум. + 141 + 1 ненум. стр.; часть IV — 3 ненум. + 230 + 2 ненум. стр.; часть V — 3 ненум. + 294 + III стр.

Без переплета. Конец III части, со страницы 81, сильно поврежден. Пометок нет.

Статья Белинского о Нарежном, написанная в 1837 г., в печати не появилась, и судьба ее неизвестна (см. письмо Белинского к А. А. Краевскому от 4 февраля 1837 г. — «Письма», I, 71). Имя Нарежного, «талантливого, но не развившегося» писателя, встречается довольно часто в сочинениях Белинского. «...Между романистами совершенно забыт их родоначальник — Нарежный. В 1804 году издал он отчаянную романтическую трагедию „Димитрий Самозванец“, которая была сколком с „Разбойников“ Шиллера; потом печатал повести и романы — бледные, бесцветные, манерные, во вкусе г-жи Жанлис. В 1824 он издал „Бурсака“, а в 1825 — „Два Ивана“, романы, запечатленные талантом, оригинальностию, комизмом, верностию действительности» (VII, 40).

* 73. Новейший самоучительный немецко-российский словарь, в котором помещены слова Немецкие совсем или отчасти сходствующие с русскими, с присовокуплением разных

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Пятое изданіе, дополненное и сверенное по рукописямъ автора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА ГЛАЗУНОВА И ЕГО ИЖДИВЕНІЕМЪ.

1828.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «СОЧИНЕНИЙ» ОЗЕРОВА

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью критика

Музей И. С. Тургенева, Орел

речений, Немецкому языку свойственных. Изданный в пользу желающих изучиться легчайшим способом Немецкому языку. В Типографии Департамента Внешней торговли, 1813 года.

Части I—II в одном переплете. Титульный лист первой части отсутствует, книга начинается со страницы III (выше приведен титульный лист второй части).

Часть I — III + VIII + 400 стр.; часть II — 1 ненум. + 448 стр.

Повидимому, словарь был приобретен у букиниста в плохом состоянии и отдан в переплет самим Белинским. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

См. примеч. к № 2.

74. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о Российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий Собрал Николай Новиков. В Санктпетербурге, 1772 года.

11 ненум. + 264 стр.

В цельном кожаном переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе надпись: «Сергея Титова». Пометок нет.

Книга, вероятно, была куплена Белинским у букиниста. Высоко оценивая книгоиздательскую деятельность Новикова, Белинский так характеризует его словарь: «„Словарь Российских писателей" Новикова — богатый факт собственно-литературной критики того времени: его... нельзя миновать в историческом обзоре русской критики» (VII, 412). Подробные выписки из словаря Новикова см. XI, 197, 198, 201 и след.

75. Новогодник. Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей, изданный Н. Кукольником. Санктпетербург. В Типографии Издателя Энцикл. Лекс. А. Плюшара, 1839.

3 ненум. + 421 + II стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Об этом альманахе Белинский дал довольно подробную рецензию («Московский наблюдатель», 1839, кн. IV), отозвавшись о нем весьма резко: «...альманах г. Кукольника ниже всякой посредственности: за исключением двух-трех пьес, это просто — сбор разного литературного хламу» (IV, 225).

* 76. Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом Любителей Отечественной Словесности. Части I и II в одном переплете.

Musa dedit fidibus Divos, puerosque Deorum,
Et pugilem victorem, et equum certamine primum,
Et juvenum curas, et libera vina referre.
. . . .
Tyrtaeusque mares animos in Martia bella
Versibus exacuit.
Horatius de Arte Poëtica.

Санктпетербург, в Типографии Н. И. Греча, 1821.

Часть I — 5 ненум. + 302 стр.; часть II — 5 ненум. + 286 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

Об изданиях подобного рода Белинский говорит в «Литературных и журнальных заметках», помещенных в «Отечественных записках» 1842 г. № 11: «Бывало какой-нибудь сметливый книгопродавец наберет томов пять или, пожалуй, и десяток чужих сочинений, хороших и дурных, да и выдаст их под громким и заманчивым титулом „образцовых сочинений". Что же? Те, чьи сочинения попали в сборник, не могли нарадоваться чести, которой их удостоили; а те, которые не попали в образцовые,— считали себя обиженными» (VII, 460). См. также примеч. к №№ 92 и 93.

* 77. Озеров В. А. Сочинения Озерова. Пятое издание, дополненное и сверенное по рукописям автора. Санктпетербург, В Типографии Ивана Глазунова и его иждивением. 1828.

Часть I — портрет Озерова + 5 ненум. + 119 + 1 ненум. стр.; часть II—5 ненум. + + 167 + 1 ненум. стр.; часть III — 5 ненум. + 159 + 1 ненум. стр.

Все части в одном переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.* Пометок нет.

Белинский часто упоминает Озерова, признавая в нем «талант положительный» и отмечая, что «появление его было эпохою в русской литературе...» (XI, 214).

78. Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, Действительным и Почетным Членом разных Ученых Обществ. В Санктпетербурге. В Типографии Императорской Российской Академии. 1821.

Часть I — 2 ненум. + IV + III + 531 + 1 ненум. стр.; часть II — 2 ненум. + III + + XXIX + 500 + 1 ненум. стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

«Словарь древней и новой поэзии» Остолопова Белинский иронически упоминает еще в «Литературных мечтаниях» (I, 362, 364). «Пошлые и обветшалые правила, взятые из пресловутого словаря Древния и Новыя Поэзии г. Остолопова», давали Белинскому повод для остроумных нападок на литературных староверов, вроде Греча, для которых Остолопов был непререкаемым авторитетом.

79. Павский Г. П. Филологические наблюдения Протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Санктпетербург. 1841—1842.

Часть I — Первое рассуждение. XV + 148 стр.; часть II — Рассуждение второе. Об именах существительных. XV + 355 + 1 ненум. стр. + 2 таблицы; часть III — Третье рассуждение. О глаголе. XII + 238 + 1 ненум. стр. + 2 таблицы.

Без переплетов. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Герасима Петровича Павского (1787—1863) Белинский называл «знаменитым филологом, который один стоит целой академии. Его „Филологическими наблюдениями над составом русского языка" положено прочное основание филологическому изучению русского языка, показан истинный метод для этого изучения». «...Придет время, — говорит Белинский далее, — когда сочинение о. Павского сделается классическою и настольною книгою для всякого ученого, который посвятит себя изучению русского языка» (IX, 483—484).

80. П. Г. Самоучитель Англинского языка, или легчайший способ самому собою научиться читать, писать и говорить по-Англински; для обыкновенного употребления: содержащий наставления: 1е. О Англинском произношении и чтении с показанием оного на Российском языке. 2е. Краткую, но полную и удобовразумительным образом расположенную грамматику. 3е. Собрание нужнейших слов. 4е. Разговоры с показанием Англинского выговора Российскими словами. Сочинена П. Г. В Санктпетербурге в Императорской Типографии 1806 года.

155 стр.

В потрепанном переплете. Сохранность удовлетворительная. На титульном листе надпись неизвестным почерком: «Алексея Ермакова»; на заднем форзаце написано: «Изрядная книга Самоучительная книга». Пометок нет.

Книга, судя по надписям прежнего владельца, куплена Белинским у букиниста.

В 1830 г. Белинский занимался английским языком, беря уроки у Эдуарда Гарве (см. Н. Л. Бродский. Лермонтов, стр. 238).

* 81. Пиндар, переведенный с Греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Санктпетербург, В Типографии Департамента Народного Просвещения, 1827.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные с Греческого языка Иваном Мартыновым.

Часть I — 3 ненум.+ XVI + 285 стр.; часть II — 3 ненум.+ 274 + 2 стр.

Без переплетов. Стр. 73—150 и 225—285 не разрезаны. На глухой обложке чернилами, рукою Белинского, надпись: «*Пиндар*». Пометок нет.

Имя Пиндара часто встречается на страницах сочинений Белинского. В большинстве случаев это возражения против необоснованного сравнения Ломоносова и Державина с Пиндаром,— сравнения, ставшего к тому времени литературным штампом.

Подчеркивая выдающееся значение Пиндара в ряду других античных классиков, Белинский пишет: «...Пиндара, Анакреона и Горация читает весь просвещенный мир на их родных языках и в бесчисленном множестве переложений» (VIII, 173).

* 82. Плавильщиков П. А. Сочинения Петра Плавильщикова. Санктпетербург, в Типографии В. Плавильщикова, 1816 года.

Часть II — 5 ненум.+ 360 стр.; часть III — 6 ненум.+ 205 + 1 ненум. стр.; часть IV — 3 ненум.+ 201 стр. Часть I утрачена.

На титульных листах всех частей автографические подписи: *В. Белинский*.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На шмуцтитуле части III чернилами (неизвестным почерком) инициалы: «Ф. Н.».

Не высоко оценивая творчество Плавильщикова (см. в «Литературных мечтаниях», I, 343), Белинский тем не менее считал небесполезным переиздание его сочинений, наряду с другими второстепенными писателями XVIII в.— в компактном издании, снабженном примечаниями и пояснениями (VII, 368).

83. Плаксин В. Т. Руководство к познанию истории литературы, составленное Учителем Словесности в Офицерских и Гардемаринских Классах Морского Корпуса, в Офицерских и верхнем Юнкерском Артиллерийского Училища, и в высшем Классе Императорской Академии Художеств, Василием Плаксиным. Санктпетербург. В типографии III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1833.

IX + 352 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

О Василии Тимофеевиче Плаксине (1796—1869), авторе многочисленных учебников по истории словесности, Белинский отзывался резко-отрицательно, считая его сочинения образцом бездарности и невежества.

84. Плутарх. Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. Перевел с Греческого Спиридон Дестунис. С Историческими и Критическими примечаниями, с Географическими картами и изображениями Славных Мужей. Печатано по Высочайшему Повелению. Части I—XIII. Санктпетербург. В Императорской Типографии. 1814—1820.

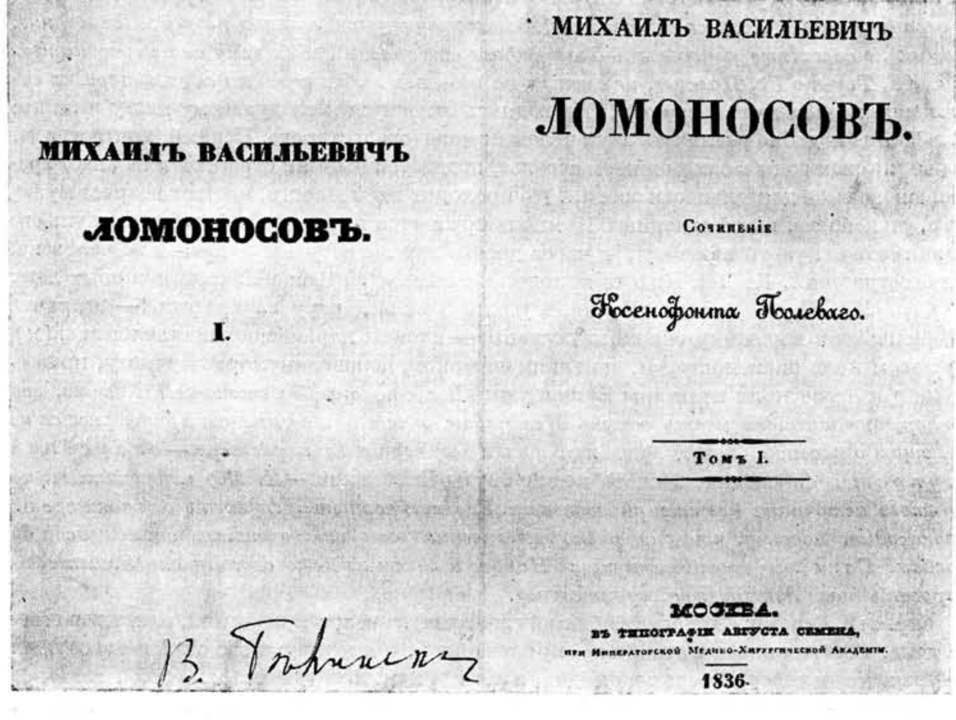
Часть I — 6 ненум.+ LXXVI + 360 стр.; часть II — 3 ненум.+ 342 + 1 ненум. стр.; часть III — 3 ненум.+ 384 стр.; часть IV — 3 ненум.+ 408 стр.; часть VI — 6 ненум.+ 456 стр.; часть VII — 3 ненум.+ 446 стр.; часть VIII — 3 ненум.+ 483 стр.; часть IX — 3 ненум.+ 390 стр.; часть X — 3 ненум.+ 571 стр.; часть XI — 3 ненум.+ +410 стр.; часть XII — 3 ненум.+ 361 + 1 ненум. стр.; часть XIII — 3 ненум.+ +311 стр. Часть V утрачена.

В переплетах. Сохранность хорошая. На всех титульных листах надпись: «Из библиотеки И. Токарева».

В книге множество пометок, надписей и отчеркиваний. Судя по их характеру, они сделаны не Белинским. Исправления опечаток, внесенные в текст, также мало напо-

минают почерк и манеру Белинского. Следует предполагать, что пометки эти сделаны прежним владельцем книг — И. Токаревым.

В числе немногих «замечательных серьезных книг», вышедших в отдаленном 1814 году, Белинский называет и Плутарховы жизнеописания в переводе Дестуниса (XI, 80), приобрести которые порекомендовал ему В. П. Боткин. «По совету твоему,— пишет он Боткину 28 июня 1841 г.,— купил Плутарха Дестуниса и прочел. Книга эта свела меня с ума. Боже мой, сколько еще кроется во мне жизни, которая должна пропасть даром!.. Я понял через Плутарха многое, чего не понимал... Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом. Обаятелен



ШМУЦТИТУЛ И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ КСЕНОФОНТА ПОЛЕВОГО «МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ»

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью критика

Музей И. С. Тургенева, Орел

мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость личности, неприкосновенность личного достоинства...» («Письма», II, 246—247).

* 85. Полевой К. А. Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. Москва, в Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии. 1836.

Том I — 337 стр.; том II — 342 стр.

В переплетах. Сохранность удовлетворительная. На титульных листах автографические подписи: *В. Белинский*.

Том I.

Стр. 21. В концевой строке 1-го абзаца надпись чернилами, незнакомым почерком: «Хорошо друг <?>».

На стр. 113 отпечаток какого-то адреса. В зеркало удалось прочесть: «Господину..... Казимировичу....... кому» ⟨?⟩.

Подобные отпечатки и на стр. 126, 163, 165, 228.

Стр. 186. На полях, перпендикулярно к тексту, полустертая карандашная запись рукою Белинского: «*Пустяки и нелепые ухищрения: не то внушает чужбина, как бы хороша ни казалась*». Замечание относится к следующим строкам К. Полевого: «И он вдыхал в себя воздух Саксонии, давал полную волю глазам, и точно радовался всем, что̀ видел и чувствовал. Понятно это чувство в молодом, двадцатишестилетнем человеке, воспитанном среди снегов Севера и долго прожившем в стенах школы...» и т. д.

Стр. 198. Левое, нижнее и правое поля густо исписаны Белинским: «*Описание характера немцев верно; но какой общий вывод сделан из этого описания, кроме того, что все они—люди—посредственных способностей и слабой воли,—на все готовые в юношестве и ограниченные в мужеском возрасте, довольствующиеся златою посредственностию, словом: не способные выдержать благородных стремлений ни к чему выше ежедневного обихода. Так-то Гг. Полевые, не смотря на избыток любви своей к немцам, изредка высказывают о них правду-матку*». Эта надпись относится к следующему месту в книге: «...в Немце надобно различать двух человек: молодого и старого. Первый, почти всегда, проводит свои годы в самом живом веселье, поддается пылким страстям и не знает границ юношеской деятельности своей... Но проходят годы юности, настает возраст мужества, степенства, и лоб огненного Немца покрывается морщинами, взгляд, поступь его принимает какую-то важность, и через десять лет вы не узнаете прежнего человека. Он бесстрастен... Из Дон-Кихота молодости он делается Санчо-Пансою пожилых лет».

Стр. 200. После фразы: «Ну-ка, Русские братья, чару за братство!— вскричал Шпрингнадель и напенил огромные стаканы» — в тексте карандашом поставлен знак(×), на левом поле знак повторен, и мелким почерком, перпендикулярно к тексту, правое, нижнее и левое поля исписаны Белинским: «*Все стаканы, да стаканы!! Смешно, что Автор, взявшись описывать жизнь Немцев, не знает или с умыслом притворяется не знающим о главной* ⟨переделано из главном⟩ *черте их характера — скаредной скупости* ⟨последние 2 слова подчеркнуты Белинским.—*Л. Л.*⟩ *и происходящего из этого источника негостеприимства их. Главною чертою = скупость в характере их происходит потому, что она равно свойственна всем их возрастам, от колыбели до могилы. Сами мы имели товарищей Немцев и знаем их не по слухам; след. мистифицировать нас Автору предосудительно*».

Стр. 212. Строки: «Это был любящий свое занятие человек, не гений, но мастер своего дела. Совершенною честностью, прилежанием, аккуратностью заслужил он уважение и доверенность сограждан, и лет в тридцать труда составил себе маленькое состояние» — отчеркнуты, и на полях карандашная надпись Белинского: «*Утопия*».

Стр. 219. Фраза: «Он распространился в похвалах картофельному и овсяному супу, репному соусу и морковному пирожному. С ужасом слушал он описание Русского стола и не понимал, как можно есть так много мяса и рыбы, как едят их Русские. Ломоносов не мог объяснить ему, что̀ значит кулебяка, потому что Немец не понимал соединения рыбы с тестом»,— на полях отчеркнута карандашом, и Белинским написано: «*Вот кушанья, которые стоят острого слова*» (последние два слова полустерты и читаются предположительно).

Стр. 222. К фразе: «Старик не подозревал никакой опасности сближать свою дочь с молодым человеком, скромным, любезным и — ученым»,— сделана звездочка, вынесенная на поле. За ней надпись Белинского: «*Это называется немецкою аккуратностью!*».

Стр. 249. К фразе: «Но удивительно ли, что Этна его страсти зажгла ее девическую душу» — карандашом приписано: «*—Солому?*»

Стр. 277. На верхнем поле и первых строках текста, а также внизу, на правом поле — две зарисовки пером (нога и портрет молодого мужчины в рединготе), вряд ли сделанные рукой Белинского.

Стр. 279. На верхнем поле рисунок пером — мужской сапог, на правом поле набросан узор. Над ним, у фразы: «Стоя перед ними ⟨златыми церковными вратами.— *Л. Л.*⟩, он сначала благоговел, изумлялся художеству; наконец, душа его обратилась

к отечеству, по какой-то неясной связи Византии с Киевом и древнею Русью» — на полях надпись карандашом: «*Какое отношение между вратами и отечеством?*».

Стр. 283 и 289 изрисованы узорами — пером.

Стр. 294 и 295 отчеркнуты целиком, и на полях обеих страниц надписи Белинского: «*Какая сушь!*»— На этих страницах длинные рассуждения о немецкой словесности и о Готшеде.

Стр. 303. На верху страницы крупная надпись пером: «Сидор Молаев».

Том II.

Стр. 8. На полях цифровые выкладки.

Стр. 61. У фразы: «Но все это не могло бы успокоить ума и тревожной души молодого, пылкого ученого, если бы занятия, сами занятия науками не были отрадою, услаждением его в настоящих обстоятельствах, так же как и во всех прежних»,— на полях частично оборванная надпись Белинского: «*все эт⟨о⟩ не да⟨ло⟩ ему...* ⟨нрзб.⟩ *его...* ⟨нрзб.⟩ *но придавало ему си⟨лу⟩*».

Стр. 69. У строк: «Да, это было бы ужасно, если бы было так. Напротив, Ломоносов каждый день вспоминал о своей верной супруге и своей милой дочери; но что мог он сделать для них?»— полустертая надпись Белинского... «⟨нрзб.⟩ *чего жалеть?*»

Стр. 70. В фразе: «Т о т с а м ы м именем своим напоминает вину его, и чтобы забыть об этом о с к о р б и т е л ь, в и н о в н и к с т а р а е т с я з а б ы т ь о н е м и л и о х л а д е т ь к н е м у, д а ж е о к л е в е т а т ь е г о в с о б с т в е н н ы х г л а з а х» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. На полях приписано: «*Дурной человек — так! но благородный напротив!*».

Стр. 311—314. Крестиками выделена сцена встречи Ломоносова с Екатериной II.

Стр. 312. Отчеркнуты на полях слова Екатерины II Ломоносову: «Но от вас желала бы я еще заслужить похвалу доброго учителя к хорошей ученице».

Стр. 342, в конце книги, крупным почерком: «Мир праху твоему, бессмѣртный ⟨sic!⟩ Ломоносов!».

Некоторые надписи на полях повреждены и не поддаются полному прочтению.

Выход в свет книги Ксенофонта Полевого о Ломоносове Белинский отметил очень сочувственной рецензией в «Молве» (III, 7—19). Книга эта дала ему повод для блестящей характеристики Ломоносова, в которой нашло место известное определение Ломоносова как Петра Великого русской науки и литературы. Благожелательное отношение Белинского к братьям Полевым, с которыми в это время он поддерживал дружеские отношения, невольно сказалось на его преувеличенном мнении о довольно бледном романе К. Полевого. Белинский отмечал в нем оригинальность, «истину идеи», изящество и благородство языка, удачную стилизацию,— словом, полную художественность.

Многочисленные и содержательные пометки Белинского, обнаруженные нами на обоих томах «Ломоносова», придают этой книге большой интерес и дают обильный материал для изучения. Судя по характеру этих пометок, они были сделаны Белинским не во время его работы над рецензией в 1836 г., а значительно позднее. Если исключить последнюю запись: «Мир праху твоему, бессмертный Ломоносов» (запись, сделанную очень крупным почерком, имеющим лишь отдаленное сходство с почерком Белинского, и к тому же с орфографической ошибкой: ѣ в слове «бессмертный»), все пометки имеют резко выраженный иронический характер, который ни в малейшей степени не проявляется в исключительно благожелательной рецензии. Как правило, Белинский в рецензируемой книге отмечал на полях места, подлежавшие цитированию, а также часто делал надписи, органически входившие в состав статьи. Совсем нет такого рода пометок на экземпляре «Ломоносова». Все это заставляет думать, что книгу К. Полевого Белинский прочел вторично, много лет спустя, а именно в 1843 г.,—готовя рецензию на постановку «Драматической повести: Ломоносов, или Жизнь и Поэзия» — Н. А. Полевого, переделавшего для сцены роман своего брата — Ксенофонта. За эти годы отношение Белинского к братьям Полевым, особенно к Николаю, совершенно изменилось, и от прежней благожелательности не осталось и следа. Белинский резко осудил «поставщика дюжинных драм» Н. Полевого, «из хорошей книги выкроившего плохую драму, в которой, ради драма-

тической шумихи дурного тона и трескучих эффектов, нарушил историческую истину и из характера отца русской учености и литературы сделал жалкую карикатуру» (VIII, 180). Наше предположение подтверждается еще следующей фразой Белинского на полях романа: «Так-то Гг. Полевые ⟨разрядка наша.— *Л. Л.*⟩, не смотря на избыток любви своей к немцам, изредка высказывают о них правду-матку».

В одном из писем Белинского к Боткину (от 6 февраля 1843 года) мы находим строки, словно перекликающиеся с надписями на книге: «Ты пишешь, что в тебе развивается антипатия к немцам: не могу говорить об этом, ибо это отвращение во мне дошло до болезненности; но крепко, крепко жму тебе руку за это истинно человеческое и благородное чувство» («Письма», II, 334).

Замечания подобного рода о ненавистных Белинскому филистерских чертах характера немцев встречаются в переписке критика довольно часто. Возникает вопрос: кого имеет в виду Белинский, говоря о «товарищах-немцах»? Как мы видели, он особенно подчеркивает, что отрицательное суждение о немецком характере сложилось у него не «по слухам», а на основании личных наблюдений и опыта. На этот вопрос, требующий специальных разысканий, мы пока ответить не можем.

86. Полевой Н. А. Очерки русской литтературы. Сочинение Николая Полевого. 1839. Санктпетербург.

Часть I — 510 стр.; часть II — XLIII + 466 стр.

Обе части в одном переплете. Сохранность хорошая.

Пометки:

Часть II.

Статья «Баллады и повести В. А. Жуковского».

Стр. 97. Отмечены *NB* строки 18—22: «Он⟨Жуковский⟩оживил нам мир старины в поэтических идеях романов В. Скотта, Де-Виньи, Гюго, Манцони, с воплем Байроновского отчаяния разрушил он прелесть детских предрассудков...» Там же помечены *NB* строки 25—27: «Но буря испытательности бесплодно утомляет силы свои над тем, что вечно, что неизменно от сложения мира».

Стр. 111. Отчеркнуты на полях строки 23—25 — о грусти Жуковского, которая «от земли подъемлется к небу, возбуждает в душе непонятное ей самой стремление за могилу, как в отчизну родимую».

Стр. 119. Отмечены вопросительным знаком строки 16—17: «Чего ему ⟨Батюшкову⟩ не доставало? В прозе: идей; в стихах: глубины восторга».

Статья «Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина».

Стр. 153. Отчеркнуты строки 22—30: «Один весь современность, лира и эпопея современная, вопль безнадежности, кровавая комета новой поэзии, потрясающий электрический удар. Читатели угадывают имя — это Байрона. Другой жилец Средних веков, полнота прозы, философия практики, обновитель жизни прошедшего, гальваническая сила от соединения предметов, повидимому холодных, разнородных, соединение истории и сказки в Романе — это В. Скотт».

Стр. 155. Отмечены *NB* строки 20—23: «...и поелику век старости походит на младенчество, потому Лиризм, отличие века младенчества человеческого, должен отражаться на нашем веке, старости Человечества...»

Стр. 157. Отмечены двумя вопросительными знаками строки 27—30 и на стр 158 строки 1—2: «Пушкин поэт. Не менее того, он поэт в полном значении сего слова, поэт, обладающий дарованием обширным, душою глубоко-раздражительною, восторженною, даром слова удивительным».

Стр. 161. Отчеркнуты на полях строки 2—8: «Руссизм поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, Флориановский манер, по которому Карамзин написал Илью Муромца, Наталью Боярскую дочь и Марфу Посадницу, Нарежный—Славянские вечера, а Жуковский обрусил Ленору, Двенадцать спящих дев и сочинил свою Марьину Рощу».

Стр. 163. Отмечены *NB* строки 5—7: «Оттого бледен и ничтожен его Кавказский Пленник, нерешительны его Бахчисарайский фонтан и Цыганы и легок Евгений Онегин, русский снимок с лица Дон Жуанова...»

за желаніе узнать ихъ нравы и примѣниться къ нимъ. Но если Ломоносова полюбили степенные люди, то еще больше привязались къ нему люди молодые, у которыхъ такъ-же кипѣла кровь какъ и у новаго товарища ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Нѣмцѣ надобно различать двухъ человѣкъ: молодаго и стараго. Первый, почти всегда, проводитъ свои годы въ самомъ живомъ веселъѣ, поддается пылкимъ страстямъ, и не знаетъ границъ юношеской дѣятельности своей. Онъ влюбляется, сумасбродствуетъ отъ любви, и для одного слова добраго товарища готовъ стрѣляться, идти въ огонь и въ воду. Дружба, любовь, наслажденія — вотъ для чего живетъ молодой Нѣмецъ. Но проходятъ годы юности, настаетъ возрастъ мужества, степенства, и лобъ огненнаго Нѣмца покрывается морщинами, взглядъ, поступь его принимаютъ какую-то важность, и черезъ десять лѣтъ вы не узнаете прежняго человѣка. Онъ безстрастенъ: онъ хладнокровно глядитъ на свѣтъ, на летящія мимо его событія, и думаетъ только о мирномъ уголкѣ своемъ, не думая болѣе о страстяхъ. Изъ Донъ-Кихота молодости, онъ дѣлается Санчо-Пансою пожилыхъ лѣтъ. Бываетъ то-же во всѣхъ народахъ; но ни у одного, кромѣ Нѣмцевъ, нѣтъ такого единообразія въ переходахъ жизни, такой рѣзкой перемѣны въ направленіи ума. Нѣмецъ бѣсится

НАДПИСИ БЕЛИНСКОГО НА ПОЛЯХ КНИГИ КСЕНОФОНТА ПОЛЕВОГО «МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ»

Страница 198

Музей И. С. Тургенева, Орел

Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 165. Отмечены NB строки 13—14: «Но первая глава самой поэмы пестра, без теней, насмешлива, почти лишена поэзии».

Стр. 166. Отмечены NB строки 1—3: «Его Руслан, Кавказский Пленник, Алеко, Онегин были тени, которые можете переносить куда угодно».

Стр. 167. Отмечены знаком × строки 7—12: «Мы уверены, что со временем сам Пушкин выбросит из собрания своих сочинений многое, как-то: Загадку (т. III, 41), Собрание насекомых (т. III, 203), Дорожные жалобы (т. II, 34), Послание к вельможе (т. III, 49) — все это недостойно его!»

Стр. 168. Отчеркнуты на полях строки 6—17: «... В Демоне — полная картина безумного ожесточения души человеческой против всего возвещающего ей высокое и прекрасное; в Ангеле — глубоко запавшее в душу самого отверженного духа зерно неба и полное презрение ко всему не-небесному; наконец, в Отрывке из Фауста раскрыта темная сторона, тайна, которую с ужасом прочитает в сердце своем каждый человек; в Моцарте и Сальери ярко схвачена таинственность созданий гения, приводящая в отчаяние обыкновенный ум, простое дарование, всякое „человеческое“ искусство».

Стр. 171. Отмечены NB строки 13—18: «Но хотите ли разгадать тайну этого гения злобы? Микель-анджеловская картина перед вами: ненависть ко всему небесному, презрение ко всему земному, и как очаровательно выражена эта тайна различия неба и земли! Если вы не поняли ее — истолкования не пояснят ее для вас!»

Стр. 172. Отмечены NB строки 26—29: «Вступление к Руслану и Людмиле и две пьесы: Жених и Утопленник, дополняют то, что мы сказали выше сего о проявлении в Полтаве Пушкина самобытной народности».

Стр. 173. Отчеркнуты строки 25—29: «Без определения предмета ничто не будет определено. Что делать с бедным умом человеческим, если он без отчета логике шагу порядочно сделать не может, даже рассматривая произведения поэтического восторга».

Стр. 175. Отчеркнуты строки 3—7: «Но лирическая поэзия — мгновенный пыл, огонь, вихрь, низшая степень поэтических творений, ибо она не столь всеобъемлюща, не столь продолжительна, не столь глубока, как чистая эпопея и полная драма». Там же отчеркнуты строки 24—28: «Но Роман, как прозаическое отделение, не мог соответствовать наклонности дарования Пушкина, и — опыт его в Романе был вовсе неудачен: мы разумеем здесь Повести в прозе, изданные Пушкиным под именем Белкина».

Стр. 177. Отчеркнуты строки 23—28: «Какая должна быть наша драма?— Нам кажется, что это вопрос совершенно бесполезный. Ответ на него заключается в сущности драмы вообще, в направлении дарований писателя и в предмете, какой избирает он для своей драмы».

Стр. 178. Отмечены NB строки 19—21: «Если Человечество разочаровалось кое в чем, если оно пояснило для себя кое-что, Поэзия не изменилась в своих основаниях...»

Стр. 180. Отчеркнуты строки 3—5: «Совсем не так, кажется, делал простяк Шекспир. Он невежда и гений. Систем и пиитик он не знает».

Стр. 181. Отчеркнуты строки 6—8: «Всего страннее такое напряжение в исторической драме. Тут вовсе не должно быть пытки нашему воображению».

Стр. 182. Отчеркнуты строки 4—7: «Мысль создать драму историческую показывает удивительно сметливый гений Пушкина, ибо он не решился на создание драмы, основанием которой была бы мысль, им самим изобретенная».

Стр. 184. Отчеркнуты строки 23—30 и на стр. 185 строки 1—3: «Прочитав посвящение, знаем наперед, что мы увидим Карамзинского Годунова; этим словом решена участь драмы Пушкина... Ошибки новейших драматиков отразятся на Пушкине: он сам на себя надел цепи».

Стр. 190. Отчеркнуты строки 5—12: «Он создает драму — все видят это, и сам он знает, но он не смеет назвать ее драмою и говорит просто: Борис Годунов. Это похоже на детскую игру — ребенок закрывает лицо руками и думает, что он спрятался. Пушкин и не делит драмы своей на действия: двадцать два сплошных явления заключают в себе события с февраля 1598-го до июня 1605-го года...»

тылками, стаканами, фруктами, бутерброшомъ. Всѣ гости уже скинули кафтаны, не смотря на приближающійся вечеръ; нѣкоторые изъ нихъ курили трубки, другіе наливали виномъ и опорожнивали стаканы; третьи сидѣли въ задумчивости, сложивъ руки; наконецъ иные мурлыкали про себя народныя пѣсни. Въ разговорѣ не было ничего общаго, связнаго; всякой предлагалъ вопросы не думая объ отвѣтахъ, смѣялся, шутилъ и высказывалъ всѣ задушевныя мысли.

—Ну-ка, Русскіе братья, чару за братство!— вскричалъ Шрингнадель и напѣнилъ огромные стаканы.

Ломоносовъ не зналъ въ Россіи что значило вино; въ Германіи онъ уже попривыкъ пить его за обѣдомъ, и даже полюбилъ это; но скудные доходы его не позволяли ему ни малѣйшей роскоши. И вдругъ увидѣлъ онъ себя теперь въ обязанности осушить огромный стаканъ, потому что выпить за братство былъ обязанъ каждый. Чокнулись, выпили.

«Теперь за пріѣзжихъ изъ Россіи!» сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ. Снова засверкало вино, зашумѣли добрыя желанія, и стаканы были осушены.

—Пора вспомнить и Философію — сказалъ Клугеманнъ. — Мы еще ничего не пожелали великому нашему учителю, Христіану Вольфу.

НАДПИСИ БЕЛИНСКОГО НА ПОЛЯХ КНИГИ КСЕНОФОНТА ПОЛЕВОГО «МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ»
Страница 200
Музей И. С. Тургенева, Орел

Стр. 194. Отчеркнуты строки 18—22: «Не общее ли мнение всех есть то, что когда вы прочитаете драму Пушкина, у вас остается в памяти множество чего-то хорошего, прекрасного, но несвязного и в отрывках, так, что ни в чем не можете вы дать себе полного отчета».

Стр. 222. Отчеркнуты строки 29—31: «Вот его последний надгробный голос — страшный вопль растерзанного бытия, вопль уже без шутки, уже без притворной улыбки...»

Книга в музее И. С. Тургенева не сохранилась. Описание дано по рукописи А. М. Путинцева.

Полемическая статья Белинского, направленная против «Очерков русской литературы», появилась в № 2 «Отечественных записок» за 1840 г. К этому времени относятся и многочисленные пометки на книге, органически связанные с его статьей. Он пишет В. П. Боткину 18—20 февраля 1840 г. («Письма», II, 42): «Что же ты не сказал мне ни слова о моей статейке об „Очерках" Полевого? Ею я больше всех доволен; право, знатная штука. Поверишь ли, Боткин, что Полевой сделался гнуснее Булгарина. Это человек, готовый на все гнусное и мерзкое, ядовитая гадина, для раздавления которой я обрекаю себя, как на служение истине. Стрелы мои доходят до него, и он бесится».

Белинский подверг разбору статьи Полевого, посвященные Державину, Жуковскому и Пушкину. Давая, в основном, положительную оценку статье о Державине и находя некоторые достоинства в статье о Жуковском, Белинский едко высмеивает статью о Пушкине: «Мы узнаем из этой глубоко-философской статьи, что Пушкин есть представитель XIX века в русской поэзии, но именно, русской — и не более, но что Пушкин — поэт, обладающий дарованием обширным (!), душою глубоко-раздражительною (?), восторженною, даром слова удивительным (?!), что карамзинизм повредил даже совершеннейшему из его созданий — „Борису Годунову"...»— и далее Белинский приводит одно за другим отмеченные им в книге высказывания Полевого о Пушкине. Снабженные ироническими комментариями, они сатирически разоблачают несостоятельность суждений Полевого о великом поэте.

Статьи Полевого, вошедшие в его книгу, печатались ранее в разных журналах и не являлись новостью для Белинского. Это подтверждается, в частности, пометками Белинского на статье Полевого «Державин и его творения», напечатанной в номере «Московского телеграфа», сохранившемся в библиотеке Белинского.

87. Прокопович, Феофан. История Императора Петра Великого, От рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных Шведских войск при Переволочне, включительно; сочиненная Феофаном Прокоповичем, после бывшим Архиепископом Великого Новагорода и Великих Лук; изданная с обретающегося в Кабинетской Архиве дел его Императорского Величества списка, правленного рукою самого Сочинителя. Издание Второе, Москва, в Типографии Компании Типографической, 1788.

256 стр. + 3 вкладн. карты.

В переплете. Состояние удовлетворительное. Пометок нет. На верху титульного листа какая-то надпись, почти полностью сорванная.

Повидимому, книга эта была куплена Белинским у букиниста.

В статье «Стихотворения В. Жуковского» (IX, 47) Белинский включает Феофана Прокоповича в число людей, сочинения которых «очень стоили бы нового издания, — особенно при теперешней бедности русской литературы. Все это интересно, и всего этого нельзя достать».

87а. Речи и стихи, произнесенные на торжественном собрании Московского Университета июня 26 дня 1830 года. С приложением краткой годовой истории оного. Москва, в Университетской Типографии. 1830.

Стр. 161.

В зеленой папке. Сохранность хорошая

Пометки:

Стр. 155. Подчеркнуто и отчеркнуто на полях: «De origine, natura et fatis poësoes, quae romanti⟨ca⟩. В. Магистром Словесных наук Иван Средний-Камашев, защищавший рассуждение свое: «О различных мнениях об изящном».

На стр. 154 надпись: «Вадим Пассек».

Книга прежде принадлежала, повидимому, В. В. Пассеку (1807—1842), с которым Белинский учился в Московском университете. При каких обстоятельствах книга оказалась у Белинского — неизвестно.

277

кались туда учиться разрабатыванію внутренности земли и всѣмъ необходимымъ для этого свѣдѣніямъ.

Ломоносовъ записался вольнымъ слушателемъ въ Училище, взялъ участокъ въ рудникахъ для разработки, и неусыпно обогащалъ себя свѣдѣніями. Генкель посовѣтовалъ ему съѣздить къ горному хребту Богеміи, для осмотра другихъ горныхъ заведеній и для узнанія различныхъ породъ. Ломоносовъ отправился туда пѣшкомъ, и съ мѣсяцъ бродилъ по хребтамъ Рудныхъ горъ.

Неизобразимое чувство изумленія овладѣло имъ, когда увидѣлъ онъ вдалекѣ Исполинскія горы. Голубыя вершины ихъ показались ему сначала огромными облаками; потомъ зрѣніе привыкало находить въ нихъ однообразныя, неподвижныя формы; наконецъ протяженіе ихъ, уходившее въ пространство, казалось безконечною поэзіею, которая начиная видимыми, ощутительными предметами, скрывается во глубинѣ души человѣческой. По цѣлымъ часамъ стоялъ Ломоносовъ, глядя на эту огромную поэзію горъ, въ которыхъ сама природа дѣлается поэтомъ. Чего не перечувствовалъ онъ въ эти часы! Съ какимъ расположеніемъ духа возвращался онъ въ углубленія долинъ и въ обыкновенный атмосферическій воздухъ!

СТРАНИЦА КНИГИ КСЕНОФОНТА ПОЛЕВОГО «МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ» ИЗ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО

Музей И. С. Тургенева, Орел

О подобном сборнике Московского университета, изданном в 1838 г., Белинский писал: «„Речи“ и „отчеты“, произносимые на торжественном годичном акте Московского университета, представляют собою драгоценные документы истории этого первого и важнейшего учебного заведения России. По ним, как по живым летописям, можно следить за ежегодными успехами, за каждым его шагом вперед. „Речи“ профессоров, произносимые на этих актах и имеющие своим содержанием или какой-нибудь предмет преподаваемой профессором науки, или ее значение и сущность, служат меркою и

современного состояния науки в университете, и ее преподавания, и достоинства самих профессоров; „отчеты“ представляют исторический документ, сбор фактов о годичном существовании университета и деятельности его членов» (XIII, 3—4).

* 88[1]. Руководство к Механике, изданное для народных училищ Российской Империи по Высочайшему повелению царствующия Императрицы Екатерины Вторыя. Вторым тиснением. Цена без переплета 40 копеек. В Санктпетербурге, 1790 года.

7 ненум. + 188 + 7 таблиц.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На передней крышке переплета запись: «Пензенской Гимназии ученику 2 класса Виссариону Белинскому за благонравие и успехи из Логики и Русск. языка, Истории и Географии, дан в Торжественном собрании Июня 26 дня 1827 года.— Исправляющий должность Директора Николай Дмитриевский». Здесь же сургучная печать Пензенской губернской гимназии.

В своих воспоминаниях о Белинском Д. П. Иванов пишет: «Доказательством прилежного учения и отличных успехов Белинского во 2-м классе служит полученная им в награду и лежащая теперь передо мною книга: «Руководство к Механике...»... Награда была дана за успехи только по четырем предметам, об остальных не упоминается, потому что учение по ним не заслуживало публичной похвалы; однако же оно было настолько удовлетворительно, что не мешало назначению награды по означенным четырем... Забавным кажется при этом выбор книги, данной в награду. Оставляя в стороне отсутствие прямого отношения механики к логике, реторике, географии и истории, всякий невольно спросит, какое значение могла иметь для мальчика наука, которой ему не приходилось учиться в гимназии и которой он не знал, следовательно и не чувствовал никакого расположения. Выбор книги объясняется очень простою причиною: у гимназии не было денег, определенных для ученических наград, библиотека была бедна, экономические сбережения употреблялись на более существенные нужды, а потому поневоле приходилось выбирать наградные книги из старого хлама, присланного когда-то, лет за тридцать, для распродажи и оставшегося неприкосновенным бременем в библиотеке заведения за неимением покупателей» (Д. П. Иванов, «Пребывание Белинского в гимназии», «Письма», III, 417—418).

* 88а. Саллюстий, Гай-Крисп. К. Криспа Саллустия история о войне Катилины и о войне Югурфы. Переведена с Латинского Императорской Российской Академии Членом Н. Озерецковским, и оною Академиею издана. Санктпетербург, в Типографии Академии Наук, 1809 года.

‹Шмуцтитул:› Gaii Sallustii Crispi Bellum Catilinarium et Bellum Jugurthinum. К. Саллустия Криспа История о войне Катилины и о войне Югурфы.

457 + 1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. В книге множество надписей над латинским текстом, относящихся к переводу слов. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.* На последнем форзаце карандашная запись «Пов‹ести› + Белкина» и карандашные рисунки. Поверх них, пером, портрет мужчины во фраке и сверху и снизу написано пером же: «Я».

Об этом издании книги Саллюстия Белинский упоминает в рецензии на «Труды Императорской Российской Академии. СПб. 1840» (VII, 548). Возможно, что он пользовался этим экземпляром еще в гимназические и университетские годы.

* 89. Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота Капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год. Санктпетербург. Печатано с Указного дозволения в типографии Шнора, 1802 года.

---

[1] Книга хранится в Государственном литературном музее (Москва). Приобретена музеем в 1948 г. у внучки Д. П. Иванова — М. С. Куликовской.

Часть I — 11 ненум. + XII + 1 ненум. + 187 стр.; часть II — 3 ненум. + 192 + + 2 ненум. стр. + 1 вкладная таблица.

Обе части в одном переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*. Пометок нет. Дата издания на титульном листе (1802 г.) подчеркнута Белинским (те же чернила).

Прекрасно изданная книга капитана Гавриила Андреевича Сарычева (1763—1831), вероятно, привлекла Белинского не только своим внешним видом, но и весьма интересными сведениями географического и этнографического характера. В свое время книга эта имела большой успех и была переведена на несколько иностранных языков.

90. Светоний, К. Светония Транквилла Жизни двенадцати первых цесарей римских. Переведены с Латинского языка на Российской Титулярным Советником и Троицкой семинарии Префектом Михайлом Ильинским. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук 1776 года.

Часть I — 1 ненум. + 393 стр.; часть II утрачена.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Упоминаний о сочинениях Светония в статьях и переписке Белинского не встречается.

* 91. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук. 1806—1822.

Часть II — 1 ненум. + 1178 стр.; часть III — 1 ненум. + 1444 стр.; часть IV — 1 ненум. + 1536 стр.; часть V — 2 ненум. + 1142 стр.; часть VI — 2 ненум. + 1478 стр. Часть I утрачена.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Во все части, кроме IV, перед титулом вклеены продолговатые листочки бумаги, на которых рукою Белинского написано для переплетчика, что надо вытиснить на корешках: «*Словарь Академии Российской, часть II* [...] *В. Б.*». Пометок нет.

Академический словарь русского языка являлся необходимейшей справочной книгой для Белинского. В статье «Труды Императорской Российской Академии» (VII, 546) он дает историю выпуска обоих изданий Словаря: «Первою заботою Академии было составление Словаря отечественного языка и как бы ни свершено было это дело, но оно было первым опытом, и потому уже было истинным подвигом... Этот словарь был составлен не азбучным, а словопроизводным порядком и напечатан, в шести томах, в шесть лет (1789—1794). Как жаль, что неимоверно высокая цена делает его совершенно бесполезным! Кому он нужен!— уж конечно не светским людям, не любителям легкого чтения, а ученым и литераторам? Но спрашивается: много ли есть ученых и литераторов, которые в состоянии заплатить за Словарь Академии сто пятьдесят рублей ассигнациями?.. Это обстоятельство наводит на заключение, что, кроме самой Академии, едва ли кто воспользовался ее словарем. Потом Академия немедленно приступила к составлению словаря по азбучному порядку; но это дело совершилось уже в семнадцать лет (1806—1822), хотя и этот словарь был издан также в шести частях».

* 92. Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. Изданное Обществом любителей Отечественной словесности. Издание второе, исправленное, умноженное и содержащее Историю Словесности древних и новых народов, правила Словесности вообще и каждого рода Красноречия и Поэзии в особенности.

> Прилежное чтение лучших писателей языка своего производит то же действие в слоге нашем, что обхождение учтивейших людей над нравами.
>
> Муравьев

Санктпетербург, печатано в типографии Ивана Глазунова, 1822—1824.

Четыре части (по две части в томе). Часть I — 4 ненум. + XXVIII + 301 стр.; часть II — фронтиспис (портрет Хераскова) + 4 ненум. + XXIX — LXXVI + 240 стр.;

часть III — 4 ненум.+ LXXVII— CIV + 267 стр.; часть IV — фронтиспис (портрет Карамзина) + 3 ненум.+ CV — CXXVI + 357 стр.; часть V — фронтиспис (портрет Княжнина) + 4 ненум.+ CXXVII — CXXXVIII + 1 ненум.+ 313 стр.; часть VI — 4 ненум.+ CXXXIX — CLXX + 1 ненум. + 331 стр.

В переплетах. На корешках инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

О подобных книгах (см. №№ 76 и 93) Белинский упоминает в четвертой статье «Сочинения Александра Пушкина», замечая, что «тогдашнее время было очень невзыскательно и неразборчиво» и большая часть «образцовых» сочинений может быть «образчиками бездарности и безвкусия» (XI, 349). См. также примеч. к № 76.

* 93. Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей Отечественной Словесности. Издание второе, исправленное, умноженное, и содержащее Историю Словесности древних и новых народов, правила Словесности вообще и каждого рода Красноречия и Поэзии в особенности.

Musa dedit fidibus Divos pueros que Deorum,
Et pugilem victorem, et equum certamine primum,
Et juvenum curas, et libera vina referre.
. . . .
Tyrtaeusque mares animos in Martia bella
Versibus exacuit.
Horatius de Arte Poëtica

Санктпетербург, печатано в типографии Ивана Глазунова. 1821—1822.

Шесть частей (по две части в томе). На корешках инициалы: «В. Б.».

Часть I — фронтиспис (портрет Ломоносова) + 10 ненум.+ CXLVIII + 330 стр.; часть II — 8 ненум.+ CXLIX — CXLII + 297 стр.; часть III — 6 ненум.+ CCXLIII — CCCV + 1 ненум.+ 314 стр.; часть IV — 5 ненум.+ CCCVII — CCCLXXIV + + 1 ненум.+ 320 стр.; часть V — 7 ненум.+ CCCXXXV—CDXXIX + 327 + 5 ненум. стр.; часть VI — фронтиспис + 6 ненум.+ CDXXXI — CDXCI + 275 стр.

См. примеч. к №№ 76 и 92.

94. Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. В Москве, в Типографии Н. С. Всеволожского. 1811.

Часть I — XI + 231 стр.; часть II — 2 ненум.+ 155 стр. + 1 табл.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На форзаце неразборчивая подпись неизвестным почерком.

Судя по подписи прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста. См. примечание к № 6.

* 95. Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий, до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию Науку, совершенно новую в России, с Историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних и новых редких книгах и их изданиях, и краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Васильем Сопиковым. Санктпетербург. В Типографии Императорского Театра. 1813—1816.

Часть I:

2 ненум.+ CLI + 313 + 1 ненум. стр.;

Часть II:

Более примечай и наблюдай, нежели читай:
кто читает много, тот читает худо.
Пифагор

2 ненум.+ IX + 1 ненум.+ 472 + 2 ненум. стр.

Часть III:

Il est rare qu'un homme, qui pense bien ne puisse pas s'exprimer avec dignité
Gilbert

т. е.

Редко может случиться, что бы человек благомыслящий не мог достойно изъясниться.
Жильберт

2 ненум. + IV + 475 + 2 ненум. стр. (книга неправильно сброширована).

Часть IV:

Одну каплю здравого разума предпочитай целому кладезю учености.
Пифагор

2 ненум. + 527 + 3 ненум. стр.

Часть V утрачена.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет. На корешках инициалы: «В. Б.».

Хотя имя известного русского библиографа Василия Степановича Сопикова (1765—1818) и редко упоминается Белинским, вряд ли приходится сомневаться, что критик часто обращался к его Словарю, являвшемуся одним из основных справочных пособий того времени и до сих пор не потерявшему своего значения.

* 96. Софокл. Антигона, трагедия Софокла, Переведенная с Греческого Иваном Мартыновым с примечаниями переводчика. Санктпетербург, В Типографии Иос. Иоаннесова, 1823.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

4 ненум. + 173 + 2 ненум. стр.

Без переплета. На глухой обложке почерком Белинского: «*Антигона*». Пометок нет.

Знакомство с трагедиями Софокла произвело на Белинского очень сильное впечатление. «Прочел пять трагедий Софокла — новый мир искусства открылся передо мною»,— пишет он В. П. Боткину 12 августа 1840 г. («Письма», II, 145). Через два месяца, 4 октября, он пишет ему снова: «Я прочел все трагедии Софокла в гнусном переводе Мартынова,—и „Антигона" поразила меня больше всех» («Письма», II, 166). В статье «Разделение поэзии на роды и виды» Белинский называет «Антигону» — «благороднейшим созданием Софокла». Упоминания о Софокле у Белинского очень часты.

* 97. Софокл. Аякс Неистовый, трагедия Софокла, Переведенная с Греческого Иваном Мартыновым с примечаниями переводчика. Санктпетербург, В Типографии Иос. Иоаннесова, 1825.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

3 ненум. + 121 стр.

Без переплета. На глухой обложке почерком Белинского: «*Аякс Неистовый*». Пометок нет.

* 98. Софокл. Филоктет, трагедия Софокла, Переведенная с Греческого Иваном Мартыновым с примечаниями переводчика. Санктпетербург, в Типографии Иос. Иоаннесова, 1825.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

2 ненум. + 203 стр.

Без переплета. На глухой обложке почерком Белинского: «*Филоктет*». Пометок нет.

О «Филоктете» Софокла Белинский упоминает в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (II, 219).

* 99. Софокл. Эдип царь, трагедия Софокла, Переведенная с Греческого Иваном Мартыновым с примечаниями переводчика. Санктпетербург, В Типографии Иос. Иоаннесова, 1823.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

2 ненум. + XX + 213 стр.

Без переплета. На глухой обложке почерком Белинского: «*Эдип царь*».

На стр. 190 подчеркнуто и отмечено *NB* на полях: «Притекли к чертогам своим. В подлиннике: сидим у дверей». На стр. 208 подчеркнуто и отмечено *NB* на полях: «Пощади! В подлиннике: Не бей».

* 100. Софокл. Электра, трагедия Софокла, Переведенная с Греческого Иваном Мартыновым с примечаниями переводчика. Санктпетербург, в Типографии Иос. Иоаннесова, 1825.

<Шмуцтитул:> Греческие классики, переведенные Иваном Мартыновым.

Параллельно греческий и русский тексты.

2 ненум. + 114 + 4 ненум. стр.

Без переплета. На глухой обложке почерком Белинского: «*Электра*». Пометок нет.

101. Соц И. Nouveau Dictionnaire François, Italien, Allemand, Latin et Russe. Новый Лексикон или словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках, содержащий в себе Полное собрание всех употребительных Французских слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом и объяснением различных знаменований и всех грамматических свойств, какие токмо каждому слову приличествуют, сообразно Словарю Французской Академии. Изданный трудами коллежского переводчика Ивана Соца. Часть I — A—F. Часть II — G—Z. Иждивением Новикова и Компании. В Москве, в Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1784—1788 гг.

Часть I.

6 ненум. + 529 + 1 ненум. стр.; часть II — 1 ненум. + 655 стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет. На обороте чистого листа перед титулом заклеенная надпись: «Сей Лексикон принадлежит Архитектору Василию Ивановичу Баженову». На титульном листе I части надпись: «Theodore Karjavine». На обороте переднего форзаца I тома наклейка с записью чернилами почерком Баженова (?): «Цена 7. оба тома в Москве». На обороте переднего форзаца II части перевод нескольких французских слов и выражений.

Книга, без сомнения, была куплена Белинским у букиниста. Из приведенного описания видно, что владельцами ее были гениальный русский архитектор В. И. Баженов и известный переводчик Коллегии иностранных дел Федор Васильевич Каржавин (1745—1812), автографические записи которых уцелели на книге. Белинский следующим образом характеризует словарь Соца: «Добродушное невежество смеется над старинным языком, над старинною книгою, с презрением отзывается о словаре Гейма или Соца, не понимая того, что это были первые тропинки к проложению большой дороги просвещения, проложение, которое, как всякий первоначальный труд, было труднее обработки самой дороги и что без этого старинного и неуклюжего языка и без этих недостаточных учебников не было бы ни нашего современного языка, ни наших хороших учебников...» (XIII, 7).

101а. Сочинения в прозе и стихах. Труды общества Любителей Российской словесности при Императорском Московском Университете. Москва. В Университетской Типографии. 1822.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. На стр. 352 над стихотворением К. Долгорукова «Взгляд старца на заходящее солнце» незнакомым почерком написано: «Взгляд В. Н. З.».

К. КРИСПА САЛЛУСТІЯ

ИСТОРІЯ

О ВОЙНѢ КАТИЛИНЫ

И

О ВОЙНѢ ЮГУРѲЫ.

Переведена съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи

Членомъ

Н. Озерецковскимъ,

и оною Академіею издана

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ Типографіи Академіи Наукъ.

1809 года.

В. Бѣлинскій

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ИСТОРИИ О ВОЙНЕ КАТИЛИНЫ...» САЛЛЮСТИЯ

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью критика

Музей И. С. Тургенева, Орел

102. Сумароков, А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного Действительного Статского Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской Учености Николаем Новиковым, Членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете. Издание Второе. В Москве, В Университетской Типографии у Н. Новикова, 1787 года.

Часть I—20 ненум. + 369 + 1 ненум. стр.; часть II—8 ненум. + 290 стр.; часть III—2 ненум. + 396 стр.; часть IV—2 ненум. + 356 стр.; часть V—2 ненум. + 348 стр.; часть VI—3 ненум. + 375 стр.; часть VII—15 ненум. + 382 стр.; часть VIII—12 ненум. + 358 стр.; часть IX—16 ненум. + 333 стр.; часть X—279 стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. На титульном листе I части зачеркнуты слова: «Александра Страхова», и над ними написано: «Иван Панаев». В остальных томах надписи «Александра Страхова» не зачеркнуты. В X части, на стр. 14 отчеркнуты строки 9 — 21; на стр. 16 — строки 5—24; на стр. 25 — строки 12 — 33; на стр. 51 — строка 10; на стр. 86—2 последних строки

По всей вероятности, собрание сочинений Сумарокова было подарено Белинскому И. И. Панаевым. Александр Васильевич Страхов — помещик Казанской губ., дед И. И. Панаева. После смерти Страхова в 1837 г. библиотека его была разделена на несколько частей; одна из них досталась И. И. Панаеву (см. письма Панаева к Аксаковым. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. Труды. Сб. IV, М., 1939, стр. 209). Описание 1-й (утраченной) части Сочинений дается по рукописи А. М. Путинцева.

«Годы и здравый смысл давно уже произнесли свой суд над поэтическими произведениями Сумарокова: их теперь невозможно читать, несмотря на то, что современники ими восхищались. Однако ж никак нельзя презирать и судом современников, обязанных сочинениям Сумарокова своею грамотностию и — что особенно важно — своею наклонностию к благородному наслаждению чтением и театром. Следовательно, поэтические сочинения Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактом истории русской литературы и образования русского общества» (Статья «Никитенко. Речь о критике».— VII, 367).

Характеризуя именно это, новиковское, собрание сочинений, Белинский пишет в той же статье: «Многие захотят покороче познакомиться с прозаическими сочинениями Сумарокова и пожалеют, что они изданы Новиковым без толку, без плана, с страшными опечатками и искажениями смысла, без примечаний и что теперь некому издать всех сочинений Сумарокова, как следует, а главное—с необходимыми пояснениями и примечаниями» (там же).

* 103. Татищев И. И. Всеобщий Французско-русский словарь, составленный по изданиям Раймонда, Нодье, Боаста и Французской Академии действительным статским советником и кавалером Иваном Татищевым. Издание третье, вновь дополненное и исправленное. Издали Селивановский и Ширяев. Москва. В Типографии Семена Селивановского, 1839—1841.

Том I — 5 ненум. + II + 1 ненум. + 651 стр.; том II — 4 ненум. + 772 стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет. На корешках инициалы: «В. Б.».

В «Московском наблюдателе» (1839, ч. II, № 4) Белинским был дан краткий, но весьма положительный отзыв об этом издании Словаря Татищева. Упоминает он об этом словаре и в статье «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“» (X, 169).

104. Тацит, Гай-Корнелий. Летопись К. Корнелия Тацита, переведена с Латинского Императорской Российской Академии Членом Степаном Румовским, и оною Академиею издана в Санктпетербурге, в Типографии Ив. Глазунова. 1806—1808.

Том I — XLV + 1 ненум. + 465 + 1 ненум. стр.; том II — 1 ненум. + 279 стр.

В переплетах. Сохранность удовлетворительная. В первом томе, в конце каждого печатного листа подписи читавших книгу корректоров — Жукова и Афанасия Вяткина и даты читки, начиная с 8 июля 1805 г. (последние датировки и часть подписей отрезаны при переплетении). Следовательно, этот том представляет собою сброшированные корректурные листы. Пометок, устанавливающих изучение книги, нет. Повидимому, эта книга, так же как „Илиада“ в переводе Н. И. Гнедича, была приобретена Белинским у букиниста, а может быть, получена непосредственно из архива типографии.

Довольно часто упоминая в своих статьях Тацита, Белинский характеризует его, как выдающегося представителя истинной, т. е. национально-самобытной латинской литературы (VI, 294).

105. Тацит, Гай-Корнелий. Летописи К. Корнелия Тацита. Часть третия. Переведено с Латынского языка. Напечатана по Высочайшему повелению. В Санктпетербурге. В Типографии Шнора. 1806 года.

604 + 1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

106. Тейльс В. Известия, служащие к истории Карла XII, Короля Шведского, содержащие в себе, что происходило в бытность сего Государя при Оттоманской Порте, и достоверное уведомление о несогласиях, приключившихся от времени между Его Царским Величеством и Портою и прочая, и прочая, и прочая, с приложением реляции о последней войне между Султаном, Цесарем и Республикою Венециею, Все достоверными опытами доказано и издано чрез В. Тейльса, Первого переводчика Порты

и Секретаря при Его Сиятельстве Господине Графе Колиере, обретающемся Посланником при Порте от Их Высокомоществ. С Французского перевел внук его Антон Тейльс. Часть I, Москва, в Университетской Типографии, у В. Окороткова, 1789.

Портрет + 2 ненум. + 468 стр.

В переплете. На переднем форзаце надпись: «№ 5. Из книг князя Василия Семеновича Мышецкого».

Судя по надписи прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста.

107. Тепляков В. Г. Стихотворения Виктора Теплякова. Том второй. Санктпетербург, 1836.

XIII + 1 ненум. + 194 + II стр.

Без переплета. Вся разрезана. Сохранность хорошая. Пометок нет. Том I утрачен.

Отношение Белинского к В. Г. Теплякову (1804—1842), давно забытому второстепенному поэту, достаточно характеризуют следующие строки из письма критика к А. А. Краевскому от 14 января 1837 г.: «... Но так как у вас ‹в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду». — *Л. Л.*› участвуют некоторые литераторы, как-то князь Вяземский, барон Розен и Виктор Тепляков, о которых я по совести не могу напечатать доброго слова, и вообще не могу говорить умеренно и хладнокровно, то буду стараться совсем не говорить о них...» («Письма» I, 65).

108. Теренций, Публий. Комедии Публия Терентия Африканского, переведенные с латинского на Российский язык с приобщением подлинника. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1774 г.

Параллельно русский и латинский тексты.

Том III — 1 ненум. + 379 + 1 ненум. стр.; томы I и II утрачены.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Упоминаний о Теренции в сочинениях Белинского, а также в его переписке не встречается.

109. Тик Людвиг. Избранный немецкий театр. Перевод Александра Шишкова 2. Том третий, содержащий в себе: 1) Фортунат, часть первая, в 5 действиях и 2) часть вторая, в 5 же действиях, в прозе и в стихах, соч. Людвига Тика. Москва, В Университетской Типографии, 1831.

361 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Людвига Тика Белинский считал талантливым, но второстепенным представителем немецкой литературы. «Посредственному, но ультра-романтическому поэту» Тику «удивляется только редеющая толпа стариков, скудно вознаграждая его этим удивлением за насмешки и презрение молодых поколений» (X, 322).

О переводчике «Избранного немецкого Театра» Александре Ардалионовиче Шишкове втором (1799—1833) у Белинского встречается несколько беглых упоминаний.

110. Тургенев Н. И. Опыт теории налогов.

Nulla qui es gentium... sine tributis.
Tac. Hist. LIV, c. 14

Сочинение Николая Тургенева. Санктпетербург. В Типографии Н. Греча.
‹На обороте титула:›
«Сочинитель, принимая на себя все издержки печатания сей книги, предоставляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов».

Стр. 3 ненум. + XIII + X + 368 + 3 ненум.

В переплете. На корешке фамилия владельца книги; первая буква фамилии оторвана: «...аконин». Пометок нет.

Повидимому, книга была куплена Белинским у букиниста. Упоминаний о ней в статьях Белинского не встречается.

111. Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских Гавриила Успенского, Императорского Харьковского Университета П. О. Профессора Истории, Статистики и Географии Российского Государства и разных ученых Обществ Члена. Часть Первая. О обычаях Россиян в частной жизни. Издание второе, исправленное и умноженное. В Харькове. В Университетской Типографии, 1818 года.

Часть I — XII + 145 стр.; часть II — О обычаях Россиян в гражданском их состоянии и правительстве — 146—815 стр.

Обе части переплетены вместе. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Белинский вскользь упоминает о Г. П. Успенском в рецензии «Поселыцик» (Соч., II, 55).

111а. Флавий, Иосиф — см. № 39.

* 112. Хомяков А. С. Димитрий Самозванец, трагедия в пяти действиях. Соч. А. Хомякова. Москва, В Типографии Лазаревых Института Восточных языков. 1833.

3 ненум. + 220 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

Вначале Белинский отнесся довольно снисходительно к трагедии Хомякова и отметил в ней «многие лирические красоты» (см. «Литературные мечтания», I, 393). В рецензии на «Арабески» Гоголя он определяет «Димитрия Самозванца» как «заблуждение замечательного таланта, которому не удается попасть на надлежащую дорогу» (II, 94). В 1844 г. он совсем уничтожающе отзывается о трагедии: «В „Димитрии Самозванце“ видна более или менее ловкая подделка под русскую народность, но нет ни одного истинного проблеска русской народности» (IX, 113).

* 113. Шекспир, Вильям. Гамлет принц Датский. Драматическое представление. Сочинение Виллиама Шекспира. Перевод с Английского Николая Полевого. Москва. В Типографии Августа Семена. При Императорской Медико-Хирургической Академии. 1837.

207 стр.

В переплете. Титульный лист надорван. Корешок поврежден. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.*

На обороте переднего форзаца дарственная надпись Н. Полевого:

«Сердитому, но честному критику, Орланду Фуриозу, но которого нельзя не любить среди порядочного и умного мира и людей и литературы, некоему N. N., на память от переводчика в царств. граде Москве, Лет от С. М. — 7345 гг, а от Рождества бога слова 1837 года, от рождества же переводчика в 41-е лето, и от перевода в 1-е, месяца марта в 21 день».

В книге отчеркнуты наклонными черточками:

Действие I.

Стр. 47. Монолог Гамлета: «О небо! и земля! и что еще?» (18 строк).

Стр. 48—49. Сцена — от слов: «Здесь, малютка! Сюда, сюда, я здесь» по: «Есть в то же время плут негодный. Да!» (23 строки).

Действие II.

Стр. 56—57. Диалог Полония и Рейнольдо — от слов: «И можешь многое сказать — лишь недурное...» по: «И с вольной головой... Тут надо так, искусно...» (17 строк).

Стр. 60—61. Диалог Офелии и Полония. От слов: «Я в комнате своей сидела за шитьем...» по: «Мы старики упрямы» (41 строка).

На стр. 71 зачеркнута ремарка: «Король и королева уходят».

Отчеркнуто наклонными черточками:

Стр. 81. Диалог Гамлета и Розенкранца — от слов: «Да какие это комедианты?» по: «Маленькие человечки становятся великими, когда великие переводятся?» (16 строк).

Стр. 91—92. Монолог Гамлета: «Бог с вами. Я один теперь...» (50 строк).

Действие III.

Стр. 97—98. Диалог Гамлета и Офелии — от слов: «Вы веселы, Принц» по: «Схоронили, позабыли» (21 строка).

Стр. 113—114. Диалог Гамлета и королевы — от слов: «Как вы находите комедию, Королева?» по: «Кричи тот, кого это щекочет» (23 строки).

Стр. 118—123. Диалог Гамлета и Гильденштерна и Гамлета и Полония — от слов: «Входят Розенкранц и Гильденштерн» по: «Душа! не соглашайся речь его исполнить!» (155 строк).

Стр. 128—129. Сцена — от слов: «И с молитвой» по: «Чтоб жизнь твоя продлилась — ты мертвец!» (24 строки).

Стр. 130—135. Диалог Гамлета и Королевы — от слов: «Что вам угодно, мать моя? Скажите» по: «За человека страшно мне».

Стр. 136. Диалог Гамлета и Королевы — от слов: «Крылами вашими меня закройте...» по: «И я не кровью стану мстить — слезами» (25 строк).

Стр. 140—141. Диалог Гамлета и Королевы — от слов: «Ничего не делай и не верь» по: «Когда сама себе ты шею повихнешь!» (13 строк) и от слов: «Счастливый путь—поедем поглядим...» по: «Спокойной ночи, Королева!» (14 строк).

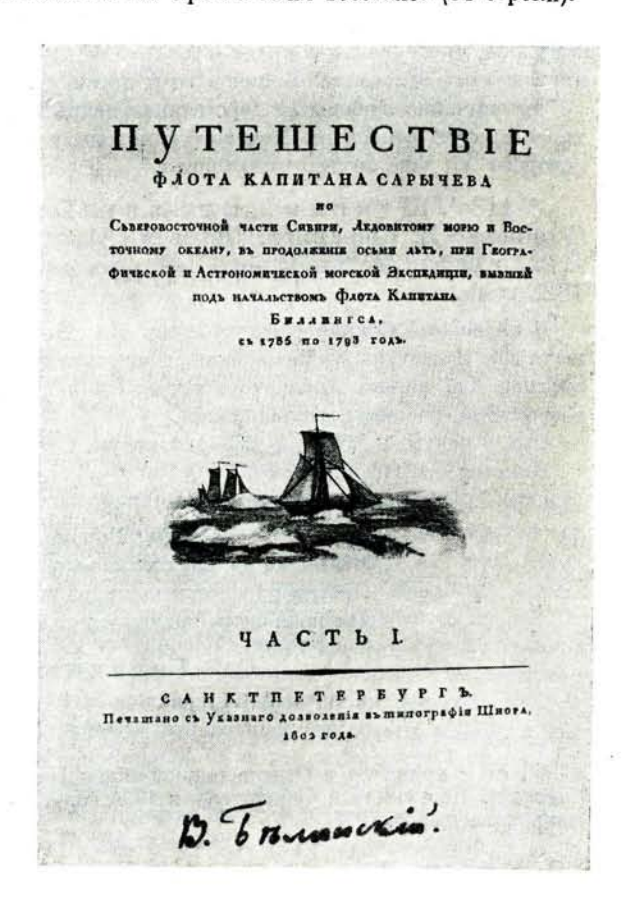
Действие IV.

Стр. 143. Диалог Королевы и Короля — от слов: «Он потащил убитого Полония» по: «И ум и сердце — он рыдает — поздно!..»

Стр. 145. Диалог Розенкранца и Гамлета — от слов: «Что сделали вы, Принц, с телом Полония?» по: «Вперед, лисицы, а собака за ними» (42 строки).

Стр. 148—149. Диалог Гамлета и Короля — от слов: «Ну, Гамлет — где же Полоний?» по: «За чем спешить — он подождет» (38 строк).

Стр. 154—155. Монолог Гамлета: «Как все против меня восстало» (34 строки).


ПУТЕШЕСТВІЕ
ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА
по
Сѣверовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіи осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской Экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ Флота Капитана Биллингса,
съ 1785 по 1793 годъ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано съ Указнаго дозволенія въ типографіи Шнора,
1802 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА»

Экземпляр из библиотеки Белинского с автографической подписью критика

Музей И. С. Тургенева, Орел

Стр. 156—159. Сцена — от слов: «Где, где она, прекрасная владычица?» по: «Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!..» (78 строк).

Стр. 164—166. Диалог Офелии и Лаэрта — от слов: «Иссохни, мозг мой, лейтесь, мои слезы» по: «Молитесь за него и — Бог с вами!» (57 строк).

Стр. 173. Монолог Королевы: «Там, где на воды ручья склоняясь, ива...» (10 строк).

Действие V.

Стр. 188—189. Сцена — от слов: «Кто хнычет тут? Кто смеет плакать?» по: «Получше брата я ее любил...» (23 строки).

Стр. 190—192. Диалог Гамлета и Горацио — от слов: «Да, я их обманул, Горацио, я отвратил погибель» по: «Бой начался меж сильными людьми!» (19 строк) и от слов: «С ним решено теперь...» по: «Его судьба моей судьбе подобно...» (15 строк).

Стр. 198. Сцена — от слов: «Если душа ваша что-нибудь вам подсказывает» по: «оставим всему быть так, как ему быть назначено» (13 строк).

Стр. 204. Сцена — от слов: «Что это? Я ранен...» по: «Горацио! ты все ему расскажешь» (55 строк).

Положительное отношение Белинского к переводу Н. А. Полевого (см. III, 249), как известно, с течением времени перешло в свою полную противоположность, и переводчику вскоре пришлось прочесть о себе самые убийственные отзывы. Теперь Белинский уже не называет перевод «Гамлета» «великой заслугой и литературе, и сцене, и делу общественного образования»,— а «оскорбительной пародией на великое создание высочайшего гения, нелепостью, оскорбляющей и эстетический вкус и здравый смысл» (VII, 131).

Все пометки на этом экземпляре «Гамлета» были сделаны Белинским во время работы над статьей «Гамлет, драма Шекспира, Мочалов в роли Гамлета» (III, 190—283) и представляют собой отчеркивания стихов и сцен, подлежащих цитированию. Сличение отмеченных мест с приведенными в статье Белинского цитатами из «Гамлета» показывает, что все они были использованы, причем без всякого сокращения и перестановки. На книге не сохранилось следов пренебрежительного или даже просто критического отношения Белинского к переводу.

Чрезвычайно любопытна дарственная надпись Полевого на этой книге. Она живо характеризует отношение Полевого к молодому критику, растущую силу и значение которого он уже смутно чувствовал.

*** 113а[1]. Ш е к с п и р, В и л ь я м. Гамлет Трагедия в пяти действиях. Сочинение В. Шекспира. Перевел с Английского М. В. Санктпетербург. В Типографии Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел 1828 года.**

В переплете. Сохранность хорошая. На обложке неизвестным почерком: «1841 г. июля 29». На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский* и печать: «Гурзуфская библиотека Ялтинского попечит. о народн. трезв.». Книга во многих местах повреждена, но аккуратно заклеена.

Стр. 4 ненум. + XXIV + 205 + 1 ненум. Стр. 141—142 оторваны.

Пометки:

Стр. 3. Отчеркнуты строки 20—25:

Сядь, Горацио!
Мы вновь на слух твой нападем, столь сильно
Против рассказов наших о виденьи,
Две ночи здесь ходившем, укрепленный.

Г о р а ц и о

Садитесь! Ну, рассказывай, Бернардо.

---

[1] Книга хранится в Отделе редкой книги Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва). Поступила в библиотеку в 1924 году. Титульный лист ее воспроизведен в наст. томе на стр. 277.

Стр. 4. Подчеркнута строка 20:

Кто ты? Почто, блуждая в мраке ночи...

Там же подчеркнута строка 23:

Во имя неба говори мне, кто ты.

Стр. 5. Отчеркнуты строки 6—9 и отмечены знаком *N3* на полях (полусрезано):

Бернардо

Ну что, Горацио? Ты дрожишь? Ты бледен?..
Не больше ль, чем мечта, сие виденье?
Что мыслишь ты?

Стр. 7. В строке 8 подчеркнуты слова: «я. м ы с л ю». На полях *N3* (полусрезано).

Стр. 10. В строке 4 подчеркнуты слова: «Я м ы с л ю». На полях *N3*.

Стр. 14. В строке 27 подчеркнуто слово «п о м ы с л и». На полях *N3*.

Стр. 24. В строке 13 подчеркнуто слово «п о м ы с л и». На полях *N3* (полусрезано).

Стр. 29. В строке 19 подчеркнуто слово «о б ы ч а й н о». На полях *N3* (полустерто).

Стр. 42. У строки 14: «Не молвить слова обо всем, что здесь познал ваш слух»—чернилами написана буква В.

Стр. 65. В строках 6—7:

«Найти сего причину д е й с т в а: д е й с т в а.
Иль правильней сказать, с е г о б е з д е й с т в а»,—

подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Стр. 71. В строке 22 подчеркнуты слова: «н а и п а ч е ж е». На полях *N3*.

Стр. 100. Строки 13—17 перечеркнуты спиральной чертой. На полях незнакомым почерком одно неразборчивое слово.

Стр. 110. В строке 11 подчеркнуто: «О с е м п о м ы с л и т ь д о л ж н о». На полях *N3*.

Стр. 120. Подчеркнута строка 13: «Ч т о д о л ж н а т в о р и т ь я».

Стр. 142 разорвана.

Стр. 164. Отчеркнуты строки 3—8:

«Гамлет

А зачем он послан в Англию?

1 Гробокопатель

Ну, за тем, что он сумасшедший: там, говорят, он опять найдет ум свой; если и не найдет, то не большая беда».

Там же отчеркнуты строки 23—26:

«1 Гробокопатель

Да Бог весть! На чем именно не знаю: чай на постели, если он спал тогда, на стуле, если сидел, и так далее; знаю только, что это было здесь, в Дании. Вот, уже тридцать лет, как я могильщиком здесь».

Стр. 183: В строке 26 подчеркнуто слово «н а й б о л е». На полях *N3*.

О переводе «Гамлета», сделанном Михаилом Петровичем В р о н ч е н к о (1801—1850), в сочинениях Белинского рассеяно немало положительных отзывов. Но Белинский отмечал в переводах Вронченко предельную близость к подлиннику, которая нередко вредила художественности. «В 1828 году вышел перевод „Гамлета" г. Вронченки — человека, страстно любящего Шекспира и обладающего талантом поэзии. Этих двух качеств должно б быть достаточно для удачного перевода, но перевод не имел никакого успеха. Впрочем, труд г. Вронченки достоин высокого уважения: он многим дал возможность познакомиться с Шекспиром; говоря о неудаче, мы разумеем публику. Этому были три причины: первая — перевод был полный, без всяких изменений; вторая — перевод был верный в буквальном значении, почти подстрочный, почему и не передал духа этого великого создания; третья — не говоря о том, что буквальная точность связывала слог переводчика, — его понятие о языке и слоге довершило неудачу перевода» (III, 341). См. также III, 337, 346; VIII, 121, 488; X, 229.

114. Шекспир, Вильям. Жизнь и смерть ричарда III. Короля Аглинского, трагедия господина Шакеспера. Жившего в XVI веке, и умершего 1576 <sic!> года. Переведена с Французского языка в Нижнем Нове-Городе 1783 года. печатано с дозволения управы благочиния. ВСанктпетербурге 1787 года.

303 стр. (3 последних страницы оторваны).

В переплете. Сильно потрепана. На корешке: «Жизнь Шакеспера».

Пометки:

В предисловии «Выписки из мнения г. Волтера о Гомере, в котором судит он и о достоинствах Шакеспера, Автора сей Трагедии»:

Стр. 4. Отчеркнуто на полях: «Я никогда не видал в Лондоне театра так полного при представлении Андромаки Расиновой, весьма хорошо переведенной Филиппием, или Катона Аддисонова, как во время представления старых Пиес Шакесперовых: но сии Пиесы суть уроды в рассуждении Трагедии». Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты в тексте.

Стр. 5. Рядом с фразой: «Великий смысл Автора Катонова и таланты его, которые сделали его Статским секретарем, не могли однакож дать ему места подле Шакеспера. Такова есть привилегия разума изобретательного»,— на полях карандашом запись: «Гёте».

Стр. 21. В строке 7 карандашом зачеркнуто: «Короля Генриха VI» и на полях написано карандашом: «Эдуард Валлийск.».

Стр. 53. В явлении VIII, рядом со словами: «Королева Маргарита» приписано: «(В глубине сцены)».

Стр. 57. К строке 4: «Королева Маргарита» — приписано: «Выход на сцену».

Некоторые пометки на «Ричарде III» имеют как будто режиссерский характер. Возможно, что книга принадлежала Белинскому еще в гимназические годы, когда, приезжая на каникулы в Чембар, он принимал участие в любительских спектаклях, устраивавшихся в доме семьи Ивановых. Д. П. Иванов упоминает о разыгранных молодежью опере Аблессимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» и трагедии «Отелло» Шекспира в переработке Дюси (приложение к «Письмам», III, 404). Быть может, готовилась или была осуществлена и постановка «Ричарда III».

* 115. Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов Адмирала Шишкова Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена. С.-Петербург. В Типографии Императорской Российской Академии. 1818—1832.

Часть I — 8 ненум. + VI + 403 стр.; часть II — 3 ненум. + 466 стр.; часть III — 4 ненум. + 338 стр.; часть IV — 4 ненум. + 394 стр.; часть V — 4 ненум. + 418 стр.; часть VI — 4 ненум. + 339 стр.; часть VII — 4 ненум. + 385 стр.; часть VIII — 5 ненум. + 289 стр.; часть IX — 3 ненум. + 388 стр.; часть X — 3 ненум. + VIII + + 344 стр.; часть XI — 3 ненум. + 401 стр.; часть XII — 3 ненум. + IV + 361 стр.; часть XIII — 4 ненум. + 378 стр.; часть XIV — 6 ненум. + 331 стр.; часть XV — 6 ненум. + 390 стр.

Все книги в одинаковых нарядных переплетах, по две части в одном томе (кроме частей I и II, переплетенных отдельно). Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

Пометки:

Часть II.

Стр. 345, в фразе: «Весь этот кортеж слов, над которым Бедный Ломоносо столько потел, не пришел бы никому из них в голову» («Прибавление к Рассуждению о старом и новом слоге») — после слова «Ломоносо» поставлен корректурный знак, повторенный на полях.

Часть III.

Статья «Разговоры о Словесности между двумя лицами Аз и Буки».

ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Сочиненіе

ВИЛЛІАМА ШЕКСПИРА.

Переводъ съ Англійскаго

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
При Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1837.

В. Бѣлинскій

ФОРЗАЦ И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ГАМЛЕТА» ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ Н. ПОЛЕВОГО
Экземпляр из библиотеки Белинского с дарственной надписью переводчика и автографической подписью критика
Музей И. С. Тургенева, Орел

Стр. 2. Подчеркнута и отмечена *NB* фраза: «Свойство языков есть таково, что ни один из них не может ни уклоняться от правил, ни постоянно следовать оным».

Стр. 3. Отчеркнуто на полях: «...противуречат между собою, и в таковых случаях непременно одна другой уступать должны; ибо хотя разум и должен везде первенствовать, однако сам разум недоволен бывает, когда ухо оскорблено».

Стр. 19. Подчеркнуто и отмечено *NB*: «Правила делаются на язык, а не язык располагается по правилам».

Стр. 22. В фразе: «Весьма бы странно было сказать о т е ц с к о е наставление, вместо о т е ц к о е или о т е ч е с к о е» — подчеркнуты карандашом слова «отецское», а на полях размашисто, почерком Белинского, написано: «*Вздор!*».

Стр. 23. Подчеркнуто: «Ибо мы напрасно почитаем себя умнее тех, которые до нас писали».

Стр. 25. На полях, после слов: «надлежит крайно быть невежественну в языке, дабы не почувствовать нелепицы, какую делает здесь слово э т о т вместо с е й»,— на полях написано: «*ай! ай!*».

Стр. 26. Отмечена *NB* фраза: «Б. Знаю, и в тех книгах, которые мне покупать случалось почти везде сии две точки принужден я был выскабливать». Против слов: «Кто произнесет таким образом?» на полях карандашная пометка ⟨«...⟩ *у*» (начало слова, повидимому, обрезано при переплетении).

Стр. 30. Фраза: «Итак, когда чрез отчуждение от чистого языка слух и зрение наше до того испортятся, что мы подобные слова (мое, твое, орел, полет) с т а н е м п и с а т ь п о п р о и з н о ш е н и ю, т о у ж е с п е р е м е н о ю б у к в ы *е* в *ио* должны будем переменить и букву *о* в *а*, откуду может быть последует уже и новое склонение: ариȯл, ариȯла, палиȯт, палиȯта и пр.» —отчеркнута на полях, и почерком Белинского написано: «*а Лажечников?*» (слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты в тексте).

Стр. 31. В фразе: «Уже и так в одах и тому подобных сочинениях читаем мы: в л е ч ё т, т е ч ё т»,—слова: «влечёт» и «течёт» подчеркнуты карандашом, и на полях ироническое: «*Увы!*»

Стр. 34. Фраза: «Вместо „Се великий Петр покоится во гробе" станем говорить: „Се великой Пиóтр покоится во гробе"»— отчеркнута карандашом на полях.

Стр. 36. Отчеркнуты на полях строки 1—22— о произношении слов в трагедиях.

Стр. 39. Отчеркнута на полях и отмечена двумя восклицательными знаками (*!!*) фраза: «Самое благороднейшее и наиболее свойственное языку нашему произношение состоит в выговаривании буквы „*г*", как иностранное „*h*" — Б о г, Г о с п о д ь, б л а г о д а т ь, н а б р е г а х, м о г у щ е с т в о и проч.». Далее отчеркнуто: «Весьма бы странно было естьли б мы в высоких выражениях Давида: Г о с п о д ь к р е п о к и с и л е н или: у м а с т и л е с и г л а в у м о ю, или я к о ж е н и х и с х о д я й и з ч е р т о г а с в о е г о...»

Стр. 57. В строке 3 исправлено корректурным знаком «богоматерѣ» на «богоматери». Здесь же отчеркнуты строки 1 — 22 (выдержки из Библии).

Стр. 59 вся отчеркнута карандашом (о применении в поэзии выражений из священных книг). На полях: «*Ой! Ой!*»

Стр. 66. Подчеркнута и отмечена *NB* фраза: «Хотя почти все оные переведены с Греческого языка, придерживаясь точного расположения слов...»

Стр. 69. Подчеркнута и отмечена *NB* фраза: «Чем язык простонароднее, тем он старее и ближе к своему началу, или первобытному составу слов».

Стр. 70. Подчеркнуты и отмечены *NB* слова: «К р а в а», «с л а в и й», «в р а б и й».

Стр. 71. Отчеркнуты на полях и отмечены *NB* строки об этимологии слова «власть».

Стр. 72. Отчеркнуты и отмечены *NB* слова: «думный дьяк», «деяк» и «деять».

Стр. 73. Подчеркнуты и отмечены *NB* слова: «п р о с ы п а я ч р е в а».

Стр. 74. Подчеркнуты и отмечены *NB* слова: «п р о в а л и т ь р е б р а».

Стр. 77. Отчеркнута и отмечена *NB* фраза: «Какая красота представляется взорам его? Такая, у которой тело толь необычайной белизны и нежности, что видно, к а к и з к о с т о ч к и в к о с т о ч к у м о ж ж е ч е к п е р е л и в а е т с я».

Стр. 78. Отчеркнуто на полях и отмечено NB: «на груди у него красное солнце, во лбу светел месяц, в затылке частые звезды. Какое огромное величество дано сему существу!»

Стр. 137. Отчеркнуты и отмечены NB слова: «ладными, т. е. приходящими в лад».

Стр. 145. Подчеркнуто и отмечено NB: «Читая таковые сочинения, мы должны воображать себя в том состоянии людей, в котором это важивалось или водится».

Стр. 147. Отчеркнуто и отмечено NB: «Вы видите здесь чистые двустопные анапесты. Впрочем ежели где в других местах стопопадение и мера нарушены, то сие произошло, может быть, от ошибок переписщиков или перескащиков; а поправить сии ошибки весьма трудно; ибо поправки или приделки в древних стихотворениях, равно как и в древних истуканах, часто бывают так видны, как на старом платье новые заплаты». Вслед за NB была карандашная запись короткого слова (из 3 букв) с восклицательным знаком, но она наполовину обрезана переплетчиком.

Стр. 150. Отчеркнуты 10 строк цитируемой народной песни: «Злые люди все украдкою глядят, Меня бедную заочно все бранят».

Стр. 156. Отчеркнута на полях стихотворная цитата: «и всегда чтоб сидела».

Статья «Прибавление к разговорам о словесности, или возражения против возражений, сделанных на сию книгу».

Стр. 172. Отчеркнуты на полях и отмечены NB строки 3—13 — о ненужности в русском языке греческих букв кси и пси.

Стр. 173. Подчеркнута и отмечена NB фраза: «Вольтер в подобном случае сказал некоторому Аббату: вы очень хорошо знаете грамматику, но я лучше вас знаю язык».

Стр. 174. Подчеркнуто и отмечено NB слово «усерязи».

Стр. 191. Подчеркнуты и отмечены NB слова: «нощь», «свеща», «мощный» и «ночь», «свеча», «мочный».

Стр. 214 (сноска) в фразе «Что пользы на французском языке говорить по-гречески? Называть thermomètre и évangile, когда бы яснее и столь же легко можно было сказать: mesure-chaleur и bonne-nouvelle?» — подчеркнуты слова «évangile» и «bonne-nouvelle».

Стр. 220. Отчеркнуты одинарной чертой строки 1—6 и двойной чертой строки 20—30 — о значении и переводе греческих и латинских слов.

Стр. 224. Корректурным знаком исправлено слово «Грен» на «Грек».

Стр. 226. В конце второго абзаца, в рассуждении о словах «звук», «звон» и «глас», на полях карандашом «ЗЗ», обведенные волнистой чертой.

Стр. 227. Подчеркнута и отмечена NB фраза: «О Русских словах надлежит рассуждать не по сравнению их с Греческими, но по собственной их силе и значению в своем языке».

Стр. 233. В фразе: «Царь же Роман летяше сосецая и гоня, и копейными прободеньми просыпая врагὸм чревȁ» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Стр. 235 — о неясных местах в летописях — отчеркнута целиком.

«Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика».

Стр. 248—249. Отчеркнуто и отмечено NB: «Мы не имеем книг, свидетельствующих оное; но находим в первоначальных с Греческого языка переводах такую Славенского языка силу, богатство и краткость, до которых не мог он без процветания словесности достигнуть. Никакой язык от изустного употребления не может вознестись вдруг на толикую высоту».

Стр. 253. Отчеркнуто на полях: «Все вещи, конечно, подвержены переменам: некоторые старинные слова и обороты ветшают и выходят из обыкновения; употребление дает силу словам и выражениям; от новых понятий рождаются новые названия и новый образ речений; но все сие тогда токмо вредит языку и потрясает свойства оного, когда не из собственных его, но из чуждых источников почерпается».

Стр. 255. Отчеркнуты строки 17—30 — об изменениях в русском языке за последние тридцать лет.

Статья Лагарпа «Сравнение французского языка с древними языками».

Стр. 283. В подстрочном примечании, в фразе: «... и Москву от жестокого поражения

и глубоких ран исцеляющего».— Есть ли бы Ломоносов речь сию окончил так: «И исцеляющего Москву от жестокого поражения и глубоких ран; то бы сей конец ее был несносен для того, что после долгого одинаким образом повторения речений...» подчеркнуты слова, отмеченные нами разрядкой.

Стр. 285. Отчеркнуто на полях все продолжение подстрочного примечания.

Стр. 290. В подстрочном примечании подчеркнуто и отмечено на полях NB слово «утекает».

Стр. 295. Во втором подстрочном примечании подчеркнуты и отмечены NB на полях слова: «звездочетство», «баснословие».

Стр. 296. В подстрочном примечании отчеркнута карандашом на полях фраза: «Но как слух привык уже к оным и как слух есть у всякого, а рассудок не у всякого, то и остаются чужие в чести, а свои в изгнании».

Стр. 304. Отчеркнуто: «Достопамятные времена Латинского языка нам небезызвестны: кто ученый не различит Энния от Плавта или Виргилия от Теренция? Одни многочисленные подписи на древних памятниках были бы достаточны подать нам сведения о переменах и успехах языка Римлян».

Статья «Перевод двух статей Лагарпа с примечаниями переводчика».

Стр. 309. Отчеркнуты и отмечены NB строки 21—30 — о злоупотреблении «чужеземными словами». Там же подчеркнуты слова: «гармонировать», «идеал», «ансамбль».

Стр. 310. В фразе: «Уже и так не хотим мы писать действие, явление, словестность; но пишем акт, сцена, литература и пр.»— подчеркнут конец фразы, начиная от слова «действие», и на полях отмечено знаком NB.

Стр. 313. Подчеркнуты и отмечены NB слова: «Метонимия», «Антономазия», «Катахресис», «Синекдох», «Гипербат», «Перифразис», «Элепсис», «Прозопопея», «Фикция», «Апостров», «Претермисия», «Литот», «Эмфазис», «Суспенция», «Афектация».

Стр. 314. Отмечена NB на полях фраза: «Умеренное иносказание украшает и возвышает слово».

Стр. 317. Отмечена на полях NB фраза: «Сей видев Греческую страну обладаему юною женою с детьми еще младыми и маломощными, возсвистал на них, яко змий на птичища бесперные, хваляся поглотити их усты костоснедными».

Стр. 319. Подчеркнуты и отмечены NB на полях слова: «Изверг естества».

Статья «О красноречии».

Стр. 333. Отчеркнуто и отмечено NB во втором подстрочном примечании: «Наша женщина с Рускою в руках книгою, или с письмом по Руски написанным, хотя бы то было к старику ее дедушке, опасается быть выключенною из сего общества и попасть в толпу тех непросвещенных людей, которые думают будто в своей земле надобно говорить посвоему...»

Стр. 337. В подстрочном примечании подчеркнуты и отмечены NB слова: «Метафора», «Аллегория», «Фигура», «Метонимия».

Стр. 338. Подчеркнуто и отмечено NB слово «острят».

Стр. 355. Отмечена на полях NB фраза: «К тебе прибегаем, милостивому и всесильному богу: воссияй в сердцах наших солнце правды твоея, просвети ум наш, и чувства все соблюди». (В подстрочном примечании.)

Стр. 358. Отмечена NB фраза: «Естьли бы кто вместо пора спать, сказал: время дремлющие зеницы покорить власти Морфеевой, или вместо меня пудрят, употребил бы выражение: белейшей ароматный иней сыплется на мою голову, тот сказал бы нечто жеманное, чопорное, неприлично кудрявое».

Стр. 359. Корректурным знаком исправлено слово «бури» на «бурѣ» и поставлена запятая после слова «того».

Стр. 361. В фразе: «Иносказание трегубо худсе, потому что три раза переменяет предмет»—слово «трегубо» подчеркнуто.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО ИЗДАНИЯ ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РИЧАРДА III»

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

ЖИЗНЬ
и
СМЕРТЬ
РИЧАРДА III.
Короля Аглинскаго,
ТРАГЕДІЯ
господина
ШАКЕСПЕРА.
Жившаго въ XVI. вѣкѣ, и умершаго 1576 года.
Переведена съ Французскаго языка въ Нижнемъ Новѣ-городѣ 1783 года.

печатано съ дозволенія управы благочинія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1787 года.

Стр. 370. Подчеркнуто и отмечено *NB*: «Имея уста дрожащие».

Стр. 373. В подстрочном примечании подчеркнуто и отмечено *NB* в фразе «Исполин ступает по вершинам с т р о г и м»—слово «строгим».

Часть VII.

«Слово о полку Игореве».

Стр. 2—3. Отчеркнуты и отмечены *NB* строки 7—15 левой колонки.

Стр. 4. Отчеркнуты строки 9—13. В строке 16 подчеркнуто слово «потягу». Обведена фраза: «Спала князю умь похоти, и ж а л о с т ь е м у з н а м е н и е з а с т у п и, искусити...» Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 5. Отчеркнуты на полях и отмечены *NB* строки 4—21 левой колонки.

Стр. 6. Отчеркнуты и отмечены *NB* строки 8—15 левой колонки. Там же отчеркнута и отмечена *NB* фраза: «Солнце ему тъмою путь заступаше».

Стр. 7. Подчеркнуто: «рцы лебеди распущени» и «уже бо беды его пасет птиць».

Стр. 9. Отмечено *NB*: «С моря идут, хотят прикрыти до солнца»; там же отчеркнуто на полях и отмечено *NB*: «О руская земле, уже не Шеломянем еси». Там же отчеркнуто на полях и отмечено *NB*: «Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрыи русицы прегородиша...»

Стр. 10. В строке 14 подчеркнуто и отмечено *NB* слово «отня». Там же отчеркнуты и отмечены *NB* строки 12—18 правой колонки.

Стр. 12. В фразе: «и н а канину зелену п а п а л о м у постла...» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. На полях знак *NB*. Там же отчеркнуты на полях и отмечены знаком *NB* строки 5—10 и 18—19 левой колонки. В строке 19 подчеркнуто слово «к и к а х у т ь».

Стр. 13. Подчеркнуто и отчеркнуто на полях: «Ту кровавого вина недоста».

Стр. 14. В строке 14 левой колонки подчеркнуто слово «жирня» и на полях отмечено NB. Там же в строке 18 правой колонки подчеркнуто слово «тяжкие».

Стр. 15. Отчеркнуты строки 1—4 левой колонки.

Стр. 16. Отчеркнуто на полях и отмечено NB: «Русского злата насыпаша. Ту Игорь Князь выседь из седла злата, а в седло Кощиево». В строке 19 подчеркнуто слово «кають».

Стр. 17. В строке 9 левой колонки подчеркнуто слово «трудом». В строке 17 левой колонки подчеркнуто слово «босуви». В строке 12 правой колонки подчеркнуто: «он боярем рассказывал». В строке 16 подчеркнуто слово «ядом».

Стр. 18. Отчеркнуты на полях строки 10—20. Там же, в строке 26 левой колонки отмечены NB слова «уже тресну».

Стр. 20. В первой строке левой колонки подчеркнуто слово «былями» и на полях отмечено NB.

Стр. 21. На полях отчеркнута фраза: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». Там же отчеркнуто и отмечено NB: «...стреляти удалыми сыны Глебовы. Ты буй Рюриче и Давыде».

Стр. 25. Отчеркнуты на полях строки 18—23 левой колонки.

Стр. 27. Отчеркнуты на полях строки 1—6 левой колонки. Там же подчеркнуто и отмечено NB: «великому Хръсови влъком путь прерыскаше». Там же подчеркнуто: «Тому вещей Боян и пръвое припевку смысленный рече». Слово «смысленный» не подчеркнуто.

Стр. 30. Подчеркнуто и отмечено NB: «Игорь спит, Игорь бдит».

Стр. 32. Отчеркнуты на полях строки 1—7 левой колонки.

Стр. 33. Отчеркнуты и отмечены NB строки 10—15.

«Примечание на древнее о Полку Игоревом сочинение».

Стр. 37. Отчеркнуто на полях: «Изречение о Бояне показывает, что Славенский певец сей может быть гремел некогда таковою же славою, как и Греческий Гомер».

Часть XII.

«Филипп, трагедия в пяти действиях, знаменитого Альфьери, перевод с итальянских белых стихов прозою».

Стр. 35—36. Отчеркнут на полях карандашом весь монолог Изабеллы.

«Имя Шишкова имеет полное право на свое, хотя небольшое местечко в истории русской литературы»,— пишет Белинский в статье «Сто русских литераторов» (VI, 212)— «... из 17 огромных томов сочинений Шишкова можно извлечь больше 17 страниц дельных и полезных мыслей о словопроизводстве, корнесловии, силе и значении многих слов в русском языке. Это был бы огромный, тяжелый, но небесполезный труд...» (VI, 218).

Многочисленные пометки Белинского свидетельствуют, что он внимательно изучал сочинения Шишкова, то иронически полемизируя с ним, то принимая некоторые его положения. Это изучение являлось в какой-то мере частью того «огромного, но небесполезного труда», о котором говорит Белинский в приведенных выше строках.

116. Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и в последующих годах войну. Санктпетербург. В Типографии Императорской Российской Академии Наук. 1831.

10 ненум.+299 стр.

В таком же точно переплете, как и все сочинения А. С. Шишкова. Сохранность хорошая. Пометок нет.

* 117. Шлегель Фридрих. История древней и новой литературы. Сочинение Фридриха Шлегеля. Перевод с немецкого. Второе издание, исправленное. Санкт-Петербург. В типографии Александра Смирдина, 1834.

Часть I — 5 + VIII + 363 + III + 1 ненум. стр.; часть II — 4 ненум. + 379 + III + + 1 ненум. стр.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.».

Пометки:

Часть I.

На передней крышке переплета, в левом углу, карандашный портрет мужчины с бородой и усами.

Стр. 341. Знаком ⊤ отмечен конец 1-го абзаца — о романтической поэзии персов.

Стр. 343. Таким же знаком отмечен конец 1-го абзаца — об утрате героическими сказаниями всякой исторической опоры.

Стр. 344. Отмечена знаком ⊤ часть текста, начиная с 5-й строки (после слова «или») и по конец 2-го абзаца (после слова «стихотворства») — о древней немецкой поэзии.

Стр. 345. Знак ⊤ в конце 1-го абзаца (об истории немецкого языка).

Стр. 348. Знак ⊤ в конце 1-го абзаца (о «Нибелунгах»).

Стр. 349. Знак ⊤ в конце 1-го абзаца (о «Нибелунгах»).

Часть II.

Стр. 180. Отчеркнуты на полях строки 10—22 — о невозможности достигнуть истины путем отрешения от прошедшего.

Стр. 183. Отчеркнуты строки 20—26 — о необходимости смирения перед божеством.

В статье «Русская литература в 1844 году» Белинский следующим образом отзывается о братьях Шлегелях: «Наша романтическая критика объявила Шлегелей... великими гениями, представителями философских понятий об искусстве и лучшими критиками нашего времени. Где теперь эти гении, эти маленькие великие люди, которым удалось разыграть заметную роль в переходный момент? — их эфемерное существование кончилось с породившим их моментом» (IX, 93).

***1181[1]. Шмидт. Сто новых детских повестей, с нравоучениями в стихах. Книжка для подарка детям. Перевел из сочинений Шмидта Б. Феодоров. Издание второе, исправленное и дополненное. Санктпетербург. В типографии К. Жернакова. 1845.**

Часть I — 4 ненум. + 139 + 3 гравюры на отдельных листах.

Обе части в одном переплете. Сохранность удовлетворительная. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

На это издание Белинский отозвался очень едкой рецензией, в которой искусно выставил на вид «самолюбивую и жалкую бесталанность» переводчика — Б. М. Федорова (1794—1875), более известного своими полицейскими доносами, чем романами, пьесами и сборниками стихов, которыми наводнял книжный рынок. Федоров прекрасно обрисован в известной эпиграмме С. А. Соболевского:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

Об авторе книжки — немецком писателе для детей Шмидте (1768—1854) Белинский здесь совсем не упоминает. Характеристику ему он дал еще в 1840 г., в рецензии на его книжку «Три Розы», переведенную тем же Федоровым. «Бедные дети!» — восклицает Белинский в заключении этой рецензии, по адресу юных читателей книги Шмидта-Федорова.

Высказанное Белинским предположение, что нравоучительные рифмованные сентенции в этой книге являются «изобретением» русского переводчика — не соответ-

---

[1] Книга хранится в Отделе редкой книги Государственной исторической библиотеки (Москва). Время и обстоятельства ее поступления в библиотеку неизвестны.

ствовало истине: и в немецком оригинале каждая сказка также заключается стихотворной сентенцией.

119. Шрекк И. М. Древняя и новая Всеобщая история, или руководство к преподаванию оной при публичном и приватном обучении юношества в округе Императорского Московского Университета. Сочинение И. М. Шрекка. Перевод с Немецкого, Новое издание, исправленное и доведенное до нынешних времен, с приложением Синхронических таблиц к каждому периоду.

Москва. 1814. В Университетской Типографии.

Часть I (титульный лист вырван) — 230 стр. + 5 таблиц. На переднем форзаце какая-то стертая надпись; часть II — 199 стр. + 5 таблиц.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Судя по характерному переплету, книга принадлежала Белинскому. Упоминаний о ней в сочинениях Белинского не встречается.

120. Штелин, Яков. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого Государя и отца отечества, собранные в течение сорока лет действительным Статским Советником Яковом Штелином. В Санктпетербурге, печатано с дозволения указного в Типографии Б. Л. Гека, 1786 года.

1 ненум. + XVI + 386 стр.

В переплете. Сильно потрепана. Стр. I — XVI попорчены. На переднем форзаце надпись: «Из книг Василия Кузнецова № 24-й». Пометок нет.

Судя по надписи прежнего владельца, книга приобретена Белинским у букиниста.

См. примеч. к № 6.

121. Штелин, Яков. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелином. Третье издание, вновь исправленное. Москва. В Типографии Решетникова. 1830.

Часть I — фронтиспис (портрет) + XVI + 260 стр.; часть II — IV + 179 стр.; часть III — X + 210 стр.; часть IV — 2 ненум. + V + 214 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

См. примеч. к № 6.

122. [Щербатов М. М.] Краткая повесть о бывших в России Самозванцах. Вторым тиснением. Санктпетербург, 1778 года.

1 ненум. + 191 стр.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. В книге ряд незначительных пометок прежнего владельца. На заднем форзаце надпись: «Принадлежит К. Моисееву от М. Н. Попадьина».

Судя по надписи прежнего владельца, книга была приобретена Белинским у букиниста.

123. Эзоп. Басни Езоповы, переведенные с Греческого Иваном Мартыновым. Книга Первая. Санктпетербург. В Типографии Иос. Иоаннесова, 1823.

Параллельно греческий и русский тексты.

4 ненум. + 8 + 297 + 2 ненум. стр.

Без переплета и обложки. Первые страницы изорваны. Пометок нет.

Книга принадлежит к той серии греческих классиков, переведенных И. И. Мартыновым, которая в значительном количестве сохранилась в библиотеке Белинского.

124. Эмин Ф. А. Адская почта или Куриер из Ада с письмами. Сочинение Федора Эмина. На ижд. П. Б. В Санктпетербурге с дозв. указн. 1788 года.

Стр. 325 + 10 ненум.

В переплете. Сохранность хорошая. На передней крышке переплета печатный ярлык: «Из библиотеки А. Смирдина № 9675»; на первом форзаце надпись: «М. Ехарин». Пометок нет.

Судя по надписи прежнего владельца, книга была куплена Белинским у букиниста или же взята им самим из библиотеки А. Смирдина и так и осталась среди его книг.

Белинский отзывался об Эмине как о малозначительном писателе (см. «Литературные мечтания».—I, 313). Тем не менее, в статье «Стихотворения В. Жуковского» (IX, 47) он указал на небесполезность переиздания сочинений Эмина в числе других второстепенных писателей XVIII в.

* 125. Энциклопедический Лексикон. Санктпетербург. В Типографии А. Плюшара. 1835—1841 гг. Томы II—VII и IX—XI.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

В т. VII, стр. 7 у статьи «Братский острог» на полях надпись Белинского: «*Ска⟨з⟩ка*» (часть надписи отрезана при переплетении). Очевидно это относится к следующим словам статьи И. Д. Соколова: «Все жители пользуются достаточным состоянием, которое решительно исключает между ними понятие о бедности и нищих».

Белинский неоднократно отмечал «величайшую услугу, которую Плюшар оказал читателям изданием Энциклопедического Лексикона» (XII, 293)—«предприятием огромным», по его словам (IX, 500). «Я... от души радуюсь н. п. Энциклопедическому Лексикону, хотя и знаю, что в составлении оного участвуют гг. Греч, Булгарин и др....» (I, 391). Следы пользования этим лексиконом сохранились в статье «Петровский театр»

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ

ЛЕКСИКОНЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

АЛМ – АРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ 2-го ТОМА «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА» ПЛЮШАРА

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

(III, 459) и др. О критическом отношении Белинского к Лексикону Плюшара красноречиво говорит его пометка в VII томе, приведенная нами выше.

* 126. Юлий Цезарь. Кайя Юлия Кесаря Записки о походах его в Галлию переведены с Латинского языка Сергеем Вороновым. Иждивением Общества, старающегося о напечатании книг. Продается в луговой Миллионной улице у Книгопродавца К. В. Миллера. Цена 1 руб. В Санктпетербурге. 1774 года.

XII+340 стр.

В переплете. Книга повреждена сыростью. Пометок нет. На титульном листе подпись: *В. Белинский*.

Белинский высоко ценил Юлия Цезаря как писателя. См., например, следующее высказывание критика: «...истинная латинская литература заключается в памятниках красноречия и исторических сочинениях, между которыми достаточно указать только на записки Юлия Цезаря и летопись Тацита, чтоб увидеть великое значение латинской литературы» (VI, 294). Упоминания о Юлии Цезаре очень часты у Белинского.

* 127. Юстин Марк. Всеобщая история Юстина, Извлеченная из бытоописаний Трога Помпея. Переведена с Латинского Титулярным Советником Семеном Борзецовским, с присовокуплением некоторых примечаний, служащих к пояснению оной. Санктпетербург, в типографии Иос. Иоаннесова, 1824 года.

Часть I — 3 ненум.+V+128+1 ненум. стр.; часть II — 420+3 ненум. стр.; часть III — 125+V стр.+XI хронологических таблиц.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На корешке инициалы: «В. Б.».

Упоминания о Юстине в сочинениях Белинского почти не встречаются.

128. Яновский П. А. История Немецкой Империи то есть о замечательнейших происшествиях и переменах, бывших в ней со времени восстановления ее Карлом Великим, до Императора Лотария II, с показанием преемничества и описанием свойств как Государей, управлявших Империею, так и Пап, имевших тогда сильное влияние на политические дела не только в Немецкой Империи, но и во всей Европе. С Французского языка перевел и некоторыми примечаниями и объяснениями о древних и новейших народах, Государствах, областях, городах, реках и других местах и лицах в ней упоминаемых пополнил Надворный Советник Петр Яновский. Печатано по Высочайшему повелению. В С. Петербурге. В Морской Типографии 1811 года.

Часть I, кн. I — 7 ненум.+150+2 ненум. стр.; часть I, кн. II — 4 ненум.+168+3 ненум. стр.; часть II, кн. III — 2 ненум.+300+1 ненум.+LX+2 ненум. стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

II. ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

129. Амфион. Ежемесячное издание [А. Ф. Мерзлякова и И. Смирнова]. Москва.

1815 (сентябрь и декабрь).

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Несколько упоминаний Белинского об «Амфионе» (VI, 326; VIII, 301; XI, 327, 328) доказывают его хорошее знакомство с журналом, являвшимся критической трибуной А. Ф. Мерзлякова. См., напр.: «Критика Мерзлякова ⟨разбор «Россиады» Хераскова⟩ была смела не по времени и притом нерешительна, а потому одних оскорбила, других ужаснула, третьих не удовлетворила, и немногим понравилась. Во всяком случае, эта критика принадлежит к любопытнейшим фактам истории русской литературы. Она напечатана в целых семи книжках „Амфиона"» (третья статья «Сочинения Александра Пушкина».— XI, 328).

130. Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. С.-Петербург.

1822 год. Книжки I—III (в одном переплете).

Упоминаний о «Библиотеке для чтения» (которую не следует смешивать с одноименным журналом, издававшимся с 1834 г. А. Ф. Смирдиным под редакцией Сенковского)— в сочинениях Белинского не встречается.

131. Благонамеренный. Литтературный и Критический журнал, издаваемый А. Е. Измайловым. С. Петербург.

* 1818. Часть II.

В переплете. Сохранность хорошая. На переднем форзаце автографическая подпись: *В. Белинский.* Пометок нет.

1820. Часть X.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1822. №№ 6, 9, 12, 15, 29, 40, 46, 48, 50.

Без переплетов. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1823. Часть XXIII.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «Я. Б.». Пометок нет.

1824. Часть XXV.

В переплете. Сохранность хорошая.

Пометки:

Стр. 151. «Выписка из отчета Общества любителей словесности, наук и художеств за 1823 г.». В списке избранных в действительные члены, рядом с фамилией К. Ф. Рылеева, карандашная надпись: «под».

Стр. 164. Отчеркнута фраза: «...звезда Сириус так далеко отстоит от нас, что ядро, брошенное из Сириуса, должно 7000 веков лететь до нашей земли?!!» и рядом карандашная запись «*NB* списать».

Стр. 167. Отмечены *NB* строки 5—9 (анекдот об отце и дочери).

Стр. 169. Отмечены *NB* строки 20—29 (анекдот о Монгольфьере).

Стр. 179. На полях, у анекдота о министре Лувуа (последний абзац) запись: «*NB* списать».

«Отрывок из письма к N в Ар».

Стр. 367. В строке 17 подчеркнуто слово «снисхождение».

Стр. 369. В фразе: «Но это весьма извинительный недостаток в игре ее ‹Колосовой›, происходящий, как мне кажется, единственно от недостаточной еще опытности управлять силою органа своего, которою, впрочем, наделена она от природы», — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Стр. 371. В строке 1, после слова «нашей», сделан крестик, и на поля вынесено: «Зачем когда в Пар‹...›» (конец обрезан переплетчиком).

На стр. 419—422 карандашные записи разгадок логогрифов и загадок: «гусли; слуги; ус; сиг; су; гул; луг; ил; дуб; рак; овин; раковин; кабак».

Стр. 422. В строке 2 подчеркнуто слово «гербом».

Говоря о «Благонамеренном» — скучном, педантичном журнале, издававшемся А. Е. Измайловым в 1818—1826 гг., Белинский цитировал известные строки Пушкина:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С Благонамеренным в руках?

Упоминания Белинского о «Благонамеренном» сопровождались ироническими замечаниями о тяжеловесном слоге этого журнала.

132. Вестник Европы. Москва.

1802. №№ 5, 6, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 23.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. На № 6 подпись прежнего владельца: «А. Королев».

1803. №№ 2, 3, 5, 7, 9—12, 13—16, 17—20, 21—22, 23—24.

№№ 9—12, 13—16 и 17—20 в переплетах. Сохранность хорошая. На переднем форзаце тома 9—12 надпись: «Библиотеки Н. Чирикова». Страницы переплетенных томов «Вестника Европы» за 1803 г. испещрены многочисленными знаками *N3* и подчеркиваниями, по всей вероятности сделанными прежним владельцем журнала.

1804. №№ 13, 19, 22.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1805. №№ 1, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 23.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1807. № 24.

Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1808. №№ 2, 3, 5, 7, 14, 17, 23.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1810. №№ 18, 19, 21, 22, 23, 24.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. На № 22 неразборчивая подпись прежнего владельца.

1811. №№ 5, 11, 12, 13, 15, 16, 19, 22.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная.

В № 13 на стр. 72 и в № 22 на стр. 148, 149, 150, 151, 153, 154 карандашные пометки незнакомой рукой.

№ 22. Стр. 148. Отчеркнут 2-й абзац.

1812. №№ 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19—20, 23—24.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1813. №№ 3, 4, 5—8, 9—10.

* №№ 5—8 в переплете. Сохранность хорошая. На форзаце надпись: «Из библиотеки Д. Авсова. №...». На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*. Остальные №№ без переплетов. Пометок нет.

1815. №№ 1—16, 17, 18, 21, 23, 24.

* №№ 1—16 в переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Остальные №№ без переплетов. Пометок нет.

1816. №№ 1—8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17—24.

* №№ 1—8 и 17—24 в переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Остальные №№ без переплетов. Пометок нет.

1817. №№ 2, 10, 12.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1818. №№ 2—6 и 9—12.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1819. №№ 1—4, 7, 9.

* №№ 1—4 в потрепанном переплете. Титульный лист помят и изорван. На стр. 3 автографическая подпись: *В. Белинский*. Остальные №№ без переплетов.

Пометки:

№№ 1—4. Стр. 130. Статья «От Киевского жителя к его другу». Подчеркнуто: «Ибо речи в ы м ы ш л е н н ы е, следовательно наполненные пустой декламацией». Здесь же на полях полустертая карандашная запись рукой Белинского: «*Consequant... non valit* ⟨?⟩».

Стр. 269. Басня «Кот и мыши» А. Маздорфа. Подчеркнуты слова «посмеется» (строка 7) и «игра на ум» (строка 11).

Статья «Описание разного рода Российских грамот».

Стр. 287. Знак × у строк 9—10 — о несудимых грамотах.

Стр. 288. Вертикальная черточка у строк 1—2 и знак ~ у 4-й строки подстрочного примечания.

На заднем форзаце, рукой Белинского, цифровые выкладки.

1820. №№ 13—16, 23.

№№ 13—16 в переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

поражаетъ своею двойственностію при первомъ взглядѣ. Паѳосъ ея составляетъ чувство любви къ человѣчеству, основанное на разумѣ и сознаніи; въ этомъ отношеніи, Шиллера можно назвать *поэтомъ гуманности*. Въ поэзіи Шиллера, сердце его вѣчно исходитъ самою живою, пламенною и благородною кровію любви къ *человѣку* и *человѣчеству*, ненависти къ фанатизму религіозному и національному, къ предразсудкамъ, къ кострамъ и бичамъ, которые раздѣляютъ людей и заставляютъ ихъ забывать, что они — братья другъ-другу. Провозвѣстникъ высокихъ идей, жрецъ свободы духа, на разумной любви основанной, поборникъ чистаго разума, пламенный и восторженный поклонникъ просвѣщенной, изящной и гуманной древности. — Шиллеръ въ то же время — романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ! Странное противорѣчіе! А между-тѣмъ, это противорѣчіе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы думаемъ, что первою стороною своей поэзіи, Шиллеръ принадлежитъ человѣчеству, а второю онъ заплатилъ невольную дань своей національности. Шиллеръ высокъ въ своемъ созерцаніи любви: но его любовь мечтательная, фантастическая она боится земли, чтобъ не замараться въ ея грязи, и держится подъ небомъ, именно въ той полосѣ атмосферы, гдѣ воздухъ рѣдокъ и неспособенъ для дыханія, а лучи солнца свѣтятъ не грѣя... Женщина Шиллера — это не живое существо съ горячею кровью и прекраснымъ тѣломъ, а блѣдный призракъ; это не страсть, а аффектація. Женщина Шиллера любитъ больше головою, чѣмъ сердцемъ, и она у него всегда на пьедесталѣ и подъ стеклянньмъ колпакомъ, чтобъ не пахнулъ на нее вѣтеръ и не коснулся ея прахъ земли. Въ балладахъ своихъ, Шиллеръ воскресилъ весь піэтизмъ среднихъ вѣковъ, со всею безотчетностію его содержанія, со всѣмъ простодушіемъ его невѣжества. Послѣ Шиллера, образовалась въ Германіи цѣлая партія романтическая, представителями которой были братья Шлегели, Тикъ и Новалисъ. Это все были натуры болѣе или менѣе даровитыя, но безъ всякой искры генія, и они ухватились, со всѣмъ жаромъ прозелитовъ, за слабую сторону Шиллера, думая найдти въ ней все, и хлопоча, сколько хватало ихъ силъ, о возобновленіи въ новомъ мірѣ формъ жизни среднихъ вѣковъ. Самъ Гёте — человѣкъ высшаго закала, поэтъ мысли и здраваго разсудка, въ легендѣ среднихъ вѣковъ высказалъ страданія современнаго человѣка («Фаустъ»); а въ своемъ «Вертерѣ» явился онъ романтикомъ тоже въ духѣ среднихъ вѣковъ. Многія баллады его (какъ, наприм., «Лѣсной Царь», «Рыбакъ» и проч.) дышатъ романтизмомъ того времени. — Это движеніе, возникшее въ Германіи, сообщилось всей Европѣ. Въ Англіи, явился поэтъ всего менѣе романтическій и всего болѣе распространившій страсть къ феодальнымъ временамъ. Вальтеръ Скоттъ — самый положительный умъ; герои его романовъ всѣ влюблены, но какъ — этого онъ не раскрываетъ; его дѣло влюбить и женить, а до истинки страсти, до ея развитія и характера онъ никогда не касается. А между-тѣмъ, онъ почти безвыходный жилецъ среднихъ вѣковъ: онъ съ такою страстію и такою словоохотливостію описываетъ и кольчугу, и гербъ, и рыцарскую залу, и замокъ, и монастырь той эпохи... Былъ въ Англіи другой, еще болѣе великій поэтъ и романтикъ по-преимуществу; но тотъ надѣлалъ много вреда, и нисколько не принесъ пользы среднимъ вѣкамъ. Образъ Прометея, во всемъ колоссальномъ величіи, въ какомъ передала его намъ фантазія Грековъ, явился вновь въ типическомъ образѣ Байрона: но онъ былъ провозвѣстникомъ новаго романтизма, а старому нанесъ страшный ударъ. Во Франціи тоже явилась романтическая школа въ духѣ среднихъ вѣковъ; она состояла не изъ однихъ поэтовъ, но и мыслителей, и силилась воскресить не только романтизмъ, но и

Гтан

СТРАНИЦА XXX ТОМА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» С ТЕКСТОМ ВТОРОЙ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА», 1843 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского с корректурными правками критика

Музей И. С. Тургенева, Орел

1821. №№ 1—8.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1822. №№ 3, 20, 21, 22, 23.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1824. №№ 1—8 и 9—16.

В переплетах. Сохранность хорошая.

Пометки:

№ 2. Статья без подписи: «Полярная звезда. Карманная книжка на 1824 год».

Стр. 117. Отчеркнуто на полях желтым карандашом и отмечено *NB*: «Зато они уже обрадованы были переводами из Вергилия и Горация. Как же и не радоваться появлению сих отрадных м а я к о в ⟨слово «маяков» подчеркнуто тем же желтым карандашом⟩, всегда спасительных для неопытного плавателя...».

Стр. 118. Отчеркнуто на полях: «Валтеры Скотты, Шиллеры и многочисленный класс просвещенных сограждан их питались амброзиею древней словесности, наслаждались ею, освежались водою Ипокрены и черпали животворную влагу из самого источника».

Стр. 120. Отчеркнуто на полях: «Можно ли уверить г-на Издателя, что те же соловьи иногда свистали и щелкали (вероятно украдкою) еще и в П р и б а в л е н и я х к И н в а л и д у, можно бы сослаться на его же собственное свидетельство (стр. 10); но дело на сей раз только в том, что у соловьев наших мало творческих мыслей (стр. 14)...».

1825. №№ 5—7, 13, 14, 21.

* №№ 5—7 в переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*. Пометок нет.

1826. №№ 9—16.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке ошибочно вытиснено: «1816». Пометок нет.

1827. №№ 1—8, * 9—16, 17, 19, 20.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешке тома 9—16 ошибочно вытиснено: «1824». На том же корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

1829. №№ 3, 4, 9—12, 16, 17, 18, 20, 23, 24.

№№ 9—12 в переплете. Сохранность хорошая. Остальные №№ без переплетов.

№ 3. Стр. 223. В статье о «Графе Нулине» Пушкина в строке 9 слово «занимательное» переделано на «занимательные».

1830. №№ 2, 3, 4, 5, 7, 11, 12, 13, 14, 21—24.

№№ 21—24 в переплете. Сохранность хорошая. Остальные без переплетов. Пометок нет.

Белинский в своих статьях неоднократно излагал историю «Вестника Европы», старейшего русского журнала, за первые двадцать восемь лет своего существования, под разными редакциями, прошедшего сложный и интересный путь развития. С неизменной похвалой и восхищением отзывался Белинский о первых годах «Вестника Европы», редактировавшегося тогда Карамзиным: «Какое разнообразие, какая свежесть, какой такт в выборе статей,— пишет он в биографическом очерке «Николай Алексеевич Полевой»,—какое умное, живое передавание политических новостей, столь интересных в то время! Какая, по тому времени, умная и ловкая критика!» (X, 316). Современники «зачитывали до лоскутов книжки умно, ловко и талантливо составляемого им „Вестника Европы“»,—пишет он в другом месте (VII, 468). Дальнейшую историю журнала Белинский излагает следующим образом: «„Вестник Европы“, вышедши из-под редакции Карамзина, только под кратковременным заведыванием Жуковского напоминал о своем прежнем достоинстве. Затем он становится все суше, скучнее и пустее, наконец, сделался просто сборником статей, без направления, без мысли и потерял совершенно свой журнальный характер... В начале двадцатых годов „Вестник Европы“ был идеалом мертвенности, сухости, скуки и какой-то старческой заплесневелости» (X, 321). Редактором журнала в это время был М. Т. Каченовский.

Издание «Вестника Европы» прекратилось в 1830 г. и вновь возобновилось, под редакцией М. М. Стасюлевича, лишь в 1866 г.

133. Вечерняя Заря. Ежемесячное издание, в пользу заведенных в Санктпетербурге Екатерининского и Александровского училищ, заключающее в себе лучшие места из древних и новейших писателей, открывающие человеку путь к познанию Бога, самого себя и своих должностей, которые представлены как в нравоучениях, так и в примерах оных, то есть, небольших историях, повестях, анекдотах и других сочинениях, стихами и прозою, служащие продолжением Утреннего Света. Москва. В Университетской Типографии у Н. Новикова.

1782. Части I, II и III (в отдельных переплетах). Сохранность хорошая. Пометок нет.

Об отношении Белинского к изданиям Новикова см. примечание к № 74.

134. Галатея. Журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Е. С. [Раичем. Москва].

1829. №№ 6, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1830. №№ 3, 4, 7, 12, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 31, 39, 41.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная Пометок нет.

Журнал «Галатея» издавался Раичем в течение 1829 и 1830 гг. О «кончине» журнала во время эпидемии холеры Белинский упоминает в статье «Петербургская литература» (IX, 244). Впоследствии журнал был возобновлен и выходил в 1839—1840 гг.

135. Драматический Вестник. 1808 года. С.-Петербург. Части I—V (№№ 1—93), содержащие в себе прибавления, относящиеся до наук, словесности и художеств вообще. [Издатели: И. А. Крылов, А. И. Писарев, Д. И. Языков и С. Н. Марин.]

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «П. К.».

Пометки:

№ 55, стр. 21. В конце статьи «Продолжение дебюта Г-жи Жорж», в подписи, к инициалу «И.» приписано карандашом: «ванов».

№ 56, стр. 32, в конце стихотворения «К моей родине» к подписи «Жихарев» карандашом приписано: «Петр».

№ 64, стр. 96, внизу, незнакомым почерком (повидимому, прежнего владельца) написано: «Слава» (зачеркнуто) и «Да здравствует разум»⟨?⟩.

№ 65, стр. 96, в конце анонимной статьи «Отрывок» к слову «прислано» приписано карандашом: «от кого?»

№ 75, стр. 172, в статье без подписи «Английские трагедии» — фраза: «Согласимся с Англичанами, что у него ⟨Шекспира⟩ был величайший гений и что его трагедии суть прекраснейшие из Английских...»—на полях отчеркнута карандашом.

В статье «Иван Андреевич Крылов» Белинский перечисляет все басни, помещенные в этом томе «Драматического вестника» (XII, 506). Судя по инициалам прежнего владельца, журнал был приобретен Белинским у букиниста.

136. Дух Журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других Журналах, по части Истории, Политики, Государственного Хозяйства, Литтературы, разных Искусств, Сельского Домоводства и проч.

1815. №№ 1, 6, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18.

Без переплетов. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1816. №№ 2, 4, 5, 9, 10, 11, 14, 16, 18, 19, 24, 25, 27, 28.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. В №№ 10 и 14 несколько отчеркиваний карандашом. На обложке № 11 надпись: «Glagoleff».

Журнал издавался Г. М. Яценко в 1815—1820 гг. В заметке «Русская литературная старина» (III, 24) Белинский упоминает «Дух журналов» в числе тех старинных изданий, которые он читает «с какою-то жадностью и даже упоением».

137. Литературная Газета. Науки, словесность, художества, критика, библиография, театр, моды, смесь. С. Петербург. Редактор-Издатель А. А. Краевский.

1840. №№ 1—104.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Белинский довольно часто помещал свои рецензии в «Литературной газете», издававшейся с 1839 г. А. А. Краевским в качестве вспомогательного органа при «Отечественных записках» (с осени 1840 г. ей была придана «самостоятельность»). В обзоре «Русская литература в 1842 г.» Белинский в нескольких словах дает понятие о характере и целях газеты: «„Литературная газета“ была верна своему назначению. Представляя публике повести и рассказы, она исправно извещала ее обо всех литературных и театральных новостях и рассуждала с дамами о модах» (VIII, 32).

138. Литературные Листки, журнал нравов и словесности, издаваемый Ф. Булгариным. Санктпетербург.

1824. Части I—IV.

В переплетах (по две части в одном томе). Сохранность хорошая

Пометки:

Часть I. Статья Ф. Б<улгарина> «Новый год». Стр. 9. Строки 18—27 отчеркнуты — слева волнистой чертой, справа — фигурной скобкой и волнистой чертой: «Я Люди высшего звания исполняют значение сего месяца в отвлеченном смысле. Искание места, награждения, благосклонности, снисхождения, по моему мнению, и по моей собственной этимологии, означают, или, лучше сказать, выражают глагол просить, в полном его смысле, только под благовидными формами. Вся разница состоит в декорациях и в действующих лицах — но комедия та же самая». В конце абзаца корректурный знак, вынесенный на нижнее поле со словом: «Прекрасно!» (полустерто).

Стр. 10. В фразе: « Подьячие надеются на увеличение числа процессов, а тяжущиеся на окончание оных», после слова «процессов», также корректурный знак; на нижнем поле—три строки текста, тщательно стертые.

Стр. 11. Отчеркнут волнистыми чертами с обеих сторон весь второй абзац и его окончание на стр. 12: «Горев. Новый год есть также день раскаяния, не только надежды. Почти все обещают себе самим или другим переменить что-нибудь в своем образе жизни или исправиться от какого-нибудь недостатка. Так, например: игрок, разумеется, по страсти, не по расчету, обещает не играть более в карты; служитель Бахуса, расстаться навеки с его пагубными дарами; мот, не делать долгов; а мастеровые и ремесленники, не давать более в долг. Модная жена обещает своему мужу заниматься более воспитанием детей, нежели модами и визитами, а муж, быть вежливее, вернее и снисходительнее. Девушки обещают более радеть о своем собственном образовании и посвящать более времени на чтение, музыку, нежели на балы и пустословие. Гражданские чиновники обещают не иначе подписывать дела, как прочитав оные со вниманием, и подьячие быть осторожнее. Купцы обещают быть совестнее. Журналисты обещают в своих объявлениях сделать Журналы свои занимательнее: но я бы не кончил к завтрему, если бы вздумал исчислять вам все клятвы и обещания, которые должны непременно исполниться с Нового Года».

Стр. 12. У следующего затем абзаца: «И которые редко исполняются, не правда ли?» — значок ╫, на нижнем поле повторение значка и надпись: «правда».

Стр. 17. Статья «Военная жизнь» (Письмо к Н. И. Гречу) без подписи. В конце 1-го абзаца на полях наклонная черточка под фразой: «Я не стану описывать наших походных забав, уездных балов и деревенских вечеринок; они имеют необыкновенную прелесть, по свободному обращению и веселости. Пойдем за границу».

Часть II. «Городские Известия. Большой парад на Царицыном лугу».

Кто виноватъ?

I.

Отставной генералъ и учитель, опредѣляющійся къ мѣсту.

Дѣло шло къ вечеру. Алексѣй Абрамовичъ стоялъ на балконѣ; онъ еще не могъ притти въ себя послѣ двухчасового послѣобѣденнаго сна; глаза его лѣниво раскрывались, и онъ время отъ времени зѣвалъ. Вошелъ слуга съ какимъ-то докладомъ; но Алексѣй Абрамовичъ не считалъ нужнымъ его замѣчать, а слуга не смѣлъ тревожить барина. Такъ прошло минуты двѣ-три, по окончаніи которыхъ Алексѣй Абрамовичъ спросилъ: «что ты?» — Покамѣстъ ваше превосходительство изволили почивать, учитель пріѣхалъ изъ Москвы, котораго докторъ нанялъ. — «А?» (что собственно тутъ слѣдуетъ вопросительный знакъ (?) или восклицательный (!) обстоятельства не рѣшили). — Я его провелъ въ комнату, гдѣ жилъ [illegible], что изволили отпустить. — «А?» — Онъ просилъ сказать, когда изволите проснуться. — «Позови его». — И лицо Алексѣя Абрамовича сдѣлалось добродушнѣе и веселѣе. Черезъ нѣсколько минутъ явился казачокъ и доложилъ: «учитель вошелъ-съ». Алексѣй Абрамовичъ помолчалъ, потомъ грозно взглянулъ на казачка, замѣтилъ: «что у тебя, у дурака, муха во рту, что ли? мелешь, ничего не пойму». Потомъ прибавилъ, не дожидаясь объясненій: «позови учителя», и тотчасъ свѣж. молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, худощавый, блѣдный, съ бѣлокурыми волосами и въ довольно узкомъ черномъ фракѣ, робко и сконфуженно, явился на сцену.

— Здравствуйте, мусье, почтеннѣйшій! сказалъ генералъ, благосклонно улыбаясь и не вставая съ мѣста: мой докторъ очень хорошо отзывался объ васъ. Я надѣюсь, мы будемъ другъ другомъ довольны. Эй, Васька! (при этомъ онъ своему слугѣ) что же ты стула не подаешь? думаешь, учитель, такъ и не надо. Ну! когда вы [illegible]

НАЧАЛО ПОВЕСТИ ГЕРЦЕНА «КТО ВИНОВАТ?», ВПИСАННОЕ БЕЛИНСКИМ В ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ЕМУ ЭКЗЕМПЛЯР XLIII ТОМА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» 1845 г. ВЗАМЕН ОТСУТСТВОВАВШИХ СТРАНИЦ

Страница первая

Музей И. С. Тургенева, Орел

ешь ~~можем~~ похожим на людей?! — Прошу покорно. У меня, почтеннейший, сын-с, мальчик добрый, с способностями, хочу его в военную школу приготовить. По-французски-то он у меня говорит, но грамматики не то чтоб говорил, а понимает. Немчура попался пьяной, не занимался им да и признаться, я больше его употреблял по хозяйству, — вот он уж и в год пятнадцать, этакий детина; я прогнал его. Скажу вам откровенно, мне не нужно, чтоб из моего сына вышел магистр или философ; однако, почтеннейший, я хочу и слава богу, 2500 р. платить даром не стану. В наше время, сами знаете, и для военной службы требуют все эти грамматики, арифметики... Эй, Васька! позови Михайла Алексеича!

Молодой человек все это время молчал, краснел, перебирал носовой платок и собирался что-то сказать; у него шумело в ушах от прилива крови; он даже не вовсе отчетливо понимал слова генерала, но чувствовал, что вся его речь вообще дышала оскорблением, похожим на то, когда рукою ведешь по шероховатой коже против шерсти. По окончании воззвания, он сказал:

— Принимая на себя обязанность быть учителем вашего сына, я поступлю, как совесть и честь... разумеется, на сколько сил моих. Впрочем, я употреблю все старания, чтоб оправдать доверие ваше... ваше превосходительство.

Алексей Абрамович перебил его:

— Мое превосходительство, слава богу, лишнего не требует. Главное — умейте заохотить ученика, этак, шутя, понимаете? Где вы кончили учение?

— Как же, я кандидат.

— Это какой-то новый чин?

— Ученая степень.

— А позвольте, здравствуют ваши родители?

— Живы-с.

— Духовного звания?

— Отец мой уездный лекарь.

— А вы по медицинской части шли?

— По физико-математическому факультету.

НАЧАЛО ПОВЕСТИ ГЕРЦЕНА «КТО ВИНОВАТ?», ВПИСАННОЕ БЕЛИНСКИМ В ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ЕМУ ЭКЗЕМПЛЯР XLIII ТОМА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» 1845 г. ВЗАМЕН ОТСУТСТВОВАВШИХ СТРАНИЦ

Страница вторая

Музей И. С. Тургенева, Орел

Стр. 392. В фразе: «Красные Русские девицы расхаживают хороводами по улицам» — слово «красные» незнакомым почерком переделано на «румяные» (чернилами).

Заметка «Краткие Литературные замечания, наблюдения и проч.».

Стр. 430. Отчеркнуты строки 31—32: «В IX книжке Журнала так называемого Благонамеренный, на стр. 218 и 219 почтенный Издатель оного усиливается доказать мое бессилие по части критики и находит у меня множество ошибок. Сожалею, что не могу ему услужить тем же: я в нем ничего не вижу. Ex nihilo nihil fit».

Стр. 439. Отчеркнуты строки 23—25: «Это будет все равно, если б кто хотел уверять публику, что дважды два составляют восемь и продавать четыре вместо осьми».

Стр. 440. Отчеркнуты строки 6—7: «Прежде сего Новости Литературы ничего не стоили». В фразе: «И так слабые переводы Немецких повестей тогда только могли быть терпимы публикою, когда сообщались безденежно, а за деньги надобно было непременно трудиться истинно по-издательски, вместо того, чтобы рассчитывать за кулисами и собирать без посева», — слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты в тексте.

Стр. 441. Подчеркнуты названия произведений кн. Долгорукого «Чистый понедельник» и Баратынского «Разуверение».

Стр. 442. Рядом со строками 1—3: «Светослав, Соч. г. Рылеева из „Соревнователя Просвещения на 1822 год". 4. К уединенной красавице, Соч. кн. Вяземского, кажется из С. О.» — на полях надпись: «се ложь» (далее два слова стерто).

Там же горизонтальными черточками на полях у строк 17, 20 и 21 отмечено: «Песнь бедняка» соч. г. Жуковского» и «К девушке» соч. г. Баратынского из Невского Зрителя 1820, № 2». В первом подстрочном примечании на той же странице: «при сем должно заметить, что все сочинения почтенного А. С. Пушкина и все почти В. А. Жуковского перепечатаны в Н. Л., но не представлены из первого источника. Изд.» — приписано карандашом (полустерто): «Ложь наглая».

Стр. 443. Строки 29—33. У фразы: «Гг... Издатели перестанут промышлять этими перепечатками и последуют благородной пословице наших предков: без труда нет плода, вместо того чтобы собирать плоды, презирая труды», — на полях три косых черты и цифра 3.

Все последние пометки (стр. 439—443) относятся к «Письму <Н. В.> к Издателю о легком для Издателей и тяжелом для Читателей средстве издавать книги и журналы». В этом письме «читатель» протестует против предпринятого Воейковым издания «Новостей Литературы», составлявшегося из перепечаток разных сочинений, помещенных в журналах. Характер пометок заставляет предполагать, что этот экземпляр журнала, прежде чем попасть к Белинскому, принадлежал самому Воейкову и что надписи сделаны им: вряд ли кто-нибудь другой принял бы с таким злобным возмущением обвинение в перепечатке Воейковым чужих трудов.

Белинский вел беспощадную войну с агентом III Отделения в литературе — Ф. Булгариным. Несмотря на цензурные барьеры, Белинскому часто удавалось — тем или иным способом — высказывать правду о Булгарине и разоблачать его. Вот одна из характеристик Булгарина как издателя разных журналов, в том числе и «Литературных листков»: «К литературным, эстетическим и ученым вопросам он оказывал всегда ледяное равнодушие, делал вид, что даже и не подозревает существования того, что называется мнением, убеждением, правилом, принципом. Все эти слова всегда казались и кажутся ему смешными, и он истощил над ними весь запас своего посильного остроумия. Переберите все издания, которые он редижировал или редижирует, в которых он участвовал или участвует — „Северный Архив", „Литературные Листки" и „Сын Отечества", „Репертуар" и „Пантеон" (1842), и „Северную Пчелу": как бесцветны и бесхарактерны все эти журналы!» (X, 364).

139. Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. Москва.

* 1827. Часть V.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*.

1828. Часть XI.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1830. Часть III.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

В «Литературных мечтаниях» (I, 380—381) Белинский дает подробную характеристику «Московскому вестнику», объясняя одновременно причины его неуспеха и «преждевременной кончины»: «В эпоху жизни, в эпоху борьбы и столкновения мыслей и мнений он вздумал наблюдать дух какой-то умеренности и отчуждения от резкости в суждениях и, полный дельными и учеными статьями, был тощ рецензиями и полемикою, кои составляют жизнь журнала, был беден повестями, без коих нет успеха Русскому журналу...». «„Московский Вестник“,— заключает Белинский,— был лишен современности, и теперь его можно читать, как хорошую книгу, никогда не теряющую своей цены, но журналом, в полном смысле сего слова, он никогда не был». Позже, отмечая, что, несмотря на участие Пушкина в «Московском вестнике», в котором он исключительно помещал свои стихотворения, журнал не имел абсолютно никакого успеха, Белинский объяснял это тем, что «в нем, кроме стихов Пушкина, ничего интересного для публики не было» (VII, 250).

*140. Московской Журнал. [Издатель Н. М. Карамзин.]

1802. Издание второе. Части V—VI.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

Белинский часто, с неослабевающим восхищением отзывался об издательской деятельности Н. М. Карамзина: «До Карамзина у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его. Его „Московский Журнал“ и „Вестник Европы“ были для своего времени явлением удивительным и огромным, особенно если сравнить их не только с бывшими до них, но и с бывшими после них на Руси журналами, до самого „Московского Телеграфа“... Какое разнообразие, какая свежесть, какой такт в выборе статей, какое умное, живое передавание политических новостей, столь интересных в то время! Какая, по тому времени, умная и ловкая критика!» (X, 316).

141. Московский Наблюдатель, журнал энциклопедический. Москва.

1836. Часть VII.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке вытиснено: «Левашов». Пометок нет.

«Московский наблюдатель» с 1835 до 1838 г. издавался под редакцией В. П. Андросова и при участии С. П. Шевырева. Белинский часто полемизировал с этим журналом. В 1838 г. фактическим руководителем «Московского наблюдателя» стал сам Белинский. Он коренным образом изменил структуру журнала, привлек к сотрудничеству свежие силы, и «Московский наблюдатель» стал, по выражению А. Н. Пыпина, «одним из лучших журналов по цельности его характера, по достоинству литературного отдела и, наконец, по критике, которая положительно была выше всего того, что представляла тогда журналистика в этом отношении» (Пыпин, Белинский и его переписка. Т. I, СПб, 1876, стр. 244).

142. Московский Телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый Николаем Полевым. Москва.

1825. Части IV, V.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

* 1826. Части VII—VIII, IX—X, XI—XII.

В переплетах (по две части в одном томе). Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

* 1827. Части XIII—XIV и XVII—XVIII.

В переплетах (по две части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

К титульному листу части XVII приклеена продолговатая полоска бумаги с указаниями для переплетчика — что̀ поместить на корешке (рукой Белинского): «*Московский Телеграф. 1827. 5. 6. В. Б.*».

* 1828. Части XXI, XXII, XXIII, XXIV.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

В части XXI, на стр. 479 — пометки незнакомым почерком. К титульному листу части XXII приклеена полоска бумаги с указаниями для переплетчика—что̀ поместить на корешке (рукой Белинского): «*1828. 22. В. Б.*».

* 1829. Части XXV, XXVI.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

1830. Части XXXI, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1831. Части XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1832. Части XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XLVIII.

В переплетах. Сохранность хорошая.

Пометки:

Часть XLV. Стр. 198. После статьи «Мелкая промышленность Парижа» (без подписи), на концевой полосе полустертая карандашная запись, из которой можно разобрать только слова: «*Без........ необходимого нет....*».

Часть XLVII. Статья Н. П⟨олевого⟩ «Державин и его творения».

Стр. 232. Отчеркнуты вертикальной чертой с двумя крестиками, сверху и снизу, — строки 3—12, с перечислением 24 качеств, или достоинств оды (по Державину).

Стр. 234. Отчеркнуты на полях строки 5—30 — об источниках и достоинствах од. На полях поставлена буква *А*.

Стр. 235. Отчеркнуты строки 1—30 — о вдохновении как источнике истинной поэзии.

Стр. 236. Отчеркнуты строки 1—16 — о вдохновении. У строки 16 — знак ×.

Часть XLVIII. Отдел «Современная библиография».

Стр. 98. Рецензия на перевод В. Б. и Л. К. «Сцен из частной жизни» Бальзака. Анонимный автор рецензии упрекает переводчиков за искажение и Бальзака, и русского языка. «Бедный Бальзак!.. Бедный, если станут судить о слоге его по слогу Русского перевода. Как безжалостно исказили Русские переводчики сильное, цветистое, дышащее страстями изложение своего автора! Но пусть бы мы т о л ь к о не узнавали Автора в их переводе; нет, они сделали больше: они исказили даже Русский язык до такой степени, что в иных местах он издает одни грубые, какие-то п р и к а з н ы е, б е с т о л к о в ы е звуки». Слова «приказные, бестолковые» подчеркнуты в тексте черными чернилами. Далее автор приводит выдержки из перевода: «Посреди сего адского шума, иные разбивают бутылки, другие з а в о д я т песни. Вызывают друг друга на поединок. Тысяча различных з а п а х о в, соединяясь в м е с т е, о б р а з у ю т зловонную а т м о с ф е р у. Тысяча различных голосов производят нестерпимый шум. Никто не знает, что̀ ест, пьет и говорит. Одни пасмурны, другие лепечут; этот повторяет одно и то же слово, подобно колоколу, когда раскачали язык о н о г о, а тот хочет, чтобы в суматохе ему повиновались; благоразумнейший из них предлагает начать попойку». В слове «запахов» теми же чернилами подчеркнуты первые четыре буквы, а на полях знак *N3*, замазанный чернилами. В 18-й строке двойной чертой зачеркнуто слово «оного».

Характер пометок на этой рецензии вызывает предположение, пока не подтверждаемое, впрочем, другими источниками, что под инициалами переводчика «В. Б.» мог скрываться сам Белинский. Именно в это время он занимался переводами с французского. Указание «Московского телеграфа» на промахи переводчиков, конечно, не могло быть, в этом случае, лишено интереса для Белинского.

1833. Части XLIX, L, LI, LII, LIII.

В переплетах. Сохранность хорошая.

В части XLIX на переднем форзаце незнакомым почерком запись: «...Лобицкого валс».

Статья «Отрывки из введения во „Всеобщую историю“ Мишле».

Стр. 12. Отчеркнуто на полях: «Воля Человека отдохнула тогда только, когда в бегстве из Египта достигла гор Иудеи».

Стр. 13. Отчеркнуто на полях: «Давид, не поколебавшийся есть хлебы предложения».

Стр. 14. Отчеркнуто: «Если в Естествознании творения высших степеней суть те, кои лучше о б р а з о в а н ы в ч а с т я х (mieux articulés), наиболее способны к различным движениям, какие внушает им деятельность их: человек, четвероногое; если в языках превосходнее других суть те, кои разнообразием своих изгибов, богатством своих оборотов, гибкостью своих форм, более соответствуют бесконечным потребностям разумения человеческого — не должны ли мы и к Географии приложить те же правила?» На полях рукой Белинского: «*Да*».

Стр. 15. Отчеркнуто: «Но печальная Азия смотрит в Океан—бесконечность» — и на полях восклицательный знак; у строк 19—20: «Она ⟨Азия⟩, кажется, ждет к себе от Австрального полюса материка, которого там нет еще» — на полях вопросительный знак.

Стр. 16. У фразы: «Европа была страною независимости духа для пришельцев с Востока: они делались в ней свободны, и в Европу устремилось бегущее с Востока Человечество» — на полях почерком Белинского: «*а после?*».

Повесть «Блаженство безумия» Н. А. Полевого.

Стр. 53. В строке 1: «...ж е н щ и н ы хвалили п р о з а и ч е с к и е места более...» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. На полях восклицательный знак.

Стр. 54. У фразы: «Прекрасно! Так лучше желать быть собачкою, нежели тою девушкою, которую вам вздумается любить?..» — стоит вопросительный знак. Там же отчеркнуты строки 10—18: «Я изумлен, поражен; безмолвие души отражает все мое существование в самую минуту грозы, а после я сам себе не могу дать отчета: я не существовал в это время для мира. И как же вы хотите, чтобы холодным языком ума и слова пересказал я вам свои чувства? З а ж г и т е с л о в а м о и о г н е м, и тогда я выжгу в душе другого чувства мои такими буквами, что он поймет их».— Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты, и на полях рукой Белинского: «*Хорошо*».

Стр. 55. Строки 16—18 отчеркнуты: «Бедные люди! им и ч у в с т в о в а т ь не позволяют того, чего и з ъ я с н и т ь они не могут!— Леонид вздохнул»,— на полях: «*хор⟨ошо⟩*».

Стр. 64. У фразы: «Но я не о себе, а об Антиохе хочу говорить вам» — на полях восклицательный знак.

Стр. 65. Отчеркнуто: «К несчастию, глаза людей заволокает темная вода: они не видят их величественного восхождения; прячутся в тень от жаркого полдня Любви и пугаются привидений священной полуночи Дружбы; или больными, слабыми глазами не смеют глядеть на солнце и спят при серебристом свете месяца». Слово «з а в о л о к а е т» подчеркнуто; там же отчеркнуты строки 26—28: «Как грустно смотреть, если видишь и понимаешь, ч е м могли б быть люди и ч т о они теперь!» К последнему слову карандашом прибавлено: «!!!»

Стр. 66. Отчеркнуты строки 7—9: «Горе тому, кто принесет на рынок людской жизни горсть драгоценных алмазов: если бы люди и могли оценить их, им не на что будет их купить»; там же отчеркнуто: «А! самая смерть в достижении к этому венку будет сладостною целью жизни!»

Стр. 69. У фразы: «Дед мой жил, как богатый Русский помещик» — на полях восклицательный знак.

Стр. 71. У фразы: Провидение, «сеющее бесплодные семена, или попускающее расклевывать их г а л к а м и в о р ô н а м ничтожных отношений, душить их белене или чертополоху невежества» — на полях восклицательный знак, под ним две параллельных черточки. Слова: «галкам и ворôнам» — подчеркнуты.

Стр. 72. Отчеркнута фраза: «но беден, кто провел много лет в мире мечтаний, в мире духа, и думает потом обольститься оболочкою этого мира, миром вещественным!..»

Стр. 73. Отчеркнуто: «Путешествие по бурным безднам Океана, среди льдов, скипевшихся с облаками, под полюсом, среди палящих степей и пальмовых оазисов Африки, среди девственных дебрей Америки. Но такой ли мир для души Петербургский Проспект и эти размраморенные, раззолоченные залы и гостиные? Кто привык к крепкому питью, тому хуже воды оржад, прохлаждающий щеголеватого партенёра кадрили. Вода, по крайней мере, вовсе безвкусна, а бальный оржад что-то мутное,

ЭКСПЕДИЦІИ № 368

АРХИВЪ
III-го ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРІИ

О запрещеніи журнала „Телескопъ", объ издателѣ онаго Надеждинѣ, о литераторахъ Чаадаевѣ и Бѣлинскомъ и о ценсорѣ Болдыревѣ.

1834 ГОДА.

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ О ЗАПРЕЩЕНИИ ЖУРНАЛА «ТЕЛЕСКОП»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

что-то приторное... Несносно! Если бы горела война, изумлявшая Европу в 1812-м году! если б грудью своею ломил нашу Русь тогдашний великан, которому мечами вырубили народы могилу в утесах острова св. Елены — под заздравным кубком смерти можно бы отдохнуть душою; если бы я был поэтом, мог в очарованных песнях высказывать себя — я также отдохнул бы тогда, я разлился бы по душам людей гармоническими звуками, и буря души моей исчезла бы в громах и молниях Поэзии...»

Стр. 74. Отчеркнуто: «И что же вокруг меня? Куклы с завялыми цветами жизни, с цепями связей и приличий! Чего им от меня надобно? Моего золота, которое отвратительно мне, когда я вспоминаю, что мать моя умирала, а у меня не было гривны денег

купить ей лекарства! И эту купленную любовь, эту продажную дружбу, эти обшитые мишурою расчета почести будут занимать меня?.. Никогда!..»

Стр. 75. Отчеркнуто: «Лучше дремать на берегу лужи, нежели тонуть хотя бы и в океане...»

Стр. 76—77. Отчеркнуто: «Кто исчислит меру воли человека, совлеченной всех цепей вещественных? Где мера и той божественной Вере, которая может двигать горы с их места, той дщери небесной Софии, сестры Любви и Надежды? Природа гиероглиф, и все вещественное есть символ невещественного, все земное — неземного, все вещественное — духовного. Можем ли пренебречь этот мир, доступный духу человеческому?»

Стр. 78. Отчеркнуто: «Умрем, моя мечта! Умрем — да и на что жить нам, когда в одно мгновение первого взора мы истощим века жизни?».

Стр. 96. После ремарки: «Окончание в след. №»— крупная карандашная запись: «на 228 странице в сей же книге окончание сего».

Статья «Девицы-невесты» Рене Детурбе.

Стр. 101. Подчеркнуты в тексте слова: «цветами полей», «струей ручейков», «живу поцелуями».

Стр. 102. Отчеркнуто: «...подойти поближе, еще поближе, и как скоро видит, что лапа его завязла в силках, она кидается, опутывает, обвивает его со всех сторон, схватывает его голову, сердце, чувства, честь; он бьется, кричит; его опутывают еще более, связывают еще крепче...»

Стр. 103. Отчеркнуто: «Женись! Кошелек или жизнь! Чтобы выдать замуж свою дочь, женщина, впрочем, самая добрая, готова отречься от бога».

Стр. 104. Отчеркнуто: «Но большая часть, то есть толпа, м а с с а девушек выходит замуж для того, чтобы нашить себе приданого, накупить драгоценных вещей, иметь лишнюю уборку на платье и называться Madame». Там же отчеркнуто: «Туда-то везут молодую девушку, там-то, в рамах ложи, выставляют разгоряченную голову ее жадным взглядам с к о т о в, наполняющих цирк». Слово «скотов» подчеркнуто.

Часть LI. Стр. 69. «Литтературные признания» Юлия Жанена. В фразе: «Скажите мне об этой певице, или я сам расскажу вам о ней новости самые п о с л е д н и е» — слово «последние» подчеркнуто.

Стр. 70. В фразе: «Она... любила к р а й н о с т и и любовалась всеми излишествами» — подчеркнуто слово «крайности».

Стр. 72. В фразе: «Кто из нынешних молодых людей — говорю о самых благоразумных — н е с о ш е л т я ж е л о и т я ж к о с с в о е г о в о с т о р г а 18 - т и л е т н е й ю н о с т и, д о с т и г н у в т у д а о д н и м п р ы ж к о м?»—подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Повесть «Живописец» Н. А. Полевого.

Стр. 432. Отчеркнуты на полях строки 1—13: «Неужели те, кого мы любим, должны терзать нас?»— сказала она со слезами на глазах, умоляющим голосом, и ушла из комнаты. Я убежал домой. Это невыносимо... Бог с тобой, Веринька! Люби всех.—Я могу любить одну, и х о ч у, ч т о б ы о н а о д н о г о м е н я л ю б и л а. Сердце человеческое не должно быть постоялым двором, где всякого принимают с равною ласкою: это храм, где воздвигается жертвенник одному. И для кого бесславишь ты святое имя Любви? Их любить? Любовь тратить по мелочи... К а к т ы ж а л к а, б е д н а я В е р и н ь к а; к а к т ы б е д н а, ж а л к а я д е в о ч к а!»— Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 436. Отчеркнуто: «Дайте мне одну душу л ю б я щ у ю, понимающую меня...»— О н а в с я з а т р е п е т а л а... —Будьте моим ангелом-хранителем... Мы не понимаем друг друга! —Нет! Вы меня понимаете.—Боюсь понимать, может быть...—Меня ли можете в ы б о я т ь с я?— сказал я с жаром.— Испытайте меня, з а с т а в ь т е м е н я д е л а т ь, г о в о р и т ь, д у м а т ь, ч т о в а м у г о д н о».

Стр. 437. Подчеркнуто, в фразе: «...в лице ее обожал я в е л и к у ю и д е ю Л ю б в и»— подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. Там же подчеркнуто: «Т в о е й д е т с к о й л ю б в и м н е м а л о. Х о ч е ш ь л и б ы т ь м о е ю? О т р е к и с ь о т с е б я...»

Стр. 439. Отчеркнуто: «Ты прекрасна, Веринька: в глазах твоих небо; стан твой зефирен; но подурней, милый друг! сгорбись, сделайся безобразна! Тогда только увидишь ты, люблю ли я тебя! Принадлежи другому — что же мне? Я люблю душу твою — она всегда будет моею».

Стр. 441. Отчеркнуто: «Опять пугать меня, Аркадий?» и я замолчал. Ей весело играть в эту ничтожную любовь, в этот звонок жизни, по которому веселая радость и крошечное удовольствие являются, когда их позовут. Она дитя, она забылась сном, а ты не смеешь пошевелиться, не смеешь говорить громко — боишься перервать сон твоего дитяти! Но как очарователен этот сон! Веринька! ведь ты моя?». Там же, в фразе: «Они находят меня милым, любезным, забавным, веселым? Стыдись! По крайней мере этот долговязый вчера был рассержен». Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 446. В фразе: «... и мою буйную душу, согреваемую тихим дыханием любви из уст ее» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой; там же отчеркнуты строки 10—13: «Если грудь женщины не создана для поприща сумасшедших страстей, а для того только создана, чтобы голова, измученная их безумием, успокаивалась на этой груди?» и подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. Тут же отчеркнуто: «Как умен был Англичанин, который торговал горло у Каталани — только горло...»

Стр. 447. В фразе: «Но я и по-земному не был счастлив: я только уничтожился...» — подчеркнуто слово «уничтожился».

Стр. 500. «Об участии женщин нашего времени в просвещении». Отчеркнуты строки 4—13: «Прежде всех других отраслей литтературы, поэзия должна была поддаться женщинам. Это естественно, ибо они сами поэзия, их сердце можно уподобить той лире, которой трепетные струны от одного прикосновения ветра издают нежную, таинственную религиозную мелодию. Дуновение страстей извлекает из них аккорды, в тысячу раз более трогательные, или более ужасные, нежели все, что могло бы изобрести искусство...»

«Живописец» (продолжение).

Стр. 540. В строках 17 и 18 подчеркнуты слова «живущ» и «чернослив».

Стр. 546. В последней строке подчеркнуто слово «уцелевает».

Стр. 551. Отчеркнуты строки 11—27 и строки 1—5 на стр. 552: «Случалось ли вам видать, как молодого, неженатого, но живущего своим маленьким хозяйством мужчину, посещает семейство, в котором есть одна, для которой приглашение его было сделано? Это мило и любопытно видеть! Сколько тут бывает мечтаний, приготовлений, робкого любопытства! Хозяин показывает подробности своего хозяйства; старики думают, что он для того только заботится и делается любезным, услужливым; она понимает истинную цель услуг; тихо мечтает о том: как можно б было устроить здесь, поправить там, быть счастливою в этом тихом убежище. А он, неловкий хозяин, попадаясь беспрерывно под дружеский выговор стариков, дает разуметь, что у него некому хозяйничать. Наконец, уговаривают ее приняться разливать ⟨на полях надпись: «бологур»⟩ чай, управлять, распоряжать. Краснеют, спрашивают, хозяйничают. Это прелесть! И сколько после того бывает воспоминаний! Здесь она сидела; там глядела; там останавливалась; там сказала то-то...» На полях надпись: «натур...»

Стр. 578. В фразе: «Мне показалось, что я вижу в Вериньке оживленный эгоизм женщин нашего времени» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. Там же отчеркнуты строки 20—23: «Жаль, что, приучаясь к нему ⟨хозяйству⟩, они нередко видят хозяйственные распоряжения в самых высоких вдохновениях души».

Стр. 584. Отчеркнуты строки 15—16: «Этот мячик, перебрасываемый от одного к другому, бестолковою толпою...».

Часть LIII.

В статье Марлинского об «Истории» Полевого, на стр. 220 загнут верхний угол.

1834. Части LV—LVI.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность удовлетворительная.

В «Некрологии за 1832 и 1833 годы» в списке скончавшихся деятелей на стр. 188 отмечены черточкой: «Иоган Вольфганг Гёте, сконч. 10 Марта. Имя всемирное». «Сир Валтер Скотт. Сконч. 9 Сентября». На стр. 189 отмечены: «Г-жа Монтолье, урожд. Крузац, сочинительница Каролины Лихтфильд и множества других романов, сконч. в Лозанне, Декабря 16, в глубокой старости.

Раск, известный Датский Ориенталист, сконч. в Копенгагене, Ноября 2, 45 лет.

Иоанн Франциск Шамполлион, оказавший бессмертные заслуги касательно гиероглифов и Истории Египта, сконч. Февраля 21-го, 47 лет». Под фразой: «Франция лишилась четырех знаменитых Ориенталистов» рядом со строкой: «Иоанн, <запятая поставлена Белинским.—*Л. Л.*> Петр Абель-Ремюза, знаток китайского языка, сконч. Мая 22-го, 44-х лет» — Белинским поставлен знак × и внизу страницы приписано: *«Где же 4-й ориенталист? Верно Абель-Ремюза идет за двух: Иоанн и Петр. Ну так это так!»* (Ранее были названы только имена ориенталистов Шамполлиона и Сен-Мартена).

На стр. 190 отмечено черточкой: «Георгий Кювье, образователь Сравнительной Анатомии и Летописатель царства ископаемых допотопных животных, сконч. Мая 1, 63 лет». «Барон Цах, известный Астроном и писатель, сконч. 21 Августа, 77 лет».

Стр. 191. Отмечено черточкой: «Дмитрий Ипсиланти, брат Александра Ипсиланти, зачинщика восстановления Греции, одно из важных лиц в новейшей Истории Греков, сконч. Августа 4-го».

Стр. 194. После строк: «Упомянем о знаменитом Немецком книгопродавце Котта, который умел нажить огромное состояние книжною торговлею и умер с титулом Барона фон Коттенбурга»— Белинским поставлен знак ×, и внизу страницы написано: *«Непростительно упомянуть о потере книгопродавца, и придать совершенному...»* (последние несколько слов обрезаны при переплетении).

Стр. 649—658. Красными чернилами заключена в скобки часть рецензии на «Мазепу» Ф. Булгарина, начиная со строки 23 на 649 стр. по строку 8 на стр. 658.

Белинский считал «Московский телеграф» одним из лучших русских журналов, сыгравших выдающуюся роль в истории русской общественной мысли. Журнал этот имел большое значение и для самого Белинского в ранний период его литературного развития. В биографическом очерке «Николай Алексеевич Полевой» Белинский дает следующую характеристику журналу и его издателю: «„Московский Телеграф" был явлением необыкновенным во всех отношениях. Человек, почти вовсе неизвестный в литературе, нигде не учившийся, купец званием, берется за издание журнала,— и его журнал, с первой же книжки, изумляет всех живостию, свежестию, новостию, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению... И с первой до последней книжки своей издавался он, в течение почти десяти лет, с тою постоянною заботливостию, с тем вниманием, с тем неослабеваемым стремлением к улучшению, которых источником может быть только призвание и страсть» (X, 324). Цензурные условия помешали Белинскому напомнить читателю о причинах внезапного прекращения «Московского телеграфа» — его запрещении правительством.

143. Муза. Ежемесячное издание на 1796-й год. [Издатель И. И. Мартынов.] С.-Петербург.

Части I—II и III—IV.

В переплетах (по две части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

Упоминаний о «Музе» в сочинениях Белинского не встречается. Издатель журнала «Муза» И. И. Мартынов (см. примеч. к № 3) впоследствии был известен как переводчик греческих классиков.

144. Новая библиотека для чтения. Санктпетербург.

1824. Части I—II и III—IV.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

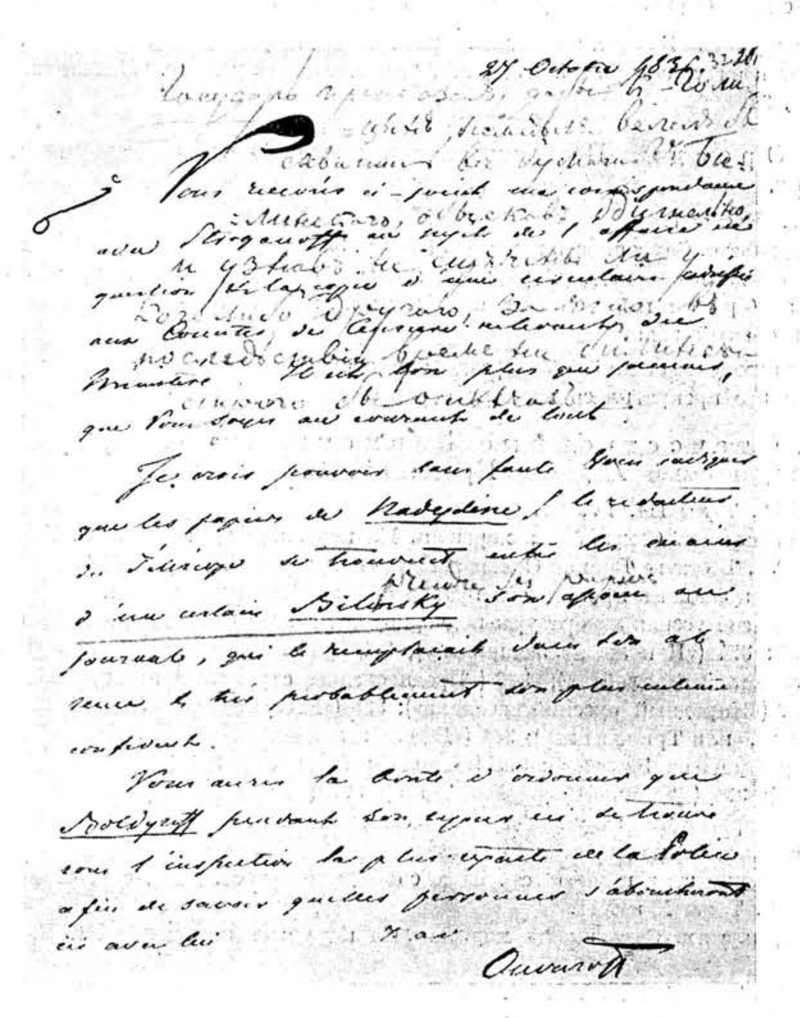
Упоминаний о «Новой библиотеке для чтения» в сочинениях Белинского не встречается.

145. Новости Литературы, изданные А. Воейковым и В. Козловым. С.-Петербург.

1822. Книжки I—II, III, IV, V, VI.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1823. Книжки III—IV.



27 Octobre 1836

Je crois pouvoir sans faute vous indiquer que les papiers de Nadejdine, le rédacteur du Télescope se trouvent entre les mains d'un certain Bilinsky son associé au journal, qui le remplaçait dans son absence et lui probablement son plus intime confident.

Vous aurez la bonté d'ordonner que Boldyreff pendant son séjour ici se trouve sous l'inspection la plus exacte de la Police afin de savoir quelles personnes s'aboucheront ici avec lui.

Ouvaroff

ПИСЬМО МИНИСТРА УВАРОВА К БЕНКЕНДОРФУ ОТ 27 ОКТЯБРЯ 1836 г., ОБРАЩАВШЕЕ ВНИМАНИЕ ШЕФА ЖАНДАРМОВ НА БЕЛИНСКОГО КАК НА БЛИЖАЙШЕГО СОТРУДНИКА НАДЕЖДИНА ПО РЕДАКЦИИ «ТЕЛЕСКОПА»

Сверху рукой Бенкендорфа: «Государь приказал, дабы К‹нязь› Голицын немедля велел бы схватить все бумаги Г. Билинского, обыскав бдительно и узнав, не спрячены ли у кого-либо другого, за что впоследствии времени Билинский строго бы отвечал». Посередине надпись на французском языке: «Забрать его бумаги»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Упоминая о журнале «Новости литературы», Белинский характеризует его эпитетом «*плохой*». См., например, II, 131: «В каком-то плохом журнале, кажется в „Новостях литературы“, издававшихся г. Воейковым, в 20 годах, перевод г-на Лобанова Расиновой Федры был назван лучшим русским переводом п е р в о й в свете трагедии». См. также примеч. к № 138.

***146. Новости Русской Литературы. Москва. [Издатели: Н. В. Попов, Ф. Любий и Е. Гарий. Редактор П. А. Сохацкий.]**

1802. Часть III.

Без титульного листа. В цельном кожаном переплете. Книга сильно потрепана. На переднем форзаце автографическая подпись: *В. Белинский.*

Этот журнал Белинский в своих сочинениях не упоминает. Возможно, что он и его имеет в виду, говоря об изданиях, «напечатанных у Гари, Любия и Попова». См. III, 24.

147. Ореады. Периодическое издание Василья Дмитриева. С.-Петербург.

1809. Часть I.

В переплете. Сохранность хорошая. На стр. 33, в статье «И мое путешествие в дикие страны отечества» — подчеркнуто: «О места священные, где образовался бренный состав бытия моего...» — и на полях поставлен вопросительный знак.

Никаких упоминаний об «Ореадах» в сочинениях Белинского не встречается. Издание это прекратилось на первой части.

148. Отечественные Записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. С.-Петербург.

* 1839. Томы III, IV, VI.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

Том VI. В статье Грицко Основьяненко «Головатый» на стр. 2, 5, 7, 8, 14, 19 корректурными знаками произведена правка орфографических ошибок.

В отделе «Русская литература» подчеркнуты красными чернилами №№ следующих рецензий: 324 («Как любят женщины?»); 327 («Необыкновенный случай» и «Второй музыкальный альбом»); 328 («Предпоследнее странствование Семилассо по Свету»); 329 («Народный русский песенник»); 335 («Рассуждение о Лаже»); 359 («Шапка юродивого, или Трилистник»); 361 («В день заложения Храма Спасителя в Москве»); 362 («Гробница на Востоке»); 363 («Вдовец и его Сын»); 364 («Кум-Сват»); 368 («Недоросль»); 374 («Деяния Петра Великого»); 376 («Основания русской стилистики»); 382 («Лекарство от задумчивости и бессонницы...»). № 318 («Очерки Бородинского сражения») подчеркнут ногтем.

О значении этих пометок см. наше сообщение в наст. томе, стр. 409—412.

* 1840. Томы X и XII.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

* 1841. Томы XVI, XVII, XVIII.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

Том XVI. Повесть И. И. Панаева «Онагр»

Стр. 55. В фразе: «Мы просто помещики» — корректурным знаком перед словом «помещики» вставлено: «русск<ие>».

Стр. 64. Внизу страницы почти стертая карандашная запись, которую с трудом удалось разобрать: «*Помадой мажутся, но книг не читают, да по-французски болтают, как это и бывало в золотое* <?> *время*». (Это замечание Белинского относится, повидимому, к герою повести И. Панаева — «Онагру», так называемому «льву среднего общества».)

Том XVIII. «Библиографическая хроника».

Стр. 44. Отмечен *NB* абзац о «Юридических записках» П. Редкина.

* 1843. Томы XXIX, XXX.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

Том XXIX. На переднем форзаце роспись: «Галахов».

Стр. 60. Повесть Вальтера Скотта «Эме Вер». Отмечена *NB* фраза: «Когда Разу́м гонится за какою-нибудь птицей, избегающей его когтей, будучи от природы бли-

зоруким, лишенным слуха и обоняния, он не полагается на одни свои силы и на свои длинные ноги».

В рассказе Александра Иволгина «Матрена Ивановна» («Смесь», стр. 17) — отчеркнуты строки 33—39 в правой колонке: «... Ему уже немножко надоели дети мужеского пола, и он давным давно просил у Бога, чтоб Он благословил его дочерью. Долго, очень долго ждал Карп Карпыч такой благодати: насилу дождался. Какой богатый предлог для пирога!»

Том XXX. «Две сестры», повесть М. Ж. К. В. А

Стр. 50. Подчеркнуто: «Сердце не изливается в речах, когда в нем нет доверенности. Слово свободно льется только тогда, когда его слушает доброжелательство или любовь: без них оно замрет на устах».

Статья Белинского «Сочинения Александра Пушкина — статья вторая». На перечисленных ниже страницах ряд корректурных правок красными чернилами.

Стр. 23. В фразе: «И, не смотря на то, это будет ни одна чувствительность, ни одна страсть, но вместе с тем и глубокое целомудренное чувство, привязанность нравственная, связь духовная, любовь души к душе»,— слово «чувствительность» переделано на «*чувственность*».

Стр. 25. В фразе: «... для нас, нравственная чистота и невинность женщины — в ее сердце, полноте любви, в ее душе, полной возвышенных мыслей...»— слово «полноте» переделано на «*полном*».

Стр. 26. В фразе: «Образ Прометея, во всем колоссальном величии, в каком передала его нам фантазия Греков, явился вновь в типическом образе Байрона...»,— слово «типическом» переделано на «*титаническом*».

Стр. 29. Исправлена перевернутая буква «*д*».

Стр. 42. «Эти прекрасные стихи вдвойне замечательны: они исполнены глубокого чувства; в них слышится вопль души,— и они доказывают ф а к т и ч е с к и, что не Пушкин, а Жуковский первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь»,— слово «выговорил» переделано на «*заговорил*»

Стр. 45. В фразе: «Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастии, а наше личное счастие заключалось бы только в одной любви: тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существенностию которого побледнели бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте»,— слово «земного» переделано на «*подземного*».

Стр. 59. В фразе: «И, несмотря на то, еще многого не доставало этому стиху: он еще далеко не совсем свободен, не совсем глубок»,—слово «глубок» переделано на «*гибок*».

Белинский внес в свой экземпляр замеченные им опечатки. Грубые искажения в первопечатном журнальном тексте второй статьи «Сочинения Александра Пушкина», происшедшие, вероятно, по вине корректора «Отечественных записок», перешли во все издания сочинений Белинского, в том числе и «венгеровское». Обнаруженная теперь собственноручная правка Белинского д а е т в о з м о ж н о с т ь у с т р а н и т ь э т и и с к а ж е н и я.

* 1844. Томы XXXV, XXXVI, XXXVII.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

* 1845. Том XLIII.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. На корешке инициалы: «В. Б.».

Утрачены стр. 195—196; вместо них вклеен листок желтоватой бумаги, на обеих сторонах которого р у к о й Б е л и н с к о г о в п и с а н о н а ч а л о р о м а н а Г е р ц е н а «К т о в и н о в а т?».

Стр. 202. На полях чернилами и карандашом цифровые выкладки. На верхнем поле вписано карандашом, рукой Герцена (?), с корректурным знаком, относящимся к концу 1-го абзаца: «Я полагаю потому, что эти победы делаются очень просто». (Эта вставка вошла в текст отдельного издания романа «Кто виноват?»)

Стр. 204. После фразы: «Но кто же счастливая избранная?»— корректурный знак, вынесенный на поле; за ним карандашная запись неизвестным почерком: «см. прибавл. зн. #». На левом поле, на уровне 1-й строки последнего абзаца косая черта и одно неразборчивое слово.

Стр. 212. У 1-го абзаца на полях косая черта и надпись: «Четв.» (та же надпись повторяется на стр. 212, 217, 223, 229, 235).

Стр. 217. У строк 16—17 запись: $\frac{F\cdot 3}{n33}$.

Стр. 218. В конце абзаца после слова «столом» корректурный знак, вынесенный на поле. За ним: «см. приб.».

Стр. 229. У строк 32—34, после слова «поучать» — корректурный знак, вынесенный на поле, и за ним надпись: $\frac{F4}{45}$.

Стр. 230. Слова «зарыдал в три ручья» подчеркнуты волнистой чертой.

Стр. 242. На полях у строки 18 запись: $\frac{F5}{p65}$.

Стр. 245, поперек текста строк 25—27 карандашная запись: «... ⟨нрзб.⟩ 1846 г. 12 января».

Вероятно, этот том представляет собою переплетенные корректурные листы.

149. Алфавитный указатель к «Отечественным Запискам» 1839, 1840, 1841, 1842 и 1843 годов. Санктпетербург, в типографии И. Глазунова и Компании. 1844.

2 ненум.+106+46 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Как известно, почти все статьи и рецензии Белинского, по категорическому условию А. А. Краевского, печатались в «Отечественных записках» анонимно. Поэтому имя великого критика, так деятельно участвовавшего в журнале, заполнявшего своими статьями сотни печатных листов и создавшего успех изданию, в Алфавитном указателе почти не фигурирует. Белинский обозначен лишь как автор статей «Менцель, критик Гете» и «Разделение поэзии на роды и виды», помещенных в журнале под его полной фамилией.

150. Патриот. Журнал воспитания, издаваемый Владимиром Измайловым. Москва.

1804. Томы I, III, IV.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Об этом издании, выходившем только в 1804 г., упоминаний у Белинского не встречается.

151. Периодическое сочинение, о успехах народного просвещения. Санктпетербург. Издание Главного Управления Училищ. Издатель Н. Я. Озерецковский.

1805—1806. Части XIII—XVI.
1808—1809—1810. Части XXI—XXIV.
1810—1811. Части XXV—XXVII.
1811—1812. Части XXIX—XXXII.
1812—1813. Части XXXIII—XXXVI.
1814—1815. Части XXXVII—XL.
1816—1817. Части XLI—XLIII.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Ф.». Пометок нет.

Судя по инициалам прежнего владельца, комплекты этого журнала были приобретены Белинским у букиниста. Упоминаний о «Пер. соч.» у Белинского не встречается.

152. Покоящийся Трудолюбец. Периодическое издание, служащее продолжением Вечерния Зари, заключающее в себе Богослов-

№ 1530.

29

45

Московскому воен. Ген. Губ.

Князю Голицыну.

Государь Император получив сведение, что бумаги принадлежащие бывшему Издателю журнала Телескоп, Надеждину, должны находиться у студента Белинскаго, Высочайше повелеть соизволил, чтобы все бумаги в квартире его находящиеся были немедленно захвачены и доставлены ко мне. — Его Величеству угодно чтобы обыск был сделан у Белинскаго самый внимательный, в предупреждение того чтобы он не мог которыхъ либо из бумаг сокрыть, и объявить ему что буде в последствии откроется передача им бумаг в другия руки, или утайка оных, то он будет подвергнут за сие строжайшей ответственности.

О сей Его Величества Высочайшей воле имею честь сообщить Вашему Сиятельству для надлежащего по оной исполнения.

С совершен: почтением и пред.

№ 3401.

31. Октября 1836.

подп: Гр. Бенкендорф.

Сверял: Пом. Эк. Матвеев

ОТПУСК ОТНОШЕНИЯ БЕНКЕНДОРФА МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ГОЛИЦЫНУ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1836 г.

Шеф жандармов извещает о «высочайшем повелении» произвести обыск у Белинского и отобрать у него бумаги

Институт литературы АН СССР, Ленинград

ские, Философические, Нравоучительные, Исторические и всякого рода как важные, так и забавные материи, к пользе и удовольствию любопытных читателей, состоящие из подлинных сочинений на Российском языке и перевод с лучших иностранных писателей в стихах и прозе. Часть II. В Москве, в Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1784 года.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

В статье «О критике и литературных мнениях Московского наблюдателя» (1836) Белинский упоминает о «Покоящемся трудолюбце», называя его «допотопным журналом» (III, 502). В заметке «Русская литературная старина» Белинский, в числе других журналов, которые он с «жадностью и даже упоением» читает, называет и «Покоящийся трудолюбец» (III, 24).

По всей вероятности, именно об этом экземпляре журнала писал Белинскому из Чембара его брат Константин 16 июля 1831 г. «Ты пишешь, чтоб я тебе прислал книгу Покоящийся Трудолюбец, которую ты видел валявшуюся в пренебрежении в доме Петра Петровича, которая, ты говоришь, принадлежит Николаше, но нет, она у меня находится почти с тех самых пор, когда ты отправлялся в Москву, которую <sic!> и посылаю тебе, а взамен оной прошу прислать мне в дополнения, как ты писал, моей библиотеки, чем очень много меня одолжишь и заставишь себя еще тем более тебя любить и почитать» (см. публикацию «Письма к родным» в след. томе «Лит. наследства»).

153. Почта Духов, или Ученая, Нравственная и Критическая переписка Арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. Ежемесячное издание И. А. Крылова.

1802. Части I—IV.

В переплетах (по две части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

В статье «Иван Андреевич Крылов» (XII, 505) Белинский дает краткую библиографическую справку о первом и втором изданиях этого журнала: «Почта Духов была первым журналом, который издавал Крылов, или в котором он принимал деятельное участие. Это издание состоит из двух частей: выходило оно в 1789 году, а в 1802 вышло вторым изданием».

154. Русский Зритель. Журнал Истории, Археологии, Словесности и Сравнительных костюмов. Москва. [Издатели-редакторы К. Ф. Калайдович и Д. П. Ознобишин.]

1828. №№ 7—8.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1829. №№ 15—16.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

О «Русском зрителе» Белинский упоминает в рецензии на «Сказание о побоище великого князя Димитрия Иоанновича Донского...» (II, 74).

155. Санктпетербургские Ведомости.

1754, №№ 1—104 (полный годовой комплект).

832 стр.

В переплете. Сильно зачитано. Пометок нет. На форзацах множество надписей, сделанных прежними владельцами и датированных с 1754 по 1804 г.

Комплект «Санктпетербургских ведомостей», судя по его внешнему виду и надписям прежних владельцев, был куплен Белинским у букиниста.

156. Санктпетербургский Вестник, издаваемый Обществом Любителей Словесности, Наук и Художеств. С.-Петербург. Редактор В. Б. Броневский.

1812. Часть III.

В переплете. Сохранность удовлетворительная.

Короткими наклонными черточками у подписи, заглавия, а иногда у отдельных строк отмечен ряд стихотворений и статей на стр. 49, 51, 73, 109, 117, 152, 180, 218, 231, 260, 284, 285, 308. С № 10, с которого начинается новая пагинация, такие же отметки на стр. 30, 32, 50, 52, 53, 60, 62, 72, 85, 110.

Упоминаний об этом журнале, выходившем только в 1812 г., в сочинениях Белинского не встречается.

157. С.-Петербургский Журнал, издаваемый И. Пниным. С.-Петербург.

1797. Часть I.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1798. Части I—II.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

В сочинениях Белинского упоминаний о «С.-Петербургском журнале» не встречается.

158. Северный Архив. Журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. С.-Петербург.

1822. Части III и IV.

1823. Части V и VI.

1824. Части XI—XII (в одном томе).

1825. Части XIII—XV, XVI—XVIII (по три части в одном томе).

1826. Части XIX—XXI, XXII—XXIV (по три части в одном томе).

1828. Части XXX, XXXI—XXXIII (части XXXI—XXXIII в одном томе).

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

На титулах частично обрезанная переплетчиком запись чернилами: «Общ. друз<ей Российской словесности»?>.

О «Северном Архиве», издававшемся Ф. Булгариным, Белинский отзывался как о совершенно бесцветном и бесхарактерном журнале (X, 364).

159. Северный Вестник. Ежемесячный журнал. С.-Петербург.

1804. Части I—II.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Повидимому, разрозненные номера этого журнала, издававшегося в 1804—1805 гг. И. И. Мартыновым, переводчиком греческих классиков, были куплены Белинским у букиниста в связи с подготовлявшейся им историей русской литературы и журналистики. Белинский упоминает о «Северном вестнике» в заметке «Русская литературная старина» (III, 24). С 1806 г. этот журнал выходил под названием «Лицей».

160. Современник. Издаваемый Александром Пушкиным. С.-Петербург.

1836. Книги I—II.

В переплете (обе книги в одном томе). Журнал значительно поврежден сыростью. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

1837 (изданный по смерти Пушкина). Книги V, VI, VIII.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках вытиснено: «Библиотека XIII артиллерийской бригады».

Том V. «Хроника Русского».

Стр. 38. Отчеркнуто: «...библию для нравственного назидания, и — курицу в суп».

Карамзин «О древней и новой России».

Стр. 108. Отчеркнуто: «употреблять людей по их способностям».

«Сильфида».

Стр. 150. Отчеркнуто: «в том, чтобы все знать или ничего не знать; и как первое до сих пор человеку не возможно, то должно выбрать последнее».

Том VI. Отдел «Новые книги».

Отмечены следующие книги: стр. 428. «Евгения, отрывок из жизни М. В.»; стр. 430. «Энциклопедический Лексикон. Том девятый»; стр. 431. «Бородолюбие. Исторические сцены из времени Петра Великого. Соч. Константина Масальского».

Том VIII. «Восточная жизнь» Тита Космократова.

Отчеркнуты волнистой чертой: стр. 27, строки 6—7; стр. 38, строки 23—25; стр. 41, строки 19—22; стр. 42, строки 4—10; стр. 49, строки 14—15; стр. 60, строка 24; на стр. 236 отпечаток какого-то письма (почерк не Белинского).

Первый том «Современника» за 1836 г. был прислан Белинскому — через П. В. Нащокина — самим Пушкиным, который просил передать Белинскому свое сожаление, что не успел увидеться с ним в Москве (Письмо Пушкина Нащокину от 27 мая 1836 г.). Пушкин намеревался привлечь Белинского к сотрудничеству в своем журнале. Нащокин в конце 1836 г., после запрещения «Телескопа», вступил в переговоры об этом с Белинским. «Теперь, коли хочешь,— писал Нащокин Пушкину,— он к твоим услугам. Я его не видал, но его друзья, и в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если ему придется на тебя работать. Ты мне отпиши, и я его к тебе пришлю». Но ответить Нащокину Пушкин уже не успел. Выход первой книжки «Современника» Белинский встретил сочувственным разбором (III, 1—7), но вторая книжка вызвала его суровую отповедь за антидемократические выпады в статьях В. Ф. Одоевского и П. А. Вяземского (там же, 58—63).

161. Современный Наблюдатель Российской Словесности, издаваемый П. Строевым. Москва.

1815. Части I и II.

В переплетах. Сохранность хорошая.

В части I, стр. 9 есть пометки незнакомым почерком. На заднем форзаце цифровые выкладки.

В статье «Сочинения Александра Пушкина» Белинский дает следующую характеристику журналу: «...Любопытнейший факт истории русской литературы представляет собою журнал, издававшийся в 1815 году, молодым человеком, студентом Московского Университета — Павлом Строевым. Журнал этот назывался „Современный наблюдатель российской словесности" и заключал в себе статьи преимущественно критического содержания...» (XI, 328).

162. Сын Отечества. Исторический, политический и литературный журнал. С.-Петербург.

1813. №№ 10, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 45, 46.

Без переплетов. Сохранность хорошая. Пометок нет.

* 1815. Части XIX—XX, XXI—XXII, XXV—XXVI.

В переплетах (по две части в одном томе). Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

В части XXV на переднем форзаце автографическая подпись: *В. Белинский.*

1816. №№ 1, 4, 6, 14, 15, 16, 17, 19, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная.

В № 4 пометки незнакомым почерком.

1817 №№ 8, 9, 24.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1820. №№ 12, 16, 20, 32, 38, 41, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1821. *Часть XXIV и №№ 1, 2, 3, 4, 6, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 48.

№ 2157/

Секретно. 40
19 нояб. 1836.

УПРАВЛЕНИЕ
Московскаго Военнаго
Генерал-Губернатора
Канцелярія
По Секретной Части
Москва
10 Ноября 1836 Года
№ 470.

Милостивый Государь,
Графъ Александръ Христофоровичъ!

По получении отношенія Вашего Сіятельства о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, касательно отобранія бумагъ отъ бывшаго издателя журнала Телескопа Надеждина, и отъ сотрудника его Бѣлинскаго, я передалъ оное въ исполненіе Московскому Оберъ Полицмейстеру, который нынѣ доноситъ, что бумаги принадлежащія Доктору Ф. Колл. Надеждину какъ въ его квартирѣ, такъ равно и въ квартирѣ сотрудника его Бѣлинскаго всѣ отобраны; но какъ Г. Бѣлинскій выѣхалъ въ Г. Тверь еще въ исходѣ Августа мѣсяца къ помѣщику Бакунину, то проживающій нынѣ въ квартирѣ его Дѣйствительный Студентъ Воложенкинъ и обязанъ подпискою, что всѣ совершенно бумаги находящіяся въ квартирѣ Бѣлинскаго имъ отданы — что онъ ничего изъ нихъ не скрылъ, и даже незнаетъ есть ли еще гдѣ у него таковыя. Причемъ объявилъ также, что Бѣлинскій при отъѣздѣ своемъ, взялъ съ собою весьма незначительное число бумагъ, относящихся собственно къ его занятіямъ по ученой части. А какъ Бѣлинскаго ожидаютъ въ скоромъ времени въ Москву, то сдѣлано распоряженіе, дабы онъ при въѣздѣ въ городъ, доставленъ былъ прямо отъ заставы къ Оберъ Полицмейстеру для отобранія отъ него бумагъ.

О чемъ увѣдомляя Васъ, Милостивый Государь, честь имѣю препроводить при семъ съ нарочнымъ Жандармскимъ Унтеръ-Офицеромъ, означенныя отобранныя отъ Надеждина и Бѣлинскаго бумаги, въ особенномъ тюкѣ запечатанныя.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Князь Дмитрій Голицынъ

Его Сіят-ву Графу А. Х. Бенкендорфу

ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГОЛИЦЫНА-БЕНКЕНДОРФУ ОТ 10 НОЯБРЯ 1836 г.

Голицын уведомляет шефа жандармов об исполнении «высочайшего повеления» о производстве обыска у Белинского и отобрании у него бумаг

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Часть XXIV в переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*. Пометок нет.

1822. Часть LXXXI и №№ 2, 3, 31, 37, 38, 39, 40.

Часть LXXXI в переплете. Сохранность хорошая. Остальные №№ без переплетов. Пометок нет.

1824. * Части XCVI и XCVIII и №№ 5, 45.

Части XCVI и XCVIII в потрепанных переплетах. Сохранность удовлетворительная. На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский*. Остальные №№ без переплетов.

Часть XCVI. На переднем форзаце размашистая карандашная запись: «Во имя Издателя Сына Отечества Николая Ивановича Греча». На заднем форзаце тем же почерком: «Слава отцу и сыну и святому духу» и монограмма: «Н. К.».

Часть XCVIII. На корешке переплета инициалы: «Я. Б.».

Статья «Новости политические». Стр. 38. Отчеркнуты строки 16—19; на стр. 44 подчеркнуто: «Короля прусского с графинею Августою фон-Гаррах».

На № 45 неразборчивая подпись прежнего владельца.

1825. №№ 22, 23.

Без переплетов. № 22 разорван. На стр. 213 № 23 подчеркнуты отдельные слова.

1826. №№ 17, 19.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1827. Части CXI—CXII.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1828. Части CXVII, CXVIII, CXIX, CXXI.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешке частей CXVII, CXVIII, CXIX и CXXI инициалы: «Я. А. Б.».

Часть CXVII.

Стр. 7. Отмечен знаком × конец 1-го абзаца; стр. 10. Отмечен знаком × конец 1-го абзаца.

1836. №№ 2, 3, 9, 13, 15, 26, 27, 29, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 51—52.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная.

№ 3. Стр. 186—187. В отделе «Критика» отчеркнуты цитаты из статьи Шевырева «Словесность и торговля».

«„Сын отечества“,— писал Белинский,— принимал на свои, до крайности серые и жесткие листки стихотворения Пушкина, Баратынского и других поэтов новой тогда школы, даже открыто взял на себя обязанность защищать эту школу; но тем не менее сам он представлял собою смесь старого с новым и отсутствие всяких начал, всего, что похоже на определенное и ни в чем не противоречащее себе мнение» (X, 321). Об «Обозрении русской литературы 1814 года» Греча, помещенном в «Сыне отечества» 1815 г., Белинский упоминает в XI, 72.

163. Сын Отечества и Северный Архив. Журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фадеем Булгариным. С. Петербург.

1822. Части III—IV.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1823. Части V—VI.

В переплете (обе части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1824. Части XI—XIII.

В переплете (все три части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1825. Части XXVI—XXVIII.

В переплете (все три части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1826. Части XIX—XXI.

В переплете (все три части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1828. Части XXXI—XXXIII.

В переплете (все три части в одном томе). Сохранность хорошая. Пометок нет.

1829. Часть V и №№ 1, 16, 24.

Часть V в переплете. Остальные №№ без переплетов. Сохранность удовлетворительная.

Стр. 9, сверху, надпись: «Арест 1831 года Август 19.02».

Стр. 193, на полях расплывшаяся запись чернилами: «Выпуск 1828. 16 дека. На купили ⟨кутили?⟩ N3. Решено оставить 21 ч. Ар. и Арт. и 1 slup ⟨?⟩ от выпус. впредь до приказания».

Стр. 373. Подчеркнуто ногтем в статье «О кометах и жителях их»: «отдаленные потомки наши могут узнать в той части небес, которую в состоянии будут наблюдать, великие перемены, которые в ней произойдут отныне. Уже дознано, что весьма известные звезды и часто наблюдаемые, блестев несколько времени необыкновенным светом, помрачились или по крайней мере исчезли с мест, которые занимали на небе».

1830. №№ 12, 20, 37, 39.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1831. №№ 30, 31, 45.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1832. №№ 5, 19, 22, 28, 31, 43.

Без переплетов. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1833. Части XXXVII, XXXVIII, XL и №№ 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 22, 27, 35—36, 41—42.

Части XXXVII, XXXVIII и XL в переплетах. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

1835. №№ 9, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 34, 40, 41, 52.

Без переплетов. Сохранность хорошая. Пометок нет.

«Соединение двух названий на заглавном листке одного издания не новость на Руси;— писал Белинский,— так „Сын Отечества“ и „Северный Архив“ долго играли во взаимных объятиях, роль двуутробки...» (VII, 130).

Об отношении Белинского к журналам, издававшимся Булгариным и Гречем, см. примеч. к № 138.

164. Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. Москва.

1831. Части V и VI.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет.

1832. Части VII, VIII, IX, XI.

В переплетах. Сохранность хорошая.

Пометки:

Часть VII. «Вступление в Новый год».

Стр. 7. Отчеркнуто на полях: «Почто мятутся народы и племена замышляют тщетное? живущий на небесах осклабляется и господь смеется им!»

Стр. 8. В фразе: «Купив ценой тишины и благоденствия ложный призрак свободы, угрожающий беспрестанно превратиться в кровожадное страшилище безначалия, она ⟨Франция⟩ сама уже чувствует свое ослепление» — слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 11. В фразе: «Непрерывный ряд заблуждений, постоянное уклонение от назначения жизни, это ли должно считать успехами существа разумного»—подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Статья «Сцены из жизни натуралиста» (из «Blackwood's Magazine»).

Стр. 61. Отчеркнуто на полях: «Это истинное, осязаемое зрелище Нового Света, с его атмосферою, с его роскошным, величественным прозябением, с его животным многочисленным народонаселением, не познавшим человеческого ига».

Стр. 67. Отчеркнуты двойной чертой строки 8—27 — об изменениях, происшедших в Америке за двадцать лет. Фраза: «Образованность везде возвещает себя опустошениями» — подчеркнута целиком, за исключением первого слова.

Стр. 68. В фразе: «Философам предоставляется обсудить и решить определительно радовать или печалить должны мыслителя эти быстрые успехи гражданственности» — слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 81—82. В фразе: «... Американские пустыни заселяются отребием мира» — последние четыре слова подчеркнуты. Отчеркнуто: «Вы найдете в этих беспредельных степях и мошенников Парижских и Лондонских, и душегубцев Венских и Лейпцигских, и Итальянских проходимцев, и Шотландских нищих». В фразе: «....их пороки, за недостатком пищи, притупляются, и нравы приметно улучшаются» — слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 82. Отчеркнуто на полях: «Если они возвращаются опять к прежним преступным склонностям, их прогоняют в самые отдаленные пустыни, подобно как диких зверей в их неприступные берлоги. Должность сия лежит на особо учреждаемых начальниках, именуемых регуляторами».

Стр. 84. В фразе: «...один молодой человек, уличенный в желании распространить, по околодку, гнусный разврат, привезенный из Европы, не был осужден ни на смерть, ни на слишком строгое наказание...» — подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Стр. 85. Фраза: «...долго неизгладимое воспоминание, чего стоит намерение пересадить распутство древнего света в неоскверненные убежища нового»,— отчеркнута на полях, а слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты, В фразе: «...этот мудрец лесов..., призванный богом наблюдать и живописать дивные чудеса Его творения, расширяя кругозор свой против воли...»— слово «кругозор» подчеркнуто и на полях отмечено *NB*.

Стр. 87. Отчеркнуты строки 8—15 о пении птички-весельчака (oiseau-moqueur).

Стр. 91. Отчеркнуто: «Он <орел> любит омочать когти свои кровью. Убийство составляет его наслаждение, даже тогда, когда он не имеет нужды в добыче».

Стр. 93. Отчеркнута фраза: «Эта глубина соображения, в коей человек может позавидовать птице, никогда не остается безуспешною», а слова «глубина соображения» подчеркнуты.

«Иностранная литература». Разбор «Осенних листьев» Гюго.

Стр. 117. Отчеркнуто: «И притом, настоящее время так тяжко: атмосфера, в которой мы живем, так густа, так душна: ни в чем нет согласия, ни единомыслия; сегодня вопиют за мнения, которые завтра бросают; надобно оглохнуть от спорщиков и крикунов, обманывающих друг друга, даже без всякой для себя выгоды: это вавилонское смешение не языков, а идей, столько ж чудовищное, столько ж оглушительное»; слова «столько ж чудовищное» подчеркнуты.

«Торг трупами в Лондоне».

Стр. 165. Отчеркнуты строки 16—19 о вредном влиянии на нравственность студентов-медиков сношений с преступными элементами, тайком доставляющими им трупы для изучения.

Стр. 166. Отчеркнуты слова профессора-хирурга: «Господа, кладите-ка этого парня на стол; я вам прочту над ним лекцию; штука славная, свежая; мы разрубим ее на части, а там поминай, как звали».

«Тирольцы» (из «Revue de Paris»).

Стр. 385. В фразе: «Мы уверены, однакож, что никакой Европейский народ не имеет столько оригинальности и простоты, как Тирольцы»,— подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой. В фразе: «Обитатели Тироля не научились еще употреблять в свою пользу собственной своей простоты» — подчеркнуты слова: «не научились еще». В фразе: «В Тироле мало больших городов: следо-

вательно заразительность примеров действует слабее»,— подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Стр. 387. В фразе: «Они готовы вооружиться при первом воззвании, но чувствуют глубокое отвращение к постоянной военной службе и выражают даже народными поговорками презрение, которое питают к правилам маневров и военной тактики»,— подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

Стр. 395. Отчеркнуто: «... во времена Амадисов и рыцарей, когда люди имели вдвое более силы и храбрости, нежели наши расслабленные герои»,— подчеркнуты слова, выделенные нами разрядкой.

КНИЖНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ НА УГЛУ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА И АДМИРАЛТЕЙСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Литография Жакотте и Регамэ с рисунка И. Шарлеманя, конец 1840-х—начало 1850-х гг.

Исторический музей, Москва

Стр. 400. В фразе: «До четырех сот Баварцев, взятых в плен, под прикрытием отряда женщин, отведены были в Инспрук. Сии амазонки несколько раз оказывали подобные услуги в военное время» — слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

Стр. 410. Отчеркнуто: Гефер «отказался стать на колено, говоря, что он привык стоять перед Творцем прямо, и в сем положении возвратит ему душу, которую от него получил». Слова, выделенные нами разрядкой, подчеркнуты.

1833. Части XIII, XIV, XV.

В переплетах. Сохранность хорошая. В части XIV между титульным листом и стр. 3 вклеен продолговатый листок бумаги с указаниями Белинского переплетчику — что̀ поместить на корешке.

Часть XIV.

Стр. 4. «Архитектура насекомых» Джона Ренни. Подчеркнута фраза: «Знание есть наше могущество».

* 1835. Части XXV, XXVII, XXVIII, XXIX.

В переплетах. Сохранность хорошая. На корешках инициалы: «В. Б.».

Пометки:

Часть XXV. «Отечественные воспоминания» Л—ва.

Отчеркнуты вертикальными черточками:

Стр. 11, строки 1—5 подстрочного примечания о рязанской княжне Аграфене; стр. 118, строка 16; стр. 119, строка 11 и строки 1 и 10 подстрочного примечания; стр. 129, строки 8, 14 и 1-я строка подстрочного примечания.

«Письма в Киев о Русской литературе».

Стр. 157. Отчеркнуто на полях: «Она ⟨поэзия нравов⟩ невозможна без сильных, глубоких страстей, вызванных со дна души, не внешним давлением расчетов, но избытком внутренней полноты, пробивающейся, подобно горному ключу, сквозь каменные ребра холодной наружности. А у нас будто есть страсти? Назови мне хоть одну, которая б оцветляла наше общество живою, огненною краскою, от которой бы занимался дух, замирало сердце, которая отрывала бы человека от земли и забрасывала его на небо или низвергала в преисподнюю». Там же отчеркнуто: «... не буду описывать подробно всей сухости, всей густоты, всей мертвой бесцветности наших нравов».

Стр. 158. Отчеркнуто: «Да! у нас нет женщины; нет стало и любви, первого, необходимого условия жизни... Наши нравы или Суздальской иконной работы, или Китайской шпалерной живописи...»

Часть XXVIII.

Стр. 367. «Замечания о литературе и литераторах Венгрии». Отчеркнуто: «Црини был пылок до излишества».

«О пушных товарах Северо-Американских Российских владений» Ф. Врангеля.

Стр. 507. Отчеркнуто слово «табунясь»; стр. 508. Отчеркнуто слово «лежбищу»; стр. 511. Отчеркнуты слова: «дубинами (дрегалками)», «лавтаками», «кимлеи».

Стр. 517. Отчеркнуты строки 19—20 о животном полосатике.

Стр. 525. Смесь. Отчеркнута 3-я сноска о значении слова «маг».

* 1836. Часть XXXIV № 9[1].

На титульном листе автографическая подпись: *В. Белинский.*

Журнал «Телескоп», издававшийся Н. И. Надеждиным в 1830—1836 гг., тесно связан с литературной биографией Белинского. В статье «Петербургская литература» (IX, 24) Белинский следующим образом отзывался о «Телескопе»: «В этом году ⟨1830⟩ прекратилось вдруг несколько изданий — „Вестник Европы", „Московский Вестник", „Атеней", „Галатея", чтобы воскреснуть с 1831 года под именем „Телескопа". Но хотя этот журнал и соединил в себе труды почти всех лиц, участвовавших в тех четырех журналах, однако он не умел, как бы мог, овладеть вниманием публики, число его подписчиков не переходило за заветную черту одной тысячи, и потом он медленно исчах...»

Белинский, разумеется, не смог напомнить читателю, что обстоятельством, вызвавшим прекращение «Телескопа», было помещение в нем «Философического письма» Чаадаева. Белинский не только был ведущим критиком «Телескопа», но во время пребывания Н. И. Надеждина за границей являлся фактическим редактором издания.

165. Утренний Свет. Ежемесячное издание. Москва. Издатель Н. И. Новиков. Издание 2-е.

1779. Части I, II, III, VII.

1780. Часть VIII.

1785. Части IV и V.

В переплетах. Сохранность хорошая. Пометок нет

---

[1] Местонахождение этого экземпляра неизвестно. Был экспонирован на Выставке, посвященной памяти Белинского в 1898 году. См. «Каталог выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности, в память Виссариона Григорьевича Белинского, 8—11 апреля 1898 года». М. 1898, № 143, стр. 25.

«Утренний свет» — журнал, издававшийся Н. И. Новиковым с 1777 по 1780 г. С 1781 г. журнал был преобразован в «Московское ежемесячное издание».

166. Цветник, издаваемый А. Измайловым и П. Никольским. С. Петербург.

1810. Части V и VII.

В переплетах. Сохранность хорошая. В части VII корректурными знаками исправлены ошибки на стр. 262, 294, 305, 361, 405. В оглавлении отмечены статьи «Визирь», «Стерн», «Опыт сатирических разговоров».

Упоминаний об этом журнале в сочинениях Белинского не встречается.

III. КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

167. Ancillon, Jean-Pierre-Frédéric. Nouveaux essais de politique et de philosophie par Ancillon, de l'Académie Royale des sciences de Prusse.

Inter utrumque. Ov. Met., II.

Paris, Gide fils. MDCCCXXIV.

Том I — 3 ненум.+373+1 ненум. стр.; том II — 3 ненум.+323+4 ненум. стр.

Без переплетов. Сохранность хорошая. В томе I разрезаны стр. 1—312. II том совсем не разрезан. Пометок нет.

В рецензии на книгу «Изображение переворотов в политической системе европейских государств с исхода пятнадцатого столетия» (XII, 230) Белинский отмечает ряд достоинств в истории берлинского профессора Ф. Ансильона (1767—1837), особенно «ясность и картинность изложения, не затемняемую отвлеченными рассуждениями», основательность и ученость. Знакомство Белинского с сочинениями Ансильона относится еще к московскому периоду его жизни: в редактировавшемся Белинским «Московском наблюдателе» (1839, ч. I, стр. 13—16) была помещена заметка об Ансильоне. Ярлычок известного французского книжного магазина Рисса (см. след. книгу) также дает основание предполагать, что сочинения Ансильона были приобретены Белинским еще в Москве.

168. Ancillon, Jean-Pierre-Frédéric. Tableau des révolutions du système politique de l'Europe depuis la fin du quinzième siècle. Par Frédéric Ancillon, de l'Académie des sciences et belles-lettres de Berlin.

Per varios casus, per tot discrimina rerum, Tendimus.
Virg.
Ponderibus librata suis.
Ovid.

Nouvelle édition revue et corrigée par l'auteur. Paris. Anselin et Pochard. (Successeurs de Magimel). 1823.

Том I — 3 ненум.+439 стр.; том II — 3 ненум.+509 стр.; том III — 3 ненум.+ + 492 стр. Том IV утрачен.

Без переплетов. Многие страницы в I томе повреждены. На обложке тома ярлычок: «F. Riss, père et fils, libraires, dans la Pétrovka, à Moscou».

Русскому изданию II тома этой книги Ансильона Белинский посвятил большую рецензию (XII, 229—232), в которой отметил, что «История Ансильона... принадлежит к тем историческим сочинениям, с которых началась новая эра исторического знания и которые способствовали перевороту в его сфере». Разбирая «нестерпимо-плохой перевод», Белинский сличает его с французским оригиналом, что свидетельствует о приобретении им книги еще до 1840 г. В обзоре «Русская литература в 1840 году» Белинский снова упоминает о русском издании книги Ансильона, относя его к «примечательным явлениям по части ученой литературы» (V, 501).

169. **Balzac, Honoré de.** Balzac illustré. La peau de chagrin. Etudes sociales. Paris. H. Delloye, Victor Lecon. 1838.

3 ненум.+402+1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. В тексте, на стр. 3—7, карандашом слегка подчеркнуты следующие слова: «imposable», «terne», «rides», «rosses», «fascination», «cuisants», «tripot», «pâmé», «martingale», «prurit», «grabat».

Белинский не считал Бальзака великим писателем и отзывался о нем довольно холодно. Называя Бальзака «Гомером Сен-Жерменского предместья, знакомого ему только с улицы», Белинский не отказывает, однако, французскому романисту ни в таланте, ни в оригинальности: «Одно уже то, что Бальзак всегда шел своею дорогою и не только никому не подражал, но родил тысячи плохих подражателей, доказывает, что Бальзак — человек с замечательным талантом. Он большой мастер рассказывать и если б не расплывался в водяном и растянутом многословии..., он был бы одним из замечательных писателей второго или третьего разряда» (VII, 130). Останавливают на себе внимание отдельные слова, подчеркнутые Белинским в начале книги. По всей вероятности, это слова, для перевода которых он прибегал к помощи лексикона. Если это так, то они могут дать некоторое представление о степени владения Белинским французским языком. После 7-й страницы эти пометки исчезают.

* 170. **Béranger, Jean-Pierre de.** Oeuvres complètes de P.-J. de Béranger. Edition illustrée par Grandville et Raffet. Paris, H. Fourmier aîné, éditeur. MDCCCXXXVII.

Том II — 3 ненум.+399 стр.+49 гравюр на отдельных листах; том III — 1 ненум.+400+49 гравюр на отдельных листах. Том I утрачен.

В переплетах. Сохранность хорошая.

Пометки:

Том II. Отмечены *NB* стихотворения: «Les missionaires» (стр. 8); «Le bon Dieu» (стр. 73); «Le censeur» (стр. 183); отмечены знаком × стихотворения: «Le bon Pape» (стр. 223); «Le fils du Pape» (стр. 256); «L'échelle de Jacob» (стр. 296); «Le missionnaire de Mont Rouge» (стр. 322); «Le mariage du Pape» (стр. 358).

Том III. Отмечены знаком × стихотворения «Le vieux caporal» (стр. 43), «Hâtons nous!» (стр. 98).

На стр. 189—190 отчеркнуто примечание к стихотворению «Les foux» (о Сен-Симоне и Фурье).

Белинский называл Беранже истинным, народным поэтом, которым Франция вправе гордиться (VII, 411—412). «Я боготворю Беранже,— писал он В. П. Боткину 28 июня 1841 г.—это французский Шиллер...Это пророк свободы гражданской и свободы мысли. Его... стихотворения на религиозные предметы — прелесть; его политические стихотворения — это дифирамбы» («Письма», II, 250).

Пометки на книге сделаны Белинским, повидимому, в период увлечения утопическим социализмом. Знаменательно внимание Белинского к примечанию о Сен-Симоне и Фурье. Большинство пометок относится к стихотворениям, имеющим ярко выраженный антиклерикальный характер.

171. **Besenval, Pierre-Victor, baron de.** Mémoires du baron de Besenval. Avec avant-propos et notices par M. Fs. Barrière. Paris, Firmin Didot, frères, 1846.

<Шмуцтитул:> Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le 18 siècle avec avant-propos et notices par M. Fs. Barrière. Tome IV.

В том же томе: **Collé.** La verité dans le vin ou les désagréments de la galanterie. Comédie.

Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Мемуары барона Безенваля (1722—1791) вместе с рядом других мемуаров, имевшихся в библиотеке Белинского, составляли серию, относящуюся к истории Франции периода революции 1789 г. Приобретение их свидетельствует о живом интересе Белинского к истории этой эпохи.

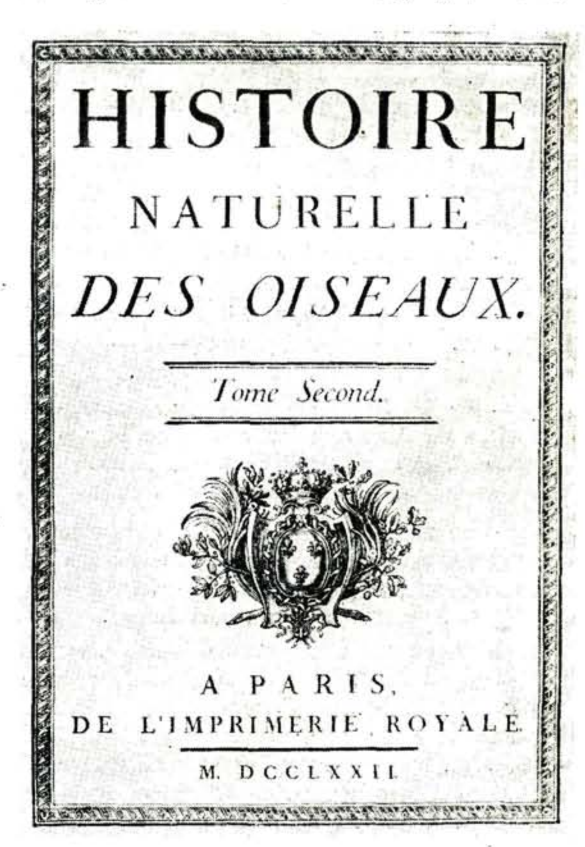
172. Buffon. Histoire naturelle des oiseaux. A Paris. De l'imprimerie royale. MDCCLXXI — MDCCLXXVII.

Том I — 7 ненум.+XXII+313+2 ненум. стр. + 63 раскрашенных гравюры на отдельных листах; том II — 7 ненум.+282+2 ненум. стр.+88 гравюр (2 гравюры вырваны); том IV — 10 ненум.+405+3 ненум. стр.+89 гравюр. Том III утрачен.

В переплетах. Сохранность хорошая. В «Errata» т. IV надпись: «Corrigé dans le texte».

Вероятно, это дорогое издание сочинений Бюффона — одно из замечательных достижений типографского искусства XVIII в.— было приобретено Белинским исключительно из-за превосходных гравюр, которые так любил критик. Хотя имя Бюффона упоминается в сочинениях Белинского довольно часто, эти упоминания относятся не столько к естественно-историческим сочинениям Бюффона, сколько к его знаменитым афоризмам о гениальности, стиле и т. п. С Бюффоном-натуралистом и Бюффоном-писателем Белинский познакомился еще в гимназические годы (см. воспоминания И. И. Лажечникова).

Принадлежность Белинскому книги Бюффона определяется следующими строками из письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову от 1 ноября 1854 г. из Спасского-Лутовинова: «В книгах Б⟨елинского⟩ нашлось дорогое и отличное издание „Histoire naturelle des oiseaux" Бюффона с прекрасными рисунками (сделанными в 1773 году)». («Новый мир», 1927, IX, 158 — Письма Тургенева к П. В. Анненкову). Покойный А. М. Путинцев, основываясь на этой записи, включил в состав библиотеки Белинского 150 неразрезанных томов «Histoire naturelle» Бюффона, изданных в первые годы XIX в. и хранящихся в музее И. С. Тургенева в Орле. Ошибочность такой атрибуции обна-



ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ БЮФФОНА «ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ПТИЦ»

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

руживается уже из датировки издания, точно указанной Тургеневым. Но и без того трудно предположить, чтобы Белинский стал загромождать свой кабинет неинтересным ему и малопримечательным в типографском отношении изданием, без переплетов, с серыми, незначительными гравюрами и, затратив на эти книги весьма крупную сумму, оставил их совсем не разрезанными.

173. Cabet, Etienne. Voyage en Icarie. Roman philosophique et social par M. Cabet, ex-député, ex-procureur général, avocat à la cour royale. Deuxième édition. Paris, J. Mallet et C-ie. 1842.

2 ненум.+VII+3 ненум.+566+1 ненум. стр.

Без переплета. Растрепана. Обложки оторваны.

Пометки:

В оглавлении (1—2 ненум. стр.) зачеркнуты карандашом цифры у глав: V («Coup d'oeil sur l'organisation sociale et politique, et sur l'histoire d'Icarie»); XX («Religion»); XXII («Représentation nationale»); XXIII («Pairie icarienne.— Représentation provinciale.— Panthéon»); XXIV («Assemblées populaires»); XXVI («Exécutoire»); XXXI («Drame historique.— Conspiration des Poudres.— Jugement et condamnation d'un innocent»); XXXIII («Prélude aux fêtes de l'anniversaire.— Naissance scolaire, ouvrière, civique»); XXXIII <sic!> («Anniversaire de la Révolution»); XXXVI («Religion»); XL («Relations étrangères.— Projet d'association communitaire»); XLI («Première délibération sur ce projet.— Cours d'histoire d'Icarie»).

Стр. 5. Отчеркнуты строки 24—28 — об отсутствии торговли в Икарии.

Стр. 6. Отчеркнуты строки 28—37 — о бесплатном обслуживании иностранцев в Икарии.

Стр. 8. Отчеркнуты строки 6—10 — о средстве против морской болезни; строки 16—23 — о безопасности на корабле и строки 30—34 — о конкурсе на лучший пароход и статуях изобретателей.

Стр. 13. Отчеркнуты строки 6—7 — о поисках приятного и полезного, начинающихся всегда с необходимого; там же отчеркнуты строки 26—29 — об уважении к женщине.

Стр. 14. Отчеркнуты строки 31—34 — об обеспечении безопасности на дорогах.

Стр. 19. Начиная с 13 строки до конца страницы, а также стр. 20, 21 и 14 строк 22-й страницы перечеркнуты жирной чертой наискось текста и рядом с ней идущей тонкой волнистой чертой: «О республике, описание административного устройства Икарии».

Стр. 25. Отчеркнуты строки 27—31 — о республике, как организаторе уличного транспорта.

Стр. 28. Отчеркнуты строки 12—18 — об обязательности труда в Икарии.

Стр. 32. Отчеркнуты строки 29—32 — о восторге автора перед организованностью и порядком в икарийских мастерских.

Стр. 35—40. Косой чертой поперек текста перечеркнуты сверху донизу подглавки: «Principes de l'organisation sociale en Icarie», «Principes de l'organisation politique d'Icarie» et «Abrégé de l'histoire d'Icarie».

Книга разрезана только до стр. 277.

Судя по характеру пометок на знаменитой книге Кабе (подчеркивания в оглавлении, зачеркнутые страницы и т. п.), они были сделаны Белинским(?), очевидно, в связи с предполагавшейся компиляцией «Путешествия в Икарию» и являются указаниями для переводчика или компилятора.

В сочинениях и переписке Белинского имя Этьена Кабе (1788—1856) не встречается, но критик был хорошо знаком с его сочинениями. По свидетельству П. В. Анненкова («Литературные воспоминания», Academia, 1928, стр. 303), Белинский, читая сочинения Кабе, пытался в них «отыскать первые семена социализма, заброшенные переворотом 89-го года на европейскую почву». Тот же П. В. Анненков отмечает, что «Икария» Кабе была в Петербурге «предметом изучения, горячих толков, вопросов и чаяний всякого рода» (там же, 301).

* 174[1]. [Chaussard Pierre-Jean-Baptiste.] De la Maison d'Autriche et de la Coalition, ou intérêts de l'Allemagne et de l'Europe.

Postremo ipsi quoque Imperatores Austriaci, postquam per prostratos calcatosque populos, nullo poste reliquo: ad summum potentiae processerint,suam ipsi magnitudinem infensissimum postem experientur.

Lettres de Forsner, en 1653.

Francfort, 1799.

⟨Шмуцтитул:⟩ De la Maison d'Autriche et de la Coalition.

6 ненум. + VIII + 253 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На шмуцтитуле автографическая подпись: *В. Белинский.*

Книга об Австрийской империи французского политического писателя и поэта Шоссара (1766—1823), деятельного участника революции 1789 г., пользовалась у современников огромным успехом и несколько раз переиздавалась. В книге освещена история Австрийской империи, наследственные планы территориальных захватов, маккиавеллизм ее деятелей. Дан также обзор антифранцузской контрреволюционной коалиции, ее целей и задач.

В сочинениях Белинского упоминаний о Шоссаре нет.

* 175[2]. Cicero, M. T. Tullii Ciceronis oratio accusationis in C. Verrem de divinatione.

36 стр.

В переплете. Без титульного листа. Сохранность хорошая. На переднем форзаце стертая запись чернилами: «В. Белинский». На передней крышке переплета рукой П. Я. Петрова: «Получ‹ена› в подарок от В. Б‹елинского›». На форзаце подпись: «П. Петров». К книге приплетено:

1) M. T. Ciceronis oratio in Verrem de Suppliciis, Cum notis gallicis, ad calcem rejectis, quibus omnes vocum et locutionum difficultates enodantur. Ad usum scholarum. Parisis, E. Egron.

2 ненум. + 101 стр.

2) M. T. Ciceronis oratio in Verrem de Signis, Cum notis gallicis, ad calcem rejectis, quibus omnes vocum et locutionum difficultates enodantur. Ad usum scholarum. Editio stereotypa Hernan. Parisiis, è Prelis Mame, Fratrum, MDCCCX.

2 ненум. + 87 стр.

Стр. 1. В тексте над некоторыми латинскими словами, рукой П. Я. Петрова, вписан их перевод.

3) In M. Antonium Philippica secunda, Cum notis gallicis, ad calcem rejectis, quibus omnes vocum et locutionum difficultates enodantur. Ad usum scholarum. Editio stereotypa Hernan. Parisiis, è Prelis Mame, Fratrum, MDCCCX.

2 ненум. + 60 стр.

Белинский пользовался этой книгой еще в университетские годы. Этот том Цицерона, как и несколько других книг латинских классиков, был подарен им П. Я. Петрову (см. предисловие и №№ 181, 187, 188 и 191).

Белинский определял Цицерона как «великого оратора, но характер ничтожный и мелкий» (XII, 351). Письма Цицерона к родным и друзьям он считал самым лучшим пособием для изучения быта древнего Рима и рекомендовал их полностью перевести на русский язык как самое здоровое чтение для детей (XII, 515).

---

[1] Книга хранится в Государственном литературном музее (Москва). Приобретена музеем в 1948 году у внучки родственника Белинского—Д. П. Иванова, М. С. Куликовской.

[2] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

* 176[1]. Cicero, M. T. Marci Tulii Ciceronis Tusculanarum Disputationum libri quinque Parisiis, ex typis Augusti Delalain, 1821.

182 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На переднем форзаце запись рукою П. Я. Петрова: «Подарено В. Б<елински>м 1830».

См. примеч. к № 175.

177. Clery. Mémoires de Clery, de M. le duc de Montpensier du Riouffe, avec avant-propos et notes par M. Fs. Barrière. Paris, Firmin Didot frères. 1847.

<Шмуцтитул:> Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le 18-me siècle avec avant-propos et notices par M. Fs. Barrière. Tome IX.

473 + 1 ненум. стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

См. примеч. к № 171.

178. Cooper, James-Fenimor. Oeuvres de Fenimor Cooper, traduites par A. J. B. Defauconpret, avec des notes. Tome sixième. «Les Pionniers». Paris. Furne, Charles Gosselin, Perrotin, MDCCCXXXVI.

4 ненум. + 430 стр. + 1 вкладная карта + 2 гравюры.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

См. примеч. к № 56-а.

179. Duclos (Charles Pineau). Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la régence et le règne de Louis XV par Duclos, historiographe de France, membre de l'Académie Française et de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris. Firmin Didot frères. 1846.

<Шмуцтитул:> Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le 18-me siècle avec avant-propos et notices par M. Fs Barrière. Tome II.

425 + 1 ненум. стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Об этой книге французского писателя и просветителя XVIII в. Дюкло (1704—1772) Белинский писал В. П. Боткину в декабре 1847 г.: «Недавно прочел я записки Дюкло о конце царствования Луи XIV, регентстве и начале царствования Луи XV. Прелесть, что за книга, и что за умный человек этот Дюкло!» («Письма», III, 325).

180. Dumas, Alexandre. Contes et nouvelles, par Alexandre Dumas. Bruxelles. Meline, Cans et Compagnie, 1838.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Дюма, в представлении Белинского, не заслуживал серьезного отношения к себе как к писателю. «Многие,— писал Белинский,— берутся за роман Дюма, как за сказку, вперед зная, что̀ это такое, читают его с тем, чтобы развлечь себя на время чтения небывалыми приключениями, а потому <потом?— *Л. Л.*> и забыть их навсегда. В этом, разумеется, нет ничего дурного» (XI, 81). Но в молодости, только начиная свою литературную карьеру, Белинский был другого мнения о писателе. О его повести «Маскерад» он заметил, что она «носит в себе яркую печать мощного и энергического таланта знаменитого Александра Дюма». Он даже напечатал в «Телескопе» два своих перевода из «Путевых впечатлений» Дюма: «Месть» и «Гора Гемми». О «Мести» он впоследствии отзывался как об «отвратительной повести Дюма».

---

[1] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

J. J. ROUSSEAU.

OEUVRES COMPLÈTES

DE

J. J. ROUSSEAU,

AVEC DES NOTES HISTORIQUES.

TOME PREMIER.

LES CONFESSIONS. — DISCOURS — POLITIQUE.

A PARIS,

CHEZ FURNE ET C^ie^, LIBRAIRES-ÉDITEURS,

RUE SAINT-ANDRÉ-DES-ARTS, N° 55

MDCCCXXXIX.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ 1-го ТОМА ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ РУССО ИЗДАНИЯ 1839 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского с дарственной надписью Герцена: «Вис<сариону> Гр<игорьевичу> Белинскому от Герцена 1846 3/V Москва»

Музей И. С. Тургенева, Орел

* 181[1]. Faerni G. G. Faerni Cremonensis Fabulae Centum, Ex antiquis Auctoribus collectae, notis gallicis illustratae; in gratiam tironum qui Phaedri fabulas interpretaturi sunt, accommodatae, et Pontifici Maximo dicatae; Cui operi accesserunt 1° Fabulae quas in gallicum verterunt complures poëtae; 2° Historiae sacrae compendium gallicum latinè vertendum; Studio et operâ J. S. J. F. Boinvilliers, Instituti regii gallici, compluriumque Academiarum Socii, etc. etc. Secunda Editio.

Et simplex verumque placent in carmine blando;
Musa nec ingenii fictas desiderat artes.

Parisiis. Ex typis Augusti Delalain, 1820

XVIII + 236 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. На переднем форзаце рукой П. Я. Петрова: «Получена в подарок от В. Белинск‹ого›».

Упоминаний о поэте Г. Фаерне (1500—1561) в сочинениях Белинского нет. См. примеч. к № 175.

182. Fiasque, mêlé d'Allégories. Illustre illustration d'illustres illustralisés, illustrée par un illustrissime illustrateur illustrement inillustre. Deuxième partie. Paris. Auguste, élève de Lambert éditeur. 1840. Гравюры Lorentz'a.

2 ненум. + 75 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Повидимому, книга привлекла Белинского многочисленными гравюрами. Переплет ее характерен для многих книг библиотеки Белинского.

183. Goethe, Johann-Wolfgang. Wilhelm Meisters Lehrjahre. Ein Roman von J. W. v. Goethe. I. Upsala bei Em. Bruzelius. 1814. ‹Шмуцтитул:› Bibliothek der Deutschen Classiker. I. Johann Wolfgang v. Goethe's sämtliche Werke: V.

14 ненум. + 456 стр.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. На титульном листе штамп: «Н. Кетчера».

В текст книги, повидимому рукой Кетчера, внесены исправления опечаток. Им же, очевидно, сделаны след. пометки:

Стр. 14. Отчеркнуты строки 16—24.
Стр. 82. Отчеркнуты строки 7—14.
Стр. 83. Косая черточка у строк 1—2.
Стр. 106. Отчеркнуты строки 2—21.
Стр. 124. Отчеркнут весь 2-й абзац.
Стр. 125. Отчеркнута вся страница.
Стр. 135. Отчеркнуты строки 4—8.
Стр. 189. Отчеркнуты строки 9—10.
Стр. 203. Отчеркнуты строки 13—15.
Стр. 437. Отчеркнуты строки 18—22.

12 августа 1838 г. Белинский сообщил Боткину, что читает в подлиннике «Вильгельма Мейстера» Гёте. «Нынче разобрал кое-как главу из „Вильгельма Мейстера“. Чудо, прелесть. Мне начинает нравиться приискивать в словаре слова и посредством немногих данных и собственных соображений доискиваться до их таинственного значения» («Венок Белинскому», стр. 52).

Как видно по штампу на титульном листе, книга была взята Белинским у Кетчера. Описание дается по рукописи А. М. Путинцева.

184. Goethe, Johann-Wolfgang. Wilhelm Meister par Goethe, traduit de l'allemand par Théodore Toussenel. Paris. Jules Lefebvre et Comp. 1829.

---

[1] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

Том II — 215 стр.; том III — 189 стр. Том I утрачен.

В переплетах. Сохранность хорошая. На титульных листах автографическая подпись чернилами: «В. Боткин». Пометок нет.

Хватило ли у Белинского терпения дочитать до конца со словарем немецкий оригинал «Вильгельма Мейстера»? (см. примеч. к предыдущему №). Во всяком случае, взятый у Боткина французский перевод был ему гораздо более доступен. Возможно, что он пользовался французским изданием как «ключом» для раскрытия непонятных мест в немецком оригинале.

185. Gogol, Nicolas. Nicolas Gogol. Nouvelles Russes. Traduction française, publiée par Louis Viardot. Tarass Boulba. Les Mémoires d'un Fou. La Calèche. Un Ménage d'autrefois. Le Roi des Gnomes. Paris. Paulin. 1845.

VI + 240 стр. (конец оторван).

Без переплета. Вся разрезана. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Белинский радостно приветствовал появление французского перевода сочинений Гоголя, предпринятого Луи Виардо. В библиографической заметке «Перевод сочинений Гоголя на французский язык» Белинский положительно отзывается о достоинствах перевода, отмечая его близость к оригиналу, легкость и изящество. «Повести Гоголя,— говорит он далее, — с честию выдержали перевод на язык народа, столь чуждого нашим коренным национальным обычаям и понятиям, и сохранили свой отпечаток таланта и оригинальности...» (X, 89—90).

Отмеченные Белинским высокие качества перевода Виардо в значительной степени объясняются следующим признанием переводчика, сделанным им в предисловии: «Мне остается объяснить, как я, не зная ни слова по-русски, издаю перевод русской книги. Выполненный в Санкт-Петербурге, труд этот принадлежит мне менее, чем двум друзьям — гг. И. Т., молодому писателю, уже пользующемуся известностью, как поэт и критик, и С. Г., который наряду с более легкими работами готовит «Историю славянских рас». Они выразили согласие продиктовать мне по-французски оригинальный текст. Мне осталась лишь легкая правка слов и фраз; и если стиль частично принадлежит мне, смысл принадлежит им одним. Я могу, следовательно, обещать по меньшей мере безукоризненную точность». Названные в предисловии И. Т.— И. С. Тургенев, С. Г.— С. А. Гедеонов.

Воспроизведение титульного листа этой книги см. в наст. томе, стр. 269.

186. Hofmann E. T. A. Contes et fantaisies de E. T. A. Hofmann, Traduits de l'allemand et suivis de sa vie, par M. Loeve-Veimars. Tome II, Bruxelles. Louis Hauman et Compagnie. 1834.

2 ненум. + 294 + 1 ненум. стр.

Без переплета. Разрезано только до 57 стр. Пометок нет.

Замечательную характеристику Гофману Белинский дал в своей рецензии на «Терезу Дюнойе» Еженя Сю: «В Германии гениальный безумец Гофман возвысил до поэзии болезненное расстройство нерв. Обладая удивительным юмором, при огромном таланте изображать действительность во всей ее истинности и казнить ядовитым сарказмом филистерство и гофратство своих соотечественников,— он в то же время, как истинный Немец, призракам своего расстроенного воображения, которых искренно пугался и боялся и над которыми тоже искренно смеялся, и фантастическим нелепостям принес в жертву и свой несравненный талант и бессмертие своего имени в потомстве...» (X, 474—475).

* 187[1]. Homerus (ΟΜΗΡΟV) ΟΔVΣΣΕΙΑΕ

⟨Шмуцтитул:⟩ Diis. Manibus. Godofredi. Ernesti. Groddeck. Olim. Optimi. Integerrimi. Eruditissimi. Viri. In. Universitate. Litteraria. Vilnensi. Professoris. P. O. De. Civibus. Suis. Lithuaniensibus. Podlachiensibus. Voliniensibus.

---

[1] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

Podoliensibus. Kioviensibus. Qui. Eo. Duce. Vel. Auspice. Graecarum. Et. Romanarum. Litterarum. Studia. Rectius. Acrius. Felicius. Colere. Didicerunt. Meritissimi. Pium. Et. Gratum. Se. Praebens. Suus. Quondam. Auditor. D. D. D.

Греческий текст с латинскими примечаниями и греко-латинским словарем.

1 ненум.+ IX + 2 ненум.+ 207+2 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Титульный лист вырван. На переднем форзаце тщательно стертая запись чернилами: *Виссарион Белинский.* Прочтено по сохранившемуся отпечатку на передней крышке переплета (в зеркальном отражении).

На стр. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 40, 132, 135, 136, 137, 160 пометки П. Я. Петрова — перевод некоторых греческих слов.

См. примеч. к № 175.

*188[1]. Horatius Q. F. Quintus Horatius Flaccus ad usum scholarum. Editio stereotypa Hernan. A Paris, chez m-me Dabo-Butschert. 1828. 〈Шмуцтитул:〉 Quintus Horatius Flaccus.

4 ненум.+ 325 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке вытиснено: «Horatius Flaccus de Hernan. 1828. И‹мператорский› М‹осковский› У‹ниверситет› 1828. Каз‹еннокоштный› студ‹ент»›. На переднем форзаце автографическая подпись: *Белинский*, переделанная из другой, короткой фамилии, и *«III курс».* На переднем и заднем форзацах также надписи и цифровые пометки незнакомым почерком. На шмуцтитуле автографическая подпись: *Белинский.*

На стр. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 18, 19, 21, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31 — перевод латинских слов и выражений и схемы стихотворных размеров.

Пометки:

«Carminum, liber III».

Стр. 11. Внизу страницы рукой Белинского (?) вписано:

Nunc et latentis proditor intimo
Gratas puellae visus ab anglulo,
Piguinque dereptum lacentis
Aut edigito male partinaci.

Стр. 59. Отмечена (чернилами) ода I. Кроме того, заглавие ее подчеркнуто карандашом и отмечено знаком ×.

Стр. 61. То же, ода II.

Стр. 63. То же, ода III.

Стр. 65. То же, ода IV.

Стр. 68. То же, ода V.

Стр. 70. То же, ода VI.

Стр. 72. Подчеркнута и отмечена знаком × ода VII.

Стр. 73. Подчеркнута и отмечена *NB* ода VIII.

Стр. 75. Подчеркнута и отмечена знаком × ода IX.

Стр. 76. Подчеркнута и отмечена *NB* ода IX.

Стр. 80. Подчеркнута и отмечена знаком × ода XIV.

Стр. 83. Подчеркнута и отмечена знаком × ода XVII.

Стр. 87. Подчеркнута и отмечена *NB* ода XIX.

Стр. 88. Подчеркнута и отмечена *NB* ода XXI.

Стр. 92. Подчеркнута и отмечена *NB* и знаком × ода XXIII.

Стр. 95. Подчеркнута и отмечена *NB* ода XXIV.

«Epodon Liber».

Стр. 118. Подчеркнута и отмечена *NB* ода I.

Стр. 119. Подчеркнута ода II.

---

[1] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

Стр. 122. Подчеркнута ода III.

Стр. 123. Подчеркнуто название оды IV.

Стр. 124. Подчеркнута и отмечена знаком × ода V.

Белинский называл Горация «поэтом умиравшего, развратного языческого общества» (XI, 311), который «в прекрасных стихах воспевал эгоизм, малодушие, низость чувств» (XII, 48). «Латинская поэзия...—писал Белинский в статье „Сочинения Державина“,— носит на себе отпечаток не только подражательности, но и старческой дряхлости: отпущенник Мецената, Гораций, добровольно остался рабом и холопом своего милостивца, и создал меценатскую поэзию, воспевая мир и тишину Рима, купленные ценою упадка доблести и добродетели» (VIII, 134).

Как видно из вытисненной на корешке надписи, книга была получена «казеннокоштным студентом» Белинским еще в университетские годы. Вне всякого сомнения, что многочисленные пометки Белинского на книге относятся именно к этому времени.

189. Johannot T., Alfred de Musset et P.-J. Stahl. Voyage où il vous plaira, par Tony Johannot — Alfred de Musset et P.-J. Stahl.

La vie est un songe.
Calderon

Paris, J. Hetzel. 1843.

4 ненум. + 170 + 2 ненум. + 61 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Белинский, как видно из беглых упоминаний в его статьях, чрезвычайно высоко ценил талант известного французского художника Тони Жоанно (1803—1852), автора иллюстраций к романам Купера, Вальтера Скотта, к «Дон-Кихоту», «Хромому бесу», «Манон Леско», «Фаусту» и др. Издание «Путешествия, куда Вам будет угодно» было приобретено Белинским, вероятно, из-за прекрасных гравюр Жоанно.

D. JUNII JUVENALIS

AQUINATIS

SATIRÆ XVI.

E RECENSIONE G. A. RUPERTI

EDIDIT J. A. AMAR.

PARISIIS.

APUD LEFEVRE BIBLIOPOLAM.

M DCCC XXI.

получ. в подарок от В. Б.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «САТИР» ЮВЕНАЛА, ИЗДАНИЕ 1821 г. ПАРИЖ

Экземпляр, принадлежавший Белинскому и подаренный им П. Я. Петрову

Библиотека при Московском университете им. М. В. Ломоносова

190. Kohlrausch, Friedrich. Chronologischer Abriss der Weltgeschichte zunächst für den Jugend-Unterricht. Von Fr. Kohlrausch. Neunte verbesserte und mit einer synchronistischen Tabelle der alten sowie der neueren Staaten-Geschichte versehene Auflage. Elerfeld. Büschler'sche Verlags-Buchhandlung und Buchdruckerei. 1832.

3 ненум. + 68 стр.

В картонной папке. Сильно потрепана. На титульном листе подпись: «Н. Станкевичь».

На обороте обложки запись рукой Н. Станкевича (чернилами): «Адрес Неверова: в С. Петербурге, в Большой Мещанской на углу Нового переулка, в доме купца Королева в пансионе г-на Калугина». (Карандашом): «История Карла V. История Дании в прод. 3 послед. столетий».

В книге много подчеркнутых дат и имен.

Не исключена возможность, что книгу эту получил от Станкевича не Белинский, а И. С. Тургенев.

*191[1]. Juvenalis, D. J. D. Junii Juvenalis Aquinatis Satirae XVI. E Recensione G. A. Ruperti edidit J. A. Amar. Parisiis. Apud Lefevre Bibliopolam. MDCCCXXI.

204 + 2 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На обороте переднего форзаца запись П. Я. Петрова: «Получ. в подарок от В. Б<елинского>».

На стр. 51, 52, 53, 54 карандашные записи (перевод латинских слов и выражений).

В 1841 году, говоря о «Думе» Лермонтова, Белинский восклицал: «Если сатиры Ювенала дышат такою же бурею чувства, таким же могуществом огненного слова, то Ювенал действительно великий поэт!..» (VI, 41). С. А. Венгеров сделал к этому месту след. примечание:

«Мы неоднократно отмечали органическое отвращение Белинского ко всякому намеку на щеголяние в павлиньих перьях. Его прямо тяготит мысль, что ему припишут знания, которых у него нет, и он всегда быстро спешит заявить, что того-то и того-то не знает. И здесь он, желая приравнять Лермонтова к Ювеналу, с которым не пришлось ему ознакомиться непосредственно (разрядка наша.—*Л. Л.*), говорит о нем только гадательно» (VI, 556). Введение в научный оборот книги Ювенала, принадлежавшей лично Белинскому и сохранившей на себе следы изучения, опровергает это утверждение Венгерова. Таким образом, фразу Белинского следует трактовать как наивысшую похвалу Лермонтову, выраженную при помощи своеобразного стилистического оборота.

Ювенала Белинский называл величайшим сатириком в мире (IX, 12).

«Истинная латинская литература, т. е. национальная и самобытная латинская литература заключается в Таците и сатириках, из которых главнейший — Ювенал. Эта литература, явившаяся в эпоху крайнего разложения стихий общественной жизни Римлян, имеет высокое значение высшего нравственного суда над сгнившим в разврате обществом, что̀ и дает ей по преимуществу всемирно-историческое, а следовательно и никогда не умирающее значение» (VI, 534).

О латинских книгах, подаренных Белинским Петрову, см. примеч. к № 175.

192. La Fontaine, Jean. Contes et nouvelles de La Fontaine. Edition illustrée par MM. Tony Johannot, Cam. Roqueplan, Déveria, C. Boulanger, Fragonard-père, Janet-Lange, Français, Laville, Ed. Vattier et Adrien Féart. Paris, Ernest Bourdin et C-nie, 1839.

5 ненум. + 534 стр. + 27 гравюр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

---

[1] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

В статье о «Душеньке» Богдановича Белинский упоминает сказки Лафонтена, в которых находит «и наивность, и остроумие, и грацию, столь свойственные французскому гению» (VI, 169). В другом месте он причисляет «Сказки» Лафонтена к той категории сочинений, которые «должны доставить полное удовольствие любителям неблагопристойных сочинений» (II, 171). О художнике Тонни Жоанно см. примеч. к № 189.

* 193. Lesage, Alain-René. Histoire de Gil Blas de Santillane, par Lesage. Paris. Charpentier. 1841.

3 ненум. + 644 стр.
В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

Белинский считал, что «Жильблаз» Лесажа «прославлен не в меру и не по достоинству». «Это не больше, как довольно недурное произведение, которое, однако, было бы лучше, если б не было так растянуто, или если б его сократить наполовину, т. е. из восьми частей сделать только четыре» (VII, 103). Более снисходителен отзыв Белинского в статье «Тереза Дюнойе» (1847), где он предсказывает, что Лесаж навсегда останется знаменит, потому что он «изображал жизнь и людей такими, каковы они есть на самом деле, а не такими, какими бы им следовало (по мнению автора) быть...» Как видно из письма Белинского к жене от 26 августа 1846 г. («Письма», III, 155), роман читался им в дороге, при поездке на юг летом 1846 г.

194. Mesnard, Ernest. Le champ des martyrs, par Ernest Mesnard. Bruxelles. Meline, Cans et C°. 1837.

Том I — IX + 295 + 1 ненум. стр.; том II — 279 + 1 ненум. стр.
В переплете. На обложке подпись: «Issakoff». Пометок нет.

Судя по подписи прежнего владельца, эта книга была приобретена Белинским у букиниста.

195. Michelet, M. Tableau Chronologique de l'histoire moderne depuis la prise de Constantinople par les Turcs, jusqu'à la Révolution Française, 1453—1789. Par M. Michelet, Professeur d'histoire au Collège de Saint Barbe. Ouvrage adopté par le conseil Royal de l'Instruction publique. Seconde Edition. Bruxelles, Louis Hauman et C°. 1834.

2 ненум. + XVI + 199 + 4 стр.
Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Белинский особенно осуждал в Мишле «произвольность во мнениях и надутую фразистость в выражениях». Книге Мишле «Краткая история Франции до французской революции» Белинский посвятил большую рецензию (III, 407—416).

196. M. S... Diorama anglais ou promenades pittoresques à Londres, renfermant les notes les plus exactes sur les caractères, les moeurs et usages de la nation Anglaise prises dans les différentes classes de la société par M. S... Ouvrage orné de vingt quatre planches gravées et enluminées, et de plusieurs sujets caractéristiques. Paris, Jules Didot et Baudouin Frères, MDCCCXXIII.

2 ненум. + II + 235 стр.
Издание, очевидно, заинтересовало Белинского своими оригинальными красочными иллюстрациями, изображающими Лондон 20-х годов XIX в. Переплет издания характерен для многих книг Белинского.

197. Nadeždin, Nicolaus. De origine, natura et fatis poeseos quae Romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica. Conscripsit examinique eruditorum publico submittit, Sanctiorum Humaniorumque Litterarum Magister Nicolaus Nadeždin, gradum humaniorum litterarum

doctoris legitimè obtinendum praetendens. Mosquae, Typis Universitatis Caesareae, 1830.

146 + II + 1 ненум. стр.

На обложке рукой Н. И. Надеждина: «B. J. Obolinsky Poëtarum Classicorum amico Romanticorum haud inimico ab Auctore. Mar. 31».

Пометки:

Стр. 125. Строки 30—34. У фразы: «Sicut homo nulla est hodiè statua, qualem Poesis Classica eum representabat: ità quòque nullus est milvus chartaceus, libertatis suae indomitae ludibrium, per ditiones phantasticas effrenatè vagabundum, qualis quippè a poësi Romantica adumbrabatur» — знак N3.

Каким образом эта книга, подаренная Надеждиным своему сослуживцу — адъюнкту Московского университета. филологу и переводчику с греческого языка Василию Ивановичу Оболенскому (1790—1847), оказалась у Белинского? В письме от 19 февраля 1846 г. («Письма», III, 103) Белинский с недоумением спрашивает Герцена: «Зачем ты прислал мне диссертацию Надеждина? Разве для веса посылки? Это другое дело».

В статье «Сто русских литераторов» Белинский дает подробную и довольно злую характеристику как самому Надеждину, так и его диссертации, в которой видит умышленное криводушие «докторанта, желающего быть доктором, и поэтому, по мере возможности, не желающего противоречить закоренелым предубеждениям докторов» (VI, 232—233). Высказанное в этой статье намерение дать в дальнейшем Надеждину подробную и основательную характеристику Белинский не исполнил.

* 198. Panthéon litteraire. Litterature grecque. Poésie. Les petits poèmes grecs, par Orphée.—Homère. — Hesiode. — Pindare.— Anacréon. — Sappho. — Tyrtée. — Stesichore. — Solone. — Alcée. — Ibycus. — Alcmane. — Bacchylide. — Théocrite. — Bion. — Moschus. — Callimaque. — Coluthus. — Musée. — Tryphiodore. — Apollonius. — Oppien. — Synésius. Traduit par Aluth. — Bignan. — Belin de Ballu. — J.-J.-A. Causin. — Ernest Falconnet. — Grégoire et Collombet. — Laporte Dutheil.— J. M. Lime.— Perrault-Maynand etc. Publiés par M. Ernest Falconnet sous la direction de M. Aimé-Martin, Paris. Auguste Desrez. MDCCCXXXIX.

Обложка + 4 ненум. + XI + XXI + 1 ненум. + 736 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.».

Пометки:

Статья «Notice sur la vie et les ouvrages d'Homère, par E. Falconnet».

Стр. 68. Отчеркнут 2-й абзац левой колонки, его продолжение на правой колонке и следующий абзац — с изложением биографии Гомера, по Геродоту. Там же отчеркнуто, начиная со строки 5 правой колонки до конца страницы и 1-й абзац левой колонки на стр. 69— об авторе поэм Гомера.

«Les odes» Анакреона.

Стр. 246. В заголовке оды XXII— «A Bathylle» подчеркнута цифра XXII. Там же, у оды XXVIII — «A une jeune fille» — знак #.

Стр. 248. У оды XL «Sur l'amour» — знак #.

Стр. 249. У оды XLIII «Sur la cigale» — знак #.

Стр. 250. У оды XLIX «Sur un disque représentant Venus» — знак #.

Стр. 251. Подчеркнута цифра LVII у оды «Sur le printemps».

«Extrait de l'Anthologie».

Стр. 517. Подчеркнута цифра XXXIII у «Sur une fontaine».

Стр. 583. Подчеркнута цифра XCIX у «Sur le tombeau d'un naufragé».

По этой содержательной хрестоматии Белинский мог познакомиться с рядом произведений древнегреческих писателей, еще не переведенных на русский язык. Как видно из его пометок, особенное внимание Белинский обратил на статью о Гомере и на оды Анакреона.

* 199[1]. C. Plinii Caecilii. Secundi Panegyricus, Trajano Dictus. Ad usum lycaeorum. Parisiis, Apud Augustum Delalain, D. Lallemant successorem. 1807.

119 + 5 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. На переднем форзаце почти стертая автографическая подпись: *В. Белинский*. На ней подпись: «П. Петров (в подарок получ. от В. Б<елинского>)». Пометок нет.

Упоминаний о Плинии младшем (ок. 62—114) в сочинениях Белинского нет.

См. примеч. к № 175.

200. Proudhon, Pierre-Joseph. Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement par P.-J. Proudhon.

Adversùs hostem aeterna auctoritas esto.
Contre l'ennemi, la revendication est éternelle.
Loi des douze tables

Paris. Prévot. 1841.

XX + 314 + 2 ненум. стр.

<К книге приброшировано:>

Lettre à M. Blanqui, professeur d'économie politique au conservatoire des Arts et Métiers. Sur la propriété par P.-J. Proudhon, Auteur de l'ouvrage Qu'est-ce que la propriété. Deuxième mémoire.

Adversûs trostem, fit justificatio crimen.

Paris. Prévot. 1841.

188 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

Знаменитая книга Прудона «Что такое собственность?», пользовавшаяся значительным успехом у радикальной интеллигенции 40-х годов, конечно, не могла пройти мимо поля зрения Белинского, всегда живо интересовавшегося социальными проблемами. Однако в сочинениях Белинского и его переписке имя Прудона не упоминается.

*201. Rivarol, Antoine, comte de. Mémoires de Rivarol, avec des notes et des éclaircissemens historiques: précédés d'une notice, par M. Berville. Paris. Baudouin frères. 1824.

<Шмуцтитул:> Collection des mémoires relatifs à la Révolution Française.

4 ненум. + XVI + 386 стр.

Без переплета. Разрезана не до конца. Сохранность хорошая. Пометок нет. Описание дается по рукописи А. М. Путинцева.

См. примеч. к № 171.

*202. Roland, Marie-Jeanne. Mémoires de madame Roland, avec une Notice sur sa vie et des éclaircissemens historiques par M. M. Berville et Barrière. Paris. Baudouin frères. 1820.

<Шмуцтитул:> Collection des mémoires relatifs à la Révolution Française.

Том I — XLVIII + 451 + 1 ненум. Том II утрачен.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициалы: «В. Б.».

Пометки:

F. Barrière. «Sur m-me Roland».

Стр. XXIII. Отчеркнуты строки 18—22: «...mais les générations qui suivent, lorsqu'elles jouissent d'une institution qui place les droits du peuple à côté des prérogatives du trône, ne s'informent point de quel prix leurs aïeux ont payé cet inestimable bienfait».

---

[1] Книга хранится в научной библиотеке Московского университета им. М. В. Ломоносова (сообщено В. В. Сорокиным).

Перевод:

«Но следующие поколения, пользуясь установлениями, уравнивающими права народа с прерогативами трона, не задумываются над тем, какой ценой их предки купили это неоценимое благо».

Стр. XXIV. Отчеркнуты строки 24—31: «L'autorité royale était comme un vaisseau de ligne qui, lancé en mer sans agrès et sans artillerie, ne pouvait ni résister aux orages, ni faire respecter son pavillon. Une défiance impolitique autant qu'injurieuse, sous prétexte d'ôter au pouvoir souverain tout moyen de nuire, l'avait réduit à l'impuissance d'être utile. C'était trop peu pour une monarchie; c'était trop pour une république: mais elle existait déjà dans la pensée de quelques hommes».

Перевод:

«Королевская власть была подобна линейному судну, которое, будучи пущено в море без снастей и пушек, не могло ни сопротивляться бурям, ни заставлять уважать свой флаг. Недоверие, столь же недальновидное, как и оскорбительное, под предлогом лишения верховной власти всякой возможности вредить, довело ее до того, что она не в состоянии стала быть полезной. Это было слишком мало для монархии; это было чрезмерно для республики: но она существовала уже в мысли нескольких человек».

Стр. XLV. Отчеркнуто: «Qui que tu sois qui me trouves gisant, respecte mes restes. Ce sont ceux d'un homme qui consacra toute sa vie à être utile, et qui est mort comme il a vécu vertueux et honnête, puissent mes concitoyens prendre des sentiments plus doux et plus humains».

Перевод:

«Кто б ни был ты, нашедший меня мертвым,— почти мой прах. Это прах человека, посвятившего свою жизнь тому, чтобы быть полезным и умершего, как и жил — добродетельным, честным, и пусть мои сограждане проникнутся более кроткими и человечными чувствами».

«Mémoires».

Стр. 99. На полях чернилами инициалы: «В. М.».

Стр. 378. Отчеркнуты стр. 8—19: «Voulez-vous la réunion de ces qualités à un désintéressement parfait? Voilà le phénix presque impossible à trouver. Je ne m'étonne plus que les hommes supérieurs au vulgair, et placés à la tête des empires, aient ordinairement un assez grand mépris pour l'espèce; c'est le résultat presque nécessaire d'une grande connaissance du monde; et pour éviter les fautes où il peut entraîner ceux qui sont chargés du bonheur des nations, il faut un fonds de philosophie et de magnanimité bien extraordinaire».

Перевод:

«Хотите ли вы соединения этих качеств с великолепным бескорыстием? Вот феникс, найти который почти невозможно. Я более не удивляюсь тому, что люди, возвышающиеся над толпой и стоящие во главе государств, часто полны презрения к роду людскому. Это почти необходимый результат большого знания жизни, и чтобы избежать ошибок, в кои могут быть вовлечены те, на обязанности которых лежит забота о счастье нации, необходим запас философии и совершенно исключительного душевного благородства».

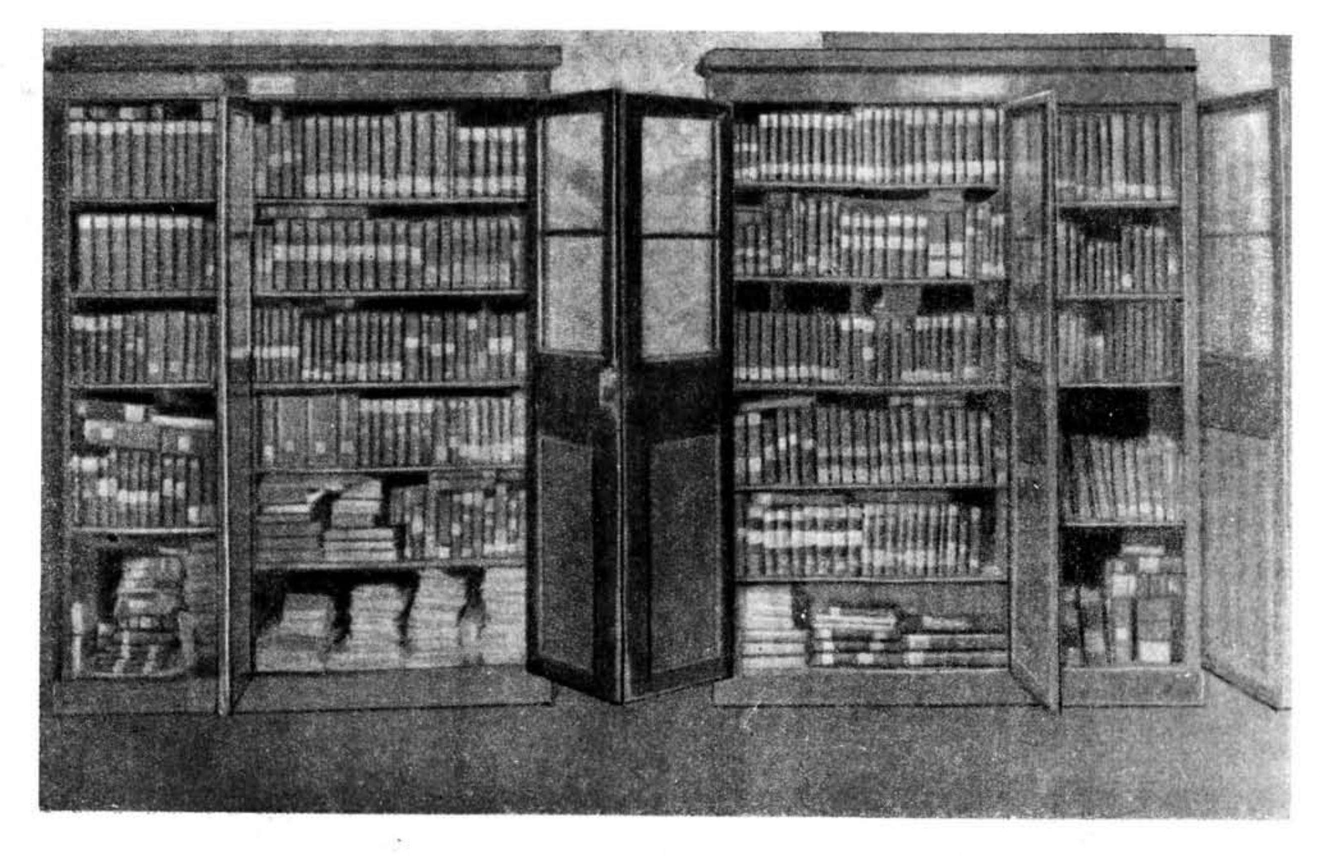
Упоминаний о г-же Ролан и ее мемуарах в сочинениях Белинского не встречается.

См. примеч. к № 171.

* 203. Rousseau, Jean-Jacques. Oeuvres complètes de J. J. Rousseau, avec des notes historiques. Paris. Furne et C^ie. MDCCCXXXIX.

Том I — фронтиспис (портрет Руссо) + 2 ненум. + 1 ненум. + XI + 1 ненум. + + 756 стр. + 9 гравюр на отдельных листах; том II — 3 ненум. + 807 + 11 гравюр на отдельных листах; том III—3 ненум. + 876 стр. + 3 гравюры на отдельных листах; том IV — 3 ненум. + 880 + 1 ненум. стр.

В переплетах. Сохранность хорошая. На титульном листе I тома карандашная надпись А. И. Герцена: «Вис. Гр. Белинскому от Герцена. 1846. 3/V. Москва».



ШКАФЫ С КНИГАМИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ БЕЛИНСКОГО
Фотография 1948 г.
Музей И. С. Тургенева, Орел

Пометки:

Том I. «Les Conféssions».

Стр. 82. Отчеркнуты строки 27—35 правой колонки:

«Il faut pourtant rendre justice aux François: ils ne s'épuisent point tant qu'on dit en protestations, et celles qu'ils font sont presque toujours sincères; mais ils ont une manière de paroître s'intéresser à vous qui vous trompe plus que des paroles. Les gros complimens des Suisses n'en peuvent imposer qu'à des sots. Les manières des Français sont plus séduisantes en cela même qu'ils sont plus simples...»

Перевод:

«Следует, однако, отдать справедливость французам: они не столь щедры на уверения, как говорят о них, и уверения их почти всегда искренни; но они умеют делать вид, что они интересуются вами, и это вводит вас в заблуждение больше, чем слова. Грубые комплименты швейцарцев могут нравиться лишь глупцам. Манеры французов более обольстительны, именно потому, что они проще...»

Стр. 113. Отчеркнуты строки 27—34 правой колонки:

«Si j'avois cru tenir maman dans mes bras quand je l'y tenois, mes étreintes n'auroient pas été moins vives, mais tous mes désirs se seroient éteints; j'aurais sangloté de tendresse, mais je n'aurois pas joui. Jouir! ce sort est-il fait pour l'homme? Ah! si jamais une seule fois en ma vie j'avois dans leur plénitude toutes les délices de l'amour, je n'imagine pas que ma frêle existence y eût pu suffire, je serois mort sur le fait».

Перевод:

«Если бы я верил в то, что держу в объятиях матушку, когда я обнимал ее, мои объятия были бы не менее страстны, но все мои желания угасли бы; я рыдал бы от нежности, но не наслаждался бы. Наслаждаться! Удел ли то человека? Ах! если б хоть раз в жизни узнал я полноту восторгов любви, не думаю, чтоб мое хрупкое существо выдержало бы это: я умер бы на месте».

Стр. 549. «Discours sur l'origine et les fondémens de l'inégalité parmi les hommes». Отчеркнуты строки 31—36 правой колонки.

«L'art périssoit avec l'inventeur. Il n'y avait ni éducation, ni progrès; les générations se multiplioient inutilement; et chacune partant toujours du même point, les siècles s'écouloient dans toute la grossièreté des premiers âges; l'espèce étoit déjà vieille et l'homme restoit toujours enfant».

Перевод:

«Искусство погибало с изобретателем. Не было ни воспитания, ни прогресса; поколения бесполезно размножались; и каждое постоянно отправлялось от одной и той же точки; века проходили во всей первобытной грубости; род был уже стар, а человек все оставался ребенком».

Незадолго до смерти, 15 февраля 1848 г., Белинский писал П. В. Анненкову: «Из Руссо я только читал его „Исповедь", и, судя по ней да и по причине религиозного обожания ослов, возымел сильное омерзение к этому господину. Он так похож на Достоевского, который убежден глубоко, что все человечество завидует ему и преследует его. Жизнь Руссо была мерзка, безнравственна» («Письма», III, 338). Пометки Белинского на первом томе роскошного, прекрасно иллюстрированного собрания сочинений Руссо, подаренного Белинскому Герценом, вносят существенное дополнение к этому письму. Судя по ним, видно, что, помимо «Исповеди», он читал и «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми». Нужно думать, что мимо его поля зрения не прошел и «Общественный договор» Руссо, напечатанный в этом же томе.

204. Sales-Giron. Lettres à une Provinciale sur les livres De la réligion et Du passé et de l'avenir du peuple. M. Lamennais devant le peuple. Par le D-r Sales-Giron.

Il n'y a de peuple que dans les sociétés chrétiennes, donc qui dit peuple, dit chrétien.

Paris. Debécourt. 1841.

XII + 241 + 1 ненум. стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Разрезана только до стр. 157. Пометок нет. На заднем форзаце книготорговый ярлычок: «B. S. C.».

Отзыв Белинского о книге Ламенне «Les paroles d'un croyant» см. «Письма», I, 94.

* 205. Sand, George (Aurore Dudevant). La dernière Aldini par George Sand. Bruxelles. Méline, Cans et C°. 1838.

2 ненум. + 265 стр.

В переплете. Сохранность удовлетворительная. На корешке инициалы: «В. Б.». Пометок нет.

«...Гениальная женщина, известная под именем Жоржа Санда,—писал Белинский в период увлечения социальными романами писательницы,— это, бесспорно, первая поэтическая слава современного мира. Каковы бы ни были ее начала, с ними можно не соглашаться, их можно не разделять, их можно находить ложными; но ее самой нельзя не уважать, как человека, для которого убеждение есть верование души и сердца. Оттого-то многие из ее произведений глубоко западают в душу и никогда не изглаживаются из ума и памяти. Оттого талант ее не слабеет ни в силе, ни в деятельности, но крепнет и растет» (VII, 305).

206. Sand, George. Un hiver au midi de l'Europe, par George Sand. Bruxelles. 1841.

250 + 2 ненум. стр.

Без переплета. Сохранность хорошая. Пометок нет.

См. примеч. к № 205.

207. Shakspeare, William. Oeuvres complètes de Schakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée par F. Guizot et A[médée] P[ichot], traducteur de Lord Byron, précédée d'une Notice biographique et littéraire sur Shakspeare par F. Guizot. Paris. Ladvocat, MDCCCXXI.

Том I — портрет Шекспира + 1 ненум. + CLII + 387 + 3 ненум. стр. Остальные тома утрачены.

В переплете. Сохранность хорошая. На корешке инициал «L».

Пометки (отчеркивания на полях чернилами, жирными кривыми линиями, мало напоминающими обычную манеру Белинского):

Этюд Гизо «Жизнь Шекспира».

Стр. V, строки 23—25 — о значении драматического писателя для народа.

Стр. VIII, строки 17—19 — о необходимости для драматической поэзии быть близкой народу.

Стр. IX, строки 31—32 — о требованиях, предъявляемых драматической поэзией.

Стр. X, строки 1—10 — об опасности, которую представляет для драматического поэта потеря связи с народом.

Стр. XVI. Отчеркнуты кривой жирной чертой тушевым карандашом строки 11—29 — об особенностях эпохи Ришелье и Елизаветы Английской.

Стр. XXXIX Отчеркнуты тонкой карандашной чертой строки 5—12 — о публичном характере английской социальной жизни.

Стр. XLV. Отчеркнуты тонкой чертой строки 7—12 — о церковном происхождении первых драматических представлений в Англии.

Стр. LXIX. Отчеркнуты строки 6—30 — о состоянии современного мира.

Стр. LXXVII. Отчеркнуты строки 7—12 — о комедии «Цимбеллин».

Стр. LXXXV. Отчеркнуты строки 11—14 — о предпочтении, оказываемом общим мнением «Ромео и Джульетте», «Гамлету», «Королю Лиру», «Макбету» и «Отелло» перед другими произведениями Шекспира; там же отчеркнуты строки 27—32 — об исторических пьесах.

Стр. XCII. Отчеркнуты строки 16—28 — о действии в произведениях Шекспира, там же отчеркнуты строки 31—32 — о некоторых особенностях произведений Шекспира.

Стр. 263. У монолога «Гамлета» «Être ou n'être pas» знак ×.

Не владея английским языком, Белинский знакомился со многими произведениями Шекспира во французском переводе Летурнера, отредактированном Гизо и Амедеем Пишо. В статье «Гамлет, принц датский», иллюстрируя положение, что прозаический перевод стихотворного произведения «есть самый отдаленный, самый неверный и неточный, при всей своей близости, верности и точности», Белинский ссылается именно на это издание. «Во французском прозаическом переводе совершенно утрачен этот б у к е т, который составляет жизнь всякого изящного произведения и без которого оно похоже на выдохшееся вино; по его вкусу и цвету можно узнать только то, к какому сорту принадлежало оно некогда» (III, 342). В рецензии на перевод «Виндзорских кумушек» (1838) Белинский путем сопоставления текстов уличает анонимного переводчика в том, что он перевел комедию не с английского оригинала, а с «жалкого перевода Гизо». Повидимому, «переводом Гизо» Белинский называет этот перевод вовсе не по ошибке, как предполагал С. А. Венгеров, а просто ради простоты. Подобная ошибка была бы тем более странной, что на титульных листах издания совершенно определенно указано имя переводчика Летурнера и имена Гизо и А. П. (Амедея Пишо) как редакторов. Впрочем, сам Белинский в рецензии на «Репертуар русского театра» (1840) говорит о «летурнёровском переводе „Гамлета", исправленном Гизо» и приводит при этом все данные с титульного листа (V, 232—233). В обзорной статье «Русская литература в 1842 году» (VII, 7) он опять говорит о «Летурнере, поправленном, с грехом пополам, г-м Гизо».

208. S i e y è s. Qu'est-ce que le tiers état? Pamphlet, publié en 1789 par Sieyès précédé d'une étude sur l'auteur par M. Chapuys Montaville, deputé, et orné d'un portrait de Sieyès. Paris. Pagnerre. 1839.

Фронтиспис (портрет Сийеса) + 1 ненум. + III + 192 стр.

Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Упоминаний о Сийесе в сочинениях и переписке Белинского не встречается.

209. S o u l a v i e J e a n - L o u i s G i r a u d. Les illustres victimes, vengées des unjustices de leurs contemporains et réfutation des paradoxes de M. Soulavie, auteur des mémoires Historiques et Politiques du règne de Louis XVI, etc, etc, etc. Paris, Perlet, 1802.

3 ненум. + 416 стр.

В переплете. На корешке инициалы: «А. К.». Пометок нет.

Если судить по инициалам прежнего владельца, книга Суляви (1752—1813), второстепенного французского писателя, была приобретена Белинским у букиниста.

210. S t e r n L., G o l d s m i t h O. Oeuvres complètes de Sterne. Oeuvres choisies de Goldsmith. Nouvelle édition, ornée de huit vignettes, revue et augmentée de notices biographiques et littéraires, par Walter Scott, traduites par M. Francisque Michel. Paris. Firmin Didot frères. MDCCCXL.

620 стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет.

В статье «Стихотворения Жуковского» Белинский живо изобразил привлекательные особенности этого издания. «Иному нужно иметь сочинения Жуковского; приходит он в русскую книжную лавку. Что̀ сто̀ят? С о р о к п я т ь р у б л е й. Дорого! И купил бы, да нѐ на что! Тот же читатель заходит мимоходом во французскую лавку; видит, между прочим, парижское компактное издание «Oeuvres complètes de Stern.— Oeuvres choisies de Goldsmith...»— развертывает — издание красиво, изящно; виньетками названы — прекрасный гравированный портрет Стерна и семь прекрасных гравированных картинок. Что̀ сто̀ит? Д е с я т ь р у б л е й. Если б и не нужно было

этой книги,— нельзя не соблазниться, не купить хотя бы под опасением быть обвиненным в пристрастии к лукавому Западу и в равнодушии к российской словесности...» (IX, 48).

Подробную характеристику Гольдсмита см. в рецензии на его роман «Векфильдский священник» (XI, 46—57). О Стерне см. VII, 435 и X, 472.

и его сочиненія. 163

спиръ для Среднихъ вѣковъ. Пушкинъ явился, напротивъ, какъ подражатель пѣвца Британскаго, былъ юнъ, ограниченъ во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно по образованію своему и по общественному своему мѣсту.

Отъ того блѣденъ и ничтоженъ его *Кавказскій Плѣнникъ*, нерѣшительны его *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыганы*, и легокъ *Евгеній Онѣгинъ*. Русскій снимокъ съ лица Донъ Жуанова, такъ-же, какъ Кавказскій Плѣнникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ Гарольдова лица. Все это было вдохновлено Пушкину Байрономъ, и пересказано съ Французскаго перевода прозою — это литографическіе эстампы съ прекраснѣйшихъ произведеній живописи!

Гдѣ-же заслуги Пушкина? Гдѣ признаки сильныхъ его дарованій? Гдѣ слѣды его самобытности и залоговъ будущаго?

Прежде всего, въ той, превышающей всѣхъ другихъ современныхъ поэтовъ Русскихъ степени, на которую сталъ Пушкинъ съ самаго появленія *Руслана и Людмилы*. Несправедливо было-бы мѣрять Пушкина мѣрою Гете и Байрона. Мы старались показать ложность подобной мѣры въ отношеніи Державина. Сравните различіе образованій Германіи, Британіи и Россіи. Посмотрите: *гдѣ* живетъ Пушкинъ, и съ кѣмъ живетъ онъ? Такъ-же, какъ Жуковскаго, окружаетъ его толпа современниковъ, но — это дѣти передъ нимъ! Сличите съ нимъ г-дъ Языкова, Баратынскаго, Хомякова, князя Вяземскаго, Козлова, Подолинскаго, Ѳ. Н. Глинку (какъ поэта), Веневитинова, Муравьева, Дельвига: хотя дарованіямъ всѣхъ ихъ отдаемъ мы пол-

СТРАНИЦА ИЗ КНИГИ Н. А. ПОЛЕВОГО «ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ИЗДАНИЕ 1839 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского с пометками критика

Фотография

Местонахождение оригинала неизвестно

211. Tasso, Torquato. Jérusalem délivrée, poëme du Tasse, trad. de l'italien. Paris, MDCCLXXXII.

Том I — XIII+318 стр. Остальные тома утрачены.

В переплете. Сохранность хорошая. На титульном листе надпись: «A Obrescoff». Пометок нет. Описание дается по рукописи А. М. Путинцева.

Судя по надписи прежнего владельца, книга была приобретена Белинским у букиниста.

Упоминания о Тассо в сочинениях Белинского очень часты. В седьмой статье «Сочинения Александра Пушкина» Белинский следующим образом оценивает главное произведение Тассо: «Освобожденный Иерусалим Тасса написан по академической форме и, в угодность академии, был своим автором несколько раз переуродован. Воспетое в нем событие касалось всего христианского мира, но поэт жил после этого события почти пятьсот лет спустя, когда итальянцы давно уже перестали верить не только необходимости сражаться с сарацинами или турками за что-нибудь другое, кроме денег, но даже и святости святейшего отца-папы. Прекрасные октавы (затверженные даже народом) и отдельные красоты в «Освобожденном Иерусалиме» все-таки не спасают его от несчастия быть неудачною попыткою на эпическую поэму» (XII, 48).

212. Thierry, Jacques-Nicolas-Augustin. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et de ses suites jusqu'à nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le Continent. Par Augustin Thierry de l'Institut royal de France (Académie des Inscriptions et Belles Lettres).

The folk Normandie
Among us woneth yet, and Shalleth evermore.
Of Normans beth these high men thaz beth in this land
And the low men of Saxons...
Robert of Glocester's chronicle

Quatrième édition entièrement revue et augmentée. Bruxelles. Léon Hauman et C°. 1835.

Том II — 3 ненум. + 403; том III — 3 ненум. + 403 стр. Том I утрачен.

Без переплетов. В конце II тома есть неразрезанные страницы. В III томе стр. 1—22 повреждены. Пометок нет.

Белинский с большой похвалой отзывался о сочинениях Тьерри, отмечая красочность и живость изложения при верности исторических фактов: «Читая „Историю завоевания Англии норманнами“ Огюстена Тьерри или его же „Рассказы о временах Меровингских“, думаешь, что читаешь роман Вальтера Скотта; а между тем, в этих сочинениях знаменитого историка французского нет ни одной черты, которая не основывалась бы на фактах и не подтверждалась бы хрониками; но и те, которым коротко и ученым образом знакомы были эти хроники,—в творениях Тьерри впервые познакомились с тою и другою эпохою, удивляясь, что в этих эпохах могло оказаться столько жизни, поэзии и разумности» (XII, 402).

213. Thierry, Jacques-Nicolas-Augustin. Dix ans d'études historiques, par Augustin Thierry. Bruxelles. 1835.

XXXV + 3 ненум. + 403 + 1 ненум. стр.

В переплете. Сохранность хорошая. Пометок нет. Описание дается по рукописи А. М. Путинцева.

См. примеч. к № 212.

IV. ЖУРНАЛЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

214. Deutsch-Französische Jahrbücher herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx. 1ste und 2te Lieferung. Paris, im Bureau der Jahrbücher. Au bureau des Annales. 1844.

Пометки:

«Ein Briefwechsel von 1843». Стр. 29. Письмо <М. А.> Б<акунина> к Р<уге>. Отчеркнуты строки 5—30: «Dieser Zustand beweist nur die Uebermacht der Philosophie, dies Geschrei gegen sie ist schon der Sieg. Voltaire sagt einmal: Vous, petits hommes,

revêtus d'un petit emploi, qui vous donne une petite autorité dans un petit pays, vous criez contre la philosophie? Wir leben für Deutschland in dem Zeitalter Rousseau's und Voltaire's und «diejenigen unter uns, welche jung genug sind, um die Früchte unserer Arbeit zu erleben, werden eine grosse Revolution und eine Zeit sehen, in der es der Mühe lohnt geboren zu sein». Wir dürfen auch diese Worte Voltaire's wiederholen ohne zu befürchten dass sie das zweite Mal weniger, als das erste durch die Geschichte bestätigt würden.

Jetzt sind die Franzosen noch unsere Lehrer. Sie haben in politischer Hinsicht einen Vorsprung von Jahrhunderten. Und was folgt alles daraus! Diese gewaltige Litteratur, diese lebendige Poesie und bildende Kunst, diese Durchbildung und Vergeistigung des ganzen Volkes, lauter Verhältnisse, die wir nur von ferne verstehn! Wir müssen nachholen, wir müssen unserm metaphysischen Hochmuthe, der die Welt nicht warm macht, die Ruthe geben, wir müssen lernen, wir müssen Tag und Nacht arbeiten, um es dahin zu bringen, wie Menschen mit Menschen zu leben, frei zu sein und frei zu machen — wir müssen — ich komme immer darauf zurück, unsere Zeit mit unseren Gedanken im Besitz nehmen. Dem Denker und Dichter ist vergönnt, die Zukunft vorweg zu nehmen und eine neue Welt der Freiheit und Schönheit mitten in den Wust des Untergangs und des Moders, der uns umgiebt, hineinzubauen».

Перевод:

«Такое положение доказывает лишь могущество философии, окрики на нее есть уже победа. Вольтер сказал как-то: Vous, petits hommes, revêtus d'un petit emploi, qui vous donne une petite autorité dans un petit pays, vous criez contre la philosophie? ‹Вы, людишки, занимающие какую-нибудь мелкую должность, которая дает вам жалкую власть в маленькой стране,—вы кричите против философии?› Мы живем в Германии в век Руссо и Вольтера, и «те среди нас, кто достаточно молод, чтобы дожить до плодов нашей работы, увидят великую революцию и эпоху, в которую стóит родиться». Мы имеем право повторить и эти слова Вольтера, не опасаясь, что во второй раз они менее подтвердятся историей, чем в первый.

Теперь французы — все еще наши учителя. В политическом отношении они опередили нас на столетия. И как много следствий проистекает отсюда! Эта мощная литература, эта живая поэзия и изобразительное искусство, эта культурность и одухотворенность всего народа, все — условия, которые мы понимаем только на расстоянии! Мы должны наверстать, мы должны наказать розгами наше метафизическое высокомерие, которое не согревает мира, мы должны учиться, должны работать день и ночь, дабы мы могли жить по-человечески с людьми, могли быть свободными и дать другим свободу, мы должны — я снова к этому возвращаюсь — овладеть нашим веком при помощи наших мыслей. Мыслителю и поэту дозволено предвосхищать будущее и строить новый мир свободы и красоты посреди груд разложения и тлена, нас окружающих» (Из письма Бакунина к А. Руге от мая 1843 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, М. 1938, стр. 344—345).

Стр. 41. Стихотворение H. Heine «Löbgesänge auf König Ludwig». У фамилии автора — полустертый знак N3.

Стр. 42. Отчеркнуты строки 7—12:

«Die Glorie passt für ein solches Gesicht
Wie Manchetten für unseren Kater!
Sobald auch die Affen und Känguruhs
Zum Christenthum sich bekehren,
Sie werden gewiss Sankt Ludewig
Als Schutzpatron verehren».

Перевод:

‹«Когда умрет господин Людвиг, то его в Риме канонизирует святой отец.› Сияние идет к такому лицу, как манжеты нашему коту. Как только обезьяны и кенгуру обратятся в христианство, они, конечно, будут почитать святого Людвига, как своего покровителя».

Стр. 71. У заглавия статьи «Zur Kritik der Hegel'schen Rechts-Philosophie» von Karl Marx—полустертая косая черточка.

Стр. 72. Отчеркнуты и отмечены знаком × строки 9—17 и 24—25. Кроме того, тонкой длинной чертой отчеркнуты строки 14—40. Места, отмеченные знаком ×, печатаем разрядкой. Курсив Маркса сохраняется:

«Die Kritik hat die imaginairen Blumen an der Kette zerpflückt, nicht damit der Mensch die phantasielose, trostlose Kette trage, sondern damit er die Kette abwerfe und die lebendige Blume breche. Die Kritik der Religion enttäuscht den Menschen, damit er denke, handle, seine Wirklichkeit Gestalte, wie ein enttäuschter zu Verstand gekommener Mensch, damit er sich um sich selbst und damit um seine wirkliche Sonne bewege. Die Religion ist nur die Illusorische Sonne, die sich um den Menschen bewegt, so lange er sich nicht um sich selbst bewegt.

Es ist also die *Aufgabe der Geschichte* nachdem das *Jenseits der Wahrheit* verschwunden ist, *die Wahrheit des Diesseits* zu etablieren. Es ist zunächts die *Aufgabe der Philosophie*, die im Dienste der Geschichte steht, nachdem die *Heiligengestalt* der Menschlichen Selbstentfremdung entlarvt ist, die Selbstentfremdung in ihren *unheiligen Gestalten* zu entlarven. Die Kritik des Himmels verwandelt sich damit in die *Kritik* der Erde, die *Kritik der Religion* in die *Kritik des Rechts*, die *Kritik der Theologie* in die *Kritik der Politik*.

Die nachfolgende Ausführung — ein Beitrag zu dieser Arbeit — schliesst sich zunächst nicht an das Original, sondern an eine Copie, an die deutsche Staats- und Rechts-*Philosophie* an, aus keinem andern Grunde, als weil sie sich an *Deutschland* anschliesst.

Wollte man an den deutschen *status quo* selbst anknüpfen, wenn auch in einzig angemessener Weise d. h. negativ, immer bliebe das Resultat eine *Anachronismus*. Selbst die Verneinung unserer politischen Gegenwart findet sich schon als bestaubte Thatsache in der historischen Rumpelkammer der modernen Völker. Wenn ich die gepuderten Zöpfe verneine, habe ich immer noch die ungepuderten Zöpfe. Wenn ich die deutschen Zustände von 1843 verneine, stehe ich, nach französischer Zeitrechnung, kaum im Jahre 1789 noch weniger in Brennpunkt der Gegenwart.

Ja, die deutsche Geschichte schmeichelt sich einer Bewegung, welche ihr kein Volk am historischen Himmel weder vorgemacht hat...»

Перевод:

«Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы—не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком. Критика религии разочаровывает человека, чтобы он мыслил, действовал, развивал свою действительность, как разочарованный, образумившийся человек; чтобы он двигался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь призрачное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начнет двигаться вокруг себя самого.

Таким образом, с тех пор как исчезла *правда внеземная, задача истории* — восстановить *земную правду*. Ближайшая *задача философии*, находящейся на службе истории, с тех пор как разоблачен *священный образ* человеческого самоотчуждения, состоит в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его неосвященных образах. Критика неба обращается, таким образом, в критику земли, *критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики*.

Дальнейшее исследование — попытка такой критики — ближайшим образом приурочивается не к оригиналу, а к копии — к немецкой философии государства и права — по той простой причине, что оно приурочивается к Германии. Если бы мы приурочили его к *существующим* немецким порядкам, хотя бы и в единственно подобающей форме, а именно отрицательной, результат все же остался бы *анахронизмом*. Даже отрицание нашей политической современности является уже покрытым пылью фактом в исторической кладовой новых народов. Если я отношусь отрицательно к напудренным косам, я все еще имею перед собой ненапудренные косы. Отрицательно относясь к немецким порядкам 1843 г., я по французскому летоисчислению едва нахожусь в 1789 г., тем менее в самом фокусе современности.

Да, немецкая история гордится движением, которого на историческом небе до нее не сделал ни один народ» (Цит. пер. по изд.: Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, М. 1938, стр. 386).

Стр. 231. У заглавия заметки «Voltaire, Schiller und Goethe» (из «Обозрения печати»)—знак ×. Отчеркнуты и отмечены *N3* строки 16—30:

«...Um es zu wissen, brauchte er nur „Voltaire“ zu kennen. Alsdann hätte er es auch nicht für einen Vorwurf, sondern für einen grossen Ruhm gehalten, Voltaire's Nachfolger zu sein, denn das bedeutet nichtsgeringeres, als Geist haben und sein Jahrhundert beherrschen. Voltaire verdient den Hass der Beschränktheit in ganz Europa; und dass er ihn geniest, beweist nur seine Grösse. Göthe und Schiller haben das Jahrhundert der Aufklärung hinter sich, und sie werden nur deshalb nicht mit derselben Verfolgung beehrt, weil weder ihr Prinzip noch ihre Konsequenzen so schlagend hervortreten. Zudem ist kein Dichter primitiv. Er hat die alte Welt nicht zu zerstören. Sein Beruf ist es nicht, Prinzipien zu *finden*, sondern sie *auszubilden* und an die Massen zu bringen. Primitiv sind nur die Denker. Ein grosses Prinzip durchführen, ist aber natürlich eben so ehrenvoll, als es aufstellen».

Перевод:

«Чтоб это знать, достаточно было ему быть знакомым с „Вольтером“. Тогда бы он не счел за упрек, а за великую честь быть последователем Вольтера, ибо это означает ни больше ни меньше, как иметь живой дух и быть властителем своего века. Вольтер заслужил ненависть ничтожеств во всей Европе; и то, что он вкусил ее, доказывает только его величие. Гете и Шиллер имеют за собой век просвещения, и они только потому не заслужили чести такого же преследования, что ни их принцип, ни их взгляды не выступали так разительно. К тому же поэт — не пролагатель новых путей. Не его задача разрушать старый мир. Не его призвание *находить* принципы, а лишь их *воплощать* и доводить до масс. Пролагателями новых путей являются только мыслители. Распространение великого принципа не менее почетно, чем его установление».

Издание «Немецко-французских ежегодников» («Deutsch-Französische Jahrbücher»), задуманное К. Марксом и А. Руге в конце 1843 г., было осуществлено лишь в феврале 1844 г. и ограничилось одним сдвоенным номером. Название сборника было предложено Марксом и должно было подчеркнуть международный характер издания. Вся работа по выпуску журнала легла на Маркса, участие Руге было минимальным.

Впечатление, произведенное на Белинского журналом молодого Маркса, широко известно из часто цитируемого письма критика к Герцену от 26 января 1845 г.: «Кетчер писал тебе о Парижском Ярбухере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел,— и все тут. Истину я взял себе,— и в словах Бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре. Все это так, но ведь я попрежнему не могу печатно сказать все, что̀ я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать?— мертвый капитал» («Письма», III, 87).

Вопросам религии в «Немецко-французских ежегодниках» была посвящена только статья Маркса. Следовательно, именно из нее и взял себе Белинский истину, ярко осветившую ему подлинную роль религии в современном обществе.

Отмеченное Белинским стихотворение Гейне является памфлетом, направленным против короля Баварского Людвига I, проводившего, после революционного подъема 1830-х гг., реакционную политику и ориентировавшегося на реакционные клерикальные круги.

Группа «Писем 1843 г.» состоит из переписки Маркса, Руге, Бакунина и Фейербаха. Полный текст этой переписки в русском переводе опубликован в сочинениях Маркса и Энгельса (т. I, стр. 349—367). Белинским отчеркнута лишь часть письма Бакунина к Руге.

III Отделение получило от своего парижского агента Я. Толстого, при донесении от 4/16 марта 1844 г., один экземпляр «Deutsch-Französische Jahrbücher» с сообщением, что издание Руге и Маркса заполнено «гнусными подстрекательствами и опорочением всего, что достойно самого высокого уважения: ничему нет пощады, нет для этих людей ничего святого!» Агентом III Отделения участие Бакунина в журнале раскрыто не было. («Лит. наследство», № 31—32, 1937, стр. 605.)

215. La Revue Indépendante. Paris. 1846. Tome IV.

Без переплета. Сохранность хорошая.

Номер разрезан только на статьях: «Les romans dévots au dix-septième et au dix-neuvième siècles» par Eugène Maron, «Turgot» par Ch. Sedail, «Chronique politique» и «Bulletin Bibliographique».

Известный французский радикальный журнал «La Revue Indépendante», издававшийся с 1841 по 1848 г. Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо, имел большое влияние на радикальную интеллигенцию всей Европы. Белинский в пору своего увлечения утопическим социализмом находил в нем обильный материал по интересовавшим его вопросам. Журнал печатал в каждом номере подробную библиографию книг, выходивших во Франции, и особенно полно аннотировал книги социально-экономического характера, что давало возможность ориентироваться во всех новых литературных и политических явлениях.

216. Revue des Deux Mondes. Paris, le 15 Juillet 1846. Tome XV.

Без переплета. Сохранность удовлетворительная. Пометок нет.

Именно об этой книжке журнала Белинский несколько раз писал В. П. Боткину: «Вот уж сколько времени лежит у меня книжка „Revue des Deux Mondes“ с статьею об Огюсте Конте и Литтре— и не могу прочесть, потому что запнулся на гнусном взгляде этого журнала с первых же строк статьи. Беда мне с моими нервами! Что не по мне — действует на меня болезненно; но пересилю себя и прочту (письмо от 6 февраля 1847.— «Письма», III, 166). 17 февраля он пишет ему же: «Прочел я в „Revue des Deux Mondes“ статью Сессе о положительной философии Конта и Литтре. Сколько можно получить понятие о предмете из вторых рук, я понял Конта...» Далее Белинский дает свою известную характеристику Конта, Литтре и Сессе (Saisset). Он сообщает также Боткину, что в этом же номере журнала его очень заинтересовала статья «какого-то Tomà: „Un nouvel écrit de M. de Schelling“». («Письма», III, 173—176).

В ПАМЯТЬ
П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

АКАДЕМИК П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

НЕКРОЛОГ

Во время подготовки настоящего тома к печати редакция «Литературного наследства» понесла, вместе со всем советским литературоведением, тяжелую утрату. 4 апреля 1948 г. после длительной болезни умер главный редактор «Литературного наследства» Павел Иванович Лебедев-Полянский, член ВКП(б) с 1902 г., академик, один из виднейших и активнейших деятелей советской науки о литературе, директор Института литературы АН СССР (Пушкинского Дома), автор и редактор многих научных трудов по истории русской литературы и критики, воспитатель нескольких поколений советских литературоведов.

П. И. Лебедев-Полянский родился в 1882 г. в г. Меленках бывш. Владимирской губ. (см. ниже его автобиографию). С юных лет, начиная со студенческого периода, П. И. Лебедев-Полянский связал свою жизнь с революционным движением. Он многократно арестовывался, совершал побеги из тюрем. Осенью 1908 г., после очередного побега (из-под ареста финской охранки) эмигрировал и явился в Женеву к Ленину, с которым познакомился в начале 1907 г. в Куоккала. В эмиграции П. И. Лебедев-Полянский был вынужден провести около десяти лет. Вернувшись на родину в 1917 году, П. И. Лебедев-Полянский отдал все свои силы участию в строительстве новой, советской России. Был членом ВЦИК, Петроградского совета и Комитета РСДРП. После Великой Октябрьской социалистической революции П. И. Лебедев-Полянский был назначен, декретом Ленина, правительственным комиссаром литературно-издательского отдела Наркомпроса. С огромной энергией, в труднейших полиграфических условиях, он взялся за выполнение ленинской директивы о распространении в массах произведений русских классиков. Под его руководством в первые же годы советской власти были изданы собрания сочинений Белинского, Гоголя, Герцена, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Помяловского, Г. Успенского, Чехова и др. П. И. Лебедев-Полянский продолжал и в дальнейшем уделять много сил изданию и распространению классиков. В последние годы он был главным редактором академических изданий сочинений Пушкина, Белинского, Добролюбова.

Для деятельности П. И. Лебедева-Полянского как ученого характерно выдвижение на первый план проблем изучения великих классиков русской революционно-демократической мысли. Его книги о Добролюбове (1933), Чернышевском (1939) и Белинском (1945) пронизаны патриотической гордостью, стремлением разносторонне, на большом материале развития русской литературы, показать идейное богатство наследия революционных демократов, неразрывную связь их литературной деятельности с освободительной борьбой русского народа, с борьбой за переустройство общества.

Стремление поставить литературу на службу задачам пролетарской борьбы определяет научную деятельность П. И. Лебедева-Полянского во всех направлениях. Обличая представителей теории «искусства для искусства»,

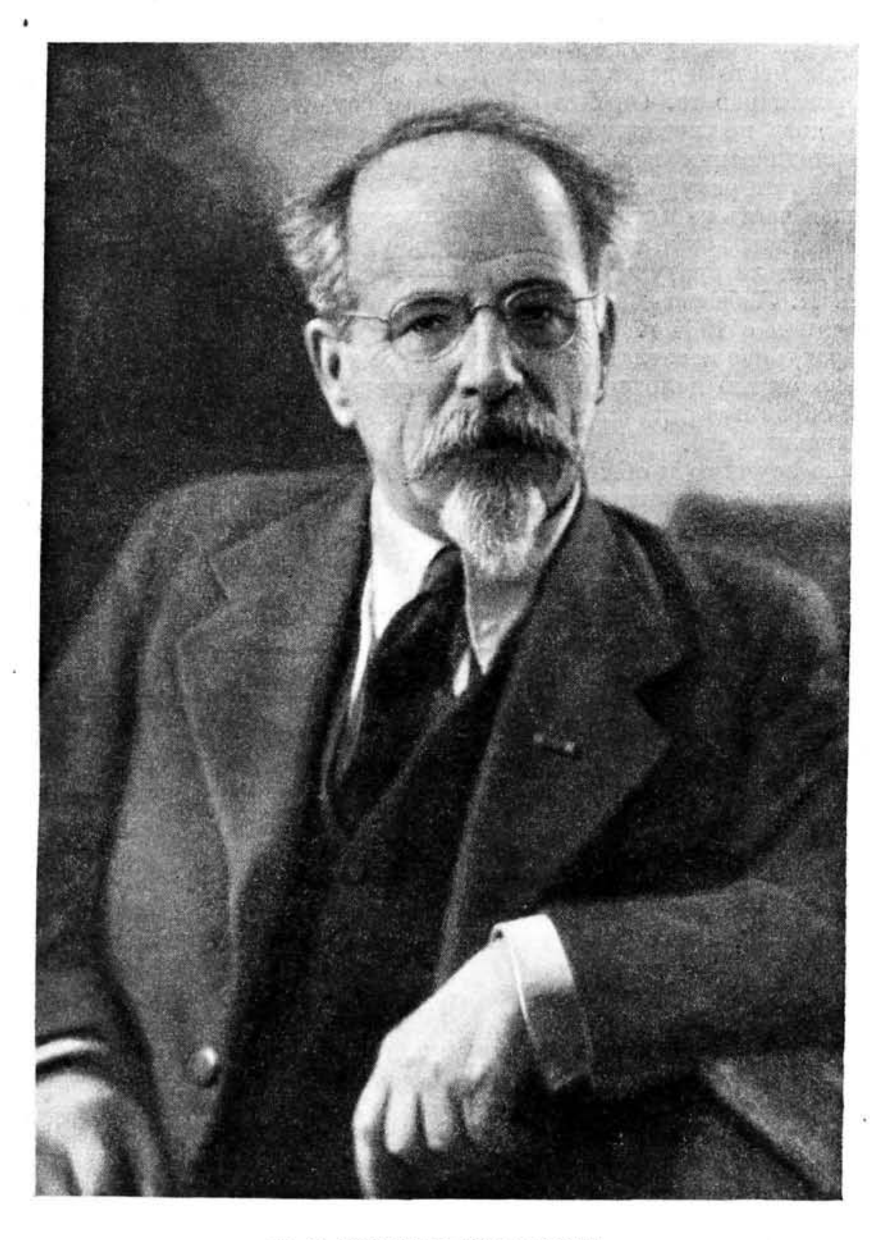
П. И. Лебедев-Полянский неустанно пропагандировал идею партийности в литературе. Анализируя литературно-критические принципы революционных демократов, он в своих капитальных монографиях о Белинском и о Добролюбове обосновывал огромную роль литературной критики для формирования литературы и для воспитания народа. П. И. Лебедев-Полянский одним из первых начал исследовательскую разработку классического литературно-художественного наследия в свете ленинских оценок великих русских писателей и ленинской концепции русского исторического процесса. Ему же принадлежит и одна из первых работ о литературных взглядах Ленина («Ленин и литература», М., 1924), оказавшаяся замечательным почином изучения неисчерпаемого богатства ленинских идей применительно к литературе и эстетике.

П. И. Лебедев-Полянский принимал активное и плодотворное участие в борьбе за правильное развитие советского литературоведения на всех его этапах, неизменно выступая против всяких уклонений от марксизма-ленинизма и его извращений. Методологическая линия П. И. Лебедева-Полянского проявлялась в его принципиальной борьбе с остатками либерально-народнических взглядов в литературоведении, позднее — с формализмом, с вульгарным социологизмом, с меньшевистской школой Переверзева.

В своих исследованиях о русской литературе П. И. Лебедев-Полянский выступал с резкой критикой попыток представителей буржуазного литературоведения исказить, принизить русских классиков. Нападая на враждебных марксизму ученых, он отстаивал классовость и партийность литературного творчества. С этой особенностью его работ связана свойственная П. И. Лебедеву-Полянскому публицистичность, темпераментность. Эти ценные для советского литературоведа черты обеспечили работам П. И. Лебедева-Полянского популярность в широких читательских кругах.

Будучи занят преимущественно вопросами истории литературы, П. И. Лебедев-Полянский не замыкался, однако, в кругу узко-академических интересов. В своих статьях, а затем и в книгах «На литературном фронте» (1924) и «Вопросы современной критики» (1927) он проявил себя как глубокий и многосторонний исследователь советской русской литературы. Ему принадлежит, в частности, ряд статей, направленных против враждебных пролетариату писателей и литературных направлений. Как член Союза советских писателей, академик П. И. Лебедев-Полянский и в последние годы выступал по вопросам развития советской литературы.

В качестве заместителя академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии Наук СССР и руководителя ряда литературоведческих учреждений, академик П. И. Лебедев-Полянский стремился направить внимание советских литературоведов к актуальным научным проблемам. В Институте литературы (Пушкинском Доме) П. И. Лебедев-Полянский, как директор и главный редактор основных трудов Института, руководил созданием многотомных коллективных исследований «Истории русской литературы» и «Истории русской критики». Вокруг этих изданий он объединил лучшие силы советской науки о литературе и постоянно подчеркивал необходимость по-новому, в свете марксистско-ленинской теории, переосмыслить всю историю литературного развития. Он указывал на необходимость бороться со всякими пережитками взглядов на историю литературы как на область, не имеющую прямых связей с сегодняшним днем, и требовал всемерно поднимать роль литературоведения как мощного средства идейного воспитания народа. Эти же принципы П. И. Лебедев-Полянский проводил в своей работе и как заведующий кафедрой теории и истории литературы Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и как руководитель секции литературы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.



П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ
Фотография 1947 г.

Замечательным качеством академика П. И. Лебедева-Полянского было его любовное, заботливое отношение к научной молодежи. Он всемерно стремился обеспечить высокий идейный уровень и отличную профессиональную подготовку молодых литературоведов, смело выдвигал их, поручал им разработку актуальных тем.

Большое место в деятельности П. И. Лебедева-Полянского занимала редакторская работа. Он был образцовым редактором многих капитальных трудов по истории русской литературы и критики, а также ряда периодических изданий (перечень их см. ниже, в разделе «Библиография литературных работ П. И. Лебедева-Полянского»).

Бо̀льшая часть из пятидесяти вышедших томов «Литературного наследства», в которых опубликовано обширное собрание материалов по истории русской литературы и общественной мысли, создана под руководством П. И. Лебедева-Полянского, как главного редактора нашего издания, начиная с 1934 г.

«Литературное наследство» потеряло в лице П. И. Лебедева-Полянского не только своего долголетнего руководителя, но и первого друга. Его светлый образ навсегда сохранится в нашей памяти, как и в памяти всех людей, знавших его.

За свою научную и общественную деятельность П. И. Лебедев-Полянский был награжден орденом Ленина.

Постановлением Совета Министров СССР от 2 мая 1948 г. «Об увековечении памяти русского ученого-литературоведа, академика П. И. Лебедева-Полянского» его имя присвоено Владимирскому учительскому институту, а для студентов Института установлены две стипендии имени ученого-большевика. Две стипендии имени П. И. Лебедева-Полянского установлены также для аспирантов Института литературы Академии Наук СССР. Кроме того, Совет Министров СССР поручил Президиуму Академии Наук СССР издать в 1948—1950 гг. собрание научных трудов академика П. И. Лебедева-Полянского.

Редакция «Литературного наследства»

АВТОБИОГРАФИЯ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

Лебедев Павел Иванович (партийный и литературный псевдоним Валерьян Полянский), старый большевик-коммунист, родился 2 января 1882 г. н. ст. в г. Меленках, Владимирской губ. Детство провел в бедной мещанской обстановке. Отец был мелким чиновником без образования, мать — почти неграмотная. Испытывая бедность и жестокость жизни, я проклинал бога, в детской надежде, что он поразит меня на месте. И тут навсегда утратил религиозность. Девяти лет меня отдали в духовное училище, полагая, что духовенству живется легче, чем какому-нибудь другому низшему сословию.

К чтению приохотился рано, читал много и без разбора: и религиозно-патриотические книжки, и романы Жорж-Санд, и Жюль-Верна. Отказывая себе в самом необходимом, покупал лубочные книги: «Черного монаха», «Английского милорда», «Как львица воспитала царского сына» и др. Классиков читать не позволяли.

В то время в народных массах ходили слухи, что есть какие-то социалисты, которые убили царя, не верят в бога, за это их мучают в Петропавловской крепости, где механически раздвигаются полы, заключенные падают в Неву и тонут. Я мечтал стать социалистом. Способствовали этому и жития святых: описания всяких мучений воодушевляли на подвиг и давали силу.

Четырнадцати лет меня перевели в семинарию. На первом же году учения я стал усердным читателем «подпольной» библиотеки, организованной старшими семинаристами, где было немало нелегальных книг, частично рукописных. Биография Добролюбова в издании Павленкова была первой книжкой, которая открыла мне новый мир. Потом пошли сочинения Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Белинского, Герцена, журналы «Современник» и «Отечественные записки», наконец, русская классическая художественная литература. «Кто виноват?», «Былое и думы», «Что делать?» и «Знамения времени» перечитывались по нескольку раз, укрепляя в сознании социалистические настроения. Увлекался Некрасовым, Г. Успенским и Щедриным. Читать уходил в лес или в поле, книги прятал в дровах, в матраце, на чердаке. Под влиянием Писарева и Дарвина увлекся естествознанием, и у меня созрело решение поступить в университет на естественное отделение.

В 1900 г., девятнадцати лет, я познакомился с марксизмом, прочитал книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», затем «Манифест Коммунистической партии», отдельные сочинения Маркса и Энгельса, Эрфуртскую программу немецкой социал-демократии. Мировоззрение мое определилось, я приобрел уверенность. Начал вести пропаганду среди учащихся и рабочих, писал социалистические стихи и рассказы. У учебного начальства был на счету как «неисправимый социалист». У меня производили несколько раз обыски, отбирали нелегальную с.-д. литературу, грозили уволить без права поступления в какое-либо учебное заведение. Затаив злобу, я внешне примирился с требованиями

начальства и даже обещал по окончании семинарии поступить в духовную академию. Я кончил семинарию по первому разряду со званием студента, но в академию не пошел. Несмотря на сопротивление родителей, поступил в Юрьевский университет, выдержав вступительные экзамены на медицинский и историко-филологический факультеты.

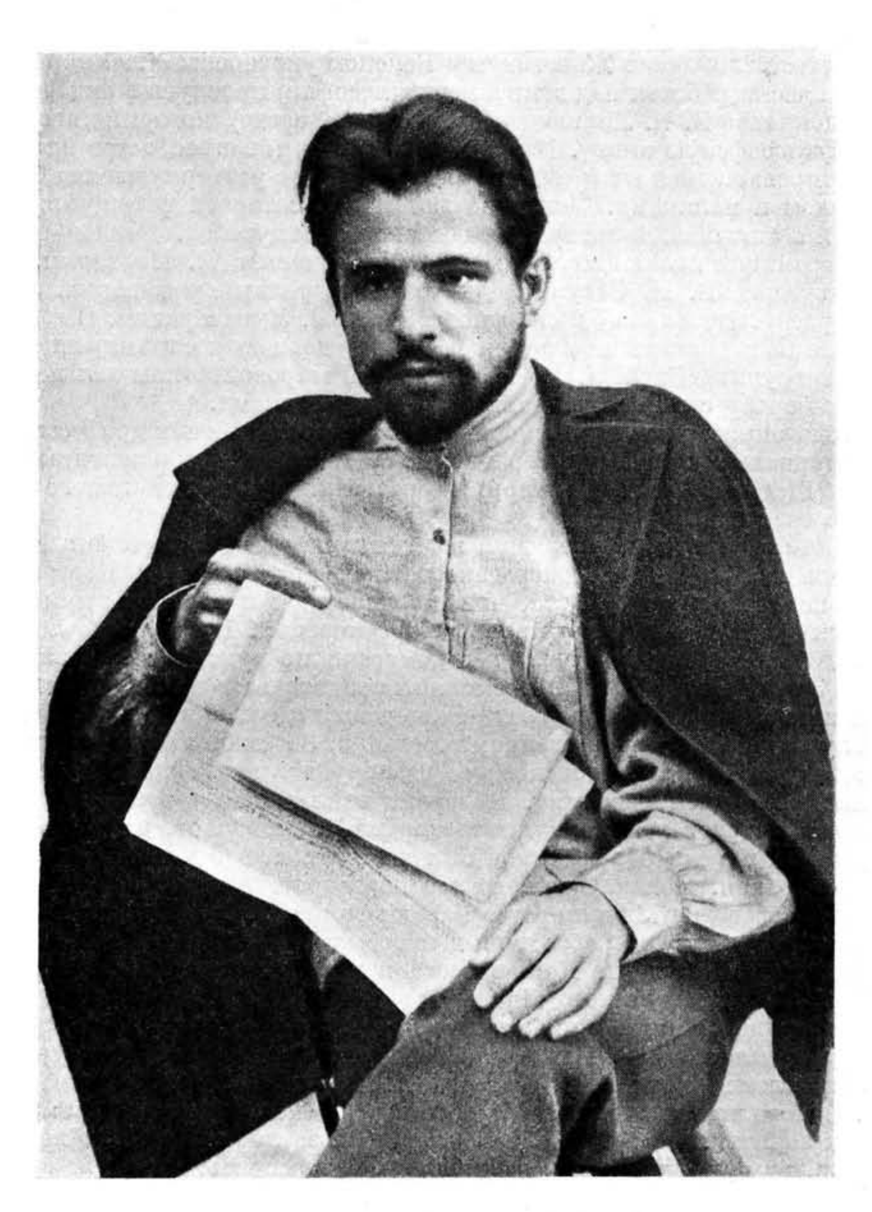
Осенью 1902 г. в Петербурге я познакомился со студентами социал-демократами, вошел в партийную группу, стал «искровцем», зачитывался в «Заре» «Критикой наших критиков». Неизгладимое впечатление произвела брошюра В. И. Ленина «Что делать?». Помимо медицинских и естественных наук занимался историей (сочинения Карамзина, Забелина, Костомарова, Соловьева, Ключевского читал до поступления в университет), государственным правом (изучал Коркунова), политической экономией, и особенно — русской литературой. К этому времени я довольно основательно изучил сочинения Белинского, Чернышевского, Добролюбова, практически знал, в каком отношении они являлись предшественниками русской революционной социал-демократии. Познакомился с работами Пыпина, с его историей литературы и историей этнографии, с работами Буслаева и с рядом других работ по истории русской литературы. Лекции по русской литературе слушал у здравствующего ныне члена-корр. АН СССР проф. Е. К. Петухова.

19 февраля 1904 г., во время политической демонстрации, был арестован за пропаганду и распространение нелегальной литературы. Сидел в Юрьевской тюрьме вместе с Г. Махарадзе, впоследствии членом с.-д. фракции в Государственной думе. Тогда-то и созрело у меня решение стать революционером-профессионалом. Осенью, по постановлению Рижской судебной палаты, был выслан до суда под гласный надзор полиции во Владимир, на р. Клязьме. Там был членом Городского комитета РСДРП(б).

Живя во Владимире, усиленно занимался общественными науками, изучая главным образом «Капитал» К. Маркса, историю революции, аграрный вопрос, интерес к которому партийных работников в то время был особенно велик; вел пропаганду среди интеллигенции, учащихся и солдат, выезжал в города — Ковров, Муром, Меленки, посещал соседние фабрики и деревни, помогал восстанавливать ослабленную арестами большевистскую организацию. В октябрьские дни 1905 г. организовал первую в городе политическую демонстрацию, за что до полусмерти был избит черной сотней, а затем меня чуть не убили во время митинга в ближайшем селе Ундоле. Дальше — работа в Нижнем-Новгороде. Член Нижегородского губернского комитета РСДРП(б). Деятельность моя за эти годы довольно подробно рассказана в изданиях по истории партии Владимирской и Нижегородской губ. и в воспоминаниях отдельных товарищей.

После Сормовского, Канавинского и Молитовского вооруженного восстания был арестован. Просидел 14 месяцев в ожидании каторги. Весной 1907 г. бежал из тюрьмы и по решению большевистского центра был направлен тов. Н. К. Крупской на юг, в г. Николаев, для подготовительной работы к Лондонскому съезду партии, но из-за обнаружившегося в организации предательства вынужден был вернуться на север. Поселился в г. Выборге, где вел работу в военной организации среди русских рабочих, входил в финскую с.-д. партию. В Финляндии я познакомился с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, Н. А. Рожковым, А. А. Богдановым, А. В. Луначарским, А. Г. Шлихтером и многими другими деятелями большевистской фракции. Начал усиленно заниматься историей философии, не прерывая, однако, занятий чисто литературных.

Осенью 1908 г. был снова арестован, но бежал из финской охранки и с помощью финских социал-демократов переправился в Женеву, в центр тогдашней эмиграции.



П. И. ЛЕБЕДЕВ («ТОВАРИЩ ВАЛЕРЬЯН»)

Фотография 1905 г.

За границей, как и все время до того, — полуголодная жизнь. Мыл в ресторане посуду, натирал полы, позже занимался частной педагогической деятельностью и иллюстрированием медицинских работ. За годы эмиграции слушал лекции по истории западных литератур, истории, психологии, естествознанию в Женевском и Венском университетах. Упорно и систематически работал над вопросами философии, прослушал ряд философских докладов В. И. Ленина (в товарищеской среде), который писал тогда свою философскую книгу. Изучал национальный вопрос, остро в то время дискутировавшийся в партийных рядах в связи с развернувшейся борьбой с Бундом и поляками. Усиленно занимался историей французской, немецкой и английской литератур, особенно французской.

За границей познакомился с Г. В. Плехановым, Л. Мартовым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и другими деятелями российской социал-демократии. Довольно близко сошелся с А. В. Луначарским. В годы разделения большевиков на «ленинцев», «впередовцев» и «примиренцев» был членом группы «Вперед». Во время первой мировой войны вел непримиримую борьбу с социал-патриотами и меньшевиками.

В годы эмиграции сотрудничал в петербургских рабочих профессиональных журналах, помещая литературные статьи о русских и западных писателях (Щедрин, Чехов, Верхарн) и о развитии профессионального движения за границей.

После февральской революции возвратился через Германию в Россию. Был членом ВЦИК, Петроградского городского совета и Петергофско-Нарвского районного совета, членом городской и районной дум и различных культурно-просветительных организаций. В июльские дни Петроградским советом был выбран в комиссию по руководству движением. После 3 июля был арестован Временным правительством. Посаженный сначала в подвалы Генерального штаба, пережил здесь приготовления к расстрелу за участие в вооруженном восстании. Затем был переведен в «Кресты», откуда был выпущен позднее на поруки и под залог определенной суммы, собранной рабочими. Во время заключения заочно был избран в члены Петроградского комитета партии большевиков, а Центральным Комитетом партии большевиков был рекомендован в члены Учредительного собрания. В дни Октябрьского переворота ликвидировал Синод и Ученый совет при Министерстве народного просвещения.

После Октябрьской революции декретом за подписью Ленина был назначен членом коллегии Наркомпроса и правительственным комиссаром литературно-издательского отдела Наркомпроса. Провел декрет о национализации изданий классиков художественной литературы и широко развернул издание русской классической художественной литературы, для чего привлек к работе В. Я. Брюсова, А. А. Блока, В. В. Вересаева и других. С этого времени литература становится основным предметом моих научных занятий. Но я продолжал следить и за литературой по вопросам физики, химии, физиологии и биологии, интересуясь, в первую очередь, статьями мировоззренческого характера.

В 1918 г. был избран председателем Всероссийского совета Пролеткульта. Во время II Конгресса Коминтерна организовал Международное бюро Пролеткульта и был избран секретарем Бюро. Сотрудничал в петербургских журналах: «Юный пролетарий», «Студенческая правда», в центральном органе партии «Правда», а затем в журнале «Пролетарская культура», отстаивая идею пролетарской культуры, пролетарской литературы. Принимал ближайшее участие в организации пролетарского университета им. Я. М. Свердлова.

Во время гражданской войны редактировал газету Реввоенсовета южного фронта «Красная звезда» и ревизовал политическую работу фронта.

В 1919 г. был избран профессором в только что организованной тогда Коммунистической Академии, а затем действительным членом Академии, читал лекции о современной русской литературе.

В то же время партия послала меня работать в ВСНХ, где я являлся членом Центральной производственной комиссии и начальником Главного управления учета и статистики промышленности. Литературная работа, однако, не прерывалась. Я редактировал журналы: «Литература и искусство» и «Творчество»; сотрудничал в журналах: «Под знаменем марксизма», «Печать и революция», «Жизнь», «Современник», «Воинствующий материалист», «Рабочий журнал», «Красная новь» и др., давая туда статьи по вопросам литературоведения и критики.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.
25/XII 1918 г.
№ 22462.

Вход. № А/28330
26 ДЕК
Управление делами

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Пред'явитель сего, Павел Иванович ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, постановлением Совета Народных Комиссаров от 24-го декабря с/г. назначен членом Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению.

Председатель Совета
Народных Комиссаров: В. Ульянов (Ленин).

Секретарь: А. Фотиева

ПОДПИСАННОЕ В. И. ЛЕНИНЫМ УДОСТОВЕРЕНИЕ, ВЫДАННОЕ П. И. ЛЕБЕДЕВУ-ПОЛЯНСКОМУ 25 ДЕКАБРЯ 1918 г., О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО ЧЛЕНОМ КОЛЛЕГИИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Москва

В 1921 г. был назначен начальником Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит) и вел эту работу десять лет. В эти же годы был профессором Московского гос. университета по кафедре истории русской литературы, действительным членом Научно-исследовательского института языка и литературы в Ранионе, где руководил секцией критики, публицистики и журналистики. Был членом Бюро секции литературы и искусства в Комакадемии, руководил там работой по истории критики и работой кабинета пролетарской литературы; был членом Гос. Академии искусств, руководя здесь той же работой; был членом научно-политической секции ГУС'а, членом Главной редакции «Литературной энциклопедии», «Малой Советской энциклопедии», «Большой Советской энциклопе-

дии», руководя в этих изданиях отделами литературы, языка и искусств, редактировал журналы: «Литература и марксизм», «Русский язык в советской школе».

В своих статьях я отстаивал идею пролетарской литературы, всегда подчеркивал необходимость критического изучения художественного наследства прошлого, вел идеологическую борьбу против так называемого «формального метода» в литературоведении, против либерально-народнических взглядов проф. П. Н. Сакулина, «социологического метода» проф. В. А. Келтуялы, меньшевистских извращений марксизма у проф. В. Ф. Переверзева.

В настоящее время член Главной редакции Гос. института «Советская Энциклопедия». Редактирую академические издания классиков художественной литературы и критики: Пушкина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского. Главный редактор «Литературного наследства», член Главной редакции «Известий Отделения литературы и языка Академии Наук СССР». Главный редактор десятитомной Истории русской литературы, издаваемой Академией Наук СССР. Директор Института литературы Академии Наук СССР. Зам. академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии Наук СССР. Имею ученую степень доктора филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии Наук СССР.

За годы советской власти выпустил работы: «На литературном фронте», «Вопросы современной критики», «Некрасов», «Островский», «Н. А. Добролюбов», «Чернышевский», «В. Г. Белинский», «Три великих русских демократа». В ряде изданий (в журналах, энциклопедиях, в виде предисловий к отдельным сочинениям в газетах) поместил большое количество статей по вопросам теории литературы, истории русской литературы и критики, а также об отдельных писателях.

14 января 1947 г.
Москва

В. Г. БЕЛИНСКИЙ*

Статья П. И. Лебедева-Полянского

I

Тургенев в своих воспоминаниях назвал Белинского «центральной фигурой» эпохи, поскольку гениальный русский критик поставил перед общественным сознанием своей страны основные вопросы ее судеб, с исторической неизбежностью вытекавших из ее развития. И не только поставил, но и сумел разрешить их, насколько позволяли условия того времени. В критике и истории русской литературы не раз отмечалось, что «Белинский был не только свидетель, но и судья целой замечательной эпохи в истории нашего развития; он пережил ее, как никто из его современников, так как ни один из них не обладал в такой степени способностью откликаться на все самые разнородные вопросы духовной и материальной жизни,— вопросы, которые приходилось тогда не только обсуждать, но угадывать, намечать и ставить». По свидетельству Тургенева, великий критик «чувствовал русскую суть, как никто», он «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне» и «ни один из его товарищей-наставников не был в состоянии заменить его, делать его дело».

Плеханов в своих работах о Белинском со всей силой своего таланта показал, что великий русский критик обладал чутьем «гениального социолога». Выражая настроения крепостного крестьянства, критик, лучше чем кто-либо из его современников, понял путь общественного развития России и указал, что «самый живой» вопрос современности — уничтожение крепостного права и свержение самодержавия.

Статьи Белинского — ценнейший исторический документ.

В своей работе «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» Ленин писал: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом" Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (В. И. Ленин. Сочинения. Т. XXV, стр. 175).

---

* Последняя статья, над которой работал Павел Иванович, была посвящена Белинскому, чье имя, наряду с именами Чернышевского и Добролюбова, всегда находилось в центре исследовательского внимания покойного ученого. Статья, писавшаяся осенью 1947 г., осталась незавершенной. В архиве П. И. Лебедева-Полянского сохранилась черновая и незаконченная рукопись первой части этой работы, а также ряд выписок и набросков, относящихся к ней. Печатаемый здесь текст смонтирован из этих материалов.— Ред.

Ленин не упоминает здесь имени Белинского. Но, датируя начало поисков «правильной революционной теории» в России сороковыми годами, Ленин имеет, разумеется, в виду и Белинского, доля которого в этих исканиях и в этих страданиях была столь велика. Не кто иной, как именно Белинский, одним из первых «выстрадал» на русской почве переход от идеализма к материализму. Причем, если в Западной Европе этот процесс занял ряд десятилетий, то Белинский свершил его в тринадцать лет.

Путь развития критика определялся всем своеобразием русской исторической жизни той эпохи. По характеристике Герцена, это была эпоха «внешнего рабства и внутреннего освобождения». Противоречия русской действительности, естественно, отразились и на всей деятельности критика. Развитие Белинского шло путем сложным и бурным; это был процесс страстных исканий, колебаний, нравственных терзаний, но это был непрерывный и верный путь от «идеализма к материализму, от романтизма к реализму». «Его противоречия и изменения мнений, — писал А. Григорьев, — могли казаться противоречиями и изменениями только людям, действительно ограниченным в его эпоху. Для него самого, для его учеников, т. е. для всех нас более или менее, это были моменты развития, моменты стремления к истине». Преодолевая идеалистические системы, отталкиваясь от них, проникаясь материалистическими идеями, а главное глубоко и всесторонне понимая исторический путь своей страны, критик указал, что России суждено великое будущее, что она скажет миру свое великое слово и встанет во главе цивилизованного свободолюбивого человечества.

По своей натуре Белинский был боец. Ему нужна была такая трибуна, с которой он мог бы «огненными словами и живыми образами» обращаться к самой широкой народной аудитории. Критик горько жаловался: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи» («Письма», III, 184). Несмотря на это, Белинский все же выразил свою, по словам Герцена, «самую революционную натуру» как в статьях, так и особенно в письмах, а также в беседах и спорах с друзьями. Недаром комендант Петропавловской крепости, генерал Скобелев, цинично спрашивал критика: «Когда же к нам, у меня совсем готов тепленький каземат, так для вас и берегу». Недаром князь П. А. Вяземский, ярый враг Белинского, дал критику такую характеристику: «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах» («Русский архив», 1885, № 6, стр. 317—318).

Стасов, характеризуя идейное могущество критики Белинского, вспоминал: «Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в том не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники» (В. В. Стасов. Соч. Т. III, СПб., 1894, стлб. 1681).

Белинский был литератор, критик, всю свою жизнь он слил с литературой, литература для него была отражением жизни, даже «самой жизнью», как он иногда писал. В литературно-критическую деятельность он вложил весь свой гений, всю свою пламенную, страстную ненависть к поработителям и угнетателям народа и всю неугасаемую любовь к народным массам.

Критик признавался: «Я душевно люблю православный, русский народ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе...» (II, 343). Вдумываясь в историю своей страны, он видел, что «дух народный был велик и могущ», что Россия, несмотря на свою молодость, кипит умами и талантами. Любовь Белинского к родному народу особенно ярко и страстно сказалась в знаменитом зальцбруннском письме критика к Гоголю по поводу его «Переписки с друзьями». Полный гнева, Белинский внушал автору этой реакционной антинародной книги, что у русского народа «слишком много... здравого смысла, ясности, положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем» («Письма», III, 233—234). А это будущее критик представлял себе величественным.

«Нам русским, — писал Белинский, — нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении». Мы «выдержали с честию не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль...» (X, 401). И Белинский предсказывал, что это новое слово скажут внуки. Он был убежден, что назначение русского народа в том, чтобы «слить в себе все элементы всемирно-исторического развития» и возвестить миру приход новой, светлой и лучшей жизни. «Завидуем внукам и правнукам нашим, — писал он, — которым суждено видеть Россию в 1940-м году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Со всей силой своей мысли и страсти Белинский наносил удары самодержавно-крепостническому порядку, который не только задерживал историческое развитие русского народа, но и калечил его характер, подавлял таящиеся в нем великие творческие силы. Ненависть к самодержавию и крепостничеству сказалась уже в юношеской драме «Дмитрий Калинин», написанной Белинским в студенческие годы. Произведение это не отличалось художественными достоинствами, не было в нем и политической программы, но ненависть к существующему строю, защита свободы и независимости человеческой личности были выражены со всей остротой и страстностью. Драма была признана Московским университетом «опасной», автору грозили ссылкой в Сибирь и лишением всех прав состояния.

Любовь Белинского к народу требовала своего активного выражения, а для этого нужны были научное мировоззрение и ясная политическая программа. В своей литературной деятельности критик сформулировал то и другое.

Ф. Энгельс однажды заметил: «Незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, пришлось изобретать, создавать из головы» («Развитие социализма, от утопии к науке», М., 1940, стр. 42). Во времена Белинского Россия только еще становилась на путь капиталистического развития. И все же критик сумел подняться на такую высоту философской, экономической и историко-политической мысли, что Ленин назвал его имя в ряду предшественников социал-демократии, указывая тем самым, что в мировоззрении критика уже наличествовали такие элементы (материализм и диалектика), которые в своем дальнейшем развитии неизбежно должны были привести к теории диалектического материализма.

Белинский много и пристально изучал историю русского народа, его характер, быт, нравы, верования. Большое внимание он уделял народному поэтическому творчеству, полагая, что в нем наиболее свободно и глубоко

выявляется душа народа. Одновременно он изучал и овладевал культурой Западной Европы, ее философией, эстетикой, литературой, историей. Сравнивая свою страну, находившуюся под игом крепостнического рабства, с передовыми тогда странами Западной Европы, Белинский видел, что Россия, в силу ряда исторических обстоятельств, особенно в силу пережитого татарского ига, задержалась в своем развитии. Остановив монгольское движение на Западную Европу, приняв весь удар на себя, русский народ тем самым защитил европейскую цивилизацию. В то время как Россия жила еще в условиях крепостного права, в ряде западноевропейских государств уже сложились зрелые капиталистические отношения и соответствующие им формы государственного и общественного строя. Поскольку русская действительность не давала ответа на ряд вопросов, мучивших передовых русских людей, они обращались к опыту Западной Европы. Еще в тридцатых годах критик писал: «В это десятилетие мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы». При этом Белинский подчеркивал, что русский человек, изучая чужое, «кладет тип своего гения на свои заимствования», что русский человек «никогда не подражал, а только брал из-за границы формы, оставляя там идеи и одевая в эти формы свои собственные идеи» (II, 344), никогда не утрачивая своей самостоятельности и самобытности. Блестящим доказательством этого является умственное развитие самого Белинского. По воспоминаниям Тургенева, критик говорил, что «принимать результаты западной жизни», разумеется, следует, но при этом надо учитывать особенности нашей «природы, истории, климата» (И. Тургенев. Собр. соч. Т. XII, 1898, стр. 38). Белинский, по словам Тургенева, настаивал на критическом отношении к Западной Европе и ее культуре. И это понятно: он видел не только то, в чем Запад превосходил Россию, но и в чем он значительно уступал ей уже в ту эпоху. Белинский даже бросал гордый и дерзкий вызов передовым демократическим странам того времени, восклицая: «Пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пусты, трибуналы праздны», но умеет ли западноевропейский ученый «возвышаться до мировых идей», способен ли западноевропейский гражданин «нести в жертву отечеству и свои личные надежды и свои частные интересы?» Критик предупреждает, что вне этого всякая цивилизация бесплодна, «нравственность подозрительна», подразумевая под последней общественный строй. Обращаясь к русскому обществу, Белинский говорил, что со временем будет у нас и промышленность, и прекрасный транспорт, но не в этом главное — прежде всего нужен «настоящий» человек и совершенный общественный строй.

Враги критика, в борьбе с ним, не раз издевательски называли его «недоучившимся студентом». В действительности Белинский был одним из образованнейших людей своего времени, а в области своей специальности — литературы был образован как никто другой и к тому же обладал исключительным эстетическим чутьем. Как человек гениальный, он не просто собирал факты умственной и общественно-политической жизни Западной Европы, а все взвешивал, оценивал, многое оспаривал, многое отбрасывал, а то, что, по его мнению, могло быть полезно развитию России, органически перерабатывал и вносил в сокровищницу русской культуры. Владея основными высшими достижениями своего национального и мирового культурного развития, прекрасно зная настоящее своей страны и Западной Европы, Белинский неустанно смотрел вперед, в настоящем отыскивал ростки будущего. Когда же ошибался, быстро свои ошибки исправлял, не щадя своего самолюбия, и всегда оставаясь честным перед самим собою и перед обществом.

Изучением мировоззрения Белинского очень много занимался Плеханов. Несмотря на ряд положений, с которыми нельзя согласиться в наше вре-

мя, он прав в общей оценке личности и деятельности Белинского. Как известно, великие русские демократы Чернышевский и Добролюбов считали себя прямыми продолжателями дела Белинского, относились к нему с величайшим уважением, старались популяризировать его идейное наследство, оберегая последнее от попыток ложного толкования. Однако Плеханов указывал, что «при всем своем энтузиазме в отношении к Белинскому, Чернышевский, Добролюбов и их единомышленники не были в состоянии оценить во всей ее полноте роль Белинского в истории нашей общественной мысли». «Им мешала в этом случае отсталость современных им общественных отношений России»,— указывает Плеханов и говорит:

«Только тогда, когда развитие этих отношений значительно подвинулось вперед, только тогда, когда сама жизнь свела на конкретную,— т. е. экономическую,— почву великий спор между славянофилами и западниками о том, по какой исторической дороге суждено итти нашему отечеству,—только тогда явилась, наконец, возможность дать всестороннюю оценку литературной деятельности Белинского. Только тогда стало ясно, что Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, но также обнаружил изумительную проницательность в постановке,— если не в решении,— самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития. А когда стало ясным это обстоятельство, тогда само собой выяснилось и то, что уже недостаточно сказать о Белинском: «до сих пор влияние его литературной деятельности чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного», тогда стало очевидно, что к этому необходимо прибавить, что *и до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличность которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“*» (Г. В. *Плеханов*. Сочинения. Т. XXII, стр. 166—167).

В наше время, когда Россия стала страной социалистической, советской и вступила в фазу строительства коммунизма, поправка Плеханова к суждениям Чернышевского уже недостаточна. Историческое значение великого критика выявилось еще ярче и не только как русского Лессинга, не только как гениального социолога и основоположника русской классической философии, но и как предшественника русской социал-демократии, по определению Ленина.

Теперь мы можем сказать с большей твердостью и широтой, чем сказал Плеханов, что, доживи Белинский до нашего времени, он «с обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами приветствовал» бы социалистическую родину и «искренне позавидовал бы тем счастливцам», которые призваны это отечество укреплять, неся человечеству новую жизнь.

II

Ленин в своей работе «Что делать?» учил, что «*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, чтò это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...» (Сочинения. Т. IV, стр. 380—381). Действительно, Белинский придавал теории исключительное значение. Эту теорию он,

прежде всего, усматривал в философии, конечные обобщающие выводы которой покоятся на последних достижениях науки и фактах действительности. Критик прекрасно видел, что не всякая теория, не всякая философия, которая господствует в жизни, способствует разрушению старого мира, а тем более созданию нового общества.

Белинский стремился создать и создал такую философию, которая наилучшим образом в те времена выражала интересы и настроения крестьянских масс, трудового народа. Вся литературно-критическая деятельность Белинского свидетельствует о том, что теорию он не мыслил в отрыве от практики. Когда оказывалось, что теория противоречит действительности, не служит интересам народа, он отбрасывал ее; терзаемый нравственными мучениями, он искал новые принципы, которые удовлетворяли бы его требованиям служения народу.

Мысль Белинского обладала исключительной силой обобщения. Это видели современники критика. В. Ф. Одоевский утверждал, что Белинский «был одною из высших философских организаций, какие он когда-либо встречал в своей жизни». То же самое свидетельствует и Герцен, когда, говоря об отношении критика к диалектике Гегеля, пишет, что Белинский понял диалектический метод лучше, чем «все схоласты, изучавшие его до потери волос и сознания».

Однако в философии Белинского интересовали не системы сами по себе, а то, какой ответ они могли дать на стоявшие перед страной основные вопросы ее развития. Тургенев, вспоминая те времена и бесконечные философские беседы, заметил, что они «тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления». Подтвердил это и Плеханов, когда, раскрывая философские взгляды Белинского, писал, что критик в философии искал пути к общественному счастью.

Выступив в «Литературных мечтаниях» как романтик, признавая теоретически господство высшей абсолютной идеи над действительностью, Белинский поставил перед русской общественной мыслью, перед русской художественной литературой задачу постоянно осуществлять стремление к высшему идеалу. Выдвинув идею беспрерывного развития, критик указал, что человек по существу своей природы призван решать мировые вопросы, а так как он в своих возможностях ограничен, то достижение высшего идеала под силу только обществу, в котором стремления и деятельность каждого индивидуума сливаются в единое «общее хотение и действование». Однако индивидуумы по характеру своему различны, и, чтобы достигнуть необходимого единодушия, надо воспитывать как отдельного человека, так и общество.

Установив, что все в природе и обществе идет путем беспрерывного развития, что это развитие проявляется в мире «борьбой добра со злом», что народы как носители «высшего идеала» должны способствовать торжеству добра, критик обращается к окружающей его действительности крепостнического рабства и бесправия. Он питает к этой действительности «дикую вражду», поскольку она являлась полным отрицанием «высшего идеала». Белинский отказывается признать, что существующий самодержавно-крепостнический режим незыблем. Вглядываясь в историю французской революции, он усматривает там поучительные для себя примеры. Полагаться на то, что все со временем совершится само по себе, путем естественного постепенного развития, он не мог. Он считал, что сознавать социальное зло, понимать несовершенство общества и молчать есть величайшее преступление человека. Белинский поставил вопрос о высоком назначении человека и о его жизненных путях. Критик видел два пути. Один путь это — жизнь, полная животного эгоизма, удовлетворение которого идет за счет крови и слез ближнего. Другой путь он сформулировал в «Литературных мечтаниях» так: «Отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри

ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастия других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага...» (I, 319). Здесь же Белинский заявлял: «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, без действования нет жизни» (I, 320). Совершенно очевидно, что критик, даже в ранний период своего развития, живя идеями романтического героизма, все время обращался к действительности и призывал к революционному действованию, хотя еще во имя абстрактного идеала.

Как же человек и народы могут содействовать и облегчать процесс совершенствования общества? Обращаясь к прошлому как русского, так и других народов, особенно же к историческому опыту Франции, к практическим шагам передовых людей французской революции 1789 г., Белинский учится действовать «по-робеспьеровски». Критик видел, что история временами движется очень медленно, временами же ее развитие совершается стремительно и бурно. В годы «Литературных мечтаний» Белинский еще не пытался объяснить причины этой неравномерности, он еще не знал действительных причин развития, но он уже хорошо усвоил идею активного вмешательства человека и народов в судьбы своей страны.

Идейное развитие Белинского с первых его шагов и до самой смерти представляет единый органический процесс, внутренне стройный и последовательный в своем течении, несмотря на бурные, «кризисные» формы своего внешнего проявления. И если уж надо намечать этапы, периоды этого движения, то следует констатировать, что первый период развития продолжался немногим более трех с половиной лет.

В 1838 г. Белинский познакомился с философией Гегеля. Его поразила гегелевская формула: «Что разумно, то действительно, что действительно, то разумно». Критик принял эту формулу в ложном истолковании Бакунина, в том смысле, что всякая действительность разумна, следовательно разумна и русская действительность. С присущей ему «экстремой» Белинский увлекается открывшейся ему новой «истиной». «Д е й с т в и т е л ь н о с т ь! — пишет он Бакунину в 1838 г. — твержу я, вставая и ложась спать, днем и ночью, — и действительность окружает меня; я чувствую ее везде и во всем, даже в себе, в той н о в о й перемене, которая становится заметнее со дня на день» («Письма», I, 229).

В свете новой «истины» разуму уже не принадлежит главенствующая роль. Разум лишь проникает в сущность идеи, познает явления со всех сторон, он «не создает действительности, а сознает ее, предварительно взяв за аксиому, что все, что есть, все то необходимо, и законно, и разумно» (II, 438). Разум не дает оценки эпохам и народам, для него все эпохи «равно велики и важны». Все в жизни — «блаженство и радость, страдание и отчаяние, вера и сомнение, деятельность и бездействие, победа и падение, борьба, раздор и примирение, торжество страстей и торжество духа, самые преступления, как бы они ни были ужасны, — все это для него явления одной и той же действительности, выражающие необходимые моменты духа, или уклонения его от нормальности, вследствие внутренних и внешних причин. Но разум не остается только в этом объективном беспристрастии: признавая все явления духа равно необходимыми, он видит в них бесполезную лестницу, не лежащую горизонтально, а стоящую перпендикулярно, от земли к небу, и в которой ступени прогрессивно возвышаются одна над другой» (IV, 479).

Конечно, «примирение» с русской действительностью — громадная ошибка Белинского, столь беспощадно и страстно осужденная вскоре им же самим. Но, как прекрасно показал Плеханов, «примирение» с русской действительностью не означало, что Белинский «принял существующий порядок или, тем более, стал его охранителем». Плеханов показал, что и в период «примирения» критик «был ближе к научному пониманию обще-

ственных явлений, чем наши нынешние сторонники старых устоев» (имеются в виду народники).

Белинский, как известно, очень скоро понял, что «не все то действительно, что существует в действительности». Гегель признал идеалом прусскую монархию. Белинский же был очень далек от того, чтобы усматривать в монархии идеал русской жизни, для него монархия была только определенным этапом в историческом развитии русского народа и государства. «Гегелева философия,—писал Чернышевский,—вселила в своих русских последователей глубокое сознание, что действительность достойна внимательного изучения, потому, что истина достигается только строгим всесторонним исследованием, а не произвольными умствованиями или сладкими мечтами» (Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. Эстетика. Критика. М., 1934, стр. 383). Развивая эту мысль, Плеханов подчеркнул, что «если Белинский в первой фазе своего развития жертвовал действительностью ради идеала, а во второй — идеалом ради действительности, то в третьей и последней фазе он стремился примирить идеал с действительностью посредством идеи развития, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из «абстрактного» в конкретный... Это была великая задача. Пока люди не умеют решать такие задачи, они не могут сознательно влиять на свое собственное и общественное развитие и потому остаются игрушкой случайности. Но, чтобы поставить перед собою эту задачу, нужно было разорвать с абстрактным идеалом, поняв и прочувствовав его полнейшее бессилие. Другими словами: ему надо было пережить момент примирения с действительностью. Вот почему этот момент делает ему величайшую честь. И вот почему он сам впоследствии считал его началом своей духовной жизни» (Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. X, стр. 242—243).

Отстаивая «идею развития» общества, Белинский утверждал: «Необходимость перемен и улучшения должны указываться самими обстоятельствами и при помощи обстоятельств должны совершаться перемены и улучшения». Философия Гегеля была философией «абсолютной истины», и эту идеалистическую философию критик не принял, он отверг ее. Но Белинский не только и не просто отверг Гегеля, он показал при этом, что и сама гегелевская философия есть продукт определенных исторических условий.

В Западной Европе процесс развития общественной мысли шел от Гегеля к неогегельянству, от философии абсолютного идеализма — к философии материализма. Аналогичный процесс происходил и у нас в России. В этом процессе Белинский сыграл величайшую роль. Когда Чернышевский указывал, что русские мыслители самостоятельно, «собственными силами» подвергли всесторонней и глубокой критике гегелевскую философию, он, несомненно, имел в виду, прежде всего, Белинского.

К 1841 г. Белинский окончательно изжил свой идейный кризис, связанный с Гегелем и «примирением». Он писал Боткину 22 января 1841 г.: «Я давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов ни к.....не годится, что лучше умереть, чем помириться с нею... Ты — я знаю— будешь надо мною смеяться, о лысый!— но смейся, как хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здравия китайского императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit)» («Письма», II, 213).

Распрощавшись с философским филистерством Гегеля, Белинский объявил беспощадную борьбу с действительностью, точнее с теми сторонами действительности, которые он признавал враждебными своим общественным идеалам. Белинский начинает рассматривать действительность не просто как наличествующий в каждый данный момент результат предыдущего органического развития, но диалектически. Он убежден теперь

не только в том, что «все развивается», но и в том, что «умирает и гниет только отжившее, чтобы дать место новому и живому» и что «сегодняшнее — ступень к завтрашнему». Он утверждает, что «нет дурных времен», «ни один век не хуже другого», потому что каждый период является «необходимым моментом в развитии человечества». Но это закрепление Белинского на позициях исторического понимания явлений общественной жизни отнюдь не исключает возможности активного вмешательства человека в ход истории, возможности борьбы с ее отрицательными, враждебными результатами в настоящем. Устанавливая связь человека с общественной средой, критик считает необходимым преодолевать все, что стоит на пути к истине, т. е. высшему идеалу человечества. Он писал: «Истина есть единство противоположностей, и пока человек переживает ее моменты — он бросается из одной крайности в другую, беспрестанно впадает в преувеличение, исключительность и односторонность; но как скоро процесс совершился и различия разрешились в гармоническое единство, то все ограниченные частности улетучиваются в общее, ложь остается за временем, а истина — за разумом. Следовательно, нечего бояться истины, а лучше смотреть ей прямо в глаза, нежели зажмуриваться самим и ложные фантастические цвета принимать за действительные. Только робкие и слабые умы страшатся сомнения и исследования. Кто верует в разум и истину, тот не испугается никакого отрицания» (V, 446).

Диалектика Белинского еще содержит в себе элементы идеализма, но основное его философское признание в эту пору уже материалистично: действительность для критика «есть чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли: наука и искусство... не выдумывают новой и небывалой действительности, но у той, которая была, есть и будет, берут готовые материалы, готовые элементы, словом — готовое содержание» и всему этому сообщают прекрасную форму (VI, 12).

Естественно, что перед критиком встали вопросы о более научном и совершенном понимании действительности и о методах борьбы с ее отрицательными сторонами. Белинский начинает уделять преимущественное внимание вопросам общественно-политическим. Он со всей остротой развивает мысль, что поэт не может жить в мечтательном мире, он гражданин современной ему действительности и должен ярче и последовательнее выражать тенденции и устремления этой действительности. Поскольку действительность существует для человека, а человек живет в обществе, вопрос о личности и об отношении ее к обществу становится для критика основной проблемой. Теперь для него личность — не частное выражение общего, а продукт «субстанции общественных отношений». Теперь он ненавидит общее, как «надувателя и палача бедной человеческой личности»... «Все общественные основания нашего времени, — писал Белинский Боткину 15 января 1841 г., — требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности...» («Письма», II, 203). Белинский не хочет, чтобы человек чувствовал себя со «связанными руками», в нем, по его словам, «развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на праве и доблести» (28. VI. 1841. — «Письма», II, 246). Так Белинский пришел к идее социализма.

Социализм для Белинского — необходимая ступень общественного развития. Он в этом убежден со всей страстью своей натуры. Он пишет Боткину: «...я теперь в новой крайности, — это идея с о ц и а л и з м а, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и ре-

шение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию» («Письма», II, 262).

Он доказывает, что общее без индивидуального существует только в мышлении, индивидуальное же не может быть без общества. Развивая эту мысль, Белинский пишет: «Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность?.. Что мне в том, что *я* понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству?.. Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братиями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей» («Письма», II, 266).

В этом рассуждении все замечательно. И то, что Белинский решительно отвергает философскую систему Гегеля, и то, что для личности он требует блаженства, и то, что указывает, что блаженство должно быть в самой действительности, в обществе и, наконец, то, что критик выделяет «меньшую братию» и на ней сосредоточивает свое внимание, с ней сливает свои общественные интересы. Он приходит к идее революции и находит подтверждение ее в опыте Франции. Белинский заявляет: «Гегель мечтал о конституционной монархии, как идеале государства — какое узенькое понятие! Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям... он всегда отделится от них, хоть бы пустым этикетом, ему всегда будут кланяться, хоть для формы... Каковы же французы, которые без немецкой философии поняли то, что немецкая философия еще и теперь не понимает» (цитата приводится по рукописи, так как это письмо вошло в «Письма» Белинского с большими цензурными купюрами. Ср. «Письма», II, 246—247). Белинский «против всех субстанциональных начал, которые связывают волю человека». Он восклицает: «Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон („Каин“) и т. п.». Он заявляет, что «понял и французскую революцию», «понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством, хоть коляскою с гербом». «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» («Письма», II, 246—247). Он убежден, что «смешно и думать, что все это может связаться само собою временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

«Прежде нам была нужна палка Петра Великого,— говорил Белинский,—чтобы дать нам хоть подобие человеческое; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова... Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина — хорошая вещь!» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., «Acadêmia», 1928, 394).

Идея отрицания не была для критика самоцелью, но только средством. Идея разрушения неразрывно связана с творческой идеей; одно без другого не мыслимо, одно дополняет другое; недаром он утверждал, что «человечество движется не прямою линиею и не зигзагами, а спиральным кругом, так что высшая точка пережитой им истины в то же время есть уже и точка поворота его от этой истины...» (XII, 336).

Итак, Белинский становится социалистом, революционером, демократом. Его мысль идет тем же путем, что и передовая революционная мысль на Западе.

В 1842 г. Белинский познакомился с философией Фейербаха. Она произвела сильное впечатление на него, как и на Маркса с Энгельсом. У Фейербаха, как философа, есть много достоинств. Когда Ленин читал его сочинения, он на полях делал пометки: «замечательно», «хорошо», «ярко», «здесь видны зачатки исторического материализма». Он считал, что философия Фейербаха отвечала идеалам «передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» («Ленинский сборник», т. XII, стр. 111). В «Сущности христианства» Фейербах убеждал поставить на место всякого абсолюта, всякого божества «свое собственное, человеческое существо и сделать его законом и основанием, целью и масштабом политики и морали». Это полностью совпадает с теми мыслями, к которым пришел сам Белинский в процессе преодоления гегелевской системы. Маркс разъяснил, что «упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья». «Критика неба обращается... в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. I, стр. 399—400). Перевернул Фейербах и понимание самой философии: «Философия — это познание того, что есть. Познавать и мыслить вещи и существа так, как они суть, — вот высший закон, высшая задача философии» (Л. Фейербах, Сочинения. Т. I. ГИЗ, 1923, стр. 66). Наконец, Фейербах разрешил и основную проблему философии об отношении бытия и мышления. Он заявил: «Истинное отношение мышления к бытию такое: бытие — субъект, мышление — предикат». Мышление определяется бытием, а не бытие мышлением». Маркс и Энгельс вскрыли, что Фейербах, будучи материалистом в постановке общих проблем философии, был идеалистом в области общественно-политических вопросов, поскольку он брал и рассматривал человека вне его классовых отношений, отвлеченно от них. И все же Энгельс так вспоминал о своем увлечении «Сущностью христианства» Фейербаха: «Кто не пережил освободительного влияния этой книги, тот не может и представить его себе. Мы все были в восторге, и все мы стали на время последователями Фейербаха» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XIV, стр. 642).

Белинский с большим уважением относился к Фейербаху. Но он не стал от этого «фейербахианцем» в полном и точном смысле этого слова. Созерцательному материализму Фейербаха Белинский противопоставляет материализм активный, способный изменять мир. Все внимание критика направлено как раз на ту проблему, которая совсем не интересовала Фейербаха: какими средствами и каким путем человек может оказать свое воздействие на окружающую его действительность и изменить ее в желательном для него направлении? Развивая этот свой взгляд, Белинский писал: «Нельзя, безусловно, думать, чтоб дух или разум только видел себя в природе, а не действовал на нее». А образец действования Белинский видел в движении народных масс: у нас — в восстаниях Разина, Пугачева, в преобразованиях Петра Великого, за границей — во Французской революции 1789 г.

Анализируя романтизм, Белинский еще в 1841 г. предупреждал: «Горе тому, кто, соблазненный обаянием этого внутреннего мира души, закроет глаза на внешний мир и уйдет туда, в глубь себя...» (VII, 26). Белинский призывал к активной деятельности: «Благо тому, — писал он, — кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шумно-несущейся жизни, кто видел в нем не одни обломки кораблей, яростно вздымающиеся волны, да мрачную, лишь молниями освещенную ночь, кто слышал в нем не одни вопли отчаяния и крики гибели, но кто не терял при этом из вида и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремления, кто не был глух к голосу свыше: «Борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя,

и если не ты — братья твои насладятся им...» «Благо тому, кто, не довольствуясь настоящею действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования, жил и дышал одною мыслию — споспешествовать, по мере данных ему природою средств, осуществлению на земле идеала,— рано поутру выходил на общую работу и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою, смотря по тому, что было ему по силам, и кто являлся к своим братиям не на одни пиры веселия, но и на плач и сетования...» (XI, 272).

Стремление к преобразованию действительности присуще было Белинскому с самого начала его литературно-критической деятельности, но в разные годы оно выявлялось по-разному и оформилось в ярком революционаризме, когда критик с идеалистических позиций в философии перешел на материалистические.

Известно, что Белинский знал некоторые ранние статьи Маркса и Энгельса, поскольку он читал «Deutsch-Französische Jahrbücher» 1844 г. В экземпляре этого издания, сохранившемся в библиотеке критика, статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права» отмечена знаком N3, а первые абзацы отчеркнуты вертикальной линией. Надо полагать, что Белинский прочел эту статью. Когда же Белинский читал в январской книжке «Отечественных записок» за 1843 г. статью Боткина «Германская литература», он познакомился с энгельсовской критикой философии Шеллинга, поскольку в статье излагалась брошюра Энгельса «Шеллинг и его откровение» (1842 г.). Из признаний самого Белинского известно, что у Маркса Белинскому нравилась критика религии и общественного устройства, а у Энгельса — резкое осуждение Шеллинга. Как относился Белинский к другим взглядам Маркса и Энгельса, например, к экономическим, мы не знаем. Следует также помнить, что в те годы Маркс и Энгельс еще далеко не завершили создания той философии научного коммунизма, которая стала философией пролетариата всего мира.

Некоторые исследователи утверждают, что Белинский в последние годы мыслил, как Маркс и Энгельс. В подтверждение этого тезиса приводится, в частности, аргумент, что «мировоззрение Белинского, как и его младшего современника Маркса, питалось одними и теми же литературными источниками, что должно было приводить того и другого к сходным взглядам» (Н. Л. Бродский. В. Г. Белинский. М., 1946, стр. 64). Очевидно, однако, что ссылка на «литературные источники» и по существу и методологически несостоятельна. Дело не в «литературных источниках», а в реальной исторической действительности Запада и России, а эта действительность была настолько различна, что даже через десяток лет с лишним не дала возможности подняться до Маркса Чернышевскому.

В 1846 г. Анненков познакомился в Марксом, много с ним беседовал. В декабре 1846 г. Маркс написал свое известное письмо по поводу «Системы экономических противоречий» Прудона, основные положения которого легли в основу «Нищеты философии» и «Коммунистического Манифеста», т. е. таких работ, в которых были сформулированы основные незыблемые положения марксизма. Из факта, что Анненков беседовал с Марксом, делается вывод, что Анненков мог многое рассказать Белинскому «о новом течении в истории европейской мысли». Говорится о том, что Белинскому были известны основные положения марксизма в «отточенных формулах» и указывается, что «учение Маркса не вызвало возражений у Белинского». Все это, однако, догадки, в основе которых нет никаких достоверных фактов, а есть лишь одно желание во что бы то ни стало доказать, что в 1847 г., накануне своей смерти, Белинский думал по-марксовски и принимал его основные положения.

Как известно, в начале мая 1847 г. Белинский, уже одержимый смертельным недугом, уехал за границу; друзья предприняли последнюю попытку сохранить жизнь критика. За границей он встречался с Анненковым, но

разговаривали ли они о Марксе — это остается неизвестным. Встречался Белинский с Тургеневым и Герценом, но из их писем и воспоминаний тоже не видно, чтобы они разговаривали с критиком о марксизме. В сентябре Белинский вернулся в Петербург. Если бы он действительно увлекся «отточенными формулами» учения Маркса, он, несомненно, о них говорил бы и писал и спорил со своими друзьями в осень и зиму 1847 г. Писал же он им в Москву относительно многих интересовавших его дел и вопросов. А самое главное, эти «отточенные формулы» не сказались в последней статье Белинского «Обзор русской литературы за 1847 год», не сказались они и в зальцбруннском письме к Гоголю.

Догадки остаются догадками, желания тоже только желания. Уж если делать выводы о принятии «отточенных формул», то нельзя об этом новом вопросе писать в популярной книжке, ограничившись соображениями, не обоснованными достаточно крепко и веско. Если говорить о том, что основные положения марксизма, да еще в «отточенных формулах» вошли в сознание критика, то надо показать это на материале писем и статей самого Белинского или, по крайней мере, попытаться найти обоснование для столь ответственного утверждения в каких-либо свидетельствах современников, а главное нужно поставить вопрос, почему же эти мысли не развили Чернышевский и Добролюбов и не было ли их мировоззрение по отношению к Белинскому шагом назад? Признание же такого разрыва между Белинским и Чернышевским и вообще в ходе развития русской общественной мысли оказалось бы в очевидном противоречии с ленинскими определениями исторического места критика.

Все эти соображения не мешают нам присоединиться к заявлению Плеханова, что «если бы Белинский дожил до нашего времени, то он отдохнул бы, наконец, душою... своими вдохновенными словами приветствовал бы он начинающееся пробуждение русского пролетариата и, умирая, искренно позавидовал бы тем счастливцам, которые доживут до дня его победы» (Г. В. Плеханов, Сочинения. Т. X, стр. 348). Уверенность Плеханова питалась его оценкой критика: «Главнейший предмет его умственной работы есть отрицание абстрактного, утопического идеала, стремление развить идею отрицания, опираясь на закономерное развитие самой общественной жизни» (там же, стр. 349).

Если Фейербах в конце своей жизни, в 1870 г., вступил в ряды социалдемократии, то, надо полагать, что Белинский, который уже в 1840-е годы ушел дальше Фейербаха, естественно, должен был бы — проживи он дольше — приветствовать пролетариат, несущий освобождение человечеству.

Давая оценку философским взглядам Чернышевского, Ленин писал: «...Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (В. И. Ленин. Сочинения. Т. XIII, стр. 295). Эти ленинские слова вполне применимы и к философским взглядам Белинского.

Чернышевский прекрасно сказал: «Кто вникнет в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, ясно поймет, что характер ее совершенно зависел от исторического нашего положения; и если представителем критики в это время был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость... Мысль всецело принадлежит его времени; от его личности зависело только то, удачно ли, сильно ли высказывалась мысль» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. II, стр. 165). Это ни в какой мере не снижало в глазах Чернышевского великого исторического значения критика, которое он раскрыл в своих знаменитых «Очерках гоголевского периода русской литературы». Понимал это прекрасно и Добролюбов, когда писал: «Что бы ни случилось с русской литературой,

как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением... В Белинском... история нашего общественного развития, в нем же и тяжкий, горький, неизгладимый упрек нашему обществу» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1935, стр. 470—471).

III

Белинский начал с утверждения того, что каждый народ проходит определенный путь развития, руководимый высшей абсолютной идеей и выражая какую-либо одну ее сторону. От этой мысли он пришел к идее исторического развития, органического и закономерного. Затем он определил, что условия этой закономерности лежат в самой действительности.

Поскольку Белинский в течение всей своей деятельности утверждал, что каждый народ составляет часть человечества, что национальное ни в какой мере не противоречит общечеловеческому (это он особенно сильно и ярко развил в полемике с В. Майковым), что каждый народ живет не только своим опытом, но и опытом других народов, что в будущем все народы, все человечество придет к более совершенной и счастливой жизни, причем всем народам общ исторический путь развития,— он держался взгляда, что Россия в своем развитии пойдет тем же путем, что и Запад.

В то время как Белинский развивал свою «западническую» мысль (не в том смысле «западническую», что он преклонялся перед культурой Запада, а в смысле общности исторического пути развития России и Запада), выдвигалась другая, совершенно противоположная точка зрения, славянофильская, которая развивала теорию, что Запад сгнил, а Россия цветет, что России нечему учиться у Запада, а наоборот, Запад должен обращаться к России.

В 1841 г. Шевырев напечатал в «Москвитянине» статью «Взгляд русского на современное образование Европы», в которой доказывал, что Запад — это в лучшем случае «человек, носящий в себе злой, заразительный недуг, окруженный атмосферой опасного дыхания». Белинский был вне себя. Статья Шевырева, свидетельствовавшая о низком уровне исторических знаний автора, в то же время была глубоко реакционной по своим политическим установкам. Белинский свирепо напал на Шевырева (памфлет «Педант»), защищая свою историческую концепцию и обвиняя своего противника в невежестве, в хуле на науку и прогресс.

Как же Белинский представлял себе дальнейшее развитие России и ее судьбы? Он утверждал, что Россия пойдет тем же путем, что и Запад, что она пройдет те же формы государственной жизни, что и Западная Европа. Однако Белинский никогда не думал, что темпы развития России будут те же, что и в Западной Европе, что в России все пойдет точь-в-точь, как там. Да, этапы развития те же, но конкретное содержание, темпы, отдельные моменты могут быть и будут иными. Россия не должна повторять ошибок Запада; учитывая его исторический опыт, она должна пройти свой путь скорее и достигнуть больших результатов.

Говоря в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» о вопросах, решение которых стоит перед русским обществом, которые волнуют его, Белинский, не имея возможности по цензурным условиям назвать вещи своими именами, имеет в виду вопросы о самодержавии, крепостном праве, конституции, парламентаризме и т. п. Тут же он указывает и на то, что эти вопросы, плохо или хорошо разрешенные на Западе, приобретают в русских исторических условиях иной характер и требуют иного решения.

Говоря о социализме, Белинский утверждает, что вопросы, связанные с его практическим осуществлением, неизбежно встанут со временем и перед русским народом, но сейчас «для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы, как наши собственные». «Мы не должны,— заявляет

критик,— походить на Дон-Кихотов, не должны гнаться за тем, что не соответствует нашему состоянию, иначе мы будем смешны». Этими замечаниями Белинский подчеркнул, что перед Россией, в первую очередь, стоит задача буржуазно-демократической революции, а потом уже и социалистической. Это было гениальное указание, в дальнейшем развитое Чернышевским и Добролюбовым и, наконец, русской революционной социалдемократией, Лениным. Белинский очень хорошо понимал, что «настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее» (X, 388). В Западной Европе Белинский видел буржуазию и пролетариат, видел, что там идет ожесточенная классовая борьба эксплоатируемых и угнетенных с господствующими классами. Он превосходно знал, что не менее ожесточенная борьба угнетенных с угнетателями происходит и в России, но понимал, что здесь угнетателями являются, в первую очередь, помещики и самодержавие, как дворянско-помещичья власть, а угнетенными — многомиллионные массы крепостного крестьянства. Отсюда Белинский делал выводы, что поставленные перед Россией всем ходом ее исторического развития неотложные задачи освободительной борьбы были существенно отличны от тех, которые стояли в это время перед Западом. Там шла борьба за расширение и закрепление прав трудящихся, отвоеванных ими в результате нескольких буржуазно-демократических революций; у нас борьба шла только еще за освобождение народа от феодально-крепостнического рабства.

Всматриваясь в историю Западной Европы, Белинский, хотя и не вполне ясно, все же понимал, что развитие Запада обусловливается классовой борьбой. Этой борьбы в таких формах, как на Западе, он не видел в России, да в тех исторических условиях и не мог видеть. Он наблюдал, что классовая борьба развивается в капиталистическом мире с прогрессирующей силой, поэтому вопросы о появлении на арене русской исторической жизни буржуазии, о развитии капитализма в России интересовали и глубоко волновали критика в последние годы его жизни.

Белинский признавал историческую неизбежность наступления фазы буржуазного развития в России. Он понимал также, что капитализм является более высокой стадией развития, чем крепостническое хозяйство, и что вступление страны на этот путь может принести ей новые экономические отношения и новое политическое устройство — конституционно-парламентский строй, который при всех своих недостатках расширит условия и возможности борьбы за конечный идеал — социализм.

Но одновременно Белинский со всей отчетливостью видел, что буржуазия это —«люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах», что владычество капиталистов «мелко, ничтожно, противоречиво», что основная черта буржуазии, которая определяет ее облик, это «страсть к наживе» («Письма», III, 326—329). Яркую и сильную картину современного ему капиталистического общества критик дал в своей рецензии на роман Е. Сю «Парижские тайны». Это была критика капиталистического общества, приближающаяся в известной мере к марксовской критике капитализма. Белинский писал: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство!..». «Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить

на себя работать; он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода. Мещане-собственники — люди прозаически-положительные. Их любимое правило: всякий у себя и для себя. Они хотят быть правы по закону гражданскому и не хотят слышать о законах человечества и нравственности... По французской хартии, избирателем и кандидатом может быть только собственник, который с своей недвижимости платит подати не менее четырехсот франков в год. Следовательно, вся власть, все влияние на государство сосредоточены в руках владельцев, которые ни единою каплею крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал...» «Несколько недель, два-три месяца болезни или недостатка в работе,— и бедный пролетарий должен умереть с семейством, если не прибегнуть к преступлению, которое должно повести его на гильотину» (VIII, 471—472).

Обращаясь к политической жизни Англии, Белинский замечает, что когда аристократия изживет себя, утратит свою власть, а на ее место станет средний класс, т. е. буржуазия,—«народ... будет контрбалансировать среднему классу; а не то Англия представит собою, может быть, еще более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция».

Все же, несмотря на эту резкую критику буржуазии и капиталистического строя, несмотря на антибуржуазную критику со стороны Герцена на страницах его «Писем из Avenue Marigny» и лозунг Бакунина: «Избави бог Россию от буржуазии»,— Белинский ясно понимал,— и в этом сказалась его гениальность,— что «внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази» («Письма», III, 339).

Когда в 1847 г. появилась книга Луи Блана «История французской революции», критик нашел в ней много интересного и поучительного, но он никак не мог простить автору его непонимания исторической роли буржуазии, и воскликнул: «О, лошадь! Буржуази у него еще от сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается, и что ее успехи — ее законное приобретение. Ух, как глуп — мочи нет!» («Письма», III, 245—246).

Белинский делит буржуазию на крупную и мелкую. К последней он причисляет интеллигенцию, указывая, что эта буржуазия выдвинула замечательных людей типа Робеспьера, Сен-Жюста и других. На крупных же капиталистов Белинский предлагает «нападать, как на чуму и холеру». В декабрьском письме 1847 г. к Боткину Белинский заявляет: «Пока буржуази есть и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло владычества капитала, в его тирании над трудом. Я согласен, что даже и отверженная порода капиталистов должна иметь свою долю влияния на общественные дела; но горе государству, когда она одна стоит во главе его!..» («Письма», III, 331—332).

Как велика была ненависть критика к крупной буржуазии, видно хотя бы из его реплики, что если государственную власть хотят сосредоточить в руках крупной буржуазии, то уж «лучше заменить ее ленивою, развратною и покрытою лохмотьями сволочью: в ней скорее можно найти патриотизм, чувство национального достоинства и желание общего блага» («Письма», III, 332).

Со стороны некоторых современников Белинского, а вслед за ними и позднейших историков литературы, были попытки представить дело так, что критик, признав историческую необходимость капитализма в России, отошел от социализма. Не кто иной как Достоевский, который ранее считал Белинского «страстным социалистом», писал потом в своем «Дневнике

писателя»: «В Европе он социалист-революционер, а у нас своеобразный консерватор», которого даже «славянофилы могли бы считать... своим самым лучшим другом».

Замечание Достоевского не только враждебно Белинскому, но и насквозь ложно, лишено всякой основательности. Действительно, Белинский резко критиковал утопический социализм, но его критиковали и Маркс и Энгельс, а у нас, в сороковые годы, Герцен, Петрашевский, молодой Салтыков и многие другие. В утопическом социализме Белинский видел много мечты, желаний, фантазии, но мало реальности, мало историчности, мало изучения фактов и причин, их порождавших. Сама идея социалистического общества, братства, равенства людей, идея всеобщего счастья вполне отвечала высшим общественным идеалам критика, и в своих суждениях о будущем он нигде и никогда не отказывался от социализма. Но он отчетливо понимал, что современный ему утопический социализм не знает путей к практическому претворению своих идеалов в действительность, что он не имеет реальной общественной опоры для успешной борьбы за свой идеал. Наивные же надежды иных из утопических социалистов Запада «убедить» правящие классы отказаться от своего господства в пользу угнетенных масс, естественно, вызывали со стороны Белинского лишь насмешку и раздражение.

В своей речи, произнесенной по случаю пятидесятилетия со дня смерти Белинского, Плеханов указывал, что критику «должен был броситься и действительно бросился в глаза этот недостаток ‹исторической перспективы.— *Л.-П.*› тогдашнего социализма, и этим объясняются все раздражительные выходки его против социалистов в письмах, относящихся к последним годам его жизни. Его раздражение против утопического социализма, стоявшего на почве абстрактного отрицания существующего порядка вещей, вырастало тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности, или, в противном случае, признать «призраками» даже и тех немногих русских людей, которые были у нас представителями отрицательного направления» (Г. В. Плеханов. Сочинения, Т. X, стр. 343—344).

К этому выводу Плеханова необходимо добавить еще одно соображение: Белинский выступал против утопического социализма в письмах, но он не выступал с критикой его в печати. Не выступал, потому что не хотел подрывать идею социализма в широких кругах общества. Он опасался, что его критику утопического социализма могут принять за критику идеи социализма вообще. Изложить же в печати свое собственное понимание социализма он, в силу цензурных условий, не мог. Все же его статьи последних лет, его мировоззрение, наконец, свидетельские показания современников критика, его друзей и противников и даже ярых врагов,— все это говорит о том, что Белинский поднялся выше утопического социализма. Не достигая уровня социализма Маркса и Энгельса, социализм Белинского был уже социализмом революционным, а не мирным, и в основе его лежала не просветительская вера в разум, в силу мысли и убеждения, а признание законов исторической необходимости.

По воспоминаниям Кавелина, Белинский верил, что «Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос, лучше, нежели Европа».

IV

Свои общественно-исторические взгляды Белинский всегда согласовывал со своими философскими убеждениями. Естественно, все изменения в его философско-исторической концепции должны были отражаться и на его литературных суждениях. Это сказалось, например, в оценке Шилле-

ра, которого Белинский в годы своего увлечения абстрактным героизмом превозносил, в годы «примирения» с действительностью отрицал, а потом снова отдавал ему должное, считая его «благородным адвокатом человечества, яркой зарею счастья».

Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский выставил тезис: «Литература непременно должна быть выражением-символом внутренней жизни народа» (I, 318). С этой точки зрения он рассматривает литературу как прошлого, так и настоящего и бросает взгляд в будущее. Эта формула остается руководящей на протяжении всей литературной деятельности критика; меняются его взгляды на искусство, на общественный процесс, на характер идеала, словом, на проблемы, которые наполняют выставленный тезис, но сам тезис остается незыблемым. Ставя вопрос о «внутренней жизни народа», Белинский сразу же отходит от «абсолютного» идеалистического понимания народной сущности. Уже в 1836 г., в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя"», он заявляет: «Литература есть народное самосознание, и там, где нет этого самосознания, — там литература есть скороспелый плод или средство к жизни, ремесло известного класса людей». Народность в литературе критик видел «в верности изображения картин русской жизни». А эта «верность» изображения, по его мнению, отнюдь не сводится к этнографически или диалектологически точному описанию одежды, обычаев или языка. Истинная народность художественного произведения требует, чтобы в нем «трепетала идея русской жизни». Народность в поэзии Державина Белинский видит не «в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (I, 339—340). Народность он находит у Крылова, Гоголя и Пушкина, поскольку у всех них «видна практическая философия ума русского». Впоследствии, уходя от абстрактного к конкретному, от идеализма к материализму, Белинский рассматривал «народный дух» в процессе исторического становления и развития. Тем самым вопрос о народности был перенесен из области философии в область истории, а затем и еще у́же — в область политики.

Рассматривая каждый народ как члена общечеловеческого общества, Белинский ставит проблему соотношения национального и общечеловеческого и требует, чтобы интересы народа не противоречили требованиям общечеловеческим. Критик указывает, что «поэзия не становится народной оттого, что предметом ее является мужик или жизнь низших слоев общества». Критик иронизирует над теми писателями, которые, желая быть народными, «деревенских старост, богомольных старух представляют образцами нравственности». «Народность, — пишет Белинский, — великое дело и в политической жизни и в литературе; только, подобно всякому истинному понятию, она сама по себе — односторонность и является истинною только в примирении с противоположной ей стороною. Противоположная сторона „народности" есть „общее" в смысле „общечеловеческого". Как ни один человек не должен существовать отдельно от общества, так ни один народ не должен существовать вне человечества. Человек, существующий вне народной стихии, — призрак; народ, не сознающий себя живым членом в семействе человечества, — не нация, но племя... Без народного характера, без национальной физиономии государство — не живое органическое тело, а механический препарат...» (VI, 307—308).

Отсюда вытекает и понимание задач поэзии. Критик определяет, что источником поэзии является жизнь и что талант не может не выражать определенного момента общественного развития. «Время рифмованных побрякушек прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на место того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные в художественной форме, с рифмами или без рифм — все равно. Для успеха в поэзии, теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие

в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире; он уже гражданин царства современной ему действительности; все прошедшее должно жить в нем. Общество хочет в нем видеть уже не потешника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудреные вопросы; врача, в самом себе, прежде других, открывающего общие боли и скорби и поэтическим воспроизведением исцеляющего их...» (VII, 82—83). «Вполне признавая, что искусство прежде всего должно быть искусством,— заявляет Белинский в другом месте,— мы, тем не менее, думаем, что мысль о каком-то чистом, отрешенном искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющем ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало» (XI, 98—99). «В наше время искусство и литература больше чем когда-либо прежде сделались выражением общественных вопросов...» (XI, 99—101). «Искусство благородно взялось служить им в качестве их органа... Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев» (XI, 104).

Белинский убежден, что «свобода творчества легко согласуется со служением современности». Он свирепо нападает на Шевырева за его упреки Пушкину, в «оземлении» поэтом «бесплотной чистоты идей». «Нападать на поэзию за то, что она о з е м л е н я е т идеи,— все равно, что нападать на математику за то, что она все исчисляет и измеряет. В том-то и состоит сущность поэзии, что она бесплотной идее дает живой, чувственный и прекрасный образ» (VIII, 70).

Когда критик произносил свой литературно-критический суд, свою оценку, он всегда рассматривал художественное произведение в органическом единстве его содержания и формы. В начале литературной деятельности он полагал, в согласии со своими философскими воззрениями, что содержание есть выражение абсолютной идеи. Затем он пришел к выводу, что содержание должно быть конкретно, реально. Он указывает, что художественное произведение воплощает живую действительность, определенную мысль. И наконец, он заявляет, что содержанием художественного произведения является не сюжет, не фабула, а душа этого сюжета, то, чем он живет: «Содержание есть миросозерцание поэта, его личное ощущение собственного пребывания в лоне мира и присутствие мира во внутреннем святилище его духа» (VII, 29). В этом определении уже нет элементов «примирения» с действительностью, тут есть другой, более важный момент, который состоит в том, что поэт, выражая свое пребывание в мире, во-первых, дает отображение этого пребывания, не в смысле точности и верности фактов, а в смысле отображения действительности в ее внутренней сущности; во-вторых, поэт показывает, как действительность воздействует на него, радует или угнетает его; в-третьих, поэт раскрывает, как он реагирует на результаты своего пребывания в мире: если радуется, то к чему эта радость ведет; если мучается, то в чем видит выход и как предполагает осуществить его. Чем поэт талантливее, гениальнее, тем его чувства общезначительнее, т. е. они выражают всеобщее настроение и сильнее действуют на общество.

Если поэзия выражает содержание исторической жизни народа, то само собой понятно, что каждый век находит в ней свое выражение: если жизнь века бедна содержанием — бедна и поэзия, если жизнь века, наоборот, богата — поэзия его богата. Белинский утверждает, что нет в природе поэта, поэзия которого имела бы в себе содержание, еще не выработанное и не приготовленное историей. Всякий поэт впитывает в себя идею времени, готовое содержание и придает ему свою художественную форму, отражая достоинства и недостатки национально-исторической жизни своего народа.

Искусство, таким образом, является объективным отражением действительности. Но эта высшая объективность искусства отнюдь не предъявляет к художнику требования бесстрастия. Наоборот: «бесстрастное разрушает поэзию» (III, 193).

Белинский уделял много внимания вопросу о роли идеи в художественном произведении. В своих литературно-критических оценках он всегда стремился отыскать идею в произведении, о котором шла речь, определяя бо́льшую или меньшую ценность этой идеи в зависимости от степени ее близости или отдаленности основному критерию — заботе о благе народа. В этом отношении очень характерно определение критиком содержания поэзии Лермонтова. Заключая свою статью о его стихотворениях, Белинский пишет: «...мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет; им все доступно, все понятно; они на все откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе — в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елейное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния жизни, укоры совести, умилительное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком льющиеся в полноте умиренного бурею жизни сердца, упоения любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающего самого себя чувства замерзшей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающей силою рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева — все, все в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов» (VI, 61).

На всех этапах своей деятельности Белинский очень большое внимание уделял и художественной форме. Устанавливая относительность формы, ее историческую изменяемость, критик одновременно подчеркивал, что идея и форма литературного произведения должны быть тесно, органически связаны, слиты в поэтическом единстве. Как непосредственно в чувстве выявляется идея произведения, так непосредственно возникает и форма. Исторические эпохи рождают не только содержание поэтического творчества, но дают и формы. Он заявляет, что современная жизнь «разнообразна, многосложна, дробна». Она должна отразиться в творчестве поэта, как «в граненом, угловатом хрустале», «миллионы раз повторенная во всех возможных образах» (II, 199). Для этого он считает более всего подходящим повесть и роман. Повесть может впитать все, а «форма и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении общественной жизни» (II, 198).

Форма должна быть оправдана содержанием. Чтобы не произошло несоответствия между формой и содержанием, необходимо, чтобы идея произведения была не только истинна, но и конкретна, потому что только конкретная идея может воплотиться в конкретный поэтический образ. «Мысль в художественном произведении, — утверждает Белинский, — должна быть конкретно слита с формою, т. е. составлять с ней одно, те-

ряться, исчезать в ней, проникать ее всю» (IV, 12). Он находит поэтому, например, что в стихотворениях Веневитинова есть «действительно-идеальное, а не мечтательно-идеальное направление» (VII, 38), в них есть глубокое содержание, но форма их такова, что говорить о Веневитинове следует скорее как о философе, чем как о поэте. Содержание и форма — это душа и тело. Без содержания нет формы, но и одна форма не дает содержания. Форма не внешнее, не средство, а сама идея в чувственном представлении. Если преобладает форма, значит идея произведения не ясна, не конкретна для творящего, поэтому и не получается прекрасной формы. Если преобладает идея, то искусство уклоняется в сферу сознания. «Единосущность идеи с формою так велика в искусстве, что ни ложная идея не может осуществиться в прекрасной форме, ни прекрасная форма быть выражением ложной идеи». Классические образцы конкретного тожества идеи с формою Белинский находит в русской литературе — у Пушкина, в западноевропейской — у Шекспира, утверждая при этом, что «органическое единство и тожество идеи с формою и формы с идеей бывает достоянием только одной гениальности». Критик предупреждает, что «форма не должна быть только удобною рамою». Несоответствие формы и содержания Белинский вскрывает, например, при анализе творчества Виктора Гюго. В творчестве Гюго господствует идея, «которая не связана с формою, как душа с телом, но для которой форма прибирается по прихоти автора». Для него «форма составляется после идеи, вырабатывается отдельно от нее, составляет для нее не живое и органическое тело, с уничтожением которого уничтожается и идея, а одежду, которую можно и надеть, и опять снять, и перекроить, и перешить, и в которой главное дело, чтобы она была в пору, сидела плотно без складок и морщин» (II, 487).

Обращаясь к современной литературе, Белинский указывал, что в ней «перевес важности содержания над формой» обусловлен характером требований эпохи. Как известно, в первые годы своей деятельности критик особое значение придавал вопросу художественности. Впоследствии он решительным образом изменил свои позиции. В 1847 г. между Белинским и Боткиным завязался спор по поводу «Антона Горемыки» Григоровича. Боткин отказывался признать за этим произведением какие бы то ни было достоинства. Белинский же, напротив, приходил в восторг от повести Григоровича. И Белинский писал Боткину: «Ты, Васенька, сибарит, сластена — тебе, вишь, давай поэзии да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мне поэзии и художественности нужно не больше, как настолько, чтобы повесть была истинна, т. е. не впадала в аллегорию или не отдавала диссертациею. Для меня дело в деле. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатление» («Письма», IV, 324). Критик ценит «Антона Горемыку» именно за нравственное впечатление, за отвращение к существующей действительности. «Ни одна русская повесть,— убеждает Белинский своего друга,— не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследство его благородных предков» (там же, 324—325). Исключительно эстетическую точку зрения Белинский признает как односторонность, он говорит о том, что, «как всякая односторонность, ⟨она⟩ всегда доводит до ложных заключений: и потому, при суждении о литературе, кроме эстетической точки зрения, нужна еще и историческая» (VII, 543). С этой точки зрения и Сумароков, и Херасков, и Петров, и многие другие старые поэты «получают полное оправдание и являются в русской литературе именами замечательными и почтенными» (VI, 543), поскольку каждый из них отразил тот или другой момент в развитии русского национального самосознания.

Весьма важной проблемой для Белинского и в теоретическом и в практическом плане явилась проблема соотношения свободы и идейности творчества. Критик полагал, что поэтическое произведение «не должно быть надуманным, сделанным».

Он писал: «Поэт есть раб своего предмета, ибо не властен ни в его выборе, ни в его развитии, ибо не может творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной воле, если не чувствует вдохновения, которое решительно не зависит от него; следовательно, творчество свободно и независимо от лица творящего, которое здесь является столько же страдательным, сколько и действующим. Но от чего же в сознании художника отражается и век, и народ, и собственная его индивидуальность? Отчего же в нем отражается и жизнь, и мнения, и степень образованности художника? Следовательно, творчество зависит от него» (III, 216), следовательно, он не только раб его, но и господин. Белинский был озабочен тем, чтобы, во-первых, поэзия была от начала до конца органична, во-вторых, чтобы она была проникнута глубокой идейностью. Нарушение одного из этих требований художником вызывало самые суровые порицания со стороны Белинского. Как на высокий пример гармонического сочетания идейности и свободы, органичности художественного творчества, Белинский указывал, как сказано, на Пушкина и Шекспира. Очень высоко ставил критик также поэзию Беранже.

«Беранже,— писал он,— есть царь французской поэзии, самое торжественное и свободное ее проявление; в его песне и шутка, и острота, и любовь, и вино, и политика, и между всем этим, как бы внезапно и неожиданно, сверкнет какая-нибудь человеческая мысль, промелькнет глубокое или восторженное чувство, и все это проникнуто веселостью от души, каким-то забвением самого себя в одной минуте, какою-то застольною беззаботливостью, пиршественною беспечностию. У него политика — поэзия, а поэзия — политика, у него жизнь — поэзия, а поэзия — жизнь» (II, 488).

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский дал следующее определение поэту: «поэт прежде всего — человек, потом гражданин своей Земли, сын своего времени. Дух народа и времени на него не могут действовать менее чем на других» (XI, 99).

Чтобы исполнять свое высокое призвание, поэту мало быть талантливым или даже гениальным. Он должен стоять на уровне идей своего века.

Слияние гениальности и образованности в самой натуре поэта является предпосылкой слияния идейности и художественности в его поэзии.

Поэзия есть «изящная форма истинных идей, верных ощущений». Поэтому поэзия есть сочетание истины и красоты. Красоту нельзя рассматривать, как «средство», как нечто «внешнее искусству», красота в поэзии есть нечто единое с истиной. Истина есть высшая красота, однако красоту нельзя смешивать с идеей «полноты и совершенств жизни». В поэтическом произведении истина и красота сливаются. Одним из верных признаков истинной поэзии является простота вымысла. «Простота есть красота истины» (V, 142). Чем выше поэтический талант, тем проще его создание, тем больше оно принадлежит человечеству. Чем художественнее произведение, тем сильнее оно поражает читателя и полнее выполняет свою социальную функцию. И тут критик снова обращается к вопросу о народности. Понимая народность не в смысле внешности, т. е. сюжета из народной жизни, а в смысле выявления в творчестве «индивидуальности, характерности народа, выражения духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родимыми пятнами»,— критик полагает, что в истинном художнике народность является его органической природой (II, 354). Мировые гении — народны, народен Пушкин, народен Шекспир. Говоря о народности Пушкина, Белинский писал:

«Что касается до народности собственно поэта, то вам стоит только попристальнее вглядеться в «Онегина», чтобы в мыслях и чувствах самого автора увидеть все элементы народности; чтобы признать, что только русский поэт, и притом в известный момент русской жизни, мог так мыслить и чувствовать и так выражать свои мысли и чувства» (II, 356).

Поскольку критик требовал от художественного произведения истины и красоты, он неизбежно должен был потребовать и потребовал, чтобы поэзия была нравственна. Наконец, критик требует от поэта оригинальности: «Поэт должен быть оригинален, сам не зная как, и если должен о чем-нибудь заботиться, так это не об оригинальности, а об истине выражения; оригинальность придет сама собой, если в таланте поэта есть гениальность. Истинная оригинальность в изобретении и в форме возможна только при верности поэта действительности и истине» (X, 285).

Как известно, в эпоху Белинского велась ожесточенная борьба между классицизмом и романтизмом, а затем между романтизмом и реализмом. Критик прекрасно понимал, что литературные стили и формы возникают не случайно, но он также хорошо сознавал, что они и изживают себя, что на смену одним литературным стилям и формам приходят другие. С этой точки зрения Белинский смотрел на классицизм, оценивая его как явление устаревшее, отжившее. Теории классицизма он называл «тухлым пузырем». Классицизм как литературное явление изжил себя. В его омертвевшие, застывшие формы, в которых когда-то находила свое наивысшее гармоническое выражение античная жизнь, жизнь греков и римлян, уже не укладывается содержание текущей действительности.

К романтизму Белинский подошел также исторически. Касаясь романтизма средних веков, критик заявлял, что в нем все земное отрицалось, как ложь; все неведомое, все таинственное, потустороннее признавалось истиной. «Смерть была жизнию, а жизнь — смертию. Безумие было высшею мудростию, а мудростью — буйством» (XI, 237). Ничего положительного для человеческой личности в этом романтизме не содержалось.

Много внимания Белинский уделял современному ему романтизму. В своих статьях о Пушкине Белинский так характеризует романтизм Жуковского: «Это — желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченному счастию, которое бог знает в чем состояло; это — мир, чуждый всякой действительности, населенный тенями и призраками, конечно, очаровательными и милыми, но тем не менее не уловимыми» (XI, 258). Но тут же критик указывает, что «...есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца — мир исторического созерцания и общественной деятельности,— тот великий мир, где мысль становится делом, и высокое чувствование — подвигом, где два противоположные берега жизни — здесь и там — сливаются в одно реальное небо исторического прогресса, исторического бессмертия... Это мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления, мир вечной борьбы...» (XI, 272).

Это совсем не означает того, что Белинский не признает никаких заслуг за Жуковским. Он не один раз говорил о его больших заслугах перед русской литературой, но видел эти заслуги в прошлом, а не в настоящем. Для Белинского поэзия Жуковского была важной ступенью в развитии русской литературы, но ступенью уже пройденной. Русский романтизм, главным образом в лице Жуковского, разрушал ложно-классические формы поэзии и тем самым расчищал дорогу Пушкину.

Белинский боролся не только с романтизмом Жуковского, но и с романтизмом Байрона. «Могучий гений,— писал он об английском поэте,— на свое горе, заглянул вперед,— и, не рассмотрев, за мерцающею далью, обетованной земли будущего, он проклял настоящее и объявил ему враж-

ду непримиримую и вечную; нося в груди своей страдания миллионов, он любил человечество, но презирал и ненавидел людей, между которыми видел себя одиноким и отверженным, с своею гордою борьбою, с своею бессмертною скорбию...» (VIII, 8).

Критик писал: «Горе тому, кто, соблазнившись обаянием этого внутреннего мира души, закроет глаза на внешний мир и уйдет туда, вглубь себя, чтобы питаться блаженством страдания» и «благо тому, кто, не довольствуясь настоящею действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования, жил и дышал одною мыслию—споспешествовать, по мере данных ему природою средств, осуществлению на земле идеала,— рано поутру выходил на общую работу и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою, смотря по тому, что было ему по силам...» (XI, 272).

Романтизм, как и классицизм, критик считает явлением умершим. «Истинной и настоящей поэзией нашего времени» критик признает реальную поэзию, родоначальником которой он считает Шекспира. Белинский был великим борцом за реалистическое искусство. Критик восхищается Гоголем за то, что тот показывает «совершенную истину жизни», «не льстит жизни, но и не клевещет на нее». Гоголя Белинский ставит во главе русской литературы того времени.

Теория реализма Белинского опиралась на его материалистическую философию. Как материалист Белинский считал, что люди сами делают свою историю. Но для того чтобы правильно делать ее, они должны хорошо разбираться в окружающей их действительности. Тут-то и выступает великая роль литературы и именно реалистической литературы.

Старая школа требовала от искусства возвышенного, благородного, высокого. Когда она увидела, что писатели «натуральной школы» изображают людей низших слоев общества — мужиков, извозчиков, дворников, изображают столичные трущобы, где ютятся обездоленные, голодные, нищие и часто просто преступники,— она сочла это за нарушение основного требования искусства — быть всегда возвышенным в своих отвлеченных идеалах. В темных сторонах русской жизни, поданных ярко, выразительно и с огромной силой, старая школа увидела клевету на Россию, оскорбление народа. Белинский доказал, что Гоголь и писатели «натуральной школы» правы. Критик отводит упреки относительно будто бы излишнего увлечения изображением простых людей, указывая, что и старая литература обращалась к крестьянству. Бедная Лиза — крестьянка, только Карамзин сделал ее благовоспитанной барышней. Бедность тоже фигурирует в старой литературе, только опять-таки эта бедность благообразная, скромная, тихая, а не голодная, грязная, буйная и даже преступная. Белинский против прикрашивания действительности, он не хочет, чтобы литература лгала, вводила в обман, сеяла иллюзии относительно того, что людям живется хорошо. Он против того, чтобы действительность превращалась в фантастическую увлекательную картину. «Натуральная школа» тем именно и значительна, что она чужда обмана, и, показывая подлинное лицо жизни, толкает людей на путь борьбы с гнусной действительностью. Белинский протестует против той литературы, которая объективно усыпляет общество, хотя бы она субъективно и не ставила перед собой этой задачи. Наконец, критик спрашивает: «а разве мужик — не человек, разве его душа, его радости и печали, его любовь и ненависть, его взгляды на вещи, его отношение к обществу не представляют глубокого интереса?» (XI, 95).

Расправившись со старой школой изящного и романтического, Белинский дает развернутую характеристику русского реализма того времени. В статье «Русская литература в 1843 году» Белинский писал: «Можно сказать без преувеличения, что Гоголь сделал в русской романтической прозе такой же переворот, как Пушкин в поэзии» (VIII, 396). «Гоголь убил два

ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разрумяненному актеру, и потом — сатирический дидактизм» (XI, 91). «Теперь и великие и малые таланты, и посредственность и бездарность — все стремятся изображать действительных, не воображаемых людей; но так как действительные люди обитают на земле и в обществе, а не на воздухе, не в облаках, где живут одни призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вместе с людьми, изображают и общество. Общество также — нечто действительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляют не одни костюмы и прическа, но и нравы, обычаи, понятия, отношения и т. д. Человек, живущий в обществе, зависит от него и в образе мыслей, и в образе своего действования. Писатели нашего времени не могут не понимать этой простой, очевидной истины и потому, изображая человека, они стараются вникать в причины, отчего он таков, или не таков и т. д. Вследствие этого, естественно, они изображают не частные достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдельно взятому, но явления общие» (XI, 400). «Если ваша картина будет верна — ее поймут без ваших рассуждений. Вы были только художником и хлопотали из того, чтобы нарисовать возникшую в вашей фантазии картину, как осуществление возможности, скрывавшейся в самой действительности; и кто ни посмотрит на эту картину, всякий, пораженный ее истинностию, и лучше п о ч у в с т в у е т и с о з н а е т сам все то, что вы стали бы толковать и что никто не захотел от вас слушать... Только берите содержание для ваших картин в окружающей вас действительности и не украшайте, не перестраивайте ее, а изображайте ее такою, какова она есть на самом деле, да смотрите на нее глазами живой современности, а не сквозь закоптелые очки морали, которая была истинна во время óно, а теперь превратилась в общие места, многими повторяемые, но уже никого не убеждающие. Идеалы скрываются в действительности; они — непроизвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты; и в то же время идеалы — не снимок с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазиею возможность того или другого явления. Фантазия есть только одна из главнейших способностей, условливающих поэта; но она одна не составляет поэта; ему нужен еще глубокий ум, открывающий идею в факте, общее значение в частном явлении. Поэты, которые опираются на одну фантазию, всегда ищут содержания своих произведений за тридевять земель в тридесятом царстве или в отдаленной древности; поэты, вместе с творческою фантазиею обладающие и глубоким умом, находят свои идеалы вокруг себя. И люди дивятся, как можно с такими малыми средствами сделать так много, из таких простых материалов построить такое прекрасное здание...» (VIII, 406). Критик указывает, что идеалы реалистического искусства лежат в самой действительности, окружающей нас. Поэтому задачи писателя не ограничиваются тем, чтобы давать правдивые картины действительности. Важнейшая и главнейшая его задача состоит в том, чтобы в пестроте, яркости и многосложности жизненных явлений отыскать то новое, что идет на смену старому и чему принадлежит будущее. Словом, реалистическое искусство, целиком опираясь на жизнь, диалектически ее толкуя, в ней же и открывает общественный идеал.

Исходя из той программы, которую Белинский наметил для реалистического искусства, он сформулировал задачи, стоящие перед научной критикой. Свою «Речь о критике» Белинский начинает с такого заявления: «Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит к р и т и к е, даже сама к р и т и к а. Наше время ничего не принимает безусловно, не верит авторитетам, отвергает предание, но оно действует так не в смысле и духе прошедшего века, который, почти до конца своего, умел только разрушать, не умея созидать, напротив, наше время

алчет убеждений, томится голодом истины» (VII, 294). Если художественная литература должна была показать русскую жизнь такой, какой бы она была, и в то же время нарисовать общественный идеал, то критика обязана была всячески помочь литературе.

Белинский требует от критика быть «гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины». Критика должна быть строго научной и строго принципиальной. Критик должен исходить из того, что представлено писателем. Критик обязан учитывать особенности таланта каждого писателя и, основываясь на этом, давать оценки его произведениям. Вместе с тем в обязанность критика входит установление того, чего нехватает данному писателю, в чем он отстает от своего времени, какие пробелы имеются в его мировоззрении. Устанавливая это, критик помогает писателю в росте и укреплении его мировоззрения, в совершенствовании его мастерства, в расширении границ его творчества. У критика и писателя одна и та же задача — служение своему народу, своей эпохе. Они только разными средствами решают ее, эту задачу. Они находятся в постоянном и живом взаимодействии, помогая один другому. Критика и литература являются продуктом одних и тех же исторических условий. «То и другое — равно сознание эпохи; но критика есть сознание философское, а искусство — сознание непосредственное. Содержание того и другого — одно и то же; разница только в форме» (VII, 298).

Белинский развенчивает уклончивую, робкую критику, которая безмерно осторожна, свои суждения обставляет многочисленными оговорками, приноравливает их к существующему мнению, боясь высказать свой взгляд. Белинский настаивает на критике прямой, смелой, которая не боится повергать вправ «старые кумиры», старые вкусы и теории, и выдвигать свежее и новое. Белинский стоит за критику, которая не боится порицать и хвалить. Но при всей прямоте и смелости критика не должна быть «резка, нагла, нахальна», приписывать автору то, чего у него нет, или искажать его суждения.

Белинский настойчиво подчеркивал: критик должен сознавать, что критика — занятие весьма трудное и ответственное, им нельзя заниматься между прочим, время от времени, давая случайную статейку, чтобы увеличить свой бюджет. Критик — руководитель в своей области, критика должна быть его основным занятием, она должна быть его любовью, его страстью, его натурой. Критик должен не только суметь объяснить и вскрыть существо художественного произведения, но и показать, почему оно могло появиться, он должен уметь объяснить различные суждения о том или ином произведении или писателе.

. . . .

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

Публикуемые материалы для библиографии академика П. И. Лебедева-Полянского составлены по его личной записной книжке. Во вступительных замечаниях к списку своих работ П. И. Лебедев-Полянский поясняет:

«Писать я начал рано. До 1902 г. напечатал один рассказ, одну критическую статью, три стихотворения, несколько репортерских заметок.

С 1904 г. по 1908 г. написал более десятка прокламаций (точно не помню).

Регулярно писать начал с 1914 г. В юношеские годы, до 1905 г., написал пять рассказов, но в печать их не посылал, так как по своему революционному содержанию они не могли быть напечатаны. Наверное они были и очень слабы.

Стихотворений написал много, около 50. В печать не посылал по той же причине, что и рассказы: из-за их революционного содержания. Стихи мне более удавались.

Рассказы и стихи были аккуратно переписаны в переплетенную тетрадь, по конспиративным соображениям без подписи. Взята в 1904 г. в Юрьеве, при обыске, жандармами и, конечно, погибла. При допросе свое авторство отрицал, а на вопрос: из какого же революционного издания переписал — отвечать отказался. Тетрадь (альбом) была украшена портретами Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и рядом виньеток, заставок и концовок. Все это было сделано мною лично сепией и очень удачно.

В список моих литературных работ не вошло все напечатанное до 1914 г.

В список с 1914 г. не вошло несколько заметок литературного характера. Знаю твердо, что они были, но когда написаны, о чем и где напечатаны — не помню. Во всяком случае, ничего значительного они не представляют. Ряд статей о Белинском и Добролюбове, приуроченных к юбилейным датам, напечатан в провинциальных газетах.

Как легко видеть, список моих литературных работ составлен без соблюдения самых элементарных библиографических требований. Не было свободного времени, чтобы выписывать полностью и сверять по изданиям. В данном виде список имеет черновой характер. Заголовок статей, наверное, не всегда точен.

Довольно большое количество моих статей перепечатано в ряде сборников; некоторые статьи печатались в двух органах. Я указывал всегда только один орган, который ко мне обращался».

К этим сведениям необходимо добавить, что редакция «Литературного наследства» в короткий срок подготовки списка работ П. И. Лебедева-Полянского к публикации не имела возможности ни выверить весь список просмотром изданий de visu, ни произвести дополнительные разыскания для выявления работ П. И. Лебедева-Полянского, напечатанных им до 1914 г. Поэтому подготовка списка к печати носила, главным образом, характер унификации библиографического описания, частичного перераспределения материала и введения дополнительных сведений о работах, изданных в последние годы жизни Павла Ивановича.*

---

* Список работ П. И. Лебедева-Полянского подготовлен к публикации Ю. И. Масановым. Расположение материала в разделе I (книги, статьи, рецензии и заметки)—хронологическое; в пределах года сначала дается описание книг, затем статей и заметок и, наконец, рецензий (по алфавиту названий литературных работ и авторов рецензируемых произведений). В разделе II (редакционные работы)—расположение алфавитное.

По тем же причинам сжатого срока подготовки списка к печати не введены указания на литературу о П. И. Лебедеве-Полянском и рецензии на его работы.

В цитированных выше замечаниях П. И. Лебедева-Полянского приводятся сведения о псевдонимах и инициалах, которыми он подписывался:

«Валерьян Полянский,

В. Полянский, Вал. Полянский,

В. П — ий. В. — ий,

В. П.,

А. О. (Валерьян Полянский),

В. Г., В. Г — ъ (Валерьян Григорьевич Полянский),

С. Ш. (Cygne — лебедь, Champ — поле),

В. Кунавин (Валерьян Кунавинский); (в нижегородской с.-д. организации было два Валерьяна: Валерьян Яхонтов и Валерьян Кунавинский),

П. Рудокоп (подписывал этим псевдонимом те свои рецензии, в которых, как рудокоп, выискивал идеологические ценности и часто не находил их),

Пав. Лебедев (П. Лебедев — подписывался П. М. Керженцев),

П. Л.,

П. И. Лебедев-Полянский».

Следует иметь в виду, что в списке книг, статей, рецензий и заметок П. И. Лебедева-Полянского в описании опущен его наиболее часто употребляемый псевдоним — Вал. Полянский.

Далее П. И. Лебедев-Полянский приводит сведения о происхождении своего основного псевдонима и затем двойной фамилии:

«Настоящая моя фамилия — Лебедев Павел Иванович, род. 1881 г., 21 дек. ст./ст.

Псевдоним мой, Валерьян Полянский, сложился следующим образом: в губ. городе Владимире, куда я был выслан до суда под гласный надзор полиции, меня прозвали в организации «Валерьян»... Это было в 1904 г.

В Н.-Новгороде к этому имени прибавили Канавинский (из Канавина), так как в с.-д. организации оказалось два Валерьяна, а я был членом Нижегородского губ. комитета от Канавинской районной организации. Это было в 1905/6 г.

В эмиграции меня стали звать Валерьян Григорьевич, потом я вынужден был прибавить фамилию; прибавил Полянский. Эту фамилию приобрел в Муроме в 1905 г. Однажды перевозил туда из Ярославля прокламации. Был в студенческой форме. На перроне подошла ко мне гимназистка и спросила: Вы студент Полянский? Завязалось знакомство. Вот так и вышел — Валерьян Григорьевич Полянский.

Так как в эмиграции не было необходимости менять партийную кличку, то она закрепилась и осталась.

Двойная фамилия Лебедев-Полянский образовалась в 1917 г., в Ленинграде, после Октябрьского переворота. Когда назначалась коллегия Наркомпроса, В. И. Ленин к моей настоящей фамилии,— Лебедев,— чтобы товарищи знали, что это за Лебедев, — приписал — Полянский. И получился Лебедев-Полянский».

I. КНИГИ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

1914

1. А. П. Чехов.— Наше печатное дело, 1914, № 14.

2. За границей. (Америка, Лондон, Швейцария).— Подп.: В. П—ий.— Пролетарий иглы, 1914, № 1.

3. Интернациональная конференция портных в Вене.— Вестник портных, 1914, № 6—7.

4. О проф. движении портных в Швейцарии.— Без подп.— Пролетарий иглы, 1914, №№ 1, 2—3.

5. О проф. движении портных в Швейцарии.— Без подп.— Вестник портных, 1914, № 8.

6. О штучниках.— Вестник портных, 1914, № 8.

7. Обзор международного рабочего движения.— Борьба, 1914, № 6.
8. Салтыков-Щедрин.— Наше печатное дело, 1914, № 12.

1915

9. Вокруг Циммервальдской конференции.— Подп.: Член собрания.— Вперед, Женева, 1915, № 2.
10. Вопросы времени.— Наше слово, Париж, 1915, №№ 42 и 120.
11. Вперед.— Новый мир, Нью-Йорк, 1915, 10 IX.
12. Голос украинской С. Д. Р. П.— Подп.: В. П—ий.— Наше слово, Париж, 1915, № 27.
13. Епископ Евлогий.— Подп.: П. Л.— Новый мир, Нью-Йорк, 1915, 7 V.
14. Конгресс социалистической молодежи в Швеции. Подп.: В. П — ий.— Наше слово, Париж, 1915, № 13.
15. О конференции заграничных групп Р. С. Д. Р. П.— Новый мир, Нью-Йорк, 1915, 17 V.
16. О поражении России.— Вперед, Женева, 1915, № 2.
17. Освобожденная Польша.— Новый мир, Нью-Йорк, 1915, 7 IX.
18. От редакции.— Без подп.— Вперед, Женева, 1915, № 1.
19. Русские социалшовинисты и задачи революционной социалдемократии.— Вперед, Женева, 1915, № 1.
20. Странички из соц. движения в Сербии.— Подп.: В. П — ий.— Наше слово, Париж, 1915, № 59.

1916

21. В. И. Ломтатидзе.— Вперед, Женева, 1916, № 3.
22. Думская с.-д. фракция.— Без подп.— Вперед, Женева, 1916, № 4.
23. Еще о думской с.-д. фракции.— Без подп.— Вперед, Женева, 1916, № 5.
24. Задачи дня.— Вперед, Женева, 1916, № 3.
25. К вопросу о созыве международного социалистического бюро.— Вперед, Женева, 1916, № 5.
26. Sans merci.— Вперед, Женева, 1916, № 4.

1917

27. Борьба за Учредительное собрание.— Юный пролетарий, 1917, № 2.
28. В путах старого мира. (М. Горький).— Правда, 1917, № 211/142.
29. Всеобщее избирательное право, Учредительное собрание и революция.—Правда, 1917, № 227/158.
30. Всероссийская конференция профессиональных союзов.— Вперед, Пг., 1917, № 6.
31. Конференция заводских комитетов Петрограда.— Вперед, Пг., 1917, № 2.
32. Недоразумение между своими.— Подп.: В. Кунавин.—Вперед, Женева, 1917, № 6.
33. О пролетарской культуре.— Юный пролетарий, 1917, № 1.
34. О самоопределении наций.— Вперед, Женева, 1917, № 6.
35. Обзор печати.— Без подп.— Вперед, Пг., 1917, №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.
36. ⟨Рец.⟩ Юнцит П. Что такое Ленин?— Вперед, Пг., 1917, № 3.

1918

37. Отчет о деятельности литературно-издательского отдела Наркомпроса. М., 1918, 24 с.
38. Вторая конференция Петроградского Пролеткульта.— Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1918, № 2.
39. Год пролетарской диктатуры.— Пролетарская культура, 1918, № 5.
40. Злободневные вопросы.— Грядущее, 1918, № 2.
41. Итоги прошлого года.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 1—2.

42. К учителям.— Нар. просвещение, М., 1918, № 3.

43. Мотивы рабочей поэзии.— Пролетарская культура, 1918, № 3.

44. Национализм и социализм.— Пролетарская культура, 1918, № 2.

45. Наша революция.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

46. О студенчестве.— Студенческая правда, 1918, № 1.

47. Первая Всероссийская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций.— Подп.: В. Кунавин.— Пролетарская культура, 1918, № 5.

48. Под знамя Пролеткульта.— Пролетарская культура, 1918, № 1.

49. Пролетариат и культура.— Нар. просвещение, М., 1918, № 6.

50. Революция и культурные задачи пролетариата.— Пролетарская культура, 1918, № 2.

51. Ритмика Ж. Далькроза.— Подп.: П. Л.—Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

52. Свободный родительский университет.—Без. подп.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

53. Товарищ Н. Ленин.— Пролетарская культура, 1918, № 4.

54. Труд воспитательный и труд производительный в новой школе. — Пролетарская культура, 1918, № 4.

55. Школа и государство.— Без подп.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

56. ⟨Рец.⟩ В буре и пламени.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1918, № 5.

57. ⟨Рец.⟩ Венцель. Детский дом.— Без подп.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

58. ⟨Рец.⟩ Галкин. Венчальные ризы.— Подп.: А. О.—Пролетарская культура, 1918, № 5.

59. ⟨Рец.⟩ «Горн» № 1.— Пролетарская культура, 1918, № 5.

60. ⟨Рец.⟩ «Горнило» №№ 1, 2, 3.—Подп.: В. Г.— Пролетарская культура, 1918, № 5.

61. ⟨Рец.⟩ «Грядущая культура» № 1.— Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1918, № 5.

62. ⟨Рец.⟩ «Грядущее» № 2.— Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1918, № 1.

63. ⟨Рец.⟩ «Грядущее» № 5.—Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1918, № 4.

64. ⟨Две рецензии.⟩ Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1918, № 3.

65. ⟨Рец.⟩ Дома, в школе, в лесу, в поле.—Подп.: П. Л.—Нар. просвещение, Пг., 1918, № 1—2.

66. ⟨Рец.⟩ Кириллов В. Стихотворения.— Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1918, № 4.

67. ⟨Рец.⟩ Крупская Н. Народное образование и демократия.—Подп.: В. П—ий.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

68. ⟨Рец.⟩ Лебедев П. Библиотека социал-демократа.—Подп.: В. П—ий.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

69. ⟨Рец.⟩ Литературные приложения к «Известиям» № 1.—Подп.: В. Г.—Пролетарская культура, 1918, № 4.

70. ⟨Рец.⟩ «Литературный альманах».— Подп.: В. П.—Пролетарская культура, 1918, № 2.

71. ⟨Рец.⟩ «Педагогические известия» № 2.— Без подп.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 1—2.

72. ⟨Рец.⟩ «Пламя».— «Творчество» № 1.—Подп.: А. О.—Пролетарская культура, 1918, № 1.

73. ⟨Рец.⟩ «Пламя» № 15—16.—Подп.: А. О.—Пролетарская культура, 1918, № 4.

74. ⟨Рец.⟩ «Творчество».—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1918, № 4.

75. ⟨Рец.⟩ Тезаровская. Бросовый материал.— Без подп.— Нар. просвещение, Пг., 1918, № 3.

76. ⟨Рец.⟩ Тимирязев К. Красное знамя.—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1918, № 2.

77. ⟨Рец.⟩ Фриче В. Пролетарская поэзия.—Подп.: В. Г.— Пролетарская культура, 1918, № 4.

1919

78. А. В. Луначарский.— Вестник жизни, 1919, № 6—7.

79. Всегда помни о юге. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 9.

80. Где выход? ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 2.

81. Две войны ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 7.

82. Иудин поцелуй. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 17.

83. Крокодиловы слезы. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 20.

84. Куда мы идем?— Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

85. Культурно-просветительная работа.—Без подп.— В кн.: Советский календарь. М., изд. ВЦИК, 1919.

86. Надо спешить. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 19.

87. Нам все равно. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 6.

88. Начинается. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 21.

89. Наше положение на Южном фронте. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 8.

90. Наши задачи и пути.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

91. Очередные вопросы.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

92. Переворот в Венгрии. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 16.

93. Познание в свете истории.— Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

94. Положение серьезно. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 15.

95. Поэзия советской провинции.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

96. Работа соглашателей. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 18.

97. Сознательность и дисциплина. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 5.

98. Стоит ли воевать. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 4.

99. Так говорит враг. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 3.

100. Южный фронт. ⟨Передовая⟩.— Красная звезда, 1919, № 1.

101. ⟨Рец.⟩ Александровский В. Рабочий поселок. Север.—Подп.: В. П—ий.— Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

102. ⟨Рец.⟩ Богданов и Степанов. Курс политической экономии.—Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

103. ⟨Рец.⟩ «Вестник жизни» № 1.—Подп.: В. Кунавин.—Пролетарская культура, 1919, № 6.

104. ⟨Рец.⟩ «Взмахи» № 1.—Подп.: А. О.—Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

105. ⟨Рец.⟩ Герасимов М. Завод веселый. Цветы под огнем.—Подп.: П. Л. — Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

106. ⟨Рец.⟩ Гортер. Исторический материализм.—Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

107. ⟨Рец.⟩ Грошик. ⟨Копейкин С.⟩ Рассказы.—Подп.: П. Рудокоп.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

108. ⟨Рец.⟩ «Грядущая культура» № 2.—Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

109. ⟨Рец.⟩ «Гудки» №№ 1, 2.— Подп.: В. Г.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

110. ⟨Рец.⟩ Есенин С. Преображение.—Подп.: В. Г.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

111. ⟨Рец.⟩ Завод огнекрылый.—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

112. ⟨Рец.⟩ «Зарево заводов» № 1.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

113. ⟨Рец.⟩ Игнатов В. Свадебная вечеринка.—Подп.: П. Рудокоп.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

114. ⟨Рец.⟩ «Красное утро» № 1.—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

115. ⟨Рец.⟩ Кунов. Возникновение религии.—Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

116. ⟨Рец.⟩ Лопатин К. Рассвет.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

117. ⟨Рец.⟩ Малашкин С. Мускулы.—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

118. ⟨Рец.⟩ «Мир и человек» № 1.—Подп.: П. Л.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

119. ⟨Рец.⟩ «Наш горн» № 1.—Подп.: В. П—ий.— Пролетарская культура, 1919, № 7—8.

120. ⟨Рец.⟩ Нечаев Е. Вечерние песни.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

121. ⟨Рец.⟩ Орешин П. Красная Русь.—Подп.: В. Г.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

122. ⟨Рец.⟩ Поморский А. Цветы восстания.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

123. ⟨Рец.⟩ Попов В. Рассказы.—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

124. ⟨Рец.⟩ «Пролетарский сборник» № 1.— Пролетарская культура, 1919, № 6.

125. ⟨Рец.⟩ «Пролеткульт» № 1—2.—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

126. ⟨Рец.⟩ «Пролеткульт» № 1—2.—Подп.: П. Рудокоп.— Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

127. ⟨Рец.⟩ Самобытник А. Под красным знаменем.— Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

128. ⟨Рец.⟩ Тихомиров Н. Красный мост.—Подп.: А. О. Пролетарская культура, 1919, № 11—12.

129. ⟨Рец.⟩ «Труд и творчество» № 1—2.— Подп.: П. Рудокоп — Пролетарская культура, 1919, № 9—10.

1920

130. В новых условиях — Подп.: В. Кунавин.— Творчество, 1920, № 11—12.

131. Два съезда.— Подп.: С. Ш.— Творчество, 1920, № 7—10.

132. Две поэзии.— Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

133. К вопросу об объеме и характере работ.— Подп.: В. Кунавин.— Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

134. П. К. Бессалько.— Без подп.— Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

135. Первый Всероссийский съезд Пролеткульта.— Подп.: В. Кунавин.— Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

136. Письма о литературной критике.— Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

137. Самостоятельность или в путах буржуазной культуры.— Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

138. Трудовая армия.— Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

139. Ф. И. Калинин. (Биогр. сведения).— В сб.: Памяти Ф. И. Калинина. 1920.

140. ⟨Рец.⟩ Батрак. Хохочи, демон зла.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

141. ⟨Рец.⟩ Белоцерковский. Смех сквозь слезы.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

142. ⟨Рец.⟩ Бердников Я. Цветы сердца.— Подп.: В. П — ий.— Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

143. ⟨Рец.⟩ Бессалько П. Алмазы Востока.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

144. ⟨Рец.⟩ Вандервельде. Социализм и искусство.—Подп.: Пав. Лебедев.— Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

145. ⟨Рец.⟩ Взмахи.— Без подп.— Творчество, 1920, № 11—12.

146. ⟨Рец.⟩ Глухарь.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

147. ⟨Рец.⟩ Князев В. Первая книга стихов. — Подп.: П. Рудокоп.—Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

148. ⟨Рец.⟩ Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России.—Подп.: П. Рудокоп.— Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

149. ⟨Рец.⟩ Меринг. К. Маркс. История его жизни.—Подп.: П. Лебедев.— Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

150. ⟨Рец.⟩ «Молот» № 1.— Без подп.— Творчество, 1920, № 11—12.

151. ⟨Рец.⟩ На переломе.— Без подп.— Творчество, 1920, № 11—12.

152. ⟨Рец.⟩ Неверов А. Бабы.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

153. ⟨Рец.⟩ Оков.— Без подп.— Творчество, 1920, № 11 — 12.

154. ⟨Рец.⟩ Отсоли Н. и Кузнецов И. Стихотворения.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

155. ⟨Рец.⟩ «Паяльник».—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

156. ⟨Рец.⟩ Попов. Песни равнины.— Подп.: В. П—ий.— Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

157. ⟨Рец.⟩ Рабочий. «Гудки».— Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

158. ⟨Рец.⟩ Рыбацкий Н. На светлый путь.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

159. ⟨Рец.⟩ Садофьев И. Динамо-стихи. — Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

160. ⟨Рец.⟩ Сборник Рыбинского Пролеткульта.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

161. ⟨Рец.⟩ Соловьев. Полеты.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

162. ⟨Рец.⟩ «Сполохи».—Подп.: А. О.— Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

163. ⟨Рец.⟩ Степной Н. Пролетарий.— Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

164. ⟨Рец.⟩ Тарасов Е. Стихотворения. — Подп.: В. П — ий. — Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

165. ⟨Рец.⟩ Фриче В. Новая европейская литература.—Подп.: В. Г. — Пролетарская культура, 1920, № 15—16.

166. ⟨Рец.⟩ Фриче В. Пролетарская поэзия.—Подп.: В. Г.—Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

167. ⟨Рец.⟩ «Художественная жизнь» № 1.—«Изобразительное искусство» № 1.— Подп.: П. Рудокоп.—Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

168. ⟨Рец.⟩ «Художественное слово» № 1.—Подп.: П. Рудокоп.— Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

169. ⟨Рец.⟩ «Художественное слово» № 1.— Без подп.— Творчество, 1920, № 7—10.

170. ⟨Рец.⟩ Шляпников. Канун 17-го года. — Без подп.— Творчество, 1920, № 11—12.

171. ⟨Рец.⟩ Шмонин. Красное знамя.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 13—14.

172. ⟨Рец.⟩ Юрин Ю. Сполошный зык.—Подп.: В. П—ий.—Пролетарская культура, 1920, № 17—19.

1921

173. Н. А. Некрасов. К столетию со дня рождения. М., ГИЗ, 1921. 43 с.

174. О пролетарской культуре. Ростов н/Д., 1921. 32 с.

175. Идеологический чад.— Подп.: В. П—ий.— Творчество, 1921, № 4—6.

176. М. Горький.— В кн.: Рабоче-крестьянский календарь на 1922 г. Пг., 1921.

177. Мысли о театре.— Подп.: В. Кунавин.— Творчество, 1921, № 4—6.

178. Н. А. Некрасов.— В кн.: Рабоче-крестьянский календарь на 1922 г. Пг., 1921.

179. На арене пролетарского творчества.— Подп.: В. Кунавин.— Творчество, 1921, № 1—3.

180. Певец рабочего горя (Е. Е. Нечаев).— Без подп.— Коммунистический труд, 1921, № 337.

181. Писатели-рабочие и крестьяне.— В кн.: Рабоче-крестьянский календарь на 1922 г. Пг., 1921.

182. Письма о литературной критике.— Творчество, 1921, №№ 1—3, 4—6.

183. ⟨Рец.⟩ «Вестник работников искусства» № 1.— Без подп.— Творчество, 1921, № 4—6.

184. ⟨Рец.⟩ «Горн» № 15.—«Творчество» № 1—2.— Без подп.— Творчество, 1921, № 4—6.

185. ⟨Рец.⟩ «Культура театра» № 1.— Без подп.— Творчество, 1921, № 1—3.

186. ⟨Рец.⟩ «Печать и революция» № 1.— Без подп.— Творчество, 1921, № 4—6.

187. ⟨Рец.⟩ Рыжая кляча.— Без подп.— Творчество, 1921, № 4—6.

188. ⟨Рец.⟩ Степной Н. Сказки степи.— Без подп.— Творчество, 1921, № 1—3.

189. ⟨Рец.⟩ Страдный. Под Октябрем.— Без подп.— Творчество, 1921, № 4—6.

190. ⟨Рец.⟩ Темный Н. Рассказы.— Без подп.— Творчество, 1921, № 1—3.

191. ⟨Рец.⟩ Филиппченко И. Эра славы.— Без подп.— Творчество, 1921, № 1—3.

192. ⟨Рец.⟩ Шишков В. Подножие башни.— Без подп.— Творчество, 1921, № 4—6.

1922

193. Бессмертная пошлость и похвала праздности.— Под знаменем марксизма, 1922, № 4.

194. Гершензон. Заметки.— Современник, 1922, № 1.

195. Из встреч с Блоком.— Жизнь, 1922, № 2.

196. Некрасов. Достоевский. Блок. (Обзор литературы).— Подп.: В. Кунавин.— Творчество, 1922, № 1—4.

197. О нашей литературе.— Пролетарское студенчество, 1922, № 2.

198. О пролетарской литературе.— Творчество, 1922, № 1—4.

199. Основы пролетарской критики.— Современник, 1922, № 1.

200. Певец рабочего горя ⟨Е. Нечаев⟩.— В кн.: Нечаев Е. Из песен старого рабочего. М., 1922.

201. Серапионовы братья.— Московский понедельник, 1922, № 11.

202. ⟨Рец.⟩ Безыменский А. Стихотворения.— Печать и революция, 1922, № 1.

203. ⟨Рец.⟩ Берг. Наука, ее содержание.— Под знаменем марксизма, 1922, № 5.

204. ⟨Рец.⟩ Васильченко и Ставский. Первый бой.—Печать и революция, 1922, № 3.

205. ⟨Рец.⟩ Волькенштейн В. Спартак.— Печать и революция, 1922, № 1.

206. ⟨Рец.⟩ «Дом искусства» № 2.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

207. ⟨Рец.⟩ Книга о Л. Андрееве.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

208. ⟨Рец.⟩ Книга о Л. Н. Толстом.— Под знаменем марксизма, 1922, № 9—10.

209. ⟨Рец.⟩ Кони А. Некрасов и Достоевский.— Печать и революция, 1922, № 1.

210. ⟨Рец.⟩ «Красная новь» №№ 4 и 5.— Печать и революция, 1922, № 2.

211. ⟨Рец.⟩ «Кузница» № 1.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

212. ⟨Рец.⟩ Львов-Рогачевский В. Очерки новейшей литературы.— Печать и революция, 1922, № 1.

213. ⟨Рец.⟩ Мазнин Д. В дыму пожаров.— Без подп.—Творчество, 1922, № 1—4.

214. ⟨Рец.⟩ «Паяльник» № 2.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

215. ⟨Рец.⟩ «Пересвет» № 1.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

216. ⟨Рец.⟩ «Петербургский сборник» № 1.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

217. ⟨Рец.⟩ «Пролетарская культура» № 20—21.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

218. ⟨Рец.⟩ Сверчков. На заре революции.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

219. ⟨Рец.⟩ «Северные дни» № 2.— Без подп.— Творчество, 1922, № 1—4.

220. ⟨Рец.⟩ Юрин Ю. Сполошный зык.— Печать и революция, 1922, № 2.

1923

221. А. Н. Островский. К 100-летию со дня рождения. Л., ГИЗ, 1923. 87 с.

222. Контрреволюция под флагом защиты крестьянства.—В сб.: На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.

223. Механика творчества и литературной критики.— Под знаменем марксизма, 1923, № 10.

224. Наша нелегальная печать.— Рабочая Москва, 1923, № 56.

225. О «левом фронте» в искусстве.— Под знаменем марксизма, 1923, № 4—5.

226. Об идеологии в литературе.— Современник, 1923, № 2.

227. Плеханов о Толстом.— Под знаменем марксизма, 1923, № 6—7.

228. Хронология Р. К. П.— Без подп.— Рабочая Москва, 1923, № 56.

229. ⟨Рец.⟩ Воровский В. Литературные очерки.— Под знаменем марксизма, 1923, № 11—12.

230. ⟨Рец.⟩ Герасимов М. Железное цветение.— Печать и революция, 1923, № 4.

231. ⟨Рец.⟩ Герасимов М. Электропоэма.— Печать и революция, 1923, № 4.

232. ⟨Рец.⟩ Григорьев. Введение в поэтику.—Подп.: В. П.— Под знаменем марксизма, 1923, № 11—12.

233. ⟨Рец.⟩ К 75-летию революции 1848 года.—Под знаменем марксизма, 1923, № 4—5.

234. ⟨Рец.⟩ Лацко. До последнего человека.— Печать и революция, 1923, № 5.

235. ⟨Рец.⟩ Темный Н. Собачья доля.— Печать и революция, 1923, № 5.

236. ⟨Рец.⟩ Шагинян М. Своя судьба.— Печать и революция, 1923, № 4.

237. ⟨Рец.⟩ Юнг. Красная неделя.— Печать и революция, 1923, № 5.

1924

238. Ленин и литература. Л., ГИЗ, 1924. 18 с.

239. На литературном фронте. Сборник статей. М., «Новая Москва», 1924. 208 с.

240. Встреча в Куоккала.— В кн.: О Ленине. Сборник № 2. М., 1925.

241. Ленин и литература.— Воинствующий материалист, 1924, № 2.

242. О Брюсове.— Воинствующий материалист, 1924, № 1.

243. Писатели об искусстве и о себе.— Под знаменем марксизма, 1924, № 3.

244. По поводу Б. Эйхенбаума.— Печать и революция, 1924, № 5.

245. ⟨Рец.⟩ Васильченко С. Карьера подпольщика.— Печать и революция, 1924, № 3.

246. ⟨Рец.⟩ Гильбо А. В. И. Ленин.— Печать и революция, 1924, № 2.

247. ⟨Рец.⟩ Львов-Рогачевский В. Леонид Андреев.— Печать и революция, 1924, № 2.

248. ⟨Рец.⟩ Неверов А. Гуси-лебеди.— Печать и революция, 1924, № 6.

249. ⟨Рец.⟩ Рейснер Л. Фронт.— Печать и революция, 1924, № 4.

250. ⟨Рец.⟩ Толстой А. Под старыми липами.— Печать и революция, 1924, № 3.

251. ⟨Рец.⟩ Чапыгин А. Одинокие.— Печать и революция, 1924, № 1.

1925

252. Н. А. Некрасов. Критико-биогр. очерк. Изд. 2-е, доп. М., ГИЗ, 1925. 112 с.

253. Вопросы современной критики.— В сб. Современная русская критика. Сост. Аксенов. Л., 1925.

254. «Железный поток» Серафимовича.— Красная новь, 1925, № 3.

255. Идеологический анализ.— Рабочий журнал, 1925, № 1—2.

256. Ленин и литературная критика. — Воинствующий материалист, 1925, № 2.

257. Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг.— Красный архив, 1925, № 9.

258. О Фрейде.— Вестник Ком. академии, 1925, № 12.

259. ⟨Предисловие к Записке о рабочих газетах в Петербурге⟩.— Красный архив, 1925, № 10.

260. Речь на конференции пролетарских писателей.— Октябрь, 1925, № 1—2.

261. Салтыков в своих письмах.— Воинствующий материалист, 1925, № 4.

262. Социальные корни русской поэзии.— В кн.: Ежов И. С. и Шамурин Е. И. Русская поэзия XX века. М., 1925.

263. Социологический метод проф. Сакулина.— Воинствующий материалист, 1925, № 5.

264. ⟨Рец.⟩ Машкин А. Основы марксистской критики.— Печать и революция, 1925, № 2.

265. ⟨Рец.⟩ Первухин. Литературная современность.— Печать и революция, 1925, № 1.

266. ⟨Рец.⟩ «Перевал» № 1.— Рабочий журнал, 1925, № 1—2.

267. ⟨Рец.⟩ Рейснер Л. Уголь, железо и живые люди.— Печать и революция, 1925, № 5—6.

268. ⟨Рец.⟩ Фурманов Д. Мятеж.— Печать и революция, 1925, № 5—6.

1926

269. А. В. Луначарский. Биогр. очерк. М., «Работник просвещения», 1926. 46 с.

270. Н. А. Добролюбов. Критико-биогр. очерк. М.— Л., ГИЗ, 1926. 136 с.

271. В. Белинский.— В кн.: Очерки по истории русской критики. Под ред. А. Луначарского и В. Полянского. Т. I. М., 1929.— См. № 429.

272-73. Историко-материалистический метод проф. Келтуяллы.— Печать и революция, 1926, № 8.

274. К вопросу о художественности литературного произведения.— Печать и революция, 1926, № 6.

275. Как начал работать Наркомпрос.— Пролетарская революция, 1926, № 2(49).

276. «Цемент» и его критики.— На лит. посту, 1926, № 5—6.

277. Этапы творчества В. Кириллова.— На лит. посту, 1926, № 1.

1927

278. Вопросы современной критики. М. — Л., ГИЗ, 1927. 350 с.

279. Александр Алексеевич Богданов.— Октябрь, 1927, № 2.

280. Больше внимания.— Газета о книге. Однодневка Гос. центр. кн. палаты. М., 1927, 5 V.

281. Владимир Максимович Фриче.— Журналист, 1927, № 1.

282. Десять лет на одном посту. (А. В. Луначарский).— Нар. просвещение, 1927, № 156.

283. К вопросу о творчестве Короленко.— В кн. авт.: Вопросы современной критики.— См. № 278.

284. Литературные письма. Письмо первое.— На лит. посту, 1927, № 7.

285. Литературоведение и марксизм.— Под знаменем марксизма, 1927, № 5.

286. Медицинская энциклопедия.— Правда, 1927.

287. Н. Ляшко.— В кн.: Ляшко Н. Н. Собр. соч. Т. I, М.— Л., 1927.

288. Начало советских издательств.— Печать и революция, 1927, № 7.

289. О наших литературных спорах.— Красная печать, 1927, № 1.

290. О повести Малашкина «Луна с правой стороны».— Печать и революция, 1927, № 2.

291. Об упадочности в литературе.— Юный коммунист, 1927, № 8.

292. Октябрь в литературе.— Однодневная «Октябрьская газета», 1927.

293. Современное состояние методологии литературоведения. — Под знаменем марксизма, 1927, № 10—11.

294. Юрий Либединский.— В кн. авт.: Вопросы современной критики.— См. № 278.

1928

295. Г. В. Плеханов.— Новый мир, 1928, № 5.

296. Горький в советской школе.— Искусство в школе, 1928, № 3.

297. Литература — орудие строительства жизни.— Новый мир, 1928, № 7.

298. М. Горький.— В сб.: М. Горький. М., «Никитинские субботники», 1928.

299. М. Горький.— Народный учитель, 1928, № 2.

300. О романе Г. Никифорова «У фонаря».— В кн.: Никифоров Г. У фонаря. М.—Л., 1928.

301. Основные вопросы современного литературоведения.— Науч. слово, 1928, № 2.

302. Пути советской литературы. Рукопись. (1928 г.)

303. Путь М. Горького.— Красная звезда, 1928, № 75.

304. Человек — это звучит гордо! (Горький).— Известия, 1928, № 75.

1929

305. А. В. Луначарский.— Без подп.— Малая сов. энциклопедия. Т. IV. М., 1929.

306. А. М. Горький.— Малая сов. энциклопедия. Т. II. М., 1929.

307. А. П. Чехов.— Известия, 1929, № 159.

308. В. В. Вересаев.— Лит. энциклопедия. Т. II. М., 1929.

309. ⟨Вступительная статья⟩.— В сб.: Чехов и его время. М. — Л., «Academia», 1929.

310. Кто является пролетарским писателем?— Красная новь, 1929, № 3.

311. Литературная критика.— Малая сов. энциклопедия. Т. IV. М., 1929.

312. Н. А. Добролюбов.— Малая сов. энциклопедия. Т. II. М., 1929.

313. О мещанстве.— На лит. посту, 1929, № 9.

314. О мутной воде.— Красная новь, 1929, № 5.

1930

315. А. В. Луначарский.— Известия, 1930.

316. В. Г. Белинский.— Лит. энциклопедия. Т. I. М., 1930.

317. В. Ф. Переверзев.— Без подп.— Малая сов. энциклопедия. Т. VI. М., 1930.

318. Г. В. Плеханов.— Малая сов. энциклопедия. Т. VI. М., 1930.

319. И. И. Садофьев.— Малая сов. энциклопедия. Т. VII. М., 1930.

320. Н. А. Добролюбов.— В кн.: Очерки по истории русской критики. Под ред. А. Луначарского и В. Полянского. Т. II.— См. № 429.

321. Н. А. Добролюбов.— Лит. энциклопедия. Т. III. М., 1930.

322. ⟨Предисловие⟩.— В кн.: Журналистика 60-х годов. М. — Л., 1930.

323. ⟨Предисловие⟩.— В кн.: Канатчиков С. Из истории моего бытия. М. — Л., 1930.

324. Пролетарская литература.— Малая сов. энциклопедия. Т. VI. М., 1930.

325. Серапионовы братья.— Малая сов. энциклопедия. Т. VII. М., 1930.

1931

326. Белинский и Добролюбов. М., изд. Ком. акад., 1931. 71 с.

327. Добролюбов в своих дневниках.— В кн.: Добролюбов Н. А. Дневники. М. — Л., 1931.

То же. Изд. 2-е. М.—Л., 1932.

328. Литературная критика.— Лит. энциклопедия. Т. V. М., 1931.

329. Наши задачи.— Литература и марксизм, 1931, № 1.

330. Политический смысл литературной деятельности Н. А. Добролюбова.— Литература и марксизм, 1931, №№ 5 и 6.

1933

331. Н. А. Добролюбов. Мировоззрение и лит.-критич. деятельность. М. — Л. «Academia», 1933. 420 с.

332. А. В. Луначарский.— Испанская пед. энциклопедия. 1933.

1934

333. А. Богданов.— В кн.: Богданов А. Избранные стихи. М., 1934.

334. А. П. Чехов.— Известия, 1934, № 163.

335. Два поэта. (К 120-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова и 125-летию со дня рождения А. В. Кольцова).— Известия, 1934, № 241.

336. К биографии Л. Н. Толстого (1901—1902 гг.)— Красный архив, 1934, т. II.

337. Чернышевский. Биогр. очерк.— Большая сов. энциклопедия. Т. 64. М., 1934.

338. Чернышевский — литературовед и писатель.— Большая сов. энциклопедия. Т. 64. М., 1934.

1935

339. В. В. Вересаев.— В кн.: Вересаев В. Избранное. М., 1935.

340. Н. А. Добролюбов.— В кн.: Добролюбов Н. А. Литературно-критические статьи. М., 1935.

341. Н. А. Добролюбов.— Малая сов. энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1935.

342. С. Обрадович.— В кн.: Обрадович С. Избранные стихи. М., 1935.

343. Щедрин — революционный демократ.— В кн.: Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Т. X. Л., 1935.

1936

344. Н. А. Добролюбов. Мировоззрение и лит.-критич. деятельность. М., Гослитиздат, 1936. 345 с.

345. В. Г. Белинский.— В кн.: Белинский В. Г. Литературно-критические статьи. М., 1936.

346. В. Г. Белинский.— В кн.: В. Г. Белинский. М., 1936.

347. В. Г. Белинский.— Большевик, 1936, № 12.

348. В. Г. Белинский.— Воронежская коммуна, 1936, № 134.

349. В. Г. Белинский.— DZZ ⟨Московская немец. газ.⟩, 1936.

350. В. Г. Белинский.— Крестьянская газета, 1936, № 81.

351. В. Г. Белинский.— Лит. газета, 1936, № 133.

352. В. Г. Белинский.— MDN ⟨Московская англ. газета⟩, 1936.

353. В. Г. Короленко.— Дер Эмес, 1936, № 294.

354. В. Г. Короленко.— Ленингр. правда, 1936, № 295.

355. Великий сын русского народа. ⟨Н. А. Добролюбов⟩.— Молот, Ростов н/Д., 1936, 5 II.

356. Добролюбов. (Биогр. справка).— Правда, 1936, № 35.

357. Добролюбов — историк русской литературы.— Лит. наследство, № 25—26, 1936.

358. Жизнь, творчество и историческая роль Н. А. Добролюбова.— Под знаменем марксизма, 1936, № 2—3.

359. Мировоззрение Добролюбова.— Большевистская печать, 1936, № 2.

360. Мировоззрение и литературно-критическая деятельность Н. А. Добролюбова.— В кн.: Н. А. Добролюбов. М., 1936.

361. Мировоззрение Н. А. Добролюбова.— Правда, 1936, № 35.

362. Н. А. Добролюбов.— Воронежская коммуна, 1936, 5 II.

363. Н. А. Добролюбов и его время.— Известия Акад. Наук СССР — ИОН, 1936, № 1—2.

364. Н. А. Добролюбов. (100-летие со дня рождения).— Соц. Кабардино-Балкария, 1936, 5 II.

365. Н. А. Добролюбов — обличитель темного царства.— Красная газета, 1936, № 29.

366. Н. А. Добролюбов — подлинный демократ.— Лит. газета, 1936, № 7.

367. Основы мировоззрения Н. А. Добролюбова.— В кн.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1936.

368. Певец декабризма. ⟨Пушкин⟩.— MDN ⟨Московская англ. газета⟩, 1936.

1937

369. Герцен в истории русской общественной мысли. (Доклад на торжеств. заседании Отд-ния обществ. наук Акад. Наук СССР). Рукопись. (1937 г.)

370. Горький. (Доклад на торжеств. заседании Акад. Наук СССР, посвящ. памяти А. М. Горького). Рукопись. (1937 г.)

371. Добролюбов и его политическая программа.— В кн.: Добролюбов Н. А. Сочинения. М., Гослитиздат, 1937.

372. Институт литературы (Пушкинский дом).— Вестник Акад. Наук СССР, 1937, № 10—11.

373. Н. В. Гоголь.— Дер Эмес, 1937, № 51.

374. Н. В. Гоголь.— Ленингр. правда, 1937, № 51.

375. Пушкин в истории русской общественной мысли.— Вестник Акад. Наук СССР, 1937, № 2—3.

376. Советское литературоведение за 20 лет.— Известия Акад. Наук СССР, Отд-ние обществ. наук, 1937, № 5.

1938

377. Три великих русских демократа (Белинский, Чернышевский, Добролюбов). М., Гослитиздат, 1938. 277 с.

378. В. Г. Белинский. ⟨Статья для «Истории рус. лит-ры», изд. Ин-том лит-ры (Пушкинский дом)⟩.

379. Историческое значение поэзии Н. А. Некрасова. (Доклад на торжеств. заседании Акад. Наук СССР, посвящ. памяти Некрасова). Рукопись. (1938 г.)

380. Н. Г. Чернышевский.— Известия, 1938, 23 VII.

1939

381. Н. Г. Чернышевский. (К 50-летию со дня смерти). М., Гослитиздат, 1939. 48 с.

382. Н. А. Добролюбов. ⟨Статья для «Истории рус. лит-ры», изд. Ин-том лит-ры (Пушкинский дом)⟩.

383. Н. Г. Чернышевский. ⟨Статья для «Истории рус. лит-ры», изд. Ин-том лит-ры (Пушкинский дом)⟩.

1942

384. М. Горький — борец против фашизма.— Вестник Акад. Наук СССР, 1942, № 7—8.

1943

385. Отзыв о докторской диссертации Л. А. Плоткина «Писарев и литературно-общественная борьба 60-х годов». Рукопись. (1943 г.) 1 авт. лист.

386. Русская культура и Запад. Рукопись. (1943 г.) $1^{1}/_{2}$ авт. листа.

387. Современные задачи советского литературоведения. (Доклад на сессии Отд-ния лит-ры и яз. Акад. Наук СССР). Рукопись. (1943 г.) 1 авт. лист.

1944

388. А. П. Чехов. ⟨Для заграничных изданий через Совинформбюро⟩.

389. А. П. Чехов в сознании русского общества. (Доклад на Отд-нии лит-ры и яз. Акад. Наук СССР).— Известия Акад. Наук СССР, Отд. лит-ры и яз., 1944, вып. 5.

390. В пушкинских местах. (Выступление по радио 7 IX 1944 г.) Рукопись.

391. Лирика наших дней. (Выступление в Колонном зале Дома Союзов в Москве 31 X 1944 г.) Рукопись.

392. О литературе. (Выступление по). Рукопись. (1944 г.)

1945

393. А. П. Чехов. На грани двух эпох.— Известия Акад. Наук СССР, Отд-ние лит-ры и яз., 1945, вып. 2.

394. Антон Павлович Чехов в сознании русского общества. К 40-летию со дня смерти.— В кн.: Общее собрание Акад. Наук СССР 14—17 окт. 1944 г. М.— Л., 1945.

395. В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность. М.— Л., 1945. 384 с. (Акад. Наук СССР). Работа над книгой закончена в 1941 г.

396. Великий баснописец Крылов. (Вступит. слово на сессии Отд-ния лит-ры и яз. Акад. Наук СССР 23 XI 1944 г.)— Известия Акад. Наук СССР, Отд-ние лит-ры и яз., 1945, вып. 1.

397. Взгляд А. В. Луначарского на художественную литературу. (Доклад на объединен. заседании Отд-ний лит-ры и яз. и истории и философии. 1945 г.)

398. Путь Белинского. Рукопись. (1945 г.)

1946

399. Ломоносов и русская литература. Читано для учащихся средних школ. М., «Молодая гвардия», 1946. 24 с. (Ломоносовские чтения).

400. Памяти академика А. В. Луначарского.— Известия Акад. Наук СССР, Отд-ние лит-ры и яз., 1946, вып. 2.

401. Русский студент.—Сов. студенчество, 1946, № 4—5.

402. А. П. Чехов. На грани двух эпох.— В сб.: Юбилейная сессия Акад. Наук СССР 15 июня —3 июля 1945 г. Т. II. М.— Л., 1947.

1947

403. Ломоносов и русская литература. М., Воен. изд., 1947. 32 с.

403а. В. Г. Белинский.—Последняя, оставшаяся незаконченной работа. Посмертную публикацию ее см. выше.

II. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

Периодические издания

404. «Вперед». Журнал идейной группы «Вперед». Женева, 1915—1917.
Редакция: А. Луначарский, В. Полянский.

405. «Вперед». Орган междунар. ком-та объединенных интернационалистов. Пг., 1917.
Редакция: Д. Мануильский, М. Урицкий, В. Полянский.

406. «Известия Акад. Наук СССР, Отд-ние лит-ры и яз.» 1940—1947.
П. И. Лебедев-Полянский входил в состав редакции.

407. «Красная звезда». Орган Реввоенсовета Южного фронта. 1919.
Глав. ред. П. Лебедев-Полянский.

408. «Литература и марксизм». М., 1928—1931.
Редакция: В. Фриче, П. Лебедев-Полянский и др. Под общей и глав. ред. П. Лебедева-Полянского.

409. «Литературное наследство». М., 1934—1948.
П. И. Лебедев-Полянский —глав. ред. издания.

410. «Московский понедельник». М., ГИЗ, 1922.
Ред. П. Лебедев-Полянский.

411. «Народное просвещение». Орган Гос. Комиссариата нар. просвещения. Пг., 1918.
Редакция: П. Лебедев-Полянский (председатель, глав. ред.), А. Луначарский, Н. Крупская и др.

412. «Новости». М., ГИЗ, 1922.
Ред. П. Лебедев-Полянский.

413. «Пролетарская культура». Орган Центр. ком-та Всеросс. Совета Пролеткульта М., 1918—1920.

Редакция: А. Богданов, Ф. Калинин, В. Керженцев, П. Лебедев-Полянский и др.

414. «Русский язык в советской школе». М., 1929—1931.

Под общей и глав. ред. П. И. Лебедева-Полянского.

415. «Творчество». Изд. Московского Совета. М., 1921—1922.

Редакция: Ангарский, П. Лебедев-Полянский, В. Фриче.

Энциклопедии и справочники

416. Большая советская энциклопедия. М., 1931—1948.

П. И. Лебедев-Полянский — член глав. редакции, зав. отделом лит-ры, языка и искусства.

417. Краткая советская энциклопедия. М., 1943—1944.

П. И. Лебедев-Полянский — член глав. редакции.

418. Литературная энциклопедия. М., 1929—1943.

П. И. Лебедев-Полянский — член глав. редакции, а затем глав. редактор.

419. Малая советская энциклопедия. <1-е и 2-е изд.>. М., 1928—1947.

П. И. Лебедев-Полянский — член глав. редакции, зав. отделом лит-ры, языка и искусства.

420. Серия справочников по зарубежным странам:

Соединенные Штаты Америки. М., 1942. Изд. 2-е. М., 1946. Страны Тихого океана. М., 1942. Британская империя. М., 1943. Страны Ближнего и Среднего Востока. М., 1944. Скандинавские страны. М., 1945. Балканские страны. М., 1946. Испания и Португалия. М., 1947.

Собрания сочинений писателей и отдельные книги

421. Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.— Л., «Academia», 1935. 568 с. (Лит. пособия. Под общ. ред. Вал. Полянского).

422. Балухатый С. Литературная работа М. Горького. М.— Л., «Academia», 1936. XXII, 521 с. (Литературоведение и лит. пособия. Под общ. ред. Вал. Полянского).

423. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.— Л., «Academia», 1931. VIII, 878 с. (Лит. пособия, под общ. ред. Вал. Полянского).

424. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6 томах. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., ГИХЛ, 1934—1939.

425. История русской литературы. Глав. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М.— Л., Акад. Наук СССР, 1941—1947.

426. Люксембург Р. Статьи о литературе. Под общ. ред. Вал. Полянского, М.— Л. «Academia», 1934.

427. Меринг Ф. Литературно-критические работы. В 2 томах. Под общ. ред. Вал. Полянского. М.— Л., «Academia», 1934.

428. Мопассан Г. де. Полн. собр. соч. Под общ. ред. Ю. Данилина и П. Лебедева-Полянского. М., Гослитиздат, 1939—1948.

429. Очерки по истории русской критики. Ред. А. Луначарский, В. Полянский. Тт. I и II. М.— Л., 1929—1931.

430. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Ред. ком-т: Максим Горький, С. М. Бонди... П. И. Лебедев-Полянский... <и др.> М.— Л., Акад. Наук СССР, 1937.

431. Рейсер С. А. Летопись жизни и творчества Н. А. Добролюбова. М.— Л., «Academia», 1936, XII, 466 с. (Лит. пособия. Под общ. ред. Вал. Полянского).

432. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Под ред. В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского... <и др.> М., ГИХЛ, 1933—1941.

433. Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М. — Л., Акад. Наук СССР, 1940—1941.

П. И. Лебедев-Полянский входит в состав редакции.

434. Чернышевская-Быстрова Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М.— Л., «Academia», 1934. 255 с. (Лит. пособия. Под общ. ред. Вал. Полянского).

435. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 томах. Под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского... <и др.>. М., Гослитиздат, 1939—1947.

436. Чулков Г. И. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.— Л. «Academia», 1933. 266 с. (Лит. пособия. Под общ. ред. Вал. Полянского).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

Отсылки даны на номера библиографического списка

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Составил Ю. Масанов

* В указатель включены личные имена, встречающиеся в тексте всех материалов, напечатанных в настоящем томе. Исключение составляет «Библиография литературных работ П. И. Лебедева-Полянского», имеющая специальный указатель имен. Не включены также имена переводчиков и издателей иностранных книг, описанных Л. Ланским в составе библиотеки Белинского. Цифры после имен указывают страницы тома.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛИНСКОГО В «МОЛВЕ», «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» И «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Публикации К. Богаевской, В. Жирмунского, Ю. Масанова, С. Машинского, Э. Найдича, М. Полякова, Н. Соколова и В. Спиридонова

О НЕКОТОРЫХ ТЕКСТАХ, ВХОДЯЩИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БЕЛИНСКОГО

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

БИБЛИОТЕКА БЕЛИНСКОГО

В ПАМЯТЬ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

В томе 184 иллюстрации и две вклейки

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18. Тел. К 3-46-68

Технический редактор Г. Н. Шевченко Корректор В. Г. Богословский

РИСО АН СССР № 3129. А 05459. Издательский № 1724. Сдано в набор 8/V 1948 г. Подписано к печати 19/VIII 1948 г. Формат бумаги 70×108[1]/16. Объем 40,5 печ. листов; 59,5 уч.-изд. листов. Зак. 781. Тир. 9000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10